И 235/208
Т4

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

слѣдующія изданія въ переводѣ съ датскаго А. и П. Ганзенъ.

I.

Избранныя сказки АНДЕРСЕНА

роскошное изданіе съ новыми иллюстраціями.

(Иллюстраціи будутъ изданы также отдѣльно отъ текста въ видѣ альбома).

II.

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ **ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.**

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ и другихъ продается:

НОВАЯ КНИГА

МАТЬ

Сказка АНДЕРСЕНА

на двадцати двухъ языкахъ.

Съ портретомъ автора, грав. на деревѣ. В. Матэ.

Рисунокъ обложки М. Далькевича.

СОДЕРЖАНІЕ: датскій подлинникъ. Переводы: русскій, малороссійскій, польскій, чешскій, словацкій, сербскій, исландскій, шведскій, нѣмецкій, нижне-германскій, голландскій, англійскій, французскій, испанскій, итальянскій, ново-греческій, армянскій, финскій, мадьярскій, татарскій, древне-еврейскій.

Цѣна изданія **1 р.** Съ пересылкою **1 р. 25 к.** Выписывающіе отъ издателя (Петра Готфридовича Ганзена, С.-Петербургъ, Ново-Исаакіевская, Электро-техническій институтъ) за пересылку не платятъ.

Переплетнымъ заведеніемъ К. Грибовскаго (Спб., Б. Подъяческая, 39) изготовлены на всѣ 4 тома **«Собранія сочиненій Андерсена»** крышки изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ изящнымъ тисненіемъ золотомъ и красками. Цѣна отдѣльной крышки **35** коп., съ пересылкою **60** к. Цѣна за переплетъ каждаго тома **50** коп. Такія же крышки съ кожанымъ корешкомъ на **25** коп. дороже.—Изготовлены также коленкоровыя крышки для книги **«Мать»**. Цѣна отдѣльной крышки **35** коп., съ пересылкою **60** коп. Цѣна книги въ переплетѣ **1** р. **50** к., съ перес. **1** р. **75** к. За кожаный корешокъ прибавляется **25** коп. Выписывающіе изъ Азіатской Россіи уплачиваютъ за переплетенный экземпляръ книги **1** р. **50** коп. и перес. за **2** фунта.

И 235/208

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АНДЕРСЕНА

ВЪ 4-ХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ съ датскаго подлинника

А. и П. ГАНЗЕНЪ.

Съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ **Андерсена**, гравированныхъ на деревѣ *В. В. Матэ.*

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возраста тѣхъ же учебныхъ заведеній.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Сказка моей жизни. Приложеніе къ Сказкѣ моей жизни (1855-1867 г.). Изъ переписки Андерсена съ его друзьями и выдающимися современниками. Андерсенъ и семья Коллинъ. Замѣтки для характеристики Андерсена. Библіографическія свѣдѣнія. Къ читателямъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія и переплетная С. М. Николаева. В. О., 3 л., № 40.
1895.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
44167-44
2020075175

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	200 г. 10
	1	т. 4			2	Д	5/12	

12 x 18

H. C. Andersen

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ всепреданнѣйше посвящаютъ

А. и П. Ганзенъ.

СКАЗКА МОЕЙ ЖИЗНИ. ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ СКАЗКѢ МОЕЙ ЖИЗНИ (1855-67). ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ АНДЕРСЕНА СЪ ЕГО ДРУЗЬЯМИ И ВЫДАЮЩИМИСЯ СОВРЕМЕННИКАМИ. АНДЕРСЕНЪ И СЕМЬЯ КОЛЛИНЪ. ЗАМѢТКИ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНДЕРСЕНА. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ. КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

СКАЗКА МОЕЙ ЖИЗНИ.

„Вотъ сказка моей жизни. Разсказалъ я ее здѣсь откровенно и чистосердечно, какъ бы въ кружкѣ близкихъ друзей.“ *)

Жизнь моя настоящая сказка, богатая событіями, прекрасная! Если бы въ ту пору, когда я бѣднымъ безпомощнымъ ребенкомъ пустился по бѣлу-свѣту, меня встрѣтила на пути могущественная фея и сказала мнѣ: «Избери себѣ путь и цѣль жизни, и я, согласно съ твоими дарованіями и по мѣрѣ разумной возможности, буду охранять и направлять тебя!»—и тогда жизнь моя не сложилась бы лучше, счастливѣе, разумнѣе. Исторія моей жизни скажетъ всѣмъ людямъ то же, что говоритъ мнѣ: Господь Богъ все направляетъ къ лучшему.

Въ 1805 г. въ г. Одензе, въ бѣдной каморкѣ проживала молодая чета—мужъ и жена, безконечно любившіе другъ друга. Это былъ молодой двадцати-двухлѣтній башмачникъ, богато одаренная поэтическая натура, и его жена, нѣсколькими годами старше, не знающая ни жизни, ни свѣта, но съ рѣдкимъ сердцемъ. Мужъ только недавно вышелъ въ мастера и собственными руками сколотилъ всю обстановку своей мастерской и брачную кровать. На эту кровать пошелъ деревянный помостъ, на которомъ незадолго передъ тѣмъ стоялъ во время печальной церемоніи гробъ съ останками графа Трампе. Уцѣлѣвшія на доскахъ кровати полосы чернаго сукна еще напоминали о прежнемъ ихъ назначеніи, но вмѣсто графскаго тѣла, окутаннаго крепомъ и окруженнаго горящими свѣчами въ подсвѣчникахъ, на этой постели лежалъ 2 апрѣля 1805 г. живой плачущій ребенокъ, я—Гансъ Христіанъ Андерсенъ.

Отецъ мой просиживалъ первое время возлѣ постели матери цѣлые дни и читалъ ей вслухъ комедіи Гольберга, а я въ это время кричалъ благимъ матомъ. «Да усни же или хоть полежи смирно, да послушай!» въ шутку обращался ко мнѣ отецъ, но я и ухомъ не велъ и долго оставался такимъ неугомоннымъ крикуномъ. Такимъ же заявилъ я себя и въ церкви во время крещенія, такъ что священникъ, вообще аттестуемый моею матерью пресердитымъ господиномъ, сказалъ: «Мальчишка оретъ, какъ котъ!» Этихъ

*) Этими словами, поставленными нами эпиграфомъ, А. кончаетъ свою автобіографію. *Примѣч. перев.*

словъ матушка не забыла ему всю жизнь! Бѣднякъ, французскій эмигрантъ Гомаръ, бывшій моимъ крестнымъ отцомъ, утѣшалъ матушку, говоря, что чѣмъ громче я кричу ребенкомъ, тѣмъ лучше буду пѣть, когда выросту.

Дѣтство мое протекло въ маленькой каморкѣ, заставленной разными верстаками, инструментами и приспособленіями для башмачнаго ремесла, кроватью и раздвижной скамьей, служившей мнѣ кроватью. Да, тѣсно у насъ было! Зато всѣ стѣны были увѣшаны картинками, на сундукѣ стояли росписныя фарфоровыя чашки, стаканы и разныя бездѣлушки, а надъ верстакомъ у окна висѣла полка съ книгами. Въ крошечной кухонкѣ стоялъ шкафъ, а надъ нимъ находилась полка, на которой красовалась оловянная посуда. И это-то тѣсное помѣщенье казалось мнѣ тогда большимъ и роскошнымъ, а дверь съ намалеваннымъ на ней ландшафтомъ имѣла въ моихъ глазахъ такое же значеніе, какъ теперь цѣлая картинная галлерея.

Изъ кухни былъ ходъ на чердакъ; подъ окномъ чердака на водосточномъ жолобѣ, проходившемъ между нашимъ и сосѣднимъ домомъ, стоялъ ящикъ, набитый землей; въ немъ росли лукъ и петрушка; это былъ огородъ моей матери. Онъ и теперь еще цвѣтетъ въ моей сказкѣ «*Снѣжная королева*».

Я росъ единственнымъ, а потому балованнымъ ребенкомъ. Зато мнѣ часто и приходилось выслушивать отъ моей матери напоминанія о томъ, какой я счастливый ребенокъ: мнѣ жилось куда лучше, чѣмъ жилось въ дѣтствѣ ей самой; мнѣ-то жилось, что твоему графчику, а ее, когда она была маленькой, родители выгоняли изъ дому просить милостыню; она не могла рѣшиться на это и цѣлые дни просиживала въ слезахъ подъ мостомъ у рѣки. Я живо рисовалъ себѣ эту картину и заливался горькими слезами. Старая Доменика въ «*Импровизаторѣ*» и мать скрипача въ романѣ «*Только скрипачъ*»—два типа, въ которыхъ я старался изобразить свою мать.

Отецъ мой, Гансъ Андерсенъ, предоставлялъ мнѣ во всемъ полную свободу; я былъ для него всѣмъ въ жизни, онъ жилъ только для меня! Все свое свободное время онъ посвящалъ мнѣ—дѣлалъ мнѣ игрушки, рисовалъ картинки, а по вечерамъ часто читалъ намъ съ матерью басни Лафонтена, комедіи Гольберга, и «*Тысячу и одну ночь*». И только во время чтенія я замѣчалъ на его лицѣ улыбку,—въ жизни вообще и въ ремеслѣ ему не везло.

Родители его были зажиточными крестьянами, но вдругъ на нихъ посыпались несчастья одно за другимъ: началъ падать скотъ, сгорѣлъ домъ, а потомъ самъ отецъ помѣшался. Тогда мать переѣхала съ нимъ въ Одензе и помѣстила сына въ ученье къ башмачнику,—нужда заставила, а между тѣмъ способный мальчикъ сгоралъ желаніемъ поступить въ гимназію. Нѣсколько доброжелательныхъ гражданъ Одензе собирались было сдѣлать складчину и помочь ему пойти желаннымъ путемъ, но дѣло такъ на

однихъ разговорахъ и остановилось; бѣдному моему отцу пришлось отказаться отъ своей завѣтной мечты, и онъ не могъ примириться съ этимъ всю свою жизнь. Помню, ребенкомъ я разъ увидѣлъ на его глазахъ слезы: къ намъ зашелъ, чтобы заказать сапоги, одинъ гимназистъ и, разговорившись, показалъ отцу свои книги и сказалъ, чему онъ учится. «И мнѣ бы слѣдовало пойти по этой дорогѣ!» сказалъ мнѣ отецъ по уходѣ гимназиста, горячо поцѣловалъ меня и весь вечеръ былъ какъ-то особенно задумчивъ и тихъ.

Онъ рѣдко сходился съ товарищами по ремеслу; всѣ его родственники и знакомые приходили къ намъ, а самъ онъ больше сидѣлъ дома. Зимними вечерами онъ, какъ сказано, читалъ намъ вслухъ или мастерилъ для меня какую-нибудь игрушку, лѣтомъ же почти каждое воскресенье отправлялся со мною въ лѣсъ; во время прогулки онъ не бывалъ особенно разговорчивъ, мечтательно сидѣлъ себѣ гдѣ-нибудь подъ кустикомъ, я же бѣгалъ вокругъ, собиралъ землянику и нанизывалъ ее на соломинки или плелъ вѣнки. Матушка сопровождала насъ въ лѣсъ всего разъ въ годъ, въ маѣ, когда лѣсъ одѣвался первою зеленью. Это была ея ежегодная и единственная увеселительная прогулка, и она всегда для такого случая надѣвала свое парадное, коричневое съ цвѣточками, ситцевое платье. Только въ этотъ день, да еще идя къ причастію, она и надѣвала его, и я видѣлъ его на ней въ эти дни впродолженіи многихъ лѣтъ. Матушка всегда приносила съ собою съ прогулки массу свѣжихъ березовыхъ вѣтвей и затыкала ихъ за печку. Весело смотрѣла наша комнатка, убранная зеленью, украшенная картинками; матушка держала ее въ безукоризненной чистотѣ; бѣлыя, какъ снѣгъ, простыни и коротенькія оконныя занавѣси были ея гордостью.

Однимъ изъ первыхъ моихъ воспоминаній, само по себѣ неважное, но имѣющее для меня значеніе, благодаря той силѣ, съ какой оно запечатлѣлось въ моей дѣтской душѣ, является воспоминаніе о пирушкѣ и, какъ бы вы думали—гдѣ? Въ Одензе есть зданіе, на которое я всегда взиралъ съ такою же жуткою боязнью, съ какою, полагаю, смотрѣли парижскіе мальчики на Бастилію—смирительный домъ. Родители мои вели знакомство съ привратникомъ этого дома, вотъ онъ разъ и пригласилъ ихъ на какой-то семейный праздникъ. Меня тоже взяли въ гости, а я тогда былъ еще такъ малъ, что домой меня, какъ увидите послѣ, пришлось нести на рукахъ. Смирительный домъ былъ для меня въ тѣ времена обиталищемъ сказочныхъ воровъ и разбойниковъ, и я частенько стоялъ передъ нимъ, на почтительномъ, конечно, разстояніи, прислушиваясь къ пѣнію мужчинъ и женщинъ и стуку ткацкихъ станковъ.

Вотъ мы и стояли передъ этимъ домомъ; огромныя желѣзныя ворота открылись и закрылись опять; съ визгомъ повернулся ржавый ключъ въ замкѣ, и мы стали подниматься вверхъ по крутой лѣстницѣ. Угощали насъ

въ гостяхъ на славу, но за столомъ прислуживали два арестанта, и я не могъ притронуться ни къ чему, даже лакомства отталкивалъ прочь. Матушка сказала, что я, вѣрно, боленъ, и меня уложили въ постель. Въ ушахъ у меня все продолжали раздаваться пѣсни арестантовъ и стукъ челноковъ. Было-ли это въ дѣйствительности или только чудилось мнѣ, я не знаю, но знаю, что мнѣ было и жутко и пріятно; я какъ будто попалъ въ сказочный разбойничій замокъ. Поздно вечеромъ отправились мы домой; меня несли на рукахъ. Погода была холодная, дождь такъ и хлесталъ мнѣ въ лицо.

Самый городъ Одензе былъ въ пору моего ранняго дѣтства совсѣмъ не похожъ на нынѣшній, опередившій Копенгагенъ газовымъ освѣщеніемъ, водопроводами и еще Богъ вѣсть чѣмъ. Въ то время жители Одензе отставали отъ столичныхъ во всемъ чуть-ли не на сто лѣтъ. У насъ еще держалась масса разныхъ обычаевъ, которые давнымъ давно повывелись въ столицѣ. Когда цеховыя учрежденія перемѣщали свои вывѣски, всѣ мастера и подмастерья шли въ процессіи съ развѣвающимися знаменами, съ лимонами, вздѣтыми на мечи, украшенные лентами и проч. Впереди бѣжалъ, выкидывая разныя штуки, увѣшанный бубенчиками арлекинъ. Одинъ изъ этихъ забавниковъ, Гансъ Стру, пользовался особеннымъ успѣхомъ за свои выходки и лицо, все вымазанное сажей за исключеніемъ носа, сохранявшаго свой обыкновенный красно-багровый цвѣтъ. Матушка была отъ Ганса Стру въ такомъ восторгѣ, что пыталась даже откопать какія-то родственныя связи съ нимъ хотя бы и самыя дальнія. Я же, какъ теперь помню, горячо возставалъ противъ родственника «шута».

Въ понедѣльникъ на масляницѣ мясники водили по улицамъ жирнаго разубраннаго цвѣтами быка, на которомъ возсѣдалъ верхомъ мальчикъ въ бѣлой рубашкѣ и съ крылышками за плечами. Всю масляницу гуляли также по улицамъ матросы съ музыкой и флагами; гулянье заканчивалось обыкновенно борьбой двухъ забубенныхъ молодцовъ на доскѣ, перекинутой съ одной лодки на другую; кому удавалось удержаться на доскѣ, тотъ и считался побѣдителемъ. Особенно же ярко запечатлѣлось у меня въ памяти пребываніе въ 1808 г. въ Одензе испанскихъ солдатъ. Данія заключила союзъ съ Наполеономъ, Швеція же объявила ему войну, и прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ опомниться, французскія и вспомогательныя испанскія войска наводнили всю Фіонію, откуда намѣревались подъ начальствомъ маршала Бернадотта переправиться въ Швецію. Мнѣ тогда было всего три года, но я такъ живо помню этихъ смуглыхъ людей, шумѣвшихъ на улицахъ, пушки, разставленныя на площади и передъ домомъ епископа. Я видѣлъ, какъ эти чужеземные солдаты валялись по тротуарамъ улицъ и на разостланной соломѣ внутри полуразрушеннаго монастыря «Сѣрыхъ братьевъ». Замокъ Кольдингъ сгорѣлъ, и маршалъ Бернадоттъ прибылъ въ Одензе, гдѣ находились его супруга и сынъ Оскаръ. По всей

странѣ школы были превращены въ сторожевые пикеты; подъ сѣнью деревьевъ на полѣ и у дорогъ служились обѣдни. О французскихъ солдатахъ всѣ отзывались нехорошо,—заносчивые, грубые; испанскихъ, напротивъ, называли людьми добродушными и ласковыми; тѣ и другіе относились другъ къ другу враждебно; наши симпатіи были на сторонѣ бѣдныхъ испанцевъ.—Однажды одинъ солдатъ-испанецъ взялъ меня на руки и далъ мнѣ поцѣловать серебряный образокъ, висѣвшій у него на шеѣ. Я помню, какъ разсердилась на него матушка за такую «католическую штуку»,—какъ она выразилась. Мнѣ же и образокъ и самъ солдатъ очень понравились. Онъ плясалъ со мной, цѣловалъ меня и плакалъ,—вѣрно, у него самого остались на родинѣ дѣти. Потомъ я видѣлъ, какъ одного изъ его товарищей вели на казнь: онъ убилъ солдата-француза. Много лѣтъ спустя, я вспомнилъ объ этомъ и написалъ стихотвореніе «*Солдатъ*». Шамиссо перевелъ его на нѣмецкій языкъ, и оно сдѣлалось весьма популярной пѣсңью, которая даже вошла въ сборникъ солдатскихъ пѣсенъ, какъ оригинальная нѣмецкая.

Такъ же живо, какъ испанцевъ, помню я событіе, случившееся когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, появленіе кометы въ 1811 г. Матушка сказала мнѣ, что комета столкнется съ землею и разобьетъ ее въ дребезги, или что случится какая-нибудь другая ужасная вещь, о какихъ говорится въ пророчествахъ Сивиллы. Я прислушивался ко всѣмъ суевѣрнымъ разговорамъ вокругъ, и суевѣріе пустило въ моей душѣ такіе же крѣпкіе корни, какъ и настоящая вѣра. Смотрѣть комету мы съ матушкой и нѣсколькими сосѣдками вышли на площадь передъ кладбищемъ св. Кнуда. На небѣ сіяло страшное огненное ядро кометы съ большимъ сіяющимъ хвостомъ, и всѣ говорили о дурномъ предзнаменованіи и о свѣтопреставленіи. Къ намъ присоединился отецъ; онъ оказался совсѣмъ иного мнѣнія о кометѣ и, вѣроятно, далъ какое-нибудь разумное истолкованіе ея появленія, но матушка завздыхала, а сосѣдки принялись качать головами; отецъ засмѣялся и ушелъ. Мнѣ стало страшно за него: онъ не раздѣлялъ нашихъ вѣрованій! Вечеромъ матушка разговаривала о кометѣ со старухой-бабушкой; не знаю, какъ истолковывала появленіе кометы бабушка, но знаю, что я, сидя у нея на колѣняхъ и глядя въ ея ласковые глаза, съ минуты на минуту ждалъ, что вотъ-вотъ комета ударится объ землю, и наступитъ свѣтопреставленіе.

Бабушка забѣгала къ намъ каждый день хоть на минутку, чтобы поглядѣть на своего любимца-внучка Ганса-Христіана. Она была худощавая тихая и кроткая старушка съ голубыми глазами. Тяжелая выпала ей въ жизни доля. Когда-то она была женой богатаго крестьянина, жила въ довольствѣ, а теперь еле перебивалась, живя со своимъ слабоумнымъ мужемъ въ крошечномъ домикѣ, купленномъ на послѣдніе остатки ихъ состоянія. И все-же я никогда не видѣлъ, чтобы бабушка плакала; зато тѣмъ тяжелѣе отзывались у меня въ сердцѣ ея тихіе скорбные вздохи и разсказы о ея ба-

бушкѣ съ материнской стороны. Та была уроженкой большого нѣмецкаго города Касселя и принадлежала къ богатому благородному семейству, да вышла замужъ за «комедіанта» и бросила ради него и родныхъ и родину. Я никогда не слыхалъ отъ бабушки фамиліи этой дамы, но сама-то бабушка носила въ дѣвицахъ фамилію Номмесенъ. Старушкѣ былъ порученъ уходъ за садикомъ при городскомъ госпиталѣ, и она всегда приносила мнѣ оттуда по субботамъ букетикъ цвѣтовъ; цвѣты украшали нашъ сундукъ и считались моими; мнѣ позволялось самому ставить ихъ въ стаканъ съ водою; то-то была радость! Бабушка вообще часто приносила мнѣ что-нибудь, баловала меня, любила безъ памяти,—я зналъ это, чувствовалъ.

Два раза въ годъ бабушка жгла сухіе листья и другой соръ изъ сада; жгла она ихъ въ большой госпитальной печи. Эти дни я почти всегда проводилъ подлѣ бабушки, валялся въ кучахъ сухой зелени и гороховыхъ стеблей, игралъ съ цвѣтами и—чему придавалъ наибольшую цѣну—получалъ обѣдъ куда, какъ мнѣ казалось, вкуснѣе домашняго. Тихіе слабоумные, содержавшіеся въ госпиталѣ, разгуливали на свободѣ по двору и по саду, и я съ трепетнымъ любопытствомъ прислушивался къ ихъ рѣчамъ и пѣнію, а часто даже отваживался пойти за ними въ садъ. Случалось, что я забирался въ сопровожденіи сторожей и во внутрь зданія, гдѣ содержались буйные помѣшанные. Двери отдѣльныхъ келій выходили въ длинный корридоръ; вотъ въ корридорѣ-то я разъ и сидѣлъ на корточкахъ, поглядывая въ дверную щелочку одной изъ келій. Въ ней на кучѣ соломы сидѣла голая женщина съ длинными распущенными волосами и пѣла. Голосъ былъ чудный! Вдругъ она вскочила и съ визгомъ кинулась къ двери, передъ которой я сидѣлъ. Сторожъ куда-то ушелъ, я былъ одинъ. Она съ такой силой ударила въ дверь, что маленькая форточка въ двери, черезъ которую безумной подавали обѣдъ, распахнулась; женщина выглянула въ нее, увидала меня и протянула руки, чтобы схватить меня. Я въ ужасѣ закричалъ и прижался къ полу. Никогда не изгладилось изъ моей души воспоминаніе о томъ ужасѣ, который я испыталъ, чувствуя прикосновеніе ея пальцевъ къ моей одеждѣ. Когда вернулся сторожъ, онъ нашелъ меня полумертвымъ отъ страха.

Недалеко отъ пивоварни, гдѣ въ печкѣ жгли сухія листья и прочій соръ, была мастерская для бѣдныхъ старухъ, занимавшихся пряжей. Я часто заходилъ туда и скоро сдѣлался любимцемъ старухъ за свое краснорѣчіе, служившее, однако, по ихъ мнѣнію, вѣрной примѣтой моей недолговѣчности. «Такой умный ребенокъ не заживется на свѣтѣ!» говорили онѣ, и это мнѣ очень льстило. Я какъ-то случайно слышалъ о томъ, какъ точно знаютъ доктора внутреннее устройство человѣка, слышалъ, что у насъ внутри есть сердце, легкія, кишки, и мнѣ было довольно, чтобы немедленно прочесть по этому поводу моимъ старухамъ цѣлую лекцію. Я смѣло

начертилъ мѣломъ на двери какіе-то вавилоны, которые должны были изображать внутренности, и сталъ нести что-то о сердцѣ и о почкахъ. Все, что я говорилъ, производило на почтенное собраніе глубочайшее впечатлѣніе. Я прослылъ необыкновенно умнымъ ребенкомъ, и наградой за мою болтовню служили мнѣ со стороны старухъ сказки. Передо мною развернулся цѣлый сказочный міръ, не уступавшій по богатству тому, что рисуется намъ въ «*Тысячѣ и одной ночи*». Эти сказки и частыя столкновенія съ умалишенными до такой степени повліяли на меня, и безъ того уже зараженнаго суевѣріемъ, что я въ сумеркахъ едва осмѣливался высунуть носъ за порогъ дома. Обыкновенно мнѣ и позволяли ложиться въ постель, какъ только садилось солнышко, конечно, не на мою собственную кровать, на раскладной скамьѣ-сундукѣ,—тогда нельзя было бы повернуться въ комнатѣ—а на кровать родителей. Я лежалъ тамъ за ситцевымъ пологомъ, сквозь который просвѣчивалъ огонь свѣчки, слышалъ все, что творилось въ комнатѣ и въ то же время такъ уходилъ въ собственный внутренній міръ грезъ и фантазій, что внѣшній какъ будто совсѣмъ переставалъ существовать для меня. «Чудесный мальчуганъ! Лежитъ себѣ смирнехонько!» говаривала матушка. «Никому-то не мѣшаетъ, да и самъ бѣды тамъ не натворитъ.»

Слабоумнаго дѣдушки я страхъ какъ боялся; онъ говорилъ со мною всего одинъ разъ и очень удивилъ меня своимъ обращеніемъ ко мнѣ на «вы». Онъ вырѣзывалъ изъ дерева разныя причудливыя фигурки: людей съ звѣриными головами, животныхъ съ крыльями и диковинныхъ птицъ, укладывалъ ихъ въ корзинку и ходилъ по окрестностямъ, раздаривая игрушки деревенскимъ дѣтямъ и женщинамъ. Эти въ свою очередь угощали его и отдаривали крупой, ветчиной и пр. Разъ, когда онъ только что вернулся съ такой прогулки въ городъ, я услышалъ, какъ глумились надъ нимъ бѣжавшіе за нимъ толпою уличные мальчишки. Я въ ужасѣ забился подъ лѣстницу и сидѣлъ тамъ пока они не пробѣжали мимо. Я зналъ, что былъ плотью отъ плоти и кровью отъ крови этого слабоумнаго.

Я почти никогда не сходился съ своими сверстниками и даже не принималъ участія въ играхъ школьниковъ во время перемѣнъ, оставаясь въ классной. Дома у меня въ игрушкахъ недостатка не было. Чего чего ни надѣлалъ мнѣ отецъ! Были у меня и картинки съ превращеніями, и двигающіяся мельницы, и панорамы, и кивающія головами куклы. Любимѣйшей моей игрой было шить моимъ кукламъ наряды или сидѣть во дворѣ подъ единственнымъ кустомъ крыжовника, который съ помощью передника матушки, повѣшеннаго на метлу, изображалъ мою палатку, убѣжище въ солнце и въ дождь. Тамъ я сидѣлъ и смотрѣлъ на листья крыжовника, которые росли и развивались день за день на моихъ глазахъ—маленькія зелененькія почки становились подъ конецъ большими сухими желтыми листьями и опадали. Вообще я былъ большимъ мечтателемъ и, гуляя, часто даже за-

крывалъ глаза. Подъ конецъ всѣ стали думать, что у меня слабое зрѣніе, а какъ разъ наоборотъ, оно всегда было у меня очень острое.

Азбукѣ, складамъ и чтенію я учился въ школѣ, которую содержала одна «ученая» старуха. Она обыкновенно сидѣла на креслѣ подъ часами, которые во время боя показывали разныя фигуры и кунштюки. Подъ руками у нея всегда лежали розги, частенько таки разгуливавшія по плечамъ дѣтей, между которыми преобладали маленькія дѣвочки. Обученье велось по старинному: всѣ мы заразъ громко и нараспѣвъ твердили склады. Меня учительница сѣчь не смѣла,—съ такимъ уговоромъ отдала меня въ школу матушка, и когда разъ мнѣ всетаки попало, я сейчасъ же собралъ свои книги и, не говоря ни слова, ушелъ домой къ матери. Пожаловавшись ей, я потребовалъ, чтобы меня отдали въ другую школу, что и было исполнено. Матушка помѣстила меня въ «школу для мальчиковъ» господина Карстенса, въ которой, однако, находилась и одна дѣвочка, совсѣмъ маленькая, хотя всетаки постарше меня. Мы съ ней живо сдружились. Она постоянно говорила о полезномъ и необходимомъ, о томъ, что надо поступить на хорошее мѣсто и что ходитъ въ школу она главнымъ образомъ для того, чтобы научиться хорошенько считать. Мать сказала ей, что тогда она можетъ попасть въ экономки на большую ферму. «Я возьму тебя къ себѣ въ свой замокъ, когда сдѣлаюсь вельможей!» сказалъ ей въ отвѣтъ на это я, но она засмѣялась и напомнила мнѣ, что я бѣдный мальчикъ. Разъ я нарисовалъ что-то вродѣ замка, назвалъ его своимъ замкомъ и сталъ увѣрять свою подругу, что меня подмѣнили малюткой, что я знатный ребенокъ, и что ко мнѣ часто являются даже сами ангелы Божіи и разговариваютъ со мной. Я хотѣлъ поразить и ее, какъ поражалъ старухъ въ госпиталѣ, но на нее мои разсказы подѣйствовали совсѣмъ иначе. Она вытаращилась на меня, а потомъ сказала другимъ мальчикамъ, стоявшимъ возлѣ: «И у него голова не въ порядкѣ, какъ у его дѣдушки!» У меня даже мурашки по спинѣ забѣгали. Я-то старался, разсказывалъ, желая прослыть въ ихъ мнѣніи чѣмъ то необыкновеннымъ, а вышло, что меня сочли за помѣшаннаго, какъ мой дѣдъ! Съ тѣхъ поръ я и не заговаривалъ съ дѣвочкой ни о чемъ подобномъ; впрочемъ, мы съ тѣхъ поръ и перестали быть такими друзьями, какъ прежде. Я былъ въ школѣ самымъ младшимъ, поэтому, когда другіе мальчики играли, учитель, господинъ Карстенсъ, водилъ меня по двору за руку, чтобы меня не сбили съ ногъ. Онъ очень любилъ меня, часто угощалъ пирожнымъ, ласкалъ, дарилъ мнѣ цвѣты и разъ даже простилъ ради меня провинившагося ученика. Одинъ изъ большихъ мальчиковъ не зналъ урока и былъ за это поставленъ съ книгой на столъ, вокругъ котораго сидѣли мы всѣ; я былъ неутѣшенъ, мнѣ было жаль наказаннаго, и учитель помиловалъ его. Милый добрый мой учитель сдѣлался впослѣдствіи начальникомъ телеграфной станціи въ Торсенгѣ. Онъ былъ еще живъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и

мнѣ разсказывали, что старикъ часто говаривалъ посѣтителямъ: «Да, да, вы, пожалуй, не повѣрите, что я, бѣдный старикъ, былъ первымъ учителемъ одного изъ нашихъ популярнѣйшихъ писателей! У меня въ школѣ учился Гансъ Христіанъ Андерсенъ!»

Осенью матушка иногда ходила по полямъ и, какъ библейская Руфь, собирала оставшіеся послѣ жатвы колосья. Я обыкновенно сопутствовалъ ей. Разъ мы забрели въ поле барскаго имѣнія, гдѣ былъ очень злой и жестокій управляющій. Вдругъ мы увидали его съ огромнымъ кнутомъ въ рукахъ! Матушка и всѣ другія бросились бѣжать, я тоже, но скоро потерялъ съ голыхъ ногъ деревянные башмаки, сухіе жесткіе ожинки стали колоть мнѣ ноги, и я отсталъ отъ другихъ. Управляющій уже замахнулся на меня кнутомъ, но я взглянулъ ему прямо въ глаза и невольно сказалъ: «Какъ-же ты смѣешь бить меня,—вѣдь, Господь видитъ тебя!» И суровый человѣкъ сразу смягчился, потрепалъ меня по щекѣ, спросилъ, какъ меня зовутъ и далъ мнѣ денегъ. Я показалъ ихъ матушкѣ, и она сказала другимъ: «Что за ребенокъ мой Гансъ-Христіанъ! Всѣ-то его любятъ, даже злой управляющій даетъ ему денегъ!»

Я росъ благочестивымъ и суевѣрнымъ ребенкомъ; о нуждѣ я не имѣлъ и понятія, хотя мои родители и перебивались, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ; мнѣ же казалось, что мы живемъ въ полномъ достаткѣ. Даже одѣвали меня хорошо. Какая-то старуха постоянно перешивала для меня старое платье моего отца; три-четыре шелковыхъ лоскутка, хранившихся у матери, служили мнѣ жилетами,—ихъ скрещивали на груди и закалывали булавкой— на шею надѣвался еще большой шарфъ, завязывавшійся огромнымъ бантомъ; голова, лицо и руки всегда были чисто вымыты съ мыломъ, а волосы расчесаны съ проборомъ,—щеголь да и только! Такимъ щеголемъ пошелъ я съ родителями и въ театръ—въ первый разъ въ жизни. Въ Одензе тогда уже былъ благоустроенный театръ. Первыя представленія, которыя удалось мнѣ видѣть, давались на нѣмецкомъ языкѣ. Директоръ, по фамиліи Франкъ, ставилъ оперы и комедіи. Любимой пьесой мѣстной публики была *Дѣва Дуная*. Первая же видѣнная мною пьеса была комедія Гольберга *Мѣдникъ-политикъ*, передѣланная въ оперу. Судя по первому впечатлѣнію, которое произвела на меня переполненная зрительная зала, трудно было угадать, что во мнѣ сидитъ поэтъ. Родители разсказывали мнѣ впослѣдствіи, что я какъ вошелъ, такъ и воскликнулъ: «Ну! Будь у насъ столько боченковъ масла, сколько тутъ людей—то-то я поѣлъ бы!» Тѣмъ не менѣе театръ скоро сдѣлался моимъ излюбленнымъ мѣстомъ, но такъ какъ попадать туда мнѣ удавалось всего разъ-другой въ зиму, то я и свелъ дружбу съ разносчикомъ афишъ Петромъ Юнкеръ, и онъ ежедневно дарилъ мнѣ по афишѣ съ тѣмъ, чтобы я разнесъ за него по нашему кварталу часть остальныхъ; я выполнялъ условіе добросовѣстно. И вотъ за невозможностью

попасть въ театръ, я сидѣлъ дома въ углу съ афишей въ рукахъ и, читая заглавіе пьесы и имена дѣйствующихъ лицъ, придумывалъ самъ цѣлыя комедіи. Это были мои первыя еще безсознательныя попытки творчества.

Отецъ читалъ намъ вслухъ не только комедіи и разсказы, но и историческія книги и библію. Онъ глубоко вдумывался въ то, что читалъ, но когда заговаривалъ объ этомъ съ матушкой, оказывалось, что она не понимала его; оттого онъ съ годами все больше и больше замыкался въ себѣ. Однажды онъ раскрылъ библію и сказалъ: «Да, Іисусъ Христосъ былъ тоже человѣкъ, какъ и мы, но человѣкъ—необыкновенный!» Мать пришла отъ его словъ въ ужасъ и залилась слезами. Я тоже перепугался и сталъ просить у Бога прощенья моему отцу за такое богохульство.

«Нѣтъ никакого дьявола, кромѣ того, котораго мы носимъ въ своемъ сердцѣ!» говаривалъ также мой отецъ, и меня всякій разъ охватывалъ страхъ за его душу. Однажды утромъ на рукѣ у отца оказались три глубокія царапины; онъ, вѣроятно, задѣлъ во снѣ рукой за какой-нибудь гвоздикъ въ кровати, но я вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе матери и сосѣдокъ, увѣрявшихъ, что это царапнулъ отца ночью дьяволъ, чтобы убѣдить его въ своемъ существованіи. Отецъ вообще мало съ кѣмъ знался и почти все свободное время проводилъ или одинъ, или со мною въ лѣсу. Завѣтной мечтой его было жить за городомъ, и вотъ мечта эта чуть было не сбылась. Въ одно барское помѣстье потребовался башмачникъ; для житья ему отводился въ ближней деревенькѣ домикъ съ садикомъ и небольшимъ пастбищемъ для коровы. Даровое помѣщенье и постоянный вѣрный заработокъ,—да можно-ли желать большаго счастья! И мать и отецъ только о немъ и мечтали! Отцу въ видѣ пробной работы заказали пару бальныхъ башмаковъ; помѣщица прислала ему шелковой матеріи, а кожу онъ долженъ былъ поставить самъ. Только этими башмаками мы всѣ трое и были заняты нѣсколько дней кряду. Я несказанно радовался, мечтая о будущемъ садикѣ съ цвѣтами, съ кустиками, подъ которыми я буду сидѣть и слушать кукушку, и горячо молилъ Бога исполнить это наше завѣтное желаніе. Наконецъ, башмачки были готовы, мы смотрѣли на нихъ съ какимъ-то благоговѣніемъ,—отъ нихъ, вѣдь, зависѣло все наше будущее. Отецъ завернулъ ихъ въ платокъ и ушелъ. Мы все сидѣли и ждали, что вотъ-вотъ онъ придетъ сіяющій, внѣ себя отъ радости, и дождались—блѣднаго, внѣ себя отъ гнѣва! Барыня даже не примѣрила башмаковъ, только взглянула на нихъ и объявила, что отецъ испортилъ шелковую матерію и что его нельзя принять на мѣсто. «Ну, если пропала ваша матерія, то пусть пропадетъ и моя кожа!» сказалъ отецъ, вынулъ ножикъ и тутъ же отрѣзалъ подошвы! Такъ ничего и не вышло изъ нашихъ надеждъ поселиться въ деревнѣ. Всѣ мы горько плакали, а между тѣмъ—казалось мнѣ—что бы стоило Богу исполнить наше желаніе! Но исполни Онъ его, я сдѣлался бы крестьяниномъ, и вся моя жизнь сложилась

бы иначе. Часто впослѣдствіи задавалъ я себѣ вопросъ: неужели Богъ именно ради меня и не далъ сбыться завѣтному желанію моихъ родителей?

Отецъ сталъ еще чаще прежняго ходить въ лѣсъ,—онъ, видимо, не находилъ себѣ мѣста. Военныя событія въ Германіи поглощали все его вниманіе, и онъ жадно слѣдилъ за ними по газетамъ. Въ Наполеонѣ онъ видѣлъ своего героя; его быстрое возвышеніе казалось ему прекраснѣйшимъ примѣромъ для подражанія. Данія заключила союзъ съ Франціей; всюду только и рѣчи было, что о войнѣ, и мой отецъ рѣшился сдѣлаться солдатомъ, въ надеждѣ вернуться домой уже офицеромъ. Мать плакала, сосѣди пожимали плечами и твердили, что просто безуміе идти на смерть, когда въ этомъ нѣтъ никакой нужды. Солдатъ въ то время былъ какой-то паріей; только впослѣдствіи, во время войны съ возставшими герцогствами, взглядъ на него сталъ болѣе правильнымъ; люди поняли, что солдатъ—правая рука страны, держащая мечъ.

Въ то утро, когда партія солдатъ, къ которой принадлежалъ мой отецъ, выступала изъ города, я увидалъ отца веселымъ и разговорчивымъ, какъ никогда; онъ даже громко пѣлъ, но былъ сильно взволнованъ, — недаромъ онъ такъ порывисто поцѣловалъ меня на прощанье. Я лежалъ въ кори, лежалъ одинъ одинешенекъ; грохотали барабаны, и матушка вся въ слезахъ провожала отца за городскія ворота. Когда войска совсѣмъ ушли, ко мнѣ пришла бабушка, и, глядя на меня своими кроткими глазами, сказала, что я бы хорошо сдѣлалъ, если бы умеръ теперь, но что, конечно, Богъ все направляетъ къ лучшему. Да, это былъ первый скорбный день въ моей жизни.

Полкъ, въ который поступилъ отецъ, между тѣмъ не пошелъ дальше Голштиніи; былъ заключенъ миръ, всѣ добровольцы вернулись къ своимъ прежнимъ занятіямъ, и все какъ будто опять пошло по старому.

Я продолжалъ играть съ своими куклами и дѣтскимъ театромъ, разыгрывая цѣлыя комедіи—всегда на нѣмецкомъ языкѣ; я, вѣдь, только нѣмецкія комедіи и видѣлъ. Конечно, мой нѣмецкій языкъ былъ какой-то тарабарщиной моего собственнаго изобрѣтенія, въ которой встрѣчалось въ сущности только одно нѣмецкое слово: «Besen» (метла), одно изъ немногихъ нѣмецкихъ словъ, вынесенныхъ отцомъ изъ похода въ Голштинію. «И тебѣ мой походъ пошелъ въ прокъ!» говаривалъ онъ въ шутку. «Доведется ли тебѣ побывать когда-нибудь такъ далеко?! А слѣдовало бы! Помни это, Гансъ-Христіанъ!»—Но матушка сказала на это, что пока ея воля, она меня никуда отъ себя не отпуститъ, а то, пожалуй, и я сгублю свое здоровье, какъ отецъ.

Дѣйствительно, здоровье отца было совсѣмъ расшатано непривычной походной жизнью. Однажды утромъ съ нимъ начался бредъ, онъ говорилъ о походѣ, о Наполеонѣ, выслушивалъ приказанія, командовалъ. Мать сейчасъ отправила меня за помощью, только не къ доктору, а къ одной зна-

харкѣ, жившей въ полумилѣ отъ города. Она задала мнѣ нѣсколько вопросовъ, потомъ взяла шерстинку, смѣрила ею мои руки, сотворила надо мною какія-то знаки и, наконецъ, положила мнѣ на грудь зеленую вѣточку, взятую, по ея словамъ, отъ такого же дерева, какъ то, изъ котораго былъ сдѣланъ крестъ Христа. На прощанье она сказала мнѣ: «Ступай вдоль рѣки! Если твоему отцу суждено умереть въ этотъ разъ, ты встрѣтишь его привидѣніе». Можно представить себѣ, какой я долженъ былъ испытывать страхъ! «И тебѣ ничего не привидѣлось?» спросила мать, когда я вернулся и разсказалъ обо всемъ. «Нѣтъ!» отвѣтилъ я, а сердце мое такъ и колотилось. На третій день вечеромъ отецъ умеръ. Тѣло его оставили лежать въ постели, а мы съ матерью улеглись на полу. Всю ночь пѣлъ сверчокъ. «Онъ ужъ умеръ!» говорила ему мать: «нечего тебѣ звать его; его взяла ледяная дѣва!» И я понялъ, что мать хотѣла этимъ сказать. Я помнилъ еще, какъ прошлою зимою, когда окна всѣ позамерзли, отецъ показалъ намъ въ ледяныхъ узорахъ на окнѣ что-то похожее на женщину, простиравшую впередъ обѣ руки. «За мною что ли пришла?» сказалъ онъ тогда въ шутку. Теперь мать вспомнила объ этомъ, и слова ея глубоко запали мнѣ въ душу.

Схоронили отца на кладбищѣ Св. Кнуда. Бабушка посадила на его могилѣ розы. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ похоронили другихъ покойниковъ; теперь и ихъ могилы заросли травой.

По смерти моего отца, я былъ почти совершенно предоставленъ самому себѣ. Мать ходила по стиркамъ, а я сидѣлъ въ это время дома одинъ, игралъ со своимъ маленькимъ театромъ, который сдѣлалъ мнѣ отецъ, шилъ кукламъ платья и читалъ разныя комедіи. Я въ то время, какъ мнѣ разсказывали, былъ долговязымъ мальчикомъ съ длинными свѣтлыми волосами, ходилъ по большей части безъ шляпы и въ деревянныхъ башмакахъ.

По сосѣдству съ нами жила вдова священника Бункефлодъ съ сестрою своего покойнаго мужа. Онѣ полюбили меня, часто зазывали къ себѣ, и я сталъ проводить у нихъ большую часть дня. Эта была первая образованная семья, въ которой мнѣ пришлось бывать. Покойный священникъ пользовался немалой извѣстностью за свои пѣсенки въ народномъ духѣ. Въ этомъ домѣ я впервые услышалъ слово «поэтъ», произносимое съ благоговѣніемъ, какъ нѣчто священное. Я былъ уже знакомъ изъ чтенія отца съ комедіями Гольберга, но тутъ разговоръ шелъ не о нихъ, а о стихахъ, о поэзіи.

«Братъ мой—поэтъ»... говаривала старуха, сестра Бункефлода, и глаза ея такъ и свѣтились. Отъ нея же узналъ я, что поэты принадлежатъ къ счастливѣйшимъ избранникамъ Божіимъ, въ этомъ же домѣ впервые познакомился и съ Шекспиромъ, разумѣется, въ переводѣ, и очень плохомъ. Тѣмъ не менѣе смѣло нарисованныя картины, кровавыя событія, вѣдьмы

и привидѣнія—все это было какъ разъ въ моемъ вкусѣ. Я не замедлилъ разыграть шекспировскія трагедіи на своемъ маленькомъ кукольномъ театрѣ; я, вѣдь, живо представлялъ себѣ и духа отца Гамлета и безумнаго Лира въ степи. Чѣмъ большее число дѣйствующихъ лицъ умирало въ данной пьесѣ, тѣмъ она казалась мнѣ интереснѣе. Вскорѣ я самъ сочинилъ пьесу; конечно, я началъ прямо съ трагедіи, и, конечно, въ ней всѣ умирали. Содержаніе я заимствовалъ изъ старинной пѣсни о Пирамѣ и Ѳисби, но прибавилъ отъ себя еще два лица, отшельника съ сыномъ, которые оба были влюблены въ Ѳисби и оба убивали себя послѣ ея смерти. Чуть ли не вся роль отшельника была составлена изъ библейскихъ изреченій, касавшихся главнымъ образомъ обязанностей человѣка къ ближнимъ и выписанныхъ изъ учебника Закона Божія; называлась пьеса: *«Карасъ и Эльвира»*. «Ужъ лучше бы «Карась и корюшка», сострила сосѣдка, когда я прочелъ свою пьесу съ большимъ воодушевленіемъ и самодовольствомъ и ей. Слова ея совсѣмъ обезкуражили меня, я чувствовалъ, что она смѣется и надо мною и надъ моей пьесой, которую такъ восхваляли всѣ другіе. Пришелъ я со своимъ горемъ къ матери. «Это она говоритъ потому, что не ея сынъ написалъ такую пьесу», сказала мнѣ мать; я утѣшился и взялся за новую пьесу. Въ ней я хотѣлъ вывести короля съ принцессой, а потому и писать намѣревался высокимъ слогомъ. Положимъ, у Шекспира короли и принцессы говорили точно такъ же, какъ и прочіе смертные, но мнѣ это показалось не совсѣмъ вѣрнымъ. Я сталъ разспрашивать у матери и у сосѣдей о томъ, какъ же на самомъ дѣлѣ говоритъ король, но никто изъ нихъ не могъ хорошенько отвѣтить мнѣ. Еще бы! Король посѣтилъ Одензе ужъ столько лѣтъ тому назадъ! Насколько имъ, однако, помнилось, онъ говорилъ по иностранному. Я живо досталъ какой-то датско-нѣмецко-французско-англійскій словарь, и все у меня пошло, какъ по маслу. Реплики короля и принцессы были составлены изъ словъ разныхъ языковъ; напримѣръ: «Guten Morgen, mon père! Хорошо ли вы sleeping?» Вышло настоящее вавилонское смѣшеніе языковъ, по моему же, единственное нарѣчіе, на которомъ могли объясняться столь высокіе лица. Я читалъ свою пьесу всѣмъ и каждому. Мнѣ самому это чтеніе доставляло величайшее наслажденіе, такъ я думалъ, что и всѣмъ другимъ оно доставляетъ такое же.

Сынъ сосѣдки работалъ на суконной фабрикѣ и уже кое-что зарабатывалъ. Я же все болтался безъ всякаго дѣла, какъ говорили сосѣди, вотъ мать и рѣшила тоже отправить меня на фабрику. «Не ради заработка», говорила она, «но тогда я, по крайней мѣрѣ, буду знать, гдѣ онъ и чѣмъ занятъ». Бабушка съ сокрушеннымъ сердцемъ повела меня туда. Не думала она дожить до того, что увидитъ меня среди всѣхъ этихъ несчастныхъ мальчиковъ! На фабрикѣ работало много нѣмецкихъ подмастерьевъ; они громко

пѣли и весело разговаривали. Плоскія шутки вызывали бурный восторгъ. Я слушалъ ихъ, но не понималъ, и вижу теперь, что невинный ребенокъ можетъ слышать подобныя вещи безъ всякаго вреда,—онѣ не доходятъ до его сердца.

Я обладалъ тогда прекраснымъ высокимъ сопрано, которое сохранилъ даже до пятнадцати лѣтъ. Я зналъ, что всѣмъ пріятно слушать мое пѣніе, и когда меня на фабрикѣ спросили, не знаю-ли я какихъ-нибудь пѣсенокъ, я сейчасъ же началъ пѣть и привелъ всѣхъ въ восторгъ. Я пѣлъ, а работу мою справляли за меня другіе мальчики. Покончивъ съ пѣніемъ, я разсказалъ, что умѣю также представлять комедіи. Я зналъ наизусть цѣлыя сцены изъ комедій Гольберга и трагедій Шекспира и бойко декламировалъ ихъ. Подмастерья и работницы дружески кивали мнѣ, смѣялись и хлопали въ ладоши. Такъ прошли первые дни моего пребыванія на фабрикѣ, и такое времяпрепровожденіе казалось мнѣ очень веселымъ. Но вотъ однажды, когда я по обыкновенію тѣшилъ компанію пѣніемъ, и всѣ дивились нѣжности и высотѣ моего голоса, одинъ изъ подмастерьевъ вскричалъ: «Навѣрно, это не мальчикъ, а дѣвочка.» Съ этими словами онъ грубо схватилъ меня. Я дико закричалъ; другимъ подмастерьямъ эта грубая шутка понравилась, они присоединились къ товарищу, схватили меня за руки и за ноги, я завизжалъ благимъ матомъ, вырвался изъ ихъ рукъ и опрометью бросился бѣжать домой къ матери. Я былъ стыдливъ, какъ дѣвочка. Узнавъ въ чемъ дѣло, мать сейчасъ же дала мнѣ слово не посылать меня больше на фабрику.

Я опять сталъ бывать у вдовы Бункефлодъ, слушалъ ея чтеніе, самъ читалъ вслухъ и, кромѣ того, учился у нея—шить; мнѣ это было крайне необходимо для моего кукольнаго театра. Я сшилъ также въ видѣ подарка къ дню рожденія вдовы бѣлую шелковую подушку для иголокъ. Много лѣтъ спустя, я еще видѣлъ ее въ цѣлости и сохранности. Познакомился я также съ другой вдовой священника. Она брала изъ частной библіотеки романы, которые я читалъ ей вслухъ. Помню, одинъ изъ нихъ начинался приблизительно такъ: «Стояла бурная ночь; дождь такъ и хлесталъ въ окна». «Вотъ прекрасная книга!» сказала вдова. Въ простотѣ душевной я спросилъ: «Почему вы знаете?» «Сразу видно по началу!» сказала она, и я съ особымъ почтеніемъ посмотрѣлъ на нее,—какая умная!

Однажды осенью мать отправилась со мною въ помѣстье близъ ея родного города Богензе. Она служила когда-то у родителей помѣщицы, и та давно уже звала ее къ себѣ въ гости. Цѣлые года я радовался, въ ожиданіи этого посѣщенія, и, наконецъ, оно должно было состояться. Мать и я провели въ дорогѣ два дня,—пришлось идти пѣшечкомъ. Помѣстье было прекрасное; приняли и накормили насъ отлично, да и самая деревня произвела на меня такое впечатлѣніе, что я ничего лучшаго и не желалъ, какъ

остаться тамъ навсегда. Были мы тамъ какъ разъ во время сбора хмѣля. Я сидѣлъ съ матерью въ овинѣ въ кругу цѣлой толпы деревенскихъ бабъ и парней. Всѣ мы были заняты чисткой хмѣля. Работа шла подъ разсказы и разговоры о всевозможныхъ удивительныхъ приключеніяхъ. Чортъ съ копытами, привидѣнія и проч.—все это было извѣстно здѣсь всѣмъ. Одинъ старый крестьянинъ сказалъ между прочимъ, что Богъ знаетъ все, что совершается и должно совершиться. Слова эти произвели на меня глубокое впечатлѣніе, и я не могъ отдѣлаться отъ нихъ. Подъ вечеръ мнѣ случилось нѣсколько отойти отъ дома. Я очутился у глубокаго пруда и, взобравшись на одинъ изъ большихъ камней, лежавшихъ въ водѣ, подумалъ: «Неужели Богъ можетъ знать *все*, что должно случиться! Ну вотъ, положимъ Онъ назначилъ мнѣ дожить до глубокой старости, а я вотъ возьму да и брошусь въ воду и утоплюсь! И не выйдетъ такъ, какъ Онъ хочетъ!» И я твердо рѣшилъ утопиться. Я уже подошелъ къ самому глубокому мѣсту, и вдругъ новая мысль озарила мою душу: «Это дьяволъ хочетъ взять власть надъ тобою!» Я громко вскрикнулъ и бросился оттуда со всѣхъ ногъ, отыскалъ мать и съ плачемъ кинулся къ ней на шею. Но ни она, ни кто-либо изъ другихъ не могли допытаться, что со мною. «Онъ вѣрно увидѣлъ нечистую силу!» сказала одна изъ женщинъ. И я самъ готовъ былъ повѣрить этому.

Вскорѣ мать моя вышла замужъ вторично за одного молодого башмачника. Семья его, хотя также изъ ремесленнаго сословія, была этимъ очень недовольна, находя, что онъ могъ сдѣлать гораздо лучшую партію, и не желала знаться ни съ матерью моей, ни со мною. Вотчимъ мой былъ человѣкъ молодой, съ живыми карими глазами и очень тихаго уживчиваго нрава. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ дѣло моего воспитанія и вполнѣ предоставилъ меня самому себѣ. И я весь отдался своей панорамѣ да кукольному театру. То-то была радость, когда мнѣ удавалось набрать кучу пестрыхъ лоскутьевъ, изъ которыхъ я могъ выкраивать и шить костюмы для своихъ куколъ. Мать одобряла мои занятія,—они могли пригодиться мнѣ, какъ будущему портному, каковымъ я, по ея мнѣнію, родился. Я же твердилъ, что хочу «играть въ комедіяхъ», но противъ этого мать рѣшительно возставала: слово «комедія» вызывало у нея представленіе только о канатныхъ плясунахъ да о странствующихъ актерахъ, что, по ея мнѣнію, было одно и то же. «Вотъ когда попробуешь колотушекъ!» говаривала она. «Заставятъ тебя голодать, чтобы ты былъ полегче, станутъ пичкать тебя деревяннымъ масломъ, чтобы ты былъ гибче! Нѣтъ, ты пойдешь въ портные! Посмотри только, какъ живется портному Стегману! Не житье, а масляница! (Это былъ самый первый портной въ городѣ.) Онъ живетъ на главной улицѣ, окна у него зеркальныя, и всѣ столы полны подмастерьями. Вотъ бы тебѣ попасть къ нему!»

Единственное, что скрашивало въ моихъ глазахъ это мое будущее занятіе—возможность постоянно пополнять свои запасы пестрыхъ тряпокъ и лоскутковъ для костюмовъ моимъ кукламъ-актерамъ.

Родители мои переѣхали на новую квартиру около городскихъ воротъ. Тутъ у насъ былъ садикъ, маленькій, узенькій. Онъ и состоялъ-то въ сущности изъ одной длинной грядки, усаженной кустами красной смородины и крыжовника, да дорожки, занимавшей почти столько же мѣста сколько и самая грядка; зато дорожка эта спускалась прямо къ рѣкѣ Одензе возлѣ самой монастырской мельницы. Три огромныхъ колеса вертѣлись въ пѣнящейся водѣ и вдругъ останавливались, когда шлюзы запирали. Скоро вся вода стекала внизъ, рѣчка мелѣла, и обнажалось дно съ лужицами воды, въ которыхъ барахтались рыбки, — я могъ брать ихъ простыми руками. Изъ-подъ большого колеса выбѣгали на водопой жирныя крысы. Вдругъ шлюзы опять отворяли, вода съ пѣной и шумомъ низвергалась внизъ, крысы исчезали, русло рѣки снова наполнялось водою, и я, давай Богъ ноги на берегъ, точно собиратель янтаря на берегу Нѣмецкаго моря при наступленіи прилива.

На берегу лежали большіе камни, и на одномъ изъ нихъ, на которомъ мать моя обыкновенно полоскала бѣлье, я любилъ стоять и пѣть во весь голосъ разныя пѣсенки, а часто и попросту все, что мнѣ приходило въ голову, безъ всякаго смысла или связи. Сосѣдній садъ принадлежалъ совѣтнику Фальбе, жена котораго когда-то была актрисой. Я зналъ, что когда у нихъ въ саду бывали гости, всѣ слушали мое пѣніе. Часто мнѣ говорили также, что у меня чудесный голосъ, и что онъ, навѣрно, принесетъ мнѣ счастье, и я раздумывалъ о томъ, какъ это случится. Фантазія была для меня дѣйствительностью, и не мудрено, что я ожидалъ самыхъ невѣроятныхъ вещей. Отъ одной старухи, полоскавшей бѣлье на рѣчкѣ, я узналъ, что Китайская имперія находится какъ разъ подъ рѣкой Одензе, такъ по-моему не было ничего невозможнаго въ томъ, что въ одинъ прекрасный лунный вечеръ какой-нибудь китайскій принцъ прокопается къ намъ сквозь землю, услышитъ мое пѣніе и увезетъ меня съ собой въ свое королевство. Тамъ онъ сдѣлаетъ меня богатымъ и важнымъ господиномъ, а потомъ позволитъ опять вернуться въ Одензе, гдѣ я построю себѣ дворецъ. И я до такой степени увлекался этой мечтою, что по цѣлымъ вечерамъ сидѣлъ и чертилъ планы дворца. Я былъ еще совсѣмъ ребенкомъ, да и не скоро вышелъ изъ ребячества. Когда я впослѣдствіи въ Копенгагенѣ выступалъ въ какомъ-нибудь кружкѣ въ качествѣ декламатора, я все еще ждалъ, что среди слушателей тоже находится какой-нибудь принцъ, что онъ услышитъ, пойметъ меня и поможетъ мнѣ выбиться въ люди. Помощь-то и явилась, да инымъ путемъ.

Моя любовь къ чтенію, богатая память, хранившая множество отрыв-

ковъ изъ драматическихъ произведеній, которые я зналъ наизусть, и наконецъ прекрасный голосъ—все это вызывало нѣкоторый интересъ ко мнѣ со стороны многихъ изъ лучшихъ семействъ въ Одензе. Меня зазывали къ себѣ, интересовались моею странной персоною. Особенно много искренняго участія оказалъ мнѣ полковникъ Гёгъ-Гульбергъ со своей семьею. Онъ даже упомянулъ обо мнѣ однажды въ бесѣдѣ съ принцемъ Христіаномъ (впослѣдствіи королемъ Христіаномъ VIII), который жилъ тогда во дворцѣ въ Одензе, и, наконецъ, взялъ меня туда съ собою.

«Если принцъ спроситъ васъ, чего бы вамъ больше всего хотѣлось,—сказалъ онъ мнѣ:—отвѣчайте, что ваше завѣтное желаніе поступить въ гимназію». Я такъ и отвѣтилъ, когда принцъ дѣйствительно задалъ мнѣ этотъ вопросъ, но онъ на это сказалъ, что способность пѣть и декламировать чужія стихотворенія не есть еще признакъ генія, что надо помнить о томъ, какъ труденъ и дологъ путь ученія, и что онъ не прочь помочь мнѣ, если я желаю изучить какую-нибудь приличную профессію, сдѣлаться, напримѣръ—токаремъ. Мнѣ этого вовсе не хотѣлось, и я ушелъ изъ дворца не ахти какимъ веселымъ, хотя принцъ и говорилъ въ сущности вполнѣ разумно и основательно. Впослѣдствіи же, когда способности мои развились, онъ, какъ увидите, до самой смерти своей былъ ко мнѣ добръ и ласковъ, и я всегда вспоминаю о немъ съ чувствомъ искренней признательности.

Я такъ и остался дома, но, наконецъ, сталъ такимъ ужъ долговязымъ мальчикомъ, что мать нашла невозможнымъ позволять мнѣ дольше болтаться безъ дѣла и отдала меня въ школу для бѣдныхъ. Тамъ преподавали только Законъ Божій, письмо и ариѳметику, да и то довольно плохо. Я едва-ли умѣлъ правильно написать хоть одно слово. Уроковъ я дома никогда не готовилъ, а выучивалъ ихъ кое-какъ по дорогѣ изъ дома въ школу. Мать вслѣдствіе этого очень хвалилась моими способностями въ укоръ сыну сосѣдки. «Тотъ зубритъ съ утра до вечера, мой-же Гансъ-Христіанъ и не заглядываетъ въ книжку, а всетаки знаетъ свой урокъ».

Ежегодно въ день рожденія учителя я подносилъ ему вѣнокъ и собственное стихотвореніе. Обыкновенно онъ принималъ эти подношенія съ улыбкой, но случалось мнѣ получать за нихъ и выговоры. Учитель, по фамиліи Вельгавенъ, былъ норвежецъ родомъ и, насколько я могъ судить, человѣкъ хорошій, но горячаго нрава и неудачникъ. Бесѣдуя съ нами о религіи, онъ говорилъ всегда очень горячо, а, проходя священную исторію, умѣлъ изобразить намъ событія такъ живо, что всѣ стѣнныя картины, изображавшія сцены изъ ветхаго завѣта, точно оживали для меня и проникались такой красотою, правдивостью и свѣжестью, какими впослѣдствіи я восхищался въ картинахъ Рафаэля и Тиціана. Часто уносился я мечтами, Богъ вѣсть куда, безсознательно глядя на увѣшанную картинами стѣну, и мнѣ порядкомъ доставалось за это отъ учителя. Я также очень любилъ разсказывать другимъ

мальчикамъ удивительныя исторiи, въ которыхъ главнымъ лицомъ являлся, конечно, я самъ. Меня часто поднимали за это на смѣхъ. Уличные мальчишки тоже слышали отъ своихъ родителей о моихъ странностяхъ и о томъ, что я бываю въ «важныхъ домахъ», и вотъ однажды они погнались за мною по улицѣ цѣлой толпой съ криками: «Вонъ бѣжитъ сочинитель комедiй!» Добравшись до дому, я забился въ уголъ, плакалъ и молился Богу.

Мнѣ шелъ уже четырнадцатый годъ, и мать рѣшилась конфирмовать меня, чтобы потомъ отдать въ ученье къ портному. Она любила меня всѣмъ сердцемъ, но не понимала, къ чему я стремлюсь, да я и самъ-то этого не понималъ тогда. Со стороны же окружающихъ она слышала обо мнѣ одни неодобрительные отзывы, и это печалило и мучило ее.

Мы жили въ приходѣ церкви Св. Кнуда, и желавшiе готовиться къ конфирмацiи должны были записываться или у самого пробста, или у капеллана. Къ первому ходили учиться дѣти такъ называемыхъ важныхъ семействъ и городскiе гимназисты, къ послѣднему—болѣе бѣдные. Я, однако, явился къ пробсту, и ему волей неволей пришлось записать меня у себя. Онъ, пожалуй, видѣлъ въ моемъ желаньи готовиться у него одно тщеславiе: его конфирманты занимали въ церкви, вѣдь, первое мѣсто, но это было не совсѣмъ такъ; побудило меня къ этому кое-что другое. Я смерть боялся бѣдныхъ мальчиковъ, которые глумились надо мною, и, напротивъ, всегда испытывалъ невольное влеченiе къ гимназистамъ; въ моихъ глазахъ они должны были быть куда лучше всѣхъ другихъ мальчиковъ. Часто въ то время, какъ они рѣзвились на кладбищѣ, я стоялъ за деревянной рѣшоткой и глядѣлъ на нихъ, отъ души желая быть на мѣстѣ одного изъ этихъ счастливцевъ—не ради ихъ игръ, а ради множества книгъ, что были у нихъ и ради того, чѣмъ каждый изъ нихъ могъ сдѣлаться на свѣтѣ. Записавшись у пробста, я имѣлъ возможность попасть въ ихъ компанiю, но мнѣ не вспоминается теперь ни одинъ изъ нихъ,—такъ, видно, мало обращали они на меня вниманiя. Я постоянно чувствовалъ, что втерся туда, гдѣ мнѣ не мѣсто, и самъ пробстъ не разъ давалъ мнѣ это почувствовать. Разъ послѣ того, какъ я въ домѣ однихъ его знакомыхъ декламировалъ сцены изъ какой-то комедiи, онъ призвалъ меня къ себѣ, сказалъ, что непристойно заниматься такими дѣлами въ то время, какъ я готовлюсь къ конфирмацiи, и прибавилъ, что если услышитъ обо мнѣ еще что-либо подобное, то сейчасъ же запретитъ мнѣ ходить къ нему. Я оробѣлъ и сталъ дичиться еще больше, какъ залетѣвшая въ чужую для нея обстановку птичка. Между готовившимися къ конфирмацiи была всетаки одна дѣвушка по фамилiи Тёндеръ-Лундъ, которая была ко мнѣ и добра и ласкова, даромъ что считалась важнѣе всѣхъ. Я еще буду говорить о ней позже. Она всегда встрѣчала меня дружескимъ взглядомъ, любезно здоровалась со мною, а разъ даже подарила мнѣ розу. Я пошелъ домой въ полномъ

восторгѣ: нашлась таки хоть одна душа, не смотрѣвшая на меня свысока, не отталкивавшая меня отъ себя!

Къ конфирмаціи старушка-портниха сшила для меня изъ пальто отца цѣлый костюмъ. Мнѣ казалось, что я еще никогда не былъ одѣтъ такимъ щеголемъ. Кромѣ того, мнѣ въ первый разъ въ жизни подарили сапоги. Я былъ отъ нихъ въ несказанномъ восторгѣ и, опасаясь, что они не всѣмъ будутъ видны, заправилъ брюки въ голенища и въ такомъ видѣ зашагалъ по самой серединѣ церкви. Сапоги скрипѣли, и я отъ души радовался этому,—слышно, по крайней мѣрѣ, что новые! Зато благочестивое настроеніе мое было нарушено, я чувствовалъ это и испытывалъ страшныя угрызенія совѣсти; шутка-ли: мысли мои столько же были заняты сапогами, сколько Господомъ Богомъ! Я искренно молился Ему, прося прощенія, и—опять думалъ о своихъ новыхъ сапогахъ.

Въ послѣдніе годы я копилъ мелочь, которую дарили мнѣ при разныхъ случаяхъ; послѣ конфирмаціи я разъ сосчиталъ ее, и оказалось, что у меня составилась сумма въ тринадцать далеровъ. Такой капиталъ совсѣмъ ошеломилъ меня, и когда мать начала серьезно настаивать на томъ, чтобы я поступалъ въ ученье къ портному, я принялся умолять ее позволить мнѣ лучше попытать счастья, отправиться въ Копенгагенъ, который въ моихъ глазахъ былъ столицей міра.

«А чего ты тамъ добьешься?» сказала мать. «Я прославлю себя!» отвѣтилъ я и разсказалъ ей о томъ, что читалъ о замѣчательныхъ людяхъ, родившихся въ бѣдности. «Сначала приходится много-много перетерпѣть, а потомъ и прославишься!» сказалъ я. Меня охватило какое-то непостижимое увлеченіе, я плакалъ, просилъ, и мать, наконецъ, уступила моимъ просьбамъ; прежде чѣмъ рѣшиться, она, однако, послала за знахаркой и заставила ее погадать мнѣ на картахъ и на кофейной гущѣ.

«Сынъ твой будетъ великимъ человѣкомъ!» сказала старуха. «Настанетъ день, и родной городъ его Одензе зажжетъ въ честь его иллюминацію.» Услышавъ это, мать заплакала и больше не противилась моему отъѣзду. Сосѣди наши и вообще всѣ, кому приходилось узнать объ этомъ, старались отговорить мать, разъясняя ей, какое безуміе отпускать меня, четырнадцатилѣтняго подростка и сущаго ребенка, одного въ Копенгагенъ, за столько миль отъ родины, въ такой огромный городъ, гдѣ я не зналъ ни души. «Да что-жъ, онъ покоя мнѣ не даетъ!» отвѣчала она. «Пришлось, наконецъ, отпустить его, но бѣда тутъ не велика: я знаю, дальше Нюборга онъ не поѣдетъ; увидитъ тамъ сердитое море, испугается и повернетъ назадъ, а тогда ужь я отдамъ его въ ученье къ портному!»—«Удалось бы намъ помѣстить его здѣсь гдѣ-нибудь въ конторѣ!» говорила бабушка: «Вотъ важное-то занятіе, да и по душѣ Гансу-Христіану!» «Сдѣлался бы онъ такимъ портнымъ, какъ Стегманъ, такъ я лучшаго бы

и не желала!» сказала мать: «А пока пусть себѣ прокатится въ Нюборгъ!»

Лѣтомъ еще до моей конфирмаціи, въ Одензе пріѣзжала часть труппы копенгагенскаго королевскаго театра и поставила здѣсь нѣсколько оперъ и трагедій. Благодаря своей дружбѣ съ разносчикомъ афишъ, я не только видѣлъ всѣ представленія изъ-за боковыхъ кулисъ, но и самъ участвовалъ въ нихъ то въ качествѣ пажа, то пастуха, болѣе того—даже сказалъ нѣсколько словъ въ «Сандрильонѣ.» Я проявлялъ такое рвеніе, что артисты, участвовавшіе въ представленіи, всегда при своемъ приходѣ въ театръ находили меня уже вполнѣ одѣтымъ. Это обратило на меня ихъ вниманіе; моя дѣтская наивность и восторженность забавляла ихъ, и нѣкоторые изъ нихъ ласково заговаривали со мною. Я же смотрѣлъ на нихъ, какъ на земныхъ боговъ. Все, что мнѣ говорили по поводу моего голоса и умѣнія декламировать, убѣдило меня въ томъ, что я рожденъ для сцены, что именно на сценѣ ждетъ меня слава, и королевскій театръ въ Копенгагенѣ сдѣлался поэтому завѣтною цѣлью моихъ стремленій. Пребываніе въ Одензе актеровъ королевскаго театра было для многихъ и особенно для меня настоящимъ событіемъ. Всѣ восхищались ихъ игрою, и почти всѣ разговоры кончались обыкновенно однимъ и тѣмъ же пожеланіемъ: «Вотъ бы поѣхать въ Копенгагенъ и побывать въ королевскомъ театрѣ!» Нѣкоторымъ это и удавалось, и они разсказывали о чемъ-то такомъ, что, по ихъ словамъ, было еще лучше оперы и комедіи — о «балетѣ». Особенно восторгались всѣ танцовщицей Шаль, звѣздой первой величины; въ моихъ глазахъ она являлась какой-то королевой, и я постоянно носился съ мыслью, что именно она-то, если мнѣ удастся обезпечить себѣ ея расположеніе, и поможетъ мнѣ достигнуть славы и счастья.

Увлеченный этой мыслью я зашелъ къ старому типографщику Иверсену, одному изъ наиболѣе уважаемыхъ гражданъ Одензе. Я зналъ, что актеры въ бытность свою въ городѣ ежедневно бывали у него; онъ былъ знакомъ со всѣми ими и ужъ, вѣроятно, зналъ и знаменитую танцовщицу. Я рѣшилъ попросить у него рекомендательное письмо къ ней, а тамъ Богъ довершитъ остальное.

Старикъ, видѣвшій меня въ первый разъ въ жизни, ласково выслушалъ мою просьбу, но затѣмъ сталъ настоятельно отговаривать меня отъ поѣздки, совѣтуя мнѣ лучше поступить въ ученье къ какому-нибудь ремесленнику. «Это было бы великимъ грѣхомъ!» отвѣтилъ я, и тонъ мой до того поразилъ его, что онъ сразу заинтересовался мною, какъ я узналъ впослѣдствіи отъ его семьи. Онъ, хоть лично и не зналъ танцовщицы, всетаки согласился дать мнѣ письмо къ ней. Я получилъ письмо и былъ вполнѣ убѣжденъ, что теперь двери счастья для меня уже открыты.

Мать связала всѣ мои пожитки въ маленькій узелокъ, уговорилась съ

почтальономъ, и тотъ обѣщалъ провезти меня въ Копенгагенъ въ качествѣ «слѣпого» (т. е безбилетнаго) пассажира, всего за три далера. День отъѣзда, наконецъ, насталъ. Мать печально проводила меня за городскія ворота; тутъ дожидалась насъ бабушка. Волоса ея въ послѣднее время всѣ посѣдѣли; она молча обняла меня и заплакала, я самъ готовъ былъ заплакать... Затѣмъ мы разстались, и я такъ больше и не свидѣлся съ нею на этомъ свѣтѣ. Черезъ годъ она умерла, и я даже не знаю, гдѣ ея могила; ее похоронили на кладбищѣ для бѣдныхъ.

Почтальонъ затрубилъ въ свой рожокъ; стоялъ прекрасный солнечный день; скоро и въ моей дѣтской душѣ засіяло солнышко: вокругъ меня было столько новаго, да и къ тому же я, вѣдь, направлялся къ цѣли всѣхъ моихъ стремленій. Тѣмъ не менѣе когда мы въ Нюборгѣ пересѣли на корабль и стали удаляться отъ родного острова, я живо почувствовалъ все свое одиночество и безпомощность; у меня не было никого, на кого бы я могъ положиться, никого, кромѣ Господа Бога. — Какъ только я вышелъ на берегъ Зеландіи, я зашелъ за какой-то сарай, стоявшій на берегу, бросился на колѣни и обратился къ Богу съ горячей мольбой помочь мнѣ и направить меня на путь. Молитва успокоила меня, — вѣра въ Бога и въ свою счастливую звѣзду вновь окрѣпла во мнѣ. Затѣмъ поѣздка продолжалась. Мы ѣхали весь день и всю слѣдующую ночь черезъ разные города и деревни. Во время остановокъ я стоялъ одинъ около дилижанса и утолялъ свой голодъ кускомъ хлѣба. Все здѣсь было мнѣ чуждо; мнѣ казалось, что я забрался, Богъ вѣсть, какъ далеко, чуть не на край свѣта.

II.

Утромъ въ понедѣльникъ 6 сентября 1819 г. я увидѣлъ съ Фредериксберскаго холма Копенгагенъ. Я прошелъ черезъ садъ по большой аллеѣ, миновалъ предмѣстье и вступилъ въ городъ. Какъ разъ наканунѣ въ городѣ разразился еврейскій погромъ, которые въ то время то и дѣло повторялись въ разныхъ европейскихъ городахъ. Весь городъ былъ на ногахъ; толпы людей сновали по улицамъ; но весь этотъ шумъ и сумятица меня нисколько не удивили: все это вполнѣ соотвѣтствовало тому оживленію, которое я заранѣе рисовалъ себѣ въ Копенгагенѣ, бывшемъ для меня городомъ изъ городовъ. Весь мой капиталъ равнялся десяти далерамъ, и я нашелъ себѣ пристанище въ скромныхъ нумерахъ для пріѣзжихъ около Западныхъ воротъ, черезъ которыя вошелъ въ городъ.

Первымъ долгомъ я отыскалъ королевскій театръ и обошелъ его кругомъ нѣсколько разъ, пристально разглядывая стѣны. Я смотрѣлъ на зданіе, какъ на свой родной домъ, только еще не открытый для меня; на углу остановилъ меня какой-то барышникъ и спросилъ, не желаю ли я получить билетъ на сегодняшнее представленіе. Я былъ до того несвѣдущъ и неопытенъ, что во-

образилъ, будто онъ желаетъ подарить мнѣ билетъ, и горячо сталъ благодарить его. Тотъ, полагая, что я издѣваюсь надъ нимъ, разсердился такъ, что я перепугался и убѣжалъ прочь отъ того мѣста, которое было мнѣ милѣе всего. Да, не думалъ я тогда, что десять лѣтъ спустя здѣсь поставятъ мое первое драматическое произведеніе, и я такимъ образомъ выступлю передъ датской публикой.

На другой день я нарядился въ свой конфирмаціонный костюмъ, при чемъ, конечно, не забылъ надѣть сапоги такъ, чтобы были видны голенища, надѣлъ шляпу, которая все съѣзжала мнѣ на глаза, и отправился къ танцовщицѣ Шаль, чтобы передать ей мое рекомендательное письмо. Прежде чѣмъ позвонить у ея дверей, я упалъ передъ ними на колѣни и сталъ молиться Богу. Какъ разъ въ это время поднималась по лѣстницѣ какая-то служанка съ корзинкой въ рукахъ; она увидала меня, ласково улыбнулась, сунула мнѣ въ руку мелкую серебряную монету и быстро поднялась выше. Я поглядѣлъ ей вслѣдъ, поглядѣлъ на монету... Я, вѣдь, былъ въ своемъ конфирмаціонномъ нарядѣ, одѣтъ почти щеголемъ... какъ же она могла принять меня за нищаго? Я окликнулъ ее. «Ничего, оставьте себѣ!» отвѣтила она и скрылась.

Наконецъ, меня впустили къ танцовщицѣ. Та смотрѣла на меня съ величайшимъ изумленіемъ; она совсѣмъ не знала рекомендовавшаго меня старика Иверсена; вся моя персона и манеры поразили ее своей странностью. Я сейчасъ же высказалъ ей свою горячую любовь къ театру, и на вопросъ ея, какія же роли могъ бы я исполнять, отвѣтилъ: «Сандрильону! Я ее ужасно люблю!» Пьеса эта была разыграна въ ОДензе королевской труппой, и главная роль ея до такой степени увлекла меня, что я запомнилъ ее слово въ слово. Я пожелалъ немедленно дать госпожѣ Шаль образчикъ своего таланта и, помня, что она танцовщица, счелъ самою интересною для нея сценою ту именно, въ которой Сандрильона пляшетъ. Я попросилъ предварительно позволенія снять сапоги, — иначе я не былъ достаточно воздушенъ—затѣмъ взялъ свою широкополую шляпу вмѣсто тамбурина и, ударяя въ нее, принялся плясать и пѣть:

«На что же намъ богатства,
На что весь блескъ земной!»

Мои удивительные жесты, все мое поведеніе до такой степени поразили ее, что она, какъ я узналъ отъ нея самой много лѣтъ спустя, приняла меня за сумасшедшаго и постаралась поскорѣе выпроводить.

Отъ нея я пошелъ къ директору театра, камергеру Гольштейну и попросилъ его принять меня въ труппу. Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ, что я слишкомъ худощавъ для сцены. «О!», сказалъ я, «только бы меня приняли да назначили хоть сто далеровъ жалованья, такъ я живо растол-

стѣлъ бы!» Камергеръ серьезно отклонилъ мою просьбу и прибавилъ, что на сцену принимаютъ только людей подготовленныхъ, образованныхъ.

Съ тѣмъ я и ушелъ отъ него глубоко опечаленный. У кого мнѣ было теперь искать утѣшенія и совѣта?.. И смерть уже представлялась мнѣ лучшимъ исходомъ, но затѣмъ мысли мои опять невольно устремились къ Богу; я льнулъ къ Нему всѣмъ сердцемъ, со всѣмъ довѣріемъ ребенка къ доброму отцу. Я выплакалъ все свое горе и сказалъ самому себѣ: «Когда придется ужъ очень круто, тогда-то Онъ и ниспошлетъ свою помощь; я самъ читалъ объ этомъ. Надо много страдать, зато *потомъ* и выйдетъ изъ тебя что-нибудь!» У меня отлегло отъ сердца, и я отправился купить себѣ билетъ въ галлерею на оперу «Павелъ и Виргинія». Разлука влюбленныхъ до того растрогала меня, что я заплакалъ горькими слезами. Двѣ пожилыя женщины, сосѣдки мои по галлереѣ, стали утѣшать меня, увѣряя, что все это одно представленіе, и что незачѣмъ принимать это такъ близко къ сердцу; при этомъ одна изъ нихъ даже угостила меня большимъ буттербродомъ. Тутъ у насъ и пошли разговоры по душѣ; я питалъ безконечное довѣріе ко всѣмъ и каждому и чистосердечпо разсказалъ своимъ сосѣдкамъ, что плакалъ я въ сущности не изъ-за Павла и Виргиніи, а изъ-за того, что сцена была для меня Виргиніей, съ которой мнѣ приходилось разстаться, и эта разлука дѣлала меня такимъ же несчастнымъ, какъ Павла. Онѣ посмотрѣли на меня, видно не понимая, и я, не долго думая, разсказалъ имъ всю свою исторію, разсказалъ, какъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ, и какъ я теперь одинокъ. Добрая женщина дала мнѣ еще буттербродъ, фруктовъ и пирожнаго.

На другое утро я заплатилъ въ нумерахъ по счету и оказалось, что у меня оставался всего одинъ далеръ. Надо было выбирать одно изъ двухъ: или тотчасъ же искать случая вернуться въ Одензе съ какимъ-нибудь судномъ, или поступить въ ученье къ одному изъ копенгагенскихъ ремесленниковъ. Послѣднее казалось мнѣ всего разумнѣе: если я теперь вернусь въ Одензе, меня все равно отдадутъ въ ученье, да кромѣ того еще всѣ будутъ смѣяться надъ моей неудачной поѣздкой. Выборъ ремесла меня не затруднялъ; мнѣ было совершенно безразлично чему учиться; я, вѣдь, брался за ремесло только ради того, чтобы имѣть возможность оставаться въ Копенгагенѣ, не умирая съ голоду.

Одна старуха, жительница Копенгагена, которая вернулась сюда вмѣстѣ со мной тоже «слѣпой пассажиркой», накормила и пріютила меня у себя; мало того, она купила для меня газету, чтобы посмотрѣть въ ней объявленія. Мы и нашли въ ней объявленіе одного столяра, который хотѣлъ взять мальчика въ ученики. Я отправился къ нему, столяръ принялъ меня очень ласково, но прежде чѣмъ рѣшиться взять меня къ себѣ совсѣмъ, ему нужно было получить изъ Одензе отзывъ о моемъ поведеніи и мое метри-

ческое свидѣтельство. Въ ожиданіи же бумагъ онъ предложилъ мнѣ за неимѣніемъ другого пристанища переѣхать къ нему и сейчасъ же приняться за дѣло, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько мнѣ по душѣ его профессія.

На другое утро въ шесть часовъ я уже явился въ мастерскую. Тамъ я засталъ нѣсколькихъ подмастерьевъ и учениковъ; хозяинъ еще не вставалъ, и разговоръ у нихъ шелъ превеселый и довольно скабрезный. Замѣтивъ мою чисто дѣвичью стыдливость, они стали меня дразнить и чѣмъ дальше тѣмъ хуже. Наконецъ, ихъ шутки приняли, какъ мнѣ показалось, опасный оборотъ, и я, вспомнивъ случай на фабрикѣ, сильно перепугался, заплакалъ и рѣшился отказаться отъ ученія. Я спустился внизъ къ хозяину и сказалъ ему, что не въ силахъ слушать такихъ разговоровъ и шутокъ, что ремесло его мнѣ не по сердцу, и что я пришелъ поблагодарить его и попрощаться съ нимъ. Онъ удивленно выслушалъ меня, сталъ утѣшать и ободрять, но все было напрасно. Я былъ такъ разстроенъ, такъ взволнованъ, и поспѣшно ушелъ.

И вотъ я побрелъ по улицамъ. Никто меня не зналъ, я чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, покинутымъ всѣми. Вдругъ я вспомнилъ, что когда-то въ Одензе читалъ въ газетахъ объ итальянцѣ Сибони и о его назначеніи директоромъ королевской консерваторіи въ Копенгагенѣ. Всѣ, вѣдь, хвалили мой голосъ; можетъ быть, этотъ человѣкъ и поможетъ мнѣ? Если же нѣтъ, надо сегодня же искать шкипера, который возьметъ меня съ собой назадъ въ Фіонію. Мысль объ обратной поѣздкѣ еще болѣе взволновала меня и вотъ, въ такомъ-то угнетенномъ настроеніи я отправился розыскивать Сибони. У него какъ разъ былъ званый обѣдъ, на которомъ присутствовали знаменитый композиторъ нашъ Вейзе, поэтъ Баггесенъ и др. Отворившей мнѣ двери экономкѣ я разсказалъ не только, за чѣмъ пришелъ, но и всю свою біографію. Она слушала меня съ большимъ участіемъ, и, вѣрно, тотчасъ же пересказала кое-что изъ слышаннаго своимъ господамъ· по крайней мѣрѣ мнѣ долго пришлось ждать ея возвращенія и когда она, наконецъ, вернулась, за нею вышли и хозяева со всѣми гостями. Всѣ смотрѣли на меня. Сибони повелъ меня въ залъ, гдѣ стояло фортепіано, и заставилъ меня пѣть. Затѣмъ я продекламировалъ нѣсколько сценъ изъ комедіи Гольберга и двa-три чувствительныхъ стихотворенія; при этомъ сознаніе моего собственнаго несчастнаго положенія до того охватило меня, что я заплакалъ неподдѣльными слезами, и все общество начало апплодировать мнѣ.

«Я предсказываю», сказалъ Баггесенъ: «что изъ него современемъ выйдетъ толкъ! Только не возгордись, когда вся публика начнетъ рукоплескать тебѣ!» Затѣмъ онъ заговорилъ о томъ, какъ человѣкъ вообще мало-по-малу теряетъ съ годами и при общеніи съ людьми свою непосредственность и естественность. Я не понялъ всего, но, вѣроятно, вся эта рѣчь была вызвана

тѣмъ, что я тогда являлся своеобразнымъ дитятей природы, своего рода «явленіемъ». Я безусловно вѣрилъ словамъ каждаго человѣка, вѣрилъ и тому, что всѣ желаютъ мнѣ только добра, и не могъ скрыть въ себѣ ни единой мысли, тотчасъ же высказывалъ все, что приходило мнѣ на умъ. Сибони пообѣщалъ заняться обработкой моего голоса и высказалъ надежду, что я, навѣрно, современемъ выступлю въ качествѣ пѣвца на сценѣ королевскаго театра. Вотъ счастье-то! Я и плакалъ, и смѣялся, такъ что экономка, которая провожала меня и видѣла мое волненіе, ласково потрепала меня по щекѣ и посовѣтовала на другой же день пойти къ профессору Вейзе. Онъ былъ такъ расположенъ ко мнѣ,—сказала она,—и я могъ на него положиться.

Я не замедлилъ явиться къ Вейзе, который самъ когда-то былъ бѣднымъ мальчикомъ и съ трудомъ выбился въ люди. Оказалось, что онъ понялъ мое несчастное положеніе, отнесся ко мнѣ съ глубокимъ участіемъ и, пользуясь удобной минутой и настроеніемъ собравшихся у Сибони лицъ, собралъ для меня 70 далеровъ — цѣлое богатство!—изъ которыхъ и обѣщалъ мнѣ въ ожиданіи будущихъ благъ ежемѣсячно выдавать по десяти далеровъ. Я тотчасъ же написалъ первое письмо домой, восторженное письмо! Всѣ блага міра такъ и сыпались на меня, — писалъ я матери. Мать, не помня себя отъ радости, показывала мое письмо всѣмъ и каждому. Кто слушалъ и удивлялся, кто посмѣивался, — что-то, дескать, выйдетъ изъ всего этого!

Сибони не говорилъ по-датски, и чтобы какъ-нибудь объясняться съ нимъ, мнѣ необходимо было хоть немножко подучиться по-нѣмецки. Спутница моя изъ Одензе въ Копенгагенъ готова была помочь мнѣ, чѣмъ могла, и попросила одного знакомаго преподавателя нѣмецкаго языка, Бруна, дать мнѣ безплатно нѣсколько уроковъ. У него-то я и выучился кое-какъ объясняться по-нѣмецки. Сибони съ своей стороны предложилъ мнѣ столоваться у него и время отъ времени занимался со мной пѣніемъ. Онъ держалъ повара-итальянца и двухъ бойкихъ служанокъ; одна изъ нихъ говорила по-итальянски. Въ ихъ-то компаніи я и проводилъ большую часть дня, слушая ихъ разсказы и съ удовольствіемъ исполняя за нихъ разныя мелкія порученія. Когда же онѣ разъ во время обѣда послали меня отнести въ столовую кушанье, Сибони всталъ изъ-за стола, вышелъ въ кухню и объявилъ имъ, что я не «camerière» *). Съ этого времени меня стали чаще пускать въ комнаты. Племянница Сибони Маріетта занималась рисованіемъ и задумала изобразить Сибони въ роли Ахиллеса изъ оперы Пэра. Моделью служилъ я, облеченный въ широкую тунику и плащъ, бывшіе по плечу толстому Сибони, а никакъ не такому длинному худощавому парню, какимъ

*) Слуга.

былъ тогда я, но именно это-то несоотвѣтствіе и забавляло веселую итальянку,—она рисовала и смѣялась до упаду.

Оперные артисты и артистки ежедневно приходили къ Сибони репетировать свои партіи; иногда и мнѣ разрѣшалось присутствовать при этомъ. Маэстро былъ очень вспыльчивъ, и чуть кто-нибудь пѣлъ не по его, горячая итальянская кровь закипала въ немъ ключомъ, и онъ начиналъ браниться, презабавно мѣшая нѣмецкія слова съ ломаными датскими. Меня это вовсе не касалось, и тѣмъ не менѣе я весь дрожалъ отъ страха. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я боялся Сибони, отъ котораго, какъ мнѣ казалось, зависѣло все мое будущее, и когда мнѣ приходилось пѣть гаммы, стоило ему взглянуть на меня серьезно, чтобы голосъ мой началъ дрожать, а на глазахъ выступили слезы. «Hikke banke, du!» *) говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ и, отпустивъ меня, обыкновенно звалъ обратно и совалъ мнѣ въ руку мелочь. «Wenig amusiren!» (т. е. на удовольствія) прибавлялъ онъ, добродушно улыбаясь.

Всѣ дни съ ранняго утра до поздняго вечера я проводилъ въ домѣ Сибони, ночи же въ такомъ мѣстѣ, куда завело меня полное мое незнаніе свѣта. То есть самый-то домъ, въ которомъ я жилъ, былъ изъ порядочныхъ, а только находился въ неподходящей улицѣ. Ежемѣсячно выдаваемые мнѣ черезъ Вейзе десять далеровъ не позволяли мнѣ жить въ нумерахъ для пріѣзжихъ, пришлось сыскать себѣ комнату подешевле, и вотъ я нашелъ подходящую у одной женщины въ Holmensgade (Портовая улица). Какъ это ни можетъ показаться страннымъ, но я и въ самомъ дѣлѣ не подозрѣвалъ о томъ, какіе люди живутъ у меня подъ бокомъ; я былъ еще такъ дѣтски чистъ душою, что ни одна порочная мысль не приходила мнѣ въ голову.

Почти девять мѣсяцевъ я такимъ образомъ ходилъ къ Сибони; вдругъ голосъ мой пропалъ: онъ какъ разъ начиналъ ломаться, а я всю зиму и весну ходилъ въ рваной обуви, и ежедневно промачивалъ себѣ ноги. Голосъ пропалъ, а съ нимъ и надежда на мое будущее, какъ пѣвца. Сибони позвалъ меня къ себѣ, откровенно высказалъ мнѣ это и посовѣтовалъ вернуться въ Одензе и поступить въ ученье къ какому-нибудь мастеру. Мнѣ, описавшему въ письмѣ къ матери въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ свое счастье, вернуться на родину, чтобы сдѣлаться посмѣшищемъ! Я, вѣдь, зналъ, что это такъ будетъ, я чувствовалъ это и былъ совсѣмъ уничтоженъ. Но именно это-то кажущееся несчастье и повело къ лучшему.

Очутившись снова въ безпомощномъ положеніи и ломая себѣ голову, какъ бы найти выходъ изъ него, куда идти, къ кому обратиться, я вдругъ вспомнилъ, что тутъ же въ Копенгагенѣ живетъ поэтъ Гульбергъ, братъ

*) С. хотѣлъ сказать: „Jkke bange, du!" т. е. „не бойся", а у него выходило „Hikke banke, du!" т. е. „икать, колотить, ты!" *Примѣч. перев.*

того полковника изъ Одензе, который всегда относился ко мнѣ съ такимъ участіемъ. Скоро я разузналъ, что онъ живетъ возлѣ того самого кладбища, которое такъ красиво воспѣлъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Я уже стѣснялся лично разсказывать о своей нуждѣ и поэтому написалъ ему письмо, а когда могъ разсчитывать, что оно дошло до него, отправился къ нему самъ. Я засталъ его среди книгъ и табачныхъ трубокъ. Онъ принялъ меня очень ласково и, видя изъ моего письма, насколько хромаетъ у меня правописаніе, обѣщалъ позаняться со мною роднымъ языкомъ. Проэкзаменовавъ меня по-нѣмецки,—я сказалъ, что говорилъ на этомъ языкѣ съ Сибони— Гульбергъ справедливо нашелъ, что я и тутъ нуждаюсь въ помощи, и обѣщалъ заниматься со мною и по-нѣмецки. На мои нужды онъ назначилъ весь доходъ съ одной изъ своихъ брошюръ. Объ этомъ узнали, и собралось что-то около ста далеровъ. Вейзе также продолжалъ принимать во мнѣ участіе и устроилъ въ мою пользу подписку; въ ней участвовали даже двѣ служанки Сибони. Онѣ сами изъявили желаніе внести по третямъ девять марокъ изъ своего жалованья. Правда, онѣ остановились на первомъ же взносѣ, но все-таки успѣли выказать свое доброе сердце, и за то имъ спасибо! Впослѣдствіи я потерялъ ихъ изъ виду. Въ числѣ лицъ, давшихъ Гульбергу обѣщаніе вносить свою лепту въ теченіи года, былъ также композиторъ Кулау. Онъ тоже выросъ въ бѣдности; мнѣ разсказывали даже, что его зимою во время морозовъ посылали съ разными порученіями, и онъ разъ поскользнулся и упалъ съ бутылкою пива; осколки отъ нея попали ему въ глазъ, и глазъ вытекъ.

Когда хозяйка, у которой я жилъ въ упомянутой улицѣ, узнала о деньгахъ, собранныхъ для меня Гульбергомъ и Вейзе, она охотно согласилась взять меня въ нахлѣбники. Она подробно выяснила мнѣ, какъ хорошо мнѣ будетъ у нея и сколько есть въ городѣ дурныхъ людей, и я проникся убѣжденіемъ, что только у нея я могу найти себѣ вполнѣ надежное убѣжище. Отведенная мнѣ комната была въ сущности пустымъ чуланомъ безъ оконъ, свѣтъ проникалъ въ нее только чрезъ открытую дверь изъ кухни; но хозяйка предоставила мнѣ сидѣть у нея въ комнатѣ, сколько мнѣ угодно. Мнѣ было предложено попробовать, какъ хорошо она станетъ поить и кормить меня, а затѣмъ черезъ два дня дать рѣшительный отвѣтъ. При этомъ она предупредила меня, что возьметъ съ меня за все двадцать далеровъ въ мѣсяцъ, — ни гроша меньше! Вотъ тебѣ и разъ! А и всѣ то мои рессурсы вмѣстѣ взятые составляли не больше шестнадцати далеровъ въ мѣсяцъ, и ихъ должно было хватать мнѣ не только на пищу, но и на всѣ прочія нужды.

«Да, подавайте мнѣ двадцать далеровъ!» твердила хозяйка; на другой день послѣ обѣда она сказала то же, да еще опять завела рѣчь о гадкихъ и злыхъ людяхъ, къ которымъ я легко могъ попасть! Она собиралась уходить изъ дома и просила меня за время ея отсутствія окончательно обдумать

все и дать ей рѣшительный отвѣтъ; въ случаѣ же если я не соглашусь на ея условія, я могу сейчасъ же отправляться во свояси!

Въ то время я быстро привязывался къ людямъ и въ теченіи двухъ дней, проведенныхъ у нея въ домѣ, успѣлъ полюбить ее, какъ мать; я чувствовалъ себя у нея совсѣмъ, какъ дома, и уйти отъ нея было для меня истиннымъ горемъ, да и куда, къ кому? Я съ удовольствіемъ отдалъ бы ей всѣ шестнадцать далеровъ, но ей все было мало! И вотъ я въ грустномъ раздумьѣ стоялъ одинъ посреди комнаты; хозяйка ушла; слезы такъ и текли у меня по щекамъ. Надъ диваномъ висѣлъ портретъ ея покойнаго мужа, и я былъ въ то время такимъ еще ребенкомъ, что подошелъ къ портрету и смазалъ глаза покойнаго своими слезами, воображая, что онъ тогда почувствуетъ, въ какомъ я горѣ, и, можетъ быть, какъ-нибудь смягчитъ сердце своей вдовы, такъ что она согласится оставить меня у себя за шестнадцать далеровъ. Она, впрочемъ, вѣрно, и такъ сообразила, что больше денегъ выжать изъ меня нельзя и, вернувшись, сказала, что оставляетъ меня за шестнадцать далеровъ. Какъ я былъ радъ! Я благодарилъ и Бога и покойнаго. На другой день я принесъ ей всѣ деньги и былъ безконечно счастливъ, что у меня теперь есть свой уголъ; зато у меня не осталось ни гроша на самыя неотложныя нужды.

Я находился посреди самыхъ «тайнъ» Копенгагена, но не умѣлъ еще читать ихъ. У хозяйки была, кромѣ меня, еще одна жиличка, молодая ласковая дама. Она занимала комнату во дворъ, жила уединенно и по временамъ плакала. Къ ней никто не ходилъ, кромѣ ея стараго папаши. Онъ всегда приходилъ по вечерамъ. Я обыкновенно отворялъ ему дверь и впускалъ черезъ кухню. Онъ былъ одѣтъ въ старое пальто, съ завязанной платкомъ шеей и въ шляпѣ, надвинутой на брови. Говорили, что онъ приходилъ къ дочкѣ пить вечерній чай, и тогда ужъ къ ней никого не впускали,—онъ былъ нелюдимъ. Ко времени его прихода она всегда становилась какъ-то особенно грустна.

Много лѣтъ спустя, когда я жилъ уже въ иныхъ, болѣе счастливыхъ условіяхъ, когда такъ называемый высшій свѣтъ отворилъ мнѣ двери, я увидѣлъ однажды вечеромъ среди освѣщеннаго зала важнаго пожилого господина, увѣшаннаго орденами; это-то и былъ старый папаша-нелюдимъ, которому я открывалъ кухонную дверь, когда онъ бывало являлся въ своемъ старомъ пальто къ дочери. Мы не узнали другъ друга; по крайней мѣрѣ, врядъ-ли ему пришло въ голову, что я когда-то бѣднымъ мальчикомъ отворялъ ему дверь въ томъ домѣ, гдѣ онъ выступалъ въ качествѣ гастролера. Я же видѣлъ въ немъ тогда лишь почтеннаго папашу и думалъ только о собственной своей сценѣ и театрѣ. Да, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, я все еще, какъ и въ Одензе, продолжалъ играть въ куклы и въ кукольный театръ собственнаго издѣлія. Ежедневно я шилъ кукламъ новые наряды, а

чтобы добыть для этого пестрыхъ тряпокъ, ходилъ по магазинамъ и выпрашивалъ образчики матерій и шелковыхъ лентъ. Фантазія моя была до того поглощена этими кукольными нарядами, что я часто останавливался на улицѣ и разсматривалъ богатыхъ разряженныхъ въ шелкъ и бархатъ барынь, представляя себѣ, сколько королевскихъ мантій, шлейфовъ и рыцарскихъ костюмовъ могъ бы я выкроить изъ ихъ одеждъ. Мысленно я уже видѣлъ всѣ эти наряды у себя подъ ножницами! И въ такихъ-то мечтахъ я могъ проводить цѣлые часы.

Въ карманахъ у меня, какъ сказано, не было ни гроша; всѣ мои деньги шли хозяйкѣ; когда же мнѣ случалось исполнить для нея какое-нибудь порученіе въ отдаленной части города, она всегда давала мнѣ за это серебряную монету въ восемь скиллинговъ. Я заработалъ эти деньги, — говорила она; она не хотѣла никого обижать! На эти деньги я покупалъ себѣ писчую бумагу или разныя комедіи. Въ книгахъ беллетристическаго содержанія у меня недостатка не было: я доставалъ ихъ сколько угодно изъ университетской библіотеки. Отъ вдовы Бункефлодъ я узналъ, что старый ректоръ университета Расмусъ Нюропъ—сынъ простого крестьянина и учился въ гимназіи въ Одензе; вотъ я въ одинъ прекрасный день и пошелъ къ нему, какъ къ земляку. Моя оригинальная особа понравилась старику, онъ полюбилъ меня и позволилъ мнѣ приходить въ библіотеку на «Круглой башнѣ» и читать, сколько хочу, съ условіемъ ставить книги на мѣсто. Я исполнялъ условіе добросовѣстно и тщательно берегъ книжки съ иллюстраціями, которыя мнѣ позволялось брать на домъ. Я былъ такъ радъ этому! Вскорѣ у меня явилась еще новая радость: Гульбергъ упросилъ Линдгрена *) готовить меня въ актеры. Линдгренъ сталъ задавать мнѣ учить роли разныхъ Генриковъ изъ комедій Гольберга и простаковъ, считая ихъ моимъ амплуа. Мнѣ же хотѣлось играть «Корреджіо» **)! Линдгренъ позволилъ мнѣ выучить и эту роль. Я продекламировалъ ему монологъ Корреджіо въ картинной галлереѣ, и хотя Л. до начала моей декламаціи и спросилъ меня съ нѣкоторою насмѣшкою: неужели я воображаю, что мнѣ удастся походить на великаго художника, тѣмъ не менѣе выслушалъ меня съ все возраставшимъ вниманіемъ. Когда же я кончилъ, онъ потрепалъ меня по щекѣ и сказалъ: «Да, чувство въ васъ есть, но актеромъ вамъ не быть. Что же именно выйдетъ изъ васъ— сказать трудно! Поговорите съ Гульбергомъ,—нельзя-ли вамъ учиться по-латыни? Это всетаки проложитъ вамъ путь къ университету!»

Мнѣ попасть въ университетъ! Объ этомъ я уже давно пересталъ мечтать. Сцена казалась мнѣ куда ближе и милѣе. Но не мѣшало, конечно, учиться и по-латыни. Чего стоила одна возможность гордо сказать: «я учусь

*) Знаменитый комикъ датскаго королевскаго театра.

**) Главная роль въ извѣстной трагедіи Эленшлегера. *Примѣч. перев.*

по-латыни!» Прежде всего я посовѣтовался съ доброй женщиной, которая доставила мнѣ однажды даровые уроки нѣмецкаго языка, но она сказала, что уроки латинскаго языка самые дорогіе уроки въ свѣтѣ, и что тутъ на дарового учителя расчитывать нечего. Гульбергъ, однако, упросилъ одного изъ своихъ друзей, покойнаго пробста Бенцина, заниматься со мной по-латыни два раза въ недѣлю безъ всякой платы.

Балетный солистъ Далэнъ съ женою, выдающейся артисткой, гостепріимно открыли мнѣ двери своего уютнаго дома, въ то время единственнаго, въ которомъ я бывалъ. Большинство вечеровъ я проводилъ у нихъ, и ласковая сердечная хозяйка была для меня почти матерью. Далэнъ сталъ брать меня съ собою въ балетную школу,—всетаки ближе къ сценѣ! Тамъ я проводилъ все утро у длинной палки, вытягивалъ ноги и учился дѣлать battement, но несмотря на все усердіе и доброе желаніе, я подавалъ мало надеждъ. Далэнъ объявилъ, что изъ меня врядъ ли выйдетъ что-нибудь больше фигуранта. Но спасибо и за то, что я хоть могъ бывать за кулисами. Въ то время порядки были не особенно строгіе, и за кулисами всегда толклось множество постороннихъ лицъ. Даже на галлереяхъ за кулисами собирались зрители,—стоило заплатить плотнику или машинисту нѣсколько скиллинговъ. Тутъ зачастую бывали и «представители лучшаго общества». Всѣхъ, вѣдь, тянуло заглянуть въ тайники театра! И я знавалъ многихъ барынь и барышень аристократокъ, которыя являлись сюда инкогнито, не брезгуя близкимъ сосѣдствомъ съ разными кумушками изъ простыхъ. За кулисы я, слѣдовательно, уже пробрался, потомъ мнѣ позволили и сидѣть на самой послѣдней скамейкѣ въ ложѣ фигурантовъ. Не взирая на мою долговязую фигуру, на меня все еще смотрѣли, какъ на ребенка. И какъ я былъ счастливъ! Мнѣ казалось, что я уже переступилъ за порогъ сцены и принадлежу къ составу труппы; на самомъ же дѣлѣ я еще ни разу не выступалъ на сценѣ. Но и эта давно желанная минута, наконецъ, настала. Однажды шла оперетта «Два маленькихъ савояра». Ида Вульфъ (теперь камергерша Гольштейнъ) была тогда ученицей Сибони, и я часто встрѣчалъ ее у него. Она всегда обходилась со мной мило и ласково, и вотъ какъ разъ передъ началомъ оперетты мы столкнулись съ ней за кулисами, и она сообщила мнѣ, что во время сцены на рынкѣ всякій, даже театральные плотники, могутъ выйти на сцену, чтобы изображать народъ. Слѣдовало только предварительно подрумянить себѣ щеки. Я живо нарумянился и внѣ себя отъ счастья вышелъ на сцену вмѣстѣ съ другими. Я увидѣлъ передъ собою рампу, будку съ суфлеромъ и темную зрительную залу. Я былъ одѣтъ въ свое обычное платье; если не ошибаюсь, все въ то же конфирмаціонное. Оно еще держалось, но сколько я ни чистилъ его щеткой, сколько ни зашивалъ, оно выглядѣло ужъ очень плохо. Шляпа моя была слишкомъ велика и то и дѣло съѣзжала мнѣ на глаза. Я сознавалъ всѣ эти недостатки и, чтобы скрыть ихъ, прибѣгалъ

къ различнымъ, увы! довольно неуклюжимъ уловкамъ. Я боялся выпрямиться,—тогда бы сейчасъ обнаружилось, что куртка черезчуръ коротка; каблуки у сапогъ были стоптаны, и это, конечно, тоже мало содѣйствовало ловкости моихъ движеній. Кромѣ всего этого, одной моей худой долговязой фигуры было достаточно, чтобы разсмѣшить всякаго; я зналъ это по опыту. Но въ данную минуту я всетаки чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ: я впервые выступилъ на театральныхъ подмосткахъ! Тѣмъ не менѣе сердце мое такъ и колотилось. Одинъ изъ пѣвцовъ, игравшій тогда важную роль, а теперь забытый, вдругъ взялъ меня за руку и насмѣшливо поздравилъ съ первымъ дебютомъ. «Позвольте мнѣ представить васъ датской публикѣ!» сказалъ онъ и поволокъ меня къ рампѣ. Ему хотѣлось, чтобы надо мною посмѣялись; я это понялъ, слезы выступили у меня на глазахъ, я вырвался отъ него и убѣжалъ со сцены.

Въ то время Далэнъ ставилъ свой балетъ «Армида». Въ ней долженъ былъ участвовать и я, въ качествѣ тролля, въ страшной маскѣ на лицѣ. Г-жа Гейбергъ, тогда еще маленькая дѣвочка, также участвовала въ этомъ балетѣ, и въ немъ-то я и увидалъ ее въ первый разъ. Наши имена появились на афишѣ впервые въ одинъ и тотъ же день. Для меня это было настоящимъ событіемъ: имя мое появилось въ печати! Я уже видѣлъ въ этомъ залогъ моего безсмертія! Дома я весь день любовался этими печатными буквами, а вечеромъ, ложась спать, взялъ афишу съ собой въ постель, зажегъ свѣчу и все упивался своимъ напечатаннымъ именемъ, пряталъ афишу подъ подушку и опять вынималъ ее... Да, вотъ было счастье!

Я проживалъ въ Копенгагенѣ уже второй годъ. Деньги, собранныя для меня по подпискѣ Гульберга и Вейзе, изсякли; я сталъ годомъ старше, пересталъ уже быть такимъ ребенкомъ, по крайней мѣрѣ стѣснялся уже откровенно говорить со всѣми и каждымъ о своей нуждѣ. Я переѣхалъ къ одной вдовѣ шкипера, но у нея я получалъ только чашку кофе по утрамъ. Настали тяжелые, мрачные дни. Въ обѣденное время я обыкновенно уходилъ изъ дома; хозяйка предполагала, что я обѣдаю у знакомыхъ, а я сидѣлъ въ это время на какой-нибудь скамейкѣ въ Королевскомъ саду и ѣлъ грошовую булку. Рѣдкій разъ рѣшался я зайти въ какую-нибудь столовую низшаго сорта и отыскать тамъ себѣ мѣстечко гдѣ-нибудь въ углу. Сапоги мои совсѣмъ разорвались, и въ сырую погоду я постоянно ходилъ съ мокрыми ногами; теплой одежды у меня тоже не было. Я былъ въ сущности почти совсѣмъ заброшенъ, но какъ-то не сознавалъ всей тягости своего положенія. Въ каждомъ человѣкѣ, заговаривавшемъ со мной ласково, я видѣлъ истиннаго друга; въ бѣдной коморкѣ своей я чувствовалъ присутствіе Бога и часто по вечерамъ, прочитавъ вечернюю молитву, я какъ ребенокъ обращался къ Нему со словами: «Ну, ничего; скоро, вѣдь, все уладится!» Да, я твердо вѣрилъ, что Господь Богъ не оставитъ меня.

Еще съ самаго ранняго дѣтства во мнѣ жило такое представленіе, что какъ проведешь первый день новаго года, такъ проведешь и весь годъ. Я больше всего желалъ въ наступавшемъ году быть принятымъ въ труппу,— тогда, вѣдь, и жалованье не заставило бы себя ждать. Въ день новаго года театръ былъ закрытъ, но пробраться на сцену было можно. Я прокрался мимо стараго полуслѣпого сторожа и скоро очутился среди кулисъ и декорацій. Сердце у меня такъ и колотилось, но я прямо прошелъ черезъ всю сцену къ оркестру, сталъ на колѣни и хотѣлъ продекламировать отрывокъ изъ какой-нибудь роли, но... ничего не приходило мнѣ на умъ. Что-нибудь, однако, да надо же было продекламировать, если я хотѣлъ въ наступавшемъ году играть на сценѣ, и вотъ, я прочелъ громкимъ голосомъ «Отче Нашъ». Послѣ того я ушелъ вполнѣ убѣжденный, что мнѣ въ теченіи года удастся выступить въ какой-нибудь роли.

Но проходили мѣсяцы, а мнѣ все не давали никакой роли; настала весна, и пошелъ уже третій годъ моему житью въ Копенгагенѣ. За все это время я только разъ побывалъ въ лѣсу. Однажды я пѣшкомъ отправился въ «Dyrehaven» *) и здѣсь забылъ всѣхъ и вся, созерцая зрѣлище народнаго веселья. Наѣздники, звѣринцы, качели, фокусники, вафельныя пекарни съ разряженными голландками, евреи и толпы народа, рѣжущіе ухо звуки скрипокъ, пѣніе, шумъ и гамъ, все это увлекло меня тогда куда больше, чѣмъ самая природа прекрасной лѣсистой мѣстности.

Весною я вышелъ также разъ погулять въ Фредериксбергскій садъ. Деревья были покрыты свѣжею, только что распустившеюся зеленью, солнце просвѣчивало сквозь листья, трава была такая высокая, свѣжая, птички такъ чудно пѣли, и вся моя душа исполнилась ликованія... Я обхватилъ руками стволъ ближайшаго дерева и сталъ покрывать кору поцѣлуями. Я былъ въ эту минуту настоящее дитя природы. «Да онъ спятилъ, что-ли!» сказалъ какой-то прохожій; оказалось, что это былъ одинъ изъ смотрителей сада; я испугался, убѣжалъ оттуда и тихо, степенно поплелся обратно въ городъ.

Голосъ мой между тѣмъ снова вернулся. Онъ былъ теперь очень звученъ и силенъ, и тогдашній хормейстеръ при театрѣ, Кроссингъ, услыхавъ разъ мое пѣніе, предложилъ мнѣ учиться у него въ школѣ. Онъ полагалъ, что, участвуя въ хорахъ, я лучше могъ развить свой голосъ и освоиться со сценой, такъ что со временемъ мнѣ, пожалуй, могли бы поручить исполненіе маленькихъ партій. Итакъ, мнѣ, казалось, открылся новый путь къ цѣли всѣхъ моихъ стремленій, къ сценѣ. Изъ балетной школы я перешолъ въ школу хорового пѣнія, участвовалъ въ хорахъ, то въ качествѣ пастушка, то воина, то матроса и т. п. Теперь мнѣ былъ открытъ даровой входъ въ

*) Большой буковый лѣсъ въ 14 верстахъ отъ Копенгагена. *Примѣч. перев.*

партеръ, и я никогда не пропускалъ случая воспользоваться этимъ правомъ, когда въ партерѣ оставались свободныя мѣста. Я всей душой отдался театру, и не мудрено, что я позабывалъ о латинской грамматикѣ; къ тому же при мнѣ часто говорили, что ни актеру, ни хористу латынь вовсе не нужна,—и безъ нея можно сдѣлаться знаменитостью. Я находилъ это вполнѣ справедливымъ, латинская грамматика мнѣ надоѣла, и я сталъ уклоняться отъ даровыхъ вечернихъ уроковъ, иногда по причинамъ уважительнымъ, а иногда и безъ всякихъ, предпочитая сидѣть въ партерѣ. Гульбергъ узналъ объ этомъ, разсердился не на шутку и задалъ мнѣ головомойку. Это былъ первый серьезный выговоръ, которому я подвергся въ жизни, и онъ почти уничтожилъ меня. Врядъ-ли даже преступникъ, выслушивающій смертный приговоръ, могъ быть такъ потрясенъ, какъ я тогда. Вѣроятно, это отразилось у меня на лицѣ, потому что Гульбергъ прибавилъ: «Не представляйтесь, пожалуйста!» Но я и не думалъ представляться. Такъ и прекратились мои латинскіе уроки.

Никогда еще я не чувствовалъ себя такимъ зависимымъ отъ расположенія ко мнѣ добрыхъ людей. Я испытывалъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ, и бывали минуты, когда на меня находило уныніе, будущее представлялось мнѣ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, но потомъ моя дѣтская безпечность опять брала верхъ.

Вдова нашего знаменитаго государственнаго дѣятеля Христіана Кольбьёрнсена и дочь ея, г-жа Фанъ деръ Мазе, бывшая тогда фрейлиной кронпринцессы Каролины, были первыми изъ лицъ высшаго сословія, которыя обласкали бѣднаго мальчика, съ участіемъ выслушали меня и стали время отъ времени приглашать къ себѣ. Г-жа Кольбьёрнсенъ жила лѣтомъ въ «Bakkehuset» (домъ на холмѣ), принадлежавшемъ поэту Ра́беку и его женѣ—Филемону и Бавкидѣ, какъ ихъ прозвали. Я сталъ бывать у нихъ и тамъ. Самъ Ра́бекъ никогда не заговаривалъ со мною; разъ только въ саду онъ направился ко мнѣ, точно желая сказать мнѣ что-то, но дойдя до меня вплотную и поглядѣвъ на меня, онъ вдругъ круто повернулся и отошелъ прочь. Жена его, Ка́мма, живая и ласковая женщина, охотно бесѣдовала со мною. Я тогда началъ писать что-то въ родѣ комедіи и прочелъ ей начало, но она, прослушавъ нѣсколько сценъ, прервала меня возгласомъ: «Да тутъ, вѣдь, цѣлыя мѣста выписаны изъ Эленшлегера и Ингемана!»—«Да, но они такія чудныя!» отвѣтилъ я наивно и продолжалъ свое чтеніе. Однажды, когда я собирался идти отъ нея къ г-жѣ Кольбьёрнсенъ, она подала мнѣ букетъ изъ розъ и сказала: «Не снесете-ли вы ихъ г-жѣ Кольбьёрнсенъ. Она, навѣрно, будетъ очень рада получить ихъ изъ рукъ поэта!» Г-жа Рабекъ, конечно, шутила, но все же это было въ первый разъ, что мое имя связали съ именемъ «поэтъ», и это произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я готовъ былъ заплакать, и съ этой-то минуты во мнѣ и пробудилось серьезное

желаніе писать, сочинять. До того времени это было для меня такою же игрою, какъ и игра въ кукольный театръ, съ тѣхъ же поръ это стало для меня цѣлью жизни.

Разъ я пришелъ къ г-жѣ Кольбьёрнсенъ въ прекрасномъ, какъ мнѣ казалось, нарядѣ. Сынъ ея подарилъ мнѣ свой хорошій синій сюртукъ; у меня еще никогда не бывало такого, но онъ былъ слишкомъ широкъ для меня, особенно въ груди. Слѣдовало бы отдать его перешить, да гдѣ взять денегъ? Я застегнулъ его наглухо; сукно смотрѣло совсѣмъ новымъ, пуговицы такъ и блестѣли, только на груди образовался цѣлый мѣшокъ. Чтобы помочь горю, я набилъ пустое пространство старыми театральными афишами, которыхъ у меня хранилось множество. Теперь сюртукъ сидѣлъ въ обтяжку, зато на груди образовался настоящій горбъ! Въ такомъ то видѣ я и предсталъ передъ г-жами Кольбьёрнсенъ и Рабекъ. Онѣ сейчасъ же спросили, что́ у меня такое на груди, и посовѣтовали разстегнуть сюртукъ,—погода, вѣдь, стояла жаркая; но я былъ себѣ на умѣ и не разстегивался, а то бы всѣ афиши повысыпались.

Кромѣ семейства Рабека и Кольбьёрнсена, жилъ въ «Bakkehuset» еще молодой Тилэ. Онъ былъ въ то время студентомъ, но уже успѣлъ пріобрѣсти извѣстность, какъ отгадчикъ заданной Баггесеномъ въ одномъ журналѣ загадки, какъ авторъ прекрасныхъ сонетовъ и собиратель *«Датскихъ народныхъ сказаній»*. Онъ былъ человѣкъ тихій, скромный, но весьма отзывчивый и внимательно слѣдилъ за моимъ развитіемъ. Впослѣдствіи мы стали близкими друзьями. Тогда же онъ былъ однимъ изъ немногихъ лицъ, относившихся ко мнѣ съ искреннимъ и серьезнымъ участіемъ; другіе только забавлялись надо мной, видѣли однѣ мои смѣшныя стороны. Любимица Рабека, актриса Андерсенъ, которая также жила тогда въ «Bakkehuset» дала мнѣ въ шутку кличку «Der kleine Declamator» (маленькій декламаторъ); такъ меня и звали тамъ всѣ. Словомъ, на меня смотрѣли, какъ на какое-то курьезное явленіе, забавлялись мною, а я-то видѣлъ въ каждой улыбкѣ улыбку одобренія. Одинъ изъ моихъ друзей позднѣйшаго времени разсказывалъ мнѣ, что онъ въ ту пору увидѣлъ меня впервые въ домѣ одного богатаго коммерсанта, куда меня зазвали и ради забавы попросили продекламировать одно изъ собственныхъ стихотвореній. Я не замедлилъ исполнить просьбу, но продекламировалъ стихотвореніе съ такимъ чувствомъ и неподдѣльной искренностью, что глумленіе перешло въ участіе.

Другое пристанище, если можно такъ выразиться, нашелъ я въ уютномъ домѣ почтенной старушки, матери нашего извѣстнаго часовщика Юргенсена. Она обладала свѣтлымъ умомъ и была очень образована, но всецѣло принадлежала прошлому, жила одними воспоминаніями. Въ домѣ ея отца часто бывалъ Гольбергъ, а у нея самой—Вессель. Любимымъ ея чтеніемъ были трагедіи Корнеля и Расина; она часто бесѣдовала со мною о нихъ,

и не легко было увлечь ее произведеніями новой романтической школы. Она, впрочемъ, внимательно слушала мои первыя стихотворенія и трагедію *«Лѣсная часовня»*, и даже сказала однажды самымъ серьезнымъ тономъ: «Вы—поэтъ; можетъ быть, второй Эленшлегеръ. Пройдетъ лѣтъ десять—меня уже не будетъ на свѣтѣ, вспомните тогда мои слова!» Я помню, что слезы такъ и брызнули у меня изъ глазъ; слова ея прозвучали для меня торжественнымъ пророчествомъ, но всетаки я былъ далекъ отъ того, чтобы повѣрить въ него. Нѣтъ, я прямо считалъ невозможнымъ, чтобы изъ меня вышелъ настоящій признанный поэтъ, а ужъ тѣмъ болѣе такой, котораго бы можно было сравнивать съ Эленшлегеромъ.

«Вамъ бы надо поступить въ университетъ!» прибавила старушка. «Да, въ Римъ ведетъ много дорогъ! И вы, навѣрно, доберетесь туда своею.»

«Вамъ бы надо поступить въ университетъ!» Да, мнѣ часто повторяли это, разъясняя, насколько это для меня важно, даже необходимо; находились и такіе люди, которые прямо упрекали меня за то, что я не готовлюсь къ поступленію въ университетъ, говорили, что это долгъ мой, и прибавляли, что иначе изъ меня ничего не выйдетъ. Но, конечно, мнѣ пріятнѣе было болтаться безъ дѣла! Они говорили все это вполнѣ серьезно, а между тѣмъ помочь мнѣ никто изъ нихъ и не думалъ. Положеніе мое было въ сущности бѣдственное, я едва перебивался. Тогда я рѣшилъ написать трагедію, представить ее въ дирекцію королевскаго театра и, обезпечивъ себя полученнымъ за нее гонораромъ, начать готовиться къ университету. Еще въ то время, когда я ходилъ къ Гульбергу, я написалъ трагедію въ бѣлыхъ стихахъ: *«Лѣсная часовня»*, заимствовавъ сюжетъ для нея изъ нѣмецкаго разсказа того же названія. Гульбергъ смотрѣлъ на нее, какъ на простое ученическое упражненіе и положительно запретилъ мнѣ представлять ее въ дирекцію. Пришлось написать новую трагедію. Никто не долженъ былъ узнать имени автора. Сюжетъ я придумалъ самъ, и вышла на родная трагедія подъ названіемъ *«Разбойники въ Виссенбергѣ.»* Я написалъ ее въ двѣ недѣли и переписалъ набѣло, но орѳографія хромала чуть не въ каждомъ словѣ,—никто, вѣдь, не помогалъ мнѣ. Пьеса была отправлена въ дирекцію безъ имени автора, но я всетаки посвятилъ въ свою тайну одно лицо, дѣвицу Тендеръ-Лундъ, молодую аристократку, которая въ Одензе одновременно со мною готовилась къ конфирмаціи и одна изъ всѣхъ относилась ко мнѣ тогда сочувственно. Я разыскалъ ее въ Копенгагенѣ; она съ участіемъ говорила обо мнѣ въ семьѣ Кольбьёрнсена, и одно знакомство повело къ другому. Она заказала копію съ моей рукописи,—моя была неразборчива, да и нельзя же было допустить, чтобы меня узнали по почерку—и трагедія была отправлена по назначенію.

Черезъ шесть недѣль, въ теченіи которыхъ я предавался самымъ смѣлымъ ожиданіямъ, пьесу вернули забракованной, а въ приложенномъ къ ней

письмѣ говорилось, что въ виду полнѣйшей безграмотности автора, дирекція проситъ его впредь таковыхъ пьесъ не присылать.

Случилось это какъ разъ въ концѣ сезона 1822 г. Почти одновременно съ этимъ письмомъ я получилъ отъ дирекціи и другое; изъ него я узналъ, что меня уволили изъ хоровой и балетной школъ, такъ какъ дальнѣйшее пребываніе мое въ нихъ было признано безполезнымъ. Въ письмѣ, впрочемъ, было выражено желаніе, чтобы доброжелатели мои поддержали меня и помогли мнѣ пріобрѣсти необходимое образованіе, безъ чего всякія дарованія ни къ чему.

Я снова почувствовалъ себя выброшеннымъ за бортъ. Тѣмъ не менѣе я порѣшилъ, во что бы то ни стало написать такую пьесу для театра, которую бы приняли, и написалъ трагедію «*Альфсоль*», заимствовавъ сюжетъ изъ разсказа Самсё. Я былъ въ восторгѣ отъ первыхъ дѣйствій и, не долго думая, отправился показать ихъ совершенно незнакомому мнѣ тогда переводчику Шекспира, покойному теперь адмиралу Петру Вульфу, въ домѣ и семьѣ котораго я впослѣдствіи сталъ своимъ человѣкомъ. Много лѣтъ спустя, онъ описывалъ мнѣ наше первое знакомство въ преувеличенно-забавномъ видѣ. Онъ разсказывалъ, что я будто бы какъ только вошелъ къ нему въ кабинетъ, такъ сразу и началъ: «Вы перевели Шекспира; я его ужасно люблю и самъ написалъ трагедію; вотъ послушайте!» Вульфъ предложилъ мнѣ сперва позавтракать съ нимъ, но я отказался, быстро-быстро прочелъ свое произведеніе и затѣмъ сказалъ: «Не выйдетъ-ли изъ меня чего-нибудь? Мнѣ бы этого такъ хотѣлось!» Затѣмъ я сунулъ рукопись въ карманъ и на приглашеніе Вульфа побывать у него опять отвѣтилъ: «Хорошо, когда я окончу новую трагедію, я опять приду!» — «Ну, этого долго ждать!» сказалъ онъ. «Нѣтъ,» возразилъ я: «недѣльки черезъ двѣ, я думаю, у меня будетъ готова другая!» И затѣмъ меня и слѣдъ простылъ.

Разсказъ этотъ, вѣроятно, нѣсколько утрированъ, но всетаки характеризуетъ мою тогдашнюю личность. Къ Г. Х. Эрстеду я точно также явился безъ всякой рекомендаціи, и, право, я вижу какъ бы перстъ Божій въ томъ, что я постоянно обращался къ лучшимъ изъ людей, не зная и даже не имѣя возможности судить объ ихъ общественномъ значеніи. Эрстедъ съ первой же минуты нашего знакомства и вплоть до самой смерти своей оказывалъ мнѣ все возраставшее участіе, которое впослѣдствіи перешло въ истинную дружбу. На мое умственное развитіе онъ имѣлъ большое вліяніе, а въ трудныя минуты моей авторской дѣятельности всегда поддерживалъ во мнѣ бодрость духа, отдавалъ должное моимъ трудамъ и предсказывалъ мнѣ, что когда-нибудь да я дождусь такого же отношенія къ нимъ и со стороны всѣхъ остальныхъ моихъ земляковъ. Домъ его скоро сталъ для меня роднымъ; я игралъ съ его дѣтьми; они выросли у меня на глазахъ и навсегда сохранили ко мнѣ добрыя чувства; въ его же домѣ я нашелъ своихъ старѣй-

шихъ и вѣрнѣйшихъ друзей. Такое же доброе участіе оказывалъ мнѣ пробстъ Гутфельдъ. Онъ въ числѣ немногихъ лицъ возлагалъ тогда на меня самыя свѣтлыя надежды. Познакомившись съ моей юношеской трагедіей «*Альфсоль*», онъ представилъ и рекомендовалъ ее театральной дирекціи. Надежды смѣнялись во мнѣ опасеніями. «Если забракуютъ и этотъ трудъ, я ужъ не знаю, за что и взяться!» думалъ я.

Въ теченіи лѣта мнѣ пришлось терпѣть горькую нужду, но я молчалъ о ней, не то среди множества лицъ, знавшихъ меня тогда, нашлись бы, вѣрно, такія, которыя бы облегчили мое положеніе. Какой-то ложный стыдъ удерживалъ меня откровенно признаться въ своемъ тяжеломъ положеніи. Стоило ласково заговорить со мною, и лицо мое сіяло радостью. Впрочемъ, въ одномъ отношеніи я чувствовалъ себя тогда безконечно счастливымъ: я впервые познакомился съ романами Вальтера Скотта, и для меня открылся какъ бы новый міръ; за чтеніемъ я забывалъ всю окружавшую меня горькую дѣйствительность и тратилъ на плату за чтеніе деньги, на которыя слѣдовало бы обѣдать.

Съ того же времени началось мое знакомство съ человѣкомъ, который потомъ въ теченіи многихъ лѣтъ былъ для меня любящимъ отцомъ, и дѣти котораго стали для меня братьями и сестрами. Я сталъ какъ бы членомъ его семьи, и стоитъ мнѣ назвать имя этого человѣка, чтобы вызвать во всѣхъ моихъ соотечественникахъ сознаніе тѣхъ великихъ заслугъ, которыя онъ оказалъ какъ государству, такъ и многимъ отдѣльнымъ лицамъ. Человѣкъ этотъ, столь же выдающійся своей дѣловитостью, сколько своимъ безконечно добрымъ сердцемъ и твердой волей, былъ — Іонасъ Коллинъ. Кромѣ различныхъ другихъ должностей, онъ занималъ тогда и должность директора королевскаго театра. Мнѣ со всѣхъ сторонъ говорили, что если бы мнѣ посчастливилось заинтересовать собою этого человѣка, онъ, навѣрное, сдѣлалъ бы для меня что-нибудь. И вотъ пробстъ Гутфельдъ рекомендовалъ меня ему, и я впервые переступилъ порогъ того дома, который впослѣдствіи сталъ для меня роднѣе родного. Изъ перваго разговора съ Коллиномъ я вынесъ только впечатлѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ дѣловомъ. Говорилъ онъ со мною немного и, какъ мнѣ показалось, черезчуръ строгимъ, почти суровымъ тономъ. Я ушелъ, не ожидая встрѣтить въ этомъ человѣкѣ никакого участія ко мнѣ, а между тѣмъ именно онъ-то тогда больше всѣхъ и позаботился обо мнѣ, но по своему обыкновенію втихомолку, незамѣтно для другихъ. Тогда я еще не зналъ, что скрывалось за его наружнымъ спокойствіемъ въ то время, какъ онъ выслушивалъ просьбы нуждающихся, не зналъ, что сердце его при этомъ обливалось кровью, а по уходѣ просителя глаза наполнялись слезами; послѣ же того онъ энергично и успѣшно принимался дѣйствовать въ пользу просителя. Представленной мною пьесы, за которую я уже выслушалъ столько похвалъ, онъ коснулся въ разговорѣ

лишь слегка, такъ что я сталъ видѣть въ немъ скорѣе недоброжелателя, чѣмъ покровителя. Не прошло, однако, и недѣли, какъ меня позвали въ театральную дирекцію. Рабекъ возвратилъ мнѣ рукопись «Альфсоля», и сказалъ, что пьеса не годится для сцены, но прибавилъ, что въ виду «блещущихъ въ ней искорокъ истиннаго таланта», дирекція надѣется, что при основательной подготовкѣ въ какомъ-нибудь училищѣ, гдѣ бы мнѣ дали возможность пройти полный курсъ съ самаго начала, отъ меня со временемъ и можно было бы, пожалуй, дождаться произведеній, достойныхъ постановки на сценѣ королевскаго театра.

И вотъ чтобы доставить мнѣ эту возможность, Коллинъ имѣлъ обо мнѣ разговоръ съ королемъ Фредерикомъ VI. Король назначилъ мнѣ ежегодную стипендію и кромѣ того разрѣшилъ безплатно принять меня въ гимназію, находившуюся въ городѣ Слагельсэ. Я почти онѣмѣлъ отъ изумленія,—ни о чемъ такомъ я и не мечталъ. Изумленіе помѣшало мнѣ даже какъ слѣдуетъ сообразить, что мнѣ слѣдовало теперь дѣлать. Отъѣздъ мой въ Слагельсэ назначенъ былъ съ первымъ же отходящимъ почтовымъ дилижансомъ. Деньги на прожитіе я долженъ былъ получать отъ Коллина каждые три мѣсяца; ему же я обязанъ былъ отдавать отчетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и ученьи.

Я пошелъ къ Коллину вторично, чтобы поблагодарить его. На этотъ разъ онъ разговорился со мной, былъ очень сердеченъ и ласковъ, и, наконецъ, сказалъ мнѣ: «Пишите мнѣ откровенно о своихъ нуждахъ и о томъ, какъ пойдетъ ученье!» Съ этихъ поръ онъ взялъ меня подъ свое покровительство и сталъ для меня настоящимъ отцемъ. Никто больше и искреннѣе его не радовался моимъ позднѣйшимъ успѣхамъ, никто не принималъ большаго участія въ моихъ горестяхъ, словомъ, онъ относился ко мнѣ, какъ къ родному сыну. И при всемъ этомъ онъ ни разу ни словомъ, ни взглядомъ не далъ мнѣ почувствовать, что онъ мой благодѣтель. Не всѣ такъ поступали. Другіе часто давали мнѣ понять, какое безмѣрное счастье выпало на долю мнѣ, бѣдняку, и строго-настрого требовали отъ меня за все это усердія и прилежанія.

Отъѣздъ мой былъ рѣшенъ такъ быстро, а между тѣмъ мнѣ предстояло еще уладить одно дѣло. Я встрѣтился въ Копенгагенѣ съ однимъ знакомымъ изъ Одензе, управляющимъ типографіей какой-то вдовы, говорилъ съ нимъ о своихъ литературныхъ опытахъ, и онъ обѣщалъ мнѣ напечатать мою трагедію «*Альфсоль*» и небольшой разсказецъ «*Привидѣніе на могилѣ Пальнатока.*» Онъ принялъ отъ меня рукопись съ тѣмъ условіемъ, что она поступитъ въ наборъ не раньше, чѣмъ мнѣ удастся набрать достаточное число подписчиковъ на мою книжку. Передъ самымъ отъѣздомъ я и побѣжалъ въ типографію; увы! она была заперта, и я махнулъ рукой на это дѣло. Втайнѣ-то, я, впрочемъ, всетаки, льстилъ себя надеждою, что произведенія мои все-

таки какъ-нибудь напечатаютъ и выпустятъ въ свѣтъ. Къ сожалѣнію, это и случилось нѣсколько лѣтъ спустя, когда знакомый мой уже умеръ и когда я считалъ свою рукопись окончательно похороненной. Книжка явилась въ свѣтъ безъ моего вѣдома и желанія, явилась въ своемъ первоначальномъ необработанномъ видѣ и подъ вымышленнымъ именемъ. Выбранный мною тогда псевдонимъ можетъ съ перваго взгляда показаться доказательствомъ колоссальнѣйшаго тщеславія автора, а между тѣмъ я въ этомъ случаѣ просто поступилъ, какъ ребенокъ, дающій своимъ кукламъ имена наиболѣе любимыхъ имъ лицъ. Я любилъ Вильяма Шекспира, любилъ Вальтера Скотта, любилъ, конечно, и самого себя, и вотъ я взялъ ихъ имена, прибавилъ къ нимъ свое собственное имя Христіанъ, и получился псевдонимъ «Вильямъ-Христіанъ-Вальтеръ.» Книжка эта еще существуетъ; въ ней напечатаны: трагедія «*Альфсоль*» и разсказъ «*Привидѣніе на могилѣ Пальнатока*», въ которомъ ни привидѣніе, ни Пальнатокъ не играютъ никакой роли. Разсказъ этотъ просто грубое подражаніе Вальтеру Скотту и, какъ и трагедія, произведеніе крайне незрѣлое.

Въ прекрасный осенній день я уѣхалъ изъ Копенгагена въ Слагельсэ, гдѣ учились въ свое время и наши знаменитые поэты Баггесенъ и Ингеманъ. Въ диллижансѣ я познакомился съ однимъ молодымъ студентомъ; онъ всего мѣсяцъ тому назадъ сдалъ свой экзаменъ и ѣхалъ теперь къ роднымъ въ Ютландію, чтобы показаться имъ студентомъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ открывавшейся передъ нимъ новой жизни и увѣрялъ меня, что былъ бы несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, еслибы вдругъ очутился на моемъ мѣстѣ и принужденъ былъ начать ученье сначала! По его словамъ, это было нѣчто ужасное; но я не терялъ мужества. Матери я отправилъ восторженное письмо и искренно жалѣлъ объ одномъ, что ни отецъ мой, ни бабушка не дожили до этой счастливой минуты, а то какъ бы они обрадовались, узнавъ, что я таки поступилъ въ гимназію!

III.

Въ Слагельсэ я пріѣхалъ поздно вечеромъ, остановился въ нумерахъ для пріѣзжихъ и первымъ долгомъ спросилъ хозяйку, что́ есть въ городѣ достопримѣчательнаго.

«Новый англійскій пожарный насосъ и библіотека пастора Бастгольма!» отвѣтила она; этимъ и дѣйствительно почти ограничивались всѣ достопримѣчательности Слагельсэ. Нѣсколько гарнизонныхъ офицеровъ играли здѣсь роль высшей мужской аристократіи. Въ каждомъ домѣ было извѣстно, поднялся ли за послѣдній мѣсяцъ какой-нибудь гимназистъ или опустился. Гимназія да драматическій кружокъ служили для горожанъ неистощимыми темами для разговоровъ; на генеральныя репетиціи въ театрѣ былъ открытъ входъ всѣмъ городскимъ гимназистамъ и служанкамъ, — актеры-любители

привыкали такимъ образомъ играть передъ полною залою. Въ *«Картинкахъ-невидимкахъ»* я описалъ этотъ театръ.

Я поступилъ нахлѣбникомъ къ одной почтенной, образованной вдовѣ; у меня была отдѣльная маленькая комнатка, окнами въ садъ и въ поле; окна съ выжженными солнцемъ стеклами были обвиты дикимъ виноградомъ.

Въ гимназіи меня посадили съ маленькими мальчиками во второй классъ; я вѣдь, въ сущности ровно ничего не зналъ. Я былъ похожъ теперь на вольную птичку засаженную въ клѣтку. Охота къ ученью у меня была большая, но давалось оно мнѣ трудно. Положеніе мое можно было сравнить съ положеніемъ человѣка, неумѣющаго плавать и брошеннаго въ море. Дѣло шло о жизни и смерти, и я изо всѣхъ силъ боролся съ волнами, грозившими утопить меня; одна волна называлась математикой, другая грамматикой, третья географіей и т. д. Я захлебывался и боялся, что мнѣ никогда не удастся выплыть. То я перевиралъ имена, то что-нибудь перепутывалъ, то задавалъ самые невозможные вопросы, какихъ не полагается задавать мало-мальски развитому школьнику. Директоръ нашъ, вообще большой насмѣшникъ, конечно, нашелъ во мнѣ самую подходящую мишень для своихъ насмѣшекъ, и наконецъ совсѣмъ запугалъ меня. Я благоразумно рѣшился оставить пока всякое стихокропаніе, но обстоятельства заставили меня на первыхъ же порахъ выступить въ качествѣ поэта. Предстояло утвержденіе нашего директора пріѣзжавшимъ къ намъ епископомъ, и учитель пѣнія поручилъ мнѣ написать текстъ привѣтственной пѣсни. Я написалъ, и она была пропѣта. Въ прежнее время я былъ бы въ восторгѣ отъ сознанія, что являюсь однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ такомъ торжествѣ, но тутъ я впервые испыталъ чувство болѣзненной грусти, которое потомъ давило меня много лѣтъ кряду. Во время празднества я ушелъ изъ церкви на маленькое кладбище и остановился у запущенной могилки поэта Франкенау. Я былъ въ самомъ грустномъ настроеніи и сталъ молить Бога, чтобы Онъ или сдѣлалъ изъ меня поэта, какъ Франкенау, или поскорѣе послалъ мнѣ смерть. Директоръ не сказалъ мнѣ о моей пѣснѣ ни слова, напротивъ, мнѣ казалось, что онъ смотритъ на меня какъ-то особенно строго. Вообще онъ въ моихъ глазахъ являлся олицетвореніемъ какой-то высшей силы и власти; я вѣрилъ безусловно каждому его слову, даже его насмѣшкамъ, такъ что выслушавъ отъ него однажды за какой-то неудачный отвѣтъ «дурака», я предобросовѣстно сообщилъ это Коллину и прибавилъ при этомъ, что очень опасаюсь оказаться недостойнымъ всего того, что для меня дѣлаютъ. Коллинъ отвѣтилъ мнѣ небольшимъ, но очень сердечнымъ письмомъ, въ которомъ успокоивалъ и ободрялъ меня. Скоро я дѣйствительно сталъ понемножку успѣвать въ наукахъ и получать хорошія отмѣтки. Тѣмъ не менѣе я все болѣе и болѣе падалъ духомъ и терялъ вѣру въ самого себя. На одномъ изъ первыхъ же экзаменовъ я, однако, заслужилъ похвалу самого директора, и мнѣ былъ

данъ на нѣсколько дней отпускъ въ Копенгагенъ. Какъ я былъ счастливъ! Гульбергъ, убѣдившійся въ моемъ серьезномъ желаніи учиться и въ моихъ успѣхахъ, принялъ меня очень ласково и похвалилъ меня за мое усердіе. «Только не пишите стиховъ!» сказалъ онъ. То же твердили мнѣ и всѣ остальные, но я и не писалъ никакихъ стиховъ, весь отдавшись своимъ занятіямъ и лелѣя въ душѣ одну, правда, слабую надежду когда-нибудь сдѣлаться студентомъ.

Въ Слагельсэ проживалъ пасторъ Бастгольмъ, извѣстный ученый и редакторъ «Восточно-Зеландскихъ Вѣдомостей»; жилъ онъ очень уединенно, вдали отъ общества, погрузившись въ свои ученыя занятія. Я не приминулъ посѣтить его и показалъ ему кое-какія изъ моихъ первыхъ литературныхъ попытокъ. Онѣ заинтересовали его, но онъ вполнѣ разумно посовѣтовалъ мнѣ пока оставить всякое писаніе и думать только о своихъ учебныхъ занятіяхъ. Письмо, которое онъ написалъ мнѣ по этому поводу, дышитъ такимъ доброжелательствомъ и благоразуміемъ, что его не худо «сложить въ своемъ сердцѣ» всякому юношѣ. Вотъ оно:

«Я прочелъ вашъ прологъ, мой юный другъ, и могу сказать, что Господь одарилъ васъ живымъ воображеніемъ и отзывчивымъ сердцемъ. Вамъ недостаетъ только образованія. Но за этимъ дѣло, конечно, не станетъ, разъ вамъ даны теперь средства пріобрѣсти его. Вашею первою и неизмѣнною задачею должно быть пополненіе вашихъ познаній, все же остальное пока въ сторону. Я бы желалъ, чтобы ваши юношескія попытки не появлялись въ печати,—зачѣмъ обременять публику незрѣлыми плодами творчества? Ихъ и безъ того довольно! Тѣмъ не менѣе ваши попытки могутъ сослужить вамъ службу, оправдывая участіе, которое принимаютъ въ васъ. Всякому молодому поэту пуще всего надо беречься заразы тщеславія и стараться сохранить душевныя чистоту и силу. Пока вы учитесь, пишите стихи лишь изрѣдка и только ради того, чтобы дать исходъ волнующимъ васъ чувствамъ. Не пишите, если вамъ приходится подыскивать мысли и слова, пишите только тогда, когда душа оживлена идеей, а сердце согрѣто чувствами. Внимательно изучайте природу, жизнь человѣческую и самого себя, и у васъ всегда будетъ собственный матеріалъ для описаній. Берите предметами наблюденія окружающія васъ мелкія явленія и разсмотрите ихъ со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ взяться за перо. Сдѣлайтесь такимъ поэтомъ, какъ будто до васъ не было ни одного поэта, какъ будто вамъ не у кого было учиться, и берегите въ себѣ благородство и высоту помысловъ и чистоту душевную. Безъ этого поэту не стяжать себѣ вѣнца безсмертія!

Слагельсэ. 1 Февраля 1823 г.

Вашъ преданный Бастгольмъ».

Съ такимъ же сочувствіемъ слѣдилъ за мною вышеупомянутый полков-

Всесоюзная Библиотека

никъ, нынѣ генералъ, Гульбергъ изъ Одензе. Онъ отъ души радовался, узнавъ о моихъ успѣхахъ и о поступленіи въ гимназію и время отъ времени писалъ мнѣ ласковыя одобряющія письма. Передъ наступленіемъ же первыхъ моихъ лѣтнихъ каникулъ онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ приглашалъ меня къ себѣ и даже приложилъ денегъ на дорогу.

Я не былъ въ своемъ родномъ городѣ съ того самаго дня, какъ пустился по бѣлу-свѣту. За это время успѣли умереть и моя бабушка и мой слабоумный дѣдушка. Мать прежде часто говаривала мнѣ, что меня ждетъ счастье, что я единственный наслѣдникъ дѣдушки, а у него, вѣдь, былъ собственный домъ! Домикъ этотъ, маленькій, полудеревянный, полукаменный, какъ только дѣдушка умеръ, былъ немедленно проданъ и срытъ. Большая часть вырученныхъ за него денегъ пошла на погашеніе числившихся за дѣдушкой разныхъ недоимокъ. За недоимки же была взята изъ дома и большая печка съ «мѣднымъ пузомъ»; ее-то стоило унаслѣдовать,—говорили всѣ—не даромъ ее поставили въ ратушѣ. Нашли послѣ дѣдушки и много денегъ, но все старыхъ, кассированныхъ уже ассигнацій. Правительство объявило ихъ недѣйствительными еще въ 1813 г., но когда слабоумному дѣдушкѣ сказали объ этомъ, онъ отвѣтилъ: «Никто не смѣетъ кассировать королевскихъ ассигнацій, а самъ король не станетъ ихъ кассировать!» Вотъ и все. Такимъ образомъ все полученное мною «огромное наслѣдство» состояло изъ двадцати съ чѣмъ-то рихсдалеровъ, но, откровенно говоря, я никогда и не мечталъ объ этомъ наслѣдствѣ, поэтому и не былъ разочарованъ. Мысль о посѣщеніи родного города просто сводила меня съ ума отъ радости, освѣщала солнышкомъ все мое прошедшее и будущее, и я дождаться не могъ этой счастливой минуты.

Переправившись черезъ Бельтъ, я всю остальную часть пути отъ Нюборга до Одензе сдѣлалъ пѣшкомъ; всѣ мои пожитки заключались въ небольшомъ узелкѣ. По мѣрѣ того, какъ я приближался къ городу, и колокольня кладбищенской церкви вырисовывалась передо мною все яснѣе и яснѣе, сердце мое все больше и больше переполнялось чувствомъ глубокой признательности за всѣ заботы Господа обо мнѣ, и я, наконецъ, заплакалъ. Мать при свиданіи не помнила себя отъ радости и сказала мнѣ, что я непремѣнно долженъ побывать въ многихъ «важныхъ» домахъ, между прочимъ и у одного купца и у одного писаря. Въ домахъ Иверсена и Гульберга меня встрѣтили съ распростертыми объятіями. Проходя по узенькимъ переулкамъ, я замѣчалъ, что во многихъ домахъ отворяются окна, и оттуда выглядываютъ на меня любопытные; всѣ, вѣдь, знали, какъ удивительно мнѣ повезло въ столицѣ, знали, что я учусь теперь на деньги самого короля. «Да, сынишка-то Маріи башмачницы не плохъ!» говорили они. Книгопродавецъ, совѣтникъ Сёренъ Гемпель, у котораго на дворѣ была построена башня для астрономическихъ наблюденій, повелъ меня на нее, и я смотрѣлъ

оттуда на городъ и окрестности, а внизу на площади стояли бѣдныя старухи изъ богадѣльни и указывали на меня пальцами. Онѣ, вѣдь, знали меня еще маленькимъ мальчикомъ, а теперь я, вишь, какъ высоко, забрался! Я и въ самомъ дѣлѣ стоялъ теперь какъ будто на высшей ступени счастья. Однажды послѣ обѣда я съ семействами Гульберга и епископа поѣхалъ кататься на лодкѣ по рѣкѣ, и мать моя плакала отъ умиленія, что меня теперь «чествуютъ, точно графчика какого-то!» Увы! Всему этому веселью и блеску насталъ конецъ, когда я опять вернулся въ Слагельсэ.

Я безъ преувеличенія могу сказать, что былъ очень прилеженъ; за это меня каждый годъ и переводили въ слѣдующій классъ; но такъ какъ я всякій разъ оказывался всетаки недостаточно подготовленнымъ, то и учиться мнѣ становилось все труднѣе и труднѣе, почти не подъ силу. Сколько разъ бывало по ночамъ вставалъ я изъ-за своихъ учебниковъ и обливалъ себѣ голову холодной водой или выходилъ освѣжиться въ садъ, чтобы прогнать дремоту и продолжать занятія. Директоръ нашъ, человѣкъ очень ученый и даровитый, совсѣмъ не былъ, однако, какъ это показало время, хорошимъ педагогомъ. Преподаваніе было для него наказаніемъ; наказаніемъ оно было и для насъ. Большинство учениковъ боялось его, я же пуще всѣхъ и не столько за его строгость, сколько за его страсть насмѣхаться надъ нами и давать намъ разныя обидныя клички. Случалось, что мимо оконъ класса гнали стадо, и кто-нибудь изъ учениковъ засматривался на него; тогда директоръ приказывалъ намъ всѣмъ встать съ мѣстъ и идти къ окну «смотрѣть на своихъ братцевъ». Если ему не отвѣчали достаточно бойко, онъ вставалъ съ каѳедры и продолжалъ урокъ, обращаясь къ печкѣ. Быть осмѣяннымъ казалось мнѣ страшнѣе всего; поэтому стоило директору войти въ классъ, и я уже весь трепеталъ, едва дышалъ отъ страха, отъ чего, разумѣется, и отвѣчалъ зачастую совсѣмъ невпопадъ. Какъ же ему было не говорить, что отъ меня не добьешься разумнаго слова! Я сталъ отчаиваться въ самомъ себѣ и однажды вечеромъ, находясь въ особенно мрачномъ угнетенномъ настроеніи, написалъ письмо нашему инспектору Квистгору, въ которомъ просилъ его совѣта и помощи, жаловался на свою неспособность къ ученію и высказывалъ опасеніе, что въ Копенгагенѣ жестоко ошиблись во мнѣ, и что деньги, потраченныя на меня, брошены задаромъ! Мнѣ казалось, что я долженъ сообщить обо всемъ этомъ Коллину, и вотъ я и просилъ у Квистгора совѣта, какъ поступить, что дѣлать. Добрѣйшій человѣкъ отвѣтилъ мнѣ длиннымъ ласковымъ письмомъ; онъ совѣтовалъ мнѣ не падать духомъ и увѣрялъ, что директоръ желалъ мнѣ добра, что это просто у него манера такая насмѣхаться. Затѣмъ онъ писалъ, что я вообще замѣтно подвигаюсь впередъ, такъ что мнѣ нечего отчаиваться въ своихъ способностяхъ, и разсказывалъ, что самъ началъ учиться двадцатитрехлѣтнимъ парнемъ—еще старше меня, значитъ. Вся бѣда, по его мнѣнію,

была въ томъ, что со мною нужно было заниматься совсѣмъ иначе, нежели съ прочими учениками, но школьныя условія этого не позволяли. И въ самомъ дѣлѣ въ нѣкоторыхъ предметахъ я преуспѣвалъ очень быстро; за Законъ Божій и сочиненія на родномъ языкѣ у меня всегда бывали прекрасныя отмѣтки, и товарищи, даже изъ высшихъ классовъ, часто обращались ко мнѣ съ просьбами написать для нихъ сочиненія, «только ужъ не черезчуръ хорошія, а то замѣтятъ!» Мнѣ же они помогали въ латинскомъ языкѣ. За поведеніе я всякій мѣсяцъ у всѣхъ учителей получалъ отмѣтку «превосходно» *), но одинъ разъ случилось получить только «очень хорошо,» и я былъ такъ огорченъ этимъ, что тотчасъ же написалъ Коллину трагикомическое письмо, въ которомъ увѣрялъ его въ полнѣйшей своей невинности по этому поводу.

Позже я убѣдился въ томъ, что директоръ дѣйствительно былъ обо мнѣ совершенно иного мнѣнія, нежели какое высказывалъ мнѣ въ глаза; впрочемъ, время отъ времени благосклонность его ко мнѣ всетаки прорывалась наружу; такъ, напримѣръ, я постоянно бывалъ въ числѣ учениковъ, которыхъ онъ приглашалъ къ себѣ домой по воскресеньямъ. Тутъ онъ являлся совсѣмъ инымъ человѣкомъ, нежели въ гимназіи, былъ веселъ, шутилъ съ нами, острилъ, разставлялъ для насъ оловянныхъ солдатиковъ; въ играхъ этихъ принимали участіе и его собственныя дѣти. Каждый праздникъ одинъ изъ классовъ, очередной, долженъ былъ присутствовать у обѣдни; мнѣ, какъ великовозрастному ученику, директоръ съ самаго начала велѣлъ ходить въ церковь со старшимъ классомъ. Всѣ ученики пользовались обыкновенно временемъ, проводимымъ въ церкви, для приготовленія уроковъ по исторіи или по математикѣ; старика-священника никто не слушалъ; примѣръ заразителенъ, и я тоже сталъ въ это время учить уроки, но по Закону Божію,—это казалось мнѣ всетаки менѣе грѣшнымъ.

Свѣтлыми минутами въ нашей школьной жизни являлись наши посѣщенія генеральныхъ репетицій въ драматическомъ кружкѣ. Театръ былъ передѣланъ изъ конюшни, находился на заднемъ дворѣ, и до зрителей доносилось мычаніе коровъ съ поля. Декорація улицы изображала городскую площадь, отъ чего всѣ пьесы становились какъ-то знакомѣе,—дѣйствіе всегда происходило, вѣдь, въ Слагельсэ, и публику тѣшило отыскивать на декораціи свои собственные дома и дома сосѣдей. По субботамъ, вечеромъ, я обыкновенно прогуливался къ полуразрушившемуся замку Антворсковъ, который воспѣтъ поэтомъ Франкенау.

Съ большимъ интересомъ слѣдилъ я за раскопками въ старыхъ подвалахъ замка; здѣсь для меня открывалась цѣлая Помпея. Въ маленькомъ домикѣ въ саду жила тогда одна молодая чета. И мужъ и жена принадле-

*) См. примѣч. Т. III. стр. 271.

жали къ знатнымъ семействамъ, и по всей вѣроятности, поженились безъ ихъ согласія. Жили они, видно, бѣдно, но счастливо. Низенькая комнатка съ бѣлыми оштукатуренными стѣнами дышала своеобразнымъ комфортомъ и красотою; на столѣ всегда красовались букеты свѣжихъ цвѣтовъ, лежали книги въ богатыхъ переплетахъ; часто звучала арфа... Я случайно познакомился съ молодыми новобрачными, и они всегда встрѣчали меня у себя съ неизмѣннымъ радушіемъ. Да, этотъ маленькій, уединенный домикъ заключалъ въ своихъ стѣнахъ чисто идиллическое счастье.

Отъ замка я обыкновенно шелъ къ кресту Св. Андерса, уцѣлѣвшему тутъ еще со временъ господства католицизма. Преданіе гласило, что св. Андерсъ былъ священникомъ въ Слагельсэ и отправился на поклоненіе Гробу Господню; въ день отъѣзда оттуда онъ забылся въ молитвѣ у Св. Гроба, и корабль отплылъ безъ него. Печально бродилъ онъ по берегу; вдругъ передъ нимъ предсталъ человѣкъ на ослѣ и пригласилъ Андерса сѣсть на осла позади него. Онъ принялъ предложеніе и тотчасъ же впалъ въ глубокій сонъ; проснулся онъ отъ звона колоколовъ въ Слагельсэ и увидѣлъ, что лежитъ на холмѣ близъ города, на которомъ впослѣдствіи въ память этого событія и былъ водруженъ крестъ съ распятіемъ. Св. Андерсъ прибылъ домой цѣлымъ годомъ раньше корабля, который отплылъ, не дождавшись его; человѣкъ на ослѣ былъ ангеломъ Господнимъ. Я очень любилъ это преданіе и самое мѣсто, и много вечеровъ провелъ, сидя на холмѣ и глядя на луга и хлѣбныя поля, разстилавшіяся кругомъ вплоть до самаго Корсёра, родного города поэта Баггесена. И онъ, вѣрно, тоже, въ бытность свою ученикомъ гимназіи въ Слагельсэ, часто сиживалъ на этомъ холмѣ, глядя на Бельтъ и Фіонію. На холмѣ Св. Андерса я предавался своимъ мечтамъ, и сколько воспоминаній пробуждало во мнѣ это мѣсто, всякій разъ какъ мнѣ впослѣдствіи приходилось проѣзжать мимо него въ диллижансѣ.

Больше же всего радовался я, когда по воскресеньямъ выдавалась возможность отправиться въ Сорё и посѣтить тамъ поэта Ингемана. Онъ въ то время читалъ лекціи въ академіи и только что женился на дѣвицѣ Мандиксъ. Онъ ласково принималъ меня у себя еще въ Копенгагенѣ, здѣсь же сталъ относиться ко мнѣ еще сердечнѣе. Молодая, добрая и умная жена его обходилась со мной, какъ съ младшимъ братомъ. Ахъ, какъ я любилъ бывать у нихъ! Въ домѣ у нихъ на всемъ лежалъ отпечатокъ истинной поэзіи. Самый домъ стоялъ въ уединенномъ, уютномъ мѣстечкѣ, близъ озера и лѣса; виноградныя лозы обвивали окна, всѣ стѣны въ комнатахъ были увѣшаны картинами и портретами, выдающихся датскихъ и вообще европейскихъ писателей; въ саду красовались чудесные цвѣты, полевыя и лѣсныя растенія. Мы катались по озеру въ лодкѣ; къ мачтѣ была прикрѣплена эолова арфа; Ингеманъ при этомъ что-нибудь разсказывалъ, и такъ живо, занимательно! И онъ и жена его были образцами живой естественности во всемъ; я при-

вязывался нимъ къ все больше и больше, и наша взаимная дружба все росла съ годами. Лѣтомъ я гостилъ у нихъ по цѣлымъ недѣлямъ и чувствовалъ, что есть на свѣтѣ люди, въ обществѣ которыхъ самъ становишься какъ-то лучше, все горькое испаряется изъ сердца, и весь свѣтъ кажется залитымъ солнцемъ, на самомъ-то дѣлѣ исходящимъ отъ пріютившаго насъ прекраснаго семейнаго очага.

Въ числѣ учениковъ академіи въ Сорё были двое юношей, писавшихъ стихи. Они узнали во мнѣ собрата и подружились со мною. Фамилія одного была Petit; впослѣдствіи онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ нѣсколько моихъ произведеній; переводъ былъ сдѣланъ съ любовью, но довольно не точно; кромѣ того, онъ написалъ мою біографію, увы! совершенно фантастическую. Домъ моихъ родителей очевидно былъ списанъ имъ съ избушки старухи въ «*Безобразномъ утенкѣ*»; мать моя была изображена въ видѣ Мадонны, а меня самого онъ заставилъ бѣгать «при свѣтѣ вечерняго солнца съ босыми розовыми ножками» и т. п. Вообще Petit былъ не безъ таланта и обладалъ теплымъ, благороднымъ сердцемъ. Не сладкая выпала ему въ жизни доля; теперь его уже нѣтъ въ живыхъ.

Другой юноша-поэтъ былъ Карлъ Баггеръ, богато одаренная, истинно поэтическая натура. Критика относилась къ его произведеніямъ крайне сурово и несправедливо. Стихи его полны свѣжести и оригинальности, а разсказъ «*Жизнь моего брата*» вещь прямо геніальная, но критика безпощадно отнеслась и къ ней. Я знаю, какое тяжелое впечатлѣніе произвело это тогда на молодого писателя. Оба поименованные юноши во всемъ рѣзко отличались отъ меня; оба были полны юношеской свѣжести, отваги, вѣры въ будущее, я же, напротивъ, былъ робкимъ ребенкомъ, хотя ростомъ-то и перегналъ обоихъ своихъ друзей. Итакъ, тихое Сорё было для меня пріютомъ поэзіи и дружбы.

Въ то же время произошло событіе, взволновавшее весь нашъ маленькій городокъ—казнь трехъ преступниковъ близъ Скьэльскёра. Дочь богатаго однодворца подговорила своего возлюбленнаго убить ея отца, противившагося ихъ браку; соучастникомъ въ убійствѣ былъ работникъ убитаго, расчитывавшій затѣмъ жениться на его вдовѣ. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть на казнь, словно на какое-то празднество. Директоръ освободилъ старшій классъ отъ занятій, и мы всѣ тоже должны были отправиться смотрѣть казнь,—онъ находилъ это зрѣлище полезнымъ для насъ въ смыслѣ назидательности.

Цѣлую ночь провели мы въ дорогѣ и къ восходу солнца прибыли къ заставѣ Скьэльскёра. Видъ осужденныхъ произвелъ на меня потрясающее впечатлѣніе, котораго я не забуду никогда. Ихъ везли на телѣгѣ; смертельно блѣдная молодая дѣвушка ѣхала, склонившись головой на широкую грудь своего возлюбленнаго; позади ихъ сидѣлъ исжелта-блѣдный косо-

глазый и черноволосый, растрепанный работникъ, кивавшій головою своимъ знакомымъ, которые прощались съ нимъ. Прибывъ на мѣсто казни, гдѣ уже стояли приготовленные для нихъ гробы, осужденные пропѣли вмѣстѣ съ священникомъ послѣдній псаломъ; высокое сопрано дѣвушки покрывало всѣ остальные голоса. Я едва стоялъ на ногахъ; право, кажется, эти минуты были для меня тягостнѣе самаго момента казни. Я увидѣлъ затѣмъ, какъ подвели къ мѣсту казни какого-то эпилептика и заставили его напиться крови казненныхъ,—суевѣрные родители воображали этимъ исцѣлить его. Послѣ того, они бросились бѣжать съ нимъ прочь и бѣжали до тѣхъ поръ, пока онъ, выбившись изъ силъ, не свалился на землю. Какой-то стихокропатель продавалъ тутъ же «*Скорбную арію*». Въ ней авторъ говорилъ отъ лица самихъ осужденныхъ, а самая «арія» пѣлась на мотивъ «Я невзначай попалъ сюда», что звучало довольно комично.

Долго преслѣдовали меня и во снѣ и на яву воспоминанія объ этомъ ужасномъ зрѣлищѣ; оно и теперь еще стоитъ передо мною такъ живо, какъ будто все случилось только вчера.

Зато больше никакихъ сколько-нибудь значительныхъ событій въ нашей жизни и не происходило. Одинъ день проходилъ, какъ другой, но чѣмъ меньше переживаешь внѣшнихъ событій, чѣмъ тише и однообразнѣе течетъ жизнь, тѣмъ скорѣе приходитъ на умъ заносить все переживаемое на бумагу, вести дневникъ. И я велъ въ то время дневникъ, изъ котораго еще сохранилось нѣсколько листковъ. Изъ нихъ ясно видно, какимъ я былъ тогда ребенкомъ. Привожу оттуда нѣсколько выписокъ. Я былъ тогда уже въ предпослѣднемъ классѣ, и всѣ мои желанія и мечты сосредоточивались на одномъ—желаніи выдержать экзамены и перейти въ послѣдній классъ.

Вотъ что я писалъ въ дневникѣ:

Среда. Печально взялъ я библію и рѣшился погадать на ней; я открылъ ее наугадъ, и глаза мои упали на слѣдующія слова: «Погубилъ ты себя Израиль; ибо только во мнѣ твоя опора».—Да, Отецъ мой, я слабъ, но ты видишь мою душу и поможешь мнѣ перейти въ четвертый классъ.—Выдержалъ изъ еврейскаго.

Четвергъ. Нечаянно оторвалъ ножку у паука.—Выдержалъ изъ математики. Господи, благодарю тебя!

Пятница. Господи, помоги мнѣ!—Сегодня такой ясный зимній вечеръ. Экзамены, наконецъ, сошли. Завтра узнаю результатъ. Мѣсяцъ! Завтра ты освѣтишь или блѣднаго, уничтоженнаго или счастливѣйшаго изъ смертныхъ! Читалъ «Коварство и любовь».

Суббота. Господи! Теперь судьба моя рѣшена, но мнѣ еще неизвѣстна. Что-то ждетъ меня? Господи! Господи! Не оставь меня! Кровь такъ и приливаетъ къ сердцу, всѣ нервы натянуты... О, Господи! Всемогущій Творецъ! Помоги мнѣ! Я не стою твоей помощи, но будь милостивъ ко мнѣ! (*Позже.*)

Я перешолъ, Странно, я думалъ, что куда больше буду радоватся этому. Въ 11 часовъ написалъ матушкѣ и Гульбергу».

Въ это же время я далъ Богу обѣщаніе, что если перейду въ старшій классъ, пойду въ слѣдующее воскресенье къ причастію. Я такъ и сдѣлалъ. Изъ этого можно видѣть, какъ плохо я, несмотря на все свое благочестіе, разумѣлъ отношенія человѣка къ Богу, а, вѣдь, мнѣ было тогда уже двадцать лѣтъ. Ну, какой же другой двадцатилѣтній юноша станетъ вести подобный дневникъ!

Директору надоѣло жить въ Слагельсэ; онъ сталъ хлопотать о переводѣ на открывшееся мѣсто директора гимназіи въ Гельсингёрѣ и получилъ его. Онъ сообщилъ мнѣ это и къ удивленію моему предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ, обѣщая заниматься со мной еще отдѣльно и подготовить такимъ образомъ года въ полтора къ университету, чего мнѣ не удастся, если я останусь въ здѣшней гимназіи. Перебраться къ нему мнѣ слѣдовало тотчасъ же; онъ принималъ меня на полное содержаніе за ту же плату, которую брали съ меня въ другомъ мѣстѣ. Я долженъ былъ немедленно отписать обо всемъ Коллину и спросить его согласія. Скоро оно было получено, и я перебрался къ директору.

Итакъ, мнѣ предстояло уѣхать изъ Слагельсэ! Я успѣлъ уже сблизиться съ нѣкоторыми товарищами и семействами въ городѣ и очень сожалѣлъ о разлукѣ съ ними.

Я уѣхалъ съ директоромъ въ Гельсингёръ. Поѣздка туда, видъ Зунда, покрытаго кораблями, Кулленскія горы и красивая живописная мѣстность— все это произвело на меня сильное впечатлѣніе, которое я и описалъ въ письмѣ къ Расмусу Нюропу. Я остался такъ доволенъ этимъ своимъ письмомъ, что разослалъ копіи съ него и многимъ другимъ знакомымъ. Къ несчастью, и Нюропу оно такъ понравилось, что онъ напечаталъ его въ «*Копенгагенской галлереѣ*»; такимъ образомъ всякій, кто получилъ копію съ этого письма, могъ думать, что именно имъ-то полученное письмо и напечатано.

Перемѣна мѣста и обстановки благопріятно повліяли на расположеніе духа нашего директора, но увы! вліяніе это продолжалось недолго. Скоро я опять почувствовалъ себя попрежнему одинокимъ, загнаннымъ и несчастнымъ. А въ то же время директоръ давалъ обо мнѣ Коллину совсѣмъ иные отзывы, нежели тѣ, что приходилось выслушивать отъ него мнѣ. Мнѣ даже и въ голову не приходило, чтобы онъ могъ отзываться обо мнѣ такъ хорошо, а то какъ бы это ободрило меня, подняло мой духъ, благодѣтельно подѣйствовало на все мое существо! Увы! я слышалъ отъ директора одни порицанія; онъ прямо отрицалъ во мнѣ какія бы то ни было способности, величалъ идіотомъ. Коллинъ, получая съ одной стороны его похвальные отзывы обо мнѣ, а съ другой мои жалобныя сообщенія о томъ, какъ недоволенъ

мною директоръ, наконецъ, потребовалъ отъ него объясненія. Вотъ какой отзывъ прислалъ ему директоръ:

«Г. Х. Андерсенъ, поступившій въ гимназію въ Слагельсэ въ концѣ 1822 года, былъ опредѣленъ, вслѣдствіе крайняго недостатка необходимѣйшихъ познаній и несмотря на свой возрастъ, во второй классъ. Одаренный отъ природы живымъ воображеніемъ и горячимъ чувствительнымъ сердцемъ, онъ сталъ усваивать себѣ различные предметы съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, смотря по тому, насколько они были ему симпатичны, въ общемъ же, всетаки, успѣвалъ настолько, что его вполнѣ справедливо ежегодно переводили въ старшіе классы. Въ настоящее время онъ достигъ уже послѣдняго высшаго класса и только перемѣнилъ, согласно желанію нижеподписавшагося, Слагельсэ на Гельсингёръ.

Берусь утверждать, что онъ вполнѣ достоинъ той поддержки, которая обезпечиваетъ ему возможность продолжать свое образованіе. Способности у него вообще хорошія, а къ нѣкоторымъ предметамъ даже превосходныя; по прилежанію и особенно по поведенію, основанному на добрыхъ сердечныхъ свойствахъ его натуры, онъ можетъ послужить образцомъ для каждаго ученика. Продолжая заниматься съ тѣмъ же похвальнымъ усердіемъ, онъ можетъ надѣяться поступить въ университетъ въ Октябрѣ 1828 г.

Г. Х. Андерсенъ обладаетъ тремя самыми желательными для каждаго ученика, но крайне рѣдко соединяющимися въ одномъ лицѣ, качествами, а именно—способностями, прилежаніемъ и примѣрнымъ поведеніемъ. Я поэтому и не могу аттестовать его иначе, какъ вполнѣ достойнаго всякой поддержки, которая бы обезпечила ему возможность продолжать разъ начатое ученье, тѣмъ болѣе, что и годы его уже не позволяютъ ему свернуть теперь на иной путь. Не только его честность, но также усердіе и несомнѣнныя дарованія служатъ залогомъ, что дѣлаемое ему добро не пропадетъ даромъ.

Гельсингёръ. 18 іюля 1826 г.

С. Мейслингъ.»

Объ этомъ аттестатѣ, дышащемъ такимъ доброжелательствомъ ко мнѣ, я, какъ сказано, не могъ даже и подозрѣвать, я былъ окончательно подавленъ, я уже не вѣрилъ въ себя. Коллинъ послѣ того написалъ мнѣ пару дружескихъ строкъ.

«Не падайте духомъ, дорогой Андерсенъ! Успокойтесь и будьте благоразумны, тогда и все пойдетъ на ладъ. Директоръ желаетъ вамъ добра. Его способъ воспитанія, можетъ быть, нѣсколько и своеобразенъ, но, навѣрно, всетаки доведетъ до цѣли. Въ другой разъ, можетъ быть, поговорю объ этомъ подробнѣе, теперь же недосугъ. Помоги вамъ Богъ!

Вашъ Коллинъ.»

Окружавшая меня чудная природа производила на меня глубокое, живое впечатлѣніе, но увы! я не смѣлъ заглядываться на нее. Я почти совсѣмъ не гулялъ. Какъ только классныя занятія кончались, ворота зданія запирались, и я оставался сидѣть взаперти, въ душной классной, гдѣ долженъ былъ зубрить свои уроки, благо, что тамъ было тепло. Покончивъ съ уроками, я игралъ съ дѣтьми директора или сидѣлъ въ своей коморкѣ. Долгое время моей классной и спальней служила гимназическая библіотека; здѣсь я дышалъ спертымъ воздухомъ, окруженный старыми фоліантами и кипами гимназическихъ программъ. Никто не заходилъ ко мнѣ,—товарищи не смѣли, боясь натолкнуться на директора. Эта жизнь вспоминается мнѣ теперь, какъ тягостный кошмаръ. Я опять вижу себя трясущимся, какъ въ лихорадкѣ, на школьной скамьѣ, отвѣты замираютъ у меня на губахъ, я вижу устремленные на себя сердитые глаза, слышу насмѣшки и глумленія... Да, тяжелое, горькое то было для меня время. Я прожилъ въ домѣ директора годъ съ четвертью, и суровое, часто слишкомъ даже суровое обращеніе его почти доконало меня. Я ежедневно молилъ Бога или облегчить мое положеніе или ужъ не дать мнѣ дожить до слѣдующаго дня. Директору просто какъ будто доставляло удовольствіе насмѣхаться надо мною въ классѣ, осмѣивать мою личность и выставлять на видъ полную мою неспособность. Ужаснѣе же всего было то, что классы кончались, а я и послѣ того оставался на глазахъ у директора.

Узнай о моемъ житьѣ-бытьѣ Чарльсъ Диккенсъ, давшій намъ такое живое описаніе житья-бытья бѣдныхъ мальчиковъ, онъ навѣрное бы извлекъ изъ этого обильный матеріалъ для трагикомическихъ описаній. Но жизнь каждаго человѣка такъ сплетена съ жизнью окружающихъ его, что не имѣешь даже права быть вполнѣ откровеннымъ; поэтому я и не стану говорить здѣсь о томъ, что пришлось мнѣ пережить, какъ не говорилъ этого никому и въ то время. Я не жаловался и не обвинялъ никого, кромѣ себя самого, и былъ вполнѣ увѣренъ, что я попалъ совсѣмъ не на свою дорогу, такъ какъ, повидимому, служу лишь посмѣшищемъ для всѣхъ. Письма мои къ Коллину были проникнуты такимъ мрачнымъ отчаяніемъ, что, какъ это видно изъ его писемъ, глубоко трогали его, но дѣлать было нечего, тѣмъ болѣе, что онъ приписывалъ мое отчаяніе разстроеннымъ нервамъ, умственному переутомленію, а не постороннему вліянію, какъ это было на самомъ дѣлѣ. Я дѣйствительно слишкомъ легко поддавался настроенію; душа моя была такъ воспріимчива къ каждому солнечному лучу, да бѣда — ихъ мало тогда выпадало мнѣ на долю, развѣ только въ тѣ рѣдкіе дни, которые я во время каникулъ проводилъ въ Копенгагенѣ.

Да, рѣзокъ, почти сказоченъ былъ контрастъ между моею школьною жизнью и жизнью въ семейномъ кружкѣ, открывавшемся для меня въ Копенгагенѣ, въ домѣ адмирала Вульфа. Его супруга относилась ко мнѣ съ

истинно-материнскою добротою, а дѣти сердечно привязались ко мнѣ. Это было первое семейство, пріютившее меня, какъ родного. Жили они въ одномъ изъ нынѣшнихъ Амаліенборгскихъ дворцовъ, въ которомъ тогда помѣщался «Морской корпусъ». Вульфъ былъ начальникомъ корпуса. Мнѣ отвели комнатку съ окнами на площадь, и я еще помню, какъ я смотрѣлъ изъ нихъ внизъ на площадь, повторяя слова Алладина, смотрѣвшаго на городскую площадь изъ своего богатаго дворца:

«Вонъ тамъ мальчишкой бѣднымъ я бродилъ!»

Я чувствовалъ всю милость Божію ко мнѣ, и душа моя исполнилась искренней благодарности.

За все время, проведенное въ Слагельсэ, я едва написалъ три-четыре небольшихъ стихотворенія, въ Гельсингёрѣ же и того меньше, всего два: «*Ночь подъ Новый Годъ*» и «*Умирающее дитя*»*)—первое стихотвореніе, обратившее на себя особое вниманіе и получившее широкую извѣстность въ переводахъ. Я привезъ его съ собою въ Копенгагенъ и здѣсь прочелъ своимъ знакомымъ. Нѣкоторые выслушивали его ради того, чтобы доставить мнѣ удовольствіе, другіе ради того, чтобы позабавиться надъ моимъ провинціальнымъ выговоромъ; вообще-же мнѣ пришлось выслушать за это стихотвореніе много похвалъ, но еще больше увѣщаній не зазнаваться. Одна изъ покровительницъ моихъ даже сказала и повторила это въ письмѣ ко мнѣ: «Ради Бога не воображайте, что вы поэтъ, хоть вы и можете писать стишки! Смотрите, чтобы это не сдѣлалось у васъ idée fixe. Ну, что бы вы сказали, еслибы я вдругъ вообразила себя будущей императрицей Бразильской? Это было бы безуміемъ, нелѣпостью, но такъ же нелѣпо и съ вашей стороны воображать себя поэтомъ!» А я и не думалъ воображать этого, если же бы и воображалъ, то эта мысль только послужила бы мнѣ утѣшеніемъ, внесла бы просвѣтъ въ мою мрачную жизнь. Больше же всего доставалось мнѣ отъ Копенгагенскихъ знакомыхъ за мои неуклюжія манеры и привычку говорить все, что думаю. И все же дни, проведенные въ Копенгагенѣ, какъ бы возрождали меня къ жизни,—здѣсь, вѣдь, я могъ встрѣчаться съ тѣмъ, кого просто боготворилъ тогда—съ Адамомъ Эленшлегеромъ. Его имя было тогда на устахъ у всѣхъ, всѣ превозносили его, немудрено, что и я ставилъ его выше всѣхъ людей. Какова же была моя радость, когда на одномъ вечерѣ, въ богатомъ, залитомъ огнями салонѣ, гдѣ я чувствовалъ себя и свое одѣяніе такими жалкими и поэтому спрятался въ оконной нишѣ за тяжелыми гардинами, онъ подошелъ ко мнѣ и пожалъ мнѣ руку! Я готовъ былъ упасть передъ нимъ на колѣни. Мы часто встрѣчались въ домѣ Вульфа, гдѣ бывалъ и композиторъ Вейзе, всегда относившійся ко мнѣ въ высшей степени дружелюбно, и здѣсь я часто слышалъ его импровизаціи на фортепьяно. Самъ

*) См. т. Ш стр. 478.

Вульфъ читалъ намъ вслухъ свои переводы изъ Байрона. Изящный и образованный свѣтскій человѣкъ, Адлеръ, другъ короля Христіана VIII, былъ также членомъ этого кружка, а душою его была живая, остроумная молоденькая дочь Эленшлегера, Шарлотта. Чудные то были дни и вечера!

И вотъ, отъ такой-то жизни во время каникулъ я опять переходилъ къ жизни въ домѣ директора. Даже и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ ея переходъ былъ бы довольно рѣзокъ, теперь же я какъ будто прямо попадалъ на каторгу. Однажды директоръ пришелъ ко мнѣ въ комнату: онъ слышалъ въ Копенгагенѣ, что я читалъ у Эленшлегера написанное мною недавно стихотвореніе «*Умирающее дитя*», и я уже видѣлъ теперь по его лицу, что́ меня ожидало. Онъ испытующе посмотрѣлъ на меня и потребовалъ, чтобы я показалъ ему стихотвореніе, прибавивъ, что проститъ меня, если найдетъ въ немъ хоть искорку поэзіи. Весь трепеща, подалъ я ему стихотвореніе. Онъ прочелъ, разсмѣялся, назвалъ мои стихи чепухою и жестоко разбранилъ меня. И добро бы еще онъ поступилъ такъ, думая, что я трачу на стихоплетство свое учебное время или что мой характеръ требуетъ такого строгаго обращенія! Но нѣтъ, онъ самъ-же писалъ Коллину о мягкости и кротости моего нрава; значитъ, въ данномъ случаѣ я былъ просто жертвой его дурного настроенія духа! День ото дня положеніе мое становилось нестерпимѣе, и, если бы въ немъ скоро не произошло перемѣны, я бы просто погибъ. Я страдалъ, какъ загнанная, забитая птичка, не только во время классовъ, но и постоянно, даже въ домашней жизни. Я вспоминаю этотъ періодъ времени, какъ самый горькій, тяжелый, во всей моей жизни. Одинъ изъ нашихъ учителей, Верлинъ, преподававшій намъ тогда еврейскій языкъ, наконецъ, понялъ мое положеніе, поѣхалъ въ Копенгагенъ, явился къ Коллину и разсказалъ ему все. Коллинъ тотчасъ же рѣшилъ перевести меня въ Копенгагенъ и устроить мнѣ частные уроки. Такое рѣшеніе сильно покоробило директора, и онъ на прощанье, когда я благодарилъ его за все хорошее, чѣмъ былъ ему обязанъ, объявилъ мнѣ, что мнѣ никогда не бывать студентомъ, что всѣ стихи мои, хоть бы ихъ и печатали, останутся макулатурой, предназначенной гнить на полкахъ букинистовъ, и что я кончу жизнь въ сумашедшемъ домѣ. Я былъ потрясенъ до глубины души.

Много лѣтъ спустя, когда мои произведенія завоевали себѣ читателей, когда уже вышелъ «*Импровизаторъ*», я встрѣтился въ Копенгагенѣ съ бывшимъ своимъ директоромъ. Онъ протянулъ мнѣ руку въ знакъ примиренія и откровенно признался, что ошибался во мнѣ и обращался со мной не такъ, какъ бы слѣдовало. Но теперь я уже твердо стоялъ на ногахъ и могъ махнуть рукой на прошлое,—прибавилъ онъ. Ну вотъ, мы и помирились. Что-жь, вѣдь, и эти тяжелыя, горькія испытанія послужили мнѣ на благо!

Руководителемъ моихъ занятій сталъ нынѣ уже покойный пасторъ Люд-

вигъ Мюллеръ, извѣстный поборникъ сѣверныхъ языковъ и исторіи, бывшій тогда еще студентомъ. Я занималъ коморку на чердакѣ, въ Vingaardsstræde. Эта коморка описана мною въ романѣ «*Только скрипачъ*», и въ «*Картинкахъ-невидимкахъ*»; тамъ навѣщалъ меня мѣсяцъ. Я продолжалъ получать отъ короля небольшую стипендію, но теперь приходилось платить за ученье, такъ что на всемъ остальномъ нужно было возможно экономить. Нѣсколько знакомыхъ семействъ предложили мнѣ столоваться у нихъ, и я такимъ образомъ почти во всѣ дни недѣли былъ обезпеченъ обѣдомъ, сдѣлавшись общимъ нахлѣбникомъ, какъ многіе бѣдные копенгагенскіе студенты и въ наше время. Обѣдая по очереди то въ томъ, то въ другомъ домѣ, я получилъ возможность ознакомиться съ семейной жизнью въ различныхъ кругахъ общества, что было для меня не безполезно. Учился я прилежно. По многимъ предметамъ, напримѣръ по математикѣ и геометріи, я былъ уже настолько силенъ, что могъ заниматься ими самостоятельно; въ помощи я нуждался главнымъ образомъ по части языковъ латинскаго и греческаго, и на нихъ-то и было теперь обращено особое вниманіе. И вотъ еще какая странность: даже въ Одензе, въ школѣ для бѣдныхъ, затѣмъ въ гимназіяхъ въ Слагельсэ и въ Гельсингёрѣ я всегда отличался по Закону Божію, всегда получалъ высшія отмѣтки, такъ что меня даже ставили въ примѣръ другимъ, а мой теперешній учитель нашелъ мои познанія крайне слабыми. Онъ былъ проникнутъ библейскимъ ученіемъ, строго держался буквы закона; я же, хоть и былъ знакомъ съ библіей съ ранняго дѣтства, понималъ ее, всетаки, больше сердцемъ, чѣмъ умомъ, былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что Богъ есть любовь, ни ада, ни вѣчной муки не признавалъ и, не стѣсняясь, высказывалъ это. Я только что освободился тогда отъ школьной опеки, чувствовалъ себя самостоятельнымъ, свободнымъ и высказывалъ свои вѣрованія, какъ истое дитя природы, такъ что учитель мой, человѣкъ въ высшей степени благородный и добродушный, но, какъ сказано, строгій законникъ, державшійся буквы, часто приходилъ въ ужасъ. У насъ возникали горячіе споры, но они не мѣшали мнѣ искренно радоваться общенію съ этимъ неиспорченнымъ, богатоодареннымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ былъ такою же своеобразною натурою, какъ и я. Я въ то время, впрочемъ, уже нѣсколько утратилъ свою непосредственность; у меня появилась потребность не то что бы насмѣхаться, но какъ бы шутить надъ своими лучшими чувствами и ставить выше всего—разумъ. Въ гимназіи я столько натерпѣлся отъ директора за свою чувствительность и мягкосердечіе, что теперь, освободившись отъ этого гнета, вдругъ ударился въ противоположную крайность. Моя робость смѣнилась если не бойкою развязностью, то по крайней мѣрѣ напускною смѣлостью, желаніемъ казаться не тѣмъ, что я есть. Я сталъ смѣяться надъ чувствами и хотѣлъ внушить себѣ, что я совершенно отбросилъ въ сторону всякую чувствительность. А между тѣмъ я попрежнему

былъ способенъ огорчиться на цѣлый день, встрѣтивъ вмѣсто ожидаемой привѣтливой улыбки кислую гримасу. Всѣмъ написаннымъ мною раньше трогательнымъ стихотвореніямъ, вылившимся у меня прямо изъ души въ самыя скорбныя минуты, я далъ теперь разныя комическія заглавія. Одно изъ такихъ стихотвореній, слегка измѣненное и озаглавленное «*Жалоба кота*», я помѣстилъ въ «*Прогулкѣ на Амагеръ*»; другое, проникнутое искреннею неподдѣльною грустью, назвалъ «*Чахлый поэтъ*». Вновь же я писалъ только юмористическія вещи, словомъ, со мною произошла коренная перемѣна; чахлое растенье было пересажено на новую почву и начинало пускать свѣжіе побѣги.

Старшая дочь Вульфа, Генріетта, даровитая бойкая молодая дѣвушка, до конца оставшаяся моимъ вѣрнымъ другомъ, одна понимала меня тогда, одна поощряла юморъ, начинавшій проглядывать въ моихъ стихотвореніяхъ. Она пріобрѣла полное мое довѣріе и храбро защищала меня отъ постоянныхъ мелочныхъ придирокъ окружающихъ, словомъ, была для меня доброю сестрою. Она имѣла большое вліяніе на развитіе моего юмора.

Въ то время въ датской литературѣ обозначилось новое теченіе, живо интересовавшее общество. Политика не играла никакой роли, злобою дня служили только литература да театръ. Іоганъ Людвигъ Гейбергъ, уже завоевавшій себѣ тогда среди датскихъ литераторовъ почетное мѣсто, только что ввелъ на датскую сцену водевиль. Ему удалось это, лишь благодаря покровительству Коллина, такъ какъ остальные члены дирекціи были противъ допущенія на сцену «*Царя Соломона и Юргена Шляпочника*». Водевиль, чисто датскій, національный водевиль, былъ принятъ всѣми восторженно и скоро занялъ почти первое мѣсто среди всѣхъ остальныхъ родовъ драматическаго творчества. Талія справляла на датской сценѣ веселый карнавалъ, и Гейбергъ былъ ея избранникомъ. Я познакомился съ нимъ впервые на обѣдѣ у Эрстеда; изящный краснорѣчивый баловень минуты очень понравился мнѣ. Онъ ко мнѣ отнесся тоже очень привѣтливо; потомъ я сталъ бывать у него, и онъ нашелъ мои юмористическія стихотворенія достойными занять мѣсто въ его извѣстномъ еженедѣльномъ журналѣ «*Летучая почта*». Я дебютировалъ въ немъ двумя стихотвореніями: «*Вечеръ*» и «*Ужасный часъ*», подписанными h——. Публика подумала, что подъ этою буквою скрывается самъ Гейбергъ (Heiberg), и это пошло моимъ стихотвореніямъ въ пользу,—они имѣли большой успѣхъ. Я отлично помню тотъ вечеръ, когда вышелъ нумеръ журнала съ моими стихотвореніями. Я былъ въ одномъ знакомомъ семействѣ, гдѣ меня очень любили, но смотрѣли на всѣ мои стихи, какъ на пустяки, что и высказывали мнѣ—конечно, ради моей же пользы. Отецъ семейства вошелъ въ комнату съ нумеромъ «*Летучей почты*» и, весь сіяя отъ удовольствія, сказалъ: «Сегодня здѣсь помѣщены два превосходныхъ стихотворенія! Молодецъ этотъ Гейбергъ!» И онъ про-

челъ мои стихотворенія. Сердце мое забилось сильнѣе, но я не сказалъ ни слова. Зато одна молодая дѣвушка, присутствовавшая при этомъ и посвященная въ секретъ, не могла удержаться и радостно объявила: «Да, вѣдь, это стихи Андерсена!» Воцарилось молчаніе. Отецъ семейства не сказалъ ни слова, только поглядѣлъ на меня и вышелъ изъ комнаты. Никто больше не возвращался къ моимъ стихотвореніямъ, и я—повѣсилъ носъ.

До этого же было напечатано только одно мое стихотвореніе, написанное еще въ гимназіи, «*Умирающее дитя*», да и то лишь благодаря протекціи директора театра Ольсена. Никто не желалъ помѣщать стихотворенія, написаннаго «школьникомъ»; Сёборгъ, авторъ пѣсни «*Пройдетъ сто лѣтъ, и будетъ позабыто все!*», взялъ было его отъ меня, когда я еще учился въ гимназіи, и обѣщалъ пристроить въ ютландскій журналъ «*Усладительное чтеніе*», но и редакторъ этого журнала отказался принять стихи школьника. Наконецъ, стихотвореніе нашло себѣ мѣсто въ «*Копенгагенской почтѣ*», а вскорѣ его перепечаталъ въ «*Летучей почтѣ*» самъ Гейбергъ, да еще съ примѣчаніемъ, что «охотно» печатаетъ его у себя, несмотря на то, что оно уже появилось раньше въ другомъ журналѣ. Это было первое признаніе моего таланта; окружающіе же меня попрежнему продолжали считать мой поэтическій талантъ очень незначительнымъ. Одинъ изъ нашихъ мелкихъ поэтовъ, но крупныхъ сановниковъ, пригласилъ меня однажды обѣдать къ себѣ и за обѣдомъ разсказалъ, что его просили участвовать въ какомъ-то альманахѣ. Я сказалъ, что просили и меня, и что я обѣщалъ дать небольшое стихотвореньице. «Такъ въ этомъ альманахѣ будутъ участвовать всѣ и каждый!» сердито сказалъ хозяинъ. «Въ такомъ случаѣ могутъ обойтись и безъ меня! Я врядъ-ли дамъ что нибудь!»

Объ этомъ фактѣ, пожалуй, и не стоило бы упоминать, настолько онъ самъ по себѣ незначителенъ, но въ свое время онъ подѣйствовалъ на меня удручающе, разстроилъ меня на нѣсколько дней.

Учитель мой жилъ въ «Христіановой гавани», и я ежедневно путешествовалъ туда по два раза; направляясь къ учителю, я обыкновенно былъ погруженъ въ размышленія о своихъ урокахъ, на обратномъ же пути давалъ мыслямъ полную свободу, и въ умѣ у меня возникали всевозможныя поэтическія картины,—настоящій калейдоскопъ. Но ни одна изъ этихъ картинъ не была занесена на бумагу; во весь годъ я написалъ только нѣсколько юмористическихъ стихотвореній и то ради того лишь, чтобы, по совѣту Бастгольма, «дать исходъ чувствамъ». Идеи и образы меньше тревожили меня, покоясь на бумагѣ, нежели шевелясь у меня въ головѣ.

Въ Сентябрѣ 1828 г. я сдалъ экзаменъ и сталъ студентомъ. Въ тотъ годъ деканомъ былъ Эленшлегеръ; онъ дружески протянулъ мнѣ руку, привѣтствуя меня, какъ новаго члена студенческой корпораціи. Это обстоятельство, которому я придавалъ глубокое значеніе, сильно взволновало и

растрогало меня. Мнѣ было уже двадцать три года, но я еще во многихъ отношеніяхъ оставался сущимъ ребенкомъ. Вотъ маленькій эпизодъ, который можетъ дать нѣкоторое понятіе объ этомъ. Незадолго до начала экзаменовъ, мнѣ случилось обѣдать у Эрстеда, и сосѣдомъ моимъ за столомъ оказался одинъ молодой человѣкъ, очень скромный и тихій. Я до сихъ поръ ни разу не встрѣчалъ его въ домѣ Эрстеда, вообразилъ, что это какой-нибудь провинціалъ, недавно пріѣхавшій въ Копенгагенъ, и пренаивно спросилъ его: «А вы тоже на дняхъ пойдете на экзаменъ?» «Да!» отвѣтилъ онъ съ легкой улыбкой: «Пойду.» «Вотъ и я тоже!» подхватилъ я и съ увлеченіемъ принялся распространяться объ этомъ важномъ для меня событіи. Я болталъ съ молодымъ человѣкомъ такъ же непринужденно, какъ съ товарищемъ, а между тѣмъ это былъ профессоръ, у котораго мнѣ предстояло экзаменоваться по математикѣ, нашъ извѣстный, милѣйшій фонъ-Шмидтенъ, поразительно похожій лицомъ и фигурой на Наполеона. Очутись онъ въ Парижѣ, ихъ, навѣрно, стали бы смѣшивать. Встрѣтившись лицомъ къ лицу у экзаменаціоннаго стола, мы оба были смущены. Мой профессоръ былъ, однако, такъ же добръ, какъ и даровитъ, и отъ души желалъ ободрить меня. Не зная какъ бы это лучше сдѣлать, онъ, наконецъ, близко пригнулся ко мнѣ и прошепталъ: «Ну, какимъ же поэтическимъ произведеніемъ подарите вы насъ по окончаніи экзаменовъ?» Я удивленно поглядѣлъ на него и боязливо отвѣтилъ: «Не знаю еще!.. А вотъ не проэкзаменуете-ли вы меня по математикѣ?.. Только не очень строго!» «Вы, конечно, хорошо подготовлены?» продолжалъ онъ попрежнему тихо. «Да, въ математикѣ я довольно силенъ. Въ гимназіи въ Гельсингёрѣ мнѣ приходилось даже репетировать съ слабѣйшими учениками, и мнѣ всегда ставили «превосходно», но теперь мнѣ страшно!» Такъ вотъ какъ бесѣдовали профессоръ съ ученикомъ! Во время самаго экзамена я отъ волненія ломалъ одно за другимъ перья (гусиныя) моего профессора; онъ не сказалъ ничего и только осторожно отодвинулъ въ сторону одно, а то бы ему нечѣмъ было поставить мнѣ отмѣтку.

Экзамены были благополучно сданы, и тогда-то вылетѣли на свѣтъ Божій пестрымъ роемъ всѣ тѣ фантазіи и мечты, которыя преслѣдовали меня во время моихъ ежедневныхъ прогулокъ въ Христіанову гавань; вылетѣли онѣ въ первомъ моемъ прозаическомъ произведеніи: «*Прогулка на островъ Амагеръ*». Это юмористическое произведеніе, что-то въ родѣ фантастическихъ арабесокъ, довольно ярко характеризуетъ мою тогдашнюю личность, мое развитіе и мою страсть шутить надо всѣмъ, смѣяться сквозь слезы надъ собственными чувствами. Но несмотря на яркость и разнообразіе красокъ этой поэтической импровизаціи, ни одинъ издатель не рѣшался печатать ее. Я рискнулъ самъ, книжка вышла, и черезъ нѣсколько дней издатель Рейцель купилъ у меня право на второе изданіе, за которымъ послѣдовало и третье. Затѣмъ,

въ Швеціи появилась перепечатка датскаго изданія, что случалось лишь съ лучшими изъ произведеній Эленшлегера. Въ послѣдніе годы *«Прогулка»* переведена на нѣмецкій языкъ и вышла въ Гамбургѣ. Весь Копенгагенъ читалъ мою книжку, со всѣхъ сторонъ раздавались похвалы, но я всетаки подвергся строгому выговору одного изъ знатныхъ моихъ покровителей. Вышло ужасно комично! Онъ нашелъ, что я въ этомъ произведеніи вышучиваю королевскій театръ, а это, по его мнѣнію, было съ моей стороны не только неприлично, но еще и неблагодарно; неприлично потому, что дѣло шло о *королевскомъ* театрѣ, а неблагодарно потому, что мнѣ былъ открытъ туда даровой входъ. Но этотъ комичный выговоръ со стороны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ умнаго человѣка былъ совершенно заглушенъ восторженными похвалами другихъ. Я теперь несся на всѣхъ парусахъ, сдѣлался студентомъ и признаннымъ поэтомъ,—моя завѣтная мечта сбылась.

Гейбергъ отозвался въ *«Литературномъ Ежемѣсячникѣ»* о моей книгѣ очень благосклонно. Отрывки изъ *«Прогулки»* были еще раньше напечатаны въ *«Летучей почтѣ»*.

Въ тотъ годъ въ университетъ поступило почти двѣсти новичковъ; между ними было не мало занимавшихся стихотворствомъ и даже печатавшихъ свои стихи. Въ шутку говорили, что нынѣшній годъ въ студенты поступили четверо большихъ поэтовъ и двѣнадцать маленькихъ, и съ нѣкоторой натяжкой можно было согласиться съ этимъ. Къ четверымъ *«большимъ»* причисляли: *Арнезена*, *Ф. І. Гансена*, *Голларда Нильсена*, и, наконецъ, *Г. Х. Андерсена*. Между двѣнадцатью же маленькими находился одинъ, ставшій впослѣдствіи звѣздою первой величины, творецъ *«Адама Гомо» Паллуданъ-Мюллеръ*. Но въ то время онъ еще ничего не печаталъ, и только товарищи его знали, что онъ пишетъ стихи. Я среди своихъ товарищей пользовался большою славою и ходилъ какъ въ чаду отъ нея, беззаботно смѣялся и во всемъ старался отыскать изнанку. Плодомъ этого веселаго настроенія явился водевиль, пародія на ложно-классическія трагедіи, въ которыхъ главную роль игралъ рокъ: *«Любовь на башнѣ Св. Николая»*, или *«Что скажетъ партеръ»*, написанный риѳмованными стихами. *«Литературный Ежемѣсячникъ»* справедливо отмѣтилъ главный недостатокъ водевиля,—я осмѣивалъ въ немъ то, что уже отжило въ Даніи свой вѣкъ. Тѣмъ не менѣе водевиль поставили на королевской сценѣ, а товарищи мои, студенты, встрѣтили его восторженно и устроили мнѣ настоящую овацію. Я былъ внѣ себя отъ радости, не разбирая строго—было ли тутъ чему особенно радоваться и придавая успѣху водевиля значеніе, котораго онъ вовсе не имѣлъ въ сущности; наплывъ чувствъ былъ такъ силенъ, что я не выдержалъ, выбѣжалъ изъ театра, перебѣжалъ площадь и ворвался въ квартиру Коллина. Дома оставалась лишь одна хозяйка; я почти безъ чувствъ опустился на первый попавшійся стулъ и зарыдалъ. Добрая женщина не поняла, что со мною и принялась утѣшать

меня: «Ну, не принимайте этого такъ близко къ сердцу,—вѣдь, и Эленшлегера разъ освистали и многихъ другихъ великихъ поэтовъ тоже!» «Да меня вовсе не освистали!» прервалъ я ее, рыдая: «Мнѣ хлопали и... кричали «ура!» Ахъ, какъ я былъ тогда счастливъ! Я любилъ всѣхъ, думалъ обо всѣхъ хорошо, былъ полонъ поэтической отваги и юношеской свѣжести. Передо мною открывались двери одного дома за другимъ, я порхалъ изъ кружка въ кружокъ, былъ вполнѣ доволенъ собою. Эта разсѣянная, полная сильныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ волненій и событій жизнь не мѣшала, однако, моимъ занятіямъ; я учился прилежно и уже безъ посторонней помощи приготовился ко второму экзамену, такъ называемому «philologicum и philosophicum», который и выдержалъ отлично. Оригинальная сцена произошла у экзаменаціоннаго стола, когда меня экзаменовалъ Г. Х. Эрстедъ. Я хорошо отвѣчалъ на всѣ его вопросы, онъ радовался этому и, когда я уже готовъ былъ отойти отъ стола, остановилъ меня слѣдующими словами: «Ну, вотъ еще одинъ вопросикъ!» При этомъ все лицо его такъ и сіяло ласковой улыбкой: «Скажите мнѣ, что вы знаете объ электро-магнетизмѣ?» «Даже слова этого не слыхалъ!» отвѣтилъ я. «Ну, припомните! Вы на все отвѣчали такъ чудесно, должны же вы знать что-нибудь и объ электро-магнетизмѣ!» «Да въ вашей «*Химіи*» не сказано объ этомъ ни слова!» увѣренно сказалъ я. «Это правда!» отвѣтилъ Эрстедъ: «но я говорилъ объ этомъ на лекціяхъ!» «Я былъ на всѣхъ, кромѣ одной, а вы, вѣрно, тогда-то какъ разъ и говорили объ этомъ, потому что я ровно ничего не знаю объ электро-магнетизмѣ и даже названія этого не слыхалъ». Эрстедъ необыкновенно добродушно улыбнулся, кивнулъ головой и сказалъ: «Жаль, что вы этого не знали! Я бы вамъ выставилъ *prae*, а теперь выставлю только *laud!*»

Въ слѣдующій же разъ, какъ мнѣ случилось быть у Эрстеда, я попросилъ его разсказать мнѣ про электро-магнетизмъ и впервые услышалъ какъ объ этомъ предметѣ, такъ и о томъ, какую роль игралъ по отношенію къ нему самъ Эрстедъ *). Десять лѣтъ спустя, я писалъ по просьбѣ Эрстеда (если не ошибаюсь въ «*Копенгагенской почтѣ*»), замѣтку о первомъ телеграфѣ, устроенномъ имъ въ политехнической школѣ; провода шли изъ задняго флигеля въ передній. Экзамены, какъ сказано, были благополучно сданы, я получилъ лучшія отмѣтки, а къ Рождеству вышелъ и первый сборникъ моихъ стихотвореній, принятый, насколько мнѣ было извѣстно, и публикой и критикой очень благосклонно. Я вообще охотнѣе прислушивался къ звонкимъ бубенчикамъ похвалъ; я былъ такъ молодъ, такъ счастливъ, все впереди было залито солнцемъ!

*) Эрстедъ первый открылъ электро-магнитную силу. *Примѣч. перев.*

IV.

До сихъ поръ мнѣ удалось видѣть лишь самую малую часть моего отечества; мнѣ пришлось побывать только кое-гдѣ въ Фіоніи да въ Зеландіи. Лѣтомъ же 1830 г. мнѣ предстояло совершить нѣсколько большее путешествіе: я намѣревался проѣхать по Ютландіи до самаго Западнаго моря, а также объѣхать и весь мой родной островъ Фіонію. Но и не подозрѣвалъ я, какъ отзовется это путешествіе на всей моей жизни. Больше всего радовался я, представляя себѣ, что увижу ютландскія степи и, можетъ быть, даже встрѣчу тамъ семью кочующихъ цыганъ. Разсказы о нихъ очевидцевъ и Блихеровскія новеллы пробудили во мнѣ сильнѣйшій интересъ. Въ то время страна еще не была такъ изъѣзжена вдоль и поперегъ, какъ теперь. Въ то время только еще появились первые пароходы; плохой неповоротливый пароходъ «Данія» дѣлалъ рейсъ въ однѣ сутки, что по требованіямъ того времени считалось невѣроятной быстротой. Годъ тому назадъ я совершилъ поѣздку на подобномъ же пароходѣ «Каледонія», первымъ появившемся въ нашихъ водахъ. И какъ же ненавистны были эти пароходы владѣльцамъ парусныхъ судовъ, не знавшимъ, какъ и бранить ихъ! Самъ Эрстедъ, конечно, былъ въ восторгѣ отъ этого міровового изобрѣтенія; тѣмъ забавнѣе было слушать негодующія рѣчи одного его родственника, стараго моряка, съ которымъ я встрѣтился разъ у него за обѣдомъ. Старикъ ужасно сердился на «проклятые дымовики». «Съ сотворенія міра пользовались разумными судами!» говорилъ онъ: «Судами, которые двигались вѣтромъ, такъ нѣтъ—подавай новые! Я не могу пропустить мимо себя ни одного изъ этихъ дымовиковъ, чтобы не ругать ихъ въ рупоръ по-всячески, пока они не скроются изъ вида!»

Въ то время поѣздка на пароходѣ являлась цѣлымъ событіемъ, а въ наши дни такой взглядъ кажется почти невѣроятнымъ, до того мы уже освоились съ этимъ изобрѣтеніемъ. Оно кажется намъ такимъ давнимъ, и мы слушаемъ разсказъ о томъ, что первый пароходъ былъ показанъ Наполеону передъ его войной съ Англіей, какъ какую-то сказку.

Я заранѣе рисовалъ себѣ предстоящую ночь переѣзда по Каттегату на этомъ новомодномъ суднѣ самыми яркими красками, но увы! погода насолила мнѣ! У меня сдѣлалась морская болѣзнь. Только на слѣдующій день къ вечеру добрались мы до Оргуса. Тамъ, какъ и во всѣхъ ютландскихъ городахъ, знали «*Прогулку на Амагеръ*» и мои юмористическіе стихи, и я встрѣтилъ всюду самый радушный пріемъ. Я отправился въ степь; все здѣсь было для меня ново и производило на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Но погода не благопріятствовала моей поѣздкѣ: дулъ сырой рѣзкій вѣтеръ съ моря, а у меня былъ съ собой самый незначительный запасъ одежды. И вотъ, пришлось покончить свое путешествіе въ Виборгѣ, гдѣ я провелъ нѣсколько дней, а затѣмъ повернулъ обратно. Неудача эта не помѣшала

мнѣ, впрочемъ, написать «*Фантазію на берегу Западнаго моря*» и «*По Западному берегу Ютландіи*», тогда какъ я ни того ни другого не видалъ, а зналъ о нихъ лишь по разсказамъ. Я осмотрѣлъ окрестности Скандерборга, Вейлэ и Кольдинга и направился въ Фіонію; тутъ я провелъ нѣсколько недѣль желаннымъ гостемъ въ одномъ помѣстьи близъ Одензе и поближе ознакомился съ помѣщичьимъ бытомъ. Гостилъ я у вдовы типографщика Иверсена; на ея усадьбу я еще съ дѣтства смотрѣлъ, какъ на рай земной. Небольшой садикъ былъ весь изукрашенъ разными надписями въ стихахъ и въ прозѣ, подсказывавшими, что слѣдовало думать и чувствовать въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ. На берегу канала, по которому проплывали корабли, была воздвигнута крошечная баттарея съ деревянными пушками и сторожевая будка, возлѣ которой стоялъ чудесный деревянный солдатъ. Тутъ-то я и жилъ у этой умной, радушной старушки, окруженной цѣлою толпою милыхъ, даровитыхъ, молоденькихъ внучекъ. Старшая изъ нихъ, Генріетта, выступила впослѣдствіи на литературное поприще съ двумя новеллами «*Тетя Анна*» и «*Дочь писательницы*». Недѣли летѣли въ этомъ полномъ жизни и веселья обществѣ почти незамѣтно. Я написалъ за это время нѣсколько юмористическихъ стихотвореній и началъ романъ «*Карликъ Христіана II*». Было готово уже около шестнадцати листовъ рукописи; я прочелъ ихъ Ингеману, и они ему очень понравились. Но скоро и романъ и писанье юмористическихъ стиховъ—все было отложено въ сторону. Въ моемъ сердцѣ зазвучали новыя, до сихъ поръ еще ни разу не затронутыя струны, мнѣ пришлось извѣдать чувство, надъ которымъ я до сихъ поръ столько смѣялся. Теперь оно отмстило за себя!

Въ это лѣто я заѣхалъ въ одинъ изъ маленькихъ городковъ Фіоніи и познакомился тамъ съ однимъ богатымъ семействомъ. Тутъ-то для меня внезапно и открылся новый міръ, началась новая жизнь...

«Темно-карихъ очей взглядъ мнѣ въ душу запалъ;
Онъ умомъ и спокойствіемъ дѣтскимъ сіялъ;
Въ немъ зажглась для меня новой жизни звѣзда,
Не забыть мнѣ его никогда, никогда!» *)

Осенью мы встрѣтились съ *ней* въ Копенгагенѣ. Въ головѣ у меня роились тысячи новыхъ плановъ; я хотѣлъ зажить совершенно новою жизнью, бросить писанье стиховъ,—что они дадутъ?—и готовиться въ пасторы. Всѣ мои мысли были заняты ею, но увы! она любила другого и вышла за него замужъ. Только много лѣтъ спустя, я убѣдился, что и это все было къ лучшему и для меня и для нея. Она-то, можетъ быть, и не подозрѣвала даже, какъ глубоко было мое чувство и какое значеніе имѣло для меня. Она сдѣ-

*) См. Т. III. стр. 485.

лалась женой честнаго человѣка и счастливой матерью. Пошли имъ Богъ всего хорошаго!

Въ «*Прогулкѣ на Амагеръ*» и во многихъ другихъ тогдашнихъ моихъ произведеніяхъ ярко выступилъ сатирическій элементъ; многимъ это не понравилось: они думали, что это направленіе до добра не доведетъ. Критика же догадалась пробрать меня по этому поводу лишь тогда, когда въ моей душѣ зазвучали совсѣмъ иныя струны, и порицаемый элементъ совершенно исчезъ изъ моихъ произведеній. Сборникъ новыхъ стихотвореній «*Фантазіи и наброски*», вышедшій около новаго года, говорилъ о новомъ моемъ настроеніи; оно же вылилось и въ водевилѣ «*Разлука и встрѣча;*» вся разница была лишь въ томъ, что въ немъ я изобразилъ любовь взаимную. Впослѣдствіи водевиль этотъ былъ поставленъ на сценѣ королевскаго театра.

Среди моихъ молодыхъ друзей былъ одинъ, Орла Леманъ, которому я особенно симпатизировалъ за бьющую въ немъ ключемъ жизнерадостность и краснорѣчіе. Онъ въ свою очередь тоже относился ко мнѣ очень сердечно, и я охотно посѣщалъ его. Отецъ его былъ родомъ изъ Голштиніи, и въ домѣ много говорили и читали по-нѣмецки. Гейне тогда только что появился на горизонтѣ литературы, и пылкая молодежь восхищалась его стихами. Однажды я явился къ Леману, жившему съ семьей на дачѣ въ Вальбю, и онъ встрѣтилъ меня, восторженно декламируя изъ Гейне: «Thalatta, Thalatta, du ewiges Meer!» Мы стали вмѣстѣ читать Гейне и засидѣлись далеко за полночь. Пришлось заночевать у друга; зато я познакомился съ поэтомъ, который былъ мнѣ такъ сродни, затрогивалъ самыя чувствительныя струны моей души. Скоро вліяніе Гейне пересилило даже вліяніе Гоффмана, которое еще такъ замѣтно въ моей «*Прогулкѣ на Амагеръ*». Вообще я могу назвать только трехъ писателей, произведенія которыхъ я въ юности воспринялъ въ себя такъ, что они, такъ сказать, перешли въ мою плоть и кровь: Вальтера Скотта, Гоффмана и Гейне.

День за днемъ болѣзненно-чувствительное настроеніе овладѣвало мною все сильнѣе и сильнѣе; меня стало больше тянуть къ печальнымъ явленіямъ жизни, я засматривался на тѣневыя ея стороны, сдѣлался раздражительнымъ и болѣе чувствительнымъ къ порицаніямъ, нежели къ похваламъ. Зародышъ такого настроенія былъ посѣянъ во мнѣ моимъ позднимъ поступленіемъ въ гимназію, форсированнымъ прохожденіемъ учебнаго курса и внутреннимъ и внѣшнимъ гнетомъ, заставлявшимъ меня выпускать въ свѣтъ недостаточно зрѣлыя произведенія. Такая «тепличная выгонка» сильно повредила мнѣ во многихъ отношеніяхъ. Въ моихъ познаніяхъ были большіе пробѣлы; особенно хромалъ я по части грамматики, т. е. главнымъ образомъ по части общепринятаго правописанія. «*Прогулка на Амагеръ*» пестрѣла не опечатками, но моими собственными погрѣшностями въ правописаніи, шедшими въ разрѣзъ съ общепринятыми правилами. Я, конечно, могъ бы избѣгнуть всѣхъ

непріятностей, поручивъ держать корректуру кому-нибудь изъ товарищей-студентовъ. Я этого не сдѣлалъ, и всѣ ошибки, которыя могъ-бы исправить любой студентъ-новичокъ, были поставлены мнѣ на счетъ, подали поводъ къ глумленіямъ и насмѣшкамъ. Увлекаясь ими, люди упоминали о всемъ хорошемъ, поэтическомъ въ моихъ произведеніяхъ только вскользь. Я самъ знавалъ людей, которые читали мои стихи только ради того, чтобы отыскивать въ нихъ грамматическія ошибки и сосчитать сколько разъ я употребилъ одно и то-же выраженіе или слово, напримѣръ «красиво», что выходило, по ихъ словамъ, ужъ совсѣмъ «некрасиво». Одинъ кандидатъ богословія (теперь онъ священникомъ гдѣ-то въ Ютландіи), авторъ водевилей и критическихъ статей, не постѣснился однажды въ одномъ знакомомъ домѣ, въ моемъ же присутствіи, разобрать одно изъ моихъ стихотвореній, что называется—по косточкамъ; когда онъ кончилъ и отложилъ книжку въ сторону, шестилѣтняя малютка-дѣвочка, бывшая тутъ-же и съ удивленіемъ прислушивавшаяся къ такой безпощадной критикѣ каждаго слова, взяла книжку и въ простотѣ душевной указала на словечко *и*, говоря: «А вотъ тутъ есть еще одно словечко! Его ты не бранилъ!» Кандидатъ, должно быть, понялъ безсознательную иронію малютки, покраснѣлъ и поцѣловалъ ее. Я сильно страдалъ отъ такого отношенія ко мнѣ; мнѣ казалось, что время школьнаго гнета опять вернулось, и я все ниже и ниже склонялъ подъ этимъ гнетомъ свою голову съ какою-то непостижимою покорностью, а вѣдь, недаромъ гласитъ старинная пословица: «Гдѣ изгородь всего ниже, тамъ черезъ нее всѣ и шагаютъ.» Да, я былъ слишкомъ мягокъ, непростительно добродушенъ, всѣ знали это, пользовались этимъ, и нѣкоторые обращались со мною почти жестоко. Сдерживавшія меня поводья зависимости или благодарности необдуманно или безсознательно натягивали иногда ужъ черезчуръ. Всѣ поучали меня, почти всѣ твердили, что меня захвалили, и что меня надо вылечить, говоря мнѣ въ глаза правду. И вотъ, я только и слышалъ, что о моихъ недостаткахъ, о моихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ слабостяхъ. Иногда сердце во мнѣ такъ и вскипало отъ всѣхъ этихъ обидъ, особенно когда приходилось терпѣть ихъ со стороны лицъ, стоявшихъ въ умственномъ отношеніи ниже меня и все-таки не стѣснявшихся подвергать меня въ своихъ богатыхъ гостиныхъ уничтожающей критикѣ; я выходилъ изъ себя, разражался слезами и съ жаромъ восклицалъ, что изъ меня всетаки выйдетъ извѣстный признанный поэтъ! Такія слова подхватывались и разносились по городу; въ нихъ видѣли зародышъ, готовый принести недобрые плоды высокомѣрія и скудоумія. «Онъ олицетворенное тщеславіе»—отзывались обо мнѣ люди и тутъ же, однако, прибавляли: «И сущій ребенокъ!» А какъ разъ въ это время я часто наединѣ съ собой отчаивался въ самомъ себѣ. Я все больше и больше терялъ вѣру въ себя и въ свои дарованія, я слагалъ въ своемъ сердцѣ всѣ порицанія и, какъ бывало въ гимназіи, готовъ былъ думать, что весь мой талантъ—одно

самообольщеніе. Самъ я былъ склоненъ повѣрить этому, но слышать объ этомъ отъ другихъ всетаки не могъ, и тогда-то у меня и вырывались гордыя необдуманныя слова; ихъ, какъ сказано, подхватывали и потомъ ими же бичевали меня. А въ рукахъ тѣхъ, кого зовешь своими близкими, дорогими друзьями, такіе бичи становятся, вѣдь, скорпіонами.

Коллинъ нашелъ, что небольшое путешествіе будетъ мнѣ очень полезно, что мнѣ слѣдуетъ хоть на нѣсколько недѣль окунуться въ житейское море, побыть среди другихъ людей, въ иной обстановкѣ и набраться новыхъ впечатлѣній. У меня же кстати была скоплена небольшая сумма денегъ, вполнѣ достаточная, чтобы совершить на нее поѣздку въ Сѣверную Германію.

Было это весною 1831 г.; я въ первый разъ выѣхалъ за предѣлы Даніи, увидѣлъ Любекъ и Гамбургъ. Все поражало, занимало меня. Желѣзныхъ дорогъ тамъ тогда еще не существовало, широкій почтовый трактъ шелъ по песчаному грунту, черезъ Люнебургскую степь. Я добрался до Брауншвейга, въ первый разъ узрѣлъ горы (Гарцъ) и пѣшкомъ совершилъ путь отъ Гослара черезъ Брокенъ до Галле. Передо мною какъ будто открылся новый, диковинный міръ. Ко мнѣ вернулся мой юморъ; онъ, словно перелетная птичка, вернулся въ свое гнѣздо, которое въ его отсутствіе занималъ воробей—тоска. На вершинѣ Брокена я набросалъ въ книгу для записей туристовъ слѣдующее четверостишіе:

Высотъ заоблачныхъ достигъ,
Но утаить, друзья, не смѣю,
Что къ небу ближе былъ я въ мигъ,—
Въ мигъ незабвенной встрѣчи съ нею!

Годъ спустя, одинъ мой другъ, также посѣтившій Брокенъ, разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ мои стихи и подъ ними приписку одного земляка: «Голубчикъ Андерсенъ, береги свои стишки для «*Усладительнаго чтенія*», а не надоѣдай намъ ими за-границей, куда имъ и не попасть, если ты самъ не будешь таскать ихъ съ собой повсюду.»

Въ Дрезденѣ я познакомился съ Тикомъ; Ингеманъ далъ мнѣ письмо къ нему. Мнѣ удалось на одномъ вечерѣ слышать прекрасное чтеніе Тика; читалъ онъ, «Генриха IV» Шекспира. На прощанье онъ написалъ мнѣ въ альбомъ стихи, пожелалъ успѣховъ на литературномъ поприщѣ, горячо обнялъ и поцѣловалъ меня; все это произвело на меня глубокое впечатлѣніе, и я никогда не забуду устремленнаго на меня кроткаго взгляда его большихъ голубыхъ глазъ. Весь въ слезахъ вышелъ я отъ него и обратился къ Богу съ пламенной мольбой поддержать меня на томъ пути, на который толкали меня мое сердце и душа, дать мнѣ силу и умѣнье высказывать волнующія мою грудь чувства и сдѣлать меня достойнымъ похвалы Тика къ тому времени, когда мнѣ опять доведется свидѣться съ нимъ. Это случилось лишь много лѣтъ спустя,

когда мои позднѣйшія произведенія были уже переведены на нѣмецкій языкъ и прекрасно приняты въ Германіи. Тикъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, и это его пожатье было мнѣ тѣмъ дороже, что онъ первый изъ иностранцевъ далъ мнѣ «напутственное благословенье». Въ Берлинѣ письмо Эрстеда доставило мнѣ знакомство съ Шамиссо. Высокій человѣкъ, съ умнымъ серьезнымъ лицомъ, съ кудрями по плечамъ, самъ отворилъ на мой звонокъ двери, прочелъ письмо и, не знаю, какимъ образомъ, мы живо поняли другъ друга; я почувствовалъ къ нему довѣріе и вылилъ передъ нимъ всю душу,—ничего, что на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ. Шамиссо читалъ по-датски; я подарилъ ему свои стихотворенія, и онъ первый началъ переводить мои произведенія, первый познакомилъ со мною Германію и съ перваго же свиданія сталъ для меня вѣрнымъ, сочувствующимъ другомъ. О томъ, какъ онъ радовался моимъ позднѣйшимъ успѣхамъ свидѣтельствуютъ его письма ко мнѣ, напечатанныя въ собраніи его сочиненій.

Эта небольшая поѣздка принесла мнѣ, по общему мнѣнію моихъ копенгагенскихъ друзей, большую пользу. Путевыя впечатлѣнія мои скоро появились въ печати подъ общимъ заглавіемъ «*Тѣневыя картины.—Изъ путешествія по Гарцу и Саксонской Швейцаріи*». Эти наброски были впослѣдствіи не разъ переведены на нѣмецкій и на англійскій языки. Окружающіе меня говорили, что это произведеніе замѣтно указываетъ на прогрессъ въ общемъ моемъ развитіи. Обращеніе ихъ со мною, однако, не показывало, чтобы они дѣйствительно признавали этотъ прогрессъ,—та же мелочная погоня за моими ошибками и недостатками, то же стремленіе вѣчно поучать, воспитывать меня, которое я и имѣлъ слабость сносить иногда отъ лицъ даже совершенно постороннихъ. Однажды, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ моихъ «*Тѣневыхъ картинъ*», я засталъ одного изъ такихъ самозванныхъ воспитателей моихъ за чтеніемъ моей книжки. На самомъ концѣ страницы онъ нашелъ слово *hun*, а слѣдующая страница начиналась словомъ *den*, что вмѣстѣ составляло слово *Hunden* (собака), напечатанное по недосмотру черезъ маленькое *h* *). Хозяинъ строго обратился ко мнѣ: «Это что? Развѣ вы пишете «*Hunden*» черезъ маленькое *h*? Я былъ въ шутливомъ настроеніи, къ тому же мнѣ стало досадно, что могли подозрѣвать меня въ такой безграмотности, и отвѣтилъ: «Рѣчь идетъ о маленькой собачкѣ, такъ будетъ съ нея и маленькаго *h*!». Мою невинную шутку приняли, однако, за проявленіе высокомѣрія, тщеславія, за нежеланіе слушать совѣты умныхъ людей. Все это мелочи—скажутъ, можетъ быть, мои читатели, но—вѣдь, капли долбятъ камень! И я привожу здѣсь всѣ эти факты только въ защиту отъ нарека-

*) Слово **hun** само по себѣ означаетъ личное мѣстоименіе *она*, а **den** мѣстоименіе указательное, и ошибка отъ того и произошла, что и первую часть слова *Hunden*—**hun**, заканчивавшую одинъ листъ, и вторую—*den*, начинавшую другой—приняли за мѣстоименія. *Примѣч. перев.*

ній, упрекающихъ меня въ тщеславіи. Въ частной моей жизни вообще не было ничего такого, къ чему бы можно было придраться, вотъ и пустили въ ходъ басню о моемъ тщеславіи.

Я охотно читалъ вслухъ свои произведенія, особенно новыя; они, вѣдь, такъ занимали меня самого, и я еще не былъ достаточно опытенъ, чтобы знать, какъ опасно автору самому читать свои произведенія, особенно у насъ. Любой господинъ или дама, брянчащіе на фортепьяно или умѣющіе пѣть какіе-нибудь романсы, безпрепятственно могутъ являться въ общество со своими нотами и садиться за инструментъ, не вызывая никакихъ замѣчаній; писатель также можетъ читать вслухъ, но лишь чужія произведенія, а не свои собственныя,—это тщеславіе, хвастовство. Такъ говорили даже объ Эленшлегерѣ, который вообще охотно и прекрасно читалъ свои произведенія въ кругу знакомыхъ. Какихъ только замѣчаній не приходилось поэтому выслушивать мнѣ отъ людей, думавшихъ прослыть, благодаря этому, остроумными или интересными. Что-жъ, если позволяли себѣ такъ относиться къ самому Эленшлегеру, то чего-же было стѣсняться съ какимъ-то Андерсеномъ!

Иногда юморъ мой всетаки бралъ верхъ надъ досадой и огорченіемъ, и слабости людскія, въ томъ числѣ и мои собственныя, только смѣшили меня. Вотъ въ одну изъ такихъ-то минутъ у меня и вылилось стихотвореніе: *Та-та́-та, та-та́-та, та-та́!*»:

За чайнымъ столомъ сидятъ дамы рядкомъ;
Безъ умолку треплютъ онѣ язычкомъ —
 Та-та́-та, та-та́-та, та-та́!
Одна тамъ про ленты, про бархатъ и шолкъ,
Другая хорошенькой ручкой кичится,
А третья въ поэзіи знаетъ, вишь, толкъ,
Того и гляди въ поднебесье умчится!
 Та-та́-та, та-та́-та, та-та́!
Потомъ о балахъ говорить принялись,
А тамъ о политикѣ, — только держись!
 Та-та́-та, та-та́-та, та-та́!
Сидитъ между ними одинъ кавалеръ;
Умѣетъ вести разговоръ онъ занятный,
И шепчетъ сосѣдка сосѣдкѣ: «Ma chère,
Какой нашъ сосѣдъ собесѣдникъ пріятный!
 Та-та́-та, та-та́-та, та-та́!
Вотъ дѣло теперь до театра дошло,
И тутъ-то у нихъ ужъ пошло такъ пошло!
 Та-та́-та, та-та́-та, та-та́!
Однако, и поздно, пора на покой!

Мужчины сосѣдокъ своихъ провожаютъ,
А эти, шажкомъ пробираясь домой,
Во всю-то дорогу болтаютъ, болтаютъ!
Та-та́-та, та-та́-та, та-та́!

Стихотвореніе это обозвали памфлетомъ, и мнѣ таки досталось за него во многихъ газетахъ и журналахъ. Мало того, одна почтенная дама, у которой я бывалъ, призвала меня къ себѣ и инквизиторски спросила меня, развѣ я бываю въ такихъ домахъ, какой рисую въ своемъ стихотвореніи. Разумѣется, это не ея домъ, но люди-то могутъ подумать, что я намекалъ именно на него, —я, вѣдь, бываю и у нея! За то и задала-же она мнѣ головомойку! А то еще въ театрѣ ко мнѣ подошла прекрасно одѣтая, совершенно незнакомая мнѣ дама и, смѣривъ меня негодующимъ взглядомъ, проговорила: «Та-та́-та, та-та́-та, та-та́!» Я снялъ шляпу и отвѣсилъ ей поклонъ,—вѣжливость тоже, вѣдь, отвѣтъ.

Съ конца 1828 г. по 1839 г. я принужденъ былъ жить единственно своимъ перомъ; между тѣмъ писательскіе гонорары были въ то время очень скромны, и мнѣ приходилось весьма туго, тѣмъ болѣе, что я, вращаясь въ извѣстныхъ кругахъ общества, долженъ былъ обращать особое вниманіе на свою одежду. Редакціи газетъ вовсе не платили своимъ случайнымъ сотрудникамъ; творить постоянно новое и новое было немыслимо, и я взялся за переводы пьесъ для королевскаго театра. Такъ я перевелъ «*La quarantaine*» и «*La reine de seize ans*» и написалъ нѣсколько оперныхъ либретто.

Еще произведенія Гоффмана заставили меня обратить вниманіе на комедіи Гоцциса; въ «*il Corvo*» я нашелъ превосходный матеріалъ для опернаго либретто; ознакомившись съ переводомъ этой вещи, сдѣланнымъ Мейслингомъ, я пришелъ въ полный восторгъ и въ нѣсколько недѣль написалъ текстъ для оперы «*Воронъ*», который и отдалъ одному молодому композитору. Это былъ нынѣшній профессоръ І. П. Э. Гартманъ, наша гордость и слава. Теперь, пожалуй, многіе улыбнутся, узнавъ, что мнѣ въ письмѣ къ директору театровъ пришлось нѣкоторымъ образомъ ручаться за талантъ Гартмана, рекомендовать его, какъ композитора! А нынѣ-то онъ является первымъ нашимъ композиторомъ, гордостью Даніи! Написанное мною либретто страдало сухостью и недостаткомъ лиризма; я самъ созналъ это впослѣдствіи и не включилъ его въ собраніе моихъ сочиненій; лишь одинъ хоръ да пѣсня изъ этой оперы вошли въ сборникъ стихотвореній. Тѣмъ не менѣе Гартманъ написалъ на мое либретто чудную, истинно геніальную музыку, и современемъ эта опера навѣрно опять займетъ въ репертуарѣ датской королевской сцены почетное мѣсто; теперь же ее давно не давали, и большинство знакомо съ ней лишь по отрывкамъ, исполняемымъ въ концертахъ музыкальнаго общества.

Для другого молодого композитора I. Бредаля я переработалъ въ либретто романъ Вальтера-Скотта «*Ламмермурская невѣста*». Обѣ оперы были поставлены на королевской сценѣ, но меня за мои либретто критика осудила безпощадно, хотя послѣднее изъ нихъ и нельзя было назвать неудачнымъ въ литературномъ отношенiи. Отъ этого времени у меня сохранилось воспоминанiе объ Эленшлегерѣ, которое рисуетъ его раздражительность, но въ то же время и его искренность и сердечность. «*Ламмермурская невѣста*» имѣла большой успѣхъ; я принесъ Эленшлегеру печатное либретто; онъ улыбнулся и поздравилъ меня съ успѣхомъ пьесы, часть котораго приходилась и на мою долю. Успѣхъ этотъ, по его словамъ, достался мнѣ, впрочемъ, довольно дешево: я воспользовался трудомъ Вальтера-Скотта, композиторъ поддержалъ меня—вотъ и все! Мнѣ было такъ больно услышать это отъ него, что у меня выступили на глазахъ слезы. Едва онъ замѣтилъ это, бросился ко мнѣ на шею, поцѣловалъ меня и сказалъ: «Это другiе натравили меня на васъ!» И онъ точно весь переродился, обращенiе его со мною стало самымъ сердечнымъ, и на прощанье онъ подарилъ мнѣ одну изъ своихъ книгъ съ любезной надписью.

Вейзе, одинъ изъ моихъ первыхъ доброжелателей, съ которымъ я часто встрѣчался въ домѣ адмирала Вульфа, былъ на первомъ представленiи «*Ламмермурской невѣсты*» и остался въ высшей степени доволенъ моимъ либретто. Вскорѣ онъ пришелъ ко мнѣ и разсказалъ, что давно носится съ мыслью написать оперу на сюжетъ «*Кенильворта*» Вальтера Скотта, и взялъ даже съ Гейберга обѣщанiе написать ему либретто, но обѣщанiе это такъ и осталось однимъ обѣщанiемъ. Теперь онъ думаетъ, что либретто это могъ бы написать я и такимъ образомъ стать его сотрудникомъ. Я согласился, но, исполняя желанiе композитора, я и не предвидѣлъ, какiе громы навлекаю на свою голову. Я, какъ сказано, сильно нуждался тогда въ деньгахъ, но взялся за упомянутую работу не изъ-за ожидаемаго гонорара за нее, а главнымъ образомъ потому, что мнѣ было и прiятно и лестно стать сотрудникомъ Вейзе, любимѣйшаго нашего композитора и моего перваго благодѣтеля. Я сейчасъ же взялся за работу, но не успѣлъ еще довести ее и до половины, какъ о ней заговорили въ городѣ, и на меня посыпались самыя обидныя нареканiя; двѣ-три газетки даже обозвали меня «палачомъ чужихъ произведенiй». Я былъ такъ огорченъ, что хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренiя, но Вейзе принялся успокаивать меня; начало моего труда вполнѣ его удовлетворяло, и онъ настаивалъ, чтобы я довелъ его до конца. Его желанiе было для меня выше всякихъ порицанiй и попрековъ другихъ людей, и я сдался. Самъ Вейзе тоже немедленно принялся за дѣло и прежде всего написалъ музыку для небольшого романса: «*Пастушокъ пасетъ овецъ*» *). Скоро я кончилъ либретто, и такъ какъ написалъ его только ради

*) Смот. Т. Ш. стр. 492. *Примѣч. перев.*

самого Вейзе, да и кромѣ того готовился уѣхать, то и передалъ его въ полное распоряженіе композитора, которому предоставилъ право передѣлывать и измѣнять его, какъ хочетъ. Вейзе и дѣйствительно вставилъ нѣсколько стиховъ, а нѣкоторые измѣнилъ. Такъ, напримѣръ, у меня было сказано:

«Gjennem disse dunkle Gange
Snoer sig Dödens Slange!»

Т. «По этимъ темнымъ переходамъ, извиваясь, ползетъ змѣя смерти!»).

А Вейзе измѣнилъ:

«Fra denne sorte Krog
Snoer sig Dödens Snog!».

(Т. е. «Изъ темнаго угла ползетъ ужъ смерти»).

Я впослѣдствіи сдѣлалъ ему по этому поводу какое-то возраженіе, а онъ шутливо отпарировалъ его: «Въ темныхъ переходахъ всегда есть и темные углы, а ужъ, вѣдь, та же змѣя, только маленькая. Значитъ, я не измѣнилъ нарисованной вами картины, а только приспособилъ ее къ музыкѣ!» У этого замѣчательнаго человѣка была еще одна особенность: онъ никогда не дочитывалъ книги, если узнавалъ, что конецъ ея печальный. На томъ же основаніи онъ и въ оперѣ своей заставилъ Эми Робсаръ выйти замужъ за Лейчестера. «Зачѣмъ же дѣлать людей несчастными, если можно устроить ихъ счастье однимъ взмахомъ пера?»—говорилъ онъ. «Да, вѣдь это противорѣчитъ исторіи!» возражалъ я: «И что же мы сдѣлаемъ въ такомъ случаѣ съ королевой Елизаветой?» «А она можетъ сказать: «Великая, Англія, я твоя!»—отвѣтилъ онъ. Дѣлать нечего, такъ и пришлось закончить либретто этими словами. «*Кенильвортскій праздникъ*» былъ поставленъ на сценѣ, но изъ моего либретто я напечаталъ отдѣльно только нѣсколько пѣсенокъ; двѣ изъ нихъ, благодаря музыкѣ Вейзе, скоро сдѣлались у насъ въ Даніи весьма популярными, а именно: «*Пастушокъ пасетъ овецъ*» и «*Братья далеко отсюда*».

Этотъ періодъ моей жизни отмѣченъ анонимными нападками на меня въ письмахъ, присылаемыхъ мнѣ отъ неизвѣстныхъ личностей, которыя насмѣхались и ругались надо мною самымъ мальчишески-грубымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе я въ тотъ же годъ отважился издать новый сборникъ стихотвореній, «*Двѣнадцать мѣсяцевъ года*», который впослѣдствіи былъ отмѣченъ критикой, какъ содержащій много лучшихъ, удачнѣйшихъ моихъ стихотвореній, тогда же къ нему, по обыкновенію, отнеслись безпощадно.

То былъ самый цвѣтущій періодъ издательства «*Литературнаго Ежемѣсячника*», основателемъ котораго, какъ мнѣ помнится, былъ Эрстедъ. Въ числѣ сотрудниковъ журнала находились многіе изъ ученыхъ знаменитостей Даніи, слывшихъ за непогрѣшимыхъ судей; тѣмъ не менѣе, какъ за-

мѣчалъ и самъ Эрстедъ, литературно-критическій отдѣлъ журнала сильно хромалъ. Приходилось довольствоваться критиками, какіе попадались подъ руку. Большинство людей воображаютъ, къ сожалѣнью, что въ критики произведеній изящной литературы годится всякій; это, дескать, не то что шить сапоги или стряпать обѣдъ, для чего нужны спеціалисты. А между тѣмъ на дѣлѣ-то оказывается, что можно составлять прекрасные латинскіе учебники или словари и въ то же время не годиться въ судьи поэтическихъ произведеній.

Но отыскивать подходящихъ лицъ становилось для редакціи все труднѣе и труднѣе, поэтому готовый писать и судить о чемъ угодно историкъ Мольбекъ, тогдашній директоръ театра, былъ для нея прямо находкой. Онъ часто высказывалъ обо мнѣ свое мнѣніе, такъ выскажу же хоть разъ и я о немъ свое. Я признаю въ немъ неутомимаго труженика и составителя словаря, которымъ онъ, какъ принято выражаться, «пополнилъ важный пробѣлъ въ датской научной литературѣ», хотя этотъ значительнѣйшій его трудъ и можно упрекнуть въ нѣкоторой неполнотѣ и односторонности. Мольбекъ не столько показываетъ намъ, какого правописанія держатся наши лучшіе писатели, какъ—какого считаетъ нужнымъ держаться онъ самъ. Въ качествѣ же критика произведеній изящной литературы онъ заявилъ себя крайне пристрастнымъ и одностороннимъ. Между тѣмъ собственнаго его творчества хватило только на два юношескихъ произведенія: «*По Даніи*», написанное цвѣтистымъ языкомъ того времени, и «*Путешествіе по Германіи, Франціи и Италіи*», причемъ все описываемое имъ, кажется, скорѣе почерпнуто изъ книгъ, нежели изъ дѣйствительности. Онъ все сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ да въ архивѣ королевской библіотеки и ужъ много лѣтъ не заглядывалъ въ театръ, какъ вдругъ его сдѣлали директоромъ театра и цензоромъ, представляемыхъ въ дирекцію пьесъ. Болѣзненный, односторонній и брюзгливый директоръ театра — можно представить себѣ результаты! Въ началѣ моей авторской дѣятельности онъ оказывалъ мнѣ особую благосклонность, но скоро моя звѣзда закатилась, и взошла звѣзда Паллудана-Мюллера, выступившаго со своей «*Танцовщицей*», а затѣмъ съ «*Амуромъ и Психеей*». А разъ Мольбекъ пересталъ быть за меня, онъ сталъ противъ меня,—вотъ и вся исторія.

Есть пословица: «Когда повозка начнетъ клониться на бокъ, всѣ стараются свалить ее совсѣмъ»; вотъ это-то я и испыталъ на себѣ. Всюду говорили только о моихъ недостаткахъ, и такъ какъ вполнѣ въ натурѣ человѣческой охать, если тебя ужъ черезчуръ донимаютъ, то я и охалъ передъ моими такъ называемыми друзьями, они же разносили мои охи по всему большому городу, который, впрочемъ, бываетъ иногда очень и очень маленькимъ. Случалось даже, что я встрѣчалъ на улицѣ вполнѣ прилично одѣтыхъ людей, которые, проходя мимо меня, скалили зубы и отпускали на

мой счетъ злорадныя шуточки. За нами, датчанами, вообще водится страстишка насмѣхаться, или, выражаясь изящнѣе, въ насъ есть комическая жилка; вотъ почему въ репертуарѣ у насъ преобладаетъ комедія.

Въ то время на литературномъ горизонтѣ показалась новая звѣзда, Генрикъ Герцъ, выступившій съ «*Письмами съ того свѣта*». Герцъ не выставилъ подъ этой сатирой своего имени, написана же она была отъ лица недавно умершаго Баггесена, будто бы приславшаго ее съ того свѣта. И дѣйствительно Герцъ сумѣлъ такъ поддѣлаться подъ тонъ и даже духъ Баггесена, что многіе готовы были поручиться: «Да, это писалъ самъ Баггесенъ!» Въ «*Письмахъ*» былъ восхваленъ Гейбергъ, больно задѣты Эленшлегеръ и Гаухъ, и вытащена на свѣтъ Божій старая исторія о моихъ орѳографическихъ ошибкахъ въ «*Прогулкѣ*». Кромѣ того къ моему имени и обученію въ гимназіи въ Слагельсэ было приплетено имя св. Андерса, и явился «св. Андерсенъ», взбирающійся на Парнасъ «верхомъ на однодневномъ жеребенкѣ—Пегасѣ». Право, Гольбергъ придумалъ бы что-нибудь поостроумнѣе! Однимъ словомъ, меня пробрали такъ, что любо! «*Письма съ того свѣта*» произвели огромную сенсацію; по всей странѣ только и разговору было, что о нихъ, все остальное отошло на второй планъ. На моей памяти другого такого сенсаціоннаго произведенія не являлось. Никто не зналъ и не могъ угадать автора его, и это-то еще болѣе разжигало интересъ. Всѣ были въ восторгѣ и не даромъ: подобныя произведенія не часто появляются! Гейбергъ всетаки заступился въ «*Летучей почтѣ*» за нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, пробранныхъ въ «*Письмахъ*», для меня же у него не нашлось ни словечка.

Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ покорно принять на свою голову этотъ критическій ливень, и всѣ были увѣрены, что онъ окончательно потопитъ меня. Я глубоко чувствовалъ нанесенныя мнѣ раны, и самъ былъ готовъ отчаяться въ себѣ, какъ отчаивались во мнѣ другіе. Въ то время не было другого Аллаха, кромѣ автора «*Писемъ*», а Гейбергъ былъ его пророкомъ.

И вотъ какъ разъ въ такое-то время вышелъ сборникъ моихъ стихотвореній «*Фантазіи и наброски*»; вмѣсто эпиграфа я выставилъ отрывокъ изъ «*Писемъ*», это было единственнымъ моимъ отвѣтомъ на всѣ нападки *).

Вслѣдъ за этой книжкой вышла и другая небольшая моя книжечка «*Виньетки къ именамъ датскихъ поэтовъ*». Я задался цѣлью дать въ коро-

*) Вотъ содержаніе этого отрывка: „Судьи нужны, но судья долженъ помнить, что плодъ творческаго генія есть плодъ своего времени и плыветъ по его теченію. Критикъ стоитъ на стражѣ искусства, когда онъ хвалитъ какое-нибудь произведеніе, но пусть дважды взвѣситъ всѣ доводы за и противъ, прежде чѣмъ осудитъ его. Хулить легко, разрушать чужіе труды тоже, но трудно создать что-нибудь, могущее замѣнить разрушенное“. *Примѣч. перев.*

тенькихъ стихотвореніяхъ характеристики всѣхъ современныхъ и умершихъ нашихъ писателей. Мои «виньетки» вызвали много подражаній, но критика не обмолвилась о нихъ ни однимъ добрымъ словомъ. Меня продолжали угощать переварками старыхъ порицаній. Мнѣ приходилось читать не критику на мои произведенія, а прямые выговоры себѣ; тянулось это долго, но въ описываемое время дѣла мои были особенно плохи.

Герцъ, наконецъ, сбросилъ съ себя шапку-невидимку, и въ скоромъ времени рѣшено было выдать ему отъ казны субсидію на заграничную поѣздку. Я въ это время тоже подалъ прошеніе о такой субсидіи. Я чувствовалъ къ королю Фредерику VI истинную благодарность за полученное мною по его милости образованіе, и, желая какъ-нибудь выразить ему свои чувства, собирался поднести ему посвященную его имени книгу свою «*Двѣнадцать мѣсяцевъ года*». Тутъ-то одинъ изъ моихъ доброжелателей, человѣкъ опытный, бывалый, и посовѣтовалъ мнѣ самому постараться за себя: подавая королю книгу, я долженъ былъ коротко и ясно сообщить ему, кто я такой и какъ я самъ пробилъ себѣ дорогу, и прибавить, что теперь я больше всего нуждаюсь въ субсидіи для поѣздки за границу, необходимой для завершенія моего образованія. На это король, навѣрно, скажетъ: «Подайте прошеніе!», а оно уже должно быть у меня наготовѣ, чтобы я могъ тотчасъ же вручить его королю. Я нашелъ все это ужаснымъ. Какъ? Подаривъ королю книгу, я тотчасъ же буду просить его отдарить меня! «Такъ ужъ заведено!» отвѣтили мнѣ: «Король отлично знаетъ, что, поднося ему книгу, вы ожидаете отъ него за это какой-нибудь награды!» Меня это просто приводило въ отчаяніе; сердце мое такъ и колотилось, и когда король, по своему обыкновенію, быстро подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ, что за книгу я ему принесъ, я отвѣтилъ: «Циклъ стихотвореній». «Циклъ! Циклъ! Что вы хотите сказать?» Тутъ ужъ я совсѣмъ растерялся и сказалъ: «Это... это разныя стихотворенія о Даніи!» Король улыбнулся: «А, такъ! Это очень кстати! Благодарю». И онъ кивнулъ мнѣ въ знакъ того, что аудіенція кончена. Но я, вѣдь, еще не успѣлъ и начать разговора о своемъ дѣлѣ и поспѣшилъ сказать, что мнѣ еще столько надо сообщить ему, а затѣмъ безъ дальнѣйшихъ церемоній разсказалъ ему о своихъ занятіяхъ и о томъ, какъ я пробилъ себѣ дорогу. «Все это очень похвально!» замѣтилъ король, а когда я, наконецъ, изложилъ свою просьбу о субсидіи на поѣздку, сказалъ, какъ меня и предупреждали: «Ну, подайте прошеніе!»—«Да оно у меня съ собою!» заявилъ я въ простотѣ душевной. «По моему, это просто ужасно, что приходится подавать его вмѣстѣ съ книжкой, но мнѣ сказали, что такъ водится... А мнѣ всетаки ужасно стыдно!» И слезы брызнули у меня изъ глазъ. Добрякъ король громко разсмѣялся, ласково кивнулъ мнѣ головой и взялъ прошеніе. Я поклонился и поспѣшилъ убраться.

Всѣ были того мнѣнія, что талантъ мой достигъ теперь полнаго сво-

его расцвѣта, и что, если я вообще расчитываю на субсидію, то надо стараться получить ее именно теперь. Я же съ своей стороны чувствовалъ, въ чемъ убѣдились впослѣдствіи и другіе, что путешествіе — лучшая школа для писателя. Мнѣ сказали, однако, что если я хочу, чтобы на мою просьбу обратили вниманіе, то долженъ постараться добыть рекомендаціи нѣкоторыхъ изъ нашихъ уважаемыхъ писателей и почтенныхъ дѣятелей. Пусть они рекомендуютъ меня, какъ поэта, а то, вѣдь,—прибавляли мнѣ съ особеннымъ удареніемъ—какъ разъ въ этотъ годъ «столько прекрасныхъ молодыхъ людей» ищутъ субсидіи! Дѣлать нечего, я принялся добывать себѣ аттестаты, которые, пожалуй, только одному мнѣ изъ всѣхъ датскихъ писателей и понадобились. Гольстъ, Паллуданъ-Мюллеръ, Тистедъ, Хр. Мольбекъ, всѣ они насколько мнѣ извѣстно, получили субсидіи на заграничныя поѣздки безъ всякихъ такихъ аттестатовъ, да вовсе и не нуждались въ нихъ. Замѣчательно то, что каждое лицо, изъ выдавшихъ мнѣ аттестаты, находило во мнѣ свое; такъ Эленшлегеръ выставлялъ на видъ мой лирическій талантъ, Ингеманъ—мое пониманіе народной жизни, а Гейбергъ—остроуміе и юморъ, которыми я будто бы напоминалъ нашего знаменитаго Весселя. Эрстедъ въ свою очередь обращалъ вниманіе на то, что, несмотря на самыя разнообразныя мнѣнія о моихъ трудахъ, всѣ, однако, единогласно признавали во мнѣ поэта. Тилэ же тепло отозвался о силѣ моего духа, поддержавшаго меня въ тяжелой борьбѣ съ житейскими невзгодами, и пожелалъ, чтобы просьба моя была удовлетворена, «не только ради самого поэта, но ради процвѣтанія поэзіи въ Даніи!»

Аттестаты произвели свое дѣйствіе, и просьба моя была уважена. Герцу выдали субсидію покрупнѣе, мнѣ поменьше.

«Радуйтесь теперь!» говорили мнѣ друзья: «Чувствуйте свое безмѣрное счастье! Пользуйтесь минутой! Другой такой случай выбраться за границу врядъ ли вамъ представится! Послушали-бы вы, что говорятъ въ городѣ по поводу вашей поѣздки. Знали бы вы, какъ намъ приходится отстаивать васъ! Часто, впрочемъ, приходится и пассовать и соглашаться!» Такія рѣчи больно уязвляли меня. Я рвался поскорѣе уѣхать, забывая слова Горація, что печаль садится на сѣдло позади всадника. Передъ самой разлукой друзья мои стали мнѣ еще дороже; между ними были двое, которые имѣли въ то время на меня и на все мое развитіе особенно сильное вліяніе. О нихъ-то я и долженъ упомянуть здѣсь.

Первымъ другомъ моимъ была г-жа Лэссё, мать героя, отличившагося при Идстедѣ, полковника Лэссё. Эта нѣжнѣйшая мать, образованная и даровитая женщина, открыла для меня свой уютный домъ, дѣлила со мной всѣ мои горести, утѣшала, ободряла меня и направляла мой взоръ на красоты природы и поэтическія мелочи жизни, учила искать красоту въ такъ называемомъ «маломъ» и одна не теряла вѣры въ мой талантъ, когда те-

ряли ее почти всё. Если на произведеніяхъ моихъ лежитъ отпечатокъ чистоты и женственности, то г-жа Лэссё одна изъ тѣхъ, кому я особенно обязанъ этимъ.

Другой мой другъ, также имѣвшій на меня большое вліяніе—одинъ изъ сыновей моего покровителя Коллина, Эдвардъ Коллинъ. Онъ выросъ въ самой счастливой семейной обстановкѣ и отличался мужествомъ и рѣшительностью характера, чего такъ недоставало мнѣ. Я былъ увѣренъ въ его искренней привязанности ко мнѣ и такъ какъ до сихъ поръ еще никогда не имѣлъ друга-товарища, то и привязался къ нему всей душою. Онъ возставалъ противъ всего, что было въ моей натурѣ дѣвичьяго, отличался разсудительностью, практичностью и, несмотря на то, что былъ моложе меня годами, былъ старше умомъ, такъ что руководящая роль въ нашемъ дружескомъ союзѣ принадлежала ему. Часто я не понималъ его, обижался на него и огорчался; другіе тоже часто невѣрно истолковывали его доброжелательную горячность. Мнѣ, напримѣръ, доставляло несказанное удовольствіе читать въ обществѣ свои собственныя или чьи-нибудь чужія стихи, и вотъ однажды, въ одномъ семейномъ кружкѣ меня попросили продекламировать что-нибудь; я согласился, но мой товарищъ, бывшій тутъ же и лучше меня понимавшій настроеніе общества и его ироническое отношеніе ко мнѣ, рѣзко объявилъ, что тотчасъ же уйдетъ, если я прочту хоть одинъ стихъ! Я опѣшилъ, а хозяйка дома и другія дамы обрушились на него за такое поведеніе. Только позже я понялъ, что онъ въ эту минуту велъ себя, какъ истинный другъ, тогда же я готовъ былъ заплакать, хотя и зналъ, какъ велика его дружба ко мнѣ. Его горячимъ желаніемъ было привить мнѣ, гибкому и податливому, какъ тростникъ, хоть частицу своей самостоятельности и силы воли. Въ практической жизни онъ былъ для меня настоящимъ дядькой, помогалъ мнѣ во всемъ, начиная съ латинскаго языка, когда я еще готовился къ экзамену, и кончая многолѣтней возней съ издателями, типографіями и даже корректурами. Онъ былъ моимъ вѣрнымъ другомъ съ тѣхъ поръ еще, какъ мнѣ приходилось покорно склоняться подъ ударами судьбы, перенося все, и остался имъ и тогда, когда я сталъ самъ себѣ господиномъ.

Какъ горы по мѣрѣ удаленія отъ нихъ выступаютъ все рельефнѣе, яснѣе, такъ и друзья наши, — удалившись отъ нихъ, начинаешь лучше понимать ихъ.

Маленькій альбомъ со стихами отъ многихъ друзей, сталъ моимъ сокровищемъ, которое сопровождало меня повсюду и все увеличивалось съ годами.

Въ понедѣльникъ 22 апрѣля 1833 г. я уѣхалъ изъ Копенгагена. Я былъ глубоко растроганъ при прощаньѣ съ родиной и искренно молилъ Бога чтобы Онъ или помогъ мнѣ извлечь пользу изъ моей поѣздки и создать какое,

нибудь истинно поэтическое произведеніе или послалъ мнѣ смерть на чужбинѣ!

Я смотрѣлъ, какъ исчезали съ горизонта башни Копенгагена, мы приближались къ утесу Мэну... Вдругъ капитанъ подалъ мнѣ письмо и шутливо сказалъ: «Сейчасъ только прилетѣло по воздуху!» Это была еще пара словъ, послѣдній дружескій привѣтъ отъ Эдварда Коллина. Близъ Фальстера я получилъ письмо отъ другого друга, вечеромъ передъ отходомъ ко сну отъ третьяго, а утромъ близъ Травемюнде отъ четвертаго. «Всѣ прилетѣли по воздуху!» смѣялся капитанъ. Друзья мои, изъ участія ко мнѣ, набили ему письмами полный карманъ. «Noch ein Sträuschen! Und wieder noch ein Sträuschen!»

V.

Въ наши дни добраться черезъ Германію до Парижа—шутка; въ 1833 году было не то; желѣзныхъ дорогъ еще не существовало, приходилось день и ночь тащиться на почтовыхъ, сидя запакованнымъ въ тѣсномъ неуклюжемъ диллижансѣ, безпрестанно останавливаясь и глотая пыль. Проза такой поѣздки была, впрочемъ, отчасти вознаграждена поэтическимъ впечатлѣніемъ, полученнымъ мною отъ Франкфурта, родины Гёте и колыбели Ротшильдовъ. Тамъ жила старуха-мать крезовъ, не желавшая покидать скромнаго домика въ Еврейской улицѣ, гдѣ родились ея счастливцы сыновья. Затѣмъ я увидѣлъ Рейнъ! Но увидѣлъ его весною, когда берега его меньше всего живописны. Я былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, какъ, вѣроятно, и многіе пріѣзжающіе сюда туристы. Красивѣйшимъ пунктомъ безспорно является утесъ Лорлеи. Главное же украшеніе Рейна—связанныя съ нимъ легенды и чудныя пѣсни. Эти зеленоватыя волны воспѣты, вѣдь, лучшими поэтами Германіи!

Отъ Рейна мы ѣхали, кажется, трое сутокъ черезъ Зарбрюкъ, черезъ известковую долину Шампаньи, направляясь къ Парижу. Я дождаться не могъ, когда мы доберемся до «столицы міра», какою былъ для меня Парижъ, всѣ глаза проглядѣлъ въ ожиданіи, когда она, наконецъ, покажется, спрашивалъ о ней безпрестанно, и подъ конецъ такъ умаялся, что вовсе пересталъ спрашивать и доѣхалъ до самого бульвара, не подозрѣвая, что я уже въ Парижѣ.

Вотъ и всѣ впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ этого безостановочнаго путешествія отъ Копенгагена до Парижа. Не много! А между тѣмъ на родинѣ нашлись люди, которые и отъ такой поѣздки ожидали какого-то особеннаго воздѣйствія на мое развитіе. Они не думали о томъ, что взоръ можетъ и не успѣть охватить и усвоить себѣ представившуюся ему картину тотчасъ же, какъ подымется занавѣсъ. Итакъ, я былъ въ Парижѣ, но до того усталый, разбитый, сонный, что даже пріисканье помѣщенія казалось

мнѣ непосильнымъ трудомъ. Отыскавъ его въ Hotel de Lille, въ улицѣ Thomas, близъ Palais royal, я сейчасъ же завалился спать,—слаще отдыха и сна для меня въ эту минуту ничего не существовало. Недолго, однако, я поспалъ; меня разбудилъ страшный грохотъ; яркій свѣтъ ежеминутно озарялъ мою комнату. Я бросился къ окну; напротивъ, въ узенькомъ переулкѣ находилось большое зданіе, и я увидѣлъ, что изъ дверей его валомъ валитъ народъ... Шумъ, крики, грохотъ, вспышки какого-то необыкновеннаго свѣта—все это заставило меня со сна-то подумать, что въ Парижѣ возстаніе. Я позвонилъ слугу: «Что это такое?» «C'est le tonnerre!» отвѣтилъ онъ. «C'est le tonnerre!» повторила и служанка. Замѣчая по моему удивленному лицу, что я все еще не понимаю, въ чемъ дѣло, они произнесли слово tonnerre съ раскатомъ:-le tonnerre-re-rrr!» и показали мнѣ на сверкавшую молнію, вслѣдъ за которой загрохоталъ опять и громъ. Итакъ, это была гроза, а зданіе напротивъ оказалось театромъ Vaudeville; представленіе только что окончилось, и зрители расходились. Такъ вотъ каково было мое первое пробужденіе въ Парижѣ.

Теперь предстояло ознакомиться со всѣми его прелестями.

Итальянская опера была уже закрыта, зато Grande Opera блистала тогда такими звѣздами первой величины, какъ г-жа Даморо и Адольфъ Нурри. Послѣдній былъ тогда въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта и считался любимцемъ парижанъ. Въ Іюльскіе дни онъ храбро сражался на баррикадахъ и воодушевлялъ другихъ борцовъ вдохновеннымъ пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ. Каждое его появленіе на сценѣ вызывало шумныя оваціи. Четыре года спустя, до меня дошло извѣстіе о его ужасной смерти. Въ 1837 г. онъ поѣхалъ въ Неаполь, но тамъ его встрѣтилъ совсѣмъ иной пріемъ; кто-то даже свистнулъ ему. Избалованнаго пѣвца это потрясло до глубины души; полубольной выступилъ онъ еще разъ въ «*Нормѣ*», и опять раздался чей-то свистъ, прорвавшійся даже сквозь шумные аплодисменты остальной публики. Нурри не вынесъ и послѣ безсонной ночи выбросился утромъ 8-го Марта изъ окна третьяго этажа. Послѣ него остались жена и шестеро дѣтей. Я же слышалъ его еще въ то время, когда онъ пожиналъ лавры въ оперѣ «*Густавъ III-й*», имѣвшей огромный успѣхъ. Вдова настоящаго Анкерстрёма, тогда уже пожилая женщина, проживала въ Парижѣ и напечатала въ одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ журналовъ опроверженіе любовной исторіи между Густавомъ III и ею, вымышленной Скрибомъ. Оказывалось, что она и видѣла-то короля всего одинъ разъ въ жизни.

Въ Théâtre français я видѣлъ въ «*Les enfants d'Edouard*» престарѣлую m-lle Марсъ. Несмотря на то, что я очень мало понималъ по-французски, ея игра растрогала меня до слезъ; болѣе прекраснаго женскаго голоса я не слыхивалъ ни прежде, ни послѣ. Пожилая m-lle Марсъ являлась олицетвореніемъ юности и свѣжести и достигала этого не перетягиваньемъ таліи, не

закидываньемъ головы, а легкими эластичными манерами и движеніями и свѣжимъ звучнымъ голосомъ; глядя на нее, я безъ всякихъ постороннихъ истолкованій понялъ, что передо мною истинная артистка.

Въ это лѣто насъ, датчанъ, собралось въ Парижѣ нѣсколько человѣкъ; всѣ мы жили въ одномъ отелѣ, вмѣстѣ ходили по ресторанамъ, по кафе, по театрамъ и постоянно говорили между собою на родномъ языкѣ—охотнѣе всего о письмахъ съ родины. Все это было очень мило, очень сердечно, но не для этого же стоило ѣхать за-границу. Надо было осмотрѣть всѣ достопримѣчательности,—для того, вѣдь, мы и оставили родину—и мнѣ до сихъ поръ памятно, какъ одинъ изъ моихъ милыхъ друзей отъ души благодарилъ Бога, когда онъ однажды вечеромъ притащился домой усталый, измученный, покончивъ съ осмотрами разныхъ музеевъ и дворцовъ. «Все это было смерть какъ скучно! Но,—прибавилъ онъ:—надо же все осмотрѣть, а то вдругъ спросятъ дома о чемъ-нибудь и окажется, что я этого не видалъ,—срамъ! Теперь слава Богу осталось осмотрѣть самую бездѣлицу, а потомъ ужъ можно будетъ и повеселиться!» Вотъ какъ разсуждалъ мой пріятель, да и до сихъ поръ еще, я думаю, многіе такъ разсуждаютъ!

Я тоже не отставалъ отъ другихъ, ходилъ и осматривалъ все, но большая часть видѣннаго живо испарилась у меня изъ памяти. Едва успѣлъ я осмотрѣть Версаль съ его роскошными покоями и картинами, какъ его уже вытѣснилъ изъ памяти дворецъ Тріанонъ. Съ благоговѣніемъ вступилъ я въ опочивальню Наполеона; все тамъ сохранялось въ прежнемъ видѣ; стѣны были обиты желтыми обоями, занавѣси у постели были тоже желтаго цвѣта. Къ постели вели ступеньки. Я дотронулся рукою до одной изъ нихъ,—на нее ступала *его* нога! Потрогалъ и подушку. Будь я одинъ въ комнатѣ, я бы, кажется, преклонилъ колѣни: Наполеонъ былъ любимымъ героемъ и моего отца и моимъ съ самаго ранняго дѣтства.

Изъ тогдашнихъ парижскихъ знаменитостей я видѣлъ или, вѣрнѣе, говорилъ лишь съ немногими. Къ одной изъ такихъ, автору многихъ водевилей, Полю Дюпору, у меня было письмо отъ балетмейстера копенгагенскаго королевскаго театра Бурнонвилля. У насъ въ Даніи былъ поставленъ переводъ драмы Дюпора «*Квакеръ и танцовщица*»; пьеса имѣла большой успѣхъ; сообщеніе объ этомъ и письмо Бурнонвилля очень порадовали старика, такъ что я явился для него желаннымъ гостемъ. Самое наше свиданье носило, однако, довольно комичный характеръ: я прескверно говорилъ по-французски, Дюпоръ же полагалъ, что можетъ говорить по-нѣмецки, но произносилъ всѣ слова такъ, что я ровно ничего не понималъ. Онъ подумалъ, что употребляетъ не тѣ слова, досталъ французско-нѣмецкій словарь и сталъ продолжать разговоръ, безпрестанно отыскивая слова въ книгѣ. Разумѣется, бесѣда съ помощью словаря не могла идти быстро, и это было не по вкусу ни мнѣ, ни ему.

Къ другой знаменитости, Керубини, у меня было порученіе отъ Вейзе. Какъ разъ въ это время на него было обращено особое вниманіе парижанъ: онъ послѣ долгаго отдыха и уже въ преклонныхъ лѣтахъ подарилъ Grande Opera новымъ произведеніемъ, оперой *«Али-Баба или Сорокъ розбойниковъ»*. Особенныхъ восторговъ она не вызвала, но такъ называемый succès d'éstime имѣла.

Керубини былъ очень похожъ на свои портреты; я засталъ его за фортепьяно; на каждомъ плечѣ у него сидѣло по кошкѣ. Оказалось, что онъ даже не слыхивалъ имени Вейзе, такъ что мнѣ пришлось предварительно дать ему нѣкоторое понятіе о привезенныхъ мною произведеніяхъ нашего композитора. Керубини зналъ о существованіи лишь одного датскаго композитора, Клауса Шалля, писавшаго музыку къ балетамъ Галеотти. Керубини жилъ съ Шаллемъ одно время вмѣстѣ, потому и интересовался имъ; Вейзе же онъ ни отвѣтилъ ни строчкой. Это было мое первое и послѣднее свиданіе со старикомъ.

Однажды мнѣ случилось быть въ литературномъ кружкѣ «Europe litéraire», куда ввелъ меня Поль Дюпоръ; тутъ подошелъ ко мнѣ невысокій человѣкъ, съ лицомъ еврейскаго типа и, привѣтливо здороваясь со мной, сказалъ: «Я слышалъ, что вы датчанинъ; а я нѣмецъ! Датчане и нѣмцы— братья, вотъ я и хочу пожать вамъ руку!» Я спросилъ объ его имени, и онъ отвѣтилъ: «Генрихъ Гейне!»

Итакъ, передо мною былъ тотъ самый поэтъ, который имѣлъ на меня въ послѣднее время такое огромное вліяніе, пѣлъ какъ будто бы то же самое, что кипѣло и волновалось и у меня въ груди. Встрѣча именно съ нимъ была для меня всего желаннѣе. Все это я и высказалъ ему.

«Ну, это вы только говорите такъ!» сказалъ онъ, улыбаясь: «Еслибы вы дѣйствительно интересовались мною, вы бы отыскали меня!» «Нѣтъ, я этого не могъ!» отвѣтилъ я: «Вы такъ чутки ко всему комическому, и, навѣрное, нашли бы въ высшей степени комичнымъ, что я, совершенно неизвѣстный поэтъ, изъ такой маленькой страны, являюсь къ вамъ и самъ рекомендуюсь датскимъ поэтомъ! Кромѣ того, я знаю, что держалъ бы себя при этомъ очень неловко, а если бы вы засмѣялись или насмѣялись надо мною, мнѣ это было бы въ высшей степени больно... Да, именно потому, что я такъ высоко цѣню васъ! Вотъ я и предпочелъ лишить себя свиданья съ вами!»

Мои слова произвели на него хорошее внечатлѣніе, и онъ былъ со мною очень ласковъ и привѣтливъ. На другой же день онъ зашелъ ко мнѣ въ отель, потомъ мы стали видѣться чаще, нѣсколько разъ гуляли вмѣстѣ по бульвару, но я все еще не совсѣмъ довѣрялъ ему, да и онъ съ своей стороны, видимо, не чувствовалъ ко мнѣ такой сердечной близости, какъ нѣсколько лѣтъ спустя, когда мы свидѣлись съ нимъ опять и когда онъ

уже успѣлъ познакомиться съ моимъ «*Импровизаторомъ*» и нѣкоторыми сказками. Прощаясь же со мною теперь, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Парижа въ Италію, онъ писалъ мнѣ:

«Ich möchte Ihnen gar, werthester Collega, einige Verse hier auf's Papier kritzeln, aber ich kann heute kaum leidlich in Prosa schreiben.

Leben Sie wohl und heiter. Amusiren Sie sich recht hübsch in Italien; lernen Sie recht gut Deutsch in Deutschland und schreiben Sie dann in Dänemark auf Deutsch, was Sie in Italien gefühlt haben. Das wäre mir das Erfreulichste. *)

Paris den 10 August 1833.

H. Heine.»

Первой французской книгой, которую я попытался прочесть въ оригиналѣ, былъ романъ Виктора Гюго «*Notre Dame*», и вотъ я началъ каждый день бѣгать въ эту церковь и осматривать мѣсто дѣйствія. Эффектныя описанія и полныя драматизма картины, нарисованныя поэтомъ, произвели на меня такое сильное впечатлѣніе, что я вполнѣ естественно захотѣлъ отыскать самого писателя. Онъ жилъ на углу Place royal; меблировка въ комнатахъ была старинная, по стѣнамъ повсюду висѣли гравюры и картины, изображавшія «*Notre Dame*». Самъ хозяинъ принялъ меня, одѣтый въ халатъ и обутый въ шикарныя туфли. На прощанье я попросилъ его написать мнѣ на листочкѣ бумаги свое имя. Онъ исполнилъ мое желаніе, но написалъ свое имя на самомъ верхнемъ краѣ листка, и у меня сейчасъ же мелькнула въ умѣ непріятная мысль: «Онъ не знаетъ тебя и принимаетъ мѣры, чтобы его имя не оказалось подписаннымъ подъ какой-нибудь строчкой, которую могутъ приписать ему!» Только при вторичномъ моемъ пребываніи въ Парижѣ я узналъ Виктора Гюго ближе, но объ этомъ послѣ.

Во время всего пути въ Парижъ и впродолженіи цѣлаго мѣсяца пребыванія тамъ, я не получилъ съ родины ни строчки. Напрасно я справлялся на почтѣ, на мое имя не приходило ни одного письма. Можетъ быть, друзьямъ моимъ нечего было сообщить мнѣ веселаго и пріятнаго, можетъ быть, мнѣ все еще завидовали за полученную мною субсидію на поѣздку?.. Тяжело было у меня на сердцѣ. И вдругъ пришло толстое, тяжелое нефранкированное письмо. Дорогонько пришлось заплатить за него, но я не жалѣлъ: оно было такое толстое! Сердце во мнѣ такъ и прыгало отъ радости

*) Уважаемый Коллега! Я бы съ удовольствіемъ нацарапалъ Вамъ здѣсь какіе-нибудь стишки, но сегодня едва могу писать и мало-мальски сносною прозой.— Будьте здоровы и веселы. Желаю Вамъ пріятно провести время въ Италіи. Научитесь въ Германіи хорошенько по-нѣмецки и напишите потомъ въ Даніи по-нѣмецки о томъ, какое впечатлѣніе произвела на Васъ Италія. Это было бы для меня пріятнѣе всего.

и отъ нетерпѣнія поскорѣе ознакомиться съ его содержаніемъ,—это, вѣдь, была первая вѣсточка съ родины. Я вскрылъ его — ни одной писанной строчки, одинъ печатный листъ газеты «*Копенгагенская почта*» съ стихотворнымъ пасквилемъ на меня *), присланнымъ, вѣроятно, самимъ авторомъ. Такъ вотъ каковъ былъ первый привѣтъ, полученный мной съ родины. Я былъ потрясенъ до глубины души; мнѣ нанесли рану прямо въ сердце! Я никогда не узналъ имени автора, но стихи обличали опытное перо, и можетъ быть, были написаны однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя впослѣдствіи пожимали мнѣ руку и называли другомъ. Чтожъ, у людей часто бываютъ дурныя мысли, почему же не быть и у меня своимъ!

Настали Іюльскія празднества, и я былъ свидѣтелемъ открытія въ первый день празднествъ памятника Наполеону на Вандомской площади. Вечеромъ, накануне, когда статуя еще находилась подъ полотномъ и рабочіе кончали послѣднія приготовленія, вокругъ колонны собрался народъ; я тоже замѣшался въ толпу; тутъ ко мнѣ подошла какая-то тщедушная старуха и, дико смѣясь, сказала: «Вишь, куда посадили его! А завтра опять сбросятъ внизъ! Ха, ха, ха! Знаю я французовъ!» Мнѣ стало не по себѣ, и я поспѣшилъ домой.

Что же касается до моихъ успѣховъ во французскомъ языкѣ въ эти три мѣсяца, то они были очень невелики,—я, вѣдь, какъ упомянуто, слишкомъ много возился со своими земляками. Я, впрочемъ, сознавалъ необходимость выучиться языку и рѣшился было ради этой цѣли провести нѣкоторое время въ какомъ-нибудь пансіонѣ въ Швейцаріи, но мнѣ сказали, что это обойдется черезчуръ дорого. «Вотъ, если бы вы поѣхали въ какой-нибудь маленькій швейцарскій городокъ куда нибудь на Юру, гдѣ уже въ августѣ выпадаетъ снѣгъ,—это дѣло другое. Тамъ жизнь дешева, и тамъ вы скоро обзаведетесь друзьями!» сказалъ мнѣ одинъ знакомый швейцарецъ. Отдыхъ

*) „Прощальный привѣтъ Андерсену.

„Итакъ, ты уѣзжаешь изъ Даніи, гдѣ тебя такъ баловали многіе, уѣзжаешь прежде, нежели успѣлъ твердо стать на ноги, едва вылупившись изъ яйца. А нехорошо, если сынъ покидаетъ отечество и уѣзжаетъ въ чужія страны, прежде нежели выучится, какъ слѣдуетъ, родному языку,—это ты и самъ понимаешь. Да, это право нехорошо, что ты покидаешь маленькую Данію, гдѣ всетаки-же мало-мальски знакомы съ твоими стишками. Тебѣ доставляло такое удовольствіе читать ихъ всѣмъ и каждому, а кто-же будетъ слушать тебя за границей! О, ты соскучишься тамъ! Помнишь, сколько разъ ты вытаскивалъ изъ кармана свои стихи и читалъ ихъ на Старой площади, въ Кузнечномъ переулкѣ и на перекресткахъ, гдѣ дулъ вѣтеръ? Помнишь, сколько разъ ты подбавлялъ въ чай водицы, читая безъ передышки свои водянистыя стихотворенія! И вотъ, ты уѣзжаешь изъ Даніи; ничего подобнаго не слыхано! Но бьюсь объ закладъ—скоро ты вернешься оттуда недовольный. Ты, вѣдь, не знаешь ни по-нѣмецки, ни по-датски, еще меньше по-англійски, а начнешь говорить по-французски—парижанинъ подумаетъ, что ты говоришь по-готтентотски!“ И т. д.

въ тихомъ провинціальномъ городкѣ послѣ жизни въ шумномъ Парижѣ, представлялся мнѣ крайне желаннымъ; къ тому же я расчитывалъ тамъ безъ помѣхи окончить одно начатое произведеніе. И вотъ я проѣхалъ черезъ Женеву и Лозанну въ маленькій городокъ Le Locle.

Опять нѣсколько дней и ночей пришлось провести закупореннымъ въ биткомъ набитомъ диллижансѣ. Опять замелькали передъ глазами причудливыя арабески и маленькія картинки, составляющія всю прелесть путешествія. Нѣкоторыя изъ нихъ остались у меня въ памяти, и вотъ одну я хочу набросать здѣсь.

Мы уже оставили за собою плоскую, ровную Францію и ѣхали по гористой Швейцаріи. Поздно вечеромъ мы добрались до какой-то деревеньки; я остался въ диллижансѣ единственнымъ пассажиромъ, и кондукторъ посадилъ ко мнѣ двухъ молоденькихъ дочекъ фермеровъ. «Не то имъ придется въ такое позднее время два часа тащиться до дому!» сказалъ онъ. Началось хихиканье, перешептыванье и любопытничанье. Дѣвушки знали, что въ диллижансѣ сидитъ господинъ, но видѣть меня за темнотой не могли. Наконецъ, онѣ расхрабрились и спросили французъ-ли я. Я сказалъ, что я изъ Даніи, и имъ все стало ясно. Данія, вѣдь, это въ Норвегіи, какъ онѣ учили изъ географіи. Слова Copenhague имъ выговорить никакъ не удавалось, у нихъ все выходило Corporal. Затѣмъ послѣдовали вопросы: молодъ я или старъ, холостъ или женатъ, и каковъ собой. Я нарочно забился въ самый темный уголъ и описалъ имъ себя идеальнымъ красавцемъ. Дѣвушки догадались, что я подшучиваю надъ ними, и на мой вопросъ о ихъ наружности, тоже описали себя красавицами. Онѣ, впрочемъ, сильно приставали ко мнѣ съ просьбой показаться имъ на слѣдующей станціи, я, однако, не поддался, а онѣ въ свою очередь, выходя изъ диллижанса, завѣсили лица носовыми платками, съ звонкимъ смѣхомъ пожали мнѣ руку и убѣжали. Обѣ эти молоденькія, веселыя незнакомки стоятъ передо мною, какъ живая картинка изъ моего путешествія.

Еще на пути за-границу и во все время моего пребыванія въ Парижѣ, меня занимала мысль написать одну поэму. Чѣмъ дальше, чѣмъ лучше я уяснялъ себѣ свою задачу, тѣмъ рельефнѣе вырисовывались у меня въ умѣ разныя частности поэмы, и я надѣялся покорить ею всѣхъ своихъ недруговъ, заставить ихъ признать во мнѣ истиннаго поэта. Сюжетъ я заимствовалъ изъ старинной народной пѣсни «*Объ Агнетѣ и водяномъ*». Въ Парижѣ я окончилъ первую часть, а въ Le Locle—вторую и затѣмъ отослалъ обѣ на родину вмѣстѣ съ маленькимъ предисловіемъ. Теперь я бы, конечно, написалъ его совсѣмъ иначе, точно также, какъ иначе обработалъ бы и самую тэму поэмы. Приведу здѣсь это предисловіе, такъ какъ оно ярко характеризуетъ меня, какимъ я былъ въ то время.

«Еще ребенкомъ увлекался я старинною пѣснью «*Объ Агнетѣ и водя-*

номъ» и противоположностью описанныхъ въ ней двухъ стихій: земли и моря. Сдѣлавшись старше, я понялъ и рисуемыя въ ней безотчетную грусть и стремленіе къ какому-то новому существованію. И мнѣ давно уже хотѣлось высказать все это по-своему. Старая пѣсня звенѣла у меня въ ушахъ на бульварахъ шумнаго Парижа, гдѣ жизнь бьетъ ключомъ, среди сокровищъ Лувра, и дитя зашевелилось у меня подъ сердцемъ, прежде чѣмъ я самъ созналъ, что ношу его.

Родилась же моя «*Агнета*» далеко отъ шумнаго Парижа, на высотѣ Юры, среди величавой горной природы и темныхъ сосновыхъ лѣсовъ. Но душа въ ней чисто датская! И вотъ, я посылаю свое возлюбленное дитя на мою родину, которой оно принадлежитъ. Примите же его ласково, съ нимъ я посылаю всѣмъ вамъ свой привѣтъ. За-границей каждый датчанинъ становится намъ другомъ и братомъ, такъ на родинѣ-то моя «*Агнета*», ужъ навѣрно, найдетъ и родныхъ и друзей.

Я гляжу сквозь стекла окна; за окномъ валитъ снѣгъ; на вершинахъ сосенъ нависли тяжелыя облака, а внизу у подножія горъ — лѣто, зрѣетъ виноградъ и маисъ. Завтра я полечу черезъ Альпы въ Италію, и тамъ мнѣ, можетъ быть, приснится прекрасный сонъ... Я опишу его и тоже отошлю въ Данію,—сынъ, вѣдь, долженъ повѣрять свои сны матери! Прощайте!

Le Locle, 14 Сентября 1833 г.

Г. Х. Андерсенъ».

Моя поэма достигла Копенгагена, была напечатана и вышла въ свѣтъ. Предисловіе осмѣяли, особенно выраженіе: «И дитя зашевелилось у меня подъ сердцемъ прежде, чѣмъ я самъ созналъ, что ношу его». Самая поэма была принята холодно; говорили, что я неудачно подражаю Эленшлегеру, который нѣкогда присылалъ изъ-за границы свои шедевры. Кромѣ того, случилось какъ разъ, что появленіе «*Агнеты*» совпало съ появленіемъ «*Амура и Психеи*» Паллудана-Мюллера, произведенія, возбудившаго восторгъ. Достоинства послѣдняго еще рѣзче оттѣняли недостатки моей поэмы, и она не произвела ожидаемаго мною впечатлѣнія даже на Эрстеда. Въ письмѣ ко мнѣ, полученномъ мною въ Италіи, онъ откровенно изложилъ мнѣ причины этого, съ которыми я согласился, однако, лишь нѣсколько лѣтъ спустя.

Несмотря на всѣ свои недостатки, «*Агнета*», всетаки, свидѣтельствовала, что я сдѣлалъ шагъ впередъ: чисто субъективный лиризмъ уже уступалъ мѣсто творчеству объективному. Прошло нѣсколько лѣтъ, и это было признано и критикою, которая высказала даже, что хотя «*Агнета*» и возбудила меньше вниманія, нежели болѣе раннія и менѣе совершенныя мои произведенія, она, тѣмъ не менѣе, куда глубже, сильнѣе и поэтичнѣе ихъ. Позже «*Агнета*» въ нѣсколько измѣненномъ видѣ была поставлена на сцену;

имѣлось въ виду поднять сборы въ лѣтнее время, и ее дали нѣсколько разъ, какъ приманку, но, несмотря на то, что г-жа Гейбергъ дала истинно геніальный и трогательный образъ Агнеты, несмотря на написанную Гаде чудесную музыку къ отдѣльнымъ пѣснямъ, пьеса не удержалась въ репертуарѣ.

Все это, впрочемъ, совершилось значительно позже. Теперь же, какъ сказано, я отослалъ «*Агнету*» домой, какъ изваянную мною драгоцѣнную статую, извѣстную только Богу да мнѣ. Сколько надеждъ и мечтаній моихъ понеслись вслѣдъ за нею на сѣверъ! Самъ же я днемъ позже направился на югъ, въ Италію, гдѣ развернулась передо мной какъ бы новая страница моей жизни.

VI.

Какъ разъ въ то же время года, когда я четырнадцать лѣтъ тому назадъ входилъ бѣднымъ мальчикомъ въ Копенгагенъ, въѣзжалъ я теперь въ Италію, страну, куда издавна неслись всѣ мои мечты и грезы.

Первымъ чудомъ искусства, увидѣннымъ мною въ Италіи, былъ Миланскій соборъ, эта мраморная глыба, обточенная и преображенная искусствомъ архитектора въ арки, башни и статуи, рельефно выступавшія при яркомъ свѣтѣ луны. Я взобрался на самый куполъ и увидѣлъ вдали цѣпь Альпійскихъ горъ, глетчеры и роскошную зеленую Ломбардскую долину. Скоро я и покатилъ по ней съ двумя моими земляками. Страна лонгобардовъ напоминала своей ровной плоскостью и сочной растительностью наши родимые зеленые острова. Новизну представляли лишь плодоносныя маисовыя поля, да прекрасныя плакучія ивы. Горы, черезъ которыя пришлось перебираться, показались намъ послѣ Альповъ маленькими. Но вотъ, наконецъ, и Генуя и море, котораго я не видалъ съ того самаго времени, какъ покинулъ Данію.

Горные жители питаютъ страстную привязанность къ роднымъ горамъ, а мы, датчане, къ морю. Съ моего балкона открывался чудный видъ на эту новую, незнакомую и въ то же время такую родную мнѣ, водяную равнину, и я вволю насладился имъ за время моей остановки въ Генуѣ.

Во весь первый день по выѣздѣ изъ Генуи мы ѣхали по восхитительнѣйшей дорогѣ вдоль морского берега. Самая Генуя лежитъ на горахъ, окруженная темно-зелеными оливковыми рощами. Въ садахъ повсюду золотились апельсины, померанцы и лимоны. Красивыя картины такъ и мелькали одна за другой; все здѣсь было для меня ново и навсегда запечатлѣлось у меня въ памяти. Я до сихъ поръ еще вижу передъ собою эти старинные мосты, обвитые плющемъ, капуциновъ, и толпы генуэзскихъ рыбаковъ въ красныхъ шапочкахъ на головахъ. И что за яркую свѣтлую картину представляло побережье застроенное прекрасными виллами, и море,

по которому проносились суда съ бѣлыми парусами и дымящіеся пароходы! Затѣмъ вдали выросли голубыя горы Корсики, родины Наполеона. У подножія древней башни, въ тѣни мощнаго дерева сидѣли три старухи съ прялками; длинные волосы старухъ падали на смугло-бронзовыя плечи. Возлѣ дороги росли огромные кусты алоэ. Читатели, можетъ быть, упрекнутъ меня за то, что я отвожу столько мѣста описаніямъ природы Италіи, и у нихъ, пожалуй, даже явится опасеніе, что описаніе моей жизни сойдетъ на описаніе впечатлѣній туриста *). Дѣло, однако, въ томъ, что въ это первое мое путешествіе главныя впечатлѣнія я вынесъ именно изъ открывшихся передо мною новой природы и новаго міра искусства, тогда какъ въ послѣдующія я уже имѣлъ болѣе случаевъ набраться впечатлѣній отъ соприкосновенія съ людьми. На этотъ же разъ я дѣйствительно всецѣло находился подъ обаяніемъ здѣшней природы! И какъ не остановиться, напримѣръ, хотя бы на картинѣ солнечнаго заката, представившейся мнѣ въ Ливорно: пылающія огнемъ облака, пылающее море и пылающія горы образовали какъ бы рамку вокругъ грязнаго города, оправу, придававшую ему блескъ, присущій всей Италіи. Скоро этотъ блескъ достигъ своего апогея,—мы были во Флоренціи.

До сихъ поръ я не зналъ толку въ скульптурѣ, и почти не знакомъ былъ съ ея образцами на родинѣ. Въ Парижѣ я тоже проходилъ мимо нихъ какъ-то безучастно. Первое сильное впечатлѣніе произвели на меня скульптура и живопись во Флоренціи. Тутъ при посѣщеніи ея великолѣпныхъ галлерей, музеевъ и церквей, впервые проснулась во мнѣ любовь къ этимъ искусствамъ. Стоя передъ Венерой Медицейской, я чувствовалъ, что мраморная богиня какъ будто глядитъ на меня, самъ глядѣлъ на нее съ благоговѣніемъ и не могъ наглядѣться. Я ежедневно ходилъ любоваться на нее да на группу Ніобеи, поражавшую меня своей необыкновенной жизненностью, правдивостью и красотой.

А какой новый міръ открылся для меня въ живописи! Я увидалъ Мадоннъ Рафаэля и другіе шедевры. Я видѣлъ ихъ и раньше—на гравюрахъ, но тогда они не производили на меня никакого особеннаго впечатлѣнія.

Изъ Флоренціи мы направились въ Римъ черезъ Терни, знаменитый своимъ водопадомъ. Ну, и путешествіе,—одна мука! Днемъ—палящій зной, вечеромъ и ночью—тучи ядовитыхъ мухъ и комаровъ. Въ довершеніе всего намъ попался плохой веттурино. Восторженные отзывы о прелестяхъ Ита-

*) Въ виду того, что А. дѣйствительно увлекается въ своей автобіографіи описаніями различныхъ своихъ поѣздокъ, и во избѣжаніе повтореній,—однородныя описанія находятся въ „*Путевыхъ очеркахъ*“ и главнымъ образомъ въ „*Импровизаторѣ*“—мы значительно сокращаемъ эту часть автобіографіи.

Примѣч. перев.

ліи, начертанные на стѣнахъ и окнахъ гостинницъ, казались намъ поэтому просто насмѣшкою. Въ то время я еще и не подозрѣвалъ, съ какой силой привяжусь я самъ къ этой чудной, поэтической, богатой славными воспоминаніями, странѣ.

Наконецъ, насталъ и день нашего прибытія въ Римъ. Въ сильнѣйшій дождь и вѣтеръ проѣхали мы мимо воспѣтаго Гораціемъ холма Соракте и по римской Кампаньѣ. Никто изъ насъ и не подумалъ придти въ восторгъ отъ ея красоты или отъ яркихъ красокъ и волнующихся линій горъ. Всѣ мы были поглощены мыслью о цѣли нашей поѣздки и объ ожидающемъ насъ тамъ отдыхѣ. Признаюсь, что, очутившись на холмѣ, откуда путникамъ, прибывающимъ съ сѣвера, впервые открывается видъ на Римъ и гдѣ паломники съ благоговѣніемъ преклоняютъ колѣна, а туристы, согласно ихъ разсказамъ, приходятъ въ неописанный восторгъ, я тоже былъ очень доволенъ, но вырвавшееся у меня тутъ восклицаніе совсѣмъ не указывало во мнѣ поэта. Завидѣвъ, наконецъ, Римъ и куполъ собора Св. Петра, я воскликнулъ: «Слава Богу! Скоро можно будетъ добиться чего-нибудь поѣсть!»

Римъ!

Я прибылъ въ Римъ 18-го Октября днемъ, и скоро этотъ городъ изъ городовъ сталъ для меня второй родиной. Я пріѣхалъ туда какъ разъ въ день вторичнаго погребенія Рафаэля. Въ академіи S. Luca много лѣтъ хранился черепъ, который выдавали за черепъ Рафаэля. Въ послѣдніе годы, однако, возникли сомнѣнія въ его подлинности, и папа Григорій XVI разрѣшилъ разрыть могилу Рафаэля въ Пантеонѣ или, по нынѣшнему наименованію— въ церкви Santa Maria della Rotunda. Это было сдѣлано, и останки Рафаэля были найдены въ цѣлости. Теперь предстояло снова предать ихъ землѣ.

Земляки наши, проживавшіе въ Римѣ, достали намъ билеты на церемонію. На обтянутомъ чернымъ сукномъ возвышеніи стоялъ гробъ изъ краснаго дерева, обитый парчей. Священники пропѣли Miserere, гробъ открыли, вложили въ него прочитанные при церемоніи документы, опять закрыли и понесли его по всей церкви подъ чудное пѣніе невидимаго хора пѣвчихъ. Въ церемоніи участвовали всѣ выдающіеся представители искусства и знати. Тутъ, между прочими, увидалъ я и Торвальдсена, тоже шедшаго въ процессіи съ зажженной восковой свѣчей въ рукахъ. Торжественное впечатлѣніе было къ сожалѣнію нарушено весьма прозаическимъ эпизодомъ: отверстіе могилы было узко и, чтобы втиснуть туда гробъ, пришлось поставить его почти стоймя,—уложенныя въ порядкѣ кости опять смѣшались въ кучу. Слышно было, какъ онѣ перекатились въ гробу.

Итакъ, я находился въ Римѣ и чувствовалъ себя здѣсь прекрасно. Всѣ мои земляки встрѣтили меня очень сердечно, особенно медальеръ Христенсенъ. Мы не были до сихъ поръ знакомы лично, но онъ зналъ и любилъ меня

по моимъ лирическимъ стихотвореніямъ. Онъ свелъ меня къ Торвальдсену, жившему въ улицѣ Феличе. Мы застали знаменитаго нашего земляка за лѣпкой барельефа «Рафаэль». Торвальдсенъ изобразилъ художника сидящимъ среди развалинъ и рисующимъ съ натуры. Доску передъ нимъ держитъ *любовь*, протягивающая ему другою рукою цвѣтокъ мака—символъ его ранней смерти. *Геній* искусства съ факеломъ въ рукахъ смотритъ на своего любимца, а *слава* вѣнчаетъ его голову лаврами. Торвальдсенъ съ одушевленіемъ объяснилъ намъ идею своего барельефа, разсказывалъ о вчерашней церемоніи, о Рафаэлѣ, о Камуччини и Вернэ. Затѣмъ онъ показалъ мнѣ большую коллекцію картинъ современныхъ художниковъ, которыя онъ пріобрѣлъ и собирался завѣщать по своей смерти родинѣ. Простота, прямота и сердечность великаго скульптора произвели на меня такое умиляющее впечатлѣніе, что я вышелъ отъ него со слезами на глазахъ, хотя мнѣ и предстояло съ этихъ поръ, по его приглашенію, видѣться съ нимъ ежедневно.

Въ Римѣ еще стояла прекрасная, чисто лѣтняя погода, и пришлось пользоваться ею для прогулокъ по окрестностямъ, хотя я еще не успѣлъ ознакомиться и съ чудесами самаго вѣчнаго города. Были предприняты экскурсіи въ горы. Кюхлеръ, Блункъ, Фернлэй и Бётхеръ были здѣсь, какъ дома, и ихъ основательное знакомство съ итальянскимъ народомъ, нравами и обычаями очень пригодилось мнѣ. Благодаря имъ, я скоро освоился съ Римомъ, почти акклиматизировался здѣсь и запасся впечатлѣніями, послужившими мнѣ впослѣдствіи для описанія итальянской природы и народной жизни въ «*Импровизаторѣ*». Въ то время, впрочемъ, я еще и не помышлялъ объ этомъ романѣ, и вообще не имѣлъ въ виду воспользоваться своими впечатлѣніями для описаній, а просто наслаждался ими.

Скандинавы и нѣмцы образовали въ Римѣ свой кружокъ, французы — свой, и каждый кружокъ занималъ въ остеріи Lepre свой столъ. Шведы, норвежцы, датчане и нѣмцы проводили вечера превесело. Среди членовъ нашего кружка находились и такіе маститые знаменитости, какъ престарѣлые живописцы Рейнгардъ и Кохъ и нашъ Торвальдсенъ. Рейнгардъ такъ сжился съ Италіей, что навсегда промѣнялъ на нее свою Баварію. Старый но все еще юный душой, съ сверкающимъ взглядомъ и бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, онъ смѣялся звонкимъ раскатистымъ смѣхомъ, какъ юноша. Въ одѣяніи его выдѣлялись своей оригинальностью бархатная куртка и красный шерстяной колпакъ на головѣ. Торвальдсенъ носилъ старый сюртукъ съ орденомъ «Байоко» въ петлицѣ. Орденъ этотъ получалъ каждый вновь поступавшій въ члены кружка. Онъ выставлялъ предварительно всей компаніи угощеніе,—это называлось перекидывать «Понте Молле» — а затѣмъ ему вручался и орденъ Байоко, т. е. мѣдная итальянская монетка. Церемонія сопровождалась забавными переодѣваніями и сценами. Предсѣдатель или «генералъ» общества—въ ту пору одинъ молодой нѣмецкій ху-

дожникъ—облекался во что-то похожее на военный мундиръ, прикалывалъ къ груди золотую бумажную звѣзду и выступалъ въ сопровожденіи палача. Этотъ несъ топоръ и пукъ стрѣлъ; черезъ плечо у него была перекинута тигровая шкура. За ними шелъ миннезингеръ съ гитарой и часто пѣлъ при этомъ какую-нибудь импровизированную пѣсню. Всѣ усаживались и затѣмъ раздавался стукъ въ дверь, словно въ «Донъ-Жуанѣ», въ сценѣ появленія коммандора. Стукъ возвѣщалъ о прибытіи ожидаемаго гостя, и вотъ, начинался дуэтъ между генераломъ и новичкомъ, котораго поддерживалъ хоръ, тоже стоящій за дверями. Наконецъ, незнакомцу разрѣшалось войти. Онъ былъ одѣтъ въ блузу, въ парикъ съ длинными локонами; къ пальцамъ у него были приклеены длинные бумажные когти, а лицо размалевано самымъ фантастическимъ образомъ. Члены общества окружали его, обрѣзали длинные волосы и когти, снимали съ него блузу, чистили и охорашивали его, а затѣмъ читали ему 10 правилъ общества. Одно изъ нихъ запрещало «желать вина сосѣда», другое приказывало «любить генерала и служить ему одному» и т. п. Надъ головой генерала развѣвалось въ это время бѣлое знамя, съ нарисованною на немъ бутылкою и надпись «Vive la foglietle». (Да здравствуетъ бутылка!). Послѣ того всѣ участвующіе двигались торжественною процессіею вокругъ столовъ, распѣвая обычную пѣсню о путникѣ, а затѣмъ ужъ начинали раздаваться пѣсни на всевозможныхъ языкахъ—настоящій вокальный винигретъ. Иногда тотъ или другой изъ членовъ кружка выкидывалъ какую-нибудь забавную штуку, напримѣръ, зазывалъ съ улицы перваго встрѣчнаго крестьянина, ѣхавшаго на ослѣ, и тотъ въѣзжалъ прямо въ комнату, производя переполохъ. Или же подговаривали дежурныхъ жандармовъ нагрянуть въ остерію во время пирушки, яко бы для арестованія кого-нибудь изъ участниковъ, что тоже вело къ комическимъ сценамъ и положеніямъ. Суматоха оканчивалась обыкновенно тѣмъ, что угощали и жандармовъ.

Веселѣе же всего праздновался здѣсь вечеръ сочельника. Въ этотъ святой вечеръ не разрѣшалось веселиться въ самомъ городѣ, и мы нашли себѣ пріютъ въ саду загородной виллы Боргезе, въ домикѣ, стоявшемъ возлѣ самаго амфитеатра. Художникъ Іенсенъ, медальеръ Христенсенъ и я забрались туда съ ранняго утра и, разгуливая по саду по случаю жары безъ сюртуковъ въ однихъ жилетахъ, плели вѣнки и гирлянды. Елку намъ замѣняло большое апельсинное дерево, отягченное плодами. Главнымъ сюрпризомъ былъ серебрянный кубокъ съ надписью «Сочельникъ 1833 г.» Счастливцемъ, выигравшимъ его, оказался я. Всѣ сюрпризы были пожертвованы членами кружка; каждому вмѣнялось въ обязанность выбрать что-нибудь забавное само по себѣ, или благодаря упаковкѣ или девизу. Я привезъ съ собою изъ Парижа пару кричащихъ, ярко-желтыхъ воротничковъ, годныхъ только для карнавала. Ихъ-то я и принесъ на елку, но мой сюрпризъ чуть

было не подалъ повода къ крупнымъ непріятностямъ. Я былъ твердо увѣренъ, что всѣ считаютъ Торвальдсена самымъ главнымъ, почетнѣйшимъ членомъ кружка и рѣшилъ поэтому увѣнчать, какъ царя пиршества, именно его. Я еще не зналъ тогда о томъ, что теперь извѣстно всѣмъ изъ жизнеописанія Торвальдсена, составленнаго Тилэ, а именно о прежнемъ соперничествѣ между Торвальдсеномъ и Бюстрёмомъ. Послѣдній признавалъ превосходство Торвальдсена въ лѣпкѣ барельефовъ, но не въ лѣпкѣ группъ, и Торвальдсенъ разъ сгоряча воскликнулъ: «Да свяжи мнѣ руки—я зубами обработаю мраморъ лучше, чѣмъ ты рѣзцомъ!»

На нашей елкѣ присутствовалъ и Торвальдсенъ и Бюстрёмъ. Для Торвальдсена я, какъ сказано, сплелъ вѣнокъ и написалъ стихи, но рядомъ съ вѣнкомъ положилъ желтые воротнички, которые должны были достаться кому-нибудь по жребію. Вышло такъ, что они достались Бюстрёму, надпись же на нихъ гласила: «Желтые воротнички зависти оставь себѣ, а вѣнокъ, что лежитъ рядомъ, преподнеси Торвальдсену!» Въ обществѣ произошло замѣшательство отъ такой безтактной или умышленно-злой выходки. Скоро, однако, выяснилось, что все вышло совершенно случайно, а когда узнали, что сюрпризъ былъ приготовленъ мною, кого ужъ никто не заподозривалъ въ ехидствѣ, то всѣ успокоились, и веселье закипѣло по-прежнему.

Я написалъ для этого праздника пѣсню—первую пѣсню въ скандинавскомъ духѣ. Въ Римѣ нашъ праздникъ былъ, конечно, общимъ скандинавскимъ праздникомъ, хотя тогда еще не было и помину о нынѣшнихъ «скандинавскихъ симпатіяхъ». Я такъ и озаглавилъ свою пѣсню: «*Скандинавская рождественская пѣснь*, Римъ 1833 г.».

Пѣсню пропѣли, и наступила пауза, каждому хотѣлось первый тостъ провозгласить за своего короля; наконецъ, оба тоста были соединены въ одинъ. Упомянувъ въ своей пѣснѣ имена обоихъ скандинавскихъ королей—датскаго и шведско-норвежскаго, я полагалъ, что поступаю вполнѣ естественно и тактично, совсѣмъ и не думая ни о какой политикѣ, но меня еще тутъ же за столомъ упрекнули за «многоподданство», а впослѣдствіи до меня дошли слухи, что и въ Копенгагенѣ нѣкоторые высокопоставленныя лица очень удивлялись—какъ это я, разъѣзжая на датскія деньги, воспѣваю шведскаго короля! А мнѣ казалось просто неприличнымъ не упомянуть его имени въ своей пѣснѣ, рядомъ съ именемъ датскаго короля, разъ самая пѣснь пѣлась въ кружкѣ родственныхъ между собою датчанъ, шведовъ и норвежцевъ. Всѣ мы были, вѣдь, братьями, и каждый гость на нашей пирушкѣ являлся въ то же время и хозяиномъ. Но не всѣ, видно раздѣляли мое мнѣніе; это случилось лишь впослѣдствіи, тогда же я поплатился за то, что выступилъ съ своими скандинавскими идеями слишкомъ рано, хоть и вполнѣ во-время и умѣстно.

Возвращаясь съ пирушки съ Торвальдсеномъ и еще нѣсколькими чле-

нами нашего кружка и, подходя около полуночи къ городскимъ воротамъ, въ которыя пришлось стучать, я невольно вспомнилъ сцену изъ комедіи Гольберга «*Улиссъ съ Итаки*», гдѣ Киліанъ стучится въ ворота Трои «Chi è?»спросили за воротами. «Amici!» отвѣтили мы, и въ воротахъ открылась узенькая калитка, черезъ которую едва можно было пролѣзть. Ночь была чудная, по-нашему, по-сѣверному—чисто лѣтняя. «Это не то, что у насъ на родинѣ!» сказалъ Торвальдсенъ:—«Просто жарко въ плащѣ!»

Письма съ родины приходили ко мнѣ рѣдко, да и тѣ, что я получалъ, почти всѣ носили тотъ же отпечатокъ поучительности, мелочности и поверхностности. Они, конечно, только разстраивали меня и иногда такъ сильно, что тѣ изъ земляковъ, съ которыми я сошелся поближе, сейчасъ же говорили мнѣ: «Видно, опять письмо изъ Даніи получили? Я бы не сталъ и читать такихъ писемъ, порвалъ бы всякія связи съ такими друзьями: одно мученіе съ ними!» Я, конечно, все еще нуждался въ воспитаніи, вотъ меня и воспитывали, но грубо, безжалостно, не думая о томъ, какое тяжелое впечатлѣніе оставляютъ въ сердцѣ мертвыя буквы такихъ писемъ.

Объ «*Агнетѣ*» не было еще ни слуха, ни духа. Первое извѣстіе о ней получилъ я, наконецъ, отъ одного изъ «добрыхъ друзей» моихъ. Его взглядъ на мое произведеніе рисуетъ также общій взглядъ на того Андерсена, какимъ я былъ тогда.

«Ты знаешь,что твои, я готовъ сказать—неестественныя—чувствительность и ребячество составляютъ рѣзкій контрастъ со складомъ моего характера.— —Признаюсь, я ожидалъ отъ тебя совсѣмъ другого, другихъ идей, другихъ картинъ и ужъ меньше всего изображенія такого лица, какъ Геннингъ. Однимъ словомъ, Агнета, по-моему, черезчуръ похожа на твои прежніе стихи (NB—на лучшіе), а я было надѣялся, что въ этомъ новомъ произведеніи уже скажется вліяніе путешествія. Я говорилъ объ «Агнетѣ» съ Э. Коллиномъ, и онъ одного мнѣнія со мною. Онъ твой лучшій другъ и до нѣкоторой степени менторъ, и я знаю, что онъ тоже пишетъ тебѣ по этому же поводу, такъ я съ своей стороны избавлю тебя отъ своихъ совѣтовъ и нотацій.— —Дорогой другъ, гони отъ себя всѣ денежныя заботы и наслаждайся путешествіемъ во всю! Побольше мужественности и силы, поменьше ребячества, выспренности и сентиментальности, побольше основательныхъ познаній, и—я поздравлю друзей Андерсена съ его возвращеніемъ на родину, а послѣднюю съ поэтомъ!»

Письмо это было отъ человѣка, котораго я любилъ, отъ одного изъ моихъ истинныхъ друзей, моложе меня годами, но дѣльнаго и поставленнаго въ болѣе счастливыя условія. Онъ, принимая во вниманіе мою «ребяческую чувствительность» высказывалъ мнѣ свое мнѣніе еще мягче, деликатнѣе всѣхъ другихъ. Странно, однако, что онъ и другіе разумные люди могли ожидать особенныхъ результатовъ отъ путешествія, состоявшаго, какъ уже

упомянуто раньше, лишь въ томъ, что я доплылъ на пароходѣ до Киля, а потомъ добрался въ диллижансѣ до Парижа и до Швейцаріи, откуда уже и послалъ «*Агнету*». Результаты моего заграничнаго путешествія могли сказаться лишь гораздо позже, и тогда я написалъ «*Импровизатора*».

Еще сильнѣе потрясло меня письмо отъ другого моего друга, на котораго я болѣе всѣхъ могъ положиться *). Онъ писалъ:

«Мало надежды, чтобы Вы имѣли успѣхъ съ Вашей «*Агнетой*». Вы не знаете, какъ я и всѣ другіе Ваши друзья и доброжелатели, какіе толки ходятъ про Васъ въ городѣ почти всюду. «Опять настрочилъ что-то! Онъ давно надоѣлъ мнѣ! Все одно и тоже пережевываетъ!»—вотъ что говорятъ о Васъ. А въ чемъ причина такого отношенія къ Вамъ? Вы слишкомъ много пишете! Одно Ваше произведеніе еще печатается, а у Васъ уже почти готово въ рукописи другое. Такою ужасающею прискорбною плодовитостью Вы обезцѣниваете свои труды. Въ концѣ концовъ ни одинъ издатель не захочетъ издавать ихъ и даромъ. Ну, развѣ не собираетесь Вы теперь, судя по Вашему письму, опять описать свое путешествіе? (Дѣло шло о начатомъ мною въ Римѣ «*Импровизаторѣ*»). Да кто же, скажите мнѣ, купитъ Вашъ многотомный трудъ, трактующій о Вашемъ путешествіи, путешествіи, которое сдѣлали до Васъ тысячи людей? Неужели тысячи глазъ могли пропустить столько новаго и интереснаго, что разсказовъ объ этомъ хватитъ Вамъ на два тома? Въ сущности это просто эгоистично съ Вашей стороны—приписывать себѣ самому такой интересъ въ глазахъ публики. Публика, по крайней мѣрѣ рецензенты, никогда не подавала Вамъ повода вообразить это. Насколько я знаю Васъ, Андерсенъ, Вы преспокойно готовы отвѣтить мнѣ: «Да, вотъ когда люди познакомятся съ моей Агнетой, они перемѣнятъ обо мнѣ мнѣніе, увидятъ, какъ переродило меня путешествіе», и т. п. Таково приблизительно и есть содержаніе Вашего послѣдняго письма. Къ сожалѣнію, Вы ошибаетесь, Андерсенъ, прискорбно ошибаетесь. Агнета такъ напоминаетъ прежняго Андерсена, что я просто готовъ былъ плакать отъ досады, встрѣчая въ ней все старыхъ знакомыхъ, которыхъ бы мнѣ не хотѣлось встрѣчать больше».

Затѣмъ онъ сообщалъ мнѣ, что мнѣ нечего разсчитывать на дальнѣйшую поддержку со стороны казны, а также и надѣяться получить такъ называемую «Лассенскую» стипендію. Кончалось письмо такъ:

«А теперь довольно съ Васъ непріятностей. Въ слѣдующемъ письмѣ постараюсь выражаться ласковѣе и спокойнѣе,—здѣсь я немного расходился. Не стану поэтому распространяться о рецензіи на сборникъ Вашихъ стихотвореній, помѣщенный въ «*Литературномъ Ежемѣсячникѣ*». Васъ тамъ третируютъ ужъ черезчуръ неприлично. Авторъ рецензіи, вѣроятно, Моль-

*) Эдуарда Коллина. *Примѣч. перев.*

бекъ, по обыкновенію, злой, раздражительный и—по-своему остроумный. Впрочемъ, въ сущности-то, Вы ничего не потеряете отъ подобной рецензіи!»

Понятно, какъ больно было мнѣ читать такое письмо. Теперь, спустя столько времени, я смотрю на все это спокойнѣе и понимаю, что приведенное письмо было продиктовано искреннимъ участіемъ ко мнѣ. Да, и лучшій мой другъ, искренно любившій меня, поддался тогда общему настроенію, заразился общимъ пренебреженіемъ ко мнѣ. Письмо до того меня разстроило, что я почти отказался и отъ Бога и отъ людей, пришелъ въ полное отчаяніе и уже подумывалъ о смерти, чего не слѣдуетъ дѣлать христіанину. Но неужели-же—спросятъ меня, быть можетъ, мои читатели—не нашлось никого, кто бы отнесся къ «*Агнетѣ*», къ моему возлюбленному дѣтищу, благосклоннѣе, дружелюбнѣе? Это произведеніе, вѣдь, вылилось у меня прямо изъ души, а вовсе не было «настрочено однимъ духомъ и какъ попало»! Да, такъ отнеслась къ нему г-жа Лэссё. Я приведу отрывокъ изъ ея письма:

«Я понимаю, что Агнета не могла имѣть особеннаго успѣха, но то, что ее разнесли такъ, какъ Вамъ пишутъ о томъ, я приписываю одному недоброжелательству къ Вамъ. Въ поэмѣ много прекрасныхъ мѣстъ, но я вообще нахожу ошибкой съ Вашей стороны, что Вы выбрали именно этотъ сюжетъ. Кажется, я была этого мнѣнія даже прежде, нежели Вы начали свой трудъ. Агнета для насъ, датчанъ, является бабочкой,—на нее можно любоваться, но прикасаться къ ней отнюдь нельзя. У Васъ она тоже вышла воздушной, но Вы окружили ее слишкомъ тяжелой обстановкой и включили ее въ слишкомъ тѣсныя рамки,—ей негдѣ порхать!»

И вотъ въ довершеніе всего пришло извѣстіе о кончинѣ моей старухи-матери. Получивъ отъ Коллина эту вѣсть, я невольно воскликнулъ: «Слава Богу! Окончились ея мытарства и нужда, которыхъ я не въ силахъ былъ облегчить!» Тѣмъ не менѣе я горько плакалъ при мысли, что теперь у меня уже нѣтъ никого въ свѣтѣ, кто бы любилъ меня, несмотря ни на что, побуждаемый къ тому самою природою. Выплакавшись, я опять созналъ, что для нея-то смерть явилась всетаки благомъ: никогда бы не удалось мнѣ обезпечить ей на старости лѣтъ полное довольство, такъ лучше, что она умерла съ свѣтлой вѣрой въ мое будущее, въ то, что «изъ меня уже вышло нѣчто»! Вотъ что писала мнѣ тогда же г-жа Лэссё:

«Тяжело Вамъ, вѣрно, было получить на чужбинѣ скорбную вѣсть о смерти Вашей матушки! Но, вѣдь, Господь отозвалъ ее въ лучшую обитель, гдѣ находятъ успокоеніе всѣ честныя, добрыя души. Тамъ она, конечно, займетъ если не высшее (это не хорошее земное выраженіе), то хорошее, надежное мѣсто, какое она заслужила своею любовью. Миръ ея праху! Неправда, однако, что теперь у Васъ «нѣтъ никого, кто бы любилъ Васъ». Я покрайней мѣрѣ люблю Васъ, какъ сына; придется ужъ Вамъ примириться съ этимъ!»

Какъ благотворно подѣйствовали на меня эти ласковыя, ободряющія строки, какъ подняли мой упавшій духъ! Земляки мои, проживавшіе въ Римѣ, тоже выказывали мнѣ въ это время неподдѣльное участіе, но главнымъ образомъ по поводу смерти моей матери, — сыновнее горе было имъ понятнѣе отчаянія писателя. Въ числѣ послѣднихъ встрѣченныхъ мною въ Римѣ земляковъ былъ и Генрикъ Герцъ, мой строгій судья въ *«Письмахъ съ того свѣта»*. Коллинъ написалъ мнѣ о пріѣздѣ Герца въ Римъ и прибавилъ, что его очень порадуетъ, если мы встрѣтимся дружелюбно. Я сидѣлъ въ Café Greco, какъ вдругъ вошелъ Герцъ и привѣтливо протянулъ мнѣ руку. Увидѣвъ мой убитый видъ и узнавъ причины, онъ сталъ утѣшать и успокаивать меня, говорилъ о моихъ трудахъ и о своихъ взглядахъ на нихъ, коснулся *«Писемъ съ того свѣта»* и — вотъ диво! просилъ меня не принимать къ сердцу эту несправедливую критику. Онъ высказалъ также, что я слишкомъ увлекся романтизмомъ, и это повредило мнѣ; зато описанія мои, взятыя съ натуры и дышащія истиннымъ юморомъ, онъ находилъ прекрасными, и они нравились ему больше всего. По его мнѣнію, я долженъ былъ утѣшаться мыслью, что и всѣмъ почти истиннымъ поэтамъ пришлось пережить подобный же кризисъ, и надеждою, что онъ и для меня послужитъ огненнымъ крещеніемъ, благодаря которому я дойду до познанія истиннаго въ царствѣ искусства.

Нѣсколько дней спустя, Герцъ вмѣстѣ съ Торвальдсеномъ былъ у меня и слушалъ *«Агнету»*. По окончаніи чтенія, онъ объявилъ, что еще не можетъ дать себѣ полнаго отчета о всемъ произведеніи, но находитъ, что лирическія мѣста мнѣ очень удались. Упреки же копенгагенскихъ критиковъ въ слабости формы онъ объяснилъ тѣмъ, что пѣсня вообще потеряла отъ переработки ея въ драматическую поэму. Торвальдсенъ не много говорилъ, но умное лицо его во все время чтенія выражало большое вниманіе, а встрѣчаясь взглядомъ съ моимъ, онъ ласково и весело кивалъ мнѣ головой. Затѣмъ онъ пожалъ мнѣ руку и похвалилъ музыкальность и звучность отдѣльныхъ стиховъ и всей поэмы и прибавилъ: «Къ тому же отъ нея такъ и вѣетъ Даніей, нашими родными лѣсами и озерами!»

Мнѣ ужъ, вѣрно, суждено было сблизиться съ Торвальдсеномъ именно въ Римѣ, хотя я и встрѣчалъ его раньше въ Копенгагенѣ. Въ тотъ годъ, когда я пришелъ въ Копенгагенъ бѣднымъ мальчикомъ, Торвальдсенъ какъ разъ находился въ городѣ. Это былъ его первый пріѣздъ на родину изъ-за границы, куда онъ уѣхалъ еще бѣднымъ безызвѣстнымъ художникомъ. Однажды я встрѣтилъ его на улицѣ; я уже зналъ его, какъ извѣстнаго художника, и почтительно поклонился ему. Онъ прошелъ было мимо, потомъ вдругъ вернулся и спросилъ: «Гдѣ мы съ вами видѣлись прежде? Мы, кажется, знакомы!» Но я отвѣтилъ: «Нѣтъ, мы совсѣмъ незнакомы!» Теперь въ Римѣ я разсказалъ ему объ этой встрѣчѣ. Торвальдсенъ улыбнулся, по-

жалъ мнѣ руку и сказалъ: «Да, мнѣ что-то какъ будто сказало тогда, что мы современемъ станемъ друзьями!» Всего болѣе понравились мнѣ въ его отзывѣ объ Агнетѣ слова, что отъ поэмы моей «вѣетъ нашими родными лѣсами и озерами». Заставъ меня однажды особенно разстроеннымъ и огорченнымъ, онъ обнялъ меня, поцѣловалъ и сталъ уговаривать не падать духомъ. Я разсказалъ ему о пасквилѣ, полученномъ мною въ Парижѣ и объ отзывахъ о моей поэмѣ, сообщаемыхъ мнѣ въ письмахъ съ родины. Онъ стиснулъ зубы и въ порывѣ раздраженія сказалъ: «Да, да, знаю я нашихъ земляковъ! И со мной было бы то же, если бы я остался тамъ! Меня, пожалуй, не считали бы достойнымъ лѣпить даже модели! Слава Богу, что я не нуждаюсь въ своихъ землякахъ! Не то они замучили бы меня!» И онъ опять принялся увѣщевать меня собрать все свое мужество, увѣрялъ, что все къ лучшему, и разсказалъ мнѣ о тяжелыхъ испытаніяхъ и обидахъ, которыя пришлось въ юные годы вынести на родинѣ ему.

Скоро начался карнавалъ; уже три года, не праздновался онъ съ такою пышностью, оживленіемъ и свободою. На этотъ разъ опять былъ дозволенъ блестящій праздникъ «мокколи», который я и описалъ въ «*Импровизаторѣ*». Самъ я, однако, въ общемъ весельѣ участія не принималъ: мое хорошее расположеніе духа покинуло меня, юношеская беззаботная веселость была уничтожена, смыта тяжелыми ударами волнъ, несшихся на меня съ родины.

Карнавалъ кончился, и я уѣхалъ вмѣстѣ съ Герцемъ изъ Рима въ Неаполь. Его общество было мнѣ очень полезно, и я могъ теперь надѣяться, что найду въ немъ въ будущемъ болѣе снисходительнаго судію. Прибыли мы въ Неаполь какъ разъ во время изверженія Везувія. Словно огненные корни ползли съ вершины горы потоки лавы, а столбъ дыма какъ будто образовывалъ мощную пинію. Я въ компаніи съ Герцемъ и еще съ двумя земляками предпринялъ восхожденіе на Везувій. Дорога шла между виноградниками; кое-гдѣ попадались одинокія строенія; пышная растительность скоро перешла въ сухую тростникообразную траву. Вечеръ былъ дивно прекрасенъ, и передъ нами открылась чудная картина:

«Подъ защитой горъ лиловыхъ
Спитъ Неаполь. На волнахъ
Рѣетъ Искія въ багровыхъ
Угасающихъ лучахъ. — —*).

Когда мы спустились внизъ, всѣ дома и лавки въ Портичи были уже закрыты, на улицахъ не было видно ни души, ни одного экипажа, и пришлось намъ всей компаніей направиться домой, въ Неаполь, пѣшечкомъ.

*) См. Т. III стр. 509.

Герцъ, зашибшій ногу при подъемѣ, не могъ идти быстро, и я остался съ нимъ, а другіе скоро исчезли изъ вида. Ярко выступали при ясномъ свѣтѣ луны бѣлые домики съ плоскими кровлями; кругомъ было полное безлюдье, и Герцъ сказалъ, что ему наша прогулка представляется странствіемъ по вымершему городу изъ «*Тысячи и одной ночи*». Мы шли, бесѣдуя о поэзіи и—объ ѣдѣ. Да, мы страсть какъ проголодались, а всѣ остеріи уже позакрылись, и намъ предстояло терпѣть, пока не доберемся до Неаполя. Волны моря сверкали въ лучахъ мѣсяца голубымъ огнемъ, Везувій выбрасывалъ изъ себя огненный столбъ, а лава отражалась въ зеркальной глади моря темнокрасною полосою. Много разъ останавливались мы и восхищались этою картиною, но затѣмъ разговоръ опять переходилъ на хорошій ужинъ,—его только и не хватало, чтобы блестяще завершить наслажденіе чудесами природы.

Нѣсколько дней спустя, мы посѣтили Помпею, Геркуланумъ и греческіе храмы въ Пэстумѣ. Здѣсь я увидѣлъ слѣпую нищую—почти дѣвочку еще, одѣтую въ лохмотья, но дивную красавицу. Это было живое изображеніе самой богини красоты; въ черныхъ волосахъ ея красовалось нѣсколько голубыхъ фіалокъ, служившихъ ей единственнымъ уборомъ. Она произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что я даже не посмѣлъ подать ей милостыню, а только стоялъ и смотрѣлъ на нее съ какимъ-то благоговѣніемъ, какъ на самое богиню того храма, у входа въ который она сидѣла. Воспоминаніе о ней и создало Лару въ «*Импровизаторѣ*».

Погода стояла, какъ у насъ лѣтомъ, а между тѣмъ былъ только мартъ мѣсяцъ. Море такъ и манило къ себѣ, и наша компанія отправилась изъ Салерно въ лодкѣ. Мы рѣшились проплыть въ Амальфи и побывать въ Капри, гдѣ незадолго передъ тѣмъ былъ открытъ чудный Лазурный гротъ. Я одинъ изъ первыхъ описалъ его; съ тѣхъ поръ прошли года; я не разъ еще посѣтилъ Италію и Капри, но буря и высокая вода постоянно мѣшали мнѣ опять посѣтить эту волшебную пещеру. Впрочемъ, кто разъ ее видѣлъ, не забудетъ никогда.

Въ Неаполѣ пѣла Малибранъ; я слышалъ ее въ «*Нормѣ*», «*Севильскомъ цирульникѣ*» и въ «*La prova*». Въ Италіи же суждено мнѣ было познакомиться и съ чудесами міра звуковъ. Я плакалъ и смѣялся, чувствовалъ себя вознесеннымъ, увлеченнымъ этими звуками. Среди общаго ликованья и здѣсь, однако, раздался свистокъ, одинъ отдѣльный свистокъ. Слышалъ я тогда же и Лаблаша, создавшаго роль Цампы въ оперѣ того же названія, но неизгладимое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня въ партіи Фигаро; это была сама жизнь, само веселье!

Двадцатаго марта мы вернулись назадъ въ Римъ, чтобы присутствовать на пасхальныхъ торжествахъ. Въ самую ночь на Свѣтлое Воскресенье, во время иллюминаціи собора Св. Петра, толпа оттерла меня отъ моихъ това-

рищей и увлекла на мостъ Св. Ангела. Стиснутый толпою я вдругъ почувствовалъ, что силы оставляютъ меня; по всему тѣлу пробѣгалъ судорожный трепетъ, ноги подкашивались, въ глазахъ начинало темнѣть... Я смутно сознавалъ, что, если я упаду, меня растопчутъ, и напрягъ послѣднія силы, чтобы выбраться изъ толпы и очутиться за мостомъ; это были ужасныя минуты, и онѣ врѣзались въ мою память сильнѣе блестящей картины иллюминаціи. Но вотъ, мнѣ удалось выбраться за мостъ, и тутъ я вздохнулъ свободнѣе. Къ счастью неподалеку находилось ателье Блунка; оттуда я уже и любовался величественной иллюминаціей, превосходящей все, что я когда-либо видѣлъ въ этомъ родѣ. Огненныя солнца, украшающія Парижъ во время іюльскихъ празднествъ, жалки въ сравненіи съ огненными римскими каскадами. Скоро въ остеріи состоялась прощальная пирушка; товарищи выпили за мое здоровье и пропѣли мнѣ напутственную пѣснь. Торвальдсенъ крѣпко обнялъ меня и сказалъ, что мы еще увидимся или въ Даніи или опять здѣсь въ Римѣ.

И вотъ, я пустился въ обратный путь. Весна провожала меня; возлѣ Флоренціи меня встрѣтили лавровыя деревья въ цвѣту; да, весна царила во всей природѣ вокругъ, но я не смѣлъ отдаться ея очарованію всею душою. Путь мой лежалъ къ сѣверу, черезъ горы въ Болонью. Здѣсь я опять услышалъ Малибранъ, увидѣлъ Св. Цецилію Рафаэля и затѣмъ снова пустился въ путь, черезъ Феррару въ Венецію, — этотъ отцвѣтшій лотосъ морской равнины. Послѣ Генуи съ ея роскошными палаццо, Рима съ его памятниками древности и смѣющагося, залитаго солнцемъ Неаполя, Венеція кажется падчерицей Италіи. Она, впрочемъ, настолько оригинальна и непохожа на всѣ остальные итальянскіе города, что ее стоитъ посѣтить, но прежде другихъ, а не на прощанье съ Италіей, когда и безъ того грустно.— —

Въ концѣ Мая я пріѣхалъ въ Мюнхенъ. По мѣрѣ пребыванія моего въ этомъ городѣ, онъ становился мнѣ все роднѣе и роднѣе, но время было подумать и о возвращеніи на настоящую родину, въ Копенгагенъ. Я, впрочемъ, старался посредствомъ величайшей экономіи продлить свое пребываніе заграницей елико возможно. Я испытывалъ настоящій ужасъ при мысли, что вотъ скоро я ужъ прочно засяду дома, и на меня опять обрушатся тяжелыя волны. Я зналъ изъ писемъ съ родины, что я, какъ поэтъ, давно уже отпѣтъ и похороненъ тамъ. Мольбекъ уже оповѣстилъ объ этомъ въ «*Литературномъ Ежемѣсячникѣ*». Во время моего отсутствія, на родинѣ вышло собраніе моихъ стихотвореній, тѣхъ самыхъ, которыя въ отдѣльности имѣли такой большой успѣхъ. Такъ вотъ это-то новое собраніе въ связи съ вышедшими раньше «*Двѣнадцатью мѣсяцами года*» и подало Мольбеку поводъ окончательно похоронить меня. Одинъ изъ друзей, встрѣтившихъ меня на пути, услужилъ мнѣ нумеромъ «Ежемѣсячника» съ упо-

мянутою статьей. Какъ же, мнѣ, вѣдь, непремѣнно надо было прочесть ее самому!

Въ статьѣ давался обзоръ «новѣйшей датской поэзіи». Я былъ поименованъ въ ряду прочихъ современныхъ молодыхъ поэтовъ, но затѣмъ вырванъ съ корнемъ, выброшенъ, какъ сорная трава, выросшая среди полезныхъ злаковъ. Относительно «*Двѣнадцати мѣсяцевъ года*» критикъ говорилъ, что онъ не постигаетъ, какая польза искусству и поэзіи отъ собранія такихъ безформенныхъ, безсмысленныхъ и незрѣлыхъ мараній? «Это винигретъ изъ рифмъ, который скоро набиваетъ оскомину!» говорилъ онъ дальше и прибавлялъ, что нѣтъ никакого терпѣнія изъ года въ годъ возиться съ тою же трухою, сѣтовалъ на то, что меня избаловали похвалы друзей, и совѣтовалъ мнѣ побольше учиться и поменьше марать бумагу. А, вѣдь, тотъ же самый Мольбекъ всего какихъ-нибудь два-три года тому назадъ писалъ о моихъ стихотвореніяхъ, что «они свидѣтельствуютъ объ истинномъ поэтическомъ талантѣ, дышатъ юношескою свѣжестью и неподдѣльнымъ юморомъ, который тѣмъ больше указываетъ на незаурядность таланта автора, что вообще встрѣчается у очень молодыхъ поэтовъ весьма рѣдко»!

Критикъ забылъ высказанное имъ прежде мнѣніе, всѣ окружающіе меня—тоже, и меня втоптали въ грязь, исключили изъ числа датскихъ поэтовъ. Каждое слово критики рѣзало меня по сердцу, какъ ржавымъ тупымъ ножомъ. Можно представить себѣ поэтому, съ какимъ страхомъ я ожидалъ своего возвращенія на родину. Я всѣми силами старался отдалить эту минуту и развлечься путевыми впечатлѣніями, чтобы отвратить мысли отъ будущаго на родинѣ, куда я долженъ былъ прибыть черезъ какой-нибудь мѣсяцъ. Изъ Мюнхена я хотѣлъ проѣхать черезъ Зальцбургъ въ Вѣну, а оттуда уже домой.—

Въ Зальцбургѣ противъ самаго отеля, гдѣ я остановился, стоялъ старинный домъ съ лѣпными украшеніями и надписями, принадлежавшій нѣкогда доктору Теофрасту Бомбасту Парацельсу. Старуха-служанка въ отелѣ разсказала мнѣ, что она родилась въ томъ домѣ и кое-что знала о Парацельсѣ. Онъ умѣлъ излѣчивать болѣзнь, которою страдаютъ только богачи—подагру. Другіе врачи озлобились на него за это и дали ему яду. Онъ, однако, замѣтилъ бѣду, и не учиться ему было стать, какъ выгнать изъ себя ядъ. Онъ затворился въ своей комнатѣ, приказавъ предварительно своему слугѣ не отворять дверей, пока его не позовутъ. Но слуга былъ страсть какой любопытный и отворилъ двери комнаты раньше, а господинъ-то его успѣлъ въ это время выгнать ядъ изъ желудка только до горла и тутъ же грохнулся мертвымъ. Вотъ какую народную легенду довелось мнѣ услышать. Мнѣ Парацельсъ всегда казался высоко-романтичной личностью, годною въ герои датской поэмы,—онъ, вѣдь, побывалъ между прочимъ и въ Даніи. Въ хроникахъ говорится, что онъ былъ здѣсь въ царствованіе

Христіана II и далъ матушкѣ Сигбриттѣ чертенка въ бутылкѣ, который съ трескомъ вылетѣлъ вонъ, когда бутылка разбилась.

Бѣдный Парацельсъ! Его называютъ шарлатаномъ, а онъ всетаки былъ геніемъ, опередившимъ въ сферѣ своего искусства свое время. Но всякій, кто опередитъ колесницу времени, рискуетъ, если не отдѣлается здоровымъ ударомъ лошадиныхъ копытъ, быть затоптаннымъ запряженными въ нее лошадьми.

Въ Вѣнѣ я чаще всего видѣлся съ Кастелли. Вотъ типъ истаго вѣнца со всѣми его прекрасными отличительными свойствами: добродушіемъ, юморомъ и преданностью и любовью къ своему императору. «Нашъ добрый Францъ!» называлъ онъ императора и разсказывалъ, что подалъ ему когда-то просьбу въ стихахъ о томъ, чтобы онъ, «отвѣчая на поклоны своихъ вѣнцевъ, не снималъ въ холодную погоду съ головы шляпы!» Кастелли показывалъ мнѣ свои рѣдкости и коллекцію табакерокъ. Въ числѣ ихъ находилась табакерка въ формѣ улитки, принадлежавшая Вольтеру. «Преклонитесь и поцѣлуйте!» сказалъ Кастелли, подавая мнѣ ее.

Пробывъ около мѣсяца въ Вѣнѣ, я направился домой черезъ Прагу, Тёплицъ и Дрезденъ. И эта часть пути была полна такъ называемой «дорожной поэзіи», которая, однако, ощущается сильнѣе всего на разстояніи, т. е. уже при воспоминаніяхъ о благополучно оконченномъ путешествіи.

Я сошелъ съ корабля на датскій берегъ съ какимъ-то страннымъ смѣшаннымъ чувствомъ; на глазахъ у меня были слезы, но не каждая изъ нихъ была слезой радости. Господь Богъ, однако, не покинулъ меня.

По Германіи собственно я проѣхалъ какъ-то безучастно; всѣ мои помыслы принадлежали Италіи, какъ потерянному для меня раю, котораго мнѣ уже не видать больше. Мысли объ ожидающей меня жизни на родинѣ наполняли меня ужасомъ. Меня несло въ Копенгагенъ какъ будто противъ воли какое-то неотвратимое теченіе. Я всею душою принадлежалъ Италіи, былъ полонъ воспоминаніями объ итальянской природѣ и народной жизни, тосковалъ по Италіи, какъ по настоящей родинѣ. И вотъ, въ глубинѣ моей души мгновенно распустился новый цвѣтокъ поэзіи. Онъ все росъ и росъ, и мнѣ пришлось пересадить его на бумагу, хотя я и не сомнѣвался въ томъ, что онъ принесетъ мнѣ на родинѣ одно горе, если нужда заставитъ меня показать его свѣту. Первыя главы этого новаго произведенія были написаны еще въ Римѣ; въ Мюнхенѣ къ нимъ прибавилось еще нѣсколько. Въ одномъ письмѣ, полученномъ мною въ Римѣ, мнѣ сообщали, что Гейбергъ смотритъ на меня, какъ на своего рода импровизатора. Слово это заронило въ мое воображеніе искру, и вотъ, у меня уже готовы были и главное лицо, и названіе новаго романа.

Первою пьесою, видѣнною мною въ раннемъ дѣтствѣ, была, какъ упомянуто раньше, опера «*Дѣва Дуная*», данная въ Оденсейскомъ театрѣ

нѣмецкою труппою. Исполнительница главной роли имѣла шумный успѣхъ; ее вызывали безъ конца, и я смотрѣлъ на нее, какъ на счастливѣйшее существо въ мірѣ. Много лѣтъ спустя, когда я уже студентомъ посѣтилъ Одензе, я зашелъ въ городской госпиталь. Тамъ въ одной комнатѣ, отведенной для бѣдныхъ старухъ, гдѣ рядами стояли кровати, а у изголовій ихъ маленькіе шкапчики, столики да стулья, составлявшіе всю меблировку, я увидѣлъ надъ одной кроватью женскій портретъ, писанный масляными красками и вставленный въ золотую раму. На портретѣ была изображена женщина въ роли «*Эмиліи Галлотти*», обрывающей лепестки розы. Портретъ рѣзко выдѣлялся среди остальной жалкой обстановки, и я спросилъ: «Кто это?» Одна изъ старухъ отвѣтила: «А это портретъ нашей барыни-нѣмки!» И передо мною очутилась худенькая, маленькая, изящная старушка съ морщинистымъ лицомъ, одѣтая въ шолковое, когда-то черное платье. Это-то и была блестящая пѣвица, любимица публики, которую я слышалъ въ «*Дѣвѣ Дуная*». Встрѣча эта произвела на меня неизгладимое впечатлѣніе, и я часто вспоминалъ о ней. Въ Неаполѣ я впервые услышалъ Малибранъ; ея голосъ и игра были верхомъ совершенства, ничего подобнаго я не слыхивалъ, и все же, слушая ее, я не могъ отдѣлаться отъ воспоминанія о бѣдной состарѣвшейся пѣвицѣ въ госпиталѣ. Обѣ пѣвицы и слились у меня въ одно лицо Аннунціаты. Фономъ же для разыгрывающагося въ романѣ дѣйствія послужила Италія.

Мое путешествіе было окончено; я вернулся въ Данію въ Августѣ 1834 г. и скоро, гостя въ Сорё у Ингемана, который отвелъ мнѣ въ мезонинѣ маленькую коморку, съ окнами въ садъ и съ видомъ на озеро и лѣсъ, кончилъ первую часть «*Импровизатора*». Вторую я написалъ уже въ Копенгагенѣ.

Даже лучшіе мои друзья готовы были махнуть на меня, какъ на поэта, рукою. «Мы ошиблись въ немъ!» вотъ какъ стали теперь говорить обо мнѣ. И мнѣ едва удалось найти издателя для новой книги; наконецъ, ужъ сжалился надо мною мой прежній издатель Рейцель и согласился издать «*Импровизатора*» съ тѣмъ, однако, чтобы я самъ обезпечилъ ему сбытъ извѣстнаго числа экземпляровъ, упросивъ своихъ друзей подписаться на изданіе. Въ объявленіи о книгѣ говорилось, что предлагаемое мною читателямъ произведеніе не есть прямое описаніе моего путешествія, но, такъ сказать, духовный результатъ послѣдняго, и т. п. Гонораръ я получилъ, разумѣется, самый ничтожный,—не было, вѣдь, никакихъ видовъ на успѣхъ книги. Посвященіе гласило: «Конференцъ-совѣтнику Коллину и его дорогой супругѣ, замѣнившимъ мнѣ родителей, и ихъ дѣтямъ, замѣнившимъ мнѣ братьевъ и сестеръ, приношу я лучшее, что имѣю!»

Книга вышла, была распродана и вышла вторымъ изданіемъ. Критика безмолвствовала, газеты тоже, но въ обществѣ я слышалъ, что произведеніе мое заинтересовало и порадовало многихъ. Наконецъ, Карлъ Баггеръ,

бывшій тогда редакторомъ «*Воскреснаго листка*», написалъ рецензію, начинавшуюся такъ:

«Андерсенъ пишетъ далеко не такъ хорошо, какъ прежде: онъ скоро исписался, я уже давно это предвидѣлъ!»—вотъ какъ стали отзываться о писателѣ въ различныхъ кружкахъ столицы, въ тѣхъ самыхъ, можетъ быть, въ которыхъ его такъ хвалили и почти боготворили на первыхъ порахъ его литературной дѣятельности. Онъ, однако, не исписался; напротивъ, теперь онъ достигъ небывалой высоты; это самымъ блестящимъ образомъ доказываетъ его новый романъ «*Импровизаторъ*.»

Читатели, можетъ быть, засмѣются, если я скажу, что, читая эти строки я плакалъ отъ радости и благодарилъ и Бога и людей.

VII.

Многіе изъ моихъ бывшихъ противниковъ, стали теперь относиться ко мнѣ сочувственно. Я пріобрѣлъ между ними даже одного друга, смѣю думать—на всю жизнь, поэта Гауха, одного изъ благороднѣйшихъ людей, какихъ только знаю. Онъ, проведя нѣсколько лѣтъ въ Италіи, вернулся въ Копенгагенъ какъ разъ въ эпоху увлеченія Гейберговскими водевилями. Въ то же время вышла и моя «*Прогулка на Амагеръ*». Гаухъ выступилъ со статьею противъ Гейберга и задѣлъ по пути и меня. Никто—какъ онъ объяснилъ мнѣ впослѣдствіи—не обратилъ его вниманія на мои лучшія лирическія вещи; зато всѣ описали ему меня, какъ избалованнаго, своевольнаго счастливчика, и онъ взглянулъ на «*Прогулку*», какъ на пустую и безцѣльную шутку. Теперь онъ прочелъ «*Импровизатора*» и нашелъ въ немъ поэзію и глубину, какихъ не ожидалъ отъ меня. Онъ почувствовалъ, что во мнѣ шевелятся лучшія, болѣе высокія чувства, нежели какія онъ подозрѣвалъ во мнѣ, и, слѣдуя естественному влеченію своей натуры, тотчасъ же написалъ мнѣ сердечное письмо. Въ немъ онъ признавался, что былъ несправедливъ ко мнѣ, и протягивалъ мнѣ руку въ знакъ примиренія. И вотъ, мы сдѣлались друзьями. Гаухъ сталъ горячо дѣйствовать въ мою пользу и съ искреннимъ участіемъ слѣдилъ за каждымъ моимъ шагомъ впередъ.

Такого же удовлетворенія дождался я вскорѣ и отъ извѣстнаго нашего профессора философіи Сибберна, мнѣніе котораго цѣнилось тогда всѣми такъ высоко, что его похвалы «*Амуру и Психеѣ*» Паллудана-Мюллера приводились, какъ несомнѣнное доказательство высокихъ достоинствъ этой поэмы. Мнѣ всегда говорили, что онъ строго осуждаетъ мою литературную дѣятельность и даже не считаетъ меня поэтомъ. Такъ можно представить себѣ, какъ я обрадовался, прочитавъ маленькую брошюрку Сибберна, написанную имъ въ защиту Ингемана. Сибберну говорилъ въ ней между прочимъ и о своемъ расположеніи ко мнѣ и высказывалъ желаніе, чтобы и другой кто-нибудь поддержалъ меня дружескимъ отзывомъ. Кромѣ того, я получилъ

отъ него письмо, единственный появившійся тогда (если не считать коротенькой рецензіи Карла Баггера) похвальный отзывъ объ «*Импровизаторѣ*». Читая его письмо, такъ и слышишь его самого.

«Я прочелъ Вашего «*Импровизатора*» съ истиннымъ удовольствіемъ и радостью. Удовольствіе было вызвано самымъ романомъ, а радость тѣмъ, что написали его именно Вы. Еще одна сбывшаяся надежда, еще одинъ вкладъ въ литературу! Сравнивая его съ извѣстными мнѣ прежними Вашими трудами я нахожу между первымъ и послѣдними такую же разницу, какъ между Алладиномъ—уличнымъ мальчишкой и Алладиномъ, вышедшимъ изъ купальни возродившимся и возмужавшимъ. Я прочелъ «*Импровизатора*» съ начала до конца все съ тѣмъ же восклицаніемъ: «Хорошо! Очень хорошо!» А дочитавъ его, я уже не хотѣлъ послѣ того читать что-нибудь другое. А это, вѣдь, бываетъ съ нами лишь тогда, когда мы чувствуемъ полное удовлетвореніе!»

Итакъ, «*Импровизаторъ*» поднялъ меня изъ праха, вновь собралъ вокругъ меня моихъ друзей и даже увеличилъ число ихъ. Впервые почувствовалъ я, что, наконецъ, завоевалъ себѣ успѣхъ. Романъ вскорѣ былъ переведенъ профессоромъ Крузе на нѣмецкій языкъ и получилъ длинное заглавіе: «*Юность и мечты итальянскаго поэта*». Я возражалъ противъ этого, но переводчикъ увѣрялъ—какъ я теперь знаю, ошибочно—что такое заглавіе необходимо, что оно скорѣе заинтересуетъ публику, чѣмъ просто «*Импровизаторъ*». Карлъ Баггеръ, какъ упомянуто, привѣтствовалъ мою книгу, настоящая же критика безмолвствовала. Наконецъ, появилась одна рецензія, кажется, въ «*Литературномъ Современникѣ*». Критикъ отнесся ко мнѣ вѣжливѣе, нежели обыкновенно, но, упомянувъ лишь вскользь о достоинствахъ романа,—«они уже извѣстны!»—подробно перечислилъ всѣ недостатки и подчеркнулъ всѣ невѣрно написанныя итальянскія слова и выраженія. Какъ разъ въ это время вышло въ Германіи извѣстное описаніе Николаи «*Италія, какова она есть*», въ которомъ Николаи отдаетъ Германіи полное предпочтеніе передъ Италіей, называетъ Капри «морскимъ чудовищемъ», словомъ, отвергаетъ все прекрасное въ Италіи за исключеніемъ Венеры Медицейской, которую измѣрилъ по всѣмъ линіямъ тесемкой. Книга эта у насъ въ Даніи возбудила большое вниманіе и громкіе разговоры, сводившіеся къ тому, что вотъ, дескать, теперь-то видно, что такое написалъ нашъ Андерсенъ; нѣтъ, вотъ у Николаи такъ описана настоящая Италія!

Я поднесъ свой романъ королю Христіану VIII, тогда еще принцу. Въ пріемной я столкнулся съ однимъ изъ нашихъ мелкихъ поэтовъ, но крупныхъ сановниковъ. Онъ былъ такъ милостивъ, что удостоилъ меня разговоромъ: мы, вѣдь, были товарищами по оружію,—оба поэты! И онъ тутъ же при мнѣ прочелъ другому высокопоставленному лицу цѣлую лекцію о сло-

вѣ Колизей, которое я писалъ иначе, чѣмъ Байронъ. Ужасно! Я, вѣдь, опять проявлялъ въ этомъ случаѣ свою пресловутую слабость въ правописаніи, изъ-за которой невольно забывалось все хорошее въ моихъ произведеніяхъ. Лекція была прочитана въ пріемной во всеуслышаніе. Я пытался было доказать, что я-то какъ разъ пишу это слово правильно, тогда какъ Байронъ нѣтъ, но важный мой менторъ только улыбнулся, пожалъ плечами и, возвращая мнѣ книгу, пожалѣлъ, что «въ такой изящно-переплетенной книгѣ встрѣчаются такія опечатки!» А въ кружкахъ, гдѣ «портили Андерсена чрезмѣрными похвалами», говорили по поводу «*Импровизатора*» вотъ что: «Онъ только о себѣ самомъ и говоритъ!» «*Литературный Ежемѣсячникъ*», въ которомъ вся интеллигенція видѣла высшаго судію по вопросамъ эстетики, говорилъ о всевозможныхъ комедійкахъ, о мелкихъ, нынѣ забытыхъ, брошюркахъ, «*Импровизатора*» же не удостаивалъ и словомъ, можетъ быть, именно потому, что онъ пріобрѣлъ себѣ обширный кругъ читателей и вышелъ вторымъ изданіемъ. И только въ 1837 г., когда я, ободренный успѣхомъ, написалъ свой второй романъ «*О. Т.*» въ «*Литературномъ Ежемѣсячникѣ*» появилась рецензія о томъ и о другомъ романѣ. Въ ней меня, разумѣется, опять пробрали, но объ этомъ позже.

Первое громкое и, пожалуй, нѣсколько преувеличенное признаніе достоинствъ «*Импровизатора*» донеслось до меня изъ Германіи; я встрѣтилъ его съ глубокой признательностью, какъ больной согрѣвающіе лучи солнца. Нѣтъ, не правъ былъ нашъ датскій критикъ, не задумавшійся назвать меня неблагодарнымъ человѣкомъ, обнаружившимъ своимъ романомъ большой недостатокъ признательности по отношенію къ своимъ благодѣтелямъ! Я, дескать, самъ былъ тѣмъ бѣднымъ Антоніо, что кряхтѣлъ подъ гнетомъ благодѣяній, вмѣсто того, чтобы молча и благодарно нести его!

Въ Швеціи тоже вышелъ переводъ «*Импровизатора*», и всѣ шведскія газеты, какія только мнѣ пришлось видѣть, отзывались о моемъ произведеніи съ похвалами. На англійскій языкъ романъ былъ переведенъ квакершей Мери Ховитъ.

«This book is in romance, what «*Childe Harold*» is in poetry!» *) говорила она въ своемъ предисловіи. Тринадцать лѣтъ спустя, когда я самъ пріѣхалъ въ Лондонъ, мнѣ сообщили о другомъ лестномъ отзывѣ въ «Foreign review», который приписывали зятю Вальтера-Скотта, серьезному и строгому критику, Локгарту. Несмотря на то, что статья была помѣщена въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ англійскихъ журналовъ, получаемомъ и у насъ въ Копенгагенѣ, о ней не обмолвились въ свое время ни въ одной изъ датскихъ газетъ, между тѣмъ какъ тѣ же газеты отмѣчали малѣйшее упоминаніе въ иностранной печати о всякомъ другомъ датскомъ писателѣ. Вотъ

*) „Эта книга среди романовъ то же, что „*Чайльдъ Гарольдъ*“ среди поэмъ!“

что говорилъ между прочимъ англійскій критикъ: «*Импровизаторъ*», произведеніе датчанина, написанное на томъ самомъ языкѣ, на которомъ говорилъ и думалъ печальный датскій принцъ Гамлетъ. Кто-то сказалъ, что «*Коринна*» — бабушка «*Импровизатора*»; можетъ быть, оба романа и имѣютъ нѣкоторыя сходныя черты, но »*Импровизаторъ*» — болѣе симпатичный чичероне».

Нѣмецкая критика отозвалась объ «*Импровизаторѣ*» такъ: «Не безъинтересно будетъ провести параллель между «*Импровизаторомъ*» Андерсена и «*Коринной*» г-жи Сталь. И тотъ и другая въ лицѣ своихъ героевъ, итальянскихъ импровизаторовъ, изобразили самихъ себя, и оба же воспользовались какъ фономъ для своихъ картинъ прекрасною Италіей. Но разница въ томъ, что датчанинъ наивенъ, француженка сентиментальна; Андерсенъ даетъ поэзію, Сталь—реторику».

Датскій «*Литературный Ежемѣсячникъ*» тоже упомянулъ о «*Коринѣ*», но иначе.« Конечно, романъ г-жи Сталь послужилъ для А. образцомъ, но только сбившимъ его съ толку», и т. д.

Позже вышли нѣсколько переводовъ «*Импровизатора*» въ сѣверной Америкѣ, а въ 1844 г. появились переводы на русскій и чешскій языки, сдѣланные со шведскаго. Голландскій переводъ былъ встрѣченъ весьма похвальной статьей въ журналѣ «*de Tijd*». Во Франціи переводъ «*Импровизатора*», сдѣланный m-elle Лебренъ (1847 г.), также стяжалъ роману похвалы—особенно за его «чистоту». Въ Германіи же вышло всего семь или восемь переводовъ «*Импровизатора*», и нѣкоторые изъ нихъ выдержали по нѣскольку изданій. Кстати могу указать на напечатанное въ Собраніи сочиненій Шамиссо (изд. Hitzig'а) письмо ко мнѣ, въ которомъ онъ говоритъ, что предпочитаетъ моего «*Импровизатора*» такимъ произведеніямъ, какъ «*Notre Dame de Paris*», «*La Salamandra*» и др. *).

Итакъ, первыя похвалы, поднявшія мой духъ, раздались и продолжали раздаваться за границей, такъ что если Данія и имѣетъ во мнѣ поэта, то нельзя сказать, чтобы взлелѣяннаго ею. Родители вообще нѣжно пекутся

*) „Особенно пріятное впечатлѣніе производитъ на насъ дѣвственная чистота этого проникнутаго глубокимъ религіознымъ чувствомъ романа. Это достоинство я долженъ выдвинуть на первый планъ, такъ какъ, благодаря ему, романъ представляетъ такой рѣзкій контрастъ съ другими современными литературными произведеніями, которыя, несмотря на всю талантливость ихъ авторовъ, производятъ крайне удручающее впечатлѣніе. Къ послѣднимъ я причисляю всѣ французскіе романы, какіе мнѣ пришлось читать: „*Notre Dame de Paris*“, „*La Salamandre*“, „*La peau de chagrin*“, „*Le père Goriot*“, „*Un Secret*“, „*L'âne mort et la femme guillotinée*“ и др. Они рисуютъ намъ ужасающія картины, обличающія испорченность человѣческаго сердца и пороки общества, и мы видимъ въ нихъ лишь безбожный міръ тьму безъ просвѣта. Вотъ на этомъ то черномъ фонѣ такъ чудно и выдѣляются Ваши прелестныя картины. Мы любимъ ихъ, любимъ и ихъ творца!“

о своихъ чадахъ, заботливо ухаживаютъ за каждымъ проявившимся въ нихъ росткомъ таланта, моя же родина, въ лицѣ моихъ земляковъ, по мѣрѣ силъ старалась задушить во мнѣ всякій талантъ. Но такъ видно угодно было Господу Богу, и Онъ, ради развитія моего таланта, посылалъ мнѣ благодатные лучи изъ-за границы. Онъ же устроилъ и то, что труды мои сами пробили себѣ дорогу. Публика, вѣдь, всетаки сильнѣе всѣхъ критиковъ и разныхъ литературныхъ партій. Итакъ, благодаря «*Импровизатору*», я завоевалъ себѣ прочное и почетное мѣсто въ числѣ другихъ писателей. Юморъ мой вновь расправилъ крылья, и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода въ свѣтъ «*Импровизатора*», я издалъ первый выпускъ моихъ сказокъ. Но не подумайте, что онѣ сейчасъ же завоевали себѣ успѣхъ. Люди, говорившіе, что желаютъ мнѣ добра, сожалѣли, что я, подавъ недавно такія надежды своимъ романомъ, «опять впалъ въ ребячество». «*Литературный Ежемѣсячникъ» такъ никогда и не удостаивалъ упомянуть о моихъ сказкахъ*, а «*Даннора*», очень въ то время распространенный журналъ, совѣтовалъ мнѣ, не тратить времени на писанье сказокъ. Меня упрекали также въ отступленіи отъ обычныхъ формъ этого рода творчества и рекомендовали мнѣ изучить сначала извѣстные образцы. Но, конечно, это было мнѣ не по вкусу!—прибавлялъ критикъ. Ну вотъ, я и пересталъ писать сказки и черезъ нѣкоторое время, впродолженіи котораго юморъ мой не разъ смѣнялся уныніемъ, окончилъ романъ «*О. Т.*».

Я испытывалъ непреодолимую потребность творить и полагалъ, что нашелъ самую подходящую для меня область творчества въ романѣ, и черезъ годъ послѣ появленія въ свѣтъ «*О. Т.*» написалъ и издалъ третій свой романъ «*Только скрипачъ*». «*О. Т.*» понравился многимъ, особенно же Эрстеду, который отличался особенной чуткостью ко всему юмористическому. Онъ-то и посовѣтовалъ мнѣ держаться этого рода творчества; у него въ домѣ я встрѣчалъ сочувствіе и почерпалъ радостную увѣренность въ своихъ силахъ.

«*О. Т.*» былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ, потомъ на шведскій, голландскій и англійскій. Передъ выходомъ «*О. Т.*» въ свѣтъ, одинъ изъ друзей моихъ, профессоръ университета, предложилъ мнѣ свою помощь по части чтенія корректуры. «Я-то опытный корректоръ!» сказалъ онъ мнѣ: «И меня постоянно хвалятъ за тщательность и корректность моихъ собственныхъ изданій! Ну, и рецензенты, критикуя васъ, не будутъ, по крайней мѣрѣ, развлекаться такими мелочами, какъ корректурныя погрѣшности!» И вотъ онъ продержалъ корректуру всего романа, просматривая листъ за листомъ; кромѣ него ихъ тщательно провѣряли еще два свѣдующихъ лица. Книга вышла, и первая же рецензія о ней заканчивалась такъ: «И въ этой книгѣ мы встрѣтились съ обычными грамматическими небрежностями А.»—«Нѣтъ, это ужъ изъ рукъ вонъ!» сказалъ мой корректоръ-профессоръ: «Я положилъ на корректуру этой книги столько же тру-

довъ, сколько на корректуру своихъ собственныхъ! Къ вамъ просто придираются!»

Романъ сталъ извѣстенъ въ публикѣ, и кругъ моихъ читателей все увеличивался, но газеты и журналы все еще не высказывали мнѣ особеннаго поощренія. Критики какъ будто забыли, что мальчикъ съ годами выростаетъ въ мужа, что познанія пріобрѣтаются не только обычнымъ протореннымъ путемъ, и попрежнему упирали на мои старыя ошибки и промахи. Поэтому-то самыми строгими критиками моими оказывались зачастую люди, которые, пожалуй, вовсе и не заглядывали въ мои послѣднія произведенія. Не всѣ только были такъ честны и откровенны, какъ Гейбергъ, который на вопросъ мой—читалъ-ли онъ мои романы, отвѣтилъ съ улыбкой: «Я никогда не читаю толстыхъ книгъ!»

Годъ спустя, вышелъ, какъ уже сказано, романъ *«Только скрипачъ»*, вылившійся у меня подъ вліяніемъ испытываемаго мною духовнаго гнета. И этотъ романъ свидѣтельствовалъ о томъ, что я сдѣлалъ шагъ впередъ, лучше понималъ и людей и самого себя. Я уже отказался отъ мечты получить за свои труды воздаяніе здѣсь на землѣ и утѣшалъ себя мыслью найти утѣшеніе и примиреніе въ иномъ мірѣ. Если *«Импровизаторъ»* явился настоящей импровизаціей, то *«Только скрипачъ»*—произведеніемъ, глубоко прочувствованнымъ и продуманнымъ, почти пережитымъ. Въ немъ я выразилъ свой душевный протестъ противъ людской несправедливости, глупости житейской прозы и гнета.

И этотъ романъ пробилъ себѣ дорогу, но и тутъ ни одного слова поощренія или признательности! Критика милостиво изрекла только, что мною часто счастливо руководитъ *инстинктъ*. Ко мнѣ примѣняли выраженіе, которое вообще принято употреблять, говоря о животныхъ, тогда какъ въ области поэзіи, среди людей, это свойство носитъ названіе «творческаго генія». Все хорошее во мнѣ продолжали топтать въ грязь. Отдѣльныя лица, правда, говорили мнѣ, что со мною поступаютъ ужъ черезчуръ грубо и несправедливо, но заступиться за меня въ печати никто не думалъ. Романъ *«Только скрипачъ»* заинтересовалъ на короткое время одного изъ нашихъ высокодаровитыхъ молодыхъ писателей, Сёрена Киркегора. Встрѣтясь со мною однажды на улицѣ, онъ сказалъ мнѣ, что собирается писать на этотъ романъ критику, которою я навѣрно останусь доволенъ. По его мнѣнію, ко мнѣ вообще относились несправедливо. Прошло довольно много времени; К. перечелъ книгу, и первое хорошее впечатлѣніе испарилось; должно быть, чѣмъ серьезнѣе онъ вдумывался въ произведеніе, тѣмъ несовершеннѣе оно ему казалось, и появившаяся, наконецъ, критика ужъ никакъ не могла порадовать меня. Критическая статья К. разрослась въ цѣлую книгу, кажется, первую изданную имъ. Для чтенія она вышла тяжеловата, смахивала на философскій трактатъ, и многіе говорили въ шутку, что только К.

да А. и прочли ее до конца. Называлась книга «*Af en endnu Levendes Papirer, udgivet imod hans Villie af S. Kierkegaard*» (1838 г. Изъ записокъ еще живущаго человѣка, изд. противъ его воли С. К.). Я вынесъ изъ нея одно свѣдѣніе, что я не поэтъ, а лишь поэтическая фигура, соскочившая съ своего мѣста въ какомъ-нибудь поэтическомъ произведеніи, и что кому-нибудь будущему поэту предстоитъ водворить меня на мое мѣсто или помѣстить меня въ собственное произведеніе, создавъ для меня новую подходящую обстановку! Впослѣдствіе я сталъ лучше понимать этого писателя, который тонко и сочувственно оцѣнилъ мои позднѣйшіе труды.

Пока-же я не находилъ себѣ въ датской печати заступника или хоть критика, который бы упоминалъ о нихъ. А между тѣмъ мои романы еще болѣе стушевывались, благодаря тому, что какъ разъ въ то же время общій интересъ заполонили издаваемые Гейбергомъ «*Обыкновенныя исторіи*» *). Языкъ этихъ произведеній, содержаніе и, главнымъ образомъ, рекомендація Гейберга, восхищавшагося ими, все это выдвигало ихъ тогда въ датской литературѣ на первый планъ.

Тѣмъ не менѣе, меня читали, и большинство уже не сомнѣвалось въ моемъ поэтическомъ талантѣ, который совсѣмъ было отрицали до моего путешествія въ Италію. Но, какъ уже не разъ упомянуто, открыто признала во мнѣ этотъ талантъ прежде всего иностранная пресса, и только много лѣтъ спустя выступилъ съ сочувственнымъ отзывомъ обо мнѣ, какъ о поэтѣ, одинъ изъ значительнѣйшихъ нашихъ писателей Гаухъ. Вотъ какъ вкратцѣ характеризовалъ онъ мои романы.

«Героемъ лучшихъ и наиболѣе обработанныхъ произведеній А., въ которыхъ такъ ярко выступаютъ богатая фантазія и глубокая чувствительность души поэта—является талантливая или покрайней мѣрѣ благородная натура, которая старается выбиться изъ окружающихъ ее узкихъ подавляющихъ условій жизни. Таковы герои трехъ романовъ А., а никто лучше его самого не можетъ знать всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ перепитій такой борьбы,—ему самому, вѣдь, пришлось испить чашу горечи до дна, извѣдать подобныя же страданія, а воспоминаніе о нихъ — какъ говоритъ старый глубокій миѳъ—мать музъ. Поэтому повѣствованія А. стóитъ послушать со вниманіемъ: если онъ и рисуетъ намъ внутреннюю жизнь единичнаго лица, то все же такую, которая является удѣломъ почти каждаго геніальнаго или талантливаго человѣка, поставленнаго судьбой въ неблагопріятныя условія. Въ романахъ «*Импровизаторъ*», «*О. Т.*» и «*Только скрипачъ*» А. отнюдь не рисуетъ только одного самого себя, но также ту знаменательную борьбу, на которую обречены многіе, и которую онъ такъ хорошо знаетъ по себѣ. Описанія его не являются поэтому выдуманными, а

*) Соч. его матери. г-жи Гюллембургъ. *Примѣч. перев.*

дышатъ самою жизнью, самою правдою и въ качествѣ такихъ сохраняютъ за собой глубокое и прочное значеніе. А. является въ своихъ произведеніяхъ ратоборцемъ не только за поставленныхъ въ неблагопріятныя условія талантливыхъ людей, но и за всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, и горькій личный опытъ даетъ ему возможность рисовать намъ такія захватывающе-правдивыя картины, которыя не могутъ не оставить глубокаго впечатлѣнія въ душѣ каждаго отзывчиваго человѣка.»

Вотъ какъ отозвался о моихъ произведеніяхъ девять-десять лѣтъ спустя благороднѣйшій человѣкъ и писатель. Съ критикой на мои произведенія произошло то же, что бываетъ съ хорошимъ виномъ: чѣмъ дольше его держатъ, прежде чѣмъ пустить въ употребленіе, тѣмъ оно становится лучше.

Въ томъ же году (1837), когда вышелъ «*Только скрипачъ*», я посѣтилъ сосѣднюю страну, пробрался по каналамъ до самаго Стокгольма. Тогда еще не было и помина о нынѣшнихъ пресловутыхъ скандинавскихъ симпатіяхъ. Отъ прежнихъ войнъ въ обѣихъ націяхъ осталось какое-то взаимное недовѣріе. Копенгагенскіе мальчишки не упускали случая всякій разъ, какъ морозъ соединялъ обѣ страны ледянымъ мостомъ, и къ намъ пріѣзжали на своихъ саняхъ сосѣди-шведы, бѣжать за ихъ санями съ улюлюканьемъ. Шведская литература тогда была извѣстна у насъ очень мало; датчанамъ и на умъ не приходило, что при небольшомъ навыкѣ читать и понимать по-шведски очень легко. Тегнéра у насъ знали только по переводамъ. Да, времена перемѣнчивы!

Извѣстныя мнѣ произведенія шведскихъ писателей очень мнѣ нравились, особенно поэзія несчастнаго, уже умершаго, Стагнеліуса. Онъ пришелся мнѣ по сердцу даже больше Тегнéра, который занималъ тогда среди шведскихъ поэтовъ первое мѣсто. Я до сихъ поръ предпринималъ путешествія только на югъ отъ родины, при чемъ тотчасъ же какъ переступалъ границы Даніи прощался съ датской рѣчью, теперь же я во все время путешествія чувствовалъ себя наполовину у себя дома; я говорилъ по-датски, мнѣ отвѣчали по-шведски, и этотъ языкъ казался мнѣ однимъ изъ нашихъ провинціальныхъ нарѣчій. Мнѣ казалось, что Данія какъ будто расширилась; родственныя черты обѣихъ націй такъ и бросались мнѣ въ глаза, и я понялъ, какъ близки въ сущности между собою шведы, норвежцы и датчане. Я встрѣчалъ во время путешествія много хорошихъ сердечныхъ людей и, по своему обыкновенію, скоро привязывался къ нимъ. Вообще, это путешествіе было однимъ изъ самыхъ пріятныхъ для меня. Живописная страна, съ ея обширными лѣсами, огромными озерами, величественнымъ водопадомъ Трольгеттой, красивыми шхерами, на каждомъ шагу поражала меня новизною. Стокгольмъ, который красотою мѣстоположенія напоминаетъ Константинополь и поспоритъ съ Эдинбургомъ, просто поразилъ меня. Разсказъ о

поѣздкѣ по каналамъ звучитъ для непосвященнаго въ ея тайны новичка чѣмъ-то сказочнымъ. Еще бы! Говорятъ, что пароходъ переплываетъ изъ озера въ озеро черезъ вершины горъ, такъ что съ палубы парохода видны внизу верхушки сосенъ и березъ! Пароходъ переправляется черезъ горныя высоты, постепенно поднимаясь и затѣмъ спускаясь по шлюзамъ, а путешественникъ въ это время бродитъ по ближайшимъ лѣснымъ тропинкамъ. Съ этимъ путешествіемъ, именно съ поѣздкою по озеру Венернъ, связано у меня воспоминаніе объ одномъ интересномъ и не оставшемся безъ вліянія на меня знакомствѣ: я встрѣтился на пароходѣ съ извѣстною шведскою писательницею Фредерикою Бремеръ.

Проѣзжая по каналу между Трольгеттой и Венерсборгомъ я разговорился съ капитаномъ. Между прочимъ я спросилъ его, какіе изъ современныхъ шведскихъ писателей проживаютъ теперь въ Стокгольмѣ, и выразилъ желаніе встрѣтиться тамъ съ г-жой Бремеръ. «Ну, ея-то вы не застанете!» сказалъ капитанъ. «Она теперь въ Норвегіи!»—«Вернется, должна вернуться, пока я здѣсь!» пошутилъ я и прибавилъ: «Мнѣ вообще везетъ во время путешествій; стоитъ мнѣ пожелать чего-нибудь, такъ оно и будетъ!»—«Ну, только не на этотъ разъ!» замѣтилъ капитанъ. Три часа спустя, передъ отходомъ изъ Венерсборга, гдѣ мы останавливались принять товары и пассажировъ, капитанъ, смѣясь, подошелъ ко мнѣ и, показывая мнѣ списокъ новыхъ пассажировъ, громко воскликнулъ: «Счастливецъ! Вамъ и впрямь везетъ! Г-жа Бремеръ на пароходѣ и поѣдетъ съ нами до Стокгольма!» Я подумалъ, что онъ шутитъ; тогда онъ указалъ мнѣ въ спискѣ ея имя, но я все еще не вѣрилъ, что это была сама писательница. Разсматривая вновь прибывшихъ пассажировъ, я не нашелъ между ними женщины, въ которой бы могъ признать ее. Вечеръ прошелъ, и около полуночи мы были на огромномъ озерѣ Венернъ.

Въ три часа утра я всталъ и вышелъ на палубу полюбоваться восходомъ солнца. Кромѣ меня вышла изъ каюты только одна дама, не молодая и не старая, закутанная въ плащъ и въ шаль. Ей тоже, вѣрно, хотѣлось посмотрѣть на восходъ солнца, и я подумалъ: «Если дѣйствительно Фредерика Бремеръ здѣсь на пароходѣ, то это она!» Я завязалъ съ ней разговоръ. Она отвѣчала мнѣ вѣжливо, но холодно. Наконецъ, я спросилъ ее, не она ли извѣстная писательница Бремеръ; она дала уклончивый отвѣтъ и спросила о моемъ имени. Оказалось, что она слышала обо мнѣ; съ произведеніями моими она, однако, не была знакома и спросила, нѣтъ-ли у меня съ собою какого-нибудь изъ нихъ. Я какъ разъ везъ одинъ экземпляръ «*Импровизатора*» для Бескова и далъ его ей. Она сошла въ свою каюту и оставалась тамъ все утро. Когда же мы встрѣтились опять, она улыбнулась мнѣ свѣтлою, сердечною улыбкою, пожала руку и сказала, что прочла больше половины первой части книги и теперь знаетъ меня.

Знакомство наше продолжалось въ Стокгольмѣ, а многолѣтняя переписка окончательно скрѣпила его. Фредерика Бремеръ благороднѣйшая натура, проникнутая великими утѣшительными истинами религіи и поэзіей мелкихъ частностей жизни, и обладаетъ даромъ уразумѣнія и истолкованія ихъ.

Въ то время ни одинъ изъ моихъ романовъ еще не былъ переведенъ на шведскій языкъ; меня знали лишь по моей «*Прогулкѣ на Амагеръ*» и по стихотвореніямъ, да и то немногія лица изъ литературныхъ кружковъ, которыя и оказали мнѣ въ Стокгольмѣ самый радушный и сердечный, чисто шведскій пріемъ. Одинъ изъ популярнѣйшихъ поэтовъ-юмористовъ, пасторъ Дальгрэнъ, теперь давно умершій, посвятилъ мнѣ стихотвореніе. Ласковый пріемъ встрѣтилъ я также у знаменитаго Берцеліуса, къ которому у меня было рекомендательное письмо отъ Эрстеда. Въ Упсалѣ я пробылъ нѣсколько дней. Профессоръ Рудбергъ водилъ меня на Упсальскій холмъ и тамъ мы пили въ честь сѣвера шампанское изъ громаднаго серебрянаго рога, подарка короля Карла-Іогана. И Швеція и шведы очень полюбились мнѣ; мнѣ, какъ уже сказано, стало казаться, что границы моей родины отодвинулись; только теперь понялъ я, насколько родственны между собою шведская, норвежская и датская націи, и вскорѣ по возвращеніи на родину я написалъ пѣсню: «*Одинъ народъ мы*! *Всѣ мы скандинавы*!» Пѣсня эта явилась плодомъ моихъ непосредственныхъ впечатлѣній и была чужда какой-либо политической идеи: поэтъ не слуга политики, онъ только спокойно идетъ впереди разныхъ политическихъ движеній, какъ провидецъ. И я создалъ скандинавскую пѣснь, когда еще и рѣчи не было о скандинавахъ. Я написалъ ее, охваченный сознаніемъ родственности всѣхъ трехъ народовъ, любовью къ нимъ и желаніемъ, чтобы и они наконецъ узнали и полюбили другъ друга. А вотъ что сказали по поводу моей пѣсни у насъ на родинѣ: «Ну, видно, и ухаживали же за нимъ тамъ шведы!» Но прошло нѣсколько лѣтъ, и сосѣди стали лучше понимать другъ друга. Эленшлегеръ, Тегнéръ и г-жа Бремеръ пробудили въ каждомъ народѣ желаніе ознакомиться съ литературой сосѣдей, и они почувствовали взаимное родство. Старое недовѣріе, проистекавшее отъ недостаточнаго знакомства другъ съ другомъ, исчезло, и между датчанами и шведами установились добрыя сердечныя отношенія. Скоро скандинавизмъ пустилъ такіе корни въ Копенгагенѣ (въ Швеціи—тоже, въ Норвегіи же, насколько я знаю—нѣтъ), что у насъ образовалось «скандинавское общество». Въ обществѣ этомъ или кружкѣ говорились рѣчи о братскомъ сліяніи трехъ народовъ сѣвера, читались историческія лекціи и давались «скандинавскіе» концерты, на которыхъ исполнялись произведенія Бельмана и Рунга, Линдблада и Гаде,—все это было прелесть какъ хорошо! Тутъ-то и моя пѣсня вошла въ честь. Мнѣ сказали даже, что она переживетъ все, что я вообще написалъ! А одинъ изъ нашихъ крупныхъ обществен-

ныхъ дѣятелей пресерьезно увѣрялъ меня, что только эта пѣсня и сдѣлала меня *датскимъ* поэтомъ. Да, вотъ какъ высоко ставили ее теперь, а еще годъ тому назадъ ее называли плодомъ польщеннаго самолюбія.

По возвращеніи изъ Швеціи я сталъ усердно заниматься изученіемъ исторіи, а также знакомился съ иностранными литературами. Но усерднѣе всего читалъ я всетаки великую книгу природы, изъ которой всегда почерпалъ самыя лучшія впечатлѣнія. Лѣто я проводилъ, гостя въ разныхъ помѣстьяхъ на Фіоніи, главнымъ образомъ въ романтически расположенномъ у самаго лѣса «Люккесгольмѣ», принадлежавшемъ нѣкогда Каю Люкке, и въ графскомъ замкѣ Глорупѣ, гдѣ жилъ нѣкогда Валькендорфъ, могущественный врагъ Тихо Браге, а теперь проживалъ благородный старикъ графъ Мольтке Витфельдъ. Здѣсь я нашелъ самый радушный пріемъ, гостепріимный пріютъ и, гуляя по окрестностямъ, учился у природы большему, нежели могла научить меня школа.

Въ Копенгагенѣ же самымъ роднымъ домомъ былъ для меня издавна домъ Коллина; въ немъ, какъ я и написалъ въ посвященіи, предшествующемъ «*Импровизатору*», я нашелъ родителей и сестеръ съ братьями. Весь юморъ и жизнерадостность, которые находятъ въ романѣ «*О. Т.*» и въ нѣкоторыхъ написанныхъ мною въ эти года драматическихъ произведеніяхъ, черпалъ я въ домѣ Коллина. Здѣсь я возрождался духомъ, запасался душевнымъ здоровьемъ и, благодаря этому, могъ справляться съ болѣзненными проявленіями своего духовнаго склада. Старшая дочь Коллина, Ингеборга, въ замужествѣ г-жа Древсенъ, отличалась замѣчательнымъ остроуміемъ, жизнерадостностью и веселостью и имѣла на меня большое вліяніе. Мягкая, податливая, какъ гладь морская, душа, какою была моя, всегда, вѣдь, готова отражать въ себѣ все окружающее.

Я былъ довольно плодовитымъ писателемъ, и произведенія мои принадлежали къ числу находившихъ себѣ постоянный сбытъ и читателей. Гонораръ мой повышался съ каждымъ новымъ романомъ, но надо помнить общія условія датскаго книжнаго рынка и то, что я не имѣлъ патента на званіе поэта ни отъ Гейберга, ни отъ «*Литературнаго Ежемѣсячника*», поэтому и гонораръ этотъ былъ очень скроменъ. Но какъ бы то ни было, существовать было еще можно, хотя, разумѣется, и не такъ, какъ долженъ былъ, по предположенію англичанъ, существовать авторъ «*Импровизатора*». Я хорошо помню изумленіе Чарльза Диккенса, когда онъ на свой вопросъ, много-ли я получилъ за этотъ романъ, услышалъ въ отвѣтъ: «19 фунтовъ стерлинговъ!» «За листъ?» переспросилъ онъ: «Нѣтъ, за весь романъ!» сказалъ я. «Нѣтъ, мы, вѣрно, не понимаемъ другъ друга!» продолжалъ Диккенсъ: «Не могли же вы получить 19 фунтовъ за всю книгу! Вы получали столько за листъ!» Пришлось мнѣ пожалѣть о томъ, что это было не такъ. За листъ мнѣ пришлось только около полуфунта стерлинговъ. «Боже мой!» воскликнулъ

Диккенсъ: «Не повѣрилъ бы, если бы не услышалъ отъ васъ самихъ!» Конечно, Диккенсъ не зналъ условій датскаго книжнаго рынка и сравнивалъ полученный мною гонораръ съ тѣмъ, что получалъ онъ самъ въ Англіи; да, вѣроятно, и переводчица моя получила больше, чѣмъ я—авторъ! Ну, какъ бы то ни было—я существовалъ, хотя и съ грѣхомъ пополамъ.

Постоянно творить и творить было, какъ я чувствовалъ, гибельно для всякаго таланта, но всѣ мои попытки заручиться какою-нибудь подходящею должностью терпѣли неудачу. Я искалъ мѣста библіотекаря при Королевской библіотекѣ, и Эрстедъ горячо ходатайствовалъ за меня передъ директоромъ библіотеки, оберъ-камергеромъ Гаухомъ. Письмо Эрстеда къ послѣднему заканчивалось такъ: «Кромѣ писательскихъ заслугъ, А. заслуживаетъ еще вниманія за свою добросовѣстность, аккуратность и любовь къ порядку, которыхъ вообще не ожидаютъ отъ поэтовъ. Всѣ, знающіе А., должны отдать ему въ этомъ отношеніи полную справедливость!» Но и эта лестная рекомендація не помогла мнѣ: оберъ-камергеръ съ изысканной вѣжливостью отклонилъ мою просьбу, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что я «слишкомъ талантливъ для такой тривіальной должности, какъ библіотекарь».—Дѣлалъ я также попытку завести сношенія съ «Обществомъ свободной печати» и представилъ его заправиламъ планъ и конспектъ народнаго датскаго календаря, составленнаго мною по образцу столь распространеннаго въ Германіи календаря Губица. Ничего подобнаго на датскомъ языкѣ еще не существовало; къ тому же я полагалъ, что въ качествѣ автора «*Импровизатора*» имѣю за собою нѣкоторую репутацію человѣка, способнаго рисовать картины природы, а въ качествѣ автора изданныхъ недавно сказокъ—репутацію хорошаго разсказчика. Эрстеду мой планъ очень понравился, и онъ и тутъ горячо поддерживалъ меня, но заправилы Общества нашли, что изданіе такого календаря связано съ слишкомъ большими хлопотами и отказали мнѣ въ своемъ содѣйствіи. Попросту, они не довѣряли моимъ способностямъ, такъ какъ впослѣдствіи такой календарь былъ изданъ другимъ лицомъ, сумѣвшимъ добиться поддержки того же Общества.

И вотъ, я постоянно былъ полонъ заботъ о завтрашнемъ днѣ; хорошо еще, что мнѣ были открыты двери нѣсколькихъ гостепріимныхъ домовъ, въ томъ числѣ и одного новаго. Это былъ домъ старушки вдовы (нынѣ уже умершей) Бюгель, урожденной Адцетъ, извѣстной болѣе своею оригинальностью, нежели своими превосходными душевными качествами. Она очень любила мои произведенія и оказывала мнѣ самому исто-материнское участіе. Вѣрнѣйшее же прибѣжище, помощь и поддержку я находилъ по-прежнему у конференцъ-совѣтника Коллина, но прибѣгать къ нему я рѣшался лишь въ самыхъ трудныхъ случаяхъ. Да, хватилъ-таки я и горя и нужды—всего, о чемъ теперь нѣтъ охоты разсказывать. Я, впрочемъ, какъ бывало и въ дѣтскіе годы, не переставалъ говорить себѣ: «Когда приходится ужъ очень

плохо, тогда-то Господь и посылаетъ Свою помощь!» Я вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, а ею былъ Богъ.

Однажды я сидѣлъ въ своей коморкѣ, въ «Новой Гавани»; вдругъ въ дверь постучали, и на порогѣ показался незнакомый мнѣ господинъ. Черты лица его были очень тонки, выраженіе самое привѣтливое. Это былъ покойный графъ Конрадъ Ранцау Брейтенбургъ, уроженецъ Голштиніи и тогдашній первый министръ. Онъ искренно любилъ литературу, восторгался Италіей и захотѣлъ посѣтить автора «*Импровизатора*», котораго читалъ по-датски и съ живѣйшимъ интересомъ. Въ своемъ кругу графъ пользовался большимъ уваженіемъ за свое исто-рыцарское благородство и репутаціей человѣка литературно-образованнаго и со вкусомъ. Въ молодости онъ много путешествовалъ, подолгу жилъ въ Испаніи и въ Италіи, и на основаніи всего этого его сужденіямъ придавалось большое значеніе. Не довольствуясь одними горячими похвалами мнѣ, которыя онъ высказывалъ и при дворѣ и въ обществѣ, онъ захотѣлъ лично навѣстить меня, поблагодарить меня за доставленное ему моею книгой удовольствіе, пригласить къ себѣ и спросить— не можетъ-ли онъ въ чемъ быть мнѣ полезнымъ. Я не скрылъ отъ него затруднительности своего положенія, принуждавшаго меня *творить* изъ-за куска хлѣба и исключавшаго всякую возможность самосовершенствованія. Онъ ласково пожалъ мнѣ руку, обѣщалъ свое содѣйствіе и дружбу и сдержалъ свое слово. Думаю, впрочемъ, что дѣло не обошлось и безъ тайнаго участія Коллина и Эрстеда. Уже въ теченіе многихъ лѣтъ царствованія короля Фредерика VI изъ суммъ министерства финансовъ ежегодно отчислялась извѣстная сумма на временныя пособія ученымъ, художникамъ и литераторамъ, отправляющимся за границу, а также на постоянныя годовыя стипендіи тѣмъ изъ нихъ, которые еще не успѣли упрочить свое положеніе или не имѣли постоянной должности. Такими стипендіями пользовались, напримѣръ, Эленшлегеръ, Ингеманъ, Гейбергъ и др., а въ послѣднее время и Герцъ. Такая же стипендія была и моей мечтой и, послѣдняя сбылась: король Фредерикъ VI назначилъ мнѣ ежегодную стипендію въ 200 специй *).

Какъ я былъ радъ, какъ благодаренъ! Теперь мнѣ ужъ не нужно было писать изъ-за куска хлѣба; теперь у меня было вѣрное обезпеченіе въ случаѣ болѣзни и пр., теперь я былъ менѣе зависимъ отъ окружающихъ людей! Для меня началась какъ бы новая эра жизни!

VIII.

Съ этихъ поръ въ моей жизни стало чаще проглядывать солнышко; озираясь назадъ на свое прошлое, я яснѣе видѣлъ бодрствовавшее надо мною

*) Около 400 рублей. *Примѣч. перев.*

око Провидѣнія, и все болѣе убѣждался, что Богъ постоянно направлялъ все къ лучшему для меня, а чѣмъ сильнѣе такое убѣжденіе, тѣмъ спокойнѣе, увѣреннѣе чувствуешь себя.

«Въ англійскомъ флотѣ, по всѣмъ снастямъ, и большимъ и малымъ, проходитъ красная нить, указывающая на принадлежность флота коронѣ; по всѣмъ и большимъ и малымъ событіямъ и проявленіямъ человѣческой жизни тоже проходитъ невидимая нить, указывающая, что мы принадлежимъ Богу». Вотъ въ чемъ я успѣлъ убѣдиться въ жизни и что́ высказалъ въ своемъ романѣ «*Двѣ баронессы*».

Въ моей жизни былъ періодъ дѣтства; оно давно минуло; отрочества у меня не было вовсе, а юность только началась теперь: предшествовавшій ей періодъ жизни былъ просто какимъ-то мыканьемъ по волнамъ, борьбой съ противными теченіями. Только теперь, на тридцать четвертомъ году моей жизни, началась для меня настоящая весна; но весна еще не лѣто, и весною выдаются сѣрые ненастные дни, необходимые для того, чтобы развилось въ насъ то, что должно созрѣть лѣтомъ.

Оглядываясь назадъ на эти «сѣрые и ненастные дни» теперь, когда переживаешь тихую благодатную пору жизни, невольно улыбаешься своей прежней чувствительности ко всякаго рода тучкамъ. Но, къ дѣлу.

Отрывокъ изъ письма, полученнаго мною отъ лучшаго моего друга во время одного изъ послѣдующихъ моихъ заграничныхъ путешествій, можетъ послужить подходящимъ предисловіемъ къ тому, что я хочу здѣсь разсказать.

«Это все одно ваше изысканное воображеніе, что васъ презираютъ въ Даніи! Ничего такого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Вы съ Даніей отлично ладите и ладили бы еще лучше, не будь въ Даніи театра: hinc illæ lacrimæ! Ахъ, этотъ проклятый театръ! Но развѣ театръ—вся Данія и развѣ вы—только поставщикъ театральныхъ пьесъ?»

Въ этихъ словахъ была доля правды. Дѣйствительно, театръ въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ являлся для меня источникомъ величайшихъ огорченій Всѣмъ, вѣдь, извѣстно, что съ театральнымъ міромъ ладить—охъ, какъ трудно! Большинство артистовъ—отъ перваго любовника до послѣдняго статиста склонны класть на одну чашку вѣсовъ свою собственную персону, а на другую весь остальной свѣтъ. Партеръ является въ ихъ глазахъ границей міра, журнальныя и газетныя критическія статейки—неподвижными звѣздами небосклона; ну, и если въ этомъ пространствѣ они слышатъ себѣ однѣ похвалы и «браво», часто необдуманныя, повторяемыя лишь по инерціи—немудрено, что голова у нихъ идетъ кругомъ, и они утрачиваютъ истинное представленіе о своемъ значеніи.

Въ то время политика не играла у насъ никакой роли, интересы общества сосредоточивались на искусствахъ; театръ былъ самой богатой и по-

стоянной тэмой для разговоровъ. И то сказать—наша датская сцена принадлежала тогда къ числу первыхъ въ Европѣ. Ее украшали такіе таланты какъ: Нильсенъ, Рюге, Фрюдендаль, Стаге, Розенкильде, Фистеръ, г-жа Гейбергъ и г-жа Нильсенъ, въ которыхъ имѣли первоклассныхъ исполнителей всѣ роды драматическаго искусства—отъ трагедіи до водевиля. Опера и балетъ также были обставлены прекрасно.

Но если датская сцена и была тогда одною изъ первыхъ въ Европѣ, изъ этого еще не слѣдовало, чтобы *всѣ* представители ея были міровыми столпами, а такими-то они именно и воображали себя, по крайней мѣрѣ въ сравненіи со мною: я, вѣдь, въ ихъ глазахъ, былъ не Богъ вѣсть какой выдающійся писатель! Вообще на мой взглядъ датская сцена страдала главнымъ образомъ отъ недостатка дисциплины, которая такъ необходима тамъ, гдѣ масса отдѣльныхъ личностей должна составлять цѣлое, да еще художественное цѣлое. Я прожилъ на свѣтѣ уже не мало и знаю по опыту, что публика постоянно недовольна дирекціей театровъ — особенно за выборъ пьесъ, а дирекція—артистами и наоборотъ. Должно быть, ужъ иначе и быть не можетъ, должно быть, ужъ всѣмъ молодымъ драматургамъ, не успѣвшимъ еще стать баловнями минуты, суждено подвергаться такимъ мытарствамъ, какимъ подвергался и я. Ихъ не избѣжалъ даже самъ Эленшлегеръ: не въ диковинку было слышать въ театрѣ апплодисменты по адресу актеровъ-исполнителей и свистки по его адресу. А какихъ отзывовъ объ этомъ геніальномъ писателѣ наслушался я отъ моихъ земляковъ! Такова ужъ, вѣрно, судьба всѣхъ талантовъ. Но какъ это грустно! Самъ Эленшлегеръ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что дѣтямъ его часто приходилось выслушивать въ школѣ злыя насмѣшки другихъ учениковъ, повторявшихъ только то, что слышали объ Эленшлегерѣ отъ своихъ родителей.

Актеры и актрисы, занимающіе въ труппѣ, благодаря своему таланту, дружбѣ съ газетными рецензентами или благоволенію публики, первыя мѣста, мнятъ себя выше самой дирекціи, не говоря уже о драматургахъ; а этимъ необходимо ладить съ актерами,—они, вѣдь, могутъ и отказаться отъ роли, и—что еще хуже—распространить въ публикѣ неблагопріятное мнѣніе о пьесѣ прежде, чѣмъ она появится на сценѣ. Новыя пьесы подвергаются строгой критикѣ въ разныхъ «кофейняхъ» даже раньше, чѣмъ кто-либо изъ публики знаетъ изъ нихъ хоть словечко. У копенгагенцевъ есть вообще одна характерная черта: рѣдко, кто скажетъ, въ ожиданіи постановки новой пьесы: «Какъ я радъ!» а скорѣе всегда: «Пьеса, кажется, дрянь! Должно быть, освищутъ?» Свистки вообще играютъ большую роль; вотъ забава, которая можетъ обезпечить полный сборъ. И ни разу еще не случалось, чтобы освистали плохого актера, нѣтъ, козлами отпущенія постоянно являются драматургъ или композиторъ. Имъ свищутъ, а молодыя и старыя, красивыя и безобразныя дамочки съ радостными улыбками прислу-

шиваются къ свисткамъ. Ни дать-ни взять кровожадныя испанки на боѣ быковъ! И вотъ еще: впродолженіи многихъ лѣтъ я наблюдалъ, что самая опасная пора для постановки новыхъ пьесъ—ноябрь и декабрь; въ октябрѣ бываютъ, вѣдь, пріемные экзамены въ университетѣ, и благополучно перепрыгнувшіе черезъ его порогъ бывшіе гимназисты спѣшатъ заявить себя строгими цѣнителями искусства.

Наши извѣстнѣйшіе датскіе драматурги: и Эленшлегеръ, и Гейбергъ, и Герцъ и др.—всѣ были освистаны; объ иностранныхъ классикахъ нечего и говорить,—освистали даже Мольера.

А между тѣмъ сцена является для каждаго писателя наиболѣе выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ полемъ дѣятельности. Вотъ почему я, находясь въ крайности, брался и за составленіе оперныхъ либретто, за которые меня такъ бранили, и за писательство водевилей. Впрочемъ, гонораръ автора-драматурга былъ въ то время еще до комизма незначителенъ. Довести его до приличныхъ размѣровъ удалось только Коллину въ свое послѣднее управленіе дѣлами театра. Въ ту же эпоху, о которой идетъ рѣчь, директоромъ датскаго королевскаго театра сдѣлали одного извѣстнаго и дѣльнаго бюрократа; ожидали, что онъ приведетъ дѣла въ порядокъ,—недаромъ же онъ слылъ хорошимъ счетоводомъ. Ожидали отъ него и поднятія опернаго искусства, такъ какъ онъ любилъ музыку и самъ не разъ выступалъ въ качествѣ пѣвца въ разныхъ музыкальныхъ кружкахъ. Наконецъ, ожидали и различныхъ энергичныхъ преобразованій. Послѣднія и не заставили себя ждать. Первымъ долгомъ была преобразована система регулировки поспектакльной платы авторамъ. Руководиться одними достоинствами пьесъ, вѣдь, трудно, вотъ и рѣшили сообразоваться съ продолжительностью ихъ. Во время перваго представленія, режиссеръ стоялъ за кулисами и слѣдилъ съ часами въ рукахъ сколько «четвертей часа» займетъ такая-то пьеса: за каждую четверть часа полагалась извѣстная сумма. Излишекъ времени, не составляющій полной четверти часа, шелъ въ пользу самой дирекціи,—исто по-канцелярски и практично! «Своя рубашка къ тѣлу ближе!» Ну да, и я думалъ то же, да къ тому же дѣйствительно нуждался въ каждомъ лишнемъ грошѣ, такъ не сладко мнѣ было нести убытки, благодаря тому, что дирекція раздѣлила мой двухъ-актный водевиль «*Разлука и встрѣча*» на два самостоятельныхъ, которые можно было давать отдѣльно. Но «нельзя злословить свое начальство!» а, вѣдь, театральная дирекція — начальство автора-драматурга. Вернусь къ артистамъ. Впрочемъ, пусть они сами говорятъ о себѣ!

«Не трудно имѣть успѣхъ со своими пьесами, когда ихъ вывозятъ на себѣ первыя силы труппы!» сказалъ мнѣ однажды одинъ изъ первыхъ актеровъ, недовольный назначенною ему ролью въ моей пьесѣ.—«Я не играю мужиковъ!» заявила мнѣ одна актриса, которой я осмѣлился предложить «слишкомъ мужественную», по ея мнѣнію, роль.—«Ну, скажите, есть-ли у меня

хоть одна остроумная реплика?» гремѣлъ на репетиціи одной изъ моихъ первыхъ пьесъ одинъ изъ артистовъ. Увидавъ же меня послѣ того, печально стоящимъ въ углу, тотъ же Зевсъ-громовержецъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «А вы ужъ и приняли мои слова въ серьезъ! Неужели вы думаете, что я считаю свою роль плохою? Да въ такомъ случаѣ я бы просто не сталъ играть ея! Но умаляя ваше участіе въ успѣхѣ, я тѣмъ болѣе выставляю свое! Впрочемъ, если вы перескажете это кому-нибудь—я отопрусь!» Артистъ произнесъ эту реплику великолѣпно, нисколько не помышляя о публикѣ, которая теперь слышитъ его! Все это только смѣшно, забавно, скажутъ мнѣ, пожалуй, мои читатели, но не такъ смотритъ на дѣло молодой начинающій писатель. Правда, на кораблѣ не слѣдуетъ понимать буквально иногда слишкомъ энергичныя выраженія капитана, не слѣдуетъ этого и на театральномъ кораблѣ, но я-то такъ поступалъ. Но зачѣмъ же я такъ настойчиво пробивалъ себѣ туда дорогу? Затѣмъ, что, во-первыхъ, драматическія вещи лучше всего оплачиваются, а безъ денегъ, вѣдь, не проживешь, а во-вторыхъ—сцена могущественная каѳедра, съ которой, какъ говоритъ Карлъ Баггеръ, «провозглашаютъ сотнямъ людей то, что едва-ли прочтутъ и десятки»... Цензоромъ поступавшихъ въ дирекцію пьесъ былъ, какъ уже сказано, Мольбекъ—цензоромъ суровымъ и «широкописательнымъ». Лучшую характеристику его могутъ дать исписанныя имъ цензурныя книги съ отчетами объ отвергнутыхъ и поставленныхъ пьесахъ. А прочитавъ его журнальныя статьи, писанныя имъ уже въ то время, когда онъ пересталъ быть директоромъ и цензоромъ, и замѣнившій его Гейбергъ забраковалъ пьесу его сына, прочитавъ эти сѣтованія и увѣщеванія быть снисходительнымъ къ молодымъ талантамъ, невольно скажешь: да вотъ все это не худо было бы имѣть въ виду ему самому, когда власть была въ его рукахъ! Я уже примирился съ тѣмъ, что Мольбекъ постоянно браковалъ мои пьесы; ну, и пусть бы себѣ браковалъ, да держался бы при этомъ общепринятаго и, пожалуй, единственнаго вѣрнаго со стороны дирекціи пріема: кратко объявлять автору отвергнутой пьесы, что она «не подходитъ». А мнѣ разъ было прислано длиннѣйшее письмо, разумѣется, продиктованное никѣмъ инымъ, какъ Мольбекомъ, и чисто «изъ любви къ искусству»; это онъ пользовался случаемъ наговорить мнѣ непріятностей. И вотъ, чтобы видѣть свои пьесы на сценѣ, мнѣ не оставалось ничего другого, какъ отдавать ихъ актерамъ для лѣтнихъ спектаклей. Имѣя въ виду прекрасную декорацію, написанную для водевиля Герца «*Бѣгство въ Спрогё*», неимѣвшаго успѣха, я лѣтомъ 1839 г. написалъ водевиль «*Невидимка въ Спрогё*». Веселая шаловливая вещица понравилась актерамъ, сдѣлалась излюбленной пьесой публики, и это заставило дирекцію включить ее въ постоянный репертуаръ. Пьеска выдержала такое число представленій, о какомъ я и не мечталъ, но такой успѣхъ ничуть не увеличилъ моихъ успѣховъ у дирекціи; она продолжала, къ величайшей моей

досадѣ, браковать мои пьесы одну за другою. Въ это время мое воображеніе было сильно поражено небольшимъ французскимъ разсказомъ «Les épaves», и я задумалъ написать на его сюжетъ драму въ стихахъ; я надѣялся при этомъ доказать свою способность тщательно обработывать данный матеріалъ, способность, которую такъ часто отрицали во мнѣ. Правда, сюжетъ, богатый драматическими положеніями, былъ заимствованъ мною изъ чужого произведенія, но я такъ перевилъ его зелеными гирляндами моей собственной лирики, что выходило, какъ будто бы онъ выросъ въ саду моего собственнаго воображенія. Словомъ, чужой сюжетъ вошелъ, какъ говорится, въ мою плоть и кровь, я пересоздалъ его въ себѣ и тогда только выпустилъ его въ свѣтъ. «Ну, ужъ теперь-то не скажутъ, какъ бывало про мои передѣлки въ либретто романовъ Вальтера Скотта, что я «только перекраиваю» или «калѣчу» чужія произведенія!»—думалъ я. Драма была написана, я прочелъ ее кое-кому изъ своихъ старѣйшихъ друзей и компетентныхъ лицъ, и она имъ очень понравилась. Затѣмъ я познакомилъ съ нею нѣкоторыхъ артистовъ королевскаго театра; эти также очень заинтересовались пьесой, особенно Гольстъ, которому я предназначалъ главную роль. Онъ вообще всегда относился ко мнѣ и моимъ трудамъ въ высшей степени внимательно и доброжелательно, за что я и считаю долгомъ принести ему здѣсь свою признательность.

Зато одинъ изъ высшихъ сановниковъ, прибывшій изъ Вестъ-Индіи, высказался въ пріемной короля Фредерика VI противъ моей драмы. Онъ слышалъ о ея содержаніи и находилъ, что ее не слѣдуетъ ставить на королевской сценѣ,—это можетъ весьма пагубно отозваться на черныхъ въ нашихъ Вестъ-Индскихъ владѣніяхъ! «Да, вѣдь, ее и не собираются давать въ Вестъ-Индскихъ владѣніяхъ!» возразили ему.

Драма была представлена дирекціи и, конечно, забракована Мольбекомъ. Но публикѣ уже хорошо было извѣстно, что облюбованныя имъ для сцены пьесы очень часто оказывались никуда не годными, а забракованныя—наоборотъ. Такимъ образомъ его veto не могло принести особаго вреда—и то утѣшеніе! За мою драму вступился вице-директоръ театра Адлеръ, человѣкъ справедливый и обладавшій вкусомъ. Благодаря ему, а также общему благопріятному мнѣнію о моей пьесѣ, распространенному среди публики компетентными лицами, которыя уже слышали ее въ чтеніи, пьесу послѣ многихъ разговоровъ рѣшили принять. Но до окончательнаго рѣшенія дирекціи, произошелъ еще одинъ курьезный и характерный эпизодъ.

Одно высокопоставленное лицо,—человѣкъ очень хорошій, но плохой знатокъ искусствъ, голосъ котораго, имѣлъ однако рѣшающее вліяніе—заявило мнѣ, что обо мнѣ вообще самаго хорошаго мнѣнія, но самой пьесы не знаетъ. «Конечно, за нее стоятъ многіе, но Мольбекъ написалъ противъ нея цѣлую статью. Да и кромѣ того, сюжетъ пьесы почерпнутъ изъ чужого

романа. А., вѣдь, вы сами пишете романы, почему же вы сами не придумали темы для своей драмы? Наконецъ, я долженъ вамъ сказать. что писать романы—одно, а писать комедіи—другое! Тутъ нужны сценическіе эффекты. А въ вашемъ «*Мулатѣ*» есть хоть одна эффектная сцена, притомъ — не избитая?» Я постарался проникнуться взглядами и понятіями вопрошавшаго и отвѣтилъ: «Тамъ есть сцена бала!» «Балъ; это отлично. но балъ имѣется также въ «*Ламмермурской невѣстѣ*». Нѣтъ ли чего-нибудь новенькаго?» «Есть невольничій рынокъ!» сказалъ я. «Ахъ, вотъ это ново! Невольничьяго рынка у насъ еще не было! Да, да это дѣйствительно «нѣчто»! Я буду справедливъ къ вамъ! Невольничій рынокъ мнѣ очень нравится!» И я думаю, что невольничьему рынку пьеса и была обязана своей постановкой.

За два дня до перваго представленія пьесы я имѣлъ честь читать ее принцу, нынѣ королю Христіану и его супругѣ, оказавшимъ мнѣ самый милостивый пріемъ.

Но вотъ насталъ и самый день представленія, 3-е Декабря. Афиши были вывѣшены еще наканунѣ; я не спалъ всю ночь отъ волненія. Съ ранняго утра у дверей театра стоялъ цѣлый хвостъ публики, явившейся за билетами. И вдругъ, по городу полетѣли эстафеты, на улицахъ стали скопляться толпы народа; лица у всѣхъ были грустно-серьезны,—разнеслась вѣсть о кончинѣ короля Фредерика VI. Съ балкона Амаліенборгскаго дворца было провозглашено восшествіе на престолъ Христіана VIII, на площади загремѣло ура. Городскія ворота были закрыты; войска подводили къ присягѣ.

Театръ былъ открытъ лишь два мѣсяца спустя, и въ первое представленіе шла моя драма. Она была прекрасно разыграна и имѣла шумный успѣхъ, но я еще не могъ хорошенько радоваться этому, — я чувствовалъ только, что съ плечъ моихъ свалилась гора, и мнѣ стало легче дышать. Съ такимъ же успѣхомъ пьеса выдержала и цѣлый рядъ представленій. Многіе ставили эту драму выше всего написаннаго мною и полагали, что она знаменуетъ начало эпохи истиннаго поэтическаго творчества моего. Всѣ мои прежніе произведенія были признаны незначительными въ сравненіи съ «*Мулатомъ*», словомъ, на долю этой драмы выпало столько похвалъ, сколько не выпадало еще ни одному изъ моихъ трудовъ кромѣ перваго, «*Прогулки на Амагеръ*». Драма скоро была переведена на шведскій языкъ и съ большимъ успѣхомъ поставлена на сценѣ Стокгольмскаго королевскаго театра; разъѣзжающія по провинціямъ труппы давали ее въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ страны, а товарищество датскихъ артистовъ сыграло ее по-датски въ городѣ Мальмё, и присутствовавшая на представленіи масса студентовъ изъ Лунда приняла пьесу восторженно. Съ той стороны Зунда полетѣли ко мнѣ дружескія привѣтствія въ стихахъ и прозѣ.

Какъ разъ за недѣлю до упомянутаго представленія въ Мальмё, я на-

ходился въ гостяхъ у барона Врангеля въ Сконіи; наши сосѣди-шведы приняли меня такъ радушно, такъ сердечно, что воспоминаніе объ этомъ никогда не изгладится изъ моей памяти. Въ Швеціи же удостоился я и перваго публичнаго чествованія, которое также произвело на меня глубокое неизгладимое впечатлѣніе. Лундскіе студенты пригласили меня въ свой старый университетскій городъ и задали мнѣ обѣдъ. Было произнесено много рѣчей, провозглашено много тостовъ, а вечеромъ рѣшено было чествовать меня серенадой. Узнавъ объ этомъ въ одномъ семействѣ, гдѣ я находился въ гостяхъ, я пришелъ въ неописанное волненіе, перешедшее затѣмъ въ настоящую лихорадку, когда я увидалъ въ окно густую толпу студентовъ, въ голубыхъ шапочкахъ, направлявшуюся къ дому. Я чувствовалъ себя такимъ ничтожнымъ, такимъ недостойнымъ этого чествованія, что оно просто подавляло, уничтожало меня! Пришлось затѣмъ выдти къ нимъ; всѣ обнажили головы. Я едва-едва удерживался отъ слезъ. Но продолжая сознавать насколько я былъ недостоинъ такой чести, я невольно искалъ на лицахъ окружающихъ иронической улыбки. Но, слава Богу, я видѣлъ вокругъ себя одни привѣтливыя восторженныя лица, а то подобная улыбка въ такую минуту нанесла бы мнѣ глубочайшую рану. Прогремѣло ура, и одинъ изъ студентовъ обратился ко мнѣ съ рѣчью; особенно живо запечатлѣлись у меня въ памяти слова: «Когда васъ станутъ чествовать на родинѣ и въ другихъ странахъ Европы, вспомните, что первыми чествовали васъ Лундскіе студенты». Въ такія минуты не взвѣшиваешь своихъ словъ, и я сказалъ имъ въ отвѣтъ, что отнынѣ всѣми силами буду стараться прославить свое имя, чтобы оправдать это чествованіе. Затѣмъ я пожалъ руки ближайшимъ, поблагодарилъ ихъ такъ горячо и сердечно, какъ только могъ и, вернувшись назадъ въ комнату, забился въ уголъ, чтобы выплакаться. «Ну, полно! Не думайте больше объ этомъ! Давайте веселиться!» уговаривали меня мои шведскіе друзья. Да, имъ-то было весело, но въ моей душѣ это событіе затронуло самыя серьезныя струны. Часто вспоминалъ я объ этомъ вечерѣ и надѣюсь, что ни одна честная душа не сочтетъ съ моей стороны проявленіемъ тщеславія то, что я такъ подробно разсказываю о немъ; скорѣе же это событіе выжгло изъ моей души всѣ зародыши высокомѣрія и тщеславія. Черезъ недѣлю должно было состояться въ Мальмё первое представленіе «*Мулата*»; Лундскіе студенты рѣшили отправиться на это представленіе, а я, чтобы не присутствовать на немъ, поспѣшилъ своимъ отъѣздомъ изъ Швеціи. Съ искреннею признательностью и живѣйшимъ удовольствіемъ всегда вспоминалъ я старый университетскій городъ, но ни разу больше не заѣзжалъ туда. Молодые восторженные чествователи мои разбрелись теперь по всей странѣ; пусть-же дойдетъ до нихъ мой привѣтъ и спасибо за эти незабвенныя минуты!

Шведскія газеты отозвались обо мнѣ съ похвалами, и датская газета «*День*» отъ 30 Апрѣля 1840 г. перепечатала отзывъ шведской «*Malmö nya*

Allehanda» объ А., удостоившемся самаго лестнаго для него и всей датской націи пріема со стороны Лундскихъ студентовъ.» Вотъ что говорилось въ шведской газетѣ:

«Мы хорошо знаемъ, сколько хриплыхъ завистливыхъ и пристрастныхъ голосовъ раздается въ столицѣ дружественной намъ и сосѣдней страны противъ одного изъ ея достойнѣйшихъ сыновъ. Но теперь пора имъ замолкнуть: вся Европа кладетъ на чашку вѣсовъ свое мнѣніе, а имъ никогда еще не пренебрегали. Андерсенъ, какъ поэтъ, принадлежитъ не одной Даніи, но всей Европѣ, и мы надѣемся, что чествованіе его шведскою молодежью, поспособствуетъ притупленію жалъ мелочности и завистливости, посредствомъ которыхъ на его собственной родинѣ стараются превратить его лавровый вѣнокъ въ терновый. Посылаемъ нашему дорогому поэту сердечный привѣтъ и увѣреніе, что онъ всегда встрѣтитъ въ нашемъ отечествѣ, старой Швеціи, истинное признаніе его таланта и дружественную привязанность.»

Вернувшись въ Копенгагенъ, я былъ обрадованъ проявленіями искренняго участія и радости за меня со стороны нѣкоторыхъ изъ моихъ старѣйшихъ испытанныхъ друзей; я видѣлъ даже слезы на ихъ глазахъ. Особенно же радовало ихъ, по ихъ собственнымъ словамъ, мое отношеніе къ оказаннымъ мнѣ почестямъ. А какъ же я могъ относиться къ нимъ иначе? Я только радостно благодарилъ за нихъ Бога и смиренно просилъ Его помочь мнѣ сдѣлаться воистину достойнымъ ихъ.

Нѣкоторые, впрочемъ, подсмѣивались надъ энтузіазмомъ моихъ чествователей и не прочь были повернуть все въ смѣшную сторону. Такъ Гейбергъ разъ иронически сказалъ мнѣ: «Надо будетъ попросить васъ сопровождать меня въ Швецію, когда я соберусь туда! Авось тогда и на мою долю выпадетъ малая толика такихъ чествованій!» Мнѣ эта шутка не понравилась, и я отвѣтилъ: «Пусть васъ сопровождаетъ ваша жена, тогда вы добьетесь ихъ еще легче.»

Изъ Швеціи доносились только восторженныя похвалы «*Мулату*», но у насъ тамъ и сямъ начинали уже раздаваться голоса противъ него. Сюжетъ былъ, вѣдь, заимствованъ мною; почему же я не указалъ на источникъ въ печатномъ изданіи моей драмы? А вотъ почему. Я написалъ нужную замѣтку на послѣдней страницѣ рукописи, но въ наборѣ оказалось, что самая драма занимаетъ какъ разъ весь послѣдній листъ до послѣдней страницы; изъ типографіи и спросили меня: нельзя-ли вовсе опустить эту замѣтку? Я посовѣтовался съ однимъ изъ нашихъ писателей, и онъ нашелъ, что замѣтка излишня, такъ какъ разсказъ «*Les épaves*» достаточно извѣстенъ. Кромѣ того, и самъ Гейбергъ, обработавъ въ драматическую поэму «*Эльфовъ*» Тика, ни словомъ не упомянулъ о своемъ богатомъ источникѣ. Но вотъ, теперь принялись за меня. Французскій разсказъ былъ внимательно перечитанъ, сли-

ченъ съ моей драмой, переведенъ на датскій языкъ и доставленъ издателю «*Портфеля*» съ настоятельнымъ требованіемъ напечатать его. Редакторъ снесся сначала со мною, и я, конечно, самъ попросилъ его напечатать разсказъ. Драма моя шла все съ тѣмъ же успѣхомъ, но теперь критика стала, ссылаясь на французскій разсказъ, умалять значеніе моего труда. Между тѣмъ, тѣ черезчуръ горячія похвалы, которыя уже стяжала себѣ моя пьеса, сдѣлали меня особенно чувствительнымъ къ такому несправедливому, по моему, суду критики. И я тѣмъ менѣе могъ примириться съ нимъ, что, какъ я понималъ, онъ былъ вызванъ скорѣе всего желаньемъ насолить мнѣ, опять втоптать меня въ болото писательской посредственности, а вовсе не интересами искусства.

Впрочемъ, моя душевная упругость помогала мнѣ скоро отдѣлываться отъ непріятныхъ впечатлѣній, и какъ разъ въ это время у меня явилась идея «*Картинокъ-невидимокъ*». Я привелъ ее въ исполненіе, и вышла маленькая книжка, которая, однако, изо всѣхъ моихъ книгъ, включая сюда даже сказки, имѣла наибольшій успѣхъ за-границею и получила невѣроятно широкое распространеніе.

Одинъ изъ критиковъ, первый высказавшійся о ней, писалъ: «Многія изъ этихъ картинокъ представляютъ матеріалъ для разсказовъ и новеллъ, а человѣкъ съ богатой фантазіей найдетъ въ нихъ матеріалъ даже для романовъ.» И дѣйствительно впослѣдствіи вышелъ романъ талантливой г-жи Гёренъ «*Die Adoptivtochter*» («Воспитанница»), сюжетъ котораго она, по собственному признанію, почерпнула изъ третьяго вечера моихъ «*Картинокъ-невидимокъ*».

Въ Швеціи не замедлилъ появиться переводъ этой книжки; въ ней только былъ прибавленъ одинъ вечеръ, которымъ переводъ посвящался мнѣ. У насъ же въ Даніи она не обратила на себя особеннаго вниманія, и, насколько мнѣ помнится, одинъ Сисбю, редакторъ «*Утренняго Копенгагенскаго Листка*», посвятилъ ей нѣсколько сочувственныхъ строкъ.

Въ Англіи появилось нѣсколько переводовъ, и англійская критика превозносила мою книжечку, называя ее «*Иліадой въ орѣховой скорлупѣ*»! Затѣмъ я получилъ изъ Англіи пробный листъ роскошнаго изданія этой книжки; бѣда только, что ее, какъ позже и въ Германіи, издали—съ картинками!

А у насъ зато все продолжали интересоваться «*Мулатомъ*», только съ иной стороны, упирая главнымъ образомъ на то, что сюжетъ его заимствованъ. Но, вѣдь, и Эленшлегеръ заимствовалъ сюжетъ для своего «*Алладина*» изъ «*Тысячи и одной ночи*», и Гейбергъ сюжетъ для своихъ «*Эльфовъ*» изъ сказокъ Тика, но объ этомъ не говорили: Тика мало кто зналъ, да и Гейберга критиковать тогда не полагалось.

Вѣчныя напоминанія о томъ, что я не способенъ самъ придумать сюжета для своихъ произведеній, заставили меня задаться этою задачею, и я на-

писалъ трагедію «*Мавританка*». Ею я имѣлъ въ виду заставить замолчать упомянутыхъ недоброжелателей моихъ и, наконецъ, завоевать себѣ мѣсто среди писателей драматурговъ. Кромѣ того, я надѣялся, что доходъ съ этой пьесы въ соединеніи съ скопленной мною небольшою суммою изъ гонорара за «*Мулата*» доставитъ мнѣ возможность еще разъ съѣздить за границу и побывать не только опять въ Италіи, но и въ Греціи и въ Турціи. Мое первое путешествіе имѣло, вѣдь, такія благія послѣдствія для моего духовнаго развитія; это было признано всѣми, да я и самъ сознавалъ, что жизнь и природа—лучшая школа для меня. Я сгоралъ отъ желанія путешествовать, жаждалъ побольше узнать изъ великой книги природы, узнать побольше людей. Душой и сердцемъ я былъ еще совсѣмъ юнъ.

Но Гейбергу, бывшему тогда директоромъ-цензоромъ, «*Мавританка*» не понравилась; онъ вообще не сочувствовалъ всей моей дѣятельности, какъ драматурга. Жена же его, которой я предназначилъ главную роль, прямо отказалась участвовать въ пьесѣ. Между тѣмъ я зналъ, что безъ ея участія пьеса не будетъ имѣть успѣха, публика не станетъ ходить смотрѣть ее, а тогда и прощай моя надежда па путешествіе! Я и высказалъ все это г-жѣ Гейбергъ, стараясь склонить ее перемѣнить свое рѣшеніе и не подозрѣвая, что она поступала такъ изъ высшихъ соображеній; она отказала мнѣ и не особенно деликатно. Я былъ глубоко уязвленъ и не утерпѣлъ, чтобы не посѣтовать на нее въ разговорахъ съ разными лицами. Можетъ быть, сѣтованія эти были переданы иначе, а можетъ быть, самый тотъ фактъ, что я осмѣлился сѣтовать на любимицу публики, показался Гейбергу такимъ преступленіемъ, что онъ съ тѣхъ поръ въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ (теперь, я надѣюсь, дѣло обстоитъ иначе) оставался моимъ постояннымъ противникомъ. Разумѣется, онъ преслѣдовалъ меня только въ мелочахъ, — настоящимъ, достойнымъ противникомъ себѣ онъ меня, вѣдь, не признавалъ. Свое неудовольствіе на меня онъ далъ мнѣ почувствовать весьма скоро. Г-жа Гейбергъ, напротивъ, никогда. И если я здѣсь и высказалъ, что она однажды огорчила меня, то считаю своимъ долгомъ, во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній, тутъ-же высказать, что всегда относился къ ней съ живѣйшей симпатіей, считалъ ее артисткой первой величины, которая могла бы стяжать себѣ европейскую извѣстность, будь датскій языкъ столь-же распространенъ, какъ нѣмецкій или французскій. Впослѣдствіи я научился цѣнить въ ней и прекрасную и благороднѣйшую женщину, относившуюся ко мнѣ съ сердечнымъ участіемъ. Но возвращусь къ моему тогдашнему настроенію. Несправедливое отношеніе ко мнѣ и всѣ передряги съ пьесой такъ сильно подѣйствовали на меня, что я чуть не захворалъ. Силъ моихъ больше не было, я махнулъ рукой на свою пьесу и думалъ только объ одномъ, какъ бы поскорѣе выбраться отсюда. Многіе на моемъ мѣстѣ дѣйствительно заболѣли бы или же разразились бы громами, — послѣднее было бы умнѣе.

Самое же лучшее было убраться отсюда, и всѣ мои друзья совѣтовали мнѣ это.

«Соберитесь съ духомъ и поскорѣе уѣзжайте отъ всѣхъ этихъ передрягъ!» писалъ мнѣ изъ Нюсё Торвальдсенъ. «Уѣзжайте съ Богомъ!» говорилъ мнѣ одинъ добрый другъ, чувствовавшій, какъ я страдаю. Эрстедъ и Коллинъ тоже укрѣпляли меня въ моемъ намѣреніи уѣхать, а Эленшлегеръ даже прислалъ мнѣ прощальное напутствіе въ стихахъ. Передъ отъѣздомъ молодые студенты и кое-кто изъ старѣйшихъ друзей моихъ, въ томъ числѣ издатель мой Рейцель, Іонасъ Коллинъ, Эленшлегеръ и Эрстедъ, дали мнѣ прощальный обѣдъ. Въ сочувствіи и сердечномъ расположеніи ко мнѣ этихъ друзей я и нашелъ себѣ нѣкоторое утѣшеніе; мнѣ не такъ уже грустно стало покидать родину. Уѣхалъ я въ Октябрѣ 1840 г., намѣреваясь вторично посѣтить Италію, а оттуда проѣхать въ Грецію и въ Константинополь. Впечатлѣнія этого путешествія переданы мною въ «*Базаръ поэта*».

Передъ началомъ самаго путешествія, я провелъ нѣсколько дней въ Голштиніи, въ имѣніи у графа Ранцау Брейтенбурга, впервые наслаждаясь богатой голштинскою природою, ея степями и полями.

Отъ Магдебурга до Лейпцига только что была проведена желѣзная дорога, и мнѣ предстояло въ первый разъ увидѣть ее и испытать ѣзду по ней. Въ «*Базаръ поэта*» я попытался передать сильное впечатлѣніе произведенное на меня этою поѣздкою-полетомъ.

Въ Лейпцигѣ жилъ тогда Мендельсонъ-Бартольди; я долженъ былъ навѣстить его. За годъ передъ тѣмъ дочь Коллина и мужъ ея Древсенъ привезли мнѣ поклонъ отъ Мендельсона, съ которымъ встрѣтились на пароходѣ на Рейнѣ. Узнавъ о присутствіи на пароходѣ знаменитаго и столь любимаго ими композитора, они заговорили съ нимъ, а онъ, услышавъ, что они датчане, первымъ долгомъ спросилъ, не знаютъ ли они поэта Андерсена. «Онъ все равно что братъ мой!» отвѣтила г-жа Древсенъ, и найдена была общая тэма для разговора. М. сказалъ, что ему во время его болѣзни читали вслухъ романъ «*Только скрипачъ*», который ему чрезвычайно понравился и пробудилъ въ немъ интересъ къ самому писателю. Вотъ онъ и попросилъ ихъ передать мнѣ его сердечный привѣтъ и приглашеніе непремѣнно побывать у него, когда мнѣ случится проѣзжать черезъ Лейпцигъ. Теперь я пріѣхалъ сюда, но лишь на одинъ день, поэтому я немедленно пустился разыскивать Мендельсона. Онъ былъ на репетиціи въ «Gewandhaus». Я не назвалъ своего имени, а просто велѣлъ сказать ему, что его непремѣнно желаетъ видѣть одинъ пріѣзжій иностранецъ. Онъ вышелъ сердитый, такъ какъ его оторвали отъ занятій. «У меня очень мало времени, и я собственно совсѣмъ не могу здѣсь бесѣдовать съ иностранцами!» сказалъ онъ мнѣ. «Вы приглашали меня побывать у васъ, и я не могъ проѣхать черезъ вашъ городъ, не посѣтивъ васъ!» отвѣтилъ я. «Андерсенъ!» воскликнулъ онъ. «Такъ это

вы!» и лицо его все просіяло. Онъ обнялъ меня, повелъ меня въ залъ и оставилъ слушать репетицію седьмой сонаты Бетховена. Мендельсонъ непремѣнно желалъ оставить меня у себя обѣдать, но я былъ уже приглашенъ къ своему старому другу Брокгаузу, а сейчасъ же послѣ обѣда отходилъ дилижансъ, съ которымъ я долженъ былъ отправиться въ Нюрнбергъ. Тогда Мендельсонъ взялъ съ меня слово провести у него нѣсколько дней на возвратномъ пути, что я и сдѣлалъ.

Въ Нюрнбергѣ я въ первый разъ увидалъ дагерротипные снимки; говорили, что ихъ снимаютъ въ десять минутъ, и это показалось мнѣ настоящимъ чудомъ; въ то время искусство это только что было открыто, и ему далеко еще было до того развитія, какого оно достигло въ наши дни. Дагерротипъ и желѣзная дорога—вотъ съ какими двумя важными изобрѣтеніями познакомился я въ это путешествіе. Изъ Нюрнберга я помчался по желѣзной дорогѣ въ Мюнхенъ къ старымъ друзьямъ и знакомымъ. Здѣсь я провелъ около двухъ недѣль, и если земляки мои не особенно интересовались мною, то я съ лихвой вознагражденъ былъ здѣсь вниманіемъ иностранцевъ. «*Импровизаторъ*» и «*Только скрипачъ*» были извѣстны многимъ; знаменитый портретистъ Штилеръ отыскалъ меня, открылъ мнѣ двери своего дома, и я встрѣтился у него съ Корнеліусомъ, Лахнеромъ и Шеллингомъ, котораго уже зналъ. Скоро у меня образовался порядочный кругъ знакомства. Директоръ Мюнхенскаго театра, узнавъ о моемъ пребываніи здѣсь, предоставилъ мнѣ постоянное мѣсто въ партерѣ, рядомъ съ Тальбергомъ. Познакомился я здѣсь также съ знаменитымъ живописцемъ Каульбахомъ, котораго другіе художники ставили тогда такъ низко. Я видѣлъ у него картоны «*Разрушенія Іерусалима*», эскизы для «*Битвы Гунновъ*» и чудные рисунки къ «*Рейнике Лису*» и «*Фаусту*».

2-го Декабря я уѣхалъ изъ Мюнхена и черезъ Тироль направился въ Италію, страну моихъ грезъ и пламенныхъ желаній. Итакъ, мнѣ суждено было увидѣть ее опять, вопреки ожиданіямъ моихъ земляковъ, говорившихъ, что «другой такой случай мнѣ врядъ-ли представится».

19-го Декабря я былъ въ Римѣ и нашелъ себѣ хорошее помѣщеніе въ улицѣ Пурификачіоне. Опять начались мои странствія по церквамъ и картиннымъ галлереямъ, снова свидѣлся я съ старыми друзьями и еще разъ провелъ въ Римѣ сочельникъ, но уже не такой веселый, какъ въ первый разъ. Насталъ и карнавалъ съ праздникомъ «мокколи», но на этотъ разъ все было уже не то. И самъ я чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, и въ воздухѣ висѣла какая-то тяжесть, не было той свѣжести, мягкости, какими я наслаждался въ первый свой пріѣздъ. Земля дрожала, Тибръ разлился по улицамъ, по которымъ плавали въ лодкахъ, лихорадка уносила множество жертвъ. Князь Боргезе въ теченіи нѣсколькихъ дней потерялъ жену и троихъ сыновей. Погода стояла отвратительная, и много вечеровъ провелъ я дома въ своей

огромной пустынной комнатѣ, гдѣ дуло изъ оконъ и изъ дверей. Въ каминѣ шипѣли вѣточки, одинъ мой бокъ поджаривался у огня, а другой мерзъ. Приходилось кутаться въ плащъ, надѣвать въ комнатѣ теплые сапоги, а ко всему этому меня цѣлыя недѣли донимала по ночамъ зубная боль. Всѣ эти свои злоключенія я и постарался описать въ сказкѣ-шуткѣ «*Мои сапоги.*» *)

Незадолго до карнавала пріѣхалъ въ Римъ землякъ мой, поэтъ Гольстъ. Пріѣздъ его былъ для меня истымъ счастьемъ; я нуждался въ добромъ участливомъ товарищѣ, такъ какъ былъ боленъ и душой и тѣломъ. Такое болѣзненное настроеніе часто заставляетъ всплывать со дна души старыя горькія воспоминанія... Вотъ одно изъ стихотвореній, которое вылилось у меня въ подобную тяжелую минуту:

Ей сердце и душу я отдалъ на вѣкъ,—
Она лишь сказала: «Добрякъ человѣкъ!»
Увы! Красотой я не вышелъ!

Въ минуту тяжелую другъ мой собралъ
Житейскаго яда всѣ капли въ бокалъ
И подалъ мнѣ: «Пей на здоровье!»

Стихи мои прямо изъ сердца лились,
Но умные критики живо нашлись:
«Ахъ, все перепѣвы изъ Гейне!»

Потомъ стали приходить письма изъ Даніи—почти въ такомъ же родѣ, какъ и тѣ, что я получалъ въ первое свое пребываніе въ Римѣ. Вѣсти были все невеселыя. «*Мавританка*» шла нѣсколько разъ, но какъ я и предвидѣлъ, за отказомъ отъ главной роли г-жи Гейбергъ, не дѣлала сборовъ и скоро была снята съ репертуара. Одному изъ моихъ земляковъ даже писали, что «*Мавританку*» освистали, чего не было на самомъ дѣлѣ. Но прежде чѣмъ я успѣлъ узнать правду, непріятное извѣстіе уже сдѣлало свое дѣло,—разстроило меня. Впослѣдствіи оказалось, что пьеса была принята хорошо, но только, какъ уже упомянуто, не дѣлала сборовъ. Г-жа Гольстъ, исполнявшая главную роль, играла прекрасно и тепло, музыка, написанная къ пьесѣ Гартманомъ, была весьма характерна, но обставлена пьеса была изъ рукъ вонъ плохо.

Хуже же всего было дошедшее до меня отъ друзей извѣстіе, что Гейбергъ опять добрался до меня и въ своемъ послѣднемъ произведеніи «*En Sjæl efter Döden*» *(Душа послѣ смерти)*, которое теперь занимало всю Данію, «поднялъ меня на смѣхъ». Извѣстіе это тѣмъ больше мучило меня, что мнѣ не сообщили содержанія и сущности направленной на меня сатиры. Я зналъ только, что меня «подняли на смѣхъ», а вѣдь, вдвойнѣ тяжело сознавать

*) См. Т. III стр. 369.

себя предметомъ насмѣшекъ и не знать даже, что́ именно въ насъ осмѣиваютъ.

Я прочелъ книгу Гейберга лишь по возвращеніи въ Копенгагенъ, и оказалось, что въ ней нѣтъ ровно ничего такого изъ-за чего мнѣ стоило бы особенно огорчаться. Гейбергъ только подшучивалъ надъ тѣмъ, что моя слава гремитъ отъ «Сконіи до Hundsrück'а» т. е. почти на такомъ же пространствѣ, которымъ ограничивались собственныя заграничныя экскурсіи Гейберга. Ему это не понравилось, онъ и отправилъ меня въ адъ! Самую поэму я нашелъ прекрасной и даже хотѣлъ было сейчасъ же высказать это въ письмѣ къ Гейбергу. Но «утро вечера мудренѣе», и на другое утро я раздумалъ, опасаясь, что онъ пойметъ меня какъ-нибудь не такъ.

Благодаря такому позднему разъясненію дѣла, мое вторичное пребываніе въ Римѣ, и безъ того вообще неудачное, было отравлено вконецъ, и я всей душой рвался поскорѣе уѣхать оттуда.

Въ Неаполѣ, куда я направился изъ Рима, было холодно; Везувій и всѣ горы кругомъ были покрыты снѣгомъ; меня продолжала трепать лихорадка; зубная боль не унималась и довела меня до нервнаго состоянія. Но я все-таки скрѣпился и поѣхалъ съ земляками въ Геркуланумъ; пока они бродили по отрытому городу, я, однако, сидѣлъ въ гостиницѣ,—у меня опять былъ пароксизмъ лихорадки. Затѣмъ мы хотѣли отправиться въ Помпею, да къ счастью перепутали поѣзда и пріѣхали назадъ въ Неаполь. Я вернулся уже окончательно больнымъ и, только благодаря немедленной помощи въ видѣ кровопусканія, на которомъ настоялъ мой заботливый хозяинъ, я избѣгъ смерти. Черезъ недѣлю я оправился и отплылъ на французскомъ военномъ кораблѣ «Леонидъ» въ Грецію. Съ берега насъ провожали криками «Evviva la gioia!» (Да здравствуетъ радость!) Да, если бы только поймать ее, эту радость!

Я какъ-то чувствовалъ, что теперь для меня должна начаться новая жизнь, такъ оно и случилось. Если это путешествіе и не отразилось цѣликомъ въ какомъ либо изъ позднѣйшихъ моихъ произведеній, то все же оно наложило отпечатокъ на все мое міровоззрѣніе и духовное развитіе. Я выѣхалъ изъ Неаполя 15 Марта, и мнѣ показалось, что теперь я какъ будто отрѣшился отъ всей моей европейской родины; на душѣ у меня было легко, между мною и всѣми горькими воспоминаніями какъ будто легла полоса забвенія; я опять былъ молодъ душой и тѣломъ, смѣло и увѣренно глядѣлъ впередъ.

Едва мы бросили якорь близъ Пирея, гдѣ должны были выдержать карантинъ, какъ съ берега приплыли къ кораблю на лодкѣ нѣсколько моихъ земляковъ и нѣмцевъ. Они узнали изъ «*Allgemeine Zeitung*» о моемъ прибытіи на этомъ кораблѣ и хотѣли сейчасъ-же привѣтствовать меня хоть издали. Когда же карантинъ съ насъ былъ снятъ, мои новые друзья увезли

меня въ Пирей, а оттуда мы покатили по оливковой рощѣ въ самые Афины, гдѣ я и провелъ мѣсяцъ.

Глазамъ моимъ открылась новая природа, напоминавшая швейцарскую; небо здѣсь было еще яснѣе, еще выше, чѣмъ въ Италіи; все производило на меня глубокое впечатлѣніе, будило серьезныя мысли. Передо мною какъ будто раскинулась арена міровой борьбы. Впечатлѣнія были такъ величественны и богаты, что передать ихъ въ какомъ-нибудь отдѣльномъ произведеніи было бы невозможно. Здѣсь, вѣдь, каждое высохшее русло рѣки, каждый холмъ, каждый камень говоритъ о великихъ событіяхъ,—какими мелкими, ничтожными кажутся здѣсь всѣ обыденныя житейскія невзгоды! Голова моя была такъ переполнена идеями и образами, что я не могъ написать ни строчки. Зато здѣсь мнѣ пришелъ въ голову сюжетъ, котораго я долго искалъ. Я давно хотѣлъ высказать въ какомъ-нибудь произведеніи одну мысль; мысль, что все божественное также обречено на борьбу земную, но презираемое и унижаемое вѣками оно въ концѣ концовъ всетаки торжествуетъ. Я возгорѣлся желаніемъ высказать эту мысль и нашелъ подходящій сюжетъ въ легендѣ о «*Вѣчномъ Жидѣ*». Благодаря вложенной въ это мое произведеніе идеѣ, оно должно было явиться совершенно непохожимъ на всѣ остальныя многочисленныя обработки того же сюжета. Идея эта занимала меня уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, но оформить ее мнѣ все не удавалось. Со мной происходило то же, что, говорятъ, часто бываетъ съ кладоискателями: вотъ-вотъ сейчасъ схватишь кладъ,—глядь, онъ ушелъ въ землю еще глубже! Я сталъ, наконецъ, отчаиваться въ томъ, что когда-нибудь справлюсь съ этой задачей, требующей пріобрѣтенія массы самыхъ разнообразныхъ познаній. И вотъ, я какъ разъ въ то время, когда критика, по обыкновенію, пѣла о моемъ невѣжествѣ и нежеланіи учиться, весьма прилежно учился. Но каждый, вѣдь, подразумѣваетъ подъ словомъ «учиться» свое. Такъ отъ одной поучавшей меня дамы я услышалъ однажды такой совѣтъ: «Вѣдь у васъ никакихъ познаніи по миѳологіи! Ни въ одномъ изъ вашихъ стихотвореній не является ни однаго бога, ни одной богини. Вамъ непремѣнно надо учиться миѳологіи! Читайте Корнеля и Расина!».

Наконецъ у меня накопилось довольно много подготовительнаго матеріала, и вотъ тутъ-то въ Афинахъ я и разобрался въ немъ и началъ своего «*Агасфера*». Скоро, впрочемъ, я отложилъ его въ сторону, но охота писать его у меня не проходила, и я утѣшался мыслью, что и съ дѣтьми творческаго генія бываетъ то же, что съ обыкновенными человѣческими дѣтьми: они ростутъ, пока спятъ.

21-го Апрѣля я отплылъ изъ Пирея въ Сиру, а оттуда на французскомъ кораблѣ «*Рамзесъ*» отправился въ Константинополь. Въ Архипелагѣ мы выдержали страшную бурю; я уже подумывалъ о кораблекрушеніи и смер-

ти, и когда окончательно проникнулся убѣжденіемъ въ ихъ неминуемости, мгновенно успокоился, легъ въ койку и заснулъ подъ стоны и вопли пассажировъ, смѣшанные съ скрипомъ и визгомъ снастей. Когда я проснулся, оказалось, что мы благополучно пріѣхали въ Смирнскую бухту. Передъ глазами моими лежала другая часть свѣта. Готовясь ступить на ея почву, я ощущалъ въ душѣ такое же благоговѣніе, съ какимъ переступалъ бывало ребенкомъ за ограду Одензейскаго кладбища. Я думалъ объ Іисусѣ Христѣ, ходившемъ по этой землѣ, о Гомерѣ, пѣвшемъ здѣсь свои безсмертныя пѣсни. Да, глядя на малоазійскій берегъ, я какъ будто внималъ проповѣди, подобной которой мнѣ не приходилось слышать въ стѣнахъ церкви.

Смирна имѣла издали очень величавый видъ, благодаря островерхимъ краснымъ крышамъ и минаретамъ; улицы же въ ней были такія же узенькія, какъ въ Венеціи; когда по нимъ пробѣгалъ страусъ или верблюдъ, пѣшеходы должны были спасаться въ отворенные двери домовъ.

Вечеромъ мы оставили Смирну. Надъ могилой Ахилла стояла только что народившаяся луна. Въ шесть часовъ утра мы вошли въ Дарданельскій проливъ.— —

Въ Константинополѣ я прекрасно провелъ одиннадцать дней. Мое обычное счастье туриста не покинуло меня и тутъ; какъ разъ во время моего пребыванія здѣсь праздновалось рожденіе Магомета. Я видѣлъ шествіе султана въ мечеть, войсковый парадъ, пестрыя, празднично разодѣтыя толпы народа, наполнявшія улицы, и блестящую иллюминацію вечеромъ. Всѣ минареты были унизаны огоньками; надо всѣмъ городомъ какъ будто повисла сѣть изъ разноцвѣтныхъ фонариковъ, сіявшихъ, какъ звѣздочки, всѣ корабли и лодки рѣзко выдѣлялись во мракѣ огненными контурами. Вечеръ былъ чудный, звѣздный; гора Олимпъ на малоазійскомъ берегу вся горѣла въ лучахъ заходящаго солнца; такой волшебной, фантастической картины я еще не видывалъ!

Вернуться домой мнѣ хотѣлось черезъ Черное море и Дунай, но часть Румеліи и Болгаріи была объята возстаніемъ, и говорили, что христіанъ убиваютъ тысячами.

Всѣ другіе туристы, товарищи мои по отелю, отказались отъ подобнаго плана путешествія и совѣтовали мнѣ послѣдовать ихъ примѣру—вернуться опять черезъ Грецію и Италію. Я колебался. Я не принадлежу къ храбрецамъ; мнѣ это часто говорили, да я и самъ сознаю это, но долженъ всетаки оговориться, что трушу обыкновенно въ пустякахъ. Когда же дѣло доходитъ до серьезнаго, во мнѣ просыпается настойчивость, воля, которая преодолѣваетъ все и чѣмъ дальше, тѣмъ крѣпнетъ все больше. Я дрожу, боюсь и въ то же время дѣлаю то, что признаю въ данную минуту должнымъ. И я полагаю, что если человѣкъ, трусливый отъ природы, дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы преодолѣть свою слабость, ему уже нечего стыдиться ея.

Итакъ, я не зналъ на что рѣшиться, фантазія рисовала мнѣ всевозможные ужасы, я провелъ тяжелую безсонную ночь, а утромъ пошелъ къ австрійскому уполномоченному, барону Штюрмеру, спросить его совѣта. Онъ полагалъ, что особеннаго риска нѣтъ, и я могу ѣхать, тѣмъ болѣе что тою же дорогою отправляются съ депешами въ Вѣну двое его земляковъ офицеровъ,— я могъ примкнуть къ нимъ. Съ этой минуты рѣшеніе мое было принято, и съ этой же минуты всякій страхъ и тревоги оставили меня; я препоручилъ себя Всевышнему и успокоился.

Четвертаго мая вечеромъ я сѣлъ на корабль, н мы поплыли по очаровательному Босфору. Во время пути видѣли мы и непогоду и туманы, цѣлый день простояли у города Костендже, близъ обвалившагося вала Траяна, а затѣмъ покатили въ большихъ плетеныхъ телегахъ, запряженныхъ бѣлыми волами, по пустынной равнинѣ, которую и проѣхали въ два дня. О безпорядкахъ въ странѣ мы услышали только приблизившись на пароходѣ къ Рущуку. На другой день мы увидѣли съ парохода покрытыя снѣгомъ Балканы; все пространство страны, находящееся между ими и нами было тоже объято мятежомъ; мы узнали объ этомъ слѣдующею ночью. Вооруженный татаринъ, везшій письмо изъ Виддина въ Константинополь, былъ пойманъ и убитъ; съ другимъ, кажется, было то же, а третьему какъ-то удалось спастись. Онъ спрятался въ придунайскихъ камышахъ и дождался нашего парохода. Видъ этого человѣка, въ одеждѣ изъ шкуръ, вывороченныхъ шерстью наружу и обвѣшаннаго съ головы до ногъ оружіемъ, былъ просто страшенъ. Онъ ѣхалъ съ нами почти цѣлый день. Въ Виддинѣ мы высадились, и насъ подвергли сильному обкуриванью, опасаясь, чтобы мы не занесли въ городъ чумной заразы изъ Константинополя. Губернаторъ Виддина, Гуссейнъ-паша, прислалъ намъ всѣ послѣдніе нумера «Allgemeine Zeitung», и мы уже изъ европейскаго источника узнали, въ какомъ положеніи находились дѣла страны.

Проѣхавъ по Сербіи, Румыніи, Венгріи и Австріи, я, наконецъ, добрался до Дрездена, а оттуда уже обычнымъ путемъ направился на родину.

Прибытіе мое въ Гамбургъ какъ разъ совпало съ большимъ музыкальнымъ фестиваломъ здѣсь, и я встрѣтилъ за табльд'отомъ много земляковъ. Я сидѣлъ рядомъ съ кѣмъ-то изъ друзей и разсказывалъ ему о прекрасной Греціи и роскошномъ востокѣ. Вдругъ одна изъ сосѣдокъ, пожилая дама изъ Копенгагена, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: «Ну, а видѣли-ли вы, господинъ Андерсенъ, въ своихъ далекихъ путешествіяхъ что нибудь красивѣе нашей маленькой Даніи?» «Конечно!» отвѣтилъ я. «И даже много красивѣе!» «Фи!» воскликнула она: «Вы не патріотъ!»

Черезъ Одензе мнѣ случилось проѣзжать какъ разъ во время ярмарки. «Какъ это мило съ вашей стороны!» сказала мнѣ одна почтенная тамошняя жительница. «Подогнать свою огромную поѣздку такъ, чтобы захватить здѣсь

ярмарку! Да, я всегда говорила, что вы любите Одензе!» Итакъ, здѣсь я оказывался патріотомъ.

Близъ Слагельсэ же произошла одна встрѣча, которая произвела на меня особенное впечатлѣніе. Живя въ Слагельсэ еще въ годы ученья моего, я каждый вечеръ видѣлъ, какъ почтенный пасторъ Бастгольмъ и его жена выходили изъ калитки своего сада на прогулку, шли по тропинкѣ черезъ поле, сворачивали на проѣзжую дорогу и возвращались домой. И вотъ теперь я возвращался назадъ на родину изъ путешествія по Греціи и по Турціи и, проѣзжая мимо Слагельсэ, увидѣлъ престарѣлую чету, совершающую ту-же обычную прогулку. Меня охватило какое-то странное чувство: они-то по прежнему изъ года въ годъ совершаютъ ежедневно все ту-же коротенькую прогулку, а я облетѣлъ за это время полъ-Европы! Какой контрастъ между моею и ихъ жизнью!

Въ серединѣ Августа я прибылъ въ Копенгагенъ и на этотъ разъ меня уже не мучили разные страхи, какъ въ первое мое возвращеніе домой изъ Италіи. Я отъ души радовался свиданію со всѣми дорогими, близкими мнѣ людьми, и у меня невольно вырвалось: «Первыя минуты по возвращеніи— букетъ всего путешествія!»

Вскорѣ вышедшій «*Базаръ поэта*» состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, подъ заглавіемъ: «*По Германіи*», «*По Италіи*», «*По Греціи*», и т. д. Отдѣльныя главы я посвятилъ лицамъ, имена которыхъ упоминались въ нихъ и къ которымъ я чувствовалъ искреннюю признательность и привязанность. Поэтъ, какъ птица, даетъ что у него есть — пѣсню; и я хотѣлъ отдарить пѣсnью каждаго изъ дорогихъ моему сердцу людей.

На родинѣ моего намѣренія, однако, не захотѣли понять и ухватились за эти посвященія, какъ за новое доказательство моего тщеславія,—мнѣ, дескать, непремѣнно хотѣлось связать свое имя съ именами извѣстныхъ лицъ, похвастаться дружбой съ ними! Книга, между тѣмъ, шла отлично, но настоящей критики на нее не появлялось. Отозвались о ней лишь нѣкоторыя газеты. Общее мнѣніе сводилось къ тому, что книга «слишкомъ богата содержаніемъ.» «Эту книгу слѣдовало бы разбить на болѣе мелкія главы, чтобы можно было усвоить ее себѣ постепенно!» сказалъ мнѣ одинъ умный, расчетливый писатель. «Тогда бы она выиграла!» Большинство же газетныхъ статей были по своей глупости и мелочной придирчивости просто жалки. На такихъ критиковъ собственно не стоило даже сердиться, но какъ бы ни былъ миролюбивъ человѣкъ, ему невольно хочется отхлестать мокрыхъ собакъ, забравшихся къ нему въ комнату и расположившихся въ самыхъ лучшихъ уголкахъ! Успѣху книги критики, впрочемъ, не помѣшали.

Позже появилось нѣсколько изданій ея въ нѣмецкомъ переводѣ, такъ же какъ и въ шведскомъ; особенно же изящно была издана она въ англійскомъ переводѣ, и англійская критика отозвалась о ней съ большимъ сочувствіемъ.

Экземпляръ этого изданія (съ моимъ портретомъ) въ изящномъ переплетѣ былъ посланъ издателемъ Ричардомъ Бентлэй королю Христіану VIII вмѣстѣ съ изданіями ранѣе появившихся переводовъ другихъ моихъ произведеній. Такія же изданія были присланы ему и изъ Германіи, и король порадовался тому успѣху, какимъ я пользовался за-границей. Высказывая свое удовольствіе по этому поводу Эрстеду и другимъ, онъ выразилъ также свое удивленіе совершенно противоположному отношенію ко мнѣ родной печати. Мнѣ было особенно отрадно услышать все это отъ Эрстеда, почти единственнаго человѣка изъ близкихъ мнѣ лицъ, который постоянно признавалъ во мнѣ поэтическія дарованія, ободрялъ меня и предсказывалъ, что рано или поздно талантъ мой признаютъ не только за-границей, но и на родинѣ. Мы часто вообще обсуждали съ нимъ вопросъ: чѣмъ собственно приходится объяснить такое отношеніе ко мнѣ со стороны моихъ земляковъ и сошлись на нѣсколькихъ наиболѣе бросающихся въ глаза причинахъ. Одною изъ нихъ приходилось признать мою прежнюю бѣдность и зависимое положеніе; земляки мои не могли забыть, какъ это вѣрно подмѣтили за-границей, что видѣли меня бѣднымъ мальчишкой. Другой причиной было, какъ это высказалъ мой біографъ въ «*Датскомъ Пантеонѣ*», мое неумѣніе пользоваться тѣми средствами, которыми ловко пользуются иногда другіе писатели, выѣзжающіе на дружбѣ съ нужными лицами. Затѣмъ причины слѣдовало искать въ личномъ неблаговоленіи ко мнѣ такого вліятельнаго органа печати, какъ «*Литературный Ежемѣсячникъ*» и глумленіи надо мною въ «*Письмахъ съ того свѣта*», положившихъ начало общей критической травлѣ меня. Наконецъ, косвенной причиной являлось вообще свойственная датчанамъ чуткость ко всему смѣшному, а ужъ такова была судьба моя, что я, благодаря неумѣлой услужливости нѣкоторыхъ доброжелательныхъ журналистовъ, часто являлся въ смѣшномъ свѣтѣ. Такъ одно время Одензейская газета постоянно величала меня: «Дитя нашего города» и то-и-дѣло сообщала обо мнѣ свѣдѣнія, которыя никоимъ образомъ не могли интересовать публику. Затѣмъ, часто выхватывали клочки изъ моихъ писемъ къ частнымъ лицамъ и печатали ихъ въ газетахъ, что опять выходило смѣшно. Такъ, напримѣръ, разъ я написалъ кому-то на родину, что видѣлъ въ Сикстинской капеллѣ королеву Христину, которая очень напомнила мнѣ наружностью жену нашего композитора Гартмана. Сообщеніе это сейчасъ же появилось въ одной Фіонской газетѣ, но редакція не пожелала называть имени частнаго лица, и вышло, что «королева Христина напомнила Андерсену извѣстную особу изъ Копенгагена!» Ну, какъ было не посмѣяться надъ этимъ! Да, мнѣ не разъ пришлось убѣдиться въ томъ, что неловкая услуга только вредитъ.

Съ тѣхъ поръ я боюсь вообще разговаривать съ легкомысленными редакторами газетъ, но не всегда удается избѣгнуть этого. Вотъ, напримѣръ, какъ я, безъ всякой вины съ моей стороны, опять былъ поднятъ на смѣхъ.

Случилось мнѣ на почтовой станціи въ Одензе полчаса подождать дилижанса; тамъ столкнулся со мной одинъ редакторъ и спросилъ: «Опять за границу?» «Нѣтъ!» отвѣтилъ я.—«И не подумываете?»—«Это зависитъ отъ того—будутъ-ли у меня деньги. Теперь я пишу одну вещь для театра. Будетъ она имѣть успѣхъ—тогда можно будетъ и подумать о путешествіи».—«А куда вы тогда направитесь?»—«Еще не знаю! Или въ Испанію, или въ Грецію!» И въ тотъ-же вечеръ въ газетѣ было напечатано приблизительно слѣдующее: «Г. Х. Андерсенъ работаетъ надъ новой вещью для театра и, если она будетъ имѣть успѣхъ, онъ поѣдетъ за границу въ Испанію или въ Грецію».

И эта замѣтка, разумѣется, подала поводъ къ смѣху, и одна копенгагенская газета совершенно вѣрно замѣтила, что о поѣздкѣ этой еще вилами на водѣ писано: сначала надо, чтобы самая вещь была написана, принята и имѣла успѣхъ, а тогда... да и тогда еще неизвѣстно, куда я поѣду: въ Испанію или въ Грецію! Надо мною смѣялись, а тотъ, надъ кѣмъ смѣются, всегда въ проигрышѣ. Я сдѣлался очень чувствительнымъ и щепетильнымъ и имѣлъ неосторожность не скрывать этого. Бываетъ, что ребятишки бросаютъ въ бѣдную собачонку, борющуюся въ теченіемъ, камнями, но вовсе не всегда изъ злобы, а скорѣе ради забавы; вотъ такъ же ради забавы потѣшались и надо мною. И никто не хотѣлъ заступиться за меня; я, вѣдь, не принадлежалъ ни къ какому кружку, ни къ какой партіи. Ну, вотъ, и приходилось терпѣть, а между тѣмъ и тогда уже говорили и писали, что я вращаюсь въ кружкахъ, состоящихъ изъ однихъ моихъ поклонниковъ. Вотъ какъ бываютъ иногда свѣдущи люди! Я пишу все это вовсе не въ видѣ жалобы; я отнюдь не желаю набросить малѣйшую тѣнь на людей, которыхъ искренно люблю; я, вѣдь, увѣренъ, что случись со мною настоящее несчастье, они-бы употребили всѣ усилія, чтобы спасти меня. Повторяю, въ ихъ участіи ко мнѣ я не сомнѣвался, но оно было иного рода нежели то, которое нужно поэту и въ которомъ такъ нуждался именно я. И самые близкіе изъ моихъ знакомыхъ не меньше самыхъ строгихъ моихъ критиковъ удивлялись необычайному успѣху моихъ трудовъ за-границею и громко высказывали свое удивленіе. Фредерика Бремеръ была очень поражена этимъ. Въ бытность ея въ Копенгагенѣ случилось намъ встрѣтиться съ нею въ гостяхъ въ одномъ домѣ, гдѣ меня, по общему мнѣнію, «черезчуръ баловали»; разсчитывая сообщить обществу нѣчто пріятное, она заговорила о «той необыкновенной любви, которою пользуется Андерсенъ въ Швеціи—отъ Сконіи до самаго сѣвера! Почти въ каждомъ домѣ вы найдете его сочиненія!»—«Ну, пожалуйста, не вскружите ему головы!» отвѣтили ей на это и въ серьезъ.

Много толкуютъ о томъ, что дворянство, благородное происхожденіе нынѣ не имѣетъ уже значенія, — все это одни пустые разговоры. Да-

ровитый студентъ, бѣднякъ, изъ простыхъ, рѣдко встрѣчаетъ въ такъ называемыхъ хорошихъ домахъ тотъ вѣжливый и радушный пріемъ, который оказываютъ разодѣтому дворянчику или сынку важнаго бюрократа. Примѣровъ я могъ-бы привести не мало, но удовольствуюсь однимъ—изъ собственной жизни. Именъ я называть не буду,—это безразлично; довольно знать, что дѣло идетъ о лицѣ, занимавшемъ весьма почетное положеніе.

Король Христіанъ VIII въ первый разъ по восшествіи на престолъ посѣтилъ театръ; шла какъ разъ моя драма «*Мулатъ*». Я сидѣлъ въ первыхъ рядахъ партера рядомъ съ Торвальдсеномъ, и онъ при паденіи занавѣса шепнулъ мнѣ: «Король вамъ кланяется!»—«Нѣтъ, это вѣрно вамъ!» отвѣтилъ я. «Не можетъ быть, чтобы мнѣ!» Затѣмъ я поглядѣлъ на королевскую ложу; король опять кивнулъ — именно мнѣ, но я чувствовалъ, что возможная ошибка съ моей стороны страшно отозвалась-бы потомъ на мнѣ, и поэтому остался сидѣть неподвижно. На другой день я отправился къ его величеству поблагодарить его за такую необыкновенную милость, и онъ посмѣялся тому, что я не сейчасъ же отвѣтилъ на нее. Спустя нѣсколько дней, въ Христіансоргскомъ дворцѣ предстоялъ балъ для представителей всѣхъ классовъ общества. Былъ приглашенъ и я.

«Что вамъ тамъ дѣлать?» спросилъ меня одинъ изъ нашихъ маститыхъ представителей науки, когда я заговорилъ въ его домѣ объ этомъ празднествѣ. «Что вамъ дѣлать въ подобномъ кругу?» повторилъ онъ. Я и отвѣть въ шутку: «Въ этомъ-то кругу я лучше всего и принятъ!»—«Но вы не принадлежите къ нему!» сказалъ онъ сердито. Мнѣ оставалось только и на это отвѣтить шуткой, какъ будто я нисколько и не былъ задѣтъ: «Что-жъ, если самъ король кланяется мнѣ изъ своей ложи въ театрѣ, то отчего-жь бы мнѣ и не появиться на балу у него!» —«Король кланялся вамъ изъ ложи!» воскликнулъ онъ. «Да, но и это еще не даетъ вамъ права лѣзть во дворецъ!»—«Но на этомъ балу будутъ люди и изъ того сословія, къ которому принадлежу я!» сказалъ я уже серьезнѣе: «Тамъ будутъ студенты!»—«Да, какіе?» спросилъ онъ. Я назвалъ одного молодого студента, родственника моего собесѣдника. «Еще-бы!» подхватилъ онъ: «Онъ, вѣдь, сынъ статскаго совѣтника! А вашъ отецъ кѣмъ былъ!» Тутъ ужъ меня забрало за живое, и я отвѣтилъ: «Мой отецъ былъ ремесленникомъ! Своимъ теперешнимъ положеніемъ я послѣ Бога обязанъ себѣ самому, и, мнѣ кажется, вамъ-бы слѣдовало уважать это!..» И почтенному ученому никогда не приходило на умъ извиниться предо мною за сказанное.

Разсказывая о горькихъ минутахъ своей жизни, трудно вообще соблюсти должное безпристрастіе, трудно и не задѣть кого-нибудь изъ тѣхъ, кто въ свое время больно задѣлъ насъ, поэтому я и опускаю здѣсь большинство осушенныхъ мною чашъ горечи, а останавливаюсь лишь на нѣсколькихъ отдѣльныхъ капелькахъ. Такія остановки нужны для освѣщенія кое-чего въ

моихъ произведеніяхъ, и онѣ особенно умѣстны здѣсь, т. к. послѣ моего возвращенія изъ второго большого путешествія и появленія «*Базара поэта*», мнѣ вообще зажилось легче. Критика, если и не совсѣмъ еще перестала поучать меня, то все-же стала относиться ко мнѣ лучше, если на челнъ мой и набѣгали еще иногда сердитые шквалы, то все-же съ этихъ поръ онъ чаще несъ меня по спокойной глади житейскаго моря, и я мало-по-малу добивался того признанія моихъ трудовъ, какого только вообще могъ пожелать отъ своихъ земляковъ и какое предсказывалъ мнѣ Эрстедъ.

X.

Въ то время политическая жизнь со всѣми ея хорошими и дурными сторонами достигла въ Даніи уже довольно высокой степени развитія. Краснорѣчіе, до сихъ поръ полусознательно пробавлявшееся, по примѣру извѣстнаго древняго философа, маленькими камешками во рту, камешками повседневной жизни, теперь свободнѣе двинулось навстрѣчу высшимъ интересамъ. Я, однако, не чувствовалъ ни способности, ни нужды вмѣшиваться въ политику, да и вообще считаю увлеченіе политикой пагубнымъ для поэта. Госпожа политика, вотъ—Венера, заманивающая поэтовъ въ свою гору на погибель ихъ. Съ политическими пѣснями этихъ поэтовъ бываетъ то же, что съ разными летучими листками, которые чуть появятся въ свѣтъ, жадно разбираются, читаются и — бросаются. Въ наше время всѣ хотятъ править, личность выступаетъ на первый планъ, но большинство забываетъ, что многое, хорошее въ теоріи, непримѣнимо на практикѣ; забываютъ, что съ вершины дерева многое кажется совсѣмъ инымъ, нежели снизу, тѣмъ, кто сидитъ у корней его. Я, впрочемъ, охотно преклоняюсь передъ всякимъ, будь то князь или простой крестьянинъ, кто желаетъ лишь блага и способенъ вести къ нему. Политика же не мое дѣло; Богъ опредѣлилъ мнѣ иную задачу, я всегда чувствовалъ и буду чувствовать это!

Среди такъ называемыхъ лучшихъ фамилій страны я встрѣтилъ не мало сердечно расположенныхъ ко мнѣ людей, которые, принявъ меня въ свой интимный кругъ, доставили мнѣ возможность пользоваться лѣтнимъ отдыхомъ въ ихъ богатыхъ имѣніяхъ. Тамъ я могъ, наконецъ, вволю наслаждаться природою, лѣснымъ уединеніемъ и изучать помѣщичью и сельскую жизнь; тамъ я и написалъ большинство моихъ сказокъ и романъ «*Двѣ баронессы*». Тамъ, у тихихъ озеръ, въ глубинѣ лѣсовъ, на зеленыхъ лужайкахъ, гдѣ изъ кустовъ то и дѣло взлетала и выпрыгивала дичь, гдѣ важно разгуливалъ красноногій аистъ—я не слышалъ ни о политикѣ, ни о полемикѣ, не слышалъ разсужденій по Гегелю. Я слышалъ тамъ лишь голосъ природы, говорившей мнѣ о моей миссіи. Часто и подолгу гостилъ я, между прочимъ, въ «Нюсё», имѣніи баронессы Стампе, и пользовался тамъ обществомъ Торвальдсена, для котораго было построено въ саду имѣнья

прекрасное ателье. Здѣсь я сблизился съ великимъ скульпторомъ, узналъ его и какъ художника и какъ человѣка. Это была одна изъ интереснѣйшихъ эпохъ въ моей жизни. Вскорѣ я поговорю о ней подробнѣе.

Общеніе съ представителями различныхъ слоевъ общества имѣло для меня огромное значеніе. Я находилъ благородныхъ людей и среди высшаго дворянства и среди бѣднѣйшихъ простолюдиновъ; хорошими, лучшими своими свойствами всѣ мы похожи д ругъ на друга.

Большую же часть времени я проводилъ всетаки въ Копенгагенѣ въ домѣ Іонаса Коллина и въ семьяхъ его замужнихъ дочерей и женатыхъ сыновей, окруженныхъ дѣтьми. Все тѣснѣе сближался я также съ нашимъ геніальнымъ композиторомъ Гартманомъ; его полная жизни и задушевности супруга являлась настоящей волшебницей своего домашняго очага, разливавшею вокругъ себя солнечный свѣтъ и теплоту. Самъ Гартманъ былъ натурой пламенной, геніальной и удивительно наивно-задушевной. Старый мой покровитель Коллинъ былъ моимъ постояннымъ совѣтникомъ въ практической жизни, Эрстедъ—въ литературной дѣятельности, и мы сходились другъ съ другомъ все ближе и ближе. О его вліяніи на меня буду еще имѣть случай поговорить обстоятельнѣе.

Вечера я обыкновенно проводилъ въ театрѣ; театръ былъ, такъ сказать, моимъ клубомъ. Какъ разъ въ этотъ годъ я получилъ постоянное мѣсто въ такъ называемомъ «придворномъ паркетѣ», отдѣлявшемся отъ остальной части партера желѣзной палкой. По существовавшимъ тогда правиламъ каждый драматургъ, поставившій на сценѣ королевскаго театра хоть одну пьесу, получалъ даровое мѣсто въ партерѣ; двѣ пьесы давали ему право на мѣсто во «второмъ паркетѣ», а три—въ «первомъ придворномъ» *). Дѣло шло, разумѣется, о такъ называемыхъ «вечернихъ» пьесахъ, т. е. о такихъ, которыя занимали весь вечеръ, маленькихъ же требовалось больше — столько, чтобы онѣ въ совокупности также могли занять три полныхъ вечернихъ представленія. Автору, удовлетворявшему такимъ условіямъ, открывался доступъ въ придворный паркетъ, гдѣ по повелѣнію короля были отведены мѣста его придворнымъ кавалерамъ, дипломатамъ и первымъ сановникамъ государства. Разсказываютъ, что одному актеру-драматургу, получившему мѣсто въ придворномъ паркетѣ, сказали: «Ну вотъ, теперь вамъ открытъ входъ туда, но держите себя скромно,—тамъ сидитъ все знать!» Теперь и я удостоился этой чести, получилъ право сидѣть рядомъ съ Торвальдсеномъ, Вейзе, Эленшлегеромъ и другими. Торвальдсенъ обыкновенно просилъ меня садиться рядомъ съ нимъ, чтобы бесѣдовать съ нимъ и объяс-

*) Партеръ датскаго королевскаго театра дѣлится на три части: заднюю — собственно партеръ, среднюю — второй паркетъ и ближайшую къ сценѣ — придворный паркетъ. *Примѣч. перев.*

нять ему все непонятное; я и занималъ сосѣднее съ нимъ кресло во всѣ послѣдніе годы его жизни. Эленшлегеръ также часто бывалъ моимъ сосѣдомъ, и много разъ (врядъ-ли кто и подозрѣвалъ объ этомъ!) душа моя исполнялась благочестиваго смиренія; я перебиралъ въ умѣ разные періоды моей жизни съ того времени, когда я еще сидѣлъ на самой послѣдней скамейкѣ въ ложѣ фигурантокъ, въ третьемъ ярусѣ, когда преклонялъ колѣна посреди пустой и темной сцены и читалъ «Отче нашъ», до настоящаго, когда я сижу между первыми людьми страны! А земляки-то мои, пожалуй, думали: «Вотъ сидитъ себѣ рядомъ съ двумя геніями и важничаетъ!» Пусть увидятъ изъ этой моей исповѣди, какъ невѣрно они судили обо мнѣ! Я былъ полонъ смиренія и возсылалъ Богу горячія молитвы, прося Его даровать мнѣ силы заслужить свое счастье. И пошли мнѣ Богъ навсегда сохранить такія чувства! Я каждый вечеръ видѣлъ здѣсь Торвальдсена и Эленшлегера, оба дарили меня своею дружбой, оба сіяли крупнѣйшими звѣздами на сѣверномъ небосклонѣ и такъ какъ оба имѣли на меня такое сильное вліяніе, то я и поговорю о нихъ поподробнѣе.

Въ Эленшлегерѣ было что-то такое открытое, дѣтски-привлекательное,— разумѣется, когда онъ бывалъ въ дружескомъ кружкѣ, а не въ большомъ обществѣ; тамъ онъ былъ тихъ и больше держался въ сторонѣ. Значеніе Эленшлегера для Даніи, для всего сѣвера уже извѣстно. Онъ былъ истинный, природный и вѣчно юный поэтъ и даже въ старости превосходилъ богатствомъ своего творчества всѣхъ молодыхъ. Съ истинно дружескимъ участіемъ прислушивался онъ къ первымъ звукамъ моей лиры и, если въ теченіе долгаго времени никогда и не высказывался въ мою пользу съ особеннымъ жаромъ, то все же горячо возражалъ противъ несправедливыхъ и безжалостныхъ нападокъ на меня со стороны критики. Однажды онъ нашелъ меня сильно разстроеннымъ отъ черезчуръ строгаго и жесткаго обращенія со мной, крѣпко обнялъ меня и сказалъ: «Не обращайте вниманія на этихъ крикуновъ! Говорю вамъ—вы истинный поэтъ!» Затѣмъ онъ высказалъ свое мнѣніе о родной поэзіи, ея представителяхъ и критикахъ и, наконецъ, обо мнѣ самомъ. Онъ сердечно и искренно оцѣнилъ поэта-сказочника и, слушая однажды чей-то строгій отзывъ обо мнѣ по поводу моихъ «ороографическихъ грѣшковъ», горячо воскликнулъ: «Ну и пусть ихъ! Это присущія ему характерныя мелочи! Не въ нихъ же суть! Экіе грѣхи, подумаешь! Да Гёте разъ показали въ одномъ изъ его произведеній такую ошибочку, а онъ что сказалъ?—«Пусть ее останется, каналья!»—и не захотѣлъ даже исправить ее». Позже я еще вернусь къ личности Эленшлегера и нашему знакомству въ послѣдніе годы его жизни, когда мы сошлись еще ближе. Авторъ моей біографіи, помѣщенной въ «*Датскомъ Пантеонѣ*», нашелъ во мнѣ и Эленшлегерѣ одну родственную черту. Вотъ что онъ говорилъ въ предисловіи:

«Въ наши дни все рѣже и рѣже бываетъ, что художникъ или поэтъ выступаетъ на свое поприще единственно въ силу непреодолимаго природнаго влеченія; чаще ихъ наталкиваетъ на него судьба или обстоятельства. И въ творчествѣ большинства нашихъ поэтовъ сказывается скорѣе раннее знакомство со страстями, раннія душевныя треволненія или чисто внѣшнія побужденія, нежели первобытное природное призваніе. Представителями послѣдняго можно съ увѣренностью назвать почти только двухъ: Эленшлегера и Андерсена. И только этимъ и можно объяснить себѣ тотъ фактъ, что первый такъ часто являлся у себя на родинѣ предметомъ критическихъ нападокъ, а послѣдній былъ признанъ прежде всего за-границею, гдѣ цивилизація старше, и у людей уже отбитъ вкусъ къ школьной дрессировкѣ, и развито обратное стремленіе къ первобытной естественной свѣжести, тогда какъ мы, датчане, все еще благочестиво преклоняемся передъ унаслѣдованнымъ отъ предковъ ярмомъ школы и передъ отжившею отвлеченною мудростью».

Я уже разсказалъ, что первое мое знакомство съ Торвальдсеномъ произошло еще въ 1833 году въ Римѣ. Осенью же 1838 г. его ждали въ Данію и готовили ему торжественную встрѣчу. На башнѣ св. Николая должны были выкинуть флагъ, какъ только корабль, на которомъ находился Торвальдсенъ, покажется на рейдѣ. Встрѣча должна была обратиться въ національный праздникъ. Лодки, украшенныя цвѣтами и флагами, занимали все водяное пространство отъ Лангелиніе до крѣпости. Художники, скульпторы, писатели—всѣ явились со своими знаменами. На знамени студентовъ красовалась Минерва, на нашемъ писательскомъ—золотой Пегасъ. Всю эту картину можно видѣть теперь на фрескѣ, украшающей наружныя стѣны музея Торвальдсена; на ней видны стоящіе въ лодкѣ Эленшлегеръ, Гейбергъ, Герцъ и Грунтвигъ; я изображенъ стоящимъ въ лодкѣ на скамьѣ; одной рукою я обнимаю мачту, а другою машу въ воздухѣ шляпой. Въ самый день торжества погода была туманная, и корабль замѣтили только когда онъ подошелъ уже совсѣмъ близко. Раздались сигналы, народъ бросился на набережную. Всѣ писатели, созванные Гейбергомъ, который былъ распорядителемъ, уже стояли у своей лодки, лежавшей у набережной, но недоставало еще Эленшлегера и самого Гейберга. Приходилось ждать, а между тѣмъ съ корабля уже раздался пушечный выстрѣлъ, и самое судно бросило якорь. Я предвидѣлъ, что Торвальдсенъ высадится на берегъ, прежде чѣмъ мы подоспѣемъ встрѣтить его на рейдѣ. Вѣтеръ уже донесъ до насъ звуки привѣтственныхъ пѣсенъ, торжество началось; я непремѣнно хотѣлъ участвовать въ немъ и предложилъ другимъ отправиться. «Безъ Эленшлегера, безъ Гейберга?» воскликнули тѣ.—«Да, вѣдь, ихъ еще нѣтъ, а скоро ужъ все и кончится!» Кто-то, указывая на Пегаса, сказалъ, что безъ Эленшлегера и Гейберга я, вѣрно, не рѣшусь плыть подъ этимъ знаменемъ. «А мы

его бросимъ на дно лодки!» сказалъ я и снялъ знамя съ древка. Другіе тоже усѣлись въ лодку, мы поплыли и подоспѣли на мѣсто какъ разъ, когда Торвальдсенъ отплывалъ къ берегу. Тамъ же встрѣтили мы и Эленшлегера съ Гейбергомъ, которые приплыли въ другой лодкѣ, а теперь пересѣли къ намъ. Все утро стояла пасмурная погода, но теперь солнце вдругъ прорвалось сквозь облака, и надъ Зундомъ перекинулась чудная радуга, словно «тріумфальная арка для Александра Македонскаго». Да, это по истинѣ былъ въѣздъ Александра! На берегу раздавались восторженные клики народа, тѣснившагося вокругъ экипажа Торвальдсена; лошадей выпрягли, и толпа повезла его въ академію художествъ. Туда же хлынула и вся публика; въ квартиру къ нему входили всѣ, кто только былъ съ нимъ хоть маломальски знакомъ, или имѣлъ другъ друга такого знакомаго, который могъ ввести его туда. На площади цѣлый день до поздняго вечера стояли толпы, глазѣя на знакомыя красныя стѣны Шарлоттенбургскаго дворца *), — за ними, вѣдь, находился Торвальдсенъ. Вечеромъ представители искусствъ дали ему серенаду. Подъ высокими деревьями ботаническаго сада образовался цѣлый костеръ изъ сброшенныхъ въ кучу смоляныхъ факеловъ участниковъ шествія. Старъ и младъ стремился въ открытыя двери академіи, и чествуемый старецъ привѣтливо обнималъ и цѣловалъ всѣхъ знакомыхъ. Въ глазахъ всѣхъ онъ былъ окруженъ какимъ-то сіяніемъ, и это-то и заставляло меня держаться въ сторонѣ. Сердце мое билось отъ радости при видѣ того, кто такъ сердечно относился ко мнѣ на чужбинѣ, крѣпко обнималъ меня и говорилъ: «Мы должны навсегда остаться друзьями». Но видя его теперь въ такомъ ореолѣ славы, центромъ всѣхъ взглядовъ, слѣдившихъ за каждымъ его движеніемъ, я благоразумно держался въ тѣни, стараясь не попасться ему на глаза. Вѣдь, если-бы я подошелъ къ нему, меня бы тотчасъ же замѣтили и осудили. Да, осудили, какъ тщеславнаго человѣка, желавшаго показать, что «и я, дескать, тоже знакомъ съ Торвальдсеномъ! И я пользуюсь его благосклонностью!» Только нѣсколько дней спустя, рано утромъ, когда никто не видѣлъ этого, никого не было у него, я рѣшился зайти къ нему и нашелъ въ немъ того же милаго, сердечнаго, откровеннаго друга. Онъ радостно обнялъ меня и высказалъ свое удивленіе, что только теперь видитъ меня у себя.

Въ честь Торвальдсена было устроено что-то въ родѣ торжественнаго музыкально-литературнаго вечера. Каждый изъ поэтовъ долженъ былъ написать и прочесть на немъ свои стихи, посвященные великому скульптору. Въ моихъ стихахъ говорилось о Язонѣ, пустившемся на поиски за золотымъ руномъ, о Язонѣ-Торвальдсенѣ, пустившемся на поиски за золотымъ искусствомъ. Торжество окончилось танцами; было очень оживленно и мно-

*) Въ этомъ дворцѣ помѣщается академія художествъ. *Примѣч. перев.*

голюдно; самъ Торвальдсенъ, весь сіяя отъ удовольствія, выступалъ въ полонезѣ объ руку съ молоденькой фрёкенъ *) Пуггоръ, впослѣдствіи женой Орлы Лемана, теперь уже умершей. Въ эти праздничные дни впервые на моей памяти отразилось живое участіе къ искусству со стороны народа.

Студенты приняли Торвальдсена въ свой кружокъ постояннымъ членомъ, и я по этому поводу написалъ стихи, принятые съ восторгомъ и до сихъ поръ еще, кажется, популярные:

Студентомъ сталъ ты и ей-Богу
Какъ разъ октябрьскимъ новичкомъ!
Пробилъ себѣ ты путь-дорогу
Своимъ рѣзцомъ да молоткомъ!
«Вамъ о Гомерѣ что́ извѣстно?»
Ты рыться въ памяти не сталъ, —
Изъ глины геній твой чудесно
Всю Илліаду возсоздалъ!..

Съ этихъ поръ я ежедневно видѣлъ Торвальдсена въ обществѣ или у него въ ателье. Много недѣль подъ рядъ провелъ я также вмѣстѣ съ нимъ, гостя въ Нюсё, гдѣ онъ постоянно былъ дорогимъ, желаннымъ гостемъ; за нимъ ухаживали тамъ, какъ за самымъ близкимъ роднымъ человѣкомъ, забавляли его и побуждали къ дѣятельности; большинство его чудныхъ произведеній, созданныхъ на родинѣ, и были созданы именно въ Нюсё. Здоровая, прямая натура Торвальсена не была лишена юмора, и онъ поэтому особенно любилъ Гольберга. «Міровой скорби» онъ знать не хотѣлъ, вслѣдствіе чего и не жаловалъ Байрона. Однажды, гостя въ Нюсё, я взошелъ утромъ въ его ателье, гдѣ онъ работалъ надъ собственной статуей. Я пожелалъ ему добраго утра, но онъ какъ будто и не замѣтилъ меня, продолжая усердно работать. Потомъ онъ отступилъ отъ статуи на шагъ и сталъ смотрѣть на нее, крѣпко стиснувъ свои здоровые бѣлые зубы, какъ дѣлалъ всегда, когда внимательно разсматривалъ свою работу. Я тихонько удалился. За завтракомъ онъ былъ еще менѣе словоохотливъ, чѣмъ обыкновенно; къ нему начали приставать, и онъ отрывисто вымолвилъ: «Я говорилъ утромъ битый часъ, наговорился за нѣсколько дней, а меня никто не слушалъ. Я зналъ, что сзади меня стоитъ Андерсенъ, — онъ только что здоровался со мною—и началъ разсказывать ему длинную исторію о Байронѣ. Разсказываю, разсказываю и жду въ отвѣтъ хоть словечка... Оборачиваюсь — никого! Это я цѣлый часъ разговаривалъ со стѣнами!» Мы стали просить его повторить намъ эту исторію, но онъ разсказалъ ее лишь вкратцѣ. «Дѣло было въ Римѣ!» началъ онъ. «Я работалъ тогда надъ статуей Байрона.

*) Т. е. барышней.

Онъ позировалъ передо мною, но какъ только усѣлся, сейчасъ же началъ корчить совсѣмъ другое лицо. «Ну что же, будете сидѣть смирно!» сказалъ я ему: «Не надо гримасничать!»—«У меня всегда такое выраженіе!» отвѣтилъ онъ. «Вотъ какъ!» сказалъ я и изобразилъ его по-своему. Всѣ нашли, что статуя вышла похожа, только самъ онъ говорилъ: «Это не я! Я смотрю гораздо несчастнѣе!» Ему, видите-ли, непремѣнно хотѣлось выглядѣть несчастнымъ!» закончилъ Торвальдсенъ съ ироническою улыбкою.

Большое удовольствіе доставляло великому скульптору дремать послѣ обѣда подъ звуки фортепьяно, а величайшей забавой была для него игра въ лото. Баронесса обыкновенно каждый вечеръ и являлась въ гостиную съ мѣшечкомъ костяшекъ, и начиналась игра. Всѣ жители Нюсё выучились играть въ лото; играли на костяшки, и поэтому мнѣ нечего скрывать, что Торвальдсенъ былъ охотникъ выигрывать, ну, ему и давали выигрывать, и это доставляло великому человѣку несказанную радость.

Торвальдсенъ всегда готовъ былъ горячо вступиться за тѣхъ, къ кому, по его мнѣнію, относились несправедливо; несправедливости, насмѣшекъ, особенно, если въ нихъ проглядывало злое чувство, онъ не переносилъ и возставалъ противъ нихъ, съ кѣмъ бы ему ни приходилось имѣть дѣло. Въ Нюсё, какъ сказано, за нимъ просто ухаживали. Баронесса Стампе любила его какъ отца и только и думала какъ бы угодить ему.

Въ Нюсё я написалъ нѣсколько моихъ сказокъ, между прочимъ и «*Олезакрой глазки*». Торвальдсенъ слушалъ ихъ съ удовольствіемъ и интересомъ, хотя вообще-то сказкамъ моимъ еще не придавали тогда на родинѣ особеннаго значенія. Часто въ сумерки, когда вся семья собиралась въ комнатѣ, выходившей въ садъ, Торвальдсенъ тихонько подходилъ ко мнѣ, хлопалъ меня по плечу и говорилъ: «Ну, будетъ намъ дѣткамъ сегодня сказочка?» Со своей обычной прямотой и естественностью онъ высказывалъ мнѣ самое лестное одобреніе, хваля мои произведенія, особенно за ихъ правдивость. Его забавляло слушать однѣ и тѣ же сказки по нѣскольку разъ и часто работая надъ самыми своими поэтическими произведеніями, онъ съ улыбкою прислушивался къ сказкамъ: «*Парочка*», «*Безобразный утенокъ*» и др.

У меня былъ талантъ импровизировать маленькіе стишки и пѣсенки, что тоже очень забавляло Торвальдсена. Однажды, когда онъ только что окончилъ лѣпить изъ глины бюстъ Гольберга и любовался имъ, меня попросили сказать какой-нибудь экспромптъ по поводу этой работы. Я и сказалъ:

«Лишь стоитъ глиняную форму мнѣ разбить,
«Духъ улетитъ, и Гольбергъ вашъ умретъ!»
Сказала смерть. Но рекъ Торвальдсенъ: «Будетъ жить!»
И вновь вотъ въ этой глинѣ онъ живетъ!»

Торвальдсенъ лѣпилъ свой большой барельефъ «*Шествіе на Голгоѳу*»,

который нынѣ украшаетъ церковь Богоматери, и я разъ какъ-то утромъ зашелъ посмотрѣть его работу. «Скажите мнѣ,—спросилъ онъ: «вѣрно-ли я одѣлъ Пилата? Какъ по-вашему?»—«Не смѣйте ничего говорить ему! Все вѣрно, все превосходно!» закричала баронесса Стампе, которая почти безотлучно находилась возлѣ Торвальдсена. Но Торвальдсенъ повторилъ свой вопросъ. «Ну, хорошо!» сказалъ я: «Если ужъ вы спрашиваете меня, то я скажу, что, по-моему, Пилатъ вашъ одѣтъ скорѣе, какъ египтянинъ нежели какъ римлянинъ!» «Ну вотъ, не казалось ли этого и мнѣ!» сказалъ Торвальдсенъ, протянулъ руку и уничтожилъ фигуру. «Теперь вы причиной, что онъ уничтожилъ безсмертное твореніе!» вскричала баронесса. «Создадимъ новое безсмертное твореніе!» весело сказалъ Торвальдсенъ и вылѣпилъ новаго Пилата, котораго мы теперь видимъ на барельефѣ въ церкви Богоматери.

Лѣтомъ Торвальдсенъ ежедневно уходилъ купаться въ купальню, находившуюся на взморьѣ, довольно далеко отъ усадьбы. Разъ я встрѣтилъ его уже на возвратномъ пути домой, и онъ весело закричалъ мнѣ: «Ну, сегодня я чуть было совсѣмъ не остался тамъ!» И онъ разсказалъ, что, вынырнувъ изъ воды, онъ попалъ головой подъ дверь купальни и такъ ударился объ нее, что чуть не высадилъ ее изъ петель. «Потемнѣло маленько въ глазахъ, да и прошло! А, случись со мной обморокъ, пришлось бы вамъ искать меня тамъ въ водѣ!»

Послѣдній день его рожденія былъ торжественно отпразднованъ въ Нюсё. Затѣяли спектакль; были поставлены водевиль Гейберга «*Апрѣльскія шутки*» и «*Сочельникъ*» Гольберга, а я написалъ застольную пѣсню, которую и спѣли за обѣдомъ. Кромѣ того, я съимпровизировалъ еще другую. Баронесса призвала меня къ себѣ рано утромъ и сказала, что Торвальдсена, навѣрно, очень позабавитъ, если мы разбудимъ его утреннею музыкою, ударяя въ гонгонгъ, колотя по сковородамъ вилками, ножами, водя пробкой по стеклу и проч. При этомъ надо было также пѣть что-нибудь, все равно что́, лишь бы веселое. И вотъ она тутъ же заставила меня написать шутовскую пѣсенку, которую мы и исполнили передъ комнатой Торвальдсена. Я пѣлъ соло, а остальные хоромъ подхватывали припѣвъ подъ оглушительный аккомпаниментъ нашихъ музыкальныхъ инструментовъ. Скоро Торвальдсенъ вышелъ изъ комнаты, еще въ халатѣ и въ туфляхъ, и махая своимъ рафаэлевскимъ беретомъ, пустился вмѣстѣ съ нами въ плясъ, повторяя тотъ-же припѣвъ:

«Будемъ топать мы ногами,
Пусть съ насъ льется потъ ручьями!»

Сколько жизни и веселья кипѣло въ этомъ бодромъ, крѣпкомъ старикѣ! Въ самый день смерти его я еще сидѣлъ съ нимъ рядомъ за столомъ. Мы обѣдали у барона и баронессы Стампе, которые зимою жили въ Копен-

гагенѣ въ улицѣ Кронпринцессы. Кромѣ насъ обѣдали Эленшлегеръ, художники Сонне и Константинъ Гансенъ. Торвальдсенъ былъ необыкновенно веселъ, пересказывалъ разныя остроты «*Корсара*» *), которыя его очень забавляли, и говорилъ о своей предполагаемой поѣздкѣ въ Италію. День былъ какъ разъ воскресный, и вечеромъ въ Королевскомъ театрѣ шла въ первый разъ трагедія Гальма «*Гризельда*». Эленшлегеръ собирался въ этотъ вечеръ что-то читать Стампе. Торвальдсена больше тянуло въ театръ, и онъ звалъ меня съ собою, но въ этотъ вечеръ мой авторскій билетъ былъ не дѣйствителенъ и я, зная, что пьеса пойдетъ и завтра, рѣшилъ подождать. Я простился съ Торвальдсеномъ и пошелъ къ дверямъ, а онъ остался подремать въ креслѣ и уже закрылъ глаза. Въ дверяхъ я обернулся, а онъ какъ разъ въ эту минуту открылъ глаза, улыбнулся мнѣ и кивнулъ головой. Это было его послѣднее прости.

Весь этотъ вечеръ я просидѣлъ дома, а утромъ слуга отеля, гдѣ я жилъ, сказалъ мнѣ: «Удивительно что случилось съ Торвальдсеномъ! Вдругъ умеръ вчера!» «Торвальдсенъ!» воскликнулъ я, пораженный. «Онъ и не думалъ умирать! Я обѣдалъ съ нимъ вчера!» — «Говорятъ, онъ умеръ вчера въ театрѣ!» сказалъ слуга. «Онъ, вѣрно, заболѣлъ только!» возразилъ я, вполнѣ вѣря этому, но сердце мое какъ-то сжималось отъ страха. Я схватилъ шляпу и поспѣшилъ въ квартиру Торвальдсена. Тѣло его лежало на постели. Комната была полна набравшимися сюда чужими людьми; на полу стояли лужи отъ снѣга, нанесеннаго ими въ комнату; воздухъ былъ тяжелый, спертый; никто не говорилъ ни слова. Баронесса Стампе сидѣла у постели и горько плакала. Я былъ глубоко потрясенъ.

Похороны Торвальдсена были скорбнымъ національнымъ торжествомъ.

Всѣ тротуары, всѣ окна домовъ были сплошь заняты мужчинами и женщинами въ траурѣ; всѣ невольно обнажали головы, когда печальная колесница проѣзжала мимо. Тишина и порядокъ были удивительные; даже буйные уличные мальчишки и дѣти послѣднихъ бѣдняковъ стояли смирно, держась за руки и образуя цѣпи по обѣимъ сторонамъ улицъ, по которымъ везли гробъ. У церкви Богоматери гробъ былъ встрѣченъ самимъ королемъ Христіаномъ VIII. Вотъ загудѣлъ церковный органъ, раздались дивные, могучіе звуки похороннаго марша Гартмана, и казалось, будто сами хоры ангеловъ присоединились къ оплакивавшимъ Торвальдсена людямъ. Студенты пропѣли надъ гробомъ мою пѣснь, тоже положенную на музыку Гартманомъ.

«Дорогу дайте къ гробу бѣднякамъ, —
Изъ ихъ среды почившій вышелъ самъ!
Страну родную онъ рѣзцомъ прославилъ
И память по себѣ на вѣкъ оставилъ.

*) Датскій сатирическій журналъ. *Примѣч. перев.*

Такъ гимномъ плачъ пускай звучитъ въ устахъ:
Покойся съ миромъ славный прахъ!»....

X.

Лѣтомъ 1842 г. я далъ актерамъ королевской труппы, для лѣтнихъ спектаклей, маленькую вещицу «*Птица на грушевомъ деревѣ*.» Пьеска имѣла такой успѣхъ, что дирекція включила ее въ репертуаръ королевскаго театра, а г-жа Гейбергъ даже настолько заинтересовалась ею, что взяла на себя исполненіе роли героини. Публикѣ пьеска казалась очень забавной, подборъ мелодій находили въ высшей степени удачнымъ, и я былъ вполнѣ спокоенъ за ея участь, какъ вдругъ на одномъ изъ зимнихъ представленій ее освистали. Свистали нѣсколько молодыхъ людей, разыгрывавшихъ роль вожаковъ; когда же ихъ спросили о причинѣ, они отвѣчали: «Бездѣлка эта пользуется ужъ черезчуръ большимъ успѣхомъ. Андерсенъ можетъ зазнаться!» Самъ я въ этотъ вечеръ не былъ вь театрѣ и не подозрѣвалъ ни о чемъ. На другой день мнѣ случилось быть въ гостяхъ. У меня болѣла голова, и я смотрѣлъ нѣсколько пасмурно, а хозяйка дома, думая, что мое настроеніе находится въ связи со вчерашнимъ инцидентомъ, съ участіемъ взяла меня за руку и сказала: «Ну, стоитъ-ли горевать, и всего-то было свистка два, а вся остальная публика приняла вашу сторону!»—«Свистки! Мою сторону!» вскричалъ я. «Такъ меня освистали?» И хозяйка пришла въ настоящій ужасъ, что она первая сообщила мнѣ такую новость.

На слѣдующемъ представленіи я тоже не присутствовалъ, и по окончаніи спектакля у меня въ квартирѣ разыгралась комическая сцена. Ко мнѣ зашли выразить свое сочувствіе нѣсколько добрыхъ друзей. Первый явившійся завѣрялъ, что сегодняшнее представленіе было настоящимъ торжествомъ для меня: всѣ шумно апплодировали, а свистокъ былъ слышенъ всего на всего одинъ. Явился второй пріятель. Я спросилъ много ли раздавалось свистковъ. «Два!» отвѣтилъ онъ. Слѣдующій сказалъ: «Всего три, никакъ не больше!» Затѣмъ явился одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей, милѣйшій наивно-откровенный Гартманъ. Онъ не зналъ о томъ, что сказали мнѣ другіе и, когда я попросилъ его по совѣсти сказать мнѣ, сколько было свистковъ, сказалъ, положивъ руку на сердце: «Самое большее пять!»—«Нѣтъ, нѣтъ!» вскричалъ я: «Больше не буду спрашивать,—количество все растетъ, точно въ разсказѣ Фальстафа! Вѣдь, вотъ еще одинъ изъ этихъ господъ увѣрялъ меня, что былъ всего одинъ свистокъ!» Желая поправить дѣло, добрѣйшій Гартманъ выпалилъ: «Да, пожалуй, что и одинъ, только такой чертовскій..!»

Десять лѣтъ спустя, Гейбергъ, бывшій тогда директоромъ королевскаго театра, отдалъ эту пьеску въ распоряженіе театра «Казино». Къ тому

времени успѣло подрости новое поколѣніе болѣе благосклонныхъ ко мнѣ зрителей, и пьеса имѣла большой и прочный успѣхъ.

8-го Октября 1842 г. умеръ Вейзе, мой первый покровитель, съ которымъ я потомъ часто встрѣчался у адмирала Вульфа и даже работалъ вмѣстѣ надъ «*Кенильвортомъ*», но особенно близкихъ дружескихъ отношеній между нами какъ-то не установилось. Онъ велъ въ сущности такую же одинокую жизнь, какъ и я, несмотря на то, что его — какъ смѣю думать и меня — многіе любили и охотно принимали у себя. Но у меня ужъ натура такая: я перелетная птица, по всей Европѣ летаю, а его самый далекій полетъ былъ въ Роскильде. Тамъ жило одно знакомое ему семейство, тамъ онъ чувствовалъ себя какъ дома, могъ фантазировать на соборномъ органѣ, тамъ его и похоронили. Путешествовать ему и въ голову никогда не приходило, и я еще помню добродушно-юмористичное замѣчаніе, съ которымъ онъ обратился ко мнѣ, когда я посѣтилъ его разъ, вскорѣ по возвращеніи изъ Греціи и Турціи. «Ну, вотъ и вы очутились не дальше, чѣмъ я! И вы теперь въ улицѣ Кронпринцессы, смотрите на Королевскій садъ, какъ и я, а сколько вы денегъ-то пошвыряли!» Нѣтъ, коли ужъ хотите путешествовать, поѣзжайте себѣ въ Роскильде; довольно и этого, а нѣтъ—такъ погодите, пока можно будетъ путешествовать на луну и другія планеты!»

Въ спектакль, посвященный памяти Вейзе, предполагалось поставить «*Кенильвортскій праздникъ*». Это было его послѣднее и, можетъ быть, именно поэтому любимѣйшее произведеніе. Онъ самъ выбралъ сюжетъ, вставилъ въ текстъ много собственныхъ стиховъ, и я думаю, что, если его безсмертный духъ сохранилъ и на томъ свѣтѣ земную привязанность къ своимъ твореніямъ, то его больше всего порадовала бы постановка въ этотъ день именно «*Кенильвортскаго праздника*», произведенія, не оцѣненнаго по достоинству при его жизни. Но дирекція передумала и поставила трагедію Шекспира «*Макбетъ*», къ которой Вейзе написалъ музыку, по моему мнѣнію, наименѣе характеризующую его дарованіе.

Удивительно, что тѣло покойнаго долго не остывало, и въ самый день погребенія ощущалась еще нѣкоторая теплота подъ ложечкой. Узнавъ объ этомъ, я сталъ заклинать докторовъ хорошенько изслѣдовать его и испробовать всѣ средства, чтобы вернуть его къ жизни. Тѣ, послѣ тщательнаго изслѣдованія, объявили, однако, что онъ дѣйствительно мертвъ, и что въ подобной теплотѣ тѣла нѣтъ ничего необыкновеннаго. Тогда я сталъ просить докторовъ по крайней мѣрѣ перерѣзать ему артеріи раньше, чѣмъ гробъ заколотятъ наглухо, но просьба моя осталась неисполненной. Эленшлегеръ, услыхавъ о ней, подошелъ ко мнѣ и съ свойственной ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ горячностью сказалъ: «Съ чего это вамъ вздумалось уродовать его!»—«Это, по-моему, лучше для него, чѣмъ проснуться въ могилѣ! И вы,

навѣрно, этого захотите, когда умрете!» — «Я!» воскликнулъ онъ и даже отступилъ назадъ.—Къ сожалѣнію, Вейзе дѣйствительно умеръ.

Изъ гонораровъ за послѣдніе труды я посредствомъ экономіи скопилъ небольшую сумму и рѣшилъ съѣздить на эти деньги въ Парижъ. Въ концѣ января 1843 г. я и выѣхалъ изъ Копенгагена.

Въ Гамбургѣ я провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ у геніальнаго художника Шпектера. Онъ какъ разъ принялся тогда за иллюстраціи къ моимъ сказкамъ. Эти превосходные, полные жизни и юмора, рисунки помѣщены были потомъ въ одномъ англійскомъ изданіи, а также въ одномъ изъ наименѣе удачныхъ нѣмецкихъ. Переводчикъ передѣлалъ, напримѣръ, моего «*Безобразнаго утенка*» («*Grimme Ælling*») въ «*Grüne Ente*», и заглавіе это перешло и въ одинъ французскій переводъ, сдѣланный съ этого нѣмецкаго: («*Le petit canard vert*»)!

Еще до моего посѣщенія Парижа, Мармье помѣстилъ обо мнѣ въ «Revue de Paris» статью «*La vie d'un poète*», а Мартинъ перевелъ на французскій языкъ нѣкоторыя изъ моихъ стихотвореній и даже посвятилъ мнѣ одно собственное стихотвореніе, также напечатанное въ названномъ журналѣ. Итакъ, мое имя было уже извѣстно здѣсь многимъ изъ представителей литературы, и я нашелъ у нихъ на этотъ разъ очень радушный пріемъ. Мнѣ даже удалось дружески сойтись съ Викторомъ Гюго, чего не удалось въ свое время Эленшлегеру, который и жаловался на это въ своихъ «Воспоминаніяхъ», такъ какъ же мнѣ было не чувствовать себя польщеннымъ! Викторъ Гюго прислалъ мнѣ билетъ на представленіе въ «Théatre français» его послѣдней трагедіи «*Les Burgraves*»; каждое представленіе ея сопровождалось свистками; на маленькихъ же частныхъ сценахъ то и дѣло давали пародіи на нее. Жена Виктора Гюго была красивая женщина, отличавшаяся тою свойственною француженкамъ любезностью, которая такъ очаровываетъ иностранцевъ.

Ламартинъ показался мнѣ, благодаря всей окружавшей его обстановкѣ и манерамъ, какимъ-то королемъ среди французскихъ литераторовъ. Я извинился, что такъ плохо говорю на его родномъ языкѣ, а онъ съ изысканной французской вѣжливостью отвѣтилъ, что это онъ заслуживаетъ упрека за то, что не понимаетъ сѣверныхъ языковъ, на которыхъ, какъ онъ узналъ, существуетъ такая свѣжая и богатая литература. На сѣверѣ и почва, вѣдь, такъ богата, что стòитъ только наклониться, чтобы поднять древній золотой рогъ! *). Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Парижа Ламартинъ написалъ мнѣ слѣдующее маленькое стихотвореніе:

*) Намекъ на первое знаменитое стихотвореніе Эленшлегера „*Золотые рога*“.
Примѣч. перев.

«Cachez vous quelquefois dans les pages d'un livre
Une fleure du matin cueilliée aux rameaux verds,
Quand vous rouvrez la page aprés de longs hyvers,
Aussi pur qu'au printemps son parfum vous ennyvre,
Aprés les jours bornés qu'ici mon nom doit vivre
Qu'un heureux souvenir sorte encore de ces vers!

Paris 3 Mai 1843.

Lamartine.»

Жизнерадостнаго Александра Дюма я заставалъ обыкновенно въ постели, хотя бы дѣло было и далеко за полдень. У постели всегда стоялъ столикъ съ письменными принадлежностями,—онъ какъ разъ писалъ тогда новую драму. Однажды, когда я пришелъ къ нему и засталъ его опять въ такомъ же положенiи, онъ привѣтливо кивнулъ мнѣ головой и сказалъ: «Посидите минутку,—у меня какъ разъ съ визитомъ моя муза, но она сейчасъ уйдетъ!» и онъ продолжалъ писать, громко разговаривая съ самимъ собою. Наконецъ, онъ воскликнулъ: «Vivat!», выпрыгнулъ изъ постели и сказалъ: «Третiй актъ готовъ!» Жилъ онъ въ «Hotel de Prince» въ улицѣ Ришелье. Жена его находилась во Флоренцiи, а сынъ, пошедшiй впослѣдствiи въ литературѣ по стопамъ отца, жилъ отдѣльно. «Я живу холостякомъ! Не взыщите,—каковъ есть!» говаривалъ онъ мнѣ. Однажды онъ цѣлый вечеръ водилъ меня по разнымъ театрамъ, чтобы познакомить меня съ закулиснымъ мiромъ. Мы побывали въ «Палэ-Роялѣ», разговаривали съ Дейазетъ и Анаисъ, а потомъ пошли подъ ручку по бульвару къ театру St. Martin. «Теперь можно заглянуть въ царство коротенькихъ юбочекъ!» сказалъ Дюма. «Зайти что-ли туда?» Мы зашли и очутились среди кулисъ и декорацiй, прошлись по морю изъ *«Тысячи и одной ночи»*, словомъ, какъ будто попали въ сказочное царство, гдѣ царили шумъ, гамъ, толкотня машинистовъ, хористовъ и танцовщицъ. Дюма былъ моимъ путеводителемъ въ этомъ закулисномъ лабиринтѣ. На возвратномъ пути домой насъ остановилъ на бульварѣ какой-то юноша. «Это мой сынъ!» сказалъ Дюма: «Я обзавелся имъ когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ; теперь онъ въ такихъ же лѣтахъ, а у него еще нѣтъ никакого сына!» Юноша былъ никто иной, какъ знаменитый впослѣдствiи Александръ Дюма-сынъ.

Дюма же обязанъ я знакомствомъ съ Рашелью. Я еще ни разу не видѣлъ ея на сценѣ, какъ вдругъ онъ однажды спросилъ меня, не хочу-ли я познакомиться съ нею. Да это было моимъ завѣтнѣйшимъ желанiемъ! И вотъ въ одинъ вечеръ, когда Рашель играла *«Өедру»*, Дюма повелъ меня въ Théatre francais. Бывая со мною въ другихъ театрахъ, онъ обыкновенно безъ всякихъ церемонiй прямо велъ меня за кулисы, а тутъ попросилъ меня подождать немного и потомъ уже, вернувшись обратно, позвалъ меня къ ко-

ролевѣ французской сцены. Представленіе уже началось; мы прошли за одну изъ переднихъ кулисъ, за которой было отгорожено ширмами что-то вродѣ отдѣльной комнатки, гдѣ стоялъ столъ съ прохладительными питіями и явствами и нѣсколько табуретовъ. Здѣсь сидѣла молодая женщина, та самая, которая, по словамъ одного французскаго писателя, могла изваять изъ мраморныхъ глыбъ Расина и Корнеля живыя статуи. Она была очень худощава, нѣжнаго сложенія и очень моложава на видъ. На меня она и здѣсь и позже у себя дома произвела впечатлѣніе статуи скорби. Она какъ будто только что выплакала все свое горе, и теперь мысли ея тихо витали въ прошломъ. Рашель приняла насъ очень привѣтливо, голосъ у нея былъ низкій, грудной. Разговорившись съ Дюма, она какъ будто забыла обо мнѣ; онъ, должно быть, замѣтилъ это и, обернувшись ко мнѣ, сказалъ ей: «Вотъ истинный поэтъ и вашъ искренній почитатель! Знаете вы, что онъ сказалъ мнѣ, когда мы подымались по лѣстницѣ? «Со мною, того и гляди, сдѣлается дурно, такъ бьется у меня сердце при мысли, что я сейчасъ буду говорить съ женщиной, говорящею по-французски прекраснѣе всѣхъ во Франціи!». Она улыбнулась, сказала мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Я ободрился, вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что прибылъ въ Парижъ главнымъ образомъ ради нея: я много путешествовалъ и много видѣлъ интереснаго и прекраснаго, но еще не видалъ Рашели! Затѣмъ я извинился что такъ плохо говорю по-французски. Она опять улыбнулась и отвѣтила: «Ну, если вы будете обращаться къ француженкѣ съ такими любезными рѣчами, какъ сейчасъ ко мнѣ, то она всегда найдетъ, что вы говорите прекрасно!» Я сообщилъ ей, что слава ея достигла и сѣвера. «Если я когда-нибудь попаду въ Петербургъ и въ Копенгагенъ,» сказала она: «то попрошу васъ быть тамъ моимъ покровителемъ. Кромѣ васъ, я, вѣдь, никого тамъ не знаю, И вотъ, если вы, по вашимъ словамъ, прибыли сюда, отчасти ради меня, то надо намъ познакомиться поближе; милости прошу побывать у меня! Я принимаю своихъ друзей по четвергамъ. А теперь... служба зоветъ!» закончила она, протягивая намъ руку, привѣтливо кивнула головой и, отойдя отъ насъ на нѣсколько шаговъ въ глубину сцены, сразу какъ-то выросла. измѣнилась до неузнаваемости. Передъ нами была сама муза трагедіи! Изъ зрительной залы долетѣлъ къ намъ привѣтствовавшій ее взрывъ апплодисментовъ.

Я, какъ сѣверянинъ, не могу привыкнуть къ французской манерѣ играть трагедію. Рашель играетъ какъ и другіе, но у нея все выходитъ естественно, всѣ же остальные только какъ будто копируютъ ее. Рашель—сама муза французской трагедіи, другіе актеры и актрисы только жалкіе люди. Глядя на игру Рашели, трудно и представить себѣ иную манеру игры; ея игра—сама правда, сама естественность, но въ иномъ ихъ проявленіи, нежели къ какому привыкли мы сѣверяне.

Обстановка въ квартирѣ Рашели была роскошна, можетъ быть, черезъчуръ разсчитана на эффектъ... Въ первой комнатѣ, зеленовато-бирюзовой, висѣли лампы съ матовыми абажурами, и красовались статуи французскихъ писателей. Въ гостиной—и въ обояхъ и въ меблировкѣ преобладалъ пурпуровый цвѣтъ. Сама Рашель была въ черномъ платьѣ и очень напоминала свой портретъ на извѣстной англійской гравюрѣ. Общество состояло изъ мужчинъ, преимущественно представителей искусствъ и науки. Впрочемъ, я услышалъ и два-три титула; имена гостей громко докладывались ливрейными лакеями. Угощеніе состояло изъ чая и прохладительныхъ яствъ и питій, скорѣе на нѣмецкій, нежели на французскій ладъ. При мнѣ Рашель говорила и по-нѣмецки; Викторъ Гюго разсказывалъ, что онъ слышалъ, какъ она разъ говорила по-нѣмецки съ Ротшильдомъ, и я спросилъ ее правда-ли это. Она отвѣтила мнѣ по-нѣмецки: «Да, я даже читаю на этомъ языкѣ; я, вѣдь, уроженка Лотарингіи. У меня есть и нѣмецкія книги. Вотъ поглядите!» И она показала мнѣ «Сафо» Грильпарцера, но затѣмъ опять перешла на французскую рѣчь. Она высказала между прочимъ свое желаніе сыграть роль Сафо, потомъ заговорила о роли Шиллеровской Маріи Стюартъ, которую она исполняла. Я видѣлъ ее въ этой роли и никогда не забуду съ какимъ истиннымъ величіемъ вела она сцену съ Елизаветой. «Je suis la reine! Tu es... Tu es... Elisabeth!» И въ это одно слово «Elisabeth» она вложила столько презрѣнія, сколько не высказать другимъ и въ цѣломъ монологѣ. Но особенно поразила меня Рашель въ пятомъ дѣйствіи, которое она вела съ такимъ правдивымъ спокойствіемъ, на какое только способна истинная сѣверная или германская артистка, но именно въ этомъ-то дѣйствіи она менѣе всего и нравилась французамъ. «Мои соотечественники»,—сказала она мнѣ: «не привыкли къ такой передачѣ этой сцены, а между тѣмъ никакая иная здѣсь неумѣстна. Нельзя неистовствовать, когда сердце готово разорваться отъ скорби, когда прощаешься на-вѣки со всѣми своими друзьями!»

Главнѣйшимъ украшеніемъ ея салона были книги въ богатыхъ переплетахъ, стоявшія въ роскошныхъ стеклянныхъ шкафахъ. На стѣнѣ висѣла картина, писанная масляными красками и представлявшая зрительную залу Лондонскаго театра: на переднемъ планѣ стоитъ сама Рашель; къ ногамъ ея сыплются букеты и вѣнки. Подъ этой картиной висѣла небольшая хорошенькая полочка съ твореніями высшихъ аристократовъ между поэтами: Гёте, Шиллера, Кальдерона, Шекспира и др. Рашель много разспрашивала меня о Германіи и о Даніи, объ искусствѣ и о театрѣ, ободряя меня ласковой улыбкой или дружескимъ кивкомъ, когда я, преодолѣвая трудности языка, пріостанавливался, чтобы найти нужное выраженіе. «Продолжайте!» говорила она. «Вы не вполнѣ владѣете французскимъ языкомъ, я слышала иностранцевъ, говорившихъ куда лучше, но ихъ рѣчи не всегда такъ меня

интересовали, какъ ваши. Я понимаю самую душу вашу, а это самое главное; она-то особенно и интересуетъ меня. На прощанье она написала мнѣ въ альбомъ:

«Lart c'est le vrai».

J'espêre que cet aphorisme ne semblera pas paradoxal à un écrivain aussi distinguè, que monsieur Andersen. *)

Rachel.»

Paris le 28 Avril 1843 г.

Очень милаго знакомаго пріобрѣлъ я въ лицѣ Альфреда де-Виньи. Онъ былъ женатъ на англичанкѣ, и въ ихъ домѣ пріятно поражало сочетаніе всего лучшаго, что есть въ обѣихъ націяхъ. Въ послѣдній вечеръ моего пребыванія въ Парижѣ Альфредъ де-Виньи явился ко мнѣ въ маленькій нумерокъ отеля Валуа, находившійся подъ самой крышей, въ такое время—около полуночи—когда его по общественному его положенію и богатству можно было скорѣе всего искать въ богатыхъ салонахъ. Это онъ явился лично передать мнѣ свои произведенія и проститься со мною. Въ словахъ его слышалось столько искренности, а глаза выражали такое сердечное, теплое чувство ко мнѣ, что я, прощаясь съ нимъ, невольно прослезился.

Часто видѣлся я въ послѣднее время и съ скульпторомъ Давидомъ; своей прямотой и характеромъ онъ нѣсколько напоминалъ мнѣ Торвальдсена и Биссена. Познакомились мы съ нимъ уже подъ конецъ моего пребыванія въ Парижѣ; онъ сожалѣлъ, что это случилось такъ поздно и спрашивалъ, не могу ли я остаться здѣсь подольше,—тогда бы онъ сдѣлалъ мой бюстъ въ медальонѣ. «Да, вѣдь, вы-же совсѣмъ не знаете меня, какъ поэта! Можетъ быть, вовсе не стою такой чести!» сказалъ я ему, но онъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, потрепалъ меня по плечу и отвѣтилъ съ улыбкой: «Я читалъ въ вашей душѣ, прежде чѣмъ читать ваши произведенія. Вы—поэтъ!»

Въ салонѣ графини Бокарме, гдѣ я познакомился также съ Бальзакомъ, я увидѣлъ однажды пожилую даму, обратившую на себя мое особое вниманіе; лицо ея носило отпечатокъ высокаго духовнаго развитія и сердечности, что поразило меня еще на ея портретѣ, выставленномъ въ тотъ сезонъ на художественной выставкѣ въ Луврѣ. Графиня представила насъ другъ другу; это оказалась госпожа Рейбо, авторъ разсказа «*Les épaves*», сюжетомъ котораго я воспользовался для своей драмы «*Мулатъ*». Я разсказалъ ей объ этомъ и о томъ, какое впечатлѣніе произвела у насъ пьеса. Все это чрезвычайно заинтересовало ее, и она съ того вечера взяла меня подъ свое особое покровительство. Однажды мы цѣлый вечеръ проходили вмѣстѣ, обмѣниваясь мыслями; она поправляла меня, когда я дѣлалъ ошибки во фран-

*) Искусство въ правдѣ. Надѣюсь, что афоризмъ этотъ не покажется парадоксомъ такому выдающемуся писателю, какъ г. А.

цузскомъ языкѣ, заставляла меня повторять, если я произносилъ фразы недостаточно правильно, словомъ, относилась ко мнѣ съ истинно материнскою добротою. Во мнѣ она оставила впечатлѣніе высокодаровитой женщины съ яснымъ и вѣрнымъ взглядомъ на міръ и жизнь.

Здѣсь же въ салонѣ познакомился я, какъ сказано, и съ Бальзакомъ; у него была очень элегантная наружность; одѣтъ онъ былъ щегольски. Улыбаясь, онъ обнаруживалъ блестящіе бѣлые зубы между пунцовыми губами, и вообще смотрѣлъ бонвиваномъ, но неразговорчивымъ,—по крайней мѣрѣ въ данномъ кружкѣ. Какая-то дама, писавшая стихи, вцѣпилась въ насъ обоихъ, усадила насъ на диванъ, сама усѣлась въ серединѣ и смиренно увѣряла, что чувствуетъ себя между нами такой маленькой, маленькой!.. Я повернулъ голову и встрѣтилъ за ея спиною взглядъ Бальзака, который оскалилъ зубы и скорчилъ мнѣ сатирически-насмѣшливую гримасу. Это была наша первая встрѣча.

Черезъ нѣсколько дней я проходилъ по Лувру и встрѣтилъ тамъ человѣка, лицомъ, фигурой и походкой настоящаго двойника Бальзака. Но этотъ человѣкъ одѣтъ былъ въ плохое, поношенное и грязное платье; сапоги его были стоптаны, на панталонахъ висѣла грязная бахрома, шляпа была сплюснута... Я былъ пораженъ. Человѣкъ улыбнулся мнѣ. Я прошелъ мимо, но такое сходство показалось мнѣ невѣроятнымъ, я вернулся, пустился за нимъ въ догонку и сказалъ: «Да вы не Бальзакъ?» Онъ засмѣялся, показавъ мнѣ свои бѣлые блестящіе зубы, и отвѣтилъ только: «Завтра господинъ Бальзакъ уѣзжаетъ въ Петербургъ!» Потомъ онъ пожалъ мнѣ руку своей мягкой, нѣжной рукой, кивнулъ мнѣ и ушелъ. Положительно это былъ самъ Бальзакъ! Онъ, пожалуй, бродилъ въ такомъ одѣяніи по Парижу, открывая его мистеріи, а, можетъ быть, это была и другая личность, сильно похожая на Бальзака и забавлявшаяся мистифицированьемъ постороннихъ людей. Нѣсколько дней спустя, я разсказалъ объ этой встрѣчѣ графинѣ Бокарме, а она передала мнѣ поклонъ отъ Бальзака, который уѣхалъ въ Петербургъ.

Возобновилъ я знакомство и съ Генрихомъ Гейне. Онъ успѣлъ за это время жениться здѣсь въ Парижѣ. Я нашелъ его нѣсколько нездоровымъ, но полнымъ энергіи. На этотъ разъ онъ былъ со мною такъ искрененъ, сердеченъ и простъ, что я пересталъ бояться его и стѣсняться показаться ему такимъ, каковъ я есть. Однажды онъ пересказалъ своей женѣ по-французски мою сказку «*Стойкій оловянный солдатикъ*» и затѣмъ повелъ меня къ ней, какъ автора. Предварительно онъ, впрочемъ, спросилъ меня: «Вы будете издавать описаніе этого путешествія?» Я сказалъ: «Нѣтъ!»—«Ну тогда я покажу вамъ свою жену!» Она была очень живая, хорошенькая и молоденькая парижанка. Вокругъ нея рѣзвилась цѣлая куча дѣтей. «Мы заняли ихъ у сосѣдей! Своихъ у насъ нѣтъ!» сказалъ мнѣ Гейне. Я принялъ участіе въ ея

познѣ съ дѣтьми, а Гейне удалился въ сосѣднюю комнату и написалъ мнѣ въ альбомъ:

Ein Lachen und Singen! Es blitzen und gaukeln
Die Sonnenlichter. Die Wellen schaukeln
Den lustigen Kahn. Ich sasz darinn
Mit lieben Freunden und leichtem Sinn.

Der Kahn zerbrach in eitel Trümmer,
Die Freunde waren schlechte Schwimmer,
Sie gingen unter im Vaterland;
Mich warf der Sturm an den Seinestrand.

Jch hab' ein neues Schiff bestiegen,
Mit neuen Genossen; es wogen und wiegen
Die fremden Fluthen mich hin und her—
Wie fern die Heimath! Mein Herz wie schwer!

Und das ist wieder ein Singen und Lachen—
Es pfeift der Wind, die Planken krachen—
Am Himmel erlischt der letzte Stern—
Mein Herz wie schwer! Die Heimath wie fern!

Diese Verse, die ich hier, in das Album meines lieben Freundes Andersen, schreibe, babe ich den 4-ten Mai 1843 zu Paris gedichtet.

Heinrich Heine.»

На этихъ же дняхъ получилъ я пріятное ободряющее доказательство интереса ко мнѣ и къ моимъ произведеніямъ въ Германіи. Одно нѣмецкое семейство,—одно изъ самыхъ милыхъ и интеллигентныхъ, какихъ я только знавалъ, прочитавъ переводы моихъ произведеній и мою краткую біографію, предшествовавшую роману «*Только скрипачъ*», почувствовало такую сердечную симпатію ко мнѣ, что написало мнѣ письмо, въ которомъ высказывало все свое удовольствіе и приглашало меня на возвратномъ пути на родину проѣхать черезъ ихъ городокъ и погостить у нихъ въ домѣ, если только мнѣ тамъ придется по душѣ. Письмо дышало самымъ искреннимъ и теплымъ чувствомъ, и это было первое письмо, полученное мною въ Парижѣ. Какая разница съ первымъ письмомъ, пришедшимъ ко мнѣ съ родины въ первое мое посѣщеніе Парижа! Объ этомъ также упоминалось въ письмѣ изъ Германіи; какъ видно, корреспонденты мои знали о томъ и писали мнѣ: «Надѣемся, что это наше искреннее посланіе изъ нѣмецкой страны явится для васъ болѣе пріятнымъ привѣтомъ на чужбинѣ!» Я принялъ приглашеніе, и

меня встрѣтили въ этомъ домѣ, какъ родного. Я охотно наѣзжалъ туда и впослѣдствіи,—я знаю, что меня полюбили тамъ не только какъ писателя, но и какъ человѣка.

И сколько подобныхъ доказательствъ интереса, возбужденнаго моими произведеніями, получалъ я впослѣдствіи! Одно изъ такихъ я и хочу здѣсь привести вслѣдствіе его оригинальности. Въ Саксоніи проживало одно богатое, почтенное семейство; хозяйка дома прочла мой романъ «*Только скрипачъ*», и онъ произвелъ на нее такое впечатлѣніе, что она пообѣщала—въ случаѣ, если встрѣтитъ бѣднаго ребенка съ большимъ музыкальнымъ талантомъ, не дать ему погибнуть, какъ бѣдный скрипачъ. Отецъ Клары Шуманъ, музыкантъ Викъ, слышалъ ея обѣщаніе и вскорѣ привелъ ей не одного, а цѣлыхъ двухъ бѣдныхъ мальчугановъ-братьевъ, отличавшихся музыкальными дарованіями, и напомнилъ ей ея обѣщаніе. Она переговорила съ мужемъ и сдержала слово. Оба мальчика были приняты въ ея домъ, получили хорошее воспитаніе и образованіе въ консерваторіи. Я слышалъ игру младшаго изъ нихъ; у него было такое радостное, счастливое лицо. Теперь оба они, кажется, музыкантами въ оркестрѣ одного изъ лучшихъ германскихъ театровъ. Конечно, можно справедливо замѣтить, что то же самое могла бы сдѣлать для бѣдныхъ мальчиковъ эта добрая дама и не читая моего романа, но разъ это случилось такъ, а не иначе, то я и привожу этотъ фактъ, явившійся для меня однимъ изъ звеньевъ цѣпи выпавшихъ на мою долю радостей.

Да, одинъ англійскій писатель назвалъ меня «The child of fortune» (дитя счастья), и я съ благодарностью долженъ признаться, что на мою долю дѣйствительно выпало въ жизни много радостей. Главное мое счастье заключалось въ томъ, что я все наталкивался на лучшихъ, благороднѣйшихъ людей своего времени. Разсказываю же я о своихъ радостяхъ такъ же, какъ разсказывалъ и о своихъ горестяхъ и тяжелыхъ испытаніяхъ, а вовсе не изъ желанія похвастаться, изъ тщеславія. Приписывать мнѣ въ этомъ случаѣ подобныя побужденія было бы крайне несправедливо.

Всѣми этими радостями я по большей части обязанъ чужеземцамъ, и меня, пожалуй, спросятъ — неужели я такъ-таки ни разу и не былъ уязвленъ заграничной критикой? Я долженъ отвѣтить—нѣтъ! Въ родной печати, вѣдь, ни разу не появлялось сообщенія о чемъ-либо подобномъ, значитъ— ничего такого и не было. Единственное исключеніе изъ общихъ благопріятныхъ отзывовъ обо мнѣ за-границей явился отзывъ одного нѣмца, обязанный своимъ происхожденіемъ, однако, датской критикѣ и появившійся какъ разъ во время моего пребыванія въ Парижѣ. Нѣкто Боасъ, путешествовавшій по сѣверу, описалъ свое путешествіе и далъ въ своей книгѣ между прочимъ и обзоръ современной датской литературы. Этотъ обзоръ былъ напечатанъ отдѣльно въ «*Grenzboten*», и въ немъ говорилось обо мнѣ и какъ о

писателѣ и какъ о человѣкѣ довольно много рѣзкаго. Я уже высказался по этому поводу въ «*Das Märchen meines Lebens*» и повторю то же самое и здѣсь: я увѣренъ, что явись г. Боасъ къ намъ въ Данію годомъ позже, онъ взглянулъ бы на меня совсѣмъ иначе. Въ годъ многое измѣняется, и какъ разъ черезъ годъ въ общественномъ мнѣніи произошелъ крутой поворотъ въ мою пользу. Я издалъ тогда мои «*Новыя сказки*», которыя и укрѣпили за мной почетное мѣсто въ ряду отечественныхъ писателей. Съ того времени мнѣ собственно не на что пожаловаться,—съ того времени я и въ отечествѣ своемъ началъ мало-по-малу пріобрѣтать такую благосклонность и такое признаніе, какихъ только вообще могъ заслуживать, а, пожалуй, даже и больше.

Сказки ставятся у насъ въ Даніи безусловно выше всего, что я написалъ, поэтому я и нахожу нужнымъ поподробнѣе поговорить здѣсь объ этихъ моихъ произведеніяхъ, которыя при первомъ своемъ появленіи были приняты далеко неблагосклонно.

Первая моя сказка находится въ «*Тѣневыхъ картинахъ*» въ главѣ «*Брауншвейгъ*» *), гдѣ я иронизирую надъ драмой «*Три дня изъ жизни игрока*». Въ этой же книгѣ можно найти и зародышъ «*Русалочки*»; описаніе эльфовъ Люнебургской степи безусловно принадлежитъ къ сказкамъ, что и замѣтилъ авторъ критической статьи, появившейся въ «*Jahrbücher der Gegenwart*» 1846 г.

Первый выпускъ «*Сказокъ*» вышелъ въ 1835 г. вскорѣ же послѣ «*Импровизатора*» и, какъ упомянуто, не встрѣтилъ особеннаго одобренія. Напротивъ, многіе даже сожалѣли, что авторъ, только что, повидимому, сдѣлавшій шагъ впередъ въ «*Импровизаторѣ*», сейчасъ же опять подался назадъ, взявшись за такіе пустяки, какъ сказки. Словомъ, меня упрекали именно за то, что заслуживало поощренія и похвалы, за стараніе выйти на новый путь творчества. Многіе изъ моихъ друзей, тѣ именно, чьи мнѣнія я особенно цѣнилъ, тоже совѣтовали мнѣ бросить писанье сказокъ; одни говорили, что у меня нѣтъ таланта къ этому и что это вообще не въ духѣ времени, другіе полагали, что ужъ если я желалъ пробовать свои силы въ этой области, то мнѣ слѣдовало предварительно изучить французскіе образцы. «*Литературный Ежемѣсячникъ*» совсѣмъ не говорилъ о моихъ сказкахъ — никогда. Отозвался о нихъ въ 1836 году одинъ только журналъ «*Даннора*», издаваемый и редактируемый Гёстомъ. Отзывъ этотъ звучитъ теперь положительно забавно, но тогда онъ, разумѣется, огорчилъ меня. Въ немъ говорилось, что «сказки эти могутъ позабавить дѣтей, но считать ихъ мало-мальски назидательными или ручаться за ихъ полную безвредность нельзя. Врядъ ли кто найдетъ особенно полезнымъ для дѣтей читать о принцессѣ, разъѣзжающей по ночамъ на собакѣ къ солдату, который цѣлуетъ ее и т. д. Сказка о «*Принцессѣ на горошинѣ*», была по мнѣнію критика, «лишена соли»,

*) См. т. III стр. 346.

**) См. т. III, стр 345

и онъ находилъ «не только не деликатнымъ, но даже прямо непозволительнымъ со стороны автора внушать ребенку ложное представленіе, будто бы знатныя особы всегда такъ ужасно чувствительны». Критикъ кончалъ статью пожеланіемъ, чтобы авторъ «впредь не тратилъ времени на писанье сказокъ для дѣтей.» А я между тѣмъ никакъ не могъ преодолѣть свое желанье продолжать писать ихъ.

Въ первомъ выпускѣ находились сказки, слышанныя мною въ дѣтствѣ; я только пересказалъ ихъ по примѣру Музеуса, сохранивъ, однако, тотъ же самый языкъ и тонъ—простой, естественный и по-моему наиболѣе подходящій. Но я зналъ, что ученые критики будутъ порицать меня какъ разъ за этотъ языкъ, и вотъ, чтобы поставить читателей на нужную мнѣ точку зрѣнія, я и назвалъ свои сказки «*Сказками для дѣтей*». Самъ же я всегда имѣлъ въ виду, что пишу ихъ не только для дѣтей, но и для взрослыхъ. Первый выпускъ заканчивался одною оригинальною сказкою, «*Идочкины цвѣты*», и ее-то какъ разъ меньше всего и порицали, даромъ, что она была явной родней разсказамъ Гофмана; зародышъ ея находился еще въ «*Прогулкѣ на Амагеръ*».

Влеченіе къ этому роду творчества все усиливалось во мнѣ, и я не могъ преодолѣть его, встрѣченные-же мною проблески одобренія именно названной оригинальной моей сказкѣ заставили меня попытаться написать еще нѣсколько оригинальныхъ. Черезъ годъ вышелъ второй небольшой выпускъ, а скоро и третій, содержавшій въ себѣ самую большую изъ оригинальныхъ моихъ сказокъ «*Русалочку*». Она-то главнымъ образомъ и обратила вниманіе на это новое явленіе въ литературѣ, и вниманіе это все возрастало по мѣрѣ выхода въ свѣтъ новыхъ выпусковъ. Выходили они обыкновенно къ Рождеству, и скоро какъ-то даже вошло въ обычай украшать елку книжкою моихъ сказокъ. Г. Фистеръ и г-жа Юргенсъ *) сдѣлали попытку читать нѣкоторыя мои сказки со сцены; это было нѣчто новое, вносившее нѣкоторое разнообразіе въ набившую оскомину декламаціонную часть программъ различныхъ артистическихъ вечеровъ. Нововведеніе привилось и стало пользоваться, особенно нѣсколько позже, большимъ успѣхомъ.

Какъ уже сказано, я озаглавилъ первые выпуски сказокъ «*Сказками для дѣтей*». Передавалъ я эти небольшія сказки тѣмъ же самымъ языкомъ, тѣми же выраженіями, какъ разсказывалъ ихъ дѣтямъ и устно и, наконецъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что такая манера передачи ихъ лучше всего соотвѣтствуетъ всѣмъ возрастамъ. Дѣтей болѣе всего забавляла самая фабула сказокъ, взрослыхъ интересовала вложенная въ нее идея. Сказки мои стали любимымъ чтеніемъ и для дѣтей и для взрослыхъ, чего по-моему и

*) Извѣстные артисты датскаго королевскаго театра. *Примѣч. перев.*

долженъ въ наше время добиваться всякій, кто хочетъ писать сказки. Убѣдившись въ томъ, что онѣ начинаютъ открывать себѣ доступъ всюду, ко всѣмъ сердцамъ, я откинулъ слова *«для дѣтей»* и выпустилъ слѣдующіе выпуски уже подъ заглавіемъ *»Новыя сказки»*. Всѣ онѣ были оригинальными, и ихъ приняли такъ хорошо, какъ я только могъ желать, и я боялся лишь одного, что мнѣ не удастся поддержать такое благопріятное отношеніе къ нимъ каждымъ новымъ выпускомъ.

Газета *«Отечество»* явилась первою изъ всѣхъ органовъ датской печати, которая по выходѣ выпуска съ новыми сказками: *«Безобразный утенокъ»*, *«Соловей»* и др., встрѣтила ихъ горячимъ сочувственнымъ отзывомъ. Она же первая указала на благопріятные отзывы о нихъ иностранной печати. Такъ, напримѣръ, въ 1846 г. въ ней появилась такая замѣтка: «Въ лондонской газетѣ *«The Athenеum»*, извѣстной своей критическою безпристрастностью, говорится о появившихся въ англійскомъ переводѣ сказкахъ А. слѣдующее: «Хотя это, пожалуй, и покажется шуткой, мы всетаки беремъ на себя смѣлость утверждать, что наиболѣе подходящей рецензіей на эти произведенія явилась бы какая-нибудь волшебная мелодія, въ родѣ той, которую написалъ Веберъ для русалокъ въ *«Оберонѣ»*, или тѣхъ, что импровизируетъ въ минуты нѣжнаго вдохновенія Листъ. Обыкновенная же рецензія слишкомъ угловата, тяжела, неграціозна, чтобы приглашать тонко-развитыхъ читателей взяться за такія полныя очарованія страницы, какъ эти» и т. д.

Какая разница между первымъ отзывомъ о сказкахъ, появившимся заграницею, и первымъ же, появившимся у насъ! У насъ тепло и сердечно отозвался о нихъ въ свое время только даровитый П. Л. Мюллеръ; онъ былъ вообще чуть-ли не единственнымъ писателемъ, осмѣлившимся тогда отзываться обо мнѣ, какъ о поэтѣ, одобрительно. Но его сужденіямъ мало придавали значенія; его не любили за то, что онъ не плылъ по общему теченію, дерзалъ во многомъ расходиться съ господствующимъ мнѣніемъ. Но мнѣ уже и то было важно, что за меня раздавался публично хоть одинъ голосъ! Мои *«Сказки»* стяжали себѣ одобрительные отзывы и у насъ и за-границей, и я мало-по-малу набирался силъ, чтобы противостоять могущимъ появиться непріятностямъ. Въ душу мнѣ хлынули ободряющіе лучи солнца, я ощущалъ въ себѣ приливъ радости, мужества и настойчиваго желанія все болѣе и болѣе совершенствоваться въ избранномъ направленіи, проникнуть въ самую сущность сказочныхъ элементовъ, вѣрнѣе уразумѣть богатѣйшій источникъ, изъ котораго я могъ черпать—природу. И надѣюсь, что всякій, кто прослѣдитъ мои сказки по порядку, въ какомъ онѣ написаны, замѣтитъ въ нихъ постепенное развитіе и совершенствованіе, какъ въ смыслѣ ясности и выпуклости идеи, умѣнья пользоваться матеріаломъ, такъ и жизненной правдивости и свѣжести.

Какъ бываетъ вырубаютъ себѣ ступеньку за ступенькою въ отвѣсной скалѣ, такъ и я отвоевывалъ себѣ шагъ за шагомъ прочное мѣсто въ датской литературѣ и, наконецъ, добился того признанія и поощренія, которыя могли способствовать дальнѣйшему развитію моего таланта куда больше, чѣмъ рѣзкая, безпощадная критика. Внутри меня просвѣтлѣло, я успокоился и проникся увѣренностью, что все, даже и горькое въ моей жизни, было необходимо для моего же развитія и блага.

Сказки были переведены почти на всѣ европейскіе языки; на нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ и др. языкахъ появилось даже нѣсколько различныхъ переводовъ ихъ, выдержавшихъ много изданій и продолжающихъ издаваться и теперь. Оказалось, такимъ образомъ, что я съ помощью Божьей самъ нашелъ вѣрную дорогу, вопреки указаніямъ критиковъ, совѣтовавшихъ мнѣ «изучать французскіе образцы». Послушайся я ихъ, меня наврядъ-ли стали бы переводить на французскій языкъ и сравнивать съ Лафонтеномъ. Въ предисловіи къ одному изъ французскихъ изданій моихъ сказокъ ихъ дѣйствительно сравнивали съ Лафонтеновскими «fables immortelles» (безсмертныя басни), а меня называли «nouveau Lafontaine. Il fait parler les bêtes avec esprit, il s'associe á leurs peines, à leurs plaisirs, semble devenir leur confident, leur interprète, et sait leur créer un language si naïf, si piquant et si naturel, qu'il ne semble que la reproduction fidèle de ce qu'il a véritablement entendu» *). Не удалось бы мнѣ тогда и оказать извѣстнаго вліянія на датскую литературу, котораго, я надѣюсь, достигъ теперь и которое признано даже за-границей. Укажу здѣсь, напр., на почтеннаго критика Юліана Шмидта («Geschichte der deutschen Nationallitteratur» Leipzig 1853), ставившаго мои «*Сказки*» и «*Картинки-Невидимки*» очень высоко. Онъ находитъ вполнѣ естественнымъ, что поэзія, отвѣчая требованіямъ времени и желая дать яркое и правдивое изображеніе реальнаго міра, бросается въ міръ фантазіи, ища тамъ природу, радующую сердце, и изучаетъ въ то же время все то, что составляетъ такъ называемыя «мелочи», какъ въ природѣ, такъ и въ жизни человѣческой.

Съ 1834 по 1852 г. «*Сказки*» все выходили отдѣльными выпусками, выдерживавшими каждый по нѣскольку изданій, затѣмъ онѣ вышли всѣ вмѣстѣ въ одномъ иллюстрированномъ сборникѣ. Слѣдующія мои произведенія того же рода стали появляться подъ названіемъ «*Исторій*»; это названіе

*) „Новый Лафонтенъ; онъ заставляетъ говорить животныхъ со смысломъ, входитъ въ ихъ положеніе, въ ихъ горести и радости, становится какъ бы повѣреннымъ и истолкователемъ ихъ; онъ умѣетъ создать для нихъ языкъ наивный, игривый и естественный, который кажется точнымъ воспроизведеніемъ подслушаннаго имъ въ дѣйствительности".

было выбрано мною отнюдь не произвольно, но объ этомъ, такъ же какъ о «*Сказкахъ*» и «*Исторіяхъ*» вообще — позже.

Авторъ книги «*Неаполь и Неаполитанцы*» D-r Майеръ высказался о моихъ сказкахъ очень сочувственно еще въ 1846 г. Обширная статья его «*Andersen und seine Werke*», помѣщенная въ «*Jahrbücher der Gegenwart*» (Сентябрь и Октябрь), содержитъ вообще много лестнаго для датской литературы, но прошла, кажется, совсѣмъ незамѣченною нашею печатью. Заканчивается упомянутая статья такъ: «Das Märchen Andersens in seiner vollsten Entfaltung füllt die Kluft zwischen den Kunstmärchen der Romantiker und den Volksmärchen wie es die Brüder Grimm afugezeichnet haben» *).

XI.

Къ этому періоду моей жизни относится сближеніе мое съ личностью, имѣвшею на меня весьма большое вліяніе. Ранѣе я уже имѣлъ случай говорить о лицахъ, имѣвшихъ на меня, какъ на писателя, извѣстное вліяніе; но ничье вліяніе не было для меня благотворнѣе вліянія той личности, о которой сейчасъ пойдетъ рѣчь. У нея я научился еще полнѣе отрѣшаться отъ своего «я», познавать святое въ искусствѣ и цѣнить свое призваніе.

Вернусь сначала къ 1840 г. Я жилъ тогда въ отелѣ и прочелъ однажды на доскѣ съ именами новопріѣзжихъ имя шведской пѣвицы Дженни Линдъ. Я слышалъ о ней, какъ о первой пѣвицѣ Стокгольма, и, въ виду оказанныхъ мнѣ недавно въ Швеціи почестей, счелъ долгомъ вѣжливости сдѣлать ей визитъ. Въ то время Дженни Линдъ еще не пользовалась извѣстностью внѣ предѣловъ своей родины, и я думаю, что въ Копенгагенѣ мало кто о ней слышалъ. Она приняла меня вѣжливо, но довольно равнодушно, почти холодно. Въ Копенгагенъ она, по ея словамъ, пріѣхала всего на нѣсколько дней — посмотрѣть городъ. Визитъ мой былъ очень коротокъ, разстались мы, едва познакомившись, и она оставила во мнѣ впечатлѣніе совершенно заурядной личности, которую я скоро и позабылъ. Осенью 1843 г. Дженни Линдъ опять была въ Копенгагенѣ, и другъ мой, балетмейстеръ Бурнонвиль, женатый на шведкѣ, подругѣ пѣвицы, сообщилъ мнѣ о ея пріѣздѣ и передалъ, что она съ удовольствіемъ вспоминаетъ обо мнѣ и будетъ рада опять увидѣть меня. Оказывалось, что теперь она успѣла познакомиться съ моими произведеніями. Бурнонвиль звалъ меня къ ней сейчасъ же и просилъ меня помочь ему уговорить ее остаться здѣсь на гастроли въ королевскомъ театрѣ. Онъ прибавилъ при этомъ, что я навѣрно приду въ восторгъ отъ ея пѣнія.

Мы явились къ пѣвицѣ, и она приняла меня уже не какъ чужого, сер-

*) Сказки *А.* въ ихъ полномъ развитіи наполняютъ пропасть между искусственными сказками романтиковъ и народными сказками, какъ онѣ записаны братьями Гриммъ.

дечно пожала мнѣ руку, бесѣдовала со мной о моихъ произведенiяхъ и о своемъ другѣ Фредерикѣ Бремеръ. Скоро рѣчь зашла о ея предполагаемыхъ гастроляхъ здѣсь въ Копенгагенѣ, и она призналась, что не рѣшается выступить изъ боязни. «Я никогда не пѣла внѣ Швецiи!» сказала она. «Дома меня всѣ любятъ, а здѣсь, пожалуй, освищутъ. Нѣтъ, я не смѣю выступить здѣсь!» Я отвѣтилъ, что не имѣю возможности судить ни о ея пѣнiи, ни о ея артистическомъ дарованiи, но, въ виду господствующаго нынѣ общаго настроенiя, увѣренъ, что она будетъ имѣть успѣхъ, если только мало-мальски обладаетъ голосомъ и драматическимъ талантомъ.

Благодаря уговорамъ Бурнонвиля, копенгагенцы испытали величайшее наслажденiе. Дженни Линдъ выбрала для перваго выхода партiю Алисы въ «*Робертѣ*». Молодой, свѣжiй, прелестный голосъ ея прямо лился въ душу! Исполненiе ея дышало самою жизнью, самою правдою; все становилось яснымъ, получало должное значенiе.

Въ данномъ ею затѣмъ концертѣ, Дженни Линдъ исполнила, между прочимъ, нѣсколько шведскихъ пѣсенъ, и народныя мелодiи въ ея исполненiи положительно увлекли всѣхъ своей оригинальной прелестью. Можно было забыть, что находишься въ концертной залѣ, такъ сильно было очарованiе, производимое ея пѣнiемъ и чистой дѣвственностью всей ея натуры, отмѣченной печатью генiя. Весь Копенгагенъ превозносилъ пѣвицу, хотя, разумѣется, нашлось и много знатныхъ баръ, которые не пожелали пропустить абонементнаго спектакля модной итальянской оперы изъ-за пѣвицы, не успѣвшей еще снискать себѣ европейской извѣстности. Но это вполнѣ естественно. За то всѣ остальные, слышавшiе ее, были въ восторгѣ, и Дженни Линдъ первой изъ иностранныхъ артистокъ была дана датскими студентами серенада. Пѣвица уже переѣхала изъ отеля въ семью Бурнонвиля, гдѣ ее приняли, какъ дорогую подругу или родственницу, и вотъ однажды вечеромъ вся семья была на вечерѣ у главнаго инструктора королевскаго театра Нильсена, жившаго на Фредериксбергскомъ бульварѣ,—тутъ-то студенты и устроили факельное шествiе, а затѣмъ дали пѣвицѣ серенаду. Одну изъ пѣсенъ для нея написалъ Ф. А. Гётъ, а другую я. Пѣвица отблагодарила студентовъ, спѣвъ въ свою очередь нѣсколько шведскихъ пѣсенъ, а потомъ я увидалъ, какъ она забилась въ темный уголокъ, чтобы выплакать свою радость. «Да, да!» твердила она: «Я буду трудиться, буду работать надъ собою! Я выучусь пѣть еще лучше къ тому времени, когда опять вернусь въ Копенгагенъ!»

На сценѣ Дженни Линдъ была ослѣпительной артисткой, звѣздой первой величины, а дома робкой скромной молодою дѣвушкой, съ дѣтски-благочестивой душой. Ея появленiе на сценѣ королевскаго театра составило эпоху въ исторiи нашей оперы, мнѣ же она открыла святое въ искусствѣ, я увидѣлъ въ ней одну изъ его служительницъ-весталокъ. Скоро она вернулась

въ Стокгольмъ, и Фредерика Бремеръ писала мнѣ оттуда о ней: «О Дженни Линдъ, какъ объ артисткѣ, мы одного мнѣнія; она стоитъ на такой высотѣ, какой только вообще можетъ достигнуть въ наше время артистка. Но вы все таки еще не вполнѣ знаете ее; поговорите-ка съ ней объ ея искусствѣ, и вы оцѣните ея умъ, увидите, какъ все лицо ея преобразится отъ священнаго восторга, поймете ея духовное развитіе. Наконецъ, поговорите, съ ней о Богѣ и о религіи, и вы увидите въ ея невинныхъ глазахъ слезы. Она великая артистка, но еще выше стоитъ, какъ человѣкъ!»

Годъ спустя, я былъ въ Берлинѣ. Однажды ко мнѣ зашелъ композиторъ Мейерберъ, и мы разговорились о Дженни Линдъ. Онъ слышалъ, какъ она пѣла шведскія пѣсни и былъ просто пораженъ. «Но, какъ она играетъ? Какъ передаетъ речитативы?» спросилъ онъ меня. Я высказалъ ему свой полный восторгъ, привелъ нѣсколько подробностей передачи ею партіи Алисы, и онъ сказалъ, что, можетъ быть, ему удастся залучить ее сюда въ Берлинъ, но что пока идутъ только переговоры. Извѣстно, что приглашеніе Дженни Линдъ въ Берлинъ состоялось, она покорила берлинцевъ, и съ этого-то времени и началась ея европейская извѣстность.

Осенью 1845 г. Дженни Линдъ снова была въ Копенгагенѣ, и на этотъ разъ восторгъ публики достигъ невѣроятныхъ размѣровъ,—ореолъ славы, вѣдь, помогаетъ публикѣ яснѣе разглядѣть талантъ. Люди положительно располагались передъ театромъ на бивуаки, чтобы добиться билета на спектакль съ участіемъ Дженни Линдъ; то же повторялось впослѣдствіи и въ различныхъ европейскихъ и американскихъ городахъ. Дженни Линдъ произвела на этотъ разъ еще сильнѣйшее впечатлѣніе даже на тѣхъ, кто уже и раньше былъ отъ нея въ восторгѣ; публика имѣла возможность услышать ее въ нѣсколькихъ, въ высшей степени разнообразныхъ партіяхъ. Исполненіе ею «Нормы» было поистинѣ классическимъ! Каждою своею позою она просилась въ модели скульптору; можно было предположить, что она обдумала малѣйшую подробность, изучила передъ зеркаломъ каждый жестъ, а между тѣмъ все это было результатомъ одного вдохновенія и потому всегда поражало новизною и жизненною правдою. Я видѣлъ и слышалъ въ роли Нормы знаменитыхъ Малибранъ, Гризи и Шредеръ-Девріенъ, но какъ ни геніально было исполненіе каждой изъ нихъ, Дженни Линдъ произвела на меня еще болѣе полное, чарующее впечатлѣніе. Она вела эту роль правдивѣе, захватывала своимъ пѣніемъ и игрою сильнѣе, чѣмъ онѣ всѣ. Норма не бѣснующаяся итальянка, но оскорбленная женщина, и женщина съ рѣдкимъ сердцемъ, готовая пожертвовать собою ради невинной соперницы. Она рѣшается на убійство дѣтей вѣроломнаго возлюбленнаго лишь подъ вліяніемъ минутной вспышки, а стоитъ ей взглянуть на невинныхъ малютокъ, и она обезоружена. «Норма, святая жрица!» поетъ хоръ, и эту-то жрицу и олицетворяла собою Дженни Линдъ, когда пѣла: «casta diva!» У насъ въ

Копенгагенѣ Дженни Линдъ исполняла всѣ свои партіи на шведскомъ языкѣ, а всѣ остальные участвующіе пѣли по-датски, и оба языка отлично гармонировали одинъ съ другимъ; ничто не нарушало цѣльности впечатлѣнія даже въ «*Дочери полка*», гдѣ много діалоговъ; въ устахъ Дженни Линдъ шведскій языкъ звучалъ какъ-то особенно характерно, какъ-то особенно шелъ къ ней. А игра ея! Впрочемъ, самое слово «игра» здѣсь неумѣстно; это была сама жизнь, сама правда, до сихъ поръ еще не виданная на сценѣ. Дженни Линдъ изобразила намъ настоящее дитя природы, выросшее въ солдатскомъ лагерѣ, и въ то-же время въ каждомъ ея движеніи проглядывали врожденныя грація и благородство. «*Дочь полка*» и «*Соннамбула*» были коронными партіями Дженни Линдъ, ни одна пѣвица не могла бы въ нихъ соперничать съ нею. Слушая ее, глядя на нее, хотѣлось и смѣяться и плакать отъ умиленія, казалось, что сидишь въ церкви, становишься лучше и добрѣе! Чувствовалось, что Богъ не только въ природѣ, но и въ искусствѣ, а тамъ, гдѣ видишь, чувствуешь присутствіе Бога, тамъ—та-же церковь. Мендельсонъ, говоря со мною о Дженни Линдъ, выразился такъ: «Такія личности, какъ она, рождаются вѣками!» Таково же и мое убѣжденіе. Видя ее на сценѣ, чувствуешь, что священный напитокъ искусства подносится тебѣ въ чистомъ сосудѣ. «Вотъ была бы исполнительница для моей Вальборги!» воскликнулъ Эленшегеръ, весь сіяя отъ восторга, и посвятилъ ей прекрасное, глубоко прочувствованное стихотвореніе. Торвальдсенъ съ перваго же раза призналъ въ ней геніальную артистку, и когда я познакомилъ его съ нею въ театрѣ, онъ низко поклонился ей и поцѣловалъ ея руку. Она вся вспыхнула и хотѣла въ свою очередь поцѣловать его руку, а я просто перепугался, зная публику,—въ ней, вѣдь, всегда преобладаетъ критическое настроеніе.

Да, никто не могъ затмить Дженни Линдъ, какъ артистку, кромѣ—ея же самой, какою она являлась въ частной жизни. Она очаровывала своимъ умомъ и дѣтской радостью, съ какою отдавалась скромной домашней жизни. Она была такъ счастлива возможностью хоть на время не принадлежать публикѣ! Ея завѣтною мечтою была тихая семейная жизнь, а между тѣмъ она всей душой любила искусство, сознавала свое призваніе и была готова служить ему. Ея благородную, благочестивую натуру не могло испортить поклоненіе; всего одинъ разъ при мнѣ высказала она, что сознаетъ свой талантъ и радуется ему. Это было во время ея послѣдняго пребыванія въ Копенгагенѣ. Она почти ежедневно выступала на сценѣ, каждый часъ былъ у нея занятъ, но вотъ она услыхала о «Союзѣ призрѣнія безпризорныхъ дѣтей», о его дѣятельности, преуспѣяніи и недостаткѣ матеріальныхъ средствъ и сказала намъ: «Да развѣ у меня не найдется свободнаго вечера! Ну и дадимъ спектакль въ пользу этихъ дѣтей! Только ужъ цѣны мы назначимъ двойныя!» Вообще же она строго слѣдила за тѣмъ, чтобы этого ни-

когда не было при ея гастроляхъ. Спектакль состоялся; былъ данъ актъ изъ «*Волшебнаго стрѣлка*» и изъ «*Лючіи*»; особенно увлекла всѣхъ Дженни Линдъ въ партіи Лючіи. Самъ Вальтеръ Скоттъ наврядъ ли могъ бы представить себѣ болѣе прекрасный и правдивый образъ несчастной Лючіи. Сборъ со спектакля достигъ очень крупной суммы, и когда я назвалъ ее Дженни Линдъ, прибавивъ при этомъ, что теперь бѣдныя дѣти обезпечены года на два, она, вся сіяя отъ счастья и со слезами на глазахъ, воскликнула: «Какъ это чудесно, что я могу такъ пѣть!»

Я привязался къ ней всѣмъ сердцемъ, какъ нѣжный любящій братъ, и былъ счастливъ, что мнѣ пришлось узнать такую идеальную душу. Во все время ея пребыванія въ Копенгагенѣ я видѣлся съ нею ежедневно. Она жила въ семействѣ Бурнонвиля, и я проводилъ у нихъ большую часть свободнаго времени. Передъ отъѣздомъ Дженни Линдъ дала въ отелѣ «Рояль» прощальный обѣдъ для всѣхъ, кто, какъ она выразилась, оказалъ ей услуги, и, кажется, всѣ приглашенные, за исключеніемъ меня, получили отъ нея что-нибудь на память. Бурнонвилю она подала серебряный кубокъ съ надписью: «Балетмейстеру Бурнонвилю, бывшему мнѣ отцомъ въ Даніи, моемъ второмъ отечествѣ». Бурнонвиль въ отвѣтной рѣчи сказалъ, что теперь всѣ датчане захотятъ быть его дѣтьми, чтобы сдѣлаться братьями Дженни Линдъ! «Ну, это ужь будетъ слишкомъ много!» отвѣтила она, смѣясь: «Я лучше выберу себѣ изъ нихъ въ братья кого нибудь одного! Хотите вы, Андерсенъ, быть моимъ братомъ?» И она подошла ко мнѣ, чокнулась со мною бокаломъ шампанскаго, и всѣ гости выпили за здоровье «брата». Когда она уѣхала изъ Копенгагена, голубь-письмоносецъ частенько леталъ между нами. Я такъ полюбилъ ее! Мнѣ довелось увидѣться съ нею опять, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго. Увидѣлись мы въ Германіи и въ Англіи, и объ этихъ встрѣчахъ можно было бы написать цѣлую поэму сердца — разумѣется, моего, и я смѣло могу сказать, что, благодаря Дженни Линдъ, я впервые позналъ святость искусства и проникся сознаніемъ долга, повелѣвающаго забывать себя самого ради высокихъ цѣлей искусства! Никакія книги, никакіе люди долгое время не оказывали на меня, какъ на поэта, лучшаго, болѣе облагораживающаго вліянія, нежели она; не удивительно поэтому, что я такъ долго и обстоятельно останавливаюсь на воспоминаніяхъ о ней.

Я счастливымъ опытомъ позналъ на себѣ, что чѣмъ яснѣе становятся для человѣка задачи искусства и жизни, тѣмъ ярче освѣщаетъ солнышко и всю его душу. И какое благодатное время смѣнило для меня прежніе мрачные дни! Въ душу мою снизошли миръ и спокойствіе, но такое спокойствіе отлично гармонируетъ съ разнообразною, полною смѣняющихся впечатлѣній жизнью туриста. Было время, когда мнѣ тяжело жилось на родинѣ, такъ что пребываніе за-границей являлось для меня какъ-бы передышкой, вотъ

я и привыкъ видѣть въ чужой странѣ — обѣтованную страну мира, полюбилъ ее; къ тому же я легко привязывался къ людямъ, которые въ свою очередь платили мнѣ сердечнымъ участіемъ, такъ вполнѣ естественно, что я чувствовалъ себя за-границею отлично, ѣздилъ туда охотно. «Кто путешествуетъ—живетъ!» *)

Лѣтомъ 1844 г. я опять отправился въ Сѣверную Германію. Во время перваго моего посѣщенія ея въ 1831 г. Гёте еще былъ живъ, и мнѣ страстно хотѣлось видѣть его. Отъ Гарца до Веймара ужъ близехонько, но я не запасся тогда рекомендательнымъ письмомъ къ великому поэту, изъ произведеній моихъ еще не было переведено на нѣмецкій языкъ ни строчки, да вдобавокъ я слышалъ отъ многихъ, что Гёте персона очень важная—такъ захотѣлъ-ли бы еще онъ принять меня? Я усумнился въ этомъ и рѣшился отложить свое посѣщеніе Веймара до тѣхъ поръ, пока мнѣ удастся создать такое произведеніе, которое сдѣлаетъ мое имя извѣстнымъ и въ Германіи. Мнѣ и удалось это, благодаря «*Импровизатору*», но тогда Гёте уже не было въ живыхъ. Возвращаясь на родину изъ путешествія по Турціи, я познакомился у Мендельсона съ невѣсткою Гёте, которая, по ея словамъ, и пріѣхала въ Лейпцигъ по желѣзной дорогѣ изъ Дрездена, именно ради меня. Эта умная почтенная женщина отнеслась ко мнѣ съ сердечной привѣтливостью и разсказала, что сынъ ея Вальтеръ давно уже любитъ меня и что онъ еще мальчикомъ передѣлалъ моего «*Импровизатора*» въ драму, которую и играли въ домѣ Гёте. Затѣмъ она добавила, что увлеченіе молодого человѣка доходило до того, что онъ даже собирался поѣхать въ Копенгагенъ—знакомиться со мною. Какой-то путешественникъ-датчанинъ, котораго онъ встрѣтилъ въ Саксонской Швейцаріи, далъ ему письмо ко мнѣ, но обо мнѣ отозвался не особенно-то тепло и былъ просто пораженъ тѣмъ значеніемъ, которое придавалъ мнѣ, какъ писателю, молодой Гёте.

Итакъ у меня уже были друзья въ Веймарѣ! И меня непреодолимо влекло въ этотъ городъ, гдѣ жили Гёте, Шиллеръ, Виландъ и Гердеръ, откуда разливалось по всему міру столько свѣта. Я прибылъ туда 21 іюня, какъ разъ въ день рожденія великаго герцога. Все говорило о праздникѣ, и прибывшій въ театръ, гдѣ давалась новая опера, наслѣдный великій герцогъ былъ встрѣченъ шумными оваціями. И ни думалъ, ни гадалъ я тогда, какъ крѣпко привяжусь я всѣмъ сердцемъ ко всему прекрасному, что видѣлъ сейчасъ передъ собою, сколько будущихъ моихъ друзей сидитъ тутъ вокругъ меня, какъ дорогъ и милъ станетъ мнѣ этотъ городъ! Да, онъ сталъ для меня въ Германіи второй родиной! Меня познакомили съ достойнымъ другомъ Гёте и прекраснѣйшимъ человѣкомъ, старымъ канцлеромъ Мюллеромъ, и онъ принялъ меня у себя съ самымъ сердечнымъ радушіемъ. Въ первое же

*) См. Т. III. стр. 500.

свое посѣщеніе я случайно встрѣтился у него съ камергеромъ Больё де Марконэ, котораго я зналъ еще въ Ольденбургѣ. Онъ только недавно получилъ назначеніе въ Веймаръ и жилъ здѣсь холостякомъ. Вотъ онъ и предложилъ мнѣ, вмѣсто того, чтобы жить въ отелѣ, переѣхать на все время моего пребыванія въ Веймарѣ къ нему. Я принялъ приглашеніе и, нѣсколько часовъ спустя, уже устроился у него какъ нельзя лучше. Есть люди, съ которыми сойтись и которыхъ полюбить очень недолго; къ такимъ принадлежалъ и мой хозяинъ, и я за эти дни пріобрѣлъ въ немъ, хочу надѣяться—навсегда, вѣрнаго друга. Онъ ввелъ меня во всѣ лучшія семейства города, канцлеръ Мюллеръ также взялъ меня подъ свое покровительство, и вотъ я изъ одинокаго, всѣмъ чужого пріѣзжаго (госпожа Гёте и ея сыновья уѣхали въ Вѣну), превратился въ желаннаго гостя лучшихъ семействъ города.

Милостивый и сердечный пріемъ великаго герцога и его супруги совершенно очаровалъ меня. Послѣ того, какъ я былъ имъ представленъ, они пригласили меня на обѣдъ къ себѣ, а вскорѣ затѣмъ я получилъ приглашеніе и отъ наслѣднаго великаго герцога съ супругою. Они проживали тогда въ охотничьемъ замкѣ Эттерсбургѣ, лежащемъ на холмѣ близъ лѣса. Я поѣхалъ туда съ канцлеромъ Мюллеромъ и біографомъ Гёте Эккерманомъ. Недалеко отъ замка нашу карету остановилъ какой-то молодой человѣкъ съ яснымъ, открытымъ лицомъ и прекрасными кроткими глазами и спросилъ: «А что-же, Андерсенъ съ вами?» Замѣтивъ его радость при видѣ меня, я пожалъ ему руку, а онъ сказалъ: «Прекрасно сдѣлали, что пріѣхали! Я скоро увижусь съ вами тамъ!»—«Кто этотъ молодой человѣкъ?» спросилъ я, когда мы тронулись дальше. «Да наслѣдный великій герцогъ!» отвѣтилъ канцлеръ Мюллеръ. Итакъ, представленіе моё уже состоялось. Въ замкѣ мы опять встрѣтились. Все здѣсь дышало какой-то удивительной уютностью и миромъ; я видѣлъ вокругъ себя все привѣтливыя, радостныя лица; всѣ были такъ оживлены. Молодую герцогскую чету, видимо, соединяло глубокое искреннее чувство. Для того, чтобы хорошо чувствовать себя во время продолжительнаго пребыванія при дворѣ, надо имѣть возможность забыть звѣзды на груди ради скрывающихся за ними сердецъ, и однимъ изъ благороднѣйшихъ, лучшихъ сердецъ обладалъ здѣсь самъ Карлъ-Александръ Саксенъ-Веймарскій. И много разъ—и въ счастливые, радостные, и въ тяжелые, полные серьезныхъ событій годы, имѣлъ я случай укрѣпиться въ этомъ убѣжденіи. Во время пребыванія своего въ Веймарѣ я еще не разъ посѣтилъ прекрасный Эттерсбургъ, и однажды наслѣдный великій герцогъ показалъ мнѣ въ паркѣ, откуда видны горы Гарца, старое дерево, на стволѣ котораго вырѣзали свои имена Гёте, Шиллеръ и Виландъ. Да и самъ Юпитеръ пожелалъ отмѣтить его, расщепивъ своей молніеносною стрѣлою одну изъ вѣтвей. Госпожа фонъ-Гросъ, женщина съ большимъ умомъ и извѣстная подъ псевдонимомъ Амаліи Винтеръ писательница, а также милѣй-

шій канцлеръ Мюллеръ умѣли такъ живо воскресить передъ нами своими разсказами время Гёте и пояснить намъ текстъ Фауста самыми яркими комментаріями. Къ кружку нашему принадлежалъ еще добрѣйшій, дѣтски-чистый душою Эккерманъ, и вечеръ за вечеромъ пролеталъ для меня какъ чудный сонъ. Часто кто-нибудь изъ насъ читалъ вслухъ, и я также отважился прочесть по-нѣмецки свою сказку «*Стойкій оловянный солдатикъ*». Канцлеръ Мюллеръ водилъ меня въ герцогскій склепъ, гдѣ похороненъ рядомъ съ своей супругой Карлъ-Августъ. Вблизи ихъ гробницъ покоятся и великіе безсмертные друзья ихъ, которыхъ они сумѣли оцѣнить при жизни; увядшіе лавровые вѣнки лежали на простыхъ темныхъ гробницахъ, единственное украшеніе которыхъ безсмертныя имена: «*Гёте и Шиллеръ*». Какъ при жизни герцогъ и поэты шли рука объ руку, такъ и послѣ смерти останки ихъ покоятся подъ однимъ сводомъ. Такое мѣсто не изгладится изъ памяти; очутившись въ немъ, невольно шепчешь про себя молитву!

Оставить Веймаръ было для меня почти то же, что оставить родину, и когда я, выѣзжая изъ воротъ города, обернулся, чтобы бросить на него послѣдній взоръ, сердце мое сжалось отъ грусти; для меня какъ бы кончилась прекрасная глава моей жизни. И мнѣ казалось, что дальнѣйшее путешествіе уже не будетъ имѣть для меня никакой прелести. Какъ часто съ тѣхъ поръ леталъ отъ меня туда голубь-письмоносецъ, а еще чаще — мои мысли. Въ Веймарѣ, городѣ поэтовъ, душу мою озарило яркое солнышко.

Въ Лейпцигѣ, куда я прибылъ затѣмъ, меня ожидалъ прекрасный, истинно поэтическій вечеръ у Роберта Шумана. Геніальный композиторъ годъ тому назадъ положилъ на музыку четыре моихъ стихотворенія, переведенныя Шамиссо, и сдѣлалъ мнѣ честь, посвятивъ ихъ мнѣ. Романсы эти и были спѣты въ упомянутый вечеръ госпожою Фреге, восхищавшей своимъ задушевнымъ пѣніемъ столько людей. Аккомпанировала ей Клара Шуманъ, а слушателями были только самъ композиторъ да поэтъ. Прекрасная музыка и оживленная бесѣда за ужиномъ заставили вечеръ пролетѣть черезчуръ скоро. Въ одномъ письмѣ Робертъ Шуманъ также вспоминаетъ объ этомъ прекрасномъ вечерѣ: «—Ein Zusammentreffen, wie das an dem Abend, wo Sie bei uns waren,—Dichter, Sängerinn, Spielerinn und Componist zusammen, wird es sobald wieder kommen? Kennen Sie «*Das Schifflein*» von Uhland—

— — «Wann treffen wir
An einem Ort uns wieder?»

Jener Abend wird mir unvergesslich sein»? *)

*) Когда же повторится такая встрѣча, какъ въ тотъ вечеръ, когда сошлись вмѣстѣ вы—поэтъ, пѣвица, аккомпаніаторша и композиторъ? Знаете-ли вы „*Корабликъ*“ Уланда: „— Когда жъ мы снова увидимся на этомъ мѣстѣ?“ Этого вечера я никогда не забуду.

Гдѣ тебя хорошо принимаютъ, тамъ охотно и остаешься, и я чувствовалъ себя во все время этого маленькаго путешествія по Германіи несказанно счастливымъ. Я убѣдился, что я былъ тамъ не чужой. Въ моихъ произведеніяхъ цѣнили главнымъ образомъ сердце, естественность и правдивость; вѣдь какъ бы ни была прекрасна и достойна похвалы самая форма произведенія, какъ бы ни поражали своею глубиною высказанныя въ немъ идеи, главную роль играетъ всетаки проникающее его искреннее чувство. Оно изъ всѣхъ свойствъ человѣческой природы наименѣе подвергается вліянію времени и наиболѣе доступно пониманію каждаго.

Домой я направился черезъ Берлинъ, гдѣ я не былъ уже нѣсколько лѣтъ, но самаго дорогого изъ моихъ тамошнихъ друзей, Шамиссо, уже не было въ живыхъ. Я увидѣлся съ его дѣтьми, оставшимися теперь круглыми сиротами. Лишь глядя на окружающую меня молодежь, я сознаю, что самъ все старѣю, въ душѣ-же я этого совсѣмъ не замѣчаю. Сыновья Шамиссо, которыхъ я видѣлъ въ послѣдній разъ еще мальчиками, игравшими въ садикѣ, были теперь уже офицерами, носили сабли и каски, и я почувствовалъ въ это мгновеніе, какъ быстро летятъ годы, какъ все мѣняется и сколько дорогихъ сердцу людей уноситъ съ собой время.

Изъ Штеттина я въ бурную погоду переправился въ Копенгагенъ, съ радостью увидѣлъ опять всѣхъ своихъ дорогихъ друзей и, нѣсколько дней спустя, снова уѣхалъ изъ Копенгагена—провести нѣсколько прекрасныхъ лѣтнихъ дней въ миломъ «Глорупѣ» у графа Мольтке-Витфельда. Здѣсь я получилъ письмо отъ министра Ранцау-Брейтенбурга, находившагося вмѣстѣ съ королемъ Христіаномъ VIII и королевой Каролиной-Амаліей на купаньяхъ на Фѣрѣ. Оказывалось, что Ранцау сообщилъ королю о моей поѣздкѣ въ Германію и объ оказанномъ мнѣ Веймарскимъ дворомъ милостивомъ пріемѣ, и король съ королевой, всегда относившіеся ко мнѣ очень благосклонно, также пожелали пригласить меня провести въ ихъ обществѣ нѣсколько дней. Милостивое приглашеніе свое они и передавали мнѣ черезъ графа Ранцау.

И вотъ, какъ разъ черезъ двадцать пять лѣтъ со дня перваго прибытія моего въ Копенгагенъ бѣднымъ безпомощнымъ мальчуганомъ, мнѣ предстояло быть въ гостяхъ у своихъ короля и королевы, къ которымъ я всегда былъ искренно привязанъ и которыхъ мнѣ представлялся теперь случай узнать поближе и полюбить еще искреннѣе. Вся обстановка этого моего пребыванія на островѣ Фѣрѣ, люди и самая природа, неизгладимо запечатлѣлись въ моей памяти. Я почувствовалъ себя здѣсь какъ бы достигшимъ той высоты, съ которой я еще яснѣе могъ видѣть пройденный мною за эти двадцать пять лѣтъ жизненный путь, сознавать всѣ радости, выпавшія мнѣ на долю, и понимать, какъ все, даже горькое, вело къ моему же благу. Да, дѣйствительность часто превосходитъ самую прекраснѣйшую мечту!

Съ Фіоніи я переправился въ Фленсборгъ, и затѣмъ началась медленная поѣздка черезъ степь, гдѣ быстро проносятся одни облака. Вѣчный хрустъ песка, однообразный свистъ степной птицы въ верескѣ—все нагоняло сонъ. Но еще медленнѣе, еще труднѣе, даже опаснѣе стала наша поѣздка, когда степь кончилась, и размытая дождями дорога обратилась въ мѣсиво; здѣсь положительно можно было сломать себѣ шею. Одну милю тащились нѣсколько часовъ; наконецъ, кое-какъ достигъ я Дагебюля, откуда видно было Нѣмецкое море съ островками вдоль всего берега, представлявшаго собственно искусственную насыпь, укрѣпленную со стороны моря плотиною. Я пріѣхалъ какъ разъ во время прилива, вѣтеръ былъ попутный, и всего черезъ какой-нибудь часъ я уже былъ на Фёрѣ, который послѣ труднаго пути показался мнѣ просто волшебною страною. Городокъ Вюкъ, самый большой на всемъ островѣ, весь построенъ по голландскому образцу,—дома все одноэтажные, съ соломенными кровлями щипцомъ. Вообще все здѣсь имѣетъ довольно жалкій видъ, но масса наѣзжихъ иностранцевъ и присутствіе королевскаго двора придавало городку, особенно главной его улицѣ, необычайно оживленный и праздничный видъ. Почти всѣ дома были заняты пріѣзжими гостями, изо всѣхъ оконъ выглядывали знакомыя лица, развѣвались датскіе флаги, играла музыка, словомъ—я какъ будто попалъ въ самый разгаръ какого-нибудь празднества. Матросы съ парохода понесли мой багажъ въ курзалъ. Неподалеку отъ пристани и вблизи одноэтажнаго домика, гдѣ помѣщалась королевская чета, увидѣли мы досчатый домъ съ раскрытыми настежъ окнами; при нашемъ приближеніи въ окнахъ появились головы дамъ, кричавшихъ мнѣ: «Андерсенъ! Добро пожаловать! Добро пожаловать!» Матросы сняли шапки и низко поклонились; до сихъ поръ я былъ для нихъ неизвѣстнымъ пріѣзжимъ, о званіи и положеніи котораго они могли судить лишь по догадкамъ, теперь же я превратился для нихъ въ важную персону,— привѣтствовавшія меня дамы были принцессы Августенборгскія и ихъ мать герцогиня. Едва я усѣлся въ курзалѣ за табльд'отъ и уже привлекъ на себя, какъ вновь прибывшій, всеобщее любопытство, какъ явился королевскій посланецъ звать меня къ обѣду въ королевское семейство. Обѣдъ у нихъ уже начался, но король и королева, узнавъ о моемъ прибытіи, велѣли сейчасъ-же пригласить меня къ себѣ. «Вотъ теперь-то я сдѣлаюсь интереснымъ!» сказалъ мнѣ мой землякъ, сосѣдъ по столу. Согласно распоряженію короля, мнѣ было немедленно отведено помѣщеніе, завтракать же, обѣдать и вечера проводить я долженъ былъ въ обществѣ ихъ величествъ. Я провелъ на Фёрѣ чудные, свѣтлые дни, какихъ уже не видалъ никогда потомъ. Такъ пріятно открывать благородныхъ и прекрасныхъ людей тамъ, гдѣ вообще привыкъ видѣть лишь короны, да пурпурныя мантіи. Немногіе люди могутъ быть въ своей домашней жизни привѣтливѣе и проще царственной четы, ко-

торую я имѣлъ здѣсь случай узнать поближе. Дай имъ Богъ всего хорошаго за ту ласку, которою они согрѣли тогда мою душу!

По вечерамъ я обыкновенно читалъ какія-нибудь сказки. Любимыми сказками короля были «*Соловей*» и «*Свинопасъ*», и ихъ часто приходилось перечитывать. Мои талантъ импровизаціи также скоро обнаружился вотъ по какому поводу. Однажды вечеромъ кто-то изъ придворныхъ кавалеровъ сказалъ въ шутку одной изъ молодыхъ принцессъ Августенборгскихъ какое-то двустишіе. Я стоялъ рядомъ и шутя замѣтилъ: «Вы не вѣрно сказали свои стихи! Я ихъ знаю лучше! Вамъ слѣдовало сказать...» И я произнесъ экспромтъ. Поднялся смѣхъ, шутки; шумъ долетѣлъ до короля, игравшаго въ карты въ сосѣдней комнатѣ, и онъ спросилъ въ чемъ дѣло. Я повторилъ ему свой экспромтъ, сказанный отъ имени другогол ица, и тутъ всѣ принялись пытаться сочинять экспромты, а я долженъ былъ помогать имъ.

Участвовалъ я также въ разныхъ прогулкахъ и экскурсіяхъ королевской четы. Между прочимъ мы посѣтили самые большіе изъ островковъ, этихъ зеленыхъ рунъ моря, которыми онъ сообщаетъ намъ о затонувшей землѣ. Бурныя волны превратили плоскую равнину въ островки, часто размываютъ и эти и погребаютъ людей и города. Годъ за годомъ исчезаютъ одинъ за другимъ эти клочки землицы, и лѣтъ черезъ пятьдесятъ здѣсь, пожалуй, будетъ сплошная равнина морская.

Посѣтили мы и островъ Оландъ. Пароходъ, доставившій насъ, остановился далеко отъ него, и надо было переправляться на лодкахъ, а ихъ имѣлось всего нѣсколько. Я скромно держался въ сторонѣ, такъ что едва попалъ въ послѣднюю и прибылъ на островъ тогда, когда король уже возвращался обратно. «Вы только теперь пріѣзжаете?» привѣтливо сказалъ онъ мнѣ: «Но не спѣшите, а хорошенько осмотрите все, пусть лодка подождетъ! Побывайте на старомъ кладбищѣ и загляните тамъ въ одинъ домикъ,—хозяйка такая красавица!» Все мужское населеніе острова находилось въ плаваніи, и насъ принимали однѣ женщины да дѣвушки. Единственный находившійся здѣсь мужчина оказался только-что вставшимъ послѣ болѣзни. Передъ церковью были устроены тріумфальные ворота изъ цвѣтовъ. Ихъ пришлось привозить съ Фёра, и поэтому самыя ворота вышли такими маленькими и низенькими, что ихъ надо было обходить кругомъ. Но все же было видно доброе желаніе! Единственный розовый кустъ, имѣвшійся на островкѣ, срѣзали и положили на грязное мѣстечко, по которому пришлось проходить королевѣ, и это вниманіе глубоко ее тронуло. Дѣвушки здѣсь были очень красивы; одежда ихъ полувосточная; здѣшнее населеніе считаетъ себя отпрыскомъ греческаго. Женщины ходятъ съ полузакрытыми лицами, а на головѣ подъ покрываломъ носятъ красныя греческія фески, обвитыя косами.

Я побывалъ на кладбищѣ, видѣлъ красавицу, о которой говорилъ король, и вернулся на пароходъ къ самому обѣду. Послѣ обѣда, когда

судно наше лавировало между архипелагомъ островковъ, освѣщенныхъ заходившимъ солнышкомъ, палубу парохода живо превратили въ бальную залу, и начались танцы. Плясали и старъ и младъ, лакеи разносили прохладительное, а матросы, стоя на колесныхъ ящикахъ, измѣряли глубину и мѣрно и однозвучно выкрикивали футы. Взошла полная круглая луна; Амронскія дюны возвышались словно снѣжная цѣпь Альпійскихъ горъ. — —

Графу Ранцау было извѣстно, какое значеніе имѣетъ для меня шестое сентября,—это былъ именно день моего перваго прибытія въ Копенгагенъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Сидя въ этотъ день за королевскимъ столомъ и мысленно воскрешая въ памяти все пережитое мною за этотъ періодъ времени, я едва-едва сдерживалъ слезы. Въ такія минуты душа преисполняется благодарности Творцу, и мы льнемъ къ Нему всѣмъ сердцемъ. Я, вѣдь, такъ глубоко сознавалъ все свое ничтожество, сознавалъ, что всѣмъ, всѣмъ былъ обязанъ Ему одному!

Послѣ стола король и королева поздравили меня не только милостиво,— это слишкомъ слабое выраженіе—но съ необыкновеннымъ сердечнымъ участіемъ. Король поздравилъ меня со всѣмъ, чего я достигъ въ эти двадцать пять лѣтъ и сталъ разспрашивать меня о моихъ первыхъ шагахъ въ столицѣ. Я разсказалъ ему нѣсколько наиболѣе характерныхъ эпизодовъ, а онъ, продолжая разговоръ, спросилъ, между прочимъ, получаю-ли я какое-нибудь годовое пособіе. Я сказалъ, что получаю 200 специй. «Не много!» замѣтилъ онъ. «Да мнѣ не много и надо!» отвѣтилъ я: «Вѣдь, и произведенія мои даютъ мнѣ кое-что!»

Разспросивъ меня съ участіемъ еще о разныхъ обстоятельствахъ моей жизни и дѣятельности, король сказалъ: «Надо чтобы вамъ теперь жилось получше!» и закончилъ нашъ разговоръ слѣдующими словами: «Если я могу когда-нибудь въ чемъ-либо быть вамъ полезнымъ, обращайтесь ко мнѣ!» И вечеромъ, во время придворнаго концерта, король возобновилъ со мною тотъ же разговоръ. Я былъ глубоко тронутъ.

Впослѣдствіи нѣкоторыя изъ лицъ, слышавшихъ, что говорилъ мнѣ въ этотъ день король, упрекали меня въ неумѣніи пользоваться благопріятнымъ моментомъ. «Король, вѣдь, чуть не въ ротъ вамъ положилъ, что вы должны попросить его о прибавкѣ пособія! Онъ самъ же сказалъ, что вы получаете слишкомъ мало, и что надо вамъ теперь устроиться получше!»— «Что вы!» отвѣтилъ я имъ: «Какъ же я могъ въ такую минуту, когда былъ просто гостемъ ихъ величествъ, когда они оба выказали мнѣ столько сердечной доброты, какъ же я могъ ловить ихъ на добромъ словѣ, воспользоваться имъ! Я, можетъ быть, велъ себя и «не умно», но иначе я не могу! Если король находитъ, что я заслуживаю большаго, то онъ можетъ самъ устроить все!»

Шестое сентября превратилось для меня въ настоящій праздникъ; кромѣ моего короля дали мнѣ доказательство своего расположенія и проживавшіе на Фёрѣ пріѣзжіе изъ Германіи. За обѣдомъ въ курзалѣ, въ то время, какъ я обѣдалъ въ королевскомъ семействѣ, нѣмецкіе гости провозгласили тостъ за датскаго поэта, котораго они знали у себя на родинѣ по его произведеніямъ, а теперь узнали лично. Одинъ изъ моихъ земляковъ всталъ и поблагодарилъ за тостъ отъ моего имени. Столько знаковъ вниманія легко могутъ испортить человѣка, сдѣлать его тщеславнымъ,—скажутъ мнѣ, пожалуй; но нѣтъ! все подобное, напротивъ, дѣлаетъ человѣка лучше, добрѣе, проясняетъ его мысли и возбуждаетъ желаніе, стремленіе сдѣлаться достойнымъ такого отношенія.

На прощальной аудіенціи королева подарила мнѣ на память о дняхъ, проведенныхъ мною на Фёрѣ, дорогое кольцо, а король снова выразилъ мнѣ свое милостивое, сердечное участіе. Я всѣмъ сердцемъ полюбилъ ихъ обоихъ.

Герцогиня Августенборгская, съ которою я здѣсь ежедневно видѣлся и бесѣдовалъ, тоже самымъ милостивымъ, сердечнымъ образомъ пригласила меня заѣхать по пути на нѣсколько дней въ Августенборгскій замокъ. Теперь король и королева повторили это приглашеніе, и я съ Фёра отправился на Альсъ, по истинѣ красивѣйшій изъ острововъ Сѣвернаго моря, настоящій цвѣточный садъ. Тучныя поля и пастбища окружены тамъ кустами орѣшника и шиповника; возлѣ крестьянскихъ домиковъ разведены фруктовые сады; всюду лѣса, холмы... То видишь передъ собою открытое море съ лѣсистыми холмами Ангеленса, то узкій, похожій на рѣку, Бельтъ. Отъ замка къ самому фіорду спускается прекрасный садъ. Я нашелъ здѣсь самый радушный пріемъ и прекрасную семейную жизнь. Разговоръ велся всегда по-датски, и у меня и мысли не было о грядущихъ мрачныхъ временахъ. Я провелъ здѣсь двѣ недѣли, наслаждаясь роскошной природою, разными прогулками и экскурсіями, и началъ здѣсь писать свой романъ «*Двѣ баронессы*». Насталъ день рожденія герцогини; за обѣдомъ герцогъ всталъ и произнесъ рѣчь о значеніи, которое имѣетъ въ настоящее время датская литература, о ея свѣжести и здоровомъ направленіи въ сравненіи съ новѣйшей германской, и затѣмъ провозгласилъ тостъ за присутствующаго здѣсь представителя датской литературы—меня. Я видѣлъ тогда въ Августенборгѣ только веселыя, привѣтливыя лица, милую, счастливую семейную жизнь; ото всего вѣяло чисто датскимъ духомъ,—казалось, что надъ этимъ прекраснымъ мѣстечкомъ парилъ ангелъ мира. Было это осенью 1844 г. Какъ скоро все измѣнилось!

XII.

Весною 1844 г. я написалъ фантастическую комедію «*Цвѣтокъ счастья*», въ которой я хотѣлъ провести идею, что счастье не въ славѣ, не въ королевскомъ блескѣ, а во взаимной любви. Характеры и дѣйствіе

въ пьесѣ чисто датскіе; въ ней изображена идиллически-счастливая жизнь, а на этомъ свѣтломъ фонѣ, словно тѣни, проносятся два мрачныхъ образа—несчастнаго поэта Эвальда и воспѣтаго въ народныхъ пѣсняхъ злополучнаго принца Буриса. Я хотѣлъ ради возстановленія истины и къ чести нашего времени показать, насколько въ сравненіи съ нимъ мрачно и тягостно давно прошедшее, которое многіе поэты такъ любятъ превозносить.

Я предназначилъ свою пьесу для королевскаго театра. Цензоромъ-критикомъ пьесъ былъ тогда Гейбергъ, безъ сомнѣнія принесшій театру много пользы, но не благоволившій ко мнѣ. Еще въ сатирѣ его, «*Душа послѣ смерти*», мои пьесы «*Мавританка*» и «*Мулатъ*» послужили ему орудіями пытки для грѣшниковъ; затѣмъ мнѣ досталось отъ него нѣсколько щелчковъ въ его «*Датскомъ атласѣ*» и въ «*Листкахъ для интеллигенціи*», а мою передѣлку въ драму моей поэмы «*Агнета и водяной*» онъ назвалъ произведеніемъ, перенесеннымъ на сцену непосредственно изъ книжной лавки, и заявилъ, что Гаде напрасно потратилъ на нее свою задушевную музыку. Кромѣ того онъ упомянулъ еще о моемъ «обычномъ недостаткѣ оригинальности», объ «отсутствіи разумной связи въ изображеніи характеровъ» и о «крайней неясности идей».

Смѣю думать, что такое строгое отношеніе къ моимъ трудамъ не мало зависѣло отъ немилости, въ которой я вообще находился у этого писателя-критика. Я догадывался, что имъ руководитъ недоброжелательство ко мнѣ, и это-то и было мнѣ больнѣе всего. Меня не столько огорчило извѣстіе, что и новая моя пьеса не была одобрена имъ, сколько сознаніе, что я ровно ничѣмъ не заслужилъ такого недоброжелательнаго ко мнѣ отношенія со стороны писателя, котораго я всегда такъ высоко цѣнилъ. И вотъ я, желая, наконецъ, выяснить наши отношенія, написалъ Гейбергу откровенное и, кажется, сердечное письмо, въ которомъ просилъ его выяснить мнѣ причины неодобренія имъ «*Цвѣтка счастья*», а также его нелюбви ко мнѣ.

Получивъ мое письмо, Гейбергъ тотчасъ же сдѣлалъ мнѣ визитъ, но не засталъ меня дома, и я на другой же день отправился къ нему самъ. Онъ принялъ меня въ высшей степени привѣтливо. Какъ самое свиданіе, такъ и бесѣда вышли очень оригинальными, но результатомъ ихъ было все-таки объясненіе и лучшее взаимное пониманіе. Онъ ясно изложилъ мнѣ свои причины неодобренія «*Цвѣтка счастья*», причины вполнѣ основательныя съ его точки зрѣнія. У меня же была своя, и мы, конечно, не могли согласиться. Затѣмъ онъ объяснилъ, что не питаетъ ко мнѣ никакой непріязни и отдаетъ моему таланту полную справедливость. Тогда я указалъ на его нападки на меня въ «*Листкахъ для интеллигенціи*», гдѣ онъ отрицаетъ во мнѣ всякую способность къ оригинальному творчеству, а, между тѣмъ она, по-моему, достаточно ясно проглядываетъ въ моихъ романахъ. «Впрочемъ, вы ни одного изъ нихъ не читали!» прибавилъ я: «Вы сами сказали мнѣ это».—«Да,

это правда!» отвѣтилъ онъ: «Я еще не читалъ ихъ, но теперь прочту!»— «Потомъ вы насмѣхались и надъ моимъ «*Базаромъ поэта*», выставляя на видъ, что я восторгаюсь Дарданеллами!»—продолжалъ я. «Я-же восторгался вовсе не Дарданеллами, а Босфоромъ, но вы, должно быть, этого не замѣтили, а, можетъ быть, не читали и этой книги,—вы, вѣдь, не читаете большихъ, толстыхъ книгъ, какъ сами разъ сказали!»—«Вотъ! Такъ это вы про Босфоръ!» сказалъ онъ съ своей обычной усмѣшкой: «Ну, а я это позабылъ, и публика тоже, да и все дѣло было не въ этомъ, а въ томъ, чтобы немножко отщелкать васъ!» Признаніе это звучало въ его устахъ такъ естественно, такъ характеризовало его, что я невольно улыбнулся, а какъ поглядѣлъ въ его умные глаза и вспомнилъ, сколько вообще онъ написалъ прекраснаго, такъ и вовсе не могъ разсердиться на него. Бесѣда наша становилась все оживленнѣе и непринужденнѣе; онъ высказалъ мнѣ много лестнаго, заявилъ, что высоко цѣнитъ мои сказки, и просилъ меня почаще навѣщать его. Съ этого раза я сталъ лучше понимать эту поэтическую натуру и думаю, что и онъ сталъ понимать мою. Мы сильно расходимся съ нимъ характерами, но оба идемъ каждый своею дорогой къ одной цѣли.

Въ послѣдніе годы, вообще очень благопріятные для меня, я успѣлъ заслужить одобреніе и этого даровитаго писателя. Но вернемся къ «*Цвѣтку счастья*». Пьеса, всетаки, была принята, но шла всего семь разъ, а затѣмъ мирно опочила въ архивѣ, по крайней мѣрѣ на время правленія тогдашней дирекціи.

Я часто задавалъ себѣ вопросъ: въ чемъ причина столь строгаго и придирчиваго отношенія къ моимъ драматическимъ произведеніямъ—въ литературныхъ ихъ недостаткахъ или въ томъ, что авторъ ихъ *я?* И вотъ я рѣшилъ послать въ дирекцію одно свое произведеніе анонимно и подождать результатовъ. Но умѣю ли я молчать? Всѣ говорили, что нѣтъ, и это мнѣніе послужило мнѣ въ пользу. Гостя въ Нюсё, я написалъ романтическую драму «*Грёзы короля*» *); одинъ Коллинъ былъ посвященъ въ тайну моего авторства. Гейбергъ, который какъ разъ въ это время очень строго относился ко мнѣ въ своихъ «*Листкахъ*», сильно заинтересовался этою анонимною пьесою и, насколько я помню, лично поставилъ ее на сценѣ королевскаго театра. Впрочемъ, я долженъ прибавить, что онъ впослѣдствіи помѣстилъ въ тѣхъ же «*Листкахъ*» очень похвальную рецензію объ этой драмѣ, кажется, уже подозрѣвая, что авторомъ ея былъ я, въ чемъ почти всѣ сомнѣвались.

Другая подобная же попытка доставила мнѣ еще больше удовольствія. Какъ забавлялся я, выслушивая разныя мнѣнія о ней и догадки! Въ то же самое время, когда я такъ добивался постановки моего «*Цвѣтка счастья*», я написалъ и отослалъ въ дирекцію, опять таки анонимно, комедію «*Перве-*

*) См. Т. III. стр. 454.

нецъ» *). Ее поставили, и она шла съ замѣчательнымъ ансамблемъ. Г-жа Гейбергъ играла роль Христины съ такимъ оживленіемъ, съ такимъ огонькомъ, что воодушевляла всѣхъ, и пьеска, какъ извѣстно, имѣла огромный успѣхъ. Въ тайну мою опять былъ посвященъ Коллинъ, да еще Эрстедъ, которому я читалъ «*Первенца*» еще у себя дома. И онъ отъ души радовался потомъ тому, пожалуй, даже чрезмѣрному успѣху, который имѣла эта вещица. Кромѣ же двухъ названныхъ лицъ, никто не подозрѣвалъ настоящаго автора. Послѣ перваго представленія пьесы, когда я только что пришелъ изъ театра домой, ко мнѣ завернулъ одинъ изъ нашихъ молодыхъ талантливыхъ критиковъ. Онъ тоже былъ въ театрѣ и принялся восторгаться моею маленькою комедіей. Я былъ очень взволнованъ и, боясь выдать себя, поспѣшилъ сказать: «А я знаю автора!» — «Кто же это?» спросилъ онъ. «Вы!» сказалъ я: «Вы такъ взволнованы, и многое изъ того, что вы сейчасъ говорили, выдаетъ васъ головой. Не ходите сегодня ни къ кому больше! Если вы будете продолжать говорить такъ—васъ сразу узнаютъ!» Гость мой совсѣмъ смутился, покраснѣлъ и, положа руку на сердце, принялся разувѣрять меня. «Ну, ну, хорошо! Я что̀ знаю, то знаю!» отвѣтилъ я, смѣясь, и затѣмъ извинился передъ нимъ, что долженъ сейчасъ выйти изъ дома. Я положительно не могъ больше сдерживаться и былъ вынужденъ сыграть такую комедію; собесѣдникъ мой ничего и не заподозрилъ. Вскорѣ же какъ-то зашелъ я къ директору театра Адлеру узнать о судьбѣ «*Цвѣтка счастья*». «Да»,— сказалъ онъ: «Это очень поэтическая вещь, но отъ нея не много будетъ намъ проку! Вотъ, если бы вы дали намъ такую вещицу, какъ «*Первенецъ*»! Это прелесть что такое, но, конечно, совершенно не въ характерѣ вашего дарованія! Вы лирикъ, и у васъ совсѣмъ нѣтъ этого юмора!» — «Къ сожалѣнію!» отвѣтилъ я и тоже похвалилъ «*Первенца*». И долго эта пьеска пользовалась все тѣмъ же успѣхомъ, но авторъ ея оставался неизвѣстнымъ. Думали на Гострупа, и это было не въ ущербъ мнѣ; нѣкоторые же указывали и на меня, но этому ужъ совсѣмъ не хотѣли вѣрить. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ доставалось тѣмъ, кто указывалъ на меня; главнымъ образомъ упирали при этомъ на то, что «Андерсенъ не могъ бы смолчать, разъ пьеса имѣетъ такой успѣхъ!» — «Никакъ не могъ бы!» подтверждалъ я и внутренно давалъ себѣ слово молчать до тѣхъ поръ, пока пьеска не потеряетъ съ годами интереса новизны. И я сдержалъ свое слово; автора узнали лишь, когда я включилъ «*Первенца*», такъ же какъ и «*Грезы короля*», въ собраніе своихъ сочиненій, изд. въ 1854 г. А между тѣмъ многіе характеры дѣйствующихъ лицъ въ «*О. Т*». и въ «*Только скрипачъ*» могли бы навести людей на слѣдъ, что я-то и есть авторъ «*Первенца*». Да и въ сказкахъ моихъ, кажется, можно найти кое-какой юморъ;

*) См. Т. III стр. 400.

но вотъ подите-же—его находили только въ «*Первенцѣ*». Все это очень забавляло Эрстеда, который первый высказалъ, что во мнѣ много юмору и обратилъ мое вниманіе на развитіе этой стороны моего таланта. Онъ замѣчалъ проявленія юмора и во многихъ раннихъ моихъ произведеніяхъ, и въ моихъ поступкахъ вродѣ слѣдующихъ. Собираясь издать въ 1830 г. въ первый разъ собраніе своихъ стихотвореній, изъ которыхъ многіе были уже напечатаны раньше, я хотѣлъ предпослать ему какой-нибудь эпиграфъ. Сколько я ни рылся въ памяти, ничего, однако, не находилось, и я взялъ да и сочинилъ его самъ: «Vergessene Gedichte sind neue! (Забытыя стихотворенія—новы). Jean Paul.» И впослѣдствіи я не мало забавлялся, видя, какъ цитировали это изреченіе Жана-Поля другіе литераторы, люди начитанные. Я-то зналъ, откуда они взяли его! Зналъ это и Эрстедъ.

Одно время мнѣ приходилось очень горько отъ жестокой и пристрастной критики; меня часто доводили до того, что я готовъ былъ отчаяться въ себѣ, но иногда на меня находили и минуты юмористическаго настроенія, заставлявшаго меня воспрянуть изъ подавленнаго и угнетеннаго состоянія. Въ такія минуты я отлично сознавалъ свои собственныя слабости и недостатки, но также и весь комизмъ, а часто даже и глупость выходокъ моихъ ретивыхъ менторовъ. Вотъ я разъ и написалъ самъ критику на Г. Х. Андерсена, очень жестокую и придирчивую; въ заключеніи я строго требовалъ, чтобы А. побольше учился и не забывалъ, сколькимъ онъ обязанъ своимъ воспитателямъ. Вообще я не только упомянулъ въ ней о всѣхъ, обыкновенно выставляемыхъ на видъ недостаткахъ моихъ произведеній, но еще и прибавилъ отъ себя нѣсколько такихъ, которые, какъ я зналъ, могли бы найти въ моихъ трудахъ, если бы хотѣли насолить мнѣ. Съ этой критикой я явился къ Эрстеду въ такой день, когда у него были гости Я сказалъ, что принесъ съ собою снятую мною копію съ свирѣпой критики на меня и прочелъ ее. Всѣ подивились моей охотѣ переписывать такую вещь и согласились, что критика черезчуръ ужъ рѣзка. «Рѣзка-то рѣзка!» замѣтилъ Эрстедъ: «Но... сдается мнѣ, тутъ есть кое-что какъ будто бы и основательное, показывающее вѣрный взглядъ на васъ!»—«Еще бы!» сказалъ я: «Коли я самъ написалъ все это!» Всеобщее изумленіе, смѣхъ и шутки. Большинство присутствовавшихъ были очень поражены тѣмъ, что я могъ написать подобную статью. «Да онъ настоящій юмористъ!» сказалъ Эрстедъ, и мнѣ самому въ первый разъ стало ясно, что я дѣйствительно не лишенъ юмора.

Съ годами у всякаго человѣка, какъ бы вообще много онъ ни странствовалъ по свѣту, возрастаетъ потребность имѣть такое постоянное убѣжище, уютное гнѣздо, въ которомъ нуждается даже перелетная птица. И я свилъ себѣ такія гнѣзда въ домахъ Эрстеда, Вульфа, г-жи Лэссё, главнымъ же образомъ въ домѣ Коллина, бывшемъ для меня поистинѣ роднѣе родного. Принятый въ домѣ какъ сынъ, я почти выросъ вмѣстѣ съ родными дѣтьми Кол-

лина, сталъ какъ бы членомъ семьи. Болѣе тѣсной взаимной связи я не наблюдалъ ни въ какой другой семьѣ, и вдругъ изъ этой цѣпи выпало одно звено, и въ часъ скорбной утраты я еще яснѣе созналъ, какъ крѣпко я былъ привязанъ къ семейству, считавшему меня въ числѣ своихъ членовъ. Если бы мнѣ пришлось указать на образецъ хозяйки и матери семейства, всецѣло забывавшей самое себя ради мужа и дѣтей, то я указалъ бы на супругу Коллина, сестру извѣстнаго ботаника Горнеманна и вдову философа Биркнера.

Въ послѣдніе годы она лишилась слуха, а вскорѣ затѣмъ почти лишилась и зрѣнія. Ей сдѣлали операцію, которая удалась, и къ зимѣ она уже опять къ великой своей радости могла читать книги. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала она также вновь увидѣть весеннюю красу природы, и дождалась. Но вотъ однажды я провелъ у нихъ воскресенье и, уходя вечеромъ домой, оставилъ ее веселую и здоровую, а ночью слуга принесъ мнѣ записку Коллина: «Женѣ моей очень плохо; всѣ дѣти собрались возлѣ нея». Я понялъ и поспѣшилъ къ нимъ. Она тихо спала спокойнымъ, безболѣзненнымъ сномъ, казалось даже—безъ сновидѣній. Это былъ тотъ сонъ, въ которомъ тихо, кротко приближается къ добрымъ душамъ смерть. Три дня лежала она все въ той же какъ будто тихой дремотѣ, затѣмъ лицо ея стало покрываться смертной блѣдностью,—она умерла.

Закрыла очи ты, чтобъ въ мысляхъ вновь
Все пережить—и счастье, и любовь,
И сномъ забылась тихо, безъ страданья.—
О, смерть! Не тѣнь ты,—свѣтлое сіянье!

Никогда не думалъ я, чтобы можно было покинуть этотъ міръ такъ легко, такъ блаженно-безболѣзненно. Душу мою озарила такая вѣра въ Бога и въ вѣчность, что минута эта стала для меня одною изъ важнѣйшихъ во всей моей жизни. Это было въ первый разъ, что я взрослымъ присутствовалъ при отходѣ въ вѣчность близкаго мнѣ человѣка. Вокругъ умиравшей собрались всѣ ея дѣти и внуки; въ комнатѣ царила благоговѣйная тишина. Ея душа была полна любви, и она ушла къ источнику вѣчной любви, къ Богу!

Въ началѣ этого же года романъ мой «*Импровизаторъ*» былъ, какъ я уже упоминалъ, переведенъ на англійскій языкъ. За нимъ послѣдовали переводы другихъ моихъ романовъ подъ общимъ заглавіемъ «The life in Denmark» (Жизнь въ Даніи). Изъ Англіи же мои романы перешли и въ Америку. На нѣмецкій и шведскій языки они были переведены еще раньше, а теперь появились и на голландскомъ, и на русскомъ. Сбылось то, о чемъ я и не смѣлъ и мечтать. Произведенія мои читались чуть-ли не во всей Европѣ; положительно они возникли подъ счастливой звѣздою,—иначе я себѣ и объяснить этого не могъ. Они распространялись по бѣлу свѣту и вездѣ находили себѣ друзей и куда болѣе снисходительныхъ критиковъ, нежели на

родинѣ, гдѣ они были написаны, и гдѣ ихъ читали въ оригиналѣ. И какъ возвышаетъ душу, но въ то же время и пугаетъ человѣка представленіе о томъ, что мысли его летаютъ по свѣту и западаютъ въ души другихъ людей! Да, какъ-то даже страшно такъ принадлежать свѣту! Все, что есть въ человѣкѣ хорошаго, добраго, принесетъ въ такихъ случаяхъ благословенные плоды, но заблужденія, зло тоже, вѣдь, пустятъ свои ростки. Такъ невольно скажешь: «Господи! Не дай мнѣ никогда написать слова, въ которомъ бы я не могъ дать Тебѣ отчета!» Смѣшанное чувство радости и страха наполняетъ мою душу всякій разъ, какъ мой геній-покровитель перенесетъ мои произведенія въ чужую страну.

Путешествіе всегда было для меня тѣмъ подкрѣпляющимъ, освѣжающимъ душу купаньемъ, тѣмъ жизненнымъ напиткомъ Медеи, отъ котораго вновь возрождаешься и молодѣешь.

Я люблю путешествовать совсѣмъ не ради того, чтобы искать матеріала для творчества, какъ это высказалъ одинъ рецензентъ въ статьѣ о «*Базарѣ поэта*» и какъ потомъ повторяли за нимъ другіе. Я почерпаю идеи и образы въ собственной душѣ, и даже жизни не хватитъ, чтобы исчерпать этотъ богатый источникъ. Но для того, чтобы переносить все это богатство на бумагу, нужны извѣстная свѣжесть, бодрость духа, а ими-то я и запасаюсь во время путешествій. Моя разумная бережливость въ расходованіи своихъ литературныхъ заработковъ уже нѣсколько разъ доставляла мнѣ возможность проѣхаться по Европѣ, и теперь, благодаря ей, я опять могъ предпринять поѣздку, доставившую мнѣ много радости. На этотъ разъ я хотѣлъ снова посѣтить Италію, чтобы познакомиться съ югомъ въ теплое время года; оттуда же я намѣревался проѣхать въ Испанію, а на обратномъ пути захватить и Францію.

Въ послѣднихъ числахъ октября 1845 г. я выѣхалъ изъ Копенгагена. Прежде бывало, отправляясь въ путешествіе, я всегда думалъ: «Господи, что-то Ты пошлешь мнѣ въ эту поѣздку!» Теперь же я думалъ: «Господи, что-то случится съ моими друзьями за долгое время моего отсутствія!», и мнѣ стало страшно: вѣдь, сколько разъ въ одинъ только годъ можетъ выѣхать за городъ погребальная колесница! И чьи-то имена будутъ блестѣть на крышкахъ гробовъ!.. Мы говоримъ обыкновенно, когда внезапно почувствуемъ холодную дрожь въ тѣлѣ: «Вѣрно, смерть прошла по моей могилѣ!» Но куда сильнѣе дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, когда мысль твоя пройдетъ по могиламъ твоихъ лучшихъ друзей!

Какъ ни влекло меня въ Италію, я всетаки провелъ нѣсколько дней у графа Мольтке въ Глорупѣ; меня удержала красота природы, несмотря на позднюю осеннюю пору полная какой-то поэтической прелести. Листва уже опала, но яркая зелень травы и щебетанье пташекъ въ солнечные дни заставляли думать, что на дворѣ ранняя весна, а не поздняя осень. Такія

же минуты, должно быть, выдаются и у пожилого человѣка въ осеннюю пору его жизни, когда сердце его еще грезитъ весною.

Въ своемъ родномъ городѣ, въ старомъ Одензе, я остановился всего на одинъ день. Я чувствую себя тамъ болѣе чужимъ, нежели даже въ любомъ изъ большихъ городовъ Германіи. Ребенкомъ я росъ одинъ, значитъ у меня не оставалось здѣсь никакихъ друзей дѣтства; затѣмъ, большинство знакомыхъ мнѣ семействъ вымерло, выросли новыя поколѣнія, и на улицахъ встрѣчались все незнакомыя лица, да и самыя улицы измѣнились. Бѣдныхъ могилъ моихъ родителей уже не сыскать болѣе: на тѣхъ мѣстахъ нахоронили новыхъ покойниковъ. Все измѣнилось!

Я отправился въ связанную съ моими дѣтскими воспоминаніями усадьбу семейства Иверсенъ. Самая семья ихъ разбрелась по свѣту; изъ оконъ глядѣли на меня чужія, незнакомыя лица. А чего-чего только ни бродило въ моей юной головѣ, когда я гостилъ здѣсь! Одна изъ молодыхъ моихъ пріятельницъ, тихая, скромная Генріэтта Ганкъ, которая такъ внимательно, съ сіяющимъ взоромъ прислушивалась къ моимъ первымъ стихотвореніямъ, когда я пріѣзжалъ сюда еще гимназистомъ, а потомъ студентомъ, теперь жила еще тише, еще скромнѣе далеко отсюда, въ шумномъ Копенгагенѣ. Она уже успѣла выпустить въ свѣтъ свои романы: «*Тетя Анна*» и «*Дочь писательницы*», и оба они были переведены на нѣмецкій языкъ. Нѣмецкій издатель ихъ полагалъ, что нѣсколько добрыхъ словъ съ моей стороны могли бы содѣйствовать ихъ успѣху, и вотъ я, чужестранецъ, можетъ быть, не по заслугамъ хорошо принятый въ Германіи, ввелъ туда произведенія молодой, скромной дѣвушки. Вернувшись, годъ спустя, изъ этого путешествія на родину, я узналъ, что она умерла въ Іюлѣ (1846 г.). Родители лишились въ ней милой любящей дочери, свѣтъ—глубоко чувствующей поэтической натуры, а я—вѣрной подруги юности, которая съ такою любовью, съ истинно-сестринскимъ участіемъ слѣдила за всѣми и веселыми и грустными перепитіями моей жизни.

Въ Гамбургѣ къ старымъ друзьямъ прибавился теперь еще одинъ новый, художникъ Шпектеръ, съ которымъ я познакомился проѣздомъ черезъ Гамбургъ въ послѣднюю свою поѣздку въ Парижъ. Вся его личность дышитъ тою же свѣжестью и смѣлою простотою, которою такъ поражаютъ всѣ его работы и которая ставитъ ихъ на степень маленькихъ шедевровъ. Онъ тогда еще не былъ женатъ, но жилъ съ отцомъ и сестрами. Отъ этой семьи вѣяло какою-то особенною патріархальностью; милый, сердечный старикъ-отецъ и даровитыя сестры всей душой любили сына и брата. Шпектеръ былъ, видимо, сильно проникнутъ моими сказками, и онѣ-то и заставили его полюбить меня. Его живая, жизнерадостная натура сказывалась во всемъ; однажды вечеромъ онъ провожалъ меня въ театръ; въ распоряженіи у насъ оставалась какая-нибудь четверть часа, какъ вдругъ, проходя мимо одного

богатаго дома, онъ заявляетъ мнѣ: «Надо сначала зайти сюда, дорогой другъ! Здѣсь живетъ одно семейство, мои друзья и—ваши друзья, благодаря вашимъ сказкамъ. Дѣти будутъ такъ счастливы!»—«Но, вѣдь, представленіе сейчасъ начнется!» сказалъ я. «Ну, какихъ-нибудь двѣ минуты!» возразилъ онъ и потащилъ меня въ домъ, громко назвалъ мое имя, и насъ окружила толпа дѣтей. «А теперь разскажите-же имъ сказочку! Одну!» Я разсказалъ и поспѣшилъ уйти, чтобы не опоздать въ театръ. «Вотъ странный визитъ!» сказалъ я. «Восхитительный!» ликовалъ онъ: «Дѣти только и бредятъ Андерсеномъ и его сказками, и вдругъ онъ самъ стоитъ среди нихъ, разсказываетъ имъ сказку и — исчезаетъ! Вотъ такъ сказка для ребятишекъ. Они ея во вѣкъ не забудутъ!»

Я нѣсколько разъ читалъ свои сказки въ нѣмецкомъ переводѣ въ домѣ Ф. Эйзендехера и у Больё. Мягкое произношеніе мое въ связи съ чисто датскимъ характеромъ моего чтенія, вѣроятно, еще ярче оттѣняло наивность этихъ сказокъ,—насколько, по крайней мѣрѣ постарался сохранить ее нѣмецкій переводчикъ—и меня всегда слушали съ особеннымъ интересомъ. Читалъ я свои сказки, какъ уже говорилъ раньше, и при веймарскомъ дворѣ и затѣмъ въ домахъ многихъ моихъ нѣмецкихъ друзей. Оказывалось, что иностранный акцентъ при чтеніи сказокъ нисколько не мѣшалъ, а, напротивъ, какъ-то шелъ къ дѣтскому тону ихъ и придавалъ имъ особенно характерный колоритъ.

Не могу не разсказать здѣсь объ очень тронувшемъ меня поступкѣ маленькаго сына поэта Мозена. Мальчикъ всегда съ большимъ вниманіемъ слушалъ мое чтеніе; наканунѣ моего отъѣзда я зашелъ къ нимъ проститься, и мать ребенка, велѣвъ ему протянуть мнѣ руку, прибавила: «Не извѣстно еще, когда ты его увидишь опять!» Мальчикъ вдругъ расплакался. Вечеромъ же я увидѣлся съ Мозеномъ въ театрѣ и онъ сказалъ мнѣ: «У моего Эрика два оловянныхъ солдатика, и онъ попросилъ меня дать вамъ одного изъ нихъ въ товарищи на дорогу». Я взялъ солдатика, и онъ поѣхалъ со мною. Въ сказкѣ «*Старый домъ*» я и вспомнилъ солдатика маленькаго Эрика.

Я долго откладывалъ свой отъѣздъ, но, наконецъ, пришлось рѣшиться уѣхать: Рождество было не далеко, а я на этотъ годъ хотѣлъ провести его въ Берлинѣ.

Во время послѣдняго моего пребыванія въ Берлинѣ, я въ качествѣ автора «*Импровизатора*» былъ приглашенъ въ «Итальянскій кружокъ», состоявшій лишь изъ лицъ, побывавшихъ въ Италіи. Въ этомъ-то кружкѣ я въ первый разъ и увидѣлъ Рауха, напомнившаго мнѣ своей сильной мужественной фигурой и серебристыми волосами Торвальдсена. Меня почему-то не познакомили съ нимъ, а отрекомендоваться ему самъ я какъ-то постѣснился. Не удалось мнѣ заговорить съ нимъ и въ его ателье, которое я посѣтилъ, какъ и всѣ иностранцы. Мы познакомились только позже, во время пребыванія

его у насъ въ Копенгагенѣ, и въ этотъ свой пріѣздъ въ Берлинъ я сразу же отправился къ нему. Онъ горячо обнялъ меня и началъ осыпать похвалами,—онъ успѣлъ за это время познакомиться съ большинствомъ моихъ сочиненій и особенно восхищался моими сказками. Такія похвалы, хотя бы и чрезмѣрныя, со стороны геніальнаго человѣка могутъ освѣтить въ душѣ много мрачныхъ уголковъ! Раухъ такимъ образомъ первый привѣтствовалъ меня по моемъ прибытіи въ Берлинъ, и отъ него я узналъ какой обширный кругъ друзей ожидаетъ меня здѣсь. Скоро я убѣдился въ этомъ и на дѣлѣ. Я встрѣтилъ здѣсь наилучшій пріемъ со стороны лицъ, столь же выдававшихся своими высокими нравственными качествами, сколько и заслугами наукѣ и искусству, напр. Александра Гумбольдта, князя Радзивила, Савиньи и другихъ.

Еще въ первое же свое посѣщеніе Берлина я отыскалъ братьевъ Гриммъ, но знакомство наше не далеко зашло. Я не заручился тогда никакимъ рекомендательнымъ письмомъ: мнѣ сказали, да я и самъ полагалъ, что если я кому-либо извѣстенъ въ Берлинѣ, такъ это именно братьямъ Гриммъ. На вопросъ отворившей мнѣ служанки—кого изъ братьевъ я желаю видѣть, я отвѣтилъ: «Того, который больше написалъ». Я, вѣдь, не имѣлъ понятія о томъ, который изъ братьевъ принималъ наибольшее участіе въ собираніи и изданіи народныхъ сказокъ. «Яковъ ученѣе!» сказала служанка. «Ну, такъ и ведите меня къ нему!»—И вотъ я увидѣлъ передъ собой умное характерное лицо Якова Гримма. «Я являюсь къ вамъ безъ всякаго рекомендательнаго письма, надѣясь, что имя мое вамъ не безызвѣстно!» началъ я. «Кто вы?» спросилъ онъ. Я назвалъ себя, и Гриммъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтилъ: «Я что-то не слыхалъ вашего имени. Что вы написали?» Теперь я въ свою очередь смутился и упомянулъ о своихъ сказкахъ. «Я ихъ не знаю!» сказалъ онъ: «Но прошу васъ назвать мнѣ какое-нибудь другое изъ вашихъ произведеній, авось я его знаю!» Я назвалъ «*Импровизаторъ*» и еще нѣсколько другихъ моихъ сочиненій, но Гриммъ все только покачивалъ головою. Мнѣ стало совсѣмъ не по себѣ. «Что вы должны подумать обо мнѣ!» началъ я снова: «Пришелъ къ вамъ ни съ того ни съ сего и перечисляю вамъ свои сочиненія!..Но вы всетаки знаете меня! Есть сборникъ сказокъ всѣхъ народовъ, изданный Мольбекомъ и посвященный вамъ; въ немъ помѣщена и одна изъ моихъ сказокъ.» А Гриммъ самымъ добродушнымъ тономъ и все съ тѣмъ же смущеннымъ видомъ сказалъ и на это: «Ну, я и этой книги не читалъ! Но я очень радъ видѣть васъ у себя. Позвольте мнѣ познакомить васъ съ моимъ братомъ Вильгельмомъ.» — «Нѣтъ, очень благодаренъ!» сказалъ я, желая одного—поскорѣе убраться прочь. Мнѣ такъ не повезло у одного изъ братьевъ, что я ужъ не желалъ испытать того же у другого. Я пожалъ руку Якову Гримму и поспѣшилъ удалиться. Нѣсколько недѣль спустя, когда я уже былъ въ Копенгагенѣ и какъ разъ упаковывалъ свой чемоданъ, соби-

раясь ѣхать въ провинцію, ко мнѣ въ комнату вошелъ одѣтый по дорожному Яковъ Гриммъ. Онъ только что прибылъ въ Копенгагенъ и по дорогѣ въ гостиницу завернулъ ко мнѣ, чтобы поскорѣе сказать мнѣ: «Теперь я васъ знаю!» И онъ сердечно пожалъ мнѣ руку, ласково глядя на меня своими умными глазами. Въ ту же минуту въ комнату вошелъ носильщикъ, явившійся за моими вещами, и встрѣча наша съ Яковомъ Гриммомъ въ Копенгагенѣ вышла такой же короткой, какъ и берлинская. Но всетаки съ этихъ поръ мы уже знали другъ друга и встрѣтились теперь въ Берлинѣ, какъ старые знакомые.

Яковъ Гриммъ былъ одною изъ тѣхъ симпатичныхъ личностей, которыя невольно влекутъ къ себѣ. На этотъ разъ я познакомился и съ его братомъ и имѣлъ случай оцѣнить также и его. Однажды вечеромъ я читалъ у графини Бисмаркъ-Боленъ одну изъ своихъ сказокъ. Среди слушателей особенно поразило меня своимъ вниманіемъ и дѣльными и оригинальными замѣчаніями одно лицо; это и былъ Вильгельмъ Гриммъ.

«Вотъ зашли бы вы ко мнѣ, когда были здѣсь въ послѣдній разъ, я васъ, навѣрное, узналъ бы!» сказалъ онъ. Съ этихъ поръ я встрѣчался съ этими милыми даровитыми братьями почти ежедневно. Я часто читалъ въ ихъ присутствіи мои сказки, и вниманіе, которое оказывали этимъ моимъ произведеніямъ знаменитые собиратели «*Нѣмецкихъ народныхъ сказокъ*», было мнѣ особенно дорого. Первое мое неудачное посѣщеніе Гримма такъ огорчило меня, что я во все тогдашнее свое пребываніе въ Берлинѣ всякій разъ, какъ кто-нибудь особенно распространялся при мнѣ о сочувствіи ко мнѣ берлинцевъ и о моей извѣстности среди нихъ, покачивалъ головою и говорилъ: «Гриммъ меня, однако, не зналъ!» Теперь же я достигъ и этого!

Тикъ былъ боленъ и не принималъ никого, какъ мнѣ объявили; но, получивъ мою карточку, онъ тотчасъ же написалъ мнѣ письмо и задалъ въ честь меня обѣдъ для небольшого кружка избранныхъ лицъ. Кромѣ меня были только братъ Тика, скульпторъ, историкъ Раумеръ, и вдова и дочь Стеффенса. Это было въ послѣдній разъ, что мы собрались такъ всѣ вмѣстѣ. Быстро пронеслось нѣсколько чудныхъ незабвенныхъ часовъ. Я никогда не забуду задушевнаго краснорѣчія Тика, глубокаго, правдиваго взгляда его умныхъ глазъ, блескъ которыхъ не только не потухалъ съ годами, но все болѣе и болѣе разгорался. «*Эльфы*» Тика—одна изъ прекраснѣйшихъ сказокъ новѣйшей литературы и даже не напиши Тикъ ничего кромѣ нея, она одна обезсмертила бы его имя. Какъ сказочникъ, я глубоко преклоняюсь передъ этимъ истиннымъ художникомъ, который, много лѣтъ тому назадъ, первый изъ всѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ сердечно прижалъ меня къ груди и какъ бы благословилъ меня идти по одному съ нимъ пути.

Пришлось затѣмъ перебывать у всѣхъ старыхъ друзей; число же новыхъ съ каждымъ днемъ возростало, приглашенія такъ и сыпались на меня, и

надо было обладать просто геркулесовской силой и выносливостью, чтобы выдержать такое широкое гостепріимство! Около трехъ недѣль провелъ я въ Берлинѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ время, казалось, летѣло все быстрѣе; но, наконецъ, силъ моихъ больше не хватило, я утомился и духовно и физически и не предвидѣлъ иной возможности отдохнуть спокойно, какъ только снова попавъ въ вагонъ желѣзной дороги, который помчитъ меня изъ страны въ страну.

И все-же среди всей этой сутолоки гостепріимства и черезмѣрнаго вниманія, которыми окружали меня со всѣхъ сторонъ, для меня выдался одинъ вечеръ, который, давъ мнѣ почувствовать все мое одиночество, отозвался въ моей душѣ особенно горько. Это было въ сочельникъ, какъ разъ въ тотъ вечеръ, котораго я всегда ждалъ съ какою-то дѣтскою радостью, который не могу себѣ представить безъ елки, безъ окружающей меня толпы радостныхъ ребятишекъ и взрослыхъ, снова становящихся дѣтьми!.. И вотъ этотъ-то вечеръ я и провелъ у себя въ нумерѣ одинъ-одинешенекъ, думая о рождественскомъ весельѣ у насъ на родинѣ, а всѣ мои добрые берлинскіе друзья полагали, какъ сами потомъ разсказывали мнѣ, что я провожу его тамъ, гдѣ мнѣ всего пріятнѣе и куда я давнымъ-давно уже былъ приглашенъ.

Дженни Линдъ находилась тогда въ Берлинѣ; Мейерберъ таки добился своего. Она пользовалась здѣсь огромнымъ успѣхомъ; всѣ прославляли ее и не только какъ артистку, но и какъ женщину. Каждый выходъ ея сопровождался взрывами восторга; публика просто осаждала театръ въ тѣ вечера, когда она пѣла. Во всѣхъ городахъ, куда бы я ни пріѣхалъ, повсюду мнѣ говорили только о ней; но мнѣ и не нужно было этихъ напоминаній,— мысли мои и безъ того были заняты ею, и я давно уже лелѣялъ въ душѣ мечту провести сочельникъ въ ея обществѣ. Я вполнѣ свыкся съ мыслью, что если мнѣ въ этотъ вечеръ случится быть въ Берлинѣ, то я непремѣнно встрѣчу Рождество вмѣстѣ съ нею. Убѣжденіе это стало у меня просто idée fixe, такъ что я изъ-за этого и отклонилъ всѣ приглашенія моихъ берлинскихъ друзей. Но Дженни Линдъ не пригласила меня, и я просидѣлъ сочельникъ одинъ-одинешенекъ. Я чувствовалъ себя такимъ заброшеннымъ и невольно открылъ окно, чтобы взглянуть на звѣздное небо,—вотъ моя ёлка! И мною овладѣло тихое, умиленное настроеніе... Другіе, пожалуй, назовутъ его сентиментальнымъ, — пусть! Имъ извѣстно названіе, а мнѣ — настроеніе. На другое утро меня однако уже разобрала досада, чисто дѣтская досада за потерянный сочельникъ, и я не могъ не разсказать Дженни Линдъ, какъ печально я провелъ его. «А я думала, что вы проводите его въ кругу принцевъ и принцессъ!» сказала она, когда я разсказалъ ей, какъ я отклонилъ всѣ приглашенія, чтобы провести сочельникъ съ нею, какъ я издавна радовался этой мысли и даже ради этого только и пріѣхалъ въ Берлинъ къ Рож-

деству. «Дитя!» сказала она съ улыбкой, ласково провела рукой по моему лбу, разсмѣялась и прибавила: «Мнѣ этого и въ голову не приходило! Къ тому же меня давно уже пригласили въ одно семейство. Но теперь мы еще разъ справимъ сочельникъ! Дитя получитъ свою ёлку! Мы зажжемъ ее у меня подъ новый годъ!» И она дѣйствительно зажгла для меня въ этотъ вечеръ нарядную елочку. Дженни Линдъ, компаньонка ея, да я составляли все общество. И вотъ, мы трое дѣтей сѣвера встрѣтили въ Берлинѣ новый годъ, любуясь на огоньки елки, зажженной ради меня одного. Мы веселились словно дѣти, играющіе въ гости; было заготовлено полное угощеніе, какъ для цѣлаго общества, намъ подавали чай, мороженое, и, наконецъ, ужинъ. Дженни Линдъ спѣла большую арію и нѣсколько шведскихъ пѣсенъ, словомъ—для меня былъ данъ настоящій музыкальный вечеръ, и *всѣ* подарки съ ёлки достались одному мнѣ. Въ городѣ узнали о нашемъ скромномъ торжествѣ, и въ одной газетѣ даже появилась замѣтка, въ которой изображались двое дѣтей сѣвера—Дженни Линдъ и Андерсенъ—подъ елкой.

Дженни Линдъ познакомила меня съ г-жей Бирхъ-Пфейфферъ. «Она выучила меня по-нѣмецки!» сказала она мнѣ передъ тѣмъ: «Она мнѣ все равно что мать! Вы должны познакомиться съ ней!» Мы вышли на улицу и взяли перваго попавшагося извозчика. «Всемірно-извѣстная Дженни Линдъ ѣдетъ въ такомъ экипажѣ, — какъ это можно!» сказали, пожалуй, и нѣкоторые берлинцы, какъ говорили копенгагенцы, увидѣвъ ее однажды ѣдущею со своею старой подругой на извозчикѣ. «Неприлично для Дженни Линдъ ѣздить на извозчикѣ. Это ни на что непохоже!» Какія, однако, бываютъ у людей странныя понятія о приличіи! Истинно-великій человѣкъ никогда не смотритъ на такія мелочи! Разъ въ Нюсё, когда я собирался отправиться въ городъ въ диллижансѣ, Торвальдсенъ захотѣлъ составить мнѣ компанію, и всѣ тоже завопили: «Это немыслимо! Торвальдсенъ въ диллижансѣ!»—«Да, вѣдь, Андерсенъ же ѣздитъ!» сказалъ онъ простодушно. Пришлось мнѣ объяснить ему, что это совсѣмъ другое дѣло, а что если поѣдетъ въ диллижансѣ онъ, Торвальдсенъ, всѣ непремѣнно скандализируются этимъ. То же было, когда копенгагенцы увидѣли Дженни Линдъ на извозчикѣ; но это всетаки не помѣшало ей воспользоваться такимъ же экипажемъ и здѣсь въ Берлинѣ, когда мы отправились къ г-жѣ Бирхъ-Пфейфферъ. Я зналъ ее, какъ прекрасную артистку и талантливую драматическую писательницу; зналъ также, какъ жестоко относилась къ ней критика, и невольно подумалъ, что это-то именно и оставило на ея лицѣ бросившуюся мнѣ въ глаза горькую улыбку. «Я еще не читала вашихъ сочиненій, сказала она: «но знаю, какъ благосклонно относится къ вамъ критика! Я этимъ не могу похвастаться!»—«Онъ мнѣ все равно, что добрый, любящій братъ!» сказала Дженни Линдъ и вложила мою руку въ ея. Въ слѣдующее свое по-

сѣщеніе я засталъ г-жу Бирхъ-Пфейфферъ за чтеніемъ «*Импровизатора*», и почувствовалъ, что теперь у меня однимъ другомъ больше.

Сейчасъ же по пріѣздѣ въ Берлинъ я былъ удостоенъ приглашенія на обѣдъ во дворцѣ. Сидѣть мнѣ пришлось рядомъ съ Гумбольдтомъ, котораго я зналъ лучше другихъ и искренно любилъ, не только какъ великаго ученаго, но и какъ милѣйшаго, простого въ обращеніи человѣка, оказывавшаго мнѣ безконечное вниманіе. Король принялъ меня очень любезно и сказалъ, что во время своего пребыванія въ Копенгагенѣ спрашивалъ обо мнѣ, но ему отвѣтили, что я за-границей. Затѣмъ онъ сказалъ, что прочелъ мой романъ «*Только скрипачъ*» съ большимъ интересомъ и съ тѣхъ поръ всякій разъ, какъ увидитъ аиста, невольно вспоминаетъ про бѣднаго Христіана. Описаніе смерти аиста также глубоко растрогало его. Королева тоже бесѣдовала со мной очень привѣтливо. Вскорѣ послѣ того меня пригласили въ Потсдамъ, провести въ обществѣ короля и королевы вечеръ. Кромѣ ихъ величествъ, дежурныхъ дамъ и кавалеровъ, Гумбольдта и меня, никого не было. Когда я занялъ свое мѣсто за маленькимъ столикомъ, вокругъ котораго собралось все небольшое общество, королева замѣтила, что я сижу какъ разъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ сидѣлъ Эленшлегеръ, когда читалъ имъ свою трагедію «*Дина*». Я прочелъ четыре сказки: «*Ель*», «*Безобразный утенокъ*», «*Парочка*» и «*Свинопасъ*». Король былъ чрезвычайно оживленъ, такъ и сыпалъ остроумными замѣчаніями. Разговоръ перешолъ на Данію и ея лѣсную природу, которую король находилъ удивительно красивою. Вспоминалъ онъ также о прекрасномъ исполненіи въ датскомъ королевскомъ театрѣ комедіи Гольберга «*Мѣдникъ-политикъ*». Сидя въ этомъ уютномъ салонѣ, въ дружескомъ кружкѣ, встрѣчая одни добрые, ласковые взгляды, я чувствовалъ, какъ здѣсь меня любятъ,—даже больше, чѣмъ я заслуживалъ!.. Вернувшись поздно вечеромъ къ себѣ, я долго не могъ заснуть,—впечатлѣнія этого вечера слишкомъ волновали меня. Все вокругъ пріобрѣтало какой-то сказочный колоритъ; башенные куранты играли всю ночь и красивая музыка удивительно гармонировала съ моимъ настроеніемъ... Да, въ минуты счастья чувствуешь себя какъ-то добрѣе, умиляешься душою.

Наканунѣ моего отъѣзда изъ Берлина я получилъ еще одно доказательство милостиваго расположенія ко мнѣ короля прусскаго. Мнѣ былъ пожалованъ орденъ Краснаго Орла, 3-ей степени. Такой знакъ отличія порадовалъ бы всякаго, и я откровенно признаюсь, что былъ чрезвычайно обрадованъ. Я видѣлъ въ этомъ явный знакъ благорасположенія ко мнѣ благороднаго, просвѣщеннаго монарха, и сердце мое исполнилось благодарности къ нему. Это былъ первый полученный мною орденъ, и получилъ я его какъ разъ въ день рожденія моего благодѣтеля Коллина, шестого Января, такъ что день этотъ сталъ для меня съ тѣхъ поръ двойнымъ праздникомъ.

Я былъ безконечно радъ и отъ души желалъ, чтобы Господь послалъ много радостей монарху, такъ обрадовавшему меня.

Послѣднiй вечеръ я провелъ въ дружескомъ кружкѣ, состоявшемъ по большей части изъ молодежи. Пили за мое здоровье и декламировали стихотворенiе: «*Der Märchenkönig*» (Король сказокъ). Я вернулся домой лишь поздней ночью, раннимъ утромъ уже сидѣлъ въ вагонѣ, готовясь отправиться въ Веймаръ, гдѣ мнѣ снова предстояло свидѣться съ Дженни Линдъ.

Въ «*Das Märchen meines Lebens*»*), написанной во время этой поѣздки подъ свѣжимъ впечатлѣнiемъ пережитаго, я высказалъ по поводу этого отъѣзда слѣдующее: «Я привелъ здѣсь примѣры нѣкоторыхъ изъ оказанныхъ мнѣ въ Берлинѣ безчисленныхъ знаковъ добраго расположенiя ко мнѣ. Для меня было просто потребностью, какъ мнѣ думается и для всякаго, получившаго отъ большого числа лицъ крупную сумму для извѣстной цѣли—отдать отчетъ въ довѣренномъ мнѣ богатствѣ, высказать волновавшiя меня при этомъ чувства.

Черезъ сутки я уже опять находился въ Веймарѣ у наслѣднаго великаго герцога. У меня нѣтъ словъ, чтобы высказать, съ какимъ безконечнымъ радушiемъ и привѣтливостью я былъ принятъ въ герцогскомъ домѣ, но сердце мое переполнено чувствомъ благодарности. Какъ во время празднества, такъ и въ уютномъ семейномъ кругу герцогъ относился ко мнѣ съ неизмѣнной сердечностью, и дни проходили для меня словно сплошное воскресенье. Никогда также не забуду я тихихъ вечеровъ, проведенныхъ въ дружеской бесѣдѣ съ Больё. Часто присоединялись къ намъ и умный, даровитый Шелль и Шоберъ, и почтенная, юношески-свѣжая г-жа Швиндлеръ, вѣрная подруга юныхъ лѣтъ Жана-Поля. Она отнеслась ко мнѣ при первомъ же знакомствѣ съ истинно-материнскимъ участiемъ и чрезвычайно обрадовала меня своимъ замѣчанiемъ, что я напоминаю ей этого великаго писателя. Она разсказала мнѣ о немъ столько новаго и интереснаго для меня. Жанъ-Поль, или по настоящей его фамилiи—Фридрихъ Рихтеръ, до такой степени былъ бѣденъ въ молодости, что ему не на что даже было купить бумаги, и онъ, готовясь писать свое первое сочиненiе, долженъ былъ заработать себѣ деньги на покупку ея перепиской копiй съ единственнаго печатнаго экземпляра газеты, которую выписывали въ складчину крестьяне. Поэтъ Глеймъ первый обратилъ вниманiе на Жана-Поля и написалъ г-жѣ Швиндлеръ объ этомъ талантливомъ молодомъ человѣкѣ, которому онъ далъ на его нужды 500 талеровъ. Г-жа Швиндлеръ подарила мнѣ одно изъ писемъ къ ней Жана-Поля и написала при этомъ: «Nach der Richtung, welche die Tages-Literatur mei-

*] Сказка моей жизни. Автобiографiя А. явилась впервые на нѣмецкомъ языкѣ. А. написалъ ее по просьбѣ своего нѣмецкаго издателя и лишь, девять лѣтъ спустя, издалъ ее на датскомъ языкѣ въ значительно дополненномъ видѣ.

Примѣч. перев.

stens jetzt in Deutschland genommen hat, erwartete ich kaum auf meinem Lebenswege noch einer so schönen geistigen Verwandtschaft zu begegnen als die ist, welche H. Andersen unbestritten mit Jean Paul hat» *).

У милаго даровитаго Флоріена я познакомился съ Бертольдомъ Ауэрбахомъ. Его «*Dorfgeschichten*» (Деревенскіе разсказы) привели меня въ восторгъ; я не знаю въ новѣйшей литературѣ болѣе поэтическаго, болѣе здороваго по духу и радующаго сердце произведенія. Такое же впечатлѣніе производилъ и самъ Ауэрбахъ. Открытая, прямая натура и здравый умъ его невольно напоминали собою «eine Dorfgeschichte». Въ глазахъ его такъ и свѣтится умъ и честная благородная душа. Мы живо подружились, и онъ съ своей обычной простотой и задушевностью предложилъ мнѣ быть съ нимъ на «ты». «Но,—прибавилъ онъ съ улыбкой: «я, вѣдь, еврей!» Я разсмѣялся: какъ будто принадлежность къ одному изъ старѣйшихъ, интереснѣйшихъ народовъ могла что-нибудь измѣнить въ этомъ случаѣ!

Мое пребываніе въ Веймарѣ все затягивалось; я такъ привязался къ моимъ новымъ друзьямъ, что едва могъ разстаться съ ними. Наконецъ, по окончаніи празднествъ, сопряженныхъ съ днемъ рожденія великаго герцога, я уѣхалъ; мнѣ во что бы то ни стало хотѣлось попасть въ Римъ до Пасхи. Раннимъ утромъ я еще разъ увидѣлся съ наслѣднымъ герцогомъ и простился съ нимъ. Не желая переступать границъ, положенныхъ между нами его высокимъ рожденіемъ и положеніемъ въ свѣтѣ, я все-же считаю себя въ правѣ сказать о немъ то, что и послѣдній бѣднякъ можетъ сказать о князѣ: онъ дорогъ мнѣ, я люблю его, какъ одного изъ ближайшихъ моихъ друзей. Господь благослови его на все хорошее, къ чему онъ стремится! За княжеской звѣздой его скрывается истинно доброе сердце!

Голштинецъ профессоръ Михельсонъ собралъ у себя однажды вечеромъ большое общество, состоявшее все изъ друзей моей музы, и поднявъ бокалъ за мое здоровье, высказалъ въ прекрасной прочувствованной рѣчи, какое значеніе имѣетъ современная датская литература, благодаря своей свѣжести и естественной простотѣ. Изъ гостей особенно заинтересовалъ меня знаменитый богословъ, профессоръ Газе, авторъ «*Жизни Христа*» и «*Исторіи церкви*». Вечеромъ наканунѣ я читалъ при немъ нѣкоторыя изъ моихъ сказокъ, и онъ обнаружилъ ко мнѣ живѣйшую симпатію. Сердечное свое расположеніе ко мнѣ и моимъ сказкамъ онъ выразилъ, написавъ мнѣ въ альбомъ слѣдующее:

«Изреченіе Шеллинга,—не того, что живетъ теперь въ Берлинѣ, но живущаго безсмертнымъ героемъ въ царствѣ духа—«*Природа есть види-*

*) Въ виду господствующаго нынѣ въ нѣмецкой литературѣ направленія, я почти и не ожидала встрѣтить на своемъ пути писателя, который бы находился въ такомъ прекрасномъ духовномъ родствѣ съ Жаномъ-Полемъ, въ какомъ безспорно находится съ нимъ г. Андерсенъ“.

мый духъ» невольно пришло мнѣ на умъ вчера вечеромъ. Я слушалъ ваши сказки, и мнѣ снова стали ясны и этотъ духъ и эта невидимая природа. Насколько сказки эти съ одной стороны обнаруживаютъ глубокое проникновеніе въ тайны природы, пониманіе языка птицъ и чувствъ ели или маргаритки, такъ что мы съ дѣтьми нашими, несмотря на то, что все это существуетъ точно само по себѣ, участвуемъ въ ихъ горѣ и радости, настолько съ другой стороны все является только отраженіемъ духа, и во всемъ чувствуется біеніе вѣчно волнующагося человѣческаго сердца. Отъ души желаю, чтобы источникъ этотъ, бьющій изъ дарованнаго Вамъ Богомъ сердца поэта, еще долго билъ на радость людямъ и чтобы сказки Ваши превратились въ представленіи германскихъ народовъ въ народныя сказки».

Газе и талантливому импровизатору, профессору Вольфу изъ Іены я былъ обязанъ еще тѣмъ, что нѣмецкіе переводы моихъ произведеній стали приносить мнѣ нѣкоторую матеріальную пользу. Они были очень поражены, узнавъ, что я до сихъ поръ не получаю ни малѣйшаго гонорара за всѣ многочисленные переводы моихъ трудовъ, довольствуясь тѣмъ, что они вообще находятъ себѣ переводчиковъ и читателей и чувствуя себя еще обязаннымъ издателямъ, если они посылаютъ мнѣ по нѣскольку экземпляровъ. Газе и Вольфъ заявили, что нужно же, наконецъ, устроить такъ, чтобы я могъ извлечь изъ того успѣха, которымъ пользуются въ Германіи мои произведенія, хотя нѣкоторую матеріальную пользу, и оба приложили въ этомъ отношеніи всѣ свои старанія. Прибывъ въ Лейпцигъ, я получилъ тамъ одно письменное предложеніе изъ Берлина и затѣмъ личныя—отъ Лейпцигскаго издателя Брокгауза, отъ Гертеля и, наконецъ, отъ моего земляка Лорка. Всѣ они желали пріобрѣсть право на переводы и изданіе всѣхъ уже появившихся моихъ произведеній и предлагали за это уплатить мнѣ разъ навсегда нѣсколько сотъ талеровъ. Я принялъ предложеніе своего земляка, и мы оба остались очень довольны нашимъ соглашеніемъ. Итакъ, гор одъ книжной торговли поднесъ мнѣ подарокъ въ видѣ гонорара. Затѣмъ меня ожидали здѣсь и другія радости: я вновь свидѣлся съ семействомъ Брокгауза, провелъ нѣсколько счастливыхъ часовъ у геніальнаго Мендельсона и чуть не ежедневно слушалъ его игру. Его выразительные глаза, казалось, глядѣли вамъ прямо въ душу. Немного встрѣтишь людей, носящихъ на себѣ такой отпечатокъ истиннаго генія, какъ именно Мендельсонъ. Милая, привѣтливая супруга его и прелестные дѣти дѣлали его уютный домъ еще привлекательнѣе; рѣдко гдѣ я чувствовалъ себя такъ хорошо. Мендельсонъ любилъ подтрунивать надъ той большою ролью, какую играетъ въ моихъ произведеніяхъ аистъ. Самому ему аистъ, впрочемъ, полюбился еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ *«Только скрипачъ»*; онъ радовался, встрѣчая стараго знакомца въ моихъ сказкахъ, и часто въ шутку говаривалъ мнѣ:

«Ну, разскажите же намъ сказку про аиста! Напишите мнѣ пѣсенку про аиста!» И какъ лукаво улыбались при этомъ его умные глаза. Въ нихъ свѣтилось въ такія минуты что-то дѣтски - шаловливое! На возвратномъ пути я свидѣлся съ нимъ еще разъ и затѣмъ уже—никогда больше. Супруга его скоро послѣдовала за нимъ, а прелестныя дѣти, живыя копіи съ рафаэлевскихъ ангелочковъ, разсѣялись по свѣту.

Въ Дрезденѣ одинъ изъ пріятнѣйшихъ вечеровъ провелъ я въ королевской семьѣ, принявшей меня удивительно радушно и привѣтливо. И здѣсь, повидимому, процвѣтала самая счастливая семейная жизнь. Я не чувствовалъ ни малѣйшаго стѣсненія, налагаемаго придворнымъ этикетомъ, встрѣчалъ одни лишь ласковые, сердечные взгляды.

Въ Вѣнѣ я увидѣлся съ Листомъ. Онъ пригласилъ меня на одинъ изъ своихъ концертовъ, на которые вообще крайне трудно было заручиться билетами. Я во второй разъ услышалъ его фантазіи на темы изъ «*Роберта*», увидѣлъ, какъ онъ, словно какой - то духъ бури, игралъ струнами. Эрнстъ тоже находился въ Вѣнѣ, но его концертъ былъ назначенъ уже послѣ моего предполагаемаго отъѣзда; между тѣмъ я еще ни разу не слыхалъ его, и неизвѣстно было, свидимся ли мы еще когда-нибудь, вотъ онъ, когда я зашелъ къ нему, и далъ мнѣ концертъ. Скрипка въ его рукахъ плакала и стонала, раскрывая намъ тайны человѣческаго сердца!.. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ первые годы войны, мы снова встрѣтились въ Копенгагенѣ и стали друзьями. Главнымъ образомъ привлекла его ко мнѣ «*Das Märchen meines Lebens*» и «*Bilderbuch ohne Bilder*» (*Картинки-невидимки*). По настоящему слѣдовало бы назвать ихъ «*Bilder ohne Buch*»—писалъ онъ мнѣ въ одномъ письмѣ. «Наслаждаясь ими, совершенно забываешь, что читаешь книгу!»

Большинство блестящихъ звѣздъ австрійскаго литературнаго небосклона только успѣли во время моего пребыванія въ Вѣнѣ мелькнуть мнѣ въ глаза, какъ шпицы церковныхъ башенъ пролетающему по желѣзной дорогѣ путешественнику. Я могу только сказать, что видѣлъ ихъ, и чтобы оставаться при сравненіи съ звѣздами, прибавлю, что въ кружкѣ «*Конкордія*» глазамъ моимъ представился цѣлый млечный путь. Здѣсь было много и молодыхъ талантовъ, и лицъ уже съ именами и значеніемъ.

Еще передъ отъѣздомъ моимъ изъ Дрездена, королева Саксонская спросила меня—есть-ли у меня рекомендательное письмо хоть къ кому-нибудь въ Вѣнѣ. Я отвѣтилъ—нѣтъ, и королева была настолько добра, что дала мнѣ собственноручное письмо къ сестрѣ своей, эрцгерцогинѣ австрійской Софіи. Послѣдняя и пригласила меня къ себѣ черезъ графа Чехени. Принятъ я былъ въ высшей степени привѣтливо. У эрцгерцогини находилась въ этотъ вечеръ и вдовствующая императрица, также обошедшаяся со мной очень милостиво. Одинъ изъ присутствующихъ здѣсь принцевъ вступилъ

со мною въ дружескую бесѣду; это былъ старшій сынъ эрцгерцогини, нынѣ царствующій императоръ. Послѣ чая я прочелъ нѣсколько своихъ сказокъ: «*Парочку*», «*Безобразнаго утенка*» и «*Красные башмачки*». Да, не думалъ я, когда писалъ ихъ, что мнѣ когда-нибудь придется читать ихъ здѣсь! Вообще я могу сказать, что находилъ сердечный радушный пріемъ повсюду—начиная съ императорскаго дворца и кончая хижиною бѣднаго крестьянина!

Но вотъ, наконецъ, передо мною вновь развернулась раскошная картина природы Италіи. Весна прикоснулась устами къ плодовымъ деревьямъ, и они всѣ расцвѣли отъ ея поцѣлуя; каждая былинка была налита солнечнымъ свѣтомъ, вязы стояли, словно каріатиды, поддерживая густыя зеленыя виноградныя лозы. А надъ этою пышною зеленью растительнаго царства возвышались волнообразныя громады голубыхъ горъ съ снѣжными вершинами.

31-го Марта 1846 г. мнѣ предстояло въ третій разъ увидѣть вѣчный городъ, и я былъ полонъ радости и благодарности Творцу, даровавшему мнѣ такъ много въ сравненіи съ тысячами другихъ людей! Въ минуты безконечной радости, такъ же какъ и въ минуты глубочайшей скорби, душа невольно льнетъ къ Богу! И первое чувство, охватившее мою душу, когда я въѣхалъ въ Римъ, было благоговѣйное умиленіе. Другого выраженія и подобрать не могу. Волновавшія же меня чувства во время моего пребыванія въ этомъ дорогомъ моему сердцу городѣ я высказалъ тогда въ письмѣ къ одному изъ моихъ друзей:

«Я такъ сжился съ этими руинами, съ этими точно окаменѣвшими улицами, съ вѣчно цвѣтущими розами и вѣчно-звучащими колоколами, а между тѣмъ Римъ уже не тотъ Римъ, какимъ онъ былъ тринадцать лѣтъ назадъ, когда я былъ здѣсь въ первый разъ. Съ тѣхъ поръ все пріобрѣло какой-то отпечатокъ современности—даже руины. Трава и кустарникъ повыдернуты, все вычищено, народная жизнь какъ-то отошла на задній планъ. Не слышно больше на улицахъ звуковъ тамбурина, не видно молодыхъ дѣвушекъ, отплясывающихъ сальтарелло. Цивилизація промчалась, какъ бы по невидимой желѣзной дорогѣ, даже черезъ Кампанью; крестьянинъ уже лишился прежней своей наивной вѣры. На Пасхѣ я видѣлъ, какъ во время папскаго благословенія оставались стоять на ногахъ толпы народа, прежде благоговѣйно повергавшагося на землю. Теперь весь народъ какъ будто состоялъ не изъ римлянъ-католиковъ, а изъ иновѣрцевъ-чужеземцевъ; разумъ побѣдилъ вѣру. Меня это взволновало такъ, что я самъ былъ готовъ преклонить колѣна передъ невидимою святыней. Лѣтъ черезъ десять, когда желѣзныя дороги еще болѣе сблизятъ города между собою—Римъ измѣнится еще болѣе. Но все, что свершается — къ лучшему, и не любить этотъ городъ нельзя. Римъ—что̀ книжка со сказками: безпрестанно открываешь новыя чудеса, живешь и въ мірѣ фантазіи и въ дѣйствительности».

Въ первый свой пріѣздъ въ Италію, я еще не обращалъ особеннаго вниманія на скульптуру; въ Парижѣ роскошная живопись отвлекла меня отъ нея, и только во Флоренціи статуя Венеры Медицейской открыла мнѣ глаза; съ нихъ, употребляя выраженіе Торвальдсена, «какъ будто, стаялъ снѣгъ.» Въ этотъ же разъ я во время безпрестанныхъ своихъ странствованій по заламъ Ватикана научился любить скульптуру еще больше живописи. Впрочемъ, въ какихъ же другихъ городахъ это искусство и открывается вамъ въ такихъ грандіозныхъ образахъ, какъ въ Римѣ, да еще въ Неаполѣ! Здѣсь всецѣло уходишь въ него, учишься изъ него любить природу; эти прекрасныя формы дышатъ, вѣдь, жизнью!

Среди шедевровъ скульптуры, видѣнныхъ мною на выставкѣ въ Римѣ и въ мастерскихъ молодыхъ художниковъ, находились также нѣсколько произведеній моего земляка, скульптора Іерихау, которыя обратили на себя мое особенное вниманіе. Въ послѣднее мое пребываніе въ Римѣ Іерихау тоже былъ здѣсь, но еще находился тогда въ самомъ бѣдственномъ положеніи: никто знать его не хотѣлъ, да онъ и самъ-то себя еще не зналъ. Теперь же онъ былъ на восходѣ своей славы. Я видѣлъ у него въ мастерской группу «*Геркулесъ и Геба*» и его послѣднюю работу «*Охотникъ за пантерами*», которую какъ разъ въ это время заказалъ ему въ мраморѣ какой-то русскій князь. Я очень радовался за молодого скульптора, видя въ немъ новаго распространителя славы Даніи за-границею. Я зналъ его еще мальчикомъ; мы оба были уроженцами Фіоніи; въ Копенгагенѣ же мы встрѣчались въ домѣ г-жи Лэссё. Въ то время никто, даже самъ онъ, не зналъ еще, что̀ таилось въ немъ. Онъ полушутя, полусерьезно говорилъ намъ, что не знаетъ на что рѣшиться — отправиться ли въ Америку и зажить тамъ съ гуронами, или ѣхать въ Римъ и сдѣлаться художникомъ. Скоро онъ, однако, бросилъ кисти и взялся за глину. Послѣднею его скульптурною работою въ Копенгагенѣ былъ мой бюстъ. Онъ думалъ что-нибудь выручить за него и поручилъ мнѣ переслать ему деньги въ Римъ, но дѣло не выгорѣло: никто, конечно, не нуждался тогда въ твореніи Іерихау, да еще въ бюстѣ Андерсена.

Теперь, какъ сказано, онъ шелъ въ гору и былъ вполнѣ счастливъ. Онъ только что женился на нѣмецкой художницѣ Елизаветѣ Бауманъ, смѣлыя, задушевныя картины которой восхищали всѣхъ.

День моего рожденія 2-го апрѣля былъ отпразднованъ прекрасно. Г-жа Гёте находилась въ это время въ Римѣ и случайно жила какъ разъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ я заставилъ родиться и провести годы перваго дѣтства моего «*Импровизатора*», и вотъ она прислала мнѣ чудный исто-римскій букетъ, живую цвѣточную мозаику, съ записочкой: «Изъ сада Импровизатора.»

Отъ вѣчнаго волненія, неустанной бѣготни по городу, боязни потерять даромъ хоть одинъ часъ, не успѣть осмотрѣть все, я подъ конецъ совсѣмъ

изнемогъ, а тутъ еще этотъ вѣчный удушливый сирокко! Римъ рѣшительно становился мнѣ вреденъ, и я сейчасъ же послѣ Пасхи, полюбовавшись иллюминаціей собора Св. Петра, отправился въ Неаполь. Со мною вмѣстѣ поѣхалъ и австрійскій путешественникъ графъ Поръ, съ которымъ я познакомился еще на пути въ Римъ, и мы поселились съ нимъ въ С. Лючія. Передъ нами разстилалось море, пламенѣлъ Везувій. Вечера стояли чудные, ночи лунныя. Небо какъ будто поднималось выше, звѣзды казались еще недосягаемѣе. Какіе свѣтовые эффекты! На сѣверѣ мѣсяцъ струитъ на землю серебряные лучи, здѣсь—золотые. Подвижной фонарь маяка то вспыхиваетъ яркимъ свѣтомъ, то какъ будто совсѣмъ погасаетъ. Огни, зажженные на носу рыбачьихъ лодокъ, бросаютъ на водяную поверхность длинныя обелискообразныя свѣтовыя полосы, иногда же на нихъ падаетъ тѣнь лодки и заволакиваетъ ихъ точно темнымъ облакомъ, подъ которымъ водяная глубь становится свѣтлѣе, такъ что, кажется, можно видѣть самое дно, рыбъ и водяныя растенія. На улицахъ передъ разными лавочками тоже блестятъ тысячи огоньковъ. Проходитъ процессія дѣтей съ зажженными восковыми свѣчами; кто-то изъ малышей упалъ, лежитъ и барахтается на землѣ со свѣчкой въ рукахъ. А надъ всей этой картиной возвышается огненный гигантъ Везувій!..

Солнце, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ палило все сильнѣе, сирокко совсѣмъ высушилъ воздухъ. Я, какъ сѣверянинъ, полагалъ, однако, что мнѣ не мѣшаетъ набраться тепла про запасъ, и, не имѣя еще понятія о силѣ здѣшнихъ солнечныхъ лучей, бѣгалъ себѣ по городу даже въ такое время дня, когда неаполитанцы благоразумно сидятъ дома, или прокрадываются по улицамъ, прижимаясь чуть не къ самымъ стѣнамъ домовъ, чтобы держаться въ ихъ узенькой тѣни. И вотъ однажды, переходя по Ларго ди Кастелло, я почувствовалъ, что дыханіе у меня спирается... Солнце брызнуло мнѣ въ глаза, разлилось по всему тѣлу, и я упалъ безъ чувствъ. Когда я пришелъ въ себя, оказалось, что меня перенесли въ кафе и прикладывали мнѣ къ головѣ ледъ. Я былъ словно весь разбитъ и съ тѣхъ поръ рѣшался высовывать носъ изъ дому лишь по вечерамъ. Долго я не въ силахъ былъ выносить ни малѣйшаго напряженія и позволялъ себѣ только сидѣть на широкой прохладной террасѣ приморской виллы прусскаго посланника, барона Брокгаузена, да иногда прокатиться въ экипажѣ на Камальдони Изъ Неаполя я посѣтилъ также Капри и Искію; туда пріѣхала на купанья. моя соотечественница, танцовщица Фьельстедъ и скоро такъ поправилась здѣсь здоровьемъ, что часто по вечерамъ танцовала подъ тѣнью апельсинныхъ деревъ сальтарелло вмѣстѣ съ другими молоденькими дѣвушками. И молодежь была отъ нея въ такомъ восторгѣ, что дала ей серенаду. Искія, впрочемъ, никогда особенно не восхищала меня, какъ другихъ путешественниковъ. Жара и здѣсь стояла невыносимая, и мнѣ посовѣтовали поѣхать от-

дохнуть въ Сорренто, городъ Торквато Тассо. Я нашелъ вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ англійскимъ семействомъ помѣщеніе въ Кальмелло близъ Сорренто. Маленькій садикъ нашъ былъ расположенъ на самомъ берегу моря, которое съ шумомъ катило свои волны въ пещеры, находившіяся подъ садомъ. Днемъ я изъ-за жары долженъ былъ сидѣть дома, въ комнатахъ, и я усердно работалъ надъ «*Das Märchen meines Lebens*.» Листъ за листомъ отсылалъ я ее въ письмахъ въ Данію одному изъ друзей моихъ, который редактировалъ ее и затѣмъ пересылалъ моему издателю въ Лейпцигъ. И во всѣхъ этихъ странствіяхъ не пропало ни единаго листка.

По возвращеніи въ Неаполь, мнѣ пришлось поселиться въ отелѣ въ самомъ центрѣ города, вблизи улицы Толедо. Я живалъ здѣсь прежде, но въ зимнюю пору года, а теперь мнѣ пришлось познакомиться съ лѣтнимъ зноемъ Неаполя. Это было нѣчто поистинѣ ужасающее, чего я никогда и не представлялъ себѣ! Солнце лило свои раскаленные лучи въ узенькую улицу, въ самыя окна и двери дома. Приходилось запираться наглухо и отказываться такимъ образомъ отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Каждый уголокъ, каждое мѣстечко на улицѣ, находившіеся въ тѣни, кишмя кишѣли громко и весело болтавшимъ рабочимъ людомъ; то и дѣло грохотали экипажи; уличные разносчики донимали своимъ крикомъ; шумъ и гамъ людской походилъ на шумъ морского прибоя; колокола звонили, не переставая!.. А тутъ еще сосѣдъ мой, Богъ вѣсть кто, съ утра до вечера игралъ гаммы! Просто съ ума можно было сойти! Сирокко такъ и палилъ. Я совсѣмъ изнемогалъ. Въ С. Лючія, въ старомъ моемъ жилищѣ все было занято, и волей-неволей приходилось оставаться, куда разъ попалъ. Морскія купанья не приносили ни малѣйшаго освѣженія; казалось, скорѣе даже разслабляли, чѣмъ подкрѣпляли. И что же вышло изъ всего этого?—Сказка! Я придумалъ здѣсь сказку «*Тѣнь*», но до того тутъ разлѣнился, раскисъ, что не могъ написать ее, и она была написана лишь дома на сѣверѣ. Солнце давило меня просто какъ кошмаръ, высасывало изъ меня всѣ жизненные соки, точно вампиръ. Я опять искалъ спасенія въ окрестностяхъ, но и тамъ было не лучше: воздухъ хоть и былъ чуть свѣжѣе, все же давилъ и жегъ меня словно отравленный плащъ Геркулеса. А я-то еще считалъ себя истиннымъ сыномъ солнца за свою любовь къ югу! Теперь пришлось сознаться, что въ жилахъ моихъ не мало сѣвернаго снѣга, который такъ и таялъ подъ лучами солнца, и я все больше и больше ослабѣвалъ. Большинству туристовъ приходилось такъ же плохо, да и сами неаполитанцы говорили, что такого знойнаго лѣта не запомнятъ. Большая часть иностранцевъ разъѣхалась, я тоже хотѣлъ было уѣхать, но денежный переводъ мой что-то запоздалъ. Каждый день ходилъ я справляться о немъ и все напрасно. До сихъ поръ еще ни разу во время моихъ путешествій не случалось, чтобы письмо, адресованное мнѣ, гдѣ-либо затерялось; другъ мой, который взялся выслать мнѣ денежный переводъ, отличался аккурат-

ностью въ дѣлахъ, но письма все не было и не было, и прошло уже три недѣли сверхъ срока. «Никакого письма!» повторялъ мнѣ могущественный Ротшильдъ и однажды, потерявъ терпѣніе, вспыльчиво выдвинулъ ящикъ, предназначенный для писемъ. «Нѣтъ здѣсь никакого письма!» повторилъ онъ и съ силою толкнулъ ящикъ обратно. Въ ту же минуту на полъ упало письмо. Сургучъ на немъ растаялъ отъ жары, и оно приклеилось гдѣ-то позади ящика. Письмо и оказалось моимъ денежнымъ переводомъ, провалявшимся здѣсь уже мѣсяцъ. Провалялось бы оно, можетъ быть, и дольше, если бы ящикъ не встряхнули такъ сердито. Итакъ, я могъ, наконецъ, уѣхать.

Я взялъ мѣсто на пароходѣ «*Касторъ*», отходившемъ въ Марсель. Судно было переполнено туристами; вся палуба была уставлена дорожными экипажами. Подъ однимъ-то изъ нихъ я и велѣлъ устроить себѣ постель,— въ каютѣ уже нечѣмъ было дышать. Многіе послѣдовали моему примѣру, и скоро обѣ стороны палубы превратились въ сплошныя спальни. На пароходѣ находился со своей супругой одинъ изъ первыхъ аристократовъ Англіи, маркизъ Дугласъ, женатый на принцессѣ Баденской. Мы разговорились; онъ слышалъ, что я датчанинъ, но имени моего не зналъ. Разговоръ коснулся Италіи и произведеній, въ которыхъ она описывается. Я назвалъ «*Коринну*» г-жи Сталь, а онъ прервалъ меня возгласомъ: «Землякъ вашъ описалъ Италію еще лучше!»—«Мы, датчане, этого не находимъ!» отвѣтилъ я, онъ же принялся горячо хвалить и «*Импровизатора*» и его автора. «Жаль только, — сказалъ опять я: что Андерсенъ пробылъ въ Италіи такъ недолго, когда писалъ эту книгу.» — «Онъ пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ!» отвѣтилъ маркизъ Дугласъ. «О, нѣтъ!» возразилъ я: «Всего девять мѣсяцевъ! Я это навѣрное знаю!»—«Хотѣлось бы мнѣ съ нимъ познакомиться!» сказалъ онъ. «Ничего нѣтъ легче!» отвѣтилъ я: «Онъ тутъ на пароходѣ!» И я назвалъ себя.

Въ Марселѣ судьба послала мнѣ пріятнѣйшую встрѣчу съ однимъ изъ моихъ сѣверныхъ друзей, Оле-Булемъ. Онъ только что вернулся изъ Америки, гдѣ его принимали восторженно. Мы жили въ Марселѣ въ одномъ отелѣ и встрѣтились за табль-д'отомъ, очень обрадовались и принялись разсказывать другъ другу о всемъ, что видѣли и пережили. Онъ сообщилъ мнѣ, чего я еще не зналъ тогда, о чемъ даже и не мечталъ, что у меня въ Америкѣ много друзей, которые съ большимъ интересомъ разспрашивали его обо мнѣ. Оказывалось, что англійскіе переводы моихъ произведеній были тамъ перепечатаны въ дешевыхъ изданіяхъ и получили самое широкое распространеніе. Итакъ, имя мое перелетѣло за океанъ! Какимъ маленькимъ почувствовалъ я себя при одной этой мысли и въ то же время какъ я былъ радъ, счастливъ! За что мнѣ одному изъ многихъ тысячъ выпало на долю такъ много счастья? Я испытывалъ въ эту минуту такое же чувство, какое

долженъ испытывать бѣдный крестьянскій парень, когда на него вдругъ накидываютъ королевскую мантію. Тѣмъ не менѣе я былъ счастливъ, искренно счастливъ. Можетъ быть, эта радость и есть тщеславіе, или, можетъ быть, оно въ томъ, что я высказываю ее?

Въ тотъ же вечеръ, уже лежа въ постели, я услышалъ на улицѣ музыку. Это давали серенаду Оле-Булю. На слѣдующій день онъ уѣхалъ въ Алжиръ, а я за Пиренеи.

Путь мой лежалъ черезъ Провансъ. Розъ я что-то не видалъ здѣсь въ особенномъ изобиліи, зато много цвѣтущихъ гранатовыхъ деревьевъ; въ общемъ же мѣстность своей свѣжей зеленью и волнистыми холмами нѣсколько напоминала Данію. Въ путеводителѣ говорится, что женщины Арля отличаются красотою и происходятъ отъ римлянокъ. Путеводитель правъ; здѣсь даже бѣднѣйшія поселянки поражаютъ своей красотою; у всѣхъ благородная осанка, чудныя формы, полные огня и выразительности глаза. Всѣ туристы, сосѣди мои по дилижансу, были поражены и восхищены, и дѣвушки отлично это понимали. Онѣ не убѣгали съ быстротой газелей, но напоминали ихъ легкостью и граціей движеній и черными глубокими глазами. Да, человѣкъ все-же прекраснѣйшее Божіе твореніе!

Въ Нимѣ я первымъ долгомъ посѣтилъ великолѣпный римскій амфитеатръ, напоминавшій своимъ величественнымъ видомъ величавыя древности Италіи. Насчетъ памятниковъ древности южной Франціи я почти ровно ничего не зналъ и поэтому былъ крайне пораженъ ими. Такъ напр., одинъ «четыреугольный домъ въ Нимѣ» поспоритъ красотою съ храмомъ Тезея въ Афинахъ; даже Римъ не имѣетъ столь хорошо сохранившагося памятника старины.

Въ Нимѣ есть одинъ булочникъ Ребуль, который пишетъ прекрасные стихи. Кто не знаетъ его по его стихамъ, навѣрно знаетъ о немъ изъ описанія путешествія Ламартина на востокъ. Я отыскалъ домикъ и вошелъ въ пекарню. Какой-то человѣкъ съ засученными рукавами сажалъ хлѣбъ въ печку. Это и былъ самъ Ребуль. У него благородно очерченное лицо, выражающее силу характера. Онъ любезно поздоровался со мною; я сказалъ ему свое имя, и онъ вѣжливо отвѣтилъ, что знаетъ его изъ одного посвященнаго мнѣ въ «*Revue de Paris*» стихотворенія поэта Мартина. Затѣмъ, онъ попросилъ меня, если время мое позволитъ, навѣстить его въ обѣденную пору,—тогда онъ приметъ меня получше. Я явился въ указанный часъ и былъ принятъ въ маленькой, но почти изящной комнатѣ, убранной картинами, статуями и книгами, среди которыхъ, кромѣ произведеній французской литературы, находились и переводы греческихъ классиковъ. Двѣ картины были, какъ онъ сказалъ, подарены ему; онѣ служили иллюстраціями къ извѣстному его стихотворенію «*Умирающее дитя*». Ребуль зналъ изъ книги Мармье «*Chansons du Nord*», что я написалъ стихотвореніе на ту же

тему, и я пояснилъ, что написалъ его еще школьникомъ. Если утромъ я видѣлъ Ребуля настоящимъ булочникомъ, то теперь онъ оказался настоящимъ поэтомъ. Онъ съ большимъ оживленіемъ толковалъ о родной литературѣ и выражалъ желаніе побывать на сѣверѣ, интересовавшемъ его своей природою и духовною жизнью. Я разстался съ Ребулемъ, проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ этому человѣку, который, обладая недюжиннымъ поэтическимъ дарованіемъ, не далъ вскружить себѣ голову похвалами и остался при своемъ честномъ ремеслѣ, предпочелъ быть замѣчательнымъ булочникомъ въ Нимѣ, нежели однимъ изъ сотенъ малоизвѣстныхъ поэтовъ въ Парижѣ.

Въ Вернэ, среди свѣжей горной природы на границѣ новой, еще незнакомой мнѣ страны, закончилъ я «*Das Märchen meines Lebens*», или «*The true story of my life*», какъ назвали ее англичане. Закончилъ я ее такъ: «Прежде чѣмъ я оставлю Пиренеи, эта написанная мною большая глава изъ моей жизни полетитъ въ Германію, я самъ послѣдую за нею, и—начнется новая глава. Что она несетъ съ собою? Что будетъ со мною? Можетъ быть, меня еще ожидаетъ самая кипучая по дѣятельности эпоха моей жизни? Ничего я не знаю, но благодарно и спокойно гляжу впередъ. Вся моя жизнь со всѣми ея радостями и горестями вела къ благу. Жизнь можно сравнить съ морскимъ плаваніемъ, имѣющимъ опредѣленную цѣль. Я стою у руля; я самъ избралъ себѣ путь и дѣлаю свое дѣло, но вѣтры и море во власти Господней и, если и не все сбывается по моимъ желаніямъ, то я всетаки вѣрю, что это къ лучшему для меня, а такая вѣра можетъ сдѣлать счастливымъ! Къ сочельнику, когда у насъ «запорхаютъ бѣлыя пчелки», я буду, Богъ дастъ, въ Даніи, свижусь съ дорогими друзьями, вернувшись изъ путешествія съ роскошнымъ букетомъ новыхъ, свѣжихъ впечатлѣній, обновленный и тѣломъ и духомъ. Тогда-то польются на бумагу новыя мои мечты! Пусть Господь приметъ ихъ подъ Свою руку! И онъ сдѣлаетъ это! Я родился подъ счастливою звѣздою, и она ярко горитъ на небосклонѣ моей жизни. Тысячи людей заслуживали бы этого больше, чѣмъ я; я самъ не знаю, чѣмъ я заслужилъ столько счастья не въ примѣръ другимъ! Звѣзда моя горитъ... А если она начнетъ меркнуть,— можетъ быть, пока еще я пишу эти строки—я скажу: она горѣла, я вкусилъ отъ полной чаши счастья, и если даже звѣзда моя померкнетъ совсѣмъ—и это къ лучшему! Благодарю и Бога и людей; сердце мое полно любви къ Нему и къ нимъ!»

Вернэ. Іюль 1846 г.

XIII.

Прошло девять лѣтъ, богатыхъ историческими событіями, принесшихъ съ собою много серьезныхъ испытаній Даніи, много горестей, но также и радостей мнѣ! Я достигъ за эти годы полнаго признанія меня на моей родинѣ,

сталъ старше и въ то же время остался попрежнему молодъ душою; ее освѣтилъ миръ, и я яснѣе сталъ понимать окружающее. Начнемъ же перелистывать эти новыя главы моей жизни!

Подкрѣпившись горнымъ воздухомъ въ Вернэ, я нашелъ, что достаточно запасся силами и могъ уже вернуться на родину. На обратномъ пути я захватилъ Швейцарію. Оказалось, что въ этотъ годъ и въ Швейцаріи изнывали отъ жары; снѣгу на вершинахъ Монблана и Юнгфрау было гораздо меньше обыкновеннаго, и повсюду виднѣлись черныя обнаженныя скалы. Но по вечерамъ воздухъ здѣсь всетаки становился свѣжъ и прохладенъ. Я поспѣшилъ въ Вевэ; здѣсь у озера, вблизи покрытыхъ снѣгомъ горъ Савойи дышалось такъ легко, такъ славно! Точно красныя звѣздочки выдѣлялись на темномъ фонѣ горъ огни, которые разводили ночью пастухи и угольщики по ту сторону озера. Посѣтилъ я опять и Шиньонъ, побывалъ въ Фрейбургѣ, Бернѣ, Интерлакенѣ, поднимался на Гриндельвальдъ и къ Лаутербруннену, проѣхалъ черезъ Базель, и затѣмъ черезъ Францію въ Страсбургъ. Отъ Страсбурга я отправился на пароходѣ по Рейну. Воздухъ надъ рѣкою былъ тяжелый и жаркій, тащились мы цѣлый день и подъ конецъ пароходъ былъ совсѣмъ переполненъ, главнымъ образомъ турнерами, которые пѣли и ликовали. Общее настроеніе было противъ Даніи и всего датскаго.

Христіанъ VIII тогда уже опубликовалъ свое открытое письмо. Я узналъ объ этомъ лишь теперь. Въ герцогствѣ Баденскомъ датчанина-путешественника ожидало мало пріятнаго; но меня никто не зналъ, и я не вступалъ въ сношенія ни съ кѣмъ, просидѣлъ весь путь по Рейну одинъ, больной и страждущій.

Наконецъ, миновавъ Франкфуртъ, я очутился въ миломъ Веймарѣ и здѣсь у Больё отдохнулъ и душой и тѣломъ. Какіе прекрасные дни провелъ я опять въ Эттерсбургѣ у наслѣднаго великаго герцога! Въ Іенѣ я проработалъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ профессоромъ Вольфомъ надъ приведеніемъ въ порядокъ нѣмецкихъ переводовъ нѣкоторыхъ изъ моихъ лирическихъ стихотвореній. Вскорѣ оказалось, что здоровье мое было порядкомъ разстроено. Я всегда такъ любившій югъ, долженъ былъ теперь сознаться, что я всетаки истый сынъ сѣвера, дитя снѣга и холодныхъ вѣтровъ. Медленно подвигался я обратно на родину. Въ Гамбургѣ я получилъ отъ короля Христіана VIII орденъ Данеброга, который, какъ мнѣ сказали, хотѣли пожаловать мнѣ еще до моего отъѣзда изъ Даніи, вотъ я и долженъ былъ получить его теперь, раньше чѣмъ опять вернусь на родину. Въ Килѣ я столкнулся съ семействомъ Ландграфа, въ томъ числѣ и съ принцемъ Христіаномъ, впослѣдствіи принцемъ Датскимъ, и его супругою. Высокихъ путешественниковъ ожидало королевское судно, на которомъ предоставили комфортабельное и уютное мѣстечко и мнѣ. Погода, однако, выдалась ужасная, и только черезъ двое сутокъ бурнаго плаванія, я высадился въ Копенгагенѣ.

Во время моего отсутствія, на сценѣ королевскаго театра поставили оперу Гартмана «*Liden Kirsten*» («*Кирстиночка*»), текстъ для которой написалъ я. Опера имѣла большой успѣхъ. Музыку оцѣнили по достоинству, находили ее очень колоритной, чисто датской и въ высшей степени оригинальною и задушевною, а текстъ мой былъ одобренъ даже Гейбергомъ. Извѣстіе объ этомъ, полученное мною за границею, очень обрадовало меня. Я уже заранѣе предвосхищалъ удовольствіе послушать и посмотрѣть ее самъ, и случилось какъ разъ, что она шла въ самый день моего пріѣзда въ Копенгагенъ. «Ну вотъ, теперь тебя ждетъ удовольствіе!» сказалъ мнѣ Гартманъ. «Всѣ очень довольны и музыкой и текстомъ!» Я явился въ театръ; меня замѣтили,—я видѣлъ это—и, когда опера окончилась, послышались апплодисменты, смѣшанные съ довольно сильнымъ шиканьемъ. «Этого еще ни разу не было!» сказалъ Гартманъ: «Ничего не понимаю!»—«А я такъ понимаю!» отвѣтилъ я: «Ты-то не огорчайся, тебя это не касается. Это земляки мои увидѣли, что я вернулся, ну вотъ и встрѣтили меня!»

Здоровье мое попрежнему хромало; лѣто, проведенное мною на югѣ, не прошло мнѣ даромъ, и только освѣжающій зимній холодъ немножко подкрѣпилъ меня. Я былъ въ нервномъ состояніи, очень слабъ физически и въ то же время сильно возбужденъ душевно. Въ это-то время я и окончилъ своего «*Агасфера*». Вліяніе на меня Эрстеда, которому я въ послѣдніе годы читалъ все, что писалъ вновь, все больше и больше возростало. Онъ всѣмъ сердцемъ любилъ все прекрасное и доброе, а пытливый умъ его стремился отыскать въ нихъ и истину. И онъ ясно и опредѣленно высказывалъ, что душа всякаго поэтическаго произведенія—въ истинѣ. Однажды я принесъ показать ему сдѣланный мной переводъ поэмы Байрона «*Мракъ*». Я былъ отъ нея въ восторгѣ и очень изумился, когда Эрстедъ назвалъ поэму ложною. Выслушавъ его объясненія, я, однако, не могъ не согласиться съ нимъ. «Поэтъ, конечно, можетъ представить себѣ,—сказалъ Эрстедъ: «что солнце исчезнетъ съ неба, но онъ долженъ знать, что результаты этого будутъ совсѣмъ иные, нежели подобный мракъ, подобный холодъ! Все это лишь пустыя фантазіи!» Съ тѣхъ поръ и я усвоилъ себѣ тѣ воззрѣнія, которыя рекомендуетъ современнымъ поэтамъ Эрстедъ въ своемъ твореніи «*Духъ въ природѣ*». По его мнѣнію, поэтъ, желающій явиться выразителемъ высшихъ идей и стремленій своего вѣка, долженъ усвоить себѣ результаты современной науки, а не пользоваться поэтическимъ арсеналомъ давно минувшаго времени. Напротивъ, если онъ рисуетъ это прошедшее, то, конечно, обязанъ пользоваться для изображенія характеровъ идеями и понятіями того времени. Эта вѣрная мысль Эрстеда не была, однако, къ моему удивленію, понята даже Мюнстеромъ*). Эрстедъ часто читалъ мнѣ отрывки изъ упомяну-

*) Знаменитый въ свое время проповѣдникъ-епископъ. *Примѣч. перев.*

таго произведенія, проникнутаго необыкновенною глубиною мысли и истиною. Послѣ чтенія мы обыкновенно бесѣдовали о прочитанномъ, и онъ съ своей безконечною добротою и скромностью выслушивалъ даже мои возраженія. Я, впрочемъ, могъ сдѣлать лишь одно, касавшееся той формы діалога, въ которую Эрстедъ облекъ свой трудъ. Я находилъ ее устарѣвшею, напоминавшею «*Робинзона*» Кампе, и говорилъ, что разъ здѣсь нѣтъ мѣста обрисовкѣ характеровъ, то и остается лишь одно перечисленіе персонажей, а, между тѣмъ, все было бы понятно и безъ этого. «Вы, можетъ быть, правы!» сказалъ онъ мнѣ съ свойственной ему кротостью: «но я уже давно привыкъ къ этой формѣ и сразу измѣнить ее нельзя. Приму, однако, ваше замѣчаніе къ свѣдѣнію и постараюсь воспользоваться имъ, когда напишу что-нибудь вновь.»

Въ Эрстедѣ былъ неисчерпаемый источникъ знанія, опыта, остроумія и въ то же время какой-то милой наивности, дѣтской невинности. Это была, поистинѣ, рѣдкая натура, отмѣченная печатью высшаго генія. И ко всему этому надо еще прибавить его глубокую религіозность. Впрочемъ, онъ все-таки разсматривалъ величіе Божіе сквозь телескопъ науки, величіе, которое простыя христіанскія души видятъ и съ закрытыми глазами. Мы часто бесѣдовали съ нимъ о великихъ истинахъ религіи, перечли вмѣстѣ первую книгу Моисея, и этотъ дѣтски-религіозный и въ то же время зрѣлый мужъ по уму развивалъ передо мною свои взгляды на миѳическія и легендарныя начала въ сказаніи о сотвореніи міра. Я всегда выходилъ отъ милаго, чудеснаго моего собесѣдника просвѣтлѣвъ и обогатившись и умственно и душевно. У него-же, какъ я уже не разъ упоминалъ, почерпалъ я утѣшеніе и ободреніе въ минуты унынія и сомнѣнія. Однажды, когда я сильно разстроенный несправедливымъ и жестокимъ отношеніемъ ко мнѣ критики, ушелъ отъ него не успокоеннымъ, добрѣйшій Эрстедъ, несмотря на свои годы и позднюю пору, отыскалъ меня въ моей квартиркѣ, чтобы еще разъ постараться успокоить и ободрить меня. Это такъ растрогало меня, что я забылъ все свое горе, всю свою досаду и заплакалъ слезами радостной благодарности за такую безконечную доброту. Она-то и обновляла во мнѣ бодрость и давала силу продолжать писать и работать.

Въ Германіи, между тѣмъ, имя мое, благодаря появившимся тамъ моимъ «*Gesammelte Werke*» и многочисленнымъ изданіямъ переводовъ отдѣльныхъ моихъ произведеній, становилось все болѣе и болѣе извѣстнымъ. Особеннымъ успѣхомъ пользовались тамъ «*Сказки*» и «*Картинки-невидимки*»; первыя породили даже много подражаній. Мнѣ часто присылали оттуда разныя книги и стихотворенія; изъ нихъ особенно обрадовалъ меня «*Herzlicher Gruss deutscher Kinder dem lieben Kinderfreunde in Dänemark H. C. Andersen*». (Сердечный привѣтъ отъ нѣмецкихъ дѣтей дорогому другу-дѣтей въ Копенгагенѣ Г. Х. А.).

Скоро къ этимъ солнечнымъ лучамъ изъ-за границы стали присоединяться и лучи родного солнышка, пригрѣвавшіе меня все сильнѣе и сильнѣе. Мысли мои были свѣжи, сердце молодо воспоминаніями и ощущеніями. Въ великой окружности жизни человѣческой радіусы горя пересѣкаются радіусами радости, но многія изъ первыхъ не доступны глазамъ свѣта. Въ человѣческой душѣ есть такіе тайники, куда не позволяешь заглянуть никому даже изъ близкихъ людей; у поэта часто изъ этихъ тайниковъ раздаются звуки, и не знаешь хорошенько—поэзія это или дѣйствительность? Въ сказкѣ моей жизни также иногда звучатъ такія мелодіи; онѣ выливались у меня совсѣмъ безсознательно, лишь поэтическое настроеніе могло облечь въ слова то, что волновало душу и во снѣ и на яву...

I.

Спокойно спи!
Я схоронилъ тебя въ своей груди,
О, роза нѣжная моихъ воспоминаній!
Міръ о тебѣ не знаетъ, ты—моя,
И о тебѣ одной пою и плачу я.—
Какъ ночь тиха! Но свѣтлыхъ грезъ и упованій
Пора прошла...

II.

Хоръ.

Послушай нашу пѣсню, ты старый холостякъ:
«Ложись-ка спать скорѣе, надвинь-ка свой колпакъ!
И самъ себѣ присниться во снѣ ты можешь смѣло,—
Собой, вѣдь, только занятъ, такъ то-ли будетъ дѣло!»

Одинокій.

Вѣдь, я въ самомъ себѣ, въ душѣ своей
Сокровище безцѣнное скрываю!
Но знаетъ-ли о немъ кто изъ людей,
Извѣстно ль имъ, какъ втайнѣ я страдаю?
Какъ слезы, точно градины ложатся
Тяжелыя, свинцовыя на грудь...
—«Собой ты только занятъ! Пора тебѣ уснуть!»

Въ теченіи этого года въ Англіи появились въ переводахъ еще многія изъ моихъ произведеній, какъ-то: «*Базаръ поэта*», «*Сказки*» и «*Картинки-невидимки*» и имѣли такой же успѣхъ, какъ раньше «*Импровизаторъ*». Я получалъ изъ Англіи много писемъ отъ неизвѣстныхъ друзей, которыхъ пріобрѣли мнѣ мои труды. Издатель ихъ Ричардъ Бентлэй прислалъ роскошное

изданіе моихъ сочиненій королю Христіану VIII, который остался этимъ очень доволенъ и только, какъ я уже упоминалъ раньше, очень удивлялся совершенно противоположному отношенію къ моей литературной дѣятельности у насъ въ Даніи. Сочувствіе его ко мнѣ еще увеличилось, когда онъ познакомился съ «*Das Märchen meines Lebens*».— «Вотъ когда только я узналъ васъ, какъ слѣдуетъ!» съ сердечною привѣтливостью сказалъ онъ мнѣ на аудіенціи, когда я явился поднести ему мою послѣднюю книгу. «Я такъ рѣдко васъ вижу!» продолжалъ онъ. «Надо бы намъ видѣться почаще!»— «Это зависитъ отъ Вашего Величества!» отвѣтилъ я. «Да, да, вы правы!» сказалъ онъ и затѣмъ высказалъ свое удовольствіе по поводу моего успѣха въ Германіи и въ Англіи, тепло говорилъ объ исторіи моей жизни и, прощаясь со мною, спросилъ: «Вы гдѣ обѣдаете завтра?» — «Въ ресторанѣ!» отвѣтилъ я. «Приходите лучше къ намъ! Пообѣдайте со мной и женой; обѣдаемъ мы въ четыре часа!»

Принцъ Прусскій подарилъ мнѣ прекрасный альбомъ, и въ немъ набралось теперь уже много интересныхъ автографовъ. Я показалъ его королю съ королевой, и когда получилъ его обратно, увидѣлъ въ немъ многозначительныя строчки, написанныя самимъ Христіаномъ VIII:

«Лучше завоевать себѣ почетное положеніе собственнымъ талантомъ, нежели благодаря милостямъ и дарамъ.

Пусть эти строчки напоминаютъ Вамъ Вашего

доброжелательнаго

Христіана R.»

Строки эти были помѣчены «2 Апрѣля»; король зналъ, что это былъ день моего рожденія. Королева тоже написала нѣсколько лестныхъ, драгоцѣнныхъ для меня словъ. Никакіе дары съ ихъ стороны не могли бы обрадовать меня больше.

Однажды король спросилъ меня, не подумываю-ли я когда-нибудь посѣтить и Англію. Я отвѣтилъ, что какъ разъ собираюсь туда наступающимъ лѣтомъ. «Ну, такъ деньги можете получить у меня!» сказалъ онъ. Я поблагодарилъ и сказалъ: «Да мнѣ теперь не нужно денегъ! Я получилъ отъ нѣмецкаго издателя моихъ произведеній 800 риксдалеровъ, вотъ они и пойдутъ на поѣздку!»—«Но, вѣдь, вы теперь явитесь въ Англіи представителемъ датской литературы!» возразилъ король съ улыбкою: «Такъ надо же вамъ тамъ устроиться получше!»—«Я такъ и сдѣлаю! А когда деньги всѣ выйдутъ, вернусь домой!» — «Въ случаѣ надобности пишите прямо ко мнѣ!» сказалъ король. «Теперь мнѣ ничего не надо, Ваше Величество!» отвѣтилъ я: «Въ другой разъ мнѣ, можетъ быть, случится нуждаться въ такой милости, а теперь не могу просить ни о чемъ! Нельзя же вѣчно надоѣдать! Да и не люблю я говорить о деньгахъ! А вотъ если бы я смѣлъ писать вамъ такъ, не прося ни о чемъ... не какъ къ королю,—тогда это будетъ формаль-

нымъ письмомъ — а просто какъ къ человѣку, котораго я люблю!» Король разрѣшилъ мнѣ это и, повидимому, остался доволенъ тѣмъ, какъ я отнесся къ проявленной имъ благосклонности.

Въ серединѣ мая мѣсяца 1847 г. я выѣхалъ изъ Копенгагена сухимъ путемъ. Была чудная весенняя пора; я видѣлъ аиста, летѣвшаго на распущенныхъ крыльяхъ... Троицу я отпраздновалъ въ миломъ старомъ Глорупѣ, а въ Одензе присутствовалъ на праздникѣ стрѣлковъ, который въ дни моего дѣтства былъ для меня праздникомъ изъ праздниковъ. Новое поколѣніе ребятишекъ несло прострѣленную мишень; у всѣхъ въ рукахъ были зеленыя вѣтви,—ни дать ни взять Бирнамскій лѣсъ, который двигался къ замку Макбета. То же ликованье, то же многолюдіе, какъ и въ пору моего дѣтства, но смотрѣлъ я на все это уже совсѣмъ иначе! Сильно взволновалъ меня видъ одного бѣднаго слабоумнаго парня. Черты лица его были благородны, глаза полны огня, но во всей фигурѣ было что-то жалкое, растерянное. Мальчишки дразнили его и глумились надъ нимъ. Я унесся мыслями въ прошлое, вспомнилъ себя самого въ дѣтствѣ и своего слабоумнаго дѣдушку... Что если бы я остался въ Одензе, былъ отданъ въ ученье, и годы и обстановка не изсушили бы богатой фантазіи, которая такъ и кипѣла во мнѣ тогда, если бы я не слился, наконецъ, съ окружающей жизнью — какъ бы смотрѣли здѣсь на меня теперь? — Не знаю, но видъ этого несчастнаго, загнаннаго слабоумнаго заставилъ мое сердце болѣзненно сжаться, и я вновь почувствовалъ всю неизмѣримую Божію милость ко мнѣ.

Путь мой лежалъ черезъ Гамбургъ въ Голландію. Изъ Утрехта я въ одинъ часъ доѣхалъ по желѣзной дорогѣ до Амстердама,

«А тамъ живутъ чуть-чуть что не въ водѣ!
Каналы всюду!» *)

Но, положимъ, дѣло оказалось не совсѣмъ-то такъ; ничего похожаго на Венецію, этотъ городъ бобровъ, съ его мертвыми дворцами. Первый же прохожій, къ которому я обратился съ разспросами о дорогѣ, отвѣчалъ такъ понятно, что я невольно подумалъ — однако, совсѣмъ не трудно понять голландскій языкъ! Но... оказалось, что прохожій говорилъ по-датски! Это былъ французъ парикмахеръ, который долгое время жилъ въ Даніи и сразу узналъ меня. Вотъ онъ и отвѣтилъ на мой французскій вопросъ, какъ умѣлъ, по-датски.

Первый мой визитъ въ Амстердамѣ былъ въ книжный магазинъ. Я спросилъ сборникъ голландскихъ и фламандскихъ стихотвореній, но человѣкъ, съ которымъ я говорилъ, сначала удивленно вытаращился на меня, потомъ быстро пробормоталъ какое-то извиненіе и скрылся. Я не могъ понять, что бы это значило и хотѣлъ уже уйти, какъ изъ сосѣдней комнаты появились

*) См. Т. III. стр. 457.

еще два человѣка. Они тоже уставились на меня, а затѣмъ одинъ изъ нихъ спросилъ— не я ли датскій писатель Андерсенъ и показалъ мнѣ мой портретъ, висѣвшій тутъ же на стѣнѣ. Оказалось, что голландскія газеты уже оповѣстили о моемъ скоромъ пріѣздѣ въ Голландію, гдѣ меня знали по моимъ романамъ, переведеннымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на голландскій языкъ датчаниномъ Нюгоромъ, и по недавно появившимся «*Das Märchen meines Lebens*» и «*Сказкамъ.*»

Изъ Амстердама я отправился по желѣзной дорогѣ въ Гарлемъ, а оттуда въ Лейденъ и Гагу. На четвертый день моего пребыванія въ Гагѣ, въ воскресенье я хотѣлъ было отправиться во французскую оперу, но здѣшніе друзья мои попросили меня подарить этотъ вечеръ имъ. «Да тутъ, кажется, балъ сегодня!» сказалъ я, когда мы пришли въ hôtel de l'Europe, гдѣ долженъ былъ собраться нашъ кружокъ. «Что тутъ за торжество?» спросилъ я затѣмъ: «Все разубрано по праздничному!» Спутникъ мой улыбнулся и сказалъ: «Это въ честь васъ!» Я вошелъ въ большой залъ и изумился при видѣ собравшагося тамъ многочисленнаго общества. «Это все ваши голландскіе друзья,—сказали мнѣ—которые рады случаю провести этотъ вечеръ съ вами!» Что же оказалось? Во время моего краткаго пребыванія въ Гагѣ, фанъ-деръ-Флитъ и другіе мои здѣшніе знакомцы успѣли извѣстить о моемъ пріѣздѣ, согласно бывшему у нихъ условію, нѣкоторыхъ изъ провинціальныхъ друзей моей музы, и тѣ всѣ съѣхались теперь сюда,—многіе, какъ напр., авторъ «Opuscules de jeunesse», фанъ-Кнеппельгоутъ, издалека—желая повидаться со мною. Общество состояло изъ художниковъ, литераторовъ и артистовъ. Большой столъ былъ роскошно убранъ цвѣтами; за ужиномъ то и дѣло провозглашались тосты и говорились рѣчи. Особенно тронулъ меня тостъ фанъ-деръ-Флита за «отца Коллина въ Копенгагенѣ, благороднаго человѣка, усыновившаго Андерсена!» «Два короля, продолжалъ онъ затѣмъ, обратившись ко мнѣ:—пожаловали васъ орденами; когда настанетъ день, и ихъ положатъ вамъ на гробъ, то ниспошли вамъ Богъ за ваши благочестивыя сказки прекраснѣйшій орденъ—корону безсмертія!»

Одинъ изъ ораторовъ говорилъ о связи, существующей между Голландіей и Даніей, какъ въ языкѣ, такъ и въ исторіи, а одинъ изъ художниковъ, нарисовавшій прекрасныя картины къ моимъ «*Картинкамъ-невидимкамъ*», провозгласилъ тостъ за меня, какъ за художника-живописца. Кнеппельгоутъ же поднялъ бокалъ и на французскомъ языкѣ провозгласилъ тостъ за свободу формы и фантазіи. Затѣмъ присутствовавшіе пѣли пѣсни, декламировали юмористическія стихотворенія, а знаменитый трагикъ Гаги Пэтеръ, въ виду моего незнакомства съ голландскимъ драматическимъ искусствомъ, изобразилъ сцену въ тюрьмѣ изъ «*Тассо*» Шравенверта. Я не понималъ ни слова, но меня поразила искренность артиста и его несравненная

мимика; артистъ по временамъ и блѣднѣлъ и краснѣлъ. Все собраніе восторженно апплодировало ему. Изъ пропѣтыхъ пѣсенъ меня особенно растрогала національная пѣснь «Wien Neérlands bloed!» Воспоминаніе объ этомъ вечернемъ торжествѣ является для меня однимъ изъ самыхъ дорогихъ. Нигдѣ еще не встрѣчалъ я такихъ чествованій, какъ здѣсь и въ Швеціи. Богу-Сердцевѣдцу извѣстно, съ какою смиренною душою я принималъ ихъ И какая благодать въ слезахъ, проливаемыхъ отъ радости и благодарности.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Гаги хозяйка принесла мнѣ цѣлую кучу газетъ съ описаніями даннаго въ честь меня праздника. На вокзалъ меня провожали нѣкоторые изъ моихъ новыхъ голландскихъ друзей, съ которыми я особенно сошелся здѣсь, и я разстался съ ними съ большимъ сожалѣніемъ: кто могъ сказать—доведется ли намъ встрѣтиться еще разъ!

Роттердамъ, куда я пріѣхалъ изъ Гаги, показался мнѣ гораздо оживленнѣе и національнѣе самого Амстердама. Каналы были переполнены и большими и малыми кораблями; все, казалось, было посвящено здѣсь одной торговлѣ. Одинъ изъ старѣйшихъ голландскихъ пароходовъ, по скороходности настоящая улитка между пароходами, «*Батавіецъ*», готовился къ отплытію въ Лондонъ на слѣдующій же день, я и взялъ на немъ мѣсто. Наступилъ отливъ, и прошло битыхъ восемь часовъ, пока намъ удалось выбраться въ Нѣмецкое море. Низменная Голландія, мало-по-малу какъ будто утонула въ сѣро-желтыхъ водахъ, и, когда солнце зашло, я отправился въ каюту. Выйдя рано утромъ опять на палубу, я уже увидѣлъ передъ собою берега Англіи. У входа въ устье Темзы кишѣли тысячи рыбачьихъ лодочекъ, точно огромная стая цыплятъ, разбросанные клочки бумаги, рынокъ или лагерь изъ палатокъ. Да, Темза явственно говоритъ, что Англія — царица морей: отсюда вылетаютъ ея слуги, цѣлыя флотиліи безчисленныхъ кораблей; ежеминутно мчатся, словно курьеры, пароходы за пароходами, эти скороходы съ тяжелою дымчатою вуалью и огненнымъ перомъ на шляпахъ. Проплывали мимо насъ, гордо выпячивая грудь, словно лебеди, и парусные корабли, шныряли и граціозныя яхты золотой лондонской молодежи, суда шли за судами, и чѣмъ дальше мы подвигались по Темзѣ, тѣмъ больше возростало ихъ число. Я вздумалъ было сосчитать встрѣчные пароходы, но скоро усталъ. Около Грэвзэнда мнѣ представилось, что теперь намъ предстоитъ плыть между берегами изъ горящихъ торфяныхъ болотъ, но оказалось, что этотъ густой дымъ подымался изъ пароходныхъ и фабричныхъ трубъ. Надъ мѣстностью разразилась въ это время сильнѣйшая гроза; голубыя молніи такъ и сверкали на черномъ какъ смоль фонѣ тучъ; по берегу промчался желѣзнодорожный поѣздъ, развѣвая синій дымокъ, и вдругъ точно залпъ изъ сотни орудій раздался новый громовой раскатъ. «Знаютъ, что вы на пароходѣ, вотъ и салютуютъ вамъ!» сказалъ мнѣ въ шутку мой спутникъ, молодой англичанинъ. «Да!» подумалъ я про себя: «Богъ-то знаетъ это!»

Мы высадились около таможни; я взялъ кэбъ и ѣхалъ, ѣхалъ безъ конца по огромному городу; повсюду царила страшная сумотоха и давка; экипажи всевозможныхъ видовъ тянулись безконечными рядами... Лондонъ—городъ изъ городовъ! Я почувствовалъ это сразу и день за днемъ убѣждался въ этомъ все больше и больше. Это Парижъ, взятый чуть не вдесятеро, это Неаполь по кипящей уличной жизни, но безъ его шума. Всѣ куда-то спѣшатъ, но какъ-то тихо, безшумно. Омнибусы, ломовыя телѣги, кэбы, дрожки и господскіе экипажи гремятъ, стучатъ, тащатся, катятся, летятъ мимо васъ, точно на другомъ концѣ города случилось какое-то событіе, на которомъ они непремѣнно должны присутствовать. И вѣчно, вѣчно волнуется это море! И тогда, когда всѣ эти шныряющіе мимо васъ люди успокоятся въ своихъ могилахъ, тутъ будетъ царить такая же давка, такое же движеніе омнибусовъ, кэбовъ, телѣжекъ, людей обвѣшанныхъ и спереди и сзади вывѣсками. Вывѣски и афиши—афиши, возвѣщающія о поднятіи воздушныхъ шаровъ, о музеяхъ съ готтентоттами, о панорамахъ, о концертахъ Дженни Линдъ—такъ и пестрятъ здѣсь всюду—и на людяхъ, и на экипажахъ. Наконецъ, я доѣхалъ до «Hotel de Sablonière», рекомендованнаго мнѣ Эрстедомъ. Въ отведенную мнѣ комнату заглядывали солнечные лучи и падали прямо на постель, точно желая сразу показать мнѣ, что и въ Лондонѣ бываетъ солнце, хотя и нѣсколько красно-желтаго оттѣнка, какъ будто свѣтитъ сквозь стекло пивной бутылки. Но послѣ заката воздухъ сталъ необычайно прозраченъ, и звѣзды лили свое сіяніе въ освѣщенныя газомъ улицы, въ которыхъ попрежнему слышалось то же жужжаніе вѣчно волнующейся толпы. Совсѣмъ истомленный завалился я вечеромъ спать, не встрѣтивъ здѣсь за весь день ни одного знакомаго лица. Я явился въ Лондонъ безъ всякихъ рекомендательныхъ писемъ. Одно изъ высокопоставленныхъ лицъ на родинѣ, къ которому я обращался съ просьбой о письмѣ, обѣщало прислать мнѣ его, но такъ и не прислало. «Вамъ и не понадобится здѣсь рекомендательныхъ писемъ!» сказалъ мнѣ датскій посланникъ въ Лондонѣ, графъ Ревентлау, когда я явился къ нему на другое утро. «Васъ здѣсь и безъ того знаютъ; вы зарекомендовали себя сами своими сочиненіями. Какъ разъ сегодня вечеромъ у лорда Пальмерстона соберется избранный кружокъ лицъ; я напишу его женѣ, и вы увидите, что сейчасъ же получите приглашеніе.» Дѣйствительно, нѣсколько часовъ спустя, я получилъ его и вечеромъ поѣхалъ къ лорду Пальмерстону вмѣстѣ съ графомъ. На этомъ вечерѣ я увидѣлъ всю высшую знать Англіи. Дамы были въ роскошныхъ туалетахъ, всѣ въ кружевахъ, въ брильянтахъ, въ цвѣтахъ... И лордъ и лэди Пальмерстонъ приняли меня очень радушно. Гостившіе здѣсь наслѣдный великій герцогъ Веймарскій и его супруга увидали меня и, сердечно поздоровавшись со мною, представили меня, если не ошибаюсь, герцогинѣ Суффолькъ, которая очень хвалила моего «*Импровизатора*», «лучшую книгу объ

Италіи», какъ она выразилась. Послѣ того меня тотчасъ же окружили разныя высокопоставленныя англійскія лэди. Всѣ онѣ знали датскаго поэта, знали «*Парочку*», «*Безобразнаго утенка*» и пр., и наговорили мнѣ множество любезностей. Я совсѣмъ не чувствовалъ себя здѣсь чужимъ. Герцогъ Кэмбриджскій бесѣдовалъ со мною о королѣ Христіанѣ VIII; прусскій посланникъ Бунзенъ, нѣкогда оказавшій датчанамъ въ Римѣ множество услугъ, и его супруга также встрѣтили меня очень сердечно. Многіе давали мнѣ свои карточки и почти всѣ любезно приглашали къ себѣ. «Вы сегодня вечеромъ однимъ скачкомъ очутились въ высшемъ свѣтѣ; другимъ на это нужны цѣлые годы!» сказалъ мнѣ графъ Ревентлау. «Только отбросьте излишнюю скромность; тутъ надо умѣть постоять за себя, коли хочешь внушить къ себѣ уваженье.» И со свойственнымъ ему юморомъ онъ продолжалъ: «Завтра мы пересмотримъ карточки и выберемъ изъ нихъ какія получше!» Онъ то и дѣло подходилъ ко мнѣ и давалъ мнѣ разные совѣты вродѣ: «Довольно вамъ бесѣдовать съ такой-то особой; вонъ другая, — она будетъ вамъ полезнѣе. У этой вы найдете прекрасный столъ, у той—избранное общество; ей даже прямо таки подаютъ прошенія, чтобы добиться чести быть приглашенными!» Я, наконецъ, до того изнемогъ отъ жары, до того усталъ и отъ балансированія по скользкому паркету, и отъ балансированія въ разговорахъ на разныхъ плохо знакомыхъ мнѣ языкахъ, что спасся, наконецъ, въ корридоръ, и тамъ вздохнулъ на минутку, опираясь на перила лѣстницы. И съ этого вечера такъ и пошло: вечеръ за вечеромъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль. Я пріѣхалъ какъ разъ въ самый разгаръ лѣтняго сезона. Каждый день я бывалъ приглашенъ и на обѣдъ и на вечеръ, а затѣмъ еще и на балъ до самаго утра, подъ конецъ же пришлось принимать приглашенія и на завтраки. Мочи моей больше не было. Съ утра до вечера вертѣться въ какомъ-то праздничномъ круговоротѣ, гдѣ вокругъ тебя все жужжитъ и гудитъ, и это изо дня въ день, три недѣли подрядъ!.. Немудрено, что у меня сохранились въ памяти только отдѣльные моменты. Почти вездѣ я встрѣчалъ все однихъ и тѣхъ же главныхъ лицъ; мѣнялись лишь костюмы ихъ, представлявшіе различныя сочетанія золота, атласа, кружевъ и цвѣтовъ, Въ украшеніи комнатъ преобладали розы; ими были убраны цѣлыя окна, столы, лѣстницы и ниши; онѣ красовались и въ вазахъ, и въ стаканахъ, и въ чашкахъ; но это было замѣтно лишь при болѣе внимательномъ осмотрѣ, а такъ онѣ казались сплошнымъ благоухающимъ ковромъ. Отель, въ которомъ я остановился по рекомендаціи Эрстеда, былъ, по мнѣнію графа Ревентлау, не достаточно фешенебельнымъ, — а тутъ, вѣдь, всѣ были помѣшены на фешенебельности—и онъ серьезно посовѣтовалъ мнѣ не заикаться о Лейчестеръ-сквэрѣ. Сказать въ знатномъ обществѣ въ Лондонѣ: «я живу въ Лейчестеръ-сквэрѣ» было бы по его словамъ то же, что сказать въ Копенгагенѣ: «я

живу въ Per Madsens Gang» *). Я долженъ былъ говорить всѣмъ, что живу у него. И все же я жилъ по близости Пиккадилли, у большой площади, на которой среди зелени красовался передъ моими окнами памятникъ графу Лейчестеру. Лѣтъ шесть-восемь тому назадъ жить здѣсь считалось еще фешенебельнымъ, теперь же нѣтъ. Тѣмъ не менѣе меня посѣтили тутъ и «Ritter» Бунзенъ, и графъ Ревентлау и нѣкоторые изъ другихъ посланниковъ, но это ужъ было нарушеніемъ правилъ фешенебельности. Въ Англіи все связано этикетомъ, даже сама королева въ своемъ собственномъ домѣ.

Въ странѣ свободы можно задохнуться отъ этикета, но это какъ-то забывается ради многаго другаго истинно прекраснаго. Здѣсь чувствуешь, что видишь передъ собою націю, быть можетъ, самую религіозную изъ всѣхъ современныхъ. Здѣсь уважаютъ обычаи и общественную мораль, и нельзя останавливаться надъ отдѣльными уродливостями, неразлучными съ большими городами. Лондонъ городъ вѣжливости, и полиція его служитъ въ этомъ отношеніи примѣромъ; стоитъ обратиться къ полисмену, и онъ дастъ вамъ всѣ указанія, даже проводитъ васъ; зайдешь справиться о чемъ-нибудь въ любой магазинъ, и тутъ тебѣ любезно дадутъ всѣ нужныя свѣдѣнія. Что же касается «вѣчно сѣраго неба Лондона и угольнаго дыма», то жалобы на нихъ очень преувеличены; эти разсказы могутъ еще, пожалуй, относиться къ нѣкоторымъ изъ старыхъ густо населенныхъ кварталовъ Лондона, въ остальныхъ же простора и свѣта не меньше чѣмъ въ Парижѣ. Я видѣлъ въ Лондонѣ много солнечныхъ дней и звѣздныхъ ночей. Трудно, впрочемъ, пріѣзжему иностранцу составить себѣ вполнѣ обстоятельное и вѣрное представленіе о данной странѣ или городѣ, пробывъ въ нихъ очень короткое время. Лучше всего сознаешь это, читая описанія собственной родины, составленныя туристами-иностранцами. Туристъ описываетъ все со словъ отдѣльныхъ лицъ и смотритъ на дѣло съ своей собственной точки зрѣнія, самъ же видитъ все только сквозь дрожащіе очки дорожной жизни, срисовываетъ виды и лица, какъ бы изъ окна желѣзнодорожнаго поѣзда, а иногда даже и при еще менѣе благопріятныхъ для наблюденія условіяхъ. Для меня Лондонъ городъ изъ городовъ, не исключая даже Рима. Римъ—это всемірный барельефъ, изображающій ночь, въ которой веселье карнавала мимолетный шумнорадостный сонъ, а самъ Пій IX лишь великая мысль, мелькающая въ сновидѣніи; Лондонъ же — всемірный барельефъ, изображающій день, съ его вѣчной дѣятельностью, съ его быстрымъ какъ молнія ткацкимъ челнокомъ жизни. Злобой дня во время моего пребыванія была Дженни Линдъ. Желая избавиться отъ докучливыхъ посѣщеній, а также желая пользоваться лучшимъ воздухомъ, она наняла себѣ домикъ въ ста-

*) Одинъ изъ самыхъ мизерныхъ переулковъ въ Копенгагенѣ, нынѣ уничтоженный. *Примѣч. перев.*

ромъ Бромтонѣ,—вотъ все, что я могъ узнать въ своемъ отелѣ, гдѣ тотчасъ же навелъ справки о ней. Не зная ея точнаго адреса, я поспѣшилъ въ зданіе итальянской оперы, гдѣ она тогда пѣла, и тутъ опять пришелъ мнѣ на помощь полисмэнъ; онъ любезно повелъ меня къ кассиру театральной кассы, но ни отъ него, ни отъ разныхъ швейцаровъ я не могъ добиться нужныхъ свѣдѣній. Тогда я черкнулъ Дженни Линдъ нѣсколько словъ на своей визитной карточкѣ, прося ее немедленно сообщить мнѣ свой адресъ, и на другое же утро получилъ радостное сердечное письмо, адресованное «братцу». Я отыскалъ мѣстонахожденіе Бромптона на планѣ города и сѣлъ въ омнибусъ. Кондукторъ подробно объяснилъ мнѣ, до какого мѣста я могъ ѣхать съ нимъ, гдѣ мнѣ слѣдовало свернуть и въ какой домъ обратиться, чтобы найти шведскаго соловья, какъ онъ учтиво назвалъ пѣвицу. Нѣсколько дней спустя, мнѣ случилось попасть опять въ тотъ же самый омнибусъ; я не узналъ кондуктора, но онъ тотчасъ же узналъ меня и спросилъ, нашелъ ли я тогда соловушку Дженни Линдъ? Жила она, какъ оказалось, чуть ли не на окраинѣ города, но въ прелестномъ домикѣ, огороженномъ съ улицы низенькою живою изгородью. Передъ нею почти всегда толпилась масса народа, въ надеждѣ увидать Дженни Линдъ хоть мелькомъ. На этотъ разъ зѣвакамъ повезло: когда я позвонилъ, и Дженни Линдъ увидала меня изъ окна, она выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу и горячо пожала мнѣ обѣ руки, точно брату родному, совершенно забывая о глазѣвшей на насъ толпѣ. Мы поспѣшили войти въ домъ, гдѣ все было убрано очень богато, но въ высшей степени мило и уютно. За домикомъ шелъ небольшой садъ съ густолиственными деревьями и большой лужайкою; на ней играла маленькая длинношерстая собачка; увидя хозяйку, она вскочила къ ней на колѣни, и Дженни Линдъ принялась гладить и цѣловать ее. На столѣ въ гостиной лежали книги въ роскошныхъ переплетахъ; она показала мнѣ мою «*True story of my life* (Правдивая исторія моей жизни), посвященную ей переводчицею Мэри Ховитъ. Тутъ же лежалъ большой листъ съ каррикатурой на Дженни Линдъ: директоръ итальянской оперы Лумлей сыплетъ соловью съ дѣвичьимъ лицомъ на хвостикъ соверены, чтобы заставить его пѣть. Мы принялись говорить о родинѣ, о семействахъ Бурнонвиля и Коллина, и когда я разсказалъ ей о вечерѣ, данномъ въ честь меня въ Гагѣ, и о тостѣ за старика Коллина, она захлопала въ ладоши и радостно воскликнула: «Вотъ славно!» Она тутъ же пообѣщала присылать мнѣ билетъ въ театръ каждый разъ, какъ она будетъ пѣть, но не позволила мнѣ и думать о платѣ: билетъ стоилъ дорого до смѣшного. «Дайте мнѣ спѣть для васъ въ театрѣ, а вы потомъ дома прочтете мнѣ за это сказочку!» Къ сожалѣнію, изъ-за множества приглашеній я могъ воспользоваться присылавшимися мнѣ билетами только два раза. Первый разъ я слышалъ Дженни Линдъ въ «*Сонамбулѣ*» въ ея коронной партіи. Ее окружалъ какой-то ореолъ дѣвственности и душевной чистоты, и она какъ будто освѣщала самую сцену.

Въ моментъ, когда она въ послѣднемъ дѣйствіи ходитъ во снѣ, беретъ съ груди розу, высоко поднимаетъ ее въ воздухъ и безсознательно роняетъ, она проявляла такую удивительную, обворожающую грацію и красоту, что нельзя было смотрѣть на нее безъ слезъ. Зато въ театрѣ просто стонъ стоялъ; болѣе сильнаго воодушевленія, бурнаго восторга я не видалъ даже у неаполитанцевъ! Ее осыпали цѣлымъ дождемъ цвѣтовъ; все имѣло какой-то праздничный видъ. Извѣстно, вѣдь, какая изящная публика наполняетъ дорогія мѣста въ большой оперѣ въ Лондонѣ. Всѣ мущины во фракахъ, въ бѣлыхъ галстухахъ, а дамы въ бальныхъ платьяхъ, съ букетами въ рукахъ. На представленіи присутствовали королева и принцъ Альбертъ, а также наслѣдный герцогъ Веймарскій съ супругою.

Итальянскія слова въ устахъ Дженни Линдъ звучали для меня какъ-то непривычно, чуждо, но мнѣ говорили, что итальянское произношеніе ея, такъ же какъ и нѣмецкое, правильнѣе, чѣмъ даже у многихъ природныхъ итальянокъ и нѣмокъ. Душа же ея сказывалась одинаково и въ итальянскихъ аріяхъ; она пѣла ихъ съ такимъ же выраженіемъ, какъ и пѣсенки на своемъ прекрасномъ родномъ языкѣ. Въ другой разъ шла опера Верди «*I Masnadieri*», и тутъ я въ первый разъ увидѣлъ знаменитую танцовщицу Тальони. Она выступила въ «pas des déesses». Я весь трепеталъ отъ ожиданія, какъ и всегда, когда мнѣ предстоитъ увидѣть что-нибудь прекрасное или великое. Но вотъ она появилась... пожилая, крѣпко сложенная, довольно красивая женщина. Въ большой залѣ она была бы очень эффектной дамой, но въ роли молодой богини — «fuimus Troes!» подумалъ я и уже съ полнѣйшимъ равнодушіемъ созерцалъ танцы этой граціозной пожилой барыни. Нѣтъ, здѣсь нужна была юность, и ее-то олицетворяла Черрито. Это было дивно прекрасное явленіе, полетъ ласточки, грація Психеи въ танцахъ,—не то, что Тальони, fuimus Troes! Въ «*Нормѣ*» же, гдѣ Дженни Линдъ больше всего восхищала меня, она меньше всего нравилась англичанамъ; они съ легкой руки Гризи и ея послѣдовательницъ привыкли видѣть въ Нормѣ страстную Медею. Авторъ «*Оберона*» и многихъ другихъ либретто, Планше, былъ ожесточеннымъ антагонистомъ Дженни Линдъ, но его слабое фырканье тонуло въ общемъ энтузіазмѣ. А какъ счастлива была Дженни Линдъ въ своемъ уютномъ домикѣ подъ густыми тѣнистыми деревьями! Разъ я пришелъ къ ней днемъ совершенно изнеможденный, измученный безпрерывными приглашеніями, этимъ черезмѣрнымъ радушіемъ. «Ага! Вотъ теперь и вы испытаете, каково приходится, когда за тобою ухаживаютъ всѣ!» сказала она. «Васъ просто затаскаютъ! А что за пустота, безконечная пустота звучитъ во всѣхъ этихъ любезныхъ фразахъ, которыя приходится выслушивать!» Домой я возвращался въ ея каретѣ, и народъ тѣснился къ окнамъ, воображая, что это ѣдетъ сама пѣвица, но находилъ только чужого незнакомаго господина. Баронъ Гамбро, мой соотечественникъ, пригласилъ

артистку и меня отобѣдать у него на дачѣ, но ее нельзя было уговорить принять это приглашеніе, несмотря на то, что хозяинъ предлагалъ ей самой составить списокъ гостей и, наконецъ, даже обѣщалъ, что насъ за обѣдомъ будетъ всего трое. Дженни Линдъ не пожелала измѣнить своего образа жизни, но позволила мнѣ пригласить добраго старика къ ней, и они сразу сошлись, завели даже разговоръ о деньгахъ и кстати посмѣялись надъ моимъ неумѣньемъ превращать свой талантъ въ золото. Послѣ того прошли годы, прежде чѣмъ я снова свидѣлся съ Дженни Линдъ; она съ тріумфомъ оставила Англію и отправилась въ Америку.

Графъ Ревентлау повелъ меня однажды къ Лэди Морганъ. О ея желаніи познакомиться со мною онъ сообщилъ мнѣ еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ, но прибавилъ, что она, зная меня пока лишь по имени, желаетъ предварительно наскоро познакомиться съ моимъ «*Импровизаторомъ*», сказками и пр.

Лэди Морганъ занимала домъ, состоявшій все изъ маленькихъ пестрыхъ комнатъ, убранныхъ въ стилѣ рококо. Вообще все въ домѣ носило французскій отпечатокъ, особенно сама почтенная хозяйка; она была пожилая, но очень бойкая, любезная женщина, говорила по-французски, казалась настоящею француженкою и была страшно намазана. Она цитировала въ разговорѣ мои произведенія, что всетаки было съ ея стороны знакомъ большого вниманія, хотя она и познакомилась съ ними только на дняхъ, да и то наскоро. На стѣнѣ висѣлъ собственноручный рисунокъ Торвальдсена, эскизъ барельефа «*День и Ночь*», который онъ подарилъ ей въ Римѣ. Она объявила мнѣ, что желаетъ дать въ честь меня вечеръ и пригласить всѣхъ выдающихся писателей Лондона, чтобы я могъ познакомиться съ Диккенсомъ, Бульверомъ и др. Затѣмъ она немедленно же повезла меня къ дочери писательницы г-жи Аустенъ, лэди Дуфъ Гордонъ, которая перевела мою сказку «*Русалочка*». У нея мы должны были встрѣтить множество знаменитостей, что и случилось. Но еще большій кружокъ избранныхъ лицъ нашелъ я въ домѣ другой писательницы, лэди Блессингтонъ, къ которой ввелъ меня мой другъ Іерданъ, издатель «*Literary Gazette*». Жила она на окраинѣ города въ своемъ домѣ «Gore house». Это была полная, цвѣтущая, элегантно одѣтая дама, съ сіяющими перстнями на пальцахъ. Приняла она меня очень сердечно, точно стараго знакомаго, пожала мнѣ руку, заговорила со мною о «*Базаръ поэта*» и сказала, что въ этой книжкѣ разбросано столько поэтическихъ перловъ, сколько не найдешь во многихъ другихъ книгахъ, взятыхъ вмѣстѣ. Мы спустились въ садъ и продолжали нашу бесѣду и тамъ. Лэди Блессингтонъ была первой англичанкой, которую я понималъ; она, впрочемъ, и старалась изо всѣхъ силъ, говорила медленно, да еще крѣпко держала меня при этомъ за руку, безпрестанно заглядывала мнѣ въ глаза и все спрашивала, понимаю-ли я ее. Зять ея,

графъ д'Орсэй, первый лондонскій щеголь и законодатель модъ, повелъ насъ въ свое ателье, гдѣ показалъ мнѣ почти оконченный бюстъ лэди Блессингтонъ изъ глины. Тутъ же висѣлъ портретъ Дженни Линдъ, изображающій ее въ роли «*Нормы*» и писанный графомъ на память. Онъ показался мнѣ человѣкомъ очень талантливымъ и въ высшей степени вѣжливымъ и любезнымъ. Затѣмъ лэди Блессингтонъ повела меня по всѣмъ комнатамъ, и чуть не въ каждой я увидѣлъ по бюсту и по портрету Наполеона. Двѣ прелестныя молодыя дѣвушки, кажется ея дочери, поднесли мнѣ чудный букетъ изъ розъ. И Іерданъ и я получили приглашеніе отобѣдать у лэди Блессингтонъ. На обѣдъ этотъ она хотѣла пригласить также Диккенса и Бульвера. Явившись къ ней въ назначенный день, мы нашли весь домъ разубраннымъ по праздничному; слуги въ шелковыхъ чулкахъ, въ напудренныхъ парикахъ, стояли по лѣстницѣ и въ корридорахъ; сама хозяйка была въ блестящемъ туалетѣ, но лицо ея сіяло тою же милой привѣтливой улыбкою. Она сказала мнѣ, что Бульвера не будетъ,—онъ теперь съ головою ушелъ въ выборы и уѣхалъ собирать голоса. Она вообще, какъ видно, не особенно жаловала этого писателя, какъ человѣка, говорила, что онъ отталкиваетъ своимъ тщеславіемъ, да къ тому же еще глухъ, такъ что бесѣдовать съ нимъ очень трудно! Не знаю, можетъ быть, она относилась къ нему пристрастно. Зато очень тепло отзывалась она, какъ, впрочемъ, и всѣ—о Чарльзѣ Диккенсѣ. Онъ обѣщалъ быть на обѣдѣ, и мнѣ такимъ образомъ предстояло познакомиться съ нимъ. Я какъ разъ сидѣлъ и дѣлалъ надпись на книжкѣ «*True story of my life*», какъ въ салонъ вошелъ Диккенсъ, очень моложавый, красивый, съ умнымъ, пріятнымъ лицомъ и густыми, прекрасными волосами. Мы пожали другъ другу руки, пристально взглянули одинъ другому въ глаза, заговорили и скоро подружились. Разговаривая, мы вышли на веранду; я былъ радостно взволнованъ знакомствомъ съ моимъ любимѣйшимъ изъ современныхъ писателей Англіи, и слезы то и дѣло навертывались мнѣ на глаза. Диккенсъ, видимо, понялъ мое настроеніе. Изъ сказокъ моихъ онъ упомянулъ о «*Русалочкѣ*», зналъ также и «*Базаръ поэта*». За обѣдомъ мы сидѣли почти рядомъ; насъ раздѣляла только молоденькая дочка лэди Блессингтонъ. Диккенсъ выпилъ бокалъ за мое здоровье, то же сдѣлалъ и нынѣшній герцогъ Веллингтонъ, тогда—маркизъ Дуэро. На стѣнѣ, противъ главнаго конца стола, висѣлъ портретъ Наполеона во весь ростъ, ярко освѣщенный массой лампъ.

Въ числѣ гостей былъ поэтъ Мильнесъ, почтъ-директоръ всей Англіи, много писателей, журналистовъ и аристократовъ, но для меня важнѣе всѣхъ былъ Диккенсъ. Изъ дамъ-писательницъ, съ которыми я здѣсь познакомился, назову квакершу Мери Ховитъ, которая перевела моего «*Импровизатора*» и такимъ образомъ первая познакомила со мною англійскую публику. Мужъ ея, Чарльзъ Ховитъ, также извѣстный писатель и издатель «*Howitts Jour-*

nal». Въ одномъ изъ нумеровъ этого журнала, вышедшемъ какъ разъ за недѣлю до моего пріѣзда въ Лондонъ, было помѣщено что-то вродѣ панегирика мнѣ и мой портретъ. Нумеръ этотъ красовался на окнахъ многихъ книжныхъ магазиновъ; я обратилъ на него вниманіе въ первый же день по пріѣздѣ и зашелъ въ маленькую лавочку, чтобы пріобрѣсти его. «А похоже это на Андерсена?» спросилъ я почтенную продавщицу. «Поразительно!» отвѣтила она: «Вы сразу узнаете его по этому портрету!» Она-то, однако, не узнала меня, хоть мы и бесѣдовали объ этомъ сходствѣ довольно долго. «*True story of my life*» въ переводѣ Мери Ховитъ была посвящена Дженни Линдъ. Впослѣдствіи книгу эту перепечатали въ Бостонѣ. Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ, Мери Ховитъ посѣтила меня вмѣстѣ со своей дочерью и пригласила меня къ себѣ въ Клаптонъ. Я отправился туда въ омнибусѣ, набитомъ сверху до низу; ѣхать пришлось мили двѣ, и мнѣ казалось, что дорогѣ конца не будетъ. Обстановка у Ховитъ была прекрасная,—картины, статуи; при домѣ былъ премиленькій садикъ. Приняли меня очень радушно. Всего черезъ нѣсколько домовъ отъ нихъ жилъ Фрейлигратъ, нѣмецкій поэтъ, съ которымъ я познакомился въ Ст. Гоарѣ на Рейнѣ; тогда еще онъ пѣлъ свои задушевныя, образныя и поэтическія пѣсни. Король Прусскій назначилъ ему потомъ ежегодную пенсію, но Гервегъ сталъ смѣяться надъ Фрейлигратомъ, называя его поэтомъ-пенсіонеромъ, и онъ отказался отъ пенсіи и сталъ воспѣвать въ своихъ пѣсняхъ свободу. Затѣмъ, онъ уѣхалъ въ Швейцарію, а оттуда въ Англію, поступилъ здѣсь на службу въ какую-то контору и содержалъ на этотъ заработокъ себя и всю свою семью. Разъ какъ-то мы и столкнулись здѣсь на улицѣ; онъ меня узналъ, я его—нѣтъ, такъ какъ онъ сбрилъ свою густую черную бороду. «Что-же, не хотите узнать меня?» спросилъ онъ меня, смѣясь. «Я—Фрейлигратъ!» Я отвелъ его изъ толпы въ сторонку, къ какой-то двери, а онъ шутливо замѣтилъ мнѣ: «Не хотите и говорить со мною на людяхъ, вы—другъ королей!» Въ его маленькомъ домикѣ было такъ уютно; на стѣнѣ висѣлъ мой портретъ. Рисовавшій его художникъ Гартманъ какъ разъ въ эту минуту зашелъ навѣстить Фрейлиграта, и мы втроемъ провели время очень пріятно, бесѣдуя о Рейнѣ и о поэзіи. Но я чувствовалъ себя крайне утомленнымъ лондонскою жизнью вообще и поѣздкою сюда въ особенности и поэтому поторопился опять сѣсть въ омнибусъ, чтобы пуститься въ обратный путь. Но еще не успѣли мы порядкомъ отъѣхать отъ Клаптона, какъ я весь ослабъ и почувствовалъ себя чуть-ли не такъ же дурно, какъ въ Неаполѣ. Я готовъ былъ лишиться чувствъ, а омнибусъ все больше и больше переполнялся публикою, становилось все жарче, лошади то и дѣло останавливались, и къ намъ вваливались новые пассажиры, а передъ открытыми настежъ окнами болтались запыленныя ноги пассажировъ имперіала. Нѣсколько разъ я собирался сказать кондуктору: «Проводите меня въ какой-нибудь домъ, я не могу больше!» Потъ лилъ съ

меня градомъ. Ужасъ, что такое! Подъ конецъ въ глазахъ у меня помутилось, все вокругъ завертѣлось... Наконецъ добрались до города. Я вылѣзъ, взялъ кэбъ и тутъ только вздохнулъ полегче. Такого томительнаго путешествія, какъ это—изъ Клаптона до Лондона, я еще не испытывалъ.

Я видѣлъ Лондонскій «high life», видѣлъ и лондонскую «нищету»; вотъ два полюса въ моихъ воспоминаніяхъ. Бѣдность я видѣлъ въ образѣ изголодавшейся молодой дѣвушки, въ изношенномъ до нельзя платьѣ, прижавшейся въ углу омнибуса. Видѣлъ я и нищету, безмолвную нищету,—говорить ей было здѣсь запрещено. Я вспоминаю лондонскихъ нищихъ, мужчинъ и женщинъ съ пришпиленнымъ къ груди лоскуткомъ бумаги, вопіющимъ: «Я умираю съ голоду! Сжальтесь!» Говорить они не смѣютъ, просить милостыню не разрѣшено, и они скользятъ по улицамъ, какъ тѣни, останавливаются передъ вами и вперяютъ въ васъ страдальческіе глаза. Останавливаются они и передъ кофейнями и кондитерскими, выбираютъ кого-нибудь изъ посѣтителей и не сводятъ съ него взора—какого взора! Женщины указываютъ на своихъ больныхъ дѣтей и на лоскутъ бумаги на своей груди; на немъ написано: «Я не ѣла два дня!» Я видѣлъ ихъ такъ много, а мнѣ сказали, что въ нашемъ кварталѣ ихъ еще мало; въ болѣе же роскошные кварталы ихъ и вовсе не пускаютъ. Они—паріи! Но Лондонъ—городъ по преимуществу промышленный, и въ немъ и нищенство обращается въ промыселъ. Все дѣло въ умѣніи обратить на себя вниманіе; для этого избираются самые различные способы, и я видѣлъ одинъ, вполнѣ достигавшій своей цѣли. Посреди уличной канавки,—на мостовой или на панели эта группа загородила бы проходъ—такъ въ канавкѣ стоялъ чисто одѣтый человѣкъ съ пятью дѣтьми малъ-мала меньше, одѣтыми въ трауръ, съ длиннымъ крепомъ на шляпахъ; всѣ, какъ сказано, были одѣты очень чисто и стояли въ канавѣ; каждый держалъ въ рукахъ пачку спичекъ для продажи,—просить милостыню, вѣдь, не дозволялось. Другое болѣе почетное и прибыльное занятіе, это—метеніе улицъ, и почти на каждомъ углу есть свой метельщикъ, который то и дѣло подметаетъ извѣстный участокъ мостовой, или переходъ черезъ улицу, и кто хочетъ даетъ ему за это пенни. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ такіе метельщики набираютъ, какъ мнѣ передавали, за недѣлю порядочную сумму. Я видѣлъ въ числѣ занимавшихся этимъ благороднымъ ремесломъ одного негра въ тюрбанѣ. Итакъ, я видѣлъ лондонскую жизнь, наблюдалъ ее и въ богатыхъ салонахъ «high life», и въ уличной толпѣ, и въ театрѣ, и, наконецъ, въ церквахъ. Церкви, впрочемъ, надо осматривать въ Италіи, а не въ Англіи. Вступивъ въ первый разъ подъ своды Вэстминстерскаго аббатства, я очутился какъ разъ въ «the poets corner» (уголокъ поэтовъ). Первый памятникъ, на который упалъ мой взглядъ, былъ Шекспиру. Я какъ-то позабылъ въ данную минуту, что прахъ его покоится не здѣсь, мною овладѣло благо-

говѣйное чувство, и я невольно припалъ головою къ холодному мрамору. Рядомъ съ памятникомъ Шекспиру находится памятникъ или гробница Томсона, налѣво—Соутэя, а подъ широкими плитами пола лежитъ Гаррикъ, Шериданъ и Самуэль Джонсонъ. Какъ извѣстно, духовенство не разрѣшило поставить здѣсь памятника Байрону. «Я напрасно искалъ его тамъ!» сказалъ я однажды одному изъ англійскихъ епископовъ и, не показывая, что знаю причину, прибавилъ: «Какъ это могло случиться, что величайшему изъ поэтовъ Англіи не поставили тамъ монумента, да еще изваяннаго Торвальдсеномъ?» «Онъ нашелъ себѣ превосходное мѣсто въ иномъ мѣстѣ!» отвѣтилъ онъ мнѣ уклончиво. Среди остальныхъ надгробныхъ памятниковъ великимъ міра сего находился одинъ, изображавшій человѣка, поразительно похожаго на меня, и я всегда невольно останавливался передъ этимъ бюстомъ. Положительно это было мое лицо! Ни одинъ скульпторъ, ни одинъ живописецъ не могъ бы дать изображенія, болѣе похожаго на меня. И разъ цѣлая толпа иностранцевъ, случайно столкнувшихся здѣсь со мною, остановилась, какъ вкопанная, въ изумленіи вглядываясь въ меня. Какъ же это въ самомъ дѣлѣ, высокородный господинъ, изображенный здѣсь въ мраморѣ, вдругъ ходитъ тутъ живой, воплотившись во мнѣ!

Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ Шотландіей, и землякъ мой Гамбро, который въ это время собирался отправиться съ семействомъ на купанія на западный берегъ Шотландіи, пригласилъ меня сопровождать ихъ.— —

Поѣздка по Шотландіи обходится довольно дорого, но зато и деньги здѣсь даромъ не тратишь, — все устроено превосходно, повсюду, даже въ маленькихъ деревенскихъ гостиницахъ, обстановка вполнѣ комфортабельная.—

Послѣ весьма интересной поѣздки, во время которой я постоянно встрѣчался съ друзьями моей музы, мы высадились въ Баллохѣ, а оттуда отправились по желѣзной дорогѣ въ Дёмбартонъ, настоящій шотландскій городъ, расположенный на рѣкѣ Клайдъ. Ночью разразилась страшная буря; все время слышалось какъ будто рокотаніе волнъ, домъ дрожалъ, ставни хлопали, какой-то больной котъ мяукалъ всю ночь, — глазъ не удалось сомкнуть! Утромъ все стихло, и наступила просто могильная тишина. Было воскресенье, а этому дню придается въ Шотландіи большое значеніе; всѣ отдыхаютъ, даже желѣзно-дорожные поѣзда не ходятъ, только поѣздъ изъ Лондона въ Эдинбургъ безостановочно продолжаетъ свой путь къ великому неудовольствію строго-религіозныхъ шотландцевъ. Всѣ магазины закрыты, жители сидятъ по домамъ и читаютъ Библію, или—напиваются до пьяна, — какъ мнѣ говорили.

Сидѣть въ чужомъ городѣ цѣлый день дома, ничего не видя, совершенно не въ моемъ вкусѣ, и я предложилъ обществу отправиться погулять, но мнѣ возразили: «Какъ это можно! Всѣ обидятся на насъ!» Подъ вечеръ мы, од-

нако, вышли прогуляться за городъ, но повсюду царила тишина, изо всѣхъ оконъ смотрѣли па насъ съ такимъ изумленіемъ, что мы живо вернулись обратно. Молодой французъ, съ которымъ я встрѣтился здѣсь, разсказывалъ мнѣ, что недавно онъ съ двумя англичанами ходилъ въ воскресенье удить рыбу; ихъ увидалъ какой-то старикъ и жестоко разбранилъ за «безбожное поведеніе». «Какъ это можно забавляться въ воскресенье! Если не хотите сидѣть дома и читать Библію, такъ не слѣдуетъ по крайней мѣрѣ оскорблять религіозное чувство другихъ людей!» Такое общее отношеніе къ воскресному дню не можетъ быть вполнѣ искреннимъ. Я готовъ уважать всякое проявленіе неподдѣльнаго чувства, но нахожу, что тамъ, гдѣ оно имѣетъ за собой только силу привычки, оно можетъ подавать лишь поводъ къ лицемѣрію.

Въ Дёмбартонѣ я простился съ Гамбро и его семействомъ и отправился съ пароходомъ въ Гласго. Передъ отъѣздомъ туда я, однако, долго не могъ рѣшиться—вернуться-ли мнѣ въ Лондонъ и оттуда домой, или же двинуться дальше по Шотландіи, на сѣверъ до «Loch Laggan», гдѣ въ данное время находились королева Викторія и принцъ Альбертъ, у которыхъ, какъ мнѣ было сообщено, ожидалъ меня милостивый пріемъ.

Подъ конецъ моего пребыванія въ Лондонѣ, когда я успѣлъ окончательно уходить себя безпрерывнымъ участіемъ въ черезчуръ утомительной свѣтской жизни, я какъ разъ получилъ весьма милостивое приглашеніе отъ двора Ея Величества пожаловать на островъ Уайтъ. Но я былъ до того измученъ, что не видѣлъ никакой возможности предпринять такую поѣздку да еще представиться высокимъ особамъ. Я посовѣтовался съ нашимъ посланникомъ, графомъ Ревентлау; онъ видѣлъ, какъ я былъ измученъ, какъ плохо чувствовалъ себя, и сказалъ, что лучше прямо объяснить все это въ письмѣ. При этомъ я могъ также прибавить, что намѣреваюсь отправиться въ Шотландію для отдыха и въ виду того, что Ея Величество сама отправляется туда, просить разрѣшенія представиться ей тамъ, когда поправлюсь здоровьемъ. Одинъ изъ приближенныхъ королевы прислалъ мнѣ отвѣтъ, въ которомъ говорилось, что королева съ супругомъ очень благоволятъ ко мнѣ, и охотно примутъ меня въ Loch Laggan.

Но пребываніе въ Шотландіи не дало мнѣ ожидаемаго отдыха; прошло уже три недѣли съ моего отъѣзда изъ Лондона, а я все еще страдалъ тѣмъ же упадкомъ силъ. Къ тому же я узналъ отъ свѣдущихъ лицъ, что въ упомянутой мѣстности съ трудомъ можно отыскать мало-мальски сносную гостиницу, что мнѣ непремѣнно нужно явиться туда въ сопровожденіи слуги, словомъ, войти въ большіе расходы, нежели это позволяли мои средства. Писать королю Христіану VIII и просить о милостиво обѣщанной мнѣ субсидіи, было мнѣ ужъ совсѣмъ не по душѣ, тѣмъ болѣе, что я лично отка-

зался воспользоваться этой милостью. Вотъ такъ комиссія! Наконецъ, я рѣшилъ опять написать письмо, въ которомъ объяснилъ положеніе моего здоровья, заставляющее меня поскорѣе вернуться на родину, и сейчасъ же сталъ готовиться къ отъѣзду, причемъ пришлось отказаться отъ массы приглашеній шотландской знати, съ которой я встрѣчался въ Лондонѣ. Не могъ я также и посѣтить зятя Вальтера Скотта, Локгарта, такъ мило принявшаго меня въ Лондонѣ. Дочь его, любимица дѣда, такъ много разсказывала мнѣ о немъ, показывала мнѣ разныя оружія и другія вещи, которыя остались у нихъ на память о великомъ поэтѣ; у нихъ же видѣлъ я превосходный портретъ Вальтера Скотта, на которомъ онъ изображенъ съ любимой его собакою «Майдой», и на прощаніе miss Локгартъ подарила мнѣ автографъ дѣда, величаемаго когда-то «великимъ незнакомцемъ». Итакъ, пришлось, какъ сказано, отказаться и отъ поѣздки въ Аббатсфордъ, и въ «Loch Laggan», и я въ грустномъ настроеніи проѣхалъ Гласго и вернулся въ Эдинбургъ.

Не могу не упомянуть здѣсь о приключеніи, очень незначительномъ само по себѣ, но послужившимъ для меня лично новымъ указаніемъ на мою счастливую звѣзду, сказывающуюся даже въ мелочахъ. За время моего послѣдняго пребыванія въ Неаполѣ, я купилъ себѣ простую пальмовую тросточку, съ которой и не разставался во время нѣсколькихъ уже поѣздокъ; взялъ я ее съ собой и въ это путешествіе. Когда я съ семействомъ Гамбро проѣзжалъ по степи между Loch Cathrina и Loch Lomond, одинъ изъ сыновей Гамбро все игралъ съ этой тросточкою и, увидя Бенъ Ломондъ, высоко поднялъ ее и закричалъ: «Ну, пальма! Видишь высочайшую гору въ Шотландіи? Видишь вонъ тамъ огромное озеро?» и т. д. А я пообѣщалъ, что трость, когда снова очутится со мною въ Неаполѣ, разскажетъ тамошнимъ своимъ товаркамъ о странѣ тумановъ, гдѣ обитаютъ духи Оссіана, о странѣ, гдѣ красный цвѣтокъ репейника въ чести—красуется въ ея гербѣ. Пароходъ прибылъ раньше, чѣмъ мы его ожидали, и насъ заторопили. Хватился я потомъ своей трости—оказалось, что ее оставили въ гостиницѣ. Я попросилъ своего земляка Пуггора взять трость на обратномъ пути и отвезти въ Данію, а самъ отправился дальше въ Эдинбургъ. Утромъ, когда я прибылъ на вокзалъ, чтобы сѣсть на Лондонскій поѣздъ, примчался и поѣздъ изъ внутренней Шотландіи. Изъ вагона вышелъ кондукторъ, прямо подошелъ ко мнѣ, точно зная меня, и, вручивъ мнѣ мою трость, сказалъ, улыбаясь: «Она преблагополучно проѣхалась одна!» Къ ней былъ привязанъ билетикъ съ надписью: «Датскому поэту Гансу Христіану Андерсену». Вотъ дѣйствительно образцовый порядокъ! Тросточку передавали изъ рукъ въ руки, она проѣхалась на пароходѣ, затѣмъ въ омнибуссѣ, потомъ опять на пароходѣ и, наконецъ, на поѣздѣ, и благополучно миновала всѣ мытарства, только благодаря своей рекомендательной записочкѣ. Вручили ее мнѣ какъ разъ въ ту минуту, когда раздался свистокъ къ отходу нашего поѣзда. За мной еще остался разсказъ

о приключеніяхъ тросточки; только бы онъ удался мнѣ такъ же хорошо, какъ ей ея поѣздка!

Путь мой лежалъ на югъ черезъ Ньюкэстль и Іоркъ. Въ вагонѣ я встрѣтился съ англійскимъ писателемъ Гукомъ и его женою; они узнали меня по портрету и разсказали мнѣ, что во всѣхъ шотландскихъ городахъ появились замѣтки, сообщающія о моемъ посѣщеніи королевы. А я и не былъ у нея вовсе! Но газеты всетаки знали объ этомъ! Я самъ видѣлъ потомъ одну, въ которой говорилось, что я читалъ передъ Ея Величествомъ нѣкоторыя изъ моихъ сказокъ. Все сплошь—выдумка! Купилъ я также на пути нумеръ «Понча». И тамъ упоминали обо мнѣ, да еще ставили мнѣ въ укоръ, что я, пріѣзжій поэтъ изъ иностранцевъ, удостоился со стороны королевы Англіи приглашенія, чести, которой еще не было оказано ни одному изъ англійскихъ поэтовъ! Какъ это замѣчаніе, такъ и различные другіе отзывы о посѣщеніи, вовсе не состоявшемся, крайне меня досадовали. Одинъ изъ спутниковъ моихъ, впрочемъ, утѣшалъ меня тѣмъ, что въ «Пончъ» попадаютъ только люди популярные. «Многіе изъ англичанъ съ удовольствіемъ бы заплатили не мало фунтовъ стерлинговъ, чтобы только попасть въ него.» Я предпочелъ бы, однако, обойтись безъ этой чести. Вся эта исторія меня еще пуще разстроила, и я пріѣхалъ въ Лондонъ уже совсѣмъ больнымъ. Графъ Ревентлау обѣщалъ мнѣ лично разъяснить это дѣло королевѣ и принцу Альберту.

Я пробылъ въ Лондонѣ еще нѣсколько дней; мнѣ, вѣдь, почти еще ничего не удалось видѣть здѣсь, кромѣ «high-life» и нѣкоторыхъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей страны. Картинныя галлереи, музеи и т. п. были мнѣ еще совсѣмъ незнакомы; я не удосужился даже побывать въ знаменитомъ туннелѣ, и вотъ я рѣшилъ проѣхаться по нему. Мнѣ посовѣтовали отправиться на одномъ изъ маленькихъ пароходовъ, снующихъ по Темзѣ въ предѣлахъ столицы, но въ назначенное утро я почувствовалъ себя такъ плохо, что отказался отъ поѣздки и, пожалуй, этимъ спасъ себѣ жизнь. Какъ разъ въ тотъ же день и часъ, когда я долженъ былъ сѣсть на какой-нибудь изъ этихъ маленькихъ пароходовъ, одинъ изъ нихъ «Criquet» взорвало, причемъ погибло до ста человѣкъ. Вѣсть объ этомъ несчастіи мигомъ облетѣла весь Лондонъ и, хотя совсѣмъ не извѣстно было—сѣлъ ли бы я какъ разъ на этотъ пароходъ, одна возможность этого такъ сильно на меня подѣйствовала, что мною овладѣло глубоко-серьезное настроеніе, и я возблагодарилъ Бога за то болѣзненное состояніе, которое помѣшало мнѣ отправиться въ путь.

Весь высшій свѣтъ уже покинулъ Лондонъ, опера закрылась, и большинство изъ моихъ здѣшнихъ знакомыхъ разъѣхалось на купанья или отправилось на континентъ. Я соскучился по Даніи, по оставленнымъ мною тамъ дорогимъ друзьямъ и собрался домой, но еще до отъѣзда туда я принялъ

приглашеніе моего англійскаго издателя Бентлэя, провести нѣсколько дней у него въ «Seven Oaks». Дни эти прошли, какъ сплошной праздникъ; я скоро почувствовалъ себя какъ дома среди этой прекрасной, чисто старо-англійской семейной жизни, окруженный всѣмъ тѣмъ комфортомъ и удобствомъ, какіе только въ состояніи были доставить мнѣ богатые и радушные хозяева.

Какъ ни тяжело отразилось на моемъ здоровьѣ изнурительное пребываніе въ Лондонѣ и Шотландіи, это нисколько не помѣшало мнѣ смотрѣть на проведенное мною тамъ время, какъ на лучшіе дни моей жизни. Я, какъ писатель, удостоился здѣсь такихъ почестей, что какъ ни чувствовалъ себя утомленнымъ физически, всетаки не могъ безъ глубокой грусти разстаться съ многочисленными здѣшними моими друзьями, которые доставили мнѣ столько радостей. Богъ вѣсть, вѣдь, когда еще суждено намъ было свидѣться вновь! Къ числу этихъ друзей принадлежалъ и Диккенсъ. Онъ, послѣ нашей встрѣчи у Лэди Блессингтонъ, отыскалъ меня, но не засталъ дома, и мы такъ больше и не встрѣтились на этотъ разъ въ Лондонѣ. Но я получилъ здѣсь отъ него нѣсколько писемъ и всѣ его сочиненія, въ прекрасномъ иллюстрированномъ изданіи. На каждомъ томѣ было написано: «Hans Christian Andersen from his friend and admirer Charles Dickens». (Гансу Христіану Андерсену отъ его друга и почитателя Чарльза Диккенса). Мнѣ передавали, что онъ съ женой и дѣтьми находится на морскихъ купаньяхъ, гдѣ-то близъ канала, но гдѣ именно никто не могъ сказать. Я намѣревался отправиться домой черезъ Рамсгэтъ и черезъ Остенде и въ надеждѣ, что письмо на имя Диккенса во всякомъ случаѣ дойдетъ до него, написалъ ему, что въ такой то день и часъ пріѣду въ Рамсгэтъ и остановлюсь въ такомъ-то отелѣ,—такъ не пришлетъ ли онъ туда своего адреса: если окажется, что онъ живетъ недалеко оттуда, я посѣщу его. Пріѣхавъ въ отель «Royal Oaks», я нашелъ тамъ письмо отъ Диккенса. Онъ жилъ приблизительно въ одной датской милѣ отъ города, въ Бродстэрѣ, и въ письмѣ говорилось, что онъ и жена его ожидаютъ меня къ обѣду. Я взялъ экипажъ и поѣхалъ въ маленькій городокъ, расположенный на самомъ берегу моря. Семья Диккенса занимала весь небольшой, но очень хорошенькій и уютный домикъ. Приняли меня какъ нельзя радушнѣе. Мнѣ такъ понравилась ихъ домашняя обстановка, что я долго не обращалъ вниманія на прекрасный видъ открывавшійся изъ оконъ столовой, гдѣ мы сидѣли. Окна выходили на каналъ и на море. Былъ какъ разъ отливъ. Вода быстро сбѣгала и обнажала песчаную отмель; на маякѣ заблестѣлъ огонь. Бесѣда шла о Даніи и датской литературѣ, о Германіи и нѣмецкомъ языкѣ, которому Диккенсъ собирался учиться. Какой-то итальянецъ-шарманщикъ, случайно проходившій мимо, остановился подъ окномъ и игралъ намъ, пока мы обѣдали. Диккенсъ заговорилъ съ нимъ по-итальянски, и тотъ, услышавъ родной языкъ, весь просіялъ отъ счастья. Послѣ обѣда въ столовую явились

дѣти. «У насъ ихъ полонъ домъ»! сказалъ Диккенсъ; явилось ихъ не меньше пяти; шестого не было дома. Дѣти поцѣловались со мною, а самый младшій сперва поцѣловалъ свою ладонь, а потомъ протянулъ ручонку мнѣ. Къ кофе пришла гостья, молодая дама, моя почитательница,—какъ сказалъ мнѣ Диккенсъ. Ей заранѣе обѣщали пригласить ее, когда я буду у нихъ. Вечеръ пролетѣлъ незамѣтно. Мистрисъ Диккенсъ, казавшаяся ровесницей своего мужа, была полная дама съ удивительно добрымъ лицомъ, сразу внушавшимъ къ себѣ довѣріе. Она была въ восторгѣ отъ Дженни Линдъ и ей очень хотѣлось получить автографъ пѣвицы. Но какъ его добыть! У меня было съ собой письмецо отъ Дженни Линдъ, въ которомъ она поздравляла меня съ пріѣздомъ въ Лондонъ и сообщала мнѣ свой адресъ, я и подарилъ его госпожѣ Диккенсъ. Разстались мы позднимъ вечеромъ. Диккенсъ обѣщалъ писать мнѣ въ Данію.

Но намъ суждено было увидѣться еще разъ до моего отъѣзда изъ Англіи. Прибывъ на другое утро на пароходную пристань, я былъ пораженъ, увидѣвъ здѣсь Диккенса. «Мнѣ хотѣлось еще разъ пожелать вамъ добраго пути!» сказалъ онъ, проводилъ меня на пароходъ и оставался тамъ, пока не подали сигналъ къ отплытію. Мы крѣпко пожали другъ другу руки; онъ такъ ласково смотрѣлъ на меня своими умными добрыми глазами, и, когда пароходъ отошелъ, я увидѣлъ, что онъ стоитъ на самомъ краю маяка, такой смѣлый, моложавый, красивый, и машетъ мнѣ шляпой! Итакъ, послѣднее «прости» съ гостепріимныхъ береговъ Англіи послалъ мнѣ Диккенсъ.

Я вышелъ на берегъ въ Остенде, и первыя лица, попавшіяся мнѣ на встрѣчу, были король съ королевой. Первый мой поклонъ на континентѣ относился къ нимъ, и они привѣтливо отвѣтили мнѣ на него. Въ тотъ же день я пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Гентъ. Здѣсь, когда я дожидался утромъ на вокзалѣ Кёльнскаго поѣзда, ко мнѣ начали подходить и знакомиться со мною разные пассажиры, прибывшіе къ тому же поѣзду. Всѣ узнали меня по портрету. Въ числѣ ихъ было и одно англійское семейство. Одна изъ дамъ, оказавшаяся писательницей, подошла ко мнѣ и сказала, что нѣсколько разъ видѣла меня въ Лондонѣ въ обществѣ, но не могла познакомиться со мною,—я всегда бывалъ окруженъ толпою! Она обращалась къ графу Ревентлау съ просьбою представить ее мнѣ, но онъ отвѣтилъ: «Вы видите, — развѣ я могу?» Я разсмѣялся; немудрено, что оно такъ и случилось; я, вѣдь, былъ въ то время въ такой модѣ у англичанъ! Зато теперь я весь былъ къ ея услугамъ. Она произвела на меня впечатлѣніе очень простой, естественной и милой особы. Въ разговорѣ она называла меня счастливцемъ, ссылаясь на мою «славу». «А что въ ней!» сказалъ я и прибавилъ: «Да и надолго-ли ея хватитъ! Но, конечно, меня очень порадовалъ такой пріемъ. Одно только: боязно, что не удержишься на такой высотѣ!» Въ Германіи, куда уже проникли извѣстія о пріемѣ, оказанномъ

мнѣ въ Англіи, меня также ожидали всевозможные знаки вниманія. Въ Гамбургѣ я встрѣтилъ нѣкоторыхъ своихъ соотечественниковъ и соотечественницъ. «Господи! Андерсенъ! И вы здѣсь!» услышалъ я привѣтствія. «Вотъ бы видѣли вы, какъ прошелся насчетъ вашего пребыванія въ Англіи «*Корсаръ*»! Васъ тамъ изобразили въ лавровомъ вѣнкѣ и съ мѣшками денегъ! Умора!»

Я вернулся въ Копенгагенъ. Просидѣвъ дома нѣсколько часовъ, я подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу. Мимо проходили двое прилично одѣтыхъ господъ. Они увидѣли меня, остановились, засмѣялись, и одинъ, указывая на окно, сказалъ такъ громко, что я разслышалъ каждое слово: «Взгляни-ка, вонъ онъ, нашъ знаменитый заграничный орангутангъ!»—Это было грубо, жестоко! Ударъ былъ нанесенъ въ самое сердце! Этого не забудешь!

Но нашлись у меня, конечно, и добрые друзья, которые искренно радовались тому, что я, а въ моемъ лицѣ и весь датскій народъ, удостоился такихъ почестей въ гостепріимной Голландіи и въ Англіи. Одинъ изъ нашихъ уже немолодыхъ писателей привѣтливо протянулъ мнѣ руку и чистосердечно сказалъ: «Я еще не читалъ, какъ слѣдуетъ, вашихъ произведеній, но теперь прочту. О васъ говорили много нехорошаго, ставили васъ очень низко, но въ васъ есть что-то такое, должно быть, куда большее, нежели находятъ въ васъ земляки. Васъ бы не чествовали такъ въ Англіи, будь вы зауряднымъ человѣкомъ! Я откровенно признаюсь вамъ, что совершенно перемѣнилъ о васъ мнѣніе!»

Совсѣмъ другое услышалъ я отъ одного изъ моихъ ближайшихъ друзей, повторившаго мнѣ то же самое и въ письмѣ. Онъ послалъ въ одну изъ крупныхъ газетныхъ редакцій нѣсколько лондонскихъ газетъ съ описаніями лестнаго пріема, оказаннаго мнѣ въ Лондонѣ; въ нихъ также съ похвалами отзывались объ «*True story of my life*». Но редакторъ не захотѣлъ воспользоваться этими извѣстіями, заявивъ: «Люди подумаютъ, что Андерсена тамъ морочили!» Самъ онъ не вѣрилъ, что я могъ удостоиться такихъ почестей въ серьезъ, и зналъ, что такъ же отнесется къ подобному извѣстію и масса моихъ земляковъ.

Въ одной газетѣ появилась затѣмъ замѣтка, въ которой говорилось, что средства на поѣздку были отпущены мнѣ изъ казны, чѣмъ дескать и можно объяснить мои ежегодныя путешествія. Я разсказалъ объ этомъ королю Христіану VIII. «Вы поступили, какъ не многіе поступили бы на вашемъ мѣстѣ!» сказалъ онъ мнѣ на это. «Вы сами отказались отъ предложенной вамъ субсидіи! Къ вамъ несправедливы здѣсь! Не знаютъ васъ!»

Первый же выпускъ сказокъ, вышедшій послѣ моего возвращенія изъ этой поѣздки, я послалъ въ Англію, и онъ вышелъ тамъ къ Рождеству,

какъ «мой рождественскій привѣтъ англійскимъ моимъ друзьямъ». Книжка была посвящена Чарльзу Диккенсу, и въ посвященіи говорилось:

«Я опять сижу въ своей маленькой комнаткѣ на родинѣ, но мысли мои ежедневно несутся въ милую Англію, гдѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, друзья сумѣли превратить для меня дѣйствительность въ чудную сказку! Я занятъ большимъ трудомъ, но эти пять маленькихъ исторій создались у меня какъ то между дѣломъ, проглянули на свѣтъ Божій, какъ неожиданно проглядываютъ иногда въ лѣсу цвѣточки. И эти первые цвѣточки, распустившіеся въ моемъ садикѣ, мнѣ хочется отослать въ Англію, какъ рождественскій подарокъ. Вотъ я и присылаю ихъ Вамъ, мой дорогой, благородный другъ, Чарльзъ Диккенсъ! Я полюбилъ Васъ, еще читая Ваши творенія, и полюбилъ еще сильнѣе, познакомившись съ Вами лично. Вы послѣдній пожали мнѣ руку на берегу Англіи, Вы послѣдній крикнули мнѣ оттуда «прости», такъ какъ же мнѣ теперь, вернувшись въ Данію, не послать Вамъ перваго привѣтствія! Примите же это искреннее привѣтствіе сердечно любящаго васъ

Ганса Христіана Андерсена.»

Копенгагенъ 6 Декабря 1847 г.

Маленькая книжка была принята въ Англіи очень сочувственно и вызвала самыя лестныя похвалы, но больше всего обрадовало меня, освѣтило мнѣ душу, какъ солнечнымъ лучомъ, письмо Диккенса. Письмо это, въ которомъ высказалось его доброе сердце и его любовь ко мнѣ — одно изъ лучшихъ моихъ сокровищъ. Я уже показывалъ многія изъ другихъ моихъ сокровищъ, такъ почему же не показать и этого? Диккенсъ не перетолкуетъ этого въ дурную сторону.

«Тысячу разъ благодарю васъ, дорогой Андерсенъ, за Вашу дружескую и дорогую для меня память обо мнѣ. Я горжусь ею, это такая честь для меня, и я не могу высказать, какъ высоко я цѣню подобный знакъ сердечнаго расположенія ко мнѣ со стороны человѣка, обладающаго такимъ поэтическимъ геніемъ какъ Вы.

Ваша книжка придала нашему рождественскому празднику особую прелесть. Всѣ мы отъ нея въ восторгѣ. Мальчикъ, старикъ и оловянный солдатикъ пользуются особеннымъ моимъ расположеніемъ. Я перечелъ эту сказку нѣсколько разъ и все съ тѣмъ же безконечнымъ удовольствіемъ.

Нѣсколько дней тому назадъ я былъ въ Эдинбургѣ, гдѣ я видѣлъ нѣсколькихъ изъ Вашихъ друзей, которые много говорили о Васъ. Пріѣзжайте опять въ Англію—скорѣе! Но прежде всего не переставайте писать,— ни одна изъ Вашихъ мыслей не должна пропасть для насъ. Мы слишкомъ дорожимъ ими за ихъ правду, простоту и красоту, чтобы позволить Вамъ оставить ихъ про себя.

Мы давно уже перебрались съ морского берега, гдѣ я простился съ Вами,

въ собственное гнѣздышко. Жена моя проситъ передать вамъ ея сердечный привѣтъ, то же и ея сестра, то же и всѣ наши дѣти. И такъ какъ у всѣхъ у насъ одно желаніе, то и примите всю сумму въ сердечномъ привѣтѣ Вашего преданнаго друга и почитателя

Чарльза Диккенса.

Г. Х. Андерсену».

Около этого же Рождества вышелъ на датскомъ и нѣмецкомъ языкахъ мой «*Агасферъ*». Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я носился съ идеей этого труда, у меня произошелъ по поводу его такой разговоръ съ Эленшлегеромъ. «Что такое?» сказалъ онъ мнѣ: «Говорятъ, вы пишете міровую драму, историческую драму всѣхъ временъ? Не понимаю!» Я развилъ ему свою идею. «Въ какой же формѣ удастся вамъ сладить съ этой идеей?» спросилъ онъ. «Въ смѣшанной лирическо-эпическо-драматической; стихи будутъ чередоваться съ прозою!»—«Это невозможно!» съ горячностью воскликнулъ великій поэтъ: «Я тоже имѣю понятіе о творчествѣ! Существуютъ извѣстныя формы, извѣстныя границы, и ихъ надо уважать! Зелень сама по себѣ, а жженый уголь самъ по себѣ! Да вотъ, что вы отвѣтите мнѣ на это.» — «Отвѣтить-то я могу!» сказалъ я весело, — шаловливый бѣсенокъ такъ и нашептывалъ мнѣ шутливый отвѣтъ. «Отвѣтить-то я могу, да боюсь, что вы разсердитесь на мой отвѣтъ!»—«Ей Богу нѣтъ!» сказалъ онъ. «Ну, такъ и быть! Я хочу только доказать, что у меня въ самомъ дѣлѣ есть что отвѣтить. Буду держаться вашихъ же словъ. Зелень сама по себѣ, жженый уголь самъ по себѣ. Вы это говорите аллегорически — жженый уголь самъ по себѣ! Но вы могли бы идти и дальше, сказать то же и про сѣру и про селитру, но вотъ является человѣкъ, смѣшиваетъ всѣ три вещества вмѣстѣ и—выдуманъ порохъ!»—«Андерсенъ! Какъ это можно! Выдумать порохъ!.. Вы хорошій человѣкъ, но и впрямь, какъ всѣ говорятъ, черезчуръ тщеславны!»—«Да развѣ это не въ духѣ ремесла?» подсказалъ мнѣ опять лукавый бѣсенокъ. «Ремесла! Ремесла!» озадаченно повторялъ милый, дорогой поэтъ, совершенно не понявшій меня на этотъ разъ.

По выходѣ «*Агасфера*» въ свѣтъ, Эленшлегеръ прочелъ его и согласно моему желанію узнать, не перемѣнилъ-ли онъ своего прежняго мнѣнія, написалъ мнѣ милое и откровенное письмо, въ которомъ чистосердечно признавался, что «*Агасферъ*» ему не нравится. Его слова навсегда, я думаю, сохранятъ интересъ для потомства, и такъ какъ кромѣ того многіе, пожалуй, раздѣляли тогда его мнѣніе объ «*Агасферѣ*», то я и не хочу скрыть его отзыва. Вотъ онъ.

«Дорогой Андерсенъ!

Я всегда признавалъ и цѣнилъ Вашъ талантъ наивно, оригинально и остроумно разсказывать сказки, а также описывать окружающую Васъ природу и людей, какъ мы это видимъ въ Вашихъ романахъ и путевыхъ очер-

кахъ. Радовался я проявленіямъ Вашего таланта и въ области драматической поэзіи, когда Вы создали напр. «*Мулата*», хотя сюжетъ и драматическія положенія этой пьесы и не принадлежатъ Вамъ; принадлежащія собственно Вамъ красоты чисто лирическаго характера. Но уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Вы читали мнѣ отрывки изъ «*Агасфера*», я откровенно высказалъ Вамъ, что ни замыселъ, ни форма мнѣ не по душѣ. И вотъ вы всетаки были непріятно поражены, когда я въ послѣднюю нашу бесѣду повторилъ Вамъ то же самое, хотя прочелъ тогда еще не все произведеніе. Теперь я внимательно прочелъ его все до конца и всетаки не могу перемѣнить своего мнѣнія. Поэма эта производитъ непріятное, сбивчивое впечатлѣніе, — простите за откровенность! Вы желали, чтобы я высказалъ Вамъ свое мнѣніе, и я принужденъ высказать его Вамъ откровенно, не желая прикрываться вѣжливыми фразами. Насколько я понимаю сущность драматическаго творчества, на «*Агасферѣ*» нельзя построить драму; недаромъ отъ этого отказался Гете. Эта сказочная, причудливая легенда еще годится, пожалуй, для юмористическаго произведенія, для сказки. «*Агасферъ*» башмачникъ и долженъ бы былъ остаться башмачникомъ, но онъ былъ слишкомъ высокомѣренъ, не хотѣлъ вѣрить въ то, чего не понималъ. Превращеніе-же его въ отвлеченное понятіе философской поэзіи не поможетъ дѣлу; изъ него никогда не можетъ выйти героя истинно-поэтическаго творенія, а драмы—и подавно. Для драмы прежде всего требуется сжатое, законченное и легко обозрѣваемое дѣйствіе, выражающееся въ развитіи различныхъ характеровъ. А этого-то и нѣтъ въ Вашемъ произведеніи. Вашъ «*Агасферъ*» проходитъ черезъ всю драму какъ пассивный зритель. Да и другія лица такъ же пассивны; все произведеніе состоитъ изъ лирическихъ афоризмовъ, отрывковъ, мѣстами разсказа, безъ особенной связи.

Претензіи автора, по моему, не оправдываются самымъ выполненіемъ задачи. Претендуетъ онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ нарисовать весь ходъ всемірной исторіи отъ временъ Христа до нашихъ дней. Кто основательно изучалъ исторію, съ ея огромными аренами и великими характерами не можетъ увлекаться чтеніемъ этихъ лирическихъ афоризмовъ, вложенныхъ иногда даже въ уста домовымъ, ласточкамъ, соловьямъ, морскимъ дѣвамъ и проч. Разумѣется, въ Вашемъ произведеніи попадаются время отъ времени и прекрасныя лирическія или эпическія мѣста; таковы напр. описанія гладіаторовъ, гунновъ, дикарей, но этого еще мало. Я пока касался лишь формы и замысла Вашей поэмы. Что же касается проявленнаго въ ней творческаго вдохновенія, то ему не достаетъ глубины и блеска, характеризующихъ исто-великое произведеніе. Въ цѣломъ оно похоже на сновидѣніе. Свойственная автору особая любовь къ сказочному элементу проглядываетъ и здѣсь: всѣ картины похожи на какія-то сказочныя, фантастическія мечты. Геній исторіи не выступаетъ здѣсь съ своими великими контрастами; мысль

не проступаетъ достаточно ярко; картины не довольно новы и оригинальны. Ничто не трогаетъ сердца. Напротивъ, Варравва возмущаетъ своемъ возвеличіемъ послѣ совершоннаго имъ преступленія.

Итакъ, вотъ Вамъ *мое* мнѣніе! Можетъ быть, я ошибаюсь, но я честно высказываю его, не желая поступиться имъ изъ вѣжливости или лести!

Простите же, если я невольно огорчилъ Васъ и будьте увѣрены, что вообще я уважаю и признаю Вашъ истинный и самобытный поэтическій геній!

Вашъ преданный
А. Эленшлегеръ.

23 Декабря 1847 г.“

Въ этомъ письмѣ много правды и вѣрныхъ взглядовъ, но все же я смотрю на «*Агасфера*» иначе, нежели смотрѣлъ на него нашъ великій поэтъ. Я не называлъ своего произведенія «драмою»; въ немъ нѣтъ и не можетъ быть ни драматическаго развитія характеровъ, ни драматическаго дѣйствія. «*Агасферъ*»—поэма, въ которой въ разнообразныхъ формахъ проводится идея: человѣчество отталкиваетъ божественное, но все-же идетъ впередъ къ совершенству. Я хотѣлъ выразить эту идею коротко, ясно, полно, и думалъ достичь этого именно смѣшанною формою. Горныя вершины историческихъ событій служили мнѣ обстановкой. Это произведеніе нельзя сопоставлять съ драматическими произведеніями Скриба или съ эпосомъ Мильтона. Отрывочность произведенія—своего рода мозаика, которая образуетъ цѣльную картину. О каждомъ строеніи можно сказать: оно все изъ отдѣльныхъ кирпичей, и каждый кирпичъ можно взять самъ по себѣ, но такъ, вѣдь, не приходится смотрѣть на нихъ; мы разсматриваемъ все въ связи, въ той совокупности, которую они составляютъ.

Въ послѣдніе годы, впрочемъ, стали раздаваться голоса, болѣе согласующіеся съ тѣми надеждами, которыя я возлагалъ и все еще возлагаю на это произведеніе; какъ бы то ни было, оно отмѣчаетъ извѣстный шагъ впередъ въ авторской моей дѣятельности.

Первымъ и почти единственнымъ лицомъ, сразу высказавшимся въ пользу «*Агасфера*», былъ историкъ Людвигъ Мюллеръ. Онъ смотрѣлъ на моего «*Агасфера*» и на мои «*Сказки*», какъ на произведенія, обусловливавшія мое значеніе въ датской литературѣ.

За-границею мнѣ было дано такое же удовлетвореніе. Въ «*Bildersaal der Weltliteratur*, гдѣ помѣщаются избранные отрывки изъ лирической и драматической поэзіи всѣхъ временъ и народовъ, начиная съ индійскихъ поэмъ, еврейскихъ псалмовъ и арабскихъ народныхъ сказаній до пѣсенъ трубадуровъ и произведеній современныхъ поэтовъ, въ отдѣлѣ «Скандинавія», кромѣ сценъ изъ «*Гакона Ярла*» Эленшлегера, «*Дочери короля Рене*» Герца, «*Тиверія*» Гауха, были помѣщены и сцены изъ моего «*Агасфера*».

У насъ на родинѣ, какъ разъ, когда я кончалъ эту главу, то есть, восемь лѣтъ спустя послѣ появленія «*Агасфера*», въ «*Датскомъ Ежемѣсячникѣ*» появилась подробная и сочувственная рецензія на «*Собраніе сочиненій*», въ которой было обращено особое вниманіе и на «*Агасфера*», доказывавшаго, по мнѣнію критика, что я, какъ поэтъ, сдѣлалъ шагъ впередъ.

XIV.

Наступилъ 1848 годъ, знаменательный годъ, годъ потрясающихъ событій, когда бушующія волны времени залили кровью и наше отечество.

Уже въ началѣ января король Христіанъ VIII серьезно заболѣлъ. Въ послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ вечеромъ, когда былъ приглашенъ во дворецъ къ вечернему чаю. Въ пригласительной запискѣ меня просили также захватить съ собою что-нибудь для чтенія. Кромѣ самого короля, я нашелъ въ комнатѣ только королеву да дежурныхъ даму и кавалера. Король ласково привѣтствовалъ меня, но вставать уже не могъ и весь вечеръ лежалъ на диванѣ. Я прочелъ вслухъ нѣсколько главъ изъ незаконченнаго еще тогда романа «*Двѣ баронессы*» и двѣ-три сказки. Король былъ очень оживленъ, смѣялся и весело разговаривалъ. Когда я уходилъ, онъ дружески кивнулъ мнѣ съ своего ложа головой, а послѣднія слова его были: «Мы скоро увидимся!» Но этому уже не суждено было сбыться. Онъ сильно занемогъ. Я былъ очень встревоженъ, приходилъ въ ужасъ отъ мысли лишиться его и ежедневно ходилъ въ Амаліенборгскій дворецъ справляться о здоровьѣ короля. Скоро стало извѣстно, что болѣзнь его смертельна. Огорченный и разстроенный пришелъ я съ этимъ извѣстіемъ къ Эленшлегеру, который, странное дѣло, и не зналъ даже, что король опасно боленъ. Видя, какъ я огорченъ, онъ самъ заплакалъ. Онъ, вѣдь, сердечно былъ привязанъ къ королю. На слѣдующее утро я встрѣтилъ Эленшлегера на дворцовой лѣстницѣ. Онъ выходилъ изъ передней весь блѣдный, опираясь на Христіани, и, не говоря ни слова, пожалъ мнѣ мимоходомъ руку. Глаза его были полны слезъ. Я узналъ, что уже не было никакой надежды на выздоровленіе короля. 20-го января я нѣсколько разъ подходилъ ко дворцу, стоялъ на снѣгу посреди площади и смотрѣлъ на окна покоевъ, гдѣ умиралъ мой король. Въ $10^1/_4$ вечера онъ опочилъ. На слѣдующее утро народъ толпился передъ дворцомъ, гдѣ лежало тѣло Христіана VIII. Я пошелъ домой и далъ волю слезамъ, искренно оплакивая горячо любимаго короля.

Въ этомъ грустномъ настроеніи у меня вылилось на бумагу нѣсколько строфъ, въ которыхъ говорилось о немъ: «умѣвшемъ цѣнить все достойное!» Эти строки и приводили потомъ въ укоръ мнѣ,—подъ достойнымъ я подразумѣвалъ, конечно, себя!

Весь Копенгагенъ былъ въ волненіи, наступили новыя времена, новые порядки. 28 января была провозглашена конституція.

Въ то время революція широкой волною прокатилась по государствамъ Европы. Луи-Филиппъ съ семьей покинулъ Францію; мощныя волны возмущенія достигли и городовъ Германіи. У насъ же знали о всѣхъ этихъ движеніяхъ лишь изъ газетъ. Только наше государство представляло еще очагъ мира! Только у насъ еще можно было дышать свободно, интересоваться искусствами, театромъ, думать о прекрасномъ.

Но миру не суждено было продлиться. Волны добрались таки и до насъ. Въ Голштиніи вспыхнулъ мятежъ. Слухъ объ этомъ поразилъ Данію, какъ громомъ, все взволновалось. Начались вооруженія и на сушѣ и на морѣ. Всякій спѣшилъ помочь отечеству по мѣрѣ силъ своихъ. Одинъ изъ нашихъ почтенныхъ государственныхъ дѣятелей зашелъ разъ ко мнѣ и сказалъ, что я бы хорошо сдѣлалъ, если бы выяснилъ положеніе Даніи въ статьѣ и послалъ ее въ редакцію какого-нибудь органа англійской прессы, которая меня знала и цѣнила. Я сейчасъ же написалъ Іердану, редактору «*Literary Gazette*», письмо, въ которомъ обрисовалъ положеніе и общественное настроеніе Даніи, и оно тотчасъ же было напечатано.

Копенгагенъ, 13 Апрѣля 1848 г.

«Дорогой другъ!

Всего нѣсколько недѣль, какъ я не писалъ Вамъ, но за это время совершилось столько событій, какъ будто прошли цѣлые годы. Я никогда не занимался политикою: у поэта—своя миссія. Но теперь, когда всѣ страны пришли въ волненіе, когда самая почва дрожитъ подъ ногами, приходится заговорить и поэту. Вы знаете, что дѣлается теперь у насъ въ Даніи; у насъ война! Войну эту ведетъ весь датскій народъ; и знатные, и простолюдины одинаково воодушевлены сознаніемъ правоты своего дѣла и добровольно становятся въ ряды войска. Вотъ объ этомъ-то подъемѣ народнаго духа, объ энтузіазмѣ, охватившемъ всю Данію я и хочу Вамъ разсказать кое-что.

Много лѣтъ уже предводители разныхъ партій въ Шлезвигъ-Голштиніи выставляли насъ въ нѣмецкихъ газетахъ въ самомъ фальшивомъ свѣтѣ передъ честнымъ нѣмецкимъ народомъ. Затѣмъ принцъ Норъ овладѣлъ Ренсборгомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы дѣйствуетъ въ интересахъ самого короля Даніи, лишеннаго свободы. Это въ конецъ возмутило датскій народъ, и онъ поднялся какъ одинъ человѣкъ. Всѣ мелочи ежедневной жизни исчезаютъ за проявленіями великихъ благородныхъ чертъ характера отдѣльныхъ личностей. Все въ движеніи, но порядокъ и единство сохраняются. Пожертвованія на военныя надобности стекаются со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ классовъ общества; даже бѣдныя подмастерья и служанки несутъ свои лепты. Прослышали о недостаткѣ лошадей для арміи, и въ нѣсколько дней ихъ понавели изо всѣхъ городовъ и деревень столько, что военный министръ принужденъ былъ объявить о минованіи надобности въ

нихъ. Всѣ женщины заняты щипаньемъ корпіи; школьники старшихъ классовъ набиваютъ патроны; всѣ, способные носить оружіе, упражняются въ обращеніи съ нимъ. Молодые графы и бароны наравнѣ съ простолюдинами становятся въ ряды солдатъ, и проявленія такой всеобщей любви къ отечеству и готовности защищать его не могутъ, конечно, не воодушевлять и не подкрѣплять мужество солдатъ.

Въ числѣ другихъ добровольцевъ явился также сынъ намѣстника Норвегіи, молодой человѣкъ, принадлежащій къ одной изъ знатнѣйшимъ фамилій Сѣвера. Онъ жилъ у насъ въ Даніи этой зимой и увлеченный симпатіей къ нашему правому дѣлу, пожелалъ принять участіе въ войнѣ, но въ качествѣ иностранца не могъ быть принятъ. Тогда онъ сейчасъ же купилъ себѣ въ Даніи усадьбу и, уже въ качествѣ датскаго гражданина, надѣлъ солдатскую куртку и вступилъ рядовымъ въ одинъ изъ выступившихъ на поле дѣйствій батальоновъ, рѣшившись жить на солдатскій паекъ, чтобы во всемъ дѣлить жребій сотоварищей. И такъ поступаетъ масса датчанъ изъ всѣхъ сословій: и помѣщики, и студенты, и богатые, и бѣдные—всѣ идутъ на войну, да еще съ пѣснями, съ ликованіемъ, словно на пиръ! Король нашъ самъ находится въ главной квартирѣ дѣйствующей арміи. Лейбъ-гвардія короля отправилась за нимъ. Часть ея составляли голштинцы; имъ было предложено выйти изъ ея состава, чтобы не сражаться противъ своихъ соотечественниковъ, но всѣ они до единаго просили, какъ милости, позволенія остаться на своемъ посту и идти на войну наравнѣ со всѣми, что имъ и разрѣшили.

До сихъ поръ Господь, видимо, на нашей сторонѣ; надѣемся, такъ будетъ и впредь. Войска наши побѣднымъ маршемъ идутъ впередъ; островъ Альсъ взятъ, города Фленсборгъ и Шлезвигъ—тоже. Мы стоимъ уже у голштинской границы; взято больше тысячи плѣнныхъ; большинство изъ нихъ приведены сюда въ Копенгагенъ. Всѣ они глубоко возмущены поведеніемъ принца Нора, который, несмотря на свое обѣщаніе не щадить наравнѣ съ ними своего живота, оставилъ ихъ при первомъ же сраженіи, когда датчане ворвались въ Фленсборгъ.

Въ наше время въ государствахъ свирѣпствуетъ буря перемѣнъ, но надъ ними стоитъ Единый неизмѣнный Богъ, и Онъ справедливъ! Онъ за Данію, которая добивается лишь возстановленія своихъ попранныхъ правъ. И они будутъ, должны быть возстановлены; сила народовъ и государствъ—въ правдѣ.

«Націямъ ихъ права, всему доброму и полезному—преуспѣяніе!»—вотъ что должно быть лозунгомъ Европы; онъ поможетъ мнѣ съ вѣрою глядѣть въ будущее. Нѣмцы—честный, любящій истину народъ; они поймутъ, наконецъ, настоящее положеніе дѣлъ, и злоба ихъ превратится въ уваженіе и

дружбу. Дай Богъ, чтобы это время пришло поскорѣе! Пусть народы скорѣе узрятъ свѣтлый ликъ Божій!

Гансъ Христіанъ Андерсенъ.»

Это письмо было однимъ изъ немногихъ посланныхъ изъ Даніи, которыя были перепечатаны въ нѣсколькихъ иностранныхъ газетахъ.

Мало кто впродолженіе всей этой постигшей насъ войны могъ болѣть душою больше меня. Я въ это время чувствовалъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, какъ крѣпко я привязанъ къ своему отечеству; я бы охотно самъ сталъ въ ряды войска и съ радостью пожертвовалъ своей жизнью ради побѣды и мира, но въ то же время мнѣ такъ живо вспоминалось все хорошее, чѣмъ я былъ обязанъ Германіи, то признаніе, котораго удостоился тамъ мой талантъ, тѣхъ отдѣльныхъ лицъ, которыхъ я такъ любилъ, которымъ былъ такъ благодаренъ, и—я страдалъ несказанно! И когда кто-нибудь въ горькую минуту, въ порывѣ нервнаго озлобленія, еще попрекалъ меня именно этими моими отношеніями къ Германіи, я прямо приходилъ въ отчаяніе. Примѣровъ приводить не стану; лучше предать все горькое съ того времени забвенію, чтобы не растравлять раны обоихъ родственныхъ народовъ. Въ ту горькую пору Эрстедъ опять явился моимъ утѣшителемъ, пророчившимъ мнѣ свѣтлое будущее, которое и настало.

Датчанъ поддерживала взаимная любовь, готовность стоять другъ за друга. Большинство изъ моихъ молодыхъ друзей поступили въ добровольцы; между ними были Вальдемаръ Древсенъ и баронъ Генрикъ Стампе. Эрстедъ также былъ глубоко взволнованъ текущими событіями и помѣстилъ въ одной изъ газетъ три свои стихотворенія: «*Война*», «*Побѣда*» и «*Миръ*».

Въ прежнее время надѣть красную куртку солдата считалось послѣднимъ дѣломъ; теперь же она вдругъ вошла въ честь и славу; подъ руку съ солдатами въ красныхъ курткахъ расхаживали барыни въ шелку и бархатѣ. Однимъ изъ первыхъ аристократовъ, котораго я увидѣлъ въ солдатскомъ нарядѣ, былъ Лёвенскьольдъ, сынъ намѣстника Норвегіи, а затѣмъ—графъ Адамъ Кнутъ, который только еще недавно былъ конфирмованъ. Бѣдный юноша лишился на войнѣ ноги, Лёвенскьольдъ былъ убитъ, художникъ Лундбю тоже.

Воодушевленіе молодежи трогало меня до слезъ и, услыхавъ однажды насмѣшливый разсказъ о томъ, какъ эти молодые аристократы, щеголявшіе прежде въ лайковыхъ перчаткахъ, окапывались и рыли траншеи красными, покрытыми волдырями руками, я воскликнулъ: «Я бы поцѣловалъ у нихъ эти руки!» Почти ежедневно выступали въ походъ новыя толпы молодежи; разъ я проводилъ одного друга и, вернувшись домой, написалъ пѣсню: «Не въ силахъ я медлить... Бѣжитъ мой покой» *). Пѣсня эта скоро была на устахъ у всѣхъ, найдя себѣ отзвукъ во всѣхъ сердцахъ.

*) См. Т. III стр. 512.

«Пасхальный колоколъ зазвонилъ» — наступилъ несчастный для насъ день Пасхи, когда непріятель разбилъ насъ; во всей странѣ воцарилась скорбь, но мужество наше не было сломлено, мы напрягли всѣ свои силы, сплотились еще тѣснѣе и въ великомъ и въ маломъ.

Пруссаки вступили въ Ютландію, наши войска стянулись къ Альсу. Въ серединѣ мая я поѣхалъ на Фіонію и нашелъ Глорупъ переполненнымъ народомъ. Главная квартира была въ Одензе; въ Глорупѣ стояло сорокъ солдатъ и нѣсколько офицеровъ. Старый графъ обращался съ солдатами изъ добровольцевъ какъ съ офицерами, и они ежедневно обѣдали за его столомъ.

Пруссаки ворвались въ Ютландію; они требовали четыре мильона контрибуціи; скоро прошли слухи о новой битвѣ. Вся надежда была на Швецію, которая обѣщала придти намъ на помощь. Шведы должны были высадиться въ Нюборгѣ, гдѣ имъ готовили торжественную встрѣчу. Въ Глорупъ прибыли на постой шестнадцать шведскихъ офицеровъ съ ихъ денщиками, затѣмъ двадцать музыкантовъ и унтеръ-офицеровъ. Среди шведовъ находились четверо, которыхъ долженъ былъ выставить самъ герцогъ Августенборгскій, или вѣрнѣе—его помѣстье въ Швеціи, противъ самого же герцога.

Шведовъ встрѣтили восторженно. Характерную и прекрасную горячность выказала ключница въ Глорупѣ, старая дѣвица Ибсенъ. Не мало ей было хлопотъ съ находившейся въ Глорупѣ на постоѣ массою людей. «Надо помѣстить ихъ на ночь на гумнѣ!» сказали ей. «Что жъ, они будутъ валяться на гумнѣ на соломѣ!» сказала она: «Нѣтъ, надо имъ устроить постели! Они пришли спасать насъ, да не дать имъ постелей!» И она велѣла рубить и пилить, и скоро изъ разныхъ досокъ и дверей были наскоро сколочены кровати, которыя разставили въ десяти-двѣнадцати комнатахъ. Нашлись и перины и подушки, правда, грубыя, но зато на всѣхъ постеляхъ въ ея «казармахъ», какъ называла ихъ добрая старушка, бѣлѣли чистыя простыни.

Народы на сѣверѣ понимаютъ, цѣнятъ и любятъ другъ друга; дай Богъ, чтобы этотъ духъ единства и любви соединилъ и всѣ страны!

Большую часть лѣта я провелъ въ Глорупѣ; пріѣзжалъ туда и весною и осенью, и былъ такимъ образомъ свидѣтелемъ какъ прибытія, такъ и отъѣзда шведовъ. Самъ я не былъ на полѣ военныхъ дѣйствій, а оставался въ Глорупѣ; сюда постоянно пріѣзжали оттуда люди, сюда же стекалось много людей, желавшихъ повидаться съ родственниками, и просто любопытныхъ. Сколько наслушался я здѣсь трогательныхъ и прекрасныхъ разсказовъ! Говорили, напримѣръ, о какой-то старушкѣ, которая вышла съ своими внуча-

тами на встрѣчу нашимъ солдатамъ, усыпая имъ путь пескомъ и цвѣтами и крича вмѣстѣ съ малышами: «Богъ да благословитъ датчанъ!». Говорили также о замѣчательной игрѣ природы: въ саду одного крестьянина въ Шлезвигѣ расцвѣлъ красный макъ съ бѣлыми крестами,—точно знамя Данеброга! Одинъ изъ моихъ друзей побывалъ на Дюппелѣ; всѣ дома носили слѣды страшной бомбадировки, и все же на одномъ изъ нихъ красовался символъ мира: гнѣздо аиста со всей его семьей. Пальба, огонь и дымъ не смогли отогнать родителей отъ птенцовъ, еще не умѣвшихъ летать.

Оставилъ я Глорупъ позднею осенью. Съ наступленіемъ зимы военныя дѣйствія пріостановились, и наступившее наружное спокойствіе дало мыслямъ возможность хоть на время возвратиться къ обычнымъ занятіямъ. Въ теченіи лѣта я окончилъ въ Глорупѣ свой романъ «*Двѣ баронессы*», и описанія природы въ немъ не мало выиграли въ свѣжести и правдивости, благодаря лѣту, проведенному на лонѣ природы.

Книга вышла въ свѣтъ, и успѣхъ ея былъ довольно большой, если принять во вниманіе время и обстоятельства, при которыхъ она вышла Гейбергъ написалъ мнѣ любезное письмо и далъ въ честь меня обѣдъ для кружка близкихъ друзей и знакомыхъ. За столомъ онъ очень мило провозгласилъ тостъ за меня, какъ автора «этого романа, чтеніе котораго освѣжаетъ читателя, какъ прогулка по лѣсу весною». Это было въ первый разъ въ теченіи многихъ лѣтъ, что Гейбергъ высказался обо мнѣ, какъ о писателѣ, такъ сердечно. Меня это очень порадовало, а такія радостныя минуты заставляютъ забывать все старое, горестное, оставляя въ памяти лишь одно новое, хорошее.

18 Декабря хотѣли отпраздновать столѣтній юбилей датскаго королевскаго театра. Гейбергъ и Коллинъ по обоюдному соглашенію поручили написать прологъ для торжества—мнѣ. Я представилъ дирекціи планъ пролога, и онъ былъ одобренъ благодаря современности главной его идеи. Я хорошо зналъ тогдашнее настроеніе публики, зналъ, что мысли всѣхъ несутся теперь вслѣдъ за арміей. Пришлось и мнѣ послѣдовать за ними и перенести мѣсто дѣйствія задуманнаго мною пролога туда, а затѣмъ уже постараться снова вернуть зрителей къ сценѣ датскаго театра. Я былъ глубоко убѣжденъ, что сила наша не въ мечѣ, а въ духовномъ развитіи, и я написалъ «*Данневирке искусства* *)».Въ день торжества прологъ сдѣлалъ свое дѣло и имѣлъ большой успѣхъ, но затѣмъ дирекція стала давать его въ видѣ приманки вечеръ за вечеромъ въ теченіе цѣлой недѣли, чего, конечно, не слѣдовало бы; настроеніе публики было уже не то.

*) Данневирке—названіе древняго, построеннаго еще королевой Тирою, вала, защищавшаго границы Даніи отъ непріятельскихъ вторженій съ юга.

Примѣч. перев.

Въ Январѣ была поставлена опера Глэзера «*Свадьба на озерѣ Комо*», для которой я написалъ либретто. Опера имѣла блестящій успѣхъ и сразу выдвинула композитора, къ которому у насъ до того времени относились крайне равнодушно и несправедливо. Теперь пресса воздала ему должное; не мало похвалъ выпало и на долю балетмейстера Бурнонвиля, аранжировавшаго танцы въ оперѣ, только обо мнѣ не обмолвились и словомъ. Зато Глэзеръ горячо благодарилъ меня за мое содѣйствіе успѣху его оперы.

Въ Апрѣлѣ всѣхъ какъ громомъ поразила вѣсть, что въ великій четвергъ военный фрегатъ «Христіанъ Восьмой» взорвало со всей командой на воздухъ. Стонъ стоялъ надъ всей страною; это было по-истинѣ всенародное горе. Я былъ потрясенъ такъ же, какъ будто-бы самъ находился на обломкахъ погибавшаго судна. Изъ всей команды спасся только одинъ человѣкъ, но и это уже показалось всѣмъ какою-то побѣдою, свалившимся съ неба богатствомъ! На улицѣ встрѣтился со мною мой другъ капитанъ-лейтенантъ Хр. Вульфъ. Глаза его сіяли. «Знаешь, кого я привезъ съ собой?» началъ онъ: «Лейтенанта Ульриха! Его не взорвало вмѣстѣ съ командою, онъ спасся, и вотъ я привезъ его!» Я совсѣмъ не зналъ лейтенанта Ульриха, но невольно заплакалъ отъ радости. «Гдѣ жъ онъ? Мнѣ надо видѣть его!»—«Онъ отправился къ морскому министру, а оттуда къ матери, которая считаетъ его погибшимъ.»

Я зашелъ въ первый попавшійся магазинъ, досталъ адресный календарь и узналъ гдѣ живетъ мать Ульриха; но когда я дошелъ до ея квартиры, меня взяло сомнѣнье: знаетъ ли она или нѣтъ? И отворившей мнѣ двери горничной я прежде всего задалъ такой вопросъ: «Печаль или радость у васъ въ домѣ?» Лицо дѣвушки засіяло. «Ахъ, какая радость! Молодой баринъ точно съ неба упалъ къ намъ!» И я безъ дальнѣйшихъ церемоній прошелъ въ залу, гдѣ находилась вся семья, одѣтая въ трауръ; они только что облеклись въ него утромъ, какъ вдругъ мнимо-погибшій сынъ явился передъ ними цѣлымъ и невредимымъ! Я со слезами бросился къ нему на шею; я не могъ совладѣть съ своимъ чувствомъ, и всѣ сразу почувствовали и поняли, что я являюсь тутъ не чужимъ.

Военныя событія сильно меня разстроили, я страдалъ и душевно и физически. Въ это время какъ разъ гостила въ Копенгагенѣ Фредерика Бремеръ, и ея разсказы о ея прекрасномъ отечествѣ возбудили во мнѣ непреодолимое желаніе перемѣнить обстановку и проѣхаться или въ Далекарлію или въ Гапаранду. Фредерика Бремеръ поддержала во мнѣ это желаніе и снабдила меня безконечнымъ количествомъ писемъ къ своимъ друзьямъ, разсѣяннымъ по всей Швеціи. А въ друзьяхъ-то больше всего и нуждаешься, путешествуя по этой странѣ,—здѣсь не вездѣ-то найдешь гостинницы; приходится прибѣгать къ гостепріимству священниковъ или хозяевъ усадебъ.

Въ самый день Вознесенія я переправился въ Гельсингборгъ. Стояла чудная весна; отъ молодыхъ березокъ разливался ароматъ свѣжей зелени. Солнышко такъ славно грѣло; все путешествіе обратилось въ какую-то поэму; отзвуки ея и найдутся въ картинахъ и наброскахъ, собранныхъ впослѣдствіи въ моей книгѣ «По Швеціи». *)

Одной изъ первыхъ моихъ встрѣчъ въ Стокгольмѣ была встрѣча съ Линдбладомъ, композиторомъ чудныхъ мелодій, съ которымъ познакомила Европу Дженни Линдъ. Линдбладъ и похожъ на нее, какъ можетъ походить братъ на сестру; тотъ же оттѣнокъ грусти,—у него, впрочемъ, нѣсколько болѣе рѣзкій. Онъ просилъ меня написать для него оперное либретто, и мнѣ очень хотѣлось исполнить его просьбу. Еще бы! сила его музыкальнаго генія окрылила бы мои стихи!

Издатель, магистръ Багге ввелъ меня въ Стокгольмское Литературное Общество, давшее въ честь меня и нѣмецкаго гостя, доктора Лео, обѣдъ. Президентъ провозгласилъ тостъ «за двухъ почетныхъ гостей: господина Андерсена изъ Копенгагена, автора «*Импровизатора*» и «*Сказокъ*», и за доктора Лео, редактора «*Сѣвернаго Телеграфа*». Затѣмъ поднялъ бокалъ за мое здоровье магистръ Багге и въ прекрасной, прочувствованной рѣчи провозгласилъ тостъ за меня и за мое отечество, и попросилъ меня передать моимъ землякамъ сердечный привѣтъ шведскаго народа.

Я отвѣтилъ на это строфою изъ моей пѣсни:

«Зундъ сверкалъ, какъ мечъ стальной,
Наши страны раздѣляя;
Чьей-то брошена рукой
Вѣтка розъ, благоухая,
Мостомъ стала въ добрый часъ!
Мѣсто намъ то назовите,
Розы гдѣ взросли?—Парнасъ!—
Кто же бросилъ ихъ, скажите,
Къ намъ сюда изъ высшихъ сферъ?
— Эленшлегеръ и Тегнеръ!»

и прибавилъ: «Много и другихъ скальдовъ появилось на датскомъ и шведскомъ берегахъ, и, благодаря имъ-то, народы и стали понимать другъ друга лучше, почувствовали въ себѣ біенье родственныхъ сердецъ. Біенье шведскаго сердца отозвалось въ послѣднее время въ нашихъ сердцахъ особенно явственно. Въ эту минуту я чувствую это особенно сильно!» Тутъ слезы выступили у меня на глазахъ, а кругомъ загремѣло «ура!»

Бесковъ представилъ меня королю Оскару, который принялъ меня такъ

*) См. Т. III стр. 377.

сердечно, что мнѣ показалось, будто мы съ нимъ старые знакомые, а между тѣмъ я видѣлъ его въ первый разъ. Я поблагодарилъ короля за пожалованный мнѣ недавно орденъ Сѣверной звѣзды. Онъ долго бесѣдовалъ со мной, и между прочимъ высказалъ чувства особой симпатіи къ датскому народу и нашему королю. Разговоръ зашелъ и о войнѣ. Я сказалъ, что въ самомъ характерѣ нашего народа лежитъ сознаніе права, котораго онъ и держится крѣпко, забывая даже о своей малочисленности. Въ бесѣдѣ этой я имѣлъ случай узнать и оцѣнить благородную душу короля. Подъ конецъ онъ спросилъ меня, скоро-ли я вернусь обратно въ Стокгольмъ изъ Упсалы, куда я собирался,—онъ желалъ тогда пригласить меня во дворецъ къ обѣду. «И королева, супруга моя,—сказалъ онъ:—знакома съ вашими произведеніями и будетъ рада познакомиться съ вами лично!»

По возвращеніи изъ Упсалы я и былъ приглашенъ къ королевскому столу. Королева, очень напоминавшая свою мать, герцогиню Лейхтенбергскую, которую я видѣлъ въ Римѣ, приняла меня просто и сердечно и сказала, что давно знаетъ меня по моимъ произведеніямъ и по «*Das Märchen meines Lebens*». За столомъ я сидѣлъ рядомъ съ Бесковымъ, прямо противъ королевы. Послѣ обѣда я прочелъ вслухъ сказки: «*Ленъ*», «*Безобразный утенокъ*», «*Мать*» и «*Воротничокъ*». Во время чтенія сказки «*Мать*» я замѣтилъ на глазахъ благородной королевской четы слезы. И какъ тепло, сердечно выразили они потомъ мнѣ свою признательность, какіе они оба были простые, милые! Прощаясь, королева протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ. И она и король сдѣлали мнѣ честь пригласить меня вновь посѣтить ихъ и прочесть имъ еще что-нибудь. Въ слѣдующій разъ меня и Бескова пригласили въ покои королевы за часъ до обѣда. Здѣсь мы нашли королеву, принцессу Евгенію, кронпринца, принцевъ Густава и Карла, а скоро явился и король. «Поэзія оторвала меня отъ дѣлъ!» сказалъ онъ. Я прочелъ «*Ель*», «*Штопальную иглу*», *Дѣвочку со спичками*» и по общему желанію «*Ленъ*». Король слушалъ съ большимъ вниманіемъ. «Глубокая поэзія, которою дышатъ эти маленькія поэмы»,—какъ онъ выразился—очень нравилась ему, и онъ прибавилъ, что читалъ эти сказки еще во время своей поѣздки въ Норвегію. Всѣ три принца крѣпко пожали мнѣ руку, а король пригласилъ меня присутствовать на празднествѣ въ день его рожденія четвертаго іюля. Бескову было поручено быть моимъ чичероне.

Вскорѣ я узналъ, что въ Стокгольмѣ затѣвается публичное чествованіе меня и—мнѣ стало не по себѣ. Я, вѣдь, зналъ, какое неудовольствіе возбудитъ такое чествованіе у насъ на родинѣ, сколько дастъ пищи злымъ пересудамъ. И при одной мысли, что мнѣ придется быть героемъ праздника, меня била лихорадка; я, какъ преступникъ — суда, боялся этого торжественнаго вечера съ заздравными тостами и длинными рѣчами.

Вечеръ, однако, насталъ. Въ торжествѣ принимали участіе и многія да-

мы, въ томъ числѣ извѣстная, даровитая г-жа Карле́нъ, не столь извѣстная, но очень даровитая романистка «Вильгельмина» (псевдонимъ) и артистка г-жа Страндбергъ. Г-жа Карле́нъ пригласила меня прогуляться съ ней подъ руку по саду, но намъ нельзя было удалиться въ ту часть сада, куда мнѣ хотѣлось —туда, гдѣ не тѣснились зрители, а надо было именно показаться публикѣ, которая «тоже желала видѣть г-на Андерсена». Все это свидѣтельствовало о расположеніи ко мнѣ, но меня порядкомъ мучило; мысленно я уже видѣлъ весь этотъ праздникъ въ каррикатурѣ на страницахъ «*Корсара*». Вѣдь, даже Эленшлегеръ, передъ которымъ всетаки привыкли преклоняться, попалъ въ каррикатуру послѣ своей поѣздки въ Швецію! Въ аллеѣ насъ встрѣтила толпа дѣтей съ безконечной гирляндою изъ цвѣтовъ въ рукахъ; они сыпали передо мною цвѣты и тѣснились вокругъ меня, а въ толпѣ вокругъ всѣ снимали передо мною шляпы. А что я думалъ въ это время? — «Въ Копенгагенѣ опять поднимутъ меня за это на смѣхъ, опять обрушатся на меня!» Я былъ совсѣмъ разстроенъ, но приходилось казаться веселымъ, чтобы не обидѣть этихъ милыхъ, добрыхъ людей, и я старался придать всему шутливый оттѣнокъ, поцѣловалъ кого-то изъ ребятишекъ, поболталъ съ другими. За ужиномъ поэтъ, пасторъ Меллинъ, провозгласилъ тостъ за мое здоровье, сказавъ предварительно нѣсколько словъ о моей литературной дѣятельности, затѣмъ было произнесено нѣсколько привѣтственныхъ стихотвореній романистки «Вильгельмины», а затѣмъ прекрасные стихи г-жи Карле́нъ. Въ отвѣтной рѣчи я высказалъ, что принимаю всѣ эти знаки сердечнаго расположенія, какъ своего рода задатокъ, и съ помощью Божьей постараюсь заработать его трудомъ, въ которомъ выскажу свою любовь къ Швеціи. Я и постарался выполнить свое обѣщаніе. Актеръ-драматургъ Іолинъ прочелъ на мѣстномъ нарѣчіи «*Далекарлійскую исторію*», пѣвцы королевскаго театра: Страндбергъ, Валлинъ и Гюнтеръ спѣли нѣсколько шведскихъ пѣсенъ, потомъ заигралъ оркестръ и первое же, что я услышалъ, была наша датская мелодія на мою пѣсню «*Есть чудная страна!*» Въ одиннадцать часовъ вечера я отправился домой, радуясь выказанному мнѣ расположенію, а также возможности отдохнуть отъ столькихъ треволненій.

Скоро я былъ на пути въ Далекарлію. Письмо Фредерики Бремеръ доставило мнѣ въ Упсалѣ знакомство съ поэтомъ Фалькранцемъ, братомъ знаменитаго пейзажиста; встрѣтился я здѣсь и съ своимъ другомъ, поэтомъ Бётгеромъ, женатымъ на дочери Тегнера, Дизѣ. Уютное гнѣздышко этихъ двухъ счастливцевъ было залито солнышкомъ поэзіи и счастливой семейной жизни.

Нумеръ, который я занималъ въ отелѣ, примыкалъ къ большой залѣ; тамъ какъ разъ пировали студенты. Узнавъ, что я ихъ сосѣдъ, они прислали ко мнѣ депутацію съ приглашеніемъ пожаловать къ нимъ — послу-

шать ихъ пѣніе и принять участье въ ихъ весельѣ. Я сейчасъ же принялся искать между ними лицо, съ которымъ бы я могъ сойтись. Одинъ блѣдный, высокій студентъ очень мнѣ понравился, и я, какъ узналъ потомъ, не ошибся въ выборѣ. Онъ пѣлъ такъ хорошо, съ такимъ выраженіемъ. Это былъ геніальный композиторъ и поэтъ Веннербергъ, авторъ сборника чудныхъ мелодій и дуэтовъ «*Глюнтарне*». Въ другой разъ я слышалъ, какъ онъ пѣлъ съ Бероніусомъ свои чудныя пѣсни, доставившія ему славу «современнаго Бельмана». Было это у начальника области, въ домѣ котораго я встрѣтилъ вообще самое избранное общество Упсалы. Въ этомъ же домѣ познакомился я съ Аттербомомъ, пѣвцомъ «*Blommorna*», пѣвшимъ намъ объ «*Островѣ Блаженства*». Правду сказалъ Мармье, что между поэтами существуютъ какіе-то масонскіе знаки, по которымъ они сразу узнаютъ и понимаютъ другъ друга; я почувствовалъ это, знакомясь съ милымъ старикомъ-поэтомъ Аттербомомъ.

Путешествующему по Швеціи необходимо имѣть свой экипажъ, и мнѣ пришлось бы обзавестись имъ, еслибы начальникъ области любезно не предложилъ мнѣ на все время поѣздки своего. Профессоръ Шрёдеръ позаботился снабдить меня мелкой мѣдной монетой и кнутомъ, а Фалькранцъ написалъ мнѣ маршрутъ, и вотъ началась оригинальная поѣздка, нѣсколько напоминающая поѣздки по тѣмъ мѣстностямъ Америки, гдѣ еще не проведено желѣзныхъ дорогъ. Этотъ способъ передвиженія, рѣзко отличавшійся отъ того, къ какому я привыкъ, какъ будто перенесъ меня въ эпоху за сто лѣтъ до нашего времени. Проколесивъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ Швеціи, я опять черезъ Упсалу вернулся въ Стокгольмъ, гдѣ нашелъ точно родной домъ въ домѣ г-жи Бремеръ. Въ этомъ уютномъ, богатомъ домѣ жилось такъ хорошо, и я познакомился здѣсь со всѣми членами семьи, принадлежавшей къ числу лучшихъ въ Швеціи. Тутъ же имѣлъ я случай лишній разъ убѣдиться въ томъ, насколько неосновательны были ходившіе и въ Даніи и за-границей слухи о жизни и положеніи этой писательницы. Когда она только что выступила на литературное поприще, говорили, что она живетъ гувернанткой въ какомъ-то знатномъ семействѣ, а на самомъ дѣлѣ она жила вполнѣ самостоятельно въ собственномъ имѣніи Аоста.

Въ чужомъ городѣ меня влечетъ обыкновенно не только къ выдающимся живымъ людямъ, но и къ дорогимъ могиламъ славныхъ усопшихъ. Мнѣ всегда хочется принести на эти могилы или взять съ нихъ на память цвѣтокъ. Въ Упсалѣ я побывалъ на могилѣ Гейера; на ней еще не было воздвигнуто памятника. Могила Тёрнероса вся заросла сорною травою. Въ Стокгольмѣ же я розыскалъ могилы Никандера и Стагнеліуса и съѣздилъ въ Сольну, гдѣ покоятся на маленькомъ кладбищѣ Берцеліусъ, Хореусъ, Ингельманъ и Крусель, на большомъ—Валлинъ. Постояннымъ же моимъ убѣжищемъ въ Стокгольмѣ былъ и остается, впрочемъ, домъ Бескова, котораго еще король

Карлъ Іоганъ возвелъ въ баронское достоинство. Онъ былъ изъ числа тѣхъ милыхъ людей, которые какъ будто озаряютъ все окружающее ровнымъ кроткимъ свѣтомъ. Что это была за рѣдкая, сердечная натура и какой талантливый человѣкъ! О послѣднемъ свидѣтельствуютъ и рисунки его и музыкальность. Самый голосъ его, несмотря на его преклонный возрастъ, звучалъ въ пѣніи такъ мягко и свѣжо. Литературное же его значеніе, достаточно извѣстно; трагедіи его въ переводахъ Эленшлегера стали извѣстны и въ Германіи.

Послѣдній день моего пребыванія въ Стокгольмѣ совпалъ съ днемъ рожденія короля Оскара. Я присутствовалъ на торжествѣ во дворцѣ и по окончаніи его королевская чета и всѣ принцы простились со мой въ высшей степени сердечно. Я былъ растроганъ, какъ при разлукѣ съ близкими, дорогими людьми.

Въ «*Воспоминаніяхъ*» Эленшлегера говорится о графѣ Сальца; авторъ рисуетъ его очень интересной личностью, но, заинтересовавъ читателя, не даетъ о ней болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній. Вотъ что говоритъ Эленшлегеръ: «Меня посѣтилъ однажды одинъ знакомый епископа Мюнтера. Это былъ высокій, видный шведъ; войдя, онъ назвалъ мнѣ свое имя, но я не разслышалъ, переспросить мнѣ было неловко, и я надѣялся, что еще услышу его въ разговорѣ или же самъ догадаюсь, кто онъ. Онъ сказалъ мнѣ, что явился посовѣтоваться со мной насчетъ сюжета для водевиля, который собирается писать. Сюжетъ оказался довольно милымъ, и я постарался запомнить: «Итакъ, это писатель водевилей!» Затѣмъ гость мой завелъ разговоръ о Мюнтерѣ, какъ о старомъ своемъ другѣ. «Надо вамъ знать, — сказалъ онъ:—что я занимался богословскими науками и перевелъ откровеніе Іоанна.»—«Авторъ водевилей и богословъ!» — держалъ я въ умѣ. «Мюнтеръ тоже масонъ!» продолжалъ онъ: «Онъ мой ученикъ, я, вѣдь, начальникъ ложи!»—«Авторъ водевилей, богословъ и начальникъ масонской ложи!» продолжалъ я свои соображенія. Затѣмъ, онъ заговорилъ о королѣ Карлѣ Іоганѣ, очень хвалилъ его и прибавилъ: «Я хорошо знаю его! Мы съ нимъ роспили не одинъ стаканчикъ!» — «Авторъ водевилей, богословъ, начальникъ масонской ложи и близкій другъ Карла Іогана!» перебиралъ я въ умѣ, а онъ продолжалъ: «Здѣсь въ Даніи не принято надѣвать свои ордена, но завтра я пойду въ церковь и надѣну всѣ свои!»—«Отчего-же нѣтъ!» отвѣтилъ я, а онъ продолжалъ: — «У меня всѣ они есть!» Тогда я къ автору водевилей, богослову, начальнику масонской ложи и близкому другу Карла Іогана прибавилъ еще «кавалера ордена Серафима». Въ концѣ-концовъ незнакомецъ свелъ разговоръ на своего сына, котораго онъ воспитывалъ въ традиціяхъ рода, насчитывающаго въ числѣ своихъ предковъ первыхъ завоевателей Іерусалима. Тогда-то все мнѣ стало ясно. Гость мой былъ никто иной, какъ графъ фонъ-Сальца! Такъ оно и было.»

Въ пріемной короля Оскара Бесковъ и представилъ меня этому самому графу Сальца. Онъ сейчасъ же съ истинно шведскимъ гостепріимствомъ пригласилъ меня завернуть, на возвратномъ пути, къ нему въ имѣніе Мемъ, если онъ будетъ тамъ въ то время, когда пароходъ остановится на этой пристани. Или же я могъ посѣтить его въ имѣніи Сэбю, близъ Линкёпинга, которое лежитъ на дальнѣйшемъ моемъ пути, недалеко отъ канала. Я принялъ это приглашеніе за обыкновенную любезность, которою рѣдко приходитъ на умъ воспользоваться. Но, когда я плылъ обратно на родину, передъ выходомъ нашимъ изъ Роксена, на пароходъ взошелъ композиторъ Іосефсонъ, гостившій въ имѣніи у графа Сальца, и объявилъ мнѣ, что графъ разузнавъ, съ какимъ пароходомъ я поѣду, поручилъ ему перехватить меня по дорогѣ и отвезти въ экипажѣ въ Сэбю. Это уже говорило о такомъ радушіи, что я наскоро собралъ свои пожитки и отправился въ проливной дождь въ Сэбю, гдѣ въ замкѣ итальянской архитектуры проживалъ графъ съ своей милой, умной дочерью, вдовою барона Фокъ.

«Между нами духовное сродство!» сказалъ мнѣ радушно встрѣтившій меня старикъ-хозяинъ. «Я почувствовалъ съ перваго взгляда на васъ, что мы не чужіе другъ другу!» Скоро я всей душой привязался къ этому оригинальному, милому и умному старику. Онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ разными королями и князьями, о перепискѣ, въ которой онъ находился съ Гёте и Юнгомъ Штилингомъ. Предки графа были, по его разсказамъ, норвежскими крестьянами-рыбаками; они прибыли въ Венецію, спасли христіанскихъ плѣнниковъ, и Карлъ Великій сдѣлалъ ихъ князьями Сальца. Рыбачья слободка, лежавшая на мѣстѣ нынѣшняго Петербурга, принадлежала прадѣду графа, и мнѣ разсказывали, будто бы графъ сказалъ однажды русскому Императору, бывшему въ Стокгольмѣ: «Столица Вашего Величества лежитъ собственно на землѣ моихъ предковъ!» А Императоръ на это шутливо отвѣтилъ: «Ну, такъ придите и возьмите ее!»

Во время моего пребыванія въ Сэбю какъ разъ пришлось рожденіе графа, которое и было отпраздновано очень торжественно, чисто по помѣщичьи.

Случайно въ этотъ же день была получена почта — письма и газеты. «Новости изъ Даніи! Побѣда при Фредериціи!» услышалъ я торжественный возгласъ. Это были первыя печатныя свѣдѣнія объ этой битвѣ, всѣ живо интересовались ею; я схватилъ листъ съ именами убитыхъ и раненыхъ.

На радостяхъ графъ Сальца приказалъ откупорить шампанское, а дочь его наскоро соорудила знамя Данеброга, и его торжественно водрузили надъ столомъ. До обѣда старикъ много разсказывалъ о былой враждѣ между шведами и датчанами; онъ даже берегъ три датскихъ пули, изъ которыхъ одна ранила его отца, другая его дѣда, а третья убила прадѣда; теперь же онъ поднялъ въ честь дружественной націи полный бокалъ шампанскаго и

такъ тепло говорилъ о нравахъ и обычаяхъ датчанъ, что у меня на глазахъ выступили слезы.

Въ семьѣ жила старая гувернантка, нѣмка, кажется, изъ Брауншвейга; она уже давно сжилась со Швеціей и, слыша теперь въ рѣчи графа упреки по адресу Германіи, расплакалась и дѣтски-наивно стала извиняться передо мною: «Я ничего тутъ не могу подѣлать!» Я, поблагодаривъ графа и выпивъ за его здоровье, тотчасъ же протянулъ руку и доброй нѣмкѣ и сказалъ: «Наступятъ лучшіе дни, когда нѣмцы и датчане снова протянутъ другъ другу руки, какъ мы теперь, и выпьютъ кубокъ мира!» И мы чокнулись.

Хорошо было въ Сэбю; прекрасная живописная природа, лѣсъ, скалы и озеро. Съ грустью покинулъ я этотъ гостепріимный пріютъ и оригинальнаго старика-хозяина.

Всюду въ Швеціи господствовало увлеченіе Даніей и всѣмъ датскимъ и я, какъ датчанинъ, то и дѣло убѣждался въ этомъ.

Въ Моталѣ я рѣшилъ провести нѣсколько дней; всю мѣстность, по которой я ѣхалъ сюда, можно назвать садомъ Гётеборгскаго канала; здѣсь чудесное сочетаніе чисто шведской природы съ датскою: роскошные буковые лѣса, озера, скалы и водопады. Тутъ получилъ я сердечное, свѣжее, милое письмо отъ Диккенса, который только что прочелъ мой новый романъ «*Двѣ баронессы*». Этотъ день былъ для меня настоящимъ праздникомъ; на столѣ у меня красовались принесенныя мнѣ кѣмъ-то чудныя розы.

Отсюда я съѣздилъ въ древнюю Вадстену; роскошный замокъ ея сталъ теперь ригою, величественный монастырь—домомъ умалишенныхъ. Передъ отъѣздомъ изъ Моталы я ночевалъ въ маленькой гостиницѣ близъ моста. Выѣхать я долженъ былъ рано по-утру и поэтому и спать улегся съ вечера пораньше, сейчасъ же заснулъ, но скоро проснулся. Меня разбудило прекрасное хоровое пѣніе. Я всталъ, пріотворилъ дверь номера и спросилъ служанку, кому это изъ высокихъ особъ даютъ серенаду? «Да это вамъ!» сказала она. «Мнѣ!» удивился я и не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Но вотъ раздалась моя пѣсня: «*Есть чудная страна!*» Ясно было, что серенаду даютъ мнѣ, т. е. не поэту, а *датчанину* Андерсену. Любовь шведовъ къ датчанамъ вообще распустилась тутъ цвѣткомъ для меня лично. Фабричные рабочіе прослышали, что я вернулся изъ Вадстены, а утромъ уже оставляю Моталу, и добрые люди пришли выразить мнѣ свою симпатію и участіе. Я вышелъ къ нимъ и пожалъ руку ближайшимъ; я былъ глубоко тронутъ и благодаренъ имъ, но разумѣется, ужъ больше не заснулъ въ ту ночь.

И въ каждомъ мѣстечкѣ, каждый день ожидалъ меня новый праздникъ. Симпатіи къ датчанамъ проявлялись съ такою сердечностью и увлеченіемъ, о какихъ земляки мои и понятія не имѣли.

Черезъ нѣсколько дней я былъ въ Даніи. Моя наиболѣе, по моему, раз-

работанная книга «*По Швеціи*» является, такъ сказать, духовнымъ результатомъ этой поѣздки, и, смѣю думать, что въ ней-то болѣе ярко, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ изъ моихъ произведеній, выступаютъ характерныя особенности моей музы: описанія природы, сказочный элементъ, юморъ и лиризмъ—насколько послѣдній можетъ вылиться въ прозѣ. Первая рецензія на эту книгу появилась въ шведской газетѣ «*Боге*»: «Въ этой книгѣ не встрѣчаешься съ обыкновенными впечатлѣніями и размышленіями туристовъ; вся она въ цѣломъ—поэма въ прозѣ, распадающаяся на нѣсколько отдѣльныхъ картинъ, составляющихъ, однако, одно цѣлое. И эта поэма написана тѣмъ же наивнымъ, дѣтски-чистосердечнымъ языкомъ, проникнута тѣмъ же открытымъ взглядомъ на природу и народную жизнь, которыми отличаются и всѣ стихотворенія и разсказы Андерсена и за которыя мы, шведы, такъ любимъ его. Картины обыденной жизни прекрасно и непринужденно переплетены съ историческими воспоминаніями и фантазіями, а все вмѣстѣ составляетъ истинно поэтическую путешествіе-сказку, свѣтлую лѣтнюю картину сѣвера.»

И у насъ на родинѣ, гдѣ въ послѣдніе годы критика не только стала говорить обо мнѣ болѣе приличнымъ тономъ, но и оказывать моимъ произведеніямъ больше вниманія и сочувствія, также отозвались объ упомянутой книгѣ съ похвалами. Особенно выдѣляли всѣ исторію «*Сонъ*» *) и «*Поэтическую Калифорнію*» **).

Новый годъ 1850 принесъ мнѣ съ собою великое горе; великимъ горемъ было это и для Даніи и ея искусства. Вотъ что писалъ я въ письмѣ въ Веймаръ: «Эленшлегеръ умеръ 20 Января, какъ разъ въ день кончины короля Христіана VIII и почти въ тотъ же часъ. Два раза въ этотъ вечеръ прошелъ я мимо Амаліенборгскаго дворца, направляясь къ Эленшлегеру; я зналъ отъ докторовъ, что онъ уже при смерти, и, проходя мимо дворца, невольно думалъ:» Два года тому назадъ я ходилъ здѣсь въ смертельной тревогѣ за моего дорогого короля, теперь испытываю такую же тревогу за другого короля—короля поэтовъ. Онъ умеръ безъ страданія, окруженный своими дѣтьми. Передъ смертью онъ просилъ прочесть ему вслухъ сцену изъ его трагедіи «*Сократъ*», ту именно, въ которой мудрецъ говоритъ о безсмертіи и вѣчной жизни. Онъ былъ вполнѣ спокоенъ, молился лишь о томъ, чтобы предсмертная борьба не была слишкомъ мучительна, опустилъ голову на подушку и уснулъ вѣчнымъ сномъ. Я видѣлъ его въ гробу; разлитіе желчи придавало его лицу видъ бронзовой статуи; вообще же онъ не былъ похожъ на мертваго; лобъ его былъ все такъ же прекрасенъ, выраженіе лица—благородно величаво. 26 Января его схоронили. Хоро-

*) См. Т. I стр. 357.
**) См. Т. III, стр. 395.

нилъ его народъ въ полномъ значенiи этого слова; чиновники, студенты, матросы, солдаты, словомъ—представители всѣхъ сословiй поочередно несли гробъ весь долгiй путь до Фредериксбергскаго кладбища. Въ Фредериксбергскомъ дворцѣ онъ родился, близъ него и желалъ быть похороненнымъ. Торжественная заупокойная служба состоялась въ соборѣ Богоматери. Были пропѣты два надгробныхъ пѣснопѣнiя, написанныхъ по просьбѣ литературнаго комитета Грунтвигомъ и мною. Рѣчь говорилъ епископъ Мюнстеръ. Королевскiй театръ почтилъ память великаго поэта торжественнымъ представленiемъ его трагедiи «*Гаконъ Ярлъ*» и той сцены изъ трагедiи «*Сократъ*», которую читали ему передъ смертью.

Въ послѣднiе годы Эленшлегеръ, къ величайшей моей радости, относился ко мнѣ особенно тепло и сердечно. Разъ, когда я зашелъ къ нему сильно разстроенный издѣвательствомъ надо мною одной газеты, онъ подарилъ мнѣ орденъ Сѣверной Звѣзды. (Орденъ этотъ былъ мнѣ пожалованъ королемъ шведскимъ въ день погребенiя Христiана VIII) и сказалъ: «Я носилъ его, а теперь прошу васъ принять его отъ меня на память! Вы истинный поэтъ! Я вамъ это говорю, такъ пусть другiе болтаютъ себѣ, что хотятъ!»

14 Ноября 1849 г. торжественно отпраздновали его 70-лѣтнюю годовщину, и вотъ какъ скоро послѣ этого пришлось справлять по немъ поминки! Извѣстно, что почившiй поэтъ выражалъ передъ смертью желанiе, чтобы на торжественномъ спектаклѣ въ память его была поставлена именно трагедiя его «Сократъ». Какъ уже сказано, дали лишь одну сцену изъ нея. Я собственно не понимаю, какъ могъ великiй поэтъ заботиться въ такую минуту о подобныхъ мелочахъ; я бы предпочелъ, чтобы онъ сказалъ передъ смертью, какъ «*умирающiй поэтъ*» Ламартина: «Что за дѣло лебедю, уносящемуся къ солнцу, до слабой тѣни, которую набросили на волны его крылья!»

Въ день торжественнаго представленiя театръ былъ переполненъ сверху до низу. Ложи перваго яруса были обиты траурнымъ крепомъ, кресло Эленшлегера было тоже окутано флеромъ и увѣнчано лавровымъ вѣнкомъ.

«Какъ это Гейбергъ мило придумалъ!» обратилась ко мнѣ одна дама: «самъ Эленшлегеръ былъ бы тронутъ такимъ вниманiемъ.» Я невольно отвѣтилъ: «Да его бы обрадовало, что хоть сегодня-то ему оставили мѣсто!»— Какъ только Гейбергъ сталъ директоромъ театра, онъ сразу уменьшилъ число даровыхъ мѣстъ для поэтовъ, композиторовъ, бывшихъ директоровъ театра и разныхъ чиновниковъ, оставивъ для нихъ одни крайнiя кресла. Такъ какъ сюда кромѣ того впускали еще почти всѣхъ артистовъ, пѣвцовъ и балетныхъ солистовъ, то при большомъ наплывѣ ихъ, даровыхъ мѣстъ хватало для какой-нибудь трети имѣвшихъ право на нихъ. Эленшлегеръ при жизни каждый вечеръ бывалъ въ театрѣ, но, если случалось ему немножко запоздать, и если никто изъ занявшихъ мѣста заблаговременно не уступалъ великому поэту своего, то приходилось ему и постоять. Часто мы

оказывались сосѣдями, и онъ въ такихъ случаяхъ обращался ко мнѣ съ шутливо-жалобнымъ вопросомъ: «Куда-жъ мнѣ теперь дѣваться?» Сегодня вечеромъ ему всетаки оставили мѣсто! Это было какъ разъ то кресло, которое онъ выбралъ себѣ при прежней дирекціи. Гейберга можно извинить тѣмъ, что риксдагъ (народное собраніе) настаивалъ на сокращеніи числа даровыхъ мѣстъ, но для Эленшлегера, величайшаго нашего драматическаго писателя, всетаки можно было бы, кажется, сдѣлать исключеніе. Итакъ, къ настроенію моему въ этотъ торжественный вечеръ примѣшалось чувство горечи; ну, да это случилось со мною подъ сводами нашего національнаго театра не впервые!

Отъ этого театра перейду къ другому, тому самому, о которомъ одинъ изъ нашихъ писателей такъ презрительно выразился: «какое-нибудь Казино!» Копенгагенцы обогатились въ послѣдніе годы народнымъ театромъ; онъ возникъ какъ-то самъ собою, мало кто думалъ о немъ, особенно же о томъ, что у него есть будущность. Многіе подумывали объ устройствѣ такого театра, говорили, писали, но дальше этого дѣло не шло и не пошло бы, не будь у насъ одного молодого талантливаго дѣятеля, не имѣвшаго за душой ничего, но одареннаго удивительною способностью доставать деньги, если нужно было осуществить какую-нибудь идею. Онъ сумѣлъ устроить для копенгагенцевъ «*Тиволи*», которое по плану и устройству можетъ потягаться съ любымъ увеселительнымъ садомъ другихъ европейскихъ городовъ. Онъ же устроилъ и театръ «*Казино*», гдѣ публика за небольшую плату могла слушать музыку и смотрѣть драматическія представленія, и гдѣ можно было также устраивать общедоступные концерты и маскарады. Человѣкъ этотъ былъ Георгъ Карстенсенъ. Впослѣдствіи талантъ его и дѣловитость были оцѣнены и въ Америкѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ X. Гильдмейстеромъ построилъ Нью-Іоркскій Хрустальный дворецъ. Карстенсенъ былъ человѣкъ рѣдкой доброты, что и было, по моему, главнымъ его недостаткомъ. Надъ нимъ насмѣхались, глумились, называя его «увеселительныхъ дѣлъ мастеромъ», а между тѣмъ его дѣятельность была всетаки очень почтенна, доставила людямъ много и пользы и удовольствія.

Вначалѣ на самое зданіе Казино меньше всего смотрѣли, какъ на театръ, и только во время управленія дѣлами энергичнаго и предпріимчиваго антрепренера Ланге, театръ этотъ мало-по-малу сталъ завоевывать симпатіи публики, и дѣла его окрѣпли. Одно время акціи Казино стояли такъ низко, что ихъ по разсказамъ можно было пріобрѣсти за стаканъ пунша; скоро, однако, онѣ сильно поднялись.

Репертуаръ Казино былъ очень ограниченный; ни одинъ изъ маломальски извѣстныхъ датскихъ драматурговъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія писать для подобной сцены. Ланге прибѣгнулъ ко мнѣ, и моя первая же попытка удалась сверхъ всякихъ ожиданій. Въ «*Тысячи и одной ночи*» я

читалъ сказку» «*Geschichte des Prinzen Zeyn Alastmon und des Königs der Geister*», затѣмъ я познакомился съ обработкой того же сюжета Раймунда «*Der Diamant des Geisterkönigs*» и написалъ фантастическую пьесу «*Дороже жемчуга и злата.*» Пьеса эта разомъ подняла дѣла Казино; весь Копенгагенъ—съ высшихъ и до низшихъ классовъ общества—перебывалъ на представленіяхъ ея. Зала Казино вмѣщаетъ 2,500 чел. и въ теченіе цѣлаго ряда представленій всѣ мѣста бывали заняты. Такимъ образомъ пьеса доставила мнѣ много радости; гонораръ же, который мнѣ причитался за нее, составлялъ всего сто риксдалеровъ. Надо помнить, что въ то время частные театры въ Даніи и вовсе ничего не платили авторамъ, а сто далеровъ всетаки лучше, чѣмъ ничего. Впослѣдствіи мнѣ, впрочемъ, дали еще прибавку въ сто далеровъ, т. к. пьеса продолжала давать полные сборы. Примѣру моему скоро послѣдовали и другіе писатели; Гострупъ, Оверскоу, Эрикъ Бёгъ, Рекке и Хивицъ дали талантливыя вещи. Труппа Казино также съ годами все совершенствовалась, требованія публики повышались, и дирекція шла имъ на встрѣчу. Тѣмъ не менѣе многіе продолжали пренебрегать Казино. «Какое-то Казино!» частенько слышалось въ разговорѣ, но такое отношеніе къ театру со стороны лицъ, къ тому же ни разу даже не бывшихъ въ немъ, нельзя, по моему, назвать справедливымъ.

Вскорѣ я написалъ для Казино и новую пьесу, въ томъ же фантастическомъ духѣ, «*Оле—Закрой Глазки.*» Я уже пытался изобразить сказочнаго сѣвернаго бога сновъ въ одной изъ своихъ сказокъ, теперь же мнѣ захотѣлось сдѣлать изъ него живое лицо и его устами высказать ту истину, что здоровье, хорошее расположеніе духа и душевный миръ выше богатства. Ланге отнесся къ моему труду съ большимъ вниманіемъ и любовью и приложилъ всѣ старанія, чтобы поставить эту пьесу, требовавшую большой сцены, на маленькой тѣсной сценѣ Казино. Пріятно поразило меня также и отношеніе къ дѣлу самой труппы. Всѣ актеры и актрисы интересовались пьесой, относились съ уваженіемъ къ автору, словомъ, ничѣмъ не напоминали тѣхъ полновластныхъ вершителей судебъ пьесъ, которыхъ я привыкъ видѣть въ «настоящемъ театрѣ».

Послѣ того пьеса шла много разъ и пользовалась у публики большимъ успѣхомъ; доказательства этого я получалъ даже отъ «простолюдиновъ», какъ принято называть людей побѣднѣе. Приведу въ примѣръ одинъ изъ случаевъ, доставившій мнѣ куда больше радости, чѣмъ могла бы доставить любая хвалебная рецензія или отзывъ умника-философа.

Выходя изъ театра, я увидѣлъ въ дверяхъ бѣднаго ремесленника; на глазахъ его блестѣли слезы, и когда я поровнялся съ нимъ, онъ схватилъ мою руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ: «Спасибо, господинъ писатель Андерсенъ! Вотъ-то славная комедія!» Приведу и еще одинъ случай. Я былъ въ гостяхъ

въ одномъ знакомомъ мнѣ бюрократическомъ семействѣ, и хозяйка дома разсказала мнѣ, что она была очень удивлена въ это утро необыкновенно радостнымъ, сіяющимъ выраженіемъ лица своего конюха. «У Ганса радость какая-нибудь, что онъ такъ и сіяетъ сегодня?» спросила она потомъ свою горничную, и та объяснила, что одинъ изъ подаренныхъ вчера господами прислугѣ билетовъ отдали конюху Гансу. И вотъ, этотъ деревенскій обломъ, который вѣчно ходилъ полусоннымъ, вдругъ «точно переродился со вчерашняго!» разсказывала дѣвушка. «Онъ вернулся вчера изъ театра такой веселый, такъ былъ доволенъ всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ!» — «Я всегда думалъ, что однимъ богачамъ да барамъ счастье, а теперь вижу, что и нашему брату тоже хорошо! Это я узналъ вчера тамъ, въ комедіи! Точно проповѣдь послушалъ, да еще и видѣлъ все! То-то хорошо!» сказалъ онъ. И ничье мнѣніе такъ не порадовало меня и не польстило мнѣ больше этого безхитростнаго сужденія простого, необразованнаго парня!

Пьеса продолжала дѣлать сборы, но вотъ я прослышалъ, что одинъ изъ нашихъ писателей, который въ послѣднее время былъ самымъ дѣятельнымъ поставщикомъ пьесъ для Казино, написалъ въ сотрудничествѣ съ однимъ молодымъ литераторомъ пародію на мою пьесу. Пародію собирались ставить на провинціальныхъ сценахъ или по крайней мѣрѣ въ театрѣ маріонетокъ Бухариса. Извѣстіе это сильно огорчило меня; я зналъ этого писателя, всегда признавалъ его талантъ, а онъ могъ такъ умышленно закрывать глаза на всѣ поэтическія достоинства «*Оле - Закрой Глазки*» и собирался даже лично осмѣять меня! Мнѣ вообще уже не привыкать было стать ко всякимъ оскорбленіямъ у себя на родинѣ, тѣмъ не менѣе я находился въ угнетенномъ состояніи духа, но вотъ, еще прежде чѣмъ я успѣлъ прочесть самую пародію, получилъ я въ Глорупѣ письмо отъ Эрстеда, свидѣтельствовавшее и о его отношеніи ко мнѣ, какъ къ поэту, и о нашей взаимной дружбѣ. Письмо это я и привожу здѣсь какъ своего рода документъ, тѣмъ болѣе что оно представляетъ интересъ и само по себѣ, благодаря личности своего автора.

Копенгагенъ, 18 Іюля 1850 г.

«Дорогой другъ!

Вы должны отогнать отъ себя то уныніе, о которомъ сообщаете Матильдѣ, если уже не сдѣлали этого, прежде чѣмъ получили настоящее письмо. Вы обогатили литературу столькими превосходными произведеніями, что никто, я думаю, кромѣ Васъ самихъ, не можетъ упрекнуть Васъ въ томъ, что Вы дали еще слишкомъ мало. Да и самые противники Ваши уже не отваживаются теперь высказывать подобнаго мнѣнія. Но пусть даже на Васъ и нападаютъ,—Вы должны утѣшаться тѣмъ, что подобнымъ нападкамъ подвергались всѣ болѣе или менѣе выдающіеся люди. Я часто наблюдалъ, какъ англійскіе журналисты глумились надъ самыми замѣчательными дѣятелями

своего отечества. Я помню еще, напримѣръ, что великаго государственнаго человѣка Питта обзывали болваномъ. Попъ въ прошлое столѣтіе, Байронъ въ наше, тоже имѣли основанія жаловаться на жестокія нападки. А лучше ли было съ Гёте и Шиллеромъ въ Германіи? Эленшлегеръ и Баггесенъ, какъ они ни рознятся между собою во всемъ остальномъ, имѣли, однако, то общее, что оба одинаково страдали въ свое время отъ ожесточенныхъ нападокъ. Если же поискать примѣровъ внѣ среды поэтовъ, то я укажу Вамъ на моего брата и на Мюнстера.

Старайтесь обращать на нападки какъ можно меньше вниманія! Слава Ваша, какъ писателя, слишкомъ укрѣпилась за Вами и здѣсь и за границей, чтобы Вы могли опасаться за нее.

Надѣюсь, что Вы, какъ и прежде, не станете вступать съ Вашими противниками въ полемику. Посовѣтовалъ бы я Вамъ не давать имъ даже и косвенныхъ щелчковъ въ какомъ-нибудь новомъ произведеніи. Зато Вы, по моему, хорошо бы сдѣлали, если бы написали статью объ эстетическихъ началахъ сказочныхъ фантастическихъ произведеній. Этимъ Вы могли бы разсѣять многія заблужденія публики. Для разбора лучше всего было бы воспользоваться чужими произведеніями, но, разумѣется, незачѣмъ было бы и вовсе исключать своихъ собственныхъ. Только отнюдь не впадайте въ полемику! Наконецъ, я долженъ Вамъ сказать, что меньше всего посовѣтую Вамъ браться за упомянутую работу, если она можетъ отвлечь Васъ отъ истинныхъ задачъ Вашего творчества. Напротивъ! Всегда Вашъ

Г. Х. Эрстедъ».

Въ это же лѣто окончилъ я мою, какъ уже говорилъ выше, наиболѣе обработанную вещь «*По Швеціи*», и это было послѣднее произведеніе, которое я читалъ Эрстеду. Оно ему очень понравилось, особенно много бесѣдовали мы съ нимъ по поводу двухъ статей: «*Вѣра и знаніе*» и «*Поэтическая Калифорнія*», которыя были навѣяны его полными ума и убѣдительности разсужденіями, а также его геніальнымъ произведеніемъ «*Духъ въ природѣ*».—«Васъ такъ часто упрекаютъ въ недостаткѣ познаній!» сказалъ онъ мнѣ однажды съ своей обычной мягкой усмѣшкой: «А вы, въ концѣ концовъ, можетъ быть, сдѣлаете для науки больше всѣхъ другихъ поэтовъ!» Нѣчто подобное же сказано и въ «Послѣсловіи» переводчика къ англійскому изданію «*По Швеціи*». Надѣюсь, что меня поймутъ, какъ слѣдуетъ. Я не желаю сказать этимъ, что я сдѣлалъ что-нибудь для науки въ строго-научномъ смыслѣ; нѣтъ, я какъ поэтъ только почерпалъ сюжеты изъ ея мало разработанныхъ рудниковъ. Примѣромъ можетъ послужить сказка «*Капля воды*», на которую указываетъ въ своей книгѣ «*Духъ въ природѣ*» и Эрстедъ.

Онъ понималъ меня и радовался той любви, съ какою я относился ко всѣмъ открытіямъ и мощнымъ изобрѣтеніямъ новѣйшаго времени, двигающимъ его

впередъ. «И все же вы согрѣшили передъ наукою. Забыли, чѣмъ ей обязаны!» сказалъ онъ мнѣ разъ въ шутку: «Вы ни словомъ не упомянули о ней въ Вашемъ прекрасномъ стихотвореніи «*Данія—моя родина!*» *). Я и попробовалъ самъ исправить Вашу ошибку!» И онъ показалъ мнѣ строфу, которую онъ предлагалъ вставить между третьей и четвертой строфою моего стихотворенія.

«А имена, что на скрижаляхъ вѣковыхъ
Науки Даніи сыны поначертали!..
Они намъ говорятъ о свѣтлой звѣздной дали,
О тайныхъ силахъ и небесныхъ и земныхъ!...
Любуюсь Зунда свѣтлой полосой,
Что окаймляетъ берегъ нашъ волнистый,
И пылью орошаетъ серебристой...
Люблю, люблю тебя, мой край родной!»

Когда же я прочелъ ему «*Вѣру и знаніе*» и «*Поэтическую Калифорнію*», онъ дружески пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что теперь я вполнѣ загладилъ свою вину.

Въ Глорупѣ же въ это самое лѣто получилъ я отъ него вторую часть книги «*Духъ въ природѣ*» съ приложеніемъ такой записки: «Боюсь, что эта часть не произведетъ на Васъ такого хорошаго впечатлѣнія, какъ первая. Эта новая книга является, вѣдь, только поясненіемъ первой. Смѣю, однако, думать, что и она не совсѣмъ лишена новизны, а также, что написана она въ прежнемъ же духѣ и тонѣ!»

Книга въ высшей степени заинтересовала меня, и я высказалъ Эрстеду свою признательность за нее въ длинномъ письмѣ. Вотъ отрывокъ изъ него. —«Вы полагаете, что эта книга не произведетъ на меня такого впечатлѣнія, какъ первая, а я такъ не могу даже отдѣлить ихъ одну отъ другой; обѣ онѣ составляютъ какъ бы одинъ богатый источникъ. Больше же всего радуетъ меня то, что я нахожу въ ней все какъ будто свои же собственныя мысли, которыя, однако, не были для меня до сихъ поръ такъ ясны. Я нашелъ тутъ всю свою вѣру, всѣ свои убѣжденія, высказанныя такъ ясно, толково! Отказываюсь понимать епископа Мюнстера! Казалось бы, онъ-то ужъ могъ понять то, что для меня ясно, какъ день! Я читалъ «*Естественныя науки по отношенію къ нѣкоторымъ важнымъ религіознымъ вопросамъ*», не только про себя, но читалъ эту статью многимъ и вслухъ; меня такъ и тянетъ перечитывать ее, и я хотѣлъ бы подѣлиться ею со всѣмъ свѣтомъ. Я цѣню слѣпую вѣру благочестивыхъ людей, но самъ предпочитаю вѣрить, *зная*. Величіе Господа Бога ничуть не умалится, если мы будемъ смотрѣть

*) См. Т. III, стр. 513.

на Него, руководствуясь разумомъ, который Онъ самъ же далъ намъ! Я не хочу идти къ Богу съ завязанными глазами, хочу видѣть и знать, и если даже это и не доведетъ меня до иной цѣли, нежели слѣпо вѣрующаго человѣка его вѣра, то все же я обогащусь умственно! Я радовался, читая Вашу книгу, между прочимъ и за самого себя: она такъ понятна мнѣ, какъ будто является результатомъ моего собственнаго мышленія. Читая ее, я не разъ готовъ былъ сказать: «Да, и я бы сказалъ вотъ это самое!» Истины, заключающіяся въ этой книгѣ, перешли въ мою плоть и кровь. А я всетаки прочелъ еще только половину ея. Меня оторвали отъ нея вѣсти съ поля сраженія, и затѣмъ я уже могъ думать только о нихъ. Но я не могу не поторопиться написать Вамъ, и высказать Вамъ свою сердечную признательность.

Вотъ уже недѣля, какъ я не могу ничѣмъ заняться, такъ я разстроенъ. Я даже забываю о побѣдахъ нашихъ бравыхъ солдатъ изъ-за мысли о погибшихъ молодыхъ жизняхъ. Скольких изъ убитыхъ я зналъ лично! Полковникъ Лэссё былъ, вѣдь, моимъ другомъ; я зналъ его еще кадетомъ и всегда предчувствовалъ, что изъ него выйдетъ нѣчто выдающееся. У него былъ такой свѣтлый умъ, такая твердая воля, и ко всему этому присоединялось еще рѣдкое образованіе. Я такъ любилъ его! Какъ часто увлекалъ онъ меня, хоть и былъ моложе меня, своими смѣлыми, зрѣлыми мыслями, какъ мило умѣлъ вышучивать болѣзненныя проявленія моей фантазіи! Чего чего не переговорили мы съ нимъ по пути отъ дома его матери до города; мы говорили и о злобѣ дня, и о мірѣ, и о будущемъ... А теперь —его нѣтъ больше! Бѣдная мать его подавлена горемъ; не знаю, какъ она и перенесетъ его. Лэссё палъ въ тотъ же день, какъ и Шлеппегрель и Тренка въ маленькомъ мѣстечкѣ близъ Идстета. Разсказываютъ, что первые ряды вступившаго въ мѣстечко отряда датчанъ были приняты жителями съ хлѣбомъ солью; это успокоило всѣхъ остальныхъ, но чуть только они очутились въ центрѣ города, всѣ ворота и двери вдругъ раскрылись, оттуда хлынули толпы инсургентовъ и вооруженныхъ жителей—мужчинъ и женщинъ, и большая часть отряда была положена на мѣстѣ. Выносливость нашихъ солдатъ изумительна; увязая въ болотѣ, шли они впередъ подъ непріятельскимъ огнемъ, перепрыгивали съ кочки на кочку и, хотя картечь такъ и косила ихъ, всетаки выбили непріятеля изъ твердой позиціи. Ахъ, если бы только эта битва была послѣдней! Но увы! неизвѣстно еще, что будетъ дальше! Быть можетъ, всѣ эти дорогія жизни загублены даромъ. Богъ да защититъ правое дѣло и ниспошлетъ намъ миръ! Въ рѣдкой семьѣ нѣтъ горя; мы переживаемъ тяжелые мрачные дни. Меня тянетъ на поле сраженія, мнѣ хочется своими глазами увидѣть богатую событіями военную жизнь, но я отгоняю отъ себя это желаніе. Я знаю, что видъ всѣхъ бѣдствій войны произведетъ на меня черезчуръ потрясающее впечатлѣніе. Да и если бы еще

я могъ сдѣлать что-нибудь, хотя бы ободрить, подкрѣпить страдальцевъ, а то я и этого не могу!

Мой сердечный привѣтъ Вамъ
Вашъ сыновне-преданный
Г. Х. Андерсенъ.»

Вслѣдъ за битвой и побѣдой былъ заключенъ миръ. Я принялъ эту вѣсть съ несказанной радостью.

Возвращавшимся солдатамъ была устроена торжественная встрѣча. Воспоминаніе о ней до сихъ поръ еще освѣщаетъ мою душу и не погаснетъ никогда. Я написалъ для шведскихъ и норвежскихъ добровольцевъ пѣсню, которою они и встрѣтили у желѣзныхъ воротъ въ Фредериксбергской аллеѣ нашихъ датчанъ. Надъ западными воротами красовалась привѣтственная надпись: «Сдержалъ свое ты слово, нашъ храбрый ополченецъ!» Навстрѣчу арміи вышли и всѣ цехи со своими знаменами, которыя мы съ давнихъ поръ привыкли видѣть только на сценѣ. Многіе изъ простолюдиновъ были до слезъ тронуты, убѣдившись въ томъ, какое значеніе придается людямъ ихъ сословія,—и у нихъ, вѣдь, было свое знамя. Гремѣла музыка; были пущены фонтаны, что случалось обыкновенно лишь въ день рожденія короля. На всѣхъ домахъ развѣвались датскіе, шведскіе и норвежскіе флаги. Повсюду красовались разныя привѣтственныя надписи, вродѣ: «Побѣда—Миръ—Единеніе.» Все имѣло праздничный видъ, всѣ чувствовали себя «воистину датчанами». Когда показались первые ряды солдатъ, слезы такъ и потекли у меня по щекамъ.

Ратуша была превращена въ залу «Побѣды», украшенную флагами и гирляндами. Столъ для офицеровъ былъ накрытъ подъ тремя увѣшанными золотыми плодами, великолѣпными пальмами. Простые рядовые сидѣли за длинными столами. Угощали ихъ студенты и другіе молодые люди. Музыка, пѣніе, рѣчи, общее ликованіе; букеты и вѣнки сыпались дождемъ. Мнѣ доставляло несказанное удовольствіе смотрѣть на этотъ праздникъ и бесѣдовать съ бравыми ребятами, даже и не вѣдавшими, что они герои.

Я спросилъ одного солдата изъ Шлезвига, довольны-ли они, что опять попали въ казармы, хорошо ли имъ тамъ. «Расчудесно!» отвѣтилъ онъ. «Первую ночь такъ мы заснуть даже не могли, такъ хорошо было! Лежимъ себѣ на матрасахъ, подъ одѣялами! А тамъ-то три мѣсяца платья не скидали! Пуще-же всего донималъ насъ въ баракахъ дымъ отъ сырыхъ дровъ! А тутъ живи въ свое удовольствіе! Учтивый народъ здѣсь въ Копенгагенѣ!» Фленсборгъ онъ тоже похвалилъ. «Настоящій датскій городъ! Въ жаркіе дни жители приносили намъ оттуда и вина и воды! Просто благодать!»

А какіе они были скромные наши солдатушки, особенно пѣхотинцы!

Они сами называли первыхъ храбрецовъ изъ товарищей; вѣнокъ, случайно брошенный въ толпу солдатъ, они по общему приговору надѣли на достойнѣйшаго. Въ ратушѣ угощалось тысяча шестьсотъ человѣкъ и пѣхотинцевъ и гусаръ. Рѣчь слѣдовала за рѣчью, и одинъ изъ офицеровъ сказалъ какому-то рядовому: «Тебѣ тоже слѣдуетъ сказать рѣчь,—ты, вѣдь, хорошо говоришь!»—«Нѣтъ, гдѣ ужъ намъ! Не подходитъ!»—«Отчего-же? Напротивъ, то-то и хорошо, если и рядовой скажетъ слово!»—Да, такъ ужъ тутъ надо гусара!» отвѣтилъ скромный солдатикъ.

Рѣчи, дышащія увлеченіемъ и вдохновеніемъ, лились рѣкою, и принимали ихъ съ такимъ же увлеченіемъ. Случалось и то, что у оратора больше было на душѣ, чѣмъ на языкѣ. Вотъ что напримѣръ могъ я уловить изъ рѣчи одного почтеннаго члена рикcдага: «Вы изъ Ютландіи и я изъ Ютландіи, и мы намаялись и вы намаялись. А теперь вотъ всѣ мы тутъ! Кто изъ такого города, кто изъ такого, а я вотъ изъ такого!»

Директоръ «Казино» Ланге роздавалъ солдатамъ на каждое представленіе огромное число даровыхъ билетовъ, и мнѣ доставляло истинное наслажденіе услуживать бравымъ ребятамъ, указывать имъ мѣста, разговаривать съ ними, объяснять имъ непонятное. Много оригинальныхъ замѣчаній наслушался я при такихъ случаяхъ. Большинство солдатъ сроду не бывало въ театрѣ, понятія не имѣло о немъ. Вестибюль и коридоръ были разубраны зеленью и флагами. Во время одного изъ антрактовъ я встрѣтилъ здѣсь двухъ солдатъ. «Ну, все ли видѣли?» спрашиваю я ихъ. «Какъ же! Ужъ такъ-то хорошо тутъ!»—«Ну, а представленіе тамъ глядѣли?» «Развѣ еще что есть?» изумились они. Они себѣ все расхаживали по коридорамъ, любуясь газовыми рожками, флагами и движеніемъ народа вверхъ и внизъ по лѣстницамъ!

Въ дни этихъ торжествъ пришлось мнѣ принимать участіе и еще въ одномъ торжествѣ, частномъ, носившемъ чисто семейный характеръ. Два года тому назадъ Коллинъ вышелъ въ отставку въ чинѣ тайнаго совѣтника, а въ этомъ 1851 г. 18 февраля мы и отпраздновали его юбилей.

Съ этими же днями торжествъ, когда всюду раздавались пѣсни и веселая пальба, связано у меня воспоминаніе о двухъ тяжелыхъ утратахъ: я въ одну недѣлю схоронилъ Эмму Гартманъ и Эрстеда!

Эмма Гартманъ была въ полномъ смыслѣ слова рѣдкой женщиной: богато одаренная натура, жизнерадостная, остроумная, простая и прямая, съ дѣтски-ясной душой и міросозерцаніемъ, не затемненнымъ никакимъ облачкомъ. Все въ ней было въ гармоніи. Вотъ кто могъ заставить звучать во мнѣ всѣ струны ума и сердца! Немудрено, что я льнулъ къ ней, какъ растеніе къ солнцу. Нельзя высказать, передать словами, какой неистощимый источникъ радости, веселости и искренности представляла ея душа. Глубокой истиной звучали слова, сказанныя надъ ея гробомъ пасторомъ и по-

этомъ Бойе: «Сердце ея было храмомъ Божіимъ, переполненнымъ любовью, и она щедро дѣлилась ею не только съ близкими ей лицами, но и съ многими посторонними, включая сюда бѣдныхъ, немощныхъ и скорбящихъ, какихъ только знала!» Истиной звучали и слова, сказанныя у могилы: «Ясныя, радостныя мысли и чувства жили въ ея душѣ, и она охотно выпускала ихъ на волю, какъ крылатыхъ пташекъ, наполнявшихъ домъ пѣніемъ и веселымъ щебетаніемъ! И въ домѣ ея воцарялась въ такія минуты весна!» Да, да! Эти пташки щебетали и наполняли радостью сердца всѣхъ окружающихъ. Въ ея устахъ, казалось, облагораживались самыя слова. Она могла говорить обо всемъ, какъ ребенокъ, и о чемъ бы она ни говорила, слышно было, что слова ея идутъ отъ чистаго сердца. Она любила пошутить, такъ и сыпала остротами, но приходила въ комическій ужасъ при одной мысли, что подобныя шутки могутъ сдѣлаться достояніемъ читателей или, что еще хуже—строгихъ слушателей, раздаваясь со сцены. Она могла угощать такими шутками съ утра до вечера, а я взялъ да вложилъ подобныя въ уста царя духовъ и Греты въ «*Дороже жемчуга и злата*». Она, впрочемъ, ходила смотрѣть эту пьесу, также какъ и «*Оле - Закрой Глазки*», но совсѣмъ по особой причинѣ. Однажды въ жестокую вьюгу вернулись изъ школы, находившейся далеко, въ Христіановой гавани, только два старшихъ ея сына, младшій-же совсѣмъ еще ребенокъ, какъ-то отсталъ отъ нихъ, и мать была внѣ себя отъ страха. Какъ разъ въ эту минуту пришелъ я и, узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ, что сейчасъ же пойду и розыщу пропавшаго. Она знала, что я былъ несовсѣмъ здоровъ да и вообще не охотникъ бѣгать въ такую даль, и мое желаніе помочь ей въ бѣдѣ (какъ будто я могъ поступить иначе!) такъ ее тронуло, что она, какъ сама разсказывала мнѣ потомъ, ходя въ волненіи взадъ и впередъ по комнатѣ, сказала себѣ: «Это просто безподобно съ его стороны! Надо мнѣ пойти на его «*Дороже жемчуга и злата*!» А если онъ приведетъ мнѣ моего мальчика, такъ и быть—пойду и на «*Оле-Закрой Глазки*!» Да, да, ужъ пообѣщала такъ пойду, хоть это и ужасно!» И она пошла на представленія, много смѣялась, а потомъ разсказывала о видѣнномъ куда забавнѣе, чѣмъ были самыя пьесы. У нея было также большое музыкальное дарованіе, и много ея прекрасныхъ композицій вышло въ свѣтъ, но безъ ея имени. Никто также лучше ея не понималъ и не цѣнилъ самого Гартмана; она предвидѣла его будущую славу и значеніе, которое онъ будетъ имѣть за-границей, и во время разговора объ этомъ лицо ея, вообще такое веселое, подвижное, вдругъ принимало серьезное, почти торжественное выраженіе. Въ одну изъ послѣднихъ нашихъ бесѣдъ, я помню, мы говорили о книгѣ Эрстеда «*Духъ въ природѣ*» и о безсмертіи. «Подумаешь, представишь себѣ это—голова кружится; это почти не по силамъ намъ людямъ!» говорила она. «Но я всетаки вѣрю въ безсмертіе, надо вѣрить въ него!» И глаза ея загорѣлись но, въ ту же минуту на губахъ заиграла

улыбка, и она принялась трунить надъ негоднымъ человѣчествомъ, воображающимъ соединиться съ Господомъ Богомъ!»—

Но вотъ настало печальное утро! Гартманъ обнялъ меня и со слезами сказалъ: «Она умерла!»

И въ самый часъ кончины матери внезапно захворалъ ея младшій ребенокъ, дочка Марія. Въ сказкѣ «*Старый домъ*» я нарисовалъ ее; это она-то, когда ей было два года, принималась плясать, какъ только бывало заслышитъ музыку или пѣніе. Въ самый часъ кончины матери, склонилась, какъ подкошенная, и ея маленькая дочка, какъ будто мать попросила Бога: «Дай мнѣ съ собою одного ребенка, самаго младшаго, который не можетъ обойтись безъ меня!» И Богъ внялъ ея мольбѣ. Дѣвочка умерла въ тотъ же вечеръ, когда вынесли въ церковь гробъ ея матери, и черезъ нѣсколько дней рядомъ съ большой могилой появилась маленькая. Одинъ изъ вѣнковъ, украшавшихъ могилу матери, еще свѣжій и зеленый, казалось, тянулся къ жданной гостьѣ.

Въ гробу маленькая дѣвочка смотрѣла взрослой дѣвушкой; никогда не видѣлъ я болѣе живого изображенія ангела! У меня навсегда запечатлѣлся въ памяти одинъ отвѣтъ ея, звучавшій почти слишкомъ не по земному невинно. Ей было тогда всего три года; разъ вечеромъ ее позвали купаться, и я въ шутку спросилъ ее: «А мнѣ можно съ тобой?» — «Нѣтъ!» отвѣтила она: «Теперь я маленькая; вотъ когда выросту, тогда можно!»

Смерть не лишаетъ человѣческое лицо красоты, напротивъ, иногда даже возвышаетъ ее; некрасиво лишь разложеніе тѣла. И никого не видѣлъ я въ гробу красивѣе, благороднѣе Эммы Гартманъ; по лицу ея было разлито выраженіе какого-то неземного спокойствія, какъ будто душа ея стояла въ эту минуту передъ престоломъ Всевышняго. Отъ разсыпанныхъ вокругъ нея цвѣтовъ разливался чудный ароматъ. «Никогда въ жизни не уязвила она ни одного человѣка, никогда не умаляла она въ своихъ сужденіяхъ ничего достойнаго похвалы, никогда не позволяла клеветѣ коснуться уважаемаго имени. Она не взвѣшивала боязливо своихъ словъ, не опасалась, что ихъ могутъ перетолковать въ дурномъ смыслѣ люди, не отличающіеся ея откровенностью и чистосердечіемъ!» И эти слова, сказанныя у ея могилы, дышали истиной.

Черезъ четыре дня я лишился и Эрстеда. Перенести еще и этотъ ударъ было мнѣ почти не подъ силу. Въ этихъ двухъ умершихъ я терялъ безконечно много. Эмма Гартманъ своей задушевной веселостью, жизнерадостностью, бодростью духа ободряла и подкрѣпляла мой духъ; я искалъ ея общества, какъ цвѣтокъ лучей солнца! А Эрстеда я зналъ почти съ первыхъ же моихъ шаговъ въ Копенгагенѣ, любилъ въ теченіи столькихъ лѣтъ, какъ одного изъ людей, принимавшихъ самое близкое участіе во всѣхъ моихъ горестяхъ и радостяхъ. Въ послѣднее время я то и дѣло переходилъ

отъ Гартмана къ Эрстеду, отъ Эрстеда къ Гартману. Но у меня и въ мысляхъ не было, что я такъ скоро лишусь того, кто былъ моей постоянной поддержкою, моимъ утѣшенiемъ въ моей тяжелой борьбѣ съ обстоятельствами и духовными невзгодами. Эрстедъ былъ еще такъ молодъ душою, такъ радостно-оживленно бесѣдовалъ о предстоящемъ лѣтнемъ отдыхѣ въ отведенномъ ему городомъ помѣщенiи въ Фредериксбергскомъ саду. Годъ тому назадъ, осенью, праздновали его юбилей, и городъ отвелъ ему и его семьѣ въ пожизненное владѣнiе домъ, въ которомъ жилъ послѣднiе годы Эленшлегеръ. «Мы переѣдемъ туда, какъ только на деревьяхъ появятся почки, и выглянетъ солнышко!» говорилъ онъ, но уже въ первыхъ числахъ марта слегъ въ постель; мужество и бодрость духа, однако, не покидали его. Жена Гартмана умерла 6 марта. Сильно огорченный пришелъ я въ этотъ день къ Эрстеду и тутъ узналъ, что и его смерть близка! У него было воспаленiе въ легкихъ. «Онъ умретъ!» твердилъ я про себя, а самъ-то онъ думалъ, что ему лучше. «Въ воскресенье я встану!» сказалъ онъ. Въ воскресенье онъ предсталъ передъ лицо Всевышняго!

Придя къ нему въ этотъ день, я засталъ его уже въ агонiи. Жена и дѣти окружали его постель; я присѣлъ въ сосѣдней комнатѣ и далъ волю слезамъ. Въ домѣ царила торжественная, святая тишина!

Похороны состоялись 18 Марта. Я страдалъ и душевно и физически и едва-едва протащился короткiй путь отъ университета до церкви, на что понадобилось, впрочемъ, два часа, такъ медленно тянулось шествiе. Рѣчь говорилъ пасторъ Трюде, а не Мюнстеръ. «Его не просили!» оправдывали его нѣкоторые. Какъ будто надо просить друга сказать слово надъ усопшимъ другомъ! Слезы такъ и душили меня, но я не могъ плакать, и сердце мое готово было разорваться...

XVI.

Страна отдыхала отъ войны подъ сѣнью мира; настала весна, и во мнѣ проснулось чувство перелетной птицы. Меня манило отдохнуть душой на лонѣ природы, и я понесся къ зеленымъ лѣсамъ, къ дорогимъ друзьямъ въ Христинелундъ. Молодымъ моимъ хозяевамъ очень хотѣлось залучить къ себѣ на крышу аиста, и они положили туда колесо, какъ основанiе для гнѣзда, но аистъ не являлся! «Подождите моего прiѣзда!» писалъ я имъ: «Тогда и аистъ прилетитъ!» И въ самомъ дѣлѣ, утромъ въ тотъ же самый день, когда согласно моему письму, ждали меня, прилетѣла на крышу и чета аистовъ. Когда я въѣзжалъ во дворъ, работа по устройству гнѣзда была уже въ полномъ разгарѣ. И тутъ же увидѣлъ я, какъ аистъ взлетѣлъ на воздухъ, а это по народнымъ примѣтамъ означало, что я и самъ скоро расправлю крылья. Полетъ мой въ это лѣто не былъ, однако, особенно дальнимъ. Дальше башенъ Праги я не залеталъ. Глава о моихъ заграничныхъ

полетахъ ограничилась въ этомъ году всего нѣсколькими страницами, но на первой же страницѣ виньеткой служилъ летящій аистъ и гнѣздо его, свитое на крышѣ, въ защитѣ свѣжераспустившагося буковаго лѣса.

Христинелунду же сама весна дала виньетку—цвѣтущую яблоньку, выросшую въ полѣ у канавы. Это было олицетвореніе самой весны! При видѣ ея у меня зародилась въ головѣ идея сказки «*Есть же разница*!» Большинство моихъ сказокъ создалось подобнымъ же образомъ. Каждый, кто будетъ смотрѣть на жизнь и природу глазами поэта, увидитъ, откроетъ подобныя же проявленія красоты, которыя можно иначе назвать «поэтическою игрою случая». Приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ. Въ самый день смерти короля Христіана VIII, дикій лебедь налетѣлъ на шпицъ Роскильдскаго собора и разбилъ себѣ грудь, и Эленшлегеръ воспользовался этимъ случаемъ для своего стихотворенія, посвященнаго памяти короля. Когда же на могилѣ самого Эленшлегера хотѣли замѣнить старые вѣнки свѣжими, оказалось, что въ одномъ изъ увядшихъ вѣнковъ свила себѣ гнѣздышко пѣвчая птичка. Какъ-то на Рождествѣ я гостилъ въ Брегентведѣ; погода стояла мягкая; я вышелъ утромъ съ садъ; на широкихъ плитахъ пьедестала обелиска лежалъ тонкій слой снѣга, и я какъ-то безсознательно начертилъ палкою на снѣгу:

«Безсмертіе—тотъ же снѣжокъ,
Что завтра растаетъ, дружокъ!»

Я ушелъ; сдѣлалась оттепель, потомъ опять хватилъ морозъ, и когда я, спустя нѣкоторое время, опять подошелъ къ обелиску, то увидѣлъ, что снѣгъ весь стаялъ, кромѣ небольшого клочка, гдѣ и осталось одно слово «безсмертіе»! Такая игра случая меня сильно поразила, и я невольно помыслилъ: «Господи Боже мой! Я никогда и не сомнѣвался въ немъ!»

Послѣдній разъ я посѣтилъ Германію еще до войны. Поля битвы я еще не видѣлъ, — посѣтить его изъ одного любопытства, явиться празднымъ зрителемъ тамъ, гдѣ другіе дѣйствовали — было противно моему чувству. Теперь миръ былъ заключенъ, и я опять могъ мирно встрѣтиться съ своими друзьями въ Германіи; но я не могъ еще забыть недавнихъ кровавыхъ событій и первымъ долгомъ рѣшилъ посѣтить тѣ мѣста, гдѣ боролись и страдали наши войска.

Почти повсюду уже виднѣлись возводимые на мѣстѣ сгорѣвшихъ строеній и домовъ новыя; земля же кругомъ хранила еще слѣды недавней бомбардировки; весь дернъ былъ точно сдернутъ, сбитъ градомъ пуль. Серьезное, грустное чувство овладѣло мною; я вспомнилъ полковника Лэссё, подумалъ о многихъ, положившихъ здѣсь животъ свой. Самая почва, по которой мы ѣхали, была для меня священна.

Въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ я свидѣлся съ прежними друзьями; они ни-

чуть не перемѣнились, и встрѣча наша была самая сердечная, радостная. Такъ отрадно было сознавать, что тяжелая кровавая эпоха войны осталась позади. Почти всѣ отдавали справедливость силѣ и единодушію датчанъ, а нѣкоторые даже говорили: «Датчане были правы!» были, разумѣется, и люди, державшіеся противоположнаго мнѣнія; но эти не высказывались. Словомъ, мнѣ положительно не на что было пожаловаться, — я видѣлъ вокругъ себя одни дружескія лица, встрѣчалъ одно доброе расположеніе къ себѣ и къ своему народу. И даже «поэтическая игра случая» не преминула отдать честь датскому имени! Разскажу этотъ маленькій эпизодъ.

Семь лѣтъ тому назадъ я гостилъ въ прекрасномъ Максенѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Дрездена въ радушномъ семействѣ ф. Серре. Наканунѣ моего отъѣзда оттуда, гуляя вечеромъ съ хозяйкой неподалеку отъ усадьбы, я нашелъ на дорогѣ вырванную съ корнемъ маленькую лиственницу, такую маленькую, что она умѣстилась бы у меня въ карманѣ. Я поднялъ ее; она была переломлена. «Бѣдное деревцо!» сказалъ я. «Затѣмъ же ему погибать!» И я сталъ искать мѣстечка въ скалистой почвѣ, куда бы посадить деревцо. «Говорятъ, у меня легкая рука!» продолжалъ я: «Можетъ быть, и примется!» На самомъ краю обрыва нашелся въ расщелинѣ камня, клочекъ рыхлой землицы, я ткнулъ туда деревцо, потомъ ушелъ оттуда и забылъ объ этомъ эпизодѣ.

«Ваше деревцо отлично растетъ въ Максенѣ!» разсказывалъ мнѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ Копенгагенѣ художникъ Даль, только что пріѣхавшій изъ Дрездена. Теперь, прибывъ опять въ Максенъ, я услышалъ о «деревцѣ датскаго поэта», какъ его называли, цѣлую исторію. Оно принялось, пустило корни, новыя вѣтви и сильно выросло,—за нимъ тщательно ухаживали. Г-жа Серре велѣла даже обложить его землею, потомъ взорвали часть камня и въ послѣдніе годы проложили мимо деревца тропинку, а передъ самымъ деревцомъ поставили дощечку съ надписью: «Деревцо датскаго поэта». И оно не пострадало даже во время войны съ датчанами; по общему мнѣнію, оно должно было погибнуть само собою: возлѣ росла большая, пышная береза, простиравшая свои вѣтви надъ маленькимъ деревцомъ, которое и должно было, благодаря этому, рано или поздно зачахнуть. Но вотъ, еще во время войны, случилась гроза, молнія ударила прямо въ березу, разбила ее и сбросила со скалы, а «деревцо датскаго поэта» осталось цѣлымъ и невредимымъ. Я самъ видѣлъ его въ это свое посѣщеніе Максена, видѣлъ рядомъ и пень погибшей березы.

Въ Веймаръ я на этотъ разъ не поѣхалъ,—я зналъ, что тамъ теперь нѣтъ никого изъ моихъ друзей, и отложилъ свою поѣздку туда, равно какъ и вообще всякую дальнѣйшую—до будущаго года.

Осенью 1851 мнѣ было пожаловано на родинѣ званіе профессора, а съ наступленіемъ весны я поспѣшилъ закрѣпить нить путешествія въ томъ же

мѣстѣ, гдѣ оборвалъ ее въ послѣдній разъ—въ миломъ Веймарѣ. Здѣшніе друзья мои встрѣтили меня съ обычною задушевностью и радушіемъ. Такой же пріемъ ждалъ меня опять и въ герцогскомъ семействѣ.

Въ это же посѣщеніе я имѣлъ пріятный случай возобновить знакомство съ Листомъ, который, какъ извѣстно, былъ приглашенъ сюда капельмейстеромъ театра. Онъ главнымъ образомъ задался задачей проводить въ репертуаръ такія выдающіяся музыкальныя произведенія, которымъ иначе трудно было бы вообще пробраться на сцены нѣмецкихъ театровъ. Такъ, напримѣръ, въ Веймарѣ была поставлена опера Берліоза «*Бенвенутто Челлини*», имѣвшая для веймарцевъ особый интересъ, благодаря главному герою, котораго изобразилъ и Гёте. Особенно же увлекался Листъ музыкою Вагнера, котораго и пропагандировалъ, не щадя силъ, и постановкой его оперъ на сценѣ Веймарскаго театра и журнальными статьями. Онъ даже издалъ на французскомъ языкѣ цѣлое сочиненіе о двухъ операхъ Вагнера «*Тангейзеръ*» и «*Лоэнгринъ*». Листъ называлъ Вагнера первымъ изъ современныхъ композиторовъ, съ чѣмъ я, руководствуясь непосредственнымъ чувствомъ, не могу согласиться. Мнѣ кажется, что вся его музыка—продуктъ одного ума; я восхищаюсь въ «*Тангейзерѣ*» безподобными речитативами, особенно въ разсказѣ героя о его пилигримствѣ въ Римъ; я признаю грандіозность его музыкальныхъ картинъ, но мнѣ недостаетъ въ нихъ цвѣтка музыкальнаго искусства—мелодіи! Вагнеръ самъ писалъ либретто для своихъ оперъ и, какъ поэтъ-либреттистъ, занимаетъ очень высокое мѣсто; въ его операхъ большое разнообразіе сценъ и положеній. Самая же музыка его хлынула на меня въ первый разъ, какъ я слышалъ ее, словно какое-то море звуковъ, и я совершенно изнемогъ подъ его волнами и физически и душевно. Поздно вечеромъ по окончаніи оперы «*Лоэнгринъ*», Листъ—весь огонь и вдохновенье вошелъ ко мнѣ въ ложу, гдѣ я сидѣлъ усталый и подавленный, и спросилъ: «Ну что скажете теперь!» Я отвѣтилъ: «Я чуть живъ!» «*Лоэнгринъ*» показался мнѣ могучимъ, шумящимъ деревомъ безъ цвѣтовъ и плодовъ. Надѣюсь, меня поймутъ, какъ слѣдуетъ: мое сужденіе о музыкѣ имѣетъ, вѣдь, очень мало значенія; я только требую отъ музыки, равно какъ и отъ поэзіи, трехъ вещей: ума, фантазіи и чувства, а это послѣднее сказывается въ мелодіи! Я вижу въ Вагнерѣ выдающагося современнаго композитора, великаго своимъ умомъ и волей, мощнаго сокрушителя старой рутины, но мнѣ кажется, что ему не достаетъ той искры божественнаго огня, который вдохновлялъ Моцарта и Бетховена. Многіе знатоки музыки держатся насчетъ Вагнера мнѣнія Листа, и публика коегдѣ примыкаетъ къ нимъ. Въ Лейпцигѣ Вагнеръ имѣетъ теперь успѣхъ, но не то было раньше. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я присутствовалъ на концертѣ въ «*Gewandthaus*»; послѣ другихъ музыкальныхъ нумеровъ, награжденныхъ апплодисментами, была исполнена и увертюра къ «*Тангейзеру*». Я слышалъ ее въ первый разъ, такъ же какъ и самое имя Вагнера;

меня поразила грандіозность рисуемыхъ композиторомъ музыкальныхъ картинъ, и я принялся горячо апплодировать, но меня не поддержалъ почти никто. На меня смотрѣли, начали даже шикать, но я остался вѣренъ своему впечатлѣнію и продолжалъ хлопать и кричать «браво», хотя отъ внутренняго смущенія весь покраснѣлъ даже. Теперь, напротивъ, всѣ апплодировали «*Тангейзеру*» Вагнера. Я разсказалъ объ этомъ случаѣ Листу, и онъ и всѣ его музыкальные сторонники наградили меня громкимъ «браво» за то, что я послѣдовалъ тогда влеченію моего непосредственнаго чувства.

Изъ Веймара я отправился въ Нюрнбергъ. Вдоль полотна желѣзной дороги протянута телеграфная проволока! Я истинный датчанинъ, и сердце мое радостно забилось отъ гордости за свое отечество. Я услышалъ, какъ одинъ отецъ, ѣхавшій со мною въ вагонѣ, сказалъ сыну, указывая на телеграфную проволоку: «Это открытіе датчанина Эрстеда!» Я былъ счастливъ, что принадлежу къ одному съ нимъ народу!

Въ сказкѣ «*Подъ ивой*», я описалъ Нюрнбергъ, этотъ чудный старинный городъ, а поѣздка моя черезъ Швейцарію и Альпы послужила фономъ для нея. Въ Мюнхенѣ я не былъ съ 1840 г. Я сравнилъ этотъ городъ въ «*Базарѣ поэта*» съ розовымъ кустомъ, ежегодно пускавшимъ новые побѣги, причемъ каждая новая вѣтвь являлась новой улицей, каждый лепестокъ дворцомъ, церковью или памятникомъ — пока, наконецъ, не сталъ цѣлымъ деревомъ, въ полномъ расцвѣтѣ пышной красоты! Одинъ изъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ—«Базилика», другой—«Баварія». Такъ же выразился я, и отвѣчая на вопросъ царствовавшаго тогда короля Людвига— какое впечатлѣніе произвелъ на меня Мюнхенъ. «Данія лишилась великаго художника, а я друга!» сказалъ онъ, наводя разговоръ на Торвальдсена.

Мюнхенъ для меня интереснѣйшій изъ германскихъ городовъ; расцвѣтомъ своимъ онъ главнымъ образомъ обязанъ королю Людвигу. Здѣшній театръ также находится въ цвѣтущемъ состояніи. Во главѣ его стоитъ энергичнѣйшій и преданнѣйшій своему дѣлу человѣкъ, поэтъ Дингельштедтъ. Онъ ежегодно посѣщаетъ всѣ главнѣйшіе театры Германіи и высматриваетъ новые выдающіеся таланты, бываетъ въ Парижѣ и изучаетъ репертуары современныхъ театровъ и требованія публики. Скоро репертуаръ Мюнхенскаго королевскаго театра станетъ поистинѣ образцовымъ. Дингельштедтъ обращаетъ также особенное вниманіе на постановку, которая всегда строго вѣрна дѣйствительности, не то, что у насъ въ Даніи! У насъ въ оперѣ «*Дочь полка*», дѣйствіе которой происходитъ въ Тиролѣ, видишь декораціи съ пальмами и кактусами; въ «*Нормѣ*» одно дѣйствіе происходитъ въ греческомъ жилищѣ Сократа, а другое въ пальмовой хижинѣ Робинзона; на передней декораціи зачастую изображенъ солнечный день, а на заднемъ планѣ видно съ балкона звѣздное небо! То есть ни смысла, ни желанія осмыслить дѣло! Да и кому охота входить въ такія мелочи, если о нихъ не

спрашиваетъ ни одна газета! Репертуаръ Мюнхенскаго театра очень разнообразенъ; во всемъ видна горячность, любовь къ дѣлу, стремленіе ознакомиться съ выдающимися новинками даже иностраннаго репертуара. Дингельштедтъ состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми мало-мальски выдающимися писателями. Я тоже получилъ отъ него въ Копенгагенѣ весьма лестное письмо, въ которомъ онъ просилъ меня ознакомить его съ положеніемъ датскаго, главнымъ образомъ національнаго репертуара и сообщалъ, что нынѣ царствующій король Максъ знакомъ съ моими произведеніями и очень интересуется мною. Прибывъ на этотъ разъ въ Мюнхенъ я и посѣтилъ первымъ долгомъ Дингельштедта. Онъ немедленно отвелъ въ мое распоряженіе, на все время моего пребыванія въ городѣ, одну изъ лучшихъ ложъ въ королевскомъ театрѣ, а также сообщилъ о моемъ пріѣздѣ королю Максу, и я на другой же день получилъ отъ короля приглашеніе къ обѣду въ загородный дворецъ Старнбергъ. За мной пріѣхалъ т. с. ф. Дённигесъ; экипажъ помчался съ быстротою поѣзда, и мы еще до назначеннаго часа прибыли въ маленькій замокъ, живописно расположенный на берегу озера, окаймленнаго Альпами. Король Максъ, еще молодой человѣкъ, принялъ меня въ высшей степени привѣтливо и сказалъ между прочимъ, что особенное впечатлѣніе произвели на него изъ моихъ произведеній: «*Импровизаторъ*», «*Базаръ поэта*», «*Русалочка*» и «*Райскій садъ*». Говорилъ онъ и о другихъ датскихъ писателяхъ, о произведеніяхъ Эленшлегера и Эрстеда, и съ большой похвалой отзывался о душевной свѣжести, характеризующей искусство и науку моей родины. Отъ ф. Дённигеса, путешествовавшаго по сѣверу, онъ зналъ также о красотѣ Зунда и нашихъ буковыхъ лѣсовъ, и о сокровищахъ нашего музея сѣверныхъ древностей.

За обѣдомъ король почтилъ меня тостомъ за мою музу, а послѣ обѣда пригласилъ меня прокатиться въ лодкѣ. Погода была сѣрая и вѣтренная. У берега дожидалась насъ большая крытая лодка; разодѣтые гребцы отдали королю честь веслами, и скоро мы стрѣлой полетѣли по глади озера. Во время катанья я прочелъ вслухъ сказку «*Безобразный утенокъ*»; потомъ завязалась оживленная бесѣда о поэзіи и природѣ, и мы незамѣтно достигли острова, гдѣ по приказанію короля строилась прекрасная вилла. Свита держалась поодаль, а меня король пригласилъ занять мѣсто на скамьѣ рядомъ съ нимъ.

Онъ заговорилъ о моихъ произведеніяхъ, о всемъ дарованномъ мнѣ Богомъ, о судьбѣ человѣческой и въ заключеніе высказалъ мысль, что единственное утѣшеніе человѣка—въ близости къ Творцу. Неподалеку отъ насъ росъ кустъ бузины весь въ цвѣту, и онъ навелъ насъ на разговоръ о датской дріадѣ, живущей въ бузинѣ и о моей сказкѣ «*Бузинная матушка*». Я разсказалъ о своей драматической обработкѣ того же миѳа и, когда мы проходили мимо дерева , попросилъ позволенія сорвать на память вѣточку. Король самъ

сломалъ одну и подалъ мнѣ; я храню ее въ числѣ другихъ дорогихъ воспоминаній, она разсказываетъ мнѣ о томъ вечерѣ.

«Ахъ, еслибы выглянуло солнце!» сказалъ король. «Вы бы посмотрѣли, какъ хороши тогда горы»!—«Мнѣ всегда везетъ!» воскликнулъ я: «Навѣрное, проглянетъ!» И въ ту же минуту солнце дѣйствительно выглянуло изъ облаковъ, и Альпы озарились чуднымъ розовымъ сіяніемъ. На обратномъ пути я прочелъ въ лодкѣ сказки: «*Мать*», «*Лёнъ*» и «*Штопальная игла*».

Вечеръ былъ чудный; поверхность озера сіяла, какъ зеркальная, на горизонтѣ синѣли горы, а снѣжныя вершины ихъ алѣли пламенемъ,—чисто, какъ въ сказкѣ!

Около полуночи я былъ въ Мюнхенѣ. Въ «*Allgemeine Zeitung*» появилось очень милое описаніе этого посѣщенія подъ заглавіемъ «Король Максъ и датскій поэтъ».

На желѣзнодорожной станціи между Фрейбургомъ и Гейдельбергомъ пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ потрясающей сцены. Толпа переселенцевъ въ Америку, и молодыхъ и старыхъ, садилась въ вагоны, а остающіеся на мѣстѣ родные съ отчаяніемъ прощались съ ними, рыдали и вопили. Одна старуха такъ вцѣпилась въ двери вагона, что ее еле оторвали. Поѣздъ тронулся, а она грянулась о́земь. Скоро мы умчались отъ этихъ воплей, сливавшихся съ громкимъ «ура». Для отъѣзжающаго смѣна впечатлѣній смягчаетъ горе, а тѣмъ, кто остается, все окружающее только напоминаетъ объ уѣхавшихъ и растравляетъ сердечныя раны.

Въ концѣ Іюля я опять уже былъ въ Копенгагенѣ. Вскорѣ я удостоился приглашенія отъ вдовствующей королевы Каролины-Амаліи погостить у нея въ Соргенфри и за время моего пребыванія тамъ еще лучше оцѣнилъ сердечную доброту и благородство испытанной горемъ королевы.

Я написалъ для Казино фантастическую пьесу «*Бузинная матушка*»; и Ланге и актеры возлагали на нее большія надежды. Дѣйствительно она имѣла большой успѣхъ, но все же дѣло не обошлось и безъ шиканья. Я, впрочемъ, уже привыкъ къ такому явленію, которымъ сопровождалось теперь представленіе каждой новой пьесы. Гейбергъ же и Ингеманъ прислали мнѣ по поводу упомянутой пьесы сердечныя и лестныя письма; очень тепло отозвался о ней также пасторъ Бойе; «*Бузинная матушка*» и была, кажется, единственной видѣнной имъ на сценѣ Казино пьесой. Но газетная критика не замедлила охладить интересъ публики къ моей новой пьесѣ, и я окончательно пришелъ къ тому убѣжденію, что большинство моихъ земляковъ не особенно чутко къ фантастическому элементу, не долюбливаетъ заноситься высоко, предпочитая держаться земли и питаться простыми драматическими блюдами, состряпанными по книжкѣ. Ланге, однако, продолжалъ ставить пьесу, и мало-по-малу съ ней освоились, стали лучше пони-

мать идею, и подъ конецъ она стала вызывать единодушныя одобренія. На одномъ изъ представленій случилось мнѣ сидѣть позади какого-то стараго почтеннаго провинціала. Во время перваго же дѣйствія пьесы, сосѣдъ мой повернулся ко мнѣ и сказалъ: «Да тутъ чертовщина какая-то! Ничего не разберешь!»—«Да, оно трудновато!» отвѣтилъ я: «Но потомъ пойдетъ понятнѣе! Тутъ будетъ и цирульня, гдѣ стригутъ и бреютъ, и влюбленная парочка!»—«Ага! Вотъ оно что!» успокоился онъ. Подъ конецъ пьеса, видно, очень понравилась ему, или, можетъ быть, онъ узналъ, что я авторъ, только онъ обратился ко мнѣ уже съ такимъ увѣреніемъ: «Славная пьеса и—очень понятная! Это только начало трудновато, пока разберешься въ немъ.»

Въ королевскомъ же театрѣ была поставлена въ февралѣ 1853 г. моя пьеса «*Водяной духъ*». Композиторъ Глэзеръ написалъ къ ней музыку, богатую мелодіями чисто норвежскаго характера, и пьеса имѣла успѣхъ.

На Троицѣ я оставилъ Копенгагенъ и отправился пожить на лонѣ лѣсной природы, въ Сорё у Ингемана. Сюда, влекло меня мое сердце каждое лѣто еще съ того времени, когда я жилъ школьникомъ въ Слагельсе. И ничто здѣсь, включая и расположеніе ко мнѣ моихъ хозяевъ, не измѣнилось съ той поры! Дикій лебедь, какъ далеко ни залетаетъ, постоянно возвращается къ старому излюбленному мѣстечку на лѣсномъ озерѣ.

Ингеманъ извѣстенъ какъ самый популярный въ народѣ датскій поэтъ; его романы, на которые критики яростно набрасывались, не старѣются съ годами и постоянно читаются. Они находятъ себѣ читателей всюду и среди низшихъ, и среди высшихъ классовъ сѣверныхъ народовъ. Датскій крестьянинъ научился изъ нихъ любить свое отечество и уважать его исторію. Всѣ романы Ингемана проникнуты глубокимъ серьезнымъ чувствомъ, даже наименѣе популярные изъ нихъ; назову для примѣра «*Нѣмую дѣвушку*». Читая его, тоже какъ будто прислушиваешься къ шелесту могучаго дерева поэзіи, шелестящаго намъ о тѣхъ же событіяхъ, которыя мы сами пережили и о которыхъ наши внуки услышатъ изъ устъ стариковъ. Кромѣ того Ингеманъ обладалъ юморомъ и вѣчно юнымъ сердцемъ истиннаго поэта! Большое счастье познакомиться съ такимъ человѣкомъ и еще большее—обрѣсти въ немъ вѣрнаго, испытаннаго друга!

Начало весны въ этотъ годъ было дивно прекрасно; меня встрѣтили въ Сорё зеленый лѣсъ и пѣніе соловьевъ, но скоро роскошь природы потеряла для меня всякую прелесть. Настали скорбные, мрачные дни,—въ Копенгагенѣ разразилась холерная эпидемія. Меня уже не было тогда въ Зеландіи, но я получалъ вѣсти объ ужасахъ эпидеміи и о ея жертвахъ. Одною изъ первыхъ жертвъ былъ пасторъ Бойе; я былъ въ несказанномъ горѣ; въ послѣдніе годы мы такъ сблизились, я такъ полюбилъ его.

Но самымъ горестнымъ, несчастнѣйшимъ днемъ былъ для меня въ эту тяжелую пору день, который я именно предполагалъ провести въ радости и весельѣ. Я гостилъ въ Глорупѣ, и графъ Мольтке-Витфельдъ собирался праздновать свою серебряную свадьбу. Изъ постороннихъ на этотъ праздникъ былъ приглашенъ одинъ я—еще за годъ до того. На торжество собралось что-то до тысячи шестисотъ окрестныхъ крестьянъ, начались танцы, веселье... Гремѣла музыка, развѣвались флаги, взлетали ракеты, а я въ самый разгаръ праздника получилъ извѣстіе о смерти еще двухъ друзей. И на этотъ разъ ангелъ смерти посѣтилъ тотъ домъ, что былъ для меня роднѣе родного, домъ Коллина! «Всѣ мы»—говорилось въ письмѣ—переѣхали въ другое мѣсто, но Богъ знаетъ, что будетъ съ нами завтра!» И мнѣ показалось, будто я скоро лишусь всѣхъ, къ кому было привязано мое сердце... Я горько плакалъ у себя въ комнатѣ, а кругомъ весело гремѣла музыка, слышался топотъ танцующихъ, крики «ура», трескъ ракетъ... Силъ не было вынести все это! Ежедневно получались новыя скорбныя вѣсти; холера свирѣпствовала и въ Свендборгѣ, и мой докторъ и всѣ друзья мои совѣтовали мнѣ оставаться въ провинціи. Въ Зеландіи у меня не мало было друзей, радушно предлагавшихъ мнѣ свое гостепріимство.

Большую часть лѣта я провелъ въ Силькеборгѣ у Михаила Древсена. Но несмотря на самое сердечное гостепріимство, которымъ я тамъ пользовался, несмотря на всю прелесть окружавшей меня природы, я находился въ самомъ угнетенномъ состояніи. Больше всего мучила меня неизвѣстность относительно судьбы дорогихъ мнѣ лицъ. И какъ только эпидемія нѣсколько стихла, я поспѣшилъ опять вернуться къ своимъ друзьямъ въ Копенгагенъ.

Весною еще до начала эпидеміи, умеръ мой датскій издатель Рейцель. Дѣловыя отношенія между нами перешли съ годами въ тѣсную дружбу. Незадолго до смерти онъ рѣшилъ предпринять дешевое изданіе собранія моихъ сочиненій. Въ Германіи такое собраніе вышло уже лѣтъ семь тому назадъ; къ нему-то и была приложена «*Das Märchen meines Lebens*». Несмотря на то, что она представляла въ сущности лишь набросокъ «*Сказки моей жизни*», она возбудила за-границей большой интересъ, и въ «*Magasin für die Literatur des Auslandes*» появился о ней весьма сочувственный отзывъ, въ которомъ очеркъ мой ставился на ряду съ «*Wahrheit und Dichtung*» Гёте, «*Исповѣдью*» Руссо и «*Жизнью*» Юнга Штиллинга. Въ Англіи и Америкѣ «*Das Märchen meines Lebens*» была принята такъ же сочувственно. Теперь же мнѣ выпало на долю счастье издать собраніе моихъ сочиненій и на родномъ языкѣ, притомъ въ такіе годы, когда я еще сохранилъ свѣжесть и бодрость духа. Для меня это было тѣмъ важнѣе, что я могъ самъ привести все въ порядокъ и выбросить кое-какія засохшія вѣтви; автобіографія же моя могла дать всѣмъ моимъ трудамъ надлежащее освѣщеніе. При этомъ я не

захотѣлъ удовольствоваться перепечаткой очерка, изготовленнаго мною для нѣмецкаго изданія, а написалъ мою автобіографію заново, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитого. Я надѣялся, что краткія характеристики множества выдающихся личностей, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться и описаніе впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ жизни и окружающей меня обстановки, могутъ представить для потомства нѣкоторый историческій интересъ, равно какъ простое безыскусственное повѣствованіе о вынесенныхъ мною испытаніяхъ можетъ послужить источникомъ утѣшенія и ободренія для молодыхъ еще борющихся силъ.

Осенью 1853 г. я приступилъ къ работѣ. Въ Октябрѣ этого же года какъ разъ минуло 25 лѣтъ съ того времени, какъ я сдалъ университетскій экзаменъ. Въ послѣдніе годы вошло въ обычай праздновать такія—если можно такъ выразиться—серебрянныя студенческія свадьбы. Интереснѣе всего въ этомъ торжествѣ показалась мнѣ встрѣча со многими старыми товарищами, съ которыми давнымъ давно не приходилось встрѣчаться. Нѣкоторые растолстѣли до неузнаваемости, другіе состарѣлись и посѣдѣли, но глаза у всѣхъ горѣли въ эту минуту прежнимъ юношескимъ блескомъ. Эта встрѣча была для меня букетомъ всего торжества. Въ числѣ тостовъ былъ провозглашенъ проф. Клаусеномъ общій тостъ за Паллудана-Мюллера и меня, «за двухъ поэтовъ одного выпуска, которые успѣли занять прочныя и почетныя мѣста въ датской литературѣ».

Нѣсколько дней спустя, мнѣ доставили слѣдующій печатный циркуляръ:

«Среди студентовъ 1828 года, бывшихъ на торжествѣ 22 Октября, возникла мысль достойно увѣковѣчить память объ этомъ днѣ. Послѣ нѣкотораго обсужденія рѣшили, вспомнивъ «четырехъ великихъ и двѣнадцать маленькихъ поэтовъ» того года *), основать капиталъ имени «Андерсена—Паллудана-Мюллера», изъ котораго впослѣдствіи, когда онъ, благодаря ежегоднымъ взносамъ, достигнетъ извѣстныхъ размѣровъ, будетъ выдаваться стипендія нуждающемуся датскому поэту, не находящемуся на службѣ».

Что изъ всего этого выйдетъ, покажетъ будущее; мнѣ же дорого уже самое вниманіе, которое оказали мнѣ этимъ мои однокашники.

Въ началѣ слѣдующаго года я отправился за-границу, намѣреваясь провести весну въ Вѣнѣ, Тріестѣ и Венеціи.

Въ дорогомъ Максенѣ цвѣли вишни; Кенигштейнъ, Лиліенштейнъ и всѣ эти горы въ миніатюрѣ такъ и манили къ себѣ; казалось, что со времени моего послѣдняго пребыванія здѣсь прошла лишь одна долгая зимняя ночь, во время которой меня, однако, мучилъ кошмаръ-холера. На крыльяхъ пара пронеслись мы черезъ горы, долины; вотъ уже и башни Св. Стефана! Въ

*) См. стр. 57 этого же тома.

Вѣнѣ мнѣ предстояло снова послѣ многихъ лѣтъ встрѣтиться съ Дженни Линдъ-Гольдшмитъ. Мужъ ея, котораго я видѣлъ здѣсь впервые, отнесся ко мнѣ въ высшей степени сердечно, а славный крѣпышъ-сынокъ ихъ любопытно таращилъ на меня свои большіе глаза. Я опять услышалъ ея пѣніе. Та же душа, тотъ же дивный каскадъ звуковъ! Пѣсенка Таубера «Ich muss nun einmal singen, ich weiss nicht warum», просто создана для ея устъ, изъ которыхъ льются такія ликующія трели, какихъ не услышишь ни отъ соловья, ни отъ дрозда. Для этого нужна еще вдохновенная дѣтская душа; такъ можетъ пѣть одна Дженни Гольдшмитъ! Съ особенной силой проявляется ея талантъ въ драматическомъ пѣніи, но отнынѣ мы будемъ слышать ее только въ концертной залѣ: она покинула сцену. Это просто грѣхъ! Это съ ея стороны измѣна своей миссіи, возложенной на нее Богомъ.

Со смѣшаннымъ чувствомъ печали и радости понесся я въ Иллирію, въ страну, гдѣ разыгрываются многія изъ безсмертныхъ драматическихъ сценъ Шекспира, гдѣ его Віола находитъ свое счастье.

Тутъ при солнечномъ закатѣ мнѣ неожиданно представилось необычайно красивое зрѣлище: съ вершины высокой скалы открывался видъ на разстилавшееся внизу, озаренное краснымъ свѣтомъ, Адріатическое море. Тріестъ же при этомъ освѣщеніи казался еще мрачнѣе; газовые рожки уличныхъ фонарей только что зажглись, и улицы мерцали огненными контурами. Созерцающему это зрѣлище сверху кажется, что онъ сидитъ въ гондолѣ медленно спускающагося воздушнаго шара; сіяющее море, мерцающія улицы —все это, мелькающее въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, неизгладимо врѣзывается въ память.

Изъ Тріэста пароходъ въ какіе нибудь шесть часовъ доставляетъ васъ въ Венецію.

«Печальные обломки корабля, носящіеся по волнамъ», — вотъ впечатлѣніе, вынесенное мною изъ перваго посѣщенія Венеціи въ 1833 г. Теперь я прибылъ сюда во второй разъ; качка на Адріатическомъ морѣ совсѣмъ измучила меня; попавъ же въ Венецію, я какъ будто не высадился на берегъ, а только съ маленькаго судна пересѣлъ на большое. Единственно, что примирило меня съ Венеціей — желѣзная дорога, соединяющая молчаливый мертвый городъ съ живымъ материкомъ.

Венеція при лунномъ свѣтѣ — безспорно красивое зрѣлище, какой-то причудливый сонъ! Гондолы скользятъ между высокими палаццо, отражающимися въ водѣ, беззвучно словно челноки Харона. Днемъ же здѣсь не красиво: вода въ каналахъ мутная, засоренная кочерыжками, листьями салата и всякой всячиной; изъ трещинъ домовъ выглядываютъ водяныя крысы, солнце такъ и печетъ...

Съ радостью унесся я на крыльяхъ пара отъ этой сырой могилы. На материкѣ, точно развѣшанныя гирлянды по поводу какого-нибудь торже-

ства, всюду красовались виноградныя лозы. Темный кипарисъ указывалъ своимъ перстомъ на синее небо; путь нашъ лежалъ въ Верону. На ступенькахъ амфитеатра сидѣло на солнопекѣ нѣсколько сотъ зрителей, занявшихъ не Богъ вѣсть какое пространство этого исполинскаго амфитеатра. Они смотрѣли на представленіе, разыгрываемое на наскоро сооруженныхъ здѣсь подмосткахъ. Размалеванныя кулисы при яркомъ солнечномъ свѣтѣ такъ и рѣзали глазъ; оркестръ игралъ какую-то польку; все носило отпечатокъ пародіи, чего-то безконечно современно-жалкаго, разыгрываемаго среди этихъ остатковъ исчезнувшей римской древности.

Во время моего перваго пребыванія въ Венеціи, я былъ укушенъ скорпіономъ въ руку, теперь въ сосѣднемъ городѣ Веронѣ я опять подвергся нападенію этого насѣкомаго, укусившаго меня въ шею и въ щеку. Укушенные мѣста вспухли, горѣли, я очень страдалъ, и вотъ въ такомъ-то положеніи пришлось мнѣ увидѣть озеро Гарда, романтическій уголокъ Рива съ его плодородной виноградной долиной! Боль и лихорадка гнали меня впередъ. Ѣхали мы ночью, при яркомъ свѣтѣ луны, и такой романтическо-живописной дорогой, какой я ни разу еще не видывалъ прежде. Даже Сальваторъ Роза не могъ изобразить намъ на холстѣ ничего подобнаго. Вспоминаю о ней, какъ о дивномъ снѣ полной страданій ночи.

Черезъ Тріентъ, Бреннеръ и Инсбрукъ добрались мы, наконецъ, до Мюнхена. Тутъ я нашелъ и друзей, и заботливый уходъ. Лейбъ-медикъ короля, старикъ Гитль, не зналъ какъ и заботиться обо мнѣ, и, промучившись порядкомъ двѣ недѣли, я, наконецъ, настолько поправился, что могъ воспользоваться приглашеніемъ короля Макса пріѣхать къ нему въ замокъ Гогеншвангау, гдѣ онъ и супруга его проводили лѣто.

Можно было бы написать сказку объ эльфѣ альпійской розы, который, пролетая по росписнымъ заламъ Гогеншвангау, видитъ тамъ прелести, превосходящія даже красоту его цвѣтка. «Гогеншвангау—прекраснѣйшая альпійская роза, и пусть онъ навсегда останется цвѣткомъ счастья!» — вотъ что я написалъ здѣсь въ одномъ альбомѣ. Я провелъ здѣсь нѣсколько прекрасныхъ счастливыхъ дней. Король Максъ принялъ меня просто, какъ дорогого гостя. Благородный, высоко-интеллигентный король выказалъ мнѣ столько милостиваго участія, что я чувствовалъ себя какъ нельзя лучше. Онъ самъ представилъ меня королевѣ, урожденной принцессѣ Прусской, рѣдкой красавицѣ и необычайно женственной. Въ первый же день, послѣ обѣда, король пригласилъ меня сѣсть съ нимъ въ маленькую открытую коляску, и мы совершили прелестную прогулку въ самый австрійскій Тироль. На этотъ разъ я былъ избавленъ отъ докучливыхъ визировокъ паспорта; остановокъ не было; напротивъ, всѣ встрѣчные экипажи останавливались и давали намъ проѣхать. Прогулка наша по этимъ удивительно красивымъ живописнымъ мѣстамъ продолжалась нѣсколько часовъ, и король все время

съ самымъ сердечнымъ участіемъ бесѣдовалъ со мною о «*Das Märchen meines Lebens*», которую онъ недавно прочелъ. Я въ свою очередь сказалъ королю, что жизнь моя въ самомъ дѣлѣ часто кажется мнѣ богатою самыми удивительными, разнообразными приключеніями сказкою. То я сидѣлъ бѣднымъ, одинокимъ сиротою, то былъ желаннымъ гостемъ въ богатѣйшихъ домахъ, то надо мною глумились, то меня чествовали, да и настоящая минута, когда я,сидя рядомъ съ королемъ, ношусь по освѣщеннымъ солнцемъ Альпамъ, является сказочной главою въ исторіи моей жизни!

Затѣмъ разговоръ перешелъ на новѣйшую скандинавскую литературу, и я обратилъ вниманіе короля на то, какъ поэты—Мунхъ въ «*Саломонъ де Ко*», и Гаухъ въ «*Робертъ Фультонъ*» и «*Тихо Браге*» выдвинули этихъ передовыхъ людей своихъ эпохъ. Всѣ рѣчи короля дышали глубокимъ умомъ, чувствомъ и истиннымъ благочестіемъ, и эта бесѣда останется для меня незабвенной.

Вечеромъ я читалъ милой королевской четѣ сказку «*Подъ ивой*» и «*Истинная правда*». Вмѣстѣ съ ф. Дённигесомъ я восходилъ на одну изъ ближайшихъ горъ, откуда открывался видъ на окружающую величественную природу. Время пронеслось черезчуръ быстро! Съ чувствомъ умиленія и благодарности простился я съ милой королевской четою и Гогеншвангау, гдѣ—какъ мнѣ сказали при прощаніи—я всегда буду желаннымъ гостемъ. Я увезъ съ собой огромный букетъ изъ альпійскихъ розъ и незабудокъ.

Изъ Мюнхена я отправился домой черезъ Веймаръ. Карлъ-Александръ только что вступилъ на престолъ, и я поѣхалъ къ нему въ замокъ «*Wilhelmsthal*», находившійся близъ Эйзенаха. Здѣсь я провелъ въ обществѣ дорогого князя, среди прекрасной природы, въ самомъ сердцѣ Тюрингенскаго лѣса, нѣсколько безконечно счастливыхъ дней.

Скоро затѣмъ я опять былъ на родинѣ и усердно занялся изданіемъ собранія моихъ сочиненій. Кромѣ того была у меня еще и другая работа. Лѣтомъ я видѣлъ въ вѣнскомъ Бургъ-театрѣ народную комедію Мозенталя «*Der Sonnwendhof*»; она мнѣ очень понравилась, и я указалъ на нее Гейбергу, но онъ выказалъ полное равнодушіе; тогда я обратился къ Ланге; этотъ сразу заинтересовался и попросилъ меня передѣлать ее для Казино. Черезъ Дингельштедта я получилъ отъ автора и пьесу и разрѣшеніе на передѣлку ея. Она была поставлена подъ заглавіемъ «*Деревенской исторіи*» и имѣла большой и продолжительный успѣхъ.

«*Сказки*» мои, съ прекрасными иллюстраціями В. Педерсена, составили нѣчто вполнѣ законченное цѣлое, всѣ же вновь написанныя я издалъ подъ общимъ заглавіемъ «Исторій» *). Нѣсколько выпусковъ ихъ, появившихся

*) См. примѣчанія автора къ полному собранію сказокъ и разсказовъ Т. II. стр. 505.

въ англійскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «*A poet's day dreams*» (Сны поэта на яву) были встрѣчены въ «*The Athenæum*» (1853 г.) чрезвычайно теплымъ отзывомъ, заканчивавшимся такъ: «По оригинальности, юмору и искренности чувства разсказы А. являются единственными въ своемъ родѣ. Кто желаетъ убѣдиться въ этомъ, пусть прочтетъ: «*Пропащую*», «*Сердечное горе*», «*Подъ ивою*», и «*Истинную правду*». И если онѣ кому покажутся «пустячками», пусть тотъ самъ попытается создать что-нибудь до такой степени совершенное, изящное и граціозное. Конечно, сюжетъ ихъ въ большинствѣ случаевъ очень незначителенъ и обыкновененъ, но это не мѣшаетъ этимъ «пустячкамъ» являться исто-художественными произведеніями, и какъ таковыя онѣ заслуживаютъ искренняго привѣта со стороны каждаго, кому дорого истое искусство.»

Какъ разъ на этихъ дняхъ, когда мнѣ исполнится пятьдесятъ лѣтъ, и когда вышло въ свѣтъ собраніе моихъ сочиненій, въ «*Датскомъ Ежемѣсячникѣ*» появилась статья о нихъ г. Гримура Томсена. Глубина мысли и искренность чувства, проявленныя этимъ писателемъ въ его книгѣ о Байронѣ, характеризуютъ и эту статью. Видно, Господу Богу такъ было угодно, чтобы теперь, когда я кончаю эту, пока послѣднюю, главу изъ «*Сказки моей жизни*», сбылись сказанныя мнѣ въ дни тяжелыхъ испытаній, утѣшительныя слова Эрстеда! Родина тоже преподнесла мнѣ богатый букетъ признанія и поощренія!

Г. Гримуръ Томсенъ затрогиваетъ въ своей статьѣ какъ разъ тѣ струны, которыя лучше всего гармонируютъ съ основнымъ смысломъ моихъ сказокъ, этого главнаго рода моего творчества. И врядъ-ли можно объяснить только случайностью то совпаденіе, что авторъ, выясняя сущность и значеніе этихъ произведеній, беретъ примѣры все изъ «*Исторій*», т. е. изъ послѣднихъ моихъ произведеній. «А. держитъ въ своихъ разсказахъ веселый судъ надъ кажущимся и дѣйствительнымъ, надъ внѣшней оболочкой и внутреннимъ ядромъ. Въ нихъ замѣтно двойное теченіе: ироническое верхнее, которое играетъ въ лапту съ высшимъ и низшимъ, и глубокое серьезное нижнее, которое справедливо и правдиво ставитъ все на свое мѣсто. Вотъ исто-христіанскій юморъ!» Здѣсь ясно выражено именно то, что я всегда стремился высказать.

Сказка моей жизни развернулась теперь передо мною — богатая, прекрасная, утѣшительная! Даже зло вело къ благу, горе къ радости, и въ цѣломъ она является полной глубокихъ мыслей поэмой, какой я никогда не былъ въ силахъ создать самъ. Да, правда, что я родился подъ счастливой звѣздой! Сколько лучшихъ, благороднѣйшихъ людей моего времени ласкали меня и открывали мнѣ свою душу! Моя вѣра въ людей рѣдко была обманута! Даже тяжелые, горестные дни имѣли въ себѣ зародыши блага! И всѣ перенесенныя мною, какъ мнѣ казалось, несправедливости, каждая про-

тягивавшаяся мнѣ—часто нежелательно суровая—рука помощи въ концѣ концовъ всетаки вела къ благу!

По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ Богу, все печальное и горестное испаряется; остается лишь одно прекрасное; оно словно радуга сіяетъ на темномъ небосклонѣ. Пусть же люди, прочтя сказку моей жизни, отнесутся ко мнѣ снисходительно, какъ и я отношусь къ другимъ,—да такъ, навѣрное, и будетъ!

Такія признанія имѣютъ въ глазахъ всѣхъ добрыхъ и благомыслящихъ людей нѣчто напоминающее таинство исповѣди. Спокойно отдаю я себя на судъ людей. Вотъ сказка моей жизни! Разсказалъ я ее здѣсь откровенно и чистосердечно, какъ бы въ кружкѣ близкихъ друзей.

Г. Х. Андерсенъ.

Копенгагенъ 2 Апрѣля 1855 г.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
СКАЗКѢ МОЕЙ ЖИЗНИ *).

(1855—1867 г.).

Въ датское изданіе собранія моихъ сочиненій вошла и «*Сказка моей жизни*», заканчивающаяся днемъ моего рожденія, 2 Апрѣля 1855 г. Съ тѣхъ поръ прошло четырнадцать лѣтъ, богатыхъ событіями, радостями и горестями. Все, что имѣю сказать о нихъ, я разсказалъ въ предисловіи къ новому изданію собранія моихъ сочиненій на англійскомъ языкѣ, вышедшему въ Нью-Іоркѣ. Сидя у себя дома въ Копенгагенѣ, я разсказалъ о послѣднихъ годахъ моей жизни друзьямъ своимъ, живущимъ по ту сторону океана, разсказалъ какъ бы въ родномъ кружкѣ близкихъ, дорогихъ лицъ. Пусть теперь и здѣсь примутъ мой разсказъ такъ же благосклонно, какъ тамъ, пусть судятъ о немъ такъ же снисходительно и согласятся, что не тщеславіе руководитъ мною, когда я называю себя «баловнемъ счастья», но искреннее и смиренное удивленіе—за что Господь осыпалъ столькими милостями именно меня?!

Куда легче, однако, писать о дняхъ юности, нежели разсказывать о недавнихъ событіяхъ зрѣлыхъ лѣтъ жизни. Къ старости большинство людей становится дальнозоркими, лучше видитъ предметы въ дали; то же самое происходитъ и съ духовнымъ взоромъ людей, съ памятью. Не совсѣмъ-то легко также сохранить въ памяти всѣ картины въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдовали въ дѣйствительности, но и въ этомъ отношеніи мнѣ посчастливилось. По смерти Ингемана, вдова его вернула мнѣ всѣ мои письма къ нему, писанныя въ теченіи долгаго періода времени, начиная еще съ той поры, когда я сидѣлъ на школьной скамьѣ. Благодаря этимъ-то письмамъ, а также

*) Прибавленіе это издано въ 1877 г., т. е. два года спустя послѣ смерти А., Іонасомъ Коллиномъ, сыномъ друга А. Эдварда К. и внукомъ „отца и благодѣтеля“ А., Іонаса Коллина. Въ предисловіи издатель объясняетъ, что прибавленіе къ „*Сказкѣ моей жизни*“ взято изъ рукописи, подаренной авторомъ за нѣсколько лѣтъ до своей смерти отцу издателя Э. Коллину. А. намѣревался нѣсколько разработать и дополнить ее, но болѣзнь, унесшая его въ могилу, настолько уже надломила его силы, что онъ не могъ предпринять задуманной работы.—Примѣчанія издателя приводятся нами подъ буквами І. К. *Примѣч. перев.*

кое-какимъ отдѣльнымъ записямъ, я и могу теперь составить связное повѣствованіе о послѣднихъ годахъ моей жизни, начиная со 2-го Апрѣля 1855 г., дня, которымъ заканчивается «*Сказка моей жизни*».

Начну съ Ингемана и его жены, «старичковъ съ Лѣсного озера», какъ онъ написалъ на присланномъ мнѣ фотографическомъ снимкѣ съ его дома въ Сорё.

Ни разу не могъ я проѣхать мимо этого дома, чтобы не заѣхать къ милымъ старичкамъ и не погостить у нихъ. И весною 1855 г. первый мой полетъ былъ къ нимъ, въ тотъ домъ, гдѣ и я, и всякій, кто бывалъ здѣсь, какъ будто становился лучше, добрѣе. Престарѣлую чету соединяло глубокое нѣжное чувство. Супружеское счастье ихъ воскрешало передъ вами идилическую чету — Филемона и Бавкиду. Тихо, мирно текла ихъ семейная жизнь. Ингеманъ, кажется, никогда не созывалъ гостей, люди приходили къ нему сами, и часто собиралось цѣлое общество, но это не производило въ домашнемъ хозяйствѣ никакой суматохи, никакой суеты: столъ накрывался подъ шумокъ бесѣды словно самъ собою или услужливыми эльфами-невидимками. Душою бесѣды бывалъ обыкновенно самъ Ингеманъ. Особенно любилъ онъ разсказывать разныя исторіи о привидѣніяхъ, и разсказывалъ всегда съ самой лукавой миною, сразу выдававшей ихъ моментальное возникновеніе. Часто онъ безъ всякаго злого умысла вплеталъ въ эти исторія и дѣйствительныхъ лицъ. Пустой же болтовни о злобѣ дня и сплетенъ онъ сильно не долюбливалъ; злыхъ, безжалостныхъ критиковъ тоже крѣпко не жаловалъ. Они таки и насолили ему по поводу двухъ изъ его романовъ, пользовавшихся особеннымъ успѣхомъ въ публикѣ. Оба мы знали критику по опыту и разъ какъ-то, когда у насъ зашелъ разговоръ о ней, Ингеманъ разсказалъ мнѣ презабавную исторію, полную утѣшительной морали для насъ обоихъ.

У садовника академическаго сада, славнаго старика Ниссенъ была особая вѣжливая поговорка: «Такъ, такъ! Спасибо вамъ!» Но, отвѣчая такъ на всѣ замѣчанія и возраженія, онъ своего мнѣнія, однако, не мѣнялъ и дѣлалъ все по своему. «Знаете,—разсказывалъ Ингеманъ:—откуда онъ взялъ эту поговорку? О, это цѣлая исторія! Еще въ самомъ началѣ своей службы Ниссену приходилось выслушивать массу вздорныхъ замѣчаній. Одинъ говорилъ, что надо дѣлать такъ, другой, что—вотъ такъ, а онъ принималъ всѣ эти рѣчи къ сердцу и портилъ себѣ кровь. Вдругъ разъ и встрѣчаетъ онъ въ саду сѣренькаго человѣчка въ красной шапочкѣ, и тотъ его спрашиваетъ—кто онъ. «Я Ниссенъ!» отвѣчаетъ садовникъ. «Ниссенъ?» переспрашиваетъ человѣчекъ: «Да, ты зовешь себя такъ, но настоящій - то «*ниссенъ*» *) я! Я домовой, состоящій при академіи! Но что ты ходишь, носъ

*) „Ниссенъ“—духъ, играющій въ датской миѳологіи роль нашего домового.

Примѣч. перев.

повѣся?»—«Да вотъ, что́ я ни дѣлаю, все не ладно! Одинъ поетъ мнѣ одно, другой—другое; никакъ не угодишь на людей! Вотъ это-то меня и мучитъ!»—«Постой, я тебѣ помогу!» сказалъ домовой. «Но ты долженъ за это служить мнѣ недѣлю! Живу я за озеромъ; тамъ у меня есть садъ, такъ вотъ и походи за нимъ. Только смотри, тамъ много разныхъ диковинныхъ звѣрей въ клѣткахъ: обезьянъ, попугаевъ и какаду. Крикъ они подымутъ убійственный, но не укусятъ.»—«Ладно!» сказалъ Ниссенъ, пошелъ за домовымъ и цѣлую недѣлю ухаживалъ за его садомъ. Звѣри кричали все время на разные голоса. Недѣля пришла къ концу, и домовой спросилъ садовника—какъ же это онъ такой веселый и довольный; развѣ эти крикуны не досаждали ему? «Ну, ихъ-то крикъ я въ одно ухо впускаю, а въ другое выпускаю. Они все бранятъ меня, хулятъ все, что я ни сдѣлаю, а я себѣ усмѣхнусь, кивну имъ да скажу: «Такъ, такъ! Спасибо вамъ!» а потомъ дѣлаю свое дѣло по своему. Стоитъ обращать вниманіе на такихъ крикуновъ!» — «Такъ вотъ такъ же поступай и въ своемъ саду,—дѣлай свое дѣло!» И садовникъ послѣдовалъ совѣту домового, снова сталъ веселъ и всѣмъ теперь говоритъ: «Такъ, такъ! Спасибо вамъ!» Не принять ли эту поговорку къ свѣдѣнію и намъ?» закончилъ Ингеманъ съ лукавой усмѣшкой.

И такихъ исторійкъ у него былъ неистощимый запасъ. Вообще же онъ былъ человѣкъ мягкій, снисходительный. Все въ этомъ обиталищѣ истинной поэзіи дышало любовью къ отечеству, ко всему доброму и прекрасному, и я всегда чувствовалъ себя здѣсь «желаннымъ, дорогимъ гостемъ».

Быстро летѣли часы въ обществѣ милыхъ старичковъ у Лѣсного озера. Я отъ души наслаждался этою идиллическою жизнью, но потомъ опять ощутилъ зудъ въ крыльяхъ и улетѣлъ. Въ помѣстьяхъ Баснэсѣ и Гольштейнборгѣ меня всегда ожидало самое широкое гостепріимство, оттуда же я направился въ Максенъ, гдѣ пышно росло мое деревцо. Слѣдующее письмо мое къ Ингеману дополнитъ картину этого путешествія и пребыванія моего въ Максенѣ.

„Максенъ, 12 іюля 1855 г.

Милѣйшій Ингеманъ!

Вы помните изъ «*Сказки моей жизни*» мое деревцо въ Максенѣ, помѣстьѣ ф. Серре. Помѣстье находится у границъ Саксонской Швейцаріи. Мѣстоположеніе очень красивое. Деревцо мое растетъ прекрасно у самаго обрыва. Со скамеечки, поставленной подъ деревомъ, я съ высоты птичьяго полета смотрю на лежащее внизу большое селеніе и луга, гдѣ лежитъ въ стогахъ сѣно. Вдали видны голубыя горы Богеміи, а кругомъ меня все вишневыя и каштановыя деревья. Овцы ходятъ съ колокольчиками на шеяхъ; звонъ ихъ переноситъ меня на Альпы. Въ усадьбѣ Серре старинный роскошный домъ съ сводчатыми корридорами и величественной башней. Г-жа Серре относится ко мнѣ съ необыкновенной сердечностью и вниманіемъ. Въ этотъ

гостепріимный домъ постоянно наѣзжаютъ разныя знаменитости, извѣстности и другіе добрые люди; тутъ точно открытая для всѣхъ гостинница. Я здѣсь пользуюсь полной свободой, которую не вездѣ можно сохранить, если хочешь быть пріятнымъ гостемъ. Вотъ почему я и чувствую себя здѣсь особенно хорошо. Я въ эту поѣздку больше, чѣмъ когда-либо испыталъ, насколько я нуждаюсь, если не въ семейной жизни, то все же въ обществѣ людей, къ которымъ привязанъ; поэтому-то меня все меньше и тянетъ въ Италію. На родину я тоже врядъ ли вернусь къ зимѣ. Черезъ недѣлю я отправлюсь въ Мюнхенъ, а оттуда въ Швейцарію и уже заранѣе радуюсь возможности пожить среди альпійской природы. Далъ бы только мнѣ Богъ здоровья и бодрости душевной, въ чемъ я такъ нуждался во все время переѣзда сюда.»

Въ Мюнхенѣ меня уже ждало письмо отъ Ингемана, который сообщалъ мнѣ, какое удовольстіе доставила ему и другимъ моимъ друзьямъ только что вышедшая «*Сказка моей жизни*». Оканчивалось письмо такъ: «Теперь Вы, конечно, уже простились съ Вашимъ пышнымъ деревцомъ въ Максенѣ и тамошними друзьями, но Вы, вѣдь, всюду, куда только залетала Ваша сказочная птичка, найдете свѣжее зеленое деревцо, которое дастъ Вамъ пріютъ подъ своей сѣнью, и добрыхъ друзей по близости отъ него. Вы хотите сманить и меня пуститься на розыски такихъ деревьевъ и такихъ друзей, хотите, чтобы и я довѣрился плащу Фауста, или вѣрнѣе чудовищу, на спинѣ котораго Данте и Виргилій пролетали черезъ адъ, но я для этого слишкомъ старъ и неповоротливъ. Къ тому же теперь мимо насъ, мимо нашего озера, съ шумомъ и свистомъ пробѣгаетъ самъ міръ, а если гора подходитъ къ намъ, то намъ незачѣмъ, какъ Магомету, подходить къ ней. Теперь слѣдовало бы придѣлывать колеса къ домамъ поэтовъ, чтобы имъ можно было укатить туда, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ. Всякому, впрочемъ, свое. Вашъ же домъ на хвостѣ дракона-паровоза.»

Я однако, застрялъ въ Мюнхенѣ на довольно продолжительное время. Никогда я не забуду пріятныхъ часовъ, проведенныхъ мною у художника Каульбаха. У профессора Либиха слышалъ я чтеніе Гейбелемъ его собственной трагедіи «*Брунгильда*». Среди кружка избранныхъ слушателей находилась и замѣчательная нѣмецкая артистка. г-жа Зебахъ, которая должна была исполнять роль героини въ этой пьесѣ. Я видѣлъ ее въ нѣсколькихъ роляхъ, и ея игра доставила мнѣ величайшее удовольствіе. Мнѣ хотѣлось указать выдающейся артисткѣ на безобразную привычку публики вызывать по окончаніи трагедіи убитую героиню. Видѣть ее сейчасъ же улыбающеюся и раскланивающеюся — что можетъ быть противнѣе? Слѣдовало бы какой-нибудь талантливой артисткѣ положить этому обычаю конецъ, не выходить, какъ бы восторженно ее ни вызывали. Я и сказалъ это г-жѣ Зебахъ. Она согласилась со мною, и я попросилъ ее подать примѣръ.

Въ слѣдующій вечеръ шла драма «*Коварство и любовь*», г-жа Зебахъ

играла Луизу. Вотъ она приняла ядъ, и ее стали вызывать. Она не вышла. Я радовался. Вызовы все усиливались; она все крѣпилась; наконецъ крики и шумъ превратились въ настоящую бурю, и она показалась. Такъ я ничего и не добился.

Путешествіе для меня наслажденіе, даже необходимость, и бережливость моя и скромный образъ жизни на родинѣ не разъ давали мнѣ возможность удовлетворить этому влеченію. Но куда пріятнѣе было-бы—думалось мнѣ—имѣть побольше средствъ, чтобы можно было прихватить съ собою друга! Впрочемъ, удалось мнѣ разъ-другой и это, несмотря на всю скромность моихъ средствъ. Я часто получалъ отъ коронованныхъ особъ подарки—драгоцѣнныя булавки и перстни, и вотъ эти-то драгоцѣнности—да простятъ мнѣ мои высокіе друзья и порадуются со мною!—я отправлялъ къ ювелиру, получалъ за нихъ денежки и могъ сказать какому-нибудь молодому другу, еще не видавшему міра Божьяго: «Полетимъ вмѣстѣ на мѣсяцъ, на два, на сколько хватитъ деньжонокъ!» И свѣтлые, сіяющіе радостью глаза моихъ юныхъ спутниковъ доставляли мнѣ куда больше удовольствія, чѣмъ блескъ дорогихъ камней въ перстняхъ и булавкахъ. На этотъ разъ со мною ѣхалъ отъ Мюнхена Эдгаръ Коллинъ, и его живой интересъ ко всему, его юношеская веселость и вниманіе ко мнѣ скрасили мнѣ всю поѣздку.

Въ Цюрихѣ проживалъ тогда въ изгнаніи Вагнеръ. Я уже былъ знакомъ съ его музыкой, о чемъ говорилъ раньше. Зналъ я его и какъ человѣка изъ горячихъ сочувственныхъ разсказовъ о немъ Листа. Я отправился къ нему и былъ принятъ очень радушно. Изъ произведеній датскихъ композиторовъ онъ зналъ лишь произведенія Гаде и много говорилъ о музыкальномъ дарованіи послѣдняго. Затѣмъ онъ упомянулъ о композиціяхъ для флейты Кулау, но объ операхъ его не зналъ, Гартмана же зналъ только по имени. Я и постарался дать ему самыя обстоятельныя свѣдѣнія о датскомъ оперномъ и вообще музыкальномъ репертуарѣ. Вагнеръ слушалъ съ большимъ вниманіемъ. «Право, вы какъ будто разсказали мнѣ цѣлую сказку о музыкѣ, приподняли передо мною занавѣсъ, скрывавшій отъ меня міръ музыки по ту сторону Эльбы!» сказалъ онъ мнѣ. Затѣмъ я разсказалъ ему и о шведскомъ композиторѣ Бельманѣ, который какъ и Вагнеръ, самъ писалъ текстъ для своихъ музыкальныхъ произведеній, но, какъ композиторъ, являлся совершенною противоположностью Вагнеру. Вообще Вагнеръ произвелъ на меня впечатлѣніе геніальной натуры, какою онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

На возвратномъ пути домой я черезъ Кассель проѣхалъ въ Веймаръ, гдѣ, какъ и всегда, нашелъ тотъ же радушный пріемъ при дворѣ. Въ театрѣ какъ разъ собирались ставить оперу Гартмана «*Liden Kirsten*» подъ названіемъ «*Kleine Karin*». Опера была поставлена и удостоилась самыхъ лестныхъ похвалъ знатоковъ музыки.

Осенью я опять вернулся въ Копенгагенъ. Закончу эту главу отрывкомъ

изъ письма, посланнаго мною въ послѣднiй вечеръ этого года другу моему Ингеману: «На дворѣ не зима, но осенняя слякоть, дождь и вѣтеръ. Улицы, вѣрно, воображаютъ себя на берегахъ Нила,—увязаютъ въ такой же жидкой, жирной грязи. Мнѣ поэтому сидится дома, и если это настроенiе продержится, я, можетъ быть, кое-что и сдѣлаю. Хотѣлось бы мнѣ теперь, когда я кончилъ «*Сказку моей жизни*», начать новую жизнь чѣмъ-нибудь крупнымъ, чтó бы дѣйствительно стоило назвать «*произведенiемъ*». Дай Богъ, чтобы я долго еще сохранялъ подобно Вамъ свѣжесть силъ и любовь къ труду!»

1856 г.

Отвѣтъ отъ Ингемана я получилъ на второй же день Новаго Года. «Какъ это мило съ Вашей стороны протянуть руку своимъ друзьямъ въ Сорё какъ разъ въ вечеръ подъ Новый Годъ, такъ что Ваше дружеское пожатье дошло до насъ въ самый день Новаго Года. Вы вѣрный любящiй другъ, и мы цѣнимъ это.»

Годъ этотъ не былъ для меня, однако, такимъ свѣтлымъ и радостнымъ, какъ мнѣ того желалъ Ингеманъ.

Выдаются такiе дни, въ которые на васъ какъ будто обрушиваются всѣ бѣды разомъ; выдаются такiе-же и годы. Для меня такимъ былъ 1856 г. Каждая капля-день его была, казалось, полна крошечныхъ, но злыхъ инфузорiй-неудачъ, обидъ и огорченiй. Не стану разглядывать ихъ подъ микроскопомъ; они и подъ нимъ окажутся только чѣмъ-то вродѣ мелкихъ песчинокъ или насѣкомыхъ; но извѣстно, вѣдь, попадетъ такая штучка въ глазъ и—мучитъ и жжетъ пока не вынешь ее, а тогда скажешь только: «Этакая бездѣлица!»

Всѣ мои мысли и желанiя были направлены на одно — создать что-нибудь дѣйствительно выдающееся. Я вовсе не былъ тѣмъ «благочестивымъ, мечтательнымъ ребенкомъ», какимъ называлъ меня Сиббернъ. Я пережилъ не одинъ приступъ борьбы съ религiозными сомнѣнiями; вѣра и знанiе часто сталкивались въ тайникахъ моего сердца. Я и написалъ романъ на эту тему, затрогивавшiй также эпоху недавно минувшей войны, «*Быть или не быть*». Приготовляясь писать его, я потратилъ много, слишкомъ много и силъ и времени на прiобрѣтенiе разныхъ свѣдѣнiй, перечелъ массу книгъ о матерiализмѣ и посѣщалъ лекцiи о матерiализмѣ профессора Эшрихта.

Лѣтомъ я опять предпринялъ поѣздку въ Максенъ, а осенью вернулся въ Копенгагенъ и снова засѣлъ за «*Быть или не быть*», отъ котораго ожидалъ себѣ много радости. Впослѣдствiи, однако, выяснилось, что все, что являлось въ этомъ романѣ результатомъ моихъ усидчивыхъ научныхъ занятiй, имѣло гораздо меньше успѣха, нежели все поэтическое, являвшееся непосредственнымъ результатомъ дарованнаго мнѣ Богомъ поэтическаго таланта.

1857 г.

Вдовствующая королева Каролина-Амалія была одною изъ первыхъ, кому я прочелъ свой новый романъ. Она, какъ и покойный царственный супругъ ея, всегда относилась ко мнѣ особенно милостиво. Я опять былъ приглашенъ провести нѣсколько дней въ прекрасномъ Соргенфри, пріѣхалъ туда какъ разъ въ началѣ весны, и деревья распустились уже при мнѣ. Каждый вечеръ я прочитывалъ королевѣ вслухъ по нѣскольку главъ изъ моего романа, затрогивавшаго тяжелыя, но въ то же время и возвышающія душу знаменательныя событія послѣдней войны. Часто королева казалась глубоко растроганной, а когда дослушала романъ до конца, выразила мнѣ свои искреннее одобреніе и признательность. Королева принадлежитъ къ числу тѣхъ благородныхъ, свѣтлыхъ личностей, которыя невольно заставляютъ тебя забывать ихъ высокій санъ изъ-за ихъ прекрасныхъ личныхъ качествъ. Однажды вечеромъ мы предприняли прогулку въ экипажахъ вдоль берега. Я ѣхалъ во второмъ экипажѣ съ двумя придворными дамами. Когда экипажъ королевы поровнялся съ мѣстечкомъ, гдѣ играла куча ребятишекъ, тѣ узнали ее, выстроились въ рядъ и прокричали ей «ура». Немного погодя подъѣхали и мы. «Это Андерсенъ!» закричали малыши и тоже проводили меня дружнымъ «ура». По возвращеніи въ замокъ, королева, улыбаясь, сказала мнѣ: «Мы съ вами, кажется, одинаково знакомы дѣтямъ. Я слышала «ура!»

Прогуливаясь по улицамъ Копенгагена, я часто вижу въ окнахъ привѣтливо кивающія мнѣ дѣтскія головки. А разъ я увидѣлъ на противоположной сторонѣ улицы богато-одѣтую даму съ тремя мальчиками. Самый маленькій вдругъ вырвался отъ матери, перебѣжалъ черезъ улицу ко мнѣ и подалъ мнѣ руку. Мать позвала его назадъ и сказала ему—какъ разсказывали мнѣ послѣ:—«Какъ ты смѣешь заговаривать съ чужимъ господиномъ!» А мальчикъ отвѣтилъ: «Да это вовсе не чужой! Это Андерсенъ! Его всѣ мальчики знаютъ!»

Этою весною минуло ровно десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ Англіи. Въ этотъ промежутокъ времени Диккенсъ частенько радовалъ меня своими письмами, и теперь я рѣшился принять его радушное приглашеніе.

Какъ я былъ счастливъ! Это пребываніе въ гостяхъ у Диккенса навсегда останется самымъ свѣтлымъ событіемъ въ моей жизни. Черезъ Голландію я проѣхалъ во Францію и изъ Калэ переправился въ Дувръ. Въ Лондонъ я прибылъ съ утреннимъ поѣздомъ и сейчасъ же поспѣшилъ на Сѣверный вокзалъ, чтобы отправиться на станцію Хайгэмъ. Высадившись здѣсь, я не нашелъ ни одного экипажа и потащился въ Гадсхилль къ Диккенсу пѣшкомъ, сопровождаемый желѣзнодорожнымъ носильщикомъ съ моимъ багажомъ. Диккенсъ встрѣтилъ меня съ сердечной радостью. На видъ онъ сталъ

чуть постарше, но это зависѣло отчасти отъ бороды, которую онъ отпустилъ себѣ. Глаза же блестѣли попрежнему, на губахъ играла та же улыбка, голосъ былъ такъ же звученъ и задушевенъ—сталъ даже, если возможно, еще задушевнѣе. Диккенсъ находился въ самой лучшей своей порѣ; ему шелъ сорокъ пятый годъ; онъ былъ такъ моложавъ, такъ живъ, такъ краснорѣчивъ и полонъ юмора, согрѣтаго искреннимъ чувствомъ. Я не могу вѣрнѣе охарактеризовать Диккенса, чѣмъ сдѣлалъ это въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ о немъ на родину: «Возьмите изъ твореній Диккенса все лучшее, создайте себѣ изъ этого образъ человѣка, вотъ вамъ и Чарльзъ Диккенсъ!» И какимъ онъ показался мнѣ въ первыя минуты нашей встрѣчи, такимъ же остался онъ въ моихъ глазахъ и до конца.

За нѣсколько дней до моего пріѣзда умеръ одинъ изъ друзей Диккенса, драматургъ Дугласъ Джеррольдъ, и чтобы собрать въ пользу вдовы нѣсколько тысячъ фунтовъ ст. Диккенсъ, Бульверъ, Тэккерэй и актеръ Макрэди рѣшили организовать серію публичныхъ чтеніи и спектаклей. Хлопоты по устройству того и другого часто заставляли Диккенса ѣздить въ Лондонъ и проводить тамъ по нѣскольку дней. Я иногда сопровождалъ его и оставался съ нимъ въ его прекрасно устроенномъ зимнемъ домѣ. Вмѣстѣ съ Диккенсомъ и его семьею присутствовалъ я также на празднествѣ въ честь Генделя въ Хрустальномъ дворцѣ. Удалось мнѣ здѣсь впервые—такъ же какъ и Диккенсу—увидѣть и несравненную трагическую актрису Ристори въ итальянской трагедіи «*Камма*» и въ роли Лэди Макбэтъ. Особенно поразила она насъ вь послѣдней роли. Въ ея исполненіи была такая потрясающая психологическая правда; оно наводило ужасъ, но въ то же время и не переступало границъ изящнаго. Театральный директоръ Кинъ, сынъ знаменитаго актера, ставилъ пьесы Шекспира съ небывалою роскошью; я видѣлъ первое представленіе «*Бури*», которая была обставлена изумительно, даже до излишества роскошно. Смѣлое твореніе поэта каменѣло въ этой обстановкѣ, живыя слова глохли, и духовная жажда зрителей не была насыщена; божественный нектаръ поэзіи забывался ради драгоцѣннаго золотого сосуда, въ которомъ его подносили. Твореніе Шекспира, художественно разыгранное хотя бы среди трехъ голыхъ стѣнъ, могло бы доставить мнѣ куда больше наслажденія, чѣмъ это представленіе, когда самое творенье, оттѣсненное роскошною обстановкою, отступало на заднiй планъ.

Изъ спектаклей, данныхъ въ пользу вдовы Джеррольда, особенно свѣтлое воспоминаніе оставило во мнѣ представленіе романтической драмы Уильки Коллинза «*The frozen deep*», главныя роли въ которой исполняли самъ авторъ и Диккенсъ.

Въ домѣ Диккенса часто давались драматическія представленія для кружка добрыхъ друзей. Королева давно желала видѣть такой спектакль, и, по ея волѣ, онъ и былъ устроенъ въ маленькомъ театрѣ «*The gallery of*

illustration». Присутствовали, кромѣ королевы, принца Альберта, королевскихъ дѣтей, принца прусскаго и короля бельгійскаго, только небольшой кружокъ ближайшихъ родственниковъ участниковъ спектакля. Изъ дома Диккенса были только его жена, теща, да я.

Диккенсъ исполнилъ свою роль въ драмѣ съ захватывающею правдой, обнаруживъ огромный драматическій талантъ. Маленькій фарсъ «*Two o' clock in the morning*» былъ безподобно увлекательно разыгранъ Диккенсомъ и издателемъ «*Понча*» Маркомъ Лемонъ, который впослѣдствіи съ большимъ успѣхомъ выступалъ въ роли Фальстафа.

На дачѣ у Диккенса, познакомился я также съ богатѣйшею женщиною въ Англіи, миссъ Бурдетъ Кутсъ, о которой всѣ отзывались, какъ о благороднѣйшей личности, дѣлавшей много добра. Она пригласила меня погостить у нея въ Лондонѣ. Я принялъ приглашеніе и провелъ въ этомъ исполненномъ роскоши домѣ нѣсколько дней, но лучше всего показалась мнѣ въ немъ всетаки сама милая, въ высшей степени женственная и любезная хозяйка его. *)

Какъ ни разнообразна и богата впечатлѣніями была для меня жизнь въ Лондонѣ, я всетаки всегда съ большою радостью возвращался въ уютное лѣтнее помѣщеніе Диккенса. Какъ славно чувствовалъ я себя въ кругу семьи Диккенса! Я провелъ тамъ счастливѣйшіе часы въ жизни, но выдавались среди нихъ и непріятныя, тяжелыя минуты, вызванныя извѣстіями съ родины. Особенно памятна мнѣ теперь одна приведшая меня въ самое дурное настроеніе критика на «*Быть или не быть*». Но даже и эта непріятность явилась для меня источникомъ радости, доставивъ мнѣ случай лишній разъ убѣдиться въ сердечномъ расположеніи ко мнѣ Диккенса. Узнавъ отъ членовъ своей семьи, что я разстроенъ, онъ пустилъ цѣлый фейерверкъ остротъ и шутокъ, но такъ какъ это не совсѣмъ еще освѣтило мрачные углы моей души, то онъ заговорилъ со мною серьезно и своими задушевными, сердечными рѣчами, снова поднялъ мой духъ, возбудивъ во мнѣ горячее желаніе сдѣлаться достойнымъ такого горячаго признанія моего дарованія. Глядя въ ласковые сіяющіе глаза друга, я почувствовалъ, что долженъ благодарить «строгаго критика», доставившаго мнѣ одну изъ лучшихъ, прекраснѣйшихъ минутъ въ жизни.

*) Изъ устныхъ разсказовъ А. объ этомъ посѣщеніи припоминаю одинъ фактъ, довольно ярко характеризующій какъ самого А. такъ и его гостепріимную хозяйку и ея прислугу. А. привыкъ спать на постели съ очень высокимъ изголовьемъ. Постель въ домѣ миссъ Кутсъ оказалась постланной не по его вкусу; А. желалъ, чтобы ее перестлали и главное прибавили подушекъ, но горничная и лакей миссъ Кутсъ смотрѣли такъ неприступно, что А. не рѣшился попросить объ этомъ ихъ, а пошелъ къ самой хозяйкѣ. Объясненіе А. очень разсмѣшило ее, и она съ помощью А. собственноручно исправила его постель. І. К.

Слишкомъ скоро пролетѣли эти счастливые дни! Насталъ часъ разлуки. Прежде чѣмъ вернуться въ Данію мнѣ предстояло еще присутствовать на торжествѣ въ честь величайшихъ поэтовъ Германіи: меня пригласили въ Веймаръ на открытіе памятниковъ Гёте, Шиллеру и Виланду.

Раннимъ утромъ Диккенсъ велѣлъ заложить лошадь въ маленькую колясочку, самъ сѣлъ за кучера и повезъ меня въ Майдстонъ, откуда я по желѣзной дорогѣ долженъ былъ отправиться въ Фалькстонъ. Еще раньше начертилъ онъ мнѣ подробную карту и маршрутъ. Во время пути онъ велъ оживленный, задушевный разговоръ, но я не могъ вымолвить почти ни слова, удрученный мыслью о предстоящей разлукѣ. На вокзалѣ мы обнялись, и я взглянулъ—можетъ быть, въ послѣдній разъ—въ его полные жизни и чувства глаза! Я восхищался въ немъ писателемъ и любилъ человѣка! Еще одно рукопожатіе и—онъ уѣхалъ, а меня умчалъ поѣздъ. «Конецъ, конецъ!.. И всѣмъ исторіямъ бываетъ конецъ!»

Изъ Максена я послалъ Диккенсу письмо:

«Дорогой, безцѣнный другъ!

Наконецъ-то я могу написать Вамъ! Долго я собирался, слишкомъ даже долго, но все это время Вы были у меня въ памяти, каждый часъ! Вы и Ваша семья составляете теперь какъ бы частицу моей души. И какъ же можетъ быть иначе: годы любилъ я Васъ, восхищался Вами, читая Ваши произведенія, теперь же знаю Васъ самихъ. Никто изъ Вашихъ друзей не можетъ быть привязанъ къ Вамъ искреннѣе, чѣмъ я. Послѣднее посѣщеніе Англіи и пребываніе у Васъ навсегда останутся въ моей памяти самымъ свѣтлымъ пунктомъ моей жизни. Оттого-то я и пробылъ у васъ такъ долго, оттого такъ и тяжело мнѣ было проститься съ Вами. Я былъ такъ удрученъ во все время пути, что почти не могъ даже отвѣчать Вамъ; я чуть не плакалъ. Вспоминая теперь о нашемъ прощаньѣ, я живо представляю себѣ, какъ тяжело Вамъ было, нѣсколько дней спустя, проститься на цѣлыхъ семь лѣтъ съ Вашимъ сыномъ Вальтеромъ. Не могу выразить Вамъ, если бы даже писалъ теперь по-датски, какъ счастливъ я былъ, гостя у васъ въ домѣ, и какъ я признателенъ Вамъ. Вы ежеминутно давали мнѣ доказательства своего расположенія ко мнѣ и какъ другъ, и какъ радушный хозяинъ. И будьте увѣрены, что я умѣю цѣнить это. Ваша жена также приняла меня очень сердечно, а, вѣдь, я былъ для нея совсѣмъ чужимъ. Я отлично понимаю, что для семьи ровно ничего не можетъ быть пріятнаго въ томъ, что въ ней вдругъ ни съ того, ни съ сего поселится на нѣсколько недѣль посторонній человѣкъ, да еще вдобавокъ такъ дурно говорящій по-англійски, какъ я. Но какъ мало давали мнѣ это почувствовать! Благодарю за это Васъ всѣхъ! Бэби сказалъ мнѣ въ первый денъ по моемъ пріѣздѣ: «J will put you out of the window!» (Я выкину васъ за окно), но потомъ онъ говорилъ, что хочетъ «put» меня «in of the window!» (въ комнату), и я отношу его слова ко всей семьѣ.—

Я пишу это письмо рано утромъ. Право, я какъ будто самъ приношу его Вамъ, вновь стою у васъ въ комнатѣ въ Гадсхилѣ и, какъ въ первый день по пріѣздѣ, любуюсь въ окно цвѣтущими розами и зелеными полями, вдыхаю запахъ кустовъ дикихъ розъ, доносящійся съ лужайки, гдѣ играютъ въ крокетъ Ваши сыновья... О сколько-то времени, сколько еще событій отдѣляютъ меня отъ той минуты, когда я увижу все это вновь въ дѣйствительности,—если только она наступитъ когда-нибудь! Но, что̀ бы ни случилось, мое сердце навсегда сохранитъ къ Вамъ ту же любовь и благодарность, мой дорогой, великій другъ. Поскорѣе порадуйте меня письмомъ, напишите, если прочли «*Бытъ или не бытъ*», что Вы о немъ думаете. Забудьте великодушно мои недостатки, которые я, быть можетъ, обнаружилъ во время нашей совмѣстной жизни; мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы Вы сохранили добрую память о любящемъ Васъ, какъ друга, какъ брата, и неизмѣнно преданномъ

Г. Х. Андерсенѣ.»

Скоро я получилъ отъ Диккенса сердечное письмо съ поклонами отъ всей семьи и даже отъ стараго могильнаго памятника*) и собаки пастуха. Потомъ письма стали приходить все рѣже, а въ послѣдніе годы и совсѣмъ прекратились. «Конецъ, конецъ! И всѣмъ исторіямъ бываетъ конецъ!»

Но опять къ событіямъ моей жизни.

Въ Веймарѣ все сіяло праздничнымъ блескомъ; изо всѣхъ уголковъ Германіи стекались на торжество делегаты и простые зрители. Первые германскіе артисты были приглашены участвовать въ парадномъ спектаклѣ. Были даны сцены изъ второй части «*Фауста*» и прологъ, написанный для даннаго случая Дингельштедтомъ. При дворѣ же было дано еще нѣсколько праздниковъ, на которыхъ присутствовали и князья и представители искусствъ. Открытіе памятниковъ Гёте, Шиллеру и Виланду состоялось при прекрасной солнечной погодѣ. По снятіи съ нихъ покрывала, я былъ свидѣтелемъ слѣдующей поэтической игры случая: бѣлая бабочка долго порхала между статуями Шиллера и Гёте, какъ бы не рѣшаясь, на чью голову спуститься, какъ символъ безсмертія. Наконецъ, она взвилась кверху и потонула въ лучахъ солнца. Я разсказалъ этотъ случай великому герцогу, одному близкому родственнику Гёте и сыну Шиллера.—Послѣдняго я спросилъ однажды—правда-ли, что я, какъ говорятъ многіе въ Веймарѣ, напоминаю его отца. Онъ отвѣтилъ, что это правда, но что напоминаю я его главнымъ образомъ фигурой, походкой и манерами. «Лицомъ мой отецъ,—сказалъ онъ:—мало походилъ на Васъ; у него были большіе голубые глаза и рыжіе волосы». Послѣдняго я никогда не слыхалъ раньше.

*) Старая полуразрушившаяся колонна, которую Диккенсъ въ шутку звалъ „Андерсеновскимъ памятникомъ." *І. К.*

Обратный путь домой я предпринялъ черезъ Гамбургъ. Тамъ была холера. Я прибылъ въ Киль и здѣсь узналъ, что эпидемія опять появилась и въ Даніи, и особенно сильна въ Корсёрѣ, куда я какъ разъ долженъ былъ прибыть на пароходѣ. Погода выдалась хорошая, переѣздъ поэтому былъ очень коротокъ,такъ что мы прибыли въ Корсёръ задолго до отхода поѣзда, и я всетаки нѣсколько часовъ провелъ на вокзалѣ, гдѣ было большое скопленіе отъѣзжающихъ изъ мѣстныхъ зрителей.

Въ Копенгагенѣ докторъ мой встрѣтилъ меня вопросомъ—зачѣмъ меня принесло сюда, гдѣ было уже нѣсколько случаевъ смерти отъ холеры, и я опять уѣхалъ въ провинцію, сначала въ Сорё къ Ингеману, а оттуда въ гостепріимный Баснэсъ. Въ ближайшемъ городкѣ Скьэльскёрѣ,однако,тоже была холера; я этого не зналъ, но всетаки мнѣ было что-то не по себѣ. Когда я опять обрѣлъ душевное равновѣсіе, я увлекся идеей новой фантастической пьесы «*Блуждающій огонекъ*». Ингеману идея эта очень нравилась, но дальше легкаго наброска дѣло всетаки не пошло, и, лишь много лѣтъ спустя, эта идея вылилась у меня въ совершенно иной формѣ — въ сказкѣ «*Блуждающіе огоньки въ городѣ!*»

Директоръ королевскаго театра поручилъ мнѣ написать прологъ для торжественнаго спектакля. Сказать его долженъ былъ нашъ первый трагикъ. Въ послѣдніе годы этотъ прекрасный артистъ сталъ, однако, слабъ памятью и часто путалъ свои реплики. Я боялся, что то же случится и на этотъ разъ; такъ и вышло. Артистъ произнесъ прологъ своимъ чуднымъ, звучнымъ голосомъ, но съ такими пропусками, что въ моихъ глазахъ отъ параднаго знамени моего пролога остались одни лохмотья! Критика, говоря о празднествѣ, похвалила прекрасную читку любимаго артиста, но прибавила, что «въ сказанномъ было очень мало связи». Разумѣется, вина за это падала ужъ не на любимаго актера, а на поэта! На другой день я напечаталъ прологъ, чтобы люди прочли его и увидѣли въ чемъ дѣло, но, конечно, это явилось уже «post festum». Случай этотъ давно былъ бы забытъ мною, если бы слѣдующее письмо Ингемана не служило какъ бы поэтической виньеткою къ нему, воскрешающею забытое:

«Сорё. 2 день Рождества 1857 г.

Счастливаго Рождества и такого же Новаго Года! И въ новомъ году ужъ не давать надъ собой власти хандрѣ, не позволять своему хорошему расположенію духа покрываться паутиною! Взгляните на млечный путь, вспомните великую богатую сказку жизни вселенной, прослѣдите ее черезъ всѣ фазисы существованія до послѣдняго дня, и давайте возблагодаримъ Бога за безконечное великолѣпіе, которое Онъ уготовалъ намъ и по эту и по ту сторону жизни, и сдунемъ радостнымъ вздохомъ всѣ паутинки мелкихъ планетъ! Поэзія, слава Богу, лучшій воздушный корабль, нежели всѣ тѣ пестрые воздушные шары, на которыхъ акробаты-виртуозы ежедневно то поды-

маются, то опускаются, согласно непостоянному и часто призрачному aura popularis. Если Вамъ теперь удастся поймать Вашъ «*Блуждающій огонекъ*», то пусть онъ освободитъ Васъ отъ этого паука-демона, который опутываетъ насъ всевозможными паутинками мелочей житейскихъ! Я попытался сдѣлать это въ своемъ романѣ «*Четыре рубина*», но идея не вылилась у меня достаточно ярко. Старѣешься, и самыя идеи становятся какими-то худосочными, не облекаются въ плоть и въ кровь, безъ которыхъ всетаки нельзя обойтись на этомъ свѣтѣ. Порадуйте же насъ поскорѣе извѣстіемъ, что Вы снова смѣло и радостно воспарили къ небесамъ поэзіи.

Вашъ сердечно преданный
Ингеманъ».

1858 г.

Въ послѣдніе годы мнѣ такъ часто говорили, что я вынужденъ былъ наконецъ повѣрить—будто сказки мои въ моемъ собственномъ чтеніи получаютъ особенно яркій колоритъ. И чѣмъ многочисленнѣе бываетъ кружокъ слушателей, тѣмъ чтеніе больше удается мнѣ, и все же я всякій разъ приступаю къ нему съ невѣроятнымъ страхомъ. Въ первое время я даже проводилъ всегда безсонную ночь въ ожиданіи чтенія, а въ самый вечеръ его меня просто била лихорадка. И страхъ возбуждала во мнѣ не какая-нибудь отдѣльная личность изъ слушателей, хотя бы и очень значительная сама по себѣ; нѣтъ, меня пугала толпа, масса. Она какъ будто окутывала меня туманомъ, сковывала по рукамъ, по ногамъ. А, между тѣмъ, она всегда награждала меня шумными знаками одобренія.

Въ послѣдніе годы у насъ въ Копенгагенѣ основался «Рабочій союзъ», прототипъ нынѣ существующаго. Во главѣ лицъ, ратовавшихъ за устройство въ этомъ кружкѣ публичныхъ чтеній и лекцій общеполезнаго содержанія, стояли профессоръ Горнеманъ и редакторъ Билле. Они-то и обратились ко мнѣ съ просьбой прочесть въ кружкѣ нѣсколько моихъ сказокъ.

То было тревожное, тяжелое время. Желающихъ послушать чтеніе было гораздо больше, нежели могла вмѣстить зала кружка, и они тѣснились къ окнамъ, требуя, чтобы ихъ отворили. Такое обстоятельство еще больше взволновало меня, и безъ того робкаго по природѣ. Но какъ только я взошелъ на каѳедру, весь страхъ мой прошелъ. Я предпослалъ чтенію нѣсколько вступительныхъ словъ:

«Въ числѣ прочихъ чтеній, которыя предполагается устраивать въ кружкѣ, признано нужнымъ удѣлить мѣсто и чтенію поэтическихъ произведеній, открывающихъ передъ нашими глазами и сердцами міръ красоты, истины и добра.

Въ англійскомъ флотѣ, по всѣмъ снастямъ, и большимъ и малымъ, проходитъ красная нить, указывающая на принадлежность флота коронѣ; по

всѣмъ событіямъ и проявленіямъ человѣческой жизни тоже проходитъ невидимая нить, указывающая, что мы принадлежимъ Богу.

Найти эту нить и въ маломъ и въ великомъ, въ нашей собственной жизни и во всемъ окружающемъ насъ—и помогаетъ намъ поэзія самыми разнообразными путями. Гольбергъ достигаетъ цѣли своими комедіями, рисуя намъ людей своего времени со всѣми ихъ недостатками и смѣшными сторонами, и комедіи эти учатъ насъ многому. Въ старину той же цѣли достигали главнымъ образомъ сказками. Въ самой библіи мудрыя истины часто облечены въ форму такъ называемыхъ параболъ и притчъ. Теперь мы всѣ знаемъ, что суть послѣднихъ не въ словахъ, но во внутреннемъ смыслѣ, въ той невидимой нити, которая проходитъ также и въ нихъ. Мы знаемъ, что эхо, которое раздается, какъ намъ чудится, изъ стѣны, изъ лѣса, изъ холмовъ, не исходитъ на самомъ дѣлѣ изъ стѣны, изъ лѣса или изъ холмовъ, но является отзвукомъ нашего собственнаго голоса. Вотъ такъ же и въ сказкахъ надо искать отраженія насъ самихъ, стараться извлечь изъ нихъ ту пользу и удовольствіе, какія только можемъ. Поэзія идетъ объ руку съ наукой — тоже открываетъ намъ міръ красоты, истины и добра. Вотъ почему мы и прочтемъ теперь нѣсколько сказокъ».

И я началъ читать. Слушали меня съ большимъ вниманіемъ; время отъ времени слышались отдѣльныя наивныя, полныя искренняго чувства восклицанія. Я былъ очень радъ и доволенъ, что согласился читать. Впослѣдствіи я читалъ еще нѣсколько разъ, и моему примѣру послѣдовали и другіе писатели.

Въ 1860 г. «Рабочій союзъ» расширилъ свою дѣятельность. Я продолжалъ читать тамъ по зимамъ, и всякій разъ меня встрѣчали тѣ же знаки сердечнаго участія и вниманія. Многіе датскіе писатели и поэты, а также наиболѣе выдающіеся артисты стали читать для рабочихъ поэтическія и драматическія произведенія. На одномъ изъ торжественныхъ обѣдовъ, которыми ежегодно отмѣчался день основанія союза, былъ провозглашенъ прочувствованный тостъ за украшеніе датской сцены, теперь уже умершаго артиста Михаэля Віэ. Было сказано между прочимъ, что онъ первый «прорубилъ ледъ» и принесъ «Союзу рабочихъ» дары поэзіи, показавъ этимъ примѣръ другимъ. Дѣйствительно по преобразованіи кружка въ 1860 г. Віэ первый выступилъ въ кружкѣ, какъ чтецъ, и читалъ, если не ошибаюсь, какую-то поэму Эленшлегера. Но еще въ 1858 г., когда союзъ только что основался, «прорубилъ ледъ» я, и этой чести я не желаю уступить никому.

Первыя свои сказки я еще студентомъ читалъ въ «Союзѣ студентовъ». Съ тѣхъ поръ прошли годы. Теперь въ 1858 г., я читалъ ихъ опять, и на этотъ разъ мнѣ было оказано столько искренняго, лестнаго вниманія, что весь мой страхъ—читать передъ такимъ большимъ собраніемъ, если и не

исчезъ совершенно, то и не помѣшалъ мнѣ, всетаки, проникнуться отраднымъ сознаніемъ, что я читаю для молодыхъ отзывчивыхъ сердецъ, для здоровыхъ, не испорченныхъ натуръ. И это сознаніе превращало для меня такіе вечера въ счастливыя мгновенія.

Въ послѣдніе годы къ каждому Рождеству или же въ началѣ весны обыкновенно выходилъ новый выпускъ моихъ сказокъ. На желтой обложкѣ книжекъ красовалась виньетка: летящій аистъ съ весною на спинѣ. Послѣдній вышедшій выпускъ заключалъ одну изъ самыхъ крупныхъ по объему сказокъ «*Дочь болотнаго царя*». Вотъ что писалъ мнѣ о ней Ингеманъ:

„Сорё 10 Апрѣля 1858 г.

Дорогой другъ!

Счастливый Вы человѣкъ! Начнете рыться въ уличной канавѣ — найдете жемчужину! А теперь вотъ нашли драгоцѣнный камень въ тинѣ! Что это за благодѣтельный геній фантазіи, который подноситъ намъ къ носу розу тамъ, гдѣ пахнетъ хуже всего на свѣтѣ, и показываетъ намъ принцессу въ тинѣ! О томъ, что она красива, я уже слышалъ отъ другихъ. Очень буду радъ увидѣть ее послѣ генеральнаго мытья и шести-кратнаго полосканья, которымъ Вы подвергли ее *). Я очень люблю ея старшихъ сестеръ, довѣряю эстетическому чутью и вкусу полоскавшаго ее, и увѣренъ, что ни къ ней, ни къ полцарству, которое она приноситъ съ собой, не прильнетъ ни клочка грязи изъ царства ея папаши. А въ нашемъ собственномъ государствѣ тоже порядочно тины. Дай Богъ, чтобы Ваша принцесса могла показать намъ, сколько добраго и прекраснаго можетъ выйти изъ такого государства! Всего хорошаго Вамъ въ наступившемъ для Васъ новомъ году жизни! Можетъ быть, это и не послѣдовательно съ моей стороны, но я со всѣмъ своимъ уваженіемъ къ самому факту рожденія человѣка, обусловливающему жизнь и полагающему начало всему, ради чего стоитъ жить, всетаки не особенно дорожу днемъ рожденія. Впрочемъ, 2-ое Апрѣля мы всѣ помнимъ ради прилетѣвшаго въ этотъ день на спинѣ аиста мирнаго героя,—такова, вѣдь, и виньетка на Вашихъ сказкахъ и исторіяхъ. И орденъ Данеброга Вы получили чуть-ли не въ этотъ-же день. Это отличіе порадовало насъ и нисколько не удивило. Сердечное поздравленіе отъ насъ обоихъ. Живите же мирной жизнью частнаго человѣка и поэта, пусть фантазія Ваша распуститъ свои пестрыя крылышки и или носитъ Васъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, или потащитъ Васъ въ колесницѣ по тинѣ и затѣмъ снова подниметъ ввысь—къ солнцу и свѣту!

Вашъ сердечно преданный

Ингеманъ».

*) А., какъ извѣстно, шесть разъ передѣлывалъ эту сказку.

Примѣч. перев.

Въ Іюнѣ я опять предпринялъ поѣздку, посѣтилъ Максенъ и Брунненъ. Радости путешествія на этотъ разъ скоро окончились. На родинѣ меня ожидала вѣсть, которая потрясла меня до глубины души, повергла въ глубокое горе, просыпающееся во мнѣ съ болѣзненной остротой всякій разъ, какъ я получаю приглашеніе отъ своихъ американскихъ друзей побывать у нихъ по ту сторону океана. Въ началѣ «*Сказки моей жизни*» я разсказывалъ о семействѣ адмирала Вульфа и о старшей его дочери, Генріэттѣ, принимавшей такое сердечное участіе во всемъ, что ни касалось меня. По смерти родителей она жила вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Христіаномъ, морскимъ офицеромъ; болѣе нѣжнаго и заботливаго брата я не знавалъ. Путешествіе было для нея наслажденіемъ и въ то же время необходимостью ради укрѣпленія ея слабаго здоровья. Особенно же любила она море. Братъ сопровождалъ ее уже въ нѣсколькихъ путешествіяхъ; они побывали и въ Италіи, и на Вестъ-Индскихъ островахъ, и въ Америкѣ. Въ предпослѣднюю ея поѣздку, они попали на корабль, гдѣ были больные желтой лихорадкой. Вскорѣ братъ заразился, и ей, слабой дѣвушкѣ, пришлось ходить за нимъ; она сидѣла у его постели, отирала ему потъ со лба и потомъ тѣмъ же платкомъ отирала свои слезы, но не заразилась. Она спаслась, а братъ сдѣлался жертвой болѣзни. Убитая горемъ дѣвушка нашла гостепріимный пріютъ въ одномъ знакомомъ семействѣ близъ Нью-Іорка, а черезъ годъ снова вернулась въ Данію, и мы затѣмъ видѣлись почти ежедневно. Печаль по братѣ сильно угнетала дѣвушку, мысли ея постоянно возвращались къ тому мѣсту, гдѣ покоился прахъ его, и ей захотѣлось посѣтить его могилу еще разъ. Въ Сентябрѣ 1858 г. она и отплыла изъ Гамбурга на пароходѣ «*Австрія*». Послѣднее письмо отъ нея было получено ея сестрою изъ Англіи. Въ немъ говорилось, что на кораблѣ очень много пассажировъ, но что ей никто не пришелся особенно по душѣ, и по прибытіи въ Англію ею даже овладѣла такая неохота продолжать путешествіе, что она чуть не вернулась обратно, да устыдилась такой слабости и осталась на пароходѣ. Нѣсколько времени спустя, мы прочли въ газетахъ о пожарѣ, уничтожившемъ въ открытомъ морѣ пароходъ «*Австрію*».

Всѣ родные и друзья Генріэтты Вульфъ были въ страшномъ безпокойствѣ; скоро появились описанія катастрофы очевидцами. Спаслись немногіе, и кто именно? Спаслась-ли она, слабая, хрупкая дѣвушка? Или лежитъ на днѣ морскомъ? Ничего достовѣрнаго не было извѣстно. Мысли мои и денно и нощно были полны этимъ несчастіемъ. Я просто не могъ думать ни о чемъ иномъ и сколько разъ передъ сномъ молилъ я Бога: «Если есть малѣйшая связь между духовнымъ и нашимъ міромъ, то не откажи мнѣ въ вѣсти, въ знакѣ оттуда хотя бы во снѣ, изъ котораго бы я узналъ о ея судьбѣ!» Но какъ ни заняты были подругою юности мои мысли днемъ, во снѣ я ни разу не видѣлъ ничего такого, что могло бы хоть мало-мальски относиться къ ней.

Постоянное волненіе и думы объ одномъ и томъ же, наконецъ, такъ разстроили меня, что мнѣ однажды стало чудиться на улицѣ, будто бы всѣ дома превращаются въ чудовищныя волны, перекатывающіяся одна черезъ другую. Я такъ испугался за свой разсудокъ, что собралъ всѣ силы воли, чтобы, наконецъ, перестать думать все объ одномъ и томъ же. Я понялъ, что на этомъ можно помѣшаться. И ѣдкое горе мало-по-малу перешло въ тихую грусть.

1859 г.

Въ этомъ году возобновили мелодичную оперу Гартмана «*Liden Kirsten*» (Кирстиночка), которую такъ надолго несправедливо сняли съ репертуара. Она опять имѣла большой успѣхъ; удостоилось похвалъ даже и мое либретто. Въ рецензіи, появившейся въ газетѣ «*Отечество*» оно было названо истинно поэтическимъ произведеніемъ, «un rêve de l'ideal au milieu des tristes réalités de la vie». Вотъ какъ теперь отзывались о моемъ трудѣ!

Весною вышелъ новый выпускъ «*Сказокъ и исторій*». Среди нихъ была исторія «*Вѣтеръ разсказываетъ о Вальдемарѣ До и его дочеряхъ*». Лѣсъ только что убрался свѣжею зеленью, погода стояла чудесная, теплая, и король Фредерикъ VII, перебравшійся въ чудный старинный Фредериксборгскій дворецъ, пригласилъ меня туда, желая послушать мое новое произведеніе въ моемъ чтеніи. Принятъ я былъ съ обычной сердечной простотой и провелъ въ чудномъ замкѣ, созданіи Христіана IV, два прекрасныхъ дня. Я вдоволь налюбовался роскошью стариннаго убранства, ходилъ по всѣмъ заламъ и обѣдалъ съ королемъ за однимъ столомъ, который въ эту чудную погоду накрывался въ саду. Послѣ обѣда была предпринята прогулка въ лодкѣ по озеру, вокругъ замка. Король находилъ, что разсказъ вѣтра надо слушать на вольномъ воздухѣ, на полномъ раздольѣ. Я ѣхалъ въ одной лодкѣ съ королемъ и его супругой, графиней Даннеръ; за нами слѣдовала еще пара лодокъ съ другими гостями. Лодки безшумно скользили по блестящей глади озера, въ которой отражались огненныя вечернія облака. И я читалъ королю исторію о скоротечности земного счастья...«У-у! Проносись, проносись!» Когда я кончилъ, на мгновеніе воцарилась молчаніе; мной самимъ овладѣло какое-то грустное настроеніе... Какъ же живо вспомнились мнѣ эти минуты, проведенныя въ лодкѣ, когда и озеро, и небо, и замокъ пылали, какъ во огнѣ—при печальномъ извѣстіи: «Фредериксборгъ горитъ!»

Лѣтомъ я уѣхалъ въ Ютландію, въ самую живописную провинцію Даніи. Подъ впечатлѣніемъ этой поѣздки создались «*На дюнахъ*» и путевые очерки «*Скагенъ*».

Въ Лемвигѣ остановились мы на постояломъ дворѣ. Немного погодя, вижу на крышѣ подняли Данеброгъ, а затѣмъ такой же подняли и на сосѣдней крышѣ. «Праздникъ что-ли готовится?» спрашиваю я, а мнѣ отвѣ-

чаютъ, что это въ честь меня. Пошли прогуляться по городу; всѣ кланяются, привѣтливо улыбаются мнѣ, на многихъ домахъ развѣваются флаги. Я вѣрить не хотѣлъ, что это относится ко мнѣ, но, явившись на другое утро на пароходъ, убѣдился, что у меня есть друзья и въ Лемвигѣ.— Вижу въ толпѣ маленькаго, закутаннаго мальчугана и говорю: «Бѣдняжка! Подняли тебя въ такую рань, чтобы ѣхать!» — «Онъ не ѣдетъ!» отвѣчаетъ мать. «Онъ не давалъ мнѣ покоя, пока я не пообѣщала, что онъ пойдетъ на пароходъ провожать Андерсена! Онъ знаетъ всѣ его сказки!» Я поцѣловалъ мальчика и сказалъ: «Ну, иди теперь домой и ложись въ постельку, дружокъ! Всего хорошаго!» Случай этотъ привелъ меня въ дѣтски-радостное настроеніе, согрѣлъ мое сердце, такъ что мнѣ-то не пришлось такъ зябнуть въ это холодное, туманное утро, какъ милому мальчугану!

Къ полудню достигли мы Ольборга. И здѣсь меня встрѣчали привѣтливыми улыбками, поклонами и сердечными рукопожатіями. Здѣсь же встрѣтился я съ братомъ Г. Х. Эрстеда, А. С. Эрстедомъ, звѣздою нашей юриспруденціи и однимъ изъ самыхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей нашихъ. Пообѣдавъ вмѣстѣ, мы сидѣли и сумерничали, какъ вдругъ слуга сообщилъ, что на дворѣ отеля собралась масса народу и сейчасъ сюда явится депутація. Оказалось, что Ольборгское общество хороваго пѣнія хотѣло почтить меня серенадой. Я былъ смущенъ тѣмъ, что чествованіе относится ко мнѣ, а не къ Эрстеду, и не могъ рѣшиться показаться у открытаго окна, у котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ слушалъ такую же серенаду онъ. Это была первая серенада, которой я удостоился на родинѣ. Первая же была дана мнѣ шведскими студентами въ Лундѣ въ 1840 г.

Изъ Ольборга поѣхалъ я въ Скагенъ, самый сѣверный пунктъ Даніи. Древній Бёрглумскій монастырь, резиденція епископа, хозяйничавшаго нѣкогда въ окрестностяхъ больше самого короля въ своихъ владѣніяхъ, былъ теперь простой помѣщичьей усадьбой. Хозяинъ ея, Ротбёлль, любезно предложилъ мнѣ погостить у него, чтобы познакомиться съ окрестностями и — можетъ статься—быть свидѣтелемъ бури на западномъ морѣ. Въ исторіи «*Епископъ Бёрглумскій и его родичи*» я и нарисовалъ этотъ замокъ.

«Въ Бёрглумѣ нечисто!» говорили мнѣ въ Ольборгѣ и прибавляли, что въ одной комнатѣ показываются умершіе монахи и даже самъ епископъ. Я не смѣю отрицать возможности извѣстной связи между міромъ духовнымъ и нашимъ, но и не слишкомъ вѣрю въ нее. Наша жизнь, внѣшній міръ и нашъ внутренній—все это рядъ чудесъ, но мы такъ привыкли къ нимъ, что зовемъ всѣ эти явленія естественными. Все въ мірѣ подчинено великимъ, разумнымъ законамъ, обусловливаемымъ Божіими всемогуществомъ, мудростью и милостью, и въ отступленія отъ нихъ я не вѣрю.

Послѣ первой же ночи, проведенной въ Бёрглумскомъ замкѣ, я спросилъ хозяевъ, въ какой именно комнатѣ спалъ епископъ и показываются те-

верь привидѣнія. Меня спросили—развѣ мнѣ было страшно, и затѣмъ сообщили, что я ночевалъ какъ разъ въ этой самой комнатѣ. Тогда я первымъ долгомъ изслѣдовалъ всю комнату отъ пола до потолка, затѣмъ вышелъ на дворъ, осмотрѣлъ все окружающее и даже вскарабкался по стѣнѣ до оконъ своей комнаты, чтобы убѣдиться нѣтъ-ли тутъ гдѣ какого-нибудь приспособленія для ночныхъ сценъ съ привидѣніями. Я еще въ ранней юности своей слыхалъ о подобныхъ потѣхахъ. Но здѣсь я не открылъ ничего подозрительнаго и проспалъ нѣсколько ночей подъ рядъ вполнѣ спокойно.

Но однажды я легъ съ вечера раньше обыкновеннаго и проснулся вскорѣ послѣ полуночи, почувствовавъ какую-то необычайную дрожь въ тѣлѣ. Мнѣ стало не по себѣ, припомнились разсказы о привидѣніяхъ, но затѣмъ я сказалъ самому себѣ, что подобный страхъ—малодушіе: съ чего это станутъ безпокоить меня умершіе монахи? И развѣ не напрасно просилъ я Бога, мучась неизвѣстностью относительно участи Генріэтты Вульфъ, чтобы Онъ послалъ мнѣ, если это возможно, хоть какой-нибудь видимый или слышимый знакъ, по которому бы я узналъ—находится-ли она въ царствѣ мертвыхъ. Эти мысли успокоили меня, но въ ту же минуту я увидѣлъ въ самомъ дальнемъ и темномъ углу комнаты какую-то туманную фигуру вродѣ человѣческой. Я глядѣлъ на нее, не отрываясь, холодная дрожь пробѣгала у меня по спинѣ. Силъ не было оставаться въ такомъ положеніи, и я, оставшись вѣрнымъ двойственности своей натуры,—страхъ всегда соединяется во мнѣ съ непреодолимымъ стремленіемъ знать и понимать причину его—спрыгнулъ съ постели и подбѣжалъ къ туманному образу. Оказалось, что на блестящую полированную дверь падалъ отблескъ луннаго свѣта, отражавшагося въ зеркалѣ, и это-то двойное отраженіе образовало «привидѣніе»!

Впослѣдствіи мнѣ пришлось еще нѣсколько разъ сталкиваться съ подобными «сверхъестественными явленіями». Такъ, годъ спустя послѣ этого, гостилъ я въ другомъ старинномъ помѣстьѣ и, проходя среди бѣлаго дня по одной изъ огромныхъ залъ, услышалъ вдругъ громкій звонъ обѣденнаго колокола. Звонъ донесся изъ противоположнаго крыла зданія, какъ мнѣ было извѣстно—необитаемаго. Я и спросилъ хозяйку дома, что это за колоколъ звонитъ тамъ. Она серьезно посмотрѣла на меня и сказала: «Такъ и Вы слышали! Да еще среди бѣлаго дня!» И она разсказала, что звонъ этотъ слышится часто, особенно по вечерамъ, когда всѣ улягутся на покой; въ это время звонъ раздается настолько громко, что его слышатъ даже люди, помѣщающіеся въ подвальномъ этажѣ. «Надо это разслѣдовать!» сказалъ я. Мы направились въ залу, въ которой я слышалъ звукъ таинственнаго колокола, и встрѣтили тамъ хозяина дома съ сельскимъ пасторомъ. Я разсказалъ имъ въ чемъ дѣло и прибавилъ, подходя къ окну: «Разумѣется, тутъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго!» Въ то же мгновеніе колоколъ за-

звонилъ еще сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Дрожь пробѣжала у меня по спинѣ, и я, уже значительно понизивъ голосъ, проговорилъ: «Я не смѣю, конечно, отрицать... но все-же какъ-то не вѣрится!» Не успѣли мы уйти изъ залы, какъ звонъ повторился еще разъ, и въ ту же минуту взоръ мой случайно упалъ на огромную люстру, висѣвшую подъ потолкомъ, и я увидѣлъ, что безчисленныя стеклянныя подвѣски ея всѣ колеблются. Я взялъ стулъ вскочилъ на него, и голова моя очутилась на уровнѣ люстры. «Шагайте по полу быстрѣе и тверже!» попросилъ я присутствовавшихъ; они такъ и сдѣлали, и мы опять услышали громкій звонъ какъ будто доносившійся откуда-то издали. Итакъ, таинственный колоколъ былъ открытъ.

Одна пожилая вдова священника, узнавшая объ этой исторіи, пеняла мнѣ потомъ: «Ахъ, это было такъ интересно съ этимъ колоколомъ! И вы могли свести все это на ничто! А еще поэтъ!»

Но вернемся опять къ Бёрглуму, гдѣ всѣ почти разсказывали о привидѣніяхъ. Мнѣ такъ ни разу и не удалось увидѣть ни одного. Въ Ольборгѣ случилось мнѣ разговаривать объ этомъ съ однимъ высокороднымъ господиномъ, лично видѣвшимъ привидѣнія умершихъ монаховъ. Я позволилъ себѣ утверждать, что появленіе подобныхъ привидѣній сводится къ простому обману зрѣнія, но онъ пресерьезно отвѣтилъ: «Это васъ, можетъ быть, зрѣніе обманываетъ, оттого Вы и не видите ничего подобнаго!»

Въ Фредериксхаунѣ, откуда я долженъ былъ предпринять самую поѣздку на Скагенъ, я также нашелъ добрыхъ друзей, которые пріютили меня у себя и приложили всѣ старанія, чтобы сдѣлать и мое пребываніе въ городѣ, и самую поѣздку возможно пріятными. Главною заботою было достать мнѣ опытнаго, надежнаго возницу, такъ какъ ѣхать приходилось по береговой полосѣ, у самой воды. Наконецъ нашли такого; это былъ славный, добродушный крестьянинъ, отлично знавшій, гдѣ твердый грунтъ, гдѣ подвижной песокъ. Ему предварительно показали мой портретъ и сказали «Это большой писатель!» Онъ ухмыльнулся и сказалъ: «Ну, значитъ, большой враль!» Онъ во всю дорогу и не желалъ вступать со мною ни въ какіе разговоры, а только посмѣивался въ отвѣтъ на все. Везъ онъ, однако, хорошо и оказался очень гостепріимнымъ хозяиномъ, не выпустилъ меня изъ своего дома, пока не угостилъ и варенымъ и жаренымъ, и виномъ, и мёдомъ.

Послѣ двухдневнаго пребыванія на этомъ сѣверномъ пунктѣ, среди величавой, дикой природы, я опять повернулъ на югъ, домой. Одинъ изъ моихъ молодыхъ ютландскихъ друзей и свояченица пастора поѣхали провожать меня. Волны били далеко на берегъ и ѣхать возлѣ самой воды было нельзя; пришлось тащиться по глубокимъ пескамъ. Я разсказывалъ своимъ спутникамъ о чужихъ странахъ, въ которыхъ побывалъ, объ Италіи, Греціи, Швеціи и Швейцаріи. Старый возница нашъ слушалъ, слу-

шалъ, да и сказалъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго изумленія: «И охота же такому старому человѣку этакъ путаться по бѣлу-свѣту!» Я тоже съ нѣкоторымъ изумленіемъ спросилъ: «Да развѣ я, по вашему, такъ старъ?»—«Совсѣмъ дѣдушка!» отвѣтилъ онъ. «Сколько же мнѣ лѣтъ, по вашему?» «Ну, такъ—за восемьдесять!»—За восемьдесять!» воскликнулъ я: «Должно быть, это поѣздка такъ уходила меня! Развѣ я смотрю плохо?»—«Страсть просто!» сказалъ онъ. Потомъ я заговорилъ о новомъ прекрасномъ Скагенскомъ маякѣ. «Да, вотъ бы король посмотрѣлъ его!» замѣтилъ возница, а я и сказалъ, что «сообщу о немъ королю, когда буду имѣть съ нимъ разговоръ». Возница подмигнулъ моей спутницѣ: «Онъ будетъ разговаривать съ королемъ!»—«Да, я уже разговаривалъ съ нимъ и даже обѣдалъ!» сказалъ я. Старикъ постукалъ себя пальцемъ по лбу, покачалъ головой и лукаво улыбнулся въ сторону моей спутницы: «Онъ обѣдалъ съ королемъ!» Старикъ полагалъ, что я немножко «того».

Въ Асмильдскомъ монастырѣ близъ Виборга меня опять ожидали праздничные дни, устроенные для меня друзьями, но лучше всего были неожиданные проводы. Дѣло было рано утромъ, я уже отъѣхалъ отъ города съ милю, какъ вдругъ увидѣлъ на дорогѣ молодую даму, съ которой встрѣчался въ Асмильдскомъ монастырѣ, а съ нею еще другихъ. Возница мой придержалъ лошадей, и глазамъ моимъ представилось шесть молодыхъ прелестныхъ дѣвушекъ съ букетами въ рукахъ, которые онѣ и подали мнѣ съ дѣтски-сердечною привѣтливостью. Онѣ встали съ ранняго утра и сдѣлали цѣлую милю пѣшкомъ, чтобы проститься со мною подальше отъ города. Я былъ такъ пораженъ и растроганъ, что не сумѣлъ даже поблагодарить ихъ, какъ бы слѣдовало. Застигнутый врасплохъ я не нашелся сказать ничего другого, кромѣ: «Дорогія мои! Идти ради меня въ такую даль! Господь васъ благослови! Благодарю! Благодарю!» и затѣмъ крикнулъ кучеру: «Пошелъ, пошелъ!» Я былъ смущенъ, и хотѣлъ скрыть это; не такъ, конечно, надо было выразить свою радость и благодарность; я самъ сознавалъ, что проявилъ свое смущеніе очень неловко.

Плодомъ этой поѣздки явилась вышедшая къ Рождеству исторія «*На дюнахъ*». Рождество мнѣ предстояло провести въ миломъ уютномъ Баснэсѣ, но сначала я по пути заѣхалъ, по обыкновенію, къ Ингеману. Выѣхалъ я рано утромъ 17-го Декабря и уже на вокзалѣ узналъ печальную новость: «Фредериксборгскій дворецъ горитъ!» Воспоминанія о послѣднемъ моемъ посѣщеніи дворца, о которомъ я уже разсказывалъ, такъ и нахлынули на меня.

Гостя у Ингемана, получилъ я письмо отъ короля Макса Баварскаго. Онъ писалъ, что рѣшилъ сдѣлать меня кавалеромъ ордена Максимильяна еще когда я читалъ ему свои сказки, катаясь съ нимъ въ лодкѣ по озеру; что затрудненія, препятствовавшія ему исполнить свое намѣреніе, теперь

устранены, и онъ посылаетъ мнѣ знаки этого высокаго ордена, учрежденнаго имъ самимъ. На орденѣ этомъ изображается Пегасъ, если онъ дается представителю искусства, и сова Минервы, если награда дается представителю науки. Я зналъ, что въ Мюнхенѣ были пожалованы этимъ орденомъ поэтъ Гейбель, художникъ Каульбахъ и химикъ Либихъ. Первыми же удостоившимися его внѣ предѣловъ Баваріи были, какъ мнѣ передавали, французъ Араго и датчанинъ Андерсенъ. Я былъ очень обрадованъ этимъ знакомъ отличія, дарованнымъ мнѣ царственнымъ покровителемъ искусствъ. Ингеманъ и его супруга приняли въ моей радости самое искреннее участіе. Не успѣлъ я еще покинуть ихъ, какъ получилъ новую награду, большое отличіе, которымъ почтила меня моя собственная родина. Ингеманъ уже не разъ шутливо ворчалъ по поводу того, что она заставляетъ себя ждать такъ долго, и вотъ она явилась!

Вскорѣ по возвращеніи изъ Ютландіи я встрѣтилъ однажды за городомъ епископа Монрада, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія. Мы были знакомы давно, еще студентами жили въ одномъ домѣ, и онъ часто навѣщалъ меня тогда. Позже, когда онъ былъ уже священникомъ на островѣ Фальстеръ, я на пути изъ прекрасной усадьбы Корселицъ, былъ задержанъ тамъ бурей и провелъ нѣсколько пріятныхъ дней въ его семействѣ. Съ тѣхъ же поръ мы не видались. Теперь онъ остановилъ меня и сказалъ, что ежегодная субсидія въ 600 риксдалеровъ, которую я получаю отъ казны, слишкомъ мала, и что впредь я буду получать 1000, какъ поэты Герцъ, Хр. Винтеръ и Паллуданъ-Мюллеръ. Я былъ пріятно пораженъ и въ то же время смущенъ, пожалъ его руку и сказалъ: «Благодарю! Это мнѣ теперь кстати. Я старѣюсь, а гонорары у насъ, вы сами знаете, очень не велики... Благодарю, сердечно благодарю! Только не примите этого въ дурную сторону, если я скажу вамъ теперь: я никогда не напомню Вамъ о вашихъ словахъ! Я не могу!» Мы простились, и я долго ничего не слыхалъ объ обѣщанной мнѣ прибавкѣ. Теперь же, гостя у Ингемана, я увидѣлъ въ газетахъ сообщеніе, что фолькетингъ ассигновалъ мнѣ ежегодную прибавку въ 400 риксдалеровъ. Милѣйшій Ингеманъ провозгласилъ за меня по этому случаю остроумный и сердечный тостъ, а другіе друзья мои прислали мнѣ письменныя поздравленія. Я еще разъ глубоко почувствовалъ, что не даромъ называли меня «баловнемъ счастья», и мнѣ даже страшно стало, не въ первый, впрочемъ, разъ: такое счастье не можетъ быть постояннымъ, на смѣну ему придутъ и, можетъ быть, скоро дни горя и испытаній.

1860 г.

6 Января я опять уже находился въ Копенгагенѣ. Это былъ день рожденія «отца» Коллина, день, чтимый не однимъ мною, но и многими, кому онъ помогъ выбиться на дорогу.

Всю же весну и лѣто я опять провелъ въ разъѣздахъ. Меня увлекала мечта еще разъ побывать въ Римѣ и провести зиму въ Италіи. Отправился я черезъ Германію. Въ Мюнхенѣ ждали меня добрые друзья мои. Опять провелъ я нѣсколько незабвенныхъ чудныхъ часовъ у художника Каульбаха. Въ его домѣ дышалось такъ легко, всякій чувствовалъ себя такъ уютно, и у него собирались многія изъ мюнхенскихъ свѣтилъ науки и искусствъ, какъ-то Либихъ, Зибольдтъ, Гейбель, Кобелль.

Король Максъ и его супруга приняли меня по обыкновенію очень милостиво, и мнѣ вообще не легко было разстаться съ городомъ искусствъ и дорогими моими друзьями.

Изъ Мюнхена я черезъ Линдау перебрался въ Швейцарію, въ городокъ часовщиковъ Locle, гдѣ я въ 1833 г. написалъ свою поэму «*Агнета и водяной*». Въ то время путешествіе по этой мѣстности было сопряжено съ большими затрудненіями; сколько часовъ приходилось тащиться въ дилижансѣ, теперь же поѣздъ живо доставилъ меня, куда слѣдовало. Въ Locle жилъ мой землякъ и другъ Юлій Юргенсенъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ; издѣлія его ежегодно сбывались въ огромномъ количествѣ въ Америку. Старшій сынъ Юргенсена былъ, какъ и младшій братъ его, дѣятельнымъ помощникомъ отца, но обладалъ также порядочнымъ литературнымъ талантомъ. Нѣкоторые французскіе переводы моихъ сочиненій признавались неудачными, и мой молодой другъ желалъ попытаться дать лучшіе. Онъ и принялся за работу подъ моимъ наблюденіемъ, и я при этомъ имѣлъ случай убѣдиться къ своему изумленію, насколько датскій языкъ богаче французскаго выраженіями для передачи различныхъ оттѣнковъ чувствъ и настроенія. Послѣдній часто даетъ лишь одно выраженіе тамъ, гдѣ у насъ ихъ на выборъ нѣсколько. Французскій языкъ я назову пластическимъ, приближающимся къ искусству ваянія, гдѣ все строго опредѣлено, ясно и закруглено, а нашъ языкъ отличается богатствомъ красокъ, разнообразіемъ оттѣнковъ. И я радовался его богатству. А какъ онъ къ тому же мягокъ и звученъ, если на немъ говорятъ, какъ слѣдуетъ!

Переводы Юргенсена вышли въ 1861 г. подъ общимъ заглавіемъ «*Fantasies danoises*».

Въ Женевѣ получилъ я извѣстіе о смерти Гейберга, которое сильно поразило меня своей неожиданностью. Да, всѣ выдающіеся люди, представители науки и искусствъ, которыхъ я зналъ, съ которыми жилъ, мало-по-малу вымирали, сходили со сцены одинъ за другимъ!.. Я оставался въ Женевѣ довольно долго, за половину сентября; съ горъ Юры уже дулъ холодный, зимній вѣтеръ и крутилъ пожелтѣвшую опавшую листву. Извѣстія, приходившія изъ Италіи не особенно-то заставляли стремиться туда. Я сомнѣвался, что найду сносное зимнее помѣщеніе въ Римѣ, а въ Испаніи была холера, и я рѣшился вернуться на зиму въ Данію.

Вмѣстѣ съ своимъ молодымъ другомъ, художникомъ Амбергеромъ прибылъ я чрезъ Базель въ Штутгардтъ. Его встрѣтилъ здѣсь на вокзалѣ знакомый его, извѣстный издатель Гофманъ, который, познакомившись со мною, тотчась же любезно пригласилъ погостить къ себѣ и меня. Директоръ театра предоставилъ мнѣ мѣсто въ своей ложѣ. «Да, вамъ-то хорошо путешествовать!» говорили мнѣ мои копенгагенскіе друзья и знакомые, когда я разсказывалъ имъ потомъ о гостепріимствѣ, которое находилъ повсюду. «Для васъ всюду открыты гостепріимные пріюты—и въ горахъ Юры, и въ Штутгардтѣ, и въ Мюнхенѣ, и въ Максенѣ, словомъ всюду!»—«Вашъ домъ на хвостѣ дракона-паровоза!» писалъ мнѣ однажды Ингеманъ, и оно почти что такъ и было. Сочельникъ пришлось мнѣ провести не въ Римѣ, какъ я было думалъ, но въ Баснэсѣ и очень хорошо, весело. Тутъ я и написалъ двѣ сказки: «*Навозный жукъ*» и «*Снѣгуръ*».

1861 г.

Какъ только насталъ Апрѣль, меня опять потянуло вдаль. Натура перелетной птицы сказывалась во мнѣ съ появленіемъ первыхъ теплыхъ лучей солнца. Я непремѣнно хотѣлъ еще разъ побывать въ Римѣ, продолжить путешествіе, начатое въ прошломъ году. На этотъ разъ со мною ѣхалъ мой юный другъ Іонасъ Коллинъ, сынъ Эдварда Коллина.

Прибывъ въ Римъ, мы заняли двѣ комнаты въ старомъ «Café greco» и потомъ принялись бродить по столь мнѣ знакомому, почти родному великому городу. Я хотѣлъ вновь увидѣть и показать Коллину всѣ знакомыя мнѣ красоты. Перемѣнъ оказалось не особенно много съ тѣхъ поръ, какъ я былъ тутъ въ послѣдній разъ. Посѣщая всѣ развалины, церкви, музеи и сады, мы не забывали и здѣшнихъ друзей моихъ. Въ числѣ первыхъ посѣтили мы нашего земляка Кюхлера, нынѣ брата Пьетро, въ монастырѣ, находящемся у развалинъ дворца Цезарей. Онъ встрѣтилъ насъ ласково, обнялъ и расцѣловалъ меня, и я вновь услышалъ изъ его устъ сердечное «ты». Онъ повелъ насъ въ свое ателье, большую комнату, откуда открывался чудный видъ: апельсинныя деревья, кусты розъ, Колизей, и вдали Кампанья и живописныя горы. Я наслаждался и встрѣчею съ другомъ и чуднымъ видомъ. «Здѣсь дивно хорошо!» воскликнулъ я. «Да, вотъ тутъ бы тебѣ и остаться жить въ мирѣ и въ Богѣ!» сказалъ онъ съ мягкой, но полной серьезнаго значенія улыбкой. Но я съ живостью возразилъ: «День-другой я еще могъ бы остаться здѣсь, но потомъ меня опять потянуло бы на волю; я хочу жить въ мірѣ Божьемъ, слиться съ нимъ!»

Въ Римѣ находился въ это время норвежскій поэтъ Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ, съ которымъ мнѣ и предстояло познакомиться. Я не скоро собрался прочесть произведенія этого даровитаго поэта. Многіе копенгагенскіе мои знакомые говорили мнѣ, что они не придутся мнѣ по вкусу. «Лучше,

всетаки провѣрить это самому!» подумалъ я и прочелъ разсказъ Бьёрнсона «*Веселый малый*». Я сразу перенесся въ горы, на лоно свѣжей, норвежской природы, въ душистый березовый лѣсъ!.. Я былъ въ восторгѣ и сейчасъ же напалъ на всѣхъ, кто увѣрялъ меня, будто бы Бьёрнсонъ не въ моемъ вкусѣ. И досталось же имъ отъ меня! Я прямо сказалъ имъ, что не только удивляюсь, но чувствую себя положительно оскорбленнымъ ихъ предположеніемъ, будто я не въ состояніи понять и оцѣнить истиннаго поэта! Затѣмъ мнѣ говорили, что я и Бьёрнсонъ такіе контрасты во всемъ, что если познакомимся — сейчасъ же станемъ противниками. Незадолго до отъѣзда изъ Копенгагена меня попросили взять съ собой книги, которыя пересылала Бьёрнсону жена его. Я охотно взялся доставить ихъ, сдѣлалъ визитъ г-жѣ Бьёрнсонъ и, высказавъ ей, какъ высоко я цѣню ея мужа, какъ поэта, попросилъ ее написать ему, что я прошу его быть со мною при встрѣчѣ поласковѣе, такъ какъ я хочу полюбить его, хочу, чтобы мы подружились. И онъ, съ первой же нашей встрѣчи въ Римѣ и до сихъ поръ, всегда былъ со мною «ласковъ», какъ я того просилъ и желалъ.

Скандинавы порѣшили устроить празднество въ честь нашего консула Браво въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ центра уголковъ Рима. Мѣстечко это я описалъ въ своей «*Психеѣ*». На празднествѣ чествовали также и меня, гостя, пріѣхавшаго къ сокровищамъ Рима съ далекаго сѣвера въ четвертый разъ. Мнѣ спѣли прекрасную пѣсню Бьёрнстьерне-Бьёрнсона:

Хоть небо наше не лазурно,
Хоть море сѣверное бурно,
И чудныхъ пальмъ нашъ лѣсъ лишенъ, —
Намъ сказки, саги шепчетъ онъ,
На небѣ солнце ночи блещетъ,
На берегъ море гулко плещетъ,
 И рокотъ волнъ
 Созвучій полнъ,
Какъ пѣсни нашихъ сагъ старинныхъ!

И сколько намъ повѣствованій
О краѣ чудныхъ тѣхъ сказаній,
О зимнемъ снѣ полей, луговъ,
О чарахъ сѣверныхъ лѣсовъ,
О чувствахъ птицъ, звѣрей, растеній
Сумѣлъ причудливый твой геній
 Такъ разсказать —
 Вотъ словно мать
Въ кругу дѣтей—сердецъ невинныхъ!

И въ воздухъ Рима раскаленный
Ты запахъ влажный, благовонный
Душистыхъ буковъ и березъ,
И Зунда водъ соленыхъ внесъ,
Къ намъ изъ того явившись края,
Гдѣ, будто землю обнимая,
Къ ней ближе льнётъ
Небесный сводъ
Съ луной, царицей ночи ясной!

Тебѣ хотѣлось убѣдиться
Могла-ль еще въ насъ сохраниться
Здѣсь, средь антиковъ и камей,
Любовь къ поэзіи твоей.
Твоя безхитростная лира
И средь столицы древней міра
Звенитъ, поетъ
И насъ зоветъ
Къ добру и истинѣ прекрасной!

На этотъ разъ я оставался въ Римѣ только мѣсяцъ. Однимъ изъ самыхъ пріятныхъ новыхъ знакомствъ было для меня здѣсь знакомство съ американскимъ скульпторомъ Стори. Разъ у него собрались его друзья и знакомые, американцы и англичане съ цѣлой кучей дѣтишекъ. Они окружили меня и по общему требованію я съ непозволительной смѣлостью прочелъ имъ «*Безобразнаго утенка*» по-англійски! Я выражался на этомъ языкѣ съ грѣхомъ пополамъ, но по окончаніи чтенія дѣти всетаки поднесли мнѣ вѣнокъ.

Солнце стало уже печь такъ сильно, что всѣ начали разъѣзжаться изъ Рима въ окрестности, а я съ Коллиномъ направился на родину *). Мы по-

*) Считаю умѣстнымъ прибавить здѣсь, что главной причиной отъѣзда Андерсена была не жара, а страхъ. Дѣло въ томъ, что въ первый же день по нашемъ прибытіи въ Римъ, насъ посѣтилъ Бьёрнстьерне-Бьёрнсонъ и разсказалъ А., что римскій нищій Беппо страшно золъ на него за то, что А. выставилъ его въ „*Импровизаторѣ*“ дурнымъ человѣкомъ, благодаря чему онъ и лишился не мало байоко. Бьёрнсонъ, не знавшій тогда А., поступилъ неосторожно, прибавивъ при этомъ, что Беппо собирается отмстить за себя. Такое сообщеніе нагнало на А. невыразимый страхъ. Онъ признался мнѣ, что боится быть убитымъ,—Беппо ужъ, навѣрное, подговорилъ кого-нибудь — и не будетъ имѣть ни минуты покоя, пока не уѣдетъ изъ Рима. На этотъ разъ мнѣ удалось его успокоить, но ночью страхъ снова охватилъ его, и онъ съ тѣхъ поръ не зналъ покоя. Впослѣдствіи онъ рѣдко говорилъ объ этомъ страхѣ, принудившемъ его сократить свое пребываніе въ Римѣ. Въ этотъ

сѣтили Пизу и провели недѣлю во Флоренціи. Въ Ливорно мы сѣли на пароходъ, отходившій въ Геную. Поднялся бурный вѣтеръ, сдѣлалась сильная качка, и почти всѣ пассажиры слегли. Я чувствовалъ себя такъ плохо, что, пріѣхавъ въ Геную, принужденъ былъ отказаться отъ мысли немедленно же отправиться въ Туринъ, куда мы и пріѣхали только два дня спустя. Въ концѣ недѣли мы были въ Миланѣ, потомъ пробыли нѣсколько дней на Лаго Маджіоре и затѣмъ перебралисъ въ Швейцарію. Дольше всего оставались мы въ Монтрё. Здѣсь сложилась у меня сказка «*Дѣва льдовъ*».

Въ Лозаннѣ мы получили скорбную вѣсть о томъ, что старикъ Коллинъ при смерти. Намъ писали, что Господь, вѣрно, отзоветъ его къ себѣ прежде, чѣмъ мы получимъ это письмо и поэтому просили насъ не спѣшить возвращеніемъ домой. И вотъ мы медленно и грустно продолжали подвигаться къ сѣверу.

Въ Корсёрѣ я разстался съ своимъ юнымъ спутникомъ. Онъ отправился прямо въ Копенгагенъ, а я въ Баснэсъ и затѣмъ въ Сорё къ Ингеману. Здѣсь получилъ я подробныя свѣдѣнія о кончинѣ дорогого моего «отца» Коллина. Въ послѣдніе дни онъ лежалъ въ тихомъ забытьи, никого не узнавая. Онъ не узналъ бы и меня,—писали мнѣ въ утѣшеніе. Я сейчасъ же отправился въ Копенгагенъ къ опечаленнымъ семейнымъ Коллина, и прибылъ за нѣсколько дней до погребенія. Вотъ что писалъ я Ингеману: «Я нашелъ всю семью Коллина въ старомъ домѣ. Всѣ были спокойны, но глубоко опечалены. Мой старый другъ лежалъ въ гробу, словно спящій, кроткое лицо его дышало такимъ миромъ. Я очень страдалъ въ день погребенія, но всетаки чувствовалъ себя бодрѣе, чѣмъ ожидалъ. Остатокъ дня я провелъ одинъ въ

мѣсяцъ А. успѣлъ всетаки написать двѣ сказки. Первая изъ нихъ была „*Психея*". Мы были разъ въ театрѣ Алибертъ, и по окончаніи спектакля (шла, если не ошибаюсь, двухъ-актная пьеса „*Свадьба офицера*"), А. сказалъ мнѣ, что у него во время представленія сложилась въ умѣ новая сказка, которую онъ разскажетъ мнѣ дома. Это было 5 Мая, но написалъ онъ ее окончательно только 17-го. Вторая сказка, „*Улитка и розовый кустъ*", возникла вотъ какъ. Однажды А. увидѣлъ, что я читаю одно изъ сочиненій Сёрена Киркегора, и это нѣсколько раздражило его; онъ не долюбливалъ К. съ тѣхъ поръ, какъ тотъ написалъ критику на его „*Только скрипачъ*", и возставалъ противъ моего восхищенія этимъ писателемъ. Въ разговорѣ А. отозвался объ одномъ нашемъ общемъ другѣ такъ, что я вспылилъ; слово за словомъ, и мы поссорились. Я позволилъ себѣ (мнѣ шелъ тогда 21 годъ) сказать много такого, чего не слѣдовало бы и что вдобавокъ А. еще дурно истолковалъ себѣ. Ссора наша кончилась тѣмъ, что А. расплакался и ушелъ въ свою комнату. Спустя нѣсколько часовъ, онъ вошелъ ко мнѣ, веселый и спокойный и сказалъ: „Хочешь послушать сказку?" И онъ прочелъ мнѣ „*Улитка и розовый кустъ*", которую написалъ за этотъ промежутокъ времени. Я помню, что сказалъ ему въ отвѣтъ на его вопросъ, какъ мнѣ нравится сказка: „Прелесть что такое! Вы—розовый кустъ; это ясно, и не зачѣмъ намъ спорить о томъ, кто улитка."

І. К.

самомъ тяжеломъ, грустномъ настроеніи. Я живо чувствовалъ потерю старика, котораго привыкъ ежедневно видѣть, съ которымъ привыкъ ежедневно бесѣдовать. Домъ теперь вдругъ какъ-то опустѣлъ. Вообще какъ-то странно и жутко видѣть, какъ мало-по-малу рѣдѣютъ ряды моихъ друзей. Теперь я и самъ-то въ первыхъ рядахъ готовыхъ выбыть....

Время приближалось къ Рождеству. Я и во время поѣздки и по возвращеніи на родину много работалъ, и къ Рождеству вышелъ новый выпускъ сказокъ, заключавшій: «*Дѣву льдовъ*», «*Мотылекъ*», «*Психею*», и «*Улитку и розовый кустъ*». Посвятилъ я этотъ выпускъ Бьёрнстьерне Бьёрнсону.

1862 г.

Годъ этотъ вообще начался для меня радостно. Вышедшія къ Рождеству сказки имѣли большой успѣхъ и выдержали нѣсколько изданій.

Король Фредерикъ VII предпочиталъ знакомиться съ моими сказками въ моемъ чтеніи и нѣсколько разъ приглашалъ меня къ себѣ во дворецъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ я и читалъ въ его присутствіи въ маленькомъ кружкѣ четыре свои послѣднія сказки. Особенно понравилась королю «*Дѣва льдовъ*». Онъ самъ, когда былъ еще принцемъ, долго жилъ въ Швейцаріи.

Нѣсколько дней спустя, я получилъ отъ короля собственноручное письмо:

«Добрый мой Андерсенъ!

Мнѣ доставляетъ большое удовольствіе поблагодарить Васъ за радость, которую Вы недавно доставили мнѣ чтеніемъ Вашихъ прелестныхъ сказокъ, и могу только прибавить къ этому, что поздравляю свою страну и ея короля съ такимъ поэтомъ, какъ Вы.

Вашъ благосклонный

Фредерикъ R.

Христіансборгъ, 13 февраля 1862 г.“

Письмо это безконечно обрадовало меня, и я храню его въ числѣ самыхъ дорогихъ для меня сувенировъ. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ получилъ я отъ короля золотую табакерку съ вензелемъ Его Величества.

Отъ Бьёрнстьерне-Бьёрнсона я тоже получилъ письмо изъ Рима. Онъ благодарилъ за посвященіе и восхищался «*Дѣвой льдовъ*». Вотъ что онъ писалъ:

«Начало «*Дѣвы льдовъ*» это—ликующіе звуки пѣсни, раздающейся въ воздухѣ, смѣхъ, игра зелени и голубого неба, пестрота швейцарскихъ домиковъ. Вы нарисовали тутъ такого молодца, что я бы хотѣлъ себѣ такого брата. А вся обстановка—и Бабетта, и мельникъ, и кошки, и та, что преслѣдовала его въ горахъ, заглядывала ему въ глаза! Я былъ восхищенъ до того, что у меня ежеминутно вырывались возгласы одобренія, и я даже принужденъ былъ не разъ пріостанавливаться. Но милый, добрый другъ! Какъ

это у Васъ хватило духа разбить передъ нами эту чудную картину въ дребезги! Мысль, что двое людей должны быть разлучены въ моментъ наивысшаго счастья, положенная Вами въ основу развязки, поразительна, ниспослана Вамъ свыше; она налетаетъ на насъ, какъ вихрь, взбудораживающій ровную поверхность воды, и заставляетъ насъ прозрѣть, что въ душѣ этихъ людей жило нѣчто, подготовившее гибель ихъ счастья. Все это такъ, но какъ Вы могли поступить такъ съ *этой парочкой!*»

Оканчивалось письмо слѣдующими словами: «Милый, милый Андерсенъ! Какъ я люблю Васъ! Я былъ убѣжденъ, что Вы и не совсѣмъ понимаете, и не совсѣмъ долюбливаете меня, хотя и желаете этого по своей сердечной добротѣ. Теперь же вижу, что пріятно ошибся, и это еще увеличиваетъ мою любовь къ Вамъ.»

Это письмо очень обрадовало меня своей сердечностью и искренностью!

Упомяну здѣсь еще о письмѣ отъ одного незнакомаго мнѣ студента изъ провинціи, поразившемъ меня своей поэтичностью и непосредственной простотою. Въ письмо была вложена сухая былинка клевера о четырехъ лепесткахъ. Студентъ писалъ, что читалъ мои сказки еще ребенкомъ и несказанно наслаждался ими. Мать разсказала ему, что Андерсенъ испыталъ много горя въ своей жизни, и мальчикъ очень опечалился. Вскорѣ послѣ того онъ нашелъ въ полѣ четырехлистную былинку клевера, и такъ какъ онъ много разъ слышалъ, что такая былинка приноситъ счастье, то и попросилъ мать отослать ее Андерсену—«на счастье». Мать, однако, спрятала клеверъ въ свой молитвенникъ. «Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ»—писалъ молодой человѣкъ.—«Я уже студентъ, мать моя умерла въ прошломъ году, и я нашелъ въ ея молитвенникѣ четырехлистникъ. На дняхъ я прочелъ Вашу новую сказку «*Дѣва льдовъ*», прочелъ съ той же дѣтскою радостью, съ какой читалъ Ваши сказки ребенкомъ. Теперь счастье сопутствуетъ Вамъ, и Вамъ не нужно четырехлистника, но я всетаки посылаю его Вамъ и разсказываю эту исторійку». Вотъ приблизительное содержаніе письма, которое затерялось. Я не помню теперь даже имени молодого человѣка и не могъ поблагодарить его, но, можетъ быть, онъ теперь, спустя столько лѣтъ, прочтетъ здѣсь мое спасибо.

Я съ головой ушелъ въ свои литературныя занятія, какъ вдругъ въ концѣ февраля читаю въ вечерней газетѣ: «Бернгардъ Северинъ Ингеманъ скончался». Вѣсть эта поразила меня какъ громомъ.

Въ первыхъ числахъ марта, когда поля еще лежали подъ снѣгомъ, но воздухъ былъ уже чудно прозраченъ, и солнышко свѣтило ярко, я отправился въ Сорё на погребеніе Ингемана. Я опять стоялъ въ томъ домѣ, гдѣ провелъ столько счастливыхъ часовъ моей жизни, начиная еще со школьныхъ лѣтъ и кончая днями зрѣлаго возраста. Г-жа Ингеманъ была погружена въ тихую, благоговѣйную скорбь, а старая преданная служанка ихъ

Софія, встрѣтивъ меня, залилась слезами и принялась разсказывать о «блаженной кончинѣ» хозяина, о его ласковыхъ словахъ, кроткихъ рѣчахъ...

Изъ зданія академіи гробъ перенесли въ церковь въ сопровожденіи густой толпы народа; тутъ были депутаціи отъ всѣхъ классовъ общества. За гробомъ шло и много крестьянъ. Онъ, вѣдь, открылъ для нихъ историческую сокровищницу Даніи и разсказывалъ о дѣяніяхъ ея героевъ такъ, что трогалъ всѣ сердца. Въ то время, какъ гробъ опускали въ могилу, птички, пригрѣтыя солнышкомъ, провожали его громкимъ щебетаньемъ. Печальная церемонія похоронъ была изображена на картинѣ, для которой я написалъ слѣдующій текстъ:

†

Бернгардъ Северинъ Ингеманъ.

«У его колыбели стояли: геній-покровитель Даніи и геній поэзіи. Они заглянули въ кроткіе, голубые глаза ребенка, заглянули и въ его сердце; оно не должно было старѣться съ годами, дѣтская душа его не должна была мѣняться, — вотъ изъ кого выйдетъ рѣдкій садовникъ въ саду датской поэзіи!—и геніи благословили его на этотъ трудъ своимъ поцѣлуемъ.

Куда, бывало, ни взглянетъ онъ — туда падали солнечные лучи, сухая вѣтка, къ которой онъ прикасался, пускала свѣжіе отпрыски и цвѣты. Онъ пѣлъ, какъ птицы небесныя, изъ глубины радостной и невинной души.

Онъ бралъ зерна съ полей народныхъ вѣрованій, изъ поросшей мхомъ почвы давно минувшихъ временъ, держалъ ихъ у своего сердца, прикладывалъ къ своему лбу, сѣялъ ихъ, и они пускали ростки, выростали въ низенькихъ крестьянскихъ хижинахъ, раскидывали, точно папоротники, свои свѣжіе, пышные листья подъ самымъ потолкомъ. Каждый листокъ былъ для крестьянина страницей изъ исторіи его родины, и эти листья шелестѣли въ долгіе зимніе вечера надъ кружкомъ внимательныхъ слушателей. Они слушали о датской старинѣ, о датской душѣ, и датскіе сердца ихъ переполнялись радостью и любовью къ родинѣ.

Онъ сѣялъ эти зерна между валами церковнаго органа, и изъ него выростало поющее дерево серафимовъ; вѣтви его пѣли псаломъ: «Миръ въ сердцѣ, радость въ Богѣ!»

Сажалъ онъ волшебную луковицу и въ жесткую почву обыденной жизни, и изъ луковицы выросталъ чудный пестрый цвѣтокъ, поражающій своей первобытной красотой.

Все посѣянное имъ взойдетъ; оно пустило корни въ сердцахъ народныхъ. Рѣчь его обогатила задушевный датскій языкъ, любовь его къ отечеству влагаетъ силу въ мечъ, его чистая мысль освѣжаетъ, какъ морской вѣтерокъ.

Дѣло было въ послѣднее Рождество. То, что мы разскажемъ сейчасъ, не сказка. Онъ самъ разсказывалъ этотъ сонъ своему другу. Онъ видѣлъ, что земная жизнь его окончилась, душа сбросила съ себя земную оболочку-

тѣло, и онъ хотѣлъ было подняться ввысь, но кто-то удержалъ его за руку. Его удержала рука его вѣрной подруги жизни, вся мокрая отъ слезъ... Но въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что подруга его слѣдуетъ за нимъ. Тутъ онъ проснулся.

Теперь онъ проснулся для новой жизни, а она осталась одна въ томъ домѣ, гдѣ всякій, кто переступалъ за его порогъ, становился лучше, добрѣе. Она сидитъ одна, полная скорби и печали; но она знаетъ, что для него время, которое отдѣляетъ его отъ встрѣчи съ нею, то же, что минута для насъ. Ея уста, а съ ней и всѣ датчане шепчутъ слова любви и благодарности.

Земная оболочка его, добыча тлѣна, схоронена подъ звонъ церковнаго колокола, подъ пѣніе псалмовъ и рыданья любившихъ его, а безсмертная душа его вознеслась къ Богу. Посѣянное же имъ будетъ рости намъ на радость и утѣшеніе.»

Въ Маѣ опять началась для меня весна и жизнь на лонѣ природы. Я разъ сказалъ въ шутку своему юному другу Іонасу Коллину: «Если я выиграю большой кушъ въ лотерею, мы поѣдемъ вмѣстѣ въ Испанію и даже махнемъ въ Африку!» Я, однако, не выигралъ въ лотерею, да и никогда не выиграю большаго куша, но маленькія суммы, всетаки время отъ времени перепадали мнѣ, хотя и изъ другихъ источниковъ. Датскій мой издатель Рейцель однажды объявилъ мнѣ, что первое изданіе иллюстрированнаго собранія моихъ сказокъ разошлось, и что онъ хочетъ выпустить второе. За первое я получилъ всего 300 риксдал., теперь онъ предлагалъ мнѣ 3000 *). Эта сумма свалилась на меня неожиданно, вродѣ лотерейнаго выигрыша, и вотъ мы съ Коллиномъ и поѣхали. Цѣлью нашей поѣздки была Испанія, и 6-го Сентября, въ тотъ же самый день, когда я въ первый разъ вошелъ въ Копенгагенъ, впервые узрѣлъ Италію, суждено мнѣ было и въѣхать въ Испанію. Я не устраивалъ этого нарочно, обстоятельства такъ слагались, что 6 Сентября стало однимъ изъ знаменательнѣйшихъ дней моей жизни. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ этой поѣздки, собраны мною подъ общимъ заглавіемъ «*По Испаніи*».

1863 г.

На обратномъ пути черезъ Францію мы остановились въ Парижѣ. Здѣсь въ это время былъ Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ, и по его инціативѣ кружокъ скандинавовъ устроилъ въ честь меня праздникъ въ Палэ-роялѣ. Столъ

*) Во избѣжаніе недоразумѣнія, считаю нужнымъ разъяснить, что если А. въ 1849 г. получилъ за первое иллюстрированное изданіе сказокъ только 300 риксдалеровъ, то это объяснялось большими затратами издателя на иллюстраціи. За 2-е изданіе А. получилъ значительно больше: 1200 р., а за 3-е, въ которое вошли также исторіи, долженъ былъ получить и еще больше. І. К.

былъ убранъ цвѣтами, а въ глубинѣ залы красовалась большая картина, на которой былъ изображенъ Г. Х. Андерсенъ, окруженный своими сказками. Въ вышинѣ парилъ «*Ангелъ*», а въ отдаленьи проносилась вереница «*Дикихъ лебедей*»; виднѣлись здѣсь и «*Лизокъ съ вершокъ*», и «*Мотылекъ*», и «*Сосѣди*», и «*Русалочка*», и «*Стойкій оловянный солдатикъ*», и даже мышки, разсказывавшія о «*Супѣ изъ колбасной палочки*».

Бьёрнсонъ произнесъ горячую рѣчь и въ своемъ увлеченіи сравнилъ меня «по чисто народному остроумію и сатирѣ» съ Баггесеномъ, Весселемъ и Гейбергомъ.

Я отвѣтилъ, что мнѣ чудится теперь, будто я умеръ, и вотъ надъ моимъ гробомъ говорятъ теперь все, что только можно сказать лучшаго, превозносятъ меня не по заслугамъ. Я, однако, еще не умеръ и надѣюсь, что передо мною еще долгое будущее, вотъ я и уповаю, что, можетъ быть, мнѣ удастся хоть нѣсколько оправдать только что сказанное обо мнѣ.

Рѣчи и тосты смѣнило пѣніе, затѣмъ было прочитано «*Посланіе Андерсену*» поэта П. Л. Мюллера, а потомъ я прочелъ нѣсколько своихъ сказокъ. Вообще праздникъ прошелъ весело и оживленно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ вечеровъ моей жизни, которые въ послѣднее время стали выдаваться не рѣдко.

Въ концѣ Марта мы выѣхали изъ Парижа и направились домой въ Данію. 2 Апрѣля, день моего рожденія, я провелъ уже въ Копенгагенѣ, а съ наступленіемъ весенней погоды опять полетѣлъ къ друзьямъ своимъ въ Христинелундъ, въ Баснэсъ и Глорупъ. Гостя въ этихъ помѣстьяхъ, я и разработалъ свои путевыя замѣтки, составившія книгу «*По Испаніи*».

Осенью же я написалъ для королевскаго театра комедію «*Онъ не рожденъ* *)», а для Казино комедію «*На Длинномъ мосту*». Обѣ доставили мнѣ много радости, но скоро свѣтлымъ солнечнымъ днямъ насталъ конецъ; наступали тяжелыя дни и не для меня одного. На Данію надвигались грозныя тучи.

Король Фредерикъ VII находился въ Шлезвигѣ; вдругъ пронеслись тревожные слухи о его здоровьѣ. 15-го Ноября я былъ у министра народнаго просвѣщенія Монрада; онъ былъ замѣтно разстроенъ. Погода стояла сѣрая, пасмурная; сырой, тяжелый воздухъ просто давилъ меня, и мнѣ чудилось, что кто-то умеръ, кого-то всѣ оплакиваютъ... Немного погодя, я направился въ одно знакомое семейство, жившее въ одномъ домѣ съ министромъ Фенгеромъ, и на лѣстницѣ столкнулся съ директоромъ телеграфовъ, который лично привезъ министру какую-то телеграмму. Жуткое предчув-

*) Въ подлинникѣ: „*Han er ikke født*". Въ заглавіи этомъ игра словъ: „født" обозначаетъ и „рожденъ" и „чистокровный"—въ смыслѣ аристократическаго происхожденія. *Примѣч. перев.*

ствіе охватило меня; я остался на лѣстницѣ, дождался возвращенія директора и спросилъ его—нельзя-ли узнать содержаніе телеграммы. Онъ отвѣтилъ только: «Надо готовиться ко всему худшему!» Я пошелъ къ самому министру и узналъ, что король скончался. Я залился слезами. Когда я вышелъ потомъ на улицу, на всѣхъ углахъ и панеляхъ уже скоплялся народъ,—печальная вѣсть облетѣла городъ.

На слѣдующее утро погода опять была сѣрая, угрюмая, подъ-стать общему настроенію. Я отправился къ Христіансборгскому дворцу. Вся площадь была покрыта народомъ. Президентъ совѣта Галль вышелъ на балконъ и провозгласилъ: «Король Фредерикъ VII скончался! Да здравствуетъ король Христіанъ IX!» Загремѣло ура, и король нѣсколько разъ показывался народу. Отъ скромной и счастливой семейной жизни онъ былъ призванъ къ правленію государствомъ и перенесъ вмѣстѣ съ нимъ тяжелыя испытанія. Весь міръ знаетъ о послѣдней несчастной войнѣ Даніи. Датскій солдатъ не знаетъ устали, храбръ, простъ и честенъ. Съ пѣньемъ, съ криками «ура» шли войска на защиту оплота Даніи противъ вторженія нѣмцевъ, вала Даневирке.

Я еще не терялъ надежды, что Богъ спасетъ Данію, но по временамъ въ сердце мое закрадывался страхъ. Никогда не чувствовалъ я глубже, насколько я привязанъ къ родинѣ. Я не забылъ, сколько, знаковъ искренней любви, уваженія и дружбы удостоился я въ Германіи, не забылъ своихъ дорогихъ нѣмецкихъ друзей, но теперь между нами былъ положенъ обнаженный мечъ. Я не забываю добра и друзей, но родина моя—мать мнѣ, и она мнѣ всего дороже!

1864 г.

Въ новогоднее утро былъ трескучій морозъ, и я невольно вспомнилъ о нашихъ солдатахъ на форпостахъ и въ холодныхъ баракахъ и подумалъ: «Теперь морозъ соорудилъ мостъ для врага, и на берега наши хлынутъ непріятельскія полчища! Что-то будетъ!» Меня не поддерживала непоколебимая увѣренность большинства окружающихъ въ неприступности Даневирке. Я, вѣдь, зналъ, что, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, Германія могла затопить нашу страну полчищами своихъ солдатъ, какъ море въ бурю затопляетъ волнами берегъ. Я и спросилъ разъ одного изъ своихъ воодушевленныхъ земляковъ: «А если возьмутъ Даневирке, какъ тогда быть нашимъ войскамъ въ Дюббѣлѣ и Альсѣ? Они, вѣдь, окажутся отрѣзанными?»—«Какъ можетъ датчанинъ задавать подобный вопросъ!» воскликнулъ онъ. «Какъ можно допускать самую мысль, что Даневирке будетъ взятъ!» Такъ велика была вѣра датчанъ въ Бога, нашу опору и защиту.

Почти ежедневно отбывали на театръ военныхъ дѣйствій все новые и новые полки нашихъ солдатъ, все молодежь, отправлявшаяся на войну ве-

село, смѣло, какъ на пиръ. Я недѣлями и мѣсяцами не чувствовалъ себя въ состояніи заниматься чѣмъ бы то ни было; всѣ мои мысли были тамъ. Перваго февраля была получена телеграмма, извѣщавшая о переходѣ нѣмцевъ черезъ Эйдеръ и о началѣ военныхъ дѣйствій. Въ концѣ недѣли пронеслись зловѣщіе слухи объ оставленіи нашими войсками Даневирке безъ боя и объ отступленіи ихъ къ сѣверу. Мнѣ казалось, что все это только страшный сонъ; я глубоко скорбѣлъ, и не я одинъ, всѣхъ охватило то же чувство глубокой скорби. Семнадцатаго февраля непріятель перешелъ черезъKóngeaa (Королевская рѣка), но Дюббёль и Альсъ оставались еще за нами.

Предшествовавшая война, всетаки подняла нашъ духъ; тогда выдавались свѣтлыя минуты побѣдъ, теперь же мы стояли лицомъ къ лицу съ грозной силой, одни, покинутые всѣми и могли утѣшать себя лишь тѣмъ, что если «Богъ унижаетъ, Онъ же и возвышаетъ!»

Въ походныхъ лазаретахъ лежали рядомъ и датчане и нѣмцы. Изъ Фленсборга ежедневно являлись сострадательныя дамы, обходили раненыхъ и приносили имъ разные прохладительные напитки и фрукты. Какая-то нѣмецкая патріотка протянула было прохладительное одному датскому солдату, но, услыхавъ, что онъ благодаритъ ее по-датски, отдернула свое приношеніе и повернулась къ другому больному, спрашивая его, какой онъ національности. «Пруссакъ!» отвѣтилъ онъ, но оттолкнулъ ея руку, со словами: «Не надо мнѣ отъ тебя ничего, разъ ты не дала ему! Теперь мы съ нимъ товарищи! Здѣсь не поле брани!»

2-го Апрѣля беззащитный городъ Сёндерборгъ былъ выжженъ непріятелемъ до тла, и скоро вражьи полчища наводнили всю Ютландію.

Я все еще не терялъ надежды и вѣры въ Божью милость къ намъ и пѣлъ въ то время, какъ горсть нашихъ храбрецовъ отбивалась отъ врага за полуразрушенными шканцами:

«Горсть храбрецовъ, надѣяся на Бога,
Не дастъ померкнуть славѣ Данеброга!»

Но что подѣлаетъ въ наше время горсть храбрецовъ противъ вдесятеро сильнѣйшаго врага! Я готовился ко всему худшему, предчувствовалъ, что отечество мое подвергнется жесточайшему расчлененію и истечетъ кровью, такъ что родной языкъ мой будетъ раздаваться лишь, какъ эхо, съ береговъ Норвегіи. Всѣ мои друзья и знакомые были такъ же убиты, подавлены горемъ, какъ и я. И всѣ мы одинаково горѣли любовью къ родинѣ.

«Альсъ взятъ!» Конецъ! Конецъ! Никто не помогъ намъ, и худшее уже совершилось. Я даже на минуту отшатнулся отъ Бога и чувствовалъ себя вконецъ несчастнымъ. Настали дни, когда мнѣ казалось, что мнѣ ни до кого и до меня никому нѣтъ дѣла. Я не могъ уже облегчать свою душу, открывая

ее передъ кѣмъ-нибудь: къ чему? Въ эти-то тягостные дни и пришла мнѣ на помощь милая, славная жена Эдварда Коллина. Она сумѣла смягчить мое ѣдкое горе своимъ ласковымъ, участливымъ отношеніемъ и все уговаривала меня развлечься какимъ-нибудь новымъ трудомъ. Другая давняя и вѣрная моя подруга, г-жа Нергоръ, пригласила меня къ себѣ въ свое уютное уединенное помѣстье Сёллерёдъ, расположенное на берегу тихаго, блестящаго озера.

Въ честь моего прибытія былъ устроенъ настоящій праздникъ. Садъ весь освѣтили разноцвѣтными фонариками, а за мной ухаживали какъ за дорогимъ больнымъ, и я ожилъ. Г-жа Нергоръ тоже уговаривала меня взяться за работу, а дорогой мой другъ, геніальный композиторъ Гартманъ попросилъ меня написать либретто для его пятиактной оперы «*Саулъ*», и я исполнилъ его просьбу.

Затѣмъ я провелъ нѣкоторое время въ Маріенлюстѣ на морскихъ купаньяхъ. Я предполагалъ, если миръ будетъ заключенъ благопріятный, проѣхать потомъ въ Норвегію, гдѣ я еще не былъ, и гдѣ мой родной языкъ звучитъ какъ колоколъ въ горахъ, тогда какъ у насъ онъ похожъ на мягкій шелестъ нашихъ буковыхъ лѣсовъ—полюбоваться тамъ бурливыми горными рѣчками, тихими, глубокими озерами и посѣтить Мунха и Бьёрнсона. Оба они утѣшали меня въ то мрачное тягостное время милыми сердечными письмами. Но миръ былъ заключенъ крайне тягостный для Даніи, и я не поѣхалъ въ Норвегію. Конецъ этого года, самаго тяжелаго, горькаго во всей моей жизни, я провелъ въ Баснэсѣ.

1865 г.

Утромъ въ день Новаго года погода была съ легкимъ морозцемъ, но ясная, солнечная. Всѣ обитатели усадьбы отправились въ церковь, а мнѣ больше хотѣлось побыть одному. Душа моя была настроена торжественно-празднично, и я бродилъ по саду, гдѣ тоже царствовала святая тишина... Я смотрѣлъ въ будущее безъ страха, но и безъ всякихъ надеждъ. Это было единственное въ моей жизни новогоднее утро, когда я не твердилъ про себя съ дѣтскою вѣрою желанія, которое мнѣ хотѣлось видѣть исполненнымъ въ наступающемъ году. Минувшій годъ все еще давилъ меня, какъ кошмаръ.

Къ обѣду мы всѣ были приглашены въ сосѣднее имѣнье Эспе, но я попросилъ позволенія остаться дома, и въ уединеніи мысли мои внезапно пробудились къ дѣятельности, такъ что въ головѣ у меня сложилась цѣлая драма «*Испанскіе гости*». Когда вернулись обратно всѣ домашніе, я уже могъ разсказать имъ эту романтическую драму въ 3 дѣйствіяхъ сцену за сценой. Я отдался умственной дѣятельности, и на душѣ у меня стало легче.

Пьеса эта была поставлена на сценѣ королевскаго театра. Первое представленіе дало полный сборъ, но настроеніе публики уже съ самаго начала

приняло тяжелый, мрачный характеръ, такъ что мнѣ самому стало казаться, будто я присутствую на какомъ-то похоронномъ торжествѣ. Послѣ паденія занавѣса аплодисменты смѣшались съ шиканьемъ. При послѣдующихъ же представленіяхъ пьеса уже вызывала всегда единодушныя одобренія. Публика, вѣдь, зачастую напоминаетъ сырые дрова, что никакъ не могутъ разгорѣться. А, можетъ быть, причина неполнаго успѣха пьесы крылась и въ ней самой. Трудно вообще судить о дѣлѣ, если лично заинтересованъ въ немъ, но опытъ уже показалъ мнѣ, что особенно строго судили большинство моихъ драматическихъ произведеній именно на первомъ представленіи.

Впродолженіе года слишкомъ я не написалъ ни одной сказки, такъ я былъ удрученъ душевно. Теперь же, отдохнувъ на лонѣ природѣ, въ миломъ Баснэсѣ, среди свѣжаго лѣса, у открытаго моря, я написалъ *«Блуждающіе огоньки въ городѣ»*, а нѣсколько недѣль спустя, во время пребыванія въ роскошномъ Фрійсенборгѣ—*«Золотой мальчикъ»* и *«Въ дѣтской»*. Лѣтнія скитанья я закончилъ у друзей своихъ въ Христинелундѣ и тамъ я написалъ *«Буря перемѣщаетъ вывѣски»*. Чернила еще не успѣли высохнуть на бумагѣ, какъ я уже читалъ написанное своимъ друзьямъ и только успѣлъ кончить—поднялся страшный ураганъ, пыль взвилась столбомъ, и съ деревьевъ посыпались листья. Природа какъ будто вздумала сыграть фантазію на тему моей новой сказки. Два дня спустя, выѣзжая изъ Христинелунда, я видѣлъ на дорогѣ вырванныя съ корнемъ деревья. Вотъ такъ буря! Такая заставила бы поплясать и вывѣски! Говорятъ, что поэты идутъ впереди своего вѣка,—я во всякомъ случаѣ опередилъ бурю.

Скоро я опять былъ въ Копенгагенѣ въ своихъ маленькихъ комнаткахъ, между своихъ картинъ, книгъ и цвѣтовъ. Хозяйка моя была чудесная, практичная и очень образованная женщина; я прожилъ у нея восемнадцать лѣтъ, и у меня и въ мысляхъ не было перемѣнять квартиру. Но оказалось, что я былъ ближе къ этой перемѣнѣ, нежели предполагалъ. Сынъ хозяйки выросъ за это время, сдѣлался студентомъ, и ей понадобилось для него помѣщеніе получше. Она съ сожалѣніемъ объявила мнѣ, что намъ приходится разстаться, и, какъ это мнѣ было ни непріятно, приходилось подумать о перемѣщеніи. Одинъ изъ давнишнихъ моихъ друзей, датскій консулъ въ Лиссабонѣ Георгъ О'Нейль давно уже звалъ меня къ себѣ погостить, но въ Испаніи была холера, говорили, что она уже проникла и въ Португалію, и я колебался. Наконецъ я рѣшился ѣхать, но не сразу на югъ, а пока-что въ Стокгольмъ, гдѣ я уже давно не былъ, къ дорогимъ друзьямъ Фредерикѣ Бремеръ и поэту Бескову.

Когда я прибылъ въ Стокгольмъ, оказалось, что и Бесковъ и Фредерика Бремеръ на дачѣ, но, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, оба сообщили, что немедленно вернутся въ городъ, а я пока порѣшилъ съѣздить въ Упсалу.

Поѣхалъ я не одинъ, а вмѣстѣ съ однимъ милымъ семействомъ, съ ко-

торымъ недавно познакомился въ Копенгагенѣ. Въ Упсалѣ я вновь увидѣлся со всѣми своими старыми знакомыми и друзьями, между прочимъ провелъ въ высшей степени пріятный вечеръ у композитора Іосефсона, крестника Дженни Линдъ.

Упсальскіе студенты устроили въ честь меня торжественный обѣдъ, который прошелъ очень оживленно и весело съ рѣчами, тостами и пѣснями. Я прочелъ три свои сказки: «*Мотылекъ*», «*Ель*» и «*Безобразный утенокъ*». Меня наградили шумными апплодисментами, а затѣмъ студенты съ пѣніемъ проводили меня домой. Ярко горѣли на небѣ звѣзды, свѣтилъ новорожденный мѣсяцъ, ночь была тихая, чудесная, а на сѣверной части неба вспыхивало сѣверное сіянье.

По возвращеніи въ Стокгольмъ я нашелъ у себя въ нумерѣ отеля приглашеніе пожаловать обѣдать въ загородный королевскій дворецъ Ульриксдаль, лежащій миляхъ въ двухъ отъ столицы, между лѣсомъ и скалами.

Какъ разъ въ этотъ день разразилась гроза, хлесталъ дождь, а затѣмъ поднялась настоящая буря, такъ что я сейчасъ же по прибытіи долженъ былъ спасаться въ замокъ, не осмотрѣвъ живописныхъ окрестностей. Я оставался съ минуту одинъ въ большой прекрасной залѣ, потомъ ко мнѣ вошелъ какой-то господинъ, подалъ мнѣ руку и сказалъ: «Добро пожаловать!» Я отвѣтилъ на пожатіе и уже началъ что-то говорить, какъ вдругъ догадался, что передо мной былъ самъ король; я не сразу узналъ его. Онъ самъ повелъ меня по всему дворцу и представилъ королевѣ, которая напоминала наружностью свою родственницу, герцогиню Веймарскую. Молоденькая, тогда еще не конфирмованная, принцесса Луиза ласково протянула мнѣ руку и поблагодарила за удовольствіе, которое я доставилъ ей своими сказками. Она произвела на меня очень пріятное впечатлѣніе своей простотою, умомъ и чисто-дѣтской привѣтливостью. Теперь она сдѣлалась невѣстой датскаго кронпринца Фредерика и скоро будетъ нашей кронпринцессой. Богъ пошли милой молодой четѣ всякаго счастья!

И король, и королева, и всѣ окружающіе были со мной такъ ласковы и привѣтливы. Послѣ обѣда король повелъ меня въ курильную комнату и подарилъ мнѣ нѣсколько своихъ сочиненій. Словомъ, я провелъ въ гостяхъ у царственной четы чудесный свѣтлый день.

Г-жа Бремеръ пріѣхала въ Стокгольмъ, т. к. я не могъ пріѣхать погостить къ ней въ имѣнье. «Я всегда останусь вѣрнымъ другомъ Андерсена!» сказала она мнѣ, крѣпко пожимая мнѣ на прощанье руку. Это было послѣднее рукопожатье, которымъ мы обмѣнялись въ жизни. Около Рождества я получилъ печальную вѣсть: Фредерика Бремеръ скончалась. Она простудилась въ церкви, вернулась домой, прилегла и тихо заснула на-вѣки. Еще одна тяжелая утрата! Я свято храню ея письма, какъ память о ней, какъ сокровища.

Баронъ Бесковъ тоже вернулся въ Стокгольмъ и устроилъ для меня обѣдъ въ кружкѣ избранныхъ лицъ. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Настроеніе было самое веселое, сердечно-восторженное.

Но вотъ насталъ и день отъѣзда. Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ университетскомъ городѣ Лундѣ. Тамъ въ 1840 г. удостоился я перваго публичнаго чествованія. Я уже разсказывалъ объ этомъ въ «*Сказкѣ моей жизни*», разсказывалъ, какъ былъ смущенъ и взволнованъ такой честью; съ тѣхъ поръ я и не смѣлъ заглянуть въ этотъ городъ: такіе праздники не могутъ повторяться. Но теперь тому минуло уже четверть вѣка, я зналъ, что встрѣчу тамъ новое поколѣніе, и, проѣзжая на обратномъ пути какъ разъ мимо Лунда, я и рѣшился заѣхать въ этотъ милый городокъ на денекъ. Упсальскіе друзья дали мнѣ нѣсколько писемъ къ университетскимъ профессорамъ. Я явился къ профессору Лингрену и обѣдалъ у него въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ. Въ то время, какъ я сидѣлъ тамъ, явилась депутація отъ студентовъ съ приглашеніемъ отъ нихъ. Они наскоро украсили залу кружка и собирались дать въ честь меня такой же полный молодаго веселья и юношеской восторженности праздникъ, какъ ихъ упсальскіе товарищи.

Въ семь часовъ вечера профессоръ Лингренъ повелъ меня туда. Все говорило о торжествѣ—и убранство помѣщенія и многолюдіе. Комнаты были переполнены и молодыми и пожилыми людьми. Послѣ ужина говорились привѣтственныя рѣчи. Я запомнилъ только общее содержаніе ихъ: двадцать пять лѣтъ тому назадъ лундскіе студенты чествовали меня; настроеніе съ тѣхъ поръ не перемѣнилось, только выросло новое поколѣніе, выросло именно подъ вліяніемъ моихъ произведеній; послѣднія послужили имъ духовной пищей, вотъ они и высказываютъ мнѣ искреннюю признательность и любовь. Потомъ пропѣли нѣсколько пѣсенъ; молодой поэтъ Вандель прочелъ прекрасное стихотвореніе, а я, чтобы чѣмъ-нибудь отблагодарить своихъ хозяевъ прочелъ три свои сказки: «*Мотылекъ*», «*Счастливая семья*» и «*Истинная правда*». Послѣ каждой меня награждали громомъ апплодисментовъ, а по окончаніи чтенія начали пѣть датскія и шведскія пѣсни. Все это выходило такъ мило, искренно, неподдѣльно-сердечно, что и этотъ вечеръ оставилъ во мнѣ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній. Огромная толпа студентовъ проводила меня до отеля съ дружнымъ пѣніемъ. Мы остановились на минуту передъ памятникомъ Тегнеру, а затѣмъ молодежь вновь двинулась впередъ, оглашая пустынныя тихія улицы своимъ пѣніемъ. Наконецъ, у дверей отеля они простились со мной девятикратнымъ «ура». Я съ волненіемъ поблагодарилъ ихъ и отправился къ себѣ и уничтоженный и поднятый до небесъ такимъ чествованіемъ. Когда я вошелъ въ свой нумеръ, на улицѣ опять раздалось пѣніе. Это была та же самая мелодія, которую я слышалъ здѣсь двадцать пять

лѣтъ тому назадъ. Богъ пошли каждому изъ этихъ милыхъ юношей такую же радость въ жизни, какую они доставили мнѣ въ тотъ вечеръ!

Вернувшись въ Копенгагенъ, я сейчасъ же перебрался въ гостиницу и сталъ готовиться къ путешествію въ Португалію.

Самое пріятное воспоминаніе оставило во мнѣ съ того времени посѣщеніе Фреденсборга. Меня пригласилъ туда король, и мнѣ были отведены во дворцѣ двѣ комнаты. Приняли меня, по обыкновенію, очень радушно. Королевская семья желала послушать въ моемъ чтеніи мои послѣднія сказки. Узнать нашу королевскую семью значитъ полюбить ее; въ Фреденсборгѣ я увидѣлъ счастливую семейную жизнь, отношенія между членами семьи были самыя задушевныя, искреннія. На чтеніи присутствовали и всѣ королевскія дѣти: кронпринцъ Фредерикъ, принцъ Георгъ—нынѣшній король Греціи, принцессы Александра, Дагмара и Тира и прелестный малютка Вальдемаръ. Ему въ этотъ вечеръ позволили лечь въ постель получасомъ позже обыкновеннаго, чтобы и онъ могъ послушать немножко,—сказала королева.

На другой день я посѣтилъ двухъ дорогихъ друзей. За королевскимъ садомъ въ одной изъ пристроекъ жилъ поэтъ Паллуданъ-Мюллеръ. Онъ владѣетъ датскимъ языкомъ, какъ Байронъ своимъ роднымъ: въ его стихахъ слова превращаются въ музыку. Каждое его произведеніе говоритъ о его глубоко-чувствующей душѣ истиннаго поэта. Поэмы «*Адамъ Гомо*», «*Свадьба Дріады*» и «*Смертъ Авеля*» вѣчно будутъ читаться и перечитываться и восхищать всѣхъ. Какъ человѣкъ Паллуданъ-Мюллеръ натура дѣтски-наивная, открытая и хорошая, которая сразу влечетъ къ себѣ.

Второй мой визитъ въ Фреденсборгѣ былъ въ счастливую семью моего друга и рѣдкаго артиста, балетмейстера Бурнонвиля; онъ поднялъ въ Даніи балетъ до небывалой высоты среди другихъ родовъ искусства. Въ Парижѣ видишь болѣе замѣчательныхъ танцовщицъ, болѣе блестящія декораціи, вообще болѣе роскошную обстановку, но по богатству, красотѣ и поэтичности балетнаго репертуара, созданнаго Бурнонвилемъ, Копенгагенъ занимаетъ первое мѣсто. Бурнонвиль истый художникъ своего дѣла, поэтъ въ душѣ, натура восторженная, отзывчивая и добрый товарищъ. И весь домъ его, казалось, былъ залитъ солнцемъ.

Итакъ, я видѣлъ счастливую семейную жизнь въ королевскомъ дворцѣ, и въ двухъ меньшихъ по размѣру, но такихъ же свѣтлыхъ домахъ друзей моихъ—Паллудана-Мюллера и Бурнонвиля. Послѣднему я посвятилъ сказки, которыя читалъ теперь въ королевской семьѣ.

Вернувшись въ Копенгагенъ, я продолжалъ жить на положеніи путешественника, но все еще не могъ рѣшиться уѣхать. Во всякомъ случаѣ я хотѣлъ уѣхать немедленно по наступленіи Новаго года. Рождество и Новый годъ я провелъ въ Гольштейнборгѣ и Баснэсѣ. Здѣсь я получилъ письмо отъ

Георга О'Нейля; въ него были вложены благоухающія фіалки — привѣтъ весны, ожидавшей меня въ Португаліи.

1866 г.

«Безпокойный вы человѣкъ!» часто говорили мнѣ на родинѣ. «Вѣчно васъ тянетъ куда-нибудь! Вы, и живя на родинѣ, мысленно всетаки въ чужихъ краяхъ! И когда только успѣваете вы писать столько?» А я именно тогда только и обрѣтаю надлежащій миръ и покой душевный, когда кружусь между разными людьми и воспринимаю разнообразныя, смѣняющіяся впечатлѣнія. Несмотря на то, что у меня столько истинныхъ, вѣрныхъ друзей, я всетаки одинокая птица. Я всей душой льну къ семейной жизни, и находя такую на родинѣ или за-границей, живо становлюсь какъ бы членомъ семьи, отчего никогда и не чувствую удручающей многихъ путешественниковъ болѣзненной тоски или сердечнаго безпокойства. Но Данія всетаки постоянно остается главнымъ очагомъ, къ которому меня тянетъ обратно, и я всегда ищу себѣ въ Копенгагенѣ жилище съ видомъ на свободное, открытое пространство неба, воды или хоть площади.

Въ послѣднихъ числахъ Января я уѣхалъ изъ Копенгагена. Погода стояла зимняя, холодная, но вода была чиста ото льда. Я думалъ, что запасся всѣмъ нужнымъ на дорогу, но одинъ изъ моихъ друзей думалъ другое и явился ко мнѣ утромъ съ цѣлой партіей мѣховыхъ дорожныхъ сапоговъ. Самую большую и лучшую пару изъ нихъ онъ и поднесъ мнѣ на прощанье вмѣсто букета. Я привожу этотъ маленькій эпизодъ, какъ примѣръ, и могъ бы привести много подобныхъ, свидѣтельствовавшихъ о заботливости и вниманіи моихъ друзей.

Быстро проѣхалъ я черезъ Корсёръ и Фіонію въ бывшія наши герцогства Шлезвигъ-Гольштейнъ. Въ Гадерслевѣ я увидѣлъ прусскихъ солдатъ, и это произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. Поздно вечеромъ вышелъ я изъ вагона въ Альтонѣ и тутъ же на вокзалѣ столкнулся съ какимъ-то пожилымъ господиномъ и маленькой дѣвочкой. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ ребенку: «Дай господину руку!.. Это Андерсенъ, тотъ самый, что написалъ такія славныя сказки.» Старикъ улыбнулся мнѣ, дѣвочка протянула мнѣ ручку, я потрепалъ ее по щечкѣ, и этотъ случай снова привелъ меня въ хорошее расположеніе духа.

Я прямо проѣхалъ въ Голландію, прежде всего въ Амстердамъ, гдѣ провелъ пять счастливыхъ недѣль въ гостепріимномъ домѣ моего друга Брандта, оттуда въ Лейденъ и затѣмъ въ Гагу. Въ отелѣ «Oude Doelen», гдѣ я уже останавливался въ первый разъ, меня сейчасъ же узнали и приняли съ сердечнымъ радушіемъ.

Какъ хорошо, какъ славно такъ гулять по бѣлу-свѣту, очутиться въ какомъ-нибудь большомъ городѣ, гдѣ тебя никто не знаетъ, и въ то же время знать навѣрное, что у тебя здѣсь есть друзья, неизвѣстные, никогда не ви-

дѣнные тобой, но которые—случись съ тобой какая-нибудь дѣйствительная бѣда—сейчасъ же узнаютъ и выручатъ тебя!

Скоро я совсѣмъ обжился въ Гагѣ, познакомился съ многими милыми людьми, а затѣмъ—опять продолжалъ свой путь къ югу.

Черезъ Брюссель добрался я до Парижа. Тамъ въ это время находился нашъ кронпринцъ Фредерикъ, остановившійся въ отелѣ Бристоль на Вандомской площади. Его любезность и привѣтливость очаровывали всѣхъ, и всѣ отзывались о немъ съ энтузіазмомъ. Онъ принялъ меня съ обычной сердечностью, и я провелъ въ его обществѣ въ ближайшее воскресенье весьма пріятный день. Онъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ на скачки. Въ часъ дня мы отправились въ трехъ экипажахъ, запряженныхъ каждый четверкой лошадей съ форрейторами. У ипподрома кронпринца встрѣтилъ императорскій штальмейстеръ и провелъ его въ императорскую ложу; мы всѣ послѣдовали за нимъ. Возлѣ ложи была большая комната съ мягкой мебелью и каминомъ, гдѣ пылалъ огонь. Немного погодя, явился сынъ Мюрата, пожилой господинъ, съ сыномъ. Кромѣ нихъ, изъ императорской фамиліи не было никого. Внизу волновалось море человѣческихъ головъ; глаза всѣхъ были обращены на императорскую ложу; на душѣ у меня было свѣтло, а въ головѣ бродили серьезныя мысли... Я думалъ объ измѣнчивости человѣческой судьбы: я родился въ жалкомъ домишкѣ въ Одензе, дѣтство провелъ въ бѣдности, а теперь..!

Когда мы возвращались обратно, на панеляхъ стояли толпы народа, желавшаго видѣть датскаго кронпринца. За обѣдомъ онъ вспомнилъ, что завтра день моего рожденія—2-ое Апрѣля и выпилъ за мое здоровье бокалъ вина.

Всякій разъ, какъ я провожу этотъ день на родинѣ, друзья мои превращаютъ его въ настоящій праздникъ. На этотъ разъ мнѣ предстояло провести его на чужой сторонѣ, и я полагалъ, что онъ пройдетъ совсѣмъ иначе—тихо, скучно. Вышло, однако, не такъ. Раннимъ утромъ я получилъ съ родины множество писемъ отъ друзей и телеграмму отъ семейства Коллинъ. Всѣ дорогіе моему сердцу были мысленно со мною, а днемъ меня посѣтилъ кронпринцъ. Обѣдалъ я въ этотъ день у нашего консула въ большомъ кружкѣ земляковъ. Вернувшись вечеромъ въ свой нумеръ, я засталъ у себя одного земляка, постоянно живущаго въ Парижѣ и принесшаго мнѣ отъ имени моей копенгагенской доброй знакомой, г-жи Мельхіоръ, чудный букетъ цвѣтовъ. Я обрадовался, какъ ребенокъ, но сейчасъ-же радость мою, какъ это вообще часто случалось, смутила мысль: я черезчуръ счастливъ; такое счастье не можетъ быть вѣчнымъ; придется расплачиваться за него, а какъ-то я перенесу испытанія? Да, просто страшно становится, когда видишь, что счастье такъ балуетъ тебя!

Въ Парижѣ я услышалъ въ первый разъ Христину Нильсонъ въ оперѣ

«*Марта*». Я былъ въ восторгѣ отъ ея чуднаго голоса и драматичеекаго таланта и посѣтилъ ее,—мы были не совсѣмъ чужды другъ другу. Прочитавъ въ копенгагенскихъ газетахъ о ея первыхъ сценическихъ успѣхахъ, о счастьѣ, выпавшемъ на долю молодой шведки, которая родилась въ бѣдности такой богачкой, я заинтересовался ею и написалъ въ Парижъ одному изъ своихъ друзей, знавшему г-жу Нильсонъ, чтобы онъ предупредилъ ее о моемъ желаніи посѣтить ее, когда буду въ Парижѣ. Она отвѣтила ему, что давно знаетъ меня, слышала, какъ я читалъ свои сказки въ одномъ норвежскомъ семействѣ, гдѣ я былъ вмѣстѣ съ Бьёрнстьерне-Бьёрнсономъ. Она была представлена мнѣ, какъ молодая дѣвушка, готовящаяся къ сценической карьерѣ, и я еще подарилъ ей тогда какую-то вырѣзанную мною изъ бумаги фигурку *). Тутъ и я припомнилъ, что дѣйствительно въ Парижѣ, въ одномъ знакомомъ норвежскомъ семействѣ, я разговаривалъ съ молодой дѣвушкой, которая, какъ мнѣ сказали, готовилась поступить на сцену, но съ тѣхъ поръ я успѣлъ забыть и самый этотъ случай и даже лицо молодой дѣвушки. Теперь я вновь увидѣлся съ ней; она, видимо, была рада мнѣ и подарила мнѣ свой портретъ съ любезной надписью на французскомъ языкѣ.

У меня было рекомендательное письмо къ знаменитому композитору Россини, котораго я до сихъ поръ никогда не видалъ. Онъ любезно сказалъ мнѣ, что я могъ бы обойтись и безъ рекомендательнаго письма, такъ какъ мое имя хорошо извѣстно ему. Мы говорили о датской музыкѣ. Россини зналъ Гаде, но лишь по имени, и лично знавалъ Сиббони. Во время нашей бесѣды явился новый гость, какой-то итальянскій «principe», и Россини отрекомендовалъ ему меня «poeta tedesko». «Danese!» поправилъ я его, но онъ взглянулъ на меня и сказалъ: «Ну да, Данія, вѣдь, принадлежитъ Германіи!» Тогда гость вмѣшался и объяснилъ, что эти двѣ страны только что воевали одна противъ другой! Россини добродушно улыбнулся и попросилъ меня извинить ему его незнаніе географіи.

Въ Парижѣ ждала меня еще радость: мнѣ былъ присланъ сюда изъ Вѣны отъ мексиканскаго императора Максимильяна орденъ «Notre Dame de Gouadeloupe» при очень лестномъ письмѣ, въ которомъ говорилось, что орденъ этотъ пожалованъ мнѣ за литературныя заслуги. Меня очень обрадовала такая память обо мнѣ этого богато-одареннаго и столь несчастнаго

*) А. обладалъ необыкновеннымъ талантомъ къ вырѣзыванью. Съ невѣроятной быстротой вырѣзывалъ онъ самыя причудливыя фигурки, арабески, цвѣты, животныхъ и человѣчковъ. Особенно хорошо выходили у него лебеди, бабочки и танцовщицы, стоявшія на одной ножкѣ. Въ связи съ этимъ находился и его талантъ къ рисованію, котораго онъ, къ сожалѣнью, не развилъ. Вернувшись на родину изъ первой поѣздки въ Римъ, онъ привезъ съ собой множество рисунковъ, набросковъ перомъ. У него не было средствъ купить разные виды, вотъ онъ и срисовывалъ все, что ему хотѣлось сохранить на память. І. К.

впослѣдствіи императора. Я вспомнилъ, какъ много лѣтъ тому назадъ читалъ свои сказки его матери, герцогинѣ австрійской Софіи, и какъ ласково и привѣтливо обошлись со мной тогда принцы—Максимильянъ и братъ его, нынѣшній императоръ австрійскій.

Тринадцатаго апрѣля я уѣхалъ изъ Парижа въ Туръ. На всемъ пути привѣтствовала меня весна въ образѣ цвѣтущихъ фруктовыхъ деревьевъ; въ Бордо же, куда я прибылъ, день спустя, она развернулась передо мною въ полномъ блескѣ въ ботаническомъ саду. Всѣ деревья, и южныхъ и сѣверныхъ породъ, были въ цвѣту, цвѣты благоухали, а въ прудахъ рѣзвились сотни золотыхъ рыбокъ. Я снова свидѣлся здѣсь съ своими земляками и французскими друзьями. Особенно радушный пріемъ ожидалъ меня у литератора Георга Амера и артиста-музыканта Эрнста Редана. Я провелъ у нихъ нѣсколько пріятныхъ вечеровъ; Реданъ игралъ композиціи Шумана; Амеръ прочелъ по-французски нѣкоторыя изъ моихъ сказокъ и «*Картинки-невидимки*». При чтеніи присутствовалъ одинъ молодой французъ; онъ былъ такъ растроганъ, что прослезился и безгранично поразилъ меня, бросившись ко мнѣ и поцѣловавъ мою руку.

Изъ Бордо 25-го числа каждаго мѣсяца отходитъ пароходъ въ Лиссабонъ, и я уже предупредилъ О'Нейля о своемъ прибытіи 28-го Апрѣля. Погода, между тѣмъ, стояла бурная, и я зналъ, что при такихъ условіяхъ переѣздъ черезъ Бискайскій заливъ не будетъ увеселительной прогулкой. Но и сухопутный переѣздъ, черезъ безпокойную Испанію, тоже мало улыбался мнѣ, тѣмъ болѣе, что желѣзная дорога отъ Мадрида до границъ Португаліи еще не была окончена. Вдругъ узнаю, что въ Бордо пріѣхала Ристори и будетъ играть въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ «*Медею*» и «*Марію Стюартъ*». Я уже говорилъ выше, какъ она восхитила меня въ Лондонѣ въ роли леди Макбетъ. Я непремѣнно захотѣлъ увидѣть ее опять и отложилъ свой отъѣздъ, отказавшись отъ морского путешествія. Ристори и въ «Медеѣ» произвела на меня такое же неизгладимое впечатлѣніе!

Прибывъ въ Лиссабонъ, я хотѣлъ было остановиться въ отелѣ Дюранъ противъ конторы О'Нейля, но всѣ номера оказались занятыми, день былъ воскресный, такъ что никого изъ семьи О'Нейля не было въ городѣ, и мнѣ, несмотря на усталость, пришлось нанимать экипажъ и немедленно отправляться на дачу О'Нейля, находившуюся въ полумилѣ отъ города. Встрѣтили меня тамъ восторженно. О'Нейль ждалъ меня съ пароходомъ и даже ѣздилъ встрѣчать меня, когда тотъ пришелъ. Датскіе корабли, стоявшіе на Таго, выкинули въ честь меня флаги.

Изъ Лиссабона я рѣшилъ съѣздить въ Цинтра, прекраснѣйшую, воспѣваемую поэтами часть Португаліи, «новый райскій садъ», какъ называетъ ее Байронъ. «Здѣсь царство весны!» поетъ о ней португальскій поэтъ Гарретъ.

Дорога идетъ по безплодной скудной почвѣ, и вдругъ передъ вами, словно волшебный садъ Армиды, внезапно выростаетъ Цинтра съ ея могучими, тѣнистыми деревьями, журчащими источниками и романтическими скалами. Правду говорятъ, что тутъ человѣкъ всякой національности найдетъ частицу своей родины. Я нашелъ здѣсь датскую лѣсную природу, нашъ клеверъ и наши незабудки, и часто наталкивался здѣсь на мѣстечки, напоминавшія мнѣ то одѣтую въ зелень Англію, то дикій скалистый Брокенъ, то роскошный, полный цвѣтовъ Сетубалъ, то сѣверный Лександъ съ его березовыми лѣсами. Съ большой дороги виденъ городокъ и старинный замокъ, гдѣ живетъ король Фернандо. Замокъ, бывшій монастырь, расположенъ на горѣ очень живописно. Дорога къ нему идетъ сначала межъ кустами кактусовъ, каштанами и платанами, а затѣмъ вьется по скаламъ между берегами и елями. Съ этой высоты видно далеко-далеко во всѣ стороны, до самыхъ горъ по ту сторону Таго; виденъ и могучій Атлантическій океанъ.

Въ Цинтрѣ я жилъ у своего друга Хозе О'Нейля. Здѣсь же встрѣтилъ я и еще одного друга, англійскаго посланника Литтона, сына писателя Литтона-Бульвера, и мою соотечественницу, виконтессу Роборедо. Я чувствовалъ себя такъ хорошо въ кругу здѣшнихъ милыхъ, сердечныхъ друзей и знакомыхъ, что разстаться съ ними мнѣ было очень тяжело, особенно съ дорогимъ Хозе О'Нейлемъ, но время не ждало,—черезъ нѣсколько дней изъ Лиссабона отплывалъ въ Бордо пароходъ, на которомъ я рѣшилъ отправиться. Буря, однако, задержала его, и я пробылъ въ Лиссабонѣ нѣсколько лишнихъ дней. Предстоящее плаванье по бурному морю не особенно-то радовало меня.

14-го Августа рано утромъ пароходъ «Наварра» пришелъ. Это было огромнѣйшее судно, настоящій пловучій отель; такого я еще и не видывалъ. Георгъ О'Нейль познакомилъ меня съ капитаномъ и нѣсколькими офицерами изъ команды, пожелалъ мнѣ всего лучшаго и крѣпко пожалъ мнѣ на прощанье руку. Онъ былъ такъ веселъ, оживленъ, шутилъ и смѣялся, а мнѣ было такъ грустно: кто знаетъ—увидимся-ли мы еще?.. Раздался сигналъ, отдали якорь, пару дали волю распоряжаться судномъ, и скоро мы были въ открытомъ морѣ. Пароходъ качало, волны вздымались все выше и выше. Вѣтеръ улегся, но море все не успокаивалось. Я было сѣлъ обѣдать, но сейчасъ же долженъ былъ встать изъ-за стола и спасаться на свѣжій воздухъ. Качка очень мучила меня, а я зналъ, что она еще усилится въ Бискайскомъ заливѣ.

Насталъ вечеръ; зажглись звѣзды, въ воздухѣ сильно похолодѣло. Я не смѣлъ спуститься внизъ въ свою каюту и укрылся въ столовой, гдѣ къ полуночи и остался одинъ. Свѣчи потушили; я внималъ реву волнъ, стуку машины, звону нашего сигнальнаго колокола и отвѣчавшихъ ему, и думалъ о

могуществѣ стихій—воды и огня... Мнѣ живо вспомнилась ужасная смерть подруги моей юности, Генріэтты Вульфъ, и вдругъ въ судно ударила такая страшная волна, что оно на минуту какъ бы пріостановилось, машина точно затаила дыханіе... Это продолжалось всего одно мгновенье, затѣмъ машина снова застучала, но мысли мои уже не могли оторваться отъ картины кораблекрушенія. Я такъ живо, ярко представлялъ себѣ, какъ вода хлынетъ черезъ потолокъ, какъ мы будемъ погружаться все глубже и глубже, соображалъ, какъ долго будетъ длиться агонія... Я уже выстрадалъ ее, такъ разгорячено было мое воображеніе, наконецъ, я не выдержалъ, вскочилъ, выбѣжалъ на палубу и отдернулъ парусину, прикрѣпленную къ борту. Что за величественная, дивная картина! Волнующееся море все горѣло, огромныя волны вспыхивали фосфорическимъ блескомъ, мы какъ будто плыли по огненному морю. Это чудное зрѣлище такъ подѣйствовало на меня, что я забылъ всякій страхъ. Опасности намъ угрожало не больше и не меньше, чѣмъ во всякое время, но теперь я уже не думалъ о ней, теченіе мыслей моихъ приняло другое направленіе. Развѣ такъ важно для меня прожить еще нѣсколько лѣтъ? Если смерть придетъ ко мнѣ въ эту ночь — такъ по крайней мѣрѣ предстанетъ предо мною во всемъ своемъ грозномъ, прекрасномъ величіи. И я долго стоялъ на палубѣ, наслаждаясь чудной звѣздной ночью и бурнымъ моремъ, и вернулся въ столовую уже освѣженнымъ и успокоеннымъ душевно, вполнѣ отдавшись во власть Божію.

Я заснулъ, сонъ подкрѣпилъ меня, и утромъ я уже не страдалъ больше отъ качки, привыкъ смотрѣть на бѣгущія бурлящія волны. Къ вечеру волненіе какъ будто стихло, а на слѣдующій день, когда мы вошли въ пугавшій меня Бискайскій заливъ, и вѣтеръ совсѣмъ затихъ. Морская поверхность походила на разостланный шелковый покровъ; мы плыли какъ будто по озеру. Ну какъ же я не баловень счастья! Вѣдь, такого плаванья я и ожидать не смѣлъ. На утро четвертаго дня плаванья завидѣли мы маякъ передъ устьемъ Жиронды. Въ Лиссабонѣ говорили, будто въ Бордо холера, но это было подъ сомнѣніемъ. Прибывшій на корабль лоцманъ увѣрилъ, что въ городѣ все благополучно; первая же вѣсть была такимъ образомъ пріятная.

По рѣкѣ мы подвигались медленно и прибыли въ Бордо только къ семи часамъ вечера. Здѣшніе друзья мои уговаривали меня побыть здѣсь еще и махнуть рукой на Парижъ, гдѣ была холера. Мнѣ и самому не хотѣлось туда, но путь домой черезъ Парижъ былъ самый кратчайшій, и я поѣхалъ въ Парижъ, но остановился тамъ лишь на одинъ день въ Grand Hotel, т. е. въ самой здоровой части города. Я ни къ кому не заглянулъ, не пошелъ даже въ театръ, а только отдохнулъ и вечеромъ уже мчался по желѣзной дорогѣ черезъ Сѣверную Францію, гдѣ, какъ говорили, тоже во многихъ городахъ была холера. Въ Кельнѣ о ней по крайней мѣрѣ не говорили, но

врядъ-ли и тутъ ея не было. Въ Гамбургѣ я, наконецъ, счелъ себя внѣ опасности и цѣлыхъ два дня чувствовалъ себя, какъ нельзя лучше, ходилъ по театрамъ, гулялъ... Вдругъ вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда узнаю, что какъ разъ въ эти-то дни холера пуще всего и свирѣпствовала въ Гамбургѣ, выхватывая въ день по сотнѣ жертвъ, тогда какъ въ Парижѣ, откуда я бѣжалъ, заболѣвало въ день не больше сорока. Я былъ очень непріятно пораженъ, сѣлъ на діэту, разстроилъ себѣ желудокъ и провелъ безпокойную ночь. Утромъ я уѣхалъ и къ вечеру былъ въ своемъ родномъ городѣ Одензе, а, день спустя, въ Копенгагенѣ.

Дорожная жизнь для меня окончилась, теперь мнѣ предстояло плотно осѣсть на родной почвѣ, пить лучи родного солнышка, подвергаться рѣзкимъ вѣтрамъ родины, опять барахтаться въ разномъ вздорѣ, отъ котораго не уйдешь никуда, развѣ въ сказку, но также и жить, наслаждаясь всѣмъ великимъ, добрымъ и прекраснымъ, чѣмъ одарилъ Господь мою родину. Друзья мои—семейство Мельхіоръ встрѣтили меня на вокзалѣ и увезли въ свою усадьбу «Ролигхедъ». Надъ дверями красовались гирлянды изъ цвѣтовъ, флаги и надпись: «Добро пожаловать!» Съ балкона своей комнаты увидѣлъ я вдали Зундъ, весь покрытый парусными судами и пароходами... Здѣсь въ кругу дорогихъ друзей, окруженный всѣми удобствами и вниманіемъ, проводилъ я свои дни въ высшей степени весело и пріятно.

Въ числѣ выдающихся людей, съ которыми я видѣлся здѣсь, былъ и молодой художникъ Карлъ Блокъ; я очень высоко цѣнилъ его талантъ; познакомился я съ нимъ еще въ Римѣ, здѣсь же сошелся съ нимъ поближе и сталъ еще больше цѣнить его и какъ художника и какъ человѣка. Ему-то я и посвятилъ новыя сказки, вышедшія въ концѣ этого года.

Вскорѣ по возвращеніи на родину, я опять былъ приглашенъ въ королевскую семью и принятъ съ обычной привѣтливостью. Въ концѣ этой недѣли назначенъ былъ отъѣздъ нашей милой принцессы Дагмары въ Россію, гдѣ ей предстояло сдѣлаться Великой княгиней. Послѣднее свиданіе и бесѣда съ нею въ ея родномъ домѣ глубоко взволновали меня.

Когда она уѣзжала, я стоялъ въ толпѣ на мосткахъ, перекинутыхъ съ корабля, на которомъ она уѣзжала съ своими родителями. Принцесса увидѣла меня, подошла ко мнѣ и привѣтливо протянула мнѣ руку. Тутъ слезы брызнули у меня изъ глазъ, и я отъ всего сердца вознесъ къ Богу горячую молитву о молодой принцессѣ. Теперь она счастлива; ее и тамъ ждала такая же счастливая семейная жизнь, какъ та, которую она оставила здѣсь.

Я еще не успѣлъ побывать у милой г-жи Ингеманъ и теперь поспѣшилъ къ ней. Она была такъ оживлена, такъ радовалась, что зрѣніе опять къ ней вернулось, а еще болѣе радовалась мысли, что скоро, быть можетъ, прозрѣетъ еще лучше—свидится съ Ингеманомъ.

Изъ Сорё я проѣхалъ въ Гольштейнборгъ, а, вернувшись въ Копенга-

тенъ, переѣхалъ на новую квартиру. Можетъ быть, кое-кого изъ моихъ заокеанскихъ друзей *) и заинтересуетъ описаніе моего копенгагенскаго жилища. Домъ находится на Новой Королевской площади; въ первомъ этажѣ помѣщается одно изъ наиболѣе посѣщаемыхъ въ городѣ кафе; во второмъ этажѣ ресторанъ, въ третьемъ клубъ, въ четвертомъ, гдѣ находится моя квартира, живетъ еще врачъ, а надо мною фотографическій павильонъ. Такимъ образомъ у меня подъ руками и ѣда, и питье, и общество, и даже врачебная помощь на всякій случай, а также фотографія, если я пожелаю оставить свой портретъ потомству. Кажется, недурно устроился! Обѣ мои комнаты невелики, но очень уютны, залиты солнцемъ и украшены статуями, картинами, книгами и цвѣтами, о которыхъ заботятся мои вѣрныя пріятельницы. Каждый вечеръ у меня на выборъ два мѣста—въ королевскомъ театрѣ и въ Казино. Друзья мои разсѣяны повсюду, во всѣхъ классахъ общества, и я всегда нахожу у нихъ радушный и сердечный пріемъ.

1867 г.

Въ концѣ Января профессоръ Гётъ **) съ огромнымъ успѣхомъ читалъ мои сказки: «*Мотылекъ*» и «*Счастливая семья*» въ Студенческомъ Союзѣ, гдѣ до сихъ поръ ихъ читалъ вслухъ лишь я самъ. Чтеніе его, благодаря вдумчивости, юмору и экспрессіи, съ какими онъ передавалъ эти исторійки, произвело большое впечатлѣніе. Послѣ чтенія состоялся товарищескій ужинъ, и артистъ провозгласилъ во время его тостъ за меня, причемъ пояснилъ, что первый его дебютъ состоялся въ Студенческомъ Союзѣ и въ комедіи изъ студенческаго быта Г. Х. Андерсена,—вотъ почему онъ и сегодня, выступая послѣ столькихъ лѣтъ опять въ томъ же кружкѣ, пожелалъ прочесть сказки Андерсена, продолжающаго оставаться членомъ Союза, и все такимъ же юнымъ, свѣжимъ, если только не еще свѣжее, еще моложе, нежели въ годы студенчества!

Профессоръ Гётъ былъ такимъ образомъ первымъ, если не считать меня самого, чтецомъ моихъ сказокъ въ публичномъ собраніи ***). Затѣмъ одинъ изъ самыхъ выдающихся артистовъ королевскаго театра, г. Фистеръ, положительно создавалъ своимъ чтеніемъ нѣчто художественное изъ сказки «*Новый нарядъ короля*». Артистъ Нильсенъ, первоклассный исполнитель

*) Надо имѣть въ виду, что А. обработалъ эту часть своей автобіографіи собственно для американскихъ читателей. *І. К.*

**) Одинъ изъ выдающихся артистовъ, впослѣдствіи главный режиссеръ королевскаго театра и преподаватель драматическаго искусства. *Примѣч. перев.*

***) Въ Россіи такой починъ сдѣлалъ даровитый артистъ Московскаго Малаго театра А. П. Ленскій, съ огромнымъ успѣхомъ читавшій зимою 1894 г. въ „Клубѣ художниковъ“ слѣдующія сказки А. въ нашемъ переводѣ: «*Что можно придумать*», «*Самое невѣроятное*», «*Свинья-копилка*», «*И въ щепкѣ порою скрывается счастье*» и «*Въ день кончины*». *Примѣч. перев.*

ролей Гакона Ярла и Макбета, также часто читалъ нѣкоторыя сказки и въ частныхъ кружкахъ и во время своихъ артистическихъ поѣздокъ по Швеціи и Норвегіи. А нашъ несравненный Михаэль Віэ съ неподражаемою искренностью, юморомъ и наивностью читалъ «*Истинную правду*», «*Воротничокъ*» и «*Иванушку дурачка*». Назову затѣмъ изъ прекрасно читавшихъ мои сказки артистовъ: Христіана Шмидта и Манціуса. Наконецъ, профессоръ философіи высокодаровитый Расмусъ Нильсенъ посвятилъ разбору и выясненію значенія моихъ сказокъ «*Снѣгуръ*» и «*Ужъ что муженекъ сдѣлаетъ, то и ладно*», двѣ публичныя лекціи.

2 Апрѣля въ день моего рожденія, вся комната моя оказалась переполненной цвѣтами, картинами и книгами. У дорогихъ друзей моихъ Мельхіоръ встрѣтили меня пѣніемъ и рѣчами. На дворѣ свѣтило весеннее солнышко, свѣтило оно и въ моемъ сердцѣ. Я оглянулся назадъ на прожитые годы,— сколько счастья выпало мнѣ на долю! И мнѣ, какъ всегда, стало страшно: я не могъ не вспомнить стариннаго сказанья о богахъ, завидующихъ слишкомъ счастливымъ смертнымъ и обрушивающихъ на ихъ головы бѣды. Но, вѣдь, нашъ Богъ—любовь!

Въ Парижѣ открылась всемірная выставка. Люди стремились туда со всѣхъ концовъ свѣта. На Марсовомъ полѣ воздвигся замокъ «Фаты Морганы», песчаное поле превратилось въ чудный садъ, и меня потянуло туда увидѣть современное сказочное зрѣлище.

11-го Апрѣля я уже былъ въ Шлезвигъ-Голштиніи, а затѣмъ быстро проѣхалъ Германію и очутился въ Парижѣ. Выставка еще не была окончательно устроена, но работы подвигались впередъ гигантскими шагами. Все здѣсь занимало, интересовало, возбуждало меня. Я посѣщалъ выставку почти ежедневно и встрѣчался здѣсь съ друзьями и знакомыми изъ разныхъ странъ свѣта. Здѣсь какъ будто было условленное мѣсто свиданія всѣхъ націй.

Однажды я встрѣтилъ тутъ элегантно одѣтую даму подъ руку съ мужемъ негромъ, и она заговорила со мной на смѣшанномъ шведско-англійско-нѣмецкомъ нарѣчіи. Оказалось, что она шведка родомъ, но затѣмъ жила все за-границей. Узнала она меня по портрету. Она познакомила меня съ своимъ мужемъ, знаменитымъ трагикомъ Ирой Ольриджемъ, который былъ приглашенъ въ парижскій Одеонъ-театръ. Я пожалъ руку артиста, мы обмѣнялись по-англійски нѣсколькими любезностями, и мнѣ было очень пріятно встрѣтить друга и въ лицѣ одного изъ даровитѣйшихъ сыновъ Африки.

Въ Парижѣ находился король греческій Георгъ, и я имѣлъ удовольствіе вновь свидѣться съ молодымъ королемъ, котораго я зналъ еще съ того времени, когда онъ ребенкомъ слушалъ, какъ я читалъ свои сказки.

Къ 26-му Мая, дню серебряной свадьбы датской королевской четы я хотѣлъ быть въ Копенгагенѣ и отправился туда черезъ Locle и Швейцарію,

но простудился въ дорогѣ и проболѣлъ въ Locle, такъ что пріѣхалъ въ Копенгагенъ нѣсколькими днями позже. Въ числѣ многихъ лицъ, награжденныхъ при этомъ торжественномъ случаѣ чинами или орденами, былъ и я; король возвелъ меня въ званіе статскаго совѣтника.

Королевская семья жила въ Фреденсборгѣ. Принцесса Дагмара, супруга Наслѣдника русскаго престола, гостила въ это время у своихъ родителей. Я отправился въ Фреденсборгъ, и, хотя день былъ непріемный, меня приняли съ обычной любезностью. Король пригласилъ меня остаться обѣдать, и я имѣлъ случай побесѣдовать съ привѣтливой, любезной принцессой Дагмарой.

Лѣто стояло жаркое, и оставаться въ душномъ городѣ было вовсе не заманчиво, я и отправился гостить въ Ролигхедъ къ друзьямъ своимъ Мельхіоръ. Тамъ я написалъ «*Альбомъ крестнаго*» и «*Зеленыя крошки*», но въ головѣ у меня не переставала шевелиться идея—передать въ сказкѣ впечатлѣніе, произведенное на меня Парижской выставкой, этою сказкою нашего времени, такъ называемаго «вѣка матеріализма». Но тщетно я искалъ исходную точку, ядро сказки, какъ вдругъ во мнѣ пробудилось одно воспоминаніе, относившееся къ моему пребыванію въ Парижѣ передъ отъѣздомъ въ Португалію. Я жилъ въ отелѣ Лувуа на площади Лувуазъ. Вокругъ фонтана былъ разбитъ садикъ; одно изъ большихъ деревьевъ засохло, и валялось выдернутое съ корнями на землѣ. Возлѣ стояла телѣга съ большимъ, только что распустившимся деревомъ, привезеннымъ для посадки. «Бѣдное деревцо! Бѣдняжка дріада!» подумалъ я. «Ты явилась сюда изъ чудеснаго, свѣтлаго деревенскаго воздуха, будешь глотать здѣсь воздухъ, пропитанный газовыми испареніями, известковой пылью, и погибнешь!» Завязка была найдена, и идея этой сказки преслѣдовала меня все время, пока я гостилъ въ Гольштейнборгѣ, въ Баснэсѣ и Глорупѣ. Я набросалъ сказку, но этотъ набросокъ не удовлетворялъ меня; я видѣлъ выставку лишь въ періодъ ея развитія, а настоящее цѣльное впечатлѣніе можно было получить отъ нея только теперь; но и сдѣлать въ одно лѣто двѣ поѣздки въ Парижъ тоже не такъ то легко, если у тебя нѣтъ особыхъ средствъ. Наконецъ, я всетаки не смогъ преодолѣть своей страсти къ путешествію и влеченія еще разъ увидѣть выставку во всей ея красѣ, опять отправился въ Парижъ, и послѣ того уже написалъ «*Дріаду*».

На обратномъ пути изъ Парижа я остановился на день отдохнуть въ родномъ Одензе. На всѣхъ домахъ развѣвались датскіе флаги, манежъ былъ разубранъ: городъ ожидалъ вновь сформированные полки солдатъ. Меня пригласили на торжество. Огромное старинное зданіе было все разукрашено зеленью и флагами; столы ломились подъ явствами и питіями; вокругъ нихъ суетились въ качествѣ хозяекъ городскія дамы и дѣвицы. Солдаты явились, загремѣло «ура», начали раздаваться пѣсни и рѣчи.

Какъ измѣнилось все къ лучшему, какъ свѣтло, прекрасно наше время въ сравненіи съ стариною, которую я знавалъ. Я высказалъ это въ рѣчи, въ которой отмѣтилъ также, что много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ былъ въ этомъ манежѣ; тогда я былъ еще маленькимъ мальчикомъ и видѣлъ, какъ солдата наказывали шпицрутенами. Теперь я опять вижу здѣсь солдатъ, нашу опору и защиту, но ихъ привѣтствуютъ пѣснями, рѣчами, они сидятъ подъ развѣвающимися знаменами; будь же благословенно наше время! Нѣкоторые изъ моихъ здѣшнихъ друзей заявили мнѣ, что я долженъ пріѣхать въ Одензе еще разъ въ нынѣшнемъ году, что не слѣдуетъ мнѣ всегда такъ заглядывать въ родной городъ только проѣздомъ, что и онъ тоже собирается дать въ честь меня праздникъ. Къ этому было прибавлено, что приглашеніе отъ города я получу, вѣроятно, въ ноябрѣ. Я отвѣтилъ, что всѣмъ сердцемъ благодаренъ за симпатіи ко мнѣ, но просилъ бы отложить все это до 1869 г. «Четвертаго сентября 1869 г. исполнится ровно пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ я покинулъ Одензе и отправился въ Копенгагенъ; 6-го сентября я прибылъ въ столицу, и этотъ день для меня знаменательнѣйшій день въ жизни. Такъ вотъ и подождемъ лучше до этого дня полувѣкового юбилея!»—«До него еще два года!» отвѣтили мнѣ. «Незачѣмъ откладывать такія пріятныя вещи! Увидимся въ ноябрѣ!»

Такъ и вышло. Предсказаніе старой гадалки, говорившей, что въ Одензе будетъ зажжена въ честь меня иллюминація, сбылось въ самой прекрасной формѣ.

Въ концѣ ноября я получилъ въ Копенгагенѣ слѣдующее посланіе отъ городского управленія Одензе, помѣченное 23 ноября 1867 г.

«Одензейское городское общественное управленіе симъ имѣетъ честь увѣдомить Ваше Высокородіе, что мы избрали Васъ почетнымъ гражданиномъ Вашего родного города и просимъ Васъ пожаловать къ намъ въ Одензе въ пятницу 6 Декабря, когда мы желаемъ поднести Вамъ изготовленный къ сему случаю дипломъ на званіе почетнаго гражданина». Затѣмъ слѣдовали подписи.

Я отвѣтилъ на это: «Вчера вечеромъ получилъ лестное посланіе городскаго общественнаго управленія и спѣшу принести за него свою глубокую благодарность. Родной городъ мой оказываетъ мнѣ черезъ Васъ, Милостивые Государи, такую честь, о которой я никогда и не мечталъ.

Въ нынѣшнемъ году минуло 48 лѣтъ съ того времени, какъ я бѣднымъ мальчикомъ оставилъ свой родной городъ, и теперь онъ готовится принять меня, обогатившагося за эти годы счастливыми воспоминаніями, какъ дорогого сына. Вы поймете мои чувства. Я чувствую себя вознесеннымъ и не тщеславно, но смиренно благодарю за это Бога. Благодарю я Его и за часы

тяжелыхъ испытаній, и за многіе дни радостей, которые Онъ послалъ мнѣ. Примите мою сердечную признательность.

Я радуюсь возможности свидѣться съ моими благородными друзьями въ своемъ родномъ городѣ въ назначенный день, 6-го декабря, и надѣюсь, что свиданіе это состоится, если только Богъ пошлетъ мнѣ здоровья.

Вашъ благодарный и почтительный
Г. Х. Андерсенъ.»

Четвертаго декабря я прибылъ въ Одензе. Погода стояла холодная, бурная; я сильно простудился и схватилъ зубную боль. Но вотъ проглянуло солнышко, и наступила тихая, чудесная погода. Епископъ Энгельстофтъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ и повезъ меня къ себѣ, въ епископское подворье, находившееся на берегу рѣки Одензе, какъ и описано у меня въ сказкѣ «*Колокольная бездна*». Къ обѣду были приглашены многіе изъ городскихъ властей, и онъ прошелъ очень оживленно и интимно-весело.

Наступилъ и знаменательный день 6-ое декабря, самый свѣтлый праздничный день въ моей жизни. Всю предшествовавшую ночь напролетъ я провелъ безъ сна; я изнемогалъ и тѣломъ и духомъ; у меня болѣла грудь и ныли зубы, какъ бы для того, чтобы напомнить мнѣ: «ты со всей своей славой лишь дитя суеты, червякъ, извивающійся въ пыли!» И я чувствовалъ всю истину этого не только всѣми фибрами своего тѣла, но и всей душой. И какъ я ни желалъ наслаждаться выпавшимъ мнѣ на долю огромнымъ счастьемъ, я не могъ; меня просто била лихорадка.

Утромъ 6-го декабря я услышалъ, что весь городъ изукрашенъ, и что всѣ учащіеся уволены отъ занятій. Я чувствовалъ себя такимъ подавленнымъ, ничтожнымъ и недостойнымъ, какъ будто стоялъ передъ лицомъ Божіимъ. Каждая моя слабость, каждый грѣхъ—словомъ, дѣломъ и помышленіемъ—такъ и вырисовывались передо мной огненными буквами, выступали съ необычайной силою и яркостью, словно въ день Судный! Богъ вѣдаетъ, какимъ ничтожнымъ казался я самъ себѣ въ тотъ день, когда люди такъ возвышали, чествовали меня.

Вскорѣ пришли ко мнѣ полицмейстеръ Кохъ и бургомистръ Мурье и пригласили меня пожаловать въ ратушу, гдѣ хотѣли поднести мнѣ дипломъ на званіе почетнаго гражданина. Почти на всѣхъ домахъ развѣвались національные флаги; улицы были запружены городскимъ и окрестнымъ населеніемъ; меня встрѣчали криками «ура», а у самой ратуши встрѣтили музыкой. Играли мелодіи къ моимъ пѣснямъ «*Замокъ Вальдемара*» и «*Данія—моя родина!*» Я былъ совсѣмъ подавленъ и никто не станетъ удивляться тому, что я сказалъ, не могъ не сказать своимъ спутникамъ: «Да, каково-то бываетъ преступнику, котораго ведутъ на казнь! Право, я кажется, чувствую что-то вродѣ этого!»

Зала ратуши была переполнена разодѣтыми дамами, чиновными лицами въ парадныхъ мундирахъ, гражданами и крестьянами.

Бургомистръ произнесъ рѣчь, въ которой объяснилъ, по какому случаю они всѣ собрались здѣсь, затѣмъ обратился ко мнѣ съ нѣсколькими сердечными, лестными словами, передалъ мнѣ дипломъ и пожелалъ долгой жизни. Слова его были покрыты девятикратнымъ «ура» всѣхъ присутствовавшихъ.

Я отвѣтилъ приблизительно такою рѣчью: «Великая честь, которую оказываетъ мнѣ мой родной городъ, и подавляетъ и возноситъ меня. Мнѣ невольно приходитъ на умъ Алладинъ въ ту минуту, когда онъ, воздвигнувъ себѣ съ помощью чудесной лампы роскошный дворецъ, подходитъ къ окну и говоритъ: «Вонъ тамъ, ребенкомъ бѣднымъ я бродилъ!» И мнѣ тоже была дарована Богомъ чудесная лампа—поэзія; свѣтъ отъ нея разливается по всѣмъ странамъ, радуя людей; значеніе ея признается всѣми, всѣ говорятъ, что она свѣтитъ изъ Даніи, и сердце мое бьется отъ радости. Я всегда зналъ, что имѣю друзей на родинѣ, и ужъ тѣмъ болѣе въ томъ городѣ, гдѣ стояла моя колыбель. И вотъ теперь онъ даетъ мнѣ такое почетное доказательство своего расположенія, оказываетъ мнѣ такую честь, что я глубоко взволнованный ею, могу лишь отвѣтить вамъ сердечнымъ спасибо!»

Я просто готовъ былъ упасть подъ наплывомъ чувствъ и впечатлѣній и только на обратномъ пути изъ ратуши къ подворью епископа началъ различать привѣтливыя лица, кивавшія мнѣ со всѣхъ сторонъ. Я видѣлъ всеобщее ликованье, развѣвающіеся флаги, а самъ въ это время съ сокрушеніемъ думалъ: «Что будутъ говорить обо всемъ этомъ въ странѣ? Что скажутъ газеты?» Я готовъ былъ примириться со всякими пересудами; пусть говорятъ, что я не стою такихъ чествованій, только бы не обрушивались за это на мой родной городъ! Вотъ почему я и былъ такъ несказанно радъ—я признаюсь въ этомъ! —когда узналъ, что всѣ газеты, и крупныя и мелкія, относятся къ моему празднику очень сочувственно.

По возвращеніи изъ ратуши въ домъ епископа, я узналъ первый отзывъ одной изъ самыхъ вліятельныхъ копенгагенскихъ газетъ *), только что полученной съ почты; мнѣ посылали сердечный привѣтъ, а мой родной городъ

*) Вотъ что говорилось въ газетѣ „Dagbladet“ отъ 6-го декабря: „Г. Х. Андерсенъ празднуетъ сегодня рѣдкое радостное торжество: сегодня городъ Одензе подноситъ ему дипломъ на званіе почетнаго гражданина. Подобная честь у насъ очень рѣдко кому выпадаетъ на долю, но г. Одензе не ошибся, удостоивъ такого отличія вышедшаго изъ него сына бѣднаго ремесленника, составившаго себѣ имя, которое чтятъ и далеко за предѣлами нашей маленькой родины и которое такимъ образомъ приноситъ честь и всей странѣ и его родному городу. Многіе навѣрное принимаютъ мысленно участіе въ сегодняшнемъ торжествѣ, которое будетъ занимать такое выдающееся мѣсто въ „*Сказкѣ жизни*“ Андерсена, и шлютъ поэту свой привѣтъ и спасибо за все, что онъ далъ намъ.“

хвалили. Меня это очень обрадовало и успокоило, и я теперь уже могъ всей душой отдасться празднику. За мной опять пріѣхали распорядители торжества, и я отправился съ ними, чувствуя себя куда спокойнѣе, увѣреннѣе, чѣмъ утромъ. Теперь-то ужъ я разглядѣлъ, какъ слѣдуетъ, праздничное убранство города. Оркестры все играли мои пѣсни.

Въ залѣ ратуши былъ воздвигнутъ на пьедесталѣ мой бюстъ, окруженный медальонами съ надписями: «2-е апрѣля 1805 г.» (день моего рожденія), «4-е Сентября 1819 г. (день моего ухода изъ Одензе) и «6 Декабря 1867 г. Народу собралось 250 человѣкъ, изъ всѣхъ классовъ общества. Бургомистръ провозгласилъ тостъ за меня и затѣмъ мнѣ была пропѣта привѣтственная пѣсня:

Лебедь вновь въ край родной прилетѣлъ,
Гдѣ въ утиномъ гнѣздѣ онъ родился,
Гдѣ печальный влачилъ онъ удѣлъ,
Гдѣ смиренью, терпѣнью учился!

«Безобразнымъ утенкомъ» онъ слылъ,
Въ камышахъ отъ пинковъ укрывался,
Въ мірѣ грезъ—утѣшенья и силъ
Для борьбы съ зломъ и тьмой набирался.

У! какъ злобно вопилъ птичій хоръ!
Вѣдь, ни гуси, ни утки не знали,
Что покинетъ утиный онъ дворъ
И исчезнетъ въ сіяющей дали!

Что недаромъ къ чужимъ берегамъ
Лебедь гордый полетъ свой направитъ,
Что онъ славой покроется самъ
И родной уголокъ свой прославитъ!

Что волшебною пѣснью своей
Лебедь, помнящій дѣтства невзгоды,
Очаруетъ весь міръ, всѣхъ людей,
Не смотря на ихъ званье и годы!

Коммерсантъ Петерсенъ тоже поднялъ въ честь меня бокалъ и сказалъ такую рѣчь: «Почти полвѣка тому назадъ покинулъ нашъ городъ бѣдный мальчикъ, чтобы начать борьбу съ жизнью. Проводы были самые тихіе; никто, вѣдь, не зналъ его, никто не обращалъ на него вниманія; только двѣ женщины—его мать и бабушка провожали его недалеко за городъ, но пожеланія и молитвы ихъ провожали его во всю дорогу. Первой цѣлью его стремленій была столица; тамъ онъ рѣшился начать свою великую борьбу, чтобы достигнуть великой цѣли. Въ столицѣ онъ очутился вначалѣ одинокимъ, безъ друзей, безъ родныхъ, но все же онъ началъ свою борьбу; у него было двѣ могущественныхъ опоры: вѣра къ Провидѣніе и вѣра въ собственныя силы. Тяжела была борьба, много пришлось ему извѣдать ли-

шеній, но твердая воля непрестанно двигала его впередъ, и, можетъ быть, именно эта борьба и явилась родоначальницею неистощимыхъ богатствъ его фантазіи. Мальчикъ сталъ мужемъ и находится теперь среди насъ. Имя его было въ эти дни на устахъ у всѣхъ. Борьба его закончилась побѣдой; его чествовали и короли, и князья, и—что еще важнѣе—чествуютъ его сограждане.» Въ заключеніе ораторъ поблагодарилъ меня отъ лица всѣхъ согражданъ за все, что я подарилъ своей родинѣ и за то, что я никогда не забывалъ своего родного города. Конецъ рѣчи былъ покрытъ восторженнымъ «ура». Я былъ очень тронутъ и отвѣтилъ приблизительно такъ: «Мнѣ невольно приходятъ на умъ дни дѣтства и связанныя съ нимъ воспоминанія. Съ этой залой связано три воспоминанія; въ первый разъ я явился сюда ребенкомъ—смотрѣть музей восковыхъ фигуръ, и видъ королей, князей и разныхъ знаменитостей произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Во второй разъ я смотрѣлъ тутъ на празднество, устроенное по случаю дня рожденія короля. Меня провелъ сюда старичокъ-музыкантъ, и я любовался изъ оркестра на освѣщенную залу и на танцующихъ, узнавая среди нихъ знакомыя лица. Въ третій же разъ я нахожусь здѣсь сегодня, когда самъ являюсь почетнымъ гостемъ, которому оказано столько сердечнаго вниманія. Все это кажется мнѣ сказкой; впрочемъ, я уже успѣлъ убѣдиться, что сама жизнь—прекраснѣйшая сказка!»

Оркестръ заигралъ мелодію «*Данія—моя родина*», и епископъ Энгельстофтъ очень тепло и краснорѣчиво провозгласилъ тостъ за Данію. Бургомистръ Кохъ произнесъ юмористическій спичъ, въ которомъ предлагалъ выпить за мою «супругу», — она хоть и существовала лишь въ моемъ поэтическомъ воображеніи, тѣмъ не менѣе создала для многихъ рай на всю жизнь. Я поблагодарилъ за этотъ тостъ и, напомнивъ присутствовавшимъ о старинномъ обычаѣ украшать кубки вѣнками, добавилъ, что желалъ бы украсить свой вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, на лепесткахъ которыхъ красовались бы имена присутствующихъ здѣсь милыхъ дамъ. Затѣмъ сказалъ шутливую рѣчь полковникъ Вопелль; онъ говорилъ о моихъ дѣтяхъ, которыхъ такъ любятъ его солдаты и которые направляютъ ихъ на путь истины. Инспекторъ школъ Мюллеръ привѣтствовалъ меня отъ имени 1600 чел. дѣтей, находившихся подъ его надзоромъ; мой школьный товарищъ, совѣтникъ Петерсенъ, сказалъ посвященное мнѣ стихотвореніе, а городской пробстъ Свитцеръ заявилъ, что слѣдуетъ провозгласить тостъ и за мой родной городъ, избравшій меня своимъ почетнымъ гражданиномъ. Пришлось мнѣ еще разъ отвѣтить рѣчью. Я сравнилъ въ ней свою жизнь съ постройкой зданія, надъ которой особенно потрудились два человѣка: І. Коллинъ и Г. Х. Эрстедъ. Теперь зданіе возведено и остается лишь увѣнчать его; пусть же этимъ вѣнкомъ будетъ мое «спасибо» городской общинѣ Одензе, которая — вижу съ удовольствіемъ — процвѣтаетъ не только матеріально, но и духовно, стре-

мясь къ добру и красотѣ. Я бы охотно обратился съ своимъ спасибо отдѣльно къ каждому изъ присутствующихъ, доставившихъ мнѣ сегодня столько радости, но это невозможно, и мнѣ приходится собрать ихъ всѣ въ одно великое спасибо и пожеланіе процвѣтанія моему родному городу Одензе!

Послѣ ужина предполагались танцы, но еще до начала ихъ меня усадили въ кресло посреди залы, вошли по-парно разодѣтыя дѣтишки и принялись плясать вокругъ меня, напѣвая сложенную для этого случая Іоганомъ Крономъ пѣсенку:

Вьется змѣйкою дорожка;
Покосившийся немножко
Домикъ низенькій стоитъ...
Тамъ—учитель говоритъ—
Жилъ нашъ Андерсенъ малюткой.
Оле сказкой, прибауткой
Тѣшилъ мальчика не разъ
Передъ сномъ въ вечерній часъ.

Домовой его баюкалъ;
Лѣшій изъ лѣсу аукалъ;
Мальчикъ видѣлъ *водяныхъ*;
Изъ вѣтвей ему густыхъ
Улыбалася *Дріада*,
А зимой въ окно изъ сада
Къ нимъ глядѣла безъ чиновъ
Королева буръ, снѣговъ.

Видѣлъ онъ *фантазій фею*,
Проводилъ часы онъ съ нею
И всѣ сказки, что слыхалъ
Отъ нея—намъ разсказалъ!
Сколько мы часовъ пріятныхъ
Въ чтеньи сказокъ тѣхъ занятныхъ
Провели и проведемъ,
Видя вьявь и *Старый домъ*,

Каренъ, *Инге*, какъ живую,
И *Русалочку*, и злую
Королеву, что дѣтей
Превратила въ *лебедей!*
Видя *эльфа*, *пчелъ царицу*,
Старый дубъ и *Фениксъ-птицу*,
Кошекъ, *Руди*, *Дѣву льдовъ*,
Эльфовъ, *троллей* всѣхъ сортовъ!

Счастье, знать, само надѣло
На тебя *калоши*. Смѣло
Въ нихъ шагалъ ты по дворцамъ!
Но всего любимѣй тамъ

Ты, гдѣ мы царимъ всецѣло!
Ну, живѣй, друзья за дѣло!
Хоть мала рука у насъ,
Такъ пожмемъ двумя заразъ

Руку сказочника-друга!
Велика его заслуга:
Онъ развелъ волшебный садъ,
Гдѣ найдетъ и старъ и младъ
Тѣнь, и отдыхъ, и прохладу,
Утѣшенье и отраду!
Другомъ мы его зовемъ,
Въ честь его мы пѣснь поёмъ!

Во время ужина была получена на мое имя масса привѣтственныхъ телеграммъ. Оказывалось, что рѣдкое празднество, данное въ честь меня, нашло въ странѣ сочувственный откликъ, и это, конечно, сдѣлало мою радость еще полнѣе. Мысль о томъ, какъ отнесутся въ странѣ къ этому празднику, боязнь осужденій, угнетала меня во все время его, набрасывала на весь этотъ блескъ и веселье туманный покровъ, и я отдавался своей радости лишь урывками. Но вотъ пришла первая телеграмма. Ее прислалъ Студенческій Союзъ, и содержаніе ея разсѣяло туманъ; на душѣ у меня просвѣтлѣло. «Студенческій Союзъ шлетъ Г. X. Андерсену свой привѣтъ по поводу сегодняшняго знаменательнаго торжества, благодарность за прошлое и лучшія пожеланія будущаго!» Теперь я зналъ, что университетская молодежь принимала участіе въ празднествѣ и моей радости. Затѣмъ послѣдовали телеграммы отъ частнаго кружка копенгагенскихъ студентовъ и отъ «Ремесленно-промышленнаго общества» города Слагельсэ. Тамъ вспомнили, что я провелъ въ этомъ городѣ нѣсколько лѣтъ школьной жизни и такимъ образомъ до нѣкоторой степени принадлежу и ему. Потомъ были получены привѣтственныя телеграммы отъ друзей моихъ изъ Орхуса, изъ Стеге и проч. Телеграмма слѣдовала за телеграммой. Одну изъ нихъ прочелъ бургомистръ. Это былъ привѣтъ отъ короля. «Я и вся семья моя присоединяемся къ сегодняшнему чествованію Васъ гражданами Вашего родного города и шлемъ Вамъ наши лучшія пожеланія. Христіанъ R.» Общество отозвалось на это восторженнымъ «ура»; съ моей души было свѣяно послѣднее облачко.

Я былъ безконечно счастливъ и — въ то же время мнѣ пришлось убѣдиться въ невозможности полнаго счастья здѣсь на землѣ, сознать, что все-таки я лишь жалкій смертный, подверженный всякимъ земнымъ невзгодамъ. Меня мучила зубная боль, усилившаяся отъ жары и душевнаго волненія до невѣроятной степени. Тѣмъ не менѣе я прочелъ вечеромъ для дѣтишекъ сказку. Затѣмъ явились депутаціи отъ различныхъ городскихъ корпорацій. Всѣ онѣ съ факелами и развѣвающимися знаменами собрались на площади. Я подошелъ къ открытому окну; отблескъ отъ иллюминаціи и отъ факеловъ

заставлялъ горѣть все окружающее, площадь была запружена народомъ, грянула привѣтственная пѣснь... Потрясенный душевно, изнемогающій тѣлесно отъ страшной зубной боли, я не могъ наслаждаться этою блаженнѣйшею минутою въ моей жизни. Зубная боль была просто нестерпима; струя холоднаго вѣтра, дувшаго изъ окна, сверлила и жгла мои челюсти, и я вмѣсто того, чтобы отдаваться упоенію этихъ минутъ, слѣдилъ по печатному тексту пѣсни—сколько еще остается пѣть куплетовъ! Я дождаться не могъ конца этой пытки, которой подвергала мои зубы холодная струя воздуха. Въ эти минуты боль и дошла до своего апогея, когда же факелы погасли—унялась и боль. Ахъ, какъ я обрадовался! Всюду встрѣчалъ я привѣтливые взгляды, всѣ желали сказать мнѣ доброе слово, пожать руку. Усталый вернулся я въ домъ епископа и скорѣе отправился на покой, но сонъ бѣжалъ отъ меня, такъ я былъ взволнованъ, и я заснулъ лишь къ утру.

Утромъ я поспѣшилъ написать благодарственныя письма королю, Студенческому Союзу и ремесленному обществу въ Слагельсэ. Затѣмъ пришлось принимать многочисленные визиты. Отмѣчу посѣщеніе старухи, бывшей одно время нахлѣбницей у моихъ родителей. Она плакала отъ радости, говоря о моихъ успѣхахъ, и разсказала, что стояла вчера вечеромъ въ толпѣ на площади и, любуясь всѣмъ этимъ великолѣпіемъ, вспоминала моихъ старыхъ родителей и меня самого, какимъ я былъ, въ дѣтствѣ. «Такое же великолѣпіе было, я помню, когда пріѣзжали сюда король съ королевой!» замѣтила она. То же говорила она и вчера другимъ старухамъ, своимъ сосѣдкамъ, и тѣ плакали вмѣстѣ съ нею отъ радости, что «бѣдный мальчикъ могъ дойти до того, что его чествуютъ какъ короля!»

Вечеромъ у епископа собралось большое званое общество, человѣкъ двѣсти. Я читалъ сказки, а потомъ молодежь танцовала.

На слѣдующій день я дѣлалъ визиты членамъ городского управленія и розыскивалъ своихъ старинныхъ знакомыхъ со временъ дѣтства. Одна изъ дочерей пастора и поэта Бункефлода, Сусанна, была еще жива. Зашелъ я и въ ветхій домикъ, гдѣ протекло мое дѣтство, и въ школу для бѣдныхъ, гдѣ я обучался ребенкомъ.

Канунъ моего отъѣзда совпалъ съ ежегоднымъ праздникомъ въ такъ называемомъ «пріютѣ Лана», гдѣ воспитывались бѣдные дѣти. Я находился въ числѣ приглашенныхъ на празднество. Зала была переполнена призрѣваемыми дѣтьми и ихъ матерями. Особенно памятенъ для меня этотъ праздникъ, благодаря одной сказанной во время его рѣчи. На стѣнѣ висѣлъ портретъ Лана, украшенный цвѣтами. «Кто этотъ Ланъ?» спросятъ, можетъ быть, многіе.—Уроженецъ Одензе, бѣдный мальчикъ, научившійся шить перчатки и занимавшійся продажею ихъ въ разносъ. Случилось ему попасть и въ Гамбургъ, гдѣ скоро на его издѣлія возникъ большой спросъ. Дѣятельность его расширилась, онъ разбогатѣлъ и выстроилъ себѣ домъ въ

Одензе. Женатъ онъ никогда не былъ, дѣлалъ много добра и весь свой капиталъ завѣщалъ на устройство въ его домѣ въ Нижней улицѣ прiюта для бѣдныхъ дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ. На могилѣ его на Одензейскомъ кладбищѣ простая каменная плита съ надписью: «Здѣсь покоится Ланъ; памятникъ ему стоитъ на Нижней улицѣ.» На стѣнѣ въ школьной залѣ висѣлъ еще одинъ портретъ, портретъ старушки. Она много лѣтъ торговала на улицѣ яблоками и нѣсколько лѣтъ тому назадъ умерла. Ребенкомъ она воспитывалась въ прiютѣ Лана и этому-то прiюту она и завѣщала сколоченные ею съ великимъ трудомъ нѣсколько сотъ рихсдалеровъ. Вотъ почему ея портретъ и виситъ рядомъ съ портретомъ Лана.

Молодой даровитый инспекторъ школъ и пасторъ Мюллеръ коснулся въ своей рѣчи замѣчательныхъ людей нашей родины и закончилъ ее, обращаясь къ дѣтямъ, приблизительно слѣдующими словами: «Вы всѣ знаете, какое торжество праздновали мы на этихъ дняхъ. Вы видѣли, какъ чествовали одного изъ вашихъ согражданъ, уроженца нашего города, а онъ сидѣлъ на такой же бѣдной, простой школьной скамьѣ, какъ и вы. Онъ теперь здѣсь, между нами.» Я видѣлъ, что у многихъ навернулись на глазахъ слезы; я раскланялся передъ собранiемъ, и ко мнѣ со всѣхъ сторонъ потянулись для пожатья руки матерей. Оставляя собранiе, я слышалъ ихъ пожеланiя: «Господь порадуй и благослови васъ!»

Это былъ праздникъ въ память Лана; это былъ праздникъ и для меня. Въ сердце мое падали солнечные лучи одинъ за другимъ, и оно уже почти переполнилось. Въ такiя-то минуты и льнешь къ Богу не меньше чѣмъ въ самыя горькiя.

Насталъ и день отъѣзда 11-ое Декабря. Желѣзнодорожная станцiя была окружена толпами народа; дамы явились съ букетами цвѣтовъ. Подошелъ поѣздъ; онъ останавливался здѣсь всего на нѣсколько минутъ, и бургомистръ воспользовался ими для коротенькой прощальной рѣчи. Я пожелалъ имъ всего хорошаго, раздалось «ура», затерявшееся въ воздухѣ, такъ какъ мы быстро удалялись, но недалеко отъ города намъ попалось еще нѣсколько группъ людей, проводившихъ насъ тѣми же дружными кликами.

По мѣрѣ того, какъ я удалялся отъ родного города, весь этотъ праздникъ все больше и больше казался мнѣ сномъ. Только теперь, сидя одинъ въ вагонѣ, могъ я воскресить передъ собою общую картину всѣхъ этихъ почестей, радости и блеска, которые даровалъ мнѣ Господь. Величайшiй, высшiй моментъ моей жизни я теперь пережилъ, и мнѣ оставалось только благоговѣйно благодарить Господа за пережитое и просить Его: «Не оставь меня, когда настанетъ время испытанiй!»

Въ Нюборгѣ я пересѣлъ на пароходъ-ледорѣзъ, такъ какъ ледъ уже обложилъ берега. Всѣ пассажиры относились ко мнѣ съ сердечнымъ вниманiемъ; это являлось какъ бы отголоскомъ музыки бальной ночи. Поздно

вечеромъ прибылъ я въ Копенгагенъ, но какъ ни утомленъ былъ съ дороги, всетаки не скоро улегся; въ головѣ у меня все бродили радостныя, кроткія, благодарныя мысли. На другое утро мнѣ хотѣлось поскорѣе повидаться съ моими друзьями, которые всѣ, конечно, принимали участіе въ моей радости. Но тутъ у меня опять возобновилась несносная зубная боль. На улицѣ я столкнулся съ двумя хорошими «знакомыми», чтобы не сказать «друзьями», двумя изъ нашихъ писателей, моими ровесниками. Они сейчасъ же заговорили со мною, но только не о праздникѣ въ Одензе, а о моей зубной боли, и какъ я ни старался свести разговоръ на событіе, доставившее мнѣ столько радости, они упорно не поддавались. Это огорчило меня; я живо почувствовалъ, что они недовольны выпавшимъ мнѣ на долю почетомъ. Услышалъ я затѣмъ и выраженія искренней радости и сочувствія, услышалъ и такія слова: «Ваше счастье взбаломутило болото!» Нѣкоторые изъ нашихъ выдающихся писателей, изъ тѣхъ, что рѣдко заглядывали ко мнѣ, тоже порадовали меня изъявленіями ихъ сердечнаго участія. Такъ, въ числѣ первыхъ посѣтилъ меня поэтъ Паллуданъ-Мюллеръ и высказался очень тепло и мило: «Почести, оказанныя Вамъ, оказаны чисто духовнымъ дарованіямъ!» И это его особенно радовало. Затѣмъ онъ прибавилъ: «Никто изъ крупныхъ поэтовъ, кромѣ Васъ, не сумѣлъ бы держать себя и говорить такъ хорошо и просто, какъ Вы!»

Въ Копенгагенѣ находился въ это время и Бьёрнсонъ съ супругой. Со слезами на глазахъ высказали они мнѣ свою сердечную радость и участіе. Бьёрнсонъ былъ также очень доволенъ тѣмъ, какъ я держалъ себя, и сказалъ, что прекраснѣйшей изъ всѣхъ моихъ сказокъ является рѣчь, сказанная мною въ ратушѣ—о трехъ моихъ посѣщеніяхъ ея. Въ высшей степени сочувственно высказалась о празднествѣ и даровитая г-жа Гейбергъ, примѣнившая къ моей матери датскую пословицу, до сихъ поръ мнѣ неизвѣстную: «И у бѣдной женщины можетъ родиться богатое дитя!»

Въ вечеръ подъ Новый годъ всѣ мысли мои сильнѣе чѣмъ когда-либо сплотились въ одной благодарственной, благоговѣйной мысли о томъ, что даровалъ мнѣ въ жизни Господь. Ни одинъ годъ не былъ для меня богаче радостями, чѣмъ этотъ послѣдній. Что-то ждетъ меня за нимъ? И я молился: «Боже, дай мнѣ силы съ твердостью встрѣтить грядущія испытанія! Не оставь меня, Боже!»

(Копенгагенъ 29 Марта 1869 г.).

Изъ переписки Андерсена съ его друзьями и выдающимися современниками.

Источниками помѣщаемой въ нашемъ изданіи «*Переписки А. съ друзьями и выдающимися современниками*» послужили: изданные гг. Билле и Бёгъ «*Breve til H. C. Andersen*» (Письма къ Г. Х. Андерсену), Копенгагенъ 1877 г., «*Breve fra H. C. Andersen*» (Письма отъ Г. Х. Андерсена) 2 т. Копенгагенъ 1878 г. и «*H. C. Andersen og det Collinske Hus*» (Г. Х. Андерсенъ и семья Коллина) изд. Э. Коллина, Копенгагенъ 1882 г. Издатели гг. Билле и Бёгъ говорятъ въ предисловіи къ своимъ изданіямъ, что А. въ составленномъ имъ незадолго до смерти завѣщаніи поручилъ передать въ ихъ распоряженіе всѣ оставшіяся послѣ него бумаги. Бумагъ этихъ оказалась масса, такъ какъ А. по старой привычкѣ припрятывалъ все, что имѣло для него хоть какой-нибудь интересъ—не только письма, важныя и неважныя, но даже вырѣзки изъ газетъ, театральныя афиши и т. п. Въ послѣдніе годы жизни онъ не разъ принимался разбираться въ своихъ бумагахъ, наполнявшихъ нѣсколько ящиковъ, но пока былъ здоровъ не могъ посвятить этой разборкѣ много времени, отвлекаемый литературными трудами, когда же силы его стали падать, уже не могъ справиться съ такой задачей. А. не оставилъ никакого распоряженія относительно способа пользованія его бумагами. Издателямъ пришлось поэтому руководствоваться исключительно собственными соображеніями, и они остановили свой выборъ на тѣхъ письмахъ, которыя могутъ послужить къ освѣщенію самой личности А. и его духовнаго развитія—и какъ человѣка, и какъ писателя. «Письма эти»—по словамъ издателей—«воскрешаютъ передъ нами богатую духовную связь жизни А. съ жизнью его современниковъ, торжество его надъ невзгодами, побѣду въ тяжелой борьбѣ и искреннюю признательность ему со стороны множества лицъ, въ сердцахъ которыхъ поэзія его находила глубокій отзвукъ.» Какъ ни желательно было издателямъ размѣстить письма къ А. въ хронологическомъ порядкѣ, они не сочли это возможнымъ; зато они надѣются, что размѣщеніе писемъ по группамъ, согласно ихъ авторамъ, поможетъ яснѣе прослѣдить превращеніе «безобразнаго утенка» въ дивнаго лебедя, чему не мало поспособствуютъ еще письма отъ самого А., которыя

размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ. Въ число послѣднихъ издателямъ не пришлось, однако, включить части переписки А. съ семьей Коллинъ; Э. Коллинъ пожелалъ воспользоваться ею для собственнаго изданія, упомянутаго выше: «*Г. Х. Андерсенъ и семья Коллина*». Мы же, пользуясь всѣми тремя названными источниками, имѣемъ возможность дать, хотя и значительно меньшее по объему, но зато болѣе цѣльное изданіе переписки А. При выборѣ писемъ мы руководствовались желаніемъ дать лишь то, что можетъ представлять интересъ для русскихъ читателей, служа какъ бы дополненіемъ къ автобіографіи А. Примѣчанія къ письмамъ, отмѣченныя цифрами, помѣщены въ концѣ переписки.

Изд.

Письма отъ Андерсена.

Слагельсе (1823 г.).

Добрѣйшая г-жа Андерсенъ! [1])

Не разсердитесь, что я позволяю себѣ писать къ Вамъ! Но—Вы, пожалуй, еще не знаете даже, отъ кого письмо; отъ «der kleine Deklamator». Теперь я попалъ на хорошую дорогу, по которой могу направиться къ высокой цѣли всѣхъ моихъ стремленій. Къ тому же я теперь въ такихъ лѣтахъ, что могу понять, какъ много значатъ для меня серьезныя занятія. Конечно, я все еще остаюсь такимъ же ребенкомъ, какъ и прежде; но я даже радъ этому. Если богатое событіями дѣтство можетъ сдѣлать изъ человѣка поэта, то изъ меня непремѣнно выйдетъ поэтъ. Только не маленькій! Ихъ и безъ того довольно; если же я не могу сдѣлаться великимъ поэтомъ, то постараюсь сдѣлаться хоть полезнымъ членомъ общества. Отца у меня нѣтъ, а мать очень бѣдная; кромѣ Бога у меня нѣтъ отца, но Онъ-то лучше всѣхъ и позаботится обо мнѣ. Я сообщаю г. совѣтнику Коллину мои отмѣтки, какъ хорошія, такъ и худыя. Онъ теперь, вѣдь, единственный мой покровитель въ свѣтѣ, добровольно заступившій мѣсто моего отца, и я всѣми силами стараюсь быть ему достойнымъ сыномъ. Теперь уже скоро полгода, какъ я нахожусь въ училищѣ, но отличныя отмѣтки заслужилъ еще только по Закону Божію и по поведенію. Послѣднее, впрочемъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ, и—я спокоенъ.

Я совсѣмъ не пишу стиховъ, хотя меня часто подмываетъ приняться за это; но я борюсь пока, какъ герой. Городъ вообще скученъ своей чопорностью. На свои занятія здѣсь я смотрю какъ на огромное толстое дерево: за корою его течетъ дивный сокъ, который можетъ окрылить мою мысль, вдохновить меня, но прежде чѣмъ добраться до него приходится изгрызть твердую кору дерева, и больно достается зубамъ, особенно въ первое время. Напишите же мнѣ, добрѣйшая г-жа Андерсенъ. Преданный Вамъ *А.*

Слагельсе 25 марта 1824 г.

Г. Ректору Мейслингу.

Надѣюсь, что Вы прочтете мое письмо, если я пообѣщаю впредь не безпокоить Васъ подобными. Вы сердитесь на меня, особенно за то, что я будто бы улыбнулся, получивъ дурную отмѣтку, но клянусь Богомъ (а я убѣжденъ, что Вы еще не замѣтили во мнѣ склонности къ неправдѣ), что я никогда ни въ училищѣ, ни по дорогѣ домой, ничѣмъ не выказывалъ ничего похожаго на самодовольство; подобное поведеніе совсѣмъ не въ моемъ характерѣ. Въ письмахъ къ г. совѣтнику Коллину я постоянно выражалъ печаль, такъ какъ Вы все не довольны моими успѣхами въ греческомъ языкѣ, и самъ сказалъ ему, что Вы не находите и слѣда тѣхъ дарованій, которыя предполагали во мнѣ другіе. Онъ же посовѣтовалъ мнѣ не падать духомъ, т. к. онъ вообще доволенъ другими моими отмѣтками, и просилъ меня только постараться сколько могу по греческому языку. Всякая грамматика, исключая датской, дается мнѣ съ трудомъ, а если я къ тому же еще волнуюсь, кровь приливаетъ мнѣ въ голову, и я отвѣчаю Вамъ дурно, подавая Вамъ поводъ къ неудовольствію. Вы предполагаете, что я вмѣсто уроковъ забавляюсь чтеніемъ постороннихъ книгъ, но увѣряю Васъ, что Вы ошибаетесь; я трачу на это только нѣсколько часовъ рѣдкій разъ по воскресеньямъ, но т. к. Вы этого не желаете, то я впредь не буду вовсе.

Я черезчуръ много думалъ о своихъ дарованіяхъ, поступая въ училище, и это вмѣстѣ съ непривычными занятіями и отсутствіемъ всякаго элементарнаго образованія отзывалось на мнѣ настолько, что только доброе отношеніе ко мнѣ моихъ наставниковъ могло еще придать мнѣ силы трудиться.

Прошу у васъ снисхожденія еще на нѣсколько времени; если же я и въ слѣдующей четверти не окажу успѣховъ, то даю Вамъ слово, что самъ откажусь отъ положенія, въ которомъ только подаю поводъ къ неудовольствію. Теперь наступаютъ свѣтлыя утра; они помогали мнѣ въ прошломъ году,— Вы сами признавали тогда, что я стараюсь—помогутъ и теперь. Надъ дурными же отмѣтками, я, право, никогда не улыбался, — могу призвать въ свидѣтели весь классъ—и также никогда не позволялъ себѣ говорить чего либо про Васъ или про другихъ преподавателей. Надѣюсь, что Вы примете при этомъ во вниманіе мое поведеніе за все время, проведенное мною въ училищѣ. Итакъ, окажите мнѣ еще на нѣкоторое время снисхожденіе, и, Богъ дастъ, дѣло пойдетъ лучше, если же нѣтъ, я покорно удалюсь, и, если я еще чѣмъ либо обидѣлъ Васъ, то прошу Васъ сказать мнѣ чѣмъ и позволить мнѣ оправдаться; я чувствую себя въ этомъ отношеніи совсѣмъ спокойнымъ. Простите меня на этотъ разъ, и я докажу Вамъ, что не употреблю Вашей доброты во зло. Благодарный Вамъ *Андерсенъ*.

Гельсингёръ (1826 г.).

Дорогой господинъ ректоръ.—Мнѣ непремѣнно надо поговорить съ Ва-

ми; лично я не смѣю, вотъ я и пишу, въ надеждѣ, что это не усугубитъ Вашего неудовольствія. Я вполнѣ увѣренъ, что Вы желаете мнѣ только добра, иначе Вы бы не взяли меня съ собою сюда. Не могу воздать Вамъ за это, какъ воздалъ бы человѣкъ съ болѣе свѣтлымъ умомъ; единственное, что я могу, это заплатить Вамъ полнѣйшей откровенностью и искренностью. Вотъ уже болѣе четырехъ недѣль. Вы высказываете мнѣ свое неудовольствіе, и оно день ото дня все возростаетъ; я не вижу никакого выхода и прихожу въ отчаяніе.

Прошу Васъ не бросайте моего письма, пока не прочтете его, не узнаете всего, что я хочу высказать Вамъ. Я знаю, что больше всего отталкиваетъ Васъ отъ меня безпорядочность моего характера, но что же мнѣ дѣлать,— другимъ я быть не могу! Вы знаете, что родители мои были очень бѣдные, росъ я одиноко, безъ сверстниковъ; охота къ чтенію держала меня въ уединеніи. У отца были кое-какія старыя комедіи; я перечитывалъ ихъ пока не заучилъ почти что наизусть, потомъ сталъ самъ сочинять и постоянно жилъ въ мірѣ фантазіи. Когда умеръ мой отецъ, мнѣ было 11 лѣтъ; въ городѣ меня уже многіе знали, я сталъ бывать въ разныхъ семействахъ и декламировалъ тамъ сцены и отрывки изъ разныхъ поэтическихъ произведеній. Меня расхваливали, и въ мою ребяческую голову запали первыя идеи о моихъ великихъ дарованіяхъ. Какъ только я конфирмовался, я сейчасъ сталъ докучать матери просьбами отпустить меня въ Копенгагенъ; я надѣялся завоевать тамъ счастье, какъ актеръ. Міръ я воображалъ себѣ такимъ, какимъ онъ изображается въ книгахъ, и храбро, уповая на Бога, пустился въ Копенгагенъ съ 13 рихсдал. въ карманѣ (сумма эта казалась мнѣ громадной!). Явился я въ столицу сейчасъ же послѣ еврейскаго погрома; знакомыхъ здѣсь не было у меня ни души. Капиталъ мой растаялъ въ пути до 11 рихсд., а за двухнедѣльное пребываніе въ нумерахъ для пріѣзжихъ — до 6-ти. Но слѣдовать за мною такъ шагъ за шагомъ Вамъ наскучитъ. — Безплатно я могъ устроиться лишь въ театральную школу; у меня не было ничего; я былъ готовъ потерять всякое мужество. Я не умѣлъ написать правильно ни одного слова; я, вѣдь, учился только въ школѣ для бѣдныхъ въ Одензе и не зналъ ровно ничего. Гульбергъ [2]) позволилъ мнѣ каждую недѣлю приходить къ нему, заставлялъ меня писать, что я хочу, и просматривалъ мои работы. Черезъ одно семейство я знакомился съ другимъ и т. д.; нужда угнетала меня, и я писалъ драму за драмой, ребячески вѣря всѣмъ похваламъ и не слушая порицаній, и скоро возомнилъ о себѣ ужасно. На правильныя занятія у меня уходило только нѣсколько часовъ въ недѣлю— въ школѣ пѣнія, да у Линдгрена [3]), все же остальное время я сочинялъ и читалъ, т. е. глоталъ безъ разбора, что попадалось подъ руку. Всѣ вечера я проводилъ въ театрѣ, бредилъ день и ночь сценою—вотъ Вамъ картина, какъ создался мой безпорядочный характеръ, если только я не былъ такимъ

уже съ дѣтства. Подумайте же, какъ трудно мнѣ было пріучиться къ правильнымъ серьезнымъ занятіямъ; чѣмъ дальше, тѣмъ, однако, больше убѣждался я въ ихъ необходимости, начиналъ сознавать свои недостатки, чувствовать неизмѣримую отцовскую доброту ко мнѣ Господа и проникаться искреннимъ желаніемъ совершенствоваться. Ваше недовольство мною часто огорчало меня, но вслѣдъ затѣмъ всегда, однако, выдавались дни, когда Вы были болѣе довольны. Въ октябрѣ минуло 4 года, какъ я у Васъ; съ коечѣмъ въ моемъ характерѣ Вы уже сладили, довели меня до лучшаго познанія себя самого и жизни. Я чувствовалъ, что Вы желаете мнѣ добра и что только Вы можете сдѣлать изъ меня что-нибудь, и охотно послѣдовалъ за Вами сюда. Но въ послѣднее время Вы постоянно недовольны мною; вотъ уже 4 недѣли, какъ я вѣчно нахожусь въ напряженномъ трепетномъ состояніи; каждое Ваше слово глубоко западаетъ въ мою душу, и тогда я не могу не предаваться печали и самымъ мрачнымъ мыслямъ. По вечерамъ же я просто не въ состояніи собраться съ мыслями, а въ часы школьныхъ занятій одна мрачная мысль перегоняетъ другую. «Что же со мной будетъ?» вотъ о чемъ только я и могу думать. Вы задаете мнѣ вопросъ—кровь сейчасъ приливаетъ мнѣ въ голову и я, изъ страха ошибиться, отвѣчаю невпопадъ, а разъ это случилось, мною овладѣваетъ отчаяніе: «Изъ меня ничего не выйдетъ! Пропащій я человѣкъ!» и тогда ужъ я вовсе молчу, какъ убитый. Вы сказали на дняхъ, что я никогда еще не учился такъ дурно, какъ теперь, но Богъ свидѣтель, что это не отъ недостатка прилежанія. Нѣтъ, это все мое отчаяніе, недостатокъ бодрости духа и спокойствія. Мнѣ бы слѣдовало бросить ученье, которое не дается мнѣ, но за что же мнѣ тогда взяться? У кого я могу найти сочувствіе и интересъ ко мнѣ, если я оттолкну отъ себя самое высшее—образованіе? Мнѣ стыдно будетъ показаться на глаза людямъ, которые желали мнѣ добра и ожидали отъ меня одного хорошаго. Совѣсть не упрекаетъ меня въ лѣности; я дѣлалъ, что могъ, и виною всему только моя безтолковость и безпокойный нравъ. Мое завѣтнѣйшее желаніе продолжать ученье, оставаться на той дорогѣ, на которую поставили меня Провидѣніе и добрые люди. Окажется это невозможнымъ—я буду безконечно несчастенъ. Господи! Что же тогда будетъ со мной? Я, вѣдь, не буду тогда годенъ ни къ чему! Эта мысль убиваетъ меня. Лучше бы мнѣ не родиться на свѣтъ! Не бросайте же меня; если Вы имѣете еще хоть какую-нибудь надежду на меня, то не теряйте терпѣнія! Только бы дѣло пошло хоть чуть лучше, это бы уже подбодрило меня и, можетъ быть, все бы наладилось. Не презирайте меня за это клянчанье,—дѣло идетъ, вѣдь, о всей моей будущности, о жизни! Дайте мнѣ надежду, если только она есть, а если нѣтъ —ну, тогда будь, что будетъ!.. Много бы еще хотѣлось мнѣ сказать Вамъ, да боюсь, что и такъ ужъ черезчуръ расписался. О, не сердитесь на меня,

помогите мнѣ словомъ и дѣломъ,—Богъ Васъ благословитъ за это! Искренно признательный Вамъ *Андерсенъ*.

Гельсингёръ 24 окт. 1826 г.

(Іонасу Коллину). Дорогой благодѣтель! Часто давалъ я себѣ слово не надоѣдать Вамъ въ письмахъ своимъ нытьемъ и всетаки продолжаю изливать передъ Вами всѣ свои горести. Дѣла мои очень плохи. Ректоръ ежедневно высказываетъ мнѣ свое нерасположеніе и, когда я по воскреснымъ утрамъ являюсь къ нему съ своимъ латинскимъ сочиненіемъ, онъ пробираетъ меня за каждую ошибку самымъ жесточайшимъ образомъ. Чего чего ни наслушался я отъ Мейслинга въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль! Приведу Вамъ его слова, и Вы вѣрно извините мнѣ мое уныніе. Въ прошлое воскресенье онъ, разсердившись на ошибки, сказалъ: «Я прихожу въ отчаяніе, какъ подумаю о выпускномъ экзаменѣ. Вы за такую работу нуль получите! По вашему одна буква ничего не значитъ, все равно—поставите ли вы *e* или *i*. Такого тупоумія я еще не видалъ, а вы еще воображаете себя чѣмъ-то. Коли вы настоящій поэтъ, такъ по боку ученье, отдайтесь всецѣло поэзіи. Но вы ни къ чему не годны! На застольную пѣсенку васъ еще хватитъ или тамъ на какіе нибудь стишки о лунѣ, о солнцѣ, но вѣдь, это одно мальчишество, баловство. Я тоже умѣю подбирать риѳмы, и не хуже васъ, но это одни глупости. Сдѣлаетесь студентомъ, вамъ и подавно удержа не будетъ, совсѣмъ свихнетесь и пропадете!»

Слова эти потрясли меня до глубины души; онъ былъ правъ и видно было изъ дальнѣйшаго разговора, что онъ говорилъ такъ не только по злобѣ. «Да сидите же смирно! Вотъ тоже одинъ изъ вашихъ недостатковъ! Если вы такъ ведете себя, когда спокойно исправляютъ ваши ошибки и высказываютъ вамъ ваши недостатки, то что же будетъ съ вами на экзаменахъ? Надо умѣть владѣть собою!» Потомъ онъ былъ со мной ласковъ, но на другой день опять пошло по старому. «Вы лѣнтяй!» говоритъ онъ: «Несносный болванъ! Помѣшанный! Оселъ!» и т. д.

Я пробовалъ выяснить ему мое душевное состояніе, смятеніе, въ которое повергаетъ меня его горячность, но онъ не вѣритъ мнѣ. Въ послѣднее воскресенье онъ сказалъ мнѣ: «Вы мнѣ до смерти надоѣли. Къ тому же я, вѣдь, знаю, что вы никогда не простите мнѣ того, что я высказывалъ вамъ истину.» Но въ училищѣ мнѣ достается еще пуще! Послѣдніе два дня онъ ужасно вспыльчивъ, зоветъ меня «безчувственнымъ» и «безсовѣстнымъ», говоритъ, что не будь я такимъ, я велъ бы себя лучше, или убрался бы, какъ онъ того желаетъ, что я помѣшанный, что меня надо посадить въ кунсткамеру и заставить говорить по-гречески, — я, навѣрное, собралъ бы вокругъ себя многочисленную публику, что онъ скоро отдѣлается отъ меня, если я не хочу подвигаться впередъ. Но всего не перескажешь! Я не могу достаточно ярко обрисовать Вамъ свое положеніе. Вѣчно меня бра-

нять, никто слова добраго не скажетъ; за столомъ я не смѣю рта раскрыть, ректоръ едва глядитъ на меня, и въ училищѣ я — какой-то отверженецъ.

Дорогой благодѣтель! Ничего изъ меня не выйдетъ, — я глупъ, безпорядоченъ и легкомысленъ. Ректору я надоѣлъ, и дѣла не поправишь. Въ концѣ концовъ, я не сдамъ экзаменовъ; о частной подготовкѣ нечего и думать, если я не успѣваю у Мейслинга. Но не оставляйте меня! Я знаю, Вамъ мало радости возиться со мною, но я окончательно впаду въ отчаяніе, если и Вы оттолкнете меня.—Теперь уже поздно учиться ремеслу, но есть, вѣдь, много другихъ занятій; я честенъ, а это, вѣдь, что-нибудь значитъ; я буду трудолюбивъ и внимателенъ; по-нѣмецки я, мнѣ кажется, довольно хорошо, знаю—можетъ быть, можно пристроить меня въ какую-нибудь контору или куда Вы пожелаете. Мнѣ все равно гдѣ служить — въ Ютландіи, въ Норвегіи, хоть въ одной изъ нашихъ колоній. Только не оставляйте меня совсѣмъ; Вы одни у меня остались; въ вашихъ рукахъ моя жизнь и смерть.— Искренно благодарный Вамъ *Андерсенъ*.

Одензе 28 іюля 1830 г.

(*Эдварду Коллину.*) Милый, славный Коллинъ!—Знали бы Вы только съ какой страстной тоскою я каждый почтовый день справляюсь—нѣтъ-ли письма отъ Васъ, Вы бы поняли, какъ я люблю Васъ. Съ жадностью поглощаю я каждое Ваше письмо, нужды нѣтъ, что они часто отзываются лѣкарствомъ. Лѣкарства, вѣдь, полезны больнымъ, а если ихъ еще протягиваетъ другъ, то принимаешь ихъ съ особой признательностью. Будьте также увѣрены, что я самъ сознаю свои ошибки и слабости, но нельзя же исправиться отъ нихъ такъ вдругъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что я въ послѣдніе годы всетаки измѣнился къ лучшему, или—какъ принято выражаться—отполировался немножко. Если бы Вы обращали на меня вниманіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Вы бы яснѣе видѣли разницу. Спросите г-жу Вульфъ! Теперь я до нѣкоторой степени уже принадлежу публикѣ, такъ не мудрено, что на меня обращаютъ кое-какое вниманіе и лѣчатъ меня отъ моихъ слабостей, составляя себѣ обо мнѣ понятіе по нѣкоторымъ отдѣльнымъ бросающимся въ глаза чертамъ моего характера. А такимъ образомъ надлежащаго понятія себѣ не составишь! Я не удивляюсь, что мнѣ указываютъ на мои недостатки; у кого ихъ нѣтъ! Я не знаю *ни единаго* человѣка, о которомъ бы не говорили чего-нибудь дурного. *Мои* недостатки, по мнѣнію людей, мое авторское самомнѣніе и страсть всюду соваться съ своими стихами. [4]) Но повѣрьте, милый К., что—освободись я отъ этихъ недостатковъ, люди сейчасъ откроютъ во мнѣ какіе-нибудь другіе, за которые будутъ порицать меня такъ же усердно. Мы уже разъ бесѣдовали на эту тему, и Вы тогда согласились со мною, что люди вообще сильно преувеличиваютъ мое «самомнѣніе». Что же до второй слабости, то я сознаюсь, что еще повиненъ въ ней, но... нельзя ли приписать ее моему добродушію? Простите что я го-

ворю о своемъ *добродушіи*, но оно, вѣдь, признано всѣми, и я не могу не вѣрить этому. Развѣ не свойственно каждому молодому человѣку желать нравиться? Красотой мнѣ не взять, вотъ я и стараюсь пустить въ ходъ другія качества. Развѣ это ужъ такой великій грѣхъ, если посмотрѣть на дѣло, какъ слѣдуетъ? Но, конечно, я не могу требовать, чтобы всѣ люди были такъ прозорливы по отношенію ко мнѣ; я, вѣдь, тоже не всегда бываю такимъ относительно другихъ. Въ томъ же, что я не изъ гордости не обращаю вниманія на разные отзывы о моихъ стихахъ—Вы, конечно, убѣждены и убѣдились бы въ этомъ еще больше, знай Вы, какіе противорѣчивые отзывы приходится мнѣ выслушивать отъ образованныхъ, и даже отъ такъ называемыхъ интеллигентныхъ людей. И вздумай я слѣдовать всѣмъ совѣтамъ относительно передѣлокъ, въ моихъ произведеніяхъ ровно ничего не осталось бы моего собственнаго, оригинальнаго, осталось бы одно общее, банальное. Но, постойте, придетъ время, когда вы будете обо мнѣ лучшаго мнѣнія, будете лучше понимать меня. А мнѣ бы только знать, что Вы да отецъ Вашъ видите и понимаете все, что есть во мнѣ лучшаго. Напишите мнѣ, что онъ въ сущности думаетъ обо мнѣ и сходитесь ли Вы съ нимъ во мнѣніи. Вы не повѣрите, какъ я дорожу его хорошимъ мнѣніемъ какъ о моихъ умственныхъ, такъ и о душевныхъ качествахъ, и не изъ низменныхъ причинъ, изъ желанія извлечь изъ этого выгоду,—настолько-то дурно Вы обо мнѣ, конечно, не думаете. Нѣтъ, я смотрю на него, какъ на отца: онъ столько для меня сдѣлалъ, онъ моя единственная твердая опора въ суетѣ мірской.

Будьте увѣрены, что я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы отнять у людей поводъ къ пересудамъ. Шагъ въ этомъ направленіи я уже сдѣлалъ, хотя и небольшой, но надѣюсь, что Вы одобрите его. Въ понедѣльникъ драматическое общество устраиваетъ артистическій вечеръ, и вотъ ко мнѣ явились оба директора просить меня участвовать—прочесть хоть одно изъ моихъ стихотвореній. Трудненько мнѣ было устоять: признаться по чести, мнѣ очень хотѣлось участвовать; опять это мелкое тщеславіе! Но Ваше письмо заставило меня рѣшительно отказаться. Право, мнѣ пришлось сильно бороться съ собой, тѣмъ болѣе, что меня всячески уговаривали и даже разсердились на меня за мой отказъ. Скажите же мнѣ теперь, довольны ли Вы моимъ поступкомъ? Гульбергъ находитъ, что я велъ себя, какъ слѣдуетъ, но выставленныя имъ причины слишкомъ лестны для меня, чтобы я могъ привести ихъ. Вашъ и т. д. *Андерсенъ*.

Копенгагенъ, 2 Ноября 1831 г.

Мой искренне любимый Эдвардъ! — Сегодня день Вашего рожденія! Я такъ много думалъ объ этомъ, но всетаки не могу порадовать Васъ чѣмъ нибудь особеннымъ, какъ бы мнѣ того хотѣлось. Написать вамъ стихи? Но это, вѣдь, въ сущности глупости; какая Вамъ радость отъ нихъ? Нѣтъ,

я просто скажу Вамъ, что искренно люблю Васъ, можетъ быть, больше чѣмъ Вы думаете. Я привязанъ къ Вамъ всей душой, только бы Вы почувствовали это, подарили меня своимъ довѣріемъ, братскимъ довѣріемъ. Не бойтесь, я болтливъ только, когда дѣло касается моихъ личныхъ дѣлъ. Ахъ, если бы я могъ заставить Васъ читать въ моемъ сердцѣ, вполнѣ завоевать сегодня Ваше сердце. Сколько разъ съ тѣхъ поръ, какъ Вы живете дома, хотѣлъ я сблизиться съ Вами, но—самъ не знаю почему—я не могу, если не сдѣлаете перваго шага Вы. А Вы такъ и не обмолвились ни словомъ о томъ, о чемъ я такъ жаждалъ поговорить съ Вами, въ чемъ теперь смѣю признаться Вамъ лишь письменно. Или нельзя намъ и говорить объ этомъ? Вы написали мнѣ однажды послѣ того, какъ я былъ «черезчуръ ужъ дружески-фамильяренъ», что люди, которые пожелаютъ быть съ Вами на «ты», невольно отталкиваютъ Васъ отъ себя. А Вы знаете что это было съ моей стороны самымъ искреннимъ сердечнымъ порывомъ, я такъ долго лелѣялъ это желаніе, и надѣюсь, что, хотя я и высказалъ его, это всетаки не повліяло на Ваши чувства ко мнѣ. Не такъ ли? Теперь для меня нѣтъ ничего въ жизни, къ чему бы мое сердце особенно льнуло; даже поэзія не такъ дорога и священна для меня сама по себѣ, какъ бы это слѣдовало. Можетъ быть, Вы нѣсколько примирите меня съ жизнью. Будьте же мнѣ всегда другомъ! Поймите, какъ искренно я люблю Васъ! Никто горячѣе меня не можетъ сегодня молиться за Васъ Богу! Ахъ, если бы я могъ высказать Вамъ все! Богъ благослови Васъ, милый, дорогой Коллинъ! — *А.*

Ночь 16 февраля 1833 г.

(Генріеттѣ Вульфъ)[5]. Дорогая фрёкенъ! *) Я далъ Вамъ проглядѣть «книжку съ картинками» моей жизни, отчего же не дать Вамъ заглянуть и въ книжку моего сердца? Вы, вѣдь, одна изъ немногихъ дѣйствительно любящихъ меня, и я дорожу этимъ больше, чѣмъ Вы полагаете. Вы, пожалуй, скажете, что письмо это вызвано дурнымъ настроеніемъ духа и адресовано къ Вамъ только случайно—по капризу, но это не такъ. Когда-нибудь въ иномъ мірѣ мы еще потолкуемъ объ этомъ, и Вы увидите тогда, что ко мнѣ не вполнѣ подходитъ кличка «господинъ Ego», которую Вы дали мнѣ—впрочемъ, можетъ быть, въ шутку. Неужели Вы думаете, что я не понимаю Вашего положенія, тоски по братьямъ и многаго другого? Я все это отлично понимаю, но у Васъ всетаки есть родной домъ, родители! А я вотъ сижу въ своей коморкѣ, одинъ одинешенекъ и мучусь—пожалуй, больше, чѣмъ слѣдовало бы, но мученіе всетаки остается мученіемъ! Бываетъ, что нѣкоторыя страницы въ дневникѣ сердца такъ слипаются, что ихъ можетъ раскрыть одинъ Господь Богъ, и какъ я вообще ни откровененъ, найдутся и у

*) Fröken—барышня. *Примѣч. перев.*

меня такія горести, причины которыхъ я не смѣю, не умѣю даже назвать.— Я, и выйдя изъ юношескаго возраста, продолжалъ оставаться ребенкомъ. Настоящей же юности я не знавалъ никогда! И я безконечно тоскую по ней; мнѣ страстно хочется порвать съ хандрой, со всѣми привычками и наслаждаться жизнью, какъ разумное существо. Многое мнѣ хочется забыть, чтобы вмѣсто этого научиться другому, лучшему, но судьба все какъ-то играетъ со мною въ жмурки.—Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что изъ меня ничего не выйдетъ, если мнѣ не удастся вырваться отсюда. Оставаться здѣсь для меня равносильно гибели. Со временемъ Вы увидите, насколько я былъ правъ. Эленшлегеръ глубоко правъ, утверждая, что я—поэтическая фигура. Такой я, пожалуй, являюсь и въ Вашихъ глазахъ. Ахъ, если бы я только могъ излить въ стихахъ всю свою душу. Вамъ, можетъ быть, знакомо сказаніе объ исландскомъ скальдѣ, котораго смерть его сына довела до такого отчаянія, что онъ рѣшился умереть голодной смертью. Но друзья приступили къ нему съ просьбой сперва воспѣть свое горе. Онъ такъ и сдѣлалъ; горе его вылилось въ звукахъ, заставившихъ друзей его плакать; у него же самого сердце успокоилось: онъ излилъ свою душу. Прежде это удавалось и мнѣ.—Какъ ни люблю я Эдварда, я все же чувствую, что никогда не найду въ немъ того друга, о которомъ мечтаю. Характеръ его отмѣченъ такими рѣзкими линіями и острыми углами, что моя мягкая натура больно ушибается о нихъ. Мнѣ не достаетъ гордости,—сказали Вы мнѣ однажды. На такія слова не удобно отвѣчать лицомъ къ лицу, но здѣсь я готовъ сознаться, что Вы были правы. Но ужъ такимъ я уродился. А вотъ дайте-ка только болотному растенію развернуться, закалиться въ буряхъ и невзгодахъ—небось солнце поэзіи не преминетъ облагородить его соки, и Вы увидите, что и *оно* запасется характеромъ и зазеленѣетъ, даромъ что ростетъ себѣ одно одинешенько! — — *Г. Х. Андерсенъ*.

Парижъ, 28 мая 1833 г.

(*Эдварду Коллину*). Сегодня пришло на мое имя письмо изъ Даніи. Съ какой радостью схватилъ я его!.. Но, другъ мнѣ не пишетъ, а пишетъ недругъ. Я предвидѣлъ, что найдутся люди, которые станутъ завидовать мнѣ за эту поѣздку, но такой злобы я всетаки не ожидалъ. Въ конвертѣ не оказалось никакого письма, только половинка нумера «*Kjöbenhavnsposten*» («Копенгагенская почта»), доставленная мнѣ, вѣроятно, самимъ авторомъ, чтобы порадовать меня. Въ газетѣ напечатанъ грубѣйшій пасквиль безъ подписи; его-то мнѣ и прислали, боясь, какъ видно, чтобъ онъ не ускользнулъ отъ моего вниманія, и еще не франкированнымъ. Представьте себѣ, что я испыталъ, получивъ этотъ первый привѣтъ съ родины! Не могу описать того страннаго чувства, которое овладѣло мною при этомъ; это было чувство какого-то презрѣнія, смѣнившагося глубочайшею скорбью. Да, вотъ какъ обходятся со мною! Людямъ хочется, видно, по мѣрѣ силъ отра-

вить мнѣ тѣ минуты, которыя должны бы были быть счастливѣйшими въ моей жизни. Они охотно задушили бы во мнѣ всѣ хорошiе зачатки, но — нѣтъ, этого имъ не удастся! Правда, я такъ еще недавно оставилъ родину, но я уже чувствую, что характеръ мой крѣпнетъ; я знаю, что никто уже не найдетъ во мнѣ прежняго ребенка, готоваго подчиниться чужимъ капризамъ, способнаго плакать отъ рѣзкаго слова чужого человѣка. Эдвардъ. будьте мнѣ вѣрнымъ другомъ, я знаю, что нѣкогда вы будете гордиться мною. Я чувствую въ себѣ силы, и знаю, что онѣ съ Божьей помощью созрѣютъ! Не дамъ же я этимъ искателямъ минутной популярности стащить меня въ ту же посредственность, въ которой имъ такъ любо барахтаться. Я такъ ужъ созданъ, что когда у меня хотятъ отнять всякiя достоинства, я особенно живо и проникаюсь сознанiемъ всего того, что мнѣ дано Богомъ.

Я много работаю, и уже написалъ первыя сцены «*Агнеты*», которыми очень доволенъ. Не отошлю вамъ, однако, ничего, пока не будетъ готово все произведенiе; оно должно превзойти все, что я писалъ до сихъ поръ. Хочу взять своихъ противниковъ приступомъ, или по крайней мѣрѣ заставить ихъ молчать, а это лучше всего можно сдѣлать своими трудами. Для того, чтобы поѣздка моя пошла мнѣ впрокъ, мнѣ непремѣнно нужно пробыть за-границей еще два года; современемъ я верну потраченный капиталъ съ лихвой.

Французы мнѣ нравятся. Самый простой поденщикъ читаетъ газеты; тутъ жизнь и движенiе, тутъ всякiй можетъ смѣло высказывать свои мысли и не только въ частной жизни, но и публично. Свобода эта, разумѣется, не свободна отъ разныхъ болѣзненныхъ наростовъ, вродѣ, напримѣръ, черезчуръ легкихъ нравовъ. Здѣсь все на распашку. Въ окнахъ магазиновъ выставлены неприличныя картины, развратъ считается естественной потребностью, и дамы преспокойно говорятъ такiя вещи, отъ которыхъ у насъ покраснѣли бы мущины. То же и на сценѣ, то же и на улицѣ; но къ этимъ наростамъ, къ этимъ грибкамъ на прекрасномъ деревѣ свободы скоро присматриваешься и невольно преклоняешься передъ всѣмъ прекраснымъ и величественнымъ, что создалъ этотъ народъ, котораго нельзя также не любить за прекрасныя душевныя качества.— —Вашъ братски преданный *А*.

Le Locle, 12 Сентября 1833 г.

Дорогой другъ. Посылаю Вамъ мою «*Агнету*», вполнѣ готовую, но никѣмъ еще не видѣнную, кромѣ меня. Прошу любить да жаловать это милое дитя, родившееся среди чужихъ горъ, но кровную датчанку въ душѣ. Для меня она сѣверная Афродита, вынырнувшая изъ волнъ. Ахъ, если бы и Вы признали ее такою. Въ «*Литературномъ Ежемѣсячникѣ*» разъ назвали меня «поэтомъ, нѣкогда подававшимъ надежды»... слова эти отравили мое

сердце ядомъ. Пусть же теперь Агнетѣ отдадутъ должное, пусть на нее упадутъ лучи солнца, отъ которыхъ испарятся тѣ убійственныя капли. Ахъ, Эдвардъ, я такъ жажду настоящаго живого признанія моего таланта. Будьте отцомъ моей Агнетѣ, а я совершу полетъ за Альпы и, вдохновясь тамъ видомъ кипарисовъ, пиній и красивыхъ итальянцевъ, можетъ быть, вызову изъ волнъ морскихъ новую Агнету. Прошу Васъ также немножко позаняться съ милымъ ребенкомъ грамматикою; онъ, вѣдь, родился на чужбинѣ.

Меня поражаетъ и трогаетъ то сочувствіе, которое я встрѣчаю и на родинѣ и здѣсь среди горъ. Да, живъ Господь, и велики его милости къ одиноко летающей птичкѣ. Я самъ не знаю, что во мнѣ такого хорошаго, чѣмъ я заслуживаю, что всегда кто-нибудь да ухаживаетъ за моимъ больнымъ сердцемъ. Но оно все не довольно, все, какъ неблаговоспитанное дитя, проситъ еще и еще!—Братски преданный Вамъ *Андерсенъ*.

Locle, 13 Сентября. 1833 г.

(*Отто Мюллеру*). Дорогой другъ. Ты ей Богу славный малый, и я помѣщу тебя въ свой дѣтскій міръ! Ахъ, если бы ты былъ здѣсь со мною, я допустилъ бы тебя въ гротъ, гдѣ стоитъ моя Агнета, невидѣнная еще никѣмъ постороннимъ, стоитъ, словно сама сѣверная Афродита, только что вынырнувшая изъ моря. Да, она жива и такъ хороша вдобавокъ! И я безконечно благодаренъ за нее Творцу. Удивительные въ самомъ дѣлѣ бываютъ люди на свѣтѣ! Они воображаютъ себѣ поэта какой-то тщеславной птицей, которая безъ ума отъ своихъ пѣсенъ. Совсѣмъ нѣтъ! Чѣмъ яснѣе онъ сознаетъ, что онѣ хороши, тѣмъ больше онъ смиряется душою, тѣмъ крѣпче льнетъ къ Богу—не у Него ли онъ и научился этимъ звукамъ! Таковъ вотъ и я. Между мною и другими поэтами такъ много общаго въ остальномъ, что, вѣроятно, мы сходимся и въ этомъ. Всю вторую часть Агнеты я написалъ здѣсь, и она, навѣрно, въ десять разъ лучше всего, что ты знаешь изъ моихъ трудовъ. Я немножко научилъ ее и грамматикѣ,—на это у насъ, вѣдь, очень смотрятъ. Только бы они не вздумали разбить ее, чтобы посмотрѣть, создана ли она по всѣмъ правиламъ математики. Откровенно говоря, мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы она ударила у насъ по сердцамъ, — я такъ нуждаюсь въ похвалахъ, поощреніи, любви, — нечего грозить мнѣ пальцемъ! Сердце поэта—тропическое растеніе, и оно можетъ рости только подъ стекляннымъ колпачкомъ любви, а люди грубо хватаютъ его точно крапиву! Рѣдко кому приходилось бороться съ такими препятствіями какъ мнѣ; несправедливая, черезчуръ суровая критика, если и не потушитъ горящаго во мнѣ пламени, то замучитъ меня, убьетъ прежде времени. Я сознаю, что это слабость съ моей стороны; но такая слабость прирожденная болѣзнь поэтовъ. Она, пожалуй, напоминаетъ болѣзнь устрицъ, которыя

создавъ жемчужину, умираютъ. Но—закроемъ лучше дверь, отдѣляющую насъ отъ мрачной бездны смерти!—Твой *Андерсенъ*.

Миланъ 24 сентября. 1833 г.

(*Генріэттѣ Вульфъ*). Ахъ, что здѣсь за воздухъ! Небо стоитъ надъ головой вдвое выше чѣмъ у насъ, что же будетъ по ту сторону Аппенинъ? Я вдыхаю въ себя этотъ дивный воздухъ полною грудью! — Изъ Копенгагена пишутъ мнѣ о тоскѣ по родинѣ, которою отзывается и «*Агнета*». Совсѣмъ не то! Я еще не испыталъ ея, да и не желаю испытать. Другое дѣло, если бы друзья мои могли перенестись сюда ко мнѣ; я же вовсе не горю нетерпѣніемъ вновь глотать нашъ туманъ, мерзнуть или слушать разный вздоръ! Здѣсь я могу вдыхать воздухъ, котораго не знавалъ прежде, ѣсть сочный крупный виноградъ, слушать дивные голоса, ласкающіе слухъ, пѣніе, хватающее за сердце. Правда, оно тоскуетъ—только не по родинѣ, а отъ мысли, что придется разставаться съ этимъ раемъ!—Что въ сравненіи съ нимъ Франція и Германія! За альпійскими горами—вотъ гдѣ райскій садъ съ мраморными богами, дивными звуками и чистымъ небомъ! — —

Миланъ, 24 Сентября 1833 г.

(*Эдварду Коллину*). Я не собирался писать Вамъ, пока не пріѣду въ Римъ, но сегодня я получилъ Ваше славное письмо. Вы «съ нетерпѣніемъ ожидаете моего письма», — какъ же мнѣ не написать! Я въ Италіи! Вотъ когда только я выбрался на бѣлый свѣтъ! По сю сторону Альповъ я чувствую себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ; не могу хорошенько объяснить, что сталось со мною, знаю только, что у меня какъ-то разомъ сложилось иное болѣе ясное воззрѣніе на міръ и на окружающую меня жизнь. Повѣрьте мнѣ, дорогой Эдвардъ, поѣздка сильно измѣнила меня и, надѣюсь, къ лучшему. Я говорю это потому, что Вы въ своемъ письмѣ выражаете нѣкоторое сомнѣніе по этому поводу. — Вы полагаете, что мнѣ не слѣдуетъ знать Вашего настоящаго мнѣнія объ Агнетѣ, что Вы, мой испытанный старый другъ, не можете говорить со мною на чистоту. Ахъ, Эдвардъ, не бойтесь! Прошло то время, когда глаза у меня были на мокромъ мѣстѣ. Вамъ не нравится первая часть Агнеты, и во многомъ Вы, пожалуй, до нѣкоторой степени правы; она все еще слишкомъ лирически-субъективна. Дѣйствительно, въ моихъ произведеніяхъ до сихъ поръ преобладалъ лирическій элементъ, но теперь онъ уже не такъ замѣтенъ, и я думаю, что Агнета является, въ этомъ отношеніи переходнымъ произведеніемъ. Вспомните, что трудъ этотъ начатъ мною вскорѣ же послѣ отъѣзда съ родины, когда во мнѣ еще не могло произойти особенно крупной перемѣны. А я такъ надѣялся, что Агнета Вамъ понравится, заранѣе радовался этому! Впрочемъ, многіе выразятся еще строже Вашего, но, сколько бы въ этомъ трудѣ ни нашли

недостатковъ, онъ, всетаки, отмѣчаетъ поворотъ къ лучшему въ моей авторской дѣятельности. Благотворнѣе всего подѣйствовали бы на меня похвалы, похвалы безъ конца, какъ я это ужъ не разъ говорилъ, но Вы не можете похвалить меня,—хорошо! Я не стану вѣшать носа, не расплачусь, а все намотаю себѣ на усъ и буду продолжать идти впередъ — куда меня тянетъ. Будь рукопись еще въ рукахъ у меня, я, прочитавъ въ Вашемъ письмѣ, что Вы находите ее «неудачной», пожалуй, бросилъ бы ее въ огонь: на что дескать намъ посредственныя произведенія. Но въ такомъ случаѣ я поступилъ бы опрометчиво. Если Агнета и не изъ каррарскаго мрамора, то во всякомъ случаѣ и не изъ булыжника. Не думаю также, что послѣдующія мои произведенія будутъ настолько же субъективны. Если же Вы замѣтите это, сообщите мнѣ; только не указывайте при этомъ на одни темныя мѣста, а лучше на проступающія кое-гдѣ свѣтлыя. Затѣмъ отвѣчу Вамъ и на другое замѣчаніе. Вы узнали отъ вернувшихся земляковъ, что я трачу все свое время (конечно въ Парижѣ) на писанье писемъ домой; это хоть и не особенно злая, а все же напраслина, которая возмущаетъ меня. Во-первыхъ, имъ дѣла нѣтъ, на что я трачу свое время; во вторыхъ, они говорятъ неправду. Какъ это Вы, дорогой Эдвардъ, могли обратить вниманіе на подобные отзывы! Меня это и удивляетъ и огорчаетъ гораздо больше Вашего неодобренія Агнеты. Въ то время, какъ земляки мои ровно ничего не дѣлали въ Парижѣ, я писалъ письма друзьямъ на родину, да и то только когда уставалъ бродить по городу, читать или работать. Кромѣ того, отсылка писемъ мнѣ тогда ничего не стоила, а пишу-то я въ одинъ часъ столько, сколько другіе напишутъ развѣ въ три.

Вы пишете, что я въ лицѣ Гемминга изобразилъ себя же самого, что многія его тирады Вы уже слышали отъ меня лично. Но повѣрьте мнѣ, что если бы Вы знали Шиллера или Байрона такъ же хорошо, какъ меня, Вы бы и отъ нихъ услыхали много такого, что говорятъ герои ихъ поэтическихъ произведеній. Вы все нападаете на мою «болѣзненную чувствительность», а вотъ именно ей-то—какъ это ни покажется Вамъ страннымъ — я, по моему, и обязанъ Вашей искреннею вѣрною дружбою. Затрудняюсь выразиться яснѣе, не затронувъ одного больнаго мѣста. Мы съ Вами совсѣмъ не схожи по характеру, но именно моя чувствительность и мягкость и заставили меня подчиниться Вамъ. Будь я въ то время такимъ же какъ теперь, Ваша манера обращенія сразу оттолкнула бы меня отъ Васъ, прежде чѣмъ я успѣлъ бы узнать Васъ получше. Я чистосердечно, какъ ребенокъ, сознался Вамъ, что желалъ бы быть съ Вами на «ты», какъ съ братомъ; Вы отказали мнѣ. Я плакалъ и молчалъ, и несмотря на то, что отказъ Вашъ нанесъ мнѣ рану, которая вѣчно останется открытой, моя мягкая, полуженственная натура заставила меня сблизиться съ Вами. Узнавъ же Васъ поближе, я уже не могъ не полюбить Васъ и не смотрѣть на чувство, побудившее Васъ отка-

зать мнѣ, какъ на небольшой недостатокъ, который вполнѣ выкупается другими достоинствами. Поймите меня, какъ слѣдуетъ, Эдвардъ,—да, теперь мой чередъ сказать Вамъ то, что Вы такъ часто говорите мнѣ. Мы должны быть вполнѣ откровенны другъ съ другомъ, и я открываю Вамъ всю свою душу. До моего отъѣзда я еще могъ думать о Васъ настолько дурно, чтобы объяснять Ваше нежеланіе быть со мною на ты Вашимъ предположеніемъ, что Васъ ждетъ куда болѣе блестящее будущее нежели меня, такъ что это «ты» станетъ для Васъ стѣснительнымъ. Клянусь Вамъ, что теперь я этого больше не думаю, смотрю на это какъ на особенное свойство Вашего характера и отъ души прошу Васъ простить мнѣ мои дурныя мысли. Въ послѣднемъ письмѣ Вы не передали мнѣ ни одного поклона; но, можетъ быть, это только такъ, по забывчивости. Простите же, что я вступилъ съ Вами въ пререканія, но письмо Ваше было не отзывомъ, а вызовомъ. Вотъ моя рука, Эдвардъ, мы друзья попрежнему. И я вполнѣ вѣрю тому, что если Вы иногда и угощаете меня полынью, то лишь ради моего слабаго желудка. Братски преданный Вамъ *Андерсенъ*.

Римъ 1 Янв. 1834 г.

(Г-жѣ Сигне Лэссё). Первый привѣтъ мой въ первый день Новаго года шлю я Вамъ, моей второй матери. Вы, вѣрно, знаете, что родной моей матери теперь куда лучше прежняго? Коллинъ написалъ мнѣ о ея смерти. Я порадовался за нее, но не могъ всетаки сразу освоиться съ мыслью, что теперь я круглый сирота, что теперь у меня нѣтъ никого, кто былъ бы *обязанъ* любить меня. Ей же выпала счастливѣйшая доля.

На второй день Рождества получилъ я Ваше драгоцѣнное письмо и перечелъ его разъ пять, чтобы выжать каждую каплю изъ этого оливковаго листа. Вообще, мнѣ рѣдко пишутъ съ родины; надѣюсь—тѣмъ чаще вспоминаютъ обо мнѣ. — Ежедневно вижусь здѣсь съ Герцемъ. Другомъ моимъ онъ не можетъ стать никогда; во-первыхъ, мы слишкомъ не схожи характерами, во-вторыхъ онъ нѣкогда поднялъ меня на смѣхъ; но и врагомъ моимъ онъ не будетъ. Величавыя красоты Рима заставляютъ меня забывать мелкія огорченія, перенесенныя мною на родинѣ, да и вообще лицомъ къ лицу съ человѣкомъ я скоро забываю вынесенныя отъ него оскорбленія.

Говоря о «прелестной скромности», Вы приводите въ примѣръ Торвальдсена, Рафаэля и Наполеона, превозносите ихъ «нравственное совершенство» и говорите, что «предпочитаете знать поэтовъ лишь на разстояніи, такъ какъ ихъ умѣніе играть словами дѣлаетъ ихъ дерзкими и высокомѣрными». Надѣсь, что Вы говорите это въ шутку. Никто не можетъ преклоняться передъ Наполеономъ глубже чѣмъ я, но съ каждымъ днемъ я все больше и больше убѣждаюсь въ томъ, что онъ былъ *геніемъ высокомѣрія;* причиной его возвышенія и паденія было именно колоссальное тщеславіе, и на Наполеона-то какъ разъ и слѣдуетъ смотрѣть на разстояніи, какъ на кратеръ вул-

кана. Затѣмъ Рафаэль. Я преклоняюсь и передъ нимъ, какъ передъ величайшимъ художникомъ. Но что же столь преждевременно свело его въ могилу? Вы находите, что мое невинное стихотвореніе «*Августъ*» дышитъ огнемъ, что оно возмущаетъ Вашу скромность, а что бы Вы сказали о Рафаэлѣ, знай Вы его поближе! Вѣдь, вся жизнь его была знойнымъ августовскимъ мѣсяцемъ, передъ нимъ постоянно виталъ богъ любви, рисуя ему тѣ образы, которые теперь приводятъ насъ въ восторгъ. Вотъ почему Торвальдсенъ и заставляетъ *амура* подносить ему цвѣтокъ мака, толпу вѣнчать его лаврами, а генія искусства плакать о его недолговѣчности. А самъ Торвальдсенъ?.. Да, вотъ его-то Вы дѣйствительно видите на разстояніи, а это выгоднѣе всего для каждаго генія. — —

Неаполь 18 марта 1834 г.

(*Ей-же*). Завтра я уѣду изъ Неаполя и въ этотъ послѣдній вечеръ мнѣ хочется побесѣдовать съ Вами, моя вторая мать! Сердце мое такъ полно всѣмъ тѣмъ великолѣпіемъ, которымъ я упивался здѣсь и которое завтра покидаю, быть можетъ, навсегда.

Критика, о которой я писалъ Вамъ, касается не «*Агнеты*», а моихъ лирическихъ произведеній. Написалъ ее Мольбекъ. Теперь я уже могу спокойнѣе относиться къ этому. Онъ, конечно, сумашедшій, люди повторяютъ только то, что говорятъ такъ называемые авторитеты, и я глупо дѣлаю, что принимаю это къ сердцу. «*Агнета*» когда-нибудь да войдетъ въ честь, я это предсказываю, но писать что-нибудь еще! Нѣтъ, нѣтъ, ничего я больше не написалъ здѣсь; переломили у птицы маховое перо! Вы говорите, что я могъ бы найти себѣ хлѣбное мѣсто,—да, хорошо если бы такъ! Но «много собакъ добивается этой кости»! Да кромѣ того тогда я окончательно похоронилъ бы свое поэтическое дарованіе. Самъ Богъ даровалъ мнѣ духовный дворянскій дипломъ, а люди его разорвали. Но я всетаки поэтъ. Я не могу отречься отъ своего дворянства и слиться съ общимъ теченіемъ. И не думайте, что я пишу это въ мрачную минуту; я такъ спокоенъ, такъ счастливъ, какъ только вообще могу быть, и у меня теперь одно желаніе: не писать больше ничего новаго. Моя радость, моя надежда, мое счастье—все висѣло на одной нити, и ее перерѣзалъ мой лучшій другъ; операція совершилась, и паціентъ чувствуетъ себя хорошо. О Боже! Дорогая мать, какимъ бы я могъ быть счастливымъ человѣкомъ! Но прочь воспоминанія! — Вы удивляетесь, что я такъ восторгаюсь природой Италіи, прелестями Неаполя,—Вамъ это непонятно. Но подумайте, какое блаженство вдыхать этотъ воздухъ, представьте, что море здѣсь куда красивѣе нашего зимняго неба! Везувій—пламенный Игдразилъ *), а Лазурный гротъ наполненъ небеснымъ эфиромъ.

*) Игдразилъ—по сѣв. миѳол. исполинскій ясень, олицетворявшій вселенную.
Примѣч. перев.

Самый народъ здѣшній — счастливый ребенокъ, вѣритъ еще въ дьявола, жизнь его проходитъ какъ игра. Вы бы посмотрѣли на этихъ красивыхъ людей, послушали бы ихъ пѣсни вечернею порою, когда острова плывутъ въ розовомъ туманѣ словно облака... О, Боже, грустно подумать, что скоро я прощусь со всѣмъ этимъ великолѣпіемъ.

Вы говорите, что я могу еще влюбиться на родинѣ и пр. и пр. Боже милосердный! Да Вы же знаете, какъ я некрасивъ, знаете, что я вѣчно останусь бѣднякомъ, а это такія вещи, на которыя обращаютъ вниманіе *всѣ*, что бы тамъ ни говорило сердце, и въ сущности это весьма разумно. — —

Мюнхенъ 16 мая 1834 г.

(Людвигу Мюллеру). О, еслибъ я сумѣлъ высказать то, что у меня на душѣ—вышло бы нѣчто хорошое; но я не могу; у меня нѣтъ ни охоты, ни мужества. Поэтъ, по крайней мѣрѣ такой, каковъ я—цвѣтокъ, который нуждается въ нѣжномъ заботливомъ уходѣ, въ теплыхъ ласкающихъ лучахъ солнышка, а мои ученые воспитатели считаютъ такой уходъ вреднымъ для меня и будутъ щипать и поливать бѣдный цвѣтокъ, пока онъ не завянетъ въ конецъ.— Я, впрочемъ, глубоко проникнутъ сознаніемъ неизрѣченной доброты ко мнѣ Господа Бога, такъ удивительно направлявшаго все къ моему благу, и я льну къ Нему со всей дѣтской вѣрою моей души. Онъ даровалъ мнѣ одинокому сиротѣ столько вѣрныхъ друзей, въ кругу которыхъ я чувствую себя своимъ человѣкомъ; я и люблю своихъ друзей всей душою. Путешествіе принесло мнѣ большую пользу, оно расширило мой кругозоръ; все стало для меня теперь какъ-то яснѣе, чѣмъ прежде. Но вотъ что грустно: оно познакомило меня съ южной природой, о которой я всегда буду тосковать, и показало мнѣ мое собственное ничтожество, мои огромные личные недостатки. Бываютъ минуты, когда я просто прихожу отъ этого въ отчаяніе. — И на родинѣ мнѣ теперь, навѣрно, многое не понравится. Люди тамъ слишкомъ мелочны, и въ литературѣ нашей нѣтъ любви къ самому искусству. Предчувствую, что меня ожидаетъ тамъ много горькихъ минутъ, но тогда, надѣюсь, друзья мои меня поддержатъ. Только бы они не стали читать мнѣ лекцій, учить меня по старому! Я этого не потерплю! Хочу покончить съ этой старой замашкой, а то ей и конца не будетъ!—Кланяйся отъ меня матери и милымъ ея дочерямъ. Я, всетаки, радъ, что опять вернусь къ вамъ. Постарайтесь же быть со мною поласковѣе и вы увидите, какимъ я могу быть душкой.—О моихъ новыхъ интересахъ ты можешь судить по тому, что я интересуюсь даже старыми съѣденными ржавчиной монетами и многими подобными вещами, по части которыхъ мы прежде не сходились съ тобой вкусами. Обѣщаю тебѣ также больше не нѣжничать и не вѣшать носа. Если же на меня нападетъ тоска по Италіи или я начну замерзать тамъ у васъ, возьму да запрусь у себя въ коморкѣ въ ожиданіи, что Вы придете вывести меня

оттуда, но уже не прежнимъ чувствительнымъ, выспреннимъ упрямцемъ, какимъ вы меня звали, а вытянутымъ въ струнку и холоднымъ, какъ всѣ обыкновенные люди. — Послѣднее письмо отъ Эдварда было помѣчено 1 февр. Порядочно времени ушло съ тѣхъ поръ. Видишься ты съ нимъ? Надѣюсь, онъ здоровъ, веселъ, счастливъ? Хорошо было бы, если бы мнѣ не приходилось такъ часто пользоваться его услугами! Такія отношенія всегда нарушаютъ должное равновѣсіе въ дружбѣ. Очень желалъ бы чѣмъ-нибудь отплатить ему въ свою очередь. Думая о той помощи, которую ты, можетъ быть, окажешь мнѣ относительно полученія мною Лассенской стипендіи, я боюсь, что стану тогда въ подобныя же отношенія и къ тебѣ. Часто я желаю даже, чтобы она не доставалась мнѣ, —все бы меньше зависимости. Я выражаюсь не такъ, какъ слѣдуетъ, но ты поймешь меня. По отношенію къ друзьямъ моимъ я испытываю особенную щепетильность и часто сильно страдаю отъ нея. Можно жить душа въ душу только тогда, когда устраняются всѣ житейскія различія.—Эдвардъ—мой вѣрнѣйшій другъ. Ты тоже. Только бы мы встрѣтились съ радостью и сумѣли бы оцѣнить то, что есть хорошаго въ каждомъ изъ насъ! Сильно ли я измѣнился и въ чемъ? Въ этомъ вы сами разберетесь при встрѣчѣ; я же знаю только то, что вы хотите видѣть меня другимъ, нежели я былъ прежде. — —

Вѣна 16 мая 1834 г.

(*Генріеттѣ Ганкъ*).— — Повѣрьте же мнѣ, что родной братъ не радовался бы больше чѣмъ я, если бы труды Ваши оказались такими, какими я представляю ихъ себѣ, и встрѣтили бы такую же оцѣнку въ публикѣ! Но какъ мнѣ судить о нихъ? Вы никогда не хотѣли показать мнѣ ни одной строчки, кромѣ маленькаго стихотворенія.—Да и кто можетъ совѣтовать намъ въ такомъ дѣлѣ! Тутъ нами должно руководить наше собственное чувство. Какое блаженство видѣть, что мысли наши сообщаются окружающему насъ поколѣнію, вѣрить, что онѣ переживутъ насъ; но блаженство это покупается величайшими страданіями. Хватитъ ли у Васъ мужества? Подумайте, если вдругъ станутъ глумиться надъ Вашими лучшими чувствами, называть глупостью и вздоромъ самыя свѣтлыя вдохновенныя мысли, и кто же? Люди, стоящіе куда ниже Васъ самихъ. Если да, то Вы поэтъ, звено той великой цѣпи красоты, которая соединяетъ землю съ небомъ. Я не знаю Вашихъ трудовъ, но судя по Вашимъ письмамъ, я вѣрю, что Вы можете писать на радость и пользу людямъ. Пусть же они услышатъ Ваши пѣсни, но не падайте духомъ, если придется Вамъ за это пострадать. Люди, вѣдь, странныя существа. Вспомните, какъ народъ усыпалъ путь Христа пальмовыми вѣтвями, а потомъ кричалъ: «Распни Его!» Повѣрьте мнѣ, бываютъ минуты, когда я нахожу, что лучше бы мнѣ никогда не писать ни одной строчки, а жить какъ и всѣ добрые, честные люди, довольные своей буд-

личной жизнью, зарабатывать хлѣбъ насущный и мирно дожить до могилы, не ломая себѣ головы ни надъ чемъ. Вамъ уже говорили: «Обсудите свои стихи и рѣшайтесь!» А я къ этому прибавлю: испытайте себя, хватитъ ли у Васъ мужества! Если да, то—съ Богомъ! Никто не можетъ знать, что изъ этого выйдетъ. Я все еще на половину турокъ и вѣрю въ предопредѣленіе. Говорятъ, что мы существа свободныя; да, подобно дикому коню на маленькомъ скалистомъ островкѣ: вотъ твои границы и дальше ни шагу!

Надѣюсь, что Вы не найдете въ этомъ письмѣ ничего, кромѣ того, что могла продиктовать мнѣ моя братская любовь къ Вамъ, и связанное съ нею невольное опасеніе за Васъ. Не думайте, что я хочу запугать Васъ и отклонить Васъ отъ той дороги, на которой такъ желаютъ видѣть Васъ всѣ дорогіе Вашему сердцу. Нѣтъ, я желаю только предупредить Васъ, что всякій, кто желаетъ плести для людей вѣнки изъ розъ или хоть изъ репейника, долженъ прежде всего взять себѣ на долю шипы. Маленькая наша Данія—плохая страна для писателей; здѣсь слишкомъ близко стоишь къ людямъ, личныя качества слишкомъ бросаются въ глаза и смѣшиваются съ духовными. Одензе же совсѣмъ ужъ крошечный городокъ, и тамъ толковъ не оберешься. Если великій критикъ Копенгагенъ оказывается благосклоннымъ, тогда и въ Одензе барометръ подымается, если же наоборотъ—! Но все это въ сущности пустое, только бы Вы сами ясно сознавали истинныя достоинства своихъ трудовъ и помнили при этомъ, какъ легкомысленно будетъ судить о Васъ толпа профановъ. Да подкрѣпитъ Васъ Богъ! Пусть Онъ руководитъ Вами и даруетъ Вамъ радости! Братъ Вашъ *Андерсенъ*.

Вѣна 17 іюня 1834 г.

(*Генріеттѣ Вульфъ*). Милая, дорогая сестра!—Все же Вы мой лучезарный эльфъ. И въ Вѣнѣ первое дружеское письмо было именно отъ Васъ. Спасибо, отъ души спасибо, хотя оно и опечалило меня. «Опечалило?» спросите Вы. Да, къ нападкамъ друзей душа моя чувствительна какъ мимоза. Вы упрекаете меня за то, что я читалъ постороннимъ лицамъ отрывки изъ Вашихъ писемъ. Вы, пожалуй, вправѣ жаловаться, пожалуй, или вѣрнѣе—наврядъ. Я, вѣдь, и эту откровенность считаю хорошей своей чертой, единственной, еще напоминающей прежняго А., который когда-то всетаки нравился Вамъ. Въ радости я всегда слѣдую мгновенному влеченію сердца. Получая за границей письмо отъ Васъ, я такъ радуюсь, что не могу не подѣлиться этою радостью съ первымъ же подвернувшимся подъ руку симпатичнымъ лицомъ; утверждать же, что надъ Вашими письмами глумились, простите меня, прямо несправедливо. Такимъ лицамъ я не довѣрялся, а всякій отзывчивый и умный человѣкъ невольно оцѣниваетъ Ваши письма, какъ должно. Это Васъ «оскорбило». Знаю, понимаю, кто-то тутъ Вамъ насплетничалъ! Но теперь мы опять друзья, и если прикажете, я буду впредь посту-

пать съ Вашими дорогими письмами, какъ другіе разумные люди, а не какъ дитя природы. А теперь довольно объ этомъ? Затѣмъ Вы браните меня за мои «горькія» сѣтованія на нѣкоторыхъ земляковъ. О, Боже, Генріетта, Вы не знаете, какъ испортили они мнѣ мое непродолжительное счастье въ Италіи; чувствуя себя возмужавшимъ, я не могъ не оскорбиться тѣмъ, что человѣкъ моложе меня третируетъ меня, какъ мальчишку; меня оскорбилъ человѣкъ, которому я открывалъ всю свою душу; этотъ-то человѣкъ отчасти и заставляетъ меня съ такимъ страхомъ думать о возвращеніи на родину. Душа моя жаждетъ любви; любовью можно было бы сдѣлать изъ меня все; но вотъ нашлись люди, которые съ спокойнымъ сердцемъ уничтожили во мнѣ всякое желаніе жить и трудиться. Я теперь не радуюсь ничему больше, ничто меня не привлекаетъ... Поэтъ умеръ; его убили въ Италіи. Если по возвращеніи его на сѣверъ въ немъ еще останется хоть капля жизни, тамъ живо покончатъ и съ нею. Знаю я, съ кѣмъ имѣю дѣло!— —

Гамбургъ, 1 августа 1834 г.

Дорогая сестра Іетта!—Право, я человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный, иначе бы я теперь сердился на Васъ и не писалъ Вамъ ни слова. Несправедливо, крайне несправедливо со стороны моей славной Іетты слушать пошлыхъ копенгагенскихъ сплетниковъ и не радовать меня больше ни единымъ словомъ. Впрочемъ, меня это не сердитъ, а печалитъ, къ этому же мнѣ не привыкать стать.—Я такъ былъ увѣренъ, что получу отъ Васъ въ Гамбургѣ письмо. Разъясненіе мое по поводу чтенія «отрывковъ» изъ Вашихъ писемъ постороннимъ лицамъ вовсе не пустыя слова, а сущая правда; причина—моя черезмѣрная радость и свойственная всѣмъ добрымъ людямъ сообщительность. Вы не признаете этой черты! Я далъ Вамъ мое братское слово, что впредь не покажу никому ни одной строчки изъ Вашихъ писемъ, но Вы не повѣрили мнѣ, не пишете. Отомщу же я Вамъ за это! Если я когда-нибудь прославлю свое имя, то клянусь, прославлю вмѣстѣ и Ваше. Вы утѣшаете себя мыслью, что безсмертіе мое врядъ ли продлится дольше недѣли,—а кто его знаетъ! Всѣ тѣ лица, которыя имѣли на меня вліяніе, будутъ жить въ моихъ произведеніяхъ, а кто же заслуживаетъ этого больше Васъ, моя дорогая, хотя и нѣсколько несправедливая сестрица!—На этомъ свѣтѣ Вамъ не придется журить меня за это великое сообщеніе, и, слѣдовательно, между нами разыграется маленькая сцена на томъ, когда туда прибудетъ какой-нибудь земной житель и похвастается, что читалъ Ваши письма ко мнѣ. Вы узнаете тогда, какъ мило, чисто по дружески Вы вспоминали обо мнѣ, пока Вы были въ Даніи, а я въ Италіи, и, навѣрно, пожалѣете о томъ, что, помѣнявшись со мной мѣстами, когда я съ тяжелымъ сердцемъ направлялся на родину, гдѣ меня ожидало не мало горя, а Вы ѣхали въ Италію, Вы сразу превратились въ человѣка минуты съ его обыч-

ными свойствами. Прочитавъ это письмо, Вы, пожалуй, вовсе перестанете писать мнѣ,—хорошо, поступайте, какъ знаете, я же буду продолжать писать Вамъ попрежнему; я люблю Васъ какъ сестру, привязанъ къ Вамъ всей душой, и буду любить Васъ несмотря на то, что Вы уже не относитесь ко мнѣ съ прежней добротою. Что жъ, сама Іетта тутъ ни при чемъ, виноваты окружающіе, нашъ маленькій Копенгагенъ, наше крошечное, милое датское общество, которое, странно сказать, можетъ таки повлiять на Васъ. Прежде мнѣ часто случалось впадать съ горя въ настоящее отчаяніе, но теперь пора такихъ кризисовъ миновала, я готовъ на все; моя пѣсенка, вѣдь, уже спѣта, я возвращаюсь въ царство холода, гдѣ ждетъ меня моя могила. Я уже дошелъ до того, что вполнѣ готовъ—въ случаѣ если ужъ очень соскучусь тамъ—спуститься въ маленькую коморку, отъ которой у каждаго есть свой ключъ. Пусть люди затѣмъ поболтаютъ съ четверть часа о томъ, почему это я такъ рано отправился на покой,—мнѣ будетъ безразлично.—Живите счастливо въ той дивной незабвенной для меня странѣ, вспоминайте меня добромъ, — съ меня и этого довольно за мои письма; я не стану ссориться съ Вами, не хочу чѣмъ либо отравить Вамъ этихъ короткихъ счастливыхъ дней; между нами произошло одно недоразумѣніе, естественное послѣдствіе вліянія нашихъ земляковъ.

Въ Вѣнѣ получилъ я сильно обрадовавшее меня письмо отъ Ингемана. Онъ только что прочелъ мою «*Агнету*» и называетъ ее лучшимъ моимъ произведеніемъ, показывающимъ, что я сдѣлалъ значительный шагъ впередъ. «*Агнета*» произвела на него впечатлѣніе «сѣверной лѣтней ночи», и чтеніе ея привело его въ такое поэтическое настроеніе, что онъ самъ началъ писать. Онъ и просилъ меня не принимать къ сердцу жестокихъ осужденій толпы и предсказываетъ то же, что давно подсказало мнѣ мое собственное сердце: «*Агнетѣ*» воздадутъ должное, когда меня не будетъ больше на свѣтѣ».—Да, это «отчаянное маранье, которое друзьямъ моимъ не слѣдовало бы допускать въ печать, которое служитъ доказательствомъ полнѣйшаго упадка моего таланта», какъ угодно было написать въ письмѣ ко мнѣ моему *первѣйшему* другу, въ концѣ концовъ все же доставитъ мнѣ радость за пролитыя слезы, за безсонныя ночи! Богъ вѣсть, что скажетъ *другъ*, что скажутъ друзья, когда мнѣ скоро выпадетъ счастье, блаженство вступить въ ихъ кругъ; да скоро меня встрѣтятъ іудиными поцѣлуями и горчайшей привѣтственной чашей; что жъ, вполнѣ поэтичное положеніе! Въ качествѣ поэта я являюсь, вѣдь, бабочкой, а она всего красивѣе, когда трепещетъ на булавкѣ. И расположеніе духа моего, повѣрьте, самое превосходное; не умѣю только хорошенько приготовиться къ ожидающимъ меня великимъ радостямъ. Счастливая Іетта! Теперь Вы въ прекрасномъ Сорренто. Тамъ и я бывало бродилъ подъ апельсинными деревьями, стоялъ подъ балкономъ Тассо, устремляя взоръ черезъ синее море на дымящійся Везувій. Передайте

же отъ меня привѣтъ каждой пиніи, каждому вѣтерку и ультрамариновымъ волнамъ! Скажите имъ, что красота ихъ скоро станетъ грезиться многимъ на сѣверѣ, что среди снѣговъ и тумановъ много добрыхъ сердецъ возгорятся желаніемъ увидѣть ихъ воочію. — Вотъ когда я позналъ настоящую тоску по родинѣ! Я, пожалуй, готовъ согласиться, что лучше быть монахомъ подъ сѣнью апельсинныхъ деревъ, нежели датскимъ поэтомъ на лучшей нашей, но грязной улицѣ Эстергаде. О, mia bella patria! Здѣшніе мои земляки, впрочемъ, хвалятъ меня за то, что я такъ радуюсь возвращенію на родину; но въ этомъ отношеніи на языкѣ у меня не то, что на душѣ или въ письмахъ, которыя отправляю отсюда; въ нихъ только я являюсь въ настоящемъ свѣтѣ. Сегодня утромъ я сбрилъ свои усы; мнѣ было просто жаль ихъ: они такъ скрашивали мои зубы; но нельзя же было оставить ихъ, — земляки мои нашли бы меня, пожалуй, черезчуръ интереснымъ. — — Вашъ преданный братъ *Андерсенъ*.

Копенгагенъ, 26 сент. 1834 г.

Дорогая сестра Іетта!—Вотъ я и опять въ Новой гавани, куда никогда не заглядываетъ солнце; но это въ порядкѣ вещей. Рабочій мой кабинетъ окутанъ холодной сѣверной тѣнью, а изъ окна видны паруса и флаги. Корабли приходятъ и отходятъ по зеленымъ волнамъ канала; волны то и дѣло киваютъ мнѣ. При лунномъ свѣтѣ онѣ разсказываютъ что-то грустное про прошедшее лѣто, когда ихъ озаряло въ Лазурномъ гротѣ сѣрное пламя, когда на щекахъ ихъ горѣлъ отблескъ Везувія. Теперь все перемѣнилось, да и говорить волны больше не умѣютъ; мнѣ просто жаль бѣдняжекъ; онѣ, пожалуй, скоро совсѣмъ замерзнутъ.—Но если мой рабочій кабинетъ обращенъ на сѣверъ, то зато спальня — на югъ; ботаническій садъ разстилается точно ломбардійская равнина за альпійскимъ кряжемъ дворовой стѣны. Въ саду растетъ высокій густолиственный тополь; при лунѣ онъ кажется совсѣмъ чернымъ, и я, глядя на него, вспоминаю черные кипарисы и все то хорошее, о чемъ грезилось мнѣ надняхъ. Да, мнѣ въ эту зиму такъ явственно пригрезилось мое прошлогоднее пребываніе въ Италіи, что я сѣлъ да и написалъ романъ изъ итальянской жизни, въ который вложилъ все пережитое, перечувствованное мною въ Италіи. Книга эта скоро будетъ готова, но и теперь уже производитъ на людей, побывавшихъ въ Италіи, замѣчательное впечатлѣніе. У нихъ слезы навертываются на глаза, и ихъ охватываетъ тоска по чудной странѣ. Нѣкоторые изъ друзей моихъ, которымъ я читалъ кое какіе отрывки изъ романа, тоже очень довольны описаніями, и всѣ въ одинъ голосъ твердятъ: «Да, видно, что ты побывалъ въ Италіи!» Вашей добрѣйшей матушкѣ тоже захотѣлось послушать. Я и сталъ читать. Она прослушала *первыя шесть страницъ*—описаніе дѣтства героя романа, и сейчасъ сказала: «Точь въ точь прежній Андерсенъ; все это такъ по-дѣтски!» Слова эти

звучали упрекомъ, но такъ какъ мнѣ не дали разъяснить, что дѣтство *и должно быть дѣтскимъ*, то мы и не дошли ни до возмужалости героя, ни до настоящихъ событій въ романѣ. Я вывелъ изъ этого только то заключеніе, что не слѣдуетъ мнѣ читать его даже моимъ друзьямъ, несмотря на то, что всѣ они, исключая Вашей матушки, приходятъ отъ него въ восторгъ. Издать же я его всетаки, издамъ; васъ, вѣдь, никто не заставитъ читать его.— Недавно я навѣстилъ Ингемана; нѣкоторые не считаютъ его болѣе поэтомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ такъ расхвалилъ мою «*Агнету*»; онъ поздравилъ меня съ окончаніемъ новаго романа, и мы выпили съ нимъ по доброму стакану пунша за преуспѣяніе моего дѣтища; онъ пророчилъ ему большой успѣхъ въ Даніи, и строилъ такіе блестящіе воздушные замки, но, конечно, это все вздоръ! Андерсенъ, вѣдь, всегда останется тѣмъ-же Андерсеномъ!

Изъ Гамбурга я отправилъ Вамъ большое посланіе, которое, надѣюсь, дошло до Васъ. Нѣсколько дней спустя, я прибылъ въ Копенгагенъ. Дорогіе Ваши родители уступили мнѣ комнату, пока я отыскалъ себѣ помѣщеніе. Въ тотъ же вечеръ я посѣтилъ семью Коллинъ, гдѣ меня встрѣтили какъ сына; на глазахъ старика я замѣтилъ даже слезы. Эдварду я сказалъ, какъ я былъ сердитъ на него, и мы теперь стали лучше понимать другъ друга. Я уже не такъ женственно-чувствителенъ какъ прежде, онъ пересталъ изображать ментора, мы являемся *равными*, и я искренно люблю своего испытаннаго друга, а онъ меня. — Я повсюду встрѣчаю добрыхъ людей; самъ значительно сбавилъ свои требованія, и все идетъ отлично. Расположеніе духа моего самое прекрасное, какимъ я давно уже не пользовался; я сознаю свое положеніе и живо разбираю, съ кѣмъ имѣю дѣло. Случись, что кто-нибудъ опять начинаетъ разыгрывать ментора, я сначала прислушиваюсь, не вздоръ ли онъ несетъ, и если да—то и задаю же ему перцу. Я впрочемъ, давно уже замѣчаю, что большинство моихъ учителей берутъ больше всего языкомъ; тѣмъ не менѣе, я очень вѣжливъ съ ними, терпѣливо выслушиваю отъ нихъ не мало глупостей, и скромно предоставляю имъ щеголять своими крошечными особами. Меня стали даже хвалить за эту добродѣтель, за скромность, хотя прежде-то, когда я такъ много носился съ собою, я былъ куда скромнѣе, чѣмъ теперь, когда держусь въ сторонкѣ. Итакъ, все идетъ прекрасно, и я чувствую себя въ сущности очень хорошо. Никто больше не обращается со мною какъ съ мальчишкой, — только разъ послѣ моего возвращенія испыталъ я нѣчто подобное. Я чистосердечно разскажу Вамъ все. Это докажетъ Вамъ и мое довѣріе къ Вамъ и братскую преданность. Отнеслась ко мнѣ такимъ образомъ *Ваша матушка*, вообще такая прекрасная, милая матушка. Она обращается со мною, точно съ сыномъ, но сыномъ-неучемъ, котораго все еще надо воспитывать, и совершенно забываетъ, что сынъ-то подросъ, что съ нимъ уже нельзя разговаривать какъ съ ребенкомъ.—«Полнѣйшее отсутствіе не только основательныхъ познаній,

но даже желанія учиться чему либо»—вотъ что я услышалъ отъ нея. Затѣмъ она стала увѣрять меня, что больше всего повредило мнѣ постоянное *снисхожденіе* ко мнѣ рецензентовъ, что грамматическія ошибки, встрѣчавшіяся въ прежнихъ моихъ трудахъ, повторяются и въ новыхъ, и т. д. и т. д. Да, да, все это сущая правда, я ничего не прибавляю. Разговоръ начался въ самомъ дружескомъ тонѣ, а подъ конецъ мнѣ пришлось наслушаться такихъ вещей, которыхъ я меньше всего могъ ожидать именно теперь. Похвалы и ласки заставляютъ меня смиряться душой, несправедливое же порицаніе пробуждаетъ во мнѣ гордость, и тогда я ужъ не въ силахъ смолчать. Главное-же въ этомъ случаѣ то, что эту обиду нанесла мнѣ Ваша мать, которой я такъ много обязанъ и которую такъ любилъ называть своей.— — Вѣчно преданный Вамъ братъ-поэтъ.

P. S. Не забудьте въ письмахъ на родину присылать мнѣ поклоны.

Копенгагенъ 20 октября 1834 г.

(*Эдварду Коллину*). Позвольте мнѣ сегодня обратиться къ Вамъ письменно. У меня есть до Васъ дѣло, приходится, слѣдовательно, докучать Вамъ, а это очень не вяжется съ моими понятіями о дружбѣ. Вы обѣщали поговорить съ Рейцелемъ о моемъ романѣ. Не думайте, что я особенно тороплюсь выпустить его въ свѣтъ. Скажу даже—благо это въ письмѣ, и я такимъ образомъ не рискую услышать никакихъ восклицаній — пусть бы онъ пролежалъ себѣ хоть 9 лѣтъ, а съ нимъ вмѣстѣ и все мое творчество, если бы можно жить безъ денегъ. Но такъ какъ жить безъ нихъ нельзя, то я и полагаю, что роману моему не слѣдъ валяться. Финансовъ у меня хватитъ еще на недѣльку, а затѣмъ предстоитъ новый мѣсяцъ съ платой за квартиру, съ дырявыми сапогами и пр.; слѣдовательно, деньги мнѣ нужны не позже какъ черезъ недѣлю.

Итакъ не поговорите ли Вы съ Рейцелемъ о моемъ разсказѣ (я такъ и хочу назвать его, а не новеллою, не романомъ) и внушить ему нѣкоторое уваженіе къ нему, сказавъ, что онъ является какъ бы квинтъ-эссенціей моей поѣздки по Италіи. Заглавіе его «*Импровизаторъ*»; онъ составитъ двѣ небольшія книжки; ихъ можно переплести вмѣстѣ, и получится подходящій по величинѣ томъ. Пусть онъ будетъ напечатанъ въ томъ же форматѣ и тѣмъ же шрифтомъ—около 28 строкъ на страницѣ—какъ романы Ингемана; такимъ образомъ книжка выйдетъ листовъ въ 18 не больше, а прошу я 12 риксдалеровъ съ листа, или за все цѣликомъ 100 спецій. Половина суммы должна быть выдана мнѣ при сдачѣ первой части рукописи. Если мнѣ выдадутъ теперь же 100 риксдалеровъ, то я не погонюсь за тѣмъ, чтобы книга вышла до Новаго года. Если Вы можете указать мнѣ на другіе источники, въ чемъ, впрочемъ, сомнѣваюсь, да и не охотно связываю себя обязательствами, то пусть разсказъ полежитъ; въ против-

номъ случаѣ прошу повѣрить мнѣ, что настоящая спѣшка вызвана вовсе не желаніемъ поскорѣе увидѣть свое произведеніе въ печати. Я всегда еще успѣю сдѣлаться предметомъ глумленій, накликать на себя обиды и огорченія. Знаю, что обрушатся и на эту бѣдную книгу, какъ на «*Агнету*», но я терпѣливо буду носить свой терновый вѣнокъ, хоть онъ и не краситъ, а только давитъ и колетъ Вашего друга Андерсена.

P.S. Извините меня, что я въ послѣднее время снова впалъ въ чувствительный тонъ и проявлялъ къ Вамъ слишкомъ нѣжныя чувства; Вы, вѣдь, не любите этого; но мнѣ какъ-то нездоровилось; постараюсь при случаѣ проявить побольше холодности.

Копенгагенъ ноябрь 1834 г.

(*Генріеттѣ Ганкъ*).—Когда же выйдетъ Ваша книга? Напишите мнѣ о ней хоть что-нибудь. Не заставляйте же меня ждать до лѣта! Лѣто... да, это красивое названіе, только намъ приходится довольствоваться однимъ названіемъ: девять мѣсяцевъ уходитъ на зиму, одинъ на весну, одинъ на осень, одинъ же между ними изображаетъ что-то среднее между банной, и тепличной погодою. Чудесный у насъ климатъ, нечего сказать! Дождь льетъ вотъ уже недѣлю подъ рядъ! — Не дурно было бы, по моему, если бы влюбленные дарили теперь другъ друга вмѣсто колецъ зонтиками. Хоть бы наступили морозы, настоящіе морозы и заморозили бы все, —вотъ это было бы дѣло! Коли пиръ такъ ужъ на весь міръ!—Я ежедневно бываю въ семьѣ Коллинъ; зато больше почти нигдѣ. Два раза въ недѣлю сердце влечетъ меня къ г-жѣ Лэссё, и я знаю, что она охотно видитъ меня у себя, только у меня-то теперь мало охоты ходить куда бы то ни было, а меня какъ на грѣхъ осаждаютъ приглашеніями. Только у старика Коллина я чувствую себя вполнѣ какъ дома; маленькіе внуки его зовутъ меня дядей, самъ старикъ мнѣ точно родной отецъ, а дѣти его сестры и братья.—На дняхъ у Коллина былъ обѣдъ для литераторовъ. Гостями были Герцъ, Гейбергъ да я, или, вѣрнѣе, какъ сказалъ самъ Коллинъ, гостями были только двое первыхъ, такъ какъ Андерсенъ—сынъ дома. Гейбергъ былъ остроуменъ, Герцъ глухъ, но юнъ душой, я же—забавенъ. Да, Вы не повѣрите, какимъ я сталъ молодцомъ. Вамъ вѣрно любопытно узнать, какъ отзываются обо мнѣ? Вотъ Вамъ пара другая характеристикъ. Г-жа Лэссё говоритъ: «Онъ запасся теперь знаніемъ людей, разыгрываетъ изъ себя чистосердечнаго малаго, а говоритъ всетаки только то, что хочетъ. Не разберу я его хорошенько.»—Коллинъ-отецъ говоритъ: «Пожалуй, онъ сталъ теперь довольно солиднымъ парнемъ, но старыя замашки все еще при немъ остались.» Г-жа Древсенъ и Луиза увѣряютъ: «Онъ сталъ такимъ веселымъ, шаловливымъ и такимъ разсѣяннымъ. Никакъ не разберешь его.» А Вы что думаете обо мнѣ? Впрочемъ, сперва прочтите романъ, а потомъ скажите. Вы видите

изъ этого письма, что у меня осталась старая привычка болтать о себѣ очень много, но это, вѣдь, такая *обширная* тема.—

Дождь, слякоть и туманъ, 16 марта 1835 г.

(Генріэттѣ Вульфъ). Добрѣйшая сестра моя Іетта! — Изъ вышеприведенной надписи Вы увидите, что письмо это написано на нашей дорогой родинѣ и въ Копенгагенѣ. Скоро, кажется, минетъ пять мѣсяцевъ, что мы не видимъ яснаго неба; я скоро совсѣмъ позабуду, какъ выглядитъ голубой свѣтъ; о немъ нѣсколько напоминаетъ только матерія моей шинели. Вдыхайте итальянскій воздухъ полной грудью, набирайтесь тамъ силами, чтобы было чѣмъ жить, когда судьба опять вернетъ Васъ сюда на родину. Спасибо за Вашу дорогую, хоть и черезчуръ ужъ краткую записку! Вы знаете, что я такой большой и длинный, мнѣ нужно пищи побольше; но, вѣрно, она не заставитъ себя долго ждать. Поэтому то и я строчу Вамъ теперь такое длинное посланіе, первое, въ сущности, которое посылаю Вамъ по возвращеніи. Отчего это такъ случилось, я самъ не знаю; пожалуй, причина въ воздухѣ, онъ дѣйствуетъ какъ то парализующе, и такъ какъ весь запасъ воздуха и огня, который я привезъ съ собой изъ Италіи, пошелъ на творчество, то и приходится манкировать относительно друзей. А Вы знаете, чѣмъ я былъ занятъ? Написалъ романъ «*Импровизаторъ*» въ двухъ частяхъ и 30 листахъ и небольшую драму въ 2-хъ дѣйствіяхъ «*Кирстинушку*»; музыку къ ней взялся написать Бредаль *) затѣмъ я написалъ еще нѣсколько сказокъ для дѣтей. Эрстедъ говоритъ про нихъ, что если «*Импровизаторъ*» прославитъ меня, то сказки обезсмертятъ мое имя; по его мнѣнію, я не писалъ ничего лучшаго. Я не согласенъ съ нимъ, онъ не знаетъ Италіи, поэтому и проникающее весь романъ вѣяніе Италіи не можетъ будить въ немъ чарующихъ воспоминаній...

Въ день рожденія короля въ королевскомъ театрѣ шли двѣ пьесы: «*Свадьба смотрителя замка*», драма артиста Гольста, вещь никуда не годная, и прелестная пьеса Гейберга «*Эльфы*», заимствованная изъ Тиковскихъ «*Die Elfe*». Изъ всѣхъ произведеній Гейберга это самое поэтическое. Вамъ извѣстно, что на парадныхъ спектакляхъ вообще воздерживаются выражать свое мнѣніе, и это легко сбиваетъ людей съ толку. Аристократія наша была за первую пьесу и обзывала вторую балаганщиной, я же тотчасъ объявилъ, что первая дрянь, а вторая шедевръ и говорилъ всѣмъ и каждому: «Виновата тутъ нація; ей недостаетъ фантазіи, и сказочный элементъ ей не доступенъ». Такому смѣлому утвержденію только удивлялись, но вотъ сталъ высказывать то же самое Эленшлегеръ, и при томъ не про-

*) Какъ видно изъ „Сказки моей жизни", стр. 193, „*Кирстинушка*" была поставлена въ 1846 г. съ музыкою Гартмана. *Примѣч. перев.*

стымъ студентамъ, какъ я, а занимающимъ мѣста въ придворномъ паркетѣ*), и, три дня спустя, по всему городу говорили, что пьеса Гольста никуда не годится, пьеса же Гейберга верхъ совершенства! Я могъ бы указать вамъ на многихъ, перемѣнившихъ такимъ образомъ свое мнѣніе, но такъ какъ они намъ черезчуръ знакомы, то оставимъ эту матерію. Я обзавелся теперь новымъ знакомствомъ. Въ одинъ прекрасный день приходитъ ко мнѣ съ приглашеніемъ посыльный отъ старухи Бюгель, вдовы коммерсанта. Я сказалъ ему, что тутъ произошло какое-нибудь недоразумѣніе, и отпустилъ его. Но онъ вскорѣ вернулся съ вторичнымъ приглашеніемъ, и тогда я принялъ его. Старуха полюбила меня и оказываетъ мнѣ всевозможное вниманіе. Но, конечно, это просто капризъ съ ея стороны и долго онъ не продлится. Надняхъ она вдругъ прислала мнѣ прелестный французскій шлафрокъ, вышитый розами и шелковый поясъ, потомъ бутылку итальянскаго вина, другую, третью!.. Послѣдній же разъ, когда посланный пришелъ приглашать меня на обѣдъ, оказалось что ему было велѣно просить меня лично составить меню, а разъ, когда я отказался за нездоровьемъ явиться къ ней, барыня взяла да прислала мнѣ дѣтскихъ порошковъ! Всѣ теперь говорятъ, что я женюсь на ней, и называютъ ее хорошей партіей, но я всетаки не согласенъ—ужъ слишкомъ много будетъ у меня тогда пасынковъ. — —

Копенгагенъ 28 марта 1835 г.

Дорогой Рейцель!—Печатаніе романа заканчивается. Книга выйдетъ, слѣдовательно, на будущей недѣлѣ. Желаю Вамъ хорошаго сбыта! Я далъ Вамъ годъ моей жизни и, пожалуй, самый лучшій. Присылаю Вамъ списокъ 18 подписчиковъ, собранныхъ нѣкоторыми изъ моихъ друзей. Это, конечно, очень немного въ сравненіи съ сотней, на которой Вы настаивали, чтобы назначить мнѣ гонораръ въ 200 риксдалеровъ. Я и предвидѣлъ, что больше этого пока не наберется, но, если книга пойдетъ ходко, дѣло скоро наладится. Мы предполагали выпустить ее въ февралѣ, но Вы уже предупредили меня, что я и въ такомъ случаѣ не могъ бы получить остатка гонорара раньше чѣмъ въ началѣ апрѣля. Теперь книга является какъ разъ къ этому сроку, но апрѣль такъ не далекъ, что Вы, вѣроятно, не сочтете непомѣрнымъ требованіемъ со стороны нуждающагося писателя просьбу выдать мнѣ остатокъ гонорара теперь же. 200 р. Вы, пожалуй, не дадите, по крайней мѣрѣ не раньше, чѣмъ окажется, что книга будетъ имѣть ходъ; будемъ считать, слѣдовательно, 180 р., но изъ нихъ я, увы, уже получилъ 115 р. Остается дополучить пустяки. Прошу Васъ выдать мнѣ этотъ остатокъ въ понедѣльникъ—день, когда я свожу свои счеты, а если хотите обрадовать меня —Вы можете это—то заготовьте для меня къ четвергу, 2

*) См. примѣч. стр. 133.

Апрѣля—время есть—два экз. въ красивыхъ переплетахъ для г-жи Коллинъ и принца Христіана. Надо вамъ сказать, что 2-е Апрѣля день моего рожденія, и мнѣ очень хотѣлось бы обезпечить себя этой радостью, исполненіе которой зависитъ только отъ Васъ. Повѣрьте мнѣ, дорогой Рейцель, будь я богатъ, я бы подарилъ Вамъ всѣ свои писанія, но свѣтъ ужъ такъ устроенъ, что ничего такого сдѣлать нельзя. Въ другомъ свѣтѣ, гдѣ все, вѣдь, перемѣнится къ лучшему, Вы, можетъ быть, будете поэтомъ, а я издателемъ; тогда Вамъ представится случай поступить со мною такъ, какъ я бы поступилъ по отношенію къ Вамъ, будь это въ моей власти. Всего хорошаго! Приду въ понедѣльникъ и надѣюсь, что Вы будете дома. Не забудьте также 2-е Апрѣля! Преданный Вамъ *Андерсенъ*.

Копенгагенъ 14 мая 1835 г.

(Іонасу Коллину). Тяжело у меня на сердцѣ; мнѣ непремѣнно надо поговорить съ Вами, но лично я не рѣшаюсь. Надежда моя когда-нибудь доставить Вамъ истинную радость, одна изъ тѣхъ многихъ, отъ которыхъ я уже отказался. Лучшія мои стремленія терпятъ крушеніе. Послѣ моего возвращенія на родину я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствую зависимость и горечь своего положенія. Тамъ, гдѣ я ожидалъ найти поощреніе и любовь, я встрѣчаю только несправедливость и мелочную критику. Я *бѣденъ*, и бѣдность эта угнетаетъ меня сильнѣе чѣмъ послѣдняго нищаго, отнимая у меня и силы и мужество. И я уже слишкомъ умудрился жизненнымъ опытомъ, чтобы позволить себѣ мечтать о лучшихъ временахъ впереди. Мнѣ предстоитъ такое несчастное будущее, что у меня врядъ ли даже хватитъ мужества встрѣтить его. Настанетъ время, когда мнѣ ничего другого не останется, какъ искать плохенькаго мѣста деревенскаго учителя или проситься куда-нибудь въ колоніи. Умри Вы, и у меня не останется никого, кто бы принималъ участіе во мнѣ, а талантъ ничто, если обстоятельства ему не благопріятствуютъ.

Въ послѣднее время обстоятельства сложились для меня самымъ удручающимъ образомъ. Меня часто мучатъ такія лишенія, которыя со стороны могутъ казаться пустячными,—о нихъ я, однако, и говорить не буду, но мнѣ прямо грозитъ нужда. Я старался скрывать это и отъ себя и отъ всѣхъ другихъ, но больше не могу. Я Вамъ долженъ 100 риксдалеровъ. Другихъ долговъ у меня нѣтъ; но уже и то, что я долженъ все откладывать да откладывать уплату Вамъ, постоянно мучитъ меня. Гонораръ за мое либретто «*Ламмермурская невѣста*» я получу не раньше сентября; получу я навѣрно 200 р.; Бредаль тоже не берется кончить музыку для «*Кирстинушки*» раньше этого времени. Послѣднее либретто въ 2-хъ дѣйствіяхъ, и мнѣ дадутъ за него, вѣроятно 100 р., но и этихъ денегъ приходится ждать. У Рейцеля теперь нѣтъ денегъ, и онъ не берется пока издавать новаго выпуска

сказокъ, который я изготовилъ. Я сдѣлалъ все, что могъ, но все безуспѣшно. Лѣтомъ я предполагаю написать новый романъ и одну маленькую пьесу, но это все работа для будущаго, а не для текущихъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ у меня нѣтъ одежды, я ежемѣсячно долженъ тратиться на уплату за квартиру и на кое-какія другія нужды. Въ концѣ года у меня, конечно, будутъ деньги и гораздо больше той суммы, которую я долженъ Вамъ. Нельзя ли Вамъ поэтому достать мнѣ изъ какого либо источника еще 100 риксд.? Мнѣ опять приходится просить объ этомъ Васъ и это просто доводитъ меня до отчаянія. Я сознаю всю Вашу доброту ко мнѣ, Ваше снисхожденіе, деликатность, и меня тѣмъ больше огорчаетъ необходимость вѣчно докучать Вамъ.— —

[На это письмо К. въ тотъ же вечеръ написалъ А. такой отвѣтъ: «Не тревожьтесь и спите себѣ спокойно. Завтра увидимся и столкуемся на счетъ средствъ. Вашъ К.»].

Люккесгольмъ 5 іюля 1835 г.

(*Эдварду Коллину*). Дорогой другъ! Будь я теперь въ Копенгангенѣ, а Вы въ деревнѣ, Вы бы написали мнѣ? Ну, А. такъ, вѣдь, любитъ писать письма, говорите Вы. Вовсе нѣтъ! У меня охота эта давно пропала; я только предполагаю, что Васъ можетъ обрадовать письмо отъ меня, потому и пишу да еще, какъ видите, длинное письмо. Если бы Вы пріѣхали сюда ко мнѣ хоть на денекъ, какъ бы я обрадовался! Люккесгольмъ самая красивая мѣстность въ Фіоніи; кормятъ здѣсь прекрасно; даютъ и вина и сливокъ сколько душѣ угодно.—Помѣстье это принадлежало когда-то Каю Люкке. Одинъ изъ флигелей еще сохранилъ свой древній стиль: глубокіе рвы, сводчатые потолки и гобелены. Мнѣ отвели самую интересную комнату въ одной изъ большихъ башенъ; кровать старинная съ красными занавѣсками, на гобеленахъ—весь Олимпъ, а надъ каминомъ красуется гербъ Кая Люкке. Кромѣ того, тутъ «нечисто»; всѣ люди въ домѣ вѣрятъ этому, но я еще ничего не замѣчалъ, даромъ что зорко слѣдилъ, особенно въ первую ночь. Если вообще существуютъ привидѣнія, то, надѣюсь, они настолько поумнѣли на томъ свѣтѣ, чтобы не показываться лицамъ съ особенно живымъ воображеніемъ, которое готово покончить съ ними при случаѣ. Корридоръ, ведущій въ мою комнату, обвѣшанъ старинными портретами разныхъ дворянскихъ особъ, порядочно таки подернутыми плѣсенью. Надняхъ мнѣ вздумалось намочить тряпку и промыть имъ всѣмъ глаза. Вотъ они вытаращились-то! Одна изъ барышенъ, не знавшая объ этой операціи, случайно взглянула на нихъ и такъ и ахнула.—Здѣсь прелестнѣйшій садъ съ террасами; онъ прямо примыкаетъ къ лѣсу; большое озеро подходитъ вплоть къ самому дому. Я каждый день катаюсь въ лодкѣ и распѣваю баркаролу изъ «*Ламмермурской невѣсты*». Владѣлица помѣстья, г-жа Линдегоръ, премилая и госте-

пріимная хозяйка. Я предполагалъ остаться здѣсь только дня два, но прекрасная мѣстность, густые сливки и пр. заполонили мое сердце, и вотъ я здѣсь уже десятый день. Разскажите г-жѣ Древсенъ, что дамы здѣсь увлекаются мною, какъ она Байрономъ, и страсть какъ ухаживаютъ за мною. «*Импровизаторомъ*» онѣ всѣ восхищаются, все, что я ни говорю, находятъ безподобнымъ, исполняютъ каждое мое желаніе, спрашиваютъ, что я хочу къ обѣду, не хочу ли прокатиться... Да, повѣрьте, что съ Эленшлегеромъ у принца не носятся больше, чѣмъ со мною здѣсь. Это въ первый разъ, что я сознаю, какъ пріятно быть поэтомъ.—

Не узнали ли чего-нибудь о нѣмецкомъ переводѣ «*Импровизатора*»? Мнѣ очень хотѣлось бы узнать, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на нѣмецкую публику. Эта моя лучшая книга, и какъ разъ за нее-то мнѣ хуже всего заплатили. Будь я французомъ и имѣй сравнительно такой же кругъ читателей во Франціи, какой имѣю въ Даніи, я бы не былъ нищимъ, имѣлъ бы возможность предпринять новое путешествіе, набраться новыхъ впечатлѣній и обогатиться и умственно и душевно. Будь у насъ истинно-любящій искусство принцъ, готовый покровительствовать искусству—я былъ бы теперь на пути въ Грецію. Теперь я съѣздилъ бы куда съ большей пользой и куда экономнѣе. А результатомъ съ Божьей помощью было бы произведеніе еще болѣе совершенное, которое бы прославило меня еще больше. Не считайте меня неблагодарнымъ, дорогой другъ; я отлично чувствую, что для меня и то сдѣлано много. Но я не могу не думать о томъ, какъ мало въ сущности нужно, чтобы доставить мнѣ возможность создать еще болѣе совершенное произведеніе, но я предвижу, что этому не бывать. Съ виду я веселъ, счастливъ, а, пожалуй, никогда еще такъ не горевалъ, какъ теперь по возвращеніи домой. Что подѣлаешь! Я чувствую себя здѣсь чужимъ, мои мысли въ Италіи. О, Эдвардъ, еслибы Вы подышали тѣмъ воздухомъ, видѣли все то великолѣпіе, и Вы бы затосковали, какъ я. Вспомните, у меня нѣтъ ни родителей, ни родныхъ, ни невѣсты—и не будетъ никогда! Я такъ безконечно одинокъ! Только въ домѣ Вашихъ родителей мнѣ еще иногда грезится родной домъ, но какъ скоро все можетъ перемѣниться! Вы женитесь и уѣдете, Луиза выйдетъ замужъ и тоже уѣдетъ, кружокъ будетъ становиться все меньше и меньше, пройдутъ года, я состарѣюсь и, навѣрно, доживу до глубокой старости—печальная перспектива! Такъ какъ же мнѣ не вздыхать по той странѣ, гдѣ я чувствовалъ себя дома, по югѣ? Вотъ она невѣста моя, по которой я тоскую, которая очаровала меня своей красотой. О, если бы я могъ продать какому нибудь богачу годы своей жизни, я бы отдалъ половину ея, чтобы имѣть возможность другую половину прожить въ Италіи. Когда-то я могъ съ дѣтской вѣрой просить Бога о разныхъ чудесахъ и былъ счастливъ надеждой, что мольба моя будетъ услышана; теперь же я сталъ такимъ благоразумнымъ, что не могу и просить Бога объ

исполненіи моей завѣтной мечты—вновь увидѣть чудный югъ. Я знаю, что этому не бывать. — —

Одензе 16 іюля 1835 г.

Дорогой Эдвардъ! Что только выпало мнѣ на долю въ Люккесгольмѣ! За мною такъ ухаживали тамъ, что я пробылъ тамъ вмѣсто двухъ дней цѣлыхъ семнадцать! И чего только эти барышни ни придумывали! Пытались даже напугать героя дня! Прятали мнѣ подъ кровать живого пѣтуха, привязывали къ занавѣскамъ моей кровати бумажки съ майскими жуками, сыпали въ постель горохъ и т. д., но я живо раскрывалъ всѣ ихъ плутни и по великодушію своему даже не мстилъ за нихъ. Разъ подмывало меня, впрочемъ, лечь въ видѣ привидѣнія на постель одной изъ молодыхъ барышенъ (онѣ разъ положили въ мою куклу женскаго пола), но раздумалъ; пожалуй, это могли истолковать превратно, да и сама старуха, которой я довѣрилъ свой планъ, сомнительно покачала головой. Пріѣхалъ я въ Одензе, гдѣ ожидало меня Ваше письмо, живо проглотилъ его, и вотъ послушайте, какое случилось со мной ужаснѣйшее происшествіе, да не забудьте разсказать о немъ Вашей сестрѣ и Іеттѣ. Я привезъ съ собой изъ Парижа пару тоненькихъ башмаковъ; они безъ твердыхъ задковъ и держатся только краями обшивки. Я надѣлъ ихъ, и, чтобы ужъ щегольнуть во всю, надѣлъ также пару шелковыхъ парижскихъ носковъ, такихъ тоненькихъ, что совсѣмъ и не чувствуешь ихъ на ногахъ. Иду я себѣ по улицѣ. Само собой разумѣется, что я предварительно нѣсколько приподнялъ брюки, — если носки не будутъ видны, какое же тогда отъ нихъ удовольствіе? Двигаюсь я себѣ, и обшивка башмаковъ тоже двигается, а мнѣ только кажется, будто башмаки становятся просторнѣе. Затѣмъ сижу дома за столомъ и обѣдаю. Вдругъ кто-то говоритъ: «А что это случилось съ башмаками?» Схватываюсь малюсенькой своей ручкой за ногу и ощупываю голую пятку; щупаю выше—все голо. Вотъ те здравствуй! Оказалось, что тоненькіе шелковые носки съѣхали у меня во время ходьбы въ башмаки, задки башмаковъ стоптались, и я въ такомъ-то видѣ разгуливалъ по улицамъ. Зато люди могли полюбоваться такими бѣлыми пятками, что у твоей Венеры! Въ первую минуту я былъ совсѣмъ уничтоженъ: но затѣмъ успокоился, твердо увѣренный въ томъ, что люди приняли мои голыя пятки за бѣлые шелковые носки. Но, однако, вотъ происшествіе-то! N'est pas? *). Теперь у насъ ярмарка; воздухъ пропахъ крестьянами, ютландскіе горшки узрѣли Вашего поэта, и солнце, наконецъ, пригрѣло, какъ слѣдуетъ. Вы радуетесь моей практичности и благоразумію! Да, видите ли, я научился имъ въ Вашемъ обществѣ. И я теперь могу вор-

*) Образчикъ французскихъ оборотовъ А., который сталъ поговоркой въ домѣ Коллинъ. Э. К.

чать, горячиться, говорить грубости, словомъ быть совсѣмъ не похожимъ на Андерсена временъ его невинности душевной. Теперь я обнаруживаю многосторонность, которая Васъ, вѣрно, удивитъ. Я могу увлекаться заразъ и бульономъ, и жаркимъ, и черными глазами и мелодіями Беллини. Я охотнѣе пью молоко, чѣмъ утреннюю зарю, а шампанское журчитъ теперь для меня пріятнѣе всякаго источника. Ваше описаніе меня, какъ поэта, когда я хорошо поѣлъ, очень хорошо, но не ново. Я ожидалъ отъ Васъ большаго, особенно въ виду того, что Вы, вѣдь, тоже иногда занимаетесь нашимъ ремесломъ—и въ стихахъ и въ прозѣ. Вы говорите, что Вамъ хочется подразнить меня, — какъ мы, однако похожи другъ на друга въ нашихъ дурныхъ качествахъ! Вѣдь, то же желаніе ощущаю и я, и оно-то и дѣлаетъ меня для Васъ столь интереснымъ, столь незамѣнимымъ.

Вы жалуетесь на вросшій ноготь на большомъ пальцѣ ноги, я—на мозоль на мизинцѣ,—и тутъ мы сходимся. Вы любите читать хорошія книги, я больше всего люблю читать свои собственныя стихи, — опять совпаденіе. У Васъ есть невѣста, милое, почти черезчуръ красивое созданье, а у меня есть столь же милая и еще болѣе прекрасная—природа. Она обладаетъ міровымъ разумомъ и вѣчною юностью; она поетъ мнѣ, цѣлуетъ меня и угощаетъ и масломъ, и молокомъ, и земляникою. До свиданья!—Братъ.

Копенгагенъ 19 янв. 1836 г.

(*Генріэттъ Ганкъ*).—Наконецъ-то я получилъ нѣмецкій переводъ «*Импровизатора*», т. е. самъ выписалъ книгу на свой счетъ; переводчикъ теперь въ Парижѣ, а издатель забылъ про меня. Новый романъ мой озаглавленъ только двумя буквами «*О. Т.*», и названіе это вовсе не искусственное, дѣланное, а самое простое въ свѣтѣ *). Эта зима прошла для меня такъ благополучно, какъ еще ни одна. «*Импровизаторъ*» доставилъ мнѣ самое лестное вниманіе со стороны лучшихъ людей, и большая публика стала относиться ко мнѣ куда лучше прежняго. Отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ я слава Богу теперь избавленъ, и въ послѣднее время могъ даже устроиться вполнѣ комфортабельно. Редакціи доставляютъ мнѣ газеты, Рейцель—новыя книги и гравюры, и вотъ я сижу себѣ въ вышитыхъ туфляхъ и въ шлафрокѣ, печка шипитъ, самоваръ поетъ на столѣ, а курящаяся монашка такъ славно пахнетъ. Вспоминаю бѣднаго мальчика въ Одензе, ходившаго въ деревянныхъ башмакахъ, и съ умиленнымъ сердцемъ благословляю Создателя. Теперь я въ самомъ зенитѣ своей славы, я это вполнѣ сознаю, а потомъ пойдетъ на убыль. Но поэтъ бываетъ въ зенитѣ, кажется, лѣтъ 6, и за это время я успѣю написать 6 хорошихъ книгъ. А тогда дѣло мое сдѣ-

*) Начальныя буквы имена и фамиліи героя Отто Тострупъ, а также иниціалы Odense Tugthus, т. е. Одензейскій смирительный домъ. *Примѣч. перев.*

лано, и я, навѣрное, сумѣю умереть во время! Только бы мнѣ удалось побывать еще разъ въ Италіи! — —

Копенгагенъ, 3 февраля 1836 г.

(Генріеттѣ Вульфъ). «А. значительно измѣнился и не къ лучшему! Старый А. былъ мнѣ куда милѣе!» Вотъ, что мнѣ уже не разъ пришлось услышать отъ Васъ. Слова эти скользнули, какъ ртуть, но мнѣ показались и тяжелы, какъ она. Сегодня вечеромъ я намѣревался навѣстить Васъ, мы бы поболтали, разсказали бы другъ другу разныя исторійки; я, какъ всегда, говорилъ бы о себѣ, и подъ конецъ Вы протянули бы мнѣ руку со словами: «Узнаю стараго А!» Но я измѣнилъ свое намѣреніе, предпочелъ отдать Вамъ визитъ мысленно, написать посланьице. Во-первыхъ, въ немъ бесѣда идетъ глаже, во-вторыхъ—я, вѣдь, эгоистъ—въ этомъ случаѣ, Вамъ приходится, по крайней мѣрѣ во время чтенія письма, заниматься исключительно мною. Я очень рѣдко бываю у своихъ друзей. Привязанности мои все тѣ же, но во мнѣ пробудилась новая привязанность—къ работѣ. Пора истиннаго творчества началась для меня съ моего возвращенія изъ Италіи; для успѣшной работы мнѣ остается, можетъ быть, еще лѣтъ 5—6, и ими надо пользоваться. Я устраиваюсь у себя поуютнѣе, развожу въ каминѣ огонь, и тогда меня навѣщаетъ моя муза. Она разсказываетъ мнѣ удивительныя сказки, показываетъ мнѣ забавные типы изъ обыденной жизни, дворянскіе и мѣщанскіе, и говоритъ: «Взгляни на нихъ, ты, вѣдь, знаешь ихъ! Срисуй ихъ, и они будутъ жить!» Это, конечно, великое слово, но она такъ и говоритъ. Вотъ почему я и манкирую друзьями. Вы говорили мнѣ недавно про Людвига Мюллера и его семейство, говорили даже, что такъ какъ я совсѣмъ пересталъ бывать у нихъ, то трудно не видѣть въ этомъ какой-нибудь особой причины, но что та, на которую Вамъ указали, такая гадкая, что Вы не хотите даже сказать ее и сами отказались вѣрить въ нее. Я знаю, что это за «причина», мнѣ не трудно разобраться въ разныхъ положеніяхъ и мнѣніяхъ. Вотъ, чего вы не хотѣли сказать мнѣ: «Вы не бываете тамъ больше, такъ какъ умеръ отецъ, отъ котораго Вы могли ожидать себѣ протекціи.» Не такъ ли? Такъ разсуждаютъ люди, а мнѣ это очень прискорбно.

Вчера я навѣстилъ Вашу лѣстницу. Матушка не принимала гостей, дверь была заперта, и я такъ и не увидѣлъ ни ея, ни Васъ. Понимаю, что она, какъ больная, не охотно показывается кому бы то ни было. — Скоро опять навѣщу Васъ, авось удастся мнѣ тогда повидаться съ бѣдной матушкой. Она такъ любила меня, пока я былъ маленькимъ и послушнымъ, но, увидите—выросту красивымъ. Милая сестра моя киваетъ головой! — Новый трудъ, можетъ быть, романъ, начинаетъ шевелиться у меня въ головѣ; я еще не выяснилъ себѣ хорошенько, что именно готовится, но чувствую, что что-то будетъ. Мною овладѣло какое-то безпокойство, полное зарницъ,

предвѣстницъ готовой разразиться грозы, какая-то пріятная духовная лихорадка! Когда туманъ разсѣется и перейдетъ въ облака, я разскажу Вамъ поподробнѣе. Но я все болтаю безъ умолку! Перо такъ и бѣгаетъ,—бѣдняжкѣ приходится записывать все, что мнѣ взбредетъ на умъ. Письмо это, покажетъ Вамъ, по крайней мѣрѣ, ходъ моихъ мыслей, когда я даю имъ волю. Вашъ всегда преданный братъ *Г. Х. Андерсенъ.*

Одензе, 22 іюня 1836 г.

(*Луизѣ Коллинъ*). Такой холодъ, что чернила замерзаютъ, и я едва могу водить перомъ, но не могу не написать Вамъ, хоть Вы и не любительница описаній. Пассажиры въ диллижансѣ наговорили мнѣ пропасть комплиментовъ по поводу моего «*Импровизатора*». Въ Одензе я въ первый же день наговорился до хрипоты. Вы бы послушали, какъ я говорю. Избави Боже! говорите Вы, n'est pas?—Между нами будь сказано, я скучаю по Васъ всѣхъ, особенно, когда вспоминаю, какъ вы бывало дразнили меня. Здѣсь со мною такъ нестерпимо вѣжливы; никто не зоветъ меня «осломъ», «болваномъ» и тому подобными эпитетами, получающими особый колоритъ въ устахъ Вашей сестры. Попросите ее прислать мнѣ «осленка» или «болванчика» въ конвертѣ. Говорятъ, будто я сказалъ удачную остроту, которую сейчасъ же передали принцу, у котораго теперь гоститъ Эленшлегеръ. Дѣло было такъ. Совѣтникъ Гемпель сказалъ мнѣ: «Теперь въ Одензе гостятъ два изъ нашихъ крупныхъ поэтовъ». Я на это отвѣтилъ: «Это правда: одинъ великій, а другой длинный». Говорятъ, что отвѣтъ былъ удаченъ; но я не даромъ, вѣдь, воспитанъ въ домѣ Коллинъ.—Отъ Эдварда я давно не имѣю извѣстій; но объ этомъ мы не будемъ говорить; постараюсь по отношенію къ нему взять свои чувства въ руки. Пожмите ему отъ меня руку.—Старая дѣва Х. (ей около 60) восторгается мною до того, что почти влюбилась въ меня... Отъ старухъ-то мнѣ нѣтъ отбоя, а вотъ молоденькія!—Былъ бы я красивъ или богатъ!.. Всего хорошаго! Кто теперь напишетъ мнѣ? Эдвардъ что ли? Братъ Вашъ *Г. Х. Андерсенъ.*

Люккесгольмъ, 26 іюня 1836 г.

(*Генріеттѣ Вульфъ*).—Послѣднее письмо я написалъ Вамъ изъ Нестведа, оттуда я поѣхалъ въ уединенное Сорё, гдѣ и попалъ въ царство холода и тишины. Даже лѣто на сѣверѣ не можетъ утолить моей тоски. Былъ я и у Гауха и у Ингемана, и мы предпринимали вмѣстѣ прелестныя экскурсіи.—Младшая дочка Гауха странное дитя, такъ и бьетъ всѣхъ животныхъ и въ лѣсу и дома. Надняхъ она схватила палку и убила цыпленка. «Не слушается!» сказала она. Немного погодя, она побѣжала за курицей, желая поцѣловать ее и попросить у нея прощенія.—

Сегодня я написалъ Коллину и въ первый разъ высказалъ свое намѣ-

реніе просить о выдачѣ мнѣ на будущій годъ стипендіи на поѣздку за границу. Вотъ-то, вѣрно, удивятся! И, конечно, я не получу ничего. Несчастье для художника родиться въ маленькой странѣ! Родись я во Франціи или въ Англіи, мнѣ не довелось бы клянчить о томъ, что могъ бы дать себѣ самъ. Тогда бы я составилъ себѣ имя, былъ бы независимъ, и средствъ бы у меня хватило, что бы жить гдѣ захочу. Я—южанинъ, посаженный на сѣверъ, гдѣ расцвѣтъ мой продлится только мѣсяцъ другой,—никому нѣтъ охоты ухаживать за такимъ растеньицемъ. Разъ-другой польютъ ему на голову водицы—вотъ и все, и я, конечно, за это благодаренъ, какъ и слѣдуетъ быть. Есть, вѣдь, такъ много растеній, нуждающихся въ уходѣ—и маргаритки и зеленая капуста, а капуста—растеніе незамѣнимое. Въ настоящую минуту идетъ градъ, что твой горохъ! Вѣтеръ такъ и свиститъ и пищитъ, и я пишу вмѣстѣ съ нимъ. Дивная Италія! Я бы согласился быть даже монахомъ на вершинѣ Капри! Соскучишься, можно, вѣдь, спрыгнуть въ воду. Байронъ былъ всетаки счастливъ, несмотря на всѣ свои мученія. Онъ могъ перелетать съ мѣста на мѣсто, богатство позволяло ему презирать людей, наслаждаться и пѣть, какъ ему хотѣлось. Я воспѣлъ Италію и написалъ датскій романъ. Теперь я напишу другой для своего личнаго удовольствія. И прочесть-то его земляки прочтутъ, но Богъ вѣсть, что скажутъ о немъ! А я еще занятъ этимъ, — дурень я! — Когда будетъ подано прошеніе, надо всѣмъ моимъ друзьямъ приналечь хорошенько, чтобы вызволить тяжелое разрѣшеніе. Попросите тогда Коха; онъ, вѣдь, знакомъ кое съ кѣмъ изъ начальства; попрошу помочь и самого принца, и всѣмъ, кто поможетъ мнѣ, обѣщаю... нѣтъ, это будетъ сюпризъ! Если тотъ свѣтъ еще красивѣе Италіи, то я съ удовольствіемъ растанусь съ этимъ; но вотъ, ma soeur, «синица въ рукахъ лучше журавля въ небѣ». Дорожные сборы для поѣздки на небо имѣютъ въ себѣ нѣчто очень непріятное: ѣдешь одинъ, безъ паспорта и кредитивовъ, и успѣваешь застыть еще до того, какъ тебя посадятъ въ твое купэ.—Addio! *Братъ*.

Люккесгольмъ, 30 іюля 1836 г.

(*Луизѣ Коллинъ*).—При «низверженіи солнца», какъ говорится въ «*Усладительномъ чтеніи*» я пріѣхалъ въ Нестведъ, городокъ, точно сшитый изъ самыхъ невозможныхъ закоулковъ другихъ провинціальныхъ городковъ. Тутъ я столкнулся съ старухой-поэтессой. Она была такъ озлоблена за свой невольный переѣздъ съ квартиры, что накормила домашнихъ муравьевъ сахаромъ,—небось выживутъ изъ квартиры новыхъ жильцовъ! — Передайте сестрѣ, что я такъ тоскую по ней, что съ удовольствіемъ заплатилъ бы цѣлый риксдалеръ за тумакъ ея бѣлой ручки. Сегодня утромъ я слышалъ, какъ конюхъ кричалъ на лошадей: «Экая скотина!» Это прозвучало для меня отголоскомъ съ родины, и я испыталъ то же, что долженъ испытывать швейцарецъ, когда услышитъ на чужбинѣ альпійскую пѣснь... «Экая скотина!»

Сколько дорогихъ воспоминаній можетъ заключаться въ двухъ такихъ простыхъ словахъ!—Письмо это Вы получите въ день своего рожденія; вспомните обо мнѣ и если захотите пожелать мнѣ чего либо хорошаго, такъ скажите: «Пусть А. въ будущемъ году выпьетъ за мое здравіе 3-го Августа среди пиній и горъ, которыя рисуются ему «въ прелестнѣйшемъ цвѣтѣ индиго»!»— Часто я вижу передъ собой всѣхъ дорогихъ сердцу словно въявь. Лучше всего я вспоминаю у своихъ друзей выраженіе глазъ; оно для меня главное, существенное въ лицѣ.— — Всего хорошаго! Братски преданный Вамъ *Андерсенъ*.

Свендборгъ, 4 августа 1836 г.

(*Эдварду Коллину*).—Дорогой, лучшій другъ мой!... Вы получите мое письмо уже женатымъ человѣкомъ. Хоть я и не могу быть на свадьбѣ, не могу даже прислать за себя пѣсню, я всетаки присутствую на ней мысленно. Я вижу Васъ обоихъ; вы такъ серьезны и въ то же время радостны. Отъ всего сердца молю Бога о вашемъ счастьѣ. Слезы навертываются у меня на глаза, когда я пишу эти строки. Словно Моисей, стою я на горѣ и гляжу въ обѣтованную землю брака, въ которую — увы! не войду никогда. Господь многое далъ мнѣ въ этой жизни, но то, что у меня отнято, можетъ быть, самое лучшее, счастливѣйшее. Собственнымъ гнѣздомъ обзаводишься лишь когда женишься на вѣрной, милой подругѣ и увидишь самого себя возрожденнымъ въ дѣтяхъ. И Вамъ теперь предстоитъ это счастье. Я одинокъ въ жизни; дружба должна замѣнить мнѣ все, заполнить всѣ пробѣлы; вотъ почему, можетъ быть, мои требованія дружбы и заходятъ черезчуръ далеко. Но дайте мнѣ ее хоть сколько можете; Васъ, вѣдь, я люблю больше всѣхъ. Я предвижу свое будущее со всѣми его лишеніями; я останусь одинокимъ; такъ должно. Разумъ мой, надѣюсь, всегда будетъ ясно говорить мнѣ это. Но чувства мои сильны, какъ и Ваши; и я любилъ такъ же горячо, какъ Вы теперь, но любовь моя была лишь мечтою. Мечты этой я, однако, не забуду никогда, хоть мы и не говоримъ о ней никогда. О такихъ сердечныхъ ранахъ нельзя бесѣдовать даже съ лучшимъ другомъ. Да, я, вѣдь, и вылечился, и старыя раны даютъ знать о себѣ лишь по временамъ. Лучше, можетъ быть, было бы и промолчать вовсе, но свадьба моего Эдварда близка моему сердцу и пробуждаетъ воспоминанія....

Счастливцы вы оба! Почувствуйте же, какъ много Вамъ дано сравнительно съ другомъ. Но—я лечу на югъ, Италія—моя невѣста! Прощайте! Богъ благослови Васъ обоихъ! *Братъ*.

Копенгагенъ, 11 февраля 1837 г.

(*Ингеману*). — Въ скоромъ времени Вы получите новый выпускъ сказокъ для дѣтей, которыя Вамъ такъ не нравятся. Гейбергъ говоритъ,

что это лучшее изъ всего написаннаго мною. Самая послѣдняя сказка «*Русалочка*» Вамъ всетаки понравится. Она лучше чѣмъ «*Лизокъ съ вершокъ*» и только она одна изъ всѣхъ моихъ произведеній, если не считать исторіи о «*маленькой игуменьѣ*» въ «*Импровизаторѣ*», глубоко трогала меня самого, когда я писалъ ее. Вы, пожалуй, улыбаетесь? Не знаю, что бываетъ съ другими поэтами, я же страдаю вмѣстѣ съ созданными мною лицами, веселюсь и хандрю вмѣстѣ съ ними, бываю то добрымъ, то злымъ, смотря по тому, какую сцену пишу. Этотъ новый третій выпускъ сказокъ, по моему, лучшій изъ всѣхъ и Вамъ, вѣрно, понравится! И Вашей женѣ тоже! Я не поставилъ безсмертія души своей русалочки, какъ de la Motte Fouqué своей «*Ундины*», въ зависимость отъ любви къ ней человѣка. Право, это нелѣпо. Все въ такомъ случаѣ зависѣло бы отъ случая. Я заставилъ свою русалочку пойти болѣе естественнымъ и совершеннымъ путемъ. Ни одинъ поэтъ, кажется, еще не указывалъ на этотъ путь, и я радъ, что могъ указать его въ своей сказкѣ. Вотъ сами увидите!—Вашъ преданный *А*.

Копенгагенъ, 1 декабря 1837 г.

(*Генріеттѣ Ганкъ*). — Вчера я прочелъ единственный имѣвшійся въ городѣ нумеръ «*Revue de Paris*», въ которомъ помѣщенъ трудъ Мармье «*La vie d'un poète*». Какъ мнѣ было забавно видѣть, что я такъ мило изъясняюсь по-французски. Мнѣ очень польстило также то, что я теперь сталъ въ нѣкоторомъ родѣ интересною личностью въ свѣтѣ. Мармье говоритъ сначала о борьбѣ генія вообще, называетъ нѣсколькихъ родственныхъ мнѣ по духу поэтовъ, описываетъ нашу первую встрѣчу, мою наружность, мою коморку, и затѣмъ заставляетъ меня разсказывать ему свою юность! Отсюда онъ переходитъ къ моимъ произведеніямъ и ставитъ выше всего стихотворенія и «*О. Т.*» Оканчивается статья стихотворнымъ переводомъ моего стихотворенія «*Умирающее дитя*». Итакъ, мое имя пошло теперь гулять по свѣту лѣтъ на сто! Не смѣйтесь надъ моей дѣтской радостью и не истолкуйте ея превратно! Нѣтъ, Ваше послѣднее письмо увѣряетъ меня въ противномъ! Какъ мнѣ хотѣлось бы написать Вамъ настоящее веселое письмо, но сегодня я не въ такомъ настроеніи. Одиночество мое все больше и больше угнетаетъ меня! Вы пишете, что я, конечно, не стану таиться отъ Васъ, если сдѣлаюсь женихомъ. Конечно, нѣтъ, но Господи Боже мой, у меня и въ помышленіи этого нѣтъ! Въ городѣ же, по свойственной людямъ манерѣ заниматься людьми сколько нибудь извѣстными, женятъ меня то на одной, то на другой особѣ, но увѣряю Васъ, что я и не думаю о нихъ или вообще о бракѣ. На столько-то у меня ума хватитъ, чтобы не дѣлать неразумнаго шага. И дай мнѣ Богъ всегда разсуждать такъ здраво! Я едва обезпечилъ себѣ сносное существованіе и на будущее не имѣю никакихъ видовъ. А между тѣмъ женѣ моей понадобится та же обстановка, къ какой она при-

выкла въ родительскомъ домѣ,—такъ какъ же мнѣ жениться? Я такъ и умру одинокимъ, какъ мой бѣдный Христіанъ въ романѣ. Не думайте, что я преувеличиваю, сгущаю краски здѣсь на бумагѣ; нѣтъ, я чистосердечно открываю Вамъ свою душу, какъ сестрѣ. Да, будь я богатъ, имѣй я надежду зарабатывать въ годъ тысячу другую — я бы влюбился! Здѣсь есть одна дѣвушка, прекрасная, умная, добрая, милая, принадлежащая къ одному изъ интеллигентнѣйшихъ семействъ города. Но у меня нѣтъ состоянія и я—даже не влюбляюсь. Кромѣ того, она почти вдвое моложе меня. Слава Богу, что она и не подозрѣваетъ о томъ, что я не совсѣмъ равнодушенъ къ ней и обращается со мною, какъ со старымъ знакомымъ. Она питаетъ ко мнѣ довѣріе и способна сказать мнѣ какъ-нибудь на дняхъ по секрету: «Андерсенъ! Поздравьте меня, я невѣста!». Но нѣтъ, такъ она не скажетъ; она слишкомъ стыдлива. Я не знаю болѣе цѣломудренной дѣвушки. О, какимъ, однако, можно было бы быть на этомъ свѣтѣ счастливцемъ! — Гаухъ пишетъ мнѣ: «Не отгоняйте отъ себя Вашей тоски; она-то и придаетъ Вашимъ твореніямъ высшій блескъ.» О, Господи! Такъ значитъ мнѣ быть бабочкой на булавкѣ, чтобы доставлять людямъ удовольствіе красивымъ зрѣлищемъ!— —Поэтическое положеніе, нечего сказать, быть переведеннымъ на французскій и нѣмецкій языки, читать свою біографію въ одномъ изъ лучшихъ французскихъ журналовъ, видѣть свои портреты на гравюрахъ и въ то же время быть одинокимъ бѣднякомъ, безъ видовъ на будущее, Камоэнсомъ сѣвера! Въ этомъ есть нѣчто трагическое, что радуетъ мою суетную душу. Прощайте, мой дорогой другъ и сестра!—*Братъ*.

Копенгагенъ. 5 января 1838 г.

(Ингеману). — — Въ «*Revue dix-neuvième siècle*» я прочелъ вчера рецензію на мой романъ «*Только скрипачъ*» и совѣтъ французамъ перевести какъ этотъ, такъ и другіе два мои романа. Меня это очень обрадовало, особенно въ виду того, что расположенный ко мнѣ Мармье не сотрудничаетъ въ этомъ журналѣ. А вотъ курьезъ: въ «*Morgenblatt*» говорится, что я родился въ Одензе въ—Финляндіи! Мои «*Сказки для дѣтей*» выходятъ теперь въ нѣмецкомъ переводѣ. Повѣрьте мнѣ, что я цѣню такое вниманіе. Бываютъ минуты, когда я глубоко сознаю, что я счастливъ даже больше, чѣмъ того заслуживаю, что Богъ мнѣ нѣжный любящій отецъ; но бываютъ также и такія минуты, и часто, когда я готовъ придти въ отчаяніе. Я чувствую себя такимъ одинокимъ, меня тянетъ перелетать съ мѣста на мѣсто; самъ не знаю, что со мною дѣлается. Я сознаю, что во мнѣ скрывается кладъ, который я, однако, не въ силахъ поднять изъ глубины души и показать свѣту. Самое лучшее, что я далъ, всетаки не то, что живетъ во мнѣ и волнуетъ меня денно и нощно. Ахъ, еслибы я могъ высказать все это! Вы не назовете дурнымъ именемъ того, что я сейчасъ скажу Вамъ, Вамъ одному. Мнѣ кажется, что

ни одинъ поэтъ еще не высказалъ того, что, какъ я иногда чувствую, и есть настоящая поэзія. Сравнивая же написанное мною съ тѣмъ, что я чувствую, я прихожу въ отчаяніе: «Ты ничего не сдѣлалъ!» Я мучу самъ себя, но таковъ ужъ мой характеръ. Но есть у меня горе и потяжелѣе, самое тяжелое, котораго нельзя и высказать. Я состарѣлся, юность покинула меня!..

На этихъ дняхъ мы ждемъ знаменитаго скрипача Оле Булля. Онъ родственникъ Эрстеда, и я ожидаю случая познакомиться съ нимъ. Дочка Эрстеда, самая хорошенькая, самая симпатичная, которая ребенкомъ сидѣла у меня на колѣняхъ и столько разъ цѣловала меня, прося разсказывать ей сказки, теперь невѣста,—ну какъ же я не старикъ! Спасибо за всѣ тѣ свѣтлыя точки въ моей жизни, на которыя Вы указываете въ своемъ письмѣ. Судя по нему, я становлюсь почти «баловнемъ счастья». Поклонъ Вашей женѣ и сестрѣ. Скажите Гауху и его семейнымъ, что я часто вспоминаю о нихъ.—Одну радость я всетаки получилъ на елку: встрѣтился на улицѣ съ Мейслингомъ, и онъ почувствовалъ потребность сказать мнѣ, что обходился со мной въ школѣ не хорошо, ошибался во мнѣ, о чемъ теперь очень сожалѣетъ, что я стою теперь куда выше его и, наконецъ, попросилъ меня позабыть его суровость, прибавивъ: «Теперь вы восторжествовали, а я — пристыженъ!» Это тронуло меня!—Прощайте! Въ слѣдующій разъ напишу гораздо больше! Напишите и Вы поскорѣе! Вашъ вѣрный и преданный *Г. Х. Андерсенъ*.

Копенгагенъ. 23 февр. 1838 г.

(Фредерику Лэссё).—Дорогой другъ! Только въ разлукѣ съ друзьями и сознаешь хорошенько, насколько они тебѣ дороги. Такъ вотъ вышло и у меня съ Вами. Давно уже скучаю я о Васъ и собираюсь побесѣдовать съ Вами, но вотъ только еще собрался. Такой ужъ у меня странный характеръ, и это больше всего вредитъ мнѣ самому, — я все буду ждать письма отъ другого, прежде чѣмъ напишу ему самъ. Я бесѣдую съ Вами письменно въ первый разъ, а съ перомъ въ рукѣ я совсѣмъ другой человѣкъ, нежели лицомъ къ лицу. Я не стѣсняюсь высказываться въ письмѣ, и нравится Вамъ это или нѣтъ, не могу не сказать Вамъ здѣсь того, чего бы никогда не сказалъ Вамъ устно—что я люблю Васъ безконечно, какъ брата, какъ друга. Я уважаю Васъ за характеръ и за умъ. Вы въ этомъ отношеніи куда выше меня, и я могу поспорить съ Вами развѣ только фантазіей и чувствомъ. Вотъ бы намъ встрѣтиться съ Вами за-границею и пожить вмѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ, тогда—смѣю думать—мы стали бы настоящими друзьями. Вы часто проявляли по отношенію ко мнѣ большую прозорливость; мнѣ немножко досадно признаться въ этомъ; что же касается моего тщеславія, столь вреднаго для дружбы, то, право, я и тутъ лучше своей репутаціи. «Только не пишите больше романовъ, если не можете написать такого же хорошаго, какъ пер-

вые три!» сказали вы мнѣ однажды, и я съ Вами вполнѣ согласенъ! Имѣй я средства къ жизни, Вы бы видѣли одни хорошіе результаты, теперь же мнѣ часто приходится думать о вѣткѣ хлѣбнаго дерева и отказываться отъ вѣтвей лавроваго. Никто, пожалуй, не чувствуетъ лучше чѣмъ я, какъ далекъ я отъ истиннаго совершенства, никто больше меня не можетъ сознавать съ горечью, что лѣтъ черезъ 50 люди скажутъ: «Да, въ свое время Андерсенъ могъ еще считаться поэтомъ, но теперь — что онъ такое!» Такія мысли не особенно отрадны. А мой идеалъ поэта настолько же высокъ, если еще не выше Вашего. Въ данную минуту у меня нѣтъ ни охоты, ни мужества дѣлать что либо. Я, пожалуй, смогъ бы написать свою «*Дину*»; но я предвижу, что она явится подражаніемъ Виктору Гюго. Я работаю надъ сказкою, но уже соскучился отъ этого жонглированья съ золотыми яблочками фантазіи. Я поэтъ и отдыхать подъ паромъ не могу; ну вотъ и выростаетъ изъ меня лирическая травка на жвачку четвероногимъ критикамъ. — Вашъ преданный другъ *Г. X. Андерсенъ*.

Копенгагенъ, 9 марта 1838 г.

(Ему-же). — Дорогой, добрый другъ! Ваше письмо такъ обрадовало меня! Оно потверждаетъ мое убѣжденіе въ томъ, что письменно можно лучше открывать другъ другу свое «я» нежели лицомъ къ лицу устно. Для того, чтобы я могъ всецѣло отдать кому-нибудь свою дружбу, нужно, чтобы тотъ обладалъ чѣмъ-нибудь, передъ чѣмъ я могъ бы преклоняться. Въ Васъ я всегда особенно цѣнилъ умъ; сердца и чувства и у меня не меньше, а фантазіи даже побольше. Такимъ образомъ, я считаю насъ равными другъ другу. Впрочемъ, можетъ быть, это только самомнѣніе съ моей стороны. Ахъ, если бы я обладалъ Вашими познаніями, Вашею разсудительностью и особенно Вашею юностью! О, еслибы можно было безслѣдно уничтожить половину того, что я написалъ ради того, чтобы отвести душу и пропитать тѣло! Какъ бы я выигралъ! Никому не можетъ быть противнѣе говорить о деньгахъ чѣмъ мнѣ; Вы, навѣрно, никогда и не слыхали, чтобы я затрогивалъ эту тему; она дѣйствуетъ на меня болѣзненно-удручающимъ образомъ; но тутъ я скажу Вамъ разъ на всегда: богиня мукъ, имя ей нужда, одна виновата въ самыхъ крупныхъ моихъ недостаткахъ. Вы не знаете какую борьбу я велъ! Дѣтство мое прошло, а я еще ничему не успѣлъ научиться. Выросъ я въ бѣдной невѣжественной средѣ; никто не руководилъ мною, никто не направлялъ моихъ духовныхъ силъ въ должную сторону; онѣ метались изъ стороны въ сторону, какъ блуждающіе огоньки. Когда же я, наконецъ, попалъ на школьную скамью, меня подвергли такой суровой и механической дрессировкѣ, что диво, какъ я еще не совсѣмъ погибъ. Каждый шагъ моей литературной дѣятельности я прошелъ на глазахъ у всѣхъ, публично; она являлась своего рода представленіемъ, во время котораго не разъ хо-

дила по рукамъ тарелка,—на нее каждый клалъ свою лепту на прокормъ поэту! Я перенесъ все это, чтобы добиться имени и добился его не только здѣсь, но какъ будто бы и за-границею. А я все же бѣденъ и безпомощенъ, какъ тогда, когда вступилъ съ своей котомкой за плечами въ Западныя ворота Копенгагена, и, пожалуй, еще менѣе счастливъ. Тогда я былъ богатъ прекрасными радужными мечтами, теперь же я богатъ опытомъ, знаніемъ жизни, показывающими мнѣ сколькаго мнѣ не хватаетъ и сколькаго, почти навѣрное, мнѣ никогда не добиться! Ахъ, еслибы я могъ высказать все, что у меня на душѣ! Никогда еще не испытывалъ я въ ней такого броженія, какъ въ этотъ послѣдній годъ, и, навѣрное, это и отразилось на моемъ послѣднемъ романѣ «*Только скрипачъ*». Работая надъ двумя предыдущими я былъ, напротивъ, куда спокойнѣе! Многіе говорятъ, что «*Импровизаторъ*» самое зрѣлое мое произведеніе; два другихъ романа въ такомъ случаѣ должны быть ужъ перезрѣлыми! Но я предпочитаю думать, что «*Импровизаторъ*» созрѣвшій цвѣтокъ поэзіи, а тѣ два—плоды, только что успѣвшіе сформироваться; вотъ почему люди и качаютъ головами и говорятъ: «Цвѣтокъ красивѣе!»—Теперь подъ конецъ письма надо Васъ угостить поэзіей, такъ вотъ Вамъ на закуску любовные стишки молодого офицера изъ моей новой сказки «*Калоши счастья*» *). Это уже старая исторія, т. е. ей минуло около года. Тогда у меня самого скребло на сердцѣ, но никто этого не замѣтилъ, даже Вы, мой дорогой другъ. Впрочемъ, это, вѣдь, и было не серьезно! Теперь все это пережито и единственное, что я извлекъ изъ упомянутаго маленькаго любовнаго изверженія—вотъ эти стишки. Скоро, вѣрно, я дождусь отъ Васъ письма. Вашъ преданный другъ *Андерсенъ*.

Письма Генріеттѣ Ганкъ.

Копенгагенъ, 1 апрѣля 1838 г.

——Что-то мнѣ принесетъ съ собою новый годъ жизни? Я не радуюсь и не боюсь заранѣе! Ахъ, только бы мнѣ удалось создать произведеніе, которое бы пережило меня! Меня пожираетъ честолюбіе. Да, вотъ настоящее слово!——Здоровье мое не совсѣмъ хорошо. Я въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, нервы напряжены, а во всемъ тѣлѣ слабость. Теперь я предпринимаю ужаснѣйшее леченіе—такъ называемою русскою баней. Друзья мои, которые «знаютъ меня такъ хорошо» (т. е. больше, чѣмъ я самъ себя), говорятъ, что моя болѣзнь одно воображеніе. Ну, значитъ мое воображеніе—болѣзнь, и довольно таки мучительная.—Сегодня погода у насъ солнечная, и въ Новой Гавани, гдѣ я живу, большое оживленіе. На льду работаетъ съ полсотни матросовъ; они пилятъ ледъ и отталкиваютъ ледяныя

*) См. Т. I стр. 89.

глыбы шестами. Оригинальное зрѣлище. Всю зиму корабли стояли въ гавани, словно умершіе, всѣми забытые, прикованные къ столбамъ желѣзными цѣпями; при свѣтѣ луны они казались трупами; теперь ихъ вновь смолятъ и снастятъ, мнимоумершіе оживаютъ и летятъ въ чужія страны, а я сижу все за тѣмъ же окномъ и гляжу, какъ они улетаютъ! — Ну, а теперь стопъ машина! У Коллинъ ждутъ меня къ обѣду. Благодарю за все хорошее!—*Братъ*. Тороплюсь ужасно!

Копенгагенъ, 27 апрѣля 1838 г.

Вы, разумѣется, получили мое послѣднее письмо, спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ сами послали мнѣ свое. Я получилъ его сегодня послѣ обѣда и вмѣсто того, чтобы идти смотрѣть порхающую «Сильфиду», заставляю порхать по бумагѣ свое перо. Знаете, что говорятъ мои галантные друзья? «Андерсенъ сталъ безподобнымъ франтомъ! Носитъ сюртукъ въ 60 рихсдалеровъ съ атласной подкладкой, шляпу, что твой зонтикъ, а фигура у него — да, положительно онъ день ото дня хорошѣетъ!» Іетта Вульфъ говоритъ: «Прежде Вы были такимъ милымъ чудакомъ; теперь Васъ не отличишь отъ камеръ-юнкера *X.*, отъ лейтенанта *Y.*, такой же изящный аристократъ!» Г-жа Древсенъ говоритъ: «Нашъ другъ хорошѣетъ на старости лѣтъ, но онъ все такой же вздорный! И это-то un célèbre poète! Знали бы вы его такъ хорошо, какъ мы!» Христіанъ Войтъ говоритъ: «Теперь ты заглядываешь ко мнѣ разъ въ мѣсяцъ; прежде, когда я одинъ зналъ то, что теперь знаютъ другіе—что ты великій поэтъ—ты больше жаловалъ меня!» Г-жа Кольбьёрнсонъ говоритъ: «Вы одѣваетесь отлично, манеры у васъ теперь изысканныя, такъ, можетъ быть,—кто знаетъ!—попадете и ко двору! Вотъ бы я порадовалась!» Эрстедъ говоритъ: «Ну, теперь Вамъ не на что жаловаться, вашъ талантъ признанъ всѣми, у васъ есть прочное имя!» Г-жа Лэссё съ материнскою улыбкою говоритъ: «Держитесь истины!» и шепчетъ мнѣ на ухо: «Такой успѣхъ...» Но я уже довольно, кажется, привелъ Вамъ примѣровъ изъ дружескихъ сужденій обо мнѣ. Теперь сложите ихъ всѣ вмѣстѣ и сравните съ Вашимъ наброскомъ. Вы сказали мнѣ какъ-то, что каждый годъ, когда я пріѣзжаю къ Вамъ, Вы находите во мнѣ новаго человѣка. Какимъ-то я сдѣлался за этотъ годъ?— —Чтобы и Вы не сказали какъ Іетта Вульфъ, что я такъ ужасно измѣнился, буду по прежнему говорить все о себѣ самомъ и опишу Вамъ свой день и недѣлю. Въ 8 часовъ кофе, затѣмъ чтеніе и письмо до 10—12, когда отправляюсь въ нашъ Студенческій Союзъ читать газеты, потомъ иду купаться, гуляю и дѣлаю визиты до 3, а тамъ отдыхаю. Отъ 4-хъ до 6-ти обѣдъ, а остатокъ дня работаю дома или читаю; вечеръ—если въ театрѣ даютъ что-нибудь новенькое—провожу въ театрѣ, иначе дома. Обѣдаю я: въ понедѣльникъ у г-жи Бюгель, гдѣ всегда обѣдаютъ точно въ большомъ обществѣ; во вторникъ у стариковъ Коллинъ,

гдѣ бываетъ въ тотъ день и старшій сынъ съ женою, почему насъ всегда угощаютъ чѣмъ-нибудь особеннымъ; въ среду у Эрстеда,—въ этотъ день у нихъ всегда гости; въ четвергъ опять у г-жи Бюгель, въ пятницу у Вульфъ; у нихъ въ этотъ день бываетъ также Вейзе и послѣ обѣда всегда импровизируетъ на фортепьяно. Суббота—мой свободный день, и я обѣдаю или гдѣ-нибудь по особому приглашенію или въ ресторанѣ; въ воскресенье же—или у г-жи Лэссё, или въ нашемъ Студенческомъ Союзѣ, если здоровье не позволяетъ мнѣ отправляться въ такую даль. Вотъ Вамъ и вся недѣля. Всетаки разнообразіе! Вотъ, еслибы къ этому можно было бы еще каждый годъ ѣздить за границу, все было бы хорошо! — —*Братъ*.

Копенгагенъ, 21 августа 1838 г.

Вы имѣете ко мнѣ довѣріе; Ваше послѣднее письмо показало мнѣ это лучше всѣхъ прочихъ. Бѣдная сестрица Іетта! Какъ бы мнѣ хотѣлось утѣшить Васъ, сказать Вамъ что-нибудь ободряющее! Напрасно Вы отчаиваетесь въ своихъ силахъ. У Васъ есть то, чего лишены милліоны людей. Вы такая богато-одаренная натура, что дѣлите скорбь величайшихъ умовъ. Или Вы думаете, они не проводятъ безсонныхъ ночей, не сомнѣваются въ своихъ силахъ, въ мнѣніи свѣта? Пусть только разсказъ Вашъ выйдетъ въ свѣтъ. Справедливая критика не отзовется о немъ строже меня, а несправедливая—ну, эта принесетъ Вамъ съ собою одну безсонную ночь и хорошую порцію сознанія собственнаго достоинства. Каждая книга, какъ и человѣкъ, имѣетъ свою судьбу. Никто не знаетъ, что ждетъ «*Тетю Анну*»; будетъ она имѣть успѣхъ, это оживитъ Васъ, и Вашъ талантъ пуститъ свѣжіе зеленые побѣги. Но предупреждаю Васъ, что если Вы даже создадите шедевръ, временами на Васъ всетаки будетъ находить сомнѣніе въ Вашихъ способностяхъ. Не находитъ ли оно и на меня, а ужъ меня-ли ни считаютъ тщеславнымъ? Передъ Вами я откроюсь чистосердечно, скажу, что скрываю отъ всѣхъ и чувствую тѣмъ глубже, чѣмъ самоувѣреннѣе кажусь. Меня часто мучитъ сомнѣніе въ томъ, что я дѣйствительно создалъ хоть одну вещь, которая не умретъ. Бываютъ минуты, когда слова Мейслинга: «Въ тебѣ нѣтъ ни капли разума, ты глупый верхоглядъ», такъ и звенятъ у меня въ ушахъ, и мнѣ нужно собрать всѣ свои силы, припомнить значеніе всѣхъ окружающихъ, чтобы успокоиться. И до сихъ поръ я отдаю на общественный судъ каждое мое новое произведеніе съ такимъ же чувствомъ, какъ будто иду на казнь! Я боюсь публики, тогда какъ мнѣніе какого-нибудь отдѣльнаго человѣка не имѣетъ для меня рѣшающаго значенія. Въ настоящую минуту я, по разсказамъ побывавшихъ въ Германіи и также по письму Шамиссо, считаюсь тамъ первымъ среди датскихъ писателей. Такія извѣстія невольно радуютъ, а я всетаки страдаю, какъ и Вы, всякій разъ, когда готовлюсь выпустить въ свѣтъ что-нибудь новое. Блаженство наше продолжается лишь

пока мы творимъ, затѣмъ начинаются муки. Мы имѣемъ съ Прометеемъ то общее, что какъ разъ божественное-то въ нашей природѣ и заковываетъ насъ въ цѣпи. Безпокойство и страхъ, которыя Вы теперь испытываете, были въ теченіе многихъ ночей и моей подушкой; то же испытывали и самые величайшіе геніи; Викторъ Гюго и Скрибъ тоже страдаютъ; самъ важный Гёте высказываетъ свои мученія въ стихотвореніи: «Wer nie sein Brod mit Thränen asz». Ну и представьте себѣ, что Ваша матушка обманется въ своей прекрасной надеждѣ, что разсказа Вашего даже не замѣтятъ, или что знатокъ-критикъ причислитъ его къ числу самыхъ заурядныхъ вещей—что же въ этомъ такого ужаснаго? Если въ Васъ бродитъ нѣчто, оно выйдетъ наружу при другомъ случаѣ, а если нѣтъ, то все же Богъ далъ Вамъ такъ много, что оно созрѣетъ, если не для этой, то для другой жизни! Помните, передъ нами цѣлая вѣчность, зачѣмъ же спѣшить тратить то, что есть въ насъ лучшаго? Не отравляйте же сами себѣ жизни! Впивайте въ себя каждый лучъ солнца! Пусть и это мое письмо броситъ въ Ваше сердце хоть одинъ такой, милая, дорогая сестрица Іетта! Вашъ разсказъ выше сотенъ другихъ, нравится мнѣ больше многихъ произведеній нашихъ великихъ писателей, но мнѣ хотѣлось бы чего-то болѣе захватывающаго, исто-оригинальнаго, и вотъ я высказалъ, что чувствовалъ. Сообщите же мнѣ о разсказѣ по-подробнѣе: сколько вы получите за листъ, гдѣ онъ печатается и скоро ли выйдетъ. Я вѣдь, получу экземпляръ? Онъ будетъ очень дорогъ мнѣ, если вы напишете на немъ, что онъ отъ Васъ лично. Я подожду пока онъ побываетъ въ Одензе.— Братски преданный Вамъ *Г. Х. Андерсенъ*.

Воскресенье, вечеромъ, 4 ноября 1838 г.

Сейчасъ я вернулся съ концерта Оле Булля. Я шелъ туда, не ожидая ничего особеннаго. Я, правда, зналъ, что Булль виртуозъ, но почти увѣренъ былъ, что услышу лишь лучшую передачу все тѣхъ же жонглёрскихъ фокусовъ скрипачей. Театръ былъ набитъ биткомъ, несмотря на двойныя цѣны. Началъ онъ съ allegro maestoso; исполненіе было вполнѣ артистическое; громъ рукоплесканій, но меня не задѣло за живое. Вдругъ скрипка его начала плакать, какъ ребенокъ; слышны были рыданья разбитаго сердца... У меня слезы выступили на глаза, и съ этой минуты я сталъ и всегда останусь его поклонникомъ. Онъ сыгралъ еще capriccio fantastico; я не могу яснѣе описать Вамъ его игры, какъ сказавъ, что мнѣ чудились при этомъ порхающіе въ воздухѣ стихи Гейне, этотъ міръ картинъ, глубокихъ чувствъ и рѣзкой ироніи. Какъ ни одинъ скульпторъ въ мірѣ, не исключая и Торвальдсена, не можетъ возсоздать такую богиню красоты, какъ Венера Медицейская, такъ ни одинъ виртуозъ-скрипачъ не сможетъ сыграть такъ, чтобы сказать вамъ: «Такъ вотъ игралъ Оле Булль». Иногда по струнамъ какъ будто пробѣгали огненныя змѣи, иногда смычокъ задавалъ на

нихъ такую пляску, что мнѣ чудилось, будто я присутствую на крестьянской свадьбѣ и будто самъ сатана стоитъ за спиной жениха и хохочетъ, а невѣста заливается горькими слезами. О, сколько же долженъ былъ Оле Булль выстрадать въ жизни, перечувствовать, чтобы играть такъ! Принимали его восторженно. Онъ отблагодарилъ за вызовы, сыгравъ варіаціи на «*Нашъ Христіанъ стоялъ у мачты*». Это было очень оригинально, но меня не особенно поразило. О жизни Оле Булля разсказываютъ много чисто сказочнаго, но теперь я готовъ вѣрить всему. Скрипка разсказала мнѣ, какимъ одинокимъ и печальнымъ стоялъ онъ въ Болоньѣ, когда еще свѣтъ не зналъ его, когда онъ былъ бѣденъ, когда только скрипка его да голыя стѣны его коморки знали, что́ въ немъ скрывается; разсказала она мнѣ и о томъ, какъ онъ бросился въ Сену и боролся со смертью, прежде чѣмъ обезсмертилъ свое имя. Послѣ концерта онъ почувствовалъ себя дурно и сегодня принужденъ былъ слечь въ постель. Да, сегодняшнее письмо мое совсѣмъ не похоже на письмо,—въ ушахъ у меня все еще звучитъ скрипка Оле Булля.—*Братъ*.

Суббота, 24 Ноября 1838 г.

Написалъ я Вамъ длинное письмо; Брунъ обѣщалъ свезти его Вамъ, да такъ и не зашелъ за нимъ; оно провалялось четыре дня, и теперь я его забраковалъ, хоть оно и было вовсе не дурно написано. Пишу теперь новое, разумѣется, опять объ Оле Буллѣ, славномъ Оле Буллѣ; онъ обошелся со мной такъ мило и игралъ такъ, что я плакалъ. Не вѣрьте газетамъ! Копенгагенцы бранятъ его, отрицаютъ въ немъ геній, но всетаки берутъ театръ приступомъ, кидаясь на новинку. Это, вѣдь, играетъ на скрипкѣ самъ геній, а до генералъ-баса и чего тамъ еще ему дѣла нѣтъ, вотъ за это-то на него и нападаютъ. О, я боролся за него, раздавая удары и направо и налѣво, еще прежде, чѣмъ сказалъ съ нимъ хоть слово. Теперь я люблю его, онъ таковъ, какимъ и долженъ быть истинный геній. Вамъ надо слышать его! Надо! Онъ сказалъ мнѣ, что будетъ въ семьѣ Гульбранда, познакомьтесь съ нимъ тамъ! Послушайте теперь о нашей встрѣчѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ на улицѣ. «Вы, вѣдь, Андерсенъ?» — «А вы Оле Булль! Такъ мы знаемъ другъ друга!» Онъ жалѣлъ, что мы не встрѣтились въ Римѣ,—мы бы, навѣрное, подружились. Я сказалъ, что время еще не ушло. Онъ заговорилъ объ «*Импровизаторѣ*», сказалъ, что думалъ о немъ, выступая въ театрѣ Санъ-Карло. Когда мы разстались, я сейчасъ же пошелъ къ Рейцелю, взялъ одинъ экземпляръ романа «*Только скрипачъ*» въ красивомъ переплетѣ, надписалъ на книгѣ: «Визитная карточка поэту звуковъ Буллю отъ Андерсена» и отдалъ книгу швейцару отеля. Сегодня Булль пригласилъ меня на репетицію, потомъ обѣдать къ себѣ и былъ такъ милъ со мною! Онъ разсказалъ мнѣ о многихъ трогательныхъ, даже потрясающихъ событіяхъ изъ своей жизни. Затѣмъ я получилъ отъ него билетъ въ первый паркетъ такъ же, какъ и

Эленшлегеръ и Торвальдсенъ. Я былъ польщенъ! Но я полюбилъ его и восхищался имъ еще раньше, чѣмъ онъ выказалъ мнѣ свою симпатію. Непремѣнно послушайте его игру! Онъ умиралъ съ голоду на своемъ чердакѣ, въ Болоньѣ, какъ вдругъ случайно ему предложили сыграть въ театрѣ; вообразили, что скрипка его какой-то новый, только что изобрѣтенный инструментъ; онъ явился. Яркое освѣщеніе на минуту ослѣпило его, потомъ онъ взглянулъ на свое бѣдное одѣяніе и почувствовалъ—разсказывалъ онъ—то же, что Антоніо въ «*Импровизаторѣ*» и изобразилъ имъ звуками всю свою жизнь. Его забросали цвѣтами и съ музыкой проводили домой — на вышку, гдѣ онъ голодалъ. Онъ былъ готовъ упасть въ обморокъ отъ голода въ то время, какъ театръ дрожалъ отъ рукоплесканій. Послушали бы Вы, какъ онъ разсказывалъ это, Вы бы полюбили его, какъ я. Если будете говорить съ нимъ, скажите, какъ я его люблю. — —

Понедѣльникъ, вечеромъ, 26 ноября.

Послѣ обѣда я получилъ Ваше милое письмо! Повѣрьте, я тоже всегда караулю почтальона; онъ является въ Новую Гавань около 3—4 часовъ, но не часто подымается на вышку къ поэту; чаще всего онъ осчастливливаетъ своими визитами богатыхъ коммерсантовъ, моихъ сосѣдей. Я перечелъ Ваше письмо нѣсколько разъ; да, Вы мой вѣрный, добрый другъ.— Вчера вечеромъ Оле Булль далъ свой послѣдній концертъ. Въ театрѣ я узналъ, что онъ еще лежитъ въ постели и что докторъ запретилъ ему играть. Публика была въ большомъ волненіи. Наконецъ, онъ явился. Онъ *хотѣлъ* играть. Всѣ эти ученыя бездарности противъ него; вотъ гдѣ сказывается наша датская холодность! Онъ вышелъ, шатаясь, блѣдный, какъ смерть; живые глаза, которые за день передъ тѣмъ такъ улыбались мнѣ, какъ будто совсѣмъ потухли. Колѣни его подгибались... О, я страдалъ вмѣстѣ съ нимъ! — — Онъ игралъ такъ чудно, какъ будто этотъ концертъ былъ его лебединой пѣснью. Долго онъ не проживетъ. Подъ конецъ онъ сыгралъ одну изъ лучшихъ своихъ вещей «Polacca guerriera»; право, скрипка какъ будто плакала! Тутъ-то, наконецъ, датскій ледъ растаялъ! Всѣ ликовали! Его стали было вызывать и требовать bis, но болѣе деликатная часть публики зашикала. Я пошелъ къ нему за кулиссы. Онъ лежалъ въ полу-обморокѣ, смертельно блѣдный. Своей холодной какъ ледъ рукой пожалъ онъ мою и улыбнулся мнѣ своей ласковой, сердечной улыбкой. Я пошелъ домой и написалъ ему письмо; вотъ бы посмѣялись люди, прочти они его теперь! Сегодня ему лучше. Есть люди настолько низкіе, что говорятъ по поводу вчерашняго: «Неизвѣстно къ кому относилось шиканье—къ самому Буллю или къ тѣмъ, кто желалъ заставить больного артиста играть еще, чтобы получить побольше музыки за свои денежки». О, надъ нашей землей носится духъ зла, который брызжетъ ядомъ на все великое и прекрасное! Раекъ нашъ освисталъ чуд-

ную мелодичную оперу Беллини «*Пуритане*». О, я совсѣмъ изъ себя вышелъ! Я хлопалъ и сидѣньемъ стула и руками, оралъ во все горло, Торвальдсенъ и Булль дружески кивали мнѣ и поддерживали меня. Всѣ принцы и принцессы приняли нашу сторону, тоже апплодировали изъ своей ложи; весь первый ярусъ, партеръ и паркетъ тоже были внѣ себя. Ухъ! Еще ни разу не видалъ я такой горячей оппозиціи. Свистали какіе-то совсѣмъ грубые, неотесанные люди; ихъ сразу можно было замѣтить.—Мой «*Скрипачъ*» вышелъ теперь въ шведскомъ переводѣ. Вдова Байрона прислала мнѣ поклонъ; она прочла «*La vie d'un poëte*» Мармье. Да, съ Божьей помощью я мало-по-малу завоевываю себѣ имя. Этого одного я и жажду и переживаю въ этомъ отношеніи муки Тантала. — — Въ эти вечера я постоянно удостоивался въ театрѣ поклоновъ отъ трехъ лицъ: Эленшлегера, Торвальдсена и Булля, и многіе мнѣ завидуютъ. Я сижу во второмъ паркетѣ, они въ первомъ; мы можемъ такимъ образомъ вести лишь мимическую бесѣду. Я еще не доросъ до перваго паркета, но придетъ и это! А то мнѣ уже надоѣло сидѣть отдѣленнымъ желѣзнымъ шестомъ отъ того мѣста, гдѣ сидятъ почти всѣ мои знакомые и друзья, тогда какъ мнѣ приходится сидѣть рядомъ съ своимъ цирульникомъ, съ лакеемъ, отворяющимъ мнѣ дверь въ королевской пріемной, съ мундшенками и камердинерами, словомъ съ людьми, которые говорятъ объ искусствѣ такія вещи, что уши вянутъ.— — Въ субботу я переѣзжаю. Слѣдующее письмо Вы (и тетя) посылайте въ hôtel du Nord, гдѣ я теперь буду жить. Живя въ отелѣ, среди постоянной суматохи, я буду воображать, что я въ дорогѣ! Надо же хоть поморочить себя! Булль собирается ѣхать въ Одензе. Непремѣнно передайте ему поклонъ отъ меня и напишите мнѣ о немъ!—Братски преданный *Г. Х. Андерсенъ*.

Декабрь 1838 г.

Вы были больны! О, я знаю эту болѣзнь! Пережилъ и я такой приступъ, о которомъ не смѣю говорить даже съ Вами; это было незадолго до моей поѣздки въ Италію. Съ тѣхъ поръ я ужъ и не бывалъ вполнѣ здоровъ! Моя нервная система расшаталась, да иначе и быть не могло. Но мы не будемъ никогда говорить объ этомъ. Есть такія священныя печали, что о нихъ нельзя говорить даже съ лучшими друзьями. Печали эти бросили отблескъ на всѣ мои стихотворенія. — — Сегодня я говорилъ съ совѣтникомъ Адлеръ. Онъ тоже привезъ мнѣ поклоны изъ Германіи, разсказалъ мнѣ, какой у меня тамъ большой кругъ читателей, но развѣ это поможетъ мнѣ здѣсь на родинѣ? Самые близкіе мои друзья остаются равнодушными, безучастными, едва считаютъ меня достойнымъ развязать ремень отъ башмаковъ у Герца или Гейберга. О, вся эта несправедливость ко мнѣ просто распаляетъ мое тщеславіе! Я чувствую въ своей душѣ Бога. Если эти письма будутъ когда-нибудь

напечатаны, чего я не думаю, люди, вѣрно, сочтутъ меня ужасно тщеславнымъ. Да неужели и тогда не поймутъ меня? Никто не знаетъ, сколько я выстрадалъ, какъ несправедливы ко мнѣ даже самые близкіе друзья! Они желаютъ мнѣ добра, но, какъ и Мейслингъ, воспитываютъ совсѣмъ нелѣпо, къ своему же стыду. На томъ свѣтѣ и они, какъ онъ, навѣрно, скажутъ: «Я ошибался и очень сожалѣю объ этомъ!» Но я слишкомъ много говорю о себѣ. Да, есть за мной эта слабость!—Вчера вечеромъ во время антракта въ театрѣ разыгралась презабавная сцена. Влюбленная парочка въ ложѣ второго яруса такъ горячо обнималась и цѣловалась, что въ экстазѣ и не замѣтила, какъ начался антрактъ и люстру спустили. Весь партеръ принялся апплодировать имъ, и они въ ужасѣ отскочили другъ отъ друга!!—Братски привязанный *Г. Х. Андерсенъ.*

Нюсё,, 27 августа 1839 г.

(Г-жѣ Лэссё). — — Вы говорите о Ламартинѣ. Да, я радъ, что онъ видѣлъ востокъ, но сержусь на то, что это удалось также такому *непоэтичному* пустозвону, какъ Пюклеру-Мускау. Я всегда былъ нерасположенъ къ нему; во-первыхъ, онъ извѣстенъ не по заслугамъ, во-вторыхъ, видѣлъ востокъ, котораго недостоинъ былъ видѣть и дурно описалъ его. Я, собственно говоря, *завидую* ему — вотъ настоящее слово. Я бы описалъ востокъ куда лучше! И я всегда—даже смѣшно признаться—считалъ оказанное ему содѣйствіе своей собственностью. Мнѣ бы надо было ѣхать на востокъ и потомъ срисовать его, но капризная судьба избрала другого! Не люблю я его! Ухъ, я готовъ стрѣляться съ нимъ!

Вы говорите, что иногда сердитесь на меня за то, что я говорю такія вещи, какихъ не слѣдовало бы. Я и думаю объ этомъ сейчасъ, и Вы, вѣрно, находите, что я нераскаянный грѣшникъ; но увѣряю Васъ, что я даже не знаю, что это за вещи. Пускай при первомъ же случаѣ тотъ изъ Вашихъ сыновей, который никогда не говоритъ ничего подобнаго, наступитъ мнѣ на ногу. Сыновне преданный *Г. Х. Андерсенъ.*

Копенгагенъ, 6 февраля 1840 г.

(Генріеттѣ Ганкъ).—Вы, конечно, уже знаете: «*Мулатъ*» шелъ въ понедѣльникъ съ огромнымъ успѣхомъ, какого не имѣла на моей памяти еще ни одна пьеса. Я даже самъ испугался. Во время первыхъ дѣйствій публика была ужасно сдержана, такъ что меня даже злость взяла; самыя лучшія сцены проходили какъ бы незамѣченными, но во время четвертаго дѣйствія кровь у зрителей немножко поразогрѣлась, а во время пятаго вся публика пришла въ неистовый восторгъ. Занавѣсъ упалъ, и—взрывъ восторговъ! Сегодня король поручилъ передать мнѣ, что я могу представиться ему; онъ желалъ видѣть меня. Я явился, и онъ милостиво заявилъ мнѣ, что

очень радуется успѣху пьесы и надѣется, что отнынѣ меня вообще ждетъ больше радости и успѣха, чѣмъ прежде, — я, вѣдь, уже не мало испыталъ въ жизни горя! Возвращаясь отъ короля, я встрѣтилъ на улицѣ редактора одной газеты, и онъ разсказалъ мнѣ, что въ редакціи былъ уже какой-то неизвѣстный, требовавшій, чтобы они напечатали въ газетѣ принесенный имъ переводъ французскаго разсказа «*Les épaves*», откуда я почерпнулъ сюжетъ «*Мулата*». Неизвѣстный полагалъ, это обстоятельство значительно умаляетъ мои авторскія заслуги. Редакторъ не согласился, но я сказалъ ему—пусть напечатаетъ; я не скрываю, откуда взялъ матеріалъ для своего зданія. Завтра «*Мулатъ*» идетъ опять. Ожидается полный сборъ. Всѣ газеты хвалятъ мой трудъ, и я теперь получилъ мѣсто въ придворномъ паркетѣ. «А, милости прошу, къ нашему шалашу!» привѣтствовалъ меня Торвальдсенъ. Онъ разсказалъ мнѣ затѣмъ, что Эленшлегеръ, который вообще хлопаетъ, какъ изступленный, не удостоилъ мою пьесу хлопкомъ. «Зато я хлопалъ у него надъ самымъ ухомъ!» сказалъ Торвальдсенъ. «Въ пьесѣ много прекрасныхъ мѣстъ!» замѣтилъ ему Эленшлегеръ. «Вся пьеса прелесть!» отвѣтилъ Торвальдсенъ, продолжая работать руками. Гейбергъ тоже оставался равнодушнымъ, а Мольбека и вовсе не было въ театрѣ, и даже изъ семейныхъ его никого. Вчера вечеромъ Эдвардъ Коллинъ давалъ по случаю успѣха «*Мулата*» ужинъ, но я былъ такъ измученъ и вялъ, что не говорилъ ни слова и чуть не спалъ за столомъ. Какой-то анонимный молодой писатель прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ проситъ моего позволенія посвятить мнѣ свой новый романъ. Ко мнѣ являются съ визитами разные графы да генералы, но много и сплетенъ ходитъ по городу. Еще сегодня одна барыня сказала мнѣ, что, вѣдь, «*Мулата*»-то освистали!» Вотъ народецъ! Въ сущности мнѣ бы надо было радоваться, но видишь вокругъ себя столько вздорнаго недоброжелательства, что поневолѣ бѣсишься! Кланяйтесь Вашимъ родителямъ. Не смѣю спрашивать о Вашемъ отцѣ,—вѣрно, все тѣ же мученія? Кланяйтесь сестрамъ! Скоро выйдетъ мое либретто «*Воронъ*». Ну, а теперь бумага говоритъ: довольно! Прощайте! Пишите поскорѣе и побольше. *Братъ*.

Копенгагенъ, 10 сентября 1841 г.

(*Ей же*). Я даже и не ожидалъ, что получу отъ Васъ письмо, но сегодня— *мой счастливый день*! Да, я вотъ уже нѣсколько дней обрѣтался въ настроеніи духа африканца, жаждущаго крови, или сѣверянина, борящагося съ самимъ собою, не зная — держаться ли ему за жизнь или выпустить эту пташку, словомъ, я былъ, выражаясь по-датски, въ мерзѣйшемъ настроеніи духа. Оно уже началось, когда я писалъ Вамъ послѣднее письмо, но тогда еще его нельзя было замѣтить постороннему глазу. Меня всетаки поряд-

комъ удивило, что Вы нашли это письмо оживленнымъ и интереснымъ. «Но что же такое опять съ Вами стряслось?» спрашиваете Вы. Да все то же, о чемъ я уже говорилъ Вамъ. Я не могу чувствовать себя счастливымъ среди народа, неспособнаго увлекаться ничѣмъ, народа,—я подразумѣваю преимущественно копенгагенцевъ—живущаго критиканствомъ и мелочами, а если ужъ нужно сказать больше, то — я попрошу Васъ прочесть послѣднюю критику на меня въ *«Литературномъ Ежемѣсячникѣ»*. Рецензія относится, конечно, къ *«Мавританкѣ»*. Она настолько отзывается личными счетами, что нечего и отвѣчать на нее, но и молчать значитъ давать каждой каплѣ своей крови превращаться въ ядъ! Двѣ недѣли я только рву и мечу внутренно. То-то, должно быть, несноснымъ казался я своимъ близкимъ. Да, теперь я шучу, но, вѣдь, нужно обладать необыкновенно пылкимъ нравомъ, чтобы не замерзнуть въ этой холодной странѣ! Какъ обходятся со мной эти анонимные негодяи! И у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ настолько тщеславія и самоувѣренности, чтобы сохранить душевное равновѣсіе при этой вѣчной травлѣ. «Какъ же Вы опять пришли въ хорошее расположеніе духа?» спросите Вы. Меня спасло мое духовное здоровье; я вызвалъ въ себѣ мужество перомъ! Написалъ два небольшихъ очерка изъ путешествія по Греціи и по Босфору; они мнѣ такъ удались, что я почувствовалъ—и смѣю даже признаться въ этомъ: не такъ-то ужь я ничтоженъ, какъ мнѣ жужжатъ въ уши! Ну, вотъ сердце мое и отошло, я возблагодарилъ Бога, а разъ хорошенько вспомнишь о Богѣ — отчаянію ужъ нѣтъ мѣста. Зло, которое выпадаетъ мнѣ на долю, является, можетъ быть, возмездіемъ за то зло. которое творю я самъ. Мнѣ такимъ образомъ удается хоть отчасти искупить свои грѣхи еще на этомъ свѣтѣ! Теперь я опять въ хорошемъ настроеніи, и Ингеборга Древсенъ говоритъ, что оно очень идетъ ко мнѣ, и она не постигаетъ отчего я не держусь этого амплуа постоянно!— — Вчера опять играли мою бездѣлушку *«Невидимка въ Спрогѣ»*, и публика хохотала до упада и апплодировала словно какому-то шедевру! Я былъ готовъ заплакать; вѣдь, это же ужасно! Хоть бы этотъ *«Невидимка»* поскорѣе сталъ невидимъ въ репертуарѣ. Такую шутку можно дать ну, самое большее разъ пять, а давать ее изъ года въ годъ!— — Что же касается портрета Листа, то я скажу Вамъ, что Листу сильно польстили; у него давно нѣтъ того дѣтскаго выраженія, какое у него на портретѣ. И онъ вовсе не красивъ; портретъ напоминаетъ его лишь слегка. Листъ очень худъ и постоянно носитъ въ глазу монокль; лицо его въ высшей степени подвижно; цвѣтъ лица темножелтый, короче — у него совсѣмъ другое лицо, нежели на этомъ портретѣ, который даетъ намъ *«Портфель»*.—Живите весело и хорошо; пишите поскорѣе! Братски преданный Вамъ *Г. Х. Андерсенъ*.

Копенгагенъ 30 марта 1842 г.

(*Бурнонвиллю*[6]); послѣ постановки балета *«Неаполь»*). Дорогой, до-

рогой другъ!—Не читайте этого письма, если Вы въ эту минуту, какъ иногда случается съ нами, въ будничномъ настроеніи. Вотъ первая мысль, съ которой я приступаю къ этому письму. Я по себѣ знаю, что похвала какому-нибудь нашему произведенію даже со стороны самаго зауряднаго человѣка можетъ доставить намъ нѣсколько минутъ радости. Зауряднымъ меня назвать всетаки нельзя,—я бы притворялся, допуская подобное предположеніе—такъ Васъ, вѣрно, не можетъ не порадовать, если я скажу Вамъ, что я въ восторгѣ отъ Вашего послѣдняго произведенія и не могу не высказать Вамъ этого. Я полюбилъ Васъ, понялъ Васъ! Вы—талантъ! Ваши «мимическія» произведенія, не будь они созданы только для Даніи, могли бы стать европейскими!

У насъ многіе ошибаются во мнѣ, предполагая, что я занятъ только самимъ собою. Право, это значитъ черезчуръ суживать мой кругозоръ! Я люблю все великолѣпное и прекрасное! Я радуюсь, когда вижу проявленіе этого въ каждомъ близкомъ моему сердцу человѣкѣ! И я отъ всего сердца люблю и Ваше дарованіе. Не показывайте этого письма холоднымъ разсудительнымъ людямъ! Они, вѣдь, только посмѣются! Впрочемъ, все равно! Каждое слово идетъ прямо отъ сердца: Господь благослови тебя и даруй тебѣ счастье! Ты—истинный поэтъ, а это маленькое слово имѣетъ въ моихъ глазахъ огромное значеніе.

Изъ моей новой книги Вы увидите, что я цѣнилъ Васъ и раньше, но только теперь я, какъ слѣдуетъ, понялъ, *что́* мы имѣемъ въ Васъ. Мысленно крѣпко прижимаю Васъ къ сердцу! *Г. Х. Андерсенъ*.

Парижъ, 27 апрѣля 1843 г.

(*Генріеттѣ Вульфъ*). —Наконецъ-то пришло письмо! И цѣлыхъ три заразъ; Ваше было самымъ длиннымъ! Спасибо за Ваше милое, славное письмо! Да, есть отъ чего придти въ смущеніе, получивъ три письма заразъ,—не знаешь, за которое сперва взяться!—Какъ разнообразно, полно провожу я здѣсь время; не то, что въ первый разъ! Со сколькими интересными лицами я познакомился! Въ сущности просто удивительно, какъ я, совсѣмъ не зная языка, болтаю со всѣми, понимаю всѣхъ и всѣхъ заставляю понимать себя, такъ что всѣ относятся ко мнѣ очень мило. Зато и волтижирую же я, и балансирую, и перескакиваю, когда говорю по-французски! Послушали бы Вы сегодняшнюю мою бесѣду съ Альфредомъ де Виньи, его женой и поэтомъ Барбіери. Подъ конецъ де Виньи спросилъ, что я написалъ послѣднее. Теперь послушайте мои отвѣты въ переводѣ на датскій языкъ. «Агнета и человѣкъ, рожденный моремъ, нѣчто вродѣ морского бога.»—«Разскажите сюжетъ!» попросилъ де Виньи. Ну, вотъ я и попался, но вывернулся. «Знаете Вы стихотвореніе Гёте «*Рыбакъ*»?» Мнѣ отвѣтили утвердительно. «Такъ вотъ и сюжетъ «*Агнеты*», только здѣсь рыбачка, а

не рыбакъ. Кромѣ того сюжетъ взятъ изъ старинной датской народной пѣсни; она куда старѣе, чѣмъ пѣсня Гете!» Видите, какой я ловкачъ! Барбіери спросилъ меня о дѣятельности Эленшлегера, и я сказалъ: «Онъ Гёте сѣвера: нашу исторію онъ переложилъ въ трагедіи, миѳологію въ огромный эпосъ, создавъ сѣверную Илліаду; онъ поетъ пѣсни, какъ Викторъ Гюго и пишетъ также забавныя комедіи.» Хорошо бы Вамъ послушать, какъ я сказалъ все это по-французски, но писать я ужъ не рискую, тогда какъ говорить, да еще съ французами не стѣсняюсь! Я думалъ, что и Богъ вѣсть какъ трудно проникнуть въ парижскіе салоны, а на дѣлѣ оказалось, что ничего не можетъ быть проще! Мнѣ по крайней мѣрѣ это было очень легко, — приглашенія такъ и сыпались на меня одно за другимъ!— —Сегодня вечеромъ пришелъ я къ г-жѣ Рейбо, и она повезла меня къ г-ну и г-жѣ Ансело, у которыхъ я познакомился съ множествомъ мелкихъ поэтовъ, извѣстныхъ Богу и французамъ, а также съ Мартинецомъ делла Роза. Онъ вступилъ со мной въ длинную бесѣду о Борго и о графѣ Уольди. Богъ вѣсть, какъ я выпутался, но разговоръ шелъ вовсе не дурно. Онъ находилъ даже, что я выражаюсь особенно хорошо. Ждали Скриба, но онъ не пришелъ. Не явилась и Жоржъ Зандъ. Досадно! Ко мнѣ всѣ были очень внимательны, и я былъ—увѣряю Васъ! — совсѣмъ смущенъ тѣмъ мѣстомъ, которое всѣ отводили мнѣ въ ряду датскихъ поэтовъ. Я приписываю это присутствовавшему тамъ г-ну Рельстабу изъ Берлина; онъ-то особенно горячо высказался обо мнѣ, какъ о поэтѣ. Много также говорили объ Эленшлегерѣ. О немъ всѣ отзывались съ глубокимъ почтеніемъ и почти съ благоговѣніемъ выслушали все то хорошее, что я на плохомъ французскомъ языкѣ докладывалъ о немъ, какъ о поэтѣ и о человѣкѣ. Передайте ему это. Онъ, кажется, расположенъ ко мнѣ, но полагаетъ, вѣроятно, что я не особенно восторгаюсь имъ; дѣло въ томъ, что я не умѣю, какъ другіе, высказывать мой восторгъ. Гдѣ мнѣ сказать Эленшлегеру, когда онъ читаетъ что-нибудь особенно прекрасное изъ своихъ сочиненій: «Это отлично, великолѣпно!» Въ такихъ случаяхъ я безмолвно гляжу на него, желая одного—взять да обнять его. Но этого Вы не говорите ему! — —*).

28 апрѣля 1843 г.

Сегодня я узналъ—не отъ друзей моихъ, мнѣ еще не писали объ этомъ, а изъ «*Газеты Берлинга*», что «*Агнету*» мою ошикали! Я такъ и думалъ. Въ слѣдующій разъ ее освищутъ. Но трудъ мой не заслужилъ такого пріема; это всетаки, поэтическое произведеніе! Глаза бы мои не видали больше родины, гдѣ видятъ только мои недостатки и не видятъ ничего, что даровано мнѣ

*) Дальше слѣдуетъ описаніе его знакомства съ Рашелью, о чемъ говорится въ „*Сказкѣ моей жизни*“. *Примѣч. перев.*

Богомъ! Если они меня ненавидятъ и презираютъ, такъ и я ихъ! Вѣдь, всякій разъ, что меня за-границей обдаетъ холоднымъ леденящимъ вѣтромъ, онъ дуетъ съ родины! Они плюютъ на меня, смѣшиваютъ меня съ грязью! А я всетаки поэтъ, и такой, какихъ Богъ далъ имъ немного! Пусть же Онъ больше не дастъ имъ ни одного! Кровь моя превратилась въ ядъ! — Въ молодости я могъ еще плакать; теперь не могу, могу только негодовать, ненавидѣть, бѣсноваться, чтобы найти хоть минутное успокоеніе. Тутъ, въ этомъ великомъ чужомъ для меня городѣ, извѣстнѣйшіе, благороднѣйшіе умы Европы встрѣчаютъ меня ласкою, обращаются со мною какъ съ равнымъ, а на родинѣ какіе-то мальчишки плюютъ на лучшее мое дѣтище.—Если мнѣ даже придется отвѣчать за каждое сказанное мною слово, я всетаки скажу: «Датчане могутъ быть злыми, холодными до безобразія! Они точно созданы для обитаемыхъ ими сырыхъ, заплѣсневѣвшихъ островов, откуда послали въ изгнаніе Тихо Браге, гдѣ заточили въ темницу Элеонору Ульфельдъ, заставили быть шутомъ Амвросія Стуба, и гдѣ еще многимъ придется претерпѣвать всякія злополучія, пока самое имя народа не превратится въ сагу!» Но я выражаюсь, пожалуй, ужъ черезчуръ энергично для освистаннаго поэта. То-то обрадовались бы копенгагенцы, если бы это письмо появилось въ печати! — Глаза бы мои больше не видали этого города! Пусть тамъ никогда больше не родится поэта, какъ я! Они меня ненавидятъ, и я плачу имъ тѣмъ-же! Молитесь за меня, молитесь, чтобы я поскорѣе умеръ, не увидѣлъ бы больше этихъ мѣстъ, гдѣ я являюсь чужимъ, чужимъ, какъ нигдѣ, даже на чужбинѣ! — Но довольно объ этомъ, и то ужъ черезчуръ много сказано! Я вѣрю, что Вы войдете въ мое положеніе въ данную минуту! Но, не огорчайтесь особенно! Когда Вы прочтете это письмо, пройдетъ уже дней восемь-девять, натура у меня гибкая, я успѣю поуспокоиться, горячая ненависть моя поостынетъ, и лихорадка уже не будетъ бить меня, какъ теперь!—А я было думалъ, что письмо это будетъ веселымъ, радостнымъ! Да, мечты, мечты! Мнѣ еще осталось разсказать Вамъ о Ламартинѣ, но теперь все какъ-то отзывается для меня пародіей. Здѣсь обращаются со мною какъ съ человѣкомъ, богато одареннымъ Богомъ, у себя же на родинѣ я нуль, еще меньше,—надо мною глумятся школьники!—Я просто боленъ сегодня, совсѣмъ боленъ! Родина моя прислала мнѣ сюда лихорадку изъ своихъ сырыхъ, холодныхъ лѣсовъ; датчане таращатся на нихъ и воображаютъ, что любятъ ихъ; но я не вѣрю въ любовь на сѣверѣ, тамъ одна злоба, да притворство. У меня самого это въ крови, и лишь по этому признаку я узнаю, откуда я родомъ. Всего хорошаго! Уѣзжайте подальше, въ Лиссабонъ! Увидимся у Бога!—*Братъ*.

P. S. Напишите мнѣ поскорѣе въ Гамбургъ poste restanse. Я буду тамъ 26 мая.—Разорвите это больное письмо!—Милая Іетта Вульфъ! Вчера вечеромъ, когда я писалъ его, я страдалъ, страдалъ ужасно! Пусть письмо это

не попадетъ на глаза никому постороннему! Вполнѣ довѣряюсь Вамъ!.. Непремѣнно дайте прочесть его г-жѣ Лэссё; она такъ рѣдко получаетъ отъ меня письма.

Нюсё, 20 ноября 1843 г.

Дорогой Ингеманъ! Какъ это мило съ Вашей стороны, что Вы сейчасъ же написали мнѣ, да еще заговорили языкомъ моихъ сказокъ; это показываетъ, что Вамъ нравятся эти крылатыя вещицы!—Передайте тысячу спасибо Вашей дорогой женѣ за ея сочувствіе къ дѣткамъ моей фантазіи. Скоро, вѣрно, я пришлю Вамъ еще букетикъ ихъ! То, что она говоритъ отъ моего имени насчетъ «*Парочки*» я нахожу чрезвычайно мѣткимъ. Въ одномъ лишь я не согласенъ съ нею—что кубарь ведетъ мучительную жизнь придворнаго: носитъ раззолоченный нарядъ и ежедневно терпитъ удары кнутомъ. Вѣдь, кнутъ для него высшее наслажденіе, своего рода шампанское! Недаромъ онъ божится: «Пусть больше не коснется меня кнутикъ, если я лгу!» — У меня почти готовы еще двѣ сказки: о зеркалѣ чорта, кажется, не неудачная, и «*Бузинная матушка*». Мнѣ сдается, и это очень радуетъ меня, что я нашелъ настоящую свою сферу въ сказкахъ! Первыя, что я далъ, были изъ тѣхъ старинныхъ сказокъ, которыя я слыхалъ ребенкомъ и только пересказалъ, какъ умѣлъ по-своему. Но сказки, придуманныя мною самимъ, какъ напр. «*Русалочка*», «*Аисты*», «*Ромашка*» имѣли гораздо больше успѣха, и это дало мнѣ толчекъ! Теперь я разсказываю все изъ собственной головы, схватываюсь за какую-нибудь идею для взрослыхъ и разсказываю ее для дѣтей, помня, что къ чтенію дѣтей часто прислушиваются и родители, такъ надо и имъ дать кое-какую пищу для мысли! Матеріала у меня для сказокъ масса, больше чѣмъ для какого либо другого рода творчества. Мнѣ часто чудится, что каждый заборъ, каждый цвѣточекъ говорятъ мнѣ. «Погляди на меня, и у тебя будетъ моя исторія!» И вздумается мнѣ поглядѣть—вотъ у меня и новая исторія! ——Вашъ вѣрный *Г. Х. Андерсенъ*.

Альтенбургъ, 2 іюля 1844 г.

Мой возлюбленный Эдвардъ, человѣкъ, которому я пишу—*Вы!* Въ сущности это приподнятое отношеніе противно моему чувству. Но довольно объ этомъ. Вы, вѣдь, тоже не прочь щегольнуть оригинальностью.—Теперь я покинулъ милый мой Веймаръ, гдѣ я былъ всѣ эти дни такъ счастливъ! Да, дорогой Эдвардъ, я былъ такъ счастливъ въ городѣ Шиллера и Гёте; я чувствовалъ тамъ, что и меня Богъ одарилъ кое-чѣмъ, что даетъ мнѣ право быть признаннымъ и на родинѣ. Вы знаете изъ письма моего къ Вашему отцу, какъ сердечно меня приняли въ Веймарѣ. Первѣйшіе, самые выдающіеся люди, смѣю сказать, только и дѣлали, что занимались мною во все время моего пребыванія тамъ... При дворѣ, какъ говорятъ, я имѣлъ боль-

шой успѣхъ. Въ загородномъ дворцѣ былъ устроенъ разъ въ тѣсномъ кружкѣ литературный вечеръ; каждый прочелъ что-нибудь. Меня заставили прочесть нѣкоторыя мои сказки, да еще *разсказать* «*Свинопаса*», «*Соловья*» и «*Безобразнаго утенка*» и это по-нѣмецки! По Вашему, это было ужъ черезчуръ смѣло съ моей стороны, но тамъ отнеслись къ этому иначе. И насчетъ моего нѣмецкаго языка тамъ говорятъ совсѣмъ другое, чѣмъ у насъ на родинѣ. Тамъ всѣ принимали меня за нѣмца изъ сѣверныхъ провинцій. Никто и не подумалъ, что я иностранецъ. Вы смѣетесь? Да, вѣдь, въ Даніи только и дѣлаютъ, что смѣются... Но разскажите все это тѣмъ изъ моихъ друзей, которые способны выслушать это безъ зависти... И развѣ это не весело? Я въ самомъ дѣлѣ знаменитъ! Поглядѣли бы Вы, что было на желѣзной дорогѣ! Это я непремѣнно разскажу дома! Тамъ меня узнала одна дама. Пришлось мнѣ наскоро писать въ нѣсколькихъ альбомахъ, раздавать свои карточки и проч. Одна дама въ Брауншвейгѣ сказала мнѣ, не «ich verehre Sie», но прямо: «ich liebe Sie!» И она была прехорошенькая, только замужняя. Я не зналъ, что ей отвѣтить и взялъ да поцѣловалъ ея руку, а затѣмъ пожалъ руку ея супруга, чтобы и онъ не оказался пасынкомъ. Ну, сострите же теперь по этому поводу! А не сумѣете, попросите Линда... Вашъ и т. д. *Г. Х. Андерсенъ*,

Эттерсбургъ, 9 сентября 1847 г.

(Генріеттѣ Вульфъ). — Дорогой другъ-сестра! — — Черезъ Бельгію я проѣхалъ въ Кёльнъ, а оттуда внизъ по Рейну черезъ Франкфуртъ въ Веймаръ. Великій герцогъ чрезвычайно ласковъ со мной; мы ежедневно катаемся вмѣстѣ, и мнѣ такъ странно сидѣть съ нимъ рядомъ и видѣть, какъ солдаты дѣлаютъ на караулъ, бьютъ въ барабаны, и всѣ встрѣчные останавливаются и кланяются. Меня все это очень стѣсняетъ; все это, вѣдь, относится не ко мнѣ, я не могу отвѣчать на поклоны, и мнѣ чудится, что я въ какомъ-то чужомъ мірѣ.—Да, диковинно все это! Я дожилъ до того, о чемъ не мечталъ даже мальчикомъ! Звѣзда моя горитъ ярко; ее зажегъ самъ Господь! Это путешествіе открыло мнѣ глаза на мою миссію. Я чувствую, что арена моей дѣятельности безконечно велика! Боже, дай мнѣ силы! Я чувствую, какъ велика и священна миссія поэта, которому дана возможность говорить тысячамъ! Только бы я всегда дѣйствовалъ какъ должно, создавалъ бы одно хорошее, достойное! Было время, когда я любилъ искусство за ореолъ, который окружаетъ его въ глазахъ свѣта. Теперь я, слава Богу, люблю его за то божественное, что есть въ немъ! Никто не видитъ недостатковъ моихъ произведеній лучше, чѣмъ я самъ. Впредь, я дамъ лучшія! Мнѣ выпали на долю почести, любовь, и я говорю себѣ: «Стремись, стремись, пойми, что тебѣ предстоитъ сдѣлать!» Вся душа моя полна благодарности и смиренія! Вы поймете меня! Поклонитесь нашимъ общимъ дорогимъ друзь-

ямъ и передайте Вашему брату Христіану, когда онъ вернется, братскій мой привѣтъ! Увидите дорогого Эленшлегера, кланяйтесь, кланяйтесь ему отъ меня! Именно теперь среди всѣхъ радостныхъ и, можетъ быть, черезмѣрныхъ почестей я и чувствую, какъ великъ *онъ*! Сказать же ему это я не могу; да онъ и такъ пойметъ меня. — — Вашъ другъ и братъ *Г. Х. Андерсенъ*.

Лондонъ, 27 іюня 1847 г.

(Эдварду Коллину).—Дорогой другъ! Видите, какое письмецо написалъ я Вашей Іеттѣ, видите также, что напечатано обо мнѣ въ листкѣ, гдѣ помѣщенъ мой портретъ; я «one of the most remarkable and interesting men of this day», а Вы всетаки черезчуръ важны, чтобы быть со мною на «ты»! Фи! Право, тщеславіе мое такъ и подмываетъ меня еще разъ сказать Вамъ: Эдвардъ, будемъ на ты! Но Вы, пожалуй, отвѣтили бы мнѣ, какъ я заставляю отвѣчать свою «*Тѣнь*» [7])! Да, вы догадались, что эта сказка—камень въ Вашъ огородъ. Теперь, когда я Александръ, Вы будете разыгрывать Діогена! Видите, я, какъ назвала бы меня сестра Ваша Ингеборга—скромный осликъ. Но теперь я повертѣлся въ высшемъ свѣтѣ! У! Вчера я дебютировалъ да еще въ самомъ важномъ салонѣ, у лорда Пальмерстона! Подъ конецъ у меня голова пошла кругомъ, но не отъ гордости; нѣтъ, Вы знаете, какъ я смотрю на все подобное. Но, конечно, меня очень обрадовалъ и взволновалъ такой пріемъ, особенно послѣ того, какъ я столько наслышался о высокомѣріи англійской аристократіи. Вашъ и т. д. *Г. Х. Андерсенъ*.

Глорупъ, 12 іюня 1848 г.

(Генріеттѣ Вульфъ) — — Когда же заключатъ миръ? Сердце мое жаждетъ мира! Каждый день прислушиваюсь я къ пушечной канонадѣ, каждый вечеръ съ волненіемъ думаю о томъ, сколько людей закрыло сегодня глаза на вѣкъ, кого изъ дорогихъ нашему сердцу лишились мы! Конечно, въ смерти на полѣ чести много величественнаго и прекраснаго, но каково страдальцамъ, остающимся въ живыхъ! Увѣчить такъ людей—безбожно, безчеловѣчно! Война—отвратительное чудовище, питающееся кровью и пылающими городами! Но бываютъ также минуты, когда я чувствую и все то возвышенное, что идетъ по его стопамъ. Какъ только прочту о какой нибудь благородной чертѣ характера, о какомъ либо сердечномъ словѣ или дѣлѣ, меня сразу охватываетъ какой-то восторженный трепетъ, и на глаза у меня выступаютъ слезы. Будь я изъ другого матеріала, я бы тоже пошелъ на войну, но я не гожусь. Вы улыбаетесь! Но увѣряю Васъ—я бы не побѣжалъ отъ врага, хоть и страшно боялся бы. Помните, бояться не то, что трусить; въ первомъ чувствѣ человѣкъ не воленъ, второе же зависитъ отъ нашей воли! — — Вашъ братъ *Г. Х. Андерсенъ*.

Копенгагенъ, 10 ноября 1850 г.

(*Ей-же)* — Дорогой другъ-сестра! Мы не получаемъ отъ Васъ ни словечка съ тѣхъ поръ, какъ Вы плыли по каналу. Теперь Вы должны уже быть на зеленыхъ, залитыхъ солнцемъ, островахъ Америки, а мы-то сидимъ по уши въ грязи, слякоти, дождѣ и вѣтрахъ! Бѣдные наши солдаты! Но они держатся, несмотря на непогоду, безподобно! Теперь намъ незачѣмъ обращаться къ старинѣ, ища героевъ. У насъ есть герои и сейчасъ. Датскій ополченецъ достоинъ встать рядомъ съ старой гвардіей Наполеона! Вы не знаете, какъ безподобно вели себя солдаты при Фредерикстадѣ; цѣлую недѣлю дни и ночи напролетъ подъ огнемъ! Они затыкали бреши своими ранцами и стяжали намъ побѣду и честь, а потомъ, когда несчастные жители вышли изъ города голодные, страждущіе, солдаты наши дѣлились съ ними своими запасами. — — Еще третьяго дня я надѣялся, что войнѣ конецъ, но теперь опять что-то неладно. Мы съ жадностью ожидаемъ извѣстій съ почты. Россія сильно стоитъ за насъ; Франція и Англія тоже. Впрочемъ, Вы изъ газетъ узнаете столь же свѣжія новости, какъ и изъ этого письма. Довольно поэтому о политикѣ, перейдемъ къ прекрасному. Въ четвергъ состоялся дивный праздникъ въ честь Эрстеда. Праздновали его пятидесятилѣтній профессорскій юбилей. Его привезли въ «Фазаній домикъ», гдѣ жилъ Эленшлегеръ (этотъ домикъ отведенъ теперь Эрстеду пожизненно; горожане меблировали его на свой счетъ) и тамъ сначала пропѣли ему прекрасную пѣсню Гейберга, потомъ Форхгаммеръ, Мадвигъ и многіе др. говорили рѣчи. Эрстедъ такъ мило благодарилъ всѣхъ и говорилъ «Я смиренно радуюсь!» Къ обѣду были приглашены 50 человѣкъ; только тѣ, кто участвовалъ въ организаціи празднества. Вечеромъ явились студенты и устроили шествіе съ факелами. Пѣсня Плоуга, которую они спѣли, прелесть какъ хороша. Эрстедъ сошелъ къ нимъ въ садъ и сказалъ, что охотно пригласилъ бы ихъ всѣхъ къ себѣ (ихъ было больше 200), да мѣста мало, «но приходите сколько Васъ умѣстится!» И они повалили толпой! Каждаго угостили стаканомъ вина, Эрстедъ тоже взялъ стаканъ и принялся чокаться съ каждымъ отдѣльно. Милый славный старикъ! Добрѣйшая жена его совсѣмъ перепугалась и закричала студентамъ: «Да нѣтъ, мужъ право не можетъ пить со всѣми Вами!» — «Ну, буду пока силъ хватитъ!» сказалъ онъ съ своей обычной наивной простотой, и это милое пререканіе стариковъ произвело на всѣхъ самое хорошее впечатлѣніе. Радости было много. Отъ университета ему поднесли перстень съ бриллiантами вокругъ головы Минервы, а король возвелъ его въ тайные совѣтники. — — Вашъ другъ и братъ *Г. Х. Андерсенъ*.

Копенгагенъ, 1 октября 1850 г.

Дорогая Іонна [8])! Я былъ сегодня въ самомъ дурномъ расположеніи духа, подстать времени года. Я работалъ надъ своей книгой «*По Швеціи*», и вотъ

что вылилось у меня: «На дворѣ играла миленькая крошечная дѣвочка; она натыкала въ землю сухихъ щепочекъ и прутиковъ и поливала ихъ изъ черепка; это былъ, вѣдь, ея садикъ, гдѣ росли розы и герань, а на самомъ-то дѣлѣ это были одни сухіе прутики. Мы взрослые тоже часто мысленно создаемъ себѣ такой садъ съ розами любви и геранью дружбы, поливаемъ ихъ своими слезами и кровью изъ сердца, а они всетаки и были и будутъ сухими прутиками.» И вдругъ пришло твое письмо, такое милое, сердечное! У меня навернулись слезы, а за дождикомъ всегда, вѣдь, проглядываетъ солнышко, оно засіяло и въ моей душѣ, и, если ты когда-нибудь прочтешь мою книгу, ты увидишь, какъ ты своимъ сердечнымъ милымъ письмомъ превратила сухіе прутики въ цвѣтущіе жезлы Аарона. Знали бы люди, какъ выгодно ухаживать за сердцемъ поэта, они—да, тогда они, пожалуй, совсѣмъ избаловали бы его! Письмо твое принесли мнѣ снизу, и я не зналъ, отъ кого оно. Но увидавъ, что къ нему прикрѣплена свѣжая роза, — the last rose of the summer—я сразу узналъ, что письмо отъ тебя. Я прочелъ письмо; оно само было розою, первою отъ тебя въ нынѣшнее лѣто; оно такъ и благоухало сердечной добротой, расположеніемъ и неизмѣнною дружбою. Я какъ будто увидѣлъ тебя объ руку съ Генрикомъ... Вы выглядывали изъ розы и ласково кивали мнѣ, и я былъ такъ радъ. Вы сидѣли такъ хорошо, уютно рядышкомъ... и мнѣ опять стало грустно: я вспомнилъ, что я-то сижу одинъ одинешенекъ и всегда останусь одинокимъ...

За послѣдніе дни у меня было столько исторій à la «*Первенецъ*» [9]). Недавно пришла ко мнѣ какая-то свихнувшаяся дубина въ образѣ поэта. Онъ сказалъ мнѣ, что скоро выйдетъ его новая книга «*Мистеріи*», которую мало кто пойметъ. «Зато Вы сами ее понимаете!» сказалъ я. «Нѣтъ!» отвѣтилъ онъ. «Но, Господи помилуй! Если Вы сами ее не понимаете, что же тогда... Но Вы конечно, только шутите! Оригинальничаете!»—«Такъ, по вашему, не бываетъ развѣ, что въ минуту вдохновенія рождаются такія мысли, которыхъ и самъ не понимаешь? Каждый читатель можетъ вложить въ эти темныя мѣста смыслъ, какой самъ хочетъ.»—«Ну, это все равно, что Вы подали бы комунибудь чашку кофейной гущи, да сказали: «ворожите тутъ, какъ знаете; гуща всетаки останется гущей»! Старуха Циннъ покровительствуетъ этому писателю, и у нея-то я и встрѣтилъ его. Случилось, что пришелъ и Гартманъ съ женой. Поэтъ разыгрывалъ несчастнаго à la Байронъ и очень конфузилъ г-жу Гартманъ своей голой шеей, съ огромнымъ Адамовымъ яблокомъ, которое все время торчало у нея передъ глазами! Онъ объявилъ, что больше не читаетъ другихъ поэтовъ, но изучаетъ геральдику поэзіи. Я спросилъ его, что это за штука, и онъ отвѣтилъ, что это—гербы поэтовъ. Гартманъ даже измѣнился въ лицѣ и шепнулъ мнѣ: «Да это помѣшанный!»...

Да, у меня еще много въ запасѣ исторій, но бумагѣ конецъ, да и я хотѣлъ лишь сказать тебѣ, какъ обрадовало меня твое письмо-роза. Кла-

няйся своему мужу, лѣсу и озеру и поскорѣе пришли мнѣ письмо съ солнечнымъ свѣтомъ и семейнымъ счастьемъ. Твой старый другъ *Г. Х. Андерсенъ*.

Сорё, 5 іюня 1853 г.

(Генріеттѣ Вульфъ). — Дорогая сестрица! Благодарю за письмецо и прекрасный букетъ; оба отправились со мною сюда, и цвѣты еще вчера стояли въ стаканѣ съ водою совсѣмъ свѣжіе, такъ я оберегалъ ихъ во время пути, тогда какъ мой собственный носъ превратился на солнцѣ въ мулата.— Я прочелъ здѣсь новый романъ Гауха «*Робертъ Фультонъ*».

У насъ съ Ингеманомъ ежедневно бываютъ маленькія стычки по поводу современныхъ открытій. Онъ ставитъ поэзію неизмѣримо выше науки, а я нѣтъ. Онъ соглашается, что нашъ вѣкъ—великій вѣкъ открытій, но что открытія эти касаются лишь области механики, матеріальнаго. Я же смотрю на нихъ, какъ на необходимыхъ носителей духовнаго, какъ на огромныя вѣтви, на которыхъ современемъ распустится цвѣтокъ поэзіи. И на мой взглядъ то явленіе, что нынѣ люди, страны, города сближаются между собою, соединяются посредствомъ пара и электромагнетизма, такъ грандіозно и великолѣпно, что одна мысль о немъ возвышаетъ мою душу не меньше любого вдохновеннаго поэтическаго произведенія.———Вашъ неизмѣнно преданный *Г. Х. Андерсенъ*.

Сорё, 3 іюня 1853 г.

(Гауху). — — Богъ благослови Васъ и дай Вамъ всего хорошаго за все то прекрасное, доброе и правдивое, что Вы высказываете въ своихъ произведеніяхъ! Онъ, впрочемъ, и доказываетъ Вамъ свою милость тѣмъ, что поддерживаетъ въ Васъ ту неувядаемую юность и свѣжесть духа, которая помогаетъ Вамъ извлекать изъ глубины своей души всѣ ея богатства. Вы не истолкуете моихъ словъ въ дурную сторону, если я признаюсь Вамъ въ томъ, что я почувствовалъ, читая Вашу книгу, вѣрнѣе—не ее, а Вашу надпись на ней. Прежде Вы всегда писали передъ моимъ именемъ «поэту», на этотъ же разъ написали «профессору». Можетъ быть, Вы засмѣетесь надо мною, но это слово огорчило меня. Я бы желалъ лучше, чтобы, даря мнѣ что-нибудь въ знакъ дружбы, меня величали тѣмъ титуломъ, который дарованъ мнѣ самимъ Богомъ. Мнѣ бы, пожалуй, не слѣдовало писать такъ, но я, вѣдь, пишу Вамъ, а передъ Вами я не боюсь показаться такимъ, каковъ я есть. — — Вашъ неизмѣнно преданный *Г. Х. Андерсенъ*.

Максенъ. 1855 г.

(Женѣ Эдварда Коллина). — — У г-жи Серре что-то около полудюжины собакъ; когда я вошелъ съ нею въ домъ, онѣ всѣ бросились намъ на встрѣчу, и одна изъ нихъ въ припадкѣ восторга укусила меня въ ногу. Я перепугался.

Крови, однако, не было, осталась только глубокая мѣтка отъ зубовъ, собака здорова, и мнѣ заявили, что опасности нѣтъ. Но я, конечно, всетаки побаиваюсь и жду, что вотъ-вотъ начну кусаться.—Въ Лейпцигѣ я сломалъ себѣ передній зубъ — онъ уже давно угрожалъ выбытіемъ изъ строя — и кромѣ того получилъ на вокзалѣ свой чемоданъ съ сломаннымъ замкомъ. Вотъ Вамъ мои злоключенія; теперь о пріятномъ,—его тоже было не мало. Въ дорогѣ между Гамбургомъ и Лерте какая-то молодая дама читала вслухъ изъ одной «безподобной книги». Это были «*Картинки-невидимки*». Всѣ восторгались, а когда затѣмъ авторъ былъ узнанъ... да, куда какъ пріятно быть знаменитымъ писателемъ! Потомъ я попалъ въ компанію двухъ важныхъ барынь, которыя, узнавъ, что я датчанинъ, спросили меня—живъ-ли еще Андерсенъ. Я отвѣтилъ утвердительно и, какъ Бурнонвиль въ «*Праздникъ въ Альбано*», сбросилъ съ себя капюшонъ пилигримма. Вскорѣ въ вагонъ къ намъ вошла ихъ пріятельница, и онѣ встрѣтили ее возгласомъ: «Подумай, съ нами сидитъ датскій поэтъ Торвальдсенъ!»

Въ Дрезденѣ я посѣтилъ птичью выставку; былъ тамъ и король. Онъ сейчасъ узналъ меня и заговорилъ со мною. Публика, вѣроятно, приняла меня за какого нибудь иностраннаго принца. Когда я уходилъ, лакеи провожали меня низкими, низкими поклонами. И вдругъ меня осмѣливается укусить собака, да еще сзади!

Тутъ множество разныхъ писательницъ; одна изъ нихъ, вообще прекрасная писательница, отличается тѣмъ, что бросается цѣловать меня, какъ только я прочту что-нибудь. Но она такая старая, жирная и горячая. Знай я, когда ожидать нападенія, я бы приготовилъ отпоръ. Недавно за столомъ я опять подвергся такому неожиданному жаркому объятію, и другая писательница шепнула мнѣ: «Ну, если Васъ часто такъ награждаютъ, я Вамъ не завидую!» Но шутки въ сторону; сегодня я чувствую себя лучше; одно только: во мнѣ сидитъ муха. Я проглотилъ ее вчера и, если она умерла, то я, вѣдь, расхаживаю теперь живымъ памятникомъ мертвой мухѣ!» Вашъ и т. д. *Г. Х. Андерсенъ.*

Копенгагенъ 6 апрѣля.

(*Г-жѣ Скавенiусъ*). — — Благодарю за доставку прекраснаго ковра отъ г-жи Серре и за то, что вы и дѣти такъ мило вспоминаете 2-ое апрѣля и даже сами пишете мнѣ въ этотъ день. Жаль, что недавній Вашъ визитъ не совпалъ съ этимъ днемъ. Теперь моя комнатка — настоящій цвѣтникъ. Въ день рожденія мнѣ надарили массу цвѣтовъ; не меньше восьми горшковъ камелій и розъ прислала одна г-жа Нергоръ; на одной камеліи было семь распустившихся цвѣтковъ и четыре большихъ бутона. Много получилъ я и разныхъ вышитыхъ вещей, главнымъ образомъ отъ неизвѣстныхъ дамъ. Но особенно тронуло меня вотъ что, изъ чего я увидалъ, что меня чи-

таетъ и любитъ народъ. Рано утромъ явился мой портной, землякъ мой, тоже изъ Одензе, и сказавъ, что отъ всего сердца радуется такому успѣху и славѣ своего земляка, поднесъ мнѣ подарокъ — бѣлый атласный жилетъ! Представьте! Немного погодя, явился поздравить меня чисто одѣтый, бѣдный столяръ. Онъ заявилъ мнѣ, что до сихъ поръ еще никогда не говорилъ со мною, но что онъ съ женою и дѣтьми уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ празднуетъ день моего рожденія,—пьетъ шоколадъ. Особенно понравилась имъ всѣмъ моя комедія *«Оле—закрой глазки»* И вотъ онъ теперь явился попросить моего разрѣшенія—назвать своего новорожденнаго сына въ честь меня Гансомъ Христіаномъ Андерсеномъ. Это тронуло меня. Въ самомъ дѣлѣ для этихъ людей не шутка разодѣться въ будній день, бросить свое дѣло и идти къ чужому господину.—Тилэ прислалъ мнѣ прекрасную картину, нарисованную Эрнстомъ Мейеромъ, г-жа Розенкильде пришла сама съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ. Да, это былъ такой праздникъ для меня! Обѣдалъ я у Коллинъ. — — Вашъ благодарный и преданный *Г. Х. Андерсенъ.*

Баснэсъ. 1 января 1859 г.

(*Г-жѣ Лэссё*) — — Сказка моя «*Камень мудрецовъ*» Вамъ не нравится, но Вы, какъ я вижу, и не поняли ея. Придется дать Вамъ голый остовъ ея, авось Вы и перемѣните о ней мнѣніе къ лучшему.

Солнечное дерево — міръ; въ немъ живетъ человѣкъ (духъ человѣческій), наслаждается всѣмъ этимъ великолѣпіемъ, но желаетъ также знать, что ждетъ его по ту сторону могилы. У него есть утѣшеніе религіи, но онъ желаетъ дойти до познанія посредствомъ чтенія *своей* книги Истины, размышленія и науки. Истиною, добромъ и красотою держится міръ; они подвергаются гнету, столь же тяжелому, какъ тотъ, что создаетъ алмазъ, и, выдержавъ такой гнетъ, превращаются для насъ въ алмазъ сознанія, что человѣчество, надѣленное такимъ великолѣпіемъ, не исчезнетъ въ могилѣ, но возвысится до еще большаго великолѣпія. Чтобы добиться этого сознанія, даровитые люди отправляются по бѣлу свѣту; сильные умы ищутъ этого сознанія въ наукѣ, въ самой жизни; но полная увѣренность пріобрѣтается не умомъ, а сердцемъ; его олицетворяетъ *«слѣпая дѣвушка»*, держащаяся за невидимую нить, которая приводитъ въ родную обитель. Въ свѣтѣ и нельзя найти ни истины, ни добра, ни красоты во всей ихъ полнотѣ, но въ окружающихъ насъ людяхъ, въ каждомъ укромномъ уголкѣ кроются частицы великаго алмаза, блестки, разсѣянные Богомъ, и, усердно собирая ихъ, мы можемъ обрѣсти такія богатства, что нельзя будетъ не согласиться: да, алмазъ этотъ существуетъ. Мы должны обрѣсти вѣру, и тогда умъ человѣческій взойдетъ по небесной радугѣ за предѣлы міра, *туда*, куда солнечное дерево еще не простерло своихъ вѣтвей! — —

Дрезденъ. 16 августа 1861 г.

(Эдварду Коллину) — — Если я не ѣду въ Берлинъ, то причиною Ваши слова въ письмѣ къ Іонасу. Вы высказали, что всякое вниманіе ко мнѣ возбудитъ недоброжелательство копенгагенцевъ. Я понимаю Вашу дружескую заботливость, но долженъ прибавить, что я почти съ болѣзненною щепетильностью избѣгаю всѣхъ случаевъ, когда нѣмецкіе государи могли бы оказать мнѣ какое либо вниманіе. Я вотъ уже нѣсколько лѣтъ не былъ въ Веймарѣ, гдѣ ко мнѣ всегда относились съ безконечною добротой, лишь *переночевалъ* разъ въ Берлинѣ и промчался черезъ Мюнхенъ, сломя голову. Грустно подумать, что я, человѣкъ, стоящій внѣ всякой политики, не смѣю повидаться и побесѣдовать съ людьми, оказывавшими мнѣ, датчанину, столько вниманія и почета. Вы сами знаете, что я долго боролся съ желаніемъ навѣстить даже своихъ друзей въ Максенѣ, между тѣмъ какъ ф. Серре знать не знаютъ никакой политики. Но я, къ сожалѣнію, знаю длинные языки нашихъ земляковъ. Я никогда не забуду, какъ передъ моимъ отъѣздомъ огорошилъ меня въ домѣ министра Фенгера своимъ вопросомъ Альфонсъ Гаге: у какихъ *нѣмецкихъ* князей я собираюсь побывать на этотъ разъ! Я былъ оскорбленъ: въ патріотизмѣ-то я, пожалуй, мало кому уступлю. И если кто изъ датчанъ поспособствовалъ за-границей къ пробужденію симпатій къ датчанамъ, такъ это между прочими и я. Но довольно объ этомъ! — — Вашъ преданный *Г. X. Андерсенъ*.

Копенгагенъ, 27 ноября 1865 г.

(Бъёрнстьерне-Бъёрнсону) Дорогой другъ! Спасибо за «*Новобрачныхъ*»! Я, конечно, былъ на первомъ представленіи. Пьеса очень интересна, характеры обрисованы превосходно, діалогъ свѣжъ и полонъ глубокихъ мыслей, такъ что есть съ чѣмъ уйти домой. Вообще для меня это былъ очень интересный вечеръ. Для начала дали первое дѣйствіе изъ драмы Эленшлегера «*Найденная и потерянная страна*», которое дается у насъ отдѣльно, само по себѣ. Это такая поэтичная вещь, подымающая васъ надъ обыденной жизнью. На публику повѣяло со сцены чѣмъ-то свѣжимъ, истинно поэтическимъ, такъ что я и многіе другіе сразу почувствовали себя подготовленными къ созерцанію Вашей дышащей здоровьемъ и правдой картинкѣ изъ жизни. Разыграна она была прекрасно, и давно ужь не запомню я, чтобы я возвращался изъ театра домой настолько удовлетвореннымъ духовно, какъ въ этотъ вечеръ. Искреннее спасибо Вамъ, дорогой другъ!

Зачѣмъ, однако, мы говоримъ и пишемъ другъ другу «Вы»? Не лучше ли замѣнить это слово болѣе сердечнымъ «ты». Полагаю, что для этого не обязательно держать въ рукѣ полно-налитый стаканъ; дружеское рукопожатье свяжетъ, право, не хуже, и вотъ я и посылаю его Вамъ въ этомъ

письмѣ. Привѣтъ женѣ и дѣтямъ! Жду скораго отвѣта. — — Сердечно преданный *Г. Х. Андерсенъ*.

Баснэсъ, 16 октяря 1866 г.

(Гартману [10]*).*—Дорогой другъ! Вы теперь, конечно, уже покинули «Королевскія могилы» и перебрались опять въ «городъ живыхъ». Я заключаю это изъ письма Эдварда Коллина, который пишетъ: «Теперь пойду къ Гартману!» Да, скоро и я приду къ Гартману! Теперь я обзавелся домомъ, сталъ опять улиткой съ домикомъ, и, подумай, обзавелся также собственной постелью! Теперь я буду всюду таскать ее за собою. Сто риксдалеровъ пришлось положить на эту постель, зато она послужитъ мнѣ и смертнымъ одромъ. Если же она не прослужитъ мнѣ до тѣхъ поръ, то и не стоитъ такихъ денегъ! Ахъ, еслибы мнѣ было только двадцать лѣтъ! Чернильницу бы на спину, пару рубахъ да пару носковъ подъ мышку, перо за ухо, и— маршъ по бѣлу-свѣту! А теперь я, по милому выраженію жены Эдварда, «пожилой господинъ». Ну, вотъ, и приходится подумать о постели да о смертномъ одрѣ. А тебѣ пора подумать о похоронномъ маршѣ для меня. За гробомъ моимъ пойдутъ, конечно, школьники, маленькіе, а не латинисты, такъ принарови музыку къ дѣтскимъ шажкамъ!—Я теперь живу на лонѣ природы и отдаю душу — не чорту, а будущимъ читателямъ, если только таковые найдутся. Почти половина описанія моего путешествія въ Португалію уже на бумагѣ. Можетъ быть, бумага эта пригодилась бы для кое-чего получше, но—у каждаго своя судьба! — — Другъ твой *Г. Х. Андерсенъ*.

Фрїйсенборгъ, 27 августа 1868 г.

(Маленькому Вильяму). — Дорогой Вильямъ! Здравствуй! Поздравляю! Всего сладкаго и хорошаго въ новомъ году жизни! Письмо мое перелетитъ къ тебѣ по воздуху черезъ страну, гдѣ выдѣлываются ютландскіе горшки, въ которыхъ будутъ стряпать тебѣ обѣдъ, черезъ соленую воду, гдѣ растутъ для тебя рыбы, которыхъ ты скушаешь когда-нибудь, черезъ Зеландію, гдѣ растутъ орѣшки, которые ты будешь щелкать, и яблоки, отъ которыхъ у тебя заболитъ животикъ. Что-жъ, маленькихъ бѣдъ не миновать, не то всѣ мы объѣлись бы яблоками! Итакъ мое письмецо у тебя! Здравствуй! Поздравляю! Всего сладкаго и хорошаго! Твой другъ *Г. Х. Андерсенъ*.

Іюнь 1869 г.

(Тилэ).— —Я былъ еще студентомъ, когда умерла Камма Рабекъ [11])», и я шелъ за ея гробомъ отъ «домика на холмѣ» до Фредериксбергской церкви. Вотъ когда нахлынули на меня воспоминанія! Вспомнилъ я и ласковые слова ея и умъ, что свѣтился у нея въ глазахъ.—Вскорѣ послѣ того, какъ

я поступилъ въ университетъ, вышла, какъ извѣстно, моя книга «*Прогулка на Амагеръ*.» Для меня это было огромнымъ событіемъ, и я думалъ, что и всѣ друзья мои и знакомые должны быть такъ же заняты имъ, какъ я самъ. Одинъ изъ первыхъ экземпляровъ я отослалъ г-жѣ Рабекъ. Она уже лежала тогда въ постели и, нѣсколько дней спустя, я узналъ отъ адмирала Вульфа, что она скончалась. Я невольно воскликнулъ: «А успѣла ли она прочесть мою «Прогулку»?»—«Вотъ человѣкъ!» вскричалъ Вульфъ: «Нѣтъ, это ужъ черезчуръ! Нужна ей была очень Ваша прогулка, когда она готовилась предстать передъ Богомъ.» И онъ серьезно покачалъ головой. Я же хотѣлъ выразить этимъ лишь то, что отъ души желалъ бы порадовать ее чѣмъ-нибудь передъ смертью, ну,а что же могло порадовать ее больше, чѣмъ моя новая книга!.. — — *Г. Х. Андерсенъ*.

Ролигхедъ, 13 іюля 1869 г.

(*Георгу Брандесу*). — Дорогой другъ! Только вчера поздно вечеромъ получилъ я Ваше письмо: Вы адресовали его на старую мою квартиру, а я уже не живу тамъ больше мѣсяца. Я уѣзжалъ въ Баснэсъ, а теперь живу пока у коммерсанта Мельхіоръ. Въ воскресенье я случайно увидалъ «*Иллюстрированный Вѣстникъ*» и прочелъ тамъ статью о моихъ сказкахъ. Увидавъ подпись, я очень обрадовался; я давно уже желалъ, чтобы Вы высказались о тѣхъ или другихъ изъ моихъ произведеній. Вы знаете, съ какимъ удовольствіемъ я всегда читалъ Ваши критическія статьи; изъ нихъ всегда можно научиться чему-нибудь. Я, впрочемъ, уже высказывалъ Вамъ все это. Вы съ такимъ умомъ и искренностью молодости проникли въ самую сущность дѣтокъ моей фантазіи, что я, читая вашу статью, исполнился радости, за которую отъ души желаю Вамъ такой же радости отъ Бога. Ваши отзывы о моей манерѣ разсказывать вполнѣ справедливы и мѣтки, и я привелъ ихъ во вчерашнемъ своемъ письмѣ къ моему Нью-Іоркскому издателю и обѣщалъ ему выслать нумера журнала, о которыхъ идетъ рѣчь. Вчера вечеромъ я, какъ сказано, получилъ Ваше письмо. Сердечное спасибо за него! Но относительно начала его я долженъ сказать, что принимаю его въ шутку, а никакъ не въ серьезъ. Никто больше меня не пострадалъ въ свое время отъ жестокихъ и безсовѣстныхъ «критиковъ», какъ ихъ принято называть. Они сдѣлали все возможное, чтобы уничтожить меня. Я молчалъ и страдалъ. Гаухъ разъ даже похвалилъ меня за терпѣніе и молчаніе. А какъ несправедливъ былъ ко мнѣ «*Литературный Ежемѣсячникъ*»! Сколько разъ говорилъ мнѣ мой единственный другъ-утѣшитель Эрстедъ: «Къ вамъ въ высшей степени несправедливы, и просто поразительно какъ это долго продолжается. Но я увѣренъ, что придетъ время, когда о васъ будутъ говорить совершенно иначе и когда вы будете также довольны нашею критикою, какъ теперь заграничною.» Это время и пришло! Молодое поколѣніе исправляетъ

ошибки стараго, и Вы, мой дорогой другъ, принадлежите къ числу молодыхъ критиковъ, которыхъ я особенно цѣню и уважаю. Пустую и злую критику я уже отщелкалъ за ея тявканье, и такъ я намѣренъ дѣлать и впредь. Долгъ платежомъ красенъ. Изъ «*Сказки моей жизни*» Вы можете видѣть, съ какой благодарностью я вспоминаю каждый доброжелательный отзывъ, каждое поощреніе. Мое сердце не скупо на благодарность.

Мы когда-нибудь еще поговоримъ о томъ, что я затронулъ здѣсь, теперь же я прежде и больше всего хочу поблагодарить Васъ за сердечное и серьезное отношеніе къ моимъ трудамъ и надлежащее освѣщеніе ихъ. Вы беретесь за произведенія писателя не съ тѣмъ, чтобы, разбирая ихъ, выдвинуть собственный умъ и остроуміе, но чтобы порадоваться самому и порадовать другихъ, открывая въ произведеніяхъ все то хорошее, что есть въ нихъ. Попутно Вы обрываете кое-какіе засохшіе лепестки, которымъ тамъ не мѣсто, но которые всетаки всегда встрѣчаются въ твореніяхъ человѣческихъ. Радуюсь при мысли, что мнѣ еще предстоитъ прочесть продолженіе статьи. Мы еще поговоримъ съ Вами о нѣкоторыхъ ея частностяхъ. Дай Вамъ Богъ свѣтлое будущее, какъ онъ далъ Вамъ свѣтлыя богатыя дарованія! Вашъ другъ *Г. Х. Андерсенъ*.

Христіанія, 18 августа 1871 г.

(Морицу Мельхіору). — Дорогой, славный другъ! Сейчасъ только что вернулся съ празднества, даннаго мнѣ въ Ботаническомъ саду, и нашелъ Вашу телеграмму. Какъ это похоже на Васъ! Всегда тотъ же вѣрный, добрый другъ! И я сейчасъ же сѣлъ писать Вамъ, несмотря на всю свою усталость. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ—забылъ его имя; кажется, г. Бирхъ—провожалъ меня домой. «Телеграмма!» вскричалъ я. «Это, вѣрно, отъ поэта Мунха, который не былъ на празднествѣ!» Я вскрылъ телеграмму, и мы прочли ее вмѣстѣ. «Какой же вы счастливецъ!» воскликнулъ Бирхъ. Какіе у васъ вѣрные участливые друзья! Васъ это должно очень радовать!» И я вторю этому восклицанію всѣмъ сердцемъ. Праздникъ очень удался и отличался многолюдствомъ, несмотря на то, что не всѣ еще съѣхались въ городъ. Приглашеніе исходило отъ двадцати четырехъ выдающихся дѣятелей. За мной пришли въ $4^1/_2$ часа. По дорогѣ къ Ботаническому саду намъ попадались толпы народа. Помѣщеніе профессоровъ было прекрасно убрано цвѣтами; въ саду были разставлены накрытые столы, и красовался мой бюстъ. Собиратель народныхъ преданій Мо говорилъ рѣчь. Я былъ очень взволнованъ. Въ рѣчи мнѣ ласково напомнили, что я, разъѣзжая по всей Европѣ, до сихъ поръ не заглядывалъ въ Норвегію. Я тоже говорилъ; но что? Богъ вѣсть! Знаю одно, что многіе были тронуты до слезъ, и Бьёрнсонъ сказалъ мнѣ, что я еще никогда такъ хорошо не говорилъ. Затѣмъ меня попросили прочесть двѣ сказки: «*Снѣгуръ*» и

«*Истинная правда*». Говорили, что я читалъ очень хорошо, ясно, такъ что всѣ поняли. Меня попросили свезти Даніи и датчанамъ дружескій привѣтъ, потомъ сыграли «*Данію*» и «*Есть чудная страна*». Дамы забросали меня при этомъ цвѣтами. Настроеніе было самое радостное! Утромъ я прочелъ посвященное мнѣ прекрасное стихотвореніе въ «*Утреннемъ листкѣ*», въ томъ самомъ, что противъ Бьёрнсона. Я такимъ образомъ, слава Богу, не замѣшанъ въ борьбу партій. Всѣ со мною такъ ласковы. — — Да, здѣсь горячія сердца, дивная природа; я сказалъ своимъ хозяевамъ, что пріѣду сюда опять, можетъ быть, на слѣдующій же годъ, и всѣ хоромъ грянули: «Добро пожаловать!» Даже странно, право, что Господь даровалъ мнѣ въ жизни столько радости и счастья, тогда какъ тысячи людей изнываютъ въ горѣ и заботахъ. Да, я и впрямь «Петька-счастливецъ!» Бумагѣ конецъ! Господь благослови Васъ! Вашъ благодарный и вѣрный другъ *Г. Х. Андерсенъ*.

Копенгагенъ, 1873 г.

Дорогая фрёкенъ Рослёвъ! — — Только что получилъ Ваше милое, сердечное письмо. Вы вѣрный, добрый другъ, и Ваша матушка тоже! Давно уже собирался я написать Вамъ или ей, высказать Вамъ мою искреннюю благодарность за то, что Вы, находясь за столько миль отсюда, постоянно справлялись о моемъ здоровьѣ. Теперь мнѣ лучше, но выздоровленіе идетъ очень медленно. Подумайте, вотъ уже пятый мѣсяцъ я сижу въ своихъ маленькихъ комнаткахъ, да и въ нихъ два раза жестоко простудился, такъ что выздоровленіе мое еще замедлилось. Не разъ я думалъ уже, что это моя послѣдняя, или вѣрнѣе—единственная въ жизни болѣзнь, которая сведетъ меня въ могилу. Но даже и болѣзнь имѣла свои пріятныя стороны: сколько вниманія и сочувствія высказали мнѣ мои друзья! — — Кронпринцъ навѣстилъ меня два раза, и представьте себѣ мое смущеніе, на дняхъ зашелъ даже самъ король! Онъ былъ такъ милостивъ, проявилъ столько сердечнаго участія. Съ нимъ былъ и маленькій принцъ Вальдемаръ. Г-жа Мельхіоръ, графиня Гольштейнъ и г-жа Коллинъ были ко мнѣ особенно внимательны; за мной ухаживали такъ, что лучше нельзя; докторъ мой Коллинъ и другъ мой профессоръ Горнеманъ навѣщали меня каждый день. Рѣшено, что я долженъ—какъ только это будетъ возможно—отправиться на югъ, пожить въ Швейцаріи и предпринять молочное леченіе. Лучше всего ѣхать въ Аппенцель, но тамъ сезонъ начинается лишь въ іюнѣ; долго ждать! Бернскій докторъ Доръ далъ мнѣ знать черезъ друзей, что я могу начать леченіе уже въ маѣ въ Гліонѣ, что недалеко отъ Монтрё на Женевскомъ озерѣ.— — Богъ благослови Васъ, дорогая фрёкенъ Рослёвъ, за Вашу дружбу къ Вашему благодарному и преданному *Г. Х. Андерсену*.

Гольштейнборгъ, 13 іюня 1874 г.

Дорогая г-жа Мельхіоръ[12])! —Завтра въ воскресенье минетъ три недѣли,

какъ я гощу въ Гольштейнборгѣ. Я провелъ здѣсь цѣлую цвѣточную эпоху. Когда я пріѣхалъ, цвѣла сирень крупными темнокрасными кистями, и золотой дождь уже выглядывалъ изъ своихъ зеленыхъ чашечекъ; скоро онъ распустился во всей своей благоухающей красѣ, а теперь уже блекнетъ... Сирень напоминаетъ цвѣтомъ платья богадѣленокъ изъ Вартоу; лепестки золотого дождя поблѣднѣли; вѣтеръ усыпаетъ ими аллеи. Ихъ цвѣтущая пора миновала; но на смѣну имъ выступаетъ новое поколѣніе. Красный тернъ стоитъ точно выкупанный въ чудныхъ розовыхъ вечернихъ облакахъ. Черезъ нѣсколько недѣль, когда и онъ отцвѣтетъ, распустятся розы, а не успѣешь оглянуться—зацвѣтутъ и ослѣпительныя, но лишенныя аромата астры съ георгинами; послѣ же нихъ насъ порадуютъ жимолость и шиповникъ. Вотъ Вамъ и жизнь цвѣтовъ! Она короче нашей, а они всетаки радуются жизни, воздуху, солнцу, мы же черезчуръ много думаемъ о смерти... —Все это пришло мнѣ въ голову когда я собирался писать Вамъ отсюда мое послѣднее письмо въ этомъ году — а, можетъ быть, и вообще! Но къ чему же это разглагольствованіе? Ахъ, оно какъ-то само собой соскочило съ пера! Можетъ быть, я воспользуюсь имъ для вступленія къ какой-нибудь новой сказкѣ. Моя же новѣйшая сказка-путешествіе начнется завтра; ѣду въ Брегентведъ. — — Время пройдетъ скоро, а тамъ, Богъ дастъ, увидимся въ Вашемъ Ролигхедѣ. — Благодарю за всѣ Ваши письма! Благодарю за Вашу дружескую память обо мнѣ! Вашъ благодарный и почтительный *Х. Г. Андерсенъ.*

Брегентведъ, 12 іюля 1874 г.

Дорогая, добрѣйшая г-жа Мельхіоръ! — — Погода продолжаетъ стоять хорошая, теплая. Я чувствую себя здѣсь хорошо, чувствую, что я здѣсь желанный гость, но Муза моя больше не навѣщаетъ меня, вотъ что грустно! Христіанъ Винтеръ утверждалъ однажды, что если поэтъ доживаетъ до извѣстнаго возраста—ему конецъ. Я не хотѣлъ вѣрить этому! Но, конечно, я былъ боленъ и все еще не совсѣмъ поправился. Сказка не стучится ко мнѣ. Я какъ будто уже наполнилъ весь кругъ радіусами-сказками, и больше нѣтъ мѣста. Гуляю-ли я въ саду между розами—да, чего-чего только уже не разсказали мнѣ и онѣ и даже улитки! Вижу-ли широкій листъ кувшинки—вспоминаю, что *«Лизокъ съ вершокъ»* уже кончила на немъ свое плаванье. Прислушиваюсь-ли къ завыванью вѣтра—знаю, что онъ уже разсказалъ мнѣ о *Вальдемарѣ До* и ничего лучшаго не знаетъ. Въ лѣсу подъ старымъ дубомъ я вспоминаю, что и онъ давно разсказалъ мнѣ свой послѣдній сонъ. Такимъ образомъ я не получаю больше новыхъ, свѣжихъ впечатлѣній, а это такъ грустно. Но Муза знаетъ, вѣдь, и не однѣ сказки. Впрочемъ, драматическія произведенія мои рѣдко приносятъ мнѣ радости. Къ тому же г. Бернеръ давно уже оставляетъ мои труды гнить на полкахъ театральнаго ар-

хива. Для романовъ же, такихъ, какіе слѣдуетъ теперь, по моему, писать—у меня нѣтъ необходимыхъ познаній. Вотъ, я и сижу, опустивъ руки...

— — Спросите г-жу ** не знаетъ ли она капель противъ дурного расположенія духа? Я бы съ удовольствіемъ испыталъ ихъ дѣйствіе,—какъ ни хорошо мнѣ здѣсь, временами я всетаки хохлюсь, какъ больной цыпленокъ. Вашъ преданный, благодарный *Г. Х. Андерсенъ.*

P. S. Ревматизмъ не покидаетъ меня; онъ переѣхалъ на дачу въ мои колѣни, локти и руки; я на дачѣ, и онъ тоже!

Брегентведъ, 12 іюля 1874 г.

(*Г-ну Билле* [13]).—Дорогой другъ! Вы всегда были мнѣ вѣрнымъ другомъ, давали мнѣ хорошіе совѣты, выясняли мнѣ вопросы и успокоивали мои черезчуръ воспріимчивые нервы, особенно если на меня дулъ вѣтеръ изъ Америки. Теперь опять дуетъ оттуда! Вчера вечеромъ получаю письмо отъ мальчика изъ Америки—вѣроятно, изъ Нью-Іорка—съ вложеніемъ доллара и вырѣзки изъ газеты «*The Children's Debt*» (Долгъ дѣтей). Я понялъ изъ статьи, что она приглашаетъ американскую молодежь нести свои лепты, чтобы обезпечить мнѣ пріятную старость. Не такъ ли? Идея была бы сама по себѣ прекрасной, если бы ее пустилъ въ обращеніе достойный человѣкъ и если бы она имѣла большой результатъ—къ чести американской молодежи и датскаго поэта. Но въ замѣткѣ говорится, насколько я понимаю, будто я никогда не получалъ изъ Америки за свои произведенія ни доллара, будто бы я самъ это говорилъ. Никогда я ничего такого не говорилъ! Все это, вѣроятно, изъ такого же источника, какъ и появившееся въ нѣмецкихъ газетахъ ложное сообщеніе о посѣщеніи меня однимъ венгерскимъ писателемъ, которому я будто бы сказалъ, что никогда не получалъ изъ Германіи за свои произведенія ни гроша, а что изъ Америки недавно получилъ 800 риксдал. Мнѣ помнится, что я ясно говорилъ Вамъ однажды, дорогой другъ, что изъ Германіи я отъ издателя Лорка получилъ за собраніе моихъ сочиненій 800 риксд., а въ послѣднее время получилъ небольшую сумму и изъ Америки. Все это перевернули, и въ датскихъ газетахъ было напечатано—и меня многіе даже поздравляли по этому поводу—что я получилъ изъ Америки 8000 риксд. Теперь и это ужъ перевернули по другому, и выходитъ, что я будто бы только и дѣлаю, что ною и жалуюсь на гонорары, чего, Вы и другіе мои датскіе друзья знаете, я никогда не дѣлаю. Скажите же мнѣ теперь, какъ мнѣ поступить. Отослать этотъ долларъ обратно—неделикатно по отношенію къ доброму ребенку; писать англійское письмо—слишкомъ для меня хлопотливо, а между тѣмъ, если эта исторія попадетъ въ наши газеты, одинъ долларъ, навѣрно, превратится въ устахъ людей въ 1000 долларовъ! Порадуйте меня парой словъ по этому поводу! Я ужъ и не знаю право—радоваться мнѣ или сердиться! Здоровье же мое вообще значительно лучше;

я могу гулять по саду почти цѣлый часъ одинъ, но каждое душевное волненіе мнѣ вредно, а это американское посланіе сильно взволновало меня. Надѣюсь вскорѣ получить отъ Васъ успокоительное письмо. — Вашъ преданный *Г. Х. Андерсенъ*.

Копенгагенъ, 6 декабря 1874 г.

— — Вы, конечно, уже получили, дорогая г-жа Лундъ, просимыя Вами мои фотографическія карточки. Но, что за идея сдѣлать мой бюстъ беззубымъ дряхлымъ старикомъ! Такимъ я не дѣйствовалъ, не писалъ, не читалъ. Я тогда былъ еще вполнѣ бодръ, и время это не такъ далеко. Такимъ и слѣдовало изобразить меня, а не инвалидомъ! А теперь — спасибо Вамъ за старое! Всякаго счастья и благополучія Вамъ и Вашему мужу въ новомъ году! — — Вашъ благодарный и преданный *Г. Х. Андерсенъ*.

Копенгагенъ, 6 іюня 1875 г.

(*Іонасу Коллину-внуку*). — Дорогой другъ! — Завтра ты получишь это мое письмо. Много я выстрадалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ. — — Недавно былъ у меня Карлъ Блокъ, попалъ какъ разъ въ одинъ изъ самыхъ моихъ тягостныхъ часовъ и, несмотря на то, что я просилъ его не заводить рѣчи о моемъ памятникѣ *), всетаки свернулъ на эту тему и довелъ меня до того, что я взбѣсился и наговорилъ много такого, чего — хотя все это и правда — я не сказалъ бы въ спокойномъ состояніи. Теперь онъ, конечно, сердитъ на меня. — — Вчера вечеромъ опять былъ у меня Собю [14]); я раскипятился и выложилъ ему на чистоту, что ни одинъ изъ скульпторовъ не знаетъ меня, всѣ ихъ эскизы показываютъ, что они совершенно не поняли меня, не схватили ни одной моей характерной черты, что я сроду не читалъ и не могъ читать, если кто-нибудь сидѣлъ у меня за спиною, или прижимался ко мнѣ, а ужъ тѣмъ меньше, если дѣти сидѣли у меня на колѣняхъ, на спинѣ, или наваливались на меня толпою, что называютъ меня «поэтомъ дѣтей» такъ, здорово живешь, что моей цѣлью всегда было писать для всѣхъ возрастовъ, что поэтому одни дѣти не могутъ представлять моихъ читателей, что наивность — лишь отдѣльный элементъ моихъ сказокъ, а суть ихъ въ юморѣ, и что моя національность въ томъ именно и проявлялась, что я писалъ народнымъ языкомъ и т. д. Мы еще поговоримъ обо всемъ этомъ, дорогой другъ. Я очень скучаю по тебѣ! Въ четвергъ 9-го іюня меня ждутъ въ Брегентведѣ. Извѣсти меня завтра, *когда* ты пріѣдешь въ городъ; надо намъ поговорить и привести въ порядокъ мои дѣла. Кланяйся своимъ родителямъ и оставайся тѣмъ же вѣрнымъ и добрымъ другомъ, какимъ ты былъ мнѣ во всѣ эти послѣдніе годы! Твой вѣрный и благодарный *Г. Х. Андерсенъ*.

*) Какъ извѣстно, А., еще при жизни его, рѣшено было воздвигнуть памятникъ и проэкты послѣдняго были представлены на его обсужденіе. *Примѣч. перев.*

Ролигхедъ, 25 іюля 1875 г.

(Ему-же). — Дорогой другъ! Благодарю за письмо, которое я сейчасъ получилъ отъ тебя! Никогда еще не казалось мнѣ, что время такъ бѣжитъ, и всетаки мнѣ трудно сказать, о чемъ не хочу и думать — что, пожалуй, нельзя мнѣ ѣхать. Да я и не вижу никакихъ препятствій. Прошу тебя придти; время я назначу. Мы увидимся! Да будетъ воля Божія! Твой вѣрный, благодарный другъ *Г. Х. Андерсенъ* *).

Письма къ Андерсену.

Слагельсэ, 18 фев. 1830 г.

(Отъ *Бастгольма* [15]). — —Вашу статью противъ Гауха я не могу помѣстить; во-первыхъ, статья не подходитъ; во-вторыхъ, я не желаю ссориться изъ за Васъ съ Гаухомъ, помѣщая въ своей газетѣ полемическую статью противъ него какъ бы отъ имени редакціи; въ-третьихъ, я слишкомъ люблю Васъ, чтобы содѣйствовать къ напечатанію возраженія, до такой степени неудачно написаннаго, что оно можетъ послужить только въ пользу Вашему противнику. Отвѣчать на нападки слѣдуетъ только въ хорошемъ расположеніи духа, когда можешь пустить въ ходъ юморъ, сатиру, иначе лучше молчать и издать въ отвѣтъ шедевръ. Но Вы, мой другъ, хотите срывать плоды, не поухаживавъ предварительно за деревомъ. Послѣднія Ваши вещи, напечатанныя въ журналѣ Гансена и въ «*Копенгагенской почтѣ*», я прочелъ съ искреннимъ сожалѣніемъ; если Вы и впредь будете писать стихи во всякомъ настроеніи духа, читать ихъ своимъ мнимымъ друзьямъ да печатать все, что пишете, Вы скоро лишитесь своей доброй славы, а разъ уваженіе и довѣріе читателей утрачены, не скоро завоюешь ихъ вновь. Будь я на Вашемъ мѣстѣ, я бы писалъ стихи только тогда, когда они сами про-

*) Письмо это было продиктовано Андерсеномъ г-жѣ Мельхіоръ, которая сдѣлала слѣдующую приписку: „Дорогой г-нъ Коллинъ! Я считаю нужнымъ прибавить къ этому пару словъ отъ себя, чтобы сказать, что здоровье Андерсена ничуть не лучше. И врачи и я находимъ, что силы его съ каждымъ днемъ падаютъ. Но надо радоваться, что самъ онъ чувствуетъ себя здоровымъ и счастливымъ. Онъ говоритъ: „Если бы не кашель съ мокротой, слабость и распухшія ноги, я былъ бы совсѣмъ здоровъ!“ Вчера онъ сказалъ: „Удивляюсь двумъ вещамъ: терпѣнію Г. Х. Андерсена и терпѣнію г-жи Мельхіоръ!“ Я сказала на это, что тому, кому Господь посылаетъ тяжелыя испытанія, Онъ посылаетъ и силы нести ихъ. Онъ въ отвѣтъ повторилъ то, что уже говорилъ раньше: „Только бы мнѣ дано было счастье умереть, пока я еще чувствую себя такъ хорошо!“ Изъ письма къ Вамъ видно, что и ему приходитъ въ голову мысль о томъ, что ему, пожалуй, нельзя ѣхать, но онъ сейчасъ же отгоняетъ ее и проситъ Васъ придти переговорить. Но ѣхать ему совершенно невозможно; я убѣждена, что *эта поѣздка* не состоится. Я взяла для него слугу до августа. — — Готовая къ услугамъ *Доротея Мельхіоръ*.“

А., какъ извѣстно, скончался 4 Августа 1875 г. І. К.

сятся на бумагу, а, написавъ, отложилъ бы ихъ мѣсяца на два въ сторону, прежде чѣмъ снова прочесть ихъ, и не показывалъ бы ихъ никому.—Преданный Вамъ *Бастгольмъ*.

Копенгагенъ, 10 іюля 1869 г.

(Отъ *Георга Брандеса*).—Дорогой г. Андерсенъ.—Нѣтъ писателя, который былъ бы до такой степени несправедливъ къ критикѣ, какъ Вы, до такой степени поддерживалъ бы по отношенію къ ней всѣ низменные предразсудки, окруживъ ее самой дурной славой.

Для меня же критика—наука и страсть, и, какъ всѣ другіе люди по отношенію къ ихъ спеціальностямъ, такъ и я по отношенію къ своей, воображаю, что превосходныя ея стороны должны быть ясно видны всѣмъ и каждому.

Съ завтрашняго дня начнется печатаніе въ «*Иллюстрированномъ Вѣстникѣ*» моихъ статей о Вашихъ сказкахъ. Прошу Васъ не судить о нихъ прежде чѣмъ Вы прочтете ихъ всѣ, и если убѣдитесь, что я не отомстилъ Вамъ за все то нехорошее, что Вы говорили и писали про критику, то надѣюсь, станете относиться къ наукѣ эстетики болѣе довѣрчиво и не измѣните тому доброму расположенію, которымъ Вы прежде дарили Вашего глубоко Васъ уважающаго и сердечно преданнаго Вамъ критикана *Г. Брандеса*.

Копенгагенъ, 19 іюля 1869 г.

(Отъ *него-же*).—Дорогой г. Андерсенъ.—Благодарю Васъ за Ваше дружеское письмо. Меня чрезвычайно обрадовало, что Вы приняли мою статейку in bonam partem. Намѣренія у меня были самыя хорошія, но я вообще такъ мало привыкъ встрѣчать сочувствіе къ моимъ статьямъ, что и на этотъ разъ не былъ увѣренъ въ томъ, какъ Вы отнесетесь къ моей статьѣ о Васъ.

То, что я сказалъ по поводу Вашего отношенія къ критикѣ, было сказано вполнѣ въ серьезъ. Вы чрезвычайно повредили положенію критики въ нашей и безъ того мало развитой странѣ. Ходячее мнѣніе о критикахъ, будто ихъ воодушевляетъ одна зависть, Вы поддерживаете елико возможно. Я не могу согласиться съ тѣмъ, что Вы въ своихъ сказкахъ различаете дурную критику и хорошую. Критикъ для Васъ «резонеръ», безплодный и безполезный критиканъ. Но существуетъ, вѣдь, критика и исторически-философски-эстетическая, нисколько не повинная въ томъ, что любой бумагомаратель хвастается милостью ея музы, хотя онъ никогда и не развязалъ ея пояса. Истиннаго критика-эстетика характеризуетъ его духовная чуткость и гибкость, съ которыми онъ отождествляетъ себя съ самыми различными умами и проникается духомъ различнѣйшихъ странъ. Онъ пытается вновь перечувствовать всѣ тѣ душевныя волненія, которыя лежатъ въ основѣ произведеній данной литературы. Критикъ—человѣкъ, *умѣющій и самъ читать*

и указывать другимъ, какъ надо читать. Признанія этого мнѣ и не достаетъ въ Вашихъ трудахъ, которые я вообще такъ высоко цѣню. Вы занимаете въ литературѣ такое мѣсто, что каждое Ваше слово вызываетъ тысяче-кратное эхо. Я хорошо знаю, что Вы сами страдали отъ пошлой, несправедливой, часто просто мальчишеской критики; я самъ — хотя и не смѣю сравнивать себя съ Вами въ чемъ-либо другомъ—страдалъ отъ подобной же, а впредь мнѣ, пожалуй, благодаря независимому направленію моей критики, придется бороться съ куда большими препятствіями, чѣмъ пришлось бороться Вамъ. Но мнѣ кажется, что личный Вашъ горькій опытъ сдѣлалъ Васъ несправедливымъ къ служителямъ цѣлой отдѣльной науки. Вотъ почему я и не могъ писать иначе. Я согласенъ, что Вы различали *суровую* и *снисходительную* критику, но мнѣ кажется, что подраздѣленіе это вообще не вѣрно. Есть только *истинная* и *фальшивая*, *серьезная* и *злонамѣренная* критика, но публика часто — особенно, если ее поддерживаетъ крупный авторитетъ—смѣшиваетъ послѣднюю съ первою.

Все же—вотъ Вамъ моя рука. Никто меньше меня не способенъ питать неудовольствіе противъ Васъ; Вамъ, вѣдь, я обязанъ духовнымъ обогащеніемъ. Я хотѣлъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать къ тому, чтобы открыть людямъ глаза на Ваше значеніе для Даніи. Если это мнѣ удастся, я буду вполнѣ доволенъ. Еще разъ благодарю Васъ, особенно за Ваши добрыя пожеланія. Зная свои способности, я знаю и то, что будущее мое не обѣщаетъ быть ни великимъ, ни блестящимъ; хотѣлось бы мнѣ только, чтобы оно было не совсѣмъ безполезнымъ для нашей литературы, и чтобы я не исчезъ, не оставивъ по себѣ слѣда. Вашъ преданный *Георгъ Брандесъ.*

Отъ *Фредрики Бремеръ* [16]).

Орста, 3 сентября 1837 г.

Только что собиралась писать Вамъ, г. Андерсенъ, чтобы поблагодарить Васъ, какъ Вы даете мнѣ новый поводъ къ благодарности: мнѣ доставили Вашъ новый романъ «*О. Т.*» Сердечно благодарю Васъ за все! Наше личное знакомство продолжалось всего нѣсколько часовъ, и всетаки мнѣ сдается, что я знаю Васъ хорошо, какъ близкаго друга. Позвольте же мнѣ теперь поговорить объ «*Импровизаторѣ*»,—у меня что на душѣ, то и на языкѣ! Мнѣ нравятся въ немъ прелестныя правдивыя описанія дѣтской натуры, народной жизни и природы. У Васъ замѣчательный даръ воспринимать *поэзію дѣйствительности* и изображать ее такъ, что она живо встаетъ передъ глазами читателя и доходитъ до его сердца. Вы также ясно видите *прекрасную правду* жизни. Мнѣ нравится и старуха Доминика, и маленькая игуменья, и я не могу не сочувствовать невинной любви между ней и героемъ романа; нравится мнѣ и самъ герой своею рѣдкой душевной чистотой и добротой, но я ни за что бы не влюбилась въ него! И я не могу хорошенько про-

стить Аннунціатѣ, что она могла такъ похудѣть изъ за него; судьба же ея изображена прекрасно и главное правдиво. Герою можно было бы пожелать поменьше слабости и малодушной уступчивости невыносимому деспотизму его благодѣтелей; но даже въ слабости его столько истинной доброты, что она какъ-то обезоруживаетъ желающаго порицать его за нее; боишься стереть пыль съ крыльевъ этой бабочки, чтобы не повредить самыхъ крыльевъ. Этому человѣку слѣдовало бы придать крылья,—въ немъ нѣтъ ни злобы, ни ненависти,—это сущій ангелъ!—Исто-тираническая система воспитанія героя Франческою и ея мужемъ взята прямо изъ жизни,—вотъ бы прочли это да намотали себѣ на усъ всѣ воспитатели и soi-disant благодѣтели! Описаніе это меня очень позабавило, и вообще сколько мыслей пробудило во мнѣ чтеніе этого романа!——Будьте счастливы, добрѣйшій господинъ Андерсенъ, и еще разъ спасибо за дружбу и ласку, съ которыми Вы относитесь къ своей шведской подругѣ *Фредрикѣ Бремеръ*.

Стокгольмъ 24 января 1838 г.

—— Вы хотите, что бы я высказала Вамъ какое впечатлѣніе я вынесла изъ чтенія Вашихъ послѣднихъ сочиненій,—извольте, я готова это сдѣлать и сообщу Вамъ здѣсь безъ всякихъ претензій мои непосредственныя впечатлѣнія. Вашъ романъ «*О. Т.*» я не выпустила изъ рукъ, пока не прочла его до конца. Описанія природы и народной жизни въ Даніи мнѣ чрезвычайно понравились, я нахожу ихъ превосходными; картины изъ домашней жизни также очень позабавили меня; но, по обрисовкѣ характеровъ главныхъ лицъ, романъ этотъ, по моему, уступаетъ «*Импровизатору*». Исключеніемъ является предпріимчивый каммеръ-юнкеръ; онъ служитъ яркимъ доказательствомъ особаго Вашего взгляда на жизнь и умѣнія схватывать наиболѣе оригинальныя ея явленія. Вѣдь, каммеръ-юнкеръ нашего времени совсѣмъ не тотъ, что былъ 50 лѣтъ тому назадъ. Большинство романистовъ не поспѣваетъ идти въ ногу съ временемъ, а все больше пользуется старыми избитыми формами. Многія черты изъ жизни провинціальныхъ бѣдняковъ обрисованы очень мило и забавно, но не слѣдуетъ-ли остерегаться пользоваться извѣстными анекдотами? Мѣсто имъ въ сборникахъ анекдотовъ и остротъ, а не въ серьезномъ романѣ. О. Т. прекрасная личность, но какъ онъ можетъ жить спокойно, зная, что единственная сестра его погибаетъ? Отчего онъ не старается постоянно слѣдить за нею? Зачѣмъ Вы не воспользовались такимъ прекраснымъ матеріаломъ, который самъ просился въ романъ?

Легко, однако, порицать. Это даже легче всего, и я не позволила бы себѣ этихъ замѣчаній, если бы Вы сами, дорогой г. Андерсенъ, не напросились на нихъ. И я была бы не искренна по отношенію къ Вамъ, если бы не указала Вамъ на то, чему не могу сочувствовать въ Вашемъ произведеніи. Я это дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что такихъ мѣстъ въ немъ немного. Всѣ Ваши

сочиненія производятъ на меня самое отрадное впечатлѣніе, и я не знаю никого, кто бы, познакомившись съ ними, не сказалъ бы о нихъ того же.— —

Томбъ 21 апрѣля 1839 г.

— — Въ Вашихъ лирическихъ произведеніяхъ я нашла все тѣ же качества, которыя я такъ цѣню въ Вашей поэзіи. Изумительная легкость слога, масса счастливыхъ и благородныхъ мыслей, тонкая сатира, жало которой лишено яда—да всѣхъ достоинствъ Вашихъ лирическихъ произведеній и не перечтешь! Больше всего радуетъ меня въ сборникѣ Вашихъ стихотвореній открытый и многосторонній взглядъ на жизнь; нѣтъ такого момента или положенія, которое бы не имѣло для Васъ значенія, Вы во всемъ видите красоту, находите матеріалъ для творчества. Поэтъ въ самомъ дѣлѣ похожъ на солнце: подобно ему, онъ можетъ озарить яркимъ свѣтомъ малѣйшую капельку жизни. И такимъ-то образомъ изъ окружающаго дѣйствительность магическаго круга поэзіи выростаетъ «*Снѣжная королева*»; грозная красота ея придаетъ особую прелесть окружающей ее обстановкѣ и примиряетъ со смертью въ ея заколдованномъ царствѣ. Но и надъ Снѣжной королевой и ея царствомъ, надъ міромъ жизни и надъ міромъ смерти властвуетъ вѣчный Царь; Его премудрости подчинены всѣ царства земныя и всѣ событія жизни. Никто лучше Васъ не уразумѣлъ нашихъ житейскихъ условій. Хотѣлось бы поговорить объ этомъ подробнѣе, но тогда пришлось бы написать обширную статью. Лучшей иллюстраціей къ этой темѣ можетъ послужить Ваша «*Русалочка*». Сколько въ ней глубокой, чудной поэзіи! Но я согласна съ Вами, что это сказка не для дѣтей.— —«*Дикіе Лебеди*» очаровали меня дивными картинками, но «*Лизокъ съ вершокъ*», вотъ жемчужина!— —Но какъ бы я ни восторгалась этой сказкой, все же умоляю Васъ, дорогой г. Андерсенъ, давайте намъ сказки, принадлежащія Вамъ лично, а не пересказы чужихъ. Прелесть изложенія, счастливый наивный тонъ не помогутъ дѣлу. Истина въ природѣ и въ мірѣ дѣтей открыта Вамъ, такъ отчего же Вамъ не черпать свои образы оттуда? Сколько тамъ очаровательной прелести и красоты! Куда больше, чѣмъ въ произвольно созданномъ заколдованномъ мірѣ троллей! И какъ легко было бы Вамъ связать прекрасные, привлекательные элементы этого дѣтскаго міра съ нравственнообразовательными! Въ романахъ «*Импровизаторъ*» и «*Только скрипачъ*» Вы дали намъ прелестнѣйшія и глубоко правдивыя картины природы и дѣтской жизни. Сознаюсь, что и я, какъ и многіе изъ моихъ земляковъ, ставлю эти сцены куда выше всѣхъ «дѣтскихъ сказокъ». Но да здравствуетъ «*Лизокъ съ вершокъ*»!— —

Орста 19 октября 1841 г.

— — Больно слышать, что Васъ такъ обижаютъ на родинѣ. Но это вредитъ Вашимъ неблагороднымъ хулителямъ гораздо больше, чѣмъ Вамъ

самимъ. Непозволительная выходка Гейберга является такимъ пятномъ въ его книгѣ [17]) что я даже раздумала пріобрѣтать ее. А Вамъ, мой дорогой другъ, какъ разъ представляется случай оказаться на той высотѣ, которая больше всего соотвѣтствуетъ Вашему благородному сердцу и характеру. Декартъ сказалъ: «Если мнѣ наносятъ обиду, я стараюсь настроить свою душу такъ, чтобы обида не затронула меня». И это прекрасно! Но можно подняться еще выше. И я съ своей стороны не знаю болѣе освѣжающаго и возвышающаго душу чувства, какъ то, что заставляетъ насъ говорить своему обидчику: «Когда-нибудь я всетаки благословлю и обрадую тебя!» Въ этомъ отношеніи и христіанство и исто-благородное язычество вполнѣ согласны, и мы, слѣдуя этому чувству, воистину освобождаемъ свою душу отъ всякаго гнета.— —

Орста 30 января 1848 г.

— — Ахъ, еслибы мнѣ удалось высказать, сколько истиннаго удовольствія доставила мнѣ «*Сказка*» Вашей жизни *). Какъ отрадно видѣть, что нашъ милый сказочникъ самъ пережилъ прекраснѣйшую сказку, что его жизнь сама является богатой красками и глубоко правдивой сказкой! Ничто не радуетъ меня больше, чѣмъ созерцаніе вложенной Богомъ въ каждое вполнѣ сложившееся проявленіе жизни — богатой, разнообразной красоты. Вотъ въ чемъ можно почерпнуть силы и охоту жить, жизнерадостность! Вѣдь, жизнь со всѣми ея недостатками и несовершенствами всетаки представляетъ столько совершеннаго, вполнѣ законченнаго!

Описаніе Вашего дѣтства и первой молодости доставили мнѣ особенное удовольствіе, да и не одной мнѣ, а и всѣмъ моимъ знакомымъ, которые прочли его. Читая его, видишь, какъ духъ поэта безсознательно перебираетъ струны, которымъ предстоитъ впослѣдствіи звучать въ главныхъ тонахъ «сказки» его жизни, какъ дѣйствительной, такъ и воображаемой. И вся книга носитъ отпечатокъ той прекрасной, чисто сказочной жизни, которая такъ и просится въ сердце читателя, благодаря проникающему ее духу любви, кротости и всепрощенія. Нѣкоторые случаи изъ Вашей жизни, когда Вы терпѣли обиды, глубоко опечалили меня; напр., полученіе Вами въ Парижѣ письма съ пасквилемъ. Но надо *жалѣть* такихъ людей. Они сами себя осудили, унизили своимъ презрѣннымъ поступкомъ. И Вамъ, обласканному ангелами и носящему ангела въ собственной душѣ, слѣдуетъ забыть о подобномъ, позабыть или пожалѣть обидчика!

Не думайте, что я не поняла какъ слѣдуетъ Вашего великаго эпоса «*Агасферъ*». Я поняла въ немъ и поэта и философа, вновь увидѣла свою личную радостную вѣру въ прогрессъ человѣчества, въ положительные результаты каждаго нормальнаго развитія, въ Духъ, развивающій и направ-

*) „Das Märchen meines Lebens“. *Примѣч. перев.*

ляющій все. Трудъ этотъ, безъ сомнѣнія, отмѣчаетъ собой важную эпоху въ Вашей внутренней жизни и является одной изъ пирамидъ Вашего поэтическаго царства. Но хотите знать, какія чудеса *я* охотнѣе всего отыскиваю въ немъ, что больше всего оживляетъ, освѣжаетъ, трогаетъ, очаровываетъ меня, то придется мнѣ сказать: Ваши *сказки*, эти оазисы въ житейской пустынѣ съ ихъ свѣжими бьющими источниками, высокими пальмами и улыбающимися цвѣтами, эти кроткіе шаловливые дѣтишки, вводящіе насъ въ самый рай прежде чѣмъ мы успѣемъ оглянуться!—Воздвигать пирамиды могутъ и другіе, философствовать и демонстрировать жизнь—также, но *никто* не можетъ писать сказки, какъ Вы, никто не можетъ поучать или трогать, очаровывать какъ Вы. Вотъ талантъ, который Господь Богъ даровалъ Вамъ одному на радость другимъ людямъ.— —

Стокгольмъ 14 декабря 1855 г.

Другъ и братъ!—Давно уже я наслаждаюсь чтеніемъ «*Сказки моей жизни*», и мнѣ хочется поблагодарить Васъ за это истинное удовольствіе. Благодарю Васъ отъ всей души! Это хорошая книга, и дать она можетъ одно хорошее: она проникнута искренностью и духомъ любви. Вотъ мое впечатлѣніе; эта книга радуетъ меня, и я не желала бы видѣть ее иной; я считаю ее чистымъ и зрѣлымъ плодомъ Вашей натуры и духа. Богъ внушилъ Вамъ мысль написать ее именно такъ, какъ Вы ее написали. Она является истиннымъ дѣтищемъ Вашей природы уже по одному тому, что сама жизнь и настроеніе *поэта* постоянно прорываются въ ней въ силу какой-то естественной, природной необходимости. Онъ не можетъ не пѣть среди всѣхъ этихъ смѣняющихся, то печальныхъ, то радостныхъ явленій жизни, и какъ содержаніе, такъ и подъемъ духа въ Вашихъ пѣсняхъ сразу выдаютъ своеобразность Вашего дара и великую разницу между истиннымъ *поэтомъ* и сонмомъ *риѳмоплетовъ*, въ числѣ которыхъ находилась и я въ дни молодости. Хотѣлось бы только, чтобы Вы побольше раскрыли передъ нами таинственную мастерскую, въ которой создаются Ваши сказки, поэмы и пр., выяснили намъ, какъ является къ Вамъ вдохновеніе, чѣмъ Вы его поддерживаете, вообще — какъ зарождаются въ Вашей душѣ эти духовные дѣтки. Вѣдь, эти душевныя явленія возникаютъ различно у различныхъ натуръ, и способъ ихъ возникновенія представляетъ огромный интересъ для наблюденій и сравненій. Не могу также не поблагодарить Васъ за то удовольствіе, которое доставила мнѣ Ваша книга, познакомивъ меня поближе съ симпатичными личностями Эленшлегера и Эрстеда.— — Искренно преданная Вамъ сестра и другъ *Фредрика Бремеръ*.

Копенгагенъ, 24 апрѣля 1843 г.

(Отъ *Бурнонвиля*). — Дорогой Андерсенъ! — — Пусть эти строки отъ искренняго преданнаго друга скажутъ тебѣ, съ какой любовью вспомина-

ютъ тебя въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ чувства еще не утратили дѣтской свѣжести и теплоты. Господи Боже мой! Земля—огромная, круглая планета изображаетъ собой только сырой островъ, населенный неблагодарными существами. Всеживотворящее солнце не въ состояніи растопить льда сердецъ. — — Ты самъ, милый поэтъ мой, выбралъ свою дорогу, и, пробираясь по ущельямъ черезъ густую поросль терна, нашелъ такіе прекрасные цвѣты, какихъ до тебя не находилъ еще никто; пробираясь сквозь равнодушіе, холодность и глумленіе, ты увидѣлъ за то, какъ твои поэтическія изображенія вызывали улыбки, слезы, радость и восторгъ. Кое-кто цѣплялся за твои недостатки, а тысячи восхищались твоимъ геніемъ. Нѣкоторые все продолжали поучать тебя, а ты самъ уже училъ насъ многому, чего мы не знали, пока не явился ты. Ворчунамъ досадно было смотрѣть на твои лавры, которые ты стяжалъ себѣ за-границей, доброжелательному же датчанину, побывавшему въ чужихъ краяхъ, пріятно было видѣть, какъ зачитываются твоими романами на чужбинѣ, видѣть, какъ стихи твои (напр. «*Умирающее дитя*») украшаютъ стѣны крестьянина въ чужихъ краяхъ и даже въ Новомъ свѣтѣ. Чтожъ, дорогой А., вѣдь, все это правда. Зачѣмъ же тебѣ жаловаться? Зачѣмъ мысль о родинѣ должна отравлять тебѣ жизнь, которая обѣщаетъ доставить еще столько высокихъ наслажденій и тебѣ самому и другимъ? Ты желаешь себѣ смерти! Развѣ для того, чтобы воспользоваться тогда тѣмъ всеобщимъ признаніемъ твоего таланта, котораго недостаетъ тебѣ теперь? Но подумай хорошенько! Кто тебѣ порукой за то, что геній твой въ просвѣтленномъ состояніи не откроетъ самъ многихъ недостатковъ въ своихъ земныхъ трудахъ и не станетъ мучиться въ раю изъ-за невозможности исправить написанное?—Прости мнѣ за эту шутку, мой другъ! Дай Богъ тебѣ долго жить, радоваться и трудиться! Черпай вволю изъ богатаго источника, открытаго для тебя Творцомъ на пользу и усладу всѣмъ тѣмъ, кто жаждетъ истинно-поэтическихъ наслажденій! Когда же ты успѣешь утолить ихъ жажду и свою собственную, тогда и скажи: «Да будетъ воля Твоя!» — —

Я врядъ-ли ошибусь, предположивъ, что новый взрывъ горькаго чувства противъ публики вызванъ въ тебѣ рецензіей «*Газеты Берлинга*» по поводу послѣдней твоей пьесы [18]). Позволь же преданному другу твоей музы и искреннему поклоннику твоего генія приложить исцѣляющую руку къ свѣжей ранѣ. Критикъ призналъ, что въ пьесѣ есть лирическія красоты, трогательныя мѣста, вызывающія слезы, сказалъ, что музыка, игра артистовъ, сценическая обстановка—все это поддержало твой трудъ, но въ общемъ нашелъ его недостаточно занимательнымъ, а публика, дескать, *хочетъ*, чтобы ее занимали. Я, вѣдь, уже высказывалъ тебѣ свой взглядъ на тебя, какъ на драматурга; правда, «*Мулатъ*» разъ опровергнулъ мое мнѣніе, я это сознаю; но все же я пришелъ къ тому заключенію, что талантъ твой похожъ

на человѣка, который гораздо больше на своемъ мѣстѣ въ маленькомъ избранномъ кружкѣ, нежели въ шумномъ обществѣ; картинки твои нужно видѣть вблизи и обсуждать ихъ слѣдуетъ въ тѣсномъ кружкѣ. Твои произведенія можно читать и наслаждаться ими, чтобы тамъ ни творилось въ обыденной жизни. Вотъ что я хочу сказать: читая твои произведенія, сразу приноравливаешься къ господствующему въ нихъ тону, пріучаешься видѣть твоими глазами, говорить твоимъ языкомъ, чувствовать твоимъ сердцемъ; совсѣмъ не то, когда присутствуешь на представленіи твоихъ драматическихъ произведеній. Тутъ ужъ невластны ни поэтъ, ни читатель; всѣ мы тогда въ рукахъ драматическихъ артистовъ и требованій сцены; мы уже не можемъ отложить книгу и вновь взяться за чтеніе, смотря по настроенію. Все должно быть изложено какъ бы однимъ духомъ и въ извѣстный часъ; мы тутъ, слѣдовательно, имѣемъ дѣло не съ поэтомъ-лирикомъ, а съ такимъ-то и такимъ-то писателемъ, взявшимъ на себя трудъ занимать (т. е. забавлять) насъ драматическимъ представленіемъ. Не жди пощады отъ того, кто нашелъ его скучнымъ. Если скажутъ по поводу портрета: «тонкая кисть!» про музыкальную композицію: «глубокая вещь!» про романъ: «настоящая философія!» про пьесу: «очень мила въ чтеніи!»—прощай ожидаемое отъ нихъ воздѣйствіе! Этими примѣрами я хочу только сказать, что если тебѣ захочется разнообразить свое творчество драматическими произведеніями, то, выбравъ себѣ подходящій сюжетъ, непремѣнно имѣй при разработкѣ его въ виду степень воспріимчивости большой публики; не пиши никогда ничего изъ добраго расположенія къ какому-нибудь артисту или расчитывая на доброе расположеніе публики; изъ статуи никогда не выйдетъ картины, и прекраснѣйшія мысли поэта часто комкаются въ суматохѣ сценическаго дѣйствія; поэтъ-лирикъ имѣетъ передъ собой широкое поле дѣйствій, и надъ головой его разстилается сводъ небесный, а поэтъ-драматургъ натыкается на непреодолимыя препятствія въ видѣ потолка, пола, стѣнъ и лампъ. — — Жена моя и всѣ дѣти кланяются тебѣ. Желаю тебѣ всякаго благополучія, здоровья и успѣха. Твой преданный другъ *Августъ Бурнонвиль*.

Стокгольмъ, 31 января 1862 г.

(Отъ *него же*). — Дорогой Андерсенъ, почтеннѣйшій другъ! — Начну съ благодарности за только что присланныя «*Исторіи*». Онѣ взяты все изъ тѣхъ же трехъ старыхъ источниковъ: природы, человѣческаго сердца и таланта, которымъ тебя такъ щедро наградилъ Господь. Ты умѣешь въ одно и тоже время и занимать, и забавлять, и трогать, да еще убѣждать и подкрѣплять! Большаго, вѣдь, нельзя и требовать отъ поэта, и тебя, пожалуй, порадуетъ сообщеніе о томъ, какъ отозвался мнѣ на дняхъ о твоей авторской дѣятельности Бесковъ: «у А. большое преимущество передъ другими поэтами: съ каждымъ поколѣніемъ выростаетъ для него новая пуб-

лика.» Онъ хотѣлъ этимъ намекнуть на дѣтей, но я на это сказалъ, что ты умѣешь возрождать и насъ стариковъ. Ну вотъ и довольно съ тебя на сегодня «сладкаго», хоть ты и заслуживалъ бы еще за все то хорошее, чѣмъ угощаешь и меня и мою музу. Не могу не потрепать тебя по щекѣ за ту искреннюю ласку, которою дышетъ твое письмо. Спасибо, милый другъ, за твое доброе участіе, и будь увѣренъ, что и я и вся моя семья глубоко проникнуты искренней благодарностью и признательностью къ тебѣ. — —Твой преданный другъ и «Schätzer» *Августъ Бурнонвиль.*

Отъ Бъёрнстъерне Бъёрнсона.

Arriccia, casa Mancini 3 іюля 1861 г.

Дорогой Андерсенъ!—Весьма благодаренъ Вамъ за Ваше письмо, которое получилъ вчера. Ваша дружба радуетъ и подкрѣпляетъ меня. И все же не пойму хорошенько откуда она взялась. Я еще понимаю, что я люблю Васъ, такую яркую личность, богатую искренностью, любовью, а также—простите меня—милыми слабостями, съ которыми постоянно приходится считаться, но Вы-то, Вы-то какъ могли полюбить меня, человѣка, слишкомъ для Васъ жесткаго, горячаго, вдобавокъ или упрямаго или необузданнаго и, наконецъ, неумѣющаго проявить въ Вашемъ присутствіи ни ума, ни сердца,—мнѣ вѣдь постоянно приходится пассовать, часто, впрочемъ,—еще разъ простите!—вслѣдствіе того, что говорите одинъ Вы. Но я вѣрю Вашему слову и современемъ докажу Вамъ, какъ Вы меня порадовали.

— —Читаю Ваше письмо и не могу не смѣяться. Кажется, нѣтъ такого мѣста на землѣ, гдѣ бы Вы не страдали или отъ сквозняка или отъ давки. Любопытно знать, не попросите-ли Вы, попавъ современемъ въ рай — Св. Петра запереть райскія врата, чтобы Васъ не продуло, если Вы, впрочемъ, не повернете отъ воротъ назадъ изъ за черезмѣрной давки.

Повторю Вамъ, однако, то, что еще вчера написалъ одному своему другу: если въ Даніи нѣтъ человѣка, который подавалъ бы поводъ къ столькимъ остротамъ, какъ Андерсенъ, то нѣтъ кромѣ него въ Даніи со временъ Гольберга и человѣка, который бы самъ сказалъ ихъ столько.— —

О многомъ хотѣлось бы мнѣ побесѣдовать, но не знаю еще, сумѣете-ли Вы разобрать мой почеркъ, на который всѣ жалуются. Не знаю также, гдѣ Вы и какъ Вы себя чувствуете; письмо, вѣдь, не можетъ читать по лицу адресата прежде чѣмъ заговоритъ само. Да и плохой я корреспондентъ, хотя и очень люблю и писать и получать отвѣты. Вся суть въ томъ—найдется-ли связующее звено, котораго хватитъ не на одинъ только предметъ для бесѣды, такъ что можно даже разбрасываться, надѣясь на прочность связи. Мы съ Вами, надѣюсь, найдемъ такую связь, да уже и нашли. Только не надо писать длинныхъ писемъ, а вотъ такіе, вродѣ этого. Я вполнѣ увѣренъ,

что наша весенняя встрѣча въ Римѣ можетъ современемъ дать не мало хорошихъ плодовъ и не только для насъ съ Вами. Работая дружно и согласно каждый въ своей странѣ, мы можемъ достигнуть не малыхъ результатовъ. У насъ на сѣверѣ всегда недоставало единодушія между представителями искусствъ и поэзіи; преобладала мелочная зависть, поддерживаемая спертымъ воздухомъ. Теперь, слава Богу, отлегло немножко съ тѣхъ поръ, какъ по всѣмъ странамъ сѣвера пронесся національный вѣтеръ и свѣжее вѣяніе свыше, принесшее идею «общаго будущаго». Мы сходимся съ Вами во многомъ; между прочимъ оба мы чужды зависти, оба чувствуемъ сильную потребность въ любви и — я, по крайней мѣрѣ—въ союзникахъ для того, чтобы провести завѣтныя идеи въ жизнь. Мнѣ всегда казалось, что поэты наши слишкомъ охотно успокаиваются на своихъ лаврахъ, опасаясь выступать въ тѣхъ случаяхъ, когда могутъ образоваться партіи и за и противъ нихъ. Имъ не хочется рискнуть этими лаврами «вторично». Я же, нисколько не желая уйти съ головою во вздорныя ссоры минуты, готовъ до послѣдняго издыханія бороться тамъ, гдѣ я могу принести хоть какую нибудь пользу, и всякій грошъ популярности, заработанной мною долгимъ трудомъ, готовъ вновь и вновь ставить на карту во имя идеи.

Кланяйтесь Коллину; онъ во многихъ отношеніяхъ знаетъ меня лучше, чѣмъ Вы. Вы способны въ одну минуту схватить и ядро и оболочку, но затѣмъ Вы начинаете искать чего нибудь новенькаго. Кланяйтесь ему, и Богъ да благословитъ Васъ за Ваше отзывчивое сердце! — *Біёрнстъерне Бъёрнсонъ*.

Римъ, 10 декабря 1861 г.

Дорогой Андерсенъ!—Вѣсть о томъ, что Вы посвятили мнѣ свои послѣднія сказки, прозвучала для меня въ настоящую минуту точно рождественскій псаломъ. Говорю—въ данную минуту, потому что я находился въ особомъ настроеніи, о которомъ, пожалуй, лучше всего скажутъ стихи, вылившіеся у меня въ ту минуту:

Ликуй, когда тебѣ судьба
Бросаетъ вызовъ! Чѣмъ борьба
Ожесточеннѣй, тяжелѣе,
Тѣмъ и побѣда, вѣдь, славнѣе!

И если въ страхѣ предъ грозой
Друзья трусливые толпой
Покинутъ честной битвы поле,
Ты не горюй,—то Божья воля!

Онъ видитъ—ты безъ костылей
Ходить умѣешь,—прочь друзей!
За тѣмъ, стоитъ кто одиноко,
Слѣдитъ любовнѣй Божье око!

Я, человѣкъ дружбы по преимуществу, созданіе ея, могъ высказать подобное, а Вы, другъ съ лѣтней встрѣчи, вѣчно порхающій, вѣчно занятой, окруженный тысячами смѣняющихся впечатлѣній, Вы всетаки вспомнили меня добромъ въ такое время, когда столько старыхъ испытанныхъ друзей не чувствовали потребности выразить что-либо подобное.

Меня это очень тронуло; жену мою также, и въ этотъ день въ Римѣ было двое людей, которые не могли наговориться о Васъ и отъ всей души желали Вамъ всевозможныхъ благъ и чудеснѣйшихъ сюпризовъ. Я досталъ Ваши сказки и сталъ искать какую мнѣ перечесть вновь и вдругъ нашелъ, къ своему удивленію, одну, которую я еще не читалъ. Должно быть, судьба! Въ бытность свою директоромъ театра, пришлось мнѣ однажды пробовать гибкость голоса одного ученика; въ такихъ случаяхъ я обыкновенно пользовался Вашими сказками; на этотъ разъ я выбралъ вышеупомянутую сказку, и ученикъ мой такъ исковеркалъ ее, что воспоминаніе объ этомъ стало какъ бы оболочкой жабы, въ которой скрылась прекрасная душа сказки. Мнѣ какъ-то жутко было вновь взяться за нее и разрушить чары, и вотъ до поры до времени сказка осталась въ своей оболочкѣ. Вчера принеслась по воздуху вѣсть, полная любви и воспоминаній, пора настала, я подошелъ, оболочка со сказки спала, я облекся въ опереніе лебедки и бурно понесся вмѣстѣ съ Вашей чудесной, родной и всетаки уносящей въ отдаленнѣйшую страну, стаей аистовъ. И никогда еще ни одна сказка не уносила меня такъ далеко, такъ высоко! Это Ваша лучшая сказка; въ ней звучитъ какая-то особая грусть, изъ нея смотритъ на насъ чье-то умное гигантское око; въ ней чувствуется присутствіе незримаго духа, и, читая ее, я все время вспоминалъ то, что мы зовемъ «лебединой пѣснью», нѣчто возвышающее насъ до небесъ, такъ высоко, что больше это уже не можетъ повториться. И въ тотъ день, когда мнѣ скажутъ (надѣюсь, еще не скоро), что Вы перестали раскрывать намъ тайны невѣдомаго міра и сами перенеслись къ источнику и разгадкѣ загадокъ, я возьму «*Дочь болотнаго царя*», поцѣлую книгу и прочту сказку медленно, тихо, словно провожая кого до могилы подъ звуки похороннаго марша. И, стоя на краю могилы, на террассѣ вмѣстѣ съ дочерью болотнаго царя и осматриваясь кругомъ, я чувствовалъ, что на глазахъ у меня навертываются слезы, и что меня охватываетъ тоска по вѣчной родинѣ... Ребенкомъ я не могъ представить себѣ вѣчности иначе, какъ чѣмъ-то безконечно мучительнымъ, теперь же меня охватило такое безконечное предчувствіе ея, что въ сравненіи съ ея великолѣпіемъ все пережитое, всѣ завѣтнѣйшія желанія стали для меня ничтожнѣе былинокъ. И, именно благодаря этому, эта минута на террасѣ и явилась однимъ изъ лучшихъ мгновеній въ моей жизни. Нѣтъ высшей радости, какъ минутное предчувствіе вѣчнаго блаженства!

Будь я съ Вами, когда Вы написали эту сказку, я бы испугался, подумавъ, что послѣ этого Вы уже не въ состояніи написать ничего болѣе. Я и не постигаю, какія впечатлѣнія могли создать ее! Ваше счастливое умѣнье находить лучшихъ людей и въ нихъ опять таки все наилучшее, избѣгая всего остального, должно, вѣдь, въ концѣ концовъ привести Васъ къ наивысшему, разъ вѣрно то, что добро исходитъ отъ Бога. Вотъ почему Вы и должны достигнуть большей высоты и близости къ Нему, а также большаго уразумѣнія и умѣнія воспроизвести видѣнное, нежели мы остальные; если же мы иногда отчасти и достигаемъ этого уразумѣнія, мы скоро затѣмъ теряемъ его въ менѣе чистой обстановкѣ прозаически-тяжелой, нѣсколько злобной и отвлекаемой въ сторону блуждающими огоньками жизни. — —

Сознавая, что я не разъ судилъ о Васъ неправильно, особенно когда мнѣ попадалась несимпатичная мнѣ сказка, я тѣмъ сильнѣе и чувствую теперь потребность громко высказать, какъ я, наконецъ, дошелъ до пониманія Васъ, руководствуясь одной любовью. Сознавая съ другой стороны, что мнѣ случалось бесѣдовать съ Вами и о предметахъ, неимѣющихъ ничего общаго съ Вашими добродѣтелями и заслугами, я увѣренъ, что никто не сочтетъ меня теперь за льстеца. Привѣтъ Вамъ, дорогой, великій поэтъ и другъ, и да благословитъ Васъ Богъ! — —Жена моя кланяется Вамъ. Спасибо! Всего хорошаго! Вашъ благодарный другъ *Бъёрнст. Бъёрнсонъ.*

Римъ 16 февраля 1862 г. Piazza Barberini.

Дорогой Андерсенъ! Позвольте мнѣ пользоваться той же тонкой бумагой; буду писать лишь на одной страницѣ и постараюсь писать возможно разборчивѣе, а Вы, передъ тѣмъ какъ читать, вложите въ письмо листъ чистой бумаги. Спасибо за Ваше письмо! Ваши письма всегда встрѣчаешь съ спокойнымъ сердцемъ: какъ бы тамъ ни смѣнялись у Васъ настроенія, сердце и характеръ Ваши остаются неизмѣнными, не такъ, какъ у большинства людей. Я едва начну читать какое нибудь Ваше письмо, сейчасъ вижу предъ собой Вашу мгновенную ясную улыбку, а въ каждомъ словѣ слышу ровное, здоровое біеніе Вашего сердца. Видно, что впечатлѣнія просто обгоняютъ въ Вашей душѣ другъ друга, но искренность чувства, съ которымъ они воспринимаются, не позволяетъ намъ забывать ихъ, и разъ они сосредоточиваются на какомъ нибудь отдѣльномъ лицѣ или дѣлѣ, мы получаемъ о нихъ самое ясное опредѣленное представленіе и невольно чувствуемъ, насколько Вы сами въ данную минуту были проникнуты занимавшимъ Васъ предметомъ.

Я очень радъ, что принадлежу теперь къ той цѣпи Вашихъ друзей, которымъ навсегда отведено мѣсто въ Вашемъ сердцѣ и фантазіи. Я нарочно прибавляю послѣднее слово, т. к. имѣлъ случай замѣтить, что воспринятіе Вами какого нибудь образа не обусловливается лишь Вашимъ желаніемъ

ткнуть его на свое мѣсто въ книгѣ, нѣтъ, Вы сначала разсматриваете его со всѣхъ сторонъ, *пока онъ не дастъ Вамъ* кое-чего новаго, не замѣченнаго Вами прежде или чего нибудь такого, о чемъ Вамъ пріятно вспоминать.— —

Ваши новые разсказы и сказки истинная для меня благодать. Скажу Вамъ теперь откровенно, что думаю о нихъ. «*Улитка и розовый кустъ*» стоитъ на ряду съ наилучшимъ изъ всего, что Вы написали. Я только желалъ бы, чтобы она заканчивалась словами: «Вотъ мои воспоминанія; въ нихъ — моя жизнь!» Остальное только какъ-то затушевываетъ это дивное заключеніе.—«*Мотылекъ*» тоже одинъ изъ окрыленныхъ Вами шедевровъ, которымъ нѣтъ, однако, нужды вновь стать коконами, пережить осень и затѣмъ снова пробудиться къ жизни,—они безсмертны, какъ они есть. «*Психея*» произвела на меня сильное впечатлѣніе, но она не изъ тѣхъ сказокъ, которыя хочется перечитывать. Начало «*Дѣвы льдовъ*» это—ликующіе звуки пѣсни, раздающейся въ воздухѣ, смѣхъ, игра зелени и голубого неба, пестрота швейцарскихъ домиковъ. Вы нарисовали тутъ такого молодца, что я бы хотѣлъ себѣ такого брата. А вся обстановка—и Бабетта, и мельникъ, и кошки, и та, что преслѣдовала его въ горахъ, заглядывала ему въ глаза! Я былъ восхищенъ до того, что у меня ежеминутно вырывались возгласы одобренія, и я даже принужденъ былъ не разъ пріостанавливаться. Но милый, добрый другъ! Какъ это у Васъ хватило духа разбить передъ нами эту чудную картину въ дребезги! Мысль, что двое людей должны быть разлучены въ моментъ наивысшаго счастья, положенная Вами въ основу развязки, поразительна, ниспослана Вамъ свыше; она налетаетъ на насъ, какъ вихрь, взбудораживающій ровную поверхность воды, и заставляетъ насъ прозрѣть, что въ душѣ этихъ людей жило нѣчто, подготовившее гибель ихъ счастья. Все это такъ, но какъ Вы могли поступить такъ *съ этой парочкой!* Можетъ быть, впрочемъ, я проявляю тутъ нравственное малодушіе; можетъ быть, я заступился бы въ подобномъ случаѣ за всякихъ людей. Позволяю себѣ, однако, думать, что Вы могли бы описать намъ ихъ прежнюю жизнь и такъ, чтобы смерть представилась намъ какъ бы *продолженіемъ* ихъ счастья, а не жестокимъ разрушеніемъ. Примѣръ «*Дочь болотнаго царя*». Тамъ смерть является, вѣдь, истинной благодатью! Допускаю, что въ послѣдней сказкѣ героиня сама пожелала себѣ смерти, хотя и безсознательно; молодые же люди въ «*Дѣвѣ льдовъ*» не только не могли питать такого желанія, но, напротивъ, при одной мысли о смерти и ихъ, и особенно ихъ родителей, долженъ былъ охватывать ужасъ. Но если Вы справились съ одной задачей, то справились бы и съ другой такъ, чтобы мы могли за ужасомъ смерти видѣть Бога, за облаками—ясное небо и вѣчное блаженство. А теперь мы знай твердимъ свое: Зачѣмъ понадобилось автору разлучить этихъ двухъ невинныхъ людей? Зачѣмъ именно ихъ? Это такія ясныя, цѣльныя натуры, что въ нихъ, кажется, не нашлось бы ще-

лочки, въ которую могъ бы протискаться грѣхъ, — такъ за что же губить ихъ?—Ваши описанія Швейцарской природы таковы, что я вообще не знаю подобныхъ, принадлежащихъ перу сѣверянина, и теперь я твердо обѣщалъ самому себѣ поѣхать въ Швейцарію. Но вотъ, мнѣ кажется, что въ послѣдней части разсказа (съ того пункта, гдѣ выступаетъ англичанинъ) описаніе обстановки выступаетъ какъ-то черезчуръ самостоятельно, не вызываясь самымъ ходомъ дѣйствія; но, и то сказать, *для насъ* это описаніе представляетъ интересъ новизны, *для другихъ* — воспоминанія, и такимъ образомъ всетаки хорошо, что Вы дали намъ его. — Затѣмъ я прочелъ въ календарѣ Вашу сказку «*Серебряная монетка*» и много смѣялся надъ ней; въ ней много юмора, но она, по моему, нѣсколько растянута.

Теперь я высказалъ Вамъ откровенно, что думаю о Вашихъ сказкахъ, и Вы видите, что имѣете во мнѣ и очень внимательнаго и очень благодарнаго читателя. Если я и сдѣлалъ кое-какія замѣчанія, то лишь въ качествѣ «товарища по оружію»; наслажденіе же онѣ вообще доставили мнѣ громадное. Мы часто читали Ваши сказки въ нашемъ кружкѣ, особенно по субботамъ и на Рождествѣ. Рихардъ [19]) превосходно читаетъ Ваши сказки, разсказовъ же онъ не умѣетъ читать, ихъ приходится читать мнѣ. — —

Милый, милый Андерсенъ! Какъ я люблю Васъ! Я былъ убѣжденъ, что Вы и не совсѣмъ понимаете, и не совсѣмъ долюбливаете меня, хотя и желаете этого по своей сердечной добротѣ. Теперь же вижу, что пріятно ошибся, и это еще увеличиваетъ мою любовь къ Вамъ. Тысячу поклоновъ всѣмъ друзьямъ, а еще больше Вамъ самимъ! Вашъ *Б.*

Парижъ, 5 марта 1863 г.

Дорогой Андерсенъ! Прошу Васъ быть дома завтра, въ пятницу, въ 12 час.,—къ Вамъ придутъ подъ моимъ предводительствомъ нѣкіе скандинавы—по важному дѣлу.

Бояться Вамъ, впрочемъ, нечего; дѣло идетъ не о вызовѣ. Вашъ другъ *Бъёрнст. Бъёрнсонъ.*

Парижъ 10 марта 1863 г.

Дорогой Андерсенъ!

Церемоніалъ.

1) Завтра вечеромъ Вы изволите *наѣсться досыта* прежде чѣмъ идти къ намъ; у насъ Вамъ не дадутъ ничего.

2) Изволите сидѣть дома и ждать до 8 ч., пока за Вами не явится господинъ изъ комитета и экипажъ.

3) Больше ничего. Вашъ *Бъёрнсонъ.*

Христіанія, 9 мая 1864 г.

Дорогой Андерсенъ! Ваше доброе сердце, Ваше честное и искреннее участье, которое Вы принимаете во всемъ, что теперь занимаетъ насъ всѣхъ,

мнѣ очень дороги, и я сейчасъ же отвѣчу Вамъ на Ваше письмо. Да и диво, если бы это время не сблизило насъ еще больше прежняго. Теперь на первый планъ выступаютъ люди съ сердцемъ. Слабыя, мягкія души вооружаются мужествомъ, становятся великими, а ноющія великія знаменитости— до того мельчаютъ, что, право, трудно не презирать ихъ.

Спасибо за Ваше письмо, спасибо за Ваше стихотвореніе въ «*Dagbladet*». Я не могу читать Вашихъ патріотическихъ пѣсенъ безъ слезъ. Подобнаго умѣнія воспринимать въ себя горе и надежды цѣлаго народа, я еще не видывалъ. Въ сущности это только простые вопли, невольно вырывающіеся изъ души у всѣхъ, но у Васъ они возносятся на крылахъ гармоніи къ вѣчному источнику добра. А разъ Вы надѣлены этимъ даромъ, значитъ и въ самомъ народѣ есть жизненная сила, которую не сломить! Разъ *одному* дано найти возвышающія душу выраженія для горя и надежды всего народа, то значитъ этотъ народъ и не можетъ ни погибнуть отъ горя, ни проститься съ надеждой!

И вы, датчане, совершаете великія дѣла, а мы не съ вами! Одна мысль объ этомъ заставляетъ меня сгорать со стыда и въ то же время—завидовать вамъ. До чего, вѣдь, не дойдетъ народъ, подвергнутый такимъ испытаніямъ! Какими гигантскими шагами долженъ онъ идти впередъ, перегнавъ насъ остальныхъ! — — Что же, однако, случилось съ Вами лично? Отчего письмо Ваше дышитъ такой грустью? Вы что-то не договариваете въ немъ, а только намекаете. — —

Знали бы вы, какъ норвежцы рвутся помочь вамъ! Но военный министръ запретилъ имъ поступать въ ваше войско! — — О томъ, какое движеніе охватило нашъ народъ, лучше всего можно заключить изъ того, что большинство добровольцевъ было изъ крестьянъ. — —

Душевно радъ, если это я отчасти причиной, что Вы теперь пишете комедіи. Я съ удовольствіемъ прочелъ «*На Длинномъ мосту*». Тонъ въ ней выдержанъ прекрасно. Я только ожидалъ встрѣтить въ ней тѣ же характерныя черты, которыми изобилуютъ Ваши сказки; впрочемъ, пьеса эта лишь передѣлка. Очень любопытно мнѣ познакомиться съ новой Вашей комедіей; она, видно, имѣла большой успѣхъ, судя по тому, что о ней отзываются хорошо не однѣ газеты.

Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что я съ осени вступаю въ управленіе дѣлами здѣшняго театра. Мнѣ надо заниматься еще чѣмъ нибудь кромѣ литературы. — — Повторяю Вамъ свое приглашеніе пріѣхать къ намъ погостить нынѣшнимъ лѣтомъ. Поѣздка сюда теперь такъ дешево стоитъ, а если Вамъ вздумается еще предпринять небольшія экскурсіи, то, я думаю, что Христіанія и ея окрестности представятъ для Васъ немало интереснаго. Постараемся повеселить и отблагодарить Васъ за все то прекрасное, что Вы дали намъ, и подкрѣпить въ Васъ желаніе продолжать трудиться въ то

время, какъ солдаты наши пойдутъ съ вашими. Ваше посѣщеніе оживитъ наши бесѣды и, главное, заставитъ датчанъ и норвежцевъ лучше понимать другъ друга!

Скажу, однако, что если наши не пойдутъ на помощь вашимъ, то пройдетъ много лѣтъ, прежде чѣмъ я рѣшусь вновь посѣтить Данію. Жена моя говоритъ то же. — —

1 іюня.

Вотъ уже почти мѣсяцъ какъ это письмо лежитъ у меня, — вотъ я каковъ! Разъ я отвелъ душу въ бесѣдѣ съ Вами, до остальнаго мнѣ мало дѣла. Надо же, однако, дописать письмо и отправить! Чего-чего ни случилось съ 9-го мая! Датчане успѣли подраться подъ Гельголандомъ и поучить австрійцевъ морскому дѣлу; три дня спустя, заключили перемиріе! Затѣмъ куча предложеній! Но знайте, если война снова разгорится, земляки мои пойдутъ за вами. Иначе и быть не можетъ; не сомнѣвайтесь ни на минуту!

Прочелъ я Вашу новую пьесу [20]). Меня положительно поражаетъ изящество слога, тонкость психологіи и яркость характеристикъ, достигаемая парой другой мелкихъ штриховъ; самая же завязка нѣсколько жидковата, но вмѣстѣ съ тѣмъ и настолько проста, что мало кто обратитъ на это вниманіе. Вообще премилая вещь! Если нѣкоторыя отдѣльныя лица и мало или вовсе не причастны къ самой развязкѣ пьесы, то мы охотно простимъ Вамъ это, только бы Вы пообѣщали дать намъ еще и еще что нибудь! Давайте! Радуйте насъ, радуйте себя! И не ломайте себѣ слишкомъ головы надъ разными техническими тонкостями, требованіями сцены, давайте намъ характеры, давайте волю своему остроумію, и все остальное округлится само собой.

Вчера я принималъ участіе въ основаніи «Скандинавскаго Союза», вѣрнѣе—противился его основанію изо всѣхъ силъ. Время не подходящее. Теперь не болтовня нужна. И я отъ всей души ненавижу нѣмецкую закваску этихъ вѣчныхъ «Союзовъ»! У насъ она можетъ принести только вредъ. А, вѣдь, сколько есть людей, которые воображаютъ, что *дѣйствуютъ*, разъ состоятъ членами разныхъ «союзовъ», слушаютъ и произносятъ разныя рѣчи; имъ все это кажется «дѣломъ», а между тѣмъ все это ни къ чему и можетъ лишь вредить настоящему дѣлу.— —Теперь все дѣло въ томъ, чтобы встать всѣмъ, какъ одинъ человѣкъ, и спасти Данію. А тамъ, можетъ статься, придетъ пора и для осуществленія идеи, пора союзовъ. — — —
Вашъ *Бьёрнстьерне Б.*

Отъ адмиральши Генріетты Вульфъ.

Морской корпусъ 15 ноября 1823 г.

Любезный Андерсенъ! Очень благодарю Васъ за два послѣднихъ письма и за сердечное сожалѣніе, которое Вы выражаете, предполагая, что или мы

больны, или я сержусь на Васъ. Нѣтъ, милый мой! Ваше прилежаніе и вниманіе могутъ Вамъ ручаться, что друзья Ваши, зная вообще молодыхъ людей, не станутъ сердиться на Васъ. Если у Васъ и есть недостатки, то они всѣ объясняются невѣдѣніемъ, а въ такихъ недостаткахъ повинны почти всѣ мы, хотя и по разному, и въ такихъ случаяхъ старшимъ надо не сердиться на насъ, но помочь намъ исправиться. Поэтому-то, милый мой, я и хочу побесѣдовать съ Вами поподробнѣе по поводу одного Вашего недостатка, отъ котораго Вамъ непремѣнно надо освободиться, такъ какъ онъ очень вредитъ Вамъ.—Вы забрали себѣ въ голову, милый мой, что Вы призваны къ великой дѣятельности. Величайшее призваніе человѣка это — сдѣлаться честнымъ и полезнымъ членомъ общества и государства, все равно какое бы положеніе въ жизни онъ ни занималъ. Вы воображаете, что изъ Васъ выйдетъ великій поэтъ. Нѣтъ, такимъ Вамъ не быть, нечего Вамъ и думать объ этомъ. Природа надѣлила Васъ здравымъ умомъ, но ребенкомъ Вы росли безъ всякаго призора, когда же достигли такого возраста, въ которомъ могли проявить свои природныя способности, и люди нашли, что жаль дать погибнуть тому хорошему, что есть въ Васъ, стали хвалить Васъ и кое-что сдѣлали для Васъ, Вы составили себѣ—не скажу слишкомъ большое, но слишкомъ выспреннее представленіе о своихъ способностяхъ и дарованіяхъ. Добро бы Вы еще мечтали только о своихъ способностяхъ къ ученію,—въ этомъ отношеніи Вы дѣйствительно обладаете большими способностями, а Ваше прилежаніе достойно всякихъ похвалъ— но Вы мечтаете о своихъ великихъ поэтическихъ дарованіяхъ. Между тѣмъ Ваши стихи однообразны, идеи и образы безпрестанно повторяются, а если Вы забираетесь въ высшія сферы, то—простите матери,—я, вѣдь, говорю съ Вами сейчасъ какъ мать—Вы впадаете въ выспренность и въ ложный паѳосъ. Талантъ Вашъ сказывается только въ юмористическихъ разсказахъ въ прозѣ, и это нахожу не я одна, но многіе, съ кѣмъ я говорила по этому поводу. Вообще, милый Андерсенъ, пожалуйста не воображайте себя ни Эленшлегеромъ, ни Вальтеромъ Скоттомъ, ни Шекспиромъ, ни Гёте, ни Шиллеромъ и никогда не спрашивайте, по стопамъ котораго изъ нихъ Вамъ лучше идти. Ни однимъ изъ нихъ Вамъ не быть! Такое черезчуръ смѣлое и тщетное стремленіе легко можетъ совсѣмъ погубить тѣ добрые, здоровые зачатки, которые есть въ Васъ и которые обѣщаютъ, что изъ Васъ выйдетъ полезный и дѣльный человѣкъ. Не думайте, милый мой, что я слишкомъ строга къ Вамъ или выражаюсь слишкомъ рѣзко. Я часто бесѣдовала о Васъ со многими Вашими друзьями, и всѣ согласны, что Ваше неправильное представленіе о поэзіи крайне вредитъ Вамъ; только никто не хочетъ сказать Вамъ этого. Получивъ же Ваше послѣднее письмо, я рѣшилась, вмѣнила себѣ въ долгъ сдѣлать это. — — Поскорѣе дайте о себѣ вѣсточку, любезный А. Всѣ мы шлемъ Вамъ сердечный привѣтъ и пожеланія всего лучшаго. *Генріетта Вульфъ.*

Морской корпусъ 4 сентября 1824 г.

Любезный Андерсенъ! Изъ Вашего послѣдняго письма я вижу, что Вы продолжаете быть недовольнымъ. Ваши друзья, по пословицѣ, проповѣдуютъ глухому. Ни дружескія ободряющія письма Коллина, ни тѣ, что пишутъ Вамъ оба Гульберга, не имѣютъ на Васъ никакого воздѣйствія. Если Вы вообще обязаны уважать свое начальство, такъ должны также слушаться своего ректора, какъ бы онъ тамъ ни чудилъ. Вамъ нужно молчать и слушать, находя успокоеніе въ сознаніи, что Вы не заслуживаете его грубаго обращенія, которымъ онъ больше унижаетъ себя, чѣмъ Васъ. —— Правда, что Богъ, какъ Вы говорите, Ваша лучшая опора и надежда,— Онъ опора и надежда и для всѣхъ—но Онъ самъ такъ устроилъ, что помогаетъ людямъ черезъ людей же, и всѣ Ваши горячія увѣренія, что Вы одиноки, что Вамъ не на кого опереться, кромѣ Бога, что Вамъ не житье на землѣ, показываютъ только, что Вы не умѣете цѣнить того, что дѣлаютъ для Васъ. Къ чему такая выспренность, милый мой? Смотрите на дѣло проще, идите своей дорогой тихо, спокойно, какъ другіе молодые люди. Кончайте училище; Вы, можетъ быть, и не такой ужъ яркій свѣточъ, какимъ Вы себя, пожалуй, воображали, но и не безмозглый, глупый человѣкъ, какимъ обзываетъ Васъ ректоръ, а за нимъ и Вы сами себя. Вы хорошій человѣкъ, съ хорошими природными способностями, нѣсколько запоздавшій начать ученье, но тѣмъ не менѣе обѣщающій выработаться въ дѣльнаго и полезнаго гражданина. Министра изъ Васъ не выйдетъ, перваго поэта Даніи тоже, но во всякомъ случаѣ незачѣмъ Вамъ быть и сапожникомъ или портнымъ; развѣ не существуютъ сотни сотенъ другихъ занятій? И я увѣрена, что Ваша мать радовалась бы на Васъ, если бы Вы сами не волновали ее своими чрезмѣрными жалобами, которыхъ она, пожалуй, даже не можетъ взять въ толкъ. Вы должны запастись спокойствіемъ и бодростью духа; этимъ Вы поддержите свое здоровье и тогда скорѣе выберетесь на дорогу. На свѣтѣ нѣтъ такого человѣка, который бы такъ или иначе не нуждался въ помощи другихъ людей, поэтому любезный, А., вспомоществованіе, которое Вы получаете—да еще отъ отца страны — никакъ не можетъ уронить Вашего достоинства. Отъ него мы всѣ можемъ принять помощь, не краснѣя; сдѣлаться же достойнымъ милости и счастья, которыя онъ даруетъ безконечно многимъ и кромѣ Васъ, Вы можете только посредствомъ усидчиваго труда и прилежанія. Не знаю, что Вы подразумѣваете подъ *великою цѣлью*, о которой такъ часто говорите; оставаться тѣмъ же хорошимъ, безпорочнымъ человѣкомъ, каковъ Вы теперь, и сдѣлаться полезнымъ членомъ общества, вотъ что, по моему, должно быть единственной Вашей цѣлью, а ея Вы съ Божьей помощью и достигнете, если сами будете трудиться смирно и спокойно. — Желаю Вамъ успѣшно сдать предстоящій экзаменъ, любезный А.; немедленно сообщите намъ результатъ; всѣ

мы принимаемъ въ Васъ живое участіе и шлемъ Вамъ привѣтъ. *Генріетта Вульфъ.*

Морской корпусъ 4 января 1827 г.

Любезный Андерсенъ! Спасибо за Ваше письмецо, которое Вы прислали по возвращеніи. — — Вамъ теперь, конечно, приходится солоно, какъ и всѣмъ другимъ ученикамъ: не очень-то пріятно послѣ каникулъ, полной свободы и житья среди родныхъ и друзей, вновь вернуться къ чужимъ людямъ, среди которыхъ многимъ живется плохо какъ и Вамъ, въ училище, гдѣ надо сидѣть и долбить сухія грамматическія правила живыхъ и мертвыхъ языковъ. Будь Вы малолѣтнимъ, я бы, право, безъ обиняковъ указала Вамъ на недостатки, отъ которыхъ Вамъ непремѣнно нужно избавиться къ тому времени, какъ Вы опять пріѣдете къ намъ. Намекать я намекала Вамъ тысячу разъ, но ровно ничего не добилась этимъ, а между тѣмъ Вы теперь уже въ такомъ возрастѣ, что пора Вамъ избавиться отъ нихъ и перестать смѣшить людей. Да, пора Вамъ возбуждать къ себѣ не одно участіе, но и уваженіе. Ваша поэзія, а также и проза—однообразное нытье. Будьте человѣкомъ, сильнымъ и духомъ и тѣломъ! Не думайте постоянно о себѣ самомъ, — это вредитъ и духу и тѣлу — а прежде всего не говорите такъ много о себѣ и не выступайте такъ часто въ качествѣ пѣвца или декламатора, вообще умѣрьте свой пылъ. Позвольте мнѣ сказать Вамъ, что Вы плохо читаете по-нѣмецки, а еще хуже по-датски, что Вы и читаете и декламируете аффектированно, тогда какъ воображаете, что читаете съ чувствомъ и выраженіемъ. Приходится быть настолько жестокой, чтобы сказать Вамъ: всѣ смѣются надъ Вами, а Вы не замѣчаете! Я не могу больше молчать, не могу не обратить Вашего вниманія, любезный А., на необходимость избавиться отъ этихъ слабостей. Ваше доброе благородное сердце не заслуживаетъ, чтобы надъ нимъ насмѣхались. Я часто порывалась сказать Вамъ все это, пока Вы гостили здѣсь, но все не могла рѣшиться. Да и Васъ, пожалуй, больше сконфузило бы устное увѣщаніе, чѣмъ письменное. Ужъ я столько разъ и устно и письменно дѣлала Вамъ намеки, но Вы были такъ заняты собою, что не понимали ихъ. Но, какъ сказано, милый мой, я теперь рѣшилась положить этому конецъ, ради Васъ же самихъ. Согласитесь, что вовсе непріятно говорить другимъ непріятности и огорчать людей, которыхъ любишь, но я жертвую всѣми этими церемоніями ради Вашего блага. Ради Бога, проснитесь, любезный А., и не мечтайте о безсмертіи,—пока это возбуждаетъ лишь смѣхъ. Не мечтайте о лаврахъ поэта, о вступленіи въ кругъ великихъ людей, — Вы еще менѣе достойны этого, нежели благородный, но далеко не великій Ингеманъ. Благодарите Бога за то, что Вамъ доставили возможность учиться, образовать свой умъ, научиться понимать прекрасное и великое и докажите, что мои увѣщанія подѣйствовали на Васъ, прежде всего тѣмъ, что примите ихъ спокойно,

не мечитесь, не ударяйте себя по лбу и не охайте и не ахайте изъ-за того, что не можете достигнуть *великой цѣли*, къ которой стремитесь. Помните слова Ингемана: «Важнѣе всего быть мастеромъ своего дѣла, какъ бы скромно оно ни было»; онъ глубоко правъ. А теперь надѣюсь, что я, хоть и насильно, открыла Вамъ глаза. Надѣюсь также, что Вы скоро научитесь различать—руководитъ-ли слушателями Вашими искреннее доброжелательство или желаніе позабавиться надъ Вами. Послѣдуйте моимъ совѣтамъ, и я надѣюсь, что Вы и этотъ годъ и много слѣдующихъ проведете счастливо. Я не замедлю высказать Вамъ свое одобреніе, какъ выразила сейчасъ свое неудовольствіе. И помните, что я всетаки высоко цѣню и Ваше благородное чистое сердце и дарованныя Вамъ отъ Бога способности, но Вы не должны злоупотреблять ими; помните, что настанетъ день, когда всѣмъ намъ придется дать отчетъ въ довѣренныхъ намъ талантахъ. Искренне преданная Вамъ *Генріетта Вульфъ*.

Морской корпусъ, 8 марта 1827 г.

Милый, любезный Андерсенъ, придите въ себя! Почему «все пропало»? Вооружитесь спокойствіемъ, пока г. Коллинъ не сообщитъ Вамъ своего рѣшенія. По правдѣ сказать, я начинаю опасаться, что Вы, милый мой, ужъ черезчуръ злоупотребляете его терпѣніемъ. Если бы Вы вмѣсто того, чтобы вѣчно докучать ему своими — извините — вздорными жалобами, прямо и ясно съ достоинствомъ изложили ему свое положеніе, онъ бы не замедлилъ помочь Вамъ, а то у Васъ столько различныхъ плановъ и Вы такъ мечетесь изъ стороны въ сторону, что ему трудно даже сообразить, что́ Вамъ собственно нужно. Если Вы раздумали идти по тому пути, на который попали, если у Васъ есть въ виду другой, то скажите ему откровенно, онъ вѣрно не станетъ стѣснять Васъ. Что же до «*Альфсоля*» [21]), то будьте спокойны,—авторъ его, вѣдь, г. Вальтеръ, и если и будутъ рецензіи, то Васъ онѣ не коснутся. — —И ради Бога, милый мой, не отравляйте *себѣ самому* жизни своими вѣчными жалобами на *себя самого*. Неужели Вы не можете поменьше думать о *себѣ самомъ?* Поймите, что такимъ путемъ изъ Васъ никогда и не выйдетъ ничего, кромѣ *Васъ самихъ*. Вамъ, вѣрно, кажется, что я черезчуръ рѣзка, но какъ же иначе пробудить Васъ отъ Вашего крѣпкаго сна? Я понимаю, что Васъ пугаютъ слова Мейслинга, что «*Альфсоль*» сильно повредитъ Вамъ, но я Васъ сейчасъ еще больше испугаю, если скажу, что «ни одна душа не обратитъ на «*Альфсоля*» вниманія». Его опасенія въ сущности льстятъ Вамъ, тогда какъ мои слова Вамъ непріятны: привлечь на себя вниманіе куда, вѣдь, какъ пріятно! Да, сколько я ни стараюсь усадить Васъ на школьную скамейку, гдѣ, по моему, Вамъ всего полезнѣе и почетнѣе сидѣть, Вы все вырываетесь, Ваши шальныя идеи все уносятся куда-то, закусивъ удила,—не могу не побранить Васъ, ужъ очень Вы меня разсердили. Вы расписываете свое будущее, когда Ваши

друзья отступятся отъ Васъ, такими мрачными красками, что, право, можно подумать, будто Вы сами добиваетесь этого. Вѣдь, никто и не думаетъ бросать Васъ, запрещать Вамъ писать, приходить къ кому-либо изъ насъ и т. п., на что Вы тамъ жалуетесь. Этимъ Вы и въ самомъ дѣлѣ наскучите своимъ друзьямъ, но я не могу допустить, чтобы это было Вамъ пріятно. И все это только послѣдствія того, что Вы вѣчно носитесь съ *самимъ собой* со своимъ *великимъ «я»*, воображаете себя будущимъ геніемъ. Милый мой, должны же Вы понимать, что всѣ эти мечты несбыточны, что Вы на ложной дорогѣ. Ну вдругъ бы я вообразила себя императрицей Бразильской, [22]) неужели бы я, увидя всю тщетность моихъ попытокъ увѣрить въ этомъ окружающихъ, не образумилась бы наконецъ и не сказала самой себѣ: «Ты госпожа Вульфъ, исполняй свой долгъ и не дурачься!» И неужели я не согласилась бы, что «лучше хорошо выполнять маленькую роль въ жизни, нежели плохо большую» только потому, что я сама забрала себѣ въ голову вздоръ? Прежде всего перестаньте добиваться, чтобы объ Васъ говорили, не придавайте этому такой цѣны, а ужъ тѣмъ болѣе не воображайте, что о Васъ дѣйствительно говорятъ.— —Всѣ кланяются Вамъ; я тоже и прошу Васъ, будьте благоразумнѣе. Желающая Вамъ добра *Генріетта Вульфъ.*

Отъ Гауха [23]).

Сорё, 25 августа 1835 г.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я Ваше письмо. Меня искренно радуетъ, что мое признаніе Вашего таланта, котораго я не могъ не оказать Вамъ, могло доставить Вамъ нѣкоторое удовольствіе. Теперь я не только цѣню Вашъ поэтическій талантъ, но и Ваше личное добродушіе. Искренно благодарю Васъ за присланную поэму «*Агнета и водяной*»; я нашелъ въ ней не мало блестковъ истинно-поэтическаго дарованія. Сказки же Ваши я еще не успѣлъ прочесть, но какъ прочту, постараюсь поскорѣе сообщить Вамъ свое мнѣніе о нихъ. Что же касается моего прежняго несправедливаго отношенія къ Вамъ, могу оправдывать себя лишь тѣмъ, что я не зналъ тогда Вашего прекраснаго, прочувствованнаго стихотворенія «*Умирающее дитя*». Знай я его, я бы, конечно, сразу составилъ себѣ о Васъ совершенно иное мнѣніе. Да, самое грустное для насъ, писателей, еще не то, что насъ несправедливо критикуютъ, преслѣдуютъ и терзаютъ люди безъ всякаго поэтическаго чутья и рецензенты-садовники, которые охотно бы подстригли садъ поэзіи по линейкѣ, не понимая, что высшій порядокъ вещей, сама природа заставляетъ дерево пускать отпрыски вольнѣе, чѣмъ это желательно ихъ ножницамъ. Какъ это ни грустно, еще грустнѣе, что часто насъ не понимаютъ даже и тѣ, отъ которыхъ мы, казалось, вправѣ были бы ожидать этого. Исторія литературы изобилуетъ примѣрами, указывающими намъ, что многіе, куда болѣе выдающіеся умы, чѣмъ я, судили о замѣчательныхъ талан-

тахъ вкривь и вкось. Для нашего обоюднаго утѣшенія намъ не мѣшаетъ порыться въ отзывахъ поэтовъ о поэтахъ же,—натолкнемся на поражающіе факты, увидимъ, что нельзя полагаться даже на судъ величайшихъ геніевъ. Какъ же тогда полагаться на судъ заурядныхъ критиковъ? Вотъ нѣсколько примѣровъ. Корнель во всю жизнь не понималъ и презиралъ Расина; Лессингъ и отчасти Гердеръ не цѣнили какъ слѣдуетъ Гете; Гёте—Тика, Эленшлегера, Вальтера Скотта и, за исключеніемъ Байрона, почти всѣхъ геніевъ, выступившихъ послѣ него самого. Шиллеръ не понималъ и презиралъ Гольберга, а его отвергала и презирала вся новѣйшая школа. Менцель и Бёрне (а они, вѣдь, люди съ крупными дарованіями) развѣнчивали Гёте, гдѣ только могли. Остроумный Лукіанъ называлъ Илліаду Гомера безжизненной сказкой. О Бульверѣ, первомъ романистѣ Англіи послѣ Вальтера Скотта, всѣ лучшіе англійскіе журналы много лѣтъ подъ рядъ отзывались какъ о самонадѣянномъ и бездарномъ шутѣ. Да если позволено будетъ послѣ разговора о такихъ великихъ людяхъ упомянуть о моей собственной незначительной персонѣ, то я открою Вамъ (но это должно остаться между нами, и я говорю это только для того, чтобы показать Вамъ свое довѣріе), что безпощадный, хотя и наврядъ-ли несправедливый, приговоръ Эленшлегера, который онъ произнесъ надъ моимъ раннимъ и неудачнымъ поэтическимъ произведеніемъ «*Розаура*», чуть-чуть не навсегда убилъ во мнѣ поэта. Семь лѣтъ я не писалъ ни строчки, и только во время долгой и очень опасной болѣзни моей (которая, какъ Вы знаете, окончилась тѣмъ, что я лишился ноги), муза опять посѣтила меня и буквально спасла мнѣ жизнь и въ духовномъ и въ физическомъ смыслѣ. Такъ вотъ какъ я вернулся къ поэзіи. Но чего бы я ни далъ, чтобы вновь вернуть всѣ тѣ поэтическія мысли и мечты, которыя зарождались во мнѣ въ лучшіе годы моей юности и которыя я всѣми силами и часто съ невыразимой болью подавлялъ въ себѣ. Въ этомъ случаѣ справедливый судъ подѣйствовалъ на меня губительнѣе, нежели могъ бы подѣйствовать самый пристрастный. Вѣдь, даже самый справедливый судья можетъ судить лишь о томъ, что онъ видитъ передъ собой, а не о томъ, что можетъ дать то же лицо въ будущемъ и что можно убить въ немъ однимъ суровымъ словомъ. Къ счастью, вообще скорѣе можно полагаться на похвалу, чѣмъ на порицаніе, разъ только первая вполнѣ искренняя. Нельзя искренно хвалить поэтическое произведеніе, если оно не затронуло нашу душу, наше сердце; порицаніе же чисто мозговой продуктъ. Но, конечно, я не возвожу всего сказаннаго въ правило, а лишь говорю, что такъ бываетъ чаще всего. Кромѣ того, критики по большей части занимаются въ своихъ рецензіяхъ самими собою и своимъ отношеніемъ къ произведенію, а не послѣднимъ. Пора, однако, кончить, не то письмо мое, пожалуй, обратится въ статью. Всего хорошаго и будьте увѣрены, что никто больше меня не убѣжденъ въ Вашемъ призваніи и не будетъ искреннѣе меня радоваться

Вашимъ успѣхамъ. — —Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностью Вашъ *К. Гаухъ*.

24 декабря 1835 г.

— —Сердечное спасибо за второй выпускъ сказокъ. Я ихъ прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Первая сказка (*«Лизокъ съ вершокъ»*) очень поэтична и содержательна, а *«Дорожный товарищъ»*, по моему, еще лучше. Вамъ пришла по истинѣ счастливая идея заставить отплатить бѣдняку Ивану за доброе дѣло—мертвеца. Описаніе ночного полета мертвеца и принцессы къ троллю полно фантастической красоты. Не мѣшало бы Вамъ только, по моему, пообстоятельнѣе объяснить, какимъ образомъ принцесса безъ всякой вины съ своей стороны подпала подъ власть тролля; это увеличило бы интересъ къ ней. Въ сказочкѣ *«Нехорошій мальчикъ»* Вы удачно разрѣшили задачу разсказать дѣтямъ что-нибудь забавное по ихъ вкусу, хотя настоящій-то смыслъ ея и можетъ быть понятенъ лишь взрослымъ. Вообще я ставлю эти три сказки гораздо выше тѣхъ, что появились въ первомъ выпускѣ. Заранѣе радуюсь предстоящему мнѣ удовольствію познакомиться съ Вашимъ новымъ романомъ; не сомнѣваюсь, что онъ хорошъ и что я найду въ немъ и фантазію и чувство, которыми Вы, на мой взглядъ, вообще надѣлены такъ щедро. Идите же смѣло по тому пути, на который вступили, старайтесь разрабатывать каждую данную тему такъ, чтобы она развилась какъ бы органически-естественно, и какъ истинный художникъ не стѣсняйтесь отбрасывать все лишнее, —какъ бы оно ни было красиво само по себѣ, оно всетаки можетъ только затемнить главную идею. Поступайте такъ, и я надѣюсь, что Васъ оцѣнятъ не только современники, но и будущія поколѣнія.— —Сердечно преданный Вамъ *К. Гаухъ*.

Сорё 4 марта 1836 г.

— — Я согласенъ съ Вами, что «ароматъ» (какъ Вы счастливо выразились) поэтическаго произведенія играетъ очень важную роль. Особенно примѣнимо это по отношенію къ цвѣтамъ, растущимъ въ саду романтизма. Но и съ цвѣтами поэзіи происходитъ то же, что съ обыкновенными: всего ароматнѣе дѣти ранней весны; напротивъ, тѣ, что расцвѣтаютъ осенью, хоть и бываютъ пышнѣе и богаче красками, уже лишены аромата, отчего роскошная георгина и уступаетъ скромной фіалкѣ. Сколько есть прекрасныхъ поэтическихъ произведеній, которыя, однако, не вполнѣ удовлетворяютъ насъ, и, вникнувъ въ дѣло хорошенько, поймешь, что намъ недостаетъ въ нихъ именно этого дивнаго, чудеснаго аромата. Впрочемъ, что понимаемъ мы, поэты! Вѣдь, современные истинные знатоки и критики находятъ, что ароматъ — пустякъ, что дѣло въ правильности лепестковъ, а главное въ рѣдкости, причудливости красокъ. Такой любитель-знатокъ побѣжитъ за тысячу миль ради некрасиваго, но рѣдкаго тюльпана и шагу не сдѣлаетъ, чтобы взглянуть на благоухающую розу. За тюльпаны и пла-

тятъ дороже чѣмъ за розы, и голландцы поэзіи торгуютъ ими на славу.— — Отъ души желаю, чтобы Вамъ (Вы, вѣдь, моложе меня) выпала лучшая доля, чѣмъ мнѣ, чтобы Вы дали еще много произведеній, которыя бы не только доставили удовольствіе публикѣ, но и милость фортуны Вамъ. Она, вѣдь, какъ извѣстно, плохо дружитъ съ Аполлономъ, а между тѣмъ поэты очень нуждаются въ ея милости. Повернетъ она имъ спину, и имъ за улыбки Аполлона приходится расплачиваться горькими лишеніями.

Очень радъ, что скоро выйдетъ новый Вашъ романъ. Желаю, чтобы онъ появился въ болѣе удачный моментъ, нежели мой. Въ данное время поэтическое произведеніе можетъ произвести такое же впечатлѣніе, какъ фейерверкъ днемъ. Мало того, что произведеніе отличается внутренними достоинствами, надо еще, чтобы оно появилось въ подходящій моментъ, а тутъ опять мы во власти г-жи Фортуны. Писатель можетъ лишь дать свой трудъ, но не воздѣйствовать на настроеніе читателей,—имъ всецѣло располагаетъ она. Число людей, способныхъ и желающихъ отрѣшиться отъ насущныхъ интересовъ минуты ради чуждаго имъ міра, какъ бы тамъ онъ ни былъ прекрасенъ, очень не велико. Большинство же, напротивъ, требуетъ отъ поэта, чтобы онъ пѣлъ имъ о томъ, что интересуетъ ихъ въ ежедневной будничной жизни. Въ эпоху увлеченія политикой и поэтъ долженъ, слѣдовательно, быть политическимъ писателемъ, и право, я думаю, что въ такое время какъ наше не стали бы слушать самого Аполлона, если бы онъ сталъ пѣть не о политикѣ.—Жена шлетъ вамъ дружескій привѣтъ. Истинный другъ Вашъ и преданный Вамъ *К. Гаухъ*.

Сорё. 8 января 1837 г.

— — Желаю Вамъ поскорѣе осуществить свое желаніе—попасть въ Германію! Что же до Вашихъ предчувствій скорой смерти, то—на нихъ мы поставимъ крестъ. Въ Ваши годы не такъ-то легко умираютъ, да кромѣ того, если поэтъ воистину воодушевленъ своей задачей, онъ не умретъ, пока не выполнитъ ее. Гердеръ на смертномъ одрѣ сказалъ: «Подайте мнѣ великую мысль, и я воскресну!»— —

Всѣ, кромѣ меня, здоровы; я сильно простудился. Жена шлетъ Вамъ дружескій привѣтъ. Вильямъ часто о Васъ вспоминаетъ; онъ очень любитъ Васъ. Скорѣе пріѣзжайте къ намъ въ Сорё! Глубоко преданный Вамъ *К. Гаухъ*.

Сорё 6 ноября 1837 г.

— — Ради Бога не отчаивайтесь! Всетаки Вамъ дано безконечно много въ сравненіи съ другими. И не думайте, наконецъ, что, достигнувъ хотя бы и высшаго земного счастья, Вы будете воистину счастливы. Помните, что Ваша внутренняя тоска навѣяна Вашимъ геніемъ; она-то именно и придаетъ Вашимъ пѣснямъ красоту и колоритъ, такъ не старайтесь же отдѣлаться отъ нея. Всѣ мы должны примириться съ невозможностью достичь на землѣ

высшаго блага, что же касается земныхъ благъ, то Вамъ слѣдуетъ вспомнить, что Провидѣніе вело Васъ до сихъ поръ къ нимъ самыми удивительными путями, слѣдовательно, Вы можете спокойно довѣряться ему и впредь. Вамъ нечего и сравнивать свою судьбу съ судьбой Вашего скрипача, хоть Вы и испытали подобныя же лишенія и горькую нужду. Между вами огромная разница: ему такъ никогда и не удалось показать свѣту сокровищъ своей души, а Вамъ уже удалось вывести на свѣтъ Божій порядочную долю ихъ. Наконецъ, замѣчу Вамъ, что и всѣ истинные поэты могутъ сказать словами Гёте: «Was ich litt und was ich lebte, sind hier Blumen nur im Strausz» (Все, что я перестрадалъ и пережилъ, является здѣсь только цвѣтами въ букетѣ). Именно страданіями-то и обусловливаются правдивость и оригинальность, отличающія всякое истинно поэтическое произведеніе. — — Вашъ преданный другъ *К. Гаухъ.*

Сорё 24 октября 1840 г.

Милый дорогой Андерсенъ! Какъ мнѣ жаль, что намъ не удалось повидаться передъ Вашимъ отъѣздомъ,—Вы уѣхали въ такомъ печальномъ настроеніи. Намъ, поэтамъ, приходится по милости нашей слишкомъ развитой фантазіи страдать отъ всевозможныхъ обидъ сильнѣе, чѣмъ всѣмъ прочимъ людямъ: зеркало нашей фантазіи часто отражаетъ всѣ эти обиды въ увеличенномъ видѣ.—Но всеобщее признаніе Вашего таланта, которое Вы встрѣтите въ Германіи, скоро залѣчитъ и большія и маленькія раны, нанесенныя Вамъ на родинѣ. Вообще же (позвольте мнѣ, старику, тоже испытавшему въ жизни много невзгодъ, сказать Вамъ это) Вамъ надо учиться искать удовлетворенія и утѣшенія въ себѣ самомъ, а не внѣ. До тѣхъ поръ, пока Вы будете придавать слишкомъ большое значеніе мимолетнымъ похваламъ капризнаго свѣта и трубному гласу газетъ, Вамъ нечего и думать обрѣсти истинный душевный миръ, свойственный истинному поэту. Довольство и награду себѣ Вы должны почерпать въ тайникахъ Вашей собственной души, переполненныхъ сокровищами поэтическаго міра. Разъ мы сознаемъ сами, что душа наша оскудѣла, насъ не въ состояніи обогатить никакія похвалы въ мірѣ, если же мы сознаемъ, что мы богаты истинными сокровищами души, что намъ легко вознестись на крыльяхъ музы, мы и становимся выше всякихъ порицаній и насмѣшекъ. Вы обладаете слишкомъ крупнымъ талантомъ, чтобы не сумѣть стать выше минуты; уйдите съ головой въ свой трудъ и не столько заботьтесь стяжать похвалы, сколько заслужить ихъ, а тогда и все остальное придетъ само собою. Вы, вѣдь, не изъ тѣхъ поэтовъ, что видятъ въ поэзіи лишь средство для достиженія тѣхъ или другихъ постороннихъ цѣлей; Вы не только добросовѣстно трудитесь, но живете и дышите своими поэтическими трудами, думаете о нихъ день и ночь, такъ неужели такой богатый источникъ блаженства не можетъ съ лихвой вознаградить Васъ за всякія горькія лишенія. Вы родились власте-

линомъ своей области поэзіи, зачѣмъ же Вы сами хотите умалить свое достоинство? Стоитъ ли отчаиваться изъ-за того, что nicht alle Iugendträume reiften (не всѣ мечты молодости сбылись)? Впрочемъ, это пройдетъ: душа поэта отличается удивительной гибкостью и упругостью, выпрямляется, какъ бы ее ни угнетали. — — Искренно, всѣмъ сердцемъ преданный Вамъ *К. Гаухъ.*

20 ноября 1843 г.

Милый, дорогой Андерсенъ! сердечно благодарю Васъ за дорогой подарокъ; я прочелъ его съ такимъ удовольствіемъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на меня послѣдній разсказъ «*Безобразный утенокъ*». По моему, это одна изъ наилучшихъ Вашихъ сказокъ, и я считаю ее даже классической въ своемъ родѣ. Она совершенна и сама по себѣ, и мораль вытекаетъ изъ нея вполнѣ свободно, естественно. Она дышитъ глубокою правдою, и страданія бѣднаго лебедя, попавшаго въ общество ниже себя, обрисованы въ немногихъ, но очень яркихъ и типичныхъ чертахъ. Исторія о котѣ и курицѣ, причислявшихъ себя къ лучшей половинѣ міра и презиравшихъ все остальное, что не умѣетъ мурлыкать или нести яйца, повторяется постоянно и повсюду. Слова же «не бѣда родиться въ утиномъ гнѣздѣ, если вылупился изъ лебединаго яйца» такъ и просятся стать пословицей, если только это уже не пословица [24]). Поздравляю съ этимъ разсказомъ и Васъ и насъ. Давайте намъ побольше такихъ! — «*Ангелъ*» также прекрасенъ, «*Парочка*», презабавна, «*Соловей*» нравится мнѣ меньше, но «*Безобразный утенокъ*» — верхъ всего! — — Дружески преданный *К. Гаухъ.*

30 апрѣля 1851 г.

Я обѣщалъ написать Вамъ нѣсколько словъ о Вашей послѣдней книгѣ («*По Швеціи*»), которую Вы были такъ добры прислать мнѣ. Я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ и не скрою отъ Васъ, что эта книга нравится мнѣ больше Вашего «*Базара*», именно потому, что Вы въ ней не такъ разбрасываетесь. Здѣсь всѣ лучи Вашей фантазіи и чувства являются какъ бы сосредоточенными въ одномъ фокусѣ, и такъ какъ имъ кромѣ того приходится освѣщать меньшее пространство, то они сильно и выигрываютъ въ яркости и интенсивности. Эта книга именно такова, какою она, по моему, и должна быть; она отъ начала до конца проникнута тѣмъ духомъ, который отличаетъ Швецію, и Вы сумѣли понять и схватить его со всей свѣжестью и живостью своей воспріимчивости. Меня такъ радуетъ, что Вы продолжаете сохранять то, что я считаю отличительной чертой истиннаго поэта — неувядаемую свѣжесть и юность духа, не поддающуюся времени. Надѣюсь, что Вы сохраните эту юность духа и до старости, до того крайняго предѣла жизни, когда на насъ налагаетъ руку смерть и когда наша внѣшняя земная оболочка уносится волнами Леты. Вообще же поэты не рѣдко

дряхлѣютъ и изнашиваются духовно еще прежде, чѣмъ кончится ихъ физическое лѣто. Но Аполлонъ-то вѣчно юнъ, и истинные его избранники и остаются юношески свѣжими духовно, несмотря на отпечатокъ, налагаемый временемъ на внѣшнюю оболочку ихъ духа. Состарѣться же духовно для поэта то же, что перестать быть поэтомъ, но Вамъ этого, по моему, нечего бояться! — — Съ истиннымъ уваженіемъ дружески преданный Вамъ *К. Гаухъ*.

9 іюля 1855 г.

— — Изъ «*Сказки моей жизни*» я успѣлъ прочесть лишь кое-какіе отрывки и подробную бесѣду о ней отлагаю, пока не прочту ее всю. Но насколько могу судить теперь же, книга эта не только свидѣтельствуетъ о Вашемъ талантѣ рисовать яркія, выпуклыя картинки изъ жизни, но вся свѣтится дѣтскимъ, милымъ добродушіемъ и простодушіемъ, свойственнымъ истинно поэтической натурѣ. Изъ этой книги я узналъ, что Васъ сравнивали съ Жаномъ Полемъ; мнѣ кажется, что Вы особенно напоминаете его Вашей сердечной добротой, а Жанъ Поль, насколько вообще можно судить о писателѣ по его сочиненіямъ, былъ одинъ изъ лучшихъ людей, когда либо жившихъ на землѣ. Эта-то Ваша сердечная доброта и чистота заставила бы меня—узнай я ее при иныхъ условіяхъ—полюбить Васъ, если бы Вы даже не написали ни одной строчки, и если бы Ваша извѣстность не пошла дальше стѣнъ тѣсной хижины, въ которой Вы увидѣли свѣтъ. Истинный другъ Вашъ и сердечно преданный Вамъ *К. Гаухъ*.

13 августа 1855 г.

— — На дняхъ я перечитывалъ Ваши, какъ Вы ихъ назвали, «*Исторіи*». Чудный лѣтній день какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ чтенію ихъ и еще усиливалъ прекрасное впечатлѣніе. Особенно захватила меня «*Исторія года*». Выдался какъ разъ такой чудный лѣтній день, когда рѣзво кружатся на солнцѣ бабочки, въ травѣ жужжатъ пчелы, въ воздухѣ стоитъ такая тишина, что не шелохнется ни одинъ листочекъ, и когда вотъ такъ и чувствуется вокругъ присутствіе таинственныхъ духовъ, ткущихъ зеленые лѣтніе ковры, окрашивающихъ цвѣты и смотрящихъ на насъ своими свѣтлыми, какъ солнце, очами сквозь листву деревъ; вотъ я и вздумалъ перечесть «*Исторію года*». Это чудная вещь и по чувству, и по поэтической полнотѣ, и по фантазіи. Эта Ваша сказка—одна изъ многихъ моихъ любимыхъ, доказывающихъ, что въ смѣлости замысла-то и кроется глубочайшая истина. Такъ это и должно быть. Чѣмъ глубже корень поэтическаго произведенія уходитъ въ почву истины, тѣмъ свободнѣе и смѣлѣе подымается его вершина къ небу, озаренному солнцемъ, отблескомъ вечерней зари или сіяніемъ звѣздъ. Въ этой сказкѣ Вы аллегорически изобразили весенній блескъ, лѣтнюю полноту и осеннюю грусть человѣческой жизни. Таками именно и должны быть произведенія подобнаго рода; нѣчто подобное

же дали Вы и въ «*Безобразномъ утенкѣ*» и во многихъ другихъ сказкахъ, въ которыхъ куда больше поэзіи, чѣмъ во многихъ знаменитыхъ и длинныхъ поэмахъ. «*Пропащая*» и «*Ибъ и Христиночка*» тоже прелестные разсказы. Особенно дороги мнѣ—всюду, гдѣ я ни нахожу ихъ у Васъ, а это случается весьма часто—Ваша сердечность, любовь къ человѣчеству и Вашъ юморъ, которые позволяютъ Вамъ заставить звучать рѣчи пѣтуха или курицы такою живой пародіей на человѣческое скудоуміе, встрѣчающееся и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ общества, и въ залахъ богачей и въ темныхъ подвалахъ бѣдняковъ. «*Сказка моей жизни*» читается съ большимъ интересомъ; нѣсколько дней тому назадъ я говорилъ о ней съ министромъ народнаго просвѣщенія, съ Кригеромъ и другими, и всѣ были того мнѣнія, что удивительная сказка жизни, которую Вы дали намъ, производитъ не только поэтическое впечатлѣніе, но имѣетъ передъ другими поэтическими произведеніями еще то преимущество, что является правдивымъ разсказомъ о пережитомъ, отчего ее и читаешь съ двойнымъ удовольствіемъ. Не скрою, что я не разъ ощущалъ въ душѣ горечь и печаль, читая о ледяномъ равнодушіи и ядовитой злобѣ, проявленныхъ нашими земляками. Но, слава Богу, теперь въ сочувствіи Вамъ нѣтъ недостатка, и если въ Вашей жизни и было много пасмурныхъ дней, то зато теперь ее озаряетъ солнце, и блескъ его становится съ годами все ярче и ярче — вотъ это лучше всего! — — Всего хорошаго, милый, дорогой другъ! Только бы это письмо застало Васъ! Навѣстите же насъ, когда вернетесь! Неизмѣнно преданный Вамъ *К. Гаухъ*.

26 декабря 1859 г.

Милый, дорогой Андерсенъ! Чувствую потребность хоть нѣсколькими словами поблагодарить Васъ за Ваши послѣднія сказки и особенно за исторію «*На дюнахъ*». Это положительно одна изъ лучшихъ, когда либо написанныхъ Вами. Отъ души поздравляю Васъ съ тѣмъ, что Вы продолжаете сохранять ту свѣжесть и юность, которыми такъ и дышитъ Ваша поэтическая натура. Я недавно сильно простудился и еще съ трудомъ держу перо въ рукахъ, но всетаки не счелъ возможнымъ долѣе откладывать написать Вамъ и поблагодарить Васъ. Ваша твердая вѣра въ вѣчную жизнь за гробомъ сообщаетъ всѣмъ Вашимъ произведеніямъ тотъ романтически-поэтическій отблескъ, отсутствіе котораго, къ сожалѣнію, составляетъ такой существенный недостатокъ большинства современныхъ поэтическихъ произведеній, какими бы достоинствами они ни отличались въ другихъ отношеніяхъ. Эти послѣднія произведенія можно сравнить съ ландшафтами, лишенными яснаго неба, и не освѣщенными ни солнцемъ, ни луною, ни звѣздами! Въ Вашихъ же произведеніяхъ все это безспорно есть, и кромѣ того они еще проникнуты своеобразнымъ дѣтско-наивнымъ міросозерцаніемъ, въ изображе-

ніи котораго у Васъ въ нашъ вѣкъ матеріализма не скоро найдутся соперники. — — Всего хорошаго! Неизмѣнно преданный *К. Гаухъ.*

30 декабря 1861 г.

Искреннее спасибо Вамъ, дорогой другъ, за Ваше теплое сочувствіе и столь же горячее спасибо Вамъ за сборникъ Вашихъ чудныхъ сказокъ и разсказовъ. «*Дѣва льдовъ*», по моему, одна изъ наилучшихъ Вашихъ сказокъ. Въ ней такъ и встаетъ передъ нами величественно прекрасная и въ то же время грозная альпійская природа. Ваша фантазія сильна и богата красками,—объ этомъ и говорить нечего, а къ этому надо еще прибавить Ваше умѣніе рисовать такія прекрасныя романтическія картины, поражающія глубиною замысла. Душевная же чуткость Ваша говоритъ, что Вамъ нечего опасаться—окаменѣть съ годами, какъ это, къ сожалѣнію, часто случается даже съ истинно-талантливыми писателями.—

Вы, безспорно, самый оригинальный изъ нашихъ писателей. Своими сказками Вы проложили новый путь въ области поэзіи; предшественниковъ у Васъ не было, послѣдователей же найдется и теперь и впредь не мало, но едва ли они не будутъ только блѣдными копіями богатаго фантазіей оригинала. Сказку «*Улитка и розовый кустъ*» можно было бы также назвать «*Критикъ и поэтъ*». Эта сказка, какъ она ни мала, является міровой картиной, какъ и многія Ваши сказки, включенныя въ столь же тѣсныя рамки. И это Ваше умѣнье дать такъ много въ маломъ и является, безъ сомнѣнія, одною изъ тѣхъ основныхъ особенностей Вашего таланта, которыя пріобрѣли Вамъ такую большую публику, столько славы и признанія даже въ отдаленнѣйшихъ странахъ.— «*Психея*» также очень мила и глубока по идеѣ, но на меня произвела всетаки такое болѣзненное впечатлѣніе, что я, желая отдѣлаться отъ него, долженъ былъ перечесть ее въ обратномъ порядкѣ—съ конца къ началу. Дай Вамъ Богъ навсегда сохранить эту свѣжесть и жизненность таланта, и да благословитъ Онъ Васъ какъ поэта и какъ человѣка! Всѣмъ сердцемъ преданный Вамъ *К. Гаухъ.*

6 февраля 1830 г.

(*Отъ Гульберга*).— —И что вамъ сдѣлали бѣдные офицеры? Зачѣмъ вѣчно высмѣивать ихъ за стягиваніе таліи и проч.? Пріѣзжайте-ка сюда, и я покажу Вамъ студентовъ, которые затягиваются не хуже любого офицера. Есть франты и между студентами, и между офицерами, и между приказчиками, одинаково затягивающіеся, противные, гадкіе. Нападайте на франтовство, на затягиваніе, а сословіе оставьте въ покоѣ. Ваша фантазія слишкомъ богата, чтобы заниматься такими мелочами. Будьте во всемъ оригинальны, а не копируйте старые таланты, которымъ иногда приходилось прибѣгать къ такому оружію, чтобы заручиться поддержкой извѣстнаго

класса общества. А Вамъ развѣ нужно это? Ну, а если не нужно, дорогой Андерсенъ, такъ и оставьте.— —То же скажу и насчетъ Вашихъ слишкомъ прозрачныхъ намековъ на предметъ Вашей любви. Едва-ли это справедливо по отношенію къ молодой дѣвушкѣ! Пожалуй, многіе ужъ шепчутся о томъ, что Вы во всемъ, что касается Вашей любви, подражаете Гейне *).—

Отъ Чарльза Диккенса.

Вилла де Мулино, близъ Болоньи 5 іюля 1856 г.

Дорогой и уважаемый Гансъ.—Мнѣ чрезвычайно жаль, что я не могу оказать Вашему другу, г-ну Билле, того вниманія, которое бы съ удовольствіемъ оказалъ каждому Вашему другу. Дѣло въ томъ, что я уѣхалъ изъ Лондона на все лѣто, желая поработать на свободѣ, среди чудной природы. Вы знаете, мой дорогой товарищъ по оружію, какова разсѣянная лондонская жизнь, и какое облегченіе уйти отъ нея! Поэтому Вы не удивитесь, конечно, моему намѣренію пожить здѣсь подольше и возвратиться въ Лондонъ не раньше конца октября.

Написать и объяснить все это г-ну Билле я не могу, такъ какъ онъ оставилъ на моей городской квартирѣ только Ваше письмо, не приложивъ къ нему своей карточки, и я не знаю его адреса. Когда Вы увидитесь съ нимъ или будете писать ему, передайте ему, пожалуйста, съ какимъ бы удовольствіемъ я постарался сдѣлать его пребываніе въ Лондонѣ возможно пріятнымъ, будь я только тамъ теперь. Вы слишкомъ скромны, чтобы сказать ему, что я съ величайшей радостью пожалъ бы ему руку, которую такъ недавно пожимала Ваша,—ну, такъ я скажу ему это самъ, когда онъ опять пріѣдетъ въ Лондонъ.

А *Вы*, мой другъ, когда *Вы* пріѣдете къ намъ опять? Вотъ уже девять лѣтъ (какъ Вы пишете) протекли съ тѣхъ поръ, какъ Вы были у насъ. Въ теченіе этихъ девяти лѣтъ Вы не лишились своего мѣста въ сердцахъ англичанъ, а, напротивъ, стали у насъ еще болѣе извѣстнымъ и любимымъ. Когда Алладинъ выберется изъ пещеръ науки и совершитъ свое побѣдоносное шествіе по землѣ, чтобы сдѣлать насъ всѣхъ умнѣе и добрѣе (я знаю, что Вы это сдѣлаете), Вамъ слѣдовало бы навѣстить насъ еще разъ. Пріѣз-

*) Андерсенъ въ зрѣлые годы совершенно измѣнилъ свой взглядъ на Гейне. Вотъ что писалъ онъ мнѣ въ 1865 г.: „Гейне похожъ на блестящій фейерверкъ,—блеснетъ, и опять тебя окружаетъ черная ночь. Онъ остроумный фразеръ, безбожный, легкомысленный и все же истинный поэтъ. Книги его—лѣсныя дѣвы въ шелку и тюлѣ, въ складкахъ которыхъ кишатъ паразиты, такъ что этихъ дѣвъ нельзя пускать свободно бѣгать по комнатѣ среди людей въ одеждѣ". Въ другой разъ онъ выразился о Гейне такъ: „Онъ, конечно, истинный поэтъ, но мечется и кружится, какъ настоящая лѣсная дѣва, и слишкомъ часто показываетъ намъ свою полую спину. Онъ легкомысленный безбожникъ". Э. К.

жайте и остановитесь у меня. Мы постарались бы устроить Васъ возможно лучше.

Я теперь занятъ «*Крошкой Дорритъ*», и она заполонитъ меня еще мѣсяцевъ на девять-десять. Она стала положительно любимицей англичанъ. Заговоривъ о родинѣ, я невольно вспомнилъ, что хотѣлъ сказать Вамъ: Вы теперь стали прекрасно писать по-англійски. Послѣднее Ваше письмо написано такъ, что и англичанинъ не написалъ бы лучше.

Г-жа Диккенсъ проситъ меня передать Вамъ, что сочла бы кровной обидой, если бы Вы заподозрили ее въ забывчивостя, и что Вы только отдаете ей должное, предполагая, что она вспоминаетъ о Васъ. Тѣ изъ моихъ дѣтей, которыхъ Вы видѣли въ Бродстэрсѣ, и особенно обѣ дочери, ставшія теперь взрослыми дѣвицами, чрезвычайно возмущены Вашимъ намекомъ на то, что онѣ будто бы позабыли Ганса Христіана Андерсена. Онѣ говорятъ, что знай Вы ихъ на половину такъ хорошо, какъ онѣ знаютъ сказки «*Лизокъ съ вершокъ*» или «*Безобразный утенокъ*», Вы бы не сказали этого. Тѣмъ не менѣе онѣ просятъ передать Вамъ ихъ сердечный привѣтъ и прощеніе.

Дорогой мой Андерсенъ, я такъ радовался, читая Ваше письмо, и увѣряю Васъ, что люблю и уважаю Васъ больше, чѣмъ могу выразить это на бумагѣ, будь она даже такъ велика, что можно было бы устлать ею всю дорогу отсюда до Копенгагена. Вашъ неизмѣнно преданный другъ *Чарльзъ Диккенсъ.*

Tevistock House, Лондонъ 3 апрѣля 1857 г.

Дорогой мой Гансъ Андерсенъ.—Третьяго дня я получилъ Ваше желанное письмо и немедленно отвѣчаю на него. Надѣюсь, что отвѣтъ мой сразу заставитъ Васъ рѣшиться навѣстить насъ нынѣшнимъ лѣтомъ. Изъ Лондона мы уѣдемъ въ началѣ іюня, но Вы найдете насъ на моей маленькой дачѣ, всего въ двадцати семи миляхъ отъ города. Она лежитъ близъ желѣзной дороги, въ прекрасной мѣстности, въ разстояніи полуторачасовой ѣзды отъ Лондона. Мы отведемъ Вамъ свѣтлую комнату съ прелестнымъ видомъ, и Вы будете жить тамъ такъ же спокойно и уютно, какъ въ самомъ Копенгагенѣ. Если Вы пожелали бы во время своего пребыванія у насъ переночевать въ Лондонѣ, то городской домъ нашъ отъ крыши до погреба во всякое время къ Вашимъ услугамъ. Служанка наша и другъ, которая жила у насъ много лѣтъ, а теперь вышла замужъ, будетъ смотрѣть и за домомъ и за Вами съ большимъ удовольствіемъ.

Итакъ, прошу Васъ, пріѣзжайте въ Англію! Мы все лѣто будемъ жить въ упомянутомъ мѣстѣ, и, если Вы дадите мнѣ знать, когда мы можемъ ожидать Васъ, мы всѣ будемъ ожидать этого дня съ истинной радостью.

Я очень заинтересованъ тѣмъ, что Вы сообщили мнѣ о своемъ новомъ романѣ. Можете быть увѣрены, что онъ не найдетъ болѣе внимательнаго и серьезнаго читателя, чѣмъ я. Съ нетерпѣньемъ ожидаю его появленія.

Я все еще всецѣло занятъ «*Крошкой Доррить*». Надѣюсь окончить ея исторію въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца, и послѣ этого Вы застанете меня лѣтомъ человѣкомъ, вполнѣ свободнымъ, играющимъ въ крокетъ и во всевозможныя англійскія игры, устраиваемыя на вольномъ воздухѣ.

Обѣ маленькія дѣвочки, которыхъ Вы видѣли въ Бродстэрсѣ, передъ отъѣздомъ изъ Англіи, стали теперь взрослыми дѣвушками, а старшему моему сыну уже 20 лѣтъ слишкомъ. Но у насъ найдутся дѣти всѣхъ возрастовъ, и всѣ они любятъ Васъ. Вы очутитесь въ домѣ, биткомъ набитомъ любящими друзьями и поклонниками Вашими, ростомъ отъ трехъ футовъ до пяти и девяти вершковъ. Помните! Нечего Вамъ и думать о поѣздкѣ въ Швейцарію,—Вы должны пріѣхать къ намъ.

Сердечный привѣтъ Вамъ отъ всего нашего семейства, и прошу Васъ, дорогой Андерсенъ, вѣрить въ мою преданность и дружбу. Вашъ *Чарльзъ Диккенсъ*.

Отъ Б. С. Ингемана [25]).

Сорё 20 мая 1826 г.

— — Вооружитесь спокойнымъ, свободнымъ мужествомъ, положитесь на Божью помощь и имѣйте довѣріе къ дарованіямъ, которыми Онъ надѣлилъ Васъ, и Вы, безъ сомнѣнія, достигнете того, къ чему серьезно стремитесь. Если почувствуете желаніе побесѣдовать со мною, что-нибудь сообщить мнѣ, пишите мнѣ, не стѣсняясь; я заплачу Вамъ откровенностью за откровенность. Мое дружеское участіе, лучшія пожеланія и не малыя надежды будутъ сопровождать Васъ на всемъ протяженіи Вашего пути. Вашъ смѣлый девизъ «aut Cæsar aut nihil» кажется мнѣ, однако, порядочно таки языческимъ. Въ царствѣ истины послѣдніе станутъ первыми и младшіе старшими. Дѣло не въ томъ, за кого насъ принимаютъ здѣсь, главное—esse, non videri *), въ какой же степени — въ рукахъ Божіихъ. Но если только вообще приносишь хоть какую нибудь пользу въ свѣтѣ (а это необходимо), то живешь не даромъ.

Всего хорошаго! Всякое доброе извѣстіе о Васъ порадуетъ меня, а Вы сами всегда, когда только время позволитъ Вамъ, будете у насъ желаннымъ гостемъ.—*Ингеманъ*.

1828 г.

— — Теперь Вы окончили училище и намѣреваетесь самостоятельно выступить на литературное поприще. Желаю Вамъ прежде всего поскорѣе, безъ особыхъ колебаній и отклоненій въ сторону, найти ту дорогу, которая соотвѣтствуетъ Вашимъ силамъ и способностямъ. Желаю затѣмъ, чтобы Вы ясно сознавали, къ чему хотите приложить свои силы, и стремились къ высокой цѣли, не гоняясь за минутнымъ успѣхомъ. Вполнѣ одобряю Вашу склонность прислушиваться къ честнымъ отзывамъ о Вашихъ трудахъ и нахожу

*) Быть, а не казаться.

также вполнѣ естественнымъ, что Вы, во избѣжаніе односторонности, желаете ознакомиться съ мнѣніями различныхъ людей. Но если Вы, однако, станете обращаться одновременно къ массѣ людей самыхъ противоположныхъ взглядовъ, то даже самые честные, безпристрастные отзывы только смутятъ, собьютъ Васъ съ толку. Если Вы иногда дѣйствительно стоите, какъ Геркулесъ, на распутьѣ, то Вамъ прежде всего нужно разобрать съ кѣмъ Вы имѣете дѣло, поэтому и желаю Вамъ побольше прозорливости. Вообще предпочитайте (какъ и въ своей «*Прогулкѣ*») живого генія фантазіи педанткѣ Эльзѣ [26]), смѣло идите впереди времени, становитесь выше его мелочныхъ интересовъ и мѣрьте высоту здѣшняго міра на аршинъ вѣчности! Но не презирайте въ своемъ высокомъ полетѣ ни единой самой ничтожной души, если только она стремится къ совершенству и просвѣтлѣнію; пусть Вамъ всегда сопутствуетъ любовь! Другими словами — не увлекайтесь легкомысленной игрой съ поэзіей, которую часто позволяютъ себѣ даже очень талантливые поэты. Если Вы дѣйствительно чувствуете призваніе къ поэзіи, то и чтите ее въ себѣ! Пусть она будетъ для Васъ святыней, осквернить или бросить которую не заставитъ Васъ ни ложный минутный успѣхъ, ни обидная несправедливая критика. А затѣмъ всего хорошаго! Храни Васъ Богъ! Вашъ *Б. С. Ингеманъ*.

Сорё 31 января 1830 г.

— — Что же до Вашихъ сказокъ, то мнѣ нравятся въ нихъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ Вы просто разсказываете или описываете безъ всякихъ притязаній на остроуміе или на сатиру. Простой, наивный, сердечный тонъ разсказа лучше всего соотвѣтствуетъ такимъ сказкамъ для дѣтей. Напротивъ, стремленіе подшучивать надъ тѣмъ, что разсказываешь, совсѣмъ не отвѣчаетъ цѣли и уничтожаетъ всякую поэтическую иллюзію разсказа. Музеусъ и Виландъ, разсказывая сказки, часто, по моему, сами вредили впечатлѣнію своимъ подшучиваньемъ и погоней за остроуміемъ. Надо сначала самому всецѣло уйти въ міръ невинной дѣтской фантазіи, а потомъ уже звать туда и другихъ. О Вашей же способности къ этому я сужу по нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстамъ; жаль только, что Вы не вездѣ выдержали этотъ тонъ.

Итакъ, я высказалъ Вамъ свое мнѣніе, указалъ что мнѣ понравилось и что не понравилось въ этомъ выпускѣ сказокъ. Подробнѣе о нихъ при встрѣчѣ. Прислушивайтесь къ каждому мнѣнію, но идите лишь по той дорогѣ, которую указываютъ Вамъ Вашъ собственный талантъ и сердце въ свѣтлыя минуты вдохновенія! Тогда и поэтическіе зародыши, пробивающіеся въ Вашей душѣ, не заглохнутъ. — —Дружески преданный *Ингеманъ*.

Сорё 9 января 1831 г.

Дорогой Андерсенъ! Мое спасибо за присылку новаго сборника Вашихъ стихотвореній и за то довѣріе и дружбу, которую Вы оказываете мнѣ, должно

заключаться (я знаю, что Вы именно этого и желаете) въ откровенномъ изложенiи моего мнѣнiя, которое подскажетъ мнѣ мое расположенiе къ Вамъ. Какъ упомянутая книга, такъ и письмо Ваше отзывается горечью, что меня очень опечалило,—я боюсь, что перевѣсъ такого настроенiя повредитъ Вамъ и въ Вашей литературной дѣятельности и въ жизни вообще. — — Мнѣ кажется, что Вы черезчуръ торопитесь дать волю каждому поэтическому порыву, не давая ему созрѣть; Вы какъ будто насильно раскрываете почки цвѣтовъ Вашей души, чтобы заставить ихъ зацвѣсти раньше времени. И не выискивайте пожалуйста воображаемыхъ несчастiй! Не успѣете оглянуться, какъ они станутъ дѣйствительными. Дружески преданный Вамъ *Ингеманъ*.

1832 г.

— — Всего больше повредила развитiю Вашего поэтическаго дарованiя, безъ сомнѣнiя, та довѣрчивая, почти дѣтская готовность, съ которой Вы бросились въ объятiя тысячеязычной и капризной большой публики, въ прудъ пустого свѣтскаго общества, не успѣвъ еще дать себѣ самому яснаго отчета въ своихъ силахъ и способностяхъ. Вы не успѣли еще обрѣсти должной устойчивости, и вотъ, людскiе толки и насмѣшки играютъ Вами теперь, какъ мячикомъ. Погоняя кнутомъ свою фантазiю и пришпоривая чувство, Вы, какъ лунатикъ, все бродите въ обществѣ, въ театральномъ и въ газетномъ мiрѣ, и вслѣдствiе этого какъ бы ежедневно выдергиваете изъ почвы дерево Вашей жизни, чтобы посмотрѣть — пустило ли оно корни, тогда какъ ему надо дать спокойно рости и набираться силъ — безъ этого ему не зацвѣсти и не принести плодовъ. Ваше письмо говоритъ о такомъ упадкѣ силъ, что я принужденъ откровенно указать Вамъ причины Вашего горя и замедленiя развитiя Вашего таланта. Примитесь усердно за изученiе какого-нибудь предмета, который можетъ дать пищу Вашей фантазiи, напр.—исторiи, не поддавайтесь вѣчному зуду творчества, истощающему Ваши духовныя силы, махните рукой на пустое свѣтское общество и не берите въ руки газетъ! Поменьше заботьтесь о поэтѣ и лавровомъ вѣнкѣ, а побольше о самой поэзiи, но и не убивайте птицы пѣсни, чтобы повынуть изъ нея всѣ золотыя яйца заразъ.

Не знаю, хорошо ли будетъ Вамъ *теперь* отправиться путешествовать; по моему, Вы больше нуждаетесь въ самососредоточенiи, нежели въ разсѣянiи. Но разъ представляется случай, пожалуй, нельзя не пользоваться имъ.— Чуть было не забылъ дать Вамъ еще одинъ добрый совѣтъ,—знаю, что Вы примете его такъ же благодушно, какъ онъ дается—никогда не читайте своихъ стиховъ въ обществѣ или кому бы то ни было, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, и никогда не пишите въ газетахъ! Богъ да благословитъ Васъ, всего хорошаго и побольше мужества и твердой воли! Жена кланяется Вамъ. Вашъ преданный *Ингеманъ*.

Сорё. 13 февраля 1837 г.

Дорогой Андерсенъ! Спасибо за мысленные дружескіе визиты и за то, что Вы преодолѣли свое нерасположеніе и всетаки написали намъ! Я тоже неохотно берусь за перо, если меня не побудитъ къ этому какой-нибудь внѣшній толчокъ вродѣ письма или т. п., хотя въ темахъ для бесѣды съ отсутствующими друзьями у меня и никогда не бываетъ недостатка. Въ числѣ милыхъ дружескихъ лицъ, которыя часто навѣщаютъ насъ духовно въ нашемъ уединеніи, находитесь и Вы. И всякій разъ, какъ я мысленно вызываю въ памяти Вашъ образъ, онъ какъ будто проходитъ передъ моими глазами всѣ фазисы своего преображенія изъ гимназиста въ богатаго сердцемъ и фантазіей и столь длиннаго поэта, что на немъ можно было бы сдѣлать узелъ, а то и два, а онъ всетаки не сталъ бы отъ того ни толще, ни короче! Но, дорогой А., развѣ я такой ужъ сѣдовласый ветеранъ, что Вы лично какъ-то чуждаетесь меня, между тѣмъ какъ мы такъ близки другъ другу по духу? Какъ Вы являетесь не только подающимъ надежды юношей, такъ и я не только заслуженный поэтъ, развалившійся на лаврахъ и протягивающій младшему собрату два пальца, когда тотъ подаетъ ему всю свою честную руку. Надѣюсь показать Вамъ, что я еще не такъ старъ и могу еще писать любовныя пѣсни, хотя бы и отъ лица тысячелѣтняго героя (подразумѣваю здѣсь Гольгера Данске). При чемъ года и возрастъ, когда рѣчь идетъ о взаимной дружбѣ и сердечныхъ отношеніяхъ поэтовъ? Замашка считаться старшинствомъ одна изъ мѣщанскихъ замашекъ прозаическаго міра.—Я заранѣе радуюсь Вашему новому роману, все равно, напишете-ли Вы его по заранѣе обдуманному плану или нѣтъ. Безсознательный планъ, скрытый въ самой идеѣ и развивающійся самъ собою свободно и естественно, безъ сомнѣнія, лучше всякаго искусственнаго плана, какъ наиболѣе соотвѣтствующій естественному проявленію самого поэтическаго генія. Размышленіе часто набрасываетъ такой планъ, который истинное вдохновеніе съ улыбкой перечеркиваетъ накрестъ; когда геній готовится разрѣшиться дѣтищемъ, разумъ не въ состояніи угадать—будетъ ли это дѣвочка или мальчикъ, что и безразлично,—была бы только живая душа въ немъ.——А вѣрно-ли я прочелъ, не ошибся-ли? Неужели Вы полагаете, что мнѣ не нравятся Ваши сказки? Второй выпускъ мнѣ *чрезвычайно* понравился, и я давалъ его читать многимъ дѣтямъ. О томъ же, что мнѣ не нравится въ первомъ—мы уже говорили. Зато я знаю, что о второмъ Вы, кромѣ похвалъ, ничего отъ меня не слыхали.— —

1837 г.

Спасибо за Ваше дружеское посѣщеніе и за то, что Вы познакомили насъ со своимъ «*Скрипачомъ*». Я считаю его истинно-поэтическимъ произведеніемъ, котораго не умалитъ никакая «превосходная» критическая статья кого-либо изъ нашихъ самозванныхъ судей-эстетиковъ. То же я думаю и объ «*Импро-*

визаторъ», вопреки всѣмъ критическимъ перьямъ и «ногтямъ» *); отъ нихъ не ушелъ, вѣдь, еще ни одинъ сколько-нибудь выдающійся датскій поэтъ, но ни одного изъ поэтовъ они и не стащили съ крылатаго Пегаса и не выбили изъ сѣдла. Поэзія неуязвима и, собственно говоря, довольно пошло и не оригинально причислять себя къ сонму нашихъ «оскорбленныхъ» поэтовъ, сердца которыхъ разорваны въ клочья ногтями критиковъ, и ни одному маломальски талантливому поэту не слѣдовало бы отнынѣ признаваться, что онъ «оскорбленъ». До тѣхъ поръ, пока представители философіи искусствъ и красоты не остригутъ себѣ ногтей, не одѣнутся и не станутъ вести себя прилично и съ тактомъ, до тѣхъ поръ имъ никого и не увѣрить, что у нихъ есть вкусъ къ прекрасному; пока критика наша не признаетъ любви и не руководится любовью, ей и приходится мириться съ тѣмъ, что поэты не видятъ въ ней ничего, кромѣ предмета для смѣха и сатиры. Я, впрочемъ, не призываю Васъ къ этому, но повторяю: пока философія искусствъ не станетъ сама поэзіей, она можетъ лишь разстраивать поэтовъ и на нее лучше совсѣмъ не обращать вниманія. Отъ этого принципа я отступилъ въ теченіе 20-ти лѣтъ всего лишь разъ. Но, промахнувшись и отравившись разъ, нужно поскорѣе принять противоядіе и быть осторожнѣе впредь; это вполнѣ въ порядкѣ вещей. Итакъ, не думайте больше—если только можете—о болтовнѣ критиковъ, которая такъ разстроила Васъ; я ея не читалъ да и не намѣренъ читать.— —

Сорё, 26 ноября 1837 г.

Дорогой Андерсенъ! Сердечное спасибо за «*Скрипача*» и за дружеское расположеніе, заставившее Васъ посвятить мнѣ и Гауху эту обоимъ намъ дорогую книгу. — — Пусть же критика говоритъ себѣ, что хочетъ! Наша современная критика похожа на страуса; знай разѣваетъ клювъ, словно желаетъ проглотить лебедя поэзіи, который, едва вылупившись изъ яйца, уже взлетѣлъ къ небесамъ. Пока у философіи искусствъ не выростутъ поэтическія крылья, ей не догнать птицы поэзіи; когда же это, наконецъ, случится —онѣ вмѣстѣ взовьются къ небу. Но едва ли это случится въ наше время. Я, какъ и Вы, не ожидаю, чтобы завѣтныя идеи моей поэзіи вѣрно отразились въ мутномъ прудѣ, гдѣ квакаютъ лягушки. — Жизнь каждаго поэта — звѣзда, которая можетъ отразиться въ неискаженномъ видѣ лишь въ колодцѣ глубокомыслія. Но можно, вѣдь, обойтись и безъ этого, — надо только умѣть различать ее на ея настоящемъ мѣстѣ — въ небѣ, а на это способны многіе, пусть они и не понимаютъ, что именно видятъ и любятъ. Любятъ и чувствуютъ поэзію многіе, но понимаютъ ее немногіе. — — А теперь Богъ да благословитъ Васъ! Бросьте думать о критикѣ и надѣйтесь

*) Намекъ на привычку дѣлать на поляхъ книги отмѣтки ногтемъ.
Примѣч. перев.

на могущественную власть поэзіи надъ сердцами! Сердечный привѣтъ отъ моей Лючіи; она также въ восторгѣ отъ «*Скрипача*» и столько же радуется самому произведенію, сколько и за поэта. Преданный Вамъ *Б. С. Ингеманъ*.

Сорё, 2 января 1838 г.

Дорогой Андерсенъ! Вамъ предназначается первое мое посланіе въ нынѣшнемъ году. Сердечное спасибо за Вашу дружбу, которою Вы дарите меня столько лѣтъ и за которую я, отдавая полную справедливость Вашему таланту, уму и сердцу, плачу Вамъ взаимностью. Желаю, чтобы это письмо застало Васъ въ лучшемъ настроеніи, нежели продиктовавшее Вамъ Ваше послѣднее письмо. Вы мнѣ представляетесь птицеловомъ, у котораго и на обоихъ плечахъ, и въ обѣихъ рукахъ, и даже на носу сидитъ по пѣвчей птичкѣ, а онъ знай вопитъ о томъ, что всѣ жареные рябчики пролетаютъ мимо его рта или что ихъ, пожалуй, и вовсе нѣтъ въ природѣ. Развѣ не слетѣли къ Вамъ съ неба всѣ эти пѣвчія птички безъ особыхъ усилій съ Вашей стороны и развѣ мало радости доставили онѣ и Вамъ самимъ и другимъ? Такъ стоитъ-ли жалѣть, что не всѣ птицы нашей прозаической жизни были такъ же предупредительны? Къ тому же сами Вы перелетная птица, которую вѣчно тянетъ на югъ, такъ Вамъ ли жаловаться на то, что Вамъ не удалось свить себѣ прочнаго гнѣзда здѣсь на сѣверѣ! Теперь Вы летаете вольной пташкой надъ всѣми зелеными лѣсами міра и ищете себѣ зеленой вѣточки *), на которой можно свить себѣ гнѣздо, ну, и что-же? Можетъ статься и найдете и даже скоро,—прошеніе, вѣдь, подано, а Богъ до сихъ поръ, вѣдь, не оставлялъ Васъ. Затѣмъ же Вы такъ упорно затыкаете уши отъ пѣнія жаворонка надежды и слушаете лишь вой совы унынія?—И если ужъ говорить о мѣщанскомъ благополучіи, то и мнѣ, вѣдь, повезло въ жизни не больше Вашего; я прожилъ добрую треть человѣческой жизни, да еще десять лѣтъ былъ женихомъ, прежде чѣмъ, наконецъ, нашелъ зеленую вѣтку въ Сорё и свилъ себѣ здѣсь гнѣздо. Да, знали бы Вы, каково сидѣть, вотъ какъ я, 15 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, не видя ничего, кромѣ этого озера, лѣса, да мелькомъ получужой мнѣ столицы и двухъ-трехъ спектаклей въ годъ, и не стяжать себѣ другихъ вѣнковъ, кромѣ тѣхъ, что плетутъ намъ изъ терна Мольбекъ съ К°—такъ Вы наврядъ ли согласились бы промѣнять свое вольное порханіе по «интеллигентнымъ кружкамъ столицы» на мое идиллическое одиночество въ этомъ укромномъ углу вмѣстѣ съ жалованьемъ, каѳедрой, десяткомъ студентовъ и постояннымъ исправленіемъ ученическихъ работъ! Вы (какъ и я когда-то) имѣете даровой билетъ въ прекрасный огромный міровой театръ; книги Ваши говорятъ не только по-нѣмецки да по-шведски и норвежски, какъ большинство моихъ, но еще и по-француз-

*) Намекъ на датскую поговорку: „At komme paa en grön Green“—„попасть на зеленую вѣтку“, соотвѣтствующую русской: „Какъ сыръ въ маслѣ кататься“.

Примѣч. перев.

ски; Ваше жизнеописаніе тоже отпечатано по-французски, — чортъ возьми, да Вы просто баловень счастья! — — Желаю Вамъ быть имъ и въ новомъ году. Поскорѣе увѣдомьте объ успѣхѣ Вашего ходатайства! Во всякомъ случаѣ голову выше, къ небесамъ!—Вспомните Шиллеровскій «*Раздѣлъ земли*». Будемъ довольны нашимъ удѣломъ на Олимпѣ, если грязная земля отказываетъ намъ въ равномъ надѣлѣ съ филистерами!—Богъ да благословитъ Васъ! Сердечный привѣтъ отъ моей Лючіи и отъ всего семейства Гаухъ; я передалъ имъ Вашъ поклонъ. Вашъ *Б. С. Ингеманъ*.

Сорё 17 января 1838 г.

— — Вы все печалитесь, что не можете поднять изъ глубины своей души того сокровища, которое минутами кажется Вамъ и дороже и благодѣтельнѣе всѣхъ извѣстныхъ Вамъ сокровищъ, добытыхъ другими поэтами. По моему, эта Ваша печаль ничто иное, какъ предчувствіе вѣчнаго и безконечнаго, свойственное каждой глубоко чувствующей поэтической натурѣ. Сокровище же это не есть принадлежность отдѣльнаго человѣка; это именно тотъ вѣчный источникъ, обезпечивающій жизнь вселенной и обѣщающій создать для насъ новую землю и новое небо. Если бы даже этотъ источникъ былъ только земнымъ океаномъ, то и тогда его не осушилъ бы ни одинъ поэтъ, какъ и самъ Торъ не осушилъ рога, опущеннаго концомъ въ море [27]). Каждое даже самое удачное произведеніе есть лишь капля изъ этого океана идей, омывающаго всѣ міры поэзіи. — —

Сорё 27 іюля 1842 г.

Дорогой Андерсенъ! Радуемся тому, что Вы опять чувствуете себя веселымъ и довольнымъ родиною, хотя уже одной изъ своихъ длинныхъ ногъ и готовы шагнуть въ Испанію или въ Африку. Но вполнѣ въ порядкѣ вещей, что Вы сначала хотите опорожнить всѣ карманы своего дорожнаго пальто и показать намъ, что вывезли изъ своего греко-турецкаго путешествія. Вполнѣ понятно также, что Вы, пока живете одною поэзіей, ведете жизнь холостяка, желаете ознакомиться съ бѣлымъ свѣтомъ елико возможно. Желаю Вамъ исполненія всѣхъ желаній и успѣха и за-границей и у насъ; но, если Вы не хотите, чтобы Вамъ докучали насмѣшками и упреками, то Вы должны молчать о своихъ успѣхахъ, какъ тотъ генералъ, котораго произвели въ этотъ чинъ съ условіемъ, чтобы онъ никому не говорилъ объ этомъ. Право, по моему, Вы сами себѣ причиняете непріятности своими разсказами журналистамъ о Вашихъ успѣхахъ за-границей; Вы этимъ только взбалтываете ихъ души, и со дна ихъ подымается осадокъ зависти. Другое дѣло сообщить объ этомъ друзьямъ, которые готовы принимать участіе въ каждой Вашей радости. — —

Сорё 26 января 1847 г.

Дорогой Андерсенъ! Въ воскресенье получили Ваше милое письмо и Вашу

біографію на нѣмецкомъ языкѣ. Я сейчасъ же взялся за нее и не выпустилъ изъ рукъ, пока не дочиталъ до конца. Интересно съ начала до конца и мѣстами удивительно трогательно! Всего трогательнѣе, по моему, описаніе Вашего дѣтства и Вашей любви и довѣрія къ вѣчному Промыслу. Я читалъ исторію Вашей жизни и развитія просто какъ увлекательную сказку, и она лишній разъ убѣдила меня въ томъ, что самыя печальныя и горестныя событія нашей жизни часто являются чѣмъ-то вродѣ наносимыхъ землѣ лезвіемъ плуга и зубьями бороны глубокихъ ранъ, изъ которыхъ потомъ выростаютъ цвѣты и колосья. Оглядываясь назадъ на такія событія, мы съ удивленіемъ видимъ, что, не будь этихъ горестей, въ насъ никогда не развились бы тѣ качества, въ которыхъ мы, можетъ быть, больше всего и нуждались бы въ жизни. Главное поэтому—и терпя испытанія и вспоминая о нихъ, любить не только безконечно милостиваго Вседержителя, но и слѣпыхъ и съ виду безсердечныхъ ближнихъ нашихъ, послужившихъ безсознательнымъ орудіемъ Его воли. Въ сущности съ каждымъ почти человѣкомъ повторяется исторія Іосифа, и это-то невольно трогаетъ каждое дѣтски чистое сердце. — —

Сорё 18 февраля 1847 г.

Дорогой Андерсенъ! благодарю за вторую часть сказки Вашей жизни и за дружеское письмо! Вы желаете знать, какое впечатлѣніе произвела на насъ эта часть.—Мы душевно порадовались тому, что Вы такъ спокойно и умиротворенно смотрите на оставшіяся позади треволненія жизни, чувствуете себя теперь счастливымъ и благодарите Господа, направляющаго какъ судьбы вселенной, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Не скрою, однако, что изложеніе исторіи Вашего развитія въ первой части всего интереснѣе. Причина, однако, въ самомъ содержаніи, а не въ изложеніи.

Жена благодаритъ Васъ за книгу и за дружескій привѣтъ и проситъ передать Вамъ ея поклонъ. Особенно заинтересовали насъ обоихъ чисто объективныя описанія и характеристики, какъ напр. описанія Фёра, Вернэ, характеристика Дженни Линдъ. Разсказы о Вашихъ отношеніяхъ къ разнымъ, такъ именуемымъ, *высокимъ* персонамъ и къ знаменитостямъ также очень интересны для Вашихъ ближайшихъ друзей, да и Вамъ самимъ, конечно, пріятно перебирать въ памяти такіе моменты жизни, но многое изъ этого относится всетаки къ такимъ вещамъ, которыя часто слышитъ и затѣмъ забываетъ каждый любимый публикою поэтъ или артистъ, и эта часть Вашего жизнеописанія, пожалуй, меньше всего можетъ заинтересовать читателей иностранцевъ. *) Скажу прямо — и мы предпочли бы прочесть обо всемъ этомъ въ частномъ письмѣ, а не въ книгѣ. — —

*) Эта часть автобіографіи А. поэтому значительно и сокращена у насъ.
Примѣч. перев.

Сорё, 27 октября 1857 г.

Дорогой другъ! Спѣшу отвѣтить на Ваше дружеское письмо и, если возможно, прислать Вамъ лѣкарство противъ эпидемической болѣзни, распространенной у насъ больше, чѣмъ среди болѣе крупныхъ націй. Я говорю о міазмахъ aura popularis, вызываемыхъ слабымъ пищевареніемъ нашей малочисленной читающей публики и связанными съ нимъ прихотливостью, разборчивостью и желаніемъ браковать даже (и это, пожалуй, чаще всего) произведенія счастливцевъ, признанныхъ любимцами публики. Въ эпоху эпидеміи духовной aria cativa и связаннаго съ нимъ разстройства желудка, публика заболѣваетъ даже отъ зрѣлыхъ плодовъ. И вотъ бранятъ фрукты вмѣсто того, чтобы бранить свой слабый желудокъ. Впрочемъ, плоды-то отъ этого нисколько не страдаютъ; они могутъ и безъ всякихъ приспособленій или заготовленій впрокъ сохраниться свѣжими для болѣе здороваго поколѣнія. И природа, ихъ творецъ, страдаетъ отъ этого не больше; весь ущербъ терпитъ самъ контингентъ читателей хилаго пяти-, десяти-лѣтія или цѣлаго поколѣнія. Но вполнѣ допускаю, что и самой матери-природѣ скучно да и жалко глядѣть, какъ страдаютъ отъ эпидеміи ея хилые дѣтки! — — Лѣсъ стоитъ теперь въ прекрасномъ, наводящемъ на серьезныя мысли, осеннемъ уборѣ; глядя на него, вспоминаешь о скоротечности жизни и о ея «продолженіи» и невольно благодаришь Бога и за то и за другое! Не желайте себѣ ни шестидесятитысячнаго выигрыша, ни счастья быть безплоднымъ деревомъ, которое не трясетъ и не обрываетъ никакой расшалившійся юноша-прохожій! Ваше сравненіе довольно мѣтко и красиво, но не станемъ же завидовать сухой смоковницѣ, проклятой Спасителемъ. Лучше попросимъ Бога даровать намъ внутреннюю силу и свѣжесть мнимо-засохшей виноградной лозы, пока насъ не пересадятъ въ иную почву! Сердечный привѣтъ отъ насъ обоихъ! Вашъ *Б. С. Ингеманъ.*

Сорё, 24 января 1860 г.

Дорогой другъ! Радуемся оказываемымъ Вамъ поощренію и расположенію, поддерживающимъ бодрость Вашего духа. Попытку Вашу читать въ «Рабочемъ Союзѣ» нельзя не назвать счастливою. Вы открыли поэзіи доступъ въ такую среду, гдѣ она можетъ оказать особенно благотворное вліяніе, и такимъ образомъ сами основали себѣ вольную каѳедру, съ которой можете читать лекціи такъ часто, какъ только позволятъ Ваши силы и расположеніе духа. Вы знаете, что мужество не измѣнитъ Вамъ, пока Вы въ огнѣ, или вѣрнѣе, пока огонь въ Васъ. Робость же Ваша съ каждымъ разомъ все будетъ уменьшаться. Скоро Вы, благодаря горячности, съ какою будете стремиться высказать народу, что лежитъ у Васъ на сердцѣ, совсѣмъ позабудете обо всемъ постороннемъ и съ радостью и полнымъ довѣріемъ будете продолжать такъ счастливо начатое Вами дѣло. Вы отлично можете читать имъ то, что всѣ уже читали и знаютъ; я увѣренъ, что почти каждая Ваша сказка постоянно

будетъ слушаться въ Вашемъ чтенiи съ новымъ интересомъ и удовольствiемъ. И если Вы теперь получите даже «министерскую пенсiю», которая доставитъ Вамъ возможность (чего я Вамъ, однако не желаю), «сосать лапу въ берлогѣ»; Вы всетаки можете сохранить за собою эту профессуру, дарованную Вамъ самимъ Богомъ. Пенсiю же Вамъ народное собранiе должно назначить, если не желаетъ опозорить и себя и народъ. — —

Отъ Iонаса Коллина (отца).

Копенгагенъ 10 iюля 1824 г.

Дорогой Андерсенъ! У меня нѣтъ сейчасъ подъ руками Вашего послѣдняго письма, и я не могу вспомнить, было ли въ немъ что-нибудь, на что надо отвѣтить Вамъ, но, въ виду предстоящихъ экзаменовъ, всетаки считаю нужнымъ написать Вамъ пару строкъ, чтобы ободрить Васъ, въ чемъ Вы временами такъ нуждаетесь. Это, впрочемъ, и хорошо, что Вы не слишкомъ увѣрены въ самомъ себѣ и не черезчуръ расчитываете на собственныя силы; подобная самоувѣренность чаще всего сопровождается неуживчивостью, которая отталкиваетъ большинство людей. Но и слишкомъ рѣзкiй перевѣсъ малодушiя не нуженъ, и вотъ отъ него-то я и хочу предостеречь Васъ. Продолжайте прилежно пользоваться доставленными Вамъ средствами къ образованiю, и главное продолжайте хорошо вести себя,—внутреннее сознанiе своей чистоты и порядочности подкрѣпитъ Васъ и поможетъ перенести непрiятности, съ которыми Вамъ придется считаться во время Вашего ученiя. Никто, вѣдь, не требуетъ отъ Васъ колоссальныхъ успѣховъ. Ваше намѣренiе прилежно заняться на каникулахъ повторенiемъ пройденнаго вполнѣ похвально; но я ничего не буду имѣть и противъ того, чтобы Вы нѣкоторое время отдохнули и погостили у матушки и у друзей своихъ. А затѣмъ, всего хорошаго! И пусть въ горькiя минуты послужитъ Вамъ утѣшенiемъ сознанiе, что не мало добрыхъ людей питаетъ къ Вамъ сердечное расположенiе. Преданный Вамъ *Коллинъ*.

Копенгагенъ 6, 8 и 9 Iюля 1833 г.

Дорогой, сердечно любимый и милый Андерсенъ! Теперь Вы получили отъ Эдварда 2 письма а также 83 специи, о которыхъ писали. Кромѣ того, Вы получили отъ него одно письмо сейчасъ же по Вашемъ отъѣздѣ. Такимъ образомъ, я, хоть и отъ души сочувствую Вашимъ сѣтованiямъ на то, что Вы въ первое время получали такъ мало извѣстiй изъ «родного дома», всетаки полагаю, что, узнавъ въ чемъ дѣло, Вы перестаете такъ жестоко обвинять Эдварда, хотя онъ, конечно, и могъ бы написать Вамъ нѣсколькими почтовыми днями раньше. Дѣло въ томъ, что его не было здѣсь цѣлыхъ три недѣли. Ваши первыя письма были посланы ему въ Фiонiю и Ютландiю, а тамъ у него было столько дѣла, что ему было не до писемъ. Будьте увѣрены, милый Андерсенъ, что онъ Вашъ вѣрный другъ, крѣпко любящiй Васъ, хоть съ

виду и холоденъ и что онъ докажетъ Вамъ свою преданность на дѣлѣ вездѣ, гдѣ только представится случай. А вотъ я-то имѣю нѣкоторое право сердиться на Васъ. Предполагать, что мы забыли Васъ! Нѣтъ, А., всѣ мы слишкомъ привязаны къ Вамъ, вспоминаемъ о Васъ, и намъ часто недостаетъ Васъ. Получивъ Ваше письмо вчера утромъ, я не могъ за недосугомъ заняться имъ тотчасъ же и пробѣжалъ его только мелькомъ. Вечеромъ же, вѣрнѣе—ночью, такъ какъ было уже зá-полночь, я принялся читать его, не спѣша; читая его, я то радовался, то опасался, а, прочитавъ, что Вы думаете оставаться за-границей года два, просто огорчился. Сколько воды утечетъ въ два года! Повторяю, письмо Ваше очень порадовало меня, и поэтому Вамъ нечего задумываться—писать ли мнѣ длинныя письма; они всегда явятся для меня желанными, особенно, если я буду видѣть изъ нихъ, что Вы извлекли пользу изъ Вашего путешествія. Вы, пожалуй, спросите, чего же я опасался? Да, вѣдь, Вы же пишете, что «Парижъ опасный городъ». Экономическихъ вопросовъ я на этотъ разъ не буду затрогивать,—Вашъ первый страхъ, вѣроятно, уже улегся при видѣ векселя на 83 специи. Печатать же что-нибудь о Парижѣ, пока Вы тамъ, или вообще о заграничной жизни, пока Вы за-границей— я Вамъ не совѣтую: такъ легко, вѣдь, нажить себѣ враговъ. Нечего Вамъ вообще впутываться въ политику,—это дѣло опасное. Я имѣлъ случаи убѣдиться въ томъ, что самое невинное слово, на которое въ иныхъ кружкахъ и не обращаютъ вниманія, въ другихъ возбуждаетъ ко вреду сказавшаго его особое вниманіе. Объ «*Агнетѣ*» Вашей Эдвардъ уже разсказывалъ мнѣ и самъ очень радовался этому новому Вашему произведенію. Я желаю Вамъ съ нимъ всякаго успѣха, и вполнѣ надѣюсь, что оно принесетъ намъ всѣмъ много радости, а Вамъ чести и пользы. — — Всего хорошаго! Преданный Вамъ *Коллинъ*.

Копенгагенъ 21 декабря 1833 г.

— — Радуюсь, что Вы изучаете исторію, но если ужъ изучать что-нибудь, то серьезно. Если даже въ библіотекахъ Рима и не найдется ничего, кромѣ Милло, то это всетаки лучше чѣмъ ничего, но сказать, что Вы изучаете исторію въ такомъ случаѣ уже нельзя. Надо прочесть Ливія, Тацита и прочесть по-латыни, познакомиться съ Юмомъ, Фергюсономъ, Шлёцеромъ, Гереномъ, Шпитлеромъ, Іоганомъ Мюллеромъ и подобными авторами—тогда Вы запасетесь основательными познаніями по исторіи. Все, милый Андерсенъ, надо изучать основательно, между прочимъ и языки. Никакъ не могу одобрить Вашего нерасположенія учиться по-итальянски. Если Вы хотите извлечь изъ Вашего путешествія пользу, то нельзя проводить время только въ бѣготнѣ по городу да въ экскурсіяхъ; надо и прилежно позаняться дома, да не однимъ писаньемъ, а главное чтеніемъ: читать же надо съ выборомъ. Читайте между прочимъ и по-латыни, и прозаическія и поэтическія произведенія древнихъ классиковъ и при этомъ вникайте и въ каждое слово отдѣльно

и въ общій смыслъ.— —Полагаясь на Ваше заявленіе, что теперь Вашъ взглядъ на вещи значительно созрѣлъ, надѣюсь, что Вы понимаете теперь, какъ необходима справедливая и строгая критика, понимаете, что долгъ Вашъ относиться къ ней доброжелательно.— —Всего хорошаго, дорогой нашъ Андерсенъ! Всѣ наши кланяются Вамъ. Вашъ *Коллинъ*.

Копенгагенъ 7 сентября 1860 г.

Дорогой Андерсенъ! «Письмо отъ старика» или «только адресъ написанъ его рукой? Да письмо!» вотъ что́, я такъ и слышу, говорите Вы, получивъ это письмо.

Я по старой привычкѣ не охотно оставляю какія бы то ни было письма безъ отвѣта и такъ какъ, кромѣ того, я увидалъ изъ Вашего послѣдняго письма, что нѣсколько строкъ отъ меня не будутъ для Васъ нежелательны, то я и рѣшился написать. Но, уже взявшись за перо, я чуть было не отказался отъ своего рѣшенія: я узналъ, что Эдвардъ отсылаетъ Вамъ длинное письмо, а я для конкуренціи или состязанія слишкомъ ужъ старъ. Впрочемъ, онъ, вѣрно, пишетъ Вамъ о важныхъ, серьезныхъ предметахъ, облекая, быть можетъ, свои разсужденія въ забавную форму, а у меня не найдется ни одного такого важнаго предмета для бесѣды, такъ о сравненіи нашихъ писемъ не можетъ быть и рѣчи.

Вы, конечно, не сомнѣваетесь, что постоянно живете въ нашихъ воспоминаніяхъ; письма, которыя Вы получаете отсюда, можетъ быть, убѣждаютъ Васъ въ этомъ еще больше. Мнѣ часто приходитъ на умъ вопросъ: зачѣмъ Андерсенъ такъ много рыщетъ по бѣлому свѣту, когда у него столько вѣрныхъ любящихъ друзей на родинѣ? Желаю Вамъ успѣховъ и счастья и на чужбинѣ и на родинѣ. Вашъ старый другъ *Коллинъ*.

Отъ Эдварда Коллинъ.

Копенгагенъ 8 іюня 1833 г.

— — Мнѣ кажется, что въ данное время общество датчанъ совсѣмъ не подходящее для Васъ общество. Пріятно, конечно, встрѣтиться на чужбинѣ съ земляками, но если желательно воспользоваться пребываніемъ заграницей и главнымъ образомъ научиться иностранному языку, то слѣдуетъ по возможности избѣгать общества земляковъ. Общеніе съ ними и является, конечно, причиною того, что Вы такъ мало успѣваете въ языкѣ, и это меня очень огорчаетъ. Читая Ваше письмо, всѣ наши говорили: «Только бы его тамъ не испортили. Напиши ему объ этомъ!» Что же мнѣ однако, писать? Читать вамъ нравоученія я не могу; это было бы только смѣшно и ни къ чему не послужило бы. Вотъ будь у Васъ отецъ, который бы могъ написать Вамъ по этому поводу сердечное письмо—это было бы дѣло другое. Когда я и Готлибъ были за-границей послѣ окончанія университета, отецъ напи-

салъ намъ письмо; одно мѣсто въ немъ глубоко тронуло меня: «Дорогіе дѣти, я не стану читать Вамъ нравоученій, но хочу только сказать Вамъ, что довольно одного ложнаго шага, чтобы испортить себѣ всю жизнь!» Ну, и довольно объ этомъ. А вотъ это мнѣ нравится, что Вы собираетесь обзавестись волей. Оно и пора, право; ничего если она даже перейдетъ въ упрямство. Я, впрочемъ, уже замѣтилъ въ послѣднее время, еще здѣсь, что Вы вступаете на вѣрную дорогу. —— Всего хорошаго, дорогой другъ! Вашъ *Коллинъ*.

12 іюня 1833 г.

По поводу отвратительнаго пасквиля на Васъ, я помѣстилъ въ «*Копенгагенской почтѣ*» слѣдующее объявленіе: «Нашъ соотечественникъ Г. Х. Андерсенъ, получившій королевскую субсидію на поѣздку за-границу, находится теперь въ Парижѣ, гдѣ предполагаетъ пробыть нѣсколько времени. И друзьямъ и недругамъ его будетъ, конечно, интересно, хотя и по различнымъ причинамъ, узнать, что сейчасъ же по прибытіи туда, онъ получилъ нефранкированное письмо, или вѣрнѣе конвертъ съ вложеннымъ въ него пасквилемъ, напечатаннымъ въ «*Копенгагенской почтѣ*». — Изъ сдержаннаго тона объявленія Вы можете заключить, что оно составлено не мною, а отцомъ. Я бы не такъ взялся за этого негодяя и кончилъ бы цитатою изъ Лихтенберга: «Умѣй я писать палкой, я угостилъ бы тебя, негодяя, письмомъ, которое бы прочла твоя спина».

(Приписка *Іонаса Коллина*). Эдвардъ спрашиваетъ не припишу-ли я парочку словъ. Охотно. Въ Парижѣ, добрый мой Андерсенъ, не стоитъ огорчаться нападками литературныхъ враговъ.

Копенгагенъ 29 января 1834 г.

Отецъ сейчасъ призывалъ меня къ себѣ и сообщилъ мнѣ, что получилъ отъ Васъ грустное, почти отчаянное письмо, вызванное главнымъ образомъ моимъ послѣднимъ письмомъ къ Вамъ. Милый Андерсенъ, неужели Вы все еще такой же нѣженка? Я думалъ, что Вашъ характеръ нѣсколько окрѣпъ послѣ стольких нападеній на Ваше добродушіе. Сейчасъ я не припоминаю, что такое я написалъ Вамъ въ томъ ужасномъ письмѣ, но помню, что мнѣ было тогда очень досадно. Сами судите, имѣлъ-ли я на то основанія. Только что я наслушался со всѣхъ сторонъ почти отъ всѣхъ друзей жалобъ и сожалѣній по поводу Вашей «*Агнеты*», которую всѣ находятъ копіей Вашихъ прежнихъ произведеній, лишенной всякой новизны, и ждалъ еще самой безпощадной критики въ газетахъ, вдругъ получаю отъ Васъ такое самодовольное письмо, въ которомъ Вы называете «*Агнету*» шедевромъ и выражаете увѣренность, что она по всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ возведетъ Васъ въ «мастера литературнаго цеха»! Мало того, я только что успѣлъ поссориться съ Рейцелемъ,—я не желаю, чтобы

надо мной издѣвались — получить множество отказовъ отъ подписки на книгу, перебраниться изъ-за Васъ со множествомъ лицъ—получаю отъ Васъ письмо, въ которомъ Вы сообщаете мнѣ, на что употребите тѣ по меньшей мѣрѣ 100 риксд., что выручите за «*Агнету*»! Какъ по Вашему, легко мнѣ было получить отъ Васъ—въ то время, какъ я сидѣлъ и высчитывалъ, какъ свести концы съ концами въ расходахъ по изданію, превышающихъ 100 риксд.—требованіе 100 риксд. прибыли! Меня точно ударили по лицу! Такъ была, я думаю, причина поворчать, тѣмъ болѣе, что ударъ нанесла рука друга; недругу можно было бы отплатить тѣмъ же.

Но, Богъ мнѣ прости, я кажется, опять готовъ ворчать. Это не входитъ въ мои намѣренія. Я вообще въ хорошемъ настроеніи и вполнѣ здоровъ. Могу сказать Вамъ, что никогда еще такъ не любилъ Васъ, какъ теперь. Кромѣ того, я еще надѣюсь, что Вамъ всетаки не придется раскаиваться въ томъ, что Вы сами издали «*Агнету*»,—я встрѣтилъ многихъ лицъ, которые хвалили ее. Г. Мэстингъ очень благодаритъ Васъ за посвященіе и проситъ Вамъ кланяться. Всего хорошаго, дорогой другъ, и не истолкуйте себѣ въ дурномъ смыслѣ того, что я былъ разъ Вашимъ «сердитымъ», — теперь я Вашъ «искренній» другъ *Э. Коллинъ*.

Не забудьте моей просьбы записывать все, что Вамъ приходитъ на память интереснаго изъ Вашего дѣтства и юности. Я тщательно берегу Ваши воспоминанія. Никто ихъ не увидитъ. Продолжая эти воспоминанія, Вы окажете услугу и мнѣ и себѣ самому. Вашъ *Э. Коллинъ*.

Копенгагенъ 26 декабря 1843 г.

Дорогой другъ!—Хочу на этотъ разъ отступить отъ своего обычая—не писать Вамъ во время Вашихъ провинціальныхъ экскурсій; я знаю, что могу порадовать Васъ въ этомъ письмѣ однимъ маленькимъ сообщеніемъ. Гейбергъ только что возвратилъ отцу нѣсколько присланныхъ ему на разсмотрѣніе пьесъ, какъ никуда негодныхъ, но объ одной новой пьесѣ онъ отозвался такъ: «*Грезы короля*» трудъ, обѣщающій, по оригинальности и смѣлости замысла, обогатить нашъ репертуаръ дѣйствительно замѣчательнымъ произведеніемъ». Не правда ли, анонимность уже начинаетъ пріобрѣтать интересъ. Я вижу мысленно, что въ недалекомъ будущемъ появится на сцену новая пьеса неизвѣстнаго геніальнаго автора «*Грезъ короля*». Вашъ *Э. Коллинъ*.

(Безъ указанія числа и года).

Дорогой Андерсенъ!—Я опять берусь за перо, и если Вы не удивитесь этому, такъ я самъ себѣ удивляюсь; я, вѣдь, вообще туго приступаю къ писанію длинныхъ писемъ, но на этотъ разъ приходится поневолѣ: послѣднее Ваше письмо, полученное нами вчера, отзывалось унынімъ. Если бы я хотѣлъ вторить Вашимъ жалобамъ, я живо бы исписалъ весь листъ, но я этого

не могу. Дѣло вотъ въ чемъ: Васъ любятъ въ Германіи, балуютъ въ Веймарѣ, тамошнія важныя лица цѣлуютъ да милуютъ Васъ, а мы друзья Ваши и земляки, вообще не симпатизирующіе цѣлованью мужчинъ между собою, не приходимъ отъ этого въ умиленіе, а только радуемся отъ души самому главному—тому, что Вы имѣете успѣхъ и пріобрѣтаете друзей,—скажемъ пока искреннихъ — и что Вы вообще довольны своей поѣздкой. Если принять теперь, согласно Вашему желанію, такое положеніе вещей, за нормальное, требовать, чтобы оно продолжалось такъ и впредь до скончанія вѣка, и затѣмъ сравнить его съ утренней бесѣдой за кофе у насъ, когда Ингеборга дразнитъ Васъ, Теодоръ щекочетъ Васъ и зоветъ Васъ «pauvre pomme de terre», то Вамъ съ Вашимъ изысканнымъ воображеніемъ ничего не стоитъ состроить цѣлую исторію о томъ, какъ Васъ въ Даніи презираютъ и какъ Вы ее презираете, но и то и другое неправда. Вы съ Даніей отлично ладите и ладили бы еще лучше, не будь въ Даніи театра: hinc illæ lacrimæ! Ахъ, этотъ проклятый театръ! Но развѣ театръ—вся Данія и развѣ Вы—только поставщикъ театральныхъ пьесъ? Развѣ въ Германіи ухаживаютъ за Вами въ качествѣ таковаго, а не въ качествѣ автора сказокъ? И развѣ въ Даніи не любятъ Вашихъ сказокъ? Можетъ быть, даже еще искреннѣе чѣмъ въ Германіи! Но послѣднее Ваше письмо вызвано только мимолетнымъ дурнымъ настроеніемъ, слѣдствіемъ того, что Вы въ Дрезденѣ испытали нѣкоторое одиночество послѣ шумной жизни въ Веймарѣ. При Веймарскомъ дворѣ Васъ обнимали, чтобы Вы прочли имъ сказку, а въ Дрезденѣ Вы очутились одинъ въ отелѣ. Вотъ и у насъ тоже. Вчера еще рабочіе кричали мнѣ «ура», чтобы я далъ имъ на водку, а сегодня я сижу дома въ своемъ старомъ бархатномъ пиджакѣ и страдаю разстройствомъ желудка. Бываютъ такія перемѣны судьбы и приходится съ ними примириться.

— —Больше всего меня удивляетъ то, что Вы такъ мало знаете отца; иначе бы нѣсколько его словъ, къ тому же совсѣмъ безобидныхъ, не могли раздражить Васъ до такой степени. Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сообщить Вамъ что-нибудь интересное для Васъ, онъ всегда первый возьметъ въ руки перо и всегда находитъ для этого досугъ. Что же касается до его прямоты, то она, казалось бы, должна быть извѣстна прежде всего Вамъ, и Вы знаете, что нечего судить о немъ по тону,—точно онъ не можетъ иногда поворчать, какъ и мы всѣ! Пишу я это, однако, не въ видѣ упрека, а только ради того, чтобы напомнить Вамъ о томъ—въ чемъ Вы и сами не сомнѣваетесь—что его любовь къ Вамъ сильнѣе любви нѣмцевъ, даромъ что не такъ изысканна. Унылое настроеніе Ваше въ Дрезденѣ говоритъ, пожалуй, о чемъ-то вродѣ тоски по родинѣ, а мнѣ это совсѣмъ не нравится. Вы предполагаете, вѣдь, совершить большую поѣздку, а нельзя же ожидать, чтобы она все время угощала Васъ такими же развлеченіями, какъ въ началѣ. Я не знаю ничего мучительнѣе тоски по родинѣ.—Всего хорошаго! Не судите меня по

началу этого письма. Вы знаете меня и знаете, какія чувства я питаю къ Вамъ. Вашъ *Э. Коллинъ.*

Копенгагенъ, 23 марта 1846 г.

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ ко мнѣ Вы пишете: «Проберите меня теперь хорошенько, земляки!» Желаніе это сбылось бы въ полной мѣрѣ, если бы люди знали, что Вы авторъ пьесы «*Господинъ Расмуссенъ*», которая шла въ четвергъ и провалилась. Вотъ ужъ и написано то, что я вообще такъ неохотно сообщаю Вамъ; но такова ужъ доля моя, что я долженъ сообщать Вамъ о всѣхъ непріятностяхъ. Я совѣщался съ Іеттой: излагать ли мнѣ Вамъ подробно всѣ обстоятельства этого дѣла, или только констатировать фактъ. Она была за первое, и я послушался ее. Пьеса шла второю послѣ «*Эльфовъ*». Начало сошло благополучно, играли вообще прекрасно, но обиліе разговоровъ наскучило публикѣ, дѣйствіе прошло безъ хлопка. Меня дрожь взяла, особенно подъ конецъ. Занавѣсъ опустили, и раздалось ужасное шиканье. Тогда я ушелъ,—силъ не было оставаться, да я и зналъ, что спасти пьесу уже нельзя. Объ остальномъ я узналъ отъ другихъ. Пьеса провалилась съ трескомъ. Во время послѣдняго дѣйствія публика сама стала принимать участіе въ игрѣ артистовъ, отвѣчала имъ и пр. Послѣ такого пріема пьесу, конечно, снимутъ съ репертуара.

Если Вы въ данномъ случаѣ опять заговорите о непризнаніи земляками Вашего таланта, или о личномъ недоброжелательствѣ со стороны тѣхъ немногихъ лицъ, которые подозрѣваютъ въ Васъ автора, то Вы, право, ошибаетесь. Врядъ ли Вы можете повѣрить въ этомъ случаѣ кому либо больше, чѣмъ мнѣ. Вы помните, какъ мнѣ понравилась эта пьеса въ чтеніи; я находилъ ее презабавной и шелъ въ четвергъ въ театръ вполнѣ увѣреннымъ въ ея успѣхѣ, полагалъ, что публика будетъ смѣяться до упада все время, и— самъ соскучился до неловкости. Со сцены она показалась мнѣ до такой степени плоской, лишенной всякихъ забавныхъ положеній или типовъ, что увѣряю Васъ я не запомню ничего подобнаго. Я глубоко убѣжденъ, что присутствуй на представленіи Вы сами, Вы бы испытали то же чувство разочарованія въ сценическихъ достоинствахъ пьесы. Я страшно ошибся и чуть не захворалъ отъ досады. Я полагаю, однако, и надѣюсь, что Вы примете все это гораздо спокойнѣе. Въ концѣ концовъ, Вы можете, вѣдь, смотрѣть на всю эту исторію какъ на неудавшуюся остроту. Помните, какъ я иногда бывало сострю, а Вы на это скажете: «Что жъ, забавно по-Вашему!» или «Совсѣмъ не забавно». Вотъ такъ я теперь смотрю и на всю эту исторію. Больше всего жаль отца; ему предстоитъ выслушать не мало непріятностей за то, что онъ настаивалъ на постановкѣ этой пьесы, несмотря на то, что всѣ почти были противъ. А теперь не будемъ больше говорить объ этой пьесѣ: requiescat in pace. Всѣ кланяются. Вашъ старый другъ *Эдвардъ.*

Эллекильде 22 Іюня 1875 г.

Дорогой Андерсенъ.— —Кромѣ денегъ, находящихся въ «Сберегательной кассѣ», Вы имѣете въ процентныхъ бумагахъ 12,200 кронъ. Не понимаю, дорогой Андерсенъ, какъ Вы при такихъ средствахъ и вполнѣ независимомъ положеніи можете поддаваться заботамъ матеріальнаго свойства въ такую минуту, когда Вы чувствуете необходимость воспользоваться этими средствами для сохраненія своего здоровья. Не стану ссылаться на Маѳусаила, но если бы Вамъ даже предстояло дожить до лѣтъ Дракенберга т. е. прожить еще лѣтъ 50, и то я ручаюсь, что Вамъ не пришлось бы терпѣть недостатка, ѣзди Вы хоть каждый годъ за границу.— —Вашъ старѣйшій и неизмѣнный другъ *Э. Коллинъ*.

(Получивъ это письмо, Андерсенъ сказалъ: «Ну, Слава Богу, будетъ на что похоронить меня!»)

Стокгольмъ 19 марта 1844 г.

(*Отъ Дженни Линдъ Гольдшмидтъ*).— Добрый братъ мой! — — Я безконечно благодарна Вамъ за Ваши дивные разсказы! Они такъ божественно прекрасны, что, приходится, пожалуй, считать ихъ лучшими изъ всѣхъ Вами написанныхъ! Не знаю, какому изъ нихъ отдать пальму первенства; но кажется, «*Безобразный утенокъ*» лучше всѣхъ. Боже мой, что за дивный даръ — такое умѣнье облечь свои свѣтлыя мысли въ слова, такъ наглядно растолковать людямъ на клочкѣ бумаги, что лучшіе, благороднѣйшіе дары часто скрываются подъ лохмотьями, пока не совершается превращеніе, показывающее намъ настоящій образъ, осѣненный свѣтомъ Божіимъ. Спасибо, тысячу спасибо Вамъ за всѣ тѣ трогательные и поучительные разсказы, которыми Вы обогатили насъ! Жду, не дождусь минуты, когда мнѣ удастся сказать моему доброму брату, какъ я горжусь его дружбой и поблагодарить его хоть пѣсенками своими. Братъ мой, конечно, лучше всѣхъ пойметъ значеніе нашей шведской пословицы: «Каждая птичка поетъ по своему»! — — Прощайте! Да благословитъ Васъ Богъ! Вотъ чего желаетъ Вамъ отъ души Ваша преданная сестра *Дженни*.

P. S. Прежде всего — напишите мнѣ поскорѣе и не говорите, что я слишкомъ требовательна,—что за радость получать и читать Ваши письма!

Флоренція 23 ноября 1871 г.

(*Отъ нея-же*).—Уважаемый другъ и дорогой братъ! — — Здоровье мое теперь лучше, чѣмъ въ то время, когда я выступала публично. Нервы мои были совсѣмъ разстроены, головныя боли чуть не отняли у меня послѣднихъ сихъ и на нѣсколько лѣтъ совершенно лишили меня памяти. Но теперь мнѣ гораздо лучше; упругость и гибкость моей души помогли мнѣ пройти черезъ эту темную долину. Да, я слишкомъ отдавалась своему искусству, и эта любовь къ нему чуть не стоила мнѣ жизни; впрочемъ, я съ

радостью умерла бы ради этой моей *первой* и *послѣдней* глубочайшей и чистѣйшей любви. Ничто не можетъ быть выше искусства, если оно возноситъ насъ къ Тому, Кто даровалъ намъ его. — — Теперь я пою безъ всякаго напряженія, и голосъ мой въ послѣднее время звучитъ еще лучше, чѣмъ лѣтъ 20 назадъ. Я такимъ образомъ еще такъ счастлива, что могу радовать своимъ пѣніемъ друзей. — — Но пора протянуть Вамъ руку на прощаніе. Да сохранитъ Васъ Богъ! Вы такъ порадовали меня Вашимъ милымъ письмомъ, и я Вамъ безконечно благодарна за него. Передайте мой привѣтъ Бурнонвилю и будьте увѣрены въ моей неизмѣнной преданности. Ваша вѣрная подруга *Дженни-Линдъ-Гольдшмидтъ*.

Отъ г-жи Сигне Лэссё [28]),

1830 г.

Андерсенъ! Такъ какъ Вы вѣрите въ предопредѣленіе, то вѣрьте и въ то, что мы съ Вами не даромъ знакомы, даже больше, чѣмъ знакомы. Мнѣ это знакомство открыло врата небесной обители поэзіи; Вамъ же оно можетъ оказать лишь одну услугу: Вы можете извлечь пользу изъ единственнаго моего преимущества передъ Вами—купленной дорогою цѣною опытности житейской. Жизнь моя текла тихо, просто, безъ особенныхъ внѣшнихъ событій, зато внутреннія бури часто пригибали мою душу, какъ тростникъ. Но каждый разъ она снова выпрямлялась, и я чувствовала, что мой взглядъ на людей и жизнь еще прояснился. И пусть моя опытность послужитъ въ пользу моимъ юнымъ друзьямъ; изъ нихъ же я никому ни желаю добра больше, чѣмъ Вамъ, Андерсенъ; Вы одарены всѣмъ, Вамъ недостаетъ лишь опытности.

Не пишите *ей* или по крайней мѣрѣ не уговаривайте ея въ письмахъ. Ужъ если Вы лично ничего не добились, то помогутъ ли письма? И въ Одензе не пишите ей вовсе; здѣсь дѣло другое, здѣсь она могла вернуть Вамъ письмо обратно, а, посылая письмо туда, Вы не знаете, въ чьи руки оно попадетъ. Что если оно попадетъ въ руки лицъ, нерасположенныхъ къ Вамъ? Не постараются ли они наложить пятно на всю Вашу жизнь, узнавъ, что Вы уговариваете невѣсту другого стать Вашей? Ахъ, Андерсенъ! пусть отъ насъ отнимутся всѣ земныя блага, пусть судьба преслѣдуетъ насъ жесточайшимъ образомъ, только бы мы сами держали себя въ рукахъ,—это уже счастье, а тамъ, когда время залѣчитъ наши раны, мы обрѣтемъ и душевное спокойствіе, большаго же разумный человѣкъ и не требуетъ. Послѣдуйте моимъ совѣтамъ, добрый мой Андерсенъ! Дружески прошу Васъ объ этомъ. Посовѣтуйтесь съ Христіаномъ; право, онъ скажетъ Вамъ то же. Послушайтесь насъ! — Пусть это письмо заставитъ Васъ обдумать свое положеніе, и я останусь Вашей довольной *Сигне Лэссё*.

1830 г.

— — И чего Вы добиваетесь, постоянно и такъ убѣдительно твердя ей

о своей любви? Я бы плохо знала Вашу пылкую натуру, если бы полагала, что Вы были способны совершенно скрыть свои чувства къ этой дорогой Вамъ дѣвушкѣ. Ея умные глаза видѣли Васъ насквозь, и какъ бы ни была она вѣрна своему суженому, Ваше поклоненіе не могло всетаки не льстить ей, не занять ее на нѣкоторое время. Но разлука и время, конечно, скоро заставили бы поблекнуть эти впечатлѣнія. Такъ нѣтъ, какъ можно! И Вы стараетесь своими стихами постоянно напоминать ей о себѣ. Чего же Вы хотите? Желаете, чтобы она измѣнила своему жениху, хотите обладать сердцемъ, разрывающимся отъ раскаянія и даже презрѣнія къ себѣ? Или только добиваетесь ея состраданія? Но это не достойно ни мужчины, ни человѣка. Состраданіе—небесное чувство, но горе женщинѣ, если она почувствуетъ его къ тому, кого не смѣетъ любить! Каждое стихотвореніе, облегчающее Ваше сердце, навѣрно, вонзаетъ ножъ въ ея, и вынуть его Вы уже не можете. Когда же Вы своими стихами окончательно облегчите свое сердце и стяжаете себѣ славу, ея жизнь, можетъ быть, будетъ отравлена въ конецъ. Понимая и цѣня Васъ, я увѣрена въ этомъ; у Васъ, вѣдь, слишкомъ много самолюбія, чтобы обожать не симпатизирующую Вамъ особу; она, навѣрно, почувствуетъ, насколько Вы во многихъ отношеніяхъ превосходите ея избранника, и развѣ это не будетъ ужасно? Ежедневно напоминать ей о томъ, что она сама виною того, что этотъ болѣе даровитый человѣкъ не сталъ ея женихомъ, жестоко, и мой добрый А. не захочетъ быть повиненъ въ такой жестокости, если только поразмыслитъ объ этомъ. Если Вы любите ее истинною любовью, то Вы должны желать лишь ея счастья и—молчать; если же у Васъ есть хоть малѣйшее сомнѣніе въ истинности Вашего чувства, то стыдиться и—тоже молчать! Замолчу и я. Прошу только принять эти строки такъ же доброжелательно, какъ онѣ написаны Вашею преданною *Сигне*.

1830 г.

Одинъ почтовый день проходитъ за другимъ, а я все ничего не слышу отъ Васъ. Развѣ я не заслуживаю больше Вашего довѣрія? Почему же Вы теперь такъ чуждаетесь меня, тогда какъ прежде относились ко мнѣ съ сыновней любовью? — — Вы своей веселостью, неистощимымъ остроуміемъ и дѣтскимъ добродушіемъ облегчали и скрашивали мнѣ самые тягостные дни моей жизни. Этого я не забуду никогда! Каждый разъ послѣ Вашего ухода я чувствовала себя облегченной и возрожденной къ жизни. Теперь, къ несчастью, пришли Ваши тягостные дни,—почему же не позволить мнѣ облегчить Вамъ ихъ, если не умственнымъ превосходствомъ, то хоть искреннимъ материнскимъ участіемъ. На землѣ и такъ много горя, зачѣмъ же дѣлать свою участь еще горше, чуждаясь и сторонясь отъ друзей? Заходите къ намъ иногда послѣ обѣда или вечеромъ; не захотите оставаться у насъ долго —какъ хотите, но не чуждайтесь же насъ; мнѣ это очень тяжело. Ваша преданная *Сигне*.

29 іюля 1833 г.

— — Меня очень огорчаетъ Ваше сообщеніе, что Гейне, по Вашему, нехорошій человѣкъ. По моему, тоже: у хорошаго человѣка не бываетъ такой загрязненной фантазіи. Но духомъ онъ сродни Вамъ во многомъ. И онъ, видимо, старается сблизиться съ Вами. Боже, онъ опасный человѣкъ! Дай Богъ, чтобы я не опоздала съ своимъ предостереженіемъ: онъ опасный человѣкъ! Всего ужаснѣе, когда богато одаренный человѣкъ не отличается ни добрымъ сердцемъ, ни чистотою нрава.

Дорогой, дорогой А.! Вспомните ученіе Христа: Если не будете, какъ дѣти, не войдете въ Царствіе Небесное. Иначе: надо избѣгать дурного общества, если хочешь сохранить нравственную чистоту, и, только сохранивъ ее, можно быть счастливымъ здѣсь на землѣ и во вѣки вѣковъ. Если на снѣгъ ступили хоть разъ, онъ уже не такой, какъ только что выпавшій. Ради Бога, не поддавайтесь лживому ученію: «поэту нужно извѣдать все». Вѣрьте мнѣ, изрѣченіе это придумано человѣкомъ съ извращенной душой; вотъ онъ и другихъ тащитъ въ свою грязную лужу. Сохраните свою дѣтскую чистоту и спасите этимъ душевную чистоту тысячи людей. У поэта великія обязанности. Каждый даръ Господень заключаетъ въ себѣ и требованіе, и ни одна благородная душа не станетъ пользоваться дарами Божьими, не стараясь отблагодарить за нихъ чѣмъ только можетъ. — —

21 января 1847 г.

Милый, добрый Андерсенъ! Не могу не отвѣтить на Ваше милое, несказанно тронувшее меня письмо, хотя мои глаза почти и не позволяютъ мнѣ писать, а другимъ читать, что я пишу. Да, милый А., письмо Ваше произвело на меня сильное впечатлѣніе; я цѣлый вечеръ не могла придти въ себя, погруженная въ воспоминанія о тѣхъ наслажденіяхъ, которыя Вашъ дѣтскій геній доставлялъ мнѣ въ теченіе цѣлаго ряда годовъ. И какую глубокую радость почувствовала я, прочитавъ Вашу подпись! Я чувствовала, что заслужила ее своей чисто материнскою любовью къ Вамъ. Да, я съ перваго же нашего знакомства полюбила Васъ, какъ своего восьмого и самаго даровитаго сына. И я, какъ мать, радовалась каждому Вашему, даже незначительному произведенію, въ которомъ сказывалась Ваша высоко-поэтическая душа. Но вотъ, насталъ конецъ моему безпечальному житью,—я лишилась мужа, моей любви и поддержки. Тогда я вдругъ почувствовала: теперь ты должна быть для своихъ сыновей *всѣмъ*, и — простите меня, дорогой А.! — Вы отступили для меня на второй планъ. Мнѣ казалось, что всѣ силы, дарованныя мнѣ Богомъ, я должна посвятить семерымъ дѣтямъ, которыхъ я носила подъ сердцемъ,—у нихъ, вѣдь, не было другой опоры и защиты, кромѣ меня. И вотъ, видя иногда, что Вы въ сознаніи своего превосходства обходитесь съ кѣмъ-либо изъ моихъ дѣтей нѣсколько жестко, я сама становилась жесткой къ Вамъ, и такимъ образомъ

сама подала поводъ къ тому, чтобы порвалась связь между мною и душою поэта, доставлявшаго мнѣ лучшія наслажденія въ жизни. И какъ часто я грустила о Васъ и иногда даже несправедливо мысленно укоряла Васъ за то, что Вы считаете домъ простой вдовы слишкомъ ничтожнымъ для своихъ посѣщеній. — — Милый А.! приходите же къ намъ опять пообѣдать съ нами и распить вмѣстѣ кружку пива. Это такъ порадуетъ и меня и моихъ сыновей; они теперь выросли и, вѣрно, не проиграли отъ этого. Да, у меня семь — нѣтъ, восемь славныхъ сыновей! Хвала Господу Богу за нихъ и да сохранитъ Онъ ихъ всѣхъ! Ваша неизмѣнно матерински любящая Васъ *Сигне Лэссё.*

Ольгодъ, 27 декабря 1858 г.

— — Мой любимецъ — «*Старый дубъ*» *). Три столѣтія красовался онъ на радость тысячамъ людей и трижды три столѣтія, или нѣтъ — пока будетъ жить датскій языкъ станетъ онъ жить и служить путеводной звѣздой для душъ людскихъ, какъ прежде для моряковъ.

— — И отъ многихъ уже слышала я радовавшій меня отзывъ о Васъ: «Какимъ онъ долженъ быть добрымъ!» Развѣ худо отблагодарилъ Васъ старый дубъ? — — Мнѣ какъ-то странно представить себѣ Васъ въ роскошныхъ палатахъ Баснэса, — сама-то я сижу въ крошечной комнаткѣ, въ 6 аршинъ въ квадратѣ. И я все спрашиваю себя — можетъ-ли у Васъ тамъ зародиться въ фантазіи что-нибудь такое простенькое, чтò бы я могла полюбить? Нѣтъ, надо Вамъ поскорѣе опять вернуться въ болѣе скромную обстановку. Впрочемъ, поэты творятъ и въ палатахъ и во дворцахъ: примѣры — Соломонъ, Давидъ и Байронъ. Духъ не зависитъ отъ внѣшнихъ условій. — — Всего хорошаго, дорогой А.! — — Ваша матерински любящая Васъ *Сигне Лэссё.*

Эстрабо, 31 декабря 1832 г.

(Отъ Тегнéра [29]*).* — — Не знаю, какъ и благодарить Васъ за дружеское письмо и приложенный сборникъ стихотвореній. Первое служитъ доказательствомъ довѣрія, которое я искренно цѣню, второе же дарованія, которое въ своемъ полномъ развитіи несомнѣнно заставитъ Вашу родину гордиться Вами. Нельзя не радоваться, видя процвѣтаніе поэзіи у сосѣдняго народа, пишущаго на языкѣ сѣвера, — радуешься точно успѣхамъ родныхъ тебѣ людей. Съ другой стороны вызываемое этимъ сравненіе слишкомъ ужъ не выгодно для насъ шведовъ; намъ нельзя и сравниваться съ нашими сосѣдями, и если мы и можемъ указать на что, то развѣ на кое-какую лирическую поэзію. Великія поэтическія дарованія всегда являются, безъ сомнѣнія, дарами свыше. И у насъ нѣтъ недостатка въ людяхъ съ крупными задатками, но бѣда въ томъ, что они чаще всего задатками и остаются;

*) Сказка „*Послѣдній сонъ стараго дуба*", Т. II стр. 7.

большинство нашихъ поэтовъ устаетъ уже въ самомъ началѣ своего поприща. Шведской націи свойственно какое-то безпокойное влеченіе, заставляющее насъ часто начинать, и рѣдко позволяющее кончать. — — Такимъ образомъ наша литература далеко не является тѣмъ, чѣмъ должно, и наши западные сосѣди, при томъ же уровнѣ образованія и менѣе значительномъ народонаселеніи, далеко опережаютъ насъ не только въ предѣлахъ самаго сѣвера, но и за-границей.

Я самъ почти не чувствую себя больше вправѣ считаться шведскимъ литераторомъ. Тяжелая болѣзнь, приковывающая меня къ постели большую часть года, угнетаетъ не только тѣло, но и душу, и отнимаетъ у меня всякую охоту жить и работать.—Но какъ бы я ни чувствовалъ себя угнетеннымъ душевно, я все еще чутко прислушиваюсь къ звукамъ сѣверной лиры и съ братской радостью привѣтствую Васъ—восходящую звѣзду на нашемъ сѣверномъ небосклонѣ. — — Вашъ другъ и почитатель *Эс. Тегнéръ*.

Копенгагенъ, 8 марта 1834 г.

(Отъ Г. Х. Эрстеда). — Многоуважаемый другъ! — — Вы желаете, чтобы я высказалъ Вамъ свое мнѣніе объ *«Агнетѣ и водяномъ»*, и угрожаете принять молчаніе за выраженіе неодобренія. Вижу, Вы все тотъ же. Вы не можете не потребовать мнѣнія того, кого нельзя удовлетворить въ данномъ случаѣ. Право, не мнѣ судить объ этомъ Вашемъ произведеніи. Мы —если можно такъ выразиться—держимся въ области поэзіи различныхъ вѣроисповѣданій. Вы, кажется, того мнѣнія, что поэтъ можетъ творить что и какъ угодно, были бы только въ его твореніи жизненность, чувство и фантазія. Я же требую, чтобы представляющійся намъ въ твореніяхъ поэта міръ, при всей своей смѣлости и вдохновенности, управлялся тѣми же законами, какъ и реальный, обусловливающими возможность жить въ немъ. По моему, въ поэтическомъ твореніи должна господствовать идея о могуществѣ добра, что бы тамъ поэтъ ни изображалъ, хоть самый адъ. Поэтъ, по моему, не имѣетъ права ограничиваться одними міровыми диссонансами, вырванными изъ міровой гармоніи, какъ ни одно музыкальное произведеніе не должно основываться на диссонансахъ, разрѣшеніе которыхъ предполагается уже внѣ его. И мнѣ приходится совершенно отрѣшиться отъ своихъ взглядовъ, ставшихъ моей второй натурой, чтобы безпристрастно оцѣнить произведенія, не подчиняющіяся упомянутымъ міровымъ законамъ. Вы въ своемъ новомъ произведеніи изображаете существо, съ вѣчно недовольнымъ тоскующимъ сердцемъ, стремящееся въ какой-то новый иной міръ. Въ этой тоскѣ, въ этомъ стремленіи нѣтъ, однако, ничего облагораживающаго; это только необузданная жажда внѣшняго, а не духовнаго величія. Подобная жажда могла бы выражать стремленіе къ высшему, но у Васъ-то ничего такого здѣсь нѣтъ. Напротивъ, Агнета разрываетъ всѣ

узы дружбы и любви, чтобы удовлетворить своему личному, чувственному влеченію. Конечно, поэтъ вправѣ рисовать и такія влеченія, но тогда въ его твореніи должна просвѣчивать идея—что это влеченіе нѣчто въ родѣ дьявольскаго навожденія, что это навожденіе не непреоборимо, и что поддавшійся ему несчастный человѣкъ оказывается виновнымъ, а не просто жертвой судьбы. Вы легко поймете, что подобный основной взглядъ долженъ отозваться и на всемъ моемъ сужденіи о Вашемъ произведеніи. Вообще же я съ удовольствіемъ замѣчаю, что Вы проявили большое мастерство при обработкѣ въ драматическую поэму этого неблагодарнаго сюжета, соотвѣтствующаго только былинѣ. Прекрасные стихи и описанія чувствъ и природы не преминули произвести на меня впечатлѣніе. А теперь надо кончить. Прибавлю только, что все у насъ обстоитъ попрежнему благополучно и что вся наша семья сохраняетъ о Васъ самыя хорошія воспоминанія, какъ, надѣюсь, и Вы о насъ. И пусть мои неизмѣнные взгляды на искусство не поколеблютъ той дружбы, которою Вы такъ долго дарили меня. Я также навсегда останусь Вашимъ другомъ. Сердечно преданный Вамъ *Г. Х. Эрстедъ*.

Примѣчанія.

[1]) *Г-жа Андерсенъ*, артистка датскаго королевскаго театра, воспитанная въ домѣ Рабека. См. „*Сказка моей жизни*“ стр. 34.

[2]) *Гульбергъ* см. „*Сказка моей жизни*“ стр. 26—27 и пр.

[3]) *Линдгренъ* см. „*Сказка м. ж.*“, стр. 29.

[4]) Сюда относится слѣдующая замѣтка изъ книги Эдварда Коллина (стр. 128). „Замѣчательнѣе всего то, что А. въ сущности очень хорошо зналъ, что чтеніе его столь любимое въ нѣкоторыхъ домахъ, въ другихъ являлось мученіемъ для всѣхъ, и всетаки не могъ удержаться—не читать. Онъ пытался также читать своему репетитору Мюллеру, но тотъ, не долго думая, разсказалъ ему слѣдующую исторійку: „Жилъ былъ одинъ русскій дворянинъ, большой любитель писать стихи и разсказы, которые онъ затѣмъ и читалъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Наконецъ онъ такъ надоѣлъ имъ этимъ, что они стали избѣгать его. Разъ онъ опять написалъ что-то, и сидѣлъ одинъ, повѣся носъ. Страсть ему хотѣлось прочесть это кому-нибудь, да некому было. „Я обрадовался бы хоть самому чорту!“ сказалъ онъ въ отчаяніи. Чортъ немедленно явился и заключилъ договоръ, согласно которому обязывался быть его постояннымъ слушателемъ. Чтеніе началось, и чортъ не выдержалъ, вскочилъ“... Но Мюллеру не удалось докончить своего разсказа,—А. заткнулъ уши и закричалъ: „Перестаньте, я, вѣдь, знаю, что это я!“

[5]) *Генріетта Вульфъ*, дочь адмирала Вульфъ. См. „*Сказка м. ж.*“ стр. 36, 54, 276—277.—*Генріетта Ганкъ*, другая пріятельница А. (стр. 60, 174). Письма той и другой къ А. не помѣщены издателями переписки А. въ собраніи писемъ, вслѣдствіе „черезчуръ частнаго характера“ ихъ.

[6]) *Бурнонвиль Августъ* (1805—1879) балетмейстеръ и высокоталантливый авторъ многихъ балетовъ, поставленныхъ на сценѣ датскаго королевскаго театра въ Копенгагенѣ. Изъ 52 балетовъ Б., которые въ общемъ достигли слишкомъ 2000 предста-

вленій, назовемъ наиболѣе характерныя: *„Вальдемаръ"*, *„Неаполь"*, *„Бельманъ"*, *„Кермесъ въ Брюгге"*, *„Свадьба въ Гардангерѣ"*, *„Народное сказанье"*. *„Далеко отъ Даніи"*, *„Валкирія"*, *„Трюмсквиденъ"*. Богатые и разнообразные сюжеты вдохновляли лучшихъ датскихъ композиторовъ. Б. извѣстенъ также, какъ писатель, и оставленныя имъ воспоминанія *„Mit Theaterliv"* и *„Erindringer"* (изд. 1848, 1865 и 1877—1878 гг.) представляютъ крупный интересъ не для однихъ театраловъ. - См. *„Сказка моей жизни"* стр. 155 и 299.

7) См. сказку *„Тѣнь"* Т. I стр. 326: (Тѣнь)... „Видите ли", я не изъ гордости, а... въ виду той свободы и знаній, которыми я располагаю, не говоря уже о моемъ положеніи въ свѣтѣ... я очень бы желалъ, чтобы Вы обращались со мною на *вы*..

8) *Іонна*, дочь Ингеборги Коллинъ (сестры Эдварда Коллина) въ замужествѣ баронесса Стампе.

9) *„Первенецъ"*, см. Т. III стр. 400. Ср. *„Сказка м. ж."* стр. 169—70.

10) *Гартманъ І. П. Э.* Извѣстный датскій композиторъ. См. *„Сказку м. ж."*. стр. 133 и 243—45, гдѣ А. оплакиваетъ смерть его жены Эммы.

11) *Камма Рабекъ*. См. *„Сказка м. ж."* стр. 33.

12) *Г-жа Мельхіоръ*, жена коммерсанта Морица Мельхіоръ; друзья А., въ виллѣ которыхъ „Ролигхедѣ" А. часто и подолгу гостилъ въ послѣдніе годы жизни. Тамъ же онъ и умеръ, окруженный попеченіями г-жи Мельхіоръ.

13) *Билле*, редакторъ датской газеты *„Dagbladet"* и извѣстный политическій дѣятель.

14) *Собю*, датскій скульпторъ, по модели котораго отлитъ изъ бронзы памятникъ Андерсену, поставленный въ Розенборгскомъ саду въ Копенгагенѣ.

15) *Бастгольмъ Гансъ* (1774—1856) священникъ, извѣстный библіофилъ и высоко нравственный человѣкъ. См. *„Сказка м. ж."* стр. 41.

16) *Бремеръ Фредрика*, извѣстная шведская писательница (1801—1865). Побывавъ въ Америкѣ въ 1849—51 г. она, по возвращеніи въ Швецію занялась вопросомъ объ уравненіи правъ женщинъ; романы и повѣсти ея проникнуты духомъ цѣломудрія, простоты и любви къ семейной жизни. Въ прекрасной повѣсти *„Сосѣди"* она даетъ замѣчательно живое изображеніе домашняго быта шведовъ.

17) *„Душа послѣ смерти"* см. *„Сказка м. ж."* стр. 123.

18) *„Мавританка"* см. *„Сказка м. ж."* стр. 120.

19) *Рихардъ Христіанъ*, весьма симпатичный датскій поэтъ-лирикъ.

20) *„Han er ikke født"* (Онъ не рожденъ), см. *„Прилож. къ сказкѣ м. ж."* примѣч. стр. 292.

21) См. *„С. м. ж."* стр. 36—39.

22) См. *„С. м. ж."* стр. 51.

23) *Гаухъ Іоганнесъ Карстенъ* извѣстный датскій поэтъ и критикъ (1790—1872). Особеннымъ успѣхомъ пользуются его прекрасные романы *„Vilhelm Zabern"*, *Guldmageren"* (Альхимикъ), *„En polsk Familie"*, *„Slosset ved Rhinen"*, *„Robert Fulton"* и *„Charles de la Bussière"*, драматическія произведенія *„Söstrene paa Kinnekullen"*, *„Tycho Brahes Ungdom"* и *„Æren tabt og vunden"*, и лирическія стихотворенія *„Lyriske Digte*, 1842), которыя принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній датской литературы. Съ 1846 г. Г. занималъ каѳедру эстетики при Кильскомъ университетѣ, а по смерти Эленшлегера—при Копенгагенскомъ.

24) Въ письмѣ къ *Ингеману* отъ 28 августа 1845 г. *А.* говоритъ: „— —Мнѣ хотѣлось бы написать Гауху по поводу сказокъ. Онъ однажды высказалъ мнѣ въ письмѣ свое удовольствіе по поводу *пословицы:* „Не бѣда родиться въ утиномъ гнѣздѣ, если вылупился изъ лебединаго яйца". Я, кажется, не успѣлъ тогда обратить его внима-

ніе на то, что это мои собственныя слова, непосредственно вылившіяся изъ самой сказки, а не пословица. Подобныхъ афоризмовъ не мало найдется въ моихъ сказкахъ, и всѣ они принадлежатъ мнѣ самому".

25) *Ингеманъ Бернардъ Северинъ*, одинъ изъ самыхъ популярныхъ датскихъ поэтовъ-романистовъ (1789—1862). Его историческая поэма „*Valdemar den Store og hans Mænd* (1824) положила начало цѣлому циклу его историческихъ романовъ, получившихъ огромное распространеніе по всему сѣверу и ставшихъ народнымъ чтеніемъ: „*Valdemar Sejer*" (1826), „*Erik Menveds Barndom*" (1828), „*Kong Erik og de Fredlöse*" (1833), „*Prinds Otto af Danmark*" (1835); завершается этотъ циклъ поэмою „*Dronning Margrethe*" (1836). Весьма любимы въ Даніи также его религіозныя пѣсни „*Höitessepsalmer*", проникнутыя любовью и кротостью и доставившія автору прозвище „свѣтлаго Бальдура датской поэзіи". См. „*Сказка моей жизни*", стр. 106—7.

26) „*Эльза педантка*"—одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедій Гольберга „*Barselstuen*", (Поздравленія съ новорожденнымъ), говорящее книжнымъ языкомъ.

27) Одно изъ тѣхъ испытаній, которымъ подвергался Торъ въ Іотунгеймѣ. (Сѣв. миѳ.).

28) *Лэссё Сигне*, жена коммерсанта И. Ф. Лэссе (1781—1870), одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ женскихъ личностей, которыя имѣли на А. самое благотворное и сильное вліяніе. См. „*Сказка м. ж.*" стр. 72—73, 90.

29) *Тегнéръ Эсаясъ*, епископъ и знаменитый шведскій поэтъ (1782—1846). Первые поэтическіе труды, обратившіе на него вниманіе публики, были „*Svea*", (1811), „*Nattvardsbarnen*" (1821), „*Axel*" (1822), особенно же ставшая національной пѣснь „*Carl XII*". Главнымъ же прославившимъ его имя произведеніемъ является „*Frithiofs Saga*", переведенная на всѣ языки, на нѣкоторые даже болѣе 20 разъ.

Письма и афоризмы помѣщенные самимъ А., въ „Сказкѣ моей жизни" и въ „Приложеніи" къ ней.

Отъ него: Диккенсу: 270—71; *Ингеману:* 263—64; *Іердану* ред. „*Literary Gazette*"*:* 221—23; *Одензейскому городскому управленію:* 310—11; *Эрстеду:* 240—42.

Къ нему: Отъ королей: *Христіана VIII:* 196; *Фредерика VII*: 288; *Христіана IX*: 316.- Отъ *Бастгольма:* 41; *Бьёрнсона:* 288—89; *Гейне:* 78; *Диккенса:* 216—217; *Ингемана*: 272—73, 275; *Коллина Эдварда*: 89—90; *г-жи Лэссё:* 90; *Рашели*: 147; *Шумана:* 162; *Эленшлегера:* 217—19; *Эрстеда*: 238—39.

Стихи и экспромпты, помѣщенные въ переводѣ А. В. Ганзенъ въ „*Сказкѣ моей жизни*" и въ „*Приложеніи*" къ ней. Принадлежащія *Андерсену*: 60, 63, 65—66, 123, 137, 138, 140—41, 172, 195, 227, 247, 294, принадлежащія другимъ лицамъ: *Бьёрнсону:* 285—86, 399; *Гейне* (въ подлинникѣ) 149; *Крону*: 315—16; *Ламартину:* (въ подлинникѣ) 144; *неизвѣстному автору*: 313; *Эрстеду:* 240.

„Г. Х. Андерсенъ и семья Коллина".

(*H. C. Andersen og det Collinske Hus*, изд. *Э. Коллиномъ*, Копенгагенъ 1882 г.)

Обширный трудъ К., изъ котораго мы приводимъ только заключительную часть—воспоминанія его и характеристику А.—является въ сущности только собраніемъ матеріаловъ для біографіи А.

Самъ К. говоритъ въ предисловіи: «Покойный другъ мой, Г. Х. Андерсенъ, часто посѣщая мой домъ, передавалъ мнѣ кое-какія касающіяся его біографіи записки, которыя онъ находилъ, роясь въ своихъ бумагахъ. Онъ видѣлъ во мнѣ и коллектора и друга и зналъ, что даже такіе отрывки, иногда просто клочки бумаги, представляли для меня интересъ. Врядъ ли онъ когда-нибудь предполагалъ имѣть во мнѣ своего біографа,—онъ самъ былъ имъ; но онъ совершенно вѣрно полагалъ, что посредствомъ этихъ частныхъ свѣдѣній можно будетъ составить себѣ болѣе ясное представленіе о его личности, чѣмъ по его собственному субъективному изображенію ея въ «*Сказкѣ моей жизни*».

Побудило же меня къ напечатанію этихъ записокъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что А. оставилъ по себѣ очень много друзей, для которыхъ возможно точныя свѣдѣнія и болѣе яркое освѣщеніе его личности всегда будутъ желательны. Я не выступаю біографомъ А., тѣмъ меньше его панегиристомъ; я не касаюсь его значенія, какъ поэта, оно уже оцѣнено всѣмъ свѣтомъ. Если онъ и не былъ *великимъ* человѣкомъ, то онъ былъ *знаменитымъ* и безспорно самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ датскихъ писателей. А гдѣ дѣло касается жизни людей знаменитыхъ, представляютъ интересъ даже мелкія подробности.— —

Пользовался я главнымъ образомъ матеріалами изъ собственной коллекціи, т. е. письмами А. ко мнѣ и другимъ членамъ моей семьи, при чемъ мнѣ поневолѣ и пришлось вообще нѣсколько выдвинуть семью Коллинъ. Имѣю, впрочемъ, основаніе сомнѣваться, чтобы имѣлись какіе-либо другіе источники, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть существенныя свѣдѣнія о первой юности А.

Предполагаю, что читатели уже знакомы съ книгой А. «*Сказка моей жизни*»; помимо сказокъ, эта книга прославила его больше, чѣмъ какое-

либо другое изъ его произведеній, особенно же первая ея часть. Самъ А. считаетъ началомъ новой эпохи его жизни поѣздку его въ Италію въ 1833 г. Найдутся, пожалуй, люди, которые скажутъ, что начало это слѣдуетъ скорѣе отнести къ 1837 г., когда А. словами: «Шелъ солдатъ по дорогѣ: разъ-два! разъ-два!» вступилъ въ царство сказокъ».

Трудъ К. дѣлится собственно на три части: первая содержитъ переписку А. съ семьей Коллинъ, указанія времени выхода отдѣльныхъ сочиненій А., рецензіи на нихъ и примѣчанія самого К.; вторая часть—собственно воспоминанія К., которыя и приводятся здѣсь почти полностью; третья же—біографическія свѣдѣнія обо отцѣ К.—Іонасѣ Коллинѣ и вообще о семьѣ К.

Несмотря на нѣкоторую отсталость и крайнюю односторонность возрѣній К., записки его представляютъ очень цѣнный матеріалъ для біографіи А., особенно въ связи съ автобіографіей и перепиской А. Прекрасными дополненіями къ запискамъ К. служатъ: письмо его племянницы *Іонны* и «*Замѣтки для характеристики А.*» проф. *В. Блока*.

Приступая къ болѣе подробному ознакомленію читателей съ личностью А., начну съ того, что являлось самымъ раннимъ источникомъ его горестей —недостатка познаній вообще и грамматическихъ въ частности. А въ этихъ отношеніяхъ онъ могъ меньше всего ожидать снисхожденія въ нашемъ домѣ. Отецъ мой не терпѣлъ небрежнаго отношенія къ языку. А. зналъ свою слабость по этой части и признавалъ справедливость упрековъ, но съ годами становился все менѣе и менѣе уступчивымъ, начиналъ сердиться и настаивать на своемъ. Съ первыхъ же шаговъ своихъ на литературномъ поприщѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ онъ являлся ко мнѣ съ своими рукописями и вообще подчинялся моимъ совѣтамъ и указаніямъ, но я всетаки отлично видѣлъ, что большинство моихъ замѣчаній казались ему просто придирками. Онъ принималъ мои поправки какъ бы въ силу печальной необходимости, и сколько разъ бывало глубоко вздохнетъ онъ во время нашего совмѣстнаго чтенія! Мнѣ приходилось поэтому дѣйствовать съ большой осторожностью, чтобы не отбить у него охоту обращаться ко мнѣ за совѣтами. Иногда, кромѣ орѳографическихъ поправокъ, я отваживался предложить и стилистическія. У А. было, напримѣръ, удивительное пристрастіе начинать предложенія тѣмъ словомъ, на которое, по его мнѣнію, падало удареніе. Затѣмъ, облюбовавъ какое-нибудь образное выраженіе, онъ уже злоупотреблялъ имъ. Наконецъ, я долженъ отмѣтить его нелюбовь къ слову «который». Но когда я обращалъ его вниманіе на упомянутыя слабости, говоря, что подобныя выраженія и разстановка словъ, позволительны лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и что пристрастіе къ нимъ легко можетъ обратиться въ дурную привычку зло-

употреблять ими, что такъ не пишетъ ни одинъ изъ образцовыхъ датскихъ писателей, онъ прерывалъ меня возгласомъ: «Ну такъ это моя *особенность!*» Приходилось, конечно, соглашаться съ этимъ. Еще болѣе вредилъ моему вліянію въ этомъ отношеніи успокоившій его отзывъ нѣкоторыхъ лицъ: «Всѣ эти ошибочки и *должны* быть въ его произведеніяхъ, — это характерныя мелочи, свойственныя его таланту» *). Впослѣдствіи же ему льстило то, что первое признаніе его таланта раздалось изъ Германіи, «гдѣ цивилизація старше, и у людей уже отбитъ вкусъ къ школьной дрессировкѣ и развито обратное стремленіе къ первобытной естественной свѣжести, тогда какъ мы, датчане, все еще благочестиво преклоняемся передъ унаслѣдованнымъ отъ предковъ ярмомъ школы и передъ отжившею отвлеченною мудростью.» **). Было бы напрасно скрывать то, о чемъ свидѣтельствуетъ вся ранняя литературная дѣятельность А. — о его недостаточномъ вниманіи къ формамъ родного языка, хотя и наврядъ ли онъ отвергалъ то, что сдѣлали для чистоты и благозвучности датскаго языка современные ему писатели. А., конечно, чувствовалъ недостаточность своихъ познаній, но не могъ преодолѣть своей неохоты продолжать учиться и по окончаніи гимназіи.

Первые труды А. вызвали похвальные, во всякомъ случаѣ благосклонные отзывы лишь съ бѣглыми замѣчаніями по поводу грамматическихъ погрѣшностей; и онъ самъ смотрѣлъ на эти замѣчанія, какъ на пустяки въ сравненіи съ общимъ признаніемъ его таланта. Но по мѣрѣ быстраго безпрерывнаго появленія въ свѣтъ его слѣдующихъ трудовъ, критика стала предъявлять свои требованія настойчивѣе. А. не могъ ни игнорировать эти требованія, ни выполнить ихъ и поэтому относился къ нимъ какъ къ незаслуженнымъ обидамъ, огорчался ими, но по неосторожности своей прикидывался будто презираетъ ихъ. Онъ думалъ, что можно отдѣлаться отъ нихъ остроумнымъ словцомъ или замѣчаніемъ. Послѣднихъ не мало въ его письмахъ. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ: «Право, въ саду поэзіи скоро появится мостовая!» Объ «*Агнетѣ*» онъ писалъ: «Только бы ее нашли достаточно грамотной! Къ несчастью или къ счастью, доставая свою Агнету изъ волнъ, я имѣлъ въ виду не педантку Эльзу, а Афродиту!» Но, разумѣется, все это мало помогало дѣлу, точно такъ же какъ и его увѣренія, что всѣ эти упреки вызваны «несвареніемъ желудка» у критиковъ.

Впродолженіе многихъ лѣтъ его произведенія носили слѣды слишкомъ поспѣшной работы. Онъ зналъ, что они нуждались въ пересмотрѣ, но неохотно откладывалъ ихъ напечатаніе. Онъ и признавался въ этомъ самъ въ письмѣ одному писателю, называя его «счастливцемъ» за то, что онъ имѣетъ возможность дать своимъ трудамъ полежать, тогда какъ «мои духовные дѣтки

*) Ср. „Сказка моей жизни" стр. 134. Слова Эленшлегера. *Прим. перев.*

**) Тамъ же, стр. 135.

едва родятся, сейчасъ должны отправляться гулять по бѣлу свѣту. Я не знаю покоя, пока не увижу ихъ въ печати,—вотъ что печально.» Вотъ за эту-то скороспѣлость Мольбекъ и Гейбергъ и называли его труды «мараньемъ».

Основною чертою, преобладавшею въ душевномъ настроеніи А., была меланхолія. Ею-то я и объясняю всѣ остальныя, какъ то: тщеславіе, нетерпѣливость, подозрительность, обидчивость и т. п. На эту меланхолію, зачатки которой, разумѣется, надо искать въ его печальной юности, а въ развитіи которой онъ винилъ отчасти окружающихъ, онъ самъ смотрѣлъ какъ на слабость нервовъ. Можетъ быть, это была просто слишкомъ обостренная воспріимчивость и къ хорошимъ и къ дурнымъ впечатлѣніямъ и полное отсутствіе силы противостоять послѣднимъ. А, можетъ быть, это обусловливалось скрытыми ранними зачатками той болѣзни, которая впослѣдствіи и привела его къ могилѣ. Самъ онъ часто и не безосновательно указывалъ также какъ на причину на сильно разстроившій его нервную систему солнечный ударъ, постигшій его въ 1846 г. въ Неаполѣ.

Уже въ юности А. откровенно сознается, что страдаетъ иногда «болѣзненнымъ настроеніемъ фантазіи». Въ письмахъ, писанныхъ имъ изъ гимназіи, онъ говоритъ: «Я несчастный душевно-больной.» «Помните, что я развинченъ.» Въ 1833 г. онъ пишетъ: «...всегда кто-нибудь да ухаживаетъ за моимъ больнымъ сердцемъ. Но оно все не довольно, все, какъ неблаговоспитанное дитя, проситъ еще и еще!» Позже онъ пишетъ: «Изъ путешествія я вернулся веселымъ; теперь ужъ не то; почему? Да спросите объ этомъ Того, Кто такъ натянулъ во мнѣ всѣ нервныя струны.» Среди его бумагъ я нашелъ такую записку (приблизительно отъ 1848 г.) «Я много слышалъ объ англичанахъ, одержимыхъ сплиномъ; это особенное свойство, смахивающее на грусть, часто доводитъ ихъ до самоубійства; я страдаю чѣмъ-то подобнымъ же.»

Рядомъ съ этою меланхоліей развилась въ немъ и нервная раздражительность, которая, къ сожалѣнію, и была его вѣрнымъ спутникомъ всю жизнь, начиная еще съ того времени, когда онъ только что вошелъ въ наше семейство и сталъ нашимъ ежедневнымъ гостемъ. Насколько я запомню, не проходило и дня, чтобы онъ на что-нибудь не обидѣлся. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно внезапно исчезалъ изъ комнаты, но скоро возвращался обратно, осушивъ предварительно слезы. Иногда можно было догадаться о причинѣ, которою могло быть и не такъ понятое слово, и особенное вниманіе, оказываемое постороннему человѣку, а чаще всего—перерывъ его вѣчнаго чтенія, вызванный, напримѣръ, тѣмъ, что черезъ комнату пробѣгала служанка, торопившаяся отворить на звонокъ входную дверь.

Чтобы яснѣе показать, до какихъ крайностей доходила его раздражительность и обидчивость, придется слегка коснуться нашей семейной жизни, въ которой онъ принималъ постоянное участіе. Нашъ домъ былъ, вѣдь, для

него «роднѣе родного», какъ онъ часто выражался, когда «летѣлъ домой на кончикѣ пера и клочкѣ бумаги». Выйдя изъ гимназіи, онъ бывалъ у насъ ежедневно; на него смотрѣли, какъ на члена семьи; ни одно сколько-нибудь значительное событіе въ нашей семейной жизни не обходилось безъ его участія. Но я не могу сказать, чтобы онъ особенно дѣятельно участвовалъ въ юношескомъ весельѣ младшихъ членовъ семьи; юнымъ, вѣрнѣе юношески веселымъ онъ никогда не былъ. И всѣ мы часто чувствовали, что онъ самъ сознавалъ это и страдалъ отъ этого.

Вспоминая А. въ различные возрасты и періоды его жизни, я всего живѣе представляю его себѣ такимъ, какимъ онъ былъ въ началѣ нашего знакомства. Какъ сейчасъ вижу его сидящимъ за длиннымъ столомъ во время какого-нибудь семейнаго торжества и исполняющимъ обязанность смотрителя за свѣчами; тогда у насъ были въ ходу только сальныя свѣчи, и съ нихъ поминутно приходилось снимать нагаръ, что и было возложено на А.,—его долговязая фигура позволяла ему дѣлать это, не вставая съ мѣста, и онъ твердой рукой приводилъ свѣчи въ порядокъ иногда на невѣроятныхъ разстояніяхъ. Въ нашей семейной жизни, особенно въ торжественныхъ случаяхъ, большую роль играли застольныя пѣсни; пѣли мы пѣсни Рабека Эленшлегера, Гейберга, Герца и др. и нашего семейнаго піита Бойе (зять моего отца). По стопамъ же послѣдняго послѣдовали болѣе или менѣе удачно я и А. Большинство пѣсенъ А. было пріурочено къ 6 января, дню рожденія моего отца; всѣ онѣ дышатъ глубокою, истинною любовью, но грѣшатъ формою,—отдѣлывать и обчищать было не его дѣло—и тяжелы по настроенію. Напротивъ, въ устной бесѣдѣ А. бывалъ неподражаемо забавенъ и остроуменъ. Я не знавалъ никого, кто бы умѣлъ такъ какъ онъ прицѣпиться къ какому-нибудь самому ничтожному факту, предмету, чертѣ характера и обработать ихъ своимъ остроуміемъ, не придерживаясь при этомъ особенной точности. Онъ чуть не каждый день угощалъ насъ какимъ-нибудь забавнымъ разсказомъ о чемъ-нибудь, приключившемся съ нимъ. И, зная его разсказы, вполнѣ поймешь, что адмиралъ Вульфъ, выслушавъ однажды такой разсказъ А., схватилъ себя за голову и воскликнулъ: «Ну это онъ вретъ, чортъ меня побери, вретъ! Вѣдь, ни съ кѣмъ изъ насъ ничего такого не случается!» А. преуморительно изображалъ эту сцену. Надо было также видѣть, какъ онъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ разъ въ Германіи явился въ аптеку и требовалъ себѣ «американскаго масла» *); никто не могъ понять его, пока онъ, наконецъ, не пояснилъ дѣла подходящими къ случаю жестами. Тогда всѣ служащіе въ аптекѣ воскликнули «Ah! Ricin-Oel!»

*) Касторовое масло принято въ Даніи называть „американскимъ“.

Примѣч. перев.

Въ сказкахъ его найдется не мало доказательствъ этой его способности схватывать всѣ комическія черточки изъ обыденной жизни, часто ускользавшія отъ вниманія другихъ. Нашъ семейный кружокъ доставлялъ ему не мало матеріала. Приведу нѣсколько примѣровъ. Маленькая дочка моя разъ показала ему «гуська» и спросила — можетъ ли онъ прыгнуть такъ высоко какъ блоха. Въ тотъ же день А. пришелъ къ намъ опять и прочелъ сказку «*Прыгуны*»*).

Однажды онъ читалъ моей женѣ прологъ, написанный имъ для маскарада въ Казино; она сдѣлала ему массу возраженій. Онъ ушелъ домой, чтобы переписать прологъ и вернулся съ новой обработкой его; оказалось, что онъ ввелъ новое дѣйствующее лицо—г-жу Сёренсенъ, въ уста которой и вложилъ всѣ возраженія моей жены; меня же лично онъ задѣлъ больнѣе всѣхъ, изобразивъ меня важничающею «*Тѣнью*». Ну, да этимъ онъ только поквитался со мною.

Вернусь къ раздражительности его; то пустячное обстоятельство, что я также писалъ застольныя пѣсни, доставило А. много горькихъ минутъ и подало поводъ къ многимъ непріятнымъ сценамъ.

Въ то время были въ большомъ ходу каламбуры. Эта забава была совсѣмъ не во вкусѣ А., и, присутствуя при ней, онъ часто глубоко вздыхалъ, но это только давало намъ лишній поводъ пройтись на его счетъ; мы были, вѣдь, тогда очень молоды. Я, вѣрно, часто также досадовалъ его этими каламбурами въ своихъ письмахъ,—я желалъ дать отпоръ его сентиментальности. Въ пѣсняхъ моихъ эти каламбуры играли главную роль: писалъ я пѣсни, вѣдь, только ради того, чтобы позабавить за обѣдомъ своихъ семейныхъ, и хорошо зналъ свою публику. Если правда, что «хорошо принятая пѣсня хорошо спѣта», то мои пѣсенки заслуживали этой похвалы, хотя мнѣ никогда и въ голову не приходило оскорблять датскую литературу излишними притязаніями на увѣковѣченіе этихъ пѣсенъ. Семейнымъ моимъ онѣ доставляли нѣсколько веселыхъ минутъ, что же касается А., то приходится вспомнить здѣсь поговорку: «Какъ плохо тому, кто сниметъ одежду въ холодный день, такъ плохо и тому, кто поетъ для недовольнаго сердца».

Юморъ и остроуміе А. никогда не проявлялись въ его пѣсенкахъ. Шутки, имѣющія значеніе только для данной минуты, были не въ его духѣ; онъ былъ для нихъ слишкомъ тяжеловѣсенъ, не могъ расшалиться во всю; къ тому же ему недоставало легкости и игривости языка. Солидное остроуміе не можетъ конкурировать съ мимолетной шуткой, которая вырывается за веселой трапезой и которую приходится схватывать на лету безъ объяснительныхъ примѣчаній. Тутъ нужно умѣть удовлетвориться однимъ звукомъ словъ и риѳмъ,—размышленіе ведетъ насъ уже въ другую область. Вспо-

*) См. Т. I, стр. 285.

минаю при этомъ, что случившийся разъ за обѣдомъ посторонній, не столь посвященный во всѣ обстоятельства минуты, соображалъ въ чемъ дѣло и начиналъ смѣяться надъ первой строфой лишь тогда, когда мы уже пѣли вторую.

По странной ироніи судьбы, А. какъ разъ въ той-то семьѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя какъ дома, и долженъ былъ столкнуться съ такимъ стихотворныхъ дѣлъ мастеромъ, какъ я. Меня тѣшило доставлять своимъ маленькимъ талантомъ столько удовольствія всѣмъ моимъ семейнымъ, особенно же отцу, который, не смотря на свои преклонные лѣта, могъ вполнѣ сочувствовать этимъ шалостямъ; но радость мою часто нарушалъ въ этихъ случаяхъ А.; онъ не могъ скрыть своей досады, такъ что шуринъ мой Линдъ справедливо замѣчалъ: «Эдвардъ пишетъ пѣсенки, А. же строитъ къ нимъ гримасы.» И не рѣдко бывало нашъ семейный праздникъ разстраивался, благодаря тому, что А. тихонько удалялся изъ-за стола со слезами на глазахъ, а сестры мои уходили за нимъ утѣшать его, въ чемъ почти всегда и успѣвали. Не въ моемъ характерѣ было брать роль утѣшителя на себя, но я разъ имѣлъ съ А. по этому поводу серьезный разговоръ. Онъ и признался тогда, что во всемъ виновато болѣзненное настроеніе, которое онъ иногда не въ силахъ подавить въ себѣ.

Обидчивость же мало-по малу и привела А. къ подозрительности, развитію же ея отчасти поспособствовали нѣкоторыя обстоятельства его жизни. Надо замѣтить, что подозрительность его почти всегда была вызвана сообщеніями того или другого знакомаго, что будто-бы тотъ или другой критикъ сказалъ или написалъ или собирается написать о немъ что-то нехорошее. Добрые друзья вообще не упускали случая порадовать его такими сообщеніями, и онъ самъ зналъ, что были «лица, которыхъ забавляло огорчать» его. Впослѣдствіи почти всегда оказывалось, что сообщенія были ложны, но даже и тогда онъ не могъ стряхнуть съ себя перваго впечатлѣнія. Онъ самъ сознавалъ всю тяжесть такого положенія и говорилъ, что эти «дружескія сообщенія отравляютъ его мозгъ, такъ что онъ, и зная даже, что они лживы, не можетъ освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія.»

Я не стану говорить о многочисленныхъ проявленіяхъ этой безпокойной подозрительности, заставлявшей его, какъ собаку Діогена въ романѣ Диккенса «*Домби и сынъ*», выслѣживать изъ-за угла воображаемаго врага. Но я не могу обойти молчаніемъ его словъ, вродѣ слѣдующихъ: «Случалось даже, что я встрѣчалъ на улицѣ прилично одѣтыхъ людей, которые, проходя мимо меня, скалили зубы и отпускали на мой счетъ злорадныя шуточки.» Слова эти, благодаря переводамъ «*Сказки моей жизни*» стали извѣстными всему свѣту и всѣхъ убѣдили въ жестокости датчанъ къ начинающимъ писателямъ. Я лично того мнѣнія, что все это являлось лишь плодомъ его болѣзненно-настроеннаго воображенія.

Болѣе мягкимъ проявленіемъ его нервной раздражительности являлось свойственное ему нетерпѣніе, которое, впрочемъ, также не мало испортило ему крови. Онъ началъ свою литературную карьеру, задавшись цѣлью—сдѣлаться знаменитымъ, съ тѣмъ, однако, чтобы это исполнилось тотчасъ же. Опытъ скоро показалъ ему, что это не такъ-то легко, и онъ сталъ искать причину неудачи въ окружающихъ и боролся съ ними, а не съ своей безпокойной душой. Грустное убѣжденіе А., что въ медленности его завоевательнаго шествія по «пути славы» виновато одно людское недоброжелательство такъ укоренилось въ немъ, что онъ не могъ окончательно освободиться отъ него даже и въ зрѣлые годы, когда уже достигъ всеобщаго признанія своего таланта. Особенно замѣтно проявлялось это нетерпѣніе въ его отношеніяхъ къ датскому театру.

И въ ежедневной жизни мы то и дѣло убѣждались, какъ плохо онъ справлялся съ своимъ нетерпѣніемъ. Короткая отсрочка, неожиданная задержка, препятствіе, тотчасъ же разстраивали его, если даже дѣло шло о пустякахъ. Хуже всего было, если лица, съ которымъ онъ желалъ поговорить, не оказывалось дома, или оно не могло тотчасъ же быть къ его услугамъ. Припоминаю множество подобныхъ примѣровъ, относящихся къ тому времени, когда онъ бывалъ нашимъ ежедневнымъ гостемъ. Онъ выражалъ сильнѣйшее нетерпѣніе, если оказывалось, что я занятъ какимъ нибудь дѣловымъ разговоромъ; правда, онъ удалялся обождать въ комнаты другихъ членовъ семьи, но скоро возвращался назадъ, теребилъ ручку двери, просовывалъ въ комнату голову и удивленно провозглашалъ: «Ну?!» Впрочемъ, онъ и самъ подшучивалъ надъ этой своей слабостью. Такъ однажды (1860 г.), не заставъ моей жены дома, онъ оставилъ ей слѣдующую записку: «г-жа Коллинъ! Мнѣ очень прискорбно, что Вы избѣгаете меня; я сейчасъ же ухожу, послѣ завтра уѣзжаю и скоро умру! Съ почтеніемъ *Г. Х. Андерсенъ.*»

Но едва-ли такъ бросалась въ глаза всѣмъ какая другая слабость А., какъ его пресловутое тщеславіе. Но я всегда относился къ этому выраженію критически, особенно если имъ хотѣли опредѣлить сущность натуры А. Что такое тщеславіе? Мольбекъ называетъ тщеславіемъ «стремленіе придавать цѣну своимъ собственнымъ качествамъ, лишеннымъ, однако, истинныхъ внутреннихъ достоинствъ, или стремленіе всегда и всюду выдвигать свои дѣйствительныя или воображаемыя совершенства». Я бы желалъ прибавить къ этому отъ себя: это стремленіе настолько свойственно людямъ, что лишь немногіе могутъ противостоять ему. А. не принадлежалъ къ числу этихъ немногихъ. Но онъ нисколько не тщеславился напр. своей наружностью. Подросткомъ ему доводилось выслушивать не мало насмѣшекъ насчетъ ея; выросши, сформировавшись и пріобрѣтя привычку держаться болѣе свободно, онъ также не обманывалъ себя никакими иллюзіями на этотъ счетъ. Я не въ состояніи нарисовать его портрета въ молодые годы;

немного также скажетъ намъ и паспортъ или свидѣтельство о здоровьѣ, выданный ему въ Оршовѣ: Ein Schriftsteller, französischer Unterthan: Kopenhagen in Dänemark wohnhaft, ledigen Standes, braune Haare, graue Augen, länglichen Angesichtes, deutch gekleidet». (Писатель, французскій подданный, живущій въ Копенгагенѣ; холостъ, волосы русые, глаза сѣрые, лицо продолговатое, платье нѣмецкое).

Что было у А. дѣйствительно красиво это волосы; онъ отлично зналъ это и, желая щегольнуть ими, часто завивалъ ихъ. Особеннымъ щеголемъ онъ никогда не былъ, но одѣвался всегда тщательно. Мало что доставляло людямъ столько удовольствія и пищи для толковъ и разсказовъ, какъ привычка А. смотрѣться въ зеркало: А. не могъ пройти мимо зеркала, чтобы не поглядѣться. Намъ, знавшимъ его такъ близко, извѣстно было, что дѣлалъ онъ это не въ чаяніи увидѣть красавца, а просто желая «состроить геніальное лицо». Онъ самъ съ милой откровенностью признавался, что старается казаться геніальнымъ. Каждая новая фотографія А. того времени и говорила объ этомъ его стараніи «состроить геніальную физіономію». Поэтому всѣ ранніе портреты не даютъ истиннаго представленія о немъ. Вотъ еслибы фотографу удалось схватить то выраженіе лица А., которое бывало у него, когда онъ восхищался чѣмъ нибудь прекраснымъ, тогда бы всѣ увидѣли, какимъ прекраснымъ становилось тогда и самое лицо его.

Открыто выражалъ онъ и свою жажду похвалъ. Вотъ что напр. писалъ онъ: «Я счастливъ только когда меня хвалятъ всѣ и каждый; всякій же, кто бы онъ ни былъ, относящійся ко мнѣ несочувственно, въ состояніи нагнать на меня тоску.» Болѣе откровеннаго признанія и требовать нельзя. Вотъ эта-то жажда похвалъ много и вредила ему; она давала разной мелюзгѣ поводъ прохаживаться на его счетъ. А. не могъ удовольствоваться сознаніемъ, что онъ въ качествѣ поэта-сказочника признанъ единственнымъ въ свѣтѣ; онъ желалъ постоянно слышать похвалы себѣ или видѣть ихъ въ печати. Жажда эта вызывалась отчасти его непреодолимой склонностью вѣчно возиться съ собственнымъ «я», которой онъ и не скрывалъ. Вѣдь, и всякій писатель радовался бы, видя, что его труды имѣютъ успѣхъ и за-границей, но радовался, можетъ быть, про себя. А. этого не могъ; онъ разсказывалъ о своихъ успѣхахъ всѣмъ и каждому и требовалъ, чтобы всѣ радовались вмѣстѣ съ нимъ. Разсказываютъ, что онъ разъ перебѣжалъ на другую сторону улицы, чтобы сказать знакомому: «Ну, теперь меня читаютъ и въ Испаніи! Прощайте!» И это такъ на него похоже. Что же руководило имъ въ данномъ случаѣ? Тщеславіе? Я скорѣе назвалъ бы это чувство «дѣтской радостью». И почти всѣ анекдоты, ходившіе о его тщеславіи, основывались въ сущности на проявленіяхъ той же радости. А. до конца сохранилъ чисто дѣтскую способность радоваться и огорчаться изъ-за пустяковъ. Его радовалъ всякій маленькій знакъ вниманія—напр. тостъ, провозглашенный за него на ка-

комъ-нибудь частномъ обѣдѣ; за то если и забывали провозгласить этотъ тостъ тамъ, гдѣ А. привыкъ къ нему, онъ тотчасъ же приходилъ въ дурное расположеніе духа. Все это, конечно, свидѣтельствовало о томъ, что онъ сохранилъ въ себѣ много дѣтскаго.

Много и часто было говорено, что А. разъѣзжаетъ по свѣту, чтобы создать себѣ славу. Трудно, однако, доказать справедливость такого положенія, а еще труднѣе объяснить себѣ—какъ это онъ могъ создавать себѣ славу однимъ своимъ появленіемъ. Брандесъ правъ, говоря: «Ахъ, еслибъ слава создавалась поѣздками!» Правъ и В. Блокъ, насмѣшливо предлагая другимъ поэтамъ испробовать это средство. А. было извѣстно изъ многихъ писемъ отъ его нѣмецкихъ почитателей, что онъ знаменитъ, но онъ желалъ убѣдиться въ этомъ лично на мѣстѣ, желалъ лично воспринять похвалы. Сколькіе на его мѣстѣ поступали бы также, только болѣе скрытно! Онъ же и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ, дѣйствовалъ прямо и открыто, отдавая себя на судъ людской. Въ «*Сказкѣ моей жизни*» находится, къ сожалѣнію, не мало выраженій, послужившихъ А. во вредъ, почти неисправимый. Такъ напр., разсказывая о томъ, что въ Швеціи появилась перепечатка его «*Прогулки на Амагеръ*», онъ прибавляетъ: «Подобное случалось лишь съ лучшими произведеніями Эленшлегера», обнаруживая этимъ свое тщеславіе. Затѣмъ, онъ говоритъ объ устройствѣ электромагнитнаго телеграфа и прибавляетъ: «Я первый обратилъ вниманіе копенгагенцевъ на это открытіе.» Ему вообще было свойственно желаніе слыть за человѣка, являвшагося первымъ даже въ сообщеніи о новостяхъ.

Всѣ эти мелкія, чисто дѣтскія слабости, конечно, легко можно было извинить въ домашнемъ обиходѣ, но нельзя удивляться и тому, что проявленія ихъ въ его автобіографіи раздражили многихъ. Можно-ли, однако, все сваливать на его тщеславіе? Развѣ можно назвать тщеславіемъ желаніе А. заставить родину гордиться его славой за-границей? Вообще, вѣдь, принято считать, что человѣкъ, прославившій себя за-границею, дѣлаетъ честь своей родинѣ. Между тѣмъ А. приходилось на опытѣ узнать другое, хотя слава его и была дѣйствительностью, а не его собственнымъ измышленіемъ. Датская пресса не могла отрицать фактовъ, но могла замалчивать ихъ, притворяясь незнающею о нихъ. Такимъ образомъ А. былъ правъ, говоря (1845): «Выходитъ, право, что кромѣ датчанъ и умныхъ людей въ свѣтѣ нѣтъ!»

Часто также выставляли А. какимъ-то ребенкомъ. Но это было большимъ заблужденіемъ на его счетъ, и онъ первый подсмѣивался надъ нимъ. Оно однако, настолько утвердилось въ публикѣ, что какой-то комитетъ, устраивавшій какое-то торжество, для котораго А. сложилъ пѣсню, благодарилъ его именно за его «чисто дѣтскую готовность услужить». Мнѣніе это возникло, вѣроятно, отъ того, что его чувствительность въ молодые годы смѣшивали съ ребячествомъ, а затѣмъ оно нашло себѣ подкрѣпленіе въ необык-

новенной способности А. подлаживаться подъ дѣтское міросозерцаніе и языкъ дѣтей. Сомнительно, однако, чтобы онъ былъ истиннымъ любителемъ дѣтей. Я хорошо помню, что онъ много возился съ моими дѣтьми, когда они были маленькими, очень забавлялся ихъ замѣчаніями (которыми и пользовался при случаѣ), но особенной нѣжности къ дѣтямъ вообще, которою отличается заправскій любитель ребятишекъ, всегда готовый цѣловать и миловать ихъ, я въ немъ не замѣчалъ. И самъ А. не желалъ выставлять себя любителемъ дѣтей; объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія съ его памятникомъ, когда онъ такъ сердился на то, что его хотѣли изобразить окруженнымъ дѣтьми.

А. оставался ребенкомъ по отношенію къ Богу; по отношенію же къ міру онъ былъ юмористомъ. Кто поглубже вникнетъ въ сущность его характера, замѣтитъ въ немъ это свойство еще съ самой ранней юности его. Уже въ 1833 г. Гейбергъ сравнивалъ его съ нашимъ безсмертнымъ поэтомъ-юмористомъ Весселемъ, а П. Л. Мёллеръ совѣтовалъ ему употребить свою находчивость и остроуміе, какъ оружія противъ педантизма и тупости. Юморъ его проявлялся и въ томъ, что онъ часто подсмѣивался надъ собственными слабостями. Такъ онъ иронизировалъ надъ самимъ собою даже на смертномъ одрѣ, говоря: «А хотѣлось бы мнѣ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на мои похороны!»

Особенно ярко проявлялось его остроуміе и находчивость въ ѣдкихъ отвѣтахъ. Въ этомъ искусствѣ онъ рано навострился, благодаря постоянной практикѣ. Эта-то остроумная находчивость часто и помогала ему выпутываться изъ затрудненій, въ которыя онъ попадалъ напр. какъ анонимный авторъ пьесъ. Примѣры онъ самъ приводитъ въ «*Сказкѣ*» своей жизни, я же могу прибавить еще одинъ. Дѣло идетъ о «*Первенцѣ*». Мнѣ показалось, что жена композитора Гартмана тоже посвящена въ тайну авторства А., и я разговорился съ ней объ этомъ. Она при встрѣчѣ съ А. и сказала ему, что узнала объ его авторствѣ отъ меня, но онъ тотчасъ же отвѣтилъ: «Ну, значитъ онъ выигралъ! Онъ пари держалъ, что заставитъ Васъ повѣрить этому!» Находчивость же А. сказывалась и въ его способности говорить и писать экспромты. Въ то время въ обществѣ, гдѣ бывалъ А., было въ модѣ давать ему рядъ словъ, изъ которыхъ онъ и долженъ былъ составить риѳмованное стихотвореньице. А. записывалъ заданныя риѳмы и съ невѣроятной быстротой набрасывалъ стихотвореніе, иногда даже довольно длинное — строкъ въ 16. Приведу одинъ примѣръ (1829 г.). А. задали тему—любовь къ отечеству и слѣдующія риѳмы: *Storm* (буря), *Gorm* (Гормъ, имя одного изъ древнихъ королей Даніи) *Mode* (обычай) и *Klode* (свѣтило, планета). А. въ ту же минуту написалъ слѣдующее четверостишіе:

Drag hen i Kampen for dit Land, min *Gorm*,
Følg ikke Tidens Luner og dens *Mode*.

Vær tro dit Land i Havblik og i *Storm*,
Da grönnes alt din Krands paa denne *Klode*.
(Борись за свою страну, мой Гормъ,
Не слѣдуй капризу времени и его обычаю,
Будь вѣренъ своей странѣ и въ тихую пору и въ бурю,
И твой вѣнокъ будетъ вѣчно зеленѣть на этой планетѣ).

Какъ о курьезѣ упомяну о запискѣ, найденной мною въ бумагахъ А. Получилъ онъ ее во время пребыванія своего въ Стокгольмѣ отъ какого-то доброжелательнаго друга; записка гласила: «Завтра Васъ пригласятъ ко двору; приготовьте экспромтъ.»

А. не былъ мыслителемъ, тѣмъ менѣе глубокимъ философомъ. Обыкновенно онъ никогда и не участвовалъ въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ; исключеніемъ являются, по его собственному утвержденію, бесѣды его съ Эрстедомъ. Отеческое отношеніе этого замѣчательнаго человѣка къ А. выше всякихъ похвалъ; о немъ говорятъ многіе примѣры, приводимые А. въ «*Сказкѣ*» его жизни. Эрстедъ, какъ многіе другіе, также занимался воспитаніемъ А., но по своей собственной мягкой, любовной системѣ, которая и была такъ по душѣ А. Но едва-ли совѣты Эрстеда имѣли какой нибудь практическій результатъ. Я могу нѣсколько судить о педагогическихъ способностяхъ Эрстеда. Этотъ прекрасный человѣкъ потратилъ даромъ много воскресеній, занимаясь (изъ дружбы къ моему отцу) со мной и братомъ моимъ математикой, когда мы готовились ко второму университетскому экзамену. Я говорю: «потратилъ даромъ», потому что онъ преподавалъ не по общепринятой учебной системѣ и только путалъ насъ. Такъ если онъ ошибался относительно степени нашей умственной зрѣлости, онъ, вѣрно, такъ же ошибался и насчетъ развитія А. Можно по крайней мѣрѣ предположить это, познакомившись съ сообщеніями А. о его бесѣдахъ съ Эрстедомъ. Такъ А. говоритъ о своей книгѣ «*По Швеціи*», что обѣ статьи «*Вѣра и Наука*» и «*Поэтическая Калифорнія*» возникли у него подъ впечатлѣніемъ глубокомысленныхъ бесѣдъ съ Эрстедомъ на темы, затронутыя послѣднимъ въ его книгѣ «*Духъ въ природѣ*». Эрстеду случалось уронить такую фразу: «Васъ такъ часто упрекаютъ въ недостаткѣ познаній, а вы въ концѣ концовъ, можетъ быть, сдѣлаете для науки больше всѣхъ другихъ поэтовъ», и А. уже воображалъ себя воистину призваннымъ къ «разработкѣ въ поэзіи нетронутыхъ рудниковъ науки»; зная неустойчивость А. можно только удивляться такому самообольщенію. Этимъ-то общеніемъ съ Эрстедомъ я и объясняю себѣ то, что А., бывшему отъ природы чисто непосредственнымъ поэтомъ, развившимся затѣмъ въ юмориста, пришло въ голову написать «*Агасфера*» и главное — романъ «*Быть или не быть*».

Онъ самъ не сознавалъ ясно въ чемъ истинная сфера его творчества, вотъ и пробовалъ себя въ разныхъ направленіяхъ.

Совершенно иного характера было вліяніе на А. Ингемана. Послѣдній видѣлъ неясное пониманіе А. собственныхъ силъ и неустойчивость его и всѣми силами старался поддержать его, вселить въ него бодрость и сознаніе собственнаго достоинства, когда онъ бывалъ подавленъ неудачами своихъ произведеній, вродѣ напр. «*Агнеты*». Всѣ порицали эту вещь, говорили, что А. просто безъ всякой связи нагромоздилъ образы, всплывавшіе въ его фантазіи; Ингеманъ, напротивъ, одобрялъ Агнету, негодовалъ на порицавшихъ ее и писалъ А.: «Сумѣйте только стать независимымъ отъ всего несущественнаго въ мірѣ поэзіи и литературы, и Господь самъ направитъ Васъ куда нужно». Обдуманно-ли поступалъ Ингеманъ, подавая такой совѣтъ не совсѣмъ еще созрѣвшему таланту? А. могъ, вѣдь, перевернуть этотъ совѣтъ такъ: «Пиши, что приходитъ тебѣ въ голову, не обращая вниманія на судъ людей, — Господь внушаетъ тебѣ эти мысли, а Онъ дурнаго внушить не можетъ». Вотъ правила, на основаніи котораго создаются незараженные умомъ плоды фантазіи. Такимъ образомъ всѣ мы, современники А., несемъ свою долю отвѣтственности за то, что каждый изъ насъ по своему старался сбить А. съ толку, долго не давая ему напасть на истинную сферу его творчества.

Настоящій трудъ мой подвергся критикѣ еще раньше, чѣмъ появился въ печати. На критику эту я самъ напросился. Естественно, что я пожелалъ узнать мнѣніе объ этомъ трудѣ близкихъ къ А. лицъ; къ числу этихъ лицъ, которые, по моему, могли быть судьями моего труда, принадлежала и племянница моя Іонна (баронеса Стампе), дочь моей сестры Ингеборги. Подросткомъ она была постоянной слушательницей разсказовъ А. и, разумѣется, вообще преклонялась передъ нимъ. Впослѣдствіи она, какъ умная и высокообразованная женщина, не могла, вѣроятно, не сознаться самой себѣ, что онъ не совсѣмъ-то таковъ, какимъ она его представляла себѣ, но все же не могла и окончательно освободиться отъ впечатлѣній дѣтства. По крайней мѣрѣ она до самой смерти А. оставалась его вѣрнымъ другомъ и всегда защищала его отъ всякихъ нападокъ. Я долженъ даже сказать, что она была прямо-таки пристрастна къ нему, а мы остальные давали ей достаточно поводовъ проявлять свое пристрастіе. Она получила отъ меня начало этого труда, когда лежала въ постели опасно больная. Болѣзнь не коснулась, однако, ея душевныхъ силъ, и она могла продиктовать одной изъ своихъ дочерей письмо ко мнѣ, отрывки изъ котораго я привожу здѣсь.

мартъ 1878 г.

«Ты правъ: я съ большимъ интересомъ читаю твой трудъ объ Андерсенѣ; я тоже нахожу, что нужно ознакомить общество съ личностью А. какъ че-

ловѣка и дружескими отношеніями его къ семьѣ Коллинъ. Начало мнѣ поэтому очень понравилось. Письма А. къ Мейслингу, къ дѣдушкѣ, разсказы о личныхъ свойствахъ А. рисуютъ его почти диккенсовски трогательно. То же самое скажу о его письмахъ къ тебѣ; въ нихъ такъ ярко выступаютъ его требовательность, раздражительность, но въ то же время и милая задушевность. То же и о письмахъ къ Луизѣ. Такой взглядъ на дѣтство и юношество А. могъ дать только ты.

Не такъ довольна я твоими возраженіями противъ «*Сказки моей жизни*»; мнѣ кажется, что ты не сумѣлъ достаточно отрѣшиться отъ взгляда на А. его раннихъ современниковъ, или по крайней мѣрѣ не чувствовалъ того, что чувствую по отношенію къ А. я. По моему, онъ дѣйствительно былъ лебедемъ, котораго порою третировали какъ безобразнаго утенка. Онъ чувствовалъ, что у него ростутъ крылья, но не могъ еще доказать этого или заставить почувствовать это и другихъ. Для него всякая выправка и муштровка была только помѣхой; онъ чувствовалъ, что съ нимъ обращаются не такъ какъ должно. Вотъ онъ и охалъ, когда поправляли его слогъ и мѣрили его на общій аршинъ. Мнѣ кажется, что, даже раздѣляя нѣкогда возрѣнія тогдашняго датскаго общества и сохраняя симпатію къ нимъ, нельзя всетаки не видѣть, что они были слишкомъ ограниченны, узки и педантичны, что форма играла большую роль, нежели слѣдовало. Такъ немудрено, что таланты, которые не могли слѣдовать за общимъ теченіемъ, скоро выбивались изъ общей колеи и терпѣли несправедливыя осужденія.

Тогдашнее общество и не могло быть инымъ, такъ какъ не могло быть впереди своего времени; нечего его, значитъ, и упрекать за это, но нельзя, по моему, и не принять этого обстоятельства къ свѣдѣнію, разъ мы хотимъ судить А. По моему, онъ принадлежалъ къ 4 великимъ поэтамъ*), а ему едва отводили мѣсто и въ ряду 12 малыхъ; словомъ, къ нему примѣняли несоотвѣтствующій масштабъ, отъ чего онъ и не могъ не страдать. Вотъ что, я нахожу, и было главной, хотя и невольной ошибкой современнаго ему общества. Ошибка же самого А. была въ томъ, что онъ требовалъ признанія себя лебедемъ прежде, чѣмъ сталъ имъ, а сталъ онъ имъ лишь когда началъ писать свои сказки. Второй его ошибкой, также невольной, былъ его произвольно-фантастическій взглядъ на отношенія людей къ нему. Ты называешь эту черту обидчивостью, я, знавшая на своемъ вѣку нѣсколько такихъ людей, увѣрена, что это былъ излишекъ фантазіи, заставлявшей А. принимать за дѣйствительное то, что ему только казалось. Люди этого сорта такъ же глубоко страдаютъ отъ воображаемыхъ обидъ, какъ и отъ дѣйствительныхъ, и въ могилу сходятъ, вполнѣ убѣжденные къ правильности своего взгляда. Эта ошибка А. доставила много горя и мученій и ему самому и другимъ, но я не считаю его отвѣтственнымъ за нее.

*) См. «*Сказка моей жизни*», стр. 57.

Другой причиной того, что недостатки А. такъ бросались въ глаза свѣту, было его сиротство. Намъ, счастливцамъ, окруженнымъ семьями, нельзя не знать, какою поддержкою и защитою служитъ намъ семья. Лишись мы ее, мы бы глубоко почувствовали ея отсутствіе. Она знаетъ наши слабости и свойства и снисходитъ къ нимъ, порою даже не замѣчаетъ ихъ,—все потому, что и сама подвержена имъ. Таковы взаимныя отношенія людей, связанныхъ узами крови; въ дружескихъ же связяхъ не всегда можно расчитывать на такую снисходительность. Какъ часто дурныя свойства человѣка—капризное расположеніе духа, странности, угрюмость, нетерпѣливость, проявляясь лишь въ четырехъ стѣнахъ, въ собственной семьѣ, остаются неизвѣстными свѣту, и такой человѣкъ слыветъ въ высшей степени милымъ и обходительнымъ. У А. не было родныхъ, которые бы понимали его слабости и снисходили къ нимъ, не было семьи, въ кругу которой онъ бы могъ излить то, что ему приходилось изливать въ кругу простыхъ знакомыхъ и друзей. Даже и въ семьѣ Коллинъ онъ не могъ, конечно, чувствовать себя настоящимъ членомъ семьи.

Если человѣкъ боленъ, и не можетъ писать самъ, а принужденъ диктовать другимъ, какъ теперь я, то лучше ему молчать. Но твой трудъ настолько интересуетъ меня, что я рѣшилась прибѣгнуть къ диктовкѣ. Мнѣ кажется, что можно оказать добрую услугу памяти А., если отнестись къ нему съ тѣмъ пониманіемъ, котораго ему такъ недоставало при жизни, а кто же можетъ истолковать сущность его натуры лучше, чѣмъ ты, его близкій другъ. Ты долженъ выяснить, что общество, окружавшее А. въ его молодые годы, было ограниченно, не понимало его, и что его раздражительность проистекала не отъ одной болѣзненности его натуры, но поддерживалась обстоятельствами. Вотъ этого-то отзвука симпатіи къ А. мнѣ и недостаетъ въ этомъ небольшомъ отрывкѣ твоего труда, и это-то и заставило меня возражать тебѣ. Не сердись на мои возраженія, а главное не наказывай меня за нихъ,—пришли мнѣ продолженіе твоего труда. Послѣднее, что ты прислалъ, мнѣ очень понравилось. Ты сумѣлъ удивительно ярко очертить оригинальныя отношенія А. къ нашей семьѣ и поразительную смѣсь въ его натурѣ обидчивости съ добродушіемъ, а также и отношенія членовъ нашей семьи къ нему.— —»

Отвѣтъ мой на это письмо и послужитъ заключеніемъ къ высказанному мною воззрѣнію на А.

9 марта 1878 г.

Письмо твое, Дорогая Іонна, очень порадовало меня, хотя оно и содержитъ такія существенныя возраженія противъ меня. Я, впрочемъ, ожидалъ ихъ; съ твоей привязанностью къ А. и снисходительностью къ его слабостямъ, ты и не могла писать мнѣ иначе; женщины-то главнымъ образомъ и нѣжили его «больное сердце», когда онъ былъ живъ; теперь онѣ будутъ нѣжить его память. Я же никогда не былъ съ нимъ нѣженъ, не могу раз-

нѣжиться и теперь, вспоминая о немъ. Но оградить его память отъ несправедливыхъ нареканій считаю своимъ долгомъ, и если его задѣнутъ существенно, молчать не стану. Корень вопроса въ тонѣ моего изложенія; мы скоро согласимся съ тобою, что мы должны сдѣлать его памяти ту уступку, которой ты придаешь такую важность—признать, что обидчивость и раздражительность А. проистекала не отъ одной болѣзненности его натуры, но поддерживалась обстоятельствами. Если бы мы на этомъ и помирились, было бы превосходно, но я отлично чувствую, что такая сухая уступка не удовлетворитъ тебя. Я вполнѣ понимаю тебя; ты не требуешь апофеоза Андерсену,—онъ съ избыткомъ, слишкомъ широко даже, пользовался имъ при жизни — но признаешься, что тебѣ недостаетъ *отзвука симпатіи*. Въ этомъ ты, пожалуй, и права; сухія доказательства заглушили въ моемъ трудѣ нотку задушевности. Другіе, можетъ быть, отнесутся къ моей прямолинейности еще строже. Они скажутъ, что слѣдовало бы ожидать отъ меня только такихъ сообщеній, которыя могли бы послужить лишь къ чести моего покойнаго друга. Если-бы я отвѣтилъ на это, что онъ самъ при жизни такъ мало умѣлъ скрывать свои слабости, что они стали извѣстны всѣмъ окружающимъ, мнѣ возразили-бы: ну, и пусть бы онѣ оставались извѣстными лишь небольшому кружку; зачѣмъ разглашать о нихъ на весь міръ? Но, вѣдь, въ томъ-то и дѣло, что кружокъ этотъ былъ вовсе не такъ малъ и не всегда снисходителенъ; его манера держать себя вызывала много жесткихъ осужденій со стороны лицъ, не знавшихъ его истинной натуры и не находившихъ этой манерѣ другого объясненія, кромѣ эгоизма, заносчивости, тщеславія и т. д. Такъ неужели же мнѣ, знавшему А. такъ близко съ самой его юности и до могилы и знавшему, что причину нужно искать въ физическомъ или душевномъ предрасположеніи (или въ обоихъ вмѣстѣ), котораго онъ *не могъ* преодолѣть, неужели же мнѣ умалчивать объ этомъ смягчающемъ и извиняющемъ его странности обстоятельствѣ.

Я не имѣлъ въ виду писать критику на А. какъ на человѣка или поэта; критика, ты знаешь, никогда не была моимъ дѣломъ. Но если захотятъ назвать критикой простое констатированье фактовъ и попытки объяснить ихъ причину, то пусть себѣ. Я не могу отказаться отъ того мнѣнія, что выяснить свѣту болѣзненность души А., показать, что всѣ свойства его, за которыя на него нападали, проистекали именно изъ этого болѣзненнаго предрасположенія, значитъ—оказать памяти А. лучшую услугу. А. самъ зналъ свою болѣзнь, но не зналъ средства противъ нея и часто истинно страдалъ отъ этого. Я не описывалъ припадковъ этой болѣзни, но лишь упомянулъ о нихъ и о томъ, что онъ не могъ преодолѣть ихъ. Совсѣмъ же обойти ихъ молчаніемъ нельзя, потому что именно во время этихъ припадковъ у него и вырывались тѣ необдуманныя слова и выраженія, за которыя свѣтъ такъ осуждалъ его. Что же касается общества, окружавшаго А. въ тотъ столь

важный періодъ его умственнаго развитія, то ты называешь его узко-педантичнымъ, неспособнымъ понять А., такъ какъ оно придавало слишкомъ большое значеніе формѣ. Не стану здѣсь поднимать споръ о «формѣ», этомъ ложно или на половину ложно примѣняемомъ понятіи, но спрошу тебя: развѣ порицанія критики вызывались лишь погрѣшностями А. противъ формы? Представь себѣ, что А., —*тогдашній* А., не поэтъ-сказочникъ, а драматургъ — выступилъ на литературное поприще въ наше время — какъ бы отнеслись къ нему теперь? Я согласенъ, что многое можно привести противъ тогдашняго общества; я самъ припоминаю узкобюрократическіе безсердечные взгляды и понятія о позволительномъ и принятомъ. Но развѣ теперешнее общество совсѣмъ свободно отъ этихъ недостатковъ, развѣ старый эгоизмъ не проявляется теперь въ новыхъ формахъ? Эгоизмъ, вѣдь, неизлѣчимая болѣзнь всѣхъ временъ. Что же касается эстетико-литературнаго развитія тогдашняго общества, то я напомню тебѣ, что мы воспитывались на такихъ писателяхъ, какъ Баггесенъ, Эленшлегеръ и Гейбергъ. Прибавлю къ этому, что, по моему, мы были болѣе *молоды*, нежели нынѣшняя молодежь. Это, впрочемъ, пусть останется между нами; я не желаю ссориться съ молодежью; наконецъ, я спрошу—не рано ли смотрѣть на умственную жизнь того времени, какъ на нѣчто, составляющее часть «отжившаго свое время Копенгагена?»

А. писалъ въ 1833 г. слѣдующее: «Если я умру за-границей, пусть Эдвардъ не забудетъ напечатать мои воспоминанія.» Я въ то время едва ли бы написалъ то, что пишу теперь и такъ какъ теперь; отчасти потому, что измѣнились мои взгляды на способъ изложенія жизненной исторіи умершаго лица, отчасти потому, что А. въ автобіографіи указалъ мнѣ путь, по которому я теперь и слѣдую. Ясно, однако, что онъ самъ желалъ, чтобы свѣтъ былъ посвященъ въ замѣчательныя подробности его жизни, былъ освѣдомленъ о всѣхъ его чувствахъ и мысляхъ съ самой колыбели и до могилы. Но онъ былъ слишкомъ поэтическою натурою, чтобы его изображеніе и пониманіе обстоятельствъ своей жизни могли быть строго точными. Онъ не всегда понималъ самого себя и часто ошибался въ другихъ. Положимъ, всѣ мы въ сущности повинны въ большей или меньшей степени въ тѣхъ же слабостяхъ, какъ и онъ, но онъ-то былъ повиненъ въ своихъ въ необыкновенной степени, и кромѣ того—мы своихъ не выставляемъ на показъ.

А. говорилъ о годахъ своей юности: «Всѣ хотѣли исправлять, воспитывать меня!» и это—разумѣется, не въ буквальномъ смыслѣ слова—вѣрно. Кто же тутъ былъ неправъ? А. былъ правъ, думая: «Мнѣ уже 25 лѣтъ, а меня все еще хотятъ воспитывать!» Правы были и другіе, находя, что его умственная зрѣлость мало соотвѣтствуетъ его возрасту. Они могли ошибаться въ методѣ воспитательнаго воздѣйствія на А. (исключеніемъ является мой отецъ,

всегда обращавшійся съ А. исто-отечески), но примѣняли свой методъ, искренно желая ему добра.

А. былъ общественною личностью, въ самомъ широкомъ значеніи этого выраженія. Очень многіе знали его лично, безконечно многіе знали его по его сочиненіямъ, знали и не знали. А., вѣдь, и помимо своей литературной дѣятельности, являлся личностью необыкновенной. Онъ и изобразилъ свою личность въ «*Сказкѣ*» его жизни такъ ярко и выпукло, далъ и свою собственную характеристику и характеристику окружающаго его общества, но все слѣдуя своему одностороннему (въ хорошемъ смыслѣ этого слова) воззрѣнію. Такъ вотъ это-то воззрѣніе и надо провѣрить: жизнь А. принадлежитъ исторіи.

Вернусь къ правильно выдвинутому тобою главному пункту: *бѣдности* и *сиротству* А. Тутъ мы сойдемся; я тоже согласенъ, что именно эти-то обстоятельства такъ и выдвигали всѣ его недостатки на видъ.

Да, у А. были друзья, поклонники, обожатели, но онъ всетаки былъ одинокъ на свѣтѣ; одна мысль объ этомъ наводитъ грусть. Богатая содержаніемъ жизнь могла заставить и заставляла его порою забывать объ этомъ, но въ минуты уединенія онъ чувствовалъ свое одиночество тѣмъ глубже, чувствовалъ себя какъ бы покинутымъ всѣми. Въ такія-то минуты у него и вырывались самыя горькія изъ его сѣтованій и упрековъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ А. лишился отца; въ юности онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ мать. Онъ избѣгалъ говорить о ней, но я знаю, что ея доля лежала у него камнемъ на сердцѣ. Ему постоянно приходилось получать отъ нея письма съ упреками, что онъ такъ мало заботится о ней; она вѣчно жаловалась и просила денегъ, между тѣмъ А. имѣлъ основанія сомнѣваться въ томъ, что ея нужда была дѣйствительно такъ велика. Вотъ что, напр. писали ему отъ ея имени: «многіе люди, очень добры ко мнѣ, кормятъ меня вволю.» Къ тому же онъ самъ тогда не могъ еще перебиваться безъ чужой помощи. У меня есть одно ея письмо, писанное ею собственноручно, и я приведу изъ него отрывокъ, чтобы дать понятіе о его сыновнихъ страданіяхъ.

«Благодарю за деньги что послалъ Гульбергу они купили мнѣ холста на рубашку но въ жизни не носила такой грубой точно грубѣйшій мѣшокъ... Перестану о чемъ просилъ меня но что дурные люди пишутъ обо мнѣ такъ худо я не виновата, столовая открылась и я разъ получила кушанье. Жидковато но всетаки зовется горячимъ.» *)

И какъ подумаешь, что такое письмо получилъ тотъ, кто написалъ впослѣдствіи исторію «*Мать*»—сердце заноетъ! Когда она умерла, онъ горе-

*) Въ переводѣ сохраненъ только тонъ и изложеніе; орѳографію же воспроизвести невозможно и приблизительно. *Примѣч. перев.*

валъ о ней, какъ добрый сынъ; съ этихъ поръ онъ сталъ уже круглымъ сиротою.

Бѣдствовалъ онъ въ то время больше, чѣмъ я подозрѣвалъ тогда; въ этомъ отношенiи онъ былъ очень щепетиленъ. Изъ писемъ видно, что онъ всего разъ взялъ взаймы у моего отца. Я, упрекая его за его чрезмѣрную литературную плодовитость, отнимавшую у него время, необходимое для ученья, не зналъ, что это отчасти нужда заставляла его писать такъ много.

Разъ мы теперь затронули несчастныя обстоятельства его жизни, ты захочешь, вѣроятно, услышать отъ меня и о его несчастной любви. Я могу только подтвердить, что онъ пережилъ такую любовь, но вдаваться въ подробности не стану. Онъ во всю жизнь ни разу не затронулъ этого обстоятельства въ устной бесѣдѣ со мною, но совсѣмъ умолчать о немъ онъ не могъ, и изъ его писемъ я могъ достаточно убѣдиться въ причинѣ его несчастья. Не могъ онъ умолчать объ этомъ и передъ свѣтомъ (поэты, вѣдь, неспособны на это). И указанія на эту несчастную любовь можно найти уже въ началѣ «*Сказки*» его жизни; въ сообщенiяхъ своихъ онъ, впрочемъ, былъ очень скроменъ (не всѣ поэты способны на это). Я увѣренъ, что дамы знали объ этой несчастной любви А. куда больше подробностей, чѣмъ я, благодаря ихъ безподобному умѣнiю выпытывать; я же отличаюсь счастливымъ свойствомъ не быть любопытнымъ. Въ бумагахъ А. я нашелъ, однако, письма, афоризмы, и узналъ даже имена, но дамамъ отъ меня по этому поводу ничего не добиться. Изъ этихъ бумагъ я не вынесъ убѣжденiя, что сердечныя горести его не были особенно глубоки; я лишь убѣдился, что А. легко воспламенялся, и мнѣ это понравилось.

Твое опредѣленiе мѣста, которое занимаетъ А. въ ряду датскихъ поэтовъ, вѣрнѣе—которое отводили ему компетентные люди въ началѣ его литературной дѣятельности—принадлежитъ какъ будто ему самому. Но даже защищая его въ пику обществу, ты отчасти винишь и его самого. Я думаю, что сужу о немъ такъ же снисходительно, какъ и ты. Бросимъ бѣглый взглядъ на этотъ первый перiодъ его дѣятельности.

Дѣтство А. достаточно извѣстно, такъ же какъ и его сказочное путешествiе въ Копенгагенъ, его первые шаги здѣсь (самое печальное время его жизни) и, наконецъ, крутой переходъ къ школьной жизни, гдѣ онъ впервые позналъ свой *долгъ научиться чему-нибудь* и былъ принужденъ на время отказаться отъ своихъ фантастическихъ мечтанiй. Время студенчества тоже не было свободно отъ нѣкоторыхъ непрiятностей, но все же было хорошимъ временемъ для него: благо отзывалось чѣмъ-то вродѣ юности. Тутъ началась его невозможно-плодовитая литературная дѣятельность, которая, благодаря отсутствiю у А. самокритики, доставила ему въ литературныхъ кружкахъ столько противниковъ, и справедливыхъ и несправедливыхъ. Но,

кромѣ противниковъ, у него были и друзья, истинные личные его друзья, и эти по отношенію къ его трудамъ тоже дѣлились на два лагеря. Отъ матерински-чувствительной г-жи Лэссё А. переходилъ къ холодному Э. Коллину; если его разгорячали тамъ, то охлаждали здѣсь, и такіе переходы онъ испытывалъ очень часто,—у него, вѣдь, былъ огромный кругъ знакомства. Но такое неоднородное отношеніе сбивало А. съ толку и очень вредило ему. Онъ охотнѣе прислушивался къ «бубенчикамъ похвалъ» и не могъ отдѣлаться отъ мысли о нѣкоторой пристрастности, несправедливости къ нему другихъ лицъ. И даже заслуженный успѣхъ «*Импровизатора*» не могъ вполнѣ истребить въ немъ эту мысль. Обрати вниманіе на эту черту; она не покидаетъ его всю жизнь.

Но самый рѣзкій переходъ испыталъ онъ послѣ пребыванія въ Веймарѣ, гдѣ его чествовали такъ, что совсѣмъ вскружили ему голову. Отъ этихъ празднествъ и безпрерывныхъ похвалъ онъ вдругъ вернулся въ свой старый, трезвый, родной домъ, гдѣ его ожидала совсѣмъ не та встрѣча въ нѣмецкомъ вкусѣ, какую рисовала ему фантазія. Я представляю себѣ молодую дѣвушку, побывавшую на первомъ балу, гдѣ ее окружали и ухаживали за ней кавалеры и поклонники. Ночью ей снились волшебные сны, а утромъ ей пришлось вернуться къ тихой, трезвой дѣйствительности съ ея будничными занятіями, и она скоро осваивается съ ними. Но А. жаждалъ вновь и вновь переживать свой «сонъ на яву», не хотѣлъ примириться съ обыкновенными будничными условіями жизни на родинѣ. Онъ требовалъ открытаго признанія, что онъ своей славой «прославилъ родной домъ», но родной домъ не цѣнилъ этого. Отецъ писалъ ему, очевидно, желая подготовить его: «Могу себѣ представить Ваше настроеніе подъ впечатлѣніемъ такого пріема, устроеннаго Вамъ за-границею, но Вы, вѣдь, знаете «нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ». Мы всѣ скучаемъ о Васъ, но я по старому опыту предвижу непріятныя сцены, когда Вы начнете хвалить иностранныя государства въ укоръ родинѣ; особенной опасностью эти сцены, впрочемъ, не угрожаютъ.»

Съ этихъ-то именно поръ его недовольство родиной особенно и обостряется; онъ не могъ представить себѣ, что бы иное, менѣе пылкое отношеніе къ нему земляковъ объяснялось чѣмъ-либо инымъ, кромѣ умышленной несправедливости. У него вырывались неосторожныя слова, онъ упорно настаивалъ на томъ, что дѣлаетъ честь своей родинѣ, постоянно разсказывалъ о почестяхъ, оказанныхъ ему за-границею, и этимъ раздражалъ многихъ.

Теперь перейдемъ къ отношеніямъ А. къ нашей семьѣ и постараемся прійти къ соглашенію по этому пункту. Прежде всего я хочу сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія къ твоему утвержденію, что постороннему трудно было почувствовать себя своимъ въ семьѣ Коллинъ. Правда, семья наша носила свой собственный отпечатокъ; постороннимъ особенно должно было бросаться въ глаза то, что боязнь свѣта, мнѣнія людского играла у насъ

очень небольшую роль, не то, что въ другихъ семьяхъ. А между тѣмъ отношеніе къ суду людскому и налаживаетъ основной тонъ семейной жизни. Итакъ, наша семья отличалась своеобразнымъ характеромъ, но, вѣдь, А. вошелъ въ нее еще далеко не созрѣвшимъ, сложившимся человѣкомъ, а почти ребенкомъ, который не могъ отнестись къ строю нашей семейной жизни критически, такъ какъ другой семьи и не знавалъ. Поэтому первые годы онъ чувствовалъ себя среди насъ вполнѣ счастливымъ, радовался, что его считаютъ членомъ семьи, но при этомъ не могъ не грустить о томъ, что не былъ имъ на самомъ дѣлѣ,—объ этомъ ему постоянно напоминали письма его матери. Но недовольное расположеніе духа, которое почти не покидало его съ той поры, какъ онъ выступилъ на литературное поприще, не имѣло никакой причинной связи съ основнымъ тономъ, господствовавшимъ въ нашей семьѣ; причина крылась въ томъ, что мы недостаточно восхищались его трудами, и его недовольство нами все росло по мѣрѣ того, какъ его талантъ признавали другіе. Разумѣется, вполнѣ естественно, что онъ огорчался, не встрѣчая у насъ, восхищавшихся Герцемъ и Гейбергомъ, того преувеличеннаго восхищенія его музой, какое онъ встрѣчалъ въ другихъ домахъ. И, къ сожалѣнію, онъ почти ежедневно находилъ поводъ къ такому огорченію. Мы часто говорили о какомъ-нибудь новомъ его стихотвореніи: «да, красиво!» или что-нибудь въ этомъ родѣ, но бѣда въ томъ, что онъ уже успѣлъ прочесть это стихотвореніе г-ну А., и тотъ «былъ въ восторгѣ» отъ него, или г-жѣ Б., и та «была глубоко взволнована», а мы не испытывали ни восторга, ни волненія — ну, и прощай хорошее расположеніе духа А.! Надо, однако, вспомнить, что въ спокойныя минуты А., какъ ни любилъ похвалы, всетаки вѣрнѣе понималъ мнѣнія своихъ истинныхъ друзей, а къ льстивымъ похваламъ относился даже съ недовѣріемъ. Въ такія, къ сожалѣнію, рѣдкія минуты онъ чувствовалъ, что преувеличенныя похвалы были ему во вредъ, и говорилъ: «Люди вбиваютъ мнѣ въ голову глупости!» Я сознаюсь, наконецъ, что мы—по крайней мѣрѣ я—не были достаточно снисходительны къ его слабостямъ, особенно къ той изъ нихъ, что досаждала мнѣ больше всего—къ страсти исключительно говорить о себѣ или о своихъ трудахъ. Въ общихъ разговорахъ онъ рѣдко участвовалъ, хотя случалось ему иногда и высказывать какое-нибудь мнѣніе очень рѣшительнымъ тономъ, но опровергать возраженія онъ уже воздерживался.

Попытаюсь теперь перенести твое вниманіе съ нашей семьи на семью адмирала Вульфа, на которой тоже лежитъ доля отвѣтственности за общее отношеніе къ А. тогдашнихъ его современниковъ; въ этой семьѣ А. бывалъ почти такъ же часто, какъ и у насъ. Въ адмиралѣ Вульфѣ была какая-то странная смѣсь моряка, любителя искусствъ, придворнаго, поэта и переводчика Шекспира. Онъ былъ добръ къ А., но добръ свысока. А. никогда не могъ такъ сойтись съ нимъ, какъ съ женщинами его семьи и одно

время съ сыномъ Христіаномъ. Важнѣйшую роль по отношенію къ первоначальному умственному развитію А. играла сама г-жа Вульфъ. Она зорко слѣдила за нимъ еще съ того времени, когда онъ сидѣлъ на школьной скамьѣ; позже вниманіе ея было устремлено, можетъ быть, больше на его недостатки, нежели на достоинства; во всякомъ случаѣ она постоянно обращалась къ нему съ увѣщаніями и наставленіями, что раздражало его. Разныя, съ виду жесткія выраженія, которыя А. приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этой порѣ своего развитія, принадлежатъ именно ей, но судить ее по нимъ было бы несправедливо. Она вращалась въ кружкѣ людей съ тонко развитымъ эстетическимъ вкусомъ, гдѣ-жъ было А. выдержать въ ея глазахъ сравненіе съ знаменитостями того времени, а между тѣмъ онъ въ минуты увлеченія требовалъ этого, и она негодовала. Съ младшей дочерью, Идой, А. не былъ особенно близокъ; она и не претендовала оказывать на него вліяніе, но до самой смерти его осталась ему вѣрнымъ другомъ, и онъ былъ ея постояннымъ гостемъ. Противовѣсомъ же строгому отношенію къ А. стариковъ Вульфъ было сердечное, задушевное отношеніе къ нему старшей дочери Генріетты, о которой А. такъ тепло, хотя и въ немногихъ словахъ, отзывается въ «*Сказкѣ*» своей жизни.

Исторія ранней авторской дѣятельности А. представляетъ примѣры столь разнорѣчивыхъ мнѣній о его талантѣ, что, не смѣя заподозрить его судей въ пристрастіи, невольно поддаешься желанію доискаться причинъ столь различнаго отношенія. Чѣмъ, напримѣръ, объяснить такую разницу въ отношеніяхъ къ А. за-граничныхъ и датскихъ критиковъ? Развѣ духовный складъ германскаго народа такъ ужъ отличается отъ нашего? Въ Германіи прежде, а, можетъ быть, еще и во времена Андерсена, была сильно развита сентиментальность; у насъ же ярко выступаетъ, пожалуй, даже преувеличенная склонность къ юмористическому, и мы посмѣиваемся надъ всѣмъ сентиментальнымъ. Нагляднымъ примѣромъ можетъ послужить пріемъ романа А. «*Только скрипачъ*». Въ Германіи онъ имѣлъ огромный успѣхъ,— я убѣдился въ этомъ лично; А. величали и рекомендовали, какъ автора романа «*Только скрипачъ*». Въ Англіи, странѣ далеко не сентиментальной, объ этомъ романѣ отзывались, какъ объ одномъ изъ интереснѣйшихъ произведеній современной литературы. А у насъ въ Даніи какъ о немъ отзывались? Приведу тебѣ знаменательныя слова Сёрена Киркегора*): «Погибаетъ въ романѣ подъ гнетомъ обстоятельствъ не геній, а нытикъ, котораго почему-то признаютъ геніемъ, онъ же только тѣмъ и напоминаетъ генія, что тоже вынужденъ чуточку бороться съ превратностями судьбы, да только не побѣждаетъ ихъ, а падаетъ подъ ихъ бременемъ». Вотъ голосъ одного изъ тѣхъ людей, которые ежедневно видѣли А. въ дѣйствительной жизни и видѣли его самого во

*) См. „*Сказку моей жизни*“ стр. 103—104. *Примѣч. перев.*

многихъ его произведеніяхъ. Гаухъ, напротивъ, раздѣляетъ мнѣніе нѣмецкихъ почитателей А. и говоритъ, что А. «является въ своихъ произведеніяхъ ратоборцемъ не только за поставленныхъ въ неблагопріятныя условія талантливыхъ людей, но и за всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, и горькій личный опытъ даетъ ему возможность рисовать намъ такія захватывающе-правдивыя картины, которыя не могутъ не оставить глубокаго впечатлѣнія въ душѣ каждаго отзывчиваго человѣка».

Я разъ какъ-то совѣтовалъ А. сдѣлать перепись своимъ поклонникамъ и противникамъ (здѣшнимъ и заграничнымъ) и затѣмъ вычесть число послѣднихъ изъ числа первыхъ, и при этомъ завѣрялъ его, что онъ останется довольнымъ результатомъ. Относительно славы А., какъ автора сказокъ, не можетъ быть никакихъ сомнѣній; сказкамъ и отчасти романамъ онъ и былъ обязанъ своей славой въ Германіи и въ Англіи; не берусь рѣшать, какъ далеко вообще распространилась по свѣту эта слава, но во всякомъ случаѣ она достигла Америки. К. Рафнъ писалъ А. въ 1850 г., что ему сообщаютъ изъ Америки: «Меня со всѣхъ сторонъ осаждаютъ вопросами— не собирается ли А. посѣтить Америку; въ такомъ случаѣ его путешествіе обратилось бы въ сплошное «тріумфальное шествіе». Что же до его лирическихъ произведеній, то я не думаю, чтобы они за-границею пользовались бо́льшимъ успѣхомъ, нежели на родинѣ. На драматическія-же за-границей, повидимому, и совсѣмъ не обращали вниманія, по крайней мѣрѣ заграничная критика. Нельзя сказать, чтобы такъ же относились къ нимъ на родинѣ А. Но вернемся къ его сказкамъ. Брандесъ дѣлитъ авторскую дѣятельность А. на два періода; въ первомъ А. является *«гонимымъ звѣремъ въ датской литературѣ»*, во второмъ—*«счастливымъ поэтомъ-сказочникомъ»*. Я ничего не имѣю противъ самаго подраздѣленія, но не согласенъ съ краткой характеристикой перваго періода. Не трудно, конечно, понять, что взглядъ на А. и его авторскую дѣятельность человѣка, близко знавшаго его съ юности и до старости, будетъ отличаться отъ взгляда человѣка, знавшаго А. лишь недолгое время и создавшаго о немъ представленіе отчасти по *«Сказкѣ»* его жизни, отчасти по своему собственному геніальному взгляду на его сказки. Статью Брандеса объ А. стоитъ прочесть, стоитъ и поговорить о ней *). Главнымъ образомъ заставили меня заговорить о ней вступительныя слова ея: «Таланту необходимо мужество. Нужно мужество, чтобы довѣриться своему внутренному влеченію, надо быть убѣжденнымъ, что вдохновенная мысль, зародившаяся въ твоемъ мозгу, здорова, что форма, которая кажется тебѣ естественной, какъ бы она ни была нова, имѣетъ право на существованіе; надо быть готовымъ заслужить прозвище аффек-

*) Статья эта напечатана въ сборникѣ „*Kritiker og Portræter*“ (въ нѣмецкомъ переводѣ „*Moderne Geister*“). *Примѣч. перев.*

тированнаго безумца, прежде чѣмъ довѣриться своему инстинкту, куда бы онъ ни увлекалъ тебя. Арманъ Каррель говаривалъ: «Я пишу не *какъ пишутъ*, а *какъ я пишу*», и это особый признакъ таланта.»

Слова эти, взятыя въ общемъ смыслѣ, даютъ какъ бы отпущеніе большинству писательскихъ грѣховъ—кромѣ «манерничанья и кривлянья»—и слѣдовательно снимаютъ съ А., какимъ онъ былъ въ ранній періодъ своей литературной дѣятельности, всякое порицаніе. А., слѣдовательно, былъ правъ, когда отвѣчалъ на упреки въ небрежности по части языка: «Это моя особенность.» Брандесъ, разумѣется, не то хотѣлъ сказать; объ этомъ свидѣтельствуетъ его замѣчаніе, что сказки кое-гдѣ грѣшатъ ошибками противъ языка и особенно германизмами. Брандесъ желаетъ только отстоять до сихъ поръ неизвѣстный способъ изложенія, утверждая, что «талантъ имѣетъ право создавать новыя формы, разъ ни одна изъ общепринятыхъ и извѣстныхъ его не удовлетворяетъ, и разъ онъ нашелъ ту сферу, въ которой эта форма на своемъ мѣстѣ. Такую сферу А. нашелъ въ сказкѣ.»

Вѣрное и прекрасное положеніе, если примѣнить его къ смѣлой претензіи А. «писать, какъ говорятъ». Невольно приходитъ мнѣ на память то время, когда А. искалъ свою «сферу». Ты сама принадлежишь къ тому поколѣнію, которое въ дѣтствѣ слушало его устные разсказы, и, конечно, хорошо помнишь ихъ. Нѣсколько словъ, чтобы освѣжить эти воспоминанія. Во многихъ семьяхъ, гдѣ А. бывалъ, были маленькія дѣти, съ которыми онъ возился. Онъ разсказывалъ имъ разныя исторіи, частью сочиняя ихъ тутъ же, частью пересказывая старыя извѣстныя сказки. Но что бы онъ ни разсказывалъ, свое ли, чужое ли, онъ разсказывалъ настолько своеобразно и живо, что дѣти бывали въ восхищеньѣ. Его самого тѣшило давать волю своему остроумію; рѣчь его лилась, не изсякая, приправленная свойственными дѣтямъ выраженіями и подходящими жестами. Даже самое сухое, простое положеніе онъ умѣлъ оживотворить; напр. онъ никогда бывало не скажетъ: «Дѣти сѣли въ экипажъ и поѣхали», а: «Ну, вотъ, усѣлись дѣти въ экипажъ,—прощай, папа, прощай, мама,— кнутъ щолкъ, щолкъ, и покатили. Эхъ, ты, ну!» Слышавшіе впослѣдствіи сказки А. въ его собственномъ чтеніи могутъ составить себѣ лишь слабое понятіе о своеобразности и живости устной передачи ихъ А. въ кругу дѣтей.

Въ то время ему врядъ-ли еще приходило въ голову, что можно воспользоваться подобной передачей для чего-нибудь другого, кромѣ развлеченія дѣтей. Но огромное удовольствіе, которое доставляли эти устные разсказы всѣмъ слушателямъ, невольно навело его на мысль: а нельзя-ли, дескать, расширить кругъ слушателей, прибѣгнувъ къ печати? Но и въ печати разсказы эти должны были сохранить живость устной передачи; никакая иная была бы неумѣстна. Едва-ли А. первоначально предназначалъ сказки для самостоятельнаго чтенія дѣтей; предполагалось, что взрослые будутъ читать или

разсказывать ихъ дѣтямъ, придерживаясь, елико возможно, тона А. Первая попытка и была сдѣлана въ 1835 г., когда вышелъ первый скромный выпускъ сказокъ, стоившій 24 скиллинга. Цѣна была общедоступная, и книжка нашла себѣ хорошій сбытъ. Мало-по-малу изъ отдѣльныхъ выпусковъ выросли два тома сказокъ и разсказовъ (съ 1835 г. по 1842 г.), выдержавшіе множество изданій. Ну, а что говорила о нихъ критика? «*Литературный Ежемѣсячникъ*», видно, смотрѣлъ на нихъ, какъ на бездѣлки, даже не относившіяся собственно къ датской литературѣ. Если ты примешь это за доказательство умственной ограниченности тогдашняго времени, то я спорить не стану.

Изъ понятнаго опасенія быть слишкомъ многословнымъ, я упомянулъ далеко не о всѣхъ проявленіяхъ болѣзненно-тревожнаго состоянія души А. Для болѣе вѣрнаго пониманія его натуры необходимо, однако, коснуться его мнительности и измѣнчивости его настроенія.

Мнительность А. проявлялась уже и въ ранней его юности, но въ ней еще не было болѣзненнаго оттѣнка. Причиною ея являлась просто необузданность фантазіи А.; онъ видѣлъ опасности тамъ, гдѣ никто другой ихъ не видѣлъ бы. Разумѣется, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что онъ въ своихъ безчисленныхъ путешествіяхъ по чужимъ краямъ иной разъ и попадалъ въ опасное положеніе, но тѣ-то многочисленныя опасности, о которыхъ онъ то и дѣло сообщалъ въ своихъ письмахъ, я увѣренъ, были созданы одной его фантазіей. У А. была просто какая-то манія представлять себѣ всевозможныя опасности и затѣмъ расписывать ихъ, точно онъ и на самомъ дѣлѣ подвергался имъ. Особенно много матеріала для такихъ описаній давали ему путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и по морю. Не диво еще, что онъ при сильномъ ударѣ волнъ въ борты судна полагалъ, что оно налетѣло на мель, но характерно для него то, что онъ, даже убѣдившись въ ошибкѣ, всетаки описываетъ намъ свои ощущенія по поводу «мели». Вотъ почему также онъ писалъ: «Римскія катакомбы очень опасны, но я съ *D*. и *N*. спускался въ нихъ; отлично сошло, а вотъ, Мольбекъ побоялся!» Вотъ почему онъ разсказывалъ, напр., что побывалъ въ Танжерѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ «два года тому назадъ видѣли львовъ». О томъ, съ какихъ раннихъ поръ развилась въ немъ эта черта, свидѣтельствуетъ его письмо, писанное еще въ маѣ 1826 г., когда онъ предпринялъ небольшую поѣздку по Зеландіи. «Поѣздка была не совсѣмъ безопасна, — дорога шла съ горки на горку.»

Особенно же проявлялась его мнительность, если дѣло шло о его здоровьѣ, хотя онъ, несмотря на всю свою нервность и пользовался прекраснымъ здоровьемъ. Я не запомню, чтобы онъ хоть разъ былъ боленъ серьезно до послѣдней своей серьезной болѣзни. Да и эту даже онъ перенесъ почти что на ногахъ. Зато въ его письмахъ часто встрѣчаются жалобы на зубную боль; онъ дѣйствительно много страдалъ отъ нея, и вотъ о ней должны были

знать всѣ его друзья, а доктора должны были давать ему совѣты. Стоило врачамъ прописать ему какое-нибудь, хотя бы совершенно безразличное средство, и онъ успокоивался. Недаромъ Христіанъ Вульфъ пишетъ ему въ одномъ письмѣ: «Тебѣ бы только принимать въ день на нѣсколько риксдалеровъ лѣкарствъ, — тогда все отлично.» И такъ оно и продолжалось; почти не проходило дня, чтобы онъ не сообщалъ намъ какого-нибудь новаго «случая» вродѣ напр. появленія у него на рукѣ краснаго прыщика; и онъ непремѣнно желалъ показать его Теодору *), — не опасное-ли что нибудь? Обыкновенно ему отвѣчали, что, пожалуй, это чесотка, а, можетъ быть, и чирей; такая шутка доставляла ему большое удовольствіе. Вѣрнѣе всего, что онъ обращалъ вниманіе на такіе пустяки больше по привычкѣ. Но въ сообщеніи его напр. о собакахъ г-жи Серре или въ письмѣ къ Ингеману (1855) о кошкѣ, которая укусила ему палецъ, всетаки проглядываетъ извѣстное безпокойство, хоть онъ при этомъ и подшучиваетъ надъ собой.

Жаль, что я при жизни А. не велъ записи всѣмъ этимъ «опасностямъ» и «случаямъ»; если бы я затѣмъ показалъ ее когда-нибудь ему самому, онъ бы, навѣрное, отъ души посмѣялся. Въ немъ вообще такъ сильно было развито чутье ко всему комическому, что оно брало верхъ даже надъ его самолюбіемъ, и онъ, видя себя въ комическомъ положеніи, самъ забавлялся этимъ (разумѣется, только въ нашемъ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ). Особенно часто случалось это съ нимъ въ бесѣдахъ съ твоей матерью, когда она напр. ловила его на какой-нибудь невинной лжи. Бывало также, что онъ разсказывалъ ей о какомъ-нибудь истинномъ происшествіи, при чемъ и не упоминалъ о себѣ, но можно было догадаться, что рѣчь идетъ о немъ, хотя онъ и разсказывалъ все такимъ невиннымъ тономъ, какъ будто онъ тутъ ни при чемъ; въ такихъ случаяхъ мать твоя обыкновенно говорила: «Знаю, знаю, къ чему вы это клоните! Меня, семилѣтняго лисенка, не проведете!» И онъ ликовалъ отъ радости, что его изловили. Самый смѣхъ А. былъ довольно своеобразнымъ,—троекратно повторяющееся «ха», видимо, вырывавшееся изъ глубины души. И какъ онъ бывалъ милъ въ такія минуты! Всѣ мы не нарадовались, глядя на него.

Вернусь опять къ его мнительности. Относительно ѣды и питья онъ проявлялъ особенную осторожность, легко переходившую въ мнительность. Вотъ примѣръ. Долгое время онъ обыкновенно каждое утро выпивалъ у насъ чашку салепнаго отвара; однажды дѣвушка, противъ обыкновенія, приготовила отваръ на кухнѣ; нельзя было и убѣдить А. дотронуться до чашки,—онъ боялся, что дѣвушка, пожалуй, ошиблась и вмѣсто мелкаго сахара всыпала въ отваръ мышьяку.

Сильно опасался онъ также быть погребеннымъ заживо. Но мѣра предо-

*) Братъ Э. Коллина, докторъ. *Примѣч. перев.*

сторожности, которую онъ принималъ противъ этого, была довольно таки своеобразна. Онъ долгое время не ложился вечеромъ въ постель, не оставивъ на ночномъ столикѣ записки: «Я только обмеръ!» Говорить же о томъ, какъ проявлялась его мнительность во время его послѣдней болѣзни, я не нахожу нужнымъ.

Перейду теперь къ измѣнчивости его настроенія, которая также была одною изъ его характерныхъ чертъ. Пропущу многочисленныя доказательства, которыя можно почерпнуть изъ писемъ А. въ періодъ его пребыванія въ гимназіи, и укажу только на нѣкоторые примѣры изъ ранняго періода его литературной дѣятельности. Долженъ, однако, предварительно сказать, что не слѣдуетъ всегда принимать его слова за истинное выраженіе его душевнаго настроенія.

Если ему подвертывалось какое-нибудь острое словцо, или выраженіе, характеризирующее данное лицо или положеніе (а за такими словцами онъ въ карманъ не лазилъ), то онъ не стѣснялся и преувеличить дѣло. Въ обыденной жизни, въ тѣсномъ кружкѣ друзей онъ такъ и сыпалъ такими словцами и афоризмами; много ихъ разсыпано и въ его письмахъ. Однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ можетъ послужить слѣдующая строфа, которая появилась даже въ печати:

«Въ минуту тяжелую другъ мой собралъ
Житейскаго яда всѣ капли въ бокалъ
И подалъ мнѣ: «пей на здоровье!» *)

Онъ, впрочемъ, прекрасно зналъ, что меня это нисколько не взволнуетъ; онъ часто грозилъ мнѣ, что допечетъ меня такимъ-то или такимъ-то выраженіемъ, но дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что онъ говорилъ: «Досадно, право,—ничѣмъ васъ не разозлишь!» Иногда, впрочемъ, рѣзкія выраженія его были вполнѣ искренними. Такъ, напр. онъ называетъ своихъ рецензентовъ «мокрыми собаками», которыхъ «невольно хочется отхлестать» за то, что онѣ «забираются въ комнату и располагаются въ самыхъ лучшихъ уголкахъ».

Самымъ яркимъ примѣромъ измѣнчивости его настроенія можетъ послужить исторія съ «*Агнетою*».

А. читаетъ ее въ Римѣ Торвальдсену и другимъ художникамъ, и всѣхъ ихъ поэма «глубоко трогаетъ»; затѣмъ онъ получаетъ съ родины отъ друзей сообщенія, что «они тронуты до слезъ» и вдругъ оттуда же получается критика Мольбека и Гейберга о двухъ водевиляхъ А. и мое пресловутое письмо, ну и вотъ, онъ «обезчещенъ» «всѣ его надежды лопнули, какъ мыльные пузыри», онъ «осушилъ кубокъ яда, поднесенный ему друзьями»...

*) См. „Сказку моей жизни" стр. 123.

Вотъ образчики, по которымъ можно прослѣдить измѣнчивость его настроенія,—все по поводу той же «*Агнеты*» (1834 г.).

18 марта (изъ письма *г-жѣ Лэссё*) «Переломили у птицы маховое перо. Самъ Богъ даровалъ мнѣ духовный дворянскій дипломъ, а люди его разорвали. Моя радость, моя надежда, мое счастье—все висѣло на одной нити, и ее перерѣзалъ мой лучшій другъ.»

16 мая (*Людвигу Мюллеру*) «Эдвардъ мой вѣрнѣйшій другъ».

26 мая (*мнѣ*) «Ваше сердце, можетъ быть, не нуждается въ моемъ, но мое-то въ Вашемъ нуждается».

17 іюня (*Генріеттѣ Вульфъ*) «Меня оскорбилъ человѣкъ, которому я открывалъ всю свою душу. Поэтъ умеръ; его убили въ Италіи».

11 іюля (*моему отцу*). На свѣтѣ всетаки много добрыхъ людей, и поэты, утверждающіе, что земля юдоль печали, переполненная негодяями, заслуживаютъ хорошей трепки».

11 іюля (*мнѣ*) «Скоро увидимся! Пожалуй, Вы возмужали на видъ? Смотрите, встрѣтьте меня ласково по братски!»

3 августа онъ опять «вернулся подъ отчій кровъ, къ дорогимъ друзьямъ», а въ *октябрѣ*... «у Коллина былъ обѣдъ для литераторовъ. Гостями были Герцъ, Гейбергъ да я, или вѣрнѣе—какъ сказалъ самъ Коллинъ—гостями были только двое первыхъ, такъ какъ А.—сынъ дома. Гейбергъ былъ остроуменъ, Герцъ глухъ, но юнъ душой, я же забавенъ. Да, Вы не повѣрите, какимъ я сталъ молодцомъ. Коллинъ-отецъ говоритъ: «Пожалуй, онъ сталъ теперь довольно солиднымъ парнемъ, но старыя замашки все еще при немъ остались». Г-жа Древсенъ и Луиза увѣряютъ: «Онъ сталъ такимъ веселымъ, шаловливымъ».

Итакъ, убитый поэтъ довольно скоро и основательно ожилъ—до новыхъ огорченій. Но отъ прежнихъ своихъ требованій къ друзьямъ А. и не думалъ отказываться. Кризисъ миновалъ благополучно въ отношеніяхъ его къ одному изъ его менторовъ, не то вышло по отношенію къ другому. Въ письмѣ къ Генріеттѣ Вульфъ онъ, констатируя фактъ примиренія со мною, говоритъ, что терпѣливо выслушиваетъ глупости людскія, что вѣжливъ и прикидывается скромнымъ («хотя прежде-то, когда я такъ много носился съ собою, я былъ куда скромнѣе»—прибавляетъ онъ) и очень доволенъ, разыгрывая всю эту комедію. Но все это одна фантазія, испаряющаяся, какъ дымъ, при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью. Виновницей является тутъ г-жа Вульфъ. Она не отказалась отъ прежней своей манеры обращаться съ А. и попрежнему желаетъ читать ему нравоученія. И вотъ онъ пишетъ своей подругѣ: «Да, Ваша матушка глубоко оскорбила меня. Мы по прежнему видимся съ нею разъ въ недѣлю, разговариваемъ, но—въ сердцѣ моемъ сидитъ жгучая заноза, и это воздвигаетъ между нами стѣну.»

А. и г-жа Вульфъ взаимно раздражали другъ друга: она его своимъ менторскимъ тономъ, онъ ее своими необдуманными выходками и желаньемъ считаться наравнѣ (а то и выше) съ наиболѣе выдающимися изъ современныхъ писателей. Эти-то необдуманныя выходки, вырывавшіяся у А. въ минуты раздраженія, много повредили ему вообще.

Есть одно обстоятельство въ моихъ отношеніяхъ къ А., которое я охотно бы обошелъ молчаніемъ. Мало вѣроятнаго, чтобы оно ускользнуло отъ твоего вниманія,—слишкомъ часто оно затрогивается въ письмахъ А.—и если ты всетаки не завела о немъ рѣчи, то я приписываю это твоей деликатности. Мнѣ предстоялъ выборъ: или выкинуть изъ писемъ А. всѣ мѣста, гдѣ затрогивается это обстоятельство, или умолчать теперь о немъ въ надеждѣ, что эти мѣста затеряются въ общей массѣ писемъ, или, наконецъ, откровенно высказаться по этому поводу. Перваго я не хотѣлъ,—я вообще не выпустилъ изъ писемъ А. ради меня лично ни одной строки, которая бы могла послужить къ освѣщенію его личности; отъ второго я также отказался,—надежда могла не оправдаться, и читатели могли потребовать отъ меня объясненій. Почему я остановился на третьемъ, покажетъ заключеніе этого письма. Итакъ, къ дѣлу.

Вскорѣ послѣ своего перваго отъѣзда за-границу въ 1831 г. А. написалъ мнѣ письмо, въ которомъ предлагалъ мнѣ быть съ нимъ на «ты». Я вполнѣ откровенно и въ самомъ дружескомъ тонѣ отвѣтилъ на это, что вообще питаю антипатію къ «тыканью», если оно не ведетъ начала съ дѣтскихъ лѣтъ. Я признался ему, что такимъ ужъ я уродился. Не стану скрывать, что главной причиной моего отказа было несоотвѣтствіе нашихъ натуръ. Я былъ молодъ и жизнерадостенъ и желалъ имѣть «товарища», но въ А., съ его тяжеломечтательнымъ характеромъ, я найти такого не могъ. Онъ съ своей стороны мечталъ обрѣсти во мнѣ идеальнаго друга въ романтическомъ вкусѣ, а я для этой роли совсѣмъ не годился.

Какъ же отнесся А. къ моему отказу? Самымъ милымъ и пріятнымъ для меня образомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его письмо ко мнѣ отъ 11 іюня 1831 г. Но воспоминаніе объ этомъ нѣтъ-нѣтъ да и прорвется бывало въ его письмахъ впослѣдствіи.

Теперь объясню почему я остановился на этой ребяческой исторіи. Между бумагами А. я нашелъ неоконченное письмо его къ моей женѣ, помѣченное 3 октября 1865 г. и писанное изъ Стокгольма. Въ письмѣ этомъ, какъ и одновременно въ письмѣ отъ того же числа ко мнѣ, А. описываетъ свою радость по поводу сердечнаго пріема, оказаннаго ему шведами, и, приводя слѣдующую пропѣтую ему пѣсню:

Der kommor han, der kommer kungen,
Vår barndoms, våra drömmers kung,

Se diktan, ur hans hjerta sprungen,
Og vid hans sida evig ung.
Hun er hans brud, han har ei annan
Än den af himlen sjelf han fik... *).

прибавляетъ: «Послѣднія строки наводятъ на меня особенную грусть. Я такъ глубоко чувствую свое одиночество; сердце мое жаждетъ имѣть родной домъ и семью. Да проститъ мнѣ это моя муза! Она, вѣдь, доставила мнѣ почести и кусокъ хлѣба, но сердце жаждетъ большаго. Сегодня Бесковъ давалъ большой обѣдъ въ честь меня.» (Здѣсь онъ внезапно начинаетъ капризничать). «16 лѣтъ тому назадъ, я тоже былъ здѣсь, и этотъ высокочтимый поэтъ и заслуженный государственный дѣятель сказалъ мнѣ: «Андерсенъ, будемъ на ты». Я былъ смущенъ такой честью, но долженъ былъ согласиться. Вы знаете, что я въ порывѣ юношеской любви предлагалъ то же самое Вашему мужу. Онъ не захотѣлъ, хотя и пилъ въ то время на «ты» съ почтеннымъ ***. Никогда я не забуду этого. Ему должно льстить, что я до сихъ поръ еще вспоминаю и пишу объ этомъ. Сегодня вечеромъ воспоминаніе охватило меня съ особенной силой, такъ какъ Бесковъ высказалъ, какое значеніе придаетъ такому братанію. Но насколько же ближе стоимъ другъ къ другу мы съ Эдвардомъ, а вотъ не на «ты». Я люблю его по прежнему, какъ и въ то время, когда видѣлъ въ немъ сына именитаго Коллина, а самъ былъ бѣднякомъ Андерсеномъ, которымъ всякій помыкалъ.—Зачѣмъ же я пишу все это Вамъ, которую я глубоко уважаю и цѣню, которой не хочу сказать ничего непріятнаго? Когда меня вотъ такъ превозносятъ, чествуютъ самые почтенные, именитые люди, прошлое встаетъ передо мною какъ-то особенно ярко. Я чувствую, что я ничто безъ Творца, но чувствую въ то же время, что люди часто не хотятъ видѣть, что на мнѣ почіетъ рука Божья, и вся кровь бросается мнѣ въ голову.— — У Бескова собрался самый избранный кружокъ.»

На этомъ письмо обрывается. Такъ вотъ что писалъ А., человѣкъ уже старый, и писалъ послѣ 30—40 лѣтней дружбы со мной, на которую эта ребяческая исторія не бросила ни малѣйшей тѣни. Развѣ это не прямо *болѣзненное* проявленіе? Если ты теперь спросишь, зачѣмъ я расшевелилъ всю эту старую исторію, которая въ глазахъ многихъ выставитъ меня въ неблагопріятномъ свѣтѣ, то я отвѣчу, что эта исторія ярче всего свидѣтельствуетъ о самой печальной особенности характера А. — его маніи вызывать въ себѣ воспоминанія обо всемъ непріятномъ, выпавшемъ ему на долю. Онъ самъ себя терзалъ этими воспоминаніями; такія вспышки не были чертами

*) Вотъ онъ идетъ, идетъ король, король нашихъ дѣтскихъ, юношескихъ мечтаній. Смотри на шествующую съ нимъ рядомъ вѣчно юную музу. Она его невѣста, у него нѣтъ другой, кромѣ той, которую даровало ему само небо...

его характера, но болѣзненными уклоненіями. Въ ежедневной жизни, въ нашемъ кругу мы почти и не замѣчали ихъ въ немъ, но стоило ему вдали отъ родины очутиться въ одиночествѣ (особенно послѣ дня, проведеннаго въ чаду чествованія), и фантазія сейчасъ начинала рисовать ему сопоставленія родины съ за-границей; передъ нимъ всплывали всевозможные самые мелкіе случаи изъ его молодости, говорившіе о недоброжелательствѣ къ нему, о непризнаніи его таланта и проч. Настроеніе духа становилось настолько тяжелое, что надо было облегчить себя, и онъ изливалъ свою душу въ письмахъ, которыя посылалъ домой, къ тѣмъ, у кого надѣялся найти сочувствіе къ своимъ жалобамъ. Въ Веймарѣ, гдѣ его такъ ласкали высокопоставленныя лица, онъ не можетъ забыть «*Литературнаго Ежемѣсячника*» и жалкихъ газетчиковъ. Часто онъ записывалъ свои изліянія на клочкахъ бумаги, которыхъ и нашлось послѣ него не мало. Вотъ напримѣръ что написалъ онъ, прочитавъ одну критику на себя:

«Въ саду улитка черная сидѣла,
На розу злясь: «Какъ хвалятъ всѣ ее!
«*Какъ хороша!*» А мнѣ какое дѣло?
Я вотъ взяла и плюнула въ нее!»

Не стану описывать его послѣдней болѣзни, но не могу не упомянуть о тогдашнемъ состояніи его духа. Естественно, что упомянутыя лихорадочныя вспышки проявлялись теперь и чаще и сильнѣе. Онъ чувствовалъ потребность изливать свою душу передъ другими, даже передъ посторонними, и разсказывалъ о давнихъ обидахъ съ такой горечью, какой въ дѣйствительности онѣ въ немъ никогда не вызывали. Даже моему отцу, наиболѣе любимому имъ человѣку въ жизни, онъ не могъ теперь простить какого-нибудь мимолетнаго недоразумѣнія, случившагося лѣтъ 40 тому назадъ, и разсказывалъ объ этомъ съ жаромъ, какъ о какой-то кровной обидѣ, притомъ людямъ совсѣмъ постороннимъ. Было бы прискорбно, если бы свидѣтели подобныхъ вспышекъ сочли ихъ чѣмъ инымъ, кромѣ проявленій его болѣзни. Самъ я лично мало слышалъ отъ него подобнаго, но вотъ, напр., мнѣ передавали, что А. въ старости приходилъ въ сильнѣйшее волненіе, вспоминая и разсказывая о томъ, какъ однажды, когда онъ былъ у насъ, вошелъ Стеффенъ, и мой отецъ не представилъ его Стеффену.

Но когда эти вспышки проходили, А. самъ сознавалъ свое положеніе и искренно печалился. Однажды онъ даже послалъ за моей женой слугу, прося ее сейчасъ же придти къ нему. Она пришла, и онъ встрѣтилъ ее восклицаніемъ: «Что мнѣ дѣлать! Меня осаждаютъ дурныя, злыя мысли!»

Пора мнѣ и кончить. Я вполнѣ согласенъ съ тобою, что лучше всего можно выяснить личность А. посредствомъ сообщенія выдающихся чертъ изъ его жизни и его собственныхъ взглядовъ на самого себя. Начну поэтому

съ нѣкоторыхъ, хотя и мелкихъ, но все же не безполезныхъ для общей характеристики А. чертъ.

Если спросятъ, водились-ли за нимъ какіе-нибудь таланты, я отвѣчу: да, и назову нѣкоторые. Но сначала я заговорю о талантѣ, котораго онъ былъ совсѣмъ лишенъ — таланта къ изученію языковъ. Онъ чувствовалъ этотъ свой недостатокъ и самъ первый смѣялся надъ нимъ, хотя, можетъ быть, только въ нашемъ кругу. Изъ множества анекдотовъ, ходившихъ объ А. по этому поводу, приведу нѣкоторые. А. какъ будто намѣренно завязывалъ разговоры, которые всякаго другого поставили бы въ неловкое положеніе. Такъ онъ разсказывалъ самъ, что, встрѣтивъ на пароходѣ во время плаванія по Дарданельскому проливу перса, онъ сказалъ ему: «Берешитъ бара!», на что тотъ отвѣтилъ: «Yes». Но это-то была только шутка, а вотъ далеко не шуткой было вращаться между нѣмцами, французами и англичанами, не зная ихъ языка.

Въ Германію онъ попалъ еще въ молодости; здѣсь уже нельзя было удовольствоваться такимъ разговоромъ, какъ съ персомъ; здѣсь А. былъ принятъ въ семейныхъ кружкахъ, а «da hilft kein Maulspitzen, hier muss gepfiffen werden» (тутъ мало надуть губы, надо свистнуть). А. очень огорчало, что онъ никогда не могъ настолько выучиться нѣмецкому языку, чтобы писать на немъ: между тѣмъ у него впослѣдствіи завязалась обширная переписка со многими нѣмцами; приходилось прибѣгать къ посторонней помощи, и это его, конечно, очень стѣсняло. Говорить же онъ мало-по-малу навострился, но до невозможности неправильно. Французскій языкъ дался ему еще труднѣе. Замѣчательная память помогала ему усваивать запасы словъ, но связывать ихъ въ предложенія онъ не умѣлъ; чтобы помочь горю, онъ всѣ глаголы употреблялъ въ неопредѣленномъ наклоненіи и большинство существительныхъ причислялъ къ женскому роду. Если память измѣняла ему, онъ замѣнялъ ускользнувшее слово какимъ-нибудь другимъ подходящимъ или пантомимой.

Едва-ли лучше зналъ А. и англійскій языкъ; по крайней мѣрѣ онъ самъ разсказывалъ, что Диккенсъ однажды сказалъ ему: «говорите лучше податски, я лучше пойму.» Еще мнѣ передавали слѣдующій анекдотъ о немъ. Кто-то посовѣтовалъ ему во время его пребыванія въ Лондонѣ записать на бумажку названіе своей улицы, и, если заблудится, показать записочку полисмену. А. послѣдовалъ совѣту, остановился на углу улицы, гдѣ жилъ, и списалъ надпись «Stick no bills» (Запрещается наклеивать афиши). Заблудившись, А. показалъ свою записку полисмену и въ результатѣ очутился въ полиціи, откуда его выручилъ уже датскій консулъ, поручившись, что онъ не помѣшанный.

Возвращаясь къ его талантамъ, начну съ того, который развился въ немъ прежде всѣхъ остальныхъ—таланта къ шитью. Недаромъ мать питала не сбывшуюся впослѣдствіе надежду увидѣть сына портнымъ. Забавно, что

любовь къ шитью не проходила съ годами. А. никогда не пускался въ путь безъ иглы и нитокъ; онъ самъ пришивалъ себѣ пуговицы къ панталонамъ и штопалъ чулки. Слово «штопать» не совсѣмъ, впрочемъ, точно. А. вырѣзывалъ изъ одного чулка заплатки и накладывалъ на дырки другихъ чулокъ. Многія рукописи А. также пестрятъ такими заплатками и нашивками.

Въ юности А. готовился къ карьерѣ пѣвца. Извѣстно, что учителемъ его былъ Сиббони, но голосъ измѣнилъ А., затѣмъ онъ опять вернулся и еще въ маѣ 1837 г. А. писалъ по поводу устроеннаго студентами представленія, сборъ съ котораго предназначался на сооруженіе музея Торвальдсена: «У меня маленькая, но всетаки сольная партія, и я долженъ присутствовать на репетиціи.» Вообще онъ всегда очень любилъ драматическую музыку.

Еще я причисляю къ его талантамъ умѣнье извлекать пользу изъ всякаго матеріала. Съ непостижимой быстротой проглядывая цѣлую кучу газетъ, онъ всегда умѣлъ найти въ нихъ не только все, что говорилось о немъ самомъ, но и кое-что подходящее, какой-нибудь матеріалъ. Ингеманъ пишетъ ему: «Счастливый Вы человѣкъ! Начнете рыться въ уличной канавѣ—найдете жемчужину!» *) О его умѣніи схватывать черты и выраженія ближайшихъ окружающихъ я уже упоминалъ.

А. былъ одаренъ большимъ вкусомъ и въ молодости часто проявлялъ его, принимая участіе въ приготовленіяхъ къ разнымъ семейнымъ торжествамъ. Если онъ и не былъ любителемъ-знатокомъ цвѣтовъ, то во всякомъ случаѣ очень любилъ ихъ и умѣлъ красиво группировать. Изъ полевыхъ и лѣсныхъ цвѣтовъ онъ составлялъ, по отзывамъ знатоковъ, очень изящные букеты.

Коснусь мимоходомъ и его таланта къ рисованію. Этотъ талантъ очень пригодился ему во время первыхъ его путешествій, когда фотографій еще не было, а пріобрѣтать рисунки было ему не по карману. Вотъ А. и привозилъ съ собою массу собственноручныхъ рисунковъ, которыми очень дорожилъ, такъ какъ они, несмотря на все свое несовершенство, всетаки помогали ему вспомнить дорогія мѣста и предметы. Коллекція этихъ рисунковъ хранится у меня.

Болѣе извѣстенъ его талантъ къ вырѣзыванію. Многіе, я думаю, еще вспоминаютъ ту удивительную легкость, съ какой онъ, при помощи однѣхъ ножницъ, быстро поворачивая бумажку во всѣ стороны, создавалъ силуэты людей, звѣрей, ландшафтовъ и т. п. Спеціальностью же его были двѣ фантастическія крайности: танцовщица, стоящая на носкѣ одной ножки, и воръ на висѣлицѣ; эти фигуры часто встрѣчались и въ его вырѣзныхъ арабескахъ.

*) См. „*Приложеніе къ сказкѣ моей жизни*“, стр. 275.

Еще одинъ талантъ, мало извѣстный, но болѣе всего пригодившійся А. въ жизни, это—его практичность. Талантъ этотъ развился благодаря строгой пунктуальной расчетливости, которой онъ долженъ былъ придерживаться во время своихъ первыхъ путешествій, когда обстоятельства принуждали его къ самой строгой бережливости. Впослѣдствіе это пригодилось ему и для слѣдующихъ поѣздокъ и вообще въ жизни. Прежде чѣмъ отправиться въ путешествіе, А. обыкновенно набрасывалъ точный планъ его, съ подробнымъ обозначеніемъ мѣстъ и продолжительности остановокъ, а также съ исчисленіемъ всѣхъ расходовъ до мелочей. И планъ выполнялся обыкновенно пунктуально. При веденіи финансоваго хозяйства на родинѣ, онъ постоянно имѣлъ въ виду основную статью его—резервный фондъ, о которомъ такъ часто забываютъ.

Закончу теперь опредѣленіемъ существенной черты характера А., которая такъ открыто проявляется въ его письмахъ ко мнѣ и ко всему нашему семейству. Этой черты его характера не могли затемнить въ моихъ глазахъ никакія увлеченія его фантазіи, я зналъ его душу и знаю, что онъ былъ *добръ*. Тѣ, кто хорошо зналъ А. поймутъ меня безъ дальнѣйшихъ объясненій, для другихъ же я поговорю о томъ, какъ эта его доброта проявлялась.

Онъ всегда готовъ былъ выслушать всякаго, прибѣгавшаго къ нему за помощью или утѣшеніемъ, и былъ неутомимъ въ изыскиваніи способовъ помощи. А. былъ также очень добродушенъ; правда, тяжелыя испытанія часто выводили его изъ себя, но это еще ничего не доказываетъ. И добродушіемъ его часто злоупотребляли; я знаю, какъ ему докучали разными просьбами и не только о деньгахъ. *).

А. былъ въ высшей степени услужливъ. Г-жа Лэссе тоже свидѣтельствуетъ объ этомъ въ одномъ письмѣ: «Готовность услужить людямъ—вотъ что еще сохранили Вы отъ своего добродушія.»

Прекрасной чертой въ его характерѣ было также чувство справедливости. Я много разъ убѣждался въ томъ, какія усилія онъ дѣлалъ надъ собой, чтобы побороть въ себѣ чувства личной антипатіи къ людямъ и судить о нихъ безпристрастно.

*) Кто-то прислалъ ему свою копилку съ просьбой позаботиться о томъ, чтобы „она наполнилась". Особенно же надоѣдали ему разные авторы. Одинъ писалъ ему, что желаетъ „посвятить себя поэзіи, надѣясь пробить себѣ дорогу и заручиться средствами для другого предпріятія", другой сообщалъ, что выступилъ на литературное поприще въ силу „прирожденнаго генія, котораго добился", а одна дама, пославшая ему пачку своихъ стиховъ, рекомендовала самому А. написать книгу, которая бы „перешла въ вѣчность". Содержаніе ея должно было охватить все, начиная съ сотворенія міра и Ветхаго Завѣта. На случай, еслибы А. почувствовалъ себя одного не въ силахъ справиться съ такой задачей, дама рекомендовала ему взять себя помощниковъ. И съ такими-то людьми А. входилъ въ объясненія. *Э. К.*

Онъ искренно любилъ искусство и все прекрасное, при чемъ выражалъ свои чувства всегда необыкновенно страстно; если другіе радовались, онъ ликовалъ,

Родину свою онъ любилъ горячо. Я бы не заговорилъ объ этомъ, если бы иногда не сомнѣвались въ этой любви, вслѣдствіе многочисленныхъ дружескихъ связей А. за-границею и постояннаго стремленія туда. Но этому нечего и удивляться: онъ зналъ, что его высоко цѣнили тамъ, и въ то же время на родинѣ чувствовалъ себя просто лишнимъ.

А. былъ благочестивъ. И благочестіе его никогда не было мертвымъ. Мысль «огорчить Бога» удерживала его въ жизни отъ многихъ соблазновъ, но онъ рѣдко говорилъ объ этомъ. Въ одномъ изъ его писемъ я нашелъ слѣдующій отзывъ о книгѣ» «*Eritis sicut deus.*» «Эта книга показываетъ, какъ наука, или вѣрнѣе философія можетъ заблудиться и, отрицая личнаго Бога и отвергая откровеніе Божіе, вносить несчастье въ общественную и семейную жизнь.»

Его чистые душа и сердце, его ничѣмъ не запятнанное нравственное сознаніе такъ и сквозятъ во всѣхъ его твореніяхъ; онъ никогда не проявлялъ поползновенія сдобрить свое изложеніе скабрезными и двусмысленными намеками.

Въ дружбѣ А. былъ вѣренъ, но и тутъ многіе судили о немъ ложно. Что же касается до нашего кружка, то онъ остался нашимъ другомъ до конца. Вотъ одно изъ послѣднихъ доказательствъ этой дружбы: самъ опасно больной и разбитый и душевно и тѣлесно онъ поѣхалъ проститься съ твоей матерью, лежавшей при смерти. Этой трогательной послѣдней встрѣчи я не забуду никогда.

А теперь надѣюсь, что ты понимаешь и А. и мой взглядъ на него лучше; надѣюсь также, что теперь и ты и всѣ другіе, находящіеся еще въ живыхъ знакомые А. скажутъ то же, что одинъ изъ самыхъ молодыхъ, но близкихъ друзей его; онъ, прочитавъ мой трудъ въ рукописи, сказалъ: «Теперь я люблю А. еще больше, чѣмъ прежде.» Твой дядя *Эдвардъ*.

Свѣтъ смотрѣлъ на А. какъ на его «*Петьку Счастливца*». Какъ далеко такое представленіе отъ истины. Едва-ли проходилъ для него безъ огорченія хоть одинъ день; если не было повода для истиннаго, то фантазія услуживала ему воображаемымъ. Но если онъ не былъ «Петькой Счастливцемъ» въ жизни, то ужъ тѣмъ меньше въ смерти; онъ не покинулъ свѣта, какъ тотъ, среди грома рукоплесканій, въ упоеніи торжества; послѣдніе дни А. протекли тихо и мирно, давъ ему возможность сосредоточиться въ себѣ, забыть суету міра и встрѣтить смерть вполнѣ спокойно, съ полною преданностію волѣ Божьей.

Мы, знавшіе его, съ благодарностью и грустью сохранимъ память о его полной вѣры душѣ и согрѣтомъ горячей любовью сердцѣ.

Замѣтки для характеристики
Г. Х. Андерсена.

[Статья эта принадлежитъ проф. *Вильяму Блоку* и была напечатана въ датскомъ еженедѣльномъ изданіи «*Nœr og Fjern*» (Вблизи и вдали) въ №№ 363 и 364, въ іюнѣ 1879 г.].

Если сынишкѣ бѣднаго башмачника вздумается сдѣлаться знаменитымъ человѣкомъ, и онъ, уповая только на дарованныя ему Богомъ способности, не имѣя ни средствъ, ни познаній, ни протекціи, отправляется по бѣлу-свѣту, чтобы достичь своей цѣли, не трудно предсказать ему всякія горести и испытанія. Не такъ-то просто сдѣлаться знаменитымъ человѣкомъ. Многіе, кому не удалось достигнуть этой цѣли, испытываютъ какое-то странное утѣшеніе, мѣшая достичь ее и другимъ, подставляя имъ ножку и пр. Для борьбы съ подобными препятствіями нужно обладать необычайной энергіей, твердой волей, непоколебимой вѣрой въ свое призваніе; тому же, у кого нѣтъ этихъ качествъ, борьба не подъ силу. Дѣтскія мечты его утрачиваютъ свой золотистый отблескъ, злоба и подозрительность отравляютъ его душу своимъ ядомъ. Но вотъ диво! Если онъ, паче чаянія, достигнетъ своей цѣли, свѣтъ не особенно гонится за тѣмъ, чтобы столкнуть его съ пьедестала; быть можетъ, главнымъ образомъ потому, что съ нимъ тогда уже труднѣе справиться.

Андерсенъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ и счастливыхъ исключеній: ему удалось увидѣть, какъ его юношескія мечты стали дѣйствительностью. Бѣдный мальчикъ, ходившій въ деревянныхъ башмакахъ, умеръ знаменитымъ человѣкомъ, въ чинахъ и орденахъ, любимцемъ коронованныхъ особъ и народа. Но прежде чѣмъ достигнуть этой высоты, ему, при его чувствительности и раздражительности, пришлось извѣдать не мало горя. Онъ испилъ полную чашу униженія и презрѣнія, отвѣдалъ критическихъ плетей своихъ земляковъ, и нельзя не согласиться съ нимъ, когда онъ говоритъ, что яблоко безсмертія отзывается для него горечью. Но пришло время, и мытарствамъ его насталъ конецъ. Когда имя его стало извѣстно всему міру, наши доморощенные критики попрятали свои плетки, посмѣиваясь себѣ въ бороду при мысли, что досталось таки ему порядкомъ, и — все приняло другой оборотъ. Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни

онъ не могъ не видѣть, что въ общемъ всѣ относятся къ нему доброжелательно. Люди, пожалуй, считали за собою старый должокъ, оставшійся за ними еще со временъ его тяжелыхъ дней, когда общее непризнаніе его таланта, часто переходившее въ глумленіе, заволакивало его жизнь густымъ туманомъ, рѣдко прорываемымъ слабыми солнечными лучами, и вотъ, похвалы стали сыпаться на него настолько же щедро, насколько прежде скупо. Его прославляли, чествовали и ласкали, точно ребенка въ день рожденія; слабостей его вовсе не хотѣли видѣть больше, боясь допустить появленіе малѣйшей тѣни на свѣтломъ фонѣ его славы. И если рѣдкій разъ похвалы эти казались кое-кому чрезмѣрными, если находили, что и онъ не безъ слабостей и что не мѣшало бы по этому поводу говорить правду, такимъ лицамъ оказывали тотъ энергичный отпоръ, который вообще люди даютъ лишь тогда, когда чувствуютъ задѣтыми себя лично и изо всѣхъ силъ стараются замять всякіе разговоры или намеки на этотъ счетъ.

Изысканное личное вниманіе, оказываемое А. въ эту эпоху его жизни, могло бы послужить прекраснымъ и неоспоримымъ доказательствомъ всеобщей любви къ нему, если бы только можно было безусловно довѣряться его искренности. Но подобное признаніе родного таланта у насъ явленіе настолько рѣдкое, вызываемое чуть не насильственно и зависящее отъ столькихъ различныхъ условій, что уже по однѣмъ этимъ причинамъ нельзя не относиться къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ.

Мы датчане—странный народъ. Мы не умѣемъ, какъ слѣдуетъ, наслаждаться чѣмъ бы то ни было. Вниманіе наше прежде всего останавливается на тѣневыхъ сторонахъ даннаго предмета, и мы въ сущности довольны, когда находимъ ихъ. Если ихъ много, наше удовольствіе можетъ иногда перейти въ восторгъ, и онъ придаетъ намъ такой подъемъ духа, заставляетъ насъ говорить такимъ языкомъ, что, право, за нами нельзя не признать силы паѳоса возмущенія. Затѣмъ, въ насъ есть и еще особенность—вѣчно безпокоиться какъ бы кому не повезло черезчуръ. Прежде чѣмъ рѣшиться безусловно превозносить кого-нибудь, намъ очень желательно убѣдиться — не водится ли за даннымъ лицомъ какихъ слабостей; онѣ такъ примиряютъ насъ съ нимъ, и мы отъ души желаемъ ему сохранить ихъ за собою навсегда. Лучше всего, если это лицо уже умерло. Если же нѣтъ, мы иногда успокоиваемъ себя тѣмъ, что оно уже старо или что частныя обстоятельства бросаютъ на его жизнь извѣстную тѣнь. Нельзя же человѣку быть и молодымъ, и радостнымъ, и здоровымъ, и довольнымъ всѣмъ, да что бы его еще хвалили всѣ!

Казалось бы, что А. то ужъ заслужилъ благодарность и признательность своихъ земляковъ; сказки его—«дворцовый садъ въ его поэтическомъ царствѣ» — будутъ жить и тогда, когда многое изъ того, что теперь пользуется благосклонностью толпы, предастся забвенію; имя его будетъ раз-

даваться въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, гдѣ Данію знаютъ развѣ только какъ родину А. Но мнѣніе толпы такъ сбивчиво, а земляки А. видѣли его ужъ черезчуръ близко, слишкомъ хорошо знали всѣ его личныя слабости и недостатки, чтобы отдавать должное его поэтическимъ дарованіямъ. Врядъ ли тотъ ѳиміамъ, который курили А. въ послѣдніе годы его жизни, шелъ всегда отъ чистаго сердца. За нимъ то и дѣло мелькали улыбки. Невольно чувствовалось, что ѳиміамъ этотъ являлся не столько данью дарованіямъ А., сколько подаркомъ старику, который,—думалось людямъ—вѣрно, ужъ не долго протянетъ, а перенесъ-то всетаки много! Едва же онъ умеръ, настала реакція, и если иностранецъ, знакомый со славой А., справился бы у его земляковъ теперь о томъ, каковъ онъ былъ какъ поэтъ и человѣкъ, то наврядъ ли отзывы оказались бы особенно благосклонными или вполнѣ справедливыми. Многіе согласились бы, пожалуй, что А. былъ истиннымъ поэтомъ (надо, вѣдь, имѣть особенную смѣлость, чтобы отрицать то, что признано всѣмъ свѣтомъ), но осторожно воздержались бы отъ всякихъ выраженій, которыя могли бы подать поводъ къ предположенію, что они слѣпы къ его недостаткамъ. Если, дескать, вообще отозваться о немъ какъ нибудь, то вѣрнѣе всего назвать его «недюжиннымъ» писателемъ. Мы, датчане, особенно любимъ это слово. Сужденія же объ А., какъ о человѣкѣ, звучали бы значительно увѣреннѣе. «Да въ сущности онъ былъ, пожалуй, хорошій человѣкъ. Въ немъ было очень много наивнаго, дѣтскаго, и это очень шло къ нему; затѣмъ, онъ очень любилъ дѣтей, и они его». И послѣ минутной паузы, во время которой лицо говорящаго такъ и выражало бы: «И я люблю дѣтей, но я не наивенъ и во мнѣ нѣтъ ничего дѣтскаго; я человѣкъ съ характеромъ, сударь мой!» — рѣчь пошла бы куда увѣреннѣе и живѣе: «Но онъ былъ неимовѣрно тщеславенъ! Онъ только собой и занимался! Онъ просто гонялся за славой, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что главной причиной его славы и является то неустанное рвеніе, съ которымъ онъ самъ искалъ ея.» Въ самомъ дѣлѣ, большинство земляковъ А. того мнѣнія, что А. никогда бы не достигъ своей великой славы, если бы такъ много не разъѣзжалъ и не говорилъ о себѣ самомъ. Но я очень желалъ бы, чтобы нашлось человѣкъ 20 охотниковъ подражать ему въ этихъ отношеніяхъ. Можно было бы разрѣшить имъ изъѣздить въ 20 разъ большее пространство и въ 20 разъ больше хвалить себя самихъ, и тѣмъ не менѣе они очень бы пріятно удивили насъ, если бы по возвращеніи ихъ на родину оказалось, что они добились хоть двадцатой доли его славы.

Тщеславіе А. стало притчей во языцѣхъ, и разувѣрить людей на этотъ счетъ очень трудно. Да и безполезно было бы отрицать, что онъ чрезмѣрно любилъ всякаго рода чествованія; онъ былъ такъ же снисходителенъ къ лести, какъ щепетиленъ относительно порицаній; нужно, однако, прибавить, что его жажда почестей была свободна отъ всякаго самодовольства, и что онъ не

прибѣгалъ никогда ради достиженія этихъ почестей къ безчестнымъ или низкимъ средствамъ. Онъ былъ человѣкомъ съ открытой и строго честной душой на распашку. Онъ говорилъ все, что думалъ, не помышляя о томъ, какія изъ этого могутъ возникнуть недоразумѣнія и ложныя сужденія. Онъ отлично зналъ свои собственныя слабости и не игралъ въ этомъ отношеніи въ прятки. Онъ самъ чистосердечно говоритъ: «Безъ похвалъ у меня дѣло не спорится»; но онъ говоритъ также: «Похвалы и любовь заставляютъ меня смиряться душою, несправедливое же порицаніе пробуждаетъ всю мою гордость». А. былъ истинно поэтической натурой: то смирялся душой, то вспыхивалъ отъ гордости, сознавая свои силы; онъ преклонялся передъ идеалами, которые самъ себѣ ставилъ, какъ поэтъ, но всякая мелочная и неразумная критика вызывала въ немъ гордое презрѣніе, и онъ сравниваетъ себя съ апельсиннымъ деревомъ, растущимъ въ болотѣ: мужикъ, глядя на плоды, принимаетъ ихъ за кислыя яблоки, откусываетъ, бросаетъ и идетъ дальше, оставляя ихъ гнить; затѣмъ онъ говоритъ, что Богъ даровалъ ему духовную дворянскую грамоту, а люди ее разорвали, и онъ не находитъ словъ, чтобы достаточно сильно выразить свое негодованіе тому народу и той странѣ, гдѣ его преслѣдуютъ такъ жестоко и *безжалостно. Величайшая* радость для него уѣхать отъ тумановъ, отъ холодныхъ разсудительныхъ людей въ Италію, на его истинную родину, являющуюся завѣтною цѣлью всѣхъ его желаній. Тоски по настоящей родинѣ онъ не знаетъ вовсе. Напротивъ, онъ глубоко скорбитъ, чувствуетъ себя почти несчастнымъ, когда ему приходится возвращаться въ Данію, «въ эту страну вѣчнаго инея, къ этимъ заплѣсневѣвшимъ островамъ, къ этому неспособному къ восторженнымъ увлеченіямъ народу, погруженному по уши въ критиканство и мелочность.» Какъ бы обидны ни казались подобныя слова каждому искренно любящему свою родину датчанину, нельзя, однако, судить его за нихъ особенно строго. Ихъ нельзя понимать буквально. Слова эти вырвались у человѣка, котораго преслѣдуютъ; это языкъ оскорбленнаго самолюбія, а онъ всегда нѣсколько отзывается желчью. Едва, однако, земляки его начинаютъ признавать его талантъ, онъ сразу опять чувствуетъ себя въ Даніи какъ дома, а подъ конецъ, когда его осыпаютъ почестями, чувствуетъ, что Данія его истинная родина, и говоритъ о ней съ горячей благодарностью и любовью, не уступающими чувствамъ самаго лучшаго патріота. Надо помнить, что черезъ всю жизнь А. проходитъ одна преобладающая надъ всѣми другими мысль. Онъ задался мыслью сдѣлаться великимъ поэтомъ. И такъ какъ признаніе его таланта служило ему въ минуты сомнѣнія гарантіей того, что онъ дѣйствительно достигъ своей цѣли, то и не удивительно, что онъ искалъ его повсюду и радовался всякой новой ступенькѣ, подымавшей его по лѣстницѣ славы. Онъ борется за свою славу, какъ король за расширеніе границъ своего царства, и его охватываетъ искренняя радость, смѣшанная съ смиренной благо-

дарностью, при видѣ того, какъ страна за страной преклоняется передъ его скипетромъ. «Мало-по-малу имя мое начинаетъ гремѣть», пишетъ онъ и затѣмъ съ милой откровенностью, доставившею ему столько горькихъ минутъ, прибавляетъ: «Я только для этого и живу».

А. принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ больше всего выводятъ изъ себя разныя житейскія злополучія. Всѣ земляки его хорошо знаютъ, какъ легко онъ раздражался, когда дѣло шло о его чести, какъ поэта, какимъ рѣзкимъ, ѣдкимъ языкомъ говорилъ онъ, когда задѣвали его самолюбіе. Страсть не имѣетъ ничего общаго съ сдержанностью, и въ минуты раздраженія А. не обуздывалъ своего языка. Не мудрено, что его считали чудовищно тщеславнымъ. Знали бы люди, какія добрыя любовныя чувства волновали его, когда счастье улыбалось ему, какимъ ничтожнымъ, полнымъ смиренія и благодарности чувствовалъ онъ себя тогда, они, вѣрно, судили бы о немъ иначе. Но это знали лишь немногіе. Глубокое чувство стыдливо и не выставляетъ себя на показъ толпѣ.

Нельзя сказать, чтобы природа была особенно милостива къ А. по части *внѣшности*; фигура его всегда имѣла въ себѣ что-то странное, что-то неловкое, неустойчивое, невольно вызывавшее и улыбку и симпатію. Какъ бываютъ мальчики, съ дѣтскихъ лѣтъ отличающіеся какою-то старческою степенностью, невольно внушающею къ нимъ нѣкоторое уваженіе, такъ бываютъ и взрослые люди, которые никакъ не могутъ избавиться отъ чего-то чисто дѣтскаго въ лицѣ или въ фигурѣ. А. представлялъ удивительную смѣсь того и другого сорта людей. Не знаю, каковъ онъ былъ ребенкомъ, но я увѣренъ, что его рѣзко очерченное лицо съ маленькими глазами и крупнымъ носомъ и въ дѣтствѣ не представляло свойственныхъ ребенку мягкихъ и округленныхъ формъ, и я врядъ ли ошибаюсь, предполагая, что люди, видѣвшіе его въ колыбели, такъ же удивлялись старческому выраженію лица ребенка, какъ впослѣдствіе—ребяческому отпечатку, лежавшему на всей его фигурѣ взрослаго человѣка. Онъ былъ высокъ, худощавъ и крайне оригиналенъ въ осанкѣ и движеніяхъ. Руки и ноги его были несоразмѣрно длинны и тонки; кисти рукъ широки и плоски, а ступни ногъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что ему, вѣроятно, никогда не случалось опасаться, чтобы кто-нибудь подмѣнилъ его калоши. Носъ его былъ такъ называемой римской формы, но тоже несоразмѣрно великъ, и какъ-то особенно выдавался впередъ. Уходя отъ него, человѣкъ скорѣе и лучше всего запоминалъ его носъ, между тѣмъ какъ свѣтлые и крайне маленькіе глаза его, скрытые въ своихъ впадинахъ за большими вѣками, не оставляли по себѣ впечатлѣнія. Выраженіе глазъ было ласковое, добродушное, но въ нихъ не было той захватывающей игры свѣта и тѣней, той жизни и выразительности, благодаря которымъ глаза становятся зеркаломъ души. Зато очень красивъ былъ его

высокій, открытый лобъ и необычайно тонко очерченныя губы. Онъ заботился о своемъ внѣшнемъ видѣ сколько могъ, ежедневно ходилъ бриться и завивать волосы, стоячіе воротнички помогали ему скрыть длинную шею, широкіе брюки—тонкія, худыя ноги. Одѣтъ онъ всегда былъ тщательно, почти изысканно, и никогда не забывалъ оживить петлицу своего темнаго сюртука пестрой орденской ленточкой. Вообще онъ не былъ недоволенъ своей наружностью. Полуироническая форма, присущая большинству встрѣчающихся въ его письмахъ отзывовъ о его собственной наружности, хотя и показываетъ, насколько онъ въ этомъ отношеніи былъ далекъ отъ самообольщенія, все же оставляетъ возможность предполагать, что въ концѣ концовъ онъ, ничего себѣ, былъ доволенъ собой. Онъ прекрасно зналъ, что его нельзя назвать красивымъ, но видно, что онъ находилъ въ себѣ что-то особенное, отличающее его отъ обыкновенныхъ людей. Довольно характерно также, что всякій разъ, какъ А. открывалъ въ себѣ сходство съ кѣмъ-либо, можно было быть увѣреннымъ, что лицо это знаменитость. Такъ онъ то поражался своимъ удивительнымъ сходствомъ съ Шиллеромъ, то находилъ, что статуя Вебера въ Дрезденѣ *вылитый его портретъ*, а разъ, когда съ него писали портретъ на родинѣ, высказалъ *предположеніе*, что голова его несомнѣнно напоминаетъ голову Гёте. Слѣдуетъ, пожалуй, прибавить, что въ такихъ случаяхъ онъ всегда оставался при особомъ мнѣніи.

Не трудно, конечно, понять, что А. такимъ, какимъ его создала природа, не могъ особенно увлекать женщинъ. Этимъ, однако, не исключается возможность тайной любви къ нему разныхъ вздыхательницъ. Во всякомъ случаѣ онъ получалъ не мало анонимныхъ писемъ, въ которыхъ неизвѣстныя поклонницы изъяснялись ему въ нѣжныхъ чувствахъ и приглашали его на тайныя свиданія. Но онъ никогда не являлся. Боязнь мистификаціи пересиливала въ немъ охоту къ такого рода приключеніямъ. Кромѣ того, всѣ эти экзальтированныя, полупомѣшанныя существа, которыя гоняются за знаменитостями, какъ сельди за свѣтящимся фонаремъ, нагоняли на него страхъ. Такъ онъ очутился однажды въ крайне для него непріятномъ положеніи, когда къ нему явилась какая-то молодая красивая дѣвушка и объяснилась ему въ любви; ему пришлось выказать не мало энергіи, чтобы уговорить ее уйти. Узнавъ впослѣдствіе, что она психически больна, А., бывшій вообще очень высокаго мнѣнія о женскомъ достоинствѣ, испыталъ значительное облегченіе. А. хоть и не особенно увлекался женщинами, кое-какихъ сердечныхъ увлеченій всетаки не избѣжалъ. Онъ былъ влюбленъ раза три-четыре и довольно серьезно, но, видимо, безъ особаго успѣха. Дарованія и доброе сердце его снискивали ему привязанность многихъ прекрасныхъ и выдающихся женщинъ, но въ немъ было слишкомъ мало мужественности, чтобы онъ могъ стать предметомъ ихъ любви. Испытанныя А. въ его сердечныхъ дѣлахъ разочарованія не могли, конечно, не

причинять ему горя и не уязвлять его самолюбія, но все же сердечныя раны его врядъ ли были особенно глубоки. Его здоровая натура всегда брала въ такихъ случаяхъ верхъ надъ слабостью, а время окончательно залѣчивало рану.

Изъ всего этого видно, какъ мало правдоподобно изображеніе въ одной австрійской новеллѣ «датскаго сказочника» человѣкомъ, носящимся на дикомъ конѣ по ютландскимъ степямъ, гдѣ онъ водитъ знакомство съ цыганами, покоряетъ сердце одной высокородной дамы и въ концѣ концовъ влюбляется въ рыбачку на островѣ Фёрѣ. Вообще объ А. сочиняли небылицы въ лицахъ, и онъ часто отъ души забавлялся такими выдумками. Какъ онъ смѣялся надъ описаніемъ его дѣтства, сдѣланнымъ какимъ-то американцемъ. Тотъ изобразилъ А. «ловящимъ бабочекъ прелестнымъ ребенкомъ съ длинными кудрями и блестящими глазами». Въ другомъ же американскомъ разсказѣ говорилось, что какъ только А. показывается на улицахъ Копенгагена, сейчасъ его окружаетъ толпа ребятишекъ, которые и слѣдуютъ за нимъ по пятамъ, теребя его за фалды сюртука и крича: «Гансикъ, Гансикъ, разскажи намъ сказочку!» Гансикъ волей-неволей долженъ присѣсть гдѣ-нибудь подъ воротами, и его мигомъ облѣпляетъ цѣлая толпа ребятишекъ и взрослыхъ и съ восторгомъ слушаетъ льющіяся изъ его устъ дивныя сказки.

Несмотря на всю нелѣпость разсказа, онъ всетаки можетъ послужить доказательствомъ общераспространеннаго заблужденія на счетъ тѣсной личной связи А. съ дѣтьми. Онъ былъ для нихъ совсѣмъ не подходящимъ товарищемъ. Одинъ видъ этого длиннаго страннаго человѣка съ его большимъ носомъ пугалъ ихъ, и, откровенно говоря, я думаю, что видъ его скорѣе былъ способенъ заставить ихъ плакать, чѣмъ внушить имъ довѣріе къ себѣ. Дѣти вообще страстно любятъ слушать сказки. Но они хотятъ сидѣть на колѣняхъ разсказчика, обвивъ его шею руками, или прильнувъ къ нему и заглядывая ему въ глаза, А. же не любилъ ничего такого. Если ужъ ему вообще приходилось имѣть съ дѣтьми дѣло, то не угодно ли имъ было держаться на почтительномъ разстояніи, да вести себя тихо и смирно; если они шумѣли при немъ, приближались къ нему или дотрогивались до него, онъ какъ-то комично обижался на такой недостатокъ уваженія къ нему. Онъ любилъ душевную чистоту и непосредственность ребенка, но больше отвлеченно. Самъ онъ на всю жизнь сохранилъ оттѣнокъ невинной наивности дѣтскаго сердца, вотъ почему онъ такъ и умѣлъ писать о дѣтяхъ и для дѣтей. На самомъ же дѣлѣ онъ не особенно благоволилъ къ дѣтямъ, хотя и любилъ иногда поддержать въ людяхъ такое предположеніе.

Рѣдко случалось, поэтому, чтобы онъ читалъ свои сказки дѣтямъ. «Поэтъ дѣтей» предпочиталъ взрослую публику, но не ради того, чтобы услышать ея совѣты; онъ не нуждался въ нихъ. Читалъ онъ въ сущности не важно

Чтеніе его не представляло ничего обдуманнаго или художественнаго; но вся личность его такъ соотвѣтствовала этой своеобразной ярко-рельефной передачѣ, что нельзя было сомнѣваться въ тѣсной связи между творцомъ и твореніями. Чтеніе его имѣло въ себѣ такимъ образомъ много характернаго, и его почти всегда можно было слушать съ удовольствіемъ, особенно, если онъ читалъ что-нибудь новое. Въ такихъ случаяхъ онъ всегда могъ разсчитывать на внимательную и благодарную публику. Когда онъ вынималъ изъ кармана рукопись, написанную крупнымъ, неровнымъ почеркомъ, перекидывалъ одну ногу черезъ другую и, согнувшись надъ рукописью, приступалъ къ чтенію, ему не приходилось возвышать своего мягкаго и мало звучнаго голоса, чтобы быть услышаннымъ всѣми. Сразу воцарялась могильная тишина. Если А. преимущественно любилъ читать свои вещи еще до напечатанія, то это не столько изъ желанія услышать о нихъ отзывы (въ частныхъ кружкахъ онъ, конечно, рѣдко слышалъ что-либо, кромѣ похвалъ), какъ ради другой, болѣе практической цѣли. Задумавъ какую-нибудь вещь, онъ набрасывалъ ее такъ, какъ она представлялась ему съ перваго раза; затѣмъ онъ принимался обрабатывать ее, взвѣшивая каждое слово и переписывая свой трудъ до тѣхъ поръ (иногда разъ 10), пока ему не удавалось разработать его до мельчайшихъ подробностей. Читая написанное вслухъ, легче отдѣлаться отъ прежняго впечатлѣнія, но читать вслухъ самому себѣ скучно, вотъ онъ и заботился о соотвѣтствующей публикѣ. Вниманіе слушателей оказывало на него нужное давленіе извнѣ, и подъ его вліяніемъ у него являлись новые выраженія и обороты, новыя идеи; при слѣдующихъ чтеніяхъ онъ сравнивалъ впечатлѣнія, производимыя различными варіантами текста, словомъ, устраивалъ что-то вродѣ генеральныхъ репетицій, во время которыхъ ничего не подозрѣвающіе слушатели являлись для него своего рода сотрудниками.

Вообще принято смотрѣть на А. какъ на человѣка непрактичнаго и безпомощнаго въ дѣлахъ практической жизни. Весьма возможно, что преобладающій въ его поэтическомъ творчествѣ наивный элементъ и укрѣплялъ людей въ ихъ нелѣпомъ представленіи—будто бы поэты, одаренные способностью парить въ воображаемомъ мірѣ поэзіи, зато совсѣмъ неспособны двигаться безъ помочей въ дѣйствительномъ. Но мнѣніе толпы и вообще, и въ данномъ случаѣ, поверхностно и невѣрно,—наивность наивности рознь. Есть наивность души или сердца, однородная съ невинностью, свѣжестью, непорочностью, и есть наивность ума, которая является лишь смягченнымъ выраженіемъ для невѣжества или недостатка знанія. Первымъ свойствомъ А. обладалъ въ высокой степени, вторымъ ничуть. Заключать по наивности формъ и тона его сказокъ, что онъ и самъ былъ наивнымъ въ отрицательномъ смыслѣ этого слова, было бы такъ же нелѣпо, какъ предполагать, что актеръ, умѣющій въ совершенствѣ изображать всякія дурныя страсти, самъ дол-

женъ быть негодяемъ. Нельзя случайно напасть на художественную форму, она всегда является сознательной. Языкъ ребенка наивенъ, но въ немъ нѣтъ ничего художественнаго; для этого ребенку недостаетъ самаго существеннаго—ненаивнаго уразумѣнія своей наивности. А. былъ въ дѣйствительности человѣкомъ, прекрасно знавшимъ свѣтъ и людей, практическимъ, умнымъ, экономнымъ и предусмотрительнымъ, тщательно взвѣшивавшимъ каждый предстоящій свой шагъ. Нельзя, однако, истолковать это такъ, что онъ будто бы являлся человѣкомъ мнительнымъ. Напротивъ, онъ любилъ жизнь и предпочиталъ думать о ней и о людяхъ хорошо; сердце у него, было, вѣдь, вполнѣ неиспорченное, и я сомнѣваюсь, чтобы жилъ когда-либо на свѣтѣ человѣкъ съ болѣе честной душой. Мысль объ оказанной имъ кому-нибудь несправедливости, была для него нестерпима, и никто не имѣлъ надъ нимъ такой власти, какъ тотъ, кого ему случалось противъ собственной воли обидѣть.

Съ другой стороны добродушіе А. отнюдь не переходило границъ и нисколько не мѣшало ему сердиться, часто даже изъ-за пустяковъ. Но сорвавъ сердце, онъ скоро успокоивался. Доброе слово, рукопожатье скоро заставляло его позабыть даже горькую обиду, а при видѣ слезъ онъ и подавно сразу сдавался. Разъ за-границей я видѣлъ въ отелѣ, какъ одна изъ горничныхъ съ большимъ успѣхомъ воспользовалась этимъ свойствомъ А. Она постелила ему постель не такъ, какъ онъ указалъ. Онъ замѣтилъ ей это, она стала оправдываться, слово за слово, и А. вспылилъ и швырнулъ въ нее подушкой. Дѣвушка вдругъ заплакала, и гнѣвъ А. моментально стихъ. Онъ посмотрѣлъ на нее съ минуту какъ-то удивленно и смущенно, подошелъ къ ней, протянулъ ей руку и извинился. Это не помогло. Безпокойство А. возросло; лицо его приняло комическое выраженіе раскаянія и безпомощности; онъ, очевидно, не зналъ, что дѣлать. Вдругъ его осѣнило. Онъ отвернулся, схватился за карманъ жилета и, пошаривъ въ немъ, снова протянулъ разгнѣванной дѣвушкѣ руку, на этотъ разъ не отвергнутую, и къ великому его успокоенію слезы дѣвушки сразу остановились.

Вообще манера его обращаться съ прислугой была весьма характерна. Онъ обходился съ ней всегда ласково, просто, иногда прямо таки по-товарищески, охотно вступалъ съ ней въ бесѣду и нерѣдко дарилъ ей свои книги; но стоило ему замѣтить въ ней малѣйшее поползновеніе къ панибратству, онъ тотчасъ же превращался въ «барина», умѣвшаго внушить къ себѣ уваженіе. Иногда ему приходилось для этого прибѣгать къ довольно таки оригинальнымъ средствамъ. Такъ однажды, гостя въ одномъ богатомъ англійскомъ домѣ, гдѣ ему приходилось имѣть дѣло съ крайне важными слугами, смотрѣвшими на него свысока за его неумѣніе пользоваться предоставленнымъ въ его распоряженіе безчисленнымъ количествомъ полотенецъ и простынь, онъ взялъ да вымочилъ все это бѣлье въ ваннѣ, а потомъ расшвырялъ

его по комнатѣ и такимъ образомъ вполнѣ возстановилъ утраченное уваженіе къ себѣ прислуживавшихъ ему джентльменовъ.

Въ обращеніи А. былъ вообще—если исключить нѣкоторую, пожалуй, чрезмѣрную претензію на вниманіе къ себѣ—очень милъ и любезенъ, т. е., если онъ былъ здоровъ и въ хорошемъ расположеніи духа. Всякій, кто посѣщалъ его, какого бы ни былъ чина или званія, всегда могъ быть увѣреннымъ въ ласковомъ пріемѣ. А. былъ очень словоохотливъ, но говорилъ по большей части о самомъ себѣ, о своихъ личныхъ дѣлахъ, о состояніи своего здоровья, о томъ, что видѣлъ во снѣ и т. д.; и если тема его разсказовъ сама по себѣ и не всегда была особенно интересной, то зато способъ изложенія его былъ до того живъ, забавенъ и часто остроуменъ, что всякій слушалъ его съ удовольствіемъ. Онъ любилъ устроить себѣ чистое и уютное гнѣздышко. Войдя въ его комнату, обставленную цвѣтами, увѣшанную полками съ книгами въ красивыхъ переплетахъ, картинами и рисунками, каждый невольно чувствовалъ, что хозяинъ долженъ обладать и вкусомъ и умѣніемъ устраиваться уютно и комфортабельно.

Провидѣніе надѣлило А. богатыми способностями; но самымъ лучшимъ его даромъ была, безъ сомнѣнія, его богатая, своеобразная, часто причудливая, но всегда пышная, роскошная фантазія, придававшая его поэтическимъ произведеніямъ особую свѣжесть и прелесть. Фантазія эта повиновалась ему безусловно, являлась къ нему по первому зову и слѣдовала за нимъ, куда ему было угодно. Но и съ фантазіей бываетъ то же, что съ людьми: она рѣдко даетъ что-либо даромъ. Сколько же долженъ онъ былъ вынести волненій и страховъ, когда приходилось ему въ свой чередъ *слѣдовать за ней* по дебрямъ и урочищамъ, когда она врывалась къ нему безъ зова и вела его, куда ужъ ей хотѣлось! Немного найдется людей, которымъ приходилось бы страдать отъ подобныхъ невольныхъ увлеченій фантазіи столько, сколько А. Я видѣлъ его внѣ себя отъ волненія и страха изъ-за того только, что другъ и товарищъ его опоздалъ во время поѣздки на полчаса противъ условленнаго срока. И чего-чего только ни перенесъ онъ за эти полчаса! Сколько представлялось ему различныхъ способовъ смерти, пока онъ не остановился поневолѣ на самомъ ужаснѣйшемъ изъ всѣхъ! Онъ уже видѣлъ, какъ привезли домой тѣло убитаго друга, испыталъ всю тяжесть положенія, обязывающаго остающагося въ живыхъ друга собраться съ мыслями и привести въ порядокъ всѣ дѣла; онъ видѣлъ даже, какъ уложили тѣло въ гробъ и отправили его, уже написалъ роднымъ и друзьямъ на родину, возможно осторожнѣе подготовивъ ихъ къ страшной вѣсти, онъ, наконецъ, уже оставилъ это ужасное мѣсто, бѣжалъ отъ кровাваго зрѣлища, но оно все преслѣдовало его и во снѣ и на яву; силъ его не было, онъ чувствовалъ, что захвораетъ, пожалуй, умретъ и все это изъ за… А! Вотъ онъ пришелъ! Тотъ

входитъ въ комнату здоровый и улыбающійся и, минуту спустя, торжественно даетъ себѣ слово никогда не запаздывать.

Подобныя невольныя экскурсіи съ деспотически своевольной фантазіей безконечно мучили А. Онъ страдалъ отъ нихъ и духовно и физически. И рѣдко случалось ему быть свободнымъ отъ нихъ. Всегда что нибудь да угнетало его: поперхнувшись за столомъ, онъ явственно ощущалъ, что въ желудокъ его попала иголка; ударившись колѣномъ, онъ рисовалъ себѣ продолжительную болѣзнь, а если случайно открывалъ какой нибудь прыщъ подъ глазомъ, то ничуть не сомнѣвался, что онъ будетъ расти, расти, пока не превратится въ огромную шишку, которая закроетъ глазъ.

Но если и случалось ему такъ помучиться, то сколько зато переживалъ онъ и счастливыхъ минутъ! Какое наслажденіе можетъ сравниться съ тѣмъ, что испытываетъ поэтъ, когда творитъ безсмертную поэму? И какъ онъ любилъ это состояніе вдохновенія! Въ такія минуты онъ со смиреньемъ и благодарностью сознавалъ, сколько ему дано и какъ ничтожна въ сравненіи съ этимъ его собственная воля. Это сознаніе, что онъ принадлежитъ къ числу избранныхъ, является счастливымъ и благодарнымъ орудіемъ въ рукахъ Промысла и сопутствовало ему во всю жизнь. Онъ непоколебимо вѣрилъ въ свое призваніе. «Быть великимъ поэтомъ здѣсь на землѣ и еще болѣе великимъ въ другомъ мірѣ»—вотъ свѣтлая картина, на которой сосредоточивались всѣ его желанія, всѣ его завѣтнѣйшія стремленія. Онъ долженъ былъ неустанно идти впередъ, пріобрѣтать все больше и больше значенія, а то ради чего же онъ жилъ? Впередъ, впередъ—иначе лучше умереть, чтобы унестись на другую планету! Онъ любилъ жизнь и нашу прекрасную землю, но находилъ, что лучше умереть, нежели пережить свою славу. Только бы смерть явилась тихо и кротко; ему хотѣлось умереть безъ страданій и прекрасно, какъ умеръ въ театрѣ Торвальдсенъ, подъ звуки симфоніи Бетховена, какъ «Петька-Счастливецъ» въ минуту высшаго торжества, когда жизнь улыбалась ему всего привѣтливѣе, когда онъ сильнѣе всего чувствовалъ въ себѣ присутствіе жизненныхъ силъ.

Случилось не вполнѣ такъ, какъ онъ желалъ. Послѣдніе годы жизни онъ страдалъ и отъ болѣзни и отъ упадка силъ; сознавая себя умственно бодрымъ, онъ чувствовалъ, какъ физическія силы его изо дня въ день слабѣютъ. «Футляръ изношенъ» говаривалъ онъ, «негодится болѣе!» Но если такимъ образомъ и не сбылось его завѣтное желанье «прекрасной смерти», онъ былъ всетаки пощаженъ отъ той ужасной предсмертной борьбы — агоніи, которой онъ такъ страшился; умеръ онъ тихо, спокойно и безболѣзненно. Зналъ бы онъ это впередъ, онъ бы избѣжалъ многихъ горькихъ минутъ, а если бы увидѣлъ свои похороны, обогатился бы еще одной великой радостью. Онъ бы увидалъ, какъ собрались у его гроба лучшіе люди страны, какъ явился король, чтобы отдать ему послѣдній долгъ, увидѣлъ бы, какъ

опустили передъ нимъ окутанные чернымъ крепомъ знамена въ то время, какъ утопающій въ цвѣтахъ гробъ его несли на рукахъ земляки. Это зрѣлище порадовало бы его—онъ былъ, вѣдь, ребенкомъ и на старости лѣтъ — и глаза его наполнились бы слезами радости и благодарности.

Похороны его сильно растрогали меня, —я зналъ и любилъ его, но по дорогѣ домой я невольно съ улыбкой вспомнилъ одну его рѣчь, одну изъ тѣхъ оригинальныхъ и остроумныхъ рѣчей его, являвшихъ такую удивительную смѣсь шутливаго и серьезнаго элементовъ. Онъ говорилъ тогда о своихъ похоронахъ и просилъ присутствующихъ позаботиться о томъ, чтобы въ крышкѣ гроба просверлили дырочку, чрезъ которую онъ могъ бы взглянуть на торжество и увидѣть, кто изъ его друзей провожаетъ его до могилы. Онъ бы не разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Было довольно и лентъ, и крестовъ, и звѣздъ, было довольно и почестей и прославленія. Но все же онъ замѣтилъ бы отсутствіе одного друга и еще такого, который въ послѣдніе годы его жизни былъ съ нимъ неразлученъ. Его не провожала—*лесть*. Ей нечего дѣлать близъ покойника, ея мѣсто только въ пестромъ калейдоскопѣ жизни. Пустое мѣсто занялъ другой другъ, державшійся нѣкоторое время въ сторонѣ: провожала его—*правда*. Счастливъ тотъ, кто не теряетъ при свѣтѣ ея факела!

Библіографическія свѣдѣнія.

(По даннымъ, доставленнымъ *І. Клаусеномъ*, и *А. М. Уманскимъ*; первымъ относительно распространенія сочиненій А. въ Даніи и за-границей, исключая Россіи, вторымъ—въ Россіи.)

Въ датской Королевской библіотекѣ въ Копенгагенѣ имѣется единственное въ своемъ родѣ собраніе произведеній *Андерсена*. Кромѣ всѣхъ изданій соч. *А.* въ подлинникѣ, здѣсь находятся почти всѣ переводы его сочиненій и статьи о немъ. Списокъ подлинниковъ и переводовъ, составленный библіотекаремъ датской Королевской библіотеки *І. Клаусеномъ*, вмѣщаетъ 483 нумера и, благодаря ему, можно получить наглядное представленіе о степени распространенности соч. А. какъ на родинѣ, такъ и за границею.

Названія соч. А. въ подлинникѣ и различныхъ изданій ихъ занимаютъ въ этомъ спискѣ едва 1/3, между тѣмъ какъ на долю переводовъ причитается около 350 названій. Наглядными доказательствами популярности А. служатъ сборники переводовъ сказки «*Мать*:» 1) на 15 язык. изданный въ Копенгагенѣ въ 1875 г. ко дню семидесятилѣтія А. профессоромъ *В. Томсеномъ* и г. *Ж. Піо*, 2) на 22 язык. изд. въ Петербургѣ въ 1894 г. *П. Г. Ганзеномъ*.

Соч. А. существуютъ такимъ образомъ (въ переводахъ) на слѣдующихъ языкахъ и нарѣчіяхъ: исландскомъ, шведскомъ, нѣмецкомъ, нижнегерманскомъ, голландскомъ, англійскомъ, французскомъ, испанскомъ, итальянскомъ, русскомъ, малорусскомъ, польскомъ, чешскомъ, словацкомъ, сербскомъ, финскомъ, мадьярскомъ, ново-греческомъ, армянскомъ, татарскомъ, древне-еврейскомъ, арабскомъ, бенгальскомъ и, наконецъ, волапюкѣ.

Соч. А. достигли такого всесвѣтнаго распространенія, которое вообще выпадаетъ на долю сочиненій лишь величайшихъ писателей въ мірѣ. Принимая во вниманіе долголѣтнюю жизнь А., его литературную дѣятельность нельзя назвать особенно плодовитой. Число его произведеній достигаетъ 70; изъ нихъ половина—мелкія вещи (отдѣльные выпуски сказокъ и разсказовъ, оперныя либретто, мелкія пьесы и кантаты). Общей извѣстностью и распространенностью пользуется лишь небольшая часть ихъ. Въ первомъ ряду находятся «*Сказки и разсказы*» А., затѣмъ «*Картинки-невидимки*»,

романы: «*Импровизаторъ,*» «*О. Т.*», «*Только скрипачъ*», «*Двѣ баронессы,*» «*Быть или не быть*», разсказъ «*Петька-счастливецъ*» «*Путевые очерки*» и «*Сказка моей жизни.*» Изъ драматич. произвед. переведены только «*Мулатъ*» (на нѣмецкій яз.), «*Первенецъ*» «*Грёзы Короля*», «*Дороже жемчуга и злата*» (на русскій) и «*Ночь въ Роскильде*» (на шведскій и голландскій).

Наибольшее число изданій — 120 — имѣется на нѣмецкомъ языкѣ; изъ нихъ половина причитается на долю сказокъ. Нигдѣ такъ не эксплоатировались труды А., какъ въ Германіи. Переводы ихъ появлялись во всевозможныхъ изданіяхъ, и роскошныхъ, и дешевыхъ, въ изд. для дѣтей и для народа и проч. Но лишь одно изданіе было предпринято при участіи самого А. Получи А. за всѣ изданія его трудовъ, вышедшія на нѣмецкомъ языкѣ при жизни его, хоть скромный гонораръ, онъ сталъ бы богачомъ. Послѣ «*Сказокъ*» особенно посчастливилось «*Картинкамъ-невидимкамъ,*» которыя появились въ 10 различныхъ перев. и 30 изданіяхъ.

Англія можетъ выставить около 100 различныхъ изданій. «*Сказки и разсказы*» переведены много разъ, а «*Картинки-невидимки*» недавно снабжены пояснительными примѣчаніями и введены для чтенія въ школахъ. Кромѣ того, въ Англіи, какъ и въ Германіи, нашли себѣ обширный кругъ читателей романы А.

Швеція по числу переводовъ (около 30) занимаетъ одинаковое мѣсто съ Голландіей, но это не значитъ еще, чтобы соч. А. были такъ мало распространены въ этой сосѣдней и родственной Даніи странѣ. Близость шведскаго и датскаго языковъ настолько велика, что большинство образованныхъ шведовъ предпочитаетъ читать произведенія А. въ подлинникѣ.

Во Франціи распространены главнымъ образомъ «*Сказки и разсказы*» въ 20 слишкомъ изд. Въ общемъ же соч. А., какъ видно, ближе по духу германскимъ, нежели романскимъ народамъ. Изъ 20-ти испанскихъ изд. его сочиненій большинство вошло въ «Библіотеку для дѣтей». Въ Италіи же имѣется всего 2 собранія «*Сказокъ и разсказовъ*» и 1 переводъ романа «*Только Скрипачъ*».

У славянскихъ народовъ А. очень популяренъ. На чешскомъ языкѣ имѣется нѣсколько довольно полныхъ изд. сказокъ; на польскомъ тоже и кромѣ того, романъ «*Только скрипачъ*». На мадьярскій языкъ переведены только сказки. На финскій также и то лишь избранныя.

На остальные выше упомянутые языки переведены только нѣкоторыя отдѣльныя сказки. Шведскій оріенталистъ, графъ Ландбергъ, перевелъ нѣсколько сказокъ на арабскій языкъ, а въ Калькуттѣ изданы (въ пятидесятыхъ годахъ) на бенгальскомъ нарѣчіи сказки: «*Николай и Николка*», «*Райскій садъ*», «*Мать*», «*Дикіе лебеди*».

Наконецъ, въ 1887 г. появился переводъ на волапюкъ, подъ заглавіемъ: «*Megabuk nen mags. Lovepolan*» pa Lederer *Siegfried*. Leipzig.

Въ Россіи А. является однимъ изъ самыхъ, если не самымъ популярнѣйшимъ изъ иностранныхъ писателей. Популярность эта была, однако, до недавняго времени довольно односторонней: А. былъ извѣстенъ почти исключительно какъ «сказочникъ» и при томъ сказочникъ «для дѣтей». Въ обращеніи къ читателямъ и въ объявленіи о подпискѣ на наше изданіе мы уже достаточно выяснили насколько невѣрно было такое одностороннее понятіе о талантѣ А. Укрѣпленію этого понятія поспособствовали многочисленные переводчики и издатели сказокъ А., предназначавшіе ихъ для дѣтей. Всѣ выходившіе до сихъ поръ переводы сказокъ и разсказовъ А. были сдѣланы съ нѣмецкаго, съ французскаго или съ англійскаго языка. Исключеніемъ являются отдѣльныя сказки, переведенныя Ю. Щербачевымъ (Русскій Вѣстникъ 1885 г. и слѣд.).

Впервые русскіе читатели познакомились съ А. по переводу его романа «*Импровизаторъ*», помѣщенному въ «Современникѣ» 1844 г.; впослѣдствіи этотъ переводъ былъ изданъ и отдѣльно. Второй переводъ «*Импровизатора*» печатался въ «Библіотекѣ для чтенія» 1848 и 1849 гг. Наконецъ, извѣстно еще одно отдѣльное изданіе этого романа, вышедшее въ 1887 г. въ Ригѣ. Кромѣ «*Импровизатора*» былъ переведенъ только одинъ романъ: «*Двѣ баронессы*» (Спб. 1885 г.), нѣкоторыя отдѣльныя стихотворенія и «*Сказка моей жизни*» (въ томъ видѣ, какъ она была написана А. для нѣмецкихъ читателей), напечатанная въ журналѣ «*Пантеонъ*» (1851 г. № 4) въ переводѣ А. Грекова.

Сказки и разсказы А., какъ уже упомянуто, были переведены много разъ и выдержали около 40 изданій собраніями (неполными); отдѣльныхъ же изданій (для народа) подъ всевозможными заглавіями существуетъ около 50. Наконецъ даже находились издатели настолько смѣлые, что рѣшались предложить русскимъ дѣтямъ сказки А. въ «пересказахъ» столь же смѣлыхъ дѣятелей русской переводной литературы. Изъ отдѣльныхъ сказокъ особенно посчастливилось сказкамъ: «*Безобразный утенокъ*» (7 изд. 1874—1889 г.), «*Дорожный товарищъ*», (3 изд. съ 1886—1889 г.), «*Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ*», (3 изд. съ 1886 г.—1895 г.), «*Мать*», (3 изд.), «*Пастушка и трубочистъ*» (отдѣльно 2 изд., а вмѣстѣ съ «*Безобразнымъ утенкомъ*» 3 изд.) «*Дикіе лебеди*» (2 изд.), «*Калоши счастья*» (2 изд. 1886—1888 г.), «*Пропащая*» (2 изд. 1889 г. и 1895 г.), «*Стойкій оловянный солдатикъ*» (2 изд.), «*Штопальная игла*» (2 изд. 1884 и 1886 г.).

Лучшая критическая статья объ А., принадлежащая Г. Брандесу, помѣщена въ переводѣ въ «Русской Мысли» (1888 г. № 3).

На малороссійскомъ языкѣ имѣются около 20 сказокъ, переведенныя М. Стариченко (Кіевъ, 1873—1874 г. г.), сказка «Мать», перевед. Д. Л. Мордовцевымъ («Мать» на 22 язык. изд. П. Г. Ганзена 1894 г.) и біографія А. составленная М. Стариченко («*Коротка життопись*», Кіевъ 1874 г.).

Къ читателямъ.

Для изданія нашего, «Собраніе сочиненій Андерсена, въ переводѣ съ подлинника», мы пользовались слѣдующими источниками: 1) изданнымъ отдѣльно полнымъ собраніемъ его сказокъ и разсказовъ «*Eventyr og Historier*», сост. V томовъ, 2) *H. C. Andersens samlede Skrifter*» (Собраніе соч. Андерсена), сост. XII томовъ, 3) «*Mit Livs Eventyr*» af. *H. C. Andersen, Fortsættelse*. (1855 — 1867) udgivet af *Ionas Collin*» (Прибавленіе къ «*Сказкѣ моей жизни*», изд. I. Коллиномъ), 4) «*Breve fra H. C. Andersen*», udg. af *S. Bille* og *N. Bögh*» («*Письма отъ Г. Х. Андерсена*», изд. *С. Билле* и *Н. Бёгомъ*), сост. II тома, 5) «*Breve til H. C. Andersen*» udg. af. *S. Bille* og *N. Bögh* («Письма къ Г. Х. Андерсену», изд. С. Билле и Н. Бёгомъ) I т. 6) «*H. C. Andersen og det Collinske Huus*» af. E. Collin («*Г. Х. Андерсенъ и семья Коллинъ*») I т. и 7) «*Om H. C. Andersen; Bidrag til Belysning af hans Personlighed*» af *W. Bloch* («*Замѣтки для біографіи Андерсена*» *В. Блока*).

Главное мѣсто среди сочиненій А. занимаютъ *сказки и разсказы*, составляющіе 5 томовъ; затѣмъ идутъ *романы*—4 т., *разсказы и путевые очерки*—3 т., *драматическія произведенія*—3 т., и, наконецъ, «*Сказка моей жизни*» —1 т. и «*Стихотворенія*»,—также 1 т.

О цѣли нашего изданія мы уже высказались въ первомъ краткомъ обращеніи къ читателямъ (См. Т. I.) и затѣмъ болѣе подробно въ разосланномъ объявленіи *) о подпискѣ на изданіе. Теперь намъ остается дать краткій

*) Здѣсь между прочимъ говорится: „Имя датскаго писателя Андерсена давно пользуется всемірною извѣстностью. Его геніальные сказки и разсказы покорили ему сердца читателей всѣхъ возрастовъ и національностей. Сказки и разсказы извѣстны и у насъ, въ Россіи, благодаря многочисленнымъ переводамъ съ нѣмецкаго и др. языковъ. Но въ то время, какъ на самой родинѣ автора и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ давно уже установился на упомянутыя произведенія правильный взглядъ, у насъ, въ Россіи, онъ усвоенъ далеко не всѣми. Тамъ сказки Андерсена разсматриваются не только какъ изящныя и поэтическія или забавныя творенія богатой фантазіи поэта, но и какъ произведенія, имѣющія, благодаря глубинѣ ихъ содержанія, общечеловѣческое, міровое значеніе. У насъ же большинство читателей продолжаетъ считать Андерсена „писателемъ для дѣтей“, тѣмъ болѣе, что, съ легкой

отчетъ относительно того, какъ мы воспользовались матеріалами, а также сказать нѣсколько словъ о помѣщаемыхъ нами воспоминаніяхъ Коллина и Блока, первыя изъ которыхъ особенно нуждаются въ нѣкоторыхъ дополнительныхъ замѣчаніяхъ.

Согласно цѣли изданія «содѣйствовать установленію среди русской публики болѣе правильнаго взгляда какъ на сказки и разсказы А. въ частности, такъ и на всю его литературную дѣятельность вообще», мы прежде всего позаботились дать новый, возможно близкій къ датскому подлиннику переводъ капитальнѣйшаго труда А.—полнаго собранія его сказокъ и разсказовъ, съ пояснительными примѣчаніями къ нимъ самого автора и затѣмъ тѣ изъ его сочиненій, которыя наиболѣе содѣйствовали прославленію его имени какъ на родинѣ, такъ и за-границею. Для обрисовки же самой личности А. и какъ человѣка, и какъ писателя, и для выясненія отношеній къ нему его современниковъ, мы сочли умѣстнымъ дать, кромѣ его автобіографіи, извлеченія изъ его переписки и изъ воспоминаній о немъ.

Такимъ образомъ половина нашего изданія посвящена сказкамъ и разсказамъ, другая же раздѣлена между избранными изъ остальныхъ произ-

руки перваго издателя Андерсеновскихъ сказокъ и разсказовъ въ русскомъ переводѣ, послѣдніе выдержали уже множество изданій, по внѣшнему своему виду прямо предназначенныхъ для дѣтей. Между тѣмъ, считать сказки и разсказы исключительно дѣтскимъ чтеніемъ—крайне ошибочно: они тѣмъ именно и замѣчательны, что даютъ пищу уму, сердцу и воображенію читателей всѣхъ возрастовъ. Дѣти, конечно, главнымъ образомъ увлекутся самою фабулой, взрослые же поймутъ и оцѣнятъ глубину содержанія, такъ какъ большинство съ виду незатѣйливыхъ сказокъ и разсказовъ Андерсена, изложенныхъ то игриво-остроумнымъ, то дѣтски-наивнымъ тономъ, и всегда чрезвычайно образнымъ и въ то же время необыкновенно простымъ, близкимъ къ разговорной рѣчи языкомъ—являются геніальными сатирами, въ которыхъ Андерсенъ мѣтко и остроумно осмѣиваетъ разныя человѣческія слабости.

Сатиры эти были плодомъ не однихъ только наблюденій Андерсена надъ родною дѣйствительностью, но и впечатлѣній, вынесенныхъ чуткимъ и воспріимчивымъ писателемъ изъ его постоянныхъ странствованій по бѣлу-свѣту, — отсюда универсальный характеръ и значеніе этихъ сатиръ. При узко-національной окраскѣ, сказки и разсказы датскаго писателя никогда не могли бы имѣть такого огромнаго успѣха внѣ предѣловъ его родины, какимъ они пользуются теперь. Они не могли бы имѣть его, несмотря даже на замѣчательный тонъ изложенія и оригинальную образность языка, восхищавшіе и продолжающіе восхищать какъ соотечественниковъ Андерсена, такъ и тѣхъ изъ иностранцевъ, которые познакомились со сказками и разсказами или въ подлинникѣ, или въ близкихъ и точныхъ переводахъ.

Въ русскихъ переводахъ, сдѣланныхъ, какъ сказано, не съ подлинника, а съ другихъ переводовъ, какъ тонъ, такъ и языкъ не могли, конечно, до извѣстной степени, не утратиться или не обезцвѣтиться. Особенно много потеряли въ этомъ отношеніи наиболѣе извѣстныя и характерныя сказки, какъ напримѣръ: „*Мотылекъ*", „*Безобразный утенокъ*", „*Аисты*", „*Штопальная игла*", „*Воротничокъ*", „*Сосѣди*", „*Снѣгуръ*", „*Навозный жукъ*" и др., а также тѣ мѣста въ другихъ сказкахъ и разсказахъ, гдѣ авторъ заставляетъ говорить животныхъ и неодушевленные предметы.

веденій А. и его автобіографіей, перепиской и воспоминаніями о немъ. Вообще при выборѣ трудовъ А. мы имѣли въ виду дать наиболѣе извѣстные и характерные изъ нихъ, по которымъ лучше всего можно было бы составить себѣ представленіе о разностороннемъ литературномъ дарованіи А.

Первое мѣсто послѣ *«Сказокъ и разсказовъ»* занимаютъ *«Картинки-невидимки»*, разсказъ *«Петька-счастливецъ»* затѣмъ романы, драматическія произведенія, путевые очерки и стихотворенія. Изъ пяти романовъ А. мы выбрали *«Импровизатора,»* какъ наиболѣе цѣльное и характерное изъ этого рода произведеній А., къ тому же признанное за лучшее его современниками. Менѣе всѣхъ другихъ произведеній А. извѣстны за предѣлами его родины драматическія, что отчасти объясняется ихъ національнымъ и часто даже чисто мѣстнымъ колоритомъ. Избранныя нами, какъ наиболѣе подходящія и понятныя для русскихъ читателей, три небольшія драмат. произведенія А., принадлежащія къ тремъ различнымъ родамъ драматической поэзіи, пользовались въ свое время въ Даніи большимъ и заслуженнымъ успѣхомъ.

Между тѣмъ, такое обезцвѣченіе оригинала, въ связи съ внѣшнимъ видомъ нѣкоторыхъ русскихъ изданій, снабженныхъ иногда до невозможности плохими картинками, и является главною причиной столь распространеннаго у насъ добродушно-пренебрежительнаго отношенія къ сказкамъ и разсказамъ Андерсена со стороны взрослыхъ читателей.

Цѣль настоящаго изданія—содѣйствовать установленію среди русской публики болѣе правильнаго взгляда, какъ на сказки и разсказы Андерсена въ частности, такъ и на всю его литературную дѣятельность вообще. Изданіе это *впервые* познакомитъ русскихъ читателей *съ полнымъ собраніемъ* [1]) *сказокъ, разсказовъ и повѣстей въ новомъ, возможно близкомъ и точномъ переводѣ съ датскаго подлинника,* а также дастъ читателямъ возможность *прослѣдить развитіе таланта «знаменитаго сказочника»*, такъ какъ сказки и разсказы будутъ помѣщены въ томъ порядкѣ, въ которомъ они появлялись въ свѣтъ.

Для болѣе же обстоятельнаго ознакомленія русской публики съ литературною дѣятельностью Андерсена въ изданіи будутъ помѣщены и другія его произведенія, мало или вовсе неизвѣстныя въ Россіи, но въ Даніи и за-границею—напримѣръ, въ Швеціи, Германіи, Англіи—имѣвшія большой, вполнѣ заслуженный успѣхъ и прославившія имя автора еще до появленія его знаменитыхъ сказокъ и разсказовъ.

Наконецъ, для полной обрисовки и самой личности Андерсена и всей его литературной дѣятельности послужатъ: 1) автобіографія его, 2) извлеченія изъ его переписки и 3) воспоминанія о немъ.

[1]) Изъ 156 сказокъ и разсказовъ Андерсена не войдутъ въ настоящее собраніе лишь: *„Азбука“*, изложенная въ стихахъ, и вслѣдствіе несоотвѣтствія датскаго и русскаго алфавитовъ не поддающаяся переводу, и *„Спроси тетку съ Амагера“*—небольшой риѳмованный разсказъ-шутка, неизвѣстно почему помѣщенный авторомъ въ собраніи сказокъ; вещица эта по своему чисто національному колориту также не поддается переводу, да и не имѣетъ для русскаго читателя никакого интереса.

Помѣщенныя нами стихотворенія взяты изъ сборника стихотвореній А. и изъ его болѣе крупныхъ лирическихъ и драматическихъ произведеній. Переведены они любезно оказавшими нашему труду содѣйствіе русскими поэтами, которымъ мы предложили подстрочные переводы съ датскихъ подлинниковъ. Размѣръ въ большинствѣ случаевъ сохраненъ. Въ видѣ исключенія помѣщены нами также 2 стихотворныя переложенія сказокъ А.: сказки «*На крѣпостномъ валу*» и одного изъ эпизодовъ сказки «*Тернистый путь славы*», принадлежащія русскому поэту изъ народа Сурикову.

Имѣя въ виду возсоздать для русскихъ читателей образъ писателя, столь любимаго ими и въ сущности столь мало извѣстнаго имъ, мы помѣстили въ нашемъ изданіи и автобіографію А. и другіе упомянутые выше матеріалы для его характеристики. Среди прославленныхъ представителей европейской литературы врядъ ли найдется личность болѣе интересная и симпатичная, нежели личность А., какою она рисуется намъ въ «*Сказкѣ*» его жизни и въ письмахъ его. Разсказывая первую, онъ «надѣялся, что краткія характеристики множества выдающихся личностей, съ которыми ему приходилось сталкиваться, и описаніе впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ жизни и окружающей обстановки, могутъ представить для потомства нѣкоторый историческій интересъ, равно какъ *простое безыскусственное повѣствованіе о вынесенныхъ имъ испытаніяхъ можетъ послужить источникомъ утѣшенія и ободренія для молодыхъ, еще борющихся силъ* *).» Послѣднія подчеркнутыя нами слова и выражаютъ, по нашему мнѣнію, главный смыслъ и значеніе автобіографіи А.. Ярко рисуя намъ жестокія нравственныя испытанія, чрезъ которыя ему пришлось пройти, чтобы превратиться изъ «*безобразнаго утенка*» въ «*дивнаго лебедя*», А. даетъ намъ знаменательную картину вѣчной борьбы «молодыхъ силъ», одинаково поучительную и назидательную и для самихъ участниковъ и для наблюдателей-критиковъ.

Лучшимъ дополненіемъ къ автобіографіи служитъ переписка А. съ современниками. Въ письмахъ онъ встаетъ передъ нами какъ живой. Безпримѣрное чистосердечіе А. даетъ намъ возможность видѣть всю его душу, а читая письма къ нему, продиктованныя по большей части теплымъ сердечнымъ участіемъ къ нему, мы можемъ прослѣдить за развитіемъ его, какъ поэта и человѣка. Особенно важны въ этомъ отношеніи письма Ингемана, Гауха и Бьёрнсона. Письма перваго наглядно рисуютъ намъ, какъ А. изъ «долговязаго гимназиста» мало-по-малу становится другомъ одного изъ выдающихся представителей датской литературы, «свѣтлаго Бальдура датской поэзіи». Изъ писемъ Гауха мы видимъ, какъ послѣдній изъ противника А. превратился въ искренняго почитателя его таланта. Въ письмахъ же Бьёрнсона проглядываетъ, пожалуй, наиболѣе тонкое пониманіе

*) «*Сказка моей жизни*» стр. 255.

А. какъ поэта и какъ человѣка. Въ общемъ письма этихъ трехъ лицъ создаютъ столь яркій и живой образъ А., что лучшаго врядъ ли надо и желать; къ тому же они вполнѣ замѣняютъ намъ современную А. критику, уже и безъ того достаточно извѣстную намъ изъ его автобіографіи и переписки.

Автобіографію А. мы значительно сократили, изъ переписки даемъ лишь извлеченія,—все это имѣя въ виду интересъ къ предмету русскаго читателя. Сокращенія были предприняты нами съ должной осмотрительностью: мы не позволили себѣ пропустить ничего, что могло бы послужить къ освѣщенію личности А.

А. и *П. Ганзенъ.*

Воспоминанія К., какъ уже было сказано въ предисловіи къ нимъ, представляютъ скорѣе собраніе матеріаловъ для біографіи А., нежели характеристику А.

К., видимо, не мало потрудился, собирая и приводя въ порядокъ эти матеріалы; видна также большая тщательность и точность въ установленіи различныхъ фактовъ изъ жизни и литературной дѣятельности А. и, если тѣмъ не менѣе трудъ К. производитъ смѣшанное и сбивчивое впечатлѣніе, то это отчасти объясняется тѣмъ, что К. взялъ на себя задачу не по силамъ. Онъ самъ заявляетъ, что не беретъ на себя смѣлости выступить ни біографомъ, ни тѣмъ менѣе критикомъ А., а самъ то и дѣло впадаетъ въ тонъ то того, то другого; въ общемъ трудъ К. обращается въ какую-то полемику съ самимъ А., направленную главнымъ образомъ противъ «*Сказки моей жизни*». Невольно задаешься вопросомъ, что же побудило К. къ такой полемикѣ? Въ предисловіи къ своему труду К. говоритъ, что побудило его къ изданію этихъ замѣтокъ «то обстоятельство, что А. оставилъ много друзей, для которыхъ возможно точныя свѣдѣнія о немъ и болѣе яркое освѣщеніе его личности всегда будутъ желательны». Приходится, однако, съ сожалѣніемъ замѣтить, что «свѣдѣнія», даваемыя К., нѣсколько анекдотическаго характера, и «освѣщеніе» личности А. выходитъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что даютъ «*Сказка моей жизни*» и переписка А.—довольно таки тусклымъ. Тѣмъ не менѣе трудъ К. представляетъ не малый интересъ, какъ отзывъ одного изъ современниковъ и земляковъ А., объясняющій намъ то часто непонятное упорное нежеланіе многихъ изъ нихъ признать его талантъ даже тогда, когда онъ былъ признанъ повсюду за-границей. Непониманіе не только таланта А., но и самой его личности «ближайшимъ его другомъ», да еще настолько сильное, что оно даетъ знать себя спустя лѣтъ десять со смерти А., когда уже была издана переписка послѣдняго, изъ которой, казалось, можно было бы, наконецъ, узнать его, какъ слѣдуетъ—объясняетъ намъ частыя сѣтованія и жалобы А., которымъ К. старается дать столько различныхъ истолкованій, кромѣ, однако, надлежащаго.

Читая записки К., я часто вспоминалъ слова Эсфири изъ романа А. «*Быть или не быть*»: «Берегись того, кто виноватъ передъ тобою! Онъ, ради успокоенія собственной совѣсти, будетъ стараться отыскать въ тебѣ настоящіе недостатки и найти себѣ оправданіе, указывая на нихъ». Такимъ «виноватымъ» по отношенію къ А. невольно представляется мнѣ К., и я думаю, что только съ этой точки зрѣнія и можно уяснить себѣ такое странное явленіе, какъ полемика «ближайшаго друга» всемірно-извѣстнаго писателя со своимъ умершимъ уже другомъ. Въ самомъ дѣлѣ К. старается доказать неосновательность многихъ сѣтованій А. и беретъ подъ свою защиту почти всѣхъ тѣхъ, кого А. такъ или иначе задѣлъ въ «*Сказкѣ*» своей жизни,— оправдывая ихъ, онъ косвеннымъ образомъ оправдываетъ и себя. Считаю долгомъ прибавить, что я знаю К. лишь по упомянутому его труду и перепискѣ съ А.; такого знакомства, однако, вполнѣ достаточно для уясненія себѣ отношеній К. къ А., о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Еще болѣе способствуетъ такому уясненію мое личное знакомство съ А. *) въ теченіе 6 лѣтъ, не говоря уже о знакомствѣ съ его произведеніями. Послѣднихъ не могъ, конечно, не знать и К., но такъ какъ онъ почти нигдѣ о нихъ не говоритъ, то позволительно думать, что онъ не умѣлъ цѣнить ихъ по достоинству. К. былъ слишкомъ большимъ поклонникомъ формы, чтобы любить и цѣнить вольное поэтическое творчество А. Между тѣмъ судить объ А., не имѣя постоянно въ виду его поэтическаго творчества и тѣсной связи между послѣднимъ и его личностью, значитъ судить объ оболочкѣ, оставляя безъ вниманія самое ядро.

Говори К. только о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ А. — было бы дѣло другое,—ему, какъ «ближайшему другу» А. и книги въ руки; но онъ беретъ на себя роль судьи между А. и современнымъ А. обществомъ, и такъ какъ симпатіи самого К. клонятся въ сторону этого фактически виноватаго противъ А. общества, то невольно приходится объяснить такія симпатіи сознаніемъ К. собственной вины, которое и заставляетъ его отыскивать въ А. недостатки, «ради успокоенія собственной совѣсти».

Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ прибавить, что К., при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ въ чуждой ему области эстетической критики, отличается рѣдкою прямолинейностью, которая и не позволяетъ ему утаить ни-

*) Я познакомился съ А. въ Копенгагенѣ въ 1864 г., когда готовился поступить на сцену королевскаго театра. Дебютъ мой возбудилъ въ А. такія надежды, что онъ выразилъ желаніе поручить мнѣ одну изъ главныхъ ролей въ своей пьесѣ „*Han er ikke födt*“ (Онъ не рожденъ), оставшуюся безъ исполнителя послѣ смерти извѣстнаго артиста Михаэля Віэ. Съ этихъ поръ я часто видѣлся съ А. и у него самого и въ обществѣ, такъ что могъ составить себѣ достаточно ясное понятіе о его личности, чтобы критически относиться къ различнымъ свѣдѣніямъ о немъ.

П. Г.

чего, даже явно неблагопріятнаго ему, вродѣ напр. письма къ нему его собственной племянницы Іонны, и заставляетъ его мѣстами сознаваться, что не всегда былъ виноватъ одинъ А.

Вернусь къ защитѣ К. всѣхъ виноватыхъ передъ А. Не вдаваясь въ подробный разборъ этой странной защиты, я лишь укажу на главныя ея положенія. Прежде всего бросается въ глаза энергія, съ которой К. ведетъ ее. Читатель, незнакомый со «*Сказкою моей жизни*», долженъ подумать, что А. и Богъ вѣсть какъ нападалъ на людей, а на самомъ-то дѣлѣ выходитъ какъ разъ наоборотъ. Если кто отличался незлобіемъ и склонностью къ примиренію, такъ это именно А. Доказательство — отношеніе его къ жестокому и безтолковому ректору Мейслингу, къ не менѣе жестокимъ и безтолковымъ критикамъ, къ публикѣ и къ «друзьямъ». К. же всѣхъ ихъ беретъ подъ свою защиту, не исключая и Мейслинга, который самъ сознался впослѣдствіе въ своей винѣ передъ А. (См. «*Сказку моей жизни*» стр. 52. и *Письма* А. стр. 358). Этой защитѣ К. посвящаетъ цѣлыя страницы. Затѣмъ такъ же пространно защищаетъ онъ и главный критическій органъ «*Литературный Ежемѣсячникъ*», несмотря на то, что этотъ журналъ былъ явно пристрастенъ къ А.; вѣдь, и самъ К. въ письмѣ къ Іоннѣ говоритъ: «Ну, а что говорила о сказкахъ критика? «*Литературный Ежемѣсячникъ*», видно, смотрѣлъ на нихъ, какъ на бездѣлки, даже не относившіяся собственно къ датской литературѣ. Если ты примешь это за доказательство умственной ограниченности тогдашняго времени, то я спорить не стану». (стр. 470).

Между тѣмъ, если этотъ журналъ молчалъ о сказкахъ А., какое же значеніе можно вообще придавать и прежнимъ и послѣдующимъ его сужденіямъ о другихъ произведеніяхъ А.? И всетаки К. въ первой части своего труда старается оправдать этотъ органъ и его отношеніе къ А.. К. все упираетъ на то, что А. «часто грѣшилъ противъ грамматики» *), совершенно упуская изъ вида другое явленіе, куда болѣе интересное. Признавая талантъ А. главнымъ образомъ какъ «сказочника», К., а съ нимъ и многіе другіе, вовсе не замѣчали общей связи между сказками и другими произведеніями А., на которую А. самъ указываетъ въ «*Сказкѣ своей жизни*». (стр. 151 — 155). Не замѣчая этой связи, они и не могли понять значенія этихъ подготовительныхъ трудовъ, въ которыхъ истинное творчество А. только еще соби-

*) К. между прочимъ говоритъ здѣсь слѣдующее: „Наконецъ, я долженъ отмѣтить его нелюбовь къ слову *который*.“ К. и это считаетъ слабостью, обнаруживая тѣмъ свое непониманіе требованій живого, разговорнаго языка, которымъ и написаны сказки А. Затѣмъ К. самъ противорѣчитъ себѣ, говоря въ одномъ мѣстѣ: „...ему недоставало легкости и игривости языка“ (стр. 451), а нѣсколькими страницами позже свидѣтельствуя о „невѣроятной быстротѣ“, съ которой А. писалъ на заданныя тэмы тихотворные экспромты, иногда даже довольно длинные (стр. 456).

ралось съ силами и прорывалось мѣстами да урывками, настолько, однако, сильно, что люди чуткiе не могутъ не замѣтить ихъ.

К. видитъ однѣ грамматическiя погрѣшности А. (довольно характерно, что онъ съ нихъ и начинаетъ, приступая къ характеристикѣ А.). Словъ нѣтъ, въ произведенiяхъ А., даже самыхъ позднѣйшихъ, можно встрѣтить не мало такихъ погрѣшностей, но вотъ чего не замѣчалъ К.: А. грѣшилъ главнымъ образомъ противъ правилъ синтаксиса, и эти погрѣшности дѣйствительно являлись «особенностями» А., только не въ томъ смыслѣ, какъ понималъ это К., а особенностями, обусловливавшими тотъ неподражаемый тонъ и языкъ сказокъ А., которыми самъ же К. такъ восхищается—только послѣ того уже, какъ прочелъ статью Брандеса. Смѣлая претензiя А. «*писать, какъ говорятъ*», не позволяла ему писать, *какъ пишутъ* — особенно какъ пишутъ нѣкоторые друзья его, прибавлю кстати. Канцелярскимъ слогомъ писать сказки нельзя, и счастье А., что у него хватило «упрямства» продолжать писать по своему, не поддаваясь внушенiямъ своихъ систематически-образованныхъ друзей и критиковъ. Счастье это и для насъ, не то мы лишились бы нѣкоторыхъ изъ лучшихъ украшенiй всемiрной литературы.

Самое же слабое мѣсто въ трудѣ К. то, гдѣ идетъ рѣчь о воздѣйствiи на А. его друзей. А. часто и не безъ основанiй сѣтуетъ въ «*Сказкѣ моей жизни*» на постоянное стремленiе его друзей «воспитывать» его и тогда, когда пора такого воспитанiя уже миновала. Причину подобнаго отношенiя къ себѣ А. видитъ въ излишней мягкости и добродушiи своей натуры. «Да, я былъ слишкомъ мягокъ, непростительно добродушенъ, всѣ знали это, пользовались этимъ, и нѣкоторые обращались со мною почти жестоко. Сдерживавшiя меня повода зависимости или благодарности необдуманно или безсознательно натягивали иногда ужъ черезчуръ...» («*Сказка моей жизни*» стр. 62).

Подобное объясненiе А. не могло, конечно, не задѣть самолюбiя К., какъ одного изъ главныхъ его менторовъ; когда же А. послѣ выхода въ свѣтъ «*Импровизатора*» окончательно сбросилъ съ себя иго своихъ неотвязчивыхъ менторовъ, К. вознегодовалъ и, записавъ А. въ разрядъ какихъ-то неучей, такъ уже и не измѣнилъ этого взгляда на него. Резюмируя влiянiе друзей на А., онъ приходитъ къ такому выводу: «Такимъ образомъ всѣ мы современники А. несемъ долю отвѣтственности за то, что каждый изъ насъ по своему старался сбить А. съ толку, долго не давая ему напасть на истинную сферу его творчества» (стр. 458). Слова эти были бы вполнѣ справедливыми, если бы К. относилъ ихъ только къ тѣмъ изъ современниковъ А., къ кому отнести ихъ надлежало, но онъ говоритъ и о такихъ лицахъ, какъ Эрстедъ и Ингеманъ. Противъ такого обобщенiя нельзя не протестовать. Если кто изъ современниковъ А. имѣлъ на него особенно благотвор-

ное вліяніе, такъ это именно Эрстедъ и Ингеманъ. К. впадаетъ здѣсь въ ошибку опять таки потому, что взялся не за свое дѣло. Разсужденія К. о вліяніи на А. Эрстеда вообще очень характерны. Упомянувъ о томъ, что «отеческое отношеніе этого замѣчательнаго человѣка къ А. выше всякихъ похвалъ; о немъ говорятъ многіе примѣры, приводимые А. въ «*Сказкѣ* его жизни», К. прибавляетъ: «Эрстедъ, какъ и многіе другіе, также занимался воспитаніемъ А., но по своей собственной мягкой, любовной системѣ, которая и была такъ по душѣ А». (стр. 457). Замѣчательно—К. не говоритъ: которая *такъ соотвѣтствовала, такъ подходила къ натурѣ А.*, но которая «*была такъ по душѣ А.*». Въ такой постановкѣ фразы проглядываетъ осужденіе системы Эрстеда. Самъ К. далеко не былъ мягокъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ А. *) и не допускалъ такого отношенія къ нему и со стороны другихъ. Это по крайней мѣрѣ послѣдовательно, но А.-то отъ этого было не легче. Между тѣмъ въ подобномъ отсутствіи мягкости, любовности и лежитъ главная ошибка большинства «менторовъ» А., начиная ректоромъ Мейслингомъ и кончая самимъ Эдвардомъ Коллиномъ. Для нихъ важна была система, а ученикъ—хоть пропадай! Иначе смотрѣли Эрстедъ и Ингеманъ, и если талантъ А. не заглохъ, то благодаря не «системѣ», а собственной энергіи А., поддерживаемой опять таки не «холодными душами» друзей вродѣ К., а любовнымъ отношеніемъ людей съ сердцемъ. О томъ, какъ нуждался А. въ такомъ именно отношеніи къ нему, свидѣтельствуютъ многіе мѣста въ «*Сказкѣ моей жизни*» и въ письмахъ А. (см. стр. 331, 336, 339, 366).

Говоря объ отношеніяхъ А. къ Эрстеду, К. вообще взялъ довольно неподходящій тонъ. «Эрстеду случилось въ бесѣдѣ съ А. уронить такую фразу: «Васъ такъ часто упрекаютъ въ недостаткѣ познаній, а вы въ концѣ концовъ, можетъ быть, сдѣлаете для науки больше всѣхъ другихъ поэтовъ» и А. уже вообразилъ себя воистину призваннымъ къ «разработкѣ въ поэзіи нетронутыхъ рудниковъ науки»; зная неустойчивость А., можно только удивляться такому самообольщенію» (стр. 457). Читая подобное разсужденіе, можно подумать, что Эрстедъ какая-нибудь мелкая сошка, «роняющая» громкія фразы, а не всемірно-извѣстный ученый, подарившій своему вѣку одно изъ величайшихъ открытій и знающій, что и кому говоритъ. Мнѣніе К., что «едва-ли совѣты Эрстеда имѣли какой нибудь практическій ре-

*) Онъ самъ не разъ указываетъ на это въ своихъ запискахъ съ какимъ-то особымъ самодовольствомъ. „Не въ моемъ характерѣ было брать роль утѣшителя на себя, но я разъ имѣлъ съ А. по этому поводу серьезный разговоръ (стр. 452).— „Я же никогда не былъ съ нимъ нѣженъ, не могу разнѣжиться и теперь, вспоминая о немъ“ (стр. 460)! Не такъ разсуждалъ и поступалъ Эрстедъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда А. нуждался въ нравственной дружеской поддержкѣ. (См. „*Сказку моей жизни*“ стр. 194).

зультатъ», свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ мало въ сущности вникалъ К. въ сочиненія своего друга. Правда, А., какъ и самъ говоритъ въ «*Сказкѣ моей жизни*» (стр. 239), ничего не сдѣлалъ для науки въ строго научномъ смыслѣ, но нельзя не поставить ему въ заслугу того, что всѣ его произведенія проникнуты духомъ горячей любви и уваженія къ наукѣ. Эта любовь и восторгъ, съ которымъ А. привѣтствуетъ всякое новое великое открытіе, должны вселять любовь и уваженіе къ наукѣ и въ читателей. Подобный же результатъ, принимая во вниманіе обширность круга читателей А., казалось, можно было бы признать даже болѣе чѣмъ достаточнымъ.

Вѣчные упреки по адресу А. (къ которымъ присоединяетъ свой голосъ и К.) въ нежеланіи учиться и въ недостаткѣ познаній поэтому также несправедливы. Любовь къ наукѣ и свойственная А. жажда знанія заставляли его постоянно учиться, только не по системѣ Мейслинга и К°, а изъ твореній образцовыхъ писателей, изъ бесѣдъ съ людьми и главнымъ образомъ у природы (см. «*Сказку моей жизни*» стр. 108, 125).

Мало основательны и упреки А. въ неуваженіи къ критикѣ. Весь вопросъ въ томъ—къ какой критикѣ. Къ справедливой критикѣ лицъ компетентныхъ А. всегда относился съ признательностью, даже если она была неблагопріятна для него, и самъ помѣстилъ одну такую критику въ «*Сказкѣ моей жизни*», но она принадлежала Эленшлегеру. (См. стр. 217—219).

При всей своей точности, К. всетаки иногда грѣшитъ противъ истины, отрицая напр. упомянутые А. въ «*Сказкѣ*» его жизни (стр. 34, 68, 69, 215) факты глумленія надъ нимъ и относя ихъ на счетъ «его болѣзненно-настроеннаго воображенія» (стр. 452).

Отрицая въ А. образованіе, К. послѣдовательно отрицаетъ въ немъ и способность къ философскому мышленію. Мнѣ при этомъ невольно приходятъ на умъ слова А. изъ его романа «*Бытъ или не быть*», которыя могутъ послужить отвѣтомъ К.: «Плоха та поговорка, что утверждаетъ, будто бы люди съ сильно развитой фантазіей слабоваты по части мышленія; впрочемъ, ее и создали-то, вѣроятно, люди, одинаково слабоватые и по той и по другой части.»

Много говоритъ К. и о «скороспѣлости» первыхъ литературныхъ трудовъ А. (448), не придавая, однако, особеннаго значенія «нуждѣ», заставлявшей А. писать просто ради куска хлѣба, и упоминая о ней лишь вскользь: «Бѣдствовалъ онъ въ то время больше, чѣмъ я подозрѣвалъ тогда... Я, упрекая его за черезмѣрную литературную плодовитость, отнимавшую у него время, необходимое для ученія, не зналъ, что это отчасти нужда заставляла его писать такъ много» (464). Удивительно не то, что К. не зналъ о настоящемъ положеніи А., но то, что, и узнавъ о немъ, онъ не счелъ нужнымъ измѣнить своему прежнему взгляду, основанному на незнаніи дѣйствительнаго положенія А. Тяжесть этого положенія не могла не отразиться и

на расположеніи духа А.; ею-то, по-моему, и должно главнымъ образомъ объяснить ту нервность и измѣнчивость настроеній А., которыя К. старается объяснить всѣмъ — и нервной раздражительностью, и болѣзнью (между тѣмъ какъ самъ же утверждаетъ, что А. всегда пользовался прекраснымъ здоровьемъ) и пр., только не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ. И лихорадочнымъ вспышкамъ А. во время послѣдней болѣзни, о которыхъ говоритъ К., можно найти другое, болѣе вѣрное объясненіе, нежели даваемое К. Много должно было накипѣть на душѣ у А. за долгіе годы его мытарствъ, если и достигнутые имъ, наконецъ, признаніе и почетъ не могли окончательно залечить нанесенныхъ ему тогда жестокихъ ранъ, такъ что онѣ вскрывались въ минуты духовной и физической слабости. О томъ же, что А. вообще былъ совсѣмъ не злопамятенъ, достаточно свидѣтельствуетъ и «*Сказка моей жизни*» и переписка.

Можно было бы привести еще не мало возраженій противъ записокъ К., но, я думаю, довольно пока и этихъ, тѣмъ болѣе, что существенныя возраженія содержатся также въ письмѣ Іонны и въ замѣткахъ В. Блока. Послѣдняя часть статьи К. смягчаетъ непріятное впечатлѣніе, производимое первою, но если тутъ и зазвучала, наконецъ, «нотка задушевности», заглушенная въ началѣ «сухими доказательствами», то вызвали ее, пожалуй, главнымъ образомъ серьезныя возраженія племянницы К. Іонны (см. ея письмо къ нему; стр. 458).

Въ заключеніе позволю себѣ указать на нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ характера А. (также не понятыя К.), которыя помогутъ читателямъ лучше уяснить себѣ смыслъ отношеній къ А. его «друзей» и ихъ воздѣйствія на него.

Чему былъ обязанъ А. тѣмъ, что обратилъ на себя вниманіе человѣка, ставшаго для него «вторымъ отцомъ», Іонаса Коллина, открывшаго ему путь къ образованію? Совѣтамъ и расположенію друзей? Нѣтъ, своему «упрямству» и «самомнѣнію», какъ называетъ эти черты характера А. Эдвардъ К., или «упрямой, упорной вѣрѣ въ свое призваніе», какъ назову эту черту я. Онъ не потерялъ ея даже въ такое время, когда ему были заразъ нанесены два жестокихъ удара, которые всякаго другаго окончательно обезкуражили бы (1822 г.). Во первыхъ—дирекція королевскаго театра возвратила ему его пьесу съ припиской, что «въ виду полнѣйшей безграмотности автора дирекція проситъ его впредь таковыхъ пьесъ не присылать», во вторыхъ—его уволили изъ хоровой и балетной школъ (куда онъ попалъ съ такимъ трудомъ, послѣ стольких мытарствъ), т. к. «дальнѣйшее пребываніе его въ нихъ было признано безполезнымъ» (см. «*Сказку м. ж.*» стр. 36). Онъ почувствовалъ себя «снова выброшеннымъ за бортъ», но вмѣсто того, чтобы пасть духомъ и окончательно отказаться отъ смѣлыхъ надеждъ, рѣшилъ «во что бы то ни стало написать такую пьесу для театра, которую бы приняли» и написалъ трагедію «*Альфсоль*». Эта-то пьеса, хоть и не годившаяся для сцены, но «блещущая искорками таланта» («*Сказка м. ж*» стр. 38) и по-

дала дирекціи надежду, что «при основательной подготовкѣ въ какомъ нибудь училищѣ, гдѣ бы А. дали возможность пройти полный курсъ съ самаго начала, отъ него современемъ и можно было бы, пожалуй, дождаться произведеній, достойныхъ постановки на сценѣ королевскаго театра», а одного изъ членовъ дирекціи, Іонаса Коллина, заставила принять въ молодомъ человѣкѣ такое участіе, что онъ доставилъ ему возможность пройти этотъ курсъ.

Затѣмъ, чему главнымъ образомъ былъ обязанъ А. развитіемъ своего таланта, обогащеніемъ своего ума и фантазіи и расширеніемъ своего умственнаго кругозора? Приходится отвѣтить: опять таки тому, что слѣдовалъ своему природному внутреннему влеченію. Его все тянуло за-границу; онъ «чувствовалъ, что путешествіе—лучшая школа для писателя», но чего стоило ему добиться возможности побывать въ этой школѣ («*Сказка м. ж*». стр. 71 — 72)! Плодомъ его перваго же продолжительнаго пребыванія за границей явился романъ «*Импровизаторъ*», но это обстоятельство нимало не убѣдило друзей А. въ томъ, что такія поѣздки могутъ и впредь приносить ему огромную пользу, и никто изъ нихъ и не думалъ помочь ему, когда онъ рвался за-границу, но не могъ уѣхать изъ-за недостатка средствъ (см. письмо А. къ Коллину стр. 349). Путемъ строгой бережливости, чуть-ли не лишеній, А. скапливаетъ эти средства для удовлетворенія своего страстнаго влеченія и ѣздитъ за-границу, но не смотря на то, что онъ каждый разъ возвращается изъ своихъ поѣздокъ обогащеннымъ, «съ роскошнымъ букетомъ новыхъ свѣжихъ впечатлѣній, обновленный и тѣломъ и духомъ» (см. «*Сказку моей ж.*» стр. 191), и щедрой рукой дѣлится пріобрѣтенными сокровищами съ своими земляками, тѣ всетаки не могутъ, какъ должно, понять его страсти къ путешествіямъ. Такъ даже лучшій другъ и покровитель его, Іонасъ Коллинъ, пишетъ ему уже въ 1860 г.: «Мнѣ часто приходитъ на умъ вопросъ: зачѣмъ А. такъ много рыщетъ по бѣлу-свѣту, когда у него столько вѣрныхъ, любящихъ друзей на родинѣ?» (стр. 432). Старикъ видно смотрѣлъ на поѣздки А. какъ на какія-то увеселительныя прогулки, а Эдвардъ К. полагалъ, что А. «желалъ убѣдиться въ своей славѣ на мѣстѣ, лично воспринять похвалы» (стр. 455)! О томъ же—отразились-ли и какъ именно эти поѣздки на произведеніяхъ А., другъ его не говоритъ ни слова. Между тѣмъ я врядъ-ли ошибаюсь, приписывая «универсальность» характера сатиръ А. именно его постояннымъ странствованіямъ по бѣлу-свѣту (см. примѣч. стр. 494), а общій гуманный духъ и свѣтлый высоко-нравственный характеръ всѣхъ его произведеній сближенію его (во время этихъ странствованій) съ лучшими людьми своего времени, принадлежавшими къ различнымъ національностямъ и сословіямъ. Значеніе этихъ сближеній прекрасно обрисовано Б. Бьёрнсономъ въ его письмѣ къ А. (стр. 401): «Ваше счастливое умѣніе находить лучшихъ людей и въ нихъ опять таки все наилучшее, избѣгая

всего остальнаго, должно, вѣдь, въ концѣ концовъ привести Васъ къ наивысшему, разъ вѣрно то, что добро исходитъ отъ Бога. Вотъ почему Вы и должны достигнуть большей высоты и близости къ Нему, а также большаго уразумѣнія и умѣнія воспроизвести видѣнное, нежели мы остальные». И такихъ горячихъ признаній значенія А. какъ писателя встрѣчается въ письмахъ къ нему не мало. Чему-же онъ былъ обязанъ тѣмъ, что наконецъ дождался ихъ? Своей горячей вѣрѣ въ свое высокое призваніе въ соединеніи съ идеально-высокимъ понятіемъ о миссіи поэта. О послѣднемъ говорятъ многіе мѣста въ «*Сказкѣ моей жизни*» и въ письмахъ А., какъ напр.: «Это путешествіе отрыло мнѣ глаза на мою миссію. Я чувствую, что арена моей дѣятельности безконечно велика! Боже, дай мнѣ силы! Я чувствую, какъ велика и священна миссія поэта, которому дана возможность говорить тысячамъ! Только бы я всегда дѣйствовалъ, какъ должно, создавалъ бы одно хорошее, достойное!» (письма стр. 374) и «какъ возвышаетъ, но въ то же время и пугаетъ человѣка представленіе о томъ, что мысли его летаютъ по бѣлу-свѣту и западаютъ въ душу другихъ людей! Да, какъ-то даже страшно такъ принадлежать свѣту! Все, что есть въ человѣкѣ хорошаго, добраго, принесетъ въ такихъ случаяхъ благословенные плоды, но заблужденія, зло тоже, вѣдь, пустятъ свои ростки. Такъ невольно скажешь: Господи! Не дай мнѣ никогда написать слова, въ которомъ бы я не могъ дать Тебѣ отчета!» («*Сказка моей жизни*» стр. 173).

Замѣтки В. Блока даютъ поводъ лишь къ одному замѣчанію съ моей стороны; это вообще одна изъ лучшихъ статей объ А., которыя мнѣ приходилось читать. Отличаясь тонкостью и мѣткостью многихъ замѣчаній, она даетъ еще цѣнную для иностранной публики характеристику земляковъ А., столь необходимую для пониманія самой личности А. *)

Я не согласенъ съ профессоромъ В. Блокомъ лишь въ одномъ: онъ раздѣляетъ взглядъ Эдварда Коллина, не считающаго А. истиннымъ другомъ дѣтей, и тоже находитъ, что А. «не особенно благоволилъ къ дѣтямъ» (стр. 487). Между тѣмъ самъ Коллинъ, описывая, какъ А. нашелъ свою

*) Здѣсь будетъ кстати упомянуть объ одной изъ причинъ трактуемаго В. Блокомъ непониманія личности и значенія А. его земляками даже послѣ его смерти, когда къ „*Сказкѣ моей жизни*“ прибавилось еще нѣсколько источниковъ, изъ которыхъ можно было почерпнуть болѣе подробныя и вѣрныя свѣдѣнія о немъ. Дѣло въ томъ, что источники эти прямо недоступны для публики и по объему своему и по цѣнѣ. Чтобы не быть голословнымъ укажу на объемъ и цѣну послужившихъ матеріалами для IV тома этого изданія датскихъ подлинниковъ: „*Сказка моей жизни*“ (600 стр.) стоитъ 3 кроны; „*Прибавленіе*“ къ ней (166 стр.)—1 кр.; „*Письма отъ А.*“ I—II т. (563 стр. и 731 стр.)—16 кр.; „*Письма къ А.*“ I т. (689 стр.)—7 кр. 50 эре; „*Андерсенъ и семья Коллина*“ I т. (515 стр.)—8 кр.; итого 3,264 стр., стоющ. 35 кр. 50 эре, т. е. около 18 рублей (на 2 р. дороже полнаго собранія соч. А въ подлинникѣ, сост. XVII томовъ).

«сферу» творчества, (стр. 469) говоритъ: «Во многихъ семьяхъ, гдѣ А. бывалъ, были маленькіе дѣти, съ которыми онъ возился. Онъ разсказывалъ имъ разныя исторіи, частью сочиняя ихъ тутъ же, частью пересказывая старыя извѣстныя сказки. Но, что бы онъ ни разсказывалъ, свое-ли, чужое-ли, онъ разсказывалъ настолько своеобразно и живо, что дѣти бывали въ восхищеньѣ.» Въ точности указанія К. въ данномъ случаѣ сомнѣваться нельзя, а подобныя способность и желаніе А. «возиться» съ дѣтьми и тѣшить ихъ сказками, для которыхъ онъ выработалъ (опять таки руководимый, по моему, ничѣмъ инымъ, какъ извѣстною любовью къ дѣтямъ) столь подходящій и восхищавшій дѣтей языкъ, кажется, говорятъ за себя сами. Правда, съ годами А. сталъ меньше заниматься дѣтьми и даже какъ будто сторонился ихъ, предпочитая взрослыхъ слушателей, но и этому можно найти другое, гораздо болѣе правдоподобное объясненіе, нежели то, что А. будто бы разлюбилъ дѣтей. Не разлюбилъ онъ ихъ, а чѣмъ дальше, тѣмъ больше убѣждался въ томъ, что сказки его удовлетворяютъ болѣе высокимъ запросамъ, могутъ послужить кое-для чего повыше забавы для дѣтей, и невольно долженъ былъ какъ бы отстраниться отъ послѣднихъ, чтобы не укрѣплять за собою неправильно даннаго ему и справедливо оскорблявшаго его титула «дѣтскаго писателя». Этимъ же объясняется и его раздраженіе по поводу проэкта памятника, на которомъ хотѣли изобразить его въ кругу дѣтей. А. столько выстрадалъ отъ непризнанія его таланта и непониманія значенія его какъ писателя, что не могъ не вознегодовать на такую попытку укрѣпить за нимъ имя «дѣтскаго писателя» и послѣ его смерти, попытку, говорившую ему все о томъ же непониманіи (см. письмо А. стр. 388). Догадайся художникъ изобразить А. въ кругу не однихъ дѣтей, но и взрослыхъ, онъ бы вѣрно охарактеризовалъ А., и этому не было бы причинъ сердиться, а у людей не было бы главнаго повода сложить басню о нелюбви А. къ дѣтямъ. Вообще надо отдать справедливость землякамъ А.: они не понимали его и мѣшали ему когда и въ чемъ только могли. Но всѣ помѣхи и препятствія только возбуждали его энергію и такимъ образомъ помогали ему достичь намѣченной цѣли. И въ автобіографіи и въ письмахъ А. встрѣчается не мало мѣстъ, гдѣ онъ говоритъ объ этомъ гнетѣ, способствовавшемъ росту его духовныхъ силъ, какъ тотъ же гнетъ способствуетъ росту пальмы, какъ высокое давленіе создаетъ алмазъ. Взгляды А. вообще сразу обнаруживаютъ въ немъ одного изъ избранныхъ ратоборцевъ человѣчества, борцовъ во имя истины и любви, а такіе борцы, по мѣткому выраженію Сёрена Киркегора, всегда имѣютъ противъ себя двѣ силы: «*глупость*» и «*зависть*» окружающаго ихъ общества. Первая упорно преслѣдовала А. пока онъ не достигъ своей славы, вторая—послѣ того, какъ онъ сталъ знаменитъ. (Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ А. въ «*Прибавленіи*» къ «*Сказкѣ*

м. ж.» о встрѣчѣ его съ двумя литераторами послѣ возвращенія его изъ Одензе; стр. 319).

Условія, въ которыхъ пришлось развиваться А., характеризуютъ всѣ вообще маленькія страны, вродѣ Даніи. Если условія эти и оказываются, въ смыслѣ развивающаго средства, довольно таки тягостными, то всетаки нельзя не признать за ними надлежащей силы воздѣйствія. Этимъ-то, пожалуй, и объясняется, что такая сравнительно маленькая страна, какъ Данія, насчитываетъ среди своихъ сыновъ такъ много выдающихся людей. Въ Россіи, однако, извѣстны пока лишь немногіе изъ нихъ, да и то больше по имени; объясняется это обстоятельство общимъ незнакомствомъ съ Даніей, съ датскимъ языкомъ и съ датскими источниками. Замѣняющіе же ихъ нѣмецкіе не всегда, къ сожалѣнію, оказываются столь достовѣрными, какъ это вообще предполагаютъ. Я лично имѣлъ нѣсколько случаевъ убѣдиться въ томъ, что нѣмцы, особенно въ лицѣ энциклопедистовъ, прямо замалчиваютъ выдающихся датскихъ дѣятелей, или, если ужъ нельзя умолчать о нихъ совсѣмъ, ограничиваются тѣмъ, что даютъ самыя краткія, ничего не говорящія свѣдѣнія о нихъ.

Пополненіе по мѣрѣ силъ упомянутаго пробѣла въ русской литературѣ и является моей главной цѣлью. «*Собраніе сочиненій Андерсена*» первая попытка обстоятельно ознакомить русскую публику съ лучшими представителями датской литературы, и сочувствіе, оказанное ей русскимъ обществомъ, позволяетъ мнѣ надѣяться, что и послѣдующіе мои труды въ этомъ направленіи не окажутся излишними.

П. Ганзенъ.

24 Апрѣля
1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Сказка моей жизни	1
Прибавленіе къ «Сказкѣ моей жизни» (1855—67 г.)	261
Изъ переписки Андерсена съ его друзьями и выдающимися современниками.	320
1) Письма отъ Андерсена.	321
2) Письма къ Андерсену	389
Отъ Бастгольма.	»
» Брандеса.	390
» Бремеръ.	391
» Бурнонвиля	395
» Бьёрнстіерне Бьёрнсона	398
» Генріетты Вульфъ (адмиральши).	405
» Гауха.	410
» Диккенса.	419
» Ингемана.	421
» Коллина Іонаса	430
» Коллина Эдварда	432
» Линдъ Дженни	437
» Лэссё Сигне	438
» Тегнéра.	441
» Эрстеда.	442
Примѣчаніе.	443
Г. Х. Андерсенъ и семья Коллинъ	446
Замѣтки для характеристики Г. Х. Андерсена.	481
Библіографическія свѣдѣнія	493
Къ читателямъ.	496

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
Стр.	130	строка	18 сверху	борющуюся въ	борющуюся съ
»	149	»	17 снизу	babe	habe
»	338	»	2 сверху	чемъ	чѣмъ
»	345	»	8 »	свѣтъ	цвѣтъ
»	351	»	2 снизу	имена	имени
»	444	»	10 »	Slossêt	Slottet
»	447	»	10 сверху	обо	объ
»	474	»	2 снизу	kommor	kommer

Въ III томѣ осталось неисправлено:

»	487	»	5 сверху	грустить, грустить	грустить
»	»	»	14 »	Гуманный	Туманный

2020075175